

Николай Гливеря

ЮВЕНИЛИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Александрович Гиливеря

Ювенилия Дюбуа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70418062

SelfPub; 2024

Аннотация

«Ювенилия Дюбуа» – сборник ранних произведений, куда вошли романы, рассказы, сценарии, пьесы, поэзия, новеллы и дневники.

Содержание

Путанное предисловие к безбородым сочинениям под штампом deluxe edition, где самоуничтожение, как ни крути, раскрывается в форме гордыни, а представленный сборник переквалифицировался в орудие по закрытию литературного гештальта	15
Дисклеймер	19
Контркультурная диалогия	20
Заводной механизм эпохи декаDANCa	20
0.Пролог	20
1.Каникулы, бошки и рвота	24
2.Ну же, крошка, дай мне жару	49
3.Запах взросления	71
4.Лжец, интрижки и погоня	113
5.Ты ведь знал, что так будет	143
6.Подростковый эпилог	169
7.Новые декорации, буряты и рок	191
8.Суета гастарбайтера полукровки	221
9.Конура, мистер пуиhach и склады	255
10.Работник года встречает первую любовь	282
11.Богатый доставщик еды	307
12.Финиш, полный запаха фекалий	332
13.Эпилог	356

СВЯТО-ТЕСНО	362
Диалектика овального стола (1)	362
1. Дом и.д.и.о.т.-а	386
Диалектика овального стола (2)	425
2. Бойня (стансы классике)	433
Диалектика овального стола (3)	481
3. Отличник Гундя	490
Диалектика овального стола (4)	522
4. Успех на фоне девственности под овации её аппетита	537
Диалектика овального стола (5)	579
5. Хитрости телевизионного проповедования	591
Диалектика овального стола (6)	623
6. Седой дозор	629
Диалектика овального стола (7)	673
7. Грязный дуэт	680
Диалектика овального стола (8)	712
8. Вечная преданность	716
Диалектика овального стола (9)	748
Эпилог	755
Постскриптум	760
Рассказы	762
Чужой доктор	762
Трезубец и Сеть	779
Грамотный конец	792

Счастливая смерть	798
Семь причин	804
Преступление	812
Рассказ, переведенный с русского на корейский, с корейского на японский, с японского на непальский, а с непальского снова на русский	814
Неожиданная концовка	816
Пилотка	821
Верность	827
Каркас животного из цинка	849
Записка	884
Пьесы. Сценарии	889
Тревожный человек	889
Комар из трущоб	917
Эдипов язык	967
Новеллы	996
Эта долгая зима провинции	996
29 ноября	996
30 ноября	1001
2 декабря	1007
3 декабря	1013
4 6 декабря	1019
8 декабря	1019
10 декабря	1024
11 декабря	1030

14 декабря	1034
15 декабря	1040
16 декабря	1046
18 декабря	1053
19 декабря	1058
20 декабря	1062
23 декабря	1066
24 декабря	1070
26 декабря	1074
29 декабря	1076
31 декабря	1082
Степь Бонжа	1087
Портрет по завету Кимитакэ	1230
Несколько слов перед началом	1231
Глава первая	1232
Глава вторая	1297
Глава третья	1360
Глава четвертая	1422
Эпилог	1483
Поэзия, не вошедшая в сборник [СТЕНА]	1496
Свои нужды	1496
Акации	1497
Сварог	1498
Затянутые шторы	1499
Переключатель	1500
Новые двери	1502

Молитва	1504
Я	1506
Наваждение сна	1507
Зима в апреле	1508
Метания	1509
В рок-пабе	1510
Северный ветер	1511
Под тромбоны	1512
Новый день	1513
Импровизация 2	1514
Нож	1515
Пракситель	1517
Перед расстрелом	1518
Компас	1520
Меланхолия	1521
Нет	1523
Под чем-то	1524
Импровизация	1525
История	1527
Странники	1528
Вагабунд	1529
Царствование	1530
Щеголя пора	1531
Ближе, чем херувим	1532
Композиция 1	1534
Вера	1536

Композиция 2	1537
Урок русского	1539
Голод эстетики	1541
Композиция 3	1543
Trois lumieres, Trois sombres	1545
Под напором стен	1551
В свете темноты	1552
Вокруг	1553
Отражение себя	1554
Срыв тормозов	1555
Вошь	1556
Крысы – мыши	1557
Тайная ночь	1558
Изгнание	1560
Непостижимость	1561
Она в фиолетовом пальто	1562
Чужие планы	1563
Спасаться от	1564
Под карнизом	1565
Новый приход весны	1566
Гора Сэнкше	1567
Хождения	1568
Гавань	1569
Гречка с хлебом	1571
Контроль	1572
Во сне	1573

Сила полёта	1574
Где ты	1575
Элегия музыке	1577
Дневник помешанного	1578
1.	1578
2.	1579
3.	1581
4.	1582
5.	1584
6.	1585
7.	1586
8.	1588
9.	1590
10.	1591
11.	1592
12.	1594
13.	1596
14.	1597
15.	1605
16.	1606
17.	1607
18.	1608
19.	1610
20.	1611
21.	1612
22.	1613

23.	1614
24.	1616
25.	1617
26.	1618
27.	1619
28.	1620
29.	1622
30.	1623
31.	1625
32.	1627
33.	1629
34.	1630
35.	1631
36.	1632
37.	1633
38.	1634
39.	1635
40.	1636
41.	1637
42.	1638
43.	1639
44.	1640
45.	1641
46.	1642
47.	1643
48.	1644

49.	1645
50.	1646
51.	1647
52.	1648
53.	1649
54.	1650
55.	1651
56.	1652
57.	1653
58.	1654
59.	1655
60.	1656
61.	1657
62.	1658
63.	1659
64.	1660
65.	1661
66.	1662
67.	1663
68.	1664
69.	1665
70.	1666
71.	1667
72.	1668
73.	1672
74.	1673

75.	1674
76.	1681
77.	1682
78.	1683
79.	1684
80.	1686
81.	1687
82.	1691
83.	1692
84.	1693
85.	1694
86.	1695
87.	1696
88.	1697
89.	1698
90.	1699
91.	1700
92.	1701
93.	1702
94.	1703
95.	1704
96.	1705
97.	1707
98.	1708
99.	1709
100.	1722

101.	1723
102.	1724
103.	1725
104.	1727
105.	1728
106.	1729
107.	1730
108.	1731
109.	1732
110.	1734
111.	1735
112.	1736
113.	1737
114.	1738
115.	1739
116.	1740
117.	1741
118.	1742
119.	1743
120.	1744
121.	1745
122.	1746
123.	1748
124.	1749
125.	1750
126.	1751

127.	1752
128.	1753
129.	1754
130.	1755
131.	1756
132.	1757
133.	1758
Бонусный роман 2007 2008	1759
Однажды очнувшись – умереть	1760
Часть 1. Обратный отсчёт жизни	1760
Часть 2. Время перемен	1788
Часть 3. Пригород Далвич	1848
Часть 4. Гиббс торжествует	1932
Эпилог	1977

Николай Гилливеря Ювенилия Дюбуа

**Путанное предисловие к
безбородым сочинениям
под штампом deluxe edition,
где самоуничижение, как ни
крути, раскрывается в форме
гордыни, а представленный
сборник переквалифицировался
в орудие по закрытию
литературного гештальта**

Один великий человек однажды написал: «В углу стоял круглый стол овальной формы». Казалось бы, хрестоматийный пример писательского «ляпа», который наглядно демонстрирует фактическую невозможность корректуры произведения самим автором. Чтобы случайный читатель понимал, я заранее готовлю его к своему «авторскому (невежествен-

ному) почерку» с кучей ошибок, ведь даже сейчас, спустя много лет, я остаюсь не самым грамотным человеком, да и ресурсов на редактора для такого объёма текста у меня просто нет.

Сумбурное начало предисловия, но что взять с самоучки?

К слову, обличая миф про ошибки Достоевского, добавлю, что, в отличие от меня, Фёдор Михайлович знал о данном моменте в романе и специально его оставил, ведь в те времена действительно продавались круглые (овальные) столы, умеющие раздвигаться при необходимости.

Теперь, когда честь безусловного эталона русской литературы была восстановлена, а своя безграмотность особо подчеркнута, можно вернуться к началу начал.

Ещё в двенадцать-тринадцать лет, после просмотра фильма «Тайное окно», я загорелся идеей стать писателем. Тогда мною двигала тяга к самолюбованию, где на пьедестал почёта вскарабкались такие поверхностные аспекты творческой деградации, как слава, деньги и общий душок успешно организованного быта.

Первый в жизни роман был написан за год. В нём ребёнок умудрился сосредоточить всевозможные штампы, которые неумело черпались из потребительской культуры тех лет, поэтому роман вышел не романом, а чем-то соответствующим слову «нелепость». Первая работа! Да, и первое откровение, которое в дальнейшем расставило точки может и не в правильных местах, но умудрилось донести главную мысль: пи-

сатель и писатель в промышленном значении – абсолютно полярные аборигены.

Встал серьёзный вопрос: кем же я хочу стать? Знаменитым и успешным (но тогда придётся подстраиваться под рынок) или никому не нужным, но писать то, к чему тяготеет ум и сердце? Вторым вариантом возобладал. Романтическая и наивная натура вышла на первый план, сформировав в голове некий культурный конструкт «вопреки».

Разумеется, с опытом стало ясно, что выбранный путь оказался неповторимым только на 1\3 часть, оставив 2\3 вещам, которые невозможно изменить:

1. Влияние «не такой культуры» (заменившая собою попу, что привело только к смене деталей или, если говорить проще, иной вкусовщине).

2. Общая скудность тем и обозначенного конструкта, заложенные культурным кодом человека и непосредственным его прогрессом (ли?)

Став заложником контркультурных настроений, я тренировался писать дерзкие, хохмачные и социально мерзкие вещи, веселившие и впечатляющие тогдашнего меня, но ставшие в итоге изгоями в контексте продукта, как интеллектуальной собственности в перспективе. Некоторые рассказы и пьесы публиковались в журналах, романы же выкладывались на свободные поля, но, так и не найдя своего зрителя, канули в Лету.

«Ювенилия дюбуа» – своеобразная попытка закрыть ли-

тературный гештальт, утрамбовав черновые произведения юности в одну твёрдую форму, где они смогли бы обрести покой. Этот сборник создан не столько для зрителя, сколько для меня самого. Но если вдруг найдутся любопытные умы, то не обижайтесь и не принимайте написанное близко к сердцу. У всего этого оформленного непотребства есть одна важная черта, показывающая сложный и неизведанный путь по достижению фактически неосуществимой цели: стать художником без видимых на то задатков.

Если бы меня спросили, как выглядит мечта? Я бы показал именно этот сборник, где собрались мыслимые и немыслимые ошибки, темы и откровенные пробы, ведь именно собственные неудачи и безответная любовь к литературе заставляют идти на ощупь, зная, что скорее всего мне предназначено упасть в пропасть, панически смеясь над собственным полётом.

Дисклеймер

Представленные работы подверглись минимальной редакции и более серьёзной цензуре в контексте Российского законодательства. Так что фрагменты с пометкой [ЦЕНЗУРА] придётся додумывать самостоятельно (контекст в помощь).

В работах присутствует ненормативная лексика, употребление запрещённых веществ, аморальное поведение с полным набором деконструктива.

ПОЭТОМУ, ПРЕДУПРЕЖДАЮ (!)

Все имена, герои и ситуации – вымышленные. Данный сборник произведений ни в коем случае не занимается пропагандой аморального поведения, употребления запрещённых законом веществ и прочего набора непотребств, которые могут пагубно повлиять на психологическое и физическое здоровье.

Произведения создавались исключительно в творческих целях. В них рассматривается маргинальная изнанка общества, как акт нездоровой тяги к саморазрушению.

Строго для читателей 18+

Контркультурная диалогия

Заводной механизм эпохи декаDANCa

0. Пролог

Иногда, как сейчас помню, я лежал в постели под беспокойным покровом ночи, когда внешний, окружающий меня мир погружался в беспокойную власть стихии. С окна, через малую щель задувал настойчивый ветер, а мелкий град аккомпанировал ему шумным ритмом по карнизу.

В такие минуты, а бывало и часы, в голову лезли разные мысли. Но неизменно, на тот период жизни, меня особо интересовало две темы: женщины и смерть. Смерть и её формы были куда интереснее мыслей о женщинах, учитывая, что все фантазии эротического подтекста заканчивались беспощадной мастурбацией. А вот смерть – её тайна, частая её нелепость, её трагизм... Эти рассуждения приводили меня в полнейший страх и безумие, иногда доводя изнеженный дух до полной апатии.

Я часто пытался представить себя в чужой шкуре, желая ощутить это последнее чувство потери самого дорогого, что есть – себя. Когда ситуация выходит из-под контроля; когда уже не в твоей власти изменить весь ход ситуации; когда последнее, что остаётся – наблюдать. А тело, его разрывает жар. Сердце стучит так сильно, что ещё немного и потеряешь сознание, но этого не происходит. Когда до последнего уверен, что случится чудо, что ты останешься жив и невредим; когда, будучи всю жизнь был закоренелым атеистом, а тут вдруг вспоминаешь никогда не слышанную молитву, которая направлена к богу, которого ты никогда не любил и не ставил ни во что.

Мерзкое чувство жалости к самому себе. Загнанный зверь, протканный острыми копьями безжалостных браконьеров. Вот кожа твоя горит, внутренности твои горят, и ты безумен, безумен! И не быть тебе больше. А затем, под общий шум – ты засыпаешь, не заметив своей последней фразы, своей последней мысли. Ты засыпаешь, и это похоже на смерть, на инсценировку. Репетируешь собственный уход, привыкая к чувству забвения. Но все равно никогда не получится разгадать, а тем более свыкнуться с мыслью о своём несуществовании.

Сейчас декабрь. Воздух здесь совсем стал ледяным. Он смешивается с северным ветром. Он пронзительный и беспощадный. Ему ничего не стоит проникнуть в крошечные щелки толстой куртки, кусая тонкую кожу хрупкого чело-

веческого тела. Природа медленно, но верно переходит в стадию анабиоза, окрашиваясь в серые тона бессолнечного неба.

Каждый год, вот уже на протяжении многих столетий, люди погружаются в темноту, ожидая далёкую весну с её многочисленными температурными плюсами и минусами неизвестных событий. Каждый год кажется, что холод никогда не закончится, что тело каждый день нужно прятать за многочисленным тряпьем, дрожа на улице имеющимся нутром с утра на пути от дома до работы, где глаза будут видеть сплошную темноту.

Когда твоя жизнь висит на волоске – всё меняется. Под этим «всё» я имею в виду отношение к вещам, мыслям, настроению. Уходит присущая дерзость и уверенность. Она заменяется сначала на страх, затем плавно перетекая в глубину и лирику. Из лексикона уходят бранные слова-паразиты, разве только *blyat`* может проскользнуть по языку вибрацией в критический момент; на секунду, в последнее мгновение существования деятельности мозга.

Боюсь, что и меня постигнет подобная участь, учитывая положение, в котором я нахожусь.

Спокойствие, которое мне ранее было не присуще, вдруг окутало тело и мысли. Ни это ли называется смирением? Или же, просветлением? Боль грядущего притупилась. Я чувствую себя гордым капитаном тонущего корабля без права на позорное бегство.

Воздух холодный. Очень быстро сбивается дыхание, приходится дышать через рот. Ноги наполнились свинцом. Колени пару раз задевают острые ветки, продирая себе дорогу кровью. Ступни балансируют на замёрзшей почве, усеянной камнями и мусором неблагодарных людей. Хочется упасть, но нельзя. Несмотря на то, что я ушел в самую глушь, ещё есть пара жилых домов.

Немного проковылять, уйти чуть дальше, а затем тело моё пробьет сильнейшая боль. Я получу ответ на свой главный вопрос и унесу его с собой в место, куда не добраться даже перелетным птицам.

Господи, как жаль, что ты фантазия наша. Человеческий великий вымысел – надежда. Я бы все отдал, чтобы в трудный час ты был со мною духом, а я, в свою очередь, отдал бы тело свое. Но сказки на то и сказки...

В голове каша. Я пытаюсь уцепиться за счастливые фрагменты своей маленькой жизни, стараясь сосредоточенно отыскать их в хаотичном потоке. Но понимаю, что на пороге своего несуществования, абсолютно каждая секунда стала в равной степени дорога мне вне зависимости от контекста. Вся моя жизнь преобразилась в дорогой, цельный изумруд, который я умудрился так скоротечно проебать. До мерзкого последнего звоночка остаётся минут пять, может шесть. Я больше не смотрю на время, дабы увековечить мгновение своего осознания.

Без сил, весь в поту, продутый ветром до дрожи, я падаю

навзничь на этом вонючем пустыре, чтобы вспомнить главное; понять: как я умудрился дойти до такого pizdeca?

Не каждый день случается носить на себе пояс с взрывчаткой и ждать собственной смерти.

1.Каникулы, бошки и рвота

Недели две-три назад Б. гонял в лес с какой-то малолеткой. Не знаю уж чем они там занимались, но по итогу Б. набрёл на поляну, усеянную дичкой.

На следующий день он пригнал с корешем на тачке, прихватив немного пластмассы. И да, Б., мать его, наполнил доверху два этих пакета. Неплохой улов. А где улов, там и всеобщее мракобесие.

Вчера мой контакт обновился долгожданным сообщением от Б. о завтрашней движухе. Замётано брат. У меня нет дел ни сегодня, ни завтра. Я за любой кипиш, так и знайте.

Утро в полдень застаёт меня неожиданно. Солнечные лучи превратили тело в сплошной пот. Я ворочаюсь на спине. Кряхтя, пытаюсь прийти в себя, напоминая себе беспомощного жука. Во рту пересохло. Нужно начать чистить зубы на ночь.

Сегодня вечер веселья. С кухни доносится треск раскалённой сковородки, на которой раскинулись две яичницы. Это мама готовит мне завтрак. Вяло желаю ей доброго утра,

направляясь в ванную комнату. Какое все-таки блаженство в жаркую погоду принять холодный душ. Прохлада погружает грязное тело в сладкую истому, вдыхая в него жизнь и бодрость. Мои подмышки и гениталии заросли густыми волосами. В ближайшее время нужно бы побриться, но пока нет особой нужды и мотивации.

После съедаю свою законную двойную яичницу с кофе. «Спасибо мам, было вкусно, посуду помою вечером». Через час она помоеет её сама, понадобится мойка для готовки обеда. Интересно: сегодня будет курица с макаронами или говядина с гречкой? Одно из двух.

Наспех иду в зал. Телевизор, как и всегда, работает вхолостую. На экране мелькает блондиночка лет тридцати. Из динамиков доносится реклама платья, которое висит на теле ведущей сомнительным контуром. Чтоб ваши магазины на диване eblis`в sraku. Достаю свои потертые джинсы. Затем натягиваю просторную футболку и носки на добивку. Пару раз провожу расческой по коротким волосам. Нужно ненадолго выйти.

В ближайшем продуктовом покупаю пачку сигарет. Шмалю под навесом старого дерева, прячась в теньке от солнца. Хорошо. Хотя, если честно, ненавижу лето. Никакого комфорта. Очень раздражает постоянно потеющее лицо, которое покрывается вонючим жиром. А ещё потеет задница и ноги. Да всё тело словно в говне, будто и не мылся. Сколько уже лет упрашиваю купить домой кондиционер, но понима-

ете ли: «Сынок, отец читал мне статью, где говорится, что это вредное der'mo». Да. А потеть как свинья, жить в неудобстве, тратя свои нервные клетки, не вредно? Конечно, спасибо большое. Ладно, проехали.

Во дворе никого нет. Несколько сопляков на лазелках. Парочка бабуль на лавках. Походу все адекватны на работе. Мама-то у меня домохозяйка, может себе позволить, учитывая неплохую работу отца. В grebanном посёлке городского типа «хорошая работа» – редкость. Толковые ребята отсюда сваливают при любой удачной возможности. Уезжают в большие города там, и правильно делают. В подобных местах можно только разве доживать свой век, да старчиваться.

В соседнем доме, где живет Р., челюки прям в падице на третьем этаже варят крокодила. В подъезде их часто можно встретить под нехилым кайфом. Постоянно валяются грязные ватки со шприцами на пару. Сосед-пожарник периодически их pizdit, но всё впустую. Всем плевать. Товарищам полицейским нет дела до каких-то малолеток, что ставятся ядовитым der'mom. Такие проблемы решаются сами. Торчки – зомби по определению. Другое дело, если один из таких vsratishei совершит грабеж там или spizdit мобилу у изюма. Тогда начинается вялое разбирательство, да и искать pizdyuka долго не приходится. Этот недогород слишком мал, чтобы в нём можно было раствориться.

Знавал я двух представителей жанра. Любили поиграть в плохишей. В магазинах воровали по мелочи, стёкла били у

машин. Однажды их прижал молодой legash. Парни обосрались, не хотели там свершения правосудия. Решили пару раз врезать форме по голове. Вдвоем на одного – обычное дело для местной фауны. Так вот, по итогу они немного перестарались, нечаянно убив пацана. А сделали они это где? Правильно: у своего же blyat' дома. Под окнами с кучей старой перхоти, которая только и занимается слежкой за человечеством. В тот же день konchennyh удачно скрутили, отправив на заслуженную бутылку. И таких историй куча.

Я и кореша – дело другое. Мы никому не мешаем жить, пока не мешают нам. Если парад веселья, то в меру. Когда пьём на лавках, то громко не орём и не пристаём к прохожим. Если катаемся на досках, снимая трюки, то делаем так, чтобы по минимуму мешать прохожим. Но если какая-то vaflya даёт нам повод... если гопник или алкаш начинают бузить на ровном месте... тогда лучше ему родиться обратно или, что более реально, ретироваться подальше. Без особых предупреждений маленькие гиены набрасываются на обидчика, прокусывая кадык. Наши удары бесконтрольны и беспощадны. Собаке – собачья смерть. Обычно подобные хмыри сваливают, поджав свои гнусные хвосты и только слышно: «Uebki, крысы малолетние, твари!» – поистине жалкие звуки низших существ.

Мне нравятся мои пацаны. Если что, без всякого там govnomesnogo pidorstva. С ними я чувствую себя уверенно и относительно безопасно. Мы стоим горой друг за друга. Вме-

сте смеемся, палим там говно, вместе негодуем. Поодиночке нам не выжить. Здесь свой особый суровый климат, где каждый человек озлоблен на свою несчастную судьбу, вынужденный растрчивать уникальность момента на проблемы и нищету. Я надеюсь, что придёт время, когда смогу вырваться на свободу, где смогу вдохнуть полной грудью воздух, не испорченный чужим бздежом.

Вторая сигарета докурена. Надо немного проветриться, чтобы не так сильно пасло табаком и можно домой. До общего сбора остаётся часов пять. Можно ещё раз принять холодный душ и посидеть за компом, а может порисовать. Настроение уж больно непонятное. Хотя, лучше пойти домой сразу, пусть воняет. Если повезет – мама не учует.

В квартире ужасная духота, да ещё пространство провоняло едой. Силуюсь подавить свой крик, переправив его энергию во внутреннюю злость. Чувствую, как лицо становится пунцовым. Нужно всё же снова помыться.

Закрываю глаза, погружая голову в ледяной водопад. Думаю о Н.. Это мои первые серьёзные отношения, да и, честно говоря, просто первые отношения. Встречаемся мы уже около пяти месяцев. Н. семнадцать, она старше меня на год. Я нашел её в дурацком приложении и просто написал. Наше общение долгое время оставалось виртуальным. А потом... да какая разница, паһиі я вообще вспоминаю? Главное – это её большие еврейские глазки, губки, сшитые толстым бан-

том, да упругая жопка.

Н. – девственница, как и я. За всё время мы только вскользь заговаривали на подобные темы, но становилось как-то неловко и страшно. Наши отношения пока ограничиваются прогулками, поцелуями, да моими шаловливыми ручонками, которые успевают полапать самые вкусные места. Даже сейчас, стоит только подумать о её теле, как меня охватывает жгучая эрекция. Din-don становится настолько твердым, что, если не удовлетворить его просьбу, то он просто зарежет меня. Ей богу, господу присяжные, я готов поклясться на чём угодно. Иногда он настолько крепко стоит, что становится просто больно. У меня не остаётся иного выбора, как сжать его покрепче, и с маниакальной грубостью и жестокостью начать топить на фантазии eblі с Н..

Ещё немного постояв под напором воды, выхожу, наскоро вытираясь. Взгляд матери на секунду кажется осудительным. Фантазия дорисовывает догадку, что она могла слышать странный ритм плеска воды, напоминающий подростковую drohku. Но вот я уже в своей комнате и более не задаюсь вопросами, ответы на которые могут оказаться неприятными.

Моя комната. Разложенный диван, обои цвета мяты, деревянные рамы окон. Золотистые занавески в цветок, люстра в виде штурвала корабля, большой шкаф. Кроме двух полок с дверцами есть полка для книг и стол. Завершает спи-

сок очень неудобный стул. Ещё один такой же стоит в противоположном углу.

Достаю тетрадь в клетку. Вроде на девяносто шесть страниц, но по ней не скажешь. Обильное количество листов было вырвано по разным причинам. В основном в эту тетрадку идут всевозможные гадости, а ещё высерные рисунки, чтобы морально расслабиться. Привести мысли в порядок, так сказать. Найти точку опоры.

Последний сделанный рисунок являет собой помесь раздавленного жука с человеческим (приблизительно женским) лицом и огромными титьками. На уровне раскинутых ног виднеются спиралевидные густые линии – это влагалищные волосы. Подпись на комиксовый лад гласит: «Умоляю, viebu меня своим огромным hueem». Это моя одноклассница. Вспоминая её (изуродованное тупостью) лицо и поведение шлюхи – начинаю смеяться в голос. Рисунок, разумеется, ужасный, но как я точно уловил суть! Невероятно. Иногда удивляюсь самому себе, как же ты бываешь хорош, парень, хоть и в бессмысленных вещах.

Отсмеявшись, переворачиваю на чистый лист, беру шариковую ручку. Сегодняшний релаксный рисунок будет посвящен тусе, либо её последствиям, а может процессу. Скорее преувеличенного, не существующего образа, но отображающего грядущее эмоциональное состояние. Знаете, это такое состояние, вроде трепетной тайны. Запретный плод всегда желанней того, который можно взять со стола. Нарушение

закона – возможность словить эмоциональный кайф.

В середине листа вырисовываю большой пакет с ручками по обе стороны. Он пузovатой формы, ведь в нём теперь по очереди появляются комки der`ma. Хотя сейчас они больше напоминают деформированную форму брокколи.

Теперь чуть правее и выше рисую uebka. Придаю ему свои черты лица. Карие небольшие глазки, нос картошкой, кривые зубы с яростной ухмылкой. Да, у этого засранца будут спущены штаны. Его средних размеров din-don трансформирован в подобие бутылки. Яйца закинута наверх основания ствола. Там виднеется широкая дырка, на которую натянута фольга. Торчат забитые бошки. Рука с зажигалкой рисуется рядом, она готова запалить стафф. «Принимать», естественно, нужно через головку.

В оставшихся пустых пробелах появляются морды, подходящие на лица людей. Глаза их устремлены на пылающий эрос; на благодать их разума и тела. Да. Они все исходят слюной. Каждый хочет прикоснуться к священной трубке и вобрать в себя, отравив мозг. В завершение рисунка добавляю на фон окно с подоконником. На нём увядшие цветы. Никто их не полил, не позаботился. Они сами по себе, вынужденные чахнуть от постоянного недостатка влаги. На полу появляется ковёр, а ещё маленькая кошка, которой нет дела до происходящего. Готово.

На меня накатывает странное чувство. Редкое der`mo, но не в первый раз. Чувство типа одиночества. Я смотрю на

свой рисунок, и единственная эмоциональная связь возникает только с цветами. Они одинокие и засохшие куски говна. Но действительно ли одинок и я?

Что-то я расклеился. Нельзя хандрить, так можно совсем превратиться в брюзжащую старую перхоть или в какого-то pedika. Я беру ручку и что есть сил, начинаю замазывать это растение, придавая ему форму стилизованного din-dona.

На часах четыре тридцать. Наскоро обедаю, запивая традиционно крепким кофе. Наступает самая сложная часть операции. Нужно сказать своей любимой матушке, что сегодня вечером её зайчик не придёт ночевать. И нужно обставить всё так, чтобы она была уверена, что я не бухаю и не торчу, при этом стрельнув приличную сумму денег.

Сейчас прошу выключить звуки мобильных, отвести детей от экрана и внимательно следить за работой профессионала. В такой ситуации нужно действовать аккуратно. Ложь не должна выглядеть явной. Нельзя травить родственника откровенной чепухой. Близкий человек заслуживает красивой лжи, той, которая не заставит его чувствовать беспокойство за тебя-любимого.

Шаг 1: сообщить сам факт тусовки под видом просьбы. Немного польстить тем, что человек имеет авторитет и вес в твоей жизни (что, конечно, от части, является правдой).

Шаг 2: перечислить имена ребят, которые там будут. Самое главное, чтобы в списке был близкий друг, с которым матушка обязательно хорошо знакома и считает его хорошим

мальчиком.

Шаг 3: сказать между делом, что вы собираетесь небольшой компанией, просто посмотреть фильм или stand-up какого-нибудь комика. Главное – детализация. Название фильма, сюжет, почему его так долго ждали и пр.

Шаг 4: после одобрения нужно попросить немного наличных. Не самый типа обязательный пункт, но всем ребятам выдадут на лапу зелени. Все купят ништяков общяком. Я ведь не белая ворона? Пожалуйста, максимум одна бутылка безалкогольного парного молока, я же не пью, сама знаешь.

И при этом никакого словесного поноса, то есть отключить свою обычную уличную речь. Стать настоящим дипломатом. Нужно предстать тем самым парнем из фильмов, который договаривается с бандитами о безопасности заложников. Каждое слово взвешено, каждое предложение – sranіy кусок добытого алмаза.

И, готово.

Как итог: благодарные обнимашки, чмок в щёчку и филка в кармашке. Телефон не выключать – если что – всегда на связи.

Через десять минут я и Р. уже идём по дворам навстречу веселью. Солнце потихоньку s`ebivaet с зенита, но всё еще продолжает ненавязчиво светить, приятно грея спину.

Вот он, Б.. Сидит на обшарпанной лавке у своего подъезда. Его тяжело не узнать. Рост чуть выше нормального че-

ловека, патлы длинные – светлые. Пол-лица занимают толстенные очки-иллюминаторы. Шмот потасканный, но на Б. смотрится стильно. Самая бросающаяся черта в его внешности – его зубы. Они blat' как у кролика из мультфильмов, ей богу, да и в придачу торчат гигантские дёсна. Завидев нас в нескольких метрах, Б. начинает широко улыбаться, оголяя свой ротовой pizdes на всеобщее обозрение. Вы не поймите меня неправильно, я не принижаю права людей, у которых такая же пугающая улыбка. Обычно я на таких вас просто не смотрю. Но и вы поймите меня: я говорю сейчас о своём кореше, которого мне часто приходится видеть. Думаю, будет честно признать тот факт, что люди имеют право выговориться, особенно на счёт своих корешей.

Он встречает нас фразой: «Че как, мазофакеры?» – стараясь придать себе киношный шарм, который присущ обязательным говнюкам. Когда к нему прилетает ответный вопрос (а задан он исключительно из вежливости, потому как по факту всем глубоко насрать как у кого дела), то Б. отвечает своей коронной фразой «Всё zaebis'. Нормальное der'mo».

Чтобы вы понимали, у этого человека есть два состояния: «нормальное der'mo» и «ненормальное der'mo». Так уж сложилось исторически за восемнадцать лет его жизни.

Б. старше меня и Р. на два года, но разницы вообще не чувствуется. Наше поколение не печется о возрастных рамках. Они мало кого волнуют. Главное, чтобы всем было по кайфу присутствие того или иного человека. Б. – веселый

и ebanuty. Даже, наверно, слишком. Иногда из-за его повышенной активности я начинаю чувствовать апатию. Он вроде начинает эмоционально иногда подавлять. И так не только с ним. Подобное бывает не прям часто, поэтому я не собираюсь бороться. Может я не самый сообразительный засранец на сером свете, но мне точно хватает мозгов в нужных ситуациях принимать правильные решения. Бывает лучше спустить что-то на тормоза, лишний раз не высовываться, да и просто промолчать.

Мы идём в сторону ближайшего магазина. Нужно закупиться ништяками. Я вкидываю всю имеющуюся у себя наличность с условием, что мы возьмем две пачки сигарет. Р. не курит, но я и Б. дымим, как лучшие слесари. На всю ночь две пачки – оптимальное количество, ей богу.

В маленьком магазине продавщица смотрит на нас подозрительно. Трое оборванцев. Вечер. Наваром от нас не пахнет, но suchka знает (насколько позволяет моя выдуманная эмпатия предположить), что мы и не те школьники, которые заходят за конфетами. Она нас прочитала; она знает, что сейчас мы возьмем множечко бухлишка. Эта полная rogatka уже предвкушает на своих губах волшебную фразу: «предъявите паспорт». И когда это действительно случается, Б. резко достаёт свой измятый документ, тыча бабе в лицо так, будто показывает средний палец.

Suchke приходится проглотить наш толстый аргумент. Немного поломавшись со своим внутренним голосом недо-

верия, она пробивает покупки, отдавая горсть мелочи сдачи. Теперь мы вооружены. Три мушкетера. Три – потому что никто больше не согласился на сомнительную тусовку в выгребной яме Б., так что наш альянс равнобедренного треугольника (что я blyat на радостях несую?) будет упиваться плодами лучшего, что может нам дать этот мир. Тем более, пиво мы взяли по скидке, его количеством можно наполнить даже grebannуу ванну.

Б. живёт в квартире с отцом и сестрой. Мать после развода очень быстро смогла найти себе мужика, с которым уже успела завести ребёнка. Хоть Б. поддерживал с ней хорошие отношения, (да и жила она не так далеко, всего в двух кварталах) познакомиться с ней мне так и не удалось (nahуya?). Отца же я знал в лицо, даже перекидывался несколькими фразами. Обычный работающий мужик. Возможно немного скрытный и молчаливый, но это только добавляло ему веса.

В коридоре неизменно нас встречали вишневые обои. Не знаю, как объяснить, но такой цвет всегда ассоциировался с чем-то blyatskim. Создавалось ощущение, будто я попал в закрытый стрип-клуб, где мерзкие губища могут тебе ещё и pososat` за бутерброд. Начало всегда заставляет меня улыбнуться, почувствовав себя дядькой, у которого есть секреты от семьи.

В квартире три комнаты, одна из которых является проходной в комнату Б.. Это комната отца, и обойти её просто невозможно. В ней более привычные обои: старые, наклеен-

ные в конце девяностых-начала нулевых. По периметру висят картины с пейзажами и портретами. Как потом выяснилось, дед Б. был художником и даже состоял в союзе, пока алкоголь не довёл его до могилы.

В целом квартирка достаточно ламповая, атмосферная такая. По углам раскиданы кучи старого барахла, даже швейная машинка хрен знает каких годов. Комната Б. отличается своими более маленькими габаритами и деталями. В старую мебель натканы журналы про музыку, всевозможные книги современных авторов, банданы, разбросанные носки. Базовая одежда навешана на спинки стульев. Рядом с компьютерным столом стоит старенькая гитара. Короче, типичная комната разгильдяя. Самое стрёмное, этот засранец не удосуживается хотя-бы протирать пыль время от времени. Я не подарок, но blyat', пыль я просто не переношу! У меня нет аллергии и прочего дер'ма, но пыль меня раздражает фактически. Я ненавижу её видеть, так как начинаю чувствовать её. Будто снова становлюсь грязным. Ну да ладно, что-то я завёлся. Не в первый раз, живём.

Начинаем доставать из пакетов ништяки. Пиво сразу в холодильник, никто не собирается летом пить мочу. Сухарики с чипсами кидаются на засаленный диван. Сигареты летят на кухонный стол. Вся семья Б. курит, поэтому никто в этом доме не скрывается.

После Р. начинает шарить за занавеской, отыскивая долгожданный мешок говна. Чёрт, он действительно забит до-

верху! Подсушенные девчонки пахнут восхитительно. Даже не знаю с чем можно сравнить. Скорее с сухой травой, которую сначала подпалили, после смокнув в ароматизированном масле, затем дав постоять на солнце с недельку. И когда вот резкий запах гари и масла выветрился – остался благородный аромат.

Прежде, чем начать забивать – идёт прелюдия. Р. идёт к холодильнику, разливает мушкетёрам (надеюсь он не плюнул мне в кружку) холодного пива. Мы осушаем их почти сразу. Духота дома стоит приличная, во рту уже давно пересохло. Начинает разгоняться болтовня и веселье. Хотя, по большей части болтают Б. и Р., а я выступаю в роли человека, который докидывает в их словесный костёр дров, но только иногда, дабы тот не потух. Мы стоим, курим на кухне, а после, налив ещё пивка, идём в комнату.

Я отлучаюсь на минутку, надо позвонить маме и сказать, что всё «ок». Эти сальные прыщи смеются надо мной, но я уже привык. Смех-смехом, а матушка доверилась мне, я буду ответственным сыном. Да и не хочется, что бы она потом звонила сама, когда я не смогу нормально ворочать языком.

Быстро перекинувшись парой слов, возвращаюсь в комнату. Б. успел включить компьютер. Выбор пал на спешл Дэйва Ш.. Это такой чёрный комик. Я видел с ним только отрывки, но поверьте, этот парень просто бог по части юмора. Я бы даже сказал: его шоу – библия в мире юмора. Что бы так шутить – одного таланта мало, нужно много чего пережить.

Иногда страшное, порою экстремальное, несправедливое, а после найти в себе силы увидеть ситуации с другой стороны. С той, где темная завеса сменяется радужными переливами игры слов. Вот так-то!

Б. и Р. о чём-то базарят, но я стараюсь их не слушать. Просто смотрю на этого чёрного парня. Смотрю, как он стоит за кулисами, и ведущий вот-вот объявит его со сцены, и тогда он ворвётся, чтобы порвать зал (и нас заодно) наповал. Показать свою сил. Когда он наконец выскакивает на сцену под бурные аплодисменты, Р. и Б. закрывают свои гнилые варежки. И я им, блин, чертовски благодарен за это. Не хочу пропустить ни слова. Мои уши и мозг готовы к наслаждению.

«Расизм в Америке в основном направлен на одну группу людей. Думаю, мы все понимаем, что это правда. И мы можем согласиться, что обычно этой группой являются afroамериканцы, в частности – afroамериканские мужчины. Хотя я вижу, что в последние годы в эту группу попали и мексиканцы, и осмелюсь сказать, арабы. И мы, чёрные американцы, хотим поблагодарить вас за вашу жертву и вашу борьбу. Нам нужен был перерыв»

«Я поддерживаю право любого человека быть тем, кем он чувствует себя внутри. В этом я на вашей стороне. Однако, мой вопрос заключается в том, до какой степени я должен быть вовлечён в ваше самовосприятие? <...> Если я надену

свитер с ромбиками и скажу: «Эй, народ, в этом свитере я чувствую себя белым, так что проявите уважение и дайте мне кредит». Это не сработает»

«... Так люди и разводились в 40-е годы. Тогда в Америке не было суда по бракоразводным делам. Если хотел покончить с браком, просто говорил жене: «Детка, я пойду куплю пачку сигарет. Скоро вернусь». И ты просто уходил с тем, что на тебе надето. Тогда мужчины были мужчинами. И ещё тогда не было интернета, так что ты мог уехать километров за двадцать и начать новую жизнь»

Б. ставит выступление на паузу. Необходимые пункты прелюдия соблюдены, можно и поднакидать в топку. Р. допивает последние капли газировки, которую мы купили специально для пиршества. Затем ножницами проделывает дырку у основания, запаска сантиметра в четыре. Б. достаёт заготовленный кусок фольги. Иголочкой, словно профессиональный дирижёр, проделывает с десятков маленьких дырочек, пихая получившееся подобие ситца в горлышко бутылки. Запаска краёв крепко загибается. Она не требует дополнительного фиксирования ниткой или скотчем. Фольга отлично держит форму. На описанные операции у парней уходит не больше трёх минут. Ещё через четверть минуты в ситце появляются раскрошенные брокколи. Зажигалка в руках. Встаёт вопрос: кто первый? Сейчас достаточно ответ-

Пока прихожу в себя, парни, в порядке очереди, повторяют операцию. Ненадолго осаживаемся. Никто не говорит. Б. нажимает кнопку «play». Выступление продолжается.

«...К слову о политике. Я видел одного наркошу, который пытался вскрыть чью-то тачку машину, мужик и это взяло меня за душу. Я попытался остановить это. Я сказал: «Эй! – Он обернулся, увидел меня и сказал – О! Постой на шухере!» Я говорю: «Нигер, это я тебе сказал. Я не стараюсь тебе помочь, заканчивай эту хрень». Нарики, они такие. Однажды наркоман разбил окно моей машины. Просто разбил. И знаете, что он украл? Сраный шоколадный батончик с сиденья. Он только это и взял. Просто чёртову шоколадку. Я был так зол, я колесил по району часов пять, высматривая нарика с шоколадом на лице. Так и было. Наконец нашёл, я схватил его. Говорю: «Эй, чувак, а чё это у тебя вся морда в шоколаде? Пидорас» Он удивился: «Шоколад? Это какашка, детка». Вот блин, сумасшедшее место»

«...Разве не странно, что заболевание, которое внезапно появилось в 80-х, убивает только ниггеров, педиков и наркоманов? Какое ахуенное совпадение, что эта болезнь ненавидит всех, кого ненавидят старые белые люди...»

«... Мужчины и женщины просто не ладят. Я всё время слышу, что женщины говорят: «Галантность мертва». Пони-

маете? Будто мужчины больше не джентльмены? Всё верно. Галантность мертва. И убили её – женщины. <...> Галантность погибла, потому что феминистки задурили голову женщинам, через женские журналы, которые сводят их с ума... Ведь женщины получают слишком много советов о мужчинах от других женщин, и они понятия не имеют о чём говорят. <...> И затем, журналы обманывают женщин, журналы угнетают вашу самоуверенность, с каждой страницей вы чувствуете себя всё толще, и страшнее, вам кажется, что ваша одежда недостаточно хороша, из-за журналов вы забываете, как вы на самом деле красивы. Вот и получается, смотрите что получается. Когда вы забываете, как вы красивы на самом деле, мы все страдаем. Если вы забыли об этом, то ваше самоуважение падает, и вы отдаётесь слишком быстро, слишком легко. Я просто честен с вами. Я это так, к слову. Слишком быстро. По новостям: «Сегодня, женщина снова подешевела», «Золото подорожало на десять пунктов» ... Вы видите, так все запутано, вот вам пример на практике: допустим, вы отдыхаете, со своими друзьями, в клубе, баре, заходит девушка, и черт, она хорошо выглядит. Хорошо не в том обычном смысле, я имею в виду, что из-под юбки видно часть попки, ее сиськи сжаты выпирая из декольте чуть ли не до шеи. Вы с приятелями, выпили по пиву, почему бы с ней не поговорить, вы ведь не скажете: «Блин, шикарные сиськи!» Девушка возмутится: «минуточку, минуточку! То, что я так одета, еще не значит, что я шлюха!» И это правда.

Господа, так и есть, то, что они так одеваются, еще не значит, что они такие, никогда этого не забывайте, но дамы, вы должны понять: это вводит в гробаное заблуждение. Это все равно, что я, комедиант Дэйв Ш., ходил бы по улицам в полицейской униформе. Кто-то может подбежать ко мне: «слава богу, офицер, помогите нам, давайте, они там, помогите!» А я отвечаю: «О, то, что я так одет еще не значит, что я полицейский!» Понимаете, о чем я? Ладно, женщина, хорошо, хорошо. Ты не шлюха. Но ты в униформе шлюхи, скажу я тебе. Недоразумения могут случаться, уж извини...»

Выступление шло своим ходом, а наш праздник шел своим. Мы уже не ставили видео на паузу. Не очень понимаю, кто мне подливает пиво, но, сколько бы ни пил – кружка оставалась полной. Спасибо тебе, невидимый герой или моему автоматизму. С этой шелухи тяжело убирает. Нужно постоянно догоняться алкоголем, плюс горло разрывает так, словно ещё чуть-чуть и выкашляешь оба лёгких.

В какой-то момент ловлю испуг за себя. Немного так загнался. Состояние отвратительное. Потерять контроль – самое hueвое в подобной движухе. Я собираю волю в кулак и дохожу до сортира. У Б. его никогда особо не чистят, поэтому хорошо проблеваться не составляет никакого труда. Желудок начало жечь, да и воняло отвратительно. Зато какое облегчение, дорогие друзья, вы бы знали! Умываюсь холодной водой, вытирать лицо не стал (зачем, если вода на теле

быстро высыхает), да и, учитывая одно единственное полотенце в ванной, кто знает, чью жопу я растер бы у себя по лицу.

На кухне выпиваю холодной воды, закуриваю. Хорошо... Снова набираю номер матери. Уже поздно. Говорю, что сейчас будем ложиться спать (нет). Да, до завтра, приду днём. Теперь можно и продолжить. Наливаю пива, всё начинается по новой. Б. и Р. уже не болтают друг с другом. Каждый находится на кончике своего сознания, стараясь держать равновесие. Главное – не упасть в бездну.

В какой-то сомнительный и безвременный момент кутёж заканчивается. Мы вымотались, мы пьяны и убиты в хлам. Сестра Б. так и не вернулась домой. Ура, три мушкетера.

После недолгих раздумий принято решение всем троим лечь спать в одной кровати Б. Как и любой диван, этот воюющий кусок мягкости разложился ещё на метр пространства. Теперь мы помещаемся.

Б. ложится с правого края, я смог забить себе левый. Р., бубня что-то про pidarasov, лёг посередине. Через мгновение Б. уже не отвечает на говоримую нами глупость, он решил спать на животе, лицом в подушку, наблюдая яркие сны, а может кошмары. Кому какое дело? Я и Р. мирно начали болтать по ерунде, вспоминая какие-то шутки, строя планы на следующие беззаботные дни. Наши голоса с каждым отрезком всё больше и больше смазывало. Я чувствовал, как начинаю впитываться в глубокий сон.

Разбудило меня, отнюдь, не утреннее солнце за окном, и даже не пронзительная головная боль. Сквозь сон, ещё в разгар неоконченной ночи, я почувствовал вибрацию. Что-то трясло диван подо мной. Открыв zenки, с ужасом понял, это трясётся Б. Этот uebok дёргался как проклятый. У него были ужасные судороги. Тело его было словно под напряжением. Sranaya anakonda!

Признаюсь, я чуть ли не наложил в штаны. Зрелище pizdec пугающее. P., говнюк, как ни в чем небывало спал в своей серединке и был таков. Я начал трясти его, нервно так будить. Орать и говорить, чтобы этот отбитый посмотрел, что с нашим корешем, с нашим мушкетером! P. в полусонном состоянии матерился себе под нос, очень вяло пытаюсь разбудить Б.. От волнения я вскочил с дивана, наблюдая развернувшийся сюр со стороны. P. более-менее проснулся и начал активно расталкивать Б., но безрезультатно. В какой-то момент Б. вздрогнул в последний раз и больше не шевелился.

Pizdec, товарищи! Скажу честно: я ещё никогда так не подсаживался на измену. Плечи Б. даже не шевелились. Я начал шепотом говорить P., что Б. не дышит, что ему хана, всё! Pizdec! Наш хиленький товарищ откинулся. Но самое der'movoe не это, дорогие друзья. Самый «сок» заключался в том, что мы на хате у этого жмура. А это значит, нужно что-то предпринять.

Я начал ходить по комнате его отца и обмозговывать.

Непривычно вот так с бодуна решать серьезные траблы. Р. смотрел на меня своими ошалевшими пешками и опять что-то начинал бубнить непонятное.

Первый вариант, который мы сразу рассмотрели: просто s`ebat` отсюда. Просто рвануть куда подальше, и пошел он nahui! С другой стороны, мы понимали, наши пальчики везде наследили, наша ДНК-а здесь повсюду. Плюс, нас видели его соседи, и нас могут увидеть выходящими из подъезда. И хоть мы не виноваты в том, что Б. откинулся, но мы будем виноваты, что не попытались помочь ему.

Второй (и последний) вариант – вызвать скорую помощь, рассказав, как всё было. Правда, мы тогда влипнем в серьезную историю с пакетом говна. Нас точно будут судить по малолетке. И всё пропало. Да хрен бы со мной и Р., но у наших мамаш крыша просто съедет к чёрту на куличики. Был ещё предложен вариант избавиться от пакета, но из крови Б. мы ведь не можем его выветрить. С каждой минутой нас накрывало приступом паники. Два сопляка на квартире со жмуром. Оба варианта обеспечивали хреновый исход. Я пошел на кухню, нужно было покурить.

Вдруг, словно лучшая музыка на свете, из комнаты послышался смех Р.. Он смеялся, как blyadskaya гиена. На моём ледяном лице вдруг резко появился румянец от прихлынувшей крови. Я не понимал, в чём дело, но мне тоже хотелось смеяться. Ведь смех Р. мог означать только одно – всё обошлось, как нельзя можно лучше. Я бросил тлеть сигарету в

пепельницу, бросившись на звук.

Когда зашел, предо мной предстала следующая картина: Б., повернувшийся на бок, был весь в своей рвоте. Этот поддонек непонимающе кривил носом от вони не в силах врубиться, что с ним произошло. Блевота была мерзкой субстанции, больше похожая на кошачий жидкий корм. Пасло просто ужасно. Я начал также громко смеяться. Сначала от облегчения (моя жизнь не пройдет в глиномесной тюрячке из-за дурачка), а затем от жалкого вида воскресшего из мёртвых.

Б. сходил умыться, затем начав в одиночку убирать следы катастрофы. Правда, правой стороне кровати было уже трудно чем-то помочь. Она так и останется навсегда: вонючим фрагментом жизни Б.. Будет напоминать ему об этом инциденте еще долгое время.

Кстати, после я и Р. рассказали нашему бравому мушкетёру, что приняли его сначала за жмура, а затем честно признались в намерении просто бросить его. Б. воспринял нашу исповедь с улыбкой сказав, что он бы на нашем месте просто обоссал нас. Ближе к одиннадцати я и Р. наскоро оделись, и в тишине, пока еще не так много людей, выдвинулись домой. Нужно было отмыться и по-человечески отоспаться.

You know that it would be untrue
You know that I would be a liar
If I was to say to you

Girl, we couldn't get much higher

Come on baby, light my fire

Come on baby, light my fire

Try to set the night on fire

The time to hesitate is through

No time to wallow in the mire

Try now we can only lose

And our love become a funeral pyre

2.Ну же, крошка, дай мне жару

Ты знай, то быть могло во сне -

Но знай, что я б не был мужчиной,

Если бы сказал тебе -

Нет, нам трудно взять вершину

Ну же, крошка, дай мне жару

Ну же, крошка, дай мне жару

Быть сумей всю ночь пожаром

Минут, чтоб сомневаться, нет

Минут, чтоб ползать в луже грязи

Глупо клясться – способ – бред

И любовь сгорит в кострище разом

Двери – действительно потрясающая группа. Сверху переведенный фрагмент песни под названием «Разожги мой огонь», но для особо viëbistih: «light my fire». Иногда я переписываю понравившиеся моменты песен к себе в тетрадку. Это вторая моя тетрадка, и она секретнее первой, ведь в ней я храню ещё свои телячьи заметки, и пишу свои телячьи стихотворения. Может я слишком суров к себе, но признаться кому-то из своего окружения в подобных занятиях – всё равно, что схлопотать клеймо гнусного латентного pedika. В общем, меня куда-то не туда повернуло. О чём это я...

Да. В эту тетрадь иногда попадают чужие произведения, которые заставляют как бы восторгнуться, почувствовав что-то хорошее и приятное. Честно говоря, Джим (для необразованных чертил поясняю: это солист группы, все тексты песен – его стихи) заслуживает ohrenitel'но огромный памятник. Каждое его произведение – загадка или же драйв, и даже философское рассуждение. А часто бывает и так, что его комбинации являются перед зрителем в виде совокупности вышеперечисленных моментов. Создаётся чувство гипноза и волшебства. Создаётся некая тайна души, что ли...

На Дверей меня подсадил Р. с неделю назад. Знаю, недели мало, чтобы прослушать досконально все имеющиеся альбомы, разобравшись заодно и в текстах. Но, blyat', я просто в детском восторге от этих ребят. Я в восторге от Джима!

Мне нравится его голос, нравится, как он одевался, его манера держаться на сцене. Между нами девочками, Джим – великолепен. Первый раз я услышал его в наушниках Р., сначала очень приглушенно. Мы катались на досках, играли в «s-k-a-t-e». Кататься мой приятель начал раньше меня, многое уже умел, потому я, как всегда, prodryuchival. На последней букве у меня оставалась заключительная попытка. Я остановился рядом с этим ниндзей перевести дух (трёшку я навряд ли повторю), и услышал далёкий волшебный голос. Этот голос тихо кричал, призывал какую-то «Бэби» разжечь огонь! Я nihera не знаю pendovskogo языка, но это не помешало мне НАСЛАЖДАТЬСЯ, по-настоящему получать удовольствие, даже не зная смысла спетого. Также, по наставлению Р., я начал не только слушать, но и читать переводы песен, да и в целом изучать поэзию Моррисона (для необразованных чертил поясню: это Джим).

Я был немного в аhue, когда узнал, что этот гениальный красавчик умер в двадцать семь. За такое маленькое количество времени оставить такое огромное наследие – уму непостижимо! Через одиннадцать лет я буду в его возрасте. И чего добьюсь я? В лучшем случае, не откинусь в ванной под колёсами. Простите, не то время. В современном мире людей погибает больше от самовыпила, нежели чем от запрещённого der`ma.

Возвращаясь к теме, сразу хочу сказать, во-первых: песня

сегодняшнего дня (разожги мой огонь) была выбрана не случайно. Во-вторых: спустя шесть месяцев Н. намекнула мне, что сегодня будут наши первые potrahushki.

Её «намёк» был достаточно банален, она сказала что-то по типу: «Слушай, не хочешь, после, как погуляем, позависать у меня? Родители уехали на дачу и будут только завтра к вечеру».

Конечно! Я не мог не согласиться. Мой взволнованный дрожащий голос дал утвердительный ответ. Уж очень давно я ждал этого grebannogo момента. Каждый мальчик с детства хочет как следует viebat` девчонку – здесь нечего стыдиться. Против природы не пойдешь. Или как говорят алкаши, срущие под деревом у дома: «Что естественно, то не безобразно», хотя не думаю, что эта история имеет хоть сколько-то правдивой ноты, учитывая, что наш с Р. общий друг П. – законченный pizdabol. Не хочу его называть более грубым словом, ведь не смотря за свой язык без мозгов – он славный малый.

Первым серьёзным испытанием стало покупка презервативов. Только со стороны кажется, что всё проще простого. Но когда ты сраный pizd'yuk, у которого лицо глаже жопы младенца; когда ты выглядишь на четырнадцать, а за спиной в очереди стоят взрослые тётеньки (некоторые из которых могут оказаться ещё и подругами матери или матерями твоих одноклассников, город-то маленький), в такой ситуации вместо уверенности и храбрости приходит покрасневшее ли-

цо, дрожащий голос и нервный тик правого глаза.

Когда публичное унижение позади – можно выдохнуть полной грудью, продолжив заниматься дальнейшими приготовлениями. Говоря о приготовлениях, я имею в виду: душ, повторная чистка зубов иииии, самое первое, что делает каждый мальчик, заимев впервые gandik... правильно, он его примеряет.

Дорогие мои выдуманные присяжные, особенно если среди вас есть девочки, а я уверен, что такие найдутся, скажу честно: со стороны озвученное может и выглядит дико, но такова реальная жизнь. Уж поверьте мне.

Запираюсь в сортире, по щелчку фантазии возбуждаюсь, начиная примерять резинку. Лучше быть опозоренным и обсмеянным кем-то там неизвестным, зато не попасть впросак с реальным человеком. Конечно, я немного увлёкся, по итогу запузырив в него. Зато сам перед собой оправдался проверкой на прочность.

Зато теперь я был точно готов идти навстречу к своей мечте.

Подравнивая логическую линию в стройный ритм (где не бывает ничего просто так), на встречу с Н. я помчал под песню группы «Light My Fire». Настроение моё стало очень приподнятым. В наушниках на полной громкости, вприпрыжку, я начал напевать вместе с Джимом:

Йо кнов би тхэнт унтрэ

Йоу кноу тэт би лир
Ив са ту сэ йу
Гёрл ви кулднм матч хаер

Комон бэби лайт май фаер!
Комон бэби лайт май фаер!
Три ту сэт найт о фаер

Зэ тайм то хэстат трогх
Но тайм ту валоу дзэ пайр...

Как уже было упомянуто: городок у нас маленький. Если в запасе есть от пятнадцати до сорока минут, то можно пойти пешком (в пределах района) куда угодно. С Н. мы договорились встретиться у её дома, а там уже двинуть куда-нибудь погулять. Она встретила меня в коротких белых шортиках, чёрной футболке с непонятной надписью на сиськах, а на ножках были надеты чёрные кеды. Волосы она собрала в хвостик.

Не знаю почему, но мне никогда не нравится, когда девушки что-то делают со своими волосами. Я ненавижу хвостики, но молчу об этом. Но больше всего я ненавижу праздничные причёски.

На свой выпускной (я решил продолжить учиться до одиннадцатого класса под натиском школьного кореша, да и типа, blya, престижней) мои одноклассницы пришли с пол-

ным pizdesom на голове. Я не утверждаю, что до этого они были все красавицы. НО! Большинство из них были вполне милovidными девчонками. Такими их делал общий образ, в который входила, в том числе, и прическа. У каждой она была разной формы, длины; локоны там по-разному вились. Эти естественные и простые волосёнки pizdec как шли им! Но на выпускной... боже, держите меня семеро, эти idiotki решили «шикануть», решили «блеснуть», закрутив такой шакальный шлак, да ещё выкрасились, как последние blyadi. Меня чуть не вывернуло наружу. Дал себе зарок держаться от этих uebih подальше.

За несколько метров меня замечает Н., сразу начиная идти навстречу. Я улыбаюсь ей, потому как действительно рад её видеть. Долго целуемся. Я, как истинный джентльмен, сразу отпускаю несколько лестных комментариев, опуская момент с волосами. Если бы она спросила про свою прическу, клянусь всем мусором у себя в кармане, я бы не выдержал, выпалив правду. Но, слава случаю, обошлось.

Двигаемся в сторону торгового центра. Там мне предстояло пройти первое испытание. Н. срочно понадобилось зайти в отдел с косметикой и начать рассматривать каждую vaflënuu колбочку на прилавках. Периодически она что-то брызгает себе на руку.

Голова кружится от изобилия тысячи запахов, но скажу честно: держусь я просто блестяще. Иногда даже удаётся создать заинтересованный вид. Спустя тридцать две минуты (я

засекал) мы выходим на свободу. В руках Н. маленький паке-тик с недорогими духами, которые я вежливо оплатил. Хотя моя матушка говорит, что я ещё маленький сраный pizdyuk без работы, и не должен делать девочкам серьёзных подар-ки, но всё же мне хотелось порадовать свою маленькую жен-щину.

Теперь, когда главный pizdec был позади, мы отправились вглубь дворов. В местной bitchujnoi покупаем мороженое и, найдя более-менее приличную лавку под кроной деревьев у садика, начинаем болтать. По большей части треплюсь язы-ком я. Обычно меня не так просто разговорить, но прибли-жался вечер, а значит, приближалась самая волнительная часть шоу. С каждым часом нервяк увеличивался, а это, в свою очередь, влекло за собой большую активность моего ebal'nika.

Честно признаюсь, я начал говорить всё подряд, просто убрал мысленную ногу с педали тормоза, контролировав-шую и фильтровавшую речь в нужные моменты, начав без остановки (будто говорю не с Н. вовсе) формировать необ-думаные предложения:

«Мозг – вирус. Да. Прикинь. Он моделирует всё вокруг посредством новых знаний. Вот тебе говорят: это зонт, это носки, плащ, это штаны, и так далее. И теперь ты начина-ешь видеть всё это вокруг себя и ahuevat` от того, что рань-ше ты была ребёнком и просто не знала всего этого. Каж-

дый засранец на Земле постигает предмет не путём визуализирования, а через его понимание и цельное представление. Прикинь. Всё подчиняется описанию. Да. Добро порождает зло, так как составляет свой список дозволенного, где любое отклонение является чем-то супротив лежащему. Ключ имеющихся проблем находится в корне благодетельной среды норм. А на деле – всего лишь ebuchaya иллюзия.

Есть много общих иллюзий, которые созданы давно и подчиняют большие группы: религия, институт семьи... Но и болезни передаются также: африканская истерия, например, – вопрос страха, угнетения, а по итогу и порабощения настроения (эмпатия). Попробуй выбраться, когда большой ком давит сверху. Вся паразитическая жизнь человека висит на соплях. Важно только мгновение.

Учёные смотрят в небо через свои здоровые телескопы и видят ahuet` как далеко. Прогнозируют там много лет, что какой-то метеорит пройдёт очень близко от нас, но не заденет. А к слову... другой каменный pizd'yuk подлетит с другой стороны, где никто не думал смотреть. И всё! Мгновенный всепоглощающий pizdec! Или вот ещё допустим... Ты ведь мечтала когда-нибудь? Да и сейчас, наверное, мечтаешь, но ты не задумывалась, что мечты – страшный продукт человеческого сознания. Суррогатный источник возможного разочарования. Допустим, когда девочка мечтает кататься на лошади и иметь её в принципе, то она представляет картинку, у которой нет ничего общего с действительностью. У этой

картинки нет запахов, к ней не привязан вестибулярный аппарат и отсутствует физическое восприятие. В своих мечтах девочка не чувствует запах лошадиных экскрементов, динамику движения лошади и силу отдачи при прыжках, и чем это может быть чревато. Девочка не думает о том, что у лошади есть свой характер, да и большую часть времени она потратит не на скачки, а на уход за питомцем. Я уже молчу о финансовом вопросе. Мечты – удовольствие дорогое и они часто не оправдывают ожиданий своих хозяев.

Не буду кривить душой, у меня иногда появляется соблазн придаться каким-то мечтам. Надумать себе кучу всего прекрасного. Рассуждать о том, что вот я через сколько-то лет закончу учиться, поступлю в институт. А после, найду высокооплачиваемую работу и всё будет *raspizdato*. Но я прекрасно знаю, так не бывает. Для хорошей жизни нужно порвать себе очко, разбиться об асфальт в лепешку. Плюс нужно понимать своё время, понимаешь? Нужно понимать место. Сейчас, где мы находимся – шансов мало. Понятное дело, есть достаточно людей в пример, которые живут очень хорошо. Но их все равно недостаточно, чтобы переплюнуть общую часть населения, которая находится за чертой бедности. Где гарантия, что завтра всё вокруг; всё, что держало тебя наплаву, не оборвётся мелочью, случаем. Да и к тому же, достаточно огромное количество людей разбогатело только ко второй половине своей жизни.

Вспомни Дали, полковника Сандерса, Рэя Крока, Толки-

на... Можно и дальше продолжать список, но навскидку в голову больше никто не лезет. К чему я это... к тому, что даже талантливые люди достигают успеха часто в возрасте, который граничит со старостью. А я так не хочу, понимаешь? Зачем мне огромное состояние, когда я стал немощным, больным, расплывшимся старым хреном? Зачем роскошь и деньги, когда сам ты уже ни на что не годен? Богатство должно быть у молодых, как и молодость – есть одно из богатств. А старики должны жить скромно, должны заниматься созиданием. Им впору придаваться воспоминаниям и быть от этого счастливыми. А как я смогу в старости быть счастливым, если мои воспоминания будут о нищете и о том, как я из месяца в месяц, из года в год пытался найти себе мелочь, чтобы не умереть с голоду. А даже если я буду не настолько беден, то всё равно у меня не будет воспоминаний о других странах, другой кухне, другой культуре. Ведь для путешествий нужны немалые деньги.

Для того, чтобы построить небольшой дом – нужны деньги. Да чего греха таить, чтобы вытереть жопу и быть чистым – нужны деньги. Всё стоит денег. А даже, если на секундочку представить (хотя, скорее всего, такого никогда не произойдёт), что я всё-таки стал молодым богатым засранцем, то как я смогу упиваться своим богатством зная, что больше половины людей моей страны живут в бедности, либо в минимальном достатке? Ответь мне, как?»

Только сейчас понимаю, что аhует` как увлётся собственной речью. Чувствую жар на лице, слышу свой завышенный голос, а ещё понимаю, что угрожающе стою, нависнув над Н..

К слову, о богатстве. Я действительно так думаю. А ещё вот вам два забавных момента.

Первый. Я ещё никогда в жизни не сформировывал так хорошо свою мысль.

Второй. Если бы я вдруг резко разбогател, то на всех мне стало бы абсолютно P O H U I.

Н. долго смотрит на меня глазами, в которых горел особый блеск. В эти мучительные секунды не знаю, как моя речь повлияла на мягкий ум. Думает ли она сейчас, что у меня сорвало крышу? Задумывается ли о том, что мой монолог мог быть спланированным? Мы этого достоверно никогда не узнаем, господа вынужденные слушатели. Зато, после паузы она нелепо шепчет: «Пойдём ко мне, я приготовила вкусный торт к чаю».

Это приглашение значит только одно – момент истины бесповоротно мчится к своей развязке.

Галантно взяв Н. за ручку и поцеловав в губы, выдвигаемся в сторону дома. Мне хочется верить, что, успевшее стать оранжевым закатное солнце, очень эффектно ложится на наши фигуры, делая эту сцену максимально кинематографичной.

Я много раз был в гостях у Н., но впервые я у неё дома, когда никого больше нет. Не сказать, чтобы ощущения как-то

сильно разнятся. Наоборот – возникает чувство, что вот-вот её мать или отец выйдут из своей комнаты или же, послышится звук высасываемой воды из бочка, разнесется лёгкий запах kakashki, а после неодобрительное приветствие взрослого. Но ничего такого, само собой, не происходит.

Наскоро разувшись, начинаю ласкать кошку. Ей лет восемь – десять. Говорят, что с возрастом домашние кисы становятся снобами, особенно женского пола, но это не её случай. Животных я люблю. Да и вообще считаю, у животных самое развитое бытие, нежели чем у нас, людей.

Каждая особь обитает на благоприятной, для себя, территории. Каждый организм имеет конкретные особенности питания. Животные не жадничают, они берут ровно столько, сколько им нужно. У них нет корысти или, скажем, отклонений, при которых они просто так занимались бы убийством. Они дети природы, а мы – сорванцы, что заигрались, став невыносимыми, жестокими и бесцельно obsirayushimisya маньяками. Человек – олицетворение эгоизма. Хочет он того или нет. Это его приобретённое качество, которое смогло перейти в раздел обязательных навыков.

Внутренний страх заставляет оттягивать время. Я говорю Н., что очень хочу посмотреть всю квартиру, раз представилась такая возможность. Она с облегчением вздыхает (или мне показалось?), с улыбкой разрешая ходить, куда моей душе угодно. Сразу же направляюсь в родительскую комнату. Она находится справа, сразу рядом с прихожей. Заме-

чаю много фотографий в рамках. В них, как по писанному, снимки маленькой Н., родителями и ещё какими-то ноунеймами. Ещё ни разу я не был в квартире, где не нашел бы подобной реликвии.

Начинаю делать увлечённый вид; интересоваться, когда были сделаны снимки, где, и спрашивать прочую чушь, до которой мне нет дела. Пока Н. подробно рассказывает, предаваясь воспоминаниям, мои глаза изучают книги на полках. Собственно, ничего интересного. Я бы даже сказал: есть особо мерзкие экземпляры детективов одной популярной писательницы. Даже само оформление говорит о том, что это sganaua дешевка для домохозяек. Не понимаю, как женщины могут не уважать себя или, насколько нужно быть неразвитым, чтобы читать подобную чушь? Ну да ладно.

Перехожу к расспросам о дисках на компьютерном столе. Здесь очень много музыкальных сборников ди-джеев. Как по мне, так почти любой трек подобных ребят – ёbanny hlak. Ничего не могу с собой поделать, но так оно и есть. Люди, которые под такое «тусят» обычно выглядят соответствующе. Н. говорит, что это диски её дяди, который сейчас живёт отдельно. Всё встаёт на свои места. Я видел фотографии этого гражданина и могу сказать: именно на таких хмырях держава уверенно держит свою позицию, неизменно падая культурно вниз. К слов, горе-дядя ди-джей. Выступает в местных blyadushnikah. О нём я знаю мало, но тот факт, что он жил у своего брата (отца Н.) до тридцати с чем-то лет и только

недавно съехал, говорит о многом.

Н. не выдерживает первая, предлагая пойти к ней в комнату. Киваю. Мы идём обнимаясь. Всё парень, назад пути нет.

В комнате свежо. Н. заранее проветрила комнату. Диван ненавязчиво разобран. Постельное белье не новое, но постиранное. В шутку говорю: «Я смотрю, ты меня поджидала», на что получаю утвердительный ответ. Вот чёрт...

Не успела моя пятая точка припарковаться на краешке дивана, как Н. забирается на меня сверху. Она садится попой на мои коленки, тут же начиная впиваться своими влажными губами в мои. Я не припомню, чтобы мы хоть раз так страстно целовались. Её длинный язык гуляет у меня во рту, словно танцор танго. Он выплясывает уверенные пируэты, не забывая вскользь ласкать каждую частичку моего существа. Несмотря на чувство страха, эрекция наступает моментально. Признаюсь вам честно, мои дорогие присяжные, *din-don up* у меня случился ещё по дороге в комнату.

Не сговариваясь, у нас появляется нужная синхронность в действиях. В каждом минутном интервале, мы стягиваем по очереди вещи друг с друга. Один из моих любимых моментов, когда я отщёлкиваю лифчик Н. и на свет предстают большие *sis'ki*. *Vlyat`!* Без одежды они кажутся просто огромными.

Начинаю жадно целовать её коричневые соски, проходя

языком от шеи до мягких башенок. Увлекаюсь процессом так, что чуть ли не забываю про саму Н.. Слава мне, вовремя спохватившись, возвращаюсь к её губам. Вещей почти не осталось. Мгновение, и мы одновременно стаскиваем друг с друга трусы.

Мой побритый lui смотрится вполне достойно, хотя я жутко перенервничал, размышляя о том, не маленький ли он и понравится ли din-don Н.? У Н. же pis'ka оказалась с лёгкой щетинкой. Такая тонкая вертикальная полоска волос на лобке. Выглядит эротично. Моё сердце, незнающее себе пощады, начинает биться ещё сильнее. Начался процесс изучения друг друга.

Н. трогает мой горячий заведённый din-don, готовый взорваться в любую секунду, а я, в свою очередь, впервые ласкаю женскую промежность. Насколько же эта щель горячая и склизкая. Мне почему-то становится стыдно заниматься подобным, хотя скорее во мне включился «скромняга».

Я много раз видел в порнухе, что перед ebley мужчина лежит своей партнёрше между ног, а затем они меняются, и уже женщина начинает работать над мужским прибором. Конечно, хотелось попробовать такой «прикольчик», но вот как подойти правильно? Вопрос... Предложить Н. или же взять её грубо? Пока размышляю, Н. перестаёт ласкать меня, ложась спиной на середину дивана, и полупьяным голос произносит: «давай надевай резинку». Послушно мычу. Резко дёргаюсь в сторону смятых штанов. Из кармана достаю gandik.

Ловким движением выскребаю его из упаковки. И! Обратите внимание, господа извращенцы-наблюдатели, на мой интуитивный (или подсмотренный) профессионализм. Я не стал натягивать резину там, где и стоял, а галантно забрался на диван к Н., и пока целую её, только тогда, очень ловко, со второго раза накидываю этот пакет на свой din-don.

Н. лежит с раздвинутыми, чуть приподнятыми ногами, я же размещаюсь между ними в самом центре её pипki. Мои руки придерживают её ноги за икры. Нуи подрагивает где-то рядом, он ждёт моей команды, что бы как верный воин броситься в бой. Н. прикусывает губу в ожидании. Отступить нельзя.

Собираю имеющуюся волю в кулак. Очень аккуратно и плавно, отпустив одну ногу Н., хватаю дружка-петушка в правую ладонь, с напором пытаюсь ввести его внутрь. Иииии! Ничего не выходит. Н. болезненно стонет. Понятное дело, blyat`, ей больно. Не думаю, что в первый раз кому-то приятно, особенно когда в него пытаются засунуть инородную штуку! Но речь немного о другом.

С первого раза тяжело порвать эту ebuchuu девственную плеву. На второй попытке я более настойчив, но тщетно. Честно сказать, дорогие, мать вашу, злобно смеющиеся присяжные, я действительно ahuel! Мне что, может нужно с разбега эту hernuu рвать? Или взять ножницы с кухни? Короче, я подсел на дикую измену. Романтика испаряется. Что я, что Н. стали ужасно потные, от нас пасёт, как от кучи govna.

Эта макрочёлка все больше и больше орёт, как забитая корова. Я теряю контроль над ситуацией. После четвертой попытки из последних сил говорю: «Детка, попробуй сесть сверху, так будет лучше, и ты сможешь контролировать ситуацию», на что Н. утвердительно кивает (спасибо и на этом).

Делаем рокировку. Теперь я лежу на спине в луже пота от Н., наблюдая, как эта девица собирается с духом, чтобы насадиться на вертел. Ситуация, повторяюсь, страшная. Никому не пожелаю оказаться в положении, когда оба партнёра – срные девственники. Со второго приседа Н. все-таки удаётся проткнуться. Кричит она знатно. Думаю, ближайшие соседи оценили. Мне в целом терпимо. Din-don чувствует некую преграду, затем давление, а через мгновение проваливается в самое мягкое место на планете Земля – *vaginu*. Процесс пошел. Теперь повоюем!

Н. очень быстро выбивается из сил. Она героиня – никто не спорит. Теперь начинается самое интересное – SEX. Беру ошметки от Н., снова укладывая девицу спиной на диван. Её взгляд выражает неподдельную благодарность. Недолго думая, мой таз начинает совершать поступательные движения, тем самым *struchok* то появлялся из норки, то снова смешно так пропадает. Знайте, я не скажу, что мне приятно, да и не сказать, что совсем уж мерзко, но в какой-то момент я пригляделся и увидел собственный лобок и товарища *penisa* в крови. Я не боюсь компота, но начинаю чувствовать отвратительно грязным. Настрой испаряется, остаётся только чув-

ство усталости. При каждом толчке Н. издаёт то болезненный крик, то стон наслаждения. Не до конца понятно, ведь я ведь не прям разбираюсь в подобном der'me.

Внутренний «я» начинает концентрировать мозг на воспоминаниях о красивой rognuchke, где нет крови. Есть только чистая eblya, которая хорошо срежиссирована. Но и это не особо помогает. Мы боремся около часа понимая, что закончить не получится. Я просто выбился из сил, и всё тут. Din-dop повесился. В кровавом презервативе он выглядит особо жалко. Н. же бледная и горячая. Ложусь с ней рядом, целуя в пересохшие губы. Так мы лежим минут пятнадцать, не проронив друг другу ни слова.

Затем Н. отправляется в ванную комнату. Меня она не берёт с собой, хоть и видит, что я весь в этой багровой drisne. Слышится звук воды.

Я лежу, мечтательно смакуя тот факт, что больше не девственник. Я попробовал вкус женщины в полную силу. Не важно, что это было мучительно и мерзко. Меня успокаивает та мысль, что у многих первые разы именно такие. Возможно, существуют прирождённые гении ebli; маленькие учёные, которые с первого раза делают всё по красоте, но я пока таких не знал. Вообще интересно устроен человек. Да, мы несовершенны, но ведь это не об организме, а о психологии. Как машина – человек совершенней любого pizdyuka на Земле, ведь мы – совокупность всех лучших комбинаций, которые обладают другие организмы. Только подумать... Ка-

кая-то случайная фигня продумала девственность. Эту плеву, чтобы женщина, когда она еще маленькая makrochëlka, не занесла себе заразу. А месячные? Обновление клеток раз в месяц, которое наступает чуть ли не день в день. С ума сойти. Иногда я смотрю на свой hui и вижу его не как штурковину, которой нужно удовлетворять женщин, получая удовольствие самому, но как что-то странное, неземное и непонятное. Иногда мне кажется всё это очень нереальным. Да, кстати. Вот ещё один плюс от сегодняшнего насилия (кроме самоутверждения) – теперь я понимаю, как сильна разница между вымышленным сексом при мастурбации от настоящего. Настоящий секс – целая работа. Физический труд. Крестьянин в поле. Если так можно выразиться: искусство, которым нужно овладеть. После полученного опыта я даже чувствую, что изменился. Повзрослел. Да. Да. Не смейтесь, господа присяжные, путём опыта люди и взрослеют!

Наконец Н. выходит из ванны уже одетая. Она говорит, что оставила мне свежее полотенце на стиральной машинке. Благодарю её, не став подходить для поцелуя. Думаю, ей будет не очень приятно.

В ванне душно. Н. явно приняла горячую ванну, хотя за окном пекло. Только сейчас замечаю на своих ступнях неснятые носки.

Погружаюсь под струю воды. Блаженство сводит меня с ума. Отмываю всё der'mo с кожи. Чувствую наплыв сил. Эрекция возвращается. Этот засранец вдруг вспоминает, что

он не получил свою конфетку и я его не осуждаю. Сжимаю воскресшего что есть мочи, начиная яростно мастурбировать на воспоминания о том, как у меня была любовь с женщиной. Уже через несколько секунд из меня начинает бить фонтан. Лицо краснеет, я медленно осаждаюсь, скатываясь на дно ванны. Быстро прихожу в себя. Наскоро домываюсь. Выхожу навстречу прохладной атмосфере комнат вне стен замкнутой духоты.

В отличие от Н. я не взял с собой вещи. Захожу в комнату абсолютно голый, вполне себе неплохо сложенный. Она отрывается от телефона, начиная изучать меня с ног до головы. Не хочу обламывать её, поэтому очень медленно собираю свои пожитки по комнате, а затем, не менее медленно начиная натягивать их. После мы целуемся. Вспоминаю про обещанный торт и чай.

Очень странно ещё то, что и Н., после состоявшейся близости, сразу же изменилась. Круг наших тем вдруг резко сократился. Мы заплываем на кухню, пытаюсь делать вид, что всё хорошо; что ничего, собственно, и не произошло такого. Мы не обсуждаем случившийся акт любви, если его так можно назвать. Только чувство отстранённости. Думаю, нам просто неловко или что-то в этом духе. Точно не сказать.

Торт действительно вкусный, домашний типа. Поболтав, приходим к выводу, что лучше я заночую у себя дома, а то родители могут сделать неожиданный визит, да и я у своей маман не отпрашивался.

Разыгрываем сцену чувственного поцелуя, договорившись списаться. Моё вымотанное тело выползает в открытое море города.

Пока иду – широкая улыбка с кривыми зубами выдаёт во мне дурачка, но честно – плевать. Я доволен собой. Ещё один важный этап жизни достигнут в самом комфортном отрезке. Будет что рассказать Р., да и всем, с кем корешусь. Такой вот я, самовлюбленный сплетник, который берёт то, что захочет.

С Н. я повстречался ещё месяцев пять. За это время у нас были связи интимного характера, в которых мы получали опыт. Помню, когда она впервые согласилась мне *otsosat*. Такая хохма! Я так долго уламывал эту цыпу, а когда она согласилась, то закончил в первую же секунду первого заглота. Было смешно, я тогда забрызгал ей всё лицо и ещё долго смеялся, извиняясь.

В конечном итоге, я и Н. оказались слишком разными. Не подходили друг к другу, такие дела. Я слишком шепутной и маргинальный (так я представлялся сам себе), а она... простушка. Да, я употребляю слово «простушка» не в оскорбительной форме. Просто есть такие люди. Они изначально воспитываются правильно настолько, что не способны выкидывать ненужное. Им не хватает сил вытачивать себя методом проб и ошибок. Они просто копируют своих родителей. И это копирование касается даже устремлений и целей в жизни вплоть до профессии.

Через какое-то время Н. найдёт своего будущего мужа и у

них появится ребёнок, они осядут в этом проклятом городе, и я от всего сердца пожелаю им «не сдохнуть от такой жизни раньше времени». А вы чего ждали?

3. Запах взросления

Следующие два года жизни пронеслись быстро и напряжно. Стоит ли говорить о бесконечной скуке, которая меня охватила. Если до этого я учился спустя рукава и всё сходило с рук, то теперь меня ебал каждый будний день. Окружающий мир сошел с ума. Со всех щелей только и говорили о предстоящих госэкзаменах.

Ваш верный слуга впал в состояние меланхолии. Меньше всего на свете меня волнуют sranie тесты с вариантами ответов. Не нужно быть гением, чтобы аналитически подойти к вопросу, разобрать его на простые части и в нём же найти самый логичный вариант ответа.

У меня хорошо развито чувство такта, поэтому я не парюсь. На пробных тестах уверенно держу удовлетворительную планку, при этом никогда не трачу время на домашнюю работу. Nahui надо, когда своих дел по... Но вот всякая старая перхоть начала меня гнобить за то, что я «халатно» отношусь к этому strémnomu govnu. В любом случае, битва вредности закончится только по окончанию школы. Иначе никак. И я готов держать руки в замке, вовремя делая выпад.

В один из долгих дней зимы я сидел дома. Было воскресенье. Последний день перед долгими мучительными буднями, когда придётся соблюдать рабский режим, изматывая свою голову лишней информацией. Я решил провести время с толком nihera не деля, играл в TES4O и никого не трогал. Для домашних меня не существовало.

Удивительно, что в этот день даже никто не писал. Только к вечеру, часам к пяти, пришло оповещение от Р.. Он приглашал отправиться с ним, Б. и общим другом Д. в баню. Я сразу же дал заднего, учитывая, что баня – не моя история. Одно дело, когда ты с цыпочкой. Другое – когда ты с кучкой idiotov. На этот раз мазался своей ленью. Р. давил на меня, уламывая, как suchku, говорил, что мы ненадолго, буквально пару часиков попариться. Никакого govna.

Я написал «ot`ebis` уже» и выключил диалог. На этом закончилась моя история воскресного дня, но для Р. и Б. всё только начиналось. В этот прекрасный вечер осуществились мечты сразу двух моих дорогих друзей.

Наутро меня раскидал отец, по обыкновению прорывав «живо просыпайся». Выдернул из-под головы подушку, откинул одеяло и начал грозиться облить холодной водой (печальный опыт был, поэтому с отцом шутки плохи).

Я вскочил с дивана по стойке смирно, после чего начал собираться на первый урок. Написал заодно Р., дабы двинуть вместе. У нас с ним имелся один ритуалец – заходить с утра в

магазин и покупать всякие булки, чтобы было не так скучно заниматься отсидкой. Как ни странно, он сразу же ответил, пообещав выйти вовремя и мне не придётся ждать его возле подъезда. Так и случилось, мои дорогие, когда я вышел, помятый amigo железно стоял при полном параде возле па- дика.

Я сразу отметил нездоровый вид Р.. Лицо бледное, глаза отливают красным, даже скорее багровым оттенком. Pizdyuk сразу заподозрился в чём-то нечистом. Р. покорно поздоровался со мной, ничего толком сразу не сказав. Мы двинулись в сторону bichëvskogo магаза, дабы закупиться булками, но, как и каждый понедельник, это von'uschee заведение оказалось закрытым на ревизию. До сих пор не могу взять в голову: как мы умудряемся каждый раз забывать про zloebuchiю факт? В общем, не суть. Я уже хотел было забить, но Р. предложил немного подождать.

Ваш верный слуга достал из пачки сигарету, закурил и пристально начал смотреть на Р.. Засранец начал отвечать тем же взглядом. Ещё с три затяжки мы pilili друг друга. Р. первый прыснул слюной и заржал, я засмеялся в ответ. Забавно, чё. Ненавязчиво спрашиваю про вчерашние посиделки в бане. Тут оказывается, что Р. только и ждал, когда за- дастся верный вопрос.

«Короче, чувак – это был полный pizdec. Ты готов, да? Только давай сразу договоримся, что эта история останется между нами, и ты не начнешь её пересказывать каждому

встречному, как ты обычно это делаешь, идёт?

Ну ладно, ebat`, тогда слушай. Ну, во-первых, я не спал. Только час назад приехал домой. Прикинь, да? Но я решил не злить отца и пойти на занятия. Знаешь, то, что ты вчера не поехал – даже к лучшему. Я тебе завидую.

Всё начиналось очень невинно. Д. взял своего кореша, уж не помню, как того зовут, но думаю дело в том, что у этого чела тачка своя. Зная Д. – он просто решил использовать его как таксиста. Так я думал поначалу. Так вот, этот чел с Д. заехали за мной. На заднем сиденье уже сидел Б.. Мы сразу двинули на М-й, там ещё рядом бильярдная. Затарились алкахой, Д. забронировал нам парилку на четыре часа.

Я сразу удивился – нафига так долго, но честно сказать, даже обрадовался. Дома всё равно нечего ловить. Сидим, значит, в предбаннике, выпиваем, болтаем. Там, кстати, прикинь, выдают прикольные махровые полотенца белые. Думал вынести себе, но камер pizdec понатыкано. Решил не палить контору.

Сходили на первый заход попариться. Знаешь, так забавно, когда ты с корешами полностью голый. Не то, чтобы чувствуешь себя pidogom, но непривычно. Правда, что Д., что Б. были серьезны, их не веселил этот факт. Я решил тоже рот не разгибать. Короче, попарились. Жара жуткая стояла. Меня кореш Д. веником мутузил, потом поменялись.

Выходим, окунулись в прохладный бассейн, выпили водки. Сидим. Вроде уже и наговорились, меня прилично так

накрыло. Сидим, а времени прошло буквально час с копеечкой. Согласись, двух часов было бы достаточно. Бабки Д. вряд ли вернули, если бы мы вдруг решили свинтить пораньше. Через какое-то время Д. и его кореш оставляют нас с Б., выходят куда-то, сказав, что им нужно позвонить.

Мужик, их не было минут пятнадцать, а потом засранцы возвращаются и говорят, что скоро подъедет девочка. На счёт бабок Д. сказал не париться, он всё оплатит. Мне как лучшему корешу на халяву. Я, знаешь, немного прибалдел. Я-то пришел поугарать, выпить, чипсиков поесть, а тут эти idioty заказывают одну тёлку на четверых. Я, конечно, запаниковал, отпустил какую-то глупость и продолжил просто чилить с Б..

Через сорок минут приходит девица. Ну, как девица... Мужик – это была blyat` женщина лет тридцати-сорока. И она оказалась pizdec прям толстой, реальный кекс. Жуть! Я клянусь, в первую секунду чуть ли не в слезы начал угорать над ситуацией, но парни были накиданы в govno. Первый пошел Д. – он платит, значит и первый оприходуется мадам.

Пока его не было, мы продолжали бухать и всячески угорали. Друг Д. сказал, что такая баба дешевле выходит, тем более одна на четверых. Не каждая молодуха согласится, а если и соглашается, то чек на неё в разы тяжелее. Тут ситуация противоположная да, ха! Да, прикинь. Когда Д. вышел, следом пошел его кореш, затем Б.. Пока он кувырчался с этой малышкой, да ха-ха, Д. сказал «это твой шанс стать

мужчиной». Попробовать вставить свой pestrun бабе. А я и говорю «blyat`, у меня даже и не встанет на неё наверно». На что они только и посмеялись, заверив меня, что я себя переоцениваю.

Когда же Б. вышел, настала моя очередь. Подсевший весь на измену, я всё-таки согласился. Зашел в комнату к слонихе. Она не была страшной, но знаешь, при такой комплекции... Ну, короче, первым делом она начала sosat` мне, так как у меня не стоял. Мой болт быстро поднялся, тут она достала из сумочки очередной презерватив и нацепила на меня. А затем знаешь, что сказала? «Ложись дорогуша, сейчас я буду тебя trahat'». Ха-ха! Прикинь! Ну, что... мне было страшно. Я ей повиновался. Прикинь, на мне скакало больше ста килограммов мяса, но если отбросить предрассудки, то было кайфово.

В своё оправдание могу сказать, что после, когда я закончи, накидавшиеся Д. и Б. разговорились и Б. признался, что у него никогда не было группухи. Д. сразу решил исправить косяк собрата. Они пошли ebat` дамочку вдвоем. Самый угар заключается в том, что, когда всё было кончено, эта shlyoha всем сказала «чао», а затем подошла к Б. и поцеловала его в щёчку. И это после того, как otsosala четыре болта, прикинь! Она его вроде зайкой под конец окликнула. Ну, а после мы двинули домой к Д., где ugashivalis' по полной govnom. Я только под утро оклемался и двинул пешком домой»

На этом Р. умолк. Я ещё долго смеялся, смакуя историю

в голове. Мы закупились булками и отправились в школу с непоправимым опозданием.

Конец учебной *makruhi* наступил неожиданно быстро. Я стал подтянутым, коротко подстриженным молодым человеком (два учебных года настолько не вдохновляли, что я решил ходить в спортзал). Экзамены были сданы, а за поворотом ждал выпускной.

Р. слился сразу. Он считал очень тупой идеей тратить бабки на то, чтобы наряжаться и «сидеть просто жрать». Я же наоборот. Хотя не был привязан к этим школьным *pizdukam*, но хотелось пойти на всеобщую оргию. Другой мой школьный кореш точно собирался идти, поэтому мы договорились нажраться водяры и хорошо провести последний день нашей уходящей юности. Меня, если так хотите, захлестнуло чувство общей сплочённости.

За пару дней до намеченного мероприятия, гонял с матерью по магазинам. Конечно, все ребята ходили в основном с друзьями, но мне хотелось хоть изредка делать родной женщине приятно. Она заслужила. Терпеть такого мудака – дорогого стоит.

Мама купила мне рубашку классического покроя. Красно-синий мелкий орнамент достаточно хорошо разбавляет скудность общей формы. Плюс я выбрал себе узкие обтягивающие джинсы. Они вполне классно смотрятся на моих

стройных подкаченных ногах. Такие дела. Матушке же выбрали платье. Ну как выбрали, она предлагала варианты, которые ей нравятся, а я послушно поддакивал, искренне говоря, что ей идёт.

День выпускного настал. Почти как месяц я имел статус совершеннолетнего. Спокойно мог купить себе и сигареты там, и бухло. Другой вопрос заключался в том, что не всегда были деньги на сие развлечения для уважающих себя джентльменов.

В этот волнительный для всех день подобных проблем с кэшем не возникло. Родители с радостью отстегнули мне тонну сказав, чтобы я себе что-нибудь купил. Было решено послушаться родительского наставления, поэтому с моим школьным другом Н. мы вышли пораньше. Что я, что он – были при полном параде, в красивых рубашках и гордой улыбкой на запёкшихся лицах.

В стенах школы нужно было оказаться к десяти часам. Там соберутся наши родители. Они будут плакать наблюдая, как их отпрыскам вручают бесполезный кусок картона.

С Н. я пересёкся в половину девятого.

Во-первых, у нас был лёгкий нервоз по предстоящей движухе. А во-вторых, нам ещё нужно было метнуться в алкогольный магазин. Пока мы шли, я беззаботно курил, иногда озираясь по сторонам (я хоть и большой мальчик, но не настолько, чтобы палиться перед родственниками с сигаретой).

Мы обсуждали девчонок с нашего класса, рассуждая на ту

тему: кто кого бы отperdolil? А ещё о том, кто куда поступит. Н. более смышлёный парень в подобных вопросах. Он пай-мальчик в глазах окружающих, и полный засранец в окружении друзей. Проще говоря – идеальный образец баланса.

Я думал, что хочу поступить в институт на экономиста, но теперь, когда остался последний шаг. Сейчас, когда я проебал два года на десятый и одиннадцатый классы, вдруг ясно осознал, что это были всё не мои желания, а желания Н., его стремления. Ещё когда был выбор – он уламывал меня остаться, говорил, что это престижнее. Я ему верил, но сейчас вдруг понял, он уламывал меня только ради того, чтобы было с кем поболтать на переменке.

Он говорит, ему в целом без разницы на кого учиться, ему всё равно, куда возьмут. У него уже есть будущее. Н. – хоккеист, а вышка ему нужна для социальной галочки. Но я... у меня нет хоккея. Нет дела, в котором я бы преуспел. Мой разум накрыло эмоциями тоски и печали по себе, любимому. Я не показываю затупа. Курю, смотрю куда-то вдаль, периодически поддакивая и кивая.

Я думаю о том, что Н. совсем из другого сословия, нежели чем я или Р.. Да, мы друзья. Мы знали друг друга очень долго. Н. всегда относился ко мне хорошо. Нам было весело вместе, но по факту: мы слишком разные. Пройдёт выпускной, и мы больше никогда не встретимся с ним. Не созвонимся. Не соберёмся сходить куда-то выпить пива. Прозвонит звонок, и я стану ему неинтересен. Он пойдёт дальше

своей дорогой, а я останусь стоять на развилке.

Касса. У нас две бутылки водки по ноль семьдесят пять + две упаковки апельсинового сока. Немного поспорив с кассиршами и погарцевав паспортами, выходим с покупками. Идём по направлению к школе, предусмотрительно взяв два тёмных пакета. В один замотали бутылки, положив во второй пакет вместе с соком. Нманат' нас не будут, но подстраховаться никогда не бывает лишним.

Основная масса одноклассников сидит в кабинете класснухи. По пути заходим в мужской туалет на третьем этаже. Сейчас вряд ли кто-то зайдёт помешать нам сделать «грязные делишки». Командую стоять Н. на шухере, а сам открываю первую упаковку сока, начиная выливать одну треть (или около того) в сортир. Сок выливался из горлышка забавными «блевками», будто у него судороги. Оранжевые капли взмываются вверх с каплями из «чаши», которые не долетают (к счастью) до моего потного лица.

Одна blyadskaya мокринка всё же попадает на рубашку, но волнение от операции диктует сохранять спокойствие, roviebivat'sa можно и после. Открываю бутылку водки ивливаю в упаковку сока до упора. Операция повторяется со второй бутылкой.

Теперь мы имеем две бутылки алкогольного сока и ещё одну бутылка водки припрятывается в почтальонку на будущее. Пустая стекляшка оставляется на подоконнике. Думаю,

когда её обнаружат – нас уже здесь не будет. Наши прекрасные ноги будут отплясывать в ресторане.

Выходим из толчка. Мимо проходит одна знакомая тёлочка. Высокая такая, с белыми волосами. Всё бы ничего, но у неё всегда была слишком простая деревенская рожа. Она симпатичная, я не оскорбляю. Просто факт есть факт. Так вот, она здороваётся с нами, приходится обмениваться любезностями. Лошадиная морда зовёт нас на улицу фотографироваться, так как весь наш sranуі класс решил пойти проветриться (в такую-то жару?), заодно понаделав памятных снимков. Ничего не остаётся, как принять приглашение.

По дороге пригубливаем сочка. Поорав над нашей маленькой проделкой, было решено немного «подкормить» тех rızdyuchkov, от которых не тошнит.

На улице передо мной предстал давний кошмар. Фактически все девочки, даже которые находились в статусе суперсосочки – накрутили себе волосы в непонятное der'mo, которое им явно не шло. А ещё эти изуродованные девочки оказались на одной площадке, попадая разом в поле зрения. Второй омерзительный факт заключался в поведении, как у ebuchih детей, словно все их эмоции вышли из дешёвого американского мультика для подростков. Каждый реагировал на алкогольный сок так, будто в жизни ничего круче никто не делал и не пил. «Ну, просто ребята, ну вы crazy!»

Хотелось взять чью-нибудь тупую маленькую голову и раздавить в своих сильных руках. Оставив Н. начатую бутыл-

ку, решаю отвлечься. Вышел за территорию школы, закурил

Сейчас маскарад кажется ужасно излишним. Нет в нём правды. Сегодня все театрально милы и улыбочивы. Пафосные соски мило общаются с *zadrotami*, которых на протяжении учебных лет высмеивали за каждым углом. Каждая замурышка сегодня нацепила вещи, которые в жизни бы не надела. Я не говорю, что это плохо. Просто не соответствует правде, собственному нутру, которое и должно передаваться внешним моментам. Даже мне несвойственна эта рубашка. Последний раз я надевал подобную шмотку в первом классе.

Сегодня мы все притворяемся. Хвалим наряды друг друга, которые имеют характер одноразовости. Разговариваем с людьми, с которыми бы не сели *sgat'* в одном поле. Мне думается, это и есть взрослая жизнь в своём истинном обличье. Социальное правило поведения. Некая мера, которой теперь каждый из нас должен придерживаться, чтобы чего-то добиться. Заниматься лицемерием, носить чужую шкуру и по-детски улыбаться очевидному *der'mu*.

От правды немного грустно, но что поделать? Докуриваю вторую сигарету, и после пяти больших глотков возвращаюсь в зоопарк.

К этому времени успевают подтянуться многие родители. Зацепляюсь взглядом за знакомые лица. Мама дарит букет цветов моей руководительнице. Они обмениваются любезностями. Отец скромно стоит по правую руку улыбаясь, делая вид, что ему интересна развязавшаяся чепуха. Зави-

дев друг друга, мы обмениваемся взмахом ладони, но я не подхожу близко, приземисто решая вклиниться в разговор Н. с девчонками. От меня пока слишком разит перегаром. Пусть родители думают, что я корчу из себя большого мальчика, которого смущает факт их нахождения рядом. Роль подростка отыгрывается замечательно.

Потихоньку начинается фотобесие (скрещение фотосессии с мракобесием). Лучшие подружки в обнимку, парни в основном по двое. Затем общая фотография парней отдельно. Ещё больше снимков с родителями. Начинает казаться, что эта скука никогда не закончится, но вот выходит завуч, созывая всех в актовЫй зал, где будут вручать аттестаты.

Здесь настоящая консервная банка, ей богу! Я и Н. садимся рядом. Вокруг нас собирается вся шелуха, которая жаждет присосаться к нашему соку. Запускаем две весёлые бутылки по хаотичному кругу. Директор настороженно поглядывает в нашу сторону, но ничего не говорит.

Кроме задачи сделать всем морально и физически больно, подобные мероприятия имеют некую повествовательную функцию, в которой заложена примитивная логика.

Сначала выходит завуч, начиная свою речь с дебильной шутки, что здесь сейчас будет жарко. Дальше она сообщает причину, по которой мы собрались. Поздравлять нас выходит детский ансамбль «всем роhуi какой». Начинается банальная пляска. Предоставляется слово директору свиарника.

Божемудакговорибыстрееятебяпрошумысейчастутсдох-
немвсе.

Потихоньку начинают вручаться синие картонки, причем по списку. Через каждые пять человек выходит родитель и говорит свою неактуально нудную речь. Единственное, что заботит меня – желание глотнуть свежего воздуха, а ещё испортить воздух в целых двух ипостасях. Для не особо смышлёных расшифрую: хочется эм, бзднуть и хочется уже, наконец, покурить, потому что всё это невыносимо.

Очередь доходит до меня. Безымянная публика начинает хлопать. Выбегаю с фальшивой улыбкой уставшего шакала на сцену. Меня обнимает завуч. Отдаёт кусок говна в руки, заставляя сфоткаться с директором, от которого безбожно воняет der'tom пока он говорит. На секунду мне кажется, что от подобной близости смрада я потеряю сознание, но стоически умудряюсь перенести последний «подарок» от школы. Спустя три часа каторги произносятся прощальные напутственные слова. У выхода происходит хорошая такая давка.

На улице намного свежее. Несмотря на очередное жаркое лето, ветер добавляет свежести. Некоторые девочки накидывают поверх плеч пиджаки своих отцов. Мы делаем финальные, никому ненужные фотографии. Шатаемся в сторону заказного автобуса, который отвезет нас в ресторан.

Закуриваю сигарету (можно уже не бояться, родители разошлись по домам), попутно начиная обсуждать со всеми

невероятную вонь изо рта директора.

Кто-то серьёзно начал подозревать его в *der'moedstve*, аргументировав это тем, что больше нет других объяснений, ведь так воняет только свежий шматок говна. Раздаются истерические смешки. Рассасываемся по автобусу. Я искренне надеюсь, что такое отчаянное веселье продолжится и на самом банкете. Amin`.

К моменту, когда автобус подъехал к ресторану, я уже неплохо накидался. Данное заведение носит гордое название «СТОЛОВКА», и от него за десятки метров несёт пролетарским *der'mom*. В качестве надзирателей захватилось несколько мамаш. Чьими родителями они являются – неизвестно. Нагло пропустив через лёгкие ещё одну сигарету, тащимся внутрь.

Интерьер, в отличие от экстерьера, не такой *zahkvarny*, есть где развернуться. Под ногами белый мрамор, а всё окружение изобилует красными оттенками, что в приглушенном свете выглядит вполне симпатично.

Нашу *koblu* уже ждали. На ресепшене стоит грузная низенькая тётка в синем платье. Она фальшиво натягивает *smile*, придавая слишком много значения таким *soplyakam*, как мы. Нам было предложено немного почилить и осмотреться, пока обслуживающий персонал заканчивает последние приготовления. В приподнятом настроении я начал клеить одну цыпочку, но она была слишком серьёзна, всё время

рассуждая только о своём будущем. Мой мысленный стояк и мечты perepihnut'sya в туалете улетучились.

С испорченными мыслями я ретировался изучать портьеры, которые оказались действительно хороши. Глубокий цвет вишни, идеально проглаженные – они отлично здесь смотрелись. «Торжественные занавески» протягивались через свободное пространство по обе стороны открытых лестничных пролётов. На секунду появилось желание потрогать их и понюхать... но вокруг шныряют маленькие человечки, не хочется выглядеть idiotom.

Н. подозвал меня к себе. Его предложение «немножко пригубить из бутылки» мне понравилось. Отошли в закуток ближе к туалетам. Я открыл сумку и, не доставая полностью стекляшку, а только горлышко, отвинтил её. Сделав по несколько глотков, мы одобрительно пожелали друг другу здоровья и переборов мерзкое послевкусие, вернулись в зал.

К этому моменту женщина в синем платье слюнявила микрофон. Она созывала «виновников торжества» занять места за накрытыми столами. Стоит отдать должное – скатерти белоснежные, нет и намёка на кусочки не постиранного govпеса. Хотя это первое впечатление сложились по единственно увиденному столу. Возможно, на других я найду место преступления, и тогда в законном праве смогу закричать: «Матерь божья, смотрите, уважаемые присутствующие, здесь есть кусочек kakashki!» Нужно не забыть после пройти проверить.

За каждым столом расселось по шесть душ. Я припарковался с Н., а четыре оставшихся места заняли самые знатные бабищи нашего класса. Сели они только по причине того, что в тайне все хотели otsosat' Н.. Девочки чуют успех за версту, ей богу, и я не смею их судить за это.

На столе упрощённая сервировка: салфетки, вилка, нож, ложка, хлеб и (her пойми для чего) бокал. У всяких там бокалов и кружек целая система блин, свой мир. Их столько видов, что простым людям rohui. Я видел разные формы для разного предназначения, но этот... подобие утончённого варианта «корыта» для маленьких свиней. Что нальют, то и пей.

Немного загнался. Возможно, я все-таки пьяный. Подняв глаза понимаю, что одна из девиц палит на меня. Я мотаю в её сторону головой (мол, huli надо тебе, царевна?) – она только пожимает плечами.

Первым блюдом заносят картошку с кусочком красной рыбы. Вполне сносно и вкусно, я как раз проголодался. Пока каждый уминал свою порцию, ведущая трещала языком, неся ахинею, возводя всех нас в больших молодцов. За годы практики мой мозг научился фильтровать алмазы от... не алмазов. И сие фекальные умозаключения недалёкого банального человека, зарабатывающего себе на хлеб пустым rizdejom, не касались моих ушей, проскальзывая в уши моих банальных (уже бывших) одноклассников.

В руках у официанток показались бутылки с шампанским.

Напиток для сумасшедших, честное слово. Ненавижу. Серьезно. Вся проблема шампанского в том, что оно невкусное. Даже мерзкое. А еще, из-за сильных газов, от него быстро пьянеешь. Сразу отказываюсь зная, что во мне уже прилично водки. Но это ведущее uеbihe в синем платье примечает трезвенника, начиная буквально заставляя. Сначала я скромно отказываюсь. Могу поклясться на библии или на чём там клянутся, но эта женщина начала прям серьёзно давить на меня. Вокруг сидящие uюбиha начали долдонить о том, что я должен blyat`, что это моя святая обязанность выпить со всеми. Начинаю с ужасом смекать, от меня не ot`ebutsa, пока я не выпью moshi.

Моё лицо краснеет. Повышенное внимание к моей персоне – моя слабость. Я готов разрыдаться от бешенства, но всё же беру ситуацию в руки. Улыбаюсь самой гнусной своей улыбкой, а поле трусливо сдаюсь. Под общий шквал воя и аплодисментов мне наливают в кружкабокалкорыто шампанского. Ряды рук синхронно опрокидывают содержимое в свои рты.

Я знаю, что может произойти. Опыта в алкоголе у меня достаточно. Я пробовал и продолжаю пробовать всё на свете в разных комбинациях. Я также знаю, что нужно не потерять тонкую нить здравого рассудка. Мой рот начинает поглощать много пищи в стремлении «обезвредить» алкоголь. Нужно просто стать немного трезвее, а там глядишь, и пронесёт.

Чувствую давление внизу живота – встаю. Надо в сортир.

Изображение смазанное. Звуки выходят на фон. Лицо горячее, кровь приливает к моим ушам. Теперь точно осознаю, насколько же я пьян, но надежда ещё есть.

Справив нужду, возвращаюсь на своё место, удачно изображая трезвость. Н. сразу подмигивает мне, бросая взгляд на сумку. Даю ему глотнуть без палева и тут, дорогие мои присяжные, ваш покорный слуга совершает ошибку. По каким-то непонятым мыслительным сбоям, я тоже глотаю горячего. Причём так основательно. Нектар разливается теплом по глупому телу. Всё дальнейшее – туман.

Вот я пристаю к девчонке. Вот машу бутылкой водки, а Н. просит меня не быть idiotom. Снова прусь в туалет. Помутнение. Держу в руках свой половой орган. Помутнение. Заходит Н. и спрашивает, скоро ли я? Помутнение. Заходит второй раз. Отвечаю, что сейчас буду. Помутнение. Лежу на кафеле в собственной рвоте. Помутнение. Два родителя поднимают меня. Помутнение. Возле толчка все мои одноклассники. Они смотрят на меня и ahuevayut с радостной улыбкой. Zadgoty же смотрят озабочено. Помутнение. Лежу на кожаном диване, куда постелили целлофановые пакеты. Помутнение. Очухиваюсь в машине директора, который везёт меня домой, параллельно допрашивая. Покорно отвечаю на все вопросы. Уже протрезвел. Всё понимаю. Как же мне huevo.

Наутро просыпаюсь с расколотой головой. Впервые у меня такое мерзкое похмелье за чертой фола. Буквально физически врываюсь во взрослую жизнь. С корабля на бал, как

говорится.

Родители спрашивают об инциденте, подытоживая стыдом за сыночка. Но по итогу разговор кончается шутками. Самое страшное было обнаружить пропажу личной сумки. Благо, позвонив классной руководительнице, оказалось, что она не какая-то там makroshëlka, а умная женщина, и сумку мою она учтиво прихватила. Надо забрать сегодня.

Жалкое зрелище, ей богу. Мне действительно стыдно за такое der'mo. В своё оправдание хочу напомнить, что не я начал алкосмешение! Что я, как доблестный воин, принял сражение, но потерпел поражение в неравном бою.

Жизнь студента продлилась недолго. С первого раза я поступил в институт на экономический факультет. Родственнички меня поздравляли там, плясали даже. Матушка рассказывала о своём сыне на каждом шагу. Я же пребывал в состоянии меланхолии.

Первые две недели занятий пришлось пропустить. Непонятным чудом у меня образовался свищ на шее. Местные врачи сказали, что эта штука находится на очень пикантном месте моего тела, где проходит куча всяких pizdukov, поэтому на операцию меня повезли в большой город.

По возвращению меня ждали одни проблемы. Первые три дня оставшейся недели мне удалось профилонить, сославшись на слабость после операции. Но с понедельника как штык на учёбу, парень, ей богу.

По мне незаметно, но я действительно очень скромный малый. В толкучке всегда берёт нервяк. Не люблю скопления там себе подобных, не люблю новые имена, как и места. Все эти факторы очень неприятны, но куда деваться?

Когда я зашел в основной корпус – первым делом нужно было узнать расписание. Я не был знаком ни с одним человеком из группы. Даже в глаза ни разу никого не видел. Вариант спросить ближнего – отпадает. Я стоял, изучая сarnie карточки, и ничего не мог понять. Написано от руки, а в придачу ужасно отсканировано. Кто, blyat` так делает, скажите мне на милость?! Ладно. Я пытался изучать мандавошек, но так ни черта не понял. Первый день пришлось провести в коридоре. Я залипал в телефоне и никому до меня не было дела.

На второй день настрой был прям боевой. Нашел какую-то чувику за регистрационным столиком, сунул под нос свой студенческий. Она объяснила мне под каким еврейским номером мне искать свою группу.

Уверенными шагами моя невротическая физиономия вернулась к убогому расписанию. Сегодня вторник. Так. Сейчас начнётся информатика. Номер кабинета «345». Докопавшись до охранника, я узнал, что нужный кабинет находится на первом этаже. Отлично, сегодня день, когда я не заплутаю в пролётах и не начну ловить приступы паники в надежде вырваться на улицу.

Звонок. Немного медлю. Стою в стороне около кабинета. Смотрю на ребят, которые заходят. Все какие-то саль-

ные, честное слово. Примечаю двух симпатичных девчонок. Через минуту врывается ваш верный слуга, ставя финальную точку сбора. Неокрепшие рожицы пристально уставляются на меня. Включаю защитный механизм в виде хищного взгляда. Вроде поуспокоились, отворачиваются. Sosnuli. Сажусь спокойно за свободный стол, включаю компьютер.

Вбегает лысый чёрт, с ним все здороваются. Дядька, в свою очередь, берёт в руки классный журнал, начиная проверять фамилии по списку. Я оказываюсь единственным засранцем, которого не назвали. Pohui. Не обращаю на конфуз внимания. Тут лысик примечает меня, спрашивая ФИО. Приходится повторять три раза, так как hui меня кто нормально выговорит. Неожиданно учитель сообщает, что моя группа разбита на две подгруппы! И как главный счастливчик и везунчик – я не на своей паре. Однозначно не мой день.

Меня сразу бросает в краску от бешенства. Молча негоую. Pizda за регистрационным столиком ничего мне про это не сказала. Ребята смотрят на меня с лёгким флёром издёвки. Молча встаю, прощаюсь с лысым и выметаюсь из этой sranou богадельни.

До конца недели пришлось усердно притворяться, что езу на занятия. Ещё целых три дня я садился в автобус, а через несколько остановок вылезал, чтобы сходить попить пива, посидеть на лавке и поплакать над своей судьбой. Да, я твёрдо решил, что не хочу быть экономистом. Какая экономика, алё?! Какое-то тупое der'mo. Учитывая мои наклонно-

сти, больше зашли бы уроки химии. Не хочу тратить много времени на то, к чему не лежит сердце. Ну, или, по крайней мере, на что мне откровенно плевать.

С одной стороны, я рад принятому решению. Смелый вот такой выбор, когда решаешь не идти наперекор самому себе; своему внутреннему голосу. С другой стороны, я sranіy совершеннолетний mudak, у которого не будет образования. Куда я пойду? Но самое главное – это мама, да и отец, которые сильно расстроятся, что их сын полнейший dolboeb.

Делать нечего. На выходных собираюсь с духом. Пока отца нет дома – выкладываю по-чесноку маме. Удивительная она женщина. Не думал, что она воспримет моё решение так спокойно.

В ходе конструктивного разговора приходим к выводу, что этот год я проведу за работой, а заодно и пойму, что мне нужно. Вот так вот! Я очень обрадовался. С отцом же эта святая женщина поговорит сама.

В понедельник я и мама едем в институт расторгнуть договор, где нам возвращают большую часть денег. Приехав в свой район, татамchіk покупает мороженое, и мы сидим на лавке, просто болтая на разные темы. Она меня приободрила, сказав о правильности моего поступка. Не стоит жалеть. За это я ей очень благодарен. Один из лучших дней, когда я почувствовал себя не говном, у которого есть шанс на лучшее будущее.

Работа нашла меня только к началу зимы. Pizdyuk без об-

разования, да ещё в маленьком sranom городке – сложная история. Найти каторгу при таком раскладе своими силами не так просто. Пришлось встать на биржу труда с падшими людьми и маргиналами, метящими на пособие. Кого я только не повидал, пока ошивался в очередях.

Весь контингент люмпенов и социально-опустившихся людей. Единственный человек, которого мне было действительно жалко, парнишка с ДЦП. Он был весь деформирован, пришел с мамой. Его руки постоянно тряслись. Он был ни в чем не виноват. Просто так бывает. В подобные моменты меня охватывает злоба и обида. Я ещё раз убеждаюсь в том, что если бы существовала высшая справедливость, то она бы никогда не допустила подобного зла.

Сегодня пятое декабря. Я иду в рассадник фриков в последний раз. Мне позвонила тётка (мой куратор по безработице), предложив отличный вариант подсобного рабочего. Сразу скажу, что я ни черта не в восторге от должности, но понимаю своё положение. «Почему отличный вариант?» – спросите вы. Всё просто как день. Работа располагалась через дорогу от моего дома. Я смогу просыпаться за sranuh десять минут до начала, а затем спокойным шагом добираться вовремя. Поэтому, когда я услышал адрес – сразу сорвался с места.

Получить такую шакальную должность не составило труда. Меня приняли на первом же собеседовании. Зарплата, разумеется, с hui азиата, но это лучше, чем ничего.

На следующий день мне выдали фирменную робу, познакомили с коллегами, показали основные четыре склада и выделили шкафчик для одежды...

Первый рабочий день на первой работе. Звучит волнительно, не правда ли? Я проснулся за час, чтобы спокойно принять душ, позавтракать и собраться с мыслями.

В рот особо ничего не лезло, но было решено пересилить тошнотворный спазм, закинув два бутерброда. Вышел немного пораньше. Неспешно пройтись и подышать воздухом – самое то при волнении. Матушка пожелала мне удачи и спросила, во сколько я вернусь. Мой рабочий день заканчивается в 18 часов. Звучит безобидно, если взять в расчёт приличный пласт населения, который ebahit до самой ночи.

У нас, подсобных рабочих, своя каморка. Располагается организация на территории больничного городка, которая занимается обеспечением всех корпусов необходимым, начиная от ручек и заканчивая серьёзным медицинским оборудованием. Наша небольшая команда рабов занимается примитивными функциями из разряда «возьми – положи – принеси – отдыхай». Проще и придумать нельзя.

К слову, о «небольшой команде». Думаю, стоит представить местных героев, учитывая, что каждый достаточно колоритен. За кратчайший срок ваш блистательный слуга провёл анализ болотных троллей.

И. – младший на побегушках. На год старше меня. При-

чёска горшком. Добродушный. Глаза узковаты, а веки припухшие. Похож на жалкую пародию монгола. Смеётся любым шуткам, пытаюсь добавить что-то своё, но у него плохо получается.

Дядя С. – самый древний персонаж. Ему около 65. Он культурный, остроумный. Он алкоголик. Самая выразительная черта – его длинный плотный нос, как у крысы. Да он в целом на неё и похож.

Дядя Т. занимает вторую строчку чарта по дряхлости. Похож на персонажа мультика. Достаточно бесформенный, лицо круглое со складками. Много заикается, много курит, достаточно бесхарактерен. Он алкоголик без чувства меры.

И наконец С. – бугор. Главный шизик заведения. Ему 32. У него нет бровей. Он что-то среднее между свиньей и человеком. Достаточно дерзкий, властный, завистливый. В целом неплохой мужик, но есть одно НО: он алкоголик. И когда он напьётся, то звереет с риском для здоровья близких.

Вот с такой командой мне предстоит коротать долгие часы моей единственной и неповторимой жизни за сущие гроши.

Во всём представленном мракобесии есть и хорошие моменты, а именно: три дивана, где можно валяться, телевизор, плита, холодильник. У нас целая мини-квартира, где можно недурно так расслабиться. А ещё работы не так много. Ходить на просьбы будет нужно по очереди, либо по маленьким группам. Редко когда мы будем нужны все сразу.

В первый рабочий день меня особо не напрягают. Ходил

вот с каждым персонажем по мелким задачкам и смотрел, что-где находится. Парочку раз помог расставить прибывший на склад товар. Большую же часть времени мы сидели бандой в коморке, ничего не делая. С. всё время предлагал поиграть в дурака, а младший ему шестерил.

Вообще, дорогие присяжные, скажу вам честно, я очень сильно впал в уныние своего несовершенного духа. Почувствовал, так сказать, настоящую сломленность. Весь мой задор пропал. Единственное, что хоть как-то начало спасать патовую ситуацию – литература. Я начал читать буквально всё подряд. Подсел на слова, как на иглу, ей богу! Благо деньги начали водиться, и можно было позволить покупать книги.

Своё свободное рабочее время я начал тратить на чтение. Иногда местные клоуны интересовались о чём та или иная книга. Максимально коротко без энтузиазма приходилось пояснять без лишних вздохов раздражения. И каждый раз в ответ раздавалось ебаное: «оооо...», а С. и вовсе только цыкал языком.

Сам того не замечая, я вдруг начал писать полноценные стихи. Приют в них смогла найти моя искренняя тоска. Иногда я их перечитываю, где-то поправляю косяки, каждый раз улучшая звучание. Чувствую, как становлюсь другим. Словно змея, начинаю линять, обновляя кожу. Но почему эти изменения так болезненны? Кого я из себя решил возомнить?

Из-за работы почти не вижусь с Р. и Б.. Мы как бы слегка раскорешились. И если с Р. я пересекался хотя-бы раз в неделю, то Б. совсем пропал с линии горизонта. А ещё теперь всё моё свободное время занимает Л. – моя новая девушка.

Уже как восемь месяцев мы вместе. Она простая и задорная. У неё есть две особенности: родимое пятно (шрам на лице, который смотрится даже мило). А ещё она боится trahat'sya в писю, но при этом даёт в попу. Я человек взрослый, мне роһи. С другой стороны, даже интересно. Но я не пойму, неужели ей не хочется адекватности? Ох уж эти проблемы белых людей. Кроме Л. и занятием с ней грязными делишками, я увлёкся рисованием. Рисовал-то я со школы, но это было всё баловство. А сейчас купил вот несколько книг-самоучителей. Чекаю там всякие перспективы, свет-тьень, и прочую муть. Достаточно интересное der`mo.

Жизнь понемногу наполнилась чем-то приятным. Свободных минут почти не оставалось. Я встал на путь интеллектуальной прокачки. Появился чёткий график с переменными: «работа – чтение – ужин – рисование. Работа – чтение – поугарать с Р. – рисование. Выходной – чтение – eblya с Л. – рисование».

На днях твёрдо решил вот, что хочу поступить на художественный факультет. Сказал о своём решении матушке – она была очень рада. Она призналась, что уже давно заметила изменения, которые произошли со мной, и всё не могла нарадоваться, что её любимый сыночек встал на путь развития.

Ещё не так давно случилось презабавное совпадение. По обычаю мои родители отправились погулять вечерком. Воздух там свежий и всё такое. А когда вернулись, то сунули под нос номер с именем. Оказывается, при своём обыденном ногашлёпанье, из кустов выбежал длинноволосый дедуля, который походил на *spancu t`elku*. Он спросил, куда вообще заплутал, пояснив свой дезориентир побегом со свадьбы одной заказчицы, так как одна богатая гостья начала помогаться дедулю, а он, видите ли, человек женатый. Подытожил он свой отчёт, пояснив свой род деятельности: «Видите ли, мадам-уазель и сеньоре, я НИИдожник».

Мои родители разговорились с ним, не забыв рассказать про вашего верного слугу. Этот мистер старый художник сказал, что может стать мне репетитором. И вот теперь передо мной лежала бумажка с его именем и номером.

Пока я думал, мама всё жужжала: «это судьба, судьба, судьба». Я так не думаю, разумеется. В судьбу верят наивные люди, но всё же интересное совпадение, которое мотивирует рискнуть малым.

Уже со следующей недели (каждую среду после работы) меня ожидало два часа занятий. Признаюсь, господа присяжные, всегда кажется невероятно трудным любое начинание.

В.И. оказался весёлым и очень умным дядькой. Он резко взялся за мою думалку, обучая анализировать по красоте грамотно во всём; начал приводить мои мысли в порядок.

В.И. всегда требует невозможного, чтобы получить максимум. Очень скоро я начал ощущать результат не только в рисунках и этюдах, но и в повседневной жизни.

Можете смеяться надо мной сколько влезет, но я действительно начал чувствовать некую особенность и силу. Ко мне вернулся жизненный азарт, только приправленный мудростью и знанием. Если так можно выразиться, то личной философией, что ли, которая сложилась из фрагментов объёмного пласта информации. Моя жизнь набирала обороты, и грядущим летом я собирался поступать в художественное заведение. А пока лето было ещё за горами, то приходилось каждое утро протирать глаза и топать на работу в надежде отделаться минимальными усилиями.

Моей начальнице за сорок, но даже в таком возрасте мужики её хотят, я-то уж точно. Эта девчонка точно следит за собой. У неё упругая подкаченная попка, талия, короче, всё при ней. Сегодня мы опять удачно пересекаемся у ворот, перекидываемся типа парой фраз. Затем она идёт к себе в офис, а я поднимаюсь по крутой наружке в нашу с парнями помойку.

Пока скучно, вот что вспомнил! На днях одна складная работница брала меня и С. на мини-склад ненужного барахла. На вид это sraniy вагон без колёс, что стоит в трёхстах метрах от офиса. Там мы типа крайне редко должны заниматься пересчётом пыльных единиц. По факту – никто этим говном не собирается пользоваться, зато для бухгалтерии

было жизненно важно знать: не spizdil ли кто какой ржавый винтик? В общем, скука.

Когда мы дошли до забытой группы деревянных коробок, то оказалось, что в них лежит куча смесителей. Мы открывали каждую коробку и пересчитывали их, складировав смесители в новые большие мешки (для экономии места). На это у меня и С. ушло почти полтора часа. Женщина со склада поставила последний плюсик, сказав, что теперь к этим смесителям не вернутся ещё лет пять. Ahuennaya информация, спасибо!

Вытаптываемся из вагона. С. закрывает склад, и мы медленно волочимся на обед. Я закуриваю, С. стреляет сигарету. Вдруг от него прилетает вопрос: «Тебе бабки нужны?». Конечно, мне нужны бабки, толстый ты mudila! Скажи лучше, кому они не нужны? Если уж жирным ubludkam, которые возглавляют список миллиардеров – бабки нужны, то... ай, blyat`, ладно. Просто отвечаю положительно. Перед дурачком ещё раскошелиться на ядовитость...

С. начинает пояснять мне, что это олдовые смесители. В них что-то там zaebatое такое есть, очень прилично стоит. А ещё, у него есть кореш, который может такое spizjenное добро купить. Так как С. нищий huilan, да ещё и алкаш, то ясное дело он ищет любой способ заработать.

Дурачок говорит, что хочет без палева загнать это der'mo. Он предлагает мне стать соучастником, ведь в свои две трясущиеся руки будет тяжело повернуть дельце. Что мне оста-

валось ответить? Жадно подписываюсь на уголовное дело. К тому же, красть ключи будет С.. На этой счастливой ноте мы доходим до базы, где И. и дядя С. разгружают машину с металлическими прутьями. Ребята предлагают нам помочь, и я уже дергаюсь в их сторону, но С. Хватает за плечо героя, отвечая, что пусть они идут паһи, мы своё отработали. Покорно слушаюсь, учитывая, что после такого дубака типа хочется посидеть в тепле.

С. ставит чайник. Начинает звонить своему корешу. На слове «смеситель» и «вывести» болван специально снижает громкость голоса, хотя никто не услышит его и так, даже если он говорил бы на повышенных тонах. Спустя две минуты бубнежа, С. вешает трубку и сообщает мне: «операция назначена на послезавтра». Киваю. Отвечаю что-то типа «принял – понял». Мы довольно улыбаемся в предвкушении скорого обогащения.

Через время поднимается дядя Т.. К нему подскакивает С., уламывая сгонять до ближайшей табачки, купить сигарет и пару фуриков. Дядя Т. немного ломается, пытаюсь отмазаться тем, что он устал, так как был в отделении онкологии и в одиночку двигал шкафы главврачу. Но по итогу, всё равно соглашается, ведь в списке покупок есть слово «фурик», а для таких опустившихся цевков этого вполне достаточно, чтобы свернуть целые горы.

Дядя Т. покорно ретируется в магазин, а на сцену врывается обиженная парочка. Остаток рабочего дня три беса на-

катывают свой дикий спирт, И. просто спит, ну а я читаю великих, мать их, гениев.

Наступает день грабежа. Я нервничаю, всё-таки светит уголовка, если спалют, но желание нажиться стоит куда выше страха. Операция должна произойти в обеденный час. Время, когда нас не смеют беспокоить.

С утра пришлось потаскать приехавшие мешки с цементом. Я хоть и перестал ходить в качалку, но не перестал быть мощным. Таскаю мешки в одно рыло. С. делает так же, не уступая. А вот дядя Т. с И. тягают цемент вдвоём. Один слишком старый и немощный, второй просто слабак. Ей богу, они всё время вместе. Еще немного, и я начну приписывать им романтические отношения. После разминки ничего не предвещается, поэтому мы усаживаемся играть в карты.

Настаёт час обеда. С. мотает головой в сторону выхода. Самый старый чертяга интересуется, куда мы это вдруг собрались, на что был послан pahui. Вы не подумайте, подобная грязь говорится по-дружески, по взаимному согласию. Я и С. оказываемся посланными в ответ.

Спускаемся. С. говорит ждать его у ворот, а сам двигает на склад, где сидят женщины-кладовщики. Успеваю сделать не больше десяти тяжек, как толстяк возвращается, шурша в кармане ключом от склада. Полдела сделано. Осталось самое нервяковое.

Подходим к вагону. Красный пикап уже на месте. Водитель выходит и здоровается. С. быстро открывает двери скла-

да. Не сбавляя темпа, начинаем перекидывать мешки со смесителями. Ах, моё первое воровство! Всё как во сне. Через раз озираюсь по сторонам, высматривая какого-нибудь начальника или служащего, который мог заинтересоваться в происходящем, по итогу накрыв лавочку, но ничего такого не происходит.

Да, дорогие присяжные, накал страстей в подобных сценах бывает только в кино. А вот в жизни вполне и более гнусные вещи проходят очень гладко и хорошо. Мы спокойно перекидываем все смесители. Уже в машине водитель ещё раз их пересчитывает, затем отсчитывая достаточно много купюр из кожаного кошелька.

Нас никто не видел, всё прошло идеально. С. вытаскивает несколько купюр и всучивает мне. Доля составила три с половиной тонны. Я видел, толстому ублюдку заплатили гораздо больше, но спорить нет смысла, всё-таки основной риск на нём. Если что, то я со спокойной душой сдам его. И дело тут даже не в том, что я крыса (хотя кто знает, человеческая подлость неисповедима), а в том, что это действительно его идея. Ему тюрьма к лицу, а я слишком молод. По итогу болван нажирается от счастья. А большего таким и не надо.

Март. Ещё прилично так холодно. Местами лежит снег, но солнце обещает в скором времени исправить оплошность. У меня отличное настроение. Через два месяца я должен уволиться, посвятив весь июнь финальной подготовке перед

вступительными экзаменами.

На работе меня не было две недели. Ваш слуга мирно провёл свой законный отпуск на воле, играя в компьютерные игры, занимаясь ebley в oshko, чтением и рисованием.

Сегодня у меня первый рабочий день. Радостный и отдохнувший захожу в каморку с получасовым опозданием. Ребята вяло здороваются со мной (всегда тяжело видеть счастливого и отдохнувшего товарища), мой взгляд не находит дядю Т.. Тут С. сообщает, что оказывается, у этого морщинистого мудака обнаружили туберкулез в какой-то запущенной стадии. Причём он им болел относительно давно, просто забивал lui. Теперь он на знаменитой горе в диспансере. Ещё С. сообщает, что я вовремя вышел, так как сегодня мы все идём сдавать флюорографию. Нужно выяснить, не зацепил ли своей заразой этот мудила кого-то ещё.

Zaebis`. Я почему-то не удивлён. По телу проходят мурашки. Не то, чтобы я такой славный очкун, просто подобные болезни вызывают во мне отвращение. Туберкулез – это что-то грязное, мерзкое. Такое же отвратительное, как и тараканы или комары.

Работы, как и почти всегда, нет. Каждый сидит и занимается своими делами. Дядя С. куда-то пропадает, возвращаясь с двумя победными фуриками. Он говорит С. «чтобы никакая зараза нас не взяла». Разливает der'to, бадяжа водой из-под крана. Собственно, звучит это иронично, учитывая тот факт, что с точки зрения здорового общества – именно

эти два персонажа представляются в формате заразы и болезней. А вот вам ещё ирония в квадрате – спирт в таких количествах мудачков и убивает. Ухмыляюсь своему замечанию (хотя в глубине понимаю, что дурачок здесь я, который не особо далеко ушел от огрызков), но ничего не говорю.

Дядя С. снова уходит. Нам уже скоро выдвигаться, а старый пропал. Выходим на улицу. Начальница стоит внизу, болтает. Ждём *bolvana*. Мало кто заметит, но дядя С. прилично так пьяненький. Привыкшая к подобному секси-начальница начинает отчитывать его и угрожать увольнением. Затем мы все *pizduem* в главный корпус «книжку» – его так называют по причине разветвления конструкции в разные стороны под острым углом, из-за чего создаётся впечатление, словно это большая раскрытая книга.

В кабинет нас запускают сразу. Пока сидим на стульях, начинаю понимать, что тут воняет живым *govnom*. Seriously. Сначала мне кажется, будто я вступил в *der'mo* на улице. Проверив подошву, понимаю, несёт не от меня. Начинаю мотать головой, выискивая виновника. С., как и И. – тоже почуяли неладное. Наравне со мной головы крутятся, принохиваются типа. Единственный, кто абсолютно ничего не замечает и не чувствует – дядя С.. Он сидит со своим огромным крысиным носом, не чуя очевидного *pizdesca*. Начинаем обсуждать феномен *kakashki*, который витает в кабинете рентгенолога. Женщина-врач подозрительно смотрит на нас, изучая на предмет аварии нашу обувь. У всех всё чисто.

Подключаем в дискуссию и её.

Дядя С. начинает раздеваться со словами: «Ну раз вы такие бездельники, то я первый на плаху. Мне вон туда вставать спиной?» – спрашивает старый mudak, расстегивая лямки своего комбинезона. Вонь усиливается, и когда он поворачивается к нам спиной мы видим огромную, размазанную кучу kala на синей ткани и спине. Готов поклясться, меня чуть ли не вырвало, но благо приступ смеха оказался сильнее. Все начинаем дико орать с такого поворота. Боже, какой позор, дядя С.! Ты напился, обосрав в туалете себе комбинезон.

Считаю это лучшей поучительной историей для тех, кто сидит и гадит в позе орла, особенно если на нём неудобный комбинезон. Остерегайтесь коварной kakashki.

После пережитого, С. начал пересказывать историю каждому работнику, который встречался на его пути. Вскоре произошел масонский заговор, и весь медгородок начинал улыбаться, завидев на горизонте дядю С.. Я потом как-то слышал, что ему дали банальную кличку «Старый засранец» и вроде она прижилась. Со снимками всё оказалось хорошо, мы были здоровы, каждый по своим возможностям.

Май наступил очень скоро. Я поставил последнюю подпись на увольнительном листке и был снова открыт для будущего.

Чем ближе становился день экзаменов, тем больше я подсаживался на измену. Такая черта, да. Каждый вечер, когда выходил покурить в подъезд или на улицу, я начинал создавать симуляцию грядущего; разговаривать даже с воображаемыми людьми – уже огромный стресс, как же всё будет с живыми? Мама дорогая...

Ситуация обострилась за несколько дней до начала экзаменов. Родители вынуждены были уехать за три тысячи километров к моей тётке, которая сильно заболела и нуждалась в поддержке. К огромному горю, вряд ли бедняжка выкарабкается. Такие заболевания не лечатся, а учитывая то, что она ещё и запустила себя... В общем, признаюсь честно, я очень сильно переживаю за подобное дер'мо. Ну, не в плане, что моя тётка такая, а в плане всех этих болезней и прочего, связанного с близкими. Не знаю почему, но мне стыдно показывать свои эмоции, поэтому держусь молчаливым грубым особняком. Главная проблема заключается в том, что меня оставили следить за домом одного (кормить рыжего засранца), и плюсом нужно сдавать экзамены.

Дополнительный ужас был сформирован из-за большой суммы денег, которую мне оставили, чтобы я жил тут припеваючи. Господа присяжные, дорогие мои, вы догадываетесь, что означает оставить mudaka с кучей зелени в свободной квартире на несколько дней? Поверьте моему драгоценному опыту – ничего хорошего из такого сочетания не выходит.

В первый же день ко мне пришла Л.. Мы ужрались в хлам

и ebalis` полночи. Чёрт дёрнул меня за язык сказать, чтобы она пожила у меня, пока родителей не будет. И какой-бы нервной и серьёзной не была ситуация со вступительными, она никогда не перевесит желания придаваться тупому и порочному наслаждению (кто придумал гедонизм?).

Вечером, накануне ответственного дня, твёрдо решаю разрисоваться. Типа потратить целый день на рисунок, чтобы не оплошать. Л. меня поддерживает, обещая не отвлекать. Поэтому эта suchka зовёт своих ЛУЧШИХ ПОДРУГ! Вlyat`, ты серьезно?! Ты решила мне не мешать, позвав своих девочек?! Что говоришь, дорогая? Ах, вы будете готовить, сидеть на кухне и не мешать мне? Хорошо, да, спасибо папи огромное, PIZDA ты, и даже не дырявая!

Ладно, я погорячился. Но слова свои обратно не возьму, учитывая, что они так и остались просто кричащими мыслями; моим внутренним ядом, который медленно разъедает организм.

Решительно успокаиваюсь думая, что действительно удастся запереться в комнате. Буду спокойно рисовать, плюсом соберусь с мыслями. Так оно и получается. Правда, знаете, когда ты один в комнате сидишь в полном одиночестве перед мольбертом, да ещё у тебя завтра самый нервный день... Когда ты сидишь и собираешься с мыслями, а за стеной раздаётся весёлый смех, а ещё этот запах еды... Да и вообще, эти suchki вроде притащили много бутылок вина. Становится как-то злобно, что ли. Чувствую себя тем самым ре-

бёнком, которого поставили в угол за мелкую шалость. И вот всё стою в холодном углу, а жизнь вокруг идёт своим чередом, а я как бы стороне. Казалось бы, куда хуже?

В девятом часу раздаётся звонок в домофон. Это притащился Р., ему скучно. Ubludok смеет захватить с собой пива и Мартышку. Чтобы вы понимали, Мартышка – наш общий знакомый. Похож на сраную обезьяну, очень высокую такую, дистрофичную. Хотя по мне он больше смахивает на забавное чучело. Ну да не важно. Эти уроды знали, что у меня важный день, знали! И всё равно gripizdyachilis`. Ну как их ещё назвать?

Окончательно сдаюсь под натиском соблазна. Просто начинаю попивать пивко и болтать. Даю себе типа расслабиться. После третьей кружки уже успокаиваю себя тем, что перед нервяком – подобное время препровождения, наоборот, полезно. Завтра с утра обязательно приду на экзамен спокойным и отдохнувшим. Такой эффект ещё достигается мастурбацией перед сном.

Пиво вскоре заканчивается. Мчим в ближайший бич-магаз за добавкой. Тем более, что подобным частным шарашкам совсем rohui на законы о запрете продажи алкоголя после десяти. В довесок открываю свой мини-бар, угощая всех первоклассной водкой. Голова совсем теряется. Скажу прямо – я безвозвратно теряю само время.

Под всеобщим гомоном отвожу Л. в ванную комнату, где она по-быстрому помогает мне расслабиться ещё больше.

Пока она sosala причмокивая, взгляд мой зацепился за собственное отражение в зеркале. В нём я увидел лицо глупого недочеловека. Частичка трезвости внутри как бы взбунтовалась, напоминая об обязанностях и стремлениях. Неужели всё так порушится? Ну уж нет!

Умываю лицо холодной водой, а когда возвращаюсь в комнату – прошу всех s`ebatsa nahui из моего дома. Подруги Л. не против, они и так собирались. Мартышка немного возмущается, но я успешно выталкиваю его за железную дверь. Осталась Л., которую я решаю не выгонять, дабы не быть совсем уж зверем и Р., который не хочет уходить.

Как бы я не старался его выпроводить – pidaras не поддаётся, превратив трагическую клоунату в игру. Podonok умудрztncz меня смилостивить, сообщая о забытых дома ключах. Продолжаем пить.

Теперь уже волнуется Л.. Она говорит, что скоро вставать, а я всё ещё даже не просох. Бывает такое состояние, когда отчёты на самого себя посылаются куда подальше...

Просыпаюсь от руки Л.. Она трясёт меня и орёт, что нужно бежать. Посмотрев на часы, понимаю, что экзамен начнётся через сорок минут, а учитывая, что сорок минут чистого времени мне понадобится только на дорогу... В придачу ещё и в голове полная каша, а во рту вкус рвоты.... ПОЛНЫЙ PIZDEC!

Пинаю Р.. Ору, чтобы он проваливал. Возможно, именно сейчас он чувствует себя немного виновато, предлагая про-

водить на остановку.

Как бы мы сейчас не старались, но на сборы уходит около пятнадцати минут. Я безбожно опаздываю и, хотя внешне выгляжу спокойным – внутри меня царит паника и неподдельное отчаяние. Добегаем до остановки, теперь остаётся только ждать. Как назло, ни одной подходящей газели или автобуса. Проходит более семи минут. Катастрофа.

Паркуемся на лавке, облакачиваясь друг на друга. В ожидании нужного номера засыпаем на добрый час.

Проснувшись, понимаю, всё кончено. Во мне уже нет паники. Подъехал нужный троллейбус. Без какой-либо спешки добираюсь до учреждения, где должна была начаться моя новая жизнь. Но приезжаю я только для того, чтобы забрать ранее поданные документы.

Что я чувствую? Сказать: «Пустоту» – ничего не сказать. Сплошной осадок. Такой глубокий и густой, что перестал, что осталось только погрузиться в собственноручный скафандр аутизма и впасть в глубокую эмоциональную кому.

Родителям пришлось соврать сказав, что мне не хватило баллов для поступления. Мама снова меня приободрила. Л. вдруг стала мне безразлична. Тётя моя умерла. А с началом сентября я вернулся на прежнюю работу. Побежденный и сломленный ещё на целый год унылой каторги и самобичевания.

Нить тревоги,

что нашла иголку
в стоге,
вшила себя в моё
пальто.

Я иду в нём
по подворотням
и мне холодно даже
днём.

Тень сомнения
(куда идти дальше?)
отбрасывает свой
силуэт.

Я человек
с туманной целью,
мне идти неизвестно
лет.

4. Лжец, интрижки и погоня

По периметру листа расставлены графитные засечки – это общий габарит изображаемого объекта. Мягкие, еле заметные линии как бы обнимают силуэт. Он приблизителен, но опорные точки найдены, а значит, найдены и рамки, за которые уже нельзя выходить.

По вертикали появляются горизонтальные чёрточки. Они

точные в своём расположении; в своей относительности (не по Эйнштейну, если что) друг к другу. Они являются вешками к каждой последующей детали. Полутушеванный блёклый штрих образует большую тень, а где есть тень, там есть и свет. Хлорат натрия бумага берёт на себя эту непростую роль.

Теперь появляются линии направления конечностей. Скелет формируется быстро, уточняя собой предыдущие разметки. Намёки на мышцы и кожу. Вешки прячутся, становясь блеклыми намёками, где их не разглядеть невооружённым взглядом. Уточняется общая тень, более детально расставляются акценты насыщенности излома рёбер. Сначала боковая часть головы, скула, теневая сторона носа и, конечно же, глазницы. Общий силуэт, а затем чуть резче на косточке, чуть глубже на переломе у слезника. Аккуратный штрих под ключицей, грудями, на сгибе локтя, бёдрах, под коленными чашечками. Везде разное напряжение. Тень – словно паучья нить, окутывает тело. Она уже устала. Немного кривит губы; скорее всего затекли ноги и болит спина.

Звонок на перемену. Натурщица первая подрывается с места, надевает джинсы, хватает шубу. Толпы тел движутся в курилку. Мы идём немного порознь, нам не о чем разговаривать.

Не верится. Я уже на третьем курсе. Сейчас зима. Для чего мы вырастем?

Спускаюсь со второго этажа мастерских. Вот несколько

девчонок курсом помладше. Они здороваются со мной, широко улыбаясь. Они хотят меня, я точно это знаю, ведь одну из них я периодически седлаю. Ничего серьезного, такие здесь правила.

Иду по длинному коридору первого этажа, здесь кабинеты прикладников. Вижу знакомого, но не зову его с собой. Нужно побыть наедине. Противоречивое чувство. Странно, честное слово.

За последние почти три года я переспал с половиной своей группы и не только. Но чем больше я предаюсь распутству, тем больше проникаюсь одиночеством. Наслаждение настолько временно, что, как только я получаю оргазм – наступает мгновенное опустошение.

Прохожу через пункт охраны, застегиваясь на ходу. В тамбуре очередь. Грубо протискиваюсь между парнями, что помладше. Свежий воздух солнечной зимы.

В курилке уже прилично народа. Но кто они все? Просто очередные тени, блеклые голоса, которые нечётко звучат на репите в ушах. Разговоров не разобрать. Становлюсь в стороне, закуриваю.

Сегодня январь, семнадцатое число. Уже четвертый день, как закончились каникулы. Уже как четыре дня я думаю о его смерти. Это случилось внезапно, под Новый Год, когда школяры сидели по домам, отмечая праздник повышения налогов и новых правил против людей.

Его звали В.Д.. В моей жизни он появился сразу после по-

ступления. Его пары по проектной деятельности неизменно стояли первыми по средам.

Он – старик, выходец «М-и». Бывший талант изобразительной культуры, а теперь и бывший педагог. Первое, что я никогда не забуду – его лицо. Выразительные глубокие глаза, нос крючковатый, тонкие губы; седые такие волосы, аккуратно подстриженные под зачёс назад. Общий образ В.Д. рождал в голове слово «Филин». Так я звал его среди одноклассников и друзей. Филин был выдающейся личностью. Спокойный, рассудительный. Не проходило много времени, чтобы он не сказал что-то остроумное, доброе. Все, кто с ним общался – любили его.

Я и Филин очень быстро подружились, буквально с первых пар. Последующие два года я был ответственным учеником. Много рассуждал на разные темы, спорил, отстаивал свои конструктивные решения. Филин ценил это. Он стал мне больше, чем просто учитель; он стал мне духовным отцом. Я люблю этого человека как сестру, брата, отца и мать. Так иногда бывает...

Филин должен был вести у меня основные проекты вплоть до выпуска. Так я решил. Этот человек заронил в мою голову зерно чего-то большего.

Первый удар случился, когда ему пришлось уволиться. Филин в молодости много куролесил, поэтому к старости остался с одним лёгким, да и то уже барахлило. Ещё долго я не хотел мириться с его увольнением, но Филин обещал на-

вещать меня, и он держал своё слово. Периодически приходил, знаете, занимаясь анализом моих работ. Мы много говорили о творческом пути.

Помню последний учебный день перед каникулами. Это было двадцать дней назад. Я сидел на всеобщей истории, когда на мобильный позвонила моя руководительница, уведомив, что Филин сидит в учительской. Он давно не появлялся, поэтому я был безумно рад. Собрав со стола вещи, формально попросил разрешения выйти, хотя и так мог бы нагло уйти. Я бежал по коридору весь взвинченный.

Вот он. Чуть бледнее, чем обычно. Чуть хуже, чем был. Мы видим друг друга и улыбаемся. Это радостное чувство, когда ты видишь дорогого человека. Странно. Мы так давно не виделись, и я столько всего хотел сказать, но, когда момент настанет – слова куда-то улечиваются. Просто смотрю на Филина и радуюсь, спрашивая банальные глупости.

Мы пьём чай, болтаем на пустяковые темы. Филин говорит более отрывисто, он много тратит времени на затруднённое дыхание. Уже через четверть часа он говорит, что ему нужно ехать. Я навязываюсь проводить его до остановки. Он не против.

На улице конец декабря. Стоит крепкий мороз. Мы медленно движемся в сторону дорог. На таком разряженном воздухе мне становится тяжело говорить, поэтому всю дорогу мы молчим. Изредка поглядываю на его страдальческий профиль. Ещё ничего не понимаю.

Остановка. Я конкретно замёрз. Хочу поговорить с ним, услышать его дельные тёплые слова. Филин говорит мне, чтобы я бежал обратно в помещение, да и перемена подходит к концу. Я хочу остаться, но он успокаивает, говорит, что ещё увидимся после праздников. Я жму ему руку. Поздравляю с наступающим. Ухожу.

Перед тем, как перейти дорогу, оборачиваюсь. Вижу его печальные глаза, которые пристально смотрят мне в след. Что-то щемящее внутри проскальзывает, но я стараюсь игнорировать это чувство, не позволяя эмоциям завладеть собой.

После каникул меня встречает Филин. Он смотрит мне в глаза с фотографии, что повесили рядом с расписанием. Он смотрит пристально и гордо. На ней Филин ещё не так стар, в военной форме с наградами. Тогда он не знал меня, поэтому взгляд немного чужой. Он смотрит на меня, а справа рисуется страшная чёрная лента.

Филин умер под Новый год. Его единственное лёгкое отдало. Он задохнулся один в пустой квартире. Никто не держал его руку, его глаза не видели поддержки. Его холодный труп ещё три дня пролежит на полу у кресла, в котором он любил сидеть за чтением.

Признаюсь честно, я долго молчал. Держался, стараясь подавить чувства, но под вечер моя броня ослабла, и я заревел, как никогда ещё не плакал. У меня умер духовный отец, а я так не сказал ему всего, что хотел.

Теперь стою вот здесь. Мне одиноко. Пытаюсь найти выход, залатать мерзкую сердечную дыру великой потери, но дыра эта только разрастается, словно язва желудка, не давая мне покоя. Со звонком докуриваю вторую сигарету. Нужно идти работать. Следую за натурой в мастерскую.

Теперь, когда рисунок решен в общих чертах, нужно переходить к деталям. Косточки носа, крылья, форма губ, ушная раковина, нижнее веко, верхнее веко, лёгкий прищур, глазное яблоко, радужка и зрачок, пальцы на кистях, пальцы на стопах, ногти. Снова обобщить. Дальнюю ногу списываю в фон, локоть правой руки туда же. Ластик вытаскивает самые светлые места, где яркость софита берёт доминирование над фактурой кожи, образуя пылающие блики. Сегодня последняя пара на эту девицу. Работа в целом закончена, но лучше бы, разумеется, если бы не приходилось бежать за уезжающим поездом из-за своей прокрастинации.

На всякий случай делаю подлый снимок природы без разрешения. Следующие две пары пройдут без меня. Nаhууа нам преподают экономику?

Перед тем, как ретироваться – захожу в столовую на чай и булочку. Нужно подкрепиться.

Несмотря на то, что сейчас зима – решаю пройтись до дома пешком. Очень быстро темнеет. Солнце скоротечно уходит от меня всё дальше, как и время от людей – убегает, наматывая кольцо внутри наших стволов, заставляя почувствовать ужасный вес прожитого пути. В следующем году у меня

выпускной курс. Как так произошло, что только на третьем я очнулся, увидев на горизонте большую табличку «финиш»? Как я умудрился проскочить столь много дней?

Кажется, что ещё только на той неделе я поборол страх, и под натиском заботливой мамы пошел на экзамены. Признаюсь честно, после того проёба я совсем пал. Планировал забить на свою жизнь. Да, я всё также продолжал заниматься по средам с В.И. (мы до сих пор встречаемся по средам, но теперь больше ведем дискуссии и играем в шахматы), продолжая работать на самом дне бесполезного и безденежного труда. Мне до сих пор кажется, что очень красиво и романтично пожертвовать своей жизнью, став изгоем общества. Некое подобие Диогена, которому от жизни только и нужно было солнце, да немного еды. Я намеревался стать тем изгоем в бочке, но к следующему лету моя дорогая мама сказала мне: «Сынок, это поступление тебе нужно. Это то, что ты хотел. Неужели ты готов из-за мелкого дискомфорта лишиться себя желаемого? Если ты не пойдешь на экзамены, то я перестану тебя уважать. Так и знай!»

Наверное, это единственная причина, почему я поступил. Матушка в очередной раз достала меня из пепла, отмыла, отвесила подзатыльника, поцеловала в лобик и благословила.

Вспоминается тот день «Х». Куча незнакомых людей. Все нервничают. Трутся рядом, но почти никто ни с кем не разговаривает. На тот момент мои ладошки не просыхали. Во время экзамена по рисунку кисти буквально ходили ходу-

ном. Чтобы нормально вести линию, приходилось левой рукой держать правую. Мучительных два академических часа.

Через полчаса сразу живопись. Простенькая постановка: чайник, яблоко и ложечка на синей драпировке. Мелочь, но тогда была проделана гигантская работа. Какой соблазн бросить взгляд на чужую работу, особенно на палитру. Украсть «волшебную формулу», но в тоже время осознание, что руки-то человека ты не в состоянии spizdit`. Сколько нервоза, пока вошькались внизу в ожидании результатов. И какая радость тогда меня постигла, когда по баллам я оказался на третьем месте.

Определённые успехи усыпляют реальность. Тогда мне думалось, что я начну совсем другую жизнь. Я думал, успех у меня в кармане, что я начну ходить в кружок игры на гитаре там, буду активным студентом, но лоск фантазий быстро сполз. Реальность оставила только усталость, да пресыщенность. А с приходом опыта и тот факт, что всё это полная huita.

Иду по заснеженным дорогам, кончики пальцев замерзают. Зато мысли в голове становятся ясными. Организму становится не до сна. Дома меня ждёт мама. Она нальёт мне большую тарелку борща и напоит чаем. Мне тепло и уютно.

У меня есть неприятный такой грязный секретик. Буквально небольшой, очень короткий фрагмент такой. Он связан с порочной натурой человека, который убирает в себе

границы, полностью отдаваясь течению.

После пьяной попытки [ЦЕНЗУРА] с собой (и раз я сейчас базарю, то попытка явно оказалась неудачной), я пришел к выводу, что раз моя жизнь ценна ровно настолько, насколько не ценна, то логичней будет заняться неким экспериментом. Определённые предпосылки к порочности во мне были всегда. Я много чего вдыхаю, закидываю на язык, употребляю, и я просто О-БО-ЖА-Ю trahat'sya со всеми юбками без разбора. В придачу у меня обострился sexogolizm, который вынуждает постоянно заниматься самоудовлетворением в виду отсутствия необходимой дырки.

Немного отходя от главной темы хочется заметить, что, чем больше ты понимаешь мир и эту жизнь, тем больше у тебя начинает ехать крышняк. Самая прекрасная жизнь – дурака. Говорю это абсолютно искренне без сарказма. Готов поставить голову на отсечение.

Когда ты дурак – всё ясно, как день. Твоя жизнь полностью распланирована. Ты рождаешься, учишься, снова учишься, заводим жену, детей. Дальше идёт незамысловатая схемка работа – дом – работа – дом, выплачивается ипотека за квартирку, берётся новая на машину. К пятидесяти годам тебя повышают, дети подросли, смерти ты не боишься, потому что бог устроит тебе чистый праведный кайф. Да. Жизнь в построенных рамках иллюзий – прекрасна. Я часто жалею о том факте, что я не конченный болван в галстук, который является покорной вошью в лобке системы.

Когда ты начинаешь задавать слишком много вопросов, то появляются ответы, создающие ещё больше вопросов, и так до бесконечности. Прости матрёшка, но я тебя упомяну с предлогом «как», так как ты отображаешь суть абсурда. Все эти ответы и вопросы зацикливаются по кругу, не в силах уже остановиться. Ты попадаешь в лимб, где медленно сходишь с ума, предаваясь порокам и разврату.

Так вот, в какой-то момент я слишком сильно разошелся. Был не в себе. Решил, что раз жизнь у меня одна, то и попробовать нужно всё. Мне захотелось примерить на себя роль [ЦЕНЗУРА]. Так сказать: стать журналистом своего любопытства, прокрасться в логово иной, запретной жизни и понять, каково это?

Не теряя времени, начал более плотно общаться с одной девкой, которая ещё та shluha. Она стала проходным билетом в тайную [ЦЕНЗУРА] жизнь.

Я невзначай навязался потусоваться с ней и её другом (у этой дамочки большие связи угнетёнными chmirami). Во всякие такие клубы я не ходил, да не пошел бы. Но погулять втроём – вполне безопасная затея.

То был обычный her, моложе меня, но чуть повыше. В первую прогулку мы просто выпивали и угорали. Я нашел его в сети, начав написывать незначительный вздор.

Как-то раз он написал мне, что сейчас выползет из ванны и двинет вечером гулять с взрослым мужиком. Ещё он добавил, что это их первая встреча и пойдут они гулять в

лес, фактически ночью. Последняя приписка: [ЦЕНЗУРА]. Кстати, по итогу мечта этого больного ублюдка сбылась. Я начал выпрашивать подробности. Дорогие присяжные, вы не подумайте, меня не возбуждали услышанные истории. Я верен женским kiskam, но полуподпольный мир очень интересен. Одно дело знать про [ЦЕНЗУРА], а другое дело слушать истории от реального человека. Вот ты ему жмешь руку, а вот какой-то мужик уже [ЦЕНЗУРА] его в лесу!

Интерес сохранялся на прежнем уровне. Я всё также был натуралом, которого манила бумажная история опасной связи. В один из дней интерес немного незаметно перерос, я поцеловался. Один раз. Было волнительно, но не так, чтобы приятно. В тот момент я заигрался в тайного агента, да ещё был ужасно пьян. После была маза [ЦЕНЗУРА] прямо в подъезде, но я вежливо отказался, сославшись на то, что мне стрёмно.

После этого случая я начал всё меньше и меньше поддерживать общение, пока окончательно не забросил страницу в чёрный список.

Вся эта неэротичная история быстро бы забылась, выветрившись из моей головы, но случилось непредвиденное. Ваш дорогой друг запал на очередную юбку, которая оказалась шизанутой kiskoю.

Она была хороша собой. Невысокая, с упругой попкой. Большие глаза, стрижка такая типа под каре. Vlyadsky чекер всегда обрамлял её шею. Носила она преимущественно ко-

роткие юбки, даже зимой. Я заметил ее, будучи на втором курсе. Тогда я часто посещал общую столовую, и этот аппетитный кусок безумия всегда был где-то рядом со своими подругами. Я жадно пилил её взглядом, пытаясь уловить взгляд ответный, что, собственно, и происходило. Наше сближение происходило достаточно долго. Мы ходили вокруг да около, приманивая друг друга. Два охотника без жертвы – достаточно сложная задача. Никто не хотел брать на себя подобную роль, поэтому, буквально телепатически, мы неосознанно (ли?) выбрали жертву.

Статус «жертвы» присвоился той самой подруге, которая меня знакомила со своим другом. Так уж вышло, прости. Я снова начал активно общаться с этой suchkou, и под предлогом нашей великолепной дружбы – мы начали проводить очень много времени вместе. В это же самое время М. (так зовут сумасшедшую) начала приглядываться к моей подруге, проявляя интерес. Очень скоро она даже ей написала. У них завязалась беседа ни о чем, но главное было другое: случился контакт. Я сразу смекнул, моя подруга легко повелась на обаяние М., она [ЦЕНЗУРА] в эту дрян'ууу девчонку. Появился повод сделать мне «дружеский выпад».

Я узнал, что М. танцовщица на курс старше. На больших переменах я начал зависать в обособленных коридорах, где у всех этих пляшущих ребят проходили пары. Я подолгу сидел и рисовал. Моя приманка вскоре клюнула. Из-за угла появилась М. и с интересом, присев рядом, начала изучать кара-

кули.

Завязался разговор. Он был достаточно поверхностным, даже слишком. В какой-то момент я резко заявил ей, что мне нужно поговорить с ней насчёт моей подруги. Она была заинтригована, поэтому я предложил встретиться вне стен учебного заведения, где можно будет спокойно посекретничать.

М. сразу предложила увидаться, вместе прогулявшись в сторону её дома. Я согласился. Процесс шел слишком гладко и быстро. На мгновение я даже испугался, но только на мгновение. Мы договорились встретиться в холле после четвёртой пары.

Следующие десятки минут я провёл с подругой, которой рассказывал, как я хорошо всё придумал выяснить и открыть [ЦЕНЗУРА] М. через третье лицо (то есть меня). Наивная девочка была несказанно рада, что у неё такой хороший друг.

Как и было оговорено, с М. встретились в холле, вместе выдвинувшись в сторону её дома. Городок у нас не такой большой, я не был удивлен узнав, что она живёт неподалёку от меня, всего в двух кварталах.

Мы шли не особо быстро. Начиналась прелюдия. Я много спрашивал про неё: чем живет, сколько лет, как она пришла к хореографии, да и вообще, что к чему? М. охотно рассказывала. Вообще, вот моё личное наблюдение, у молоденьких девчонок, да и скорее парней, которые как-то взаимодействуют со сценой – чувство артистичности не проходит и

в обычной жизни. Они ВСЕ ОЧЕНЬ ЭМОЦИОНАЛЬНЫ. Я не говорю, что это плохо, просто для такого зануды как я – это в новинку.

Мы доходим до её дома, поднимаемся на её этаж и выходим на общий балкон. Там стояло два тёплых мягких диванных кресла. Бесконечная болтовня продолжилась. Я уже и забыл для чего я здесь, правильно: творить полную huynu.

Когда мы стояли неприлично близко друг к другу, я сказал ей; сказал на одном дыхании, что моя подруга [ЦЕНЗУРА] в неё и [ЦЕНЗУРА] её. Она постаралась состроить удивление и смущение, но я знал, что она лжет. Она играла, но мне было наплевать.

М. начала кокетничать, говоря в стиле: «Она что, прям [ЦЕНЗУРА] меня? Она что, прям и [ЦЕНЗУРА] меня хочет?» На вопросы моя голова утвердительно моталась, внимание же следило за её пухлыми губками. Тут она неожиданно вытащила из моего рта сигарету, начав целовать. Неожиданно так впилась в меня, запустив язык глубоко в рот. Я потерял бдительность и стал жертвой. Хотя, если подумать, этого только я и жаждал – сексуального сближения. Мы ещё долго разрывали друг друга, я давно словил эрекцию, и эта стерва посмела нежно поглаживать мой huí, да так, что я чуть не закончил в трусы.

Вот вам личное наблюдение: мне кажется, М. возбуждалась на противопоставленных пороках. Ей нужен был постоянный бунт с искрой.

За неделю такого общения я достиг больших успехов. Чем больше я говорил про свою подругу, тем больше она лезла ко мне в трупы. Мы начали с петтинга на балконе, а закончилось тем, что она брала в рот, пока я читал ей стихи собственного сочинения.

В какой-то момент мотивация в виде одной [ЦЕНЗУРА] пропала (к слову, они действительно начали [ЦЕНЗУРА]), но мы не переставали видеться. Для получения желаемого разрушительного кайфа, я придумал крайнюю меру: сказал, что [ЦЕНЗУРА] в одного парня, и что он учится у нас.

Да, дорогие присяжные, на что не пойдешь ради потрясающей eblі с роскошной девушкой! После заявления интерес ко мне снова разжѐгся. Когда она узнала кто это – то сразу же схватила меня за din-don. Мы заперлись в комнате её бабушки и viebaly друг друга до полубессознательного состояния. Дальше уже она примерила на себя роль связной, начав налаживать общение с тем [ЦЕНЗУРА]. К моему сожалению, он оказался заинтересован, и мне предстояло более личное общение. Я продолжал играть роль [ЦЕНЗУРА]. Ситуация становилась всё сложнее.

Pidorok отвѐл меня в кино, прихватив при этом своих взрослых друзей натуралов.

Пока шел фильм, он [ЦЕНЗУРА] моё бедро. Я молился, чтобы он не [ЦЕНЗУРА] меня между ног. Пришлось отыгрывать роль скромняги, который стесняется [ЦЕНЗУРА], но только ради будущего пересказа М., пока та будет полиро-

вать мои яйца.

У нас четверых сложились странные отношения. М. trahalas' со мной и [ЦЕНЗУРА], товарищ [ЦЕНЗУРА] меня, но trahalsya с моей подругой, а я trahalsya с М. и подругой. И каждый не знал про другого, клянусь. Это был глухой телефон, с которого я дико угорал!

Должен признаться, мне все-таки пришлось [ЦЕНЗУРА], да. В целом ничего криминального, но достаточно мерзко. Я вошел в роль, заигрался, был романтичный вечер. Многие нормальные люди (под словом «нормальные» я имею ввиду гомофобов), услышав это – начнут плевать, называя меня ebanutum авантюристом. Хорошо, пожалуйста. Зато знайте, что я получил взамен такой маленькой уступки? Я получил двухчасовую ebluu с М. сразу в три дырки в последовательностях, которые определялись случайным образом. После того [ЦЕНЗУРА] свидания М. позволяла делать с собой все, что я только захочу. После подробностей, которые я ей предоставил, она готова была отдаваться сутки напролёт. Большое общество сумасшедших малолеток, возвращенное на фанфиках.

Так долго не могло продолжаться. Очень быстро я начал уставать от сложившейся лжи. Начал игнорировать [ЦЕНЗУРА], хоть нечаянно уже и [ЦЕНЗУРА] его в себя. Плевать. Из-за этого М. очень быстро потеряла ко мне интерес, найдя потом мнимый повод для нашего расставания.

В какой-то момент вся правда вылилась наружу. Каждый узнал про третьего и все мы дружно рассорились. Только я

и подруга нашли быстрый способ примирения. Мы встретились для разговора и вместе пришли к выводу, что у нас такая природа – быть blyadyami.

Отсмеявшись и обсудив хитросплетения, где теперь виднелась картина целиком – мы расстались добрыми товарищами, пообещав больше никогда о подобном не утаивать. И хоть главным зачинщиком считаю я, мне rohui, я очень рад, что всё закончилось хэппи-эндом. Ещё я был рад, что теперь могу хоть какое-то время пожить спокойно без интриг.

«Блымц» телефона. На часах 23:15. Нули кому надо? Звонит Е.. Говорит, что хочет поотвисать, и что у него есть прикольное der'mo. Чтобы вы знали, дорогие присяжные, Е. – мой кореш, а в придачу торгаш [ЦЕНЗУРА]. Он как бы не тот кореш в классическом понимании, мы не так, чтобы близки. Я даже не знаю, где он живёт и все такое. Он никогда не рассказывал мне о своём детстве, никогда не говорил, есть ли у него родители? Это просто shelik со странностями.

Познакомились мы при странных обстоятельствах. Как-то я стоял в подъезде у Р.. Мы просто болтали о всяком. Домой к нему заходить я не собирался, батёк Р. опять нажрался, начав качать права у стен.

В очередной раз домофонная дверь запищала. Некто зашедший начал кататься на лифте. Нам это точно стало понятно, так как никто из кабины не выходил, но лифт про-

должал гонять, останавливаясь на разных этажах буквально на одну секунду. Нам стало до usrahki интересно. Мы точно знали, что на этаже Р. лифт рано или поздно тоже остановится, так как проглядывалась некая логика остановок. Сначала девятый, затем второй; седьмой-третий, дальше восьмой. И вот, наконец, дверь открылась на шестом этаже Р..

В кабине стоял молодой парень (хотя внешность у него непонятная), у которого в ноздрю была воткнута купюра низкого номинала. Когда он увидел нас, то не струхнул, а просто произнёс: «Да вот пацаны, катаюсь туда-сюда, [ЦЕНЗУРА], и мне ahuenno!» А после нажал очередной этаж. Мы с Р. были слегка в шоке. Дико так орнули в голос, не совсем понимая, что здесь происходит. Ну как, понимали, конечно, но подобная дичь случается не так часто лично с вами, согласитесь. Я было хотел на том и забить, но Р. решил doebatsya до парня.

На следующем круге Р. смог уломать его выйти и побазарить. Парень сказал, что он частично под [ЦЕНЗУРА] и [ЦЕНЗУРА]. Затем, не сбавляя темпа разговора, он начал втирать про то, как он со своей сожительницей подсыпает её дочке [ЦЕНЗУРА] в лимонад. Он сказал, что приучает девчущку быть спокойной и довольной жизнью. Мы смеялись, но понимали, что это полное, не смешное der'mo. В каком-то смысле даже трагичное и до usrachki пугающее, но что мы можем сделать? Ещё Е. рассказал о занимаемой им должности госслужащего в местной конторке. Не знаю, насколько

ему вообще можно верить хоть в чём-то.

Пора было двигать домой, Е. мне был сначала не очень симпатичен, но я смекнул, что через него можно доставать лекарство. Мы обменялись номерами, и так он стал моим [ЦЕНЗУРА], а затем и досуговым другом.

Как выяснилось при дальнейших встречах, у меня и Е. много общего. Мы оба считали, что живем в иллюзорном обществе, а раз одни навязали свою иллюзии, то почему нельзя жить по своим? Это вполне логичный и честный аргумент. Как и Е., я любил [ЦЕНЗУРА] за то, что можно просто отвиснуть. Мы не сидели на игле; не занимались варкой мяса. Просто оба любили [ЦЕНЗУРА] всё, что жглось, и глотать [ЦЕНЗУРА] различных свойств.

Сначала встречи были чисто деловыми. Я забирал прикол, кидал на карту деньги, и мы расходились. Со временем же начали завязываться более продолжительные беседы. И вот теперь мы имеем то, что имеем.

Когда Е. позвонил, первым желанием было просто слиться. Уже поздно и риздеки лениво, но желание проветриться все же выиграло тендер. Когда я спросил, где мы встретимся, этот obdolbych ответил, что уже стоит возле моего подъезда. Отлично. Говорю маме, что пойду прогуляться по аллее, она не против, а даже если и да, то ничего не может с этим поделать. Я стал слишком большим ребёнком...

Е. встречает меня с улыбкой. Он такой же одинокий, как и я. И это главное наше сходство, которое немного, да роднит.

Сразу покидаем пределы моего проживания. Первое правило для асоциальных mudakov: если делаешь какую-то huupu, не делай её там, где живешь. Поэтому первым делом сваливаем на несколько кварталов в сторону.

Темно. Люди поредели. В этом городе в такое время можно встретить только определенные группы, к примеру: алкоголиков, бомжей, parikov и подростков-хулиганов. Иногда попадаются персонажи, которые идут на ночную смену или люди с питомцами на вечерней прогулке, но они не считаются. Ночью город наполняется теми, кого не заметишь среди обезличенной толпы.

Я вроде полукровки, да и Е. тоже (хотя, всё же, конечный). Мы прилично вроде выглядим, никого не трогаем. Умеем вполне культурно разговаривать, но в тоже время наши физиономии отлично вписываются в ночную среду, среди шакалов мы – свои.

На пути к лавке на детской площадке Е. достаёт пластмассовую упаковку из-под витаминов. Откручивает крышку и глотает пилюлю. Упаковка перебрасывается в мои ладони – глотаю сразу три. Глаза Е. бешено смотрят на меня, но губы не произносят ни слова. Садимся. Закуриваем. Ждём прихода.

Странно, я даже не поинтересовался, что это за der'mo. Каждый раз ведь Е. приносит что-то новенькое. Ну да hui с ним.

Молчим. Втыкаю перед собой. В какой-то момент пони-

маю, сигарета давно не дымит. Во рту окурочок. Поворачиваю голову быстрее, чем кадр успеваает смениться, он тянется, как лизун, образовывая эффект рвотного *pizdesa*. Прикол. Хочу что-то сказать Е., вроде как спросить, вставило ли его, но не чувствую рта. Только подумал, а Е. уже отвечает. Слышу его так по *uebichnomu* приглушенно. Моё лицо то наливается кровью, то она уходит и чувство, что вот ещё чуть-чуть, и я упаду в обморок. Полёты продолжаются. Через неопределённое время стабилизируюсь. Меня мажет, слышу голоса. Вроде уже день. Мы с Е. пляшем, схватившись за руки. Какой-то *churban* что-то нам говорит, но мы просто убегаем. Мысли отделяются от тела.

Фон меняется, ноги несут нас в непонятном направлении. Очень много приходится мельтешить, огибать. Сколько же здесь магазинов, зданий, заборов, бордюров, фонарей, лавок, детских площадок. Мне приходит в голову мысль о том, что я пытаюсь разрушить себя, да, так и есть. Я хочу разрушить себя, но не в состоянии сам поставить точку. Силы и мысли копятяся, а значит, им нужен выход, да. Появляется желание разрушить, если не себя, то хотя бы окружение. Хочется снести всё на своём пути. Разбить, уничтожить, сравнять с землёй! Если мир избавится от человека – это ещё ничего не решит. Человек – организм биологического характера, он умрёт и удобрит собою почву. Самое страшное это то, что останется после человека, а именно: дома, магазины, заводы, скамейки, мусор, пластик.

В этот момент начинаю ненавидеть уже не самих людей, а всё, что мы сотворили путём невообразимого труда. Злость вскипает. Только стоило случиться одному импульсу, и вот мои ноги несутся к ближайшему пивному магазину. Он закрыт до утра. Да и lui бы с ним! Начинаю рыскать поблизости, в надежде найти что-то тяжелое. Благо с этим нет проблем. Куча мусора разного свойства разбросано повсюду. Нахожу бетонный огрызок, который в силах поднять. Е. пытается остановить меня, но слишком поздно.

Разогнавшись, мои руки бросают булыжник в стекло. В тишине, где ещё нет жужжащих машин, раздаётся оглушающий крик. Какая-то часть осколков летит в меня, большая же часть падает на плитку. Vlyat`!

Вдруг понимаю, как ужасно меня мучает жажда, прямо безумно хочу пить. Организм принимает сигнал, ноги сбивают с края рамы оставшиеся торчать осколки. Забравшись, слышу, как орёт охранная сигнализация, но мне глубоко rohui. Доносится неразборчивый ор Е., который стоит по ту сторону, пытаюсь меня вразумить.

Без какой-либо спешке выбираю в холодильнике лимонад, а затем умудряюсь прихватить еще и пачку сигарет. Вылезаю наружу тем же путем, что и залез. Е. в ahue, он бьёт меня по щекам. Начинаем ссориться. Пытаюсь объяснить свой поступок. Пытаюсь сказать ему, что я взял попить не только себе, но и ЕМУ. Он не ценит моего жеста. Наши крики прерывает звук полицейской сирены. Даже в таком состоянии

понимаю, нужно срочно s`ebivat`.

Ускользнуть в кусты не получается, слишком поздно. Легавые нас сразу засекают. Не теряя времени, ныряем внутрь квартала. Чтобы угнаться за нами – им придется бросить машину. Blyat`! На хвосте двое достаточно резво бегут. С каких пор в полиции не перекормленные сотрудники? Самое ужасное, что и звук машины с сиреной тоже слышен. Возникает следующий вопрос: когда legashi начали гонять дружжной компанией? Попахивает pizdecom. Несмотря на патовость ситуации – смеюсь, как больной. Не знаю почему, но погоня кажется очень весёлым занятием.

Выбежав на главную улицу – перебегаем дорогу. Горизонт подсказывает единственный путь к спасению, граница леса. Нужно бежать в джунгли, там проще раствориться. На улице начинает светать. Хоть бы legashi не разобрали наших лиц. Не знаю как Е., но я не привлекался по уголовке ни разу и не собираюсь. Blyat`! Ebuchie pariki. Ненавижу свою дыхалку. Такой молодой, а уже изрядно подтрепался. Радует только то, что, обернувшись, я вижу, как и закон подустал. Появляются кое-какие шансы.

Ныряем по скверам, чтобы полностью понизить преимущество мигалок. Проходит ещё время и нам удаётся добежать до границы леса. Ныряем в самую гущу. За спиной слышно, как остановилась машина, и уже свежая отдохнувшая пара ног начинает нас прессовать. Тут поможет только странное чудо, которого не существует.

Не сговариваясь, разделяемся в противоположные стороны, начиная теряться в лесу. Здесь, среди природы, так странно находиться, что я подсаживаюсь на новую измену. Теперь создаётся впечатление, будто за мной гонится не только человеческое дитя в погонах, но и призрачные тени духов. Хотя за что? Подождите. Эй вы, лесные *pizduki*, я же наоборот за вас. Я прям как те самые немцы, которые были против проклятых фашиков. Я типа в этой аллегории пытаюсь вести свою маленькую войну против *eblana* с лобковой стрижкой под носом и грустной чёлкой, как у поклонника эмо-кора.

Ковыляю из последних сил. Ещё немного и просто начну блевать, в лучшем случае не сдохну. Мои глаза цепляются за упавшее дерево, да ещё с подкопом. Аллилуйя! Но чудом я это всё равно не рискну называть. Просто совпадение. В последнем припадке падаю в углубление. Начинается самый ад – отдышаться. Меня колотит, тело разрывает агония. Нельзя сильно шуметь, а то всё зря. Собирайся, *tudak*, ну же!

Дико клинит. Лес давит своей густотой. Здесь будто сновa ночь. Меня трясёт от страха, но не из-за добропорядочных полицейских, которые просто выполняют свою работу. Так хочется просто встать и продолжить бежать, пока мышцы не забьются окончательно, пока дыхалка не выхаркнется на асфальт или землю, но пока нельзя. Пытаюсь вернуть себе контроль. Вслушиваюсь. Ноги «ковбойчика» топчутся где-то рядом. Он меня потерял. Начинаю слышать звуки ра-

ции, как дядя пытается связаться со своими, но тут лес, детка, связь крайне паршивая. Потоптавшись на месте без какого-либо результата, звук погонов начинает удаляться.

Ещё с час лежу в яме. Жутко холодно, замёрз. Голова потихоньку проясняется. Не так, чтобы уж очень ясно. Будто тяжелое похмелье застряло в одной секунде от пробуждения. Когда ты просыпаешься в замыленном объективе своих мыслей. Пока пытаюсь согреть руки, растирая их друг о друга, замечаю, что покрыт мелкими порезами. Интересно, как там Е.? Надеюсь, его не повязали. Этот pizdyuk может слить меня. Неудивительно, стремно ловить уголовку, когда ты ничего плохого не делал. Просто балдел от [ЦЕНЗУРА], а твоему другу приспичило попить.

Чем больше отпускает, тем больше меня трясет от пережитого. Выглядывает солнышко, немного согревая. Брожу по лесу в страхе выйти из тени. Вдруг порядок поджидает в засаде? За таких как мы – премия. Я их не виню, у каждого свой путь, типа своя дорога. Без какой-либо социальной и общественной роли не было бы и противоположного значения. Это факт, аксиома работает в обе стороны. Если бы не было преступников, всяких govnuikov, то и порядок был бы не нужен обществу. Сотни тысяч людей лишились бы работы. А значит, определенный процент этих людей начали бы нарушать закон, так как не смогли найти работу для пропитания.

Начинаю с опаской продираться к выходу окольными пу-

тями. Кажется, иду в верном направлении, но, когда выбираюсь из леса, понимаю, что очень сильно скосил вправо, и теперь до дома *pizdovat`* добрых полтора часа. Я как-то говорил, что в этом городе можно добраться за сорок минут куда угодно и откуда угодно. Походу я нашел исключительный случай. Делать нечего.

Иду нервно озираясь, проверяю телефон. Тридцать пропущенных звонков от матери. Мне *pizdec!* Сразу же перезваниваю. Она кричит на меня, причём очень сильно. Я бы сказал, у неё даже истерика, но не такая сильная, как могла бы. Благо за свои малые годы я косячил множество раз. В основном забывал позвонить и предупредить, что я буду ночевать не дома. Поэтому до инфаркта у моей любимейшей матушки не дошло, но нервы она потрепала изрядно. Сразу извиняюсь. На ходу сочиняю историю, как выпил немного лишнего, а затем уснул у друга на кухне. Такого больше не повторится. Приду часа через три, хочу ещё поспать. Да. Целую. Отключаюсь.

Люди с интересом смотрят на меня. Неудивительно. *Sopliak* в порезах, в грязной одежде, идёт прихрамывая. Кстати. Ощупываю карманы. Позаимствованная пачка сигарет на месте, только сплюснулась. Открываю. Палочки смешно так выглядят. Теперь они похожи на самокрутки. Закуриваю. Курить на сушняк ещё то удовольствие, но что поделать? Пока есть время, нужно сразу получить ответ на главный вопрос. Снова достаю мобильный, набираю номер.

На том конце получаю короткий ответ Е.: «Успел. Ближайшую неделю не контакчим». Хорошая новость. Интересно, мы не будем «контакчить» из соображений безопасности или Е. серьезно погнался на меня? Славно уже то, что мы не в отделении полиции.

Мне всё равно очень страшно. А вдруг меня найдут и посадят? Вдруг где-то камеры сняли наши лица? А внутри магазина? Город маленький. Меня начинает потряхивать, но я сразу же беру себя в руки. Нельзя рассыпаться, случай пока на моей стороне.

Первым делом иду к Р.. Ясное дело, приходится очень аккуратно пробираться по своему кварталу, можно наткнуться на любопытные глаза знакомых. Запрыгиваю в подъезд. Уже оттуда звоню Р.. Первые три раза *zasranec* не берёт трубку. На четвёртый слышится заспанный голос. Снова повезло. Братка дома. Говорю, дело срочное, пусти, друг. Ему ничего не остается, как открыть мне дверь. Родители уже на работе.

Р. начинает смеяться надо мной. Он спрашивает, почему я похож на бомжару, которого *otpizdili*? Обещаю рассказать ему все подробности за чаем, а пока мне нужно сделать парочку важных темок.

Первым делом принимаю душ. Кровь смывается, и я выгляжу уже не так плохо. Царапины небольшие, осколки нигде не застряли. Дальше сбрываю щетину, на всякий случай. Скорее от паранойи, что меня могли видеть и запомнить, нежели от уверенности в этом. Дальше, машинкой от-

ца, сбрываю немного отросшие волосы под единичку. Да, мам, зашел в парикмахерскую по дороге, освежился. Без волос я похожу на уродливого младенца. Да и роһи! Зато теперь точно успокаиваюсь. Выхожу в одних трусах, клянчу одежду, обещая не obsirat'sa.

Ну, другое дело!

Пью чай, делюсь прогулкой. Р. смеется, говоря, что когда-нибудь мне наступит pizdec. Скромно отвечаю, что больше подобного не повторится, так как удача не вечна. Благодарю Р., собираю свой грязный шмот в пакет и выхожу на улицу, где уже наступил полноценный день.

Ещё какое-то время обитаю на улице. Курю и сижу на лавке. Голова болит. Чувствую, что умираю – хочу спать. Захожу домой. Засыпаю.

Меня трясёт чья-то рука. Не успев открыть глаза, слышу чужой голос в коридоре. Мужской. По спине прокатывается холод. Неужели так быстро нашли?! Вскликаю. У мамы вид спокойный, но сердитый. Она сообщает мне, что пришел В.И. Blyat`, неужели сегодня среда?

Здоровуюсь со стариком. Он сразу начинает отрабатывать свою программу по поводу любого изменения в моём внешнем облике. Ничего не ускользает из-под его поля зрения. Каждую мелочь он просто обязан прокомментировать. Славно. Его пустая болтовня меня успокаивает.

Проходим в комнату. Показываю ему свой скетч. Там с десяток набросков фигуры, которые я сделал накануне. Это

немного, но сейчас последнее лето перед последним курсом, поэтому В.И. особо не орёт и не давит на меня за то, что я так мало выполняю его допов.

Наши занятия давно мутировали во что-то иное. Мы больше философствуем, ведем дискуссии там. Очень часто дело доходит до ожесточенного спора, где я за неимением опыта всё равно умудряюсь выкрутить ситуацию так, чтобы оказаться правым. В.И. называет меня адвокатом дьявола.

По традиции перебираемся на кухню. Расставляю фигуры на шахматной доске, завариваю кофе и достаю пирожные. Споры продолжаются параллельно партии. В.И. утверждает, что главное – победа. Я же утверждаю, что главное – опыт. Чем больше ты проигрываешь, тем больше ты учишься. Твой мозг откладывает все комбинации противника, занимается подсознательным анализом, чтобы по итогу выработать уникальное мышление, не поддающееся формулам и уловкам тех умников, что учатся играть по книжкам. Для меня шахматы – не игра в заученные комбинации, а способ мышления, где создаётся уникальность проводимых параллелей и умозаключений. Шахматные ходы должны быть как жизнь – непредсказуемыми, резкими; местами опасными, но от этого еще более красивыми.

Без особых проблем выигрываю партию, но говорю, что эта победа не имеет никакого значения. Я не чувствую никакой радости, и не только в данный момент.

5. Ты ведь знал, что так будет

Следующий год пролетел незаметно. Чем больше наваливалось обязанностей, тем меньше часовых отрезков оставалось в запасе. Нужно поспеть везде по максимуму. Е. так и пропал окончательно, походу решив, что общение со мной может довести только до решетки. Р. уехал из города на север. Его женщина не оставила ему выбора, но это к лучшему. Я скучаю по нему, но больше радуюсь. Долой серость и скуку, да здравствуют огни большого города (или как там говорится?)

Есть у нас общий знакомый, который постоянно говорит нам: «Парни, вы живёте здесь и ещё не сторчались. Obaldet'!» Кстати, этот знакомый сам периодически не дурак пустить дельфинов стаю.

Смотря со стороны, я понимаю, не город, а люди создают некую атмосферу безнадёжности. Начиная от простого мужика, который в свои тридцать успешно спивается до омерзения, еле передвигаясь по дороге в одежде, на которой узором красуется рыгота; до пиджаков, которые не очень-то и хотят улучшать уровень жизни и самосознание людей. Сплошная деградация. Мы лишь батарейки, готовые идти на любую работу с ужасными условиями, лишь бы хватило на хлеб и воду. А раз мы идём, так зачем что-то менять? С дру-

гой стороны, раз человек не борется за себя, то значит он не достоин благ. Дорогу осияют хищники. Ничего не поменялось с пещерных времён.

Сегодня я странно одет. Хотелось по-праздничному, а вышло нелепо. Бежевые тканевые штаны, в которых zadnica кажется ну уж очень большой; серая футболка, а сверху хлопковая, болотного цвета, рубашка. Она типа слишком прилегает, от этого и так не особо широкие плечи кажутся ещё меньше. В комплект добавляется потный чубчик на голове и потный нос. На ногах дешёвые слипы чёрного цвета. Ноги в них так вспотели, что я чувствую гнилой запах. По итогу: в самый ответственный день мне некомфортно. Просто омерзительный персонаж!

Хочу напомнить в сотый раз (третий, если не ошибаюсь), что я просто НЕНАВИЖУ публичные выступления. Я и публика – две параллельные друг другу линии. А сегодня аж два выступления. Первое – закрытое. Финальный экзамен по педагогике. Oshko играет. Всё бы ничего, но вокруг сморчки стрессуют, создавая общий комок von'yuchego негатива. В такой атмосфере невозможно подчинить эмоции. А когда ты ещё психопат... ну вы поняли.

Мой выход. В такие моменты я думаю о боге. Сам себе говорю, что ради хохмы, но на деле: кто знает? Вытягиваю билет. ДА, SUKA! БИЛЕТ ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ! NANUI ВСЕХ! OTSOSITE! Извиняюсь...

Спокойно и кратко, чисто для себя, записываю на листке

ключевые моменты. Выхожу рассказывать. Vlyat`. Не понимаю я своего организма. По факту волноваться нечему. Половина людей в комиссии – знакомые (не один год) учителя. Другая половина – милые симпатичные тётеньки. Я всё знаю, проще некуда, но когда начинаю зачитывать билет, поэтапно отвечая на поставленные вопросы, руками овладевает сильная дрожь, будто в моей жопе спрятан вибратор.

Комиссия видит славного невротика. Мне стыдно, будучи взрослым парнем, выглядеть как взволнованная pedovka. Мне улыбаются, говорят расслабиться. Начинаю объяснять собравшимся тётям принцип моего нелогичного организма.

Вот мы посмеялись, поговорили немного на отвлечённые темы. Продолжаю своё выступление, разгоняюсь. Просыпается obosrat'sya какая уверенность. Руки успокаиваются. Конец моего выступления – блестящий. Умудряюсь не проебат` хитрый финальный вопрос одной дамочки, заданный вне контекста билета.

Из аудитории выхожу счастливый. Вижу всех этих испуганных и потных мышей. Меня начинают спрашивать, что да как? В ответ показываю два средних пальца (типа как в боевиках стреляю с двух рук), крича: «otsosite, мыши, я курить!» Слышу за спиной смех и весёлые оскорбления в свой адрес. 1:0 в пользу веселья. За спиной осталось последнее испытание: защита дипломной работы.

Проблема в том, что на такие мероприятия рассчитаны места и для левых зрителей. А это значит, обязательно при-

дут такие персонажи, как: гоповатые парни tëlök-одногруппниц, родители паинек, pizdyuki с других курсов, левые учителя, коррумпированная директриса и свора её плешивых собак. В общем, будет целый салат разных овощей.

Моё выступление запланировано на середину. Руководитель призналась трём топчикам (да-да, ваш верный слуга один из лучших учеников), что мы будем держать это шоу. У нас самые сильные дипломы, поэтому нужно badyajit' равномерно. Мне это, безусловно, льстит, но всё равно подсаживаюсь на pervuak. Надеюсь, мои дорогие присяжные, вы не ждёте подробностей данного мероприятия, ведь оно было пропитано скукой и обыденностью.

Разумеется, когда я начал выступать – руки снова завибрировали (на этот раз рот пересох так, что ужас), но по итогу снова удалось поймать волну. Мне похлопали, поспрашивали дополнительные вопросы и на этом finish pizdabole.

Думается, однокашники представляли такое знаменательное событие иначе. Снова я попался на классическую уловку. Каждый раз перед чем-то серьезным человек надумывает себе много всего, разукрашивает события в такие raspizdatie краски, что начинает казаться, словно это самое важное, что может произойти в жизни.

Так я думал про школу, так я думал про совершеннолетие, так я думал про работу, так я думал про институт, так я представлял и дипломное выступление. Каждый раз реальность оказывается менее романтичной, если совсем не рас-

крывается куском плотно наложенного говна. Наши мягкие умы разбиваются о скалы реалий. Как хочется всем кинематографичной реальности, этих общих и крупных планов, где вся наша группа – это группа художников-интеллигентов. Нас показывают крупным планом. Боже, мы так все выросли. Стали серьёзными талантливыми мыслителями. На нас надеты идеально сидящие костюмы и платья. Наши голоса звонко отдаются эхом в пространстве. Каждый зритель с замиранием сердца слушает мощнейший текст к дипломной работе.

Вот оно, рождение новых творцов, которые изменяют привычное окружение, сделают реальность качественно иной. Часть героев станет доблестными преподавателями, воспитают новое, ещё более уникальное поколение индивидуумов, которые продолжают улучшать и улучшать общую действительность. В один прекрасный момент мы очнёмся в мире будущего, откроем глаза и увидим красоту в мельчайших деталях. Нас будут окружать продуманные современные дизайны домов, мы будем ездить по новым, хорошо спроектированным дорогам с подогревом и датчиками слежения. Малая архитектура преобразится, став единым целым с общим колоритом удивительного.

Скажу прямо: если ты вдруг маленькая девочка, верящая в «прекрасное будущее», то поверь мне, зайка, ты ещё никогда так не ошибалась в своей жизни. Школа всегда будет местом хуже садика, так как теперь нужно заниматься социа-

лизацией, а значит, придётся столкнуться с тварями. Восемнадцать лет – тоже самое, что и шестнадцать, и семнадцать. Скажу больше, даже после двадцати лет мало что изменится. Цифры не прибавляют мозгов. Умственное развитие зависит от силы воли и желания. Будучи пятилетним *blevkom*, можно мыслить несвоевременно, на все десять, а то и одиннадцать лет. Вопрос в желаниях, но не только своих, но и окружения, которое отвечает за тебя, недотёпу. Дальше интересней (спойлер: нет), на тебя накидывается большой груз ответственности. Каждый переломный момент, на который ты возлагаешь огромные надежды, на деле окажется простым и серым, ничем непримечательным отрезком, где из эмоций останется только усталость и желание пойти уже, наконец, домой в кроватку.

Да, теперь все мы – люди относительно квалифицированные, но что нам это даёт? Большинство из нас не будет использовать наработанные знания и навыки. Не потому, что мы не хотим, а потому, что нам негде их использовать. Мы никому не нужны. Рабочих мест – ограниченное количество. Аппетитные места уже заняты проворными *zagrancami*. Лучшая работа – это та, что получена по знакомству. Много у тебя связей? Я так и думал. Да и о каком будущем в подобной дыре мы говорим? Оглянись вокруг. Если бы было всё так просто, то люди до нас, более умные, уже могли бы сто раз создать идеальный мир. Но его не создали ни тогда, ни сейчас, ни завтра. Его не будет просто потому, что никому

это ненужно. Мы так и будем жить в разлуке.

Сейчас я точно знаю, многие из нас станут продавцами, работягами на заводе, водителями, нянями и прочим обслуживающим персоналом. Те же, кто изберёт путь учителя – ждёт только нищая зарплата, унижения и бесконечные нервные срывы. Мы все в одном болоте. Кому-то нравится такая жизнь, этот кто-то привыкает, смиренно находя удовольствие в бутылке на диване. Зато ушлое меньшинство чего-то, да добьются, тихо найдя свежие лазейки.

Нечего думать, будто выше сказанное выплеснулось с обидой или разочарованием. Нет. Реальность такая, какая есть. Другой не дано. Никаких лишних эмоций, чистые факты для тех, кто до сих пор не снял свои розовые очки. А для богатеньких детей совет: не снимайте розовые очки. Вам ни к чему.

Последний человек завершает выступление. Через полчаса нас ставят в шеренгу. Начинается моя «любимая» часть банальностей, от которой в горле появляется желчь. Короче мы все dohуya молодцы. Называют оценки. До свидания.

Ещё какое-то время торчу с оставшимися разгильдяями в мастерской. Мы просто вспоминаем приколы, которые случились за четыре прожитых вместе года. По-доброму дразним друг друга, шутим над будущим, но все понимают, что вряд ли это шутка. Время пришло. Расходимся по домам.

В квартире голоса радости, поздравления. Покупается торт и всякие вкусные приколы, но мне совсем не весело. Я

устал. А ведь это только начало.

Создаётся общая беседа. Ребята хотят собраться в последний раз вместе и просто хорошо оттянуться. Почему бы и нет? Даю своё благословение, обещая не слиться в последний момент. Через час ожесточённой дискуссии (пришлось даже уведомления отключить) большинство соглашается с дачей девчонки-отличницы-стесняшки, но я-то знаю, как она обожает глотать лекарство и shabit`der`mo.

Голосование закрыто. Единственная проблема: дача находится не близко, даже на общественном транспорте вряд ли можно добраться. Благо отец соглашается довести меня, захватив ещё трёх попутчиков. Предлагаю услуги своего отца в чате. Три места сразу забивается. Дата назначена. К вечеру больше половины сливается. Отлично. Остались только самые дружные и верные zaszransy. Все четыре года у нас была своя мини-секта. Всё общее, даже jopi. Скидываем бабки отличнице. Она и рыжуха займутся закупкой ништяков.

Вообще, я давно не баловался der`tom, из алкоголя же пил только красное вино. Не зря красное пойло сравнивают с кровью Hrista. Pizdec как вкусно, особенно по утрам. Ставлю бутылку в тень у своей койки. Ну, точнее, я лежу и перед сном понемногу глотаю с горла, пока читаю или шарюсь там в телефоне. Потом наступает момент жесткого дрыха, меня выубает и бутылка, соответственно, остаётся на полу под рукой, а утром такой сушняк, мама-мия!

Наступает день финальной вечеринки. Просыпаюсь пораньше. Дорога займёт ровно два часа в одну сторону. Теперь, дорогие присяжные, вы понимаете, насколько далеко находится дача.

На улице колом стоит сильная жара. Жалею, что не надел кепку или хотя бы мамину панаму. Маман хоть купила для себя, но сама не носит, уже не нравится, а мне бы в самый раз с цветочками. Там принт каких-то созвездий из лепестков, смотрится симпатично.

Стою у подъезда, курю. Жду отца. Наконец он выходит. Запрыгиваем в батямобиль. Теперь нужно подобрать девчонку. Для удобства договорились, что цыпы придут на одну остановку, до которой им идти одинаковое расстояние (кроме одной, этой *pizdovat`* долго, пусть разомнётся).

Никто не опаздывает – странные дела. Пока едем, можно помолчать и подумать. Отец, как и подобает отцам, ведёт себя серьезно, хотя в жизни он веселый малый. Девочки о чём-то общаются между собой. Была попытка втянуть в беседу и меня, но я тактично сливаюсь, только изредка отвечая на вопросы.

За стеклом мелькают дома и машины. Лучи солнца светят ярко, но термоядерный светлый шарик ещё не успел добраться до пика продуктивности. В полдень будет вообще жара. Больше всего в лете мне не нравятся насекомые. Точнее, мне не нравится, что они пристают ко мне. А вот по

форме и структуре эти govnyuki очень даже клёвые типа. Когда же ebuchie кровососы начинают питаться тобой, тут уж простите, братья меньшие, я вас начну ubivat'.

Всё чаще задумываюсь о природе и о человеке в целом. Специально не обобщаю человека с природой, так как мы разобщены. Люди – единственные dodiki, кто приносит сплошной вред, ей богу, а те маленькие потуги волонтеров на деле оказываются незначительным пшиком среди тонны мусора. Я точно знаю, однажды настанет переломный момент, когда у природы не выдержат «нервы», и она сбросит человека в пучину, противлежащего от существования. Я также уверен, что в такой момент говорящие uebki начнут нести полнейшую чушь, утверждая, будто это и есть конец света, описанный в библии. В последние секунды жизни двуногие будут особо безумны, но не видеть очевидного: свой вины.

Человек и Природа... у каждого свои часы. Время намного проще подстроено под людские, такие коротенькие жизни. Сколько уже сменилось поколений, цивилизаций, эпох, а по часам Земли от нашего появления (как зуда на теле) прошло минуты три, не больше. Мы и не живём по факту, нет такого понятия, как жизнь. Наши обгаженные налётом рты придумали называть всё, что движется и растёт – жизнью, тем самым обходя много других форм, которые существуют, а раз они существуют, то и живут. Разве не логично? Как можно обойти стороной песок, камни, землю, воздух, дождь, облака? Если человеческий BOG и существует, то он и есть

совокупность, но ни в коем случае не частное лицо, как пить дать.

То, что нам позволяет существовать – случайно сложившиеся обстоятельства природы. И если это так, то наши предки были и не такими durakami, раз поклонялись солнцу, земле, воде, грому. Другой вопрос, когда другие ребята вдруг решили, что BOG один? А ещё, что он хоть и принимает разные формы жизни, но всё же идёт намёк о некоем родстве, раз создал он нас по своему образу и подобию, но утверждение записано рукой человека.

Соответственно, можно разглядеть, как человек провозглашает себя сыном Божиим, то есть полубогом. Причём можно провести некий знак равно между язычниками и природой, которые старались жить в согласии с окружающей средой (разумеется, со своими несовершенными особенностями дикарей), тем самым проводя такую параллель: природа мой создатель, а значит я часть природы. Во втором случае есть крупица логики, которая в случае своего правильного развития могла бы дать плоды в виде утопического общества, а в первом – человеческое тщеславие, эгоизм, которые только путают карты, нарушая правила игры.

Слова – они такие. Я готов признать существование BOGA, если правильно дать ему определение. Я готов начать молиться, если под словом «молитва» подразумевается – живи в удовольствие пока можешь, другой возможности не представится. Я готов быть скромным и прилежным, если

люди вокруг перестанут быть der'mom. Я буду читать каждую ночь Bibliyu, если она станет объединяющим фактором для человечества, а не наоборот.

Проезжаем дамбу. Впереди виднеются горы. Обратная сторона нашей широкой реки. У меня закладывает уши. Отец поясняет, всеми виной смена высоты. Чуть больше половины пути пройдено.

Иногда удивляюсь сам себе, выдавая крайне заумные вещи, да ещё и без слова «blyat». Такой факт улыбает. Замечаю краем глаза, что одна юбка палит самодовольную «ухмылочку». Она улыбается мне ничего не говоря. Иногда люди меня радуют, когда умудряются не ляпнуть вслух что-нибудь idiotsкое. Такие моменты нужно заносить в красную книгу.

Проходит час с копейками. Местность зарастает невысокими дачными домами. С главной дороги сворачиваем в правый проулок. Замечаю ещё пару машин, а рядом стоят знакомые лица. Вот и приехали.

Выгружаемся. Тут стоит ещё парочка знакомых родителей. Здравуемся, перекрестно пожимая руки. Нам как бы в шутку говорят, чтобы мы были хорошими детьми и если соберемся делать шашлыки, то пожалуйста, не спалите посёлок к ебенуат. Серьёзно киваем. Договариваюсь с отцом, что он заберёт меня завтра во второй половине дня. Вваливаемся на территорию.

Ребята, как и я, здесь в первый раз. Пока впечатление хорошее. Двухэтажный кирпичный дом, везде понатыка-

на прикольная рассада. Вон маленькая кирпичная дорожка вдоль. Туалет и душ снаружи.

На первом этаже активное шевеление. Группа девочек готовит еду. К слову, я единственный парень, поэтому мне достаётся физическая часть приготовлений. Вынести там и разложить большой стол, вытащить типа мангал, принести к нему всяких сухих веток и дров. Свою зону ответственности пробегаю быстро, начиная бесцельно шляться.

Лестница на второй этаж висит резким углом снаружи. Забиваю местечко. Будем ждать ночи, когда смогу опробовать экстремальный подъём в невменяемом состоянии. Пока тренируюсь на ясную голову.

Здесь всё в лучших традициях дачного интерьера. Имеется неизменный настенный ковёр, оббитые кровати и сгнившая мебель прошлого столетия. Окна везде нараспашку. Внутри ползает один паук, летает пару мух; где-то поблизости жужжит *pidorsky* комар. Начинаю немного жалеть, что поехал.

Через минут сорок еда первой необходимости готова. Девчонки решают сходить искупаться. Плетусь за компанию. Жара здесь хоть и стоит ужасная, но в этой помойке отходов плавать я не собираюсь. Да и признаться, господа присяжные, за свои двадцать четыре года ваш верный слуга так и не научился держаться на плаву. Мой максимум – зайти в воду чуть выше ключиц и стоять на месте. Могу ещё ходить по дну, делая поступательные движения руками, имитируя

плавание. Уже бывало, что симулировал плавание в грязной воде, чтобы люди думали, будто я адекватный человек с базовыми умениями. В редких случаях, когда я купался в прозрачной воде – такой фокус уже не прокатывал, поэтому я гордо совершал прогулку по дну, ловя на себе насмешливые взгляды.

Может мне и было стрёмно за подобный факт своей жизни, но у меня есть много знакомых, у которых есть проблемы похуже. Один brutальный мужик, который может razdolbat' хоть целую толпу mudakov – не умеет ездить на велосипеде. Другой теряет сознание, если оказывается на крыше дома. Ему плохо от самого факта. С этим у меня проблем нет, а значит, силы уравниваются. Когда ловлю на себе осуждающие взгляды, то сразу включаю режим стервозности. Женщина справа у камня – тебе на вид лет тридцать, но ты уже выглядишь, как бесформенная жидкость в пакете. Займись собой, детка. Мужик в плавках – у тебя плешь, пупок наружу, а ещё твой din-don выглядит так, будто надел маленький плащ невидимку. Всё относительно. У кого маленький risyun, тот вкачивается в умение делать бабки. Кто тупой, тот вкладывается в красоту. Я средний эквивалент, не имеющий перевеса в какую-либо сторону. Даже не знаю, плохо это или нет, но в любом случае, пока ты молод, пока Я молод, то можно изменить всё.

Проходим мимо местного магазинчика, где в подарок стоят местные пацаны. Выглядят они самоуверенно, но по-дере-

венски так забавно. Таким дают только местные kolhoznitsy. Дурачки заискивающе смотрят на моих одноклассниц, но никто этого даже не замечает. Забавно. Захожу в магазин, покупаю простой воды. Пиво я захватил, но забыл простую воду – непростительная оплошность.

Пляж. На выбранном отрезке почти нет людей. Только те самые парни подтянулись. Они запрыгивают в воду, начиная выделывать типа финты всякие. Выглядит риздеки жалко.

Мои девчонки резвятся обособленно. Подтянулись ещё самцы, которые решают привлечь внимание, но бестолку. Начинается фотосессия на телефон. Дамочки-sosochki поочередно сменяются группами между собой, создавая комбинации из лиц. Когда их фантазия истекает, ловлю всех в одном кадре. Лица с натянутыми улыбками, сейчас им главное получиться журнально. Вижу, как двое втягивают животы. Улыбаюсь. Не импровизируя, делаю пару щелчков. Стандартная такая композиция. Возвращаюсь на своё место. Открываю новую банку пива. Уже не холодное, давлюсь, но пью. Это моя борьба.

Смотрю на людей, с которыми знаком четыре года. За это время мы хорошо узнали друг друга. То ли по наивности или же по глупости желания, каждый из нас был почти честен друг с другом. Кроме меня, разумеется, но я не в счёт. Мне нравится роль наблюдателя. Как человек же, я никуда не го-жусь. Всего лишь зеркало. Мне нравится выбранная роль. В меня смотрит человек, я вижу его в ответ. Беру его настрое-

ние, краду его мимику, жесты, манеру говорить; становлюсь им, поэтому со мной интересно. Эти люди неосознанно начинают идентифицировать меня с собой; распознают свои черты, тем самым смакуя самих себя. Такие люди считают, что влюблены в меня, но на деле – они любят себя в моём отражении.

Я давно разгадал закономерность и успешно пользуюсь ею в корыстных целях. Но теперь, когда пройден большой отрезок пути, моя корысть подустала. Может на время, а может навсегда. Смотрю на эти ещё молодые лица и вижу в них себя. Приятное это чувство, ностальгия.

Странно так. Ты смотришь на себя в зеркало и кажется, что не меняешься. Но вот проходит время, ты всё также видишь себя прежнего, но на фотографиях замечаешь разницу; как бы просыпаешься от наивности. Эти изменения неизбежны.

Сейчас ты стал чуть больше, лицо уже не такое карандашное. Ты не похож на нежного юношу, который смотрел на тебя буквально вчера. И с одной стороны ничего плохого и удивительного нет. Каждый знает, что он вырастет, но когда изменения происходят лично с тобой, тогда действительно становится немного страшно и грустно от того, что короткий отрезок времени так сильно искажает черты. Беспристрастное время не в силах остановиться. Единственный способ запечатлеть молодость физически – умереть. Но тогда смысла от неё не больше, чем от глубокой старости.

Я смотрю вдаль горизонта и в голову лезут знакомые юные лица. Вот мы вначале пути. Сидим в кабинете, слушаем классного руководителя. Некоторые успели сдружиться, кто-то кому-то улыбается вон... Некоторые сидят серьезные, как истуканы. Отпускаются шутки. Ветер перемен захлестывает каждого своим тёплым порывом, лаская лицо и колыша шевелюру. Сколько надежд и энтузиазма! Интересно, эта иллюзия будет преследовать человека во всех начинаниях или это чисто сезонный эффект? Такие вещи обычно быстро рушатся, как чужие, так и собственные.

Есть в подобной тоске определенное садистское наслаждение, некий интерес. Любопытно наблюдать, как люди скатываются в самую страшную бездну – разочарование. Сияющие глаза и улыбки сменяются улыбками сарказма и блеском злости, я и сам отчасти такой. Но что я один по сравнению с целой толпой?

Помню, одна девчонка, её нет с нами сейчас, повернулась ко мне и спросила, как правильно пишется: Христианство или Кристианство? Тогда я думал прямо на месте размазать её глупое лицо. Взять так за волосы и начать бить коcherыжкой об стену, пока череп не треснет, и оттуда не потечет жижа, похожая на мочу. Тогда бы подобное содержимое послужило хоть каким-то оправданием, но вместо этого, я взорвался диким хохотом, от которого спёрло дыхание. Не в силах остановиться, я всё смеялся и смеялся, повторяя её вопрос во всеуслышание. Да, тогда смеялись многие, а это

тирое туловище смотрело на всех, как побитая собака, стараясь улыбаться в ответ.

Есть люди, к которым чувствуешь подсознательную агрессию. Я долго анализировал причину ненависти к этой девочке и пришел к выводу, что дело не столько в ней, сколько во мне. Я просто боюсь оказаться никчемным и turim, мне страшно оказаться durchkom. А эта девочка всего лишь физическое воплощение моего страха. Отсюда и отвращение.

Солнце медленно начинает сбавлять, смещаясь по небесной плоскости за горы. Становится слегка прохладно. Ребята вылезают из воды. Я уже допил свои банки. Очередной бычок хоронится в песке. Идём обратно той же дорогой. Голод витает над головой, я не исключение. Животы так смешно бурчат, будто переговариваются.

На месте. Сразу краду с тарелки пару бутербродов. На меня игриво прикрикивают. Разжигаем огонь. Золотые ручки дамочек начинают готовить мясо. Много ножек ходит по кругу от кухни до стола, принося тарелки с закусками. Ещё пару минут, и вот оно – застольное изобилие. От одного вида хочется упасть на месте.

Шашлык из курицы готов. Рассаживаемся. Произносятся банальные тосты и прочая дребедень. Сижу молча, уплетая всё, до чего могу дотянуться. Курица, картошка, бутерброды с рыбой, бутерброды с колбасой, оливье, салат морской, торт, хлеб, семечки. Честно: мне rohui. Я ужасно прожорлив и невыносим в греховном плане (четвёртый по счёту).

Мешаю в желудке кашу. Мешковатый бедняга уже привык получать по своей вaшке. Сначала он голодает, отхаркиваясь от дыма и бухла, а к вечеру давится килограммами еды. Мне действительно искренне жаль свой желудок, но что поделать? Горбатого могила исправит. Или вот мой вариант: на смертном одре спрашиваешь про беговую дорожку.

Общий гомон утихает, ребята разбиваются по парам. Один я остаюсь общедоступен для болтовни. Иногда меня спрашивают по мелочам. Стараюсь остроумно отвечать, вызывая смех, но сам не шибко слежу за языком, в голове роятся многочисленные нити. Мне нравится прятаться в голове; сидеть в тёмной (и просторной) пещере, смотря на свои воображаемые руки на красном фоне.

Ночь. Со стола убрано. Пью вино вперемешку с пивом. Между первым и вторым протискивается немного водки. За столько лет наконец научился пить, мой организм окреп. Понимаю, гордиться нечем, но всё же.

Одна девочка достаёт пакет с shaboу, у второй в руках обнаруживается крафт. Начинаем крутить дюбуа. У меня получается ровный и плотный. У девочек же смешные такие, кривые. Считаем zabогу, выходит по два человека на штуку. Мастерски сливаю девчонку, которая со мной в паре. Говорю ей, что это deg'to не стоит пробовать. Она согласно кивает.

Всей оравой выходим гулять. Девочка-отличница ведёт нас вглубь леса. Тьма почти непроглядная. Включаются фонари на телефонах. Через пятнадцать минут выходим на

небольшую поляну, где стоят «весы», песочница и качели. Усаживаемся по периметру большой песочницы. Решаю повисать на качелях. Отсюда хорошо видно силуэты ребят. Потихоньку раскачиваясь, запаливаю.

Тихие разговоры. Смех. В траве щебечут сверчки. Небо не чёрное, скорее помесь индиго. Я сытый и чертовски довольный. Через несколько тяжёлых подушек отравления окутывает мозг. Чувствую *sviatost`* этой ночи. А как ещё это можно назвать, когда ты ощущаешь полную безмятежность; когда тебе больше нечего желать в эту волшебную ночь. Ночь, когда все мы в последний раз вместе.

Ночь щедра на гостей,
что окунулись в сон
под её невидимым покровом,
не ищущих ни *blyadey*, ни покоя:
протаптывают вновь и вновь
поросшие травой тропы.

(Забыли странники,
как тернист и долог путь)

Ночь вберёт в себя
всю усталость
дней бодрствующих
и груз сердечный,

с цепи сорвавшись,
найдёт нетленный дом
под куполом звезды,
о бесконечный дом.

(Забыли странники,
как тернист и долог путь)

В святилище ночи
все едины,
будь то друг или враг.
У них один покровитель,
и в эту ночь – одна кровать.

(Забыли странники,
как тернист и долог путь)

Властительница всего,
что создано и рождено
и того, что ещё
создастся и родится.
Имя её – смерть
и дом её – ночь.

(Забыли странники,
как тернист и долог путь)

Вот он, я. Подстриженный под австрийскую каску. Волосы в носу выстрижены. Зубы отбелены. Раздаю остатки своего легендарного мини-бара знакомым. Я больше не пишу ребятам, у которых можно *zatarit'sya der'mom*. Каждое утро типа делаю зарядку. Курю сижки вон только два раза в день: днём и перед сном.

После прощальной вечеринки я немного приуныл, с чем пришло и понимание, что личная юность заканчивается. Жизнь у меня одна, а значит, самое время строить новый порядок для достижения целей. А главная цель на сегодняшнюю жизнь: не *proebat'sa!*

Я очень неплохо выгляжу, серьёзно. Купил вот в магазине новую рубашку с джинсами *vdoves*. Рубашка горчичного цвета в клетку; не классика, но выглядит бесподобно. Она типа послужит мне визитной карточкой на собеседованиях. Встречают по одежке, знаете ли.

Далее качаю приложение по поиску работы. Не зря на дворе двадцать первый век, где газета приобрела статус туалетной бумаги. Да здравствуют технологии! А теперь все вместе прокричим: «аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!»

Очень долго заполняю информацию о себе. Самая утомительная часть. К слову, они *dohuya* хотят. Где вы работали? Какой у вас стаж? Самое смешное, эту графу невозможно пропустить. Приложение не хочет принимать тот факт, что ты ещё не работал по своей профессии. Приходится врать,

выдумывая себе первое место работы. Было бы глупо написать, что я работал подсобным рабом. Это из разряда: «Я хочу себе богатого, умного и нереально красивого мужа, но сама я уродливая, и ленивая shluha». Абсурд.

По итогу останавливаюсь на «Творческой Башне», где имел честь проходить когда-то давно практику. По крайней мере, я там действительно что-то делал и у меня есть фактический адрес. В самом конце вставляю чёрно-белую фотографию, где я очень загадочно смотрю прямо на зрителя. Должно сработать. Всё, публикуем!

По средам традиционно приходит В.И.. В последнее время он меня серьезно раздражает. Вечно балаболит о том, что теперь нам надо готовиться на поступление в академию. Одним словом – сумасшедший. Пытаюсь доступным языком объяснить человеку, что не могу учиться. У меня и так жизненного времени потеряно предостаточно. Мне нужно начинать жить, алё! После же просто начинаем орать друг на друга. Каждый раз мы успокаиваемся, но занятие уже не клеится. Мне дорог и близок по духу этот старый пацан, но я устал от него. В.И. как любимое блюдо, которое ты начинаешь есть каждый день, а через неделю тебя от него ужасно тошнит. Видеть ты его больше не хочешь. Я перенасыщен им, но не могу избавиться. Знаю, что привязался к нему, но и продолжаться так дальше не может. Мы исчерпали друг друга, но пока я молчу, раз в неделю переживая стресс и злость.

Жизнь начала походить на забой быков, а всё из-за моего

резюме, которое висело мёртвым грузом. Ни один blyadsky работодатель не заинтересовался! Ни один! Я уже сам начал листать объявления... ну, как, пролистывать. Оказывается, художник – это не профессия. Ладно, чего ломать комедию, я знал это, не буду лукавить, поэтому поставил статус профессии: дизайнер. В программах типа там работать умею, логотипы и прочая мишура мне по силам. Но как оказалось, в моём городе такие умники как я просто не vsralis'. Да. Самый максимум: сидеть в типографии. Здравствуйтесь, вот ваша ксерокопия паспорта. Можно было бы смириться, но на отклики не следует никакой реакции. Вот она, действительность. Спасибо, pahui, большое. Просто обожаю. Догадывался ли я о таком исходе? Разумеется. Но знать и сталкиваться носом – совсем разные ощущения.

На днях созвонился с Р.. Он мне тут глаза открыл, сказал, что сейчас в топе веб-дизайнеры. А чтобы быть веб-дизайнером – учиться четыре года не обязательно. Можно пройти ТРЁХМЕСЯЧНЫЙ КУРС! ЧТО? ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ? ЗАКОНЫ ПЕРСПЕКТИВЫ? ЗАЧЕМ?! Главное, чтобы ты умел работать в rrogah и ловко крал чужие работы, чутка их перекраивая. Весь секрет успеха только в этом. А стиль, композиция, колорит – знать не надо, ведь можно просто посмотреть сотни примеров одинаковых работ, которые выглядят «вкусно» и, пожалуйста! Просто PIZDI! ВОРУЙ! Никто ничего не скажет тебе, а всё потому, что это считается нормой. Да, я серьезно, мне всё это расска-

зал Р.. Он, кстати говоря, уже закончил курсы. Он с гордостью добавляет, что уже есть пару заказов, но он ищет полноценную работу. Вот так вот, дорогие присяжные. Человек, не имеющий понятия об изображении – теперь веб-дизайнер.

Честно сказать, я полон усталости. В этом городе действительно нет работы. Можно пойти кассиром, можно пойти на стройку, можно стать продавцом, но к этому ли были устремлены силы? Все мы знаем правила игры, но надеемся на собственную исключительность, да везучесть.

Сейчас ситуация прямо-таки отвратительная. Наша экономика в захлѐбе чужих идей. Из-за вон отсутствия конфликтов, хорошей медицины и льгот, наплодилось много людей. Безумное количество тонн на одну должность, ей богу. Кассиром никто не хочет быть, но кто-то должен. Я бы и рад быть болтиком, этим *spanen`kim* страдальческим винтиком, но это не моѐ!

Настроение по нулям. Я агрессивен и молчалив. Родители переживают за моѐ душевное самочувствие. Очень часто ухожу из дома, уподобляясь бродягам, что слоняются из квартала в квартал в поисках ничего. Путь – есть истинная цель. Я просто хожу, стараясь ни о чем не думать, а если вдруг наткнусь, то мысли эти начинают закапывать.

Я – взрослый мужик. Что я имею? Живу с родителями, работы нет, перспектив нет. Прозябаю свою жизнь в дыре, где никому нет дела ни до кого. А по телевизору, из экрана компьютера, ноутбука, на билбордах, да откуда угодно, ото-

всюду сыплется в глаза реклама красивой жизни, красивых людей, красивых домов и счастливых улыбок. И они всё лезут и лезут раздраживая.

Создаётся чувство, словно ты один на белом свете не имеешь ничего. Но одно дело, когда ты серое пятно, которому больше и не надо, кроме как поесть, поспать и сделать ребёнка. А другое, когда тебе есть что сказать, есть что показать, но ты не умеешь продаваться. Ты слишком скромн. Тебя не научили общаться с публикой. Тебя не научили заводить дружбу с ключевыми людьми. В голове ты знаешь всё, но на устах твоих стоит немая тишина, а нервозная улыбка придаёт тебе вид *idiot*.

Больше нет мочи терпеть напряжение. Этот город хочет, чтобы я слился со стенами и обоями общего настроения. Да, так я и сделаю сегодня. Может, ещё сделаю завтра, но кто знает, что принесёт новый день.

Звоню П.. Давно не общались. Договариваюсь о встрече, так, чисто прошвырнуться по магазинам. На самом же деле тут спрятана только условность.

Закупаемся *buhlom*. Привет, беленькая, давно не смешивались с тобой химически. Привет, пенное, подруга всех беременных мужиков. Идём к П. домой. Он снимает у какого-то чела комнату, который оказывается старым знакомым.

Начинается возня. Пьем типа с напором, молодость там вспоминаем. В основном только смешное. Изредка П. вки-

дывает приколы из недавно случившихся событий. Отвлекаемся только на покурить.

Обшарпанный балкон, тазик из-под краски с водой. Ага. Значит будем *harat' vodncheski*. Подходит моя очередь. При-сасываюсь в два ух-х-кхе-х.

Такое чувство, будто и не бросал. Возвращаемся в комнату. Другое дело. Включается обзор новой игры. Голова ныряет глубоко в своё ничто. Уплываю хоть и мягко, но как-то настойчиво.

Последнее, что успеваю заметить за собой, почти не моргаю. Тело погружается в кататонический ступор. Ни одна мысль не может проскользнуть. Я пустой. Я пустой. Я пустой. Я оболочка. Я будто в космосе, где ничего нет, только медленное движение. Сплошное созидание. Нет слов, нет людей, нет проблем. Я камень, я вода, я на дне и мне не нужно дышать. Как хорошо не знать о своей бесполезности.

6. Подростковый эпилог

Как же меня всё доконало. Скоро жизнь достигнет рубежа в четверть века, а как нам известно из статистики, люди не живут до ста лет. Ещё мы знаем, что третья часть жизни тратится на сон. Минус несколько лет из-за скверного питания, вредных привычек, отвратительной экологии, стресса, и того: тридцать лет с копейками есть в запасе в лучшем слу-

чае... Это чуть больше имеющихся годков и, как мы можем заметить, ещё и бездарно прожитых. Если так пойдёт и дальше, то можно смело пойти паһи, не дожидаясь естественных причин.

Я твёрдо решил, что самое время уезжать из города. Поеду к Р. на север. Выбор очевидный. В других городах у меня нет друзей, а где-то остановиться просто необходимо. Волнительный момент, особенно когда нужно рассказать о решении родным.

Разговор такого масштаба временно откладывается. Пока только треплюсь отдельным знакомым. Есть те, кто на новость закатывает саркастически глаза, а всё по причине города, куда я уеду. Да, дорогие присяжные, складывает ощущение, что на городе N сходятся (а точнее, расходятся) все мосты. Pоebat`. Моё решение окончательное и твёрдое. Нельзя допустить того, чтобы собственная жизнь так и осталась нераспечатанной celkou. С пакетом на ebalce люди не могут дышать, они умирают. Сейчас я ловлю остатки воздуха в этом условно запечатанном пространстве под названием «мой любимый город», и эти «остатки» смешаны с запахом мочи и рвоты.

Новый день. Натыкаюсь на вакансию педагога в одну детскую художественную школу. Набрасываюсь на объявление интуитивно. Договариваюсь о собеседовании, очень мило так пообщавшись с замом. Скидываю портфолио на почту. Ближе к концу августа, когда директриса вернётся с отпуска

– со мной свяжутся. Теперь точно могу заявить: «я сделал всё, что мог».

Говорю о школе матери, а затем сразу, пока она жует бутерброд, запивая кофе, сообщаю о намерении переехать в другой город.

Как же меня постоянно удивляет эта святая женщина! Её спокойствие не знает границ. Она интересуется мотивом, а после благословляет непутёвого сына. Мама говорит, что она и отец поддержат меня, пока я не встану на ноги.

Дорогие, горячо неизвестные присяжные, я расчувствовался! Обычно мой стиль: комок злости, нервов и просто меланхоличного буээээ, но эта женщина каждый раз растапливает моё сердце. Обнимаемся, целую этого великого человека в щёчку. Решено.

Ещё немного поговорив, решаем, что уеду в середине сентября. Нужно немного подсобрать лавэшки на первое время. Плюс, в сентябре билеты дешевле, чем летом. Ещё надо распахать по сумкам необходимые вещи, а ненужные безделушки раздать. Работы предстоит много, поэтому не время расслабляться.

В разговоре вдруг замечаю, как голос мамы стал отчётливо грустным. Да, она знала, что рано или поздно расставание случится, но она не думала, что это произойдёт так скоро. Для неё я ещё совсем ребёнок, незнающий жизни; нуждающийся в заботе и ласке, запутанный клубок неизвестности такой, а Мир большой и страшный. Чёрт за яйца схватит!

Хорошо, когда семья держится особняком, где каждый член семьи находится в шаговой доступности; когда имеется возможность собраться по радостному поводу и не очень. Приятно так просто услышать голос любимого человека вживую и обнять его без видимой причины. А когда ещё из родственников вас осталось с небольшую горсть, то тем более хочется сплотиться, почувствовав иллюзию уверенности. Но так не часто случается. Мы живём в выдуманном обществе, откуда уже рождаются наши собственные вымышленные стремления, идеалы и потребности. Чаще всего они не совпадают с мечтами общими.

У детей появляется оперение, а значит, время выпаривать из гнезда, начиная искать себе пропитание на чужих землях. А ещё нужно искать смысл, иначе засидевшись слишком долго, можно так и остаться дефективным. Мне кажется, я на грани сумасшествия, а значит, уехать – мой последний шанс разорвать порочный круг личных неудач.

Что ждёт таких, как я в маленьком городке? Безработица. Жизнь с родителями до бесконечности. Одиночество. Рано или поздно город возьмёт своё. Люди с улицы возьмут своё, и я стану одним из них. Нельзя допустить, чтобы единственная жизнь прошла пустышкой. Понимаю, у многих свои идеалы. Эти люди... Многим из них достаточно считать себя под крылышками Бога; достаточно простой работы, жену и ребёнка. Их так воспитали, это их идеал счастливой жизни. Или, если более правильно выражаясь, это их ПРЕДСТАВ-

ЛЕНИЕ о правильной жизни. Такое не по мне. Я точно знаю, у меня никогда не будет детей, никогда не будет жены. Я слишком эгоистичный взрослый ребёнок, неспособный позаботиться даже о себе. Сопляк, у которого ещё не началась полноценная жизнь, которую он себе воображал, а половина времени этой жизни уже осталась позади.

Тебя родили. Именно тебя! Так будь добр, начни жить. Иначе, к чему были проделаны все эти труды? Неужели мать зря просыпалась на протяжении многих лет, чтобы успокоить тебя и проверить, не случилось ли чего? Неужели отец зря работал по двенадцать часов в сутки, а затем в свой выходной шел на рынок торговать всяким дер'мом, только чтобы его ребёнок ни в чём не нуждался. А затем садик. Хождение по больницам. Вечные простуды. Требование внимания. Куча одежды, так как ты слишком быстро растешь. Школа. Домашняя работа. Деньги на ремонт класса, уборщицу, столовую. Первые карманные деньги. Первые проблемы, прогулы, звонки учителей. И везде деньги, деньги, деньги, деньги. И на это родители потратили всю свою драгоценную жизнь, только изредка переводя дыхание...

По итогу ты вырастаешь. Приходит понимание того, что и тебе теперь нужно тратить свою жизнь на заработок. Весь наш цивилизованный и типа демократичный мир стоит на круговороте бабла. Свободу и вкус жизни может почувствовать только богатый, финансово окрещённый человек. Я не оправдываю многих преступников, но понимаю, почему они

совершают гадкие преступления, почему так тянутся к деньгам. Совесть можно заткнуть круглой суммой. Грехи затыкаются богом, который всех простит за раскаяние. А свобода, такая манящая, свежая и аппетитная, что просто голова идёт кругом! В какой-то момент рассудок говорит «бай-бай, крошка», и вот ты уже готов на всё ради достижения состояния блаженности. Свобода ровняется слову «деньги». Вот все и рвутся к ней, кто как может.

Раньше, в период своего, так сказать, колхозно-эстетического становления, я думал и считал, что деньги мне чужды. Начитался там романтиков всяких, гениальных в своём роде поэтов, которые вынуждены были ловить голубей на прокорм, дабы не умереть с голоду. Долгое время ваш верный слуга считал, что это и его путь. Но если подумать сейчас, пораскинуть мозгами, то я уже не уверен. Меня прельщает мысль трагизма собственной судьбы, но с другой стороны, со стороны эгоистичной воли к жизни, желание хорошо кушать, хорошо выглядеть и ни в чём не нуждаться, приводит к осознанию, что нужно научиться делать деньги. В любом случае, коварный мозг найдёт оправдание любому стечению обстоятельств.

Скажем, если я уеду в другой город, а через время стану алкоголиком и бездомным, то я буду убеждать себя в том, что я просто гений с трагичной судьбой. Буду тешить себя такой пафосной мыслью, и в скором времени сам поверю в собственную ложь настолько, что начну молиться на неё. А если

вдруг я разбогатею каким-то неведомым способом, то буду считать это само разумеющимся фактом своей жизни. Кто главная умница и зайка, кроме как не ты сам? Своя шкура всегда ближе. Это закон, продиктованный самой природой. Каждый человек на Земле считает себя особенным и главным героем романа. А сюжет... тут уж простите, как пойдёт. В любом случае, собственная смерть кажется чем-то нереальным, базовой такой сказкой. Нет, каждый знает, что он умрёт, но в глубине своего серого вещества думает, что этот день не настанет никогда.

Заблуждение, деньги и бессмертие. Три столпа, на котором держится общество. Могу заблуждаться (ха-ха?), но как-то плевать. Я прав, потому что это моя мысль и она ближе ко мне, так как она... да просто моя, чего doebalis`?!

Улавливаю звук воды из крана. Это мама домывает посуду. Pizdec, вот так повис. Она насмешливо смотрит в мою сторону. Говорит, что я так сижу уже минут десять. Просто сижу и пялюсь в одну точку. Допиваю капли остывшего чая, выкатываюсь с кухни. Закрываюсь в своей комнате.

Здесь ничего не поменялось. Беру записную книжку, ручку, делаю глубокий вдох и начинаю записывать:

«Все мы находимся в чистилище. Каждое рождение – смерть иной личности. Влагалище женщины становится проводником души в степи, где в дальнейшем каждая сущность будет решать своё место.»

Убийство одного безумца решает сразу две судьбы. Судьбу личную, и судьбу убитого. Они как магнит одной полярности, разлетаются в разные стороны. Весь мистицизм – ничто иное, как реальность, в которую мало кто верит и не может доказать её реальность. Она выше понимания низшего разума, ставшего пленником своих слабостей.

Вся проблема в позиционировании слов. Такие слова, как «бог», «ад», «рай» – звучат театрально и тривиально. Они типа усеяны мифами и выдумками. На деле же, являются обозначением существующей формы анти-бытия, где людская энергия делится на два биполярных поля. А Бог – это всё то, что даёт всему существование, и всему тому, что движет прочие планеты. Тем самым получается, что даже самый отбитый организм (выродок) – клетка бога, которая всего-навсего выполняет своё предназначение, имея свой вес и ячейку.

Своеобразная матрёшка. Можно постичь сложное путём постижения простого, но это простое является все равно сложным для более простого организма, но все же более доступным для возможности изучения.

Для микроба организм человека также является космосом, в котором он обитает, и который даёт микробу пространство для существования. Этот микроб никогда не был в других частях тела кроме маленькой точки желудка, но и эта точка для него велика и почти непостижима.

Когда носитель умирает – умирает и микроб, который

*переживает момент эсхатологической обречённости, но пока существует жизнь хоть в одном из организмов, существует и жизнь для других *pid`uykov*, населяющих эти самые планеты.*

Вероятность такого же конца для человека – велика, но также вероятность существования аналогичных планет велика до бесконечности. Абсолютно всё умирает, и в тоже время заново самовоспроизводится. Зацикленная типа форма тайны, где есть мгновение для каждого подумать над загадкой, немного побыв счастливым или нет.

В любом случае, бесконечные комбинации вопросов, ответов, догадок и мнений будут одновременно правильными и неправильными. Во всей этой космической одиссеи не может существовать одного ответа, который имел бы статус Абсолюта. Трём людей, развитие технологий, спортзалы, правильное питание, стихи, влюбленность – всё это является формой развлечения перед неминуемым концом, постоянным конвейером самовоспроизведения ради иллюзии смысла, которого изначально не было и не должно было быть по великому замыслу НЕЧТО»

Дорогие присяжные, вам может показаться, что я окончательно *ebnulsya*, и вы будете отчасти правы.

Пока сижу в своей комнате, занимаясь «типа писательством», мама куда-то уходит. Не теряя времени, выключаю внутреннего интеллектуала, врубая первую попавшуюся

ся pornushku. Мне не очень везёт. Девушка на видео переигрывает, а у парня слишком гигантский her, выглядит просто пугающе. В придачу ещё и момент эякуляции отсутствует, только предлагают перейти по ссылке для продолжения. Vlyat! Приходится активировать фантазию, допиливая финал. Отлично, теперь я снова чувствую себя ничтожеством. Остаётся сесть за компьютер и просто поиграть ни о чем не думая. Так глупо проходит мой сегодняшний день.

Новый же не сулит ничего хорошего. Хотя, если присмотреться, погодка на улице славная. Солнце не светит ожесточенно и нагло. Принимаю за знак прогуляться. Чем ближе мой уезд, тем больше становлюсь сентиментальным. Приходится периодически давать себе пощёчины, а то вдруг ещё взбредёт остаться и тогда всё, конец игре!

Очень плотно завтракаю. После того, как матушка приняла факт моего уезда, она инстинктивно пытается откормить и затискать сынка. Её сердце потихоньку начинает скучать по мне и это взаимно. Вливаю в себя холодный гороховый суп-пюре, поглощаю четыре бутерброда с колбасой, плюс пирожное. Шлифуется всё это крепким горячим чаем. В желудке полная неразбериха, но я доволен. Сытость – путь к спокойствию.

Вываливаюсь на улицу. Лёгкий ветер приятно обдувает лицо. Щелчок зажигалки. Тлеющий огонёк чуть ниже уровня глаз. Ох уж эта машинальная привычка закуривать, когда только вышел. Страшные дела, особенно когда начинаешь не

замечать процесс, он типа такой весь сколький, просто начинает оставлять тебя в дураках. Да, ты больше не владеешь своим телом, мужик.

У меня нет конкретного плана. Идти в целом некуда, но всё же ностальгическое чувство берёт своё, и я невольно начинаю выискивать в пространстве места, с которыми связаны воспоминания из прошлого. Моему взору открывается целый калейдоскоп.

Вот передо мной, в метрах сорока, стоит школа. Я в ней не учился, но зато помню, как ходил на трени по баскетболу. Подрастающий малец, типа такой ещё ребёнок. Тренера мы звали ГЭСом. То было золотое время, когда я мечтал стать баскетболистом. В этот период у меня появился первый кореш: ушастая касатка.

Ноги несут на самую прилегающую территорию. Справа целая рассада баскетбольных колец. На одной из них, та, что правее всех, один местный маргинал периодически приносил ворох всевозможных проводов и жег их прямо в центре. Я помню, как мы с мальчишками дразнили Марадона, а он находил камни и прицельно кидался в нас. Однажды такой камень попал касатке в ногу, ещё бы чуть левее и не любить ему девушек.

Если пройти за угол школы, то можно увидеть густые заросли кустов, где я с парнями впервые пытался привыкнуть к сигаретам. Их доставал парнишка из моей команды, уже не помню его имени. Зато отчётливо вижу, как мы неуме-

ло затягивались, откашливаясь vtish, а никотин, из-за своего первичного влияния, заставлял наши маленькие корнишоны приходить в состояние эрекции. Мы делились глупостью ситуации друг с другом, смеялись без зазрения стыда и совести. Тогда, для неокрепшего ума – это было таинство и новшество. А чего ждать от дворовых пацанов?

Огибаю здание по дуге, возвращаясь на площадку. Теперь взгляд цепляется за ближайшее баскетбольное кольцо. Моё любимое и самое удобное, между прочим. Единственное кольцо, щит которого не перекрасили в зелёный цвет. На нём происходили ожесточенные уличные батлы.

Летом я всегда типа выходил спозаранку, начинал там тренироваться. Однажды пришла местная gorota, настояв на том, что покидает мяч со мной. Всё бы ничего, но перед уходом один высокий detina запульнул мяч с середины поля. Тот сильно отскочил от угла и улетел за деревья. Я побежал за ним, а когда вернулся, то обнаружил, что мой мобильник-раскладушку spizdil один из этих pidarasov. Тогда я соврал родителям сказав, что впервые видел этих ребят. Не хотел быть крысой, боялся отмщения.

А вот прямо перед носом старинная лазалка, состоящая из двух металлических палок. Её так больше никто и не красил, вся облезлая типа, старушка. Как-то я сигал на неё с ушастой касаткой на спор, на каждом подходе увеличивая расстояние до перекладины. В какой-то момент я смог зацепиться только кончиками пальцев. По инерции тело повлекло вперед, и

я сорвался, приземлившись на правую руку. Тогда ваш покорный слуга заработал двойной осложненный перелом, и целый сезон не мог ничего делать.

В отдалении расположилось футбольное поле с жалкими воротами без сетки. Пинать мяч мне не очень нравилось, зато здесь собирались на стрелки. В нескольких я участвовал, даже разбивали губу. Тогда махач казался чем-то важным и обязательным. Думаю, мы все тогда просто перевозбудились от бандитских сериалов.

Ноги несут меня прочь из двора. Вот я на главной (если её вообще так можно назвать) улице, шагаю ровно прямо. Здесь за кустами стоит одинокая лавка: любимое место местных алкоголиков. Но самое примечательное – это рядом стоящие берёзы. Не раз я становился свидетелем, как эти упыри усаживались под бедолажек, затем начиная обильно испражняться. Местная фауна в естественных условиях неприятно удивительна.

Стоит поднять голову, и я вижу очень популярную шестнадцатизэтажку или, как принято её называть, «шаха». Здесь было разбито куча голов, кто-то периодически (накинув himki) выпрыгивал с общих балконов. Я часто здесь выпивал, будучи подростком. От пронзающего холода зимы всякой мелочи больше нигде было спрятаться. Но запомнится мне этот дом другим.

Как-то ушастая касатка взял погулять меня и своего koreha со школы. К слову, непутёвый males. В этой шахе жил

сам ушастый. Мы решили зависнуть у него на этаже, типа было лето. Мы сидели на общем балконе, просто угорали, курили. Друг ушастого периодически выслеживал людей снизу, пытаясь харчком попасть в десяточку на темечке. Тогда это казалось смешным.

Захотелось пить короче, жара стояла страшная. Попросили касатку вытащить воды, да побольше. Было ещё рано, а день большой. Ещё злобные родители могли и не выпустить из дома на очередном заходе. Ушастый профиль исчез на минут пять, после вернувшись с тремя бутылками. Друг ушастого посчитал, что третья бутылка лишняя, он решил позабавиться, скинув полтора литра в сторону усевшихся на лавке людей. Бутылка чудом не убила ребёнка в открытой коляске. Она проскользнула прямо по краю этой розовой hreni, а выбитая от удара крышка – пробила колесо. Тогда мы сразу увидели, как отец ребёнка засек нас. Его друг тотчас же ринулся в подъезд, а сам отец решил нас выждать внизу. Мы, как малолетние недоучки, сразу же помчались по этажам вниз. На пятом обнаружился открытый пожарный выход. По итогу нас все равно поймали и дали таких pizdyuley, что мы ещё надолго их запомнили...

Сразу за шахой стоит небольшая детская площадка. Горка в виде жирафа, пару лавок, посередине песочница. Дети обычно здесь не собираются, зато лавки стоят под деревьями и в жаркую погоду можно укрыться от солнца. Однажды с другом переводили здесь дыхание. К нам подрулила молодая

симпатичная женщина. Только зубы выдавали в ней спившуюся poblyadushku. Её жестко ломало. Она под села к нам и начала говорить, что ей срочно нужно выпить, а денег ни копейки. Затем очень деликатно она предложила взять у нас в рот за бутылку водки.

Ещё чуть дальше, на соседней площадке, можно увидеть густую копну кустов вперемешку с деревьями. Туда тяжело прорваться, но именно там мы хранили с ушастым бутылки, которые собирали для сдачи. Это время первых месяцев нашей дружбы. Мы были детьми, которые вдруг захотели подзаработать. Вот два ребёнка активно копошатся в урнах у лавок с выпивохами. Периодически взрослые спрашивают: «по какой причине вы побираетесь?» Касатка гордо отвечает, что мы не bichi, а просто самостоятельные. За пять дней активной работы мы собрали семь гигантских мешков. Когда же приволокли пакеты на сдачу, то одну треть приёмщик отсеял, поставив «ненужные» бутылки рядом с собой. За остальное дал тридцать монет. Даже по pizdyushachim меркам это было мало. Когда мы смекнули, что нас просто побрили на бабки, то мой верный кореш предложил собрать ещё бутылки, но только с той целью закидать обидчика. Зрелище было поистине завораживающим!

А вот моя школа. Рядом с забором стоят ржавые мини-гаражи. Такие металлические две коробки, по которым пацаны прыгают. Когда-то с этих самых гаражей я наблюдал, как проститутка minetila мужику. Обыденность, но для малолет-

ки – целое откровение.

Снова возвращаюсь на главную улицу, где дорога выходит на кольцо. Три года назад на моих глазах парень без шлема влетел на полной скорости своего мотоцикла в иномарку, которую не заметил. Признаюсь честно, зрелище более чем волнительное. Парень пролетел метров десять, а затем его голова фактически раскололась надвое. Я возвращался на это место днём, и в траве лежал забытый кусочек мозга.

Перехожу в соседний квартал. Вот остановка, закрывающая обзор на дорогу-карман. Тут ваш верный слуга мог остаться в вечной памяти. Было дело, когда ещё гонял на велосипеде, я всюду врубал электронную музыку, чтобы веселее гонять типа. Когда я пересекал это же место на своём двухколесном коне, мне не пришло в голову, что в кармане машины могут ездить в обе стороны и посмотрел только налево. Не знаю, что меня тогда остановило в последнюю секунду, но почему-то подсознание резко захотело, чтобы моя рука нажала на тормоз. В эту же секунду машина на запрещенной скорости только и промелькнула перед носом, оставив ребёнка в состоянии контузии. Это один из самых ярких моментов, когда я был очень близок к смерти.

Немного прохожу по тропинке. Из кустов возникает мебельный магазин. Однажды я проходил здесь с Р., мы были только-только сформировавшимися подростками. В нашем кругу появилась мода хвастаться кто сколько уже держится от мастурбации. Мы шли по этой самой дорожке. Р. Начал

исповедоваться: «Честно мужик, я держался больше недели. А тут эти трусы. Нег вывалился, немного привстал, ну я и... Вот тебе заметка на будущее: никогда не надевай стринги при воздержании». Всё это он говорил громко и именно в тот момент, когда большая семья с детьми поравнялась с нами. Не знаю почему, но до сих пор вспоминаю иногда этот клюквенный момент, и улыбка разрывает моё сальное лицо.

Вот одноэтажный торговый центр с пятью ступенями, здесь нас впервые с Р. побрили на телефоны, дав взамен уйти невредимыми. Между прочим, один из постыдных моментов, ведь у нас были доски, которыми можно было просто *razdolbat' virodkov* в мясо.

Куда бы я ни повернул – везде воспоминания. Ускоряю свой шаг, и вместе с ним ускоряются мои мысли.

Вот дом, где мы с П. застряли пьяными в лифте, потому что тот долбанул кулаком по металлической двери. Гаражи – сломал отцу ребро за пьяную выходку, когда мама чуть ли не сошла с ума от волнения за него: думала, что он умер. Дорога, по которой я мчался всё на том же велосипеде, но уже сам чуть ли не стал виновником страшной аварии с двумя детьми. Магазин, где когда-то был обмен дисков и занимался этим парень по кличке чухнинка. Все его тогда обворовывали.

А вот мастерская, принадлежавшая одному художнику. Он сдавал её под аренду моим знакомым. Сколько же здесь было выпито, [ЦЕНЗУРА] и *vitrahano* сил.

Я сделал почти круг. Уже с другой стороны возвращаюсь в родные края. Вот «аллея грусти». Когда мне было особо тяжело, я всегда выбегал к ней и просто бродил туда-сюда, меня это успокаивало. Соседний подъезд. Его взрывали, когда я был ещё мальцом. Мог бы попасть в эпицентр, но катастрофа отвлек разговором, поэтому нам оставалось наблюдать только грохот и поднявшуюся пыль.

Лавка у моего дома – последнее пристанище моего тела, моего спокойствия. Сколько здесь выкурено сигарет, сколько насижено часов. В какой-то момент я отказывался куда-либо идти гулять, просто принимая желающих увидеться со мной здесь. Мой подъезд. Как-то раз сосед выкинул мягкое кресло, достаточно такое большое. Я затащил его в лифт, и просто катался в нём. Благо люди все свои, никто на меня не кричал, только улыбались. Моя комната. Крепость и защита от внешних проблем. Здесь было всё, так что лучше просто промолчать.

Семья – самый ценный и преданный объект воспоминания. У нас было много тёрок, но без этого никуда. Когда вы всегда рядом, то не замечаешь уникальной ценности и не чувствуешь должной нежности. Но когда твоё присутствие стало вопросом времени, то становится непреодолимо грустно и обидно, что уделял самым любимым людям так мало времени; считал их само собой разумеющимся, а они – не ставили в вину.

Теперь же, теперь я сдерживаю внутренний порыв слёз,

стараюсь не кинуться к ним на руки с криками о том, как я их люблю, и как уже по ним сильно скучаю. Надеюсь, что когда-нибудь я смогу восполнить утраченное время, смогу отблагодарить их за всю ту любовь и помощь, которую они мне давали и продолжают давать.

Здоровуюсь с мамой и отцом. Мою руки и сажусь за стол ужинать.

Вечер. До отъезда остаётся три дня. Билеты давно куплены. Самое время начать собирать вещи. Судя по всему, работёнки у меня достаточно много.

Стоит отметить, что только на первый взгляд кажется, будто *spanuh* вещей не так много. Моя комната вообще выглядит пустой, но иллюзия продолжается ровно до того момента, пока не начинается классификация по степени важности.

ОВОСРАТ'СЯ СТРАУСИНЫМ DER'МОМ! ОТКУДА?! Откуда столько вещей, о которых я даже не подозревал? В шкафу обнаруживается целый мешок всевозможного хлама, в число которого входят всевозможные медные проволоки, пластмассины, пластилин, куски пенокартона и прочего. Бесценные когда-то остатки с проектной деятельности, теперь же, просто горсть мусора.

Вспоминаю о важном звонке. Набираю номер В.И.. Говорю ему, что уеду на месяц из города отдохнуть. Я вру своему учителю, ведь уезжаю навсегда. Просто я слишком труслив

для правды. Да. Я Иуда. Предатель. Но что поделать? Иногда определенные поступки невозможно объяснить с помощью логики. Может так просто будет меньше ора, ведь В.И. меня воспитывал столько лет, я один из интереснейших объектов его наблюдения, да и пригрелся он ко мне. Как-то даже сказал, что я ему как сын, но это уже ничего не меняет, ведь предательство свершилось. Не сказать, что у меня тяжело на сердце. Оно просто гоняет кровь по телу в привычном темпе, но мысли у меня однозначно мрачные.

Возвращаюсь к сбору сумок. Из книг откладываю только три штуки, те, что не успел дочитать. Остальную свою библиотеку складываю в огромные коробки, так они меньше будут пылиться. Не думаю, что кто-то захочет их продувать каждую неделю, как это делал ваш неизменный слуга.

Свои рисунки и всевозможные этюды отдаю матери, правда, те работы, что мне не нравятся – просто рвутся в тишь и выкидываются *panui*. Приходится взять несколько мусорных мешков. Горы хлама скапливаются намного быстрее, чем того хотелось.

Несколько листов с зарисовками беру с собой. Они мне дороги. Собираю некоторые открытки, фотографии родителей в молодости. На них им меньше, чем мне сейчас. Кисти, мастихин, канцелярский нож, карандаши, фломастеры, ручки, палитру – всё это я беру с собой. Думаю, что пригодится. Документы, фен, расческа, шахматная доска, пальто, водолазка, носки, футболки, штаны, шапка, очки, пара шарико-

вых ручек, дорожные шахматы, ножницы для ногтей, записные книжки, эскизный чистый альбом, туфли.

По итогу выходит три сумки. Вполне компактно. Одна на колёсах, вторая на плечо, а третья в руке. Хорошо быть мальчиком, тебе, пацан, особо папуа и не надо по существу.

Остальную мелочь вроде зубной щетки закину позже. Мусор удалось вынести в три захода. Вот и всё. В комнате прикольное такое эхо.

День отъезда. На часах ровно восемнадцать часов. Мама и отец со мной особо не разговаривают. Волнуются или нечего сказать? В любом случае не смею нарушать тишину. Мне боязно. Уже через полчаса поезд унесёт меня за много тысяч километров и начнётся совсем новая история моей жизни. Какой она будет? Приживусь ли я? Неизвестно, но хочется надеяться... да, всем хочется надеяться, что их ждёт впереди что-то светлое.

Я банален до невозможности, но что тут скажешь? Быть банальным не *zahkvarno*, когда речь заходит о надеждах и ожиданиях. Тут человек показывает свой коллективный разум сплочённости. Каждому хочется лучшего, просто степень понимания и ощущения этого «лучшего» колеблется в количестве здоровья на человека, валюты и числом почитателей.

Мы идём к вагону. Родители читают мне бесполезную лекцию. Я всё это знаю, но не смею перебивать. Это было бы по-

следним свинством. Стоим. Мама держит меня за руку. Не хочет отпускать. Всё улыбается, но я знаю, что она просто сдерживает слёзы. Отец улыбается, но в нём не чувствуется напряжения. Чего плакать по сыну, когда и ему нужно становиться взрослым. Последний раз крепко целуемся. Обнимаемся. Сквозь краску стыда говорю родителям, как сильно их люблю.

Я захожу в вагон. Занимаю своё место. За окном они. Всё стоят и непрерывно смотрят. Мама плачет, я тоже на грани, но держусь. Не хочу при всех... У меня сильно болит сердце, впервые за всю жизнь. Поезд трогается. Мама пытается поспеть за ним, чтобы хоть ещё раз увидеть своего непутёвого сына.

Противоречивый бес
копьем протыкает мне рёбра,
не видя во мне человека.
Всё верно и всё не в веру
(закат моих терзаемых грёз)

Куплю сигарет у родни в долг.
Вернуть не смогу,
смочь бы скинуть покров
и свет.

Столько лет взятых на что?

Ноль на всё. В суете
забываются слова благодарности
к тем, кто был милосерден
(ко мне?) Именно.

Пастух ведёт овец.
Овцы паства его,
но как быть с тем пастухом,
что не ведёт, а вводит, и тот,
кто не идёт, а беспричинно ходит?

Время не ждёт,
оно на шаг впереди.
Что остаётся?
Выключить свет,
растить дуб, вырезать крест
и нести на Голгофу.

7. Новые декорации, буряты и рок

Чух-чух и все дела. Рельсы стремительно уносят меня из родного города. Вечер, становится не так душно, не считая двух бабуль напротив, обсуждающих внучат. Кстати, еду я в плацкарте на боковушке, где по два места. Билет куплен на нижний стульчак, типа ради стратегического хода конём,

если можно так выразиться. Будущий попутчик будет зависеть от меня. Если мне что-то не понравится, то: «Товарищ попутчик, я тут решил прилечь, мне нужно убрать столик и расстелить матрас на койку. Да, я знаю, что ещё день и никто не хочет спать, да и вам, там наверху будет ой как неудобно, но всё же будьте добры, s`ebite nahui!» Остаётся надеяться, что попадётся адекватный и умный человек. Может, будет с кем провести несколько партий в шахматы.

Проходит около двух часов. Остановок чёт не видать. На каждой «пятиминутке» забегает по несколько человек. Честно сказать, рожи заглядывают на огонёк в основном неприятные, типа колхозные. Ни в коем случае не хочу никого обидеть, господа присяжные, но вы поймите меня: когда человек не удосуживается расчесаться, на футболке свежее пятно, а лицо нагло-пунцовое, то кроме отвращения это чучело ничего не вызывает. Грубо, да, но на своём веку я встречал бездомных, которые выглядели опрятней. Так что тут не скрыться под маской бедности, здесь грешок посерьезнее, мать её лень.

Потроха проходят по узкому коридору с vonyuchimi баулами непонятного наполнения, приходится задерживать дыхание. Каждый раз на таких остановках я уламываю вселенную, чтобы она отгородила от такого вот соседа или соседки. Пока что чернушка показывает чудеса, спасибо ей.

Ехать в одиночестве немного нервозно, не с кем перекинуться там типа пустяковым словечком. Самое время зава-

рить себе bih-пакет, да привести чаю. Два раза моя тень мельтешит в коридоре. Сначала заливаем лапшу, относим на место. Затем завариваем чай. Заодно фотографирую расписание остановок, очень уж хочется покурить.

На данную минуту я единственный человек, который жуёт за обе щёки. На меня типа иногда поглядывают, уж не знаю с какой целью. Некомфортно. Будь моя воля, пошел бы есть в сортир, лишь бы не чувствовать тяжесть земок.

Пространство пропитано болтовнёй. Кто общается со своими родственниками, кто успел уже познакомиться с попутчиками и начинает пересказывать всю свою неинтересную жизнь. Создаётся впечатление, будто я единственный человек, сохраняющий словесный нейтралитет.

Через пятнадцать минут остановка. Поезда всегда максимально точны. Останавливаемся. Курильщикова видно сразу, бегут вперед планеты всей. Пытаюсь не отставать.

Свежий ветер приятно обдувает щебень. Горят фонарные столбы, слышны негромкие разговоры и смех. Рядом охотятся последние кровососы. Сигаретный дым аппетитно так затягивается, даря мозгу заветный никотин, короче, обнуляемся. Хорошо. Я бы сказал: романтично. Начинаю чувствовать себя по-особенному, словно я – герой романа.

Остановка полчаса. Зажигаю ещё одну сигарету. В тусклом свете фонарей начинаю всматриваться в окружающий калейдоскоп лиц. Вот толстый старый дядька справа тоже курит. Он ещё типа и высокий, от этого силуэт кажется чуть ли

не богатырским, несмотря на возраст. Щёлки глаз маленькие, непонятно, куда он вообще смотрит, но на губах играет лёгкая улыбка.

Справа стоит молодая девчонка, её черты пленят. Ноги и шея в татуировках, за балахоном скрывается грудь чуть больше среднего. Она курит толстые сигареты, параллельно говоря с кем-то по телефону через наушники.

На платформе стоят бабули. За пару часов они успели сплотиться в приличную банду. Теперь их пятеро. А нет, вон ещё две подошли. Семь перхотыпатов. Третья часть с моего вагона, остальные с соседних. Не слышно, о чём они говорят, но судя по спокойному мурлыканью и редких смешочках, они делятся ностальгическими рассказами о своей молодости.

Время проходит быстро. Из мыслей меня вытягивает голос проводника. Пора возвращаться. На этой станции к нам никто не подсел, хотя мест пустует ещё так предостаточно. Быстро типа проверяю почту на телефоне, пока есть вышки и оператор может ловить сигнал. Ничего нет. Выключаю, нужно экономить батарею, телефон уже никакой, сегодня-завтра откинется. Становится невыносимо скучно, начинает клонить в сон. Ещё с час сижу, пытаюсь сделать запись в блокноте в полумраке, но ничего путного не выходит. Один сплошной наивно-топорный бред.

Народ начинает потихоньку стелить выданное спальное белье. Синхронно подключаюсь, толкаться и мешаться в ку-

че куда веселее. Укутываюсь в шерстяное одеяло.

Ночью становится достаточно прохладно. Вагоны не новые, много типа, где микродырочек, из которых задувает, а под эгидой скорости создаётся и вовсе ощущение включенного кондёра. На фоне уши улавливают женский шепот. Вагон всё время делает свой «чух-чух». Свет выключен, только приглушенное матовое свечение горит для тех, кому ещё нужно *possat`* и *obristat`* *nya*. Общая атмосфера навивает мне уют и спокойствие. Под мысли о «себе будущем» мирно засыпаю.

Раннее пробуждение. Солнце всюду стучит в грязные окна. На часах шесть утра. Многие тела ещё дрыхнут. Вытягиваю голову в коридор – мини-армия ног торчит со вторых ярусов. В нос бьёт ужасная *vonishya*. Ну уж очень люди очень любят *poperdet`*.

Недавняя романтика испаряется. Остаётся только один положительный пункт: я чертовски хорошо выспался. Готов поклясться, что никогда и нигде так хорошо не выспался, как в редких путешествиях на поезде. Меня словно поместили в целительную капсулу, где я провёл неделю, отключённый от всего мира, а специальные смеси с целительными добавками воскресили физическую непосредственность.

Какое-то время просто сладко валяюсь. *Von`* уже не так резко бьёт, нос смирился с испорченным воздухом. Рот держу на замке. Не хватало ещё завтракать чужим *perdejom*.

Тут замечаю, как сильно pis`uki давят на мочевой пузырь. Ужасно хочется побрызгать. Новая проблема приходит оттуда, откуда её не ждёшь. Народ начинает просыпаться, а я ужасно хочу в туалет, но на пути у меня собственная эрекция, да такого масштаба, что её не удаётся сбить не мыслями о трупах, личинках, и даже не получается утихомирить жестокими щипками за уауса и golovku. Stoyak решил, что самое время проявить себя стойком. Начинаю думать о том, что быть девочкой вполне удобно, есть свои киски-фишки.

Моё тело типа окутывается болью. Лицо ничего не изображает, но внутри страдаю и бьюсь в грешной агонии. В какой-то момент начинаю думать о том, что мне уже плевать на свой стояк, пусть лучше лопнет моя совесть, чем мой мочевой пузырь. Вот так вот. От мысли о скором унижении мой дорогой мистер din-don начинает сникать, а уже через две минуты полностью капитулирует. Правильно, durachok, нечего воевать против бати. Один организм топчем.

Медленно приподнимаюсь. Боль жуткая. Мочевой пузырь вот-вот лопнет. Мелкими шажками добираюсь до ближайшего туалета. Слава всем списанным из истории богам – СВОБОДНО. Выпускаю болезненную струю, одновременно чувствуя подступающее блаженство. Тело сдувается, словно вместо крови у меня tocha от головы до пят, и когда я закончу облегчаться, то останется от меня только кожа, да кости.

Внизу живота ещё потягивает. Поезд начинает медленно сбавлять скорость. Остановка двадцать минут. Хватаю пач-

ку сигарет, успевая налить растворимый кофе. Самое время подышать свежим воздухом.

Прохладно. Осеннее утро прекрасно своей сбалансированностью. На станции в мой вагон ломятся сразу четыре персонажа. Две тётеньки блондинки с небольшим багажом, молоденькая кисонька (чуть младше меня, симпатичная такая типа на мордашку со взглядом отличницы) и, очень худой, морщинистый мужик с горбом размера XS. У него сломана рука и судя по гипсу, который переходит в область грудины, сломана ещё и ключица, но могу ошибаться. Дядя не старый, но уже потрёпанный. Выглядит, как типичный рецидивист. В целом, мерзкий персонаж.

Вспоминаю, что рядом со мной свободное место, а ехать ещё полноценные сутки. Делаю глубокую затяжку, стараясь не думать, кто из этих персон может ко мне подсесть. Я бы скрестил и пальцы, но извините, руки заняты.

Поезд делает фирменный «чух-чух», нервно будто что-то сплёвывая. Задвигаемся в салон. Иногда кажется, что всё-таки что-то над нами да есть, а может и в нас. Мои молитвы на собственном языке в очередной раз были услышаны. Блондинок я вообще не увидел, скорее всего они расположились с другого конца, а гипсовый chmoshnik расположился на следующей боковой койке. Компанию ему составила та самая отличница. Стоит ей только посочувствовать.

Завариваю очередную bñku с чаем. Отличница сидит, облокотившись спиной на дальнюю стенку, поэтому я вижу

ее лицо. Гипс сидит спиной ко мне. Он начинает впаривать soplyachke что-то нечленораздельное, только по отрывкам понимаю, у retuhka в области живёт дочурка, к которой он едет в гости.

Отличница только кивает, фальшиво улыбаясь. Я прям порами чувствую её отвращение, а ещё готов поспорить, у рецидивиста давно эрекция, и он в мыслях представляет себе ясное дело что. Он незаметно поправляет своего kornishona правой рукой. Ваш верный слуга замечает это по движению локтя и работе плеча. На ступеньку второго яруса дядя выкладывает пачку сижек. Примечаю их, думается, надо бы spizdit` ближе к вечеру.

Сажусь читать. Всё бы ничего, но сидушки в вагонах жестковаты, причём в любых классах. Стабильность снова удручила народу. Через час начинает ныть копчик, переминаюсь с булки на булку.

На очередной большой станции звоню матери, немного болтаем о пустяках. Посматриваю на retuhka. Не зря я к нему привязался, какое-то внутренне чувство подсказывает, что от него будут неприятности. Как минимум он просто неприятный ueban.

На станциях, как всегда, куча мамкиных предпринимателей, пытающихся продать мелочь разного рода. Вообще раньше я только смеялся с подобных продавцов, особенно с тех, которые пытались продавать наборы постельного белья, но как оказалось, смеялся я рано. На подобный товар слета-

лись всевозможные бабки и тётки, верящие каждому слову pizdabola и, как следствие, перхоть скупала большую часть. Хороший навар, браво!

Гипс замечает женщину с небольшой тележкой бухла. Гипс покупает баночку крепкого, отстёгивая бешеные бабки. Дядя начинает возмущаться, мол, баночка-то тёплая! Продащица только разводит руками, бери мол, что есть. Ueban отплывает. Молча открывает нектар дураков, начиная жадно высасывать. Снова все овцы в загон. Едем.

Чертила продолжает потягивать мерзкую баночку. Девчонка всё больше и больше морщит нос, стараясь отвлечься музыкой. Вонь от гипсовой toshi стоит приличная. Вагоны в плацкарте плохо проветриваются.

Летняя жара поднимает градус. Душно и дурно. Лырь допивает свою банку, ставя болванку под сидушку. Его мерзкая рожа заискивающе смотрит на молодую соседку, но та выдерживает напряжение и не отвечает взглядом. Durachku скучно. Он начинает озираться по сторонам.

Свинячьи глазки палят на меня. Насупливаю брови, начиная смотреть на него, как на govno. Petuh скользит взглядом дальше, натывается на двух бабуль. Завязывается тупорылый разговор, который затягивается на целую вечность. Он спрашивает бабок куда те едут, они честно отвечают. Им хватает «ума» задать тот же вежливый вопрос, и тут понеслось.

Снова слышу одну и ту же историю, только теперь в де-

талях. Рецидивист говорит мерзко, не думая, часто путается в словах, выстреливает плохо выговариваемыми звуками из своего гнилого рта. После пива его знатно развезло, это прям типа чувствуется. Он говорит, как типичный пьяница, привыкший находиться в подвешенном состоянии.

Не могу сосредоточиться на чтении под его *pizdej*, поэтому достаю дорожные шахматы. Начинаю играть сам с собой. Замечаю любопытные взгляды людей, но никто не предлагает своих услуг соперника.

Наконец *durachok* завершает рассказ о своей никчёмной жизни (странно, но он ни разу не упомянул о том, что сидел в тюрьме), затем на весь вагон сообщая что ему нужно отлить. Интересно-интересно. Откладываю шахматы, смотрю ему вслед.

В поезде нормально так трясет, нужно следить за равновесием. Балансировать помогают руки. У *petuha* одна рука, а ещё он поддатый. Сомнительная походочка. Его хрупкое тельце то и дело резко бросает из стороны в сторону. Если бы не узкий коридор с койками по бокам, то он давно бы улетел *nahui*. Жалкое зрелище. *Durachok* доходит до двери туалета, дёргает ручку. Походу занято. Неожиданно он падает с грохотом на пол, при этом ударяясь головой о боковую стенку. Его начинает дико трясти, буквально колбасить на горизонтальном рейве. Я в радостном *ahue*. SUKA! А Я ВЕДЬ ЗНАЛ! ЗНАЛ! *Koncha* всегда видно издалека.

На шум поворачивается много голов. Старые перхоти на-

чинают визжать: О БОЖЕ! НА ПОМОЩЬ, НА ПОМОЩЬ! ЧЕЛОВЕКУ ПЛОХО! Поднимают кипиш. Нехотя высывается проводник. Видит жмура в перспективе.

Пару жён насильно отправляют своих подкаблучно-суженных на помощь. Одна pizda всё продолжает оглядывать свидетелей с выпученными глазами и орать: ЧЕГО ВЫ СИДИТЕ, А?! ИДИТЕ, ПОМОГИТЕ! НУ! Её маленькие глазки пилят мой профиль. Поворачиваюсь, максимально морща ей лицо, но ничего не говорю. Как объяснить тупой корове, что там и так больше людей, чем нужно, коридор слишком узкий, это раз. Даже если бы там не хватало спасателей и было много места, я бы не пошел помогать подобному отбросу, пусть откидывается, это два.

Продолжаю наблюдать за ситуацией с интересом. Шесть рук приволакивают тельце на койку, девчонке приходится отсесть. Взглядом приглашаю её на свободное место.

Рецидивисту плещут холодную воду в лицо. Он приходит в себя. Говорит, что всё нормально, только знобит, а в голове каша. Его штанцы мокрые до носков. Да, товарищ obossalsya.

На ближайшей станции заходят медики. Начинают спрашивать потерпевшего. Оказывается, мистер биомусор из-за сломанной руки пил прописанные ему таблетки, которые в компании алкоголя спровоцировали эпилептический припадок. Всё могло закончиться благополучно, но засранец выжил на злобу судьбе.

До конца поездки ему советуют пить только воду и особо

ничего не есть. Уходят. Кошч более-менее оклемался, даже хочет выйти покурить, но его не пускают заботливые пенсионерки.

Вечер. Девчонка забралась на второй ярус своего места. Готовимся ко сну. Ням-ням чёт не хочется. Всё жду, когда захочу под «чух-чух» сделать своё «пи-пи», но организм отказывается играть себе же на руку. Ладно, paskudny ublyudok, посмотрим на тебя завтра с утра. Расстилаю матрас. Время спать. Уже завтра днём я приеду в мегаполис своих грёз.

Утром история повторяется. Снова эрекция, снова нестерпимое желание сходить possat'. Но, чёрт возьми, как замечательно я выспался! Чувствую себя просто потрясающе. Думается, что в следующий раз я просто воткну себе катетер для отвода мочи, и смогу погрузиться в наслаждение с головой без последствий.

Процедура повторяется, только на этот раз в туалет есть очередь. Проваливаюсь мыслями в пустоту. Страдание должно стать фоном. С утра человеки опорожняют кишечники, мочевые пузыри, расчесываются, чистят зубы, пукают, а некоторые умудряются накраситься.

Очередь до меня доходит не скоро. Пока я болезненно пускаю струю, думаю о том, что странная типа штука: за всю жизнь в поезде я не навалил ни одной кучи. Как только оказываюсь в подобной среде, организм начинает считать, что

ему не нужно выводить ненужные остатки пищи. Ладно бы был запор, болел живот там с вечными муками и типа бла-бла-бла, но ничего этого нет. Мистика.

Завтракать не хочется. До прибытия остаётся совсем немного. Включенный телефон сообщает, что мы уже въехали в область. Немного волнительно. Ещё позавчера ты был у себя, знал каждый худой уголок. Знакомые там лица на улице типа попадались каждые четверть часа. Всё тебе было знакомо с детства, а сегодня окунёшься в неизвестность, сынок.

Гигантский город с чужими на перевес, кроме парочки друзей, где без карты не сделать и шагу. А если что со здоровьем? Слишком много мороки в чужих больницах, где ты не числишься. Ещё вон постоянно иметь при себе паспорт, дяди легаша не дремлют. Заметка на будущее: будь осторожнее с законом.

Последние часы сижу, втыкаясь взглядом в книжку. Копча уже нет на месте. Походу доехал ночью. Девчонка на месте, значит едет до победного. Погода стоит отличная. Появляется связь, правда телефон на последнем издыхании, особо не позалипать.

Пишу Р., напоминая, что он должен встретить меня в полдень с копейками. Он только и пишет: «угу». Понятно, этот zaranec как минимум опоздает, как максимум – забудет.

Поезд пересекает крайнюю черту. На корочках ничего интересного, одни промзоны, да ветхие дома. В такие дебри туристов не водят. Вот центр – другое дело.

Люди начинают нервничать. Одной бабке взбренило метнуться со своей сумкой ближе к выходу, хотя ехать нам ещё добрых четверть часа, но этого достаточно, чтобы народ зашевелился, начав торопиться пропихнуться к выходу.

Думаю: «idioty», а сам уже с сумками стою в общей очереди и не понимаю, как это случилось. Общая атмосфера, ах ты ебануа овца! Ну да ладно, я тоже подумомился сидеть. Последние минуты перед финишем – самые долгие и мучительные. Тела в ожидании. В воздухе витает возбуждение.

Оглядываюсь. Мордочки таинственно улыбаются, смакуя приближающийся момент. Да, я бы тоже не прочь посмаковать, но я изрядно нервничаю. Вот вагон замедляется, появляется перрон, а на нём заискивающие лица встречающих. Кто-то уже увидел знакомого или родственника. Р., как и ожидалось, не успел. Спасибо, брат, всё как надо.

Выталкиваюсь на перрон. Народа просто тьма. Оглядываюсь в последней надежде отыскать иуду. Нигде не видно. Мне ничего не остаётся, как дойти до края платформы и вместе с остальными курильщиками начать пыхтеть. Заодно можно надышаться свежим воздухом и написать Р., где его там черти ebut.

Первые десять минут полный игнор. Я спокоен, мы все знали, что так будет. Не знаю просто куда деться. Вдруг в кармане бльщает. Это Р., он со своей женщиной уже приехал. Спрашивает, где я.? Стыкуемся уже внутри станции, рядом с фуд-кортом. Обнимаемся. Я не выставляю претензий, не

хочу быть занудой. Рассказываю на лету историю про копча. Ребятам весело.

Заходим в метро. Р. гордо вручает мне пластиковый проездной. Затем начинает учить, как кидать на него бабки. Ах, эти первые три сотки на моём первом проездном... Сотрудники шманают сумки, хотя прекрасно знают, что ничего у меня нет, это сразу видно. Спускаемся к вагонам. Из динамиков кричит женщина, мол, nehui бегать, опасно, понимаете ли. Дальше мужской голос предлагает стать legashom, обещающая с три короба.

Р. на ходу объясняет что к чему. Рассказывает про станции, что-где находится. Показывает на карте в каком районе он живёт и сколько туда от центра. Ехать нам, к слову, около 25 минут. Станция, на которой живет Р. – крайняя. Красная ветка сверху. Вываливаемся.

Первое, что вижу – автобусные остановки с огромной очередью. Благо их участь нам не грозит. Вдоль дороги стоят мини-продуктовые магазины, микрозаймы и прочая чепуха для местной фауны degeneratov.

Неподалёку тусуется целая свора цыган, той самой породы, докапывающихся со своим ebuchim лживым гаданием. Одна видит нас, подходит, начиная говорить льстивую чушь, что мы красавцы и всё типа такое. Р. резко отвечает: «Пшла nahui, paskuda!» Тётя затыкается, а через секунду начинает сыпать проклятиями, но мы уже устранимся в сторону муравейника.

Идти недолго. Дом у станции метро. Проходим через дворы и вот уже на месте. Меньше пяти минут хода. Поднимаемся на 25 этаж. «Здесь, на окраинах, строят безумно высокие дома, чтобы можно было бесконечно заселять приезжающих *bicheu*» – объясняет К..

Живут мои друзья в однокомнатной квартире. Мне достаётся диван на кухне. Вполне просторная площадь, вещи бросаются рядом со столом. После небольшого просмотра «что», «где» и «как» – мчу в душ.

Первым делом начинаю мастурбировать под громкий звук воды. Да, *zaebis`!* Самое то после долгой поездки. Тело сразу обмякает, становясь покладистым куском масла. Чувствую небольшую усталость. Надеваю чистые вещи, достаю своё новёхонькое пальто. На улице хоть и тепло, но ветер пронизывающий. Скоро прогуляемся.

Обедаем с Р. вдвоем, К. на очередной диете (хотя с её фигуркой это лишнее). Выпиваю крепкого кофе, закурываю сигаретку на балконе, и вот он, я – заново рожденный, полный сил, *pizdyuk*.

Первым делом выходим с Р. осмотреться по ближайшим углам. Тут ничего интересного, типичный набор магазинов и прочих мелких приколов. В основном болтаем по личным темам, шутим. Давно мы не виделись. Очень приятно снова разговаривать с живым корешем, а не читать его кривые сообщения.

Через время к нам подтягивается К., и мы едем в центр.

Путешествие продолжается оттуда, собственно говоря, откуда приехали. День в самом разгаре, народа просто завались. Р. говорит, что сначала непривычно, а потом быстро втягиваешься. Он начинает водить меня по местам, которые ему нравятся самому, попутно немного о них рассказывая. Я особо не смотрю по сторонам. Атавистическая архитектура особо не прельщает, хоть она бесспорно красива.

Самая центральная точка на карте. Цвет синий. Здесь больше всего сувенирных лавок, туристов и попрошаек. Здесь же располагается главный книжный магазин города. Он характерен тем, что имеет треугольную форму, тем самым разветвляя своими фасадами две улицы.

Чуть далее мы выбираемся на мост, где есть знаменитая вмятина от пушечного снаряда. А далее, пройдя вперёд метров пятьсот и перейдя дорогу, открывается китайский дворик. Самое забавное что, пройдя его на вылет, оказываемся рядом с обычными обшарпанными домами.

Р. всё больше огрызается на меня, так как я выгляжу беспристрастным. Передразнивает меня, называя «эстетом huevím». Это очень мило. Не знаю почему, но мне кажется, мне хватило миллиона изображений всей этой архитектуры на истории искусств, чтобы пресытиться и потерять к ней интерес. Может я просто нахожусь не в том состоянии духа, всё больше блуждая в своих мыслях без ярких красок, а может я просто ovosh и bidlo, которое не способно восторгаться домами, которыми восторгаются все. Ей богу, куда не плюнь,

все чему-то восхищаются...

Заходим перекусить в местную помойку. В пальто жарковато. Капли пота начинают съезжать по спине в мохнатую копилку. Не особо приятно. Разговор не клеится, слова ложатся на поверхности, словно хлеб уткам. Мне скучно и непривычно, что ли.

Р. вспоминает, что сегодня концерт его koresha. Он называет группу. Вспоминаю, что когда-то давно слышал их песни. Звучат вроде интересно. Рок на «inglish-hulish-kul'turish».

Я хотел было слиться (ненавижу подобные мероприятия), но ключей от хаты у меня нет, города не знаю, а шараться одному вплоть до ночи – затея naitupeishaya. «Кроме наших там будут выступать другие челы, называют они себя «Сарказм твоей бывшей» – сообщает мне Р.. Ещё он добавляет, что эти ребята какие-то буряты или типа того, и что они считаются хедлайнерами, но по факту музыка у них говно. Пытаются косить под отвязных панков, а выглядят как то ли рэперы, то ли фермеры с востока.

Времени накапало только 18 часов с копейками, но мы потихоньку выдвигаемся в сторону рок-клуба или рок-площадки, какая паһиу разница? У них нет определенного названия. Где-то это называют Рок-пабом. Как не назови, а смысл один: там играет громкая музыка, там много неформалов и там есть buhlo.

До рок (площадки, сцены, паба, клуба) идти с полчаса.

По дороге покупаем по две бутылки пива на каждого, нужно немного размяться. Место расположения таких богаделен всегда злосчастное. Глубоко в переулке, на разветвлениях, где постоянно разит мочой, где полно подозрительных физиономий. Где-то рядом проезжают legashi. Р. прячет открытую бутылку на всякий случай. Повторяю за наставником. Распивать пенное на улице нельзя. Двигаемся дальше.

Vonyuchiю переулок. Внутри ещё никого не пускают, только артистов. Р. знакомит со своими друзьями, обмениваемся любезностями и шутками. На этом я затыкаюсь и в основном общаюсь с К., которая тоже не в восторге от этих людей. Вообще они вроде славные и веселые, просто я не в своей тарелке. В пальто жарковато, а ещё на мне туфли и рубашка. Выгляжу как sranу учитель. Делааааа... Хотя все здесь и знают друг друга, но общаться разбиваются по парам. Проходит время, дверь открывается, а значит, скоро начнётся весь основной движ. Стоим в общей очереди. Со своим buhлом нельзя, поэтому успеваем добить оставшиеся бутылки за два человека.

Р. здоровается с охранником на пропуске, тут выглядывает голова кореша Р.. Он говорит, что мы приглашенные друзья. Билеты по сотке, кайф. На запястье ставится штамп.

Внутри помещения строго запрещено курить, если хочешь – выходи. Места маловато, в отличие от народа.

Вижу гитариста группы «Сарказм твоей бывшей». Действительно бурят, но шпарит на нашем родном. Ловлю себя

на мысли, что рассуждаю, как *sganiy gasist*, а что поделаться? Стиль *durachka* не пропьёшь, не вытравишь известным ядом.

В баре заказываем по пивку. Друг Р. со своей девчонкой (а по совместительству и солисткой) глушат водку. Втайне надеюсь, что кто-то перепьёт и начнёт стругать прямо со сцены на первые ряды, но шансов мало. Судя по рассказам Р. – эти ребята пропиты с пяток до волос.

Потихоньку тела двигаются в сторону сцены. Это типа такое небольшое помещение, только нет *buhla* и некуда сесть. Есть только маленькая сцена. Ведущий что-то там нализирует *jori* гостям. После нализируются *jori* артистов. По мне так слишком затянуто. Народ хочет мяса и зрелищ!

На сцену выходит группа разогрева, где кореш Р. бьёт по струнам. Начинают лабать. В жизни звучат так же хорошо, как и в записи. Со всех щелей начинает проступать запах пота. С меня так вообще льёт, хоть умывайся.

Небольшая группа посередине начинает мошиться. Ну, это типа они странно танцуют, толкают друг друга и ведут себя как *ebuchie* варвары или типа того. Каждый воспринимает действия окружения по рамкам собственного поведения. Поэтому, дорогие присяжные, никакого негатива в словах, просто мой взгляд на непонятные движения.

Песни звучат одна за другой. Никакого перерыва. Происходит перераспределение гостей. Теперь, кто слегка пританцовывает – находятся по бокам. В середине у сцены разгорается махач миллениал. Дальний край сзади занят ребятами,

которые болтают ором, потягивая напитки. Наша маленькая компания затёсывается где-то между.

Спустя пятнадцать песен объявляется перерыв. Вываливаемся на воздух. Ужасно хочется курить. Пока хвалю кореша Р., внимательно осматриваюсь. Действительно, появилось много бурятов или типа того. Ну, вы поняли. Все они очень модные и дерзкие на вид. Целая банда такая заниженных. За время, что мы стояли на улице, их ряды всё пополнялись и пополнялись. Отпускаю в ухо Р. несколько *rasistskih* остроумств (дорогие присяжные, я не являюсь расистом, но считаю, что можно шутить над всем и всеми), смеёмся, перекрещиваемся. Задвигаемся в душное помещение.

Кореш Р. отыгрывает с группой ещё 4 песни. Снова выходит ведущий. К этому моменту становится действительно *pizdec* как тесно. Товарищи-буряты хорошо так дозали зал. Особо не пошевелиться, хочешь выйти – придётся серьёзно потрудиться, выдавливаясь пастой из тюбика. Стою на месте. В пах упирается чья-то жора. В зад же упирает то, о чём лучше не думать для собственного комфорта. Потрясающе, всё как я люблю. Ведущий хвалит отыгравших ребят, пытается шутить. Объявляют главных гостей вечера.

Зал взрывается криком. Походу ребят действительно слушают все собравшиеся *govnari*, думаю я. Ну что ж, заценим.

На сцену выходят ОНИ. БУРЯТЫ. На барабанах вроде девчонка, не разобрать. Одеты они без опознавательных гендерных черт. Вокалист берет микрофон, народ замолкает в

ожидании. Узкач здоровається, толпа одобрительно воет наперебой. Поддаюся общему настроению.

Музыканты ещё долго настраивают инструменты, становится скучно. Из толпы подростковый голос выкрикивает «zaebali», в ответ его посылают куда подальше.

Наконец начинают играть. Агрессивный резкий звук, слов не разобрать. Песни достаточно короткие, не больше минуты с горсткой. Через шум Р. объясняет, что это, наоборот, очень даже «трушно» в панк-музыке. Ничего не понимаю, по мне так песня должна нравиться, а если она тебе реально залетает, то минуты явно маловато.

Народ со мной не согласен. Крысята дико вопят, прыгают там типа в разные стороны. Кружок ребят, которым нравится pizditsa друг с другом – увеличивается, всё больше поглощая тел в свою мясорубку. Становится совсем стрёмно, народ раскачивается не на шутку. Мне в моём пальто уже не просто жарко, а pizdec как душно. Рядом стоящие люди напирают, но я пока мирно отталкиваю их от себя.

Каждая песня набирает новый пик агрессивности. Пытаюсь сосредоточиться на чем-то другом. Закрываю глаза, сменяю фильтр. Как бы я все это описал? Включаю режим маленькой, не такой, как все, pedovki.

«Я один. Отданный социальной анафеме, в темноте. Только стробоскоп вырывает окрашенные разными цветами лица, что вместе образуют некое общество единомыш-

ленников. Разговоров не слышно. Их ритуальная музыка пропитала стены, она выкрикивает смыслы, что понятны только им. Сборище пчёл во время спаривания.

У окна хороший обзор, видно всех заколдованных. Под единый ритм гитары и барабанов тела сплавиваются, превращаясь в большого жука-рогоносца. Каждый чувствует себя личностью, особенным, утончённым мыслителем. Каждый присутствующий мнит себя уникальным, а если идёт в разрез с этим утверждением, то только для того, чтобы товарищ подтвердил обратное, но уже извне. Вот группы меняются, но музыка остаётся прежней. Пьяные выкрики блаженства, ничего не имеющие общего с пониманием глубины.

Образ крепко приклеен к коже. Его можно оторвать только с кровью, но добровольцев не сыскать. Обожжённая эйфория.

Кстати, вот и первое различие. У этой особы голос ниже. Слишком глубокий не по годам. Слова играют роль фона, их почти не разобрать, но и фон этот мешает услышать музыку. Африканское племя кружится в танце. Толкая друг друга, восхищаясь друг другом, они вырисовывают примитивные линии, не осознавая того, что отображают скудность своих намерений.

Проходя мимо, они чувствуют чужака. Они втягивают доселе неизвестный феромон, несовпадающий с их общим. Они видят менее агрессивный взгляд. Гиены скалят зубы, но

не набрасываются. Слишком много забот у племени. Нужно уважить чувство достоинства своё и соплеменников. Нужна подпитка и силы, дабы уверовать в правильность выбора пути, который в итоге должен привести к блаженному апофеозу. Но пока этот путь ведёт только к койке с неизвестным концом. Рот будет наполнен помойкой, а глаза грязью и чувственной слепотой. Это не болезнь, но и не выздоровление. Всего л...»

Меня резко вырывает из собственной головы. Blyat`! Ну почему человек не может записывать всё, о чём он думает?! Sraniy толчок выбивает придуманные слова. С ужасом смотрю одним глазом внутрь и понимаю, в таком порядке мне их уже не собрать. Я в бешенстве.

Понятное дело, здесь люди собрались как раз для того, чтобы ужраться и трясти клешнями, спору нет, но мне-то какое дело?

Один из танцующих бурятов теряет равновесие, повисая на мне всем весом. Сквозь perdejny грохот слышу «blya, извини мужик». В обычной ситуации я бы и бровью не повел, но сейчас ярость кипит внутри, мне не до сдержанности. Нужно срочно освободить зверя, а то он сожрёт внутренности. Хватаю фаната-бурята за грудки, резко herachu лбом по его крошечному носу. Получилось не так чтобы уж очень метко, но в целом я достиг цели. Бурят начинает дико выть. С силой откидываю его обратно в толпу, где из бедолаги де-

лают фарш.

Чуваки, что стояли рядом со мной, начинают бузить. Непонимающе пожимаю плечами. Другой парень, стоящий со стороны roposkov, решает заступиться за меня. Со стороны мясорубки замечаю активное шевеление. Чёртов фанат-бурят, всё ещё живой, прорывается ко мне, только уже с компашкой. И тут началось!..

Клянусь, дорогие присяжные, я не хотел замеса, но по моей косвенной вине развернулась адуха. На вашего верного слугу налетело двое подонков, сначала повалив, а затем начав дубасить по лицу. Не так, чтобы уж очень больно. В такие моменты вырабатывается адреналин, поэтому боли особо не чувствуется.

Благородный незнакомец снимает с меня zaszancev. Сразу же прописываю одному в щебенку с правой. Раздаётся приглушенный женский визг. Большая часть женской аудитории направляется к выходу. Одним глазом замечаю пару девчонок, которые с наслаждением наблюдают за потасовкой. Мне прилетает ещё раз и ещё. Становится непонятно, кто за кого.

Стараюсь особо не переусердствовать. В основном блокирую, раздача только по необходимости. Смещаюсь с центра вправо. Выцепляю взглядом Р., который схватился с одним левым челюком. Справляется славно, даже умудряется что-то выкрикивать обидное.

УЗКОнаправленным музыкантам нравится, будет, что рассказать друзьям на родине. Думаю, мало, где так ещё мо-

чилились на их концертах. Они всё продолжают выжимать из струн и барабанов агрессию.

На площадку заваливается вышибала с подкреплением (откуда взялось ещё три крепких тела?), начиная хватать каждого за шкуру. Главный не перестаёт кричать: «А НУ-КА, УСПОКОИЛИСЬ ВСЕ, СВОЛОЧИ!». Вот и моя шкурка попадает под тяжелый хват.

Невидимые руки выталкивают меня в сторону выхода. Повинуюсь, товарищ старшина. Выхожу на улицу. Тут уже прилично собралось. Все возбуждены. На меня смотрят немного боязливо. Трогаю лицо, весь в крови. Надеюсь, это моя собственная кровь, а не кого-то из дурки. Вдруг чем болеют не тем, я очень брезглив до инфекций.

Одна заботливая девочка-неформалка протягивает мне влажную салфетку. Киваю в благодарность. Пытаюсь стереть помаду. Салфетка пропитывается моментально, смотрю на свое отражение в телефоне. Получше, но всё, конечно, не смыть, да и кровь из носа понемногу капает, так сказать, проценты. Вот вытаскивается и Р.. Выглядит поцелее.

Закуриваю одну из немногих помятых сигарет, которая не переломалась под давлением. Организм начинает остывать, адреналин испаряется. Руки немного трясутся и болят. Тело начинает вибрировать в предстоящей агонии отходняка.

Последний персонаж *viskrebten* на свежий воздух. Громилы стоят у входа. Главный материт всех, пытаюсь дознаться с чего началась возня. Все молчат. Один бурят не выдержива-

ет, начинает орать, что якобы он споткнулся и один gondon в пальто rasherachil ему нос лбом.

В ОДНУ СЕКУНДУ, АБСОЛЮТНО ВСЕ ПОВОРАЧИВАЮТ ГОЛОВУ В МОЮ СТОРОНУ, ВЕДЬ Я ИМЕННО ТОТ САМЫЙ ЕДИНСТВЕННЫЙ GONDON В ПАЛЬТО И ТУФЛЯХ. ЕДИНСТВЕННЫЙ И НЕПОВТОРМЫЙ (!)

Чувствую собственное замешательство и напряг. Ненавижу пристальное внимание к себе, сразу включаю оборону.

Пока меня спрашивают достаточно дружелюбно, мол: «Паренек, какого hrena?!» Не знаю, что и сказать. Сам не понимаю, как так получилось, но ответить нужно. Пытаюсь отшутиться, говорю, что хотел вместе с братьями меньшими помошиться, типа немного не понял принципа или наоборот, слишком хорошо понял. Почти все смеются. Даже главный лыбу даванул.

Думаю, вот и дело в шляпе, мир да любовь. Только буряты вот разозлились пуще прежнего. Ещё раз повторю, я не gasist, просто люблю свободу слова. Если кто-то назовёт меня «белоснежкой» или хорошо пошутит над моей манерой изъясняться – пожалуйста, я и глазом не моргну. Есть такая штука, как самоирония, но вот у ребят из кей-поп банды ко мне назревают новые вопросы.

У некоторых замечаю сжатые кулаки. Р. и К. подаются в сторону на мой незаметный взмах рукой. Нечего ребят напрягать, сам вляпался. Один бурят спрашивает: «Слышь, gondon, в смысле «меньшими»? На что ты намекаешь, про-

фессор математики?» – ага, это типа шутка. Да, да, я выгляжу как профессор математики. Все поняли? Очень смешно и оригинально. Отшучиваюсь, парируя, что музыка браток, знаешь ли, для всех, не только для бурятов. Откуда-то прыскает смех. Тот самый первый (мой уже личный) бурят хотел было наброситься, но собрат его вовремя останавливает. Докурив сигарету, говорю, что если мы выяснили всё, что хотели, то я пойду, а то тут как-то тухлятиной воняет.

Начинаю потихоньку разворачиваться, топя к предполагаемому повороту, который выведет меня на главную улицу, а там я спокойно добреду до магазина, куплю воды умыться, затем позвоню Р., и мы поедем домой. Через пару шагов слышится смачный харчок в мою сторону и визгливый крик: «SRANIY RASIST, МАТЕМАТИК EBUCHNIY, PEDIK, SHMOSHNIK!»

Да. Разумеется, звучит унижительно, но в первую секунду думаю, что я смогу стерпеть, но когда раздаются женские смешки, начинаю понимать, ярость моя переплюнет любую логику и даже инстинкт самосохранения.

Резко схватив пивную бутылку с асфальта, разворачиваюсь, и почти не целясь, кидаю в сторону обнаглевших панков-бурятов. Узкачи врассыпную. Одна девчонка из банды немного зазевывается.

Последующие кадры словно во сне. Девчушка с ужасом понимает, что проебала момент спасения. Стекло бутылки попадает ей точно в ключицу. В эту же секунду разносится

ужасающий крик! Он пробирает меня вплоть до костей. Все присутствующие отчётливо слышат отвратительный хруст. Да, случайность. Я не хотел, но уже поздно что-то делать и объяснять.

Тут же срываюсь с места. Адреналин снова бьет плетью по уаусам. С десятков разъярённых бурятов начинают погоню. Давно я не спринтовался. Ноги уже забились, теперь больше походившие на два бесполезных страпона, привязанных к нижней части jорі.

Выбегаю на главную улицу. Вспомнить бы, где метро. Вроде направо. Думать особо некогда. До станции, откуда мы шли, слишком далеко, я не вывезу. Начинаю молиться несуществующим владыкам, чтобы помогли наткнуться на спасательный знак свыше.

Прохожие в ужасе разбегаются, видя мою окровавленную физиономию и с десятков преследующих безумцев-хвостиков. Понимаю, что бегу не в ту сторону, ничего мне здесь не знакомо. Сердце в агонии. Чисто случайно периферийное зрение цепляет какую-то большую букву. Это М, М! Метро, мать его!!!! Буряты успевают прилично сократить дистанцию.

Складывается чувство, словно слышу их дыхание. Оборачиваюсь, а на хвосте ещё и legash. Вот так картина из ненатурального масла. Я думал, что такой абсурд только в комедиях, но нет, у нас тут славный паровозик, клуб по интересам.

Людей у входа толпится прилично, но проскользнуть мож-

но. За долю секунды выбираю нужный угол, подрезаю бабуню, врываясь в вестибюль. Господи, мы на следующей базе, ну же!

Ловко огибаю опешивших сотрудников метро. Они не успевают схватить меня за пальто. Они в целом даже не понимают, что происходит. Рандомный парень в крови врывается и просто RUNит (но хоть не их чувства). Зато бурятов уже отлавливают как надо. Плюс legash с тыла помогает, достаёт даже свою пуколку, угрожая применить если ЧЁ. Успеваю перепрыгнуть турникет. Жизненных сил совсем не осталось, сейчас точно умру, но нужно пробежать по огромной куче ступеней.

Один бурят все же умудряется прорваться, продолжая погоню за несчастным математиком. Какой целеориентированный, а может тоже спасается бегством от закона. Спрашивать я его не собираюсь.

Вот я и внизу, в глазах ужасно плывёт. Правая сторона или левая? Слева поезд только подъехал, зато справа уже готов рвануть ко всем чертям. Делаю свою ставку. Успеваю протиснуться в последний вагон, даже ногу зажимает в двери, но я умудряюсь выдернуть. Бурят не успевает на долю секунды, но этого достаточно, чтобы отслютовать pidarasu. Правда, единственное, на что меня хватает, упасть на грязный пол. В глазах темно, дыхания нет. Кажется, что ещё немного, и конец. Ко всему прочему меня начинает рвать. Успеваю кое-как снять пальто, делая свои грязные делишки в подкладку.

Люди обеспокоены. Смотрят с отвращением, я в при смерти объясняю, что за мною гнались, пытаюсь избить. Делаю из себя жертву, чтобы люди проявили хоть какую-то жалость и отъebalis` уже.

Через пару станций чувствую себя чуть получше. Скручиваю пальто в мешочек, чтобы не пролить blevki. Выхожу. Пытаюсь понять, где я? Так, уехал не в ту сторону. Бросаю любимое пальто на лавку, пересаживаюсь.

Через час доезжаю до станции, где обитает Р.. Звоню ему. Они ещё не дома, до сих пор тусуются в центре.

Говорю, что буду ждать их на лавке у дома. На улице без пальто очень холодно, ну а что поделать? Покупаю новую пачку сигарет. Сажусь и мёрзну. Вот бы не заболеть, а то уж больно шакальное начало новой жизни. Музыка у бурятов всё равно govno, а сами по себе вполне славные ребята.

8.Суета гастарбайтера полукровки

За prosranyu неделю лицо успешно зажило. Правая скула немного отдаёт зелёным, чутка ещё припухший нос, но в целом Ок. Р. мне тут неожиданно предложил платить bablishko за проживание, типа символическую сумму в восемь тонн (это типа шестнадцать filok). Сначала предложение взбесило, но подумав, я пришел к выводу о даже правильности такой темки.

Имеющиеся бабки быстро таяли, сплошной кутёж ведёт к непосредственному разорению казны, sranу милорд. За всё время я ещё ни разу не приготовил здоровой пищи, закидывая в топку только фастфуд, полуфабрикаты, пиво, да водку. Разумеется, родители не оставят своё чадо в беде, оболуют цифровой зелёной, но вечно клянчить – нуоуоуа темка.

Пора бы начать искать работу. Мне, знаете, дорогие присяжные, очень нравится, как в старых фильмах герои берут бесплатную газету, садятся на лавку с шариковой ручкой в руках; перелистывает типа рекламу, расписание телевизионных программ там. Затем дело доходит до объявлений о работе. Пацан начинает обводить в кружок подходящие ему вакансии, а после направляется в таксофонную будку, где звонит работодателю, договариваясь о встрече.

Самый волнующий момент, когда такому pizd`yuku везде отказывают. Сладкие места таят с каждым звонком. Кто успел, тот и съел (чтоб они подавились все). И вот у героя остаётся самое последнее объявление. Он обвел эту вакансию чисто по приколу, думая, что до такого жизнь его точно не доведёт, а теперь «прикол» стал последним шансом. И именно последнее объявление становится счастливым билетом для безработного chuvachka. Он приходит по адресу в назначенный час. Там его встречает сексапильная крошечка в коротком платьице, да ещё очень молодая. Она оказывается директором, типа бизнес-girl, которой достался бизнес по наследству от папеньки, трагично покинувшего наш

бранный мир.

Наш герой топовый eblan, он типа начинает работать как надо без vieboпов там всяких. Золотая курочка влюбляется в красавца, «таких джентльменов больше не делают» – думает она распространённым клише.

Сначала она пытается купить его, соблазняя своей ухоженной кожей и дорогой косметикой, но наш главный герой не такой! Его не интересует чужое золото, он человек чести. Когда бизнес-soska понимает, что весь маскарад – коту под хвост, она впадает в отчаяние. Типа жестко так сдувается до меланхоличного отчаяния. Перестаёт типа малеваться, одевается в обычные тряпки и раскидывать монеты налево и направо. И неожиданно (на самом деле нет) для зрителя, главный герой, наконец, замечает красоту хозяйки, но не внешнюю, как могло подуматься после «одомашненного» преобразования, а внутреннюю. Он говорит женщине о своих чувствах. Их тела сплетаются в объятиях страсти. Цензурные roebushki и два счастливых конца... Титры.

Я не главный герой перхотных фильмов, но если бы им был, то засадил бы той красотке при первом же намёке. Таков мой сценарий, именно, я стал бы альфонсом. Согласился бы даже и на страхолюдину. Здесь, дорогие присяжные, не кинематограф, а типа жизнь, которая не любит гладких дорог. Хочешь быть свободным и заниматься любимым делом, значит ищи любой способ для достижения поставленной цели.

Хотя, если быть честным, то я только на словах такой героиней. Мне думается, что у меня не поднялась бы рука перерезать глотку чужому счастью ради счастья собственного, иначе ум постигло бы вечное проклятье. Да и в последнее время не могу смотреть на кровь. Теперь если капля попадётся по неосторожности, в голове сразу всплывает треск ключицы той *roblyadushki*. Жуть как мутит! Лучше не думать, да и причем тут кровь? Не будем мешать физиологию с метафорой.

Ещё только день, а важные дела уже сделаны (типа я откликнулся пока жевал на несколько вакансий). Р. и К. на работе. Уминаю допом упаковку кругетсов, пью кофе. Душ, мастурбация (ставшая обрядом и символом нового дня), фен (тот, что сушит волосы, а не организм). Ну не красавица ли, а? Можно вываливаться на улицу.

По дороге забегаю в секунд, покупаю куртку из «мокрого телёнка», так её называет навязчивая бабка-продащица.

Изо рта валит дым. У метро снова цыгане, пытаются погадать, но я предлагаю пойти на три буквы. Они переглядываются, наверно думая, сколько стрясти зелени за *mejнaсiоналнi oтsos*. Не знаю, на что они рассчитывают, но пользуясь замешательством, теряюсь в толпе.

Иду на выход номер три. Западная часть окраины. С незнакомой стороны людей заходит меньше. Вообще у окраин есть свои преимущества и недостатки, собственно, как и у всего на свете. Например, съём жилья стоит не так дорого,

студии и однушки с отличным ремонтом, а те, которые выглядят как сарай, стоят ещё дешевле (присматриваю на сайте недвижимости квартиру под съём, поэтому знаю, о чем говорю). С другой стороны, далеко от центра нет всяких приколов типа полноценных больниц или торговых центров. Так, забегаловки местного разлива.

Вопрос с legashami тоже неоднозначный. На окраине нет государственных теремков, а значит, полицейских здесь кот наплакал. За всё время пребывания один раз увидел их машину, да и то ребята покупали себе shavuhu. Проголодались, бедагаи.

Если вы мамка, старая бабка или хлюпкий дядька, тогда вам стрёмно за такой факт, с вами может приключиться что-то нехорошее и никто вам не поможет. Если же вы преступник, спортсмен, либо человек, не ценящий свою жизнь, тогда: **ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ**. Можно нарушать и балдеть, hui кто вам что сделает. У меня тут зарождается подозрение, что здесь очень сильно развита система народного линчевания.

Бывает, иногда не сплю по ночам. Приблизительно к четырём часам начинают шуметь антисоциальные черти, они вечно устраивают разборки и попилы. Тут сто по сто есть несколько группировок и банд, занимающихся порицаемыми приколами. Понятное дело, таких персон я презираю и обхожу стороной, ну их лесом, но любопытно до жути.

Я люблю метро. Очень типа нравится долго ехать. Это один из самых больших плюсов. Вот сейчас всякая там перхоть, soplyach'ye и прочие rebzyata молча сидят, сучают. Пытаются себя развлечь, цокают типа языками, а я, наоборот, сижу читаю, пользуясь каждой минутой. В скором времени у меня появится работа, и тогда моё беззаботное время станет очень даже заботным, поэтому подземная кишка, проглатывающая людей и мчащая тела до цели, станет чуть ли не единственным местом, где я смогу наслаждаться буквами. У меня, как видите, всё уже заранее схвачено.

Высаживаюсь на красной точке по центру. Тут более-менее чувствую себя уверенно. Сегодняшняя задача вылазки: потеряться, заплутать, а после, найти дорогу. Таким вот незатейливым образом я решил запоминать город без углов.

Der'mo! Только приехал, а уже проголодался. Беру в забегаловке бургер и кофе. На ходу есть стрёмно. Присаживаюсь на ближайшую лавку в парке. К слову, лавок тут очень мало, а если и есть парковые зоны, то обычно они заняты наглыми мамашами со своими viperdashami. У только что prosravshih'sya новой жизнью такой же график, как у меня: нет работы, кайф от дневного воздуха и отсутствие сна по ночам.

После сладкого обеда... не получается придумать рифму. В общем, закуриваю, похлёбывая кофеё. Удовлетворенно улыбаюсь, хоть и ненавижу себя. Какая же я все-таки ленивая tvar'. Обидно, но приятно. Главное, не заиграться. В

путь!

Шарюсь, даже не пытаюсь узнать названия улиц. Шмыгаю головой из стороны в сторону. Здесь основная часть зданий выполнена в стиле барокко, да в строгом классицизме. Неплохо типа отреставрированные, правда, только главные фасады. Если зайти во двор почти любого симпатичного «домика», то глаза увидят клоповую помойку, а нос уловит застоявшийся запах moshi.

Всё иду, петляя между дворами, переполненными китайскими туристами, иногда разбавленные индусами. Может это не китайцы, а вторые и не индусы, но какая разница? Просто моё представление. Иностранцы и в Африке иностранцы. Хоть это и моя родная страна, но чувствую себя наравне с приезжими. Узконаправленный иностранец – вот кто я.

Что мне нравится в мегаполисе, так это привыкшие ко всему люди. Очень много крашенной молодёжи со странными прическами. Одежда у многих пёстрая, помада густая (что у пацанов (вы чё, pidory?), что у девушек). Груда friков спокойно здесь ходят, и никто их не стопит. Так, наверное, и должно быть.

Агрессивность – показатель низкого интеллекта, собственной несостоятельности и печального уровня жизни. Хотя вот у меня вроде уровень плюс\минус средний, а несостоятельность прям очень чувствуется. Наверно поэтому иногда бываю взрывным и вечно ищу виноватых. Прихожу к

выводу, что стоит просто забыть о факте, перечеркнуть его типа навсегда, иначе, если этого не сделать, то прошлое будет пожирать, а кому тогда станет легче? Вот именно, сплошные убытки.

Немного расстраиваюсь, сам не знаю, чему конкретно. Может от мыслей, может от одиночества, а может я просто durachok, который когда-то придумал себе образ грустного мальчика, а теперь не может отделаться от него. Про таких говорят «заложник образа». Да. В этом есть смысл, но что-то всё равно гложет по-настоящему.

Хочется немного посидеть и выпить. Благо баров здесь тьма. Настоящий фундамент города. Перед входом закуриваю. Какая-то симпатичная девчонка просит сигарету, предлагая познакомиться. Зачем-то отказываю. Она гордо улыбается в ответ, желая мне хорошего дня. Эй ты, девушка, мне не до тебя, не видишь, я страдаю? Смотрю в отражение витрины. Физиономия как у побитого щенка. Тяжело не заметить, хотя, скорее всего, я просто выдумщик.

Спускаюсь в подвальное помещение. Ещё достаточно рано, поэтому людей здесь нет, разве что серая парочка затесалась в углу. Сотрудница за стойкой с официанткой на пару оценивающе смотрят на меня. Выгляжу вроде прилично, значит, можно гостю рекламировать всякие приколы. Занимаю место в дальнем углу, люблю чувствовать за спиной твёрдую стену.

Официантка начинает перечислять: сухарики, курица по-

пекински, бутерброды с тушенкой, сушеная рыба, вяленая, жареная. Затем идут сорта пива. В нём хоть язык ломай сразу. Заказываю самое первое, так как его только и запомнил, а сверху добавляю пару бутербродов с тушенкой. Пинта появляется мгновенно, а вот еду приходится ждать долго. Повторяю.

Знаете, дорогие присяжные, я так люблю мир, но мне так страшно в нём. Оshkovo осознавать что, сколько бы нас (людей) не было, все мы типа одиноки. Это правда. Кто-бы кого не любил, мы всегда одни. Слоняемся по пространству без выбора, выдумывая себе приколы. Никто никогда не постигнет нас. Даже мы сами не в состоянии высказать, показать себя тех, настоящих. Мы ограничены в эмоциях, символах и способах их расшифровки.

Никогда не смогу полностью открыться для кого-то хотя бы по той причине, что мне не хватит слов, а даже если бы и хватило, то восприятие информации собеседника хватило только на перешифровку услышанного, типа адаптация под свою структуру восприятия. Для кого-то «больно», когда падает гаечный ключ на палец ноги, а для другого «боль» – пустота внутри. Вот и пойми нас, облысевших макак.

Меня понесло. Возомнил из себя huevím умником, тоже мне... Встаю из-за стола, слегка пошатывает. Пиво тут крепкое, ничего не скажешь. Держу ситуацию под контролем, расплачиваюсь. Самое время выйти на свежий воздух и, наконец, заняться поставленной задачей.

Уже стемнело. Оглядываюсь по сторонам и понимаю, что не могу вспомнить откуда вообще пришел. Чудненько. Поворачиваю налево и просто бреду по дорожке в надежде, что когда-нибудь, да появится станция метро, а там и дом чужой-родной не за горами. В целом мне без разницы. Даже если не выберусь, на улице чудесная погода, бездомным грех жаловаться.

Выходные. К. ушла на работу. Я и Р. тусуемся дома. Этот чёрт разбудил меня позвякиванием тарелок и ложек. Видите ли, барин выспался, желает потчевать. Я его не виню, просто уж больно хочется ещё *rovafli't'sa*. Нехотя встаю. Сразу иду покурить на балкон. Жизнь без родителей слегка распустила. Каждый день говорю себе: «нужно собраться с духом», но пока безрезультатно.

Выхожу. Р. морщит нос, запах табака ему крайне неприятен. Спрашивает, мол, пойду ли я с ним встречать А? А. – это подруга К.. Вот так сюрприз. С А. я был знаком уже как лет сто, но мы перестали общаться несколько жизней назад.

Помню нашу первую встречу. Я, Р., К. и А пошли в бар ещё в посёлке, были, типа такие, ещё слегка мелкие. На тот момент у меня совсем не было денег. А. согласилась угощать меня. Вау! Я даже смог развести её на поцелуй, сказав, что не буду пить с ней шоты, если не *pososemsya*. Тогда я ничего к ней не чувствовал, просто хотелось немного пошалить.

После же мы стали просто странными друзьями. Иногда

покуривали всякое дер'мо, но чаще всего она гасилась со своими левыми знакомыми.

Однажды мы договорились прогуляться вечерком. В назначенный час я позвонил ей, но она не отвечала на звонки. Помню, как набирал её номер ещё раза два с интервалом в двадцать минут. Молчок. Но ближе к ночи, часов в одиннадцать, она сама набрала и сообщила, что обкурилась himki просто вусмерть. Её язык кое-как складывал слова, даже через трубку было ясно, девочке pizdec.

Её «знакомые» скинули адрес по смс. Денег на такси не было, поэтому я рванул пешком. Идти не так далеко, минут тридцать пять. Когда уже подходил к нужному подъезду, то обнаружил А. на улице. Она сидела скрючившись вдвое. Сквозь темноту я видел её (несвойственно белую) кожу. А. была очень рада видеть меня, всё извинялась. Всё норм, девочка, с кем не бывает?

Нужно было типа провести её до родного дома. Здесь у нас появилось сразу две проблемы: отсутствие налички и физический столбняк А. Она вообще не могла идти без моей помощи. Пришлось взвалить её руку себе на плечи, а самому крепко вцепиться в талию. Медленными шажками мы начали совершать триповое паломничество.

Путь, который я преодолел за тридцать пять минут быстрого шага, умножился на бесконечность. Ещё нужно было следить за патрульными машинами legashey. Попадись нам хоть один правоохранитель – у него возникло бы очень мно-

го вопросов, особенно к моей спутнице.

Ближе к двум-трём часам ночи нам удалось-таки доковылять до её подъезда. Позвонили в домофон, разбудив мать, а затем соврали, что А. немного перепила. «Праздник у подружки, сами понимаете». Её симпатичный родственник предложила зайти в гости, но я вежливо уклонился, отчалив домой.

Было ещё пару случаев, когда мы выбирались, но в конечном счёте наша дружба сошла на нет под пассивно-меланхоличным желанием А. Она сама порвала со мной связь. Я слышал, как она бегала за каким-то *chmot*, который *trahal* её, но не хотел отношений. Таким вот плохишам всегда всё достаётся. Обратная психология и всё такое, а может элементарная тяга современного человека к пассивному разрушению. Типа личный Армагеддон в деталях.

Так вот, Р. только сейчас решил сообщить мне, что оказывается А. до недавнего момента жила у них на кухне, где ютился на данный момент я, а не было её потому, что она отдыхала с друзьями в курортном городе на море. Пришло время возвращения. Сюрприз, мать твою, призрак прошлого рождества возвращается, да ещё жить теперь с ним на кухне, где один потрёпанный диванчик. Нехорошо брат, конкретно подставил.

Делаю безразличный вид. «Ок, погнажи, встретим девчонку». А у самого кипит внутри. *Zaebis`*, теперь и так рваный уголок делить с человеком, который перечеркнул мою бес-

корыстную дружбу ради... хотя, кого я обманываю, ведь я и сам аналогичная ушлая субстанция ничем не лучше. Все мы хороши по-своему. Быстро остываю. Теперь даже интересно немного стало встретиться, посмотреть прямо в глаза. Что в них увидится?

Завариваю bichku и кофе. Вот и весь завтрак. Наскоро одеваемся, вроде ещё не опаздываем. Договорились встретиться на станции, где можно перепрыгнуть на зелёную ветку.

Едем. Молчим. Утыкаюсь в книгу, Р. смотрит видосики. По времени мы всё-таки немного proebalis` но, когда выходим на нужной станции, оказывается, мы не одни такие. А. всё ещё нет на месте. Проходит пять минут... десять...

Из очередного вагона червя с противоположной стороны вытекает густой слой людей, среди них оказывается девочка с волнистыми, мелированными волосами. Улыбка с ямочками на щеках, глаза типа такие здоровенные, голубые. Это А., она уже заприметила Р., идёт в нашу сторону. Меня сразу не узнаёт, а когда понимает кто я – удивляется.

У меня появляется гипотеза, что Р. и К. совсем решили нас prostebat'. Обо мне А. ничего не сказали. Она вроде делает вид, что рада и всё такое, даже обнимаемся, перекидываемся типа вежливыми фразочками. У А. один маленький чемодан на колёсах, поэтому Р. отдаёт ключи от дома и сообщает, что у него со мной есть ещё дела.

Ретируемся.

Интересно, что это ещё у нас за дела? Как оказывается,

у Р. закончилась краска, нужно сгонять в отдел для хобби и творчества, прикупить несколько цветов. Чтобы вы знали, у Р. типа имеется развлечение, он красит футболки в стиле «тай-дай». Прикольно получается. Некоторые экземпляры ему удаётся продать через третьих знакомых из тусовки.

Пигментного порошка нужно прилично, но много тратить денег не хочется. По дороге Р. объясняет мне, что у краски одной фирмы есть слабое место, а именно: большая картонная упаковка с пакетиками внутри втрое меньше. Сразу улавливаю его мысль, прошу дальше не объяснять.

Заходим в торговый центр, сразу дуем на третий этаж. Загнаны между отделами. Подходим к дальнему стеллажу, где местные мерчи разложили краску. Берём по упаковке. Р. хватает чёрную, я – белую. Разделяем стеллаж мысленно на два сектора. Мне левая часть, корешку правая. Делаем озабоченный вид, словно пытаемся найти нужные пигменты. Незаметно вскрываем картонные упаковки с основными цветами: желтый, синий, красный. Кладём их к своим оттенкам. После аккуратно присобачиваем наклейку от крышечки на место. Готово! Р. pizdit ещё пакетики с дополнительными цветами: фиолетовым, зеленым и оранжевым.

Первая часть преступления позади. Теперь самое ошкловое. В таких делах нужно держаться уверенно. Не избегать типа взглядов, но и не тарачиться на продавца, как безумец, обожравшийся butiratorov.

Спокойненько так, да – здрасьте. Пакет не нужен, у нас

вот рюкзачок. Карточки не имеется. Ничего не интересуется. Всё устраивает. Платить да, кредиткой. Спасибо.

Кассирша подозрительно задерживает упаковки с краской в руках. Думает. Пикает. Берёт второй. Та же самая реакция. Говорит: «Странно, сама их недавно расставляла, они мне казались легче». Чувствую, как у меня поднимается давление, лицо может начать немного краснеть. Р. выправляет ситуацию, бесстрастным голосом сообщая: «Нам много всем что кажется, мы торопимся, будьте добры рассчитать». Теперь уже краснеет женщина. Неизвестный сопляк, да ещё и грубит страшим. Ай-я-яй! Сейчас бы, конечно, поорать и всё такое, но тётке походу работа высосала остатки былой силы. Вежливо просит приложить карту. Выходим чистенькие и сухенькие.

Давно не проворачивал подобные схемы. Мелочь, а непривычно, словно действительно своровал, а не одолжил на нужды бедным.

Р. не считает себя воришкой. Говорит, что цены, мол, слишком высокие. Раньше такая краска стоила чуть ли не в два раза дешевле. Теперь же совсем обнаглели. Мы просто берём своё. Нельзя так с людьми. Зарплаты в стране приобретают отрицательный рост, а цены взлетают каждый месяц. Всё вводят новые типа свои налоги, вот пусть и идут паһуі. Хоть и живётся многим ебано, да только сами виноваты. Придумали разные партии с якобы разной идеологией, придумали столько культур разных, верований, а ещё языки,

разделение территории. Вот люди и разобзились к ебенуат собачьим. И ничего с этим уже не поделать.

Мне думается, наш век создан для того, чтобы несмотря на паталогические невзгоды танцевать под дождём, употреблять дер'то и быть жалкой тенью, которой хватает в жизни того, что она изредка может кайфануть. Никто особо не стремится к знаниям, к овладению в совершенстве наукой. Никто не хочет признавать Землю единственной для всех. Лучше уж пусть всё будет разбито на враждующие государства. Редкий умный человек не в силах ничего изменить, а если и пытается, то его раздавливают как букашку.

Я никого не виню в этом. Не стремлюсь типа быть человеком, который может на что-то повлиять. Это бесполезно. Просто констатирую факт, от которого разум и тело периодически проваливаются в уже привычную меланхолию.

Из мыслей вырывает яркий свет экрана телефона. Р. тыкает мне в лицо очередное видео со смешными зверюшками. Кричит в ухо, что я овощ, залип, словно мертвец. Театрально корчу улыбочку, чтобы он оставил меня в покое. Дома нас ждёт А. с аппетитно приготовленным обедом (как следует из общего диалога).

Отобедали внатуре просто по-царски. Я и забыл, что А. так потрясающе готовит рыбу с овощами. Она типа вегетарианка и всё такое, сколько её помню. Ещё давно, во времена нашей дружбы, я вечно докапывал её расспросами на эту тему. Есть два типа травоядных. Первым просто не нравит-

ся вкус мяса, они терпеть не могут сам запах. Им плевать на животных, у них это дело вкуса. Второму типу вегетарианцев жалко животных, они считают ужасным питаться тем, у кого есть мозг и развитая нервная система.

А. относится ко второму типу. Она обожает пушистиков и ест изредка только рыбу (у неё есть какое-то там типа обоснование, почему питаться рыбой гуманно), но тут дело в другом.

Однажды я ей залечил: «Вот смотри, ты не ешь мясо по соображениям жалости к созданиям, верно? Верно. Процент вегетарианцев достаточно мал по отношению к людям, которые считают мясо традиционным наивкуснейшим (pizdec просто каким) блюдом, верно? Соответственно, можно сделать выводы, что число жертв среди животных не станет меньше. Их так и будут зарубать ради пищи. Вегетарианцам не сломить традиции. НО! В тоже время из-за наличия определённого роста травоядных, процент потребления мяса все же уменьшается, а у мяса есть срок годности. Если срок годности выходит, а мясо не продано, то его просто выкидывают на помойку. То есть по факту: то или иное животное отдало свою жизнь зря. Начинаешь улавливать?»

Может всё-таки будет логичней есть мясо, тем самым воздавая почести несчастным животным, которые традиционно стали неотъемлемой частью пищевой цепи? Ведь если его скушать, то полезные свойства плоти несчастного принесут тебе типа пользу, энергию там, а соответственно, погиб ма-

ленький трупик пушистого засранца не зря. Не находишь логику?»

Золотые слова. Bravo! Я большой молодец, придумал логическую ловушку, где задействовано эмоциональное чувство. Но А. тогда не сломалась, сказав, что одна мысль о куске гнилой плоти вызывает у неё непреодолимое чувство рвоты.

Периодически затираю подобную дичь и другим знакомым травоядным, они соглашаются с логичностью, но мнение их не меняется. Для кого-то действительно жрать плоть в тягость, а кто-то просто следует моде. Не важно, макак, чё ты там ebesh в своей голове. Просто будь счастлив и не мешай жить другим.

Расхваливаю обед. Помывка посуды с моей стороны, как комплимент повару. Р. типа подмазывается, вытирая и расставляя по местам тарелки. А. смотрит на нас с дивана улыбаясь, она типа наслаждается нашей слаженной работой. После Р. сваливает покататься на скейте. Я и А. остаёмся одни, выходим покурить.

Из вежливости спрашиваю, куда она ездила там, да и в целом чё кого? Тут она начинает пересказывать всю свою жизнь в этом городе. Что она переехала на год раньше Р. и К.; что работала до недавнего времени консультантом в художественном магазине, но из-за скандала вот типа уволились. Теперь же она консультант в отделе косметики. После рассказ плавно переходит в сторону её поездки на море. Слушал

я вполуха. Честно сказать, было не очень интересно. Единственное, что я вынес из всего разговора: консультант в художественном магазине.

Прошу дамочку рассказать поподробнее. Неплохо бы начать хоть с чего-то, а в красках, кистях, холстах и прочей дребедени я шарю. Типа идеальный сотрудник. Адрес черкается в заметки. Проверяю вакансию в приложении. Свеженькая. Отправляю запрос. Теперь остаётся только ждать.

Пока А. не нашла новую квартиру для съёма, нам придётся жить на кухне вместе. Диван тут раскладывается, но я уступаю его А.. Не могу объяснить свой поступок, на меня вроде в целом не похоже. Симпатичная девчонка, один диван на двоих... Мало ли, что может произойти пикантного? Но даже вся эта гипотетическая возможность меня не впечатляет. Что стало с вашим верным слугой? Неужели я действительно повзрослел? Или просто zaebalsya? В любом случае, выбор сделан.

Наступает ночь. Отжимаю две декоративные диванные подушки, чтобы не спать на голом полу. Вся забава в том, дорогие присяжные, что они типа имеют неровную форму. У основания толстые, а кверху сужаются. Кладу их на пол узкими рёбрами внутрь, желаю спокойных снов. Накрываюсь одеялом с человеком пауком. Моё тело скрючено, словно младенца. Если чуть вытянуть ноги, то они неминуемо окажутся во власти холодного пола.

Думаю о потенциальной работе. Пытаюсь представить,

как всё это будет выглядеть? В своих фантазиях я большой дядька, который лениво передвигается по магазину, рассматривая товары. Куча чайников приходят закупиться типа там материалом без посторонней помощи, но вот великий профессионал «Я» расставляет аргументировано все точки (почему именно нужно брать очень дорогую кисть). Krutishi дружно obsurayutsa, признавая мой консультантский гений. Да, а ещё в этих мечтах у меня красивая густая борода. Боже, как я хорош! Это что, самый лучший консультант? Ещё А. говорит, что зарплата сильно зависит от совершенных продаж. Так вот, я готов рвать и метать.

Смеюсь от собственных мыслей. Вот это я dolboeb. Никто не хочет работать консультантом, унижительная работа. Она для тех, у кого нет образования, но, с другой стороны, меня никуда больше и не возьмут. Нет опыта, ну, вы сами знаете. Зато есть свои плюсы: график два через два, да и как я уже говорил, шарю за материалы, не придётся забивать голову лишней информацией.

Меня ещё никто не позвал на собеседование, а волнение накатывает облачком. Нужно отбрасывать всё это застойной der'mo, незачем накручивать себя, парень.

Всё никак не получается уснуть. Blyat`! До чего же неудобно. А эта suchka так просто согласилась, чтобы я спал на spanom полу, вот тебе и благодарность за всё. Ладно, она не виновата. Ты сам отказался, сыграв в благородство, пожинай теперь плоды.

Приходится идти на почти самые крайние меры (нет, это не drochka) – начинаю вести внутренний диалог. Выбираю себе собеседника. Сегодня это В.И..

Нет, я с вами не согласен, вы слишком фанатичны, поэтому не можете мыслить критически. Вы всегда находите оправдание huevīm поступкам там, где вам нужно, но никак не оправдываете подобные поступки в иных плоскостях. Нет, я не тот самый hren, который только и может srat' там, где сидит. Это называется «взгляд со стороны». Вам, походу, такое незнакомо.

Очень странно, я считал вас умным человеком. Я уехал, да, не спорю, но что теперь поделать? Вы не оставили мне выбора! Кроме лжи у меня не было вариантов, потому как вы такой человек. Я устал srat'sa, просто хочу начать жить, а вы только о своих поступлениях, понимаете? Вы загнали меня в угол... Я просто сделал то, что посчитал нужным. Здесь я могу начать всё с чистого листа, а какое будущее меня ждёт здесь? Вечные разговоры с вами? Вечный срач? Я останусь, даже есл..ваы... что меня ждёт В.И.? Авыацу, ответьте, что меня ждётцуа23? Я ведь знацдлмгзцошаущалц...

Просыпаюсь рано по двум причинам. Начала громко греметь посуда прямо под ухом. Это А. готовит завтрак, ей самое время бежать на работу. Это, во-первых. Но хуже шума – нестерпимая боль в пояснице. Это, во-вторых.

За ночь подушки разъехались и оставшиеся часы мои поч-

ки мёрзли на холодном полу. Признаюсь, боль адская, но я героически делаю вид, что всё хорошо. Ко всему прочему ужасно трещит голова. Поправляю подушки, лежу с вытянутыми ногами до тех пор, пока А. не sebuvaet nahui.

После щелчка двери сразу же перебираюсь на диван. Такой мягкий, ровный, большой!.. Боже, какое блаженство. Тяжело описать словами, тут нужно только чувствовать. Поясница до сих пор болит, но хоть терпимо. Снова рубит в сон. До нужной кондиции дойти не получается, второй раз засыпать дело такое. Вплоть до одиннадцати часов пребываю в междустрочном состоянии.

Следующим нарушителем тишины становится Р.. У пацана свободный выбор рабочих часов. Р. беспардонно вваливается, садится в ноги, начиная бурчать. Шумит чайник. Р. материт А. за то, что та не моет за собой посуду. Пытается болтать со мной. Спрашивает, чем я займусь. Советую отвалить от меня. Сон окончательно потерян. Спасибо большое.

Проверяю почту. Магазин молчит. Почему-то я наивно полагал, что они ответят чуть ли не сразу, но пока игнор. Говорю об этом durachku. Он советует позвонить самому по указанному номеру. «Так, – говорит, – быстрее и надёжнее». Скорее всего их кадровики huevo работают. Приходится согласиться.

Набираю номер. Отвечает девушка. Быстро тараторит название отдела, адрес, имя, а затем спрашивает, huli вам надо, уважаемый? Говорю ей, что звоню насчёт работы. Девуш-

ка просит подождать немного, сейчас она передаст трубку управляющей.

На том конце появляется более глуховатый голос. Вы на счёт должности консультанта? Да, нужен. Сегодня подъехать сможете? Хорошо. Адрес знаете? Да, вход со стороны главной улицы между девятой и двенадцатой линией. Там будет вывеска закусочной. Во сколько вас ждать? Договорились, в три вы у меня. До скорой встречи.

Неожиданно и приятно. Не думал, что действительно работает. Вау, моё первое собеседование в новом городе. Запускаюсь в душ, надраиваю зубы. Выпиваю один кофе. От волнения есть не особо хочется. В ближайшем ларьке покупаю мятную жвачку. Так, я вроде неплох.

Пока в метро, прокручиваю в голове возможные фразы/ответы. Всё идёт к тому, чтобы прорекламирровать себя, но без пафоса. Ехать, кстати, немало, около часа. Сам же отдел в пяти минутах от станции.

Добираюсь на пятнадцать минут раньше оговоренного времени. Приходить заранее считается моветоном, поэтому остатки минут провожу в компании сигареты и наблюдением за прохожими. Народа тут много. Контингент настолько разнообразный, что от всех цветов в одежде становится дурно. Безумная типа такая карусель.

Уверенно захожу в центральную дверь. Чуть менее уверенно поднимаюсь по лестнице. Немного нервничая и щёлкая правой рукой, прохожу по коридору. С нервным тиком

на глазу захожу в сам отдел. Чуть осипшим голосом сообщаю девушке за кассой (с которой я походу и разговаривал), что мне назначено. Откашливаюсь.

В боковой стенке от кассы обнаруживается дверь стандартных размеров. Девушка открывает её, сообщая начальнице, что тот самый hren пришел на собеседование. Глуховатый голос приглашает войти.

Стараюсь максимально взять себя в руки. Смотрю в глаза начальнице немного улыбаясь, здороваюсь. Так, отлично, пока правдоподобно.

Начинается допрос в шкуре беседы. Сколько лет? Откуда приехал? Какое образование? Какие планы на жизнь? Женат ли? Натурал ли? Как здоровье? Есть ли опыт? А где работал? А что умеешь? А брешь ли jору? И всё в таком духе. Затем она начинает рассказывать о магазине. Слушаю вполуха.

Пока сосредоточенно сижу, представляя себя частью космоса, слышится бурчание собственного живота. Враг пришел оттуда, откуда его никто не ждал. Извиняюсь. Говорю, что не успел пообедать. Начальница только отмахивается рукой, с кем не бывает? И действительно.

Рядом с ней мне комфортно, полностью успокаиваюсь. Мы вроде друг-другу типа понравились. Собеседование заканчивается обменом личных номеров. С. (так зовут начальницу) обещает посмотреть ещё пару ребят, а через день-два позвонить мне. Выхожу вполне довольный собой. Первый шаг сделан. Молодец, zasranec.

Не успеваю моргнуть глазом, как уже стою в фирменном сером фартуке. Необходимые документы оформлены. Вот он, готовый стажер-консультант.

Каждое утро у нас совещание. Мы собираемся втроём (два консультанта и старшая) в некое подобие круга. С. начинает делиться статистикой продаж прошлого дня. Затем допрашивает на предмет, какой товар больше покупали, какие люди заходили? После идёт обсуждение «фокуса» – это всякий zahkvarnyu товар, который никто не покупает, а мы его пытаемся спихнуть с помощью маленькой скидки. Затем акции. Меня перекрёстно начинают допрашивать по товару. Всё чётко отвечаю, мама бы гордилась, как стишок на стуле в новогоднюю ночь. Также следуют каверзные вопросы про различия красок разных фирм. И тут, дорогие присяжные, я сажусь в большую mochevidnuyu лужу. Лица девчонок загораются. Теперь, говорят, дадим тебе огромную кипу информации – будешь учить.

В первые дни хожу как по струнке, даже на обед не отлучаюсь. На вторую двухдневную смену меня выгоняют насильно, а ещё заставляют ходить курить – делать передышку. Начинаю гонять с начальницей. Питаться же приходится в той самой бургерной напротив. Скажу честно, желудок мой начал prihuevat` от подобного рациона.

Со временем жизнь вроде начала налаживаться. Инфор-

мацию о составе всех красок я выучил с трудом. Ненавижу статистику и прочую дребедень. Зато отлично сортирую и выкладываю товар. Да и если честно, дорогие присяжные, я всё начал делать просто на высшем уровне (вы меня знаете), и только один ebuchiyu навык не хотел мне даваться: продажи.

Не очень приятно узнавать о себе такое, но все мы грешники, у всех нас есть маленькие недостатки. Я не исключение, ни в коем случае. Наш бугор стала вечно недовольной мною. Ну ничего я не могу с собой поделывать! Не могу заставить себя пересаживать человека с привычного ему материала на более дорогой, когда по своим функциям они не отличаются. Просто другая фирма немножко ahuela, а начальство хочет дополнительную копейку с этого.

Но, несмотря на это, покупатели испытывают ко мне симпатию. Да! Я ненавязчив и честен с ними; болтаю типа на разные темы там, всегда помогаю решить вопросы. Я всё-таки не hui с горы, а образованный, ага-ага. Так что не стоит меня недооценивать.

Сама беда началась с общего тренинга в главном офисе, где самая большая матка периодически проводила свои «избиения». Что мы о ней знаем? У неё вечно сальные волосы, у неё нет мужика, она постоянно ест фастфуд, от неё воняет govnom.

Все новые сотрудники обязаны пройти письменный тест. Вопросы в стиле: какую кисточку для масляной живописи вы предложите художнику-новичку?

а) синтетику б) белку в) щетину г) волос из своей jopі.

Пока мы писали, главный монстрик вышел за дверь. Её долго не было, а затем, словно гром среди ясного нашего небушка, раздался нечеловеческий вопль. Слова были всякие, и бранные, и детские обидки, но из уст монстра все они звучали, как худшее оскорбление. Девушка, на которую орала эта тварь, ударилась в слёзы. Я не видел этого, но отчётливо услышал в наступившей тишине. Затем ОНО вошло. Мы сдали работы, и я быстро ретировался. Тренинг-тест должен был перевести меня из стажера в полноценного продавца, соответственно, и зарплата перестала бы быть такой урезанной.

Результаты пришли непосредственно начальнице. Первое, что я услышал, так это то, что я сдал всё очень хорошо. Выше среднего балла! А второе, что та drіan' решила меня поддержать ещё в стажёрах, несмотря на очевидные успехи.

Ну не плевок ли это в душу? Унизительный такой, с жёлтой мокротой. Первая мысль: послать всех в pіzdu и уволиться. Хотя я проработал здесь два месяца, но с меня хватит. Слишком много на мне катаются. Я был единственным сотрудником-парнем, а значит, самостоятельно принимал весь новый товар.

Ещё приходилось в одиночку заниматься передвижением стеллажей, лазанием под высокий потолок за бюстами, а достать их, поверьте мне, дорогого стоит. Я делал всё и даже больше, а оказался единственным работником, которого не

перевели из статуса «стажёр».

Первая гневная мысль отпускает. Спокойно киваю, ухожу курить. Когда возвращаюсь, сообщаю начальнице, что уволюсь четырнадцатого декабря, и это – мой окончательный ответ. Ваш верный слуга великодушно даёт челяди время, чтобы найти замену.

На деле же решаю дать время самому себе, чтобы забрать всё то, что мне причитается. Домой еду с мрачным чувством. Меня roimeli, зато я точно решил roimet' их в ответ.

Любая чернушная движуха начинается с плана. Первое, что нужно знать: начальница работает с десяти утра до шести часов вечера пятидневку. Что это нам даёт? А даёт нам это многое. Например, этой suchki нет на месте по выходным, а ещё то, что смену закрывает моя напарница и я. Второе, что нужно знать: перед закрытием смены, до того, как магазин закрывается на ключ – мы показываем друг-другу сумки перед камерами. Делаем вывод: кроме сумок больше ничего не shmanaetsa, да и металлопищалок на выходе у отдела нет, всё никак не поставят. Третье, и самое главное знание, камеры, они по всему отделу. НО! В камерке, где мы иногда переку-сываем, вешаем свою одежду, да и просто можем отдохнуть – камер нет.

Пробный заход я запланировал на первый день после двухдневных выходных. Как раз выпадает воскресенье.

И вот, ЭТОТ... ДЕНЬ. Следующая ревизия будет только в январе. Путь практически чист. Утро начинается по стан-

дартам: спешу, чтобы успеть открыть вовремя кассу, за этим строго следят. Затем приходит напарница. С утра мы просто зависаем, сидим на стульях, ничего не делаем.

Далее на очереди завтрак. Во время своего поста в зале продаж начинаю бегать глазами по стеллажам. Что же лучше spizdit`? Что же мне, простому работяге, взять в уплату за свои страдания? Решаю начать с небольшого, все-таки пробный воровской день.

Смотрю на полку с поштучными акварельными фломастерами. У них ещё типа крышечки с двух сторон. С одной стороны кисть под нажим, а со второй обычная пимпа, как у фломастера. У нас тут базовый спектр цветов. Подхожу к полке, начиная делать вид, что поправляю товар. Какой же цвет взять? Всем телом старательно прижимаюсь к полкам, чтобы если что, камерам hui, что досталось. Беру сначала чёрный. Затем, подумав, ещё красный и охристый. Моя рука без палева кладёт фломастеры в карман фирменного фартука. Продолжаю типа ковыряться и поправлять. Так, отлично. Волнительно так, что аж жуть берёт!

Покупателей нет. Теперь можно сгонять в комнату для персонала и «глотнуть водички» (подмигиваю вам). Сделать это нужно быстро. Магазин без присмотра – затея опасная, учитывая, сколько мальцов и всяких bichey заходит просто погреться.

Закрываю дверь, молниеносно, чуть дрожащими руками, достаю фломастеры из кармана фартука, перекладывая во

внутренний карман своей куртки. Делаю глоток воды. Выхожу. В магазин врывается цветной силуэт. Напарница вернулась с забегаловки чуть раньше. Больше никого. Она видит, как я вышел из подсобки. Шутит, что, мол, я оставил своё место, а значит, welcome штрафные. Только улыбаюсь в ответ. Глоток воды – моё право.

Первый блин чуть-ли не превратился в бутылку в jore, но, благо, пронесло. Моя очередь завтракать. Со спокойной душой выхожу на улицу, курю. Вышло неплохо, и это только начало. Ставлю мысленную галочку, что нужно быть чуточку быстрее.

Снег вступил в своё законное право. На улице ещё не так сильно морозно, но кончикам пальцев быстро становится не по себе. К этому времени из художественного магазинчика я успел вынести целое состояние. Ну, может, преувеличиваю, но обнаглел ваш слуга конкретно.

За короткий промежуток удалось spizdit: набор дорогих карандашей, небольшой набор дорогих акварельных карандашей, металлические карандаши, тюбики дорогой акварельной краски, двенадцать тюбиков акрила, огромную кучу линеров разной толщины, заграничные кисти и кипу по мелочи. Если перевести улов в деньги, то выходит как раз тринадцатая зарплата.

Увольнение уже наступало на пятки. Решаю сделать себе прощальный подарок. Перед новым годом появилась хит-

рая акция, где можно получить крутой подарок за покупки. Каждому покупателю вручается бумажка по типу флаера, в котором имеется девять квадратиков с цифрами. Ниже идёт перечисление марок продукции, за покупку которых человек может получить наклейки. Одна наклейка равняется двум тоннам потраченной зелени. Это значит, что человеку нужно купить продукцию определенной фирмы на восемнадцать тонн, чтобы получить главный подарок: набор дорожной (просто аһуеппоу!) акварели. Такой наборчик уже не купить. Очень сладкая приманка! Знающие ребята, которые получали флаер, чуть ли не теряли сознание, когда видели главный приз. На днях одна женщина даже пыталась подкупить меня, чтобы я продал ей этот набор. Естественно, я послал её вежливо куда подальше, акварель мне нужна самому. И я, к слову, уже начал действовать.

Проблема заключается в том, что каждая наклейка учитывается в проге, её нужно пробивать в чек. Пришлось пойти на одну опасную уловку. Покупатели, которые еще не слышали про акцию, но покупали нужный товар – так и не получали от меня свои заветные наклейки. В тишь я пробивал им наклейки в чек, но клеил в свой экземпляр... Особенно помогли иностранцы, на них можно было и вовсе забить, ведь я просто не мог элементарно объяснить в чём тут соль у нас. Простите, глаза с ребро монеты, я не специально.

Настал последний день смены, но мне всё ещё не хватает одной наклейки. Как нарочно за весь день не было ни одного

большого покупателя. Одни нищие студенты, которые только испортили средний чек. По итогу психую и просто ризжу без учёта эту одну наклейку. Думается, начальство не сразу заметит пропажу.

В этот прощальный день ничего больше не краду. Хватит с меня, нельзя портить карму. Взял то, что мне недодали, да и пис вам, durachki.

Моя напарница очень привыкла ко мне. Было видно, как она расстроена моим уходом, но что поделать девочка, такая жизнь. Когда мы закрыли магазин, то ещё немного посто-яли, болтая на улице о всяких мелочах, а после наши дороги разошлись навсегда. Причём это не метафора. Ей просто на-право – она недалеко тут живёт, а мне прямо до метро. Вот и всё.

На следующий день с утра, уже в главном офисе. Мне дают подписать бумаги (в том числе о неразглашении внутреннего устройства работы), отдают трудовую книжку и последние заработанные гроши.

Осталось самое простое, но в тоже время – самое опас-ное дело. Нужно получить заветный подарок. Вся проблема в том, что фирма не рассчитывала, что кто-то вообще смо-жет собрать наклейки, а тем более за такой срок. Акция бы-ла придумана только для увеличения продаж не самых про-даваемых брэндов, а тут нужно предъявить бумажку лично кассиру, стоя под надзором камер. Ну что ж, чем чёрт не шу-тит? Раз ввязался, то иди до конца, нечего скулить.

Выбираю филиал в центре. Там всегда куча народа. Перед входом выкуриваю сразу две сигареты, кровь стучит в висках. Спокойно... Главное не вызывать подозрений.

Захожу. Сканирую консультантов и продавцов – знакомых лиц нет. Плюс на мне новая зимняя куртка, а ещё шапка Р..

Сначала хочу сразу пойти на кассу, но в последний момент oshkuuu, сливаясь бродить по залу. Меня начинает преследовать консультант. Здесь каждый стремится сделать большую продажу, поэтому каждого покупателя безбожно терроризируют. Грубо говорю несчастной гоје, что сам всё знаю, помощь мне не нужна.

Раз начал ходить – значит, мне якобы нужно что-то купить. Всё должно быть натурально. Опять волнуюсь. Предательские руки подрагивают. Беру дорогой лист ватмана (заграничный, три слоя), а ещё зачем-то хватаю мебельный степлер. Так, а паһиі он мне нужен без скоб? Беру скобы. Вышло уже почти на тонну.

Двигаюсь в сторону кассы. Тут очередь. Очень жарко. Кислорода явно не хватает. Ещё и дед впереди странно попахивает, то ли не моется, то ли paperdel... но вид у него важный. Покупочка у него весомая. Набор акварельных карандашей на пятьсот штук. Перхоть ещё долго что-то выясняет по поводу своих бонусов. Наконец уходит. Моя очередь.

Вам что-нибудь ещё нужно? Нет. Пакет? Да. Наша карта? Забыл дома. Девушка пробивает мои покупки. Она ненави-

дит меня, ведь я порчу средний чек. Теперь придётся работать ещё лучше. Получите и распишитесь. Расплачиваюсь. Мой мозг перегружается до предела.

Я должен получить свой подарок, но oskkuu просто жель! И вот на руках покупки, чек, моя нога делает шаг в сторону, чтобы следующий человек мог пробить свой товар, иииииии... резко останавливаюсь. «Чуть ли не забыл! Моя мать частый покупатель у вас, она типа художник, знаете ли. Попросила забрать свой подарок». На безумной ноте бросаю на стойку флаер. Смотрю на кассиршу. Она разворачивает бумажку. Её глаза округляются. Да, детка, все девять. Какое-то время она стоит в немом шоке. Думаю о том, что сейчас она заорёт типа, вызовет админа. Тут ведь очевидная махинация.

Лицо soski немного даже бледнеет. К моему великому облегчению, потерянными голосом она шепчет: «Да, конечно, прошу вас». Она достаёт из-под полы заветную акварель. Боже, она прекрасна, как же она прекрасна!

Резким движением хватаю свой прощальный подарок. Эмоции меня переполняют. Всё чисто и по красоте. Конечно, про маму я перегнул, звучит тупо, но что сделано, то сделано. Главное ведь не участие, а результат.

Даю себе зарок, что больше никогда не пойду работать на прямые продажи. Пусть этим говном занимаются студенты.

Сейчас важно то, что я неплохо затарился крутыми приколами. Что-то можно продать, чем-то буду работать сам. По-

смотрим. А пока можно поехать домой и хорошенько оттянуться на диване с пивком, пока все на работе.

9. Конура, мистер пууhach и склады

Перед самым праздником случился долгожданный переезд. Давно нужно было это сделать, но великая лень-матушка... сами понимаете.

Первая sdristnula А.. Сначала я обрадовался, наконец-то можно зависать на диване, не надо типа почём зря умирать от болей в спине. Но после ко мне подсел Р. и сказал, что я уже всех заебал, пора в свободное плавание, парень.

Я не тот человек, что не может сделать выбор в пользу чего-либо. Долго типа не ломаюсь при покупке. Вот и с квартирой вышла randomnaya история. Зашел, полистал объявления. Попалась студия неподалеку от Р. в двадцати минутах ходьбы. Цена приемлемая. Уверенно взял, набираю номер. Да, здравствуйте, свободно? Снимаю. Хорошо. Вот и готово. Так ebashut дела настоящие мужчины. Мужчины, которым pohui.

С домохозяйкой (так я теперь называю хозяйку квартиры, попутал слова при разговоре с Р.) встречаемся на следующий вечер после звонка.

Пойти пришлось в одиночестве. Хоть дом располагался не так далеко, но в тех районах я ещё не был, поэтому решил

выйти пораньше, разведать типа обстановочку. Карта на полусломанном телефоне – не самый надёжный союзник для серьёзного движа. И проблема не в том, что карта показывала что-то неправильно, она просто ПЕРЕСТАЛА показывать. Единственным моим спасением стала случайность – я запомнил адрес.

Ещё когда шел более уверенно, забрёл на кладбище. Оттуда вышел к пчелиным домам и понеслось! Пришлось подходить к каждому человеку, называть адрес и просить махнуть рукой в сторону, куда нужно идти. По иронии судьбы каждый новый человек менял направление, утверждая, что он точно знает, suka!

Мороз крепчает. Начали отваливаться кончики пальцев. Чтобы вы знали, дорогие присяжные, вышел я за два часа до назначенного времени. Также хочу напомнить, расстояние от дома Р. равнялось двадцати минутам небыстрой ходьбы.

Темнеет pizdec рано. Спустя один час восемнадцать минут я всё ещё плутаю. По левую руку показывается КАД. Есть огромное желание просто заорать в небо какую-нибудь huupu. Когда я поднимаю голову, то не верю своим слабовидящим глазам. На крыше дома красуется знакомая светящаяся hren', типа реклама застройщика. Я видел её на фотографии в объявлении. Надежда вспыхивает ярким знаменем!

На отмороженных ногах начинаю искать табличку с адресом. Всё сошлось. Бывают же иногда чудеса, но теперь появляется новая мини-проблемка, связанная с пчелиным лаби-

ринтом и неразберихи с нумерацией бесчисленных подъездов. О чём говорить, если сам дом делится на три отдельных строения, но адрес имеет один. Вот и ebiş`, как хочешь.

Перезагружаю телефон. Он включается, но из-за холода батарея почти на нуле. Так, парень, быстрее думай, что лучше?! Как потратить последние минуты телефона? Входящий звонок. Как не вовремя! Или? Я не сразу соображаю, что это домохозяйка моего нового домика, ведь записал я её по имени. Она только что подъехала, вот машет рукой, вижу. Спасение.

Зовут её Е.. Она оказалась до крайности красивой женщиной. Ей не больше тридцати пяти, она айтишник в серьезной конторе. Спокойная такая, уравновешенная вся из себя и приветливая. Вообще много улыбается. Пока едем в лифте, она сообщает, что до нашего двадцать пятого этажа ехать ровно минуту.

Студия небольшая, 24 квадрата, но больше мне и не надо. Меньше пыли, знаете ли. Pizduchni коридор с обоями под мятую. Полы заделаны под темный паркет во всю длину. Маленькая кухонька, перегородка, а за ней огромный диван, напоминающий корабль. Плюс есть комод, деревянный стол с квадратный метр и кресло на колёсиках.

Я всем доволен, всем rohui. Даю паспорт. Пока Е. переписывает данные в две копии договора – смотрю на её профиль. Красивый, ничего не скажешь...

Бывает так иногда, смотришь на девушку или женщину,

или просто условного человека. Ты не хочешь его ebat` или там ещё что, но ты действительно восхищён красотой. Она порою не имеет ни пола, ни возраста, ни сексуальных предпочтений. Ты её просто видишь и пытаешься изучить, понять, разгадать, но по итогу просто безмолвно смотришь, особо ни о чём не думая, смотришь и наслаждаешься. У этой женщины та самая красота, незамысленная косметикой, необременённая пафосным декором. Проще говоря: восхитительная естественность.

Упускаю момент, когда Е. перестаёт заполнять договора. Теперь уже она смотрит на меня плящущегося со смущённой улыбкой. Отвисаю, улыбаюсь в ответ. Отдаю деньги наличкой. Получаю две пары ключей. Перед уходом обговариваем последние мелочи. Выходим вместе.

Е. садится в свой белый джип, предлагает подбросить. Вежливо отказываюсь (idiot), говорю, что мне близко. На часах горит цифра двадцать один. Совсем ни черта не видно. Проходит парочка алкашей, спрашиваю дорогу до метро. Ага. Здесь мне прямо, как выйду к магазину, повернуть налево, а потом просто топить прямо.

Обратный путь оказывается куда проще, чем я думал. Засекаю время на часах. Двенадцать минут, правда быстрым шагом. Мороз, как-никак.

На следующий день после работы Р. помогает перенести вещи. Их у меня немного, поэтому справляемся за один заход. Р. ещё немного бродит по квартире, заглядывая во

все углы. Говорит по типу: «Прикольно. Бывай». После чего быстро s`ebivaet.

Теперь я сижу один в пустой квартирке типа конуры, а за окном люди начинают заранее отмечать Новый год. Интересно, на балконе можно курить?

Наступает типа волшебный день. Сначала я думал, что просто куплю вина, салатик и буду валяться, смотреть там банальные фильмы, но Р. уговорил отметить у себя. Пере-секаемся на его территории. К. ушла с друзьями шопиться, да и просто пошастать по центру, а на мужчин (то есть нас) спихнула закупку продуктов к праздничному столу.

Умные люди закупаются заранее, а всякие гении думают, что все закупаются заранее, поэтому они сами пойдут зата-ривать сумки в день праздника. Как показывает практика, ге-ниев всегда намного больше, они образуют нереальную толкучку в виде километровых очередей, тем самым приоб-ретаю коллективное знамя законченных pidarasov. Вот и я с Р. не исключение, те ещё сказочники.

Отправляемся в гипермаркет, до которого идёт бесплат-ная маршрутка. Стоянка забита. В магазине уже тысяча ум-ников варятся в собственном соку, набивая тележки всем, что плохо лежит и на что действует огромная скидка. Ммм, тухлятинка, кайф.

Больше всего меня забавляет Р.. Мы одного возраста, вро-де молодые rentyuhі и все такое, но когда дело касается про-

дуктов, он сразу превращается в того самого деда, что держит скрещенные руки за спиной, встаёт раком, щурится типа, долго вчитываясь в состав той или иной консервы. Буду называть такое поведение: «синдром недоверчивой перхоти».

В руках у нас по корзинке. Хотелось бы тележку, но последнюю забирает jirdyay. У Р. есть список, но это не значит, что мы будем следовать ему беспрекословно, я уж точно возьму отборного говна.

Моя корзинка заполняется быстрее. Я уже успел взять: бутылку водки, бутылку вина, две пачки чипсов, мандарины, готовый салат, готовую курицу, красную рыбу, колу, две банки фальшивой икры, свежий хлеб, сливочное масло, несколько консерв, кучу сладостей, шпажки для канапе. На этом моя фантазия иссякает, да и корзина стала больно уж тяжелой. Р. же медленно идёт по списку, каждую секунду отвлекаясь на приколы вроде гигантского шоколадного яйца.

Проходит больше часа после начала крестового похода. Сейчас я прямо не преувеличиваю, серьёзно засек типа время. Последний продукт из списка взят, идём на кассы. Так как я пострадавшее лицо, то иду вперёд Р.. Ну как вперёд, перед нами ещё человек шесть с полными тележками. Наконец меня пробивают. Вредная тётка спрашивает паспорт, хотя выгляжу я достаточно потрепано и с бородой.

Сумма выходит празднично ahuevhaya, три тонны, и это с учётом больших типа скидок. Праздники, чтоб их...

Нгуичево фасуется в два пакета. У Р. чек ещё жирнее, но у него больше и денег, поэтому парнишка особо не обеднел. Идём на остановку. Неподалёку от соседнего входа rizdyatsa бомжи. Приглядываюсь. Один из бомжей – охранник магазина. Душат друг друга там, наносят ленивые одиночные удары по корпусу. С неба падает небольшой снег. Закуриваю. Да, вот теперь я чувствую, во мне прям просыпается что-то тёплое и радостное.

Р. торопит. Подъехала бесплатная маршрутка в обратную сторону, народа много, хоть и большая часть гоняет сюда на своих колёсах. Nishebrody вроде нас набиваются в эту небольшую тарантайку (для перевозки овощей) достаточно плотно, что невозможно пошевелить головой. Главное, не проехать нужный перекрёсток. Заранее кричу водиле, чтобы остановил неподалеку от метро. Ответа нет. Gondon озлобленный. Никто не виноват, что тебе приходится работать сегодня.

На остановках до метро людям тоже нужно выйти. Начинается главная головная боль. Приходится каждый раз выходить на улицу, чтобы нуждающиеся могли s`ebat` отсюда pahui, дав порядочным добрым людям ехать дальше.

Идём домой. Чувствую, что уже устал. Тип прям понимаю – мне ничего не хочется. Трясу головой, уговариваю себя, что уныние пройдёт. Скоро разогреемся, будет веселье, разговоры и прочее der'mo. Как там люди веселятся?

Дома до сих пор никого нет. Мы с Р. купили почти всё

готовое, открывай, да ешь. Переносим стол в спальню, там больше пространства. Быстро расставляем стекляшки и железяки, открываем пищу, раскладываем салаты в большие ёмкости. Кружечки там для сока, для водки отдельные рюмашки. Всё как у людей, правда под нашей эгидой стол выглядит не новогодним, а будто просто несколько чуhek решили помянуть товарища. Одним словом – холостяцкий стол.

Я ещё не знаю, кто у нас будет из гостей, но догадываюсь. Мы с Р. немного начали прибухивать, так как нам скучно, ждать – не наш удел. Немного кусаем салата из общей чашки.

Раздаётся мерзкий звонок. Кидаюсь открывать, заодно покурю. Прокрутив замок вижу пьяненькую К., а с ней А. (её-то я ожидал увидеть), а вот оставшихся двоих не признаю. К. нас быстро знакомит.

Девчонка, что выше меня на полголовы с прямыми волосами цвета дуба и с отличительной большой родинкой на подбородке – подруга К. ещё с учёбы (мы с одного типа города), зовут её Ф.. А толстоватый, вечно горбившейся чел – её мужик, он представляется Ю..

Вообще по таким, как Ю. сразу видно, парнишка славный. Спокойный, говорит там культурно, вперёд на рожон не лезет. Но не могу удержать себя, чтобы не сказать о его внешности. Он симпатичный, не подумайте, страшных людей вообще нет, дорогие мои миленькие присяжные. Люди типа разные, но некоторые персонажи для других людей мо-

гут казаться... забавными. Так вот Ю. – это чистый угар.

Он походит на того самого ленивца из мультика про зверей, который два часа перекладывает одну бумажку. Самое бомбическое, сняв куртку, оказалось, что он ещё и также одет, как тот персонаж: белая рубашка с галстуком.

Не могу удержаться, начинаю смеяться, но ничего не поясню. Выползает Р. поздороваться. Теперь его знакомят с новыми лицами. Ф. он уже знает, а вот Ю. видит первый раз. Решаюсь пошутить, сообщаю свои наблюдения на счёт похожести на того самого ага-ага. Никто не выкупает, один Р. начинает умирать со смеху. Прыскаемся в унисон. Если честно, не могу объяснить, почему нас так сильно рассмешила подобная глупость. Тут ведь дело не в самой шутке со сравнением. Она типа является всего лишь спусковым крючком. Настоящая причина, как мне кажется, общая атмосфера. Я и Р. – дружны с самой юности. Мы столько всего пережили, что для «хи-хи», да «ха-ха» причины вовсе не нужны. На нас смотрят, как на idiotov, а мы всё подогреваемся смехом друг друга, извиняемся.

Наступает ноль-ноль-ноль-ноль часов. В телевизоре появляется лицо президента, чья речь особо никогда не меняется. Благодаря этому уважаемому человеку я научился бесконечному терпению.

Как только президент начинает базарить, Ф. встаёт с места, начиная неправдоподобно пародировать выступление. Умираем со смеху. Ф., стоит признать, заводная баба.

Несмотря на всю свою внешнюю женственность, по характеру она чисто пацан, а вот её пацан ещё та селка.

Канал переключается на танцевальный. Девочки начинают выплясать. Р. достаёт из кармана знакомый камень. Мотает головой на балкон. Заговорщицки качаю в ответ. Ретируемся. С нас грозно спрашивают вдогонку, куда это мы собрались? Отшучиваемся, нужно посеCRETничать. Закрываемся на балконе.

Первый заход по праву принадлежит Р.. Заправляется он на счёт три. Очень долго держит, после оседает на холодный пол. Выдёргиваю аппарат из его рук, беру с табурета вторую половинку. Повторяю операцию. У меня выходит заправиться на второй счёт. Никогда не думал, что можно так резко уйти в аут. Р. himou не балуется, соответственно, это просто природный прикоЛ, но какой, suchara, сильный!

Сидим. Мёрзнем. В открытое окно валит снег. Мне хватает сил зажечь себе сигарету. Голова напоминает дельфина, который ныряет в облака, а затем снова выныривает в сырость. Мы смотрим друг на друга и улыбаемся. Интересно, Р. тоже видит дельфина или он переживает шутку про ленивца? А может третьё? Хотя, честно говоря, мне уже rohiu. На дрожащих коленях поднимаюсь, висну подбородком на оконной раме. Нос втягивает чудесную прохладу. Во внутреннем дворе пускают унылый салют. Какие-то черти орут «ура». Снег продолжает приятно кружить, обволакивая собою видимое пространство.

Смотря на всё это – вспоминаю детство. Каждый Новый год я наряжался в разных персонажей. Казалось, что волшебная ночь никогда не пройдет; что она будет вечной. Мама с отцом всегда принаряжались. Угощения же готовились с ночи тридцатого числа. Отец всегда возмущался таким напругам всё время повторяя: «В Новый год люди отдыхают. Купят один салатик, немного алкоголя и просто расслабляются. А ты из праздника делаешь испытание!»

Хорошие времена. Сейчас уже всё не то. Нет Деда Мороза. Нет рядом мамы с папой. На голове моей появляются новые седые волосинки, да и лицо округлилось. Оно больше не выглядит юным. Циферблатные стрелки часов вечно спешат. Будто назло стараются как можно быстрее приблизить момент, когда я буду вспоминать о своих молодых годах со слезами на глазах понимая, что уже ничего не вернуть. Да и сейчас уже, говоря по правде, ничего не вернуть.

Когда ты ещё маленький, то не понимаешь всей прелести невинности. А когда вырастаешь – становится слишком поздно. Что с нами стало? Когда мы превратились из милых и хороших деток в *obossannyh narkomanov* (Р. походу задремал и реально обмочился), которые отделились от теплоты семейного очага? Нам нужны лишь бабки и наслаждение, но если это так, то почему так гадко?

Бью Р. по щекам. Он нехотя приходит в себя. Меня уже отпускает. Дурашливый друг понимает, что обмочился, ныряет в ванную комнату – переодеться, пока никто не видит.

Как бы мне не хотелось поугарать и немного пристыдить Р. перед всеми, но стоически не выдаю его. Так и выглядит настоящая дружба, господа присяжные.

В свете стробоскопа (который купила К.) и громкой музыки, появляется лицо А. с вопросом, где нас так долго носило. Говорю, что все норм, сейчас будем.

Сделав все чистые дела, возвращаемся в развернувшуюся вакханалию. Девчонки всю отплясывают. Один Ю. сидит как дурачок, копаясь в телефоне. Накатываем с Р. водки прямо с горла, немного перекусываем, а затем присоединяемся к пляскам. Танцевать мы не умеем, а вот смешно пародировать танец – всегда пожалуйста. Мне действительно становится лучше. Среди этих людей не так одиноко, да и музыка слишком громкая, чтобы можно было о чём-то задуматься.

Ближе к половине третьего А., Ю. и Ф. заказывают такси. Всё равно здесь негде ложиться спать, а на полу никому не хочется, особенно мне.

Ещё немного болтаем втроем. Р. окончательно отпустило, но теперь мозг окунулся в токсичность алкоголя. Меня прилично мажет, хотя, казалось бы. Желаем друг другу добрых снов, расходимся.

Навязываюсь переночевать эту ночь на кухне по старой памяти, так как не хочу идти в такой поздний час до своего дома. Я не то, чтобы трус, но дорога с закоулками выглядят так, будто ночью в их пределах насилуют и убивают. В праздничную ночь насилие особенно актуально.

Перед сном вымываю посуду (это мой подарок), завариваю себе чай, пропускаю ещё одну сигарету. Вот теперь можно на боковую. Поздравляю всех с ещё одним прожитым годом.

Стою в комнате. В руках чемодан. Напротив же стоит человек. Лица не разглядеть. Я так понимаю, у нас какая-то сделка. Всё оговорено, нечего простаивать почём зря. Одновременно начинаем сближаться, левитируя в сантиметре от пола. Вдруг раздаётся сигнал пожарной тревоги. Я в смятении, как и человек. Головы начинают кружить, пытаюсь найти причину. Чувство беспокойства одолевает. Ещё понимаю, что человек напротив – я сам, так как он двигается зеркально, да и этот картофельный нос...

Сон быстро уходит, превращаясь в головную боль и похмельное состояние. Тело болит, а звук сигнализации всё не утихает. До меня быстро доходит, что мерзкий звук доносится из реальности, чья-то квартира в доме стала бенгальским огоньком.

Выдёргиваюсь к входной двери. Смотрю в глазок: задымления нет, но это ещё ничего не значит. Возможно, дым просто не успел добраться до этого этажа. Живёт Р. под крышей (как теперь и я). А если горит первый этаж или второй?

Открываю дверь. Выхожу в общий коридор, принохиваюсь. Ничем не пахнет. Не знаю, что делать. Самый простой вариант разбудить Р. и К..

Забегаю внутрь. Ещё когда я был в роли постояльца на кухне К. попросила не заходить в спальню без стука. Случился такой разговор после того, как однажды я заскочил в комнату, а там голая К. искала себе трусики. Но сейчас дело срочное, может, мы уже медленно умираем от угарного (невидимого) газа, я ведь ни разу не попадал в подобные ситуации. Чёрт знает, как всё это должно выглядеть в жизни.

Границу с коридора в комнату пересекаю на цыпочках, словно не хочу разбудить засранцев, но я ведь за этим и иду, blyat! Странный похмельный дядя. Тяжело быть адекватным после der`ta, особенно когда в довесок по ушам бьёт сирена.

Вот они, два мирно сопящих тельца. Оба раздетые. В её руке зажат обвислый chlen P., а его ладонь висит на лобке возлюбленной. Очень романтично и красиво. Правда, неловко будет будить их в таком виде. К. точно разозлится на меня. Она девушка с достоинством и характером. Лучше уж сторгит, чем вот так её увидит друг непонятный чел.

Аккуратно нащупываю руками кончик одеяла. Накидываю его на жалкие пьяные тельца. Надеваю маску страха, начиная расталкивать P., как сумасшедший. Я трясу его и шепотом ору: «Urod, мы походу горим! Какого чёрта ты не слышишь эту hren'?! Вставай, походу надо валить!»

P. непонимающе тарашится своими зенками в пустоту. Я хоть и на панике, но становится весело. От дёрга P. рука К. соскакивает с унылого din-dona, запуская цепную реакцию недовольного пробуждения.

В отличие от своего суженного, девчонка быстрее сообщает, что произошло. Начинает задавать вопросы, а не горим ли мы? Ребята хоть проснулись, но не могут встать при мне. Делаю вид что не знаю, что скрывается под этим, давно нестиранным одеялом и просто выбегаю из комнаты типа будто пытаюсь выяснить, не появился ли в коридоре дым.

Даю *pizdyukam* две минуты одеться, кричу с коридора, что вроде дыма нет. Да и странно всё это, кроме сигнализации – никаких признаков, но не может же быть это просто *snapou* проверкой в новогоднюю ночь? Абсурд. Кто-то закурил прямо в лифте? В коридоре? Пьяные *ugodcy*?

P. останавливает мои предположения. Зовёт в комнату. Сам он стоит у окна. В руках телефон с включенной камерой, а за окном яркий свет огоньков. Подхожу ближе. Ох ты ж *blyat*! Картина, конечно, великолепная, но страшная.

Рядом с супермаркетом разверзлось ужасающее пламя. Трехэтажный особняк какого-то дятла горит, освещая собой окружение. Теперь всё понятно. Дяди пожарники присосались к ближайшей *hreni* с водой, а там эти датчики, которые оповещают, что всем *pizdec* кто промедлит. Орать эта нервотрёпка будет ещё долго, пока не потушат. *P.* повисает на огне, *K.* отправляется на кухню за водой. Первое утро нового года выдаётся не самым лучшим, что же будет дальше? Сваливаю к себе домой, хочется просто поваляться в тишине.

День. Голова плюс\минус прошла. Завариваю травяной

чай. Хорошо. Люблю тишину. Иногда я очень жалею, что человек – социальное животное. Каким-бы ты ни был мамкиным интровертом или социофобом, тебе всё равно необходимо общение хоть с кем-то. Даже самые отвязные психи имеют парочку друзей и родственников. Даже ты «не такой, как все» любитель порно и салфеток, имеешь некий набор живых существ, которые развлекают тебя своей болтовнёй. Совсем без людей невозможно, как бы я этого не хотел. Одиночки предаются распаду, становясь ничем. В конце концов сама личность распадается, перерастая в неизлечимое заболевание, а там, в желтом доме – время и внешний Мир уже ничего не значат. Ты умираешь в вечности.

Вот и я терпеть не могу многих людей, но всё равно ищу «своих». Даже когда меня раздражает Р., я всё равно рад ему. Он заполняет пустоту тогда, когда мне нечего сказать. А теперь я один в пустой квартирке на двадцать пятом этаже. Выхожу покурить на общий балкон. Хочется немного мороза. Взбадриваемся, господа присяжные.

Двадцать пятый этаж – это *pizdec* как высоко. Вид завораживает. Достаточно только перешагнуть высокое железное ограждение и отпустить руки. Чистый полёт. Я не [ЦЕНЗУРА] – нет. Я против такого *de`ma*.

Даже если нет смысла в жизни; даже если ты боишься стареть там и все такое, да; и даже если ты не хочешь всего этого, то смысла умирать раньше времени просто нет. Можно потратить бессмысленность на приколы, какие-то ощущения

или просто на тупое говно. Но не совершать глупость.

Я вот знаю кучу ребят, у которых вся жизнь – сидеть играть в стрелялки. Им даже ebat'sa не хочется. Они просто залипают в пиксели и ничего. Кто-то считает таких людей mudakami, а я, наоборот, считаю их просто людьми. Почему это завести жену, мальцов и кучу проблем считается более успешным выбором, чем просто играть в своё удовольствие? Что за што определяет стандарты правильной жизни?

Объективно их нет и быть не может. Жизнь – пустая консервная банка, в ней нет места человеческим смыслам, но это не повод забить. Возможность творить дичь – фантастична, и я за то, чтобы этой возможностью пользовались. Все мои представления смерти – просто гипотетическая высокомерная причуда. Красивое кино, просто картинка.

Возвращаюсь в тепло. Сам не понял, что сморозил на морозе. Такое часто бывает, но для себя-родного выгляжу очень серьёзным, dohuya таким умным. Эта мысль заставляет посмеяться. Телефон издаёт «блещ». Сообщение от Р., точнее сообщение от Р., который перекинул сообщение от (теперь уже нашего общего) кореша.

Товарищ-говнарь зовёт Р. и меня домой к барабанщику. Дело в том, что им нужна помощь в создании декорации для обложки альбома. Работы много, но кореш обещает всякие хорошие «подгоны» за помощь, которыми можно воспользоваться прямо в процессе.

Соблазнительно... Первая мысль – отказаться, мне хва-

тило сполна вчерашнего. Вторая же загогулина уже с положительным ответом. Как-никак – праздник, а я вроде такой обыватель, да и одиночество то ещё удовольствие. Думаю с открытым диалогом, Р. продолжает написывать, присылая знаки вопросов. Выбор становится очевидным, и я пишу, что уже одеваюсь. Договариваемся встретиться у метро.

Снова привет. Давно не виделись. К. отсыпается, да её бы с собой никто и не взял. Чисто тусовка парней-govnoedov. В метро спускаться нет необходимости. Переходим дорогу, ждём у трассы фургон. Колёса опаздывают на десять минут или около того. Запрыгиваем в боковушку.

Тут собралась вся группа кроме вокалистки. Девчонка вроде как собралась замуж за нашего кореша, но она та ещё сука, совсем уж оторванная от реальности. Не удивлюсь, если она сейчас скачет сразу на двух грязных din-donah бомжей только за то, что они дали ей глотнуть спирта, когда у самой закончилась зелень. Или ещё лучше, если не смогла подождать пять минут до открытия магазина. В любом случае, тема с кожаными змеями – её основная слабость.

Когда узнаю про темку с женитьбой, сразу говорю Р., что до свадьбы не дойдёт. Скорее всё закончится мини-трагедией. Времени прошло мало, а у этой парочки уже раздоры на каждом шагу. Будем следить за ситуацией и держать в курсе.

В фургоне, кроме водителя, все уже неплохо поднабрались. Новоприбывшим всовывают клешни по бутылке пива. Быстро приканчиваю свою, открываю окно и очень эффек-

но впечатываю бутылку в столб, звук битого стекла на пустых дорогах отдаётся радостным звоном.

Р. пересказывает последние события, искусственно добавляя большую такую «ноту» юмора. Сначала ты от чего-то *obsiraehsia*, а если всё заканчивается по красоте, то история пересказывается так, словно лучший анекдот из бесплатной газеты. Странно, но так это и работает. Комедия исторически ходит рядом со словом трагедия, но что-то я опять не о том.

Не доезжая до квартиры каких-то триста метров, останавливаемся. Нужно в магазин за ништяками. Так как мы с Р. будем помогать, то значит *nihrena* не платим за кайф. Меня спрашивают, что я буду, говорю мол, на свой вкус ребятки возьмите мне чего и пожевать. Сам остаюсь на морозе. Погода в норме. Вообще, когда выпадает много снега – зима становится типа сбалансированной. А если ещё и светит солнце, то совсем загляденье. Ветра нет, полный штиль. Щёки покраснелись от балдежа.

Парни выдёргиваются из магазина с полными пакетами. Походу нас ждёт «ням-ням». Загружаемся в тачку, а через секунду тормозим. Снова выгружаемся. Ага. Семизэтажная постройка из старого фонда. Значит, нас ждут высокие потолки.

У С. (так зовут барабанщика группы) у единственного есть своя хата. И не просто конура, а чуть ли не в центре, да с пятью, мать их, комнатами! Теперь звучит барабанная дробь,

и да, он живёт в пяти комнатах только со своей девушкой. Ясный перец, подсуетились его богатенькие родители. Сам он типичный музыкант-bichugan, вроде работает барменом. Не суть. Квартирка пушечная, с ремонтом. Заваливаемся в гостевую, нужно немного потусить, а после уже делать грязь.

Вскрываю пачку чипсов. Ужас, как хочется перекусить. Из еды есть bichki (традиционная еда), но заваривать слишком лениво. Наш брат берёт гитару, начиная бряцать какой-то кавер. Не узнаю песню, но звучит слишком хорошо для балбесов.

Ещё парочка бутылок пива осваивается gotel'nikom. Чувствую себя свежим и готовым к работе. С. объясняет, что нужно помочь соорудить декорации для фотосессии. На пальцах выкладывает задумку. Она оказывается полным отстоем. Эти sranye куски мяса ничего не смогли придумать лучше, чем декорации в стиле кладбища, а они типа трупы-скелеты. Костюмы уже куплены. Балбесам весело, они довольны собой, так как низкий вкус не позволяет распробовать имеющуюся горечь. Pohui.

Делаю глубокий вдох. Прошу показать приготовленный картон. Так, ладно. Хоть материала предостаточно, но слишком больших кусков нет, придётся срастать. Слушаю их изначальный план действий. У балбесов них звучит просто. Весь план состоит из отсутствия такового. Беру командование на себя.

Первым делом прошу встать sranyh умников так, как они

планируют позировать (тут важны не сами позы, а общая ширина их глистообразных тушек), отмеряю расстояние. Приблизительно два метра, три вместе с зазором для полноты изображения в кадре. Сразу определяемся с деталями. Каждому по надгробью, дерево где-то на трети и несколько ворон. Беру на себя самое сложное. Парням остаются гробы, да травка.

Очень долго приходится объяснять элементарный принцип наложения матричной формы. Вроде поняли, молодцы. Р. зачем-то пытается резать картон ножницами, даю ему дружескую оплеуху. Дурак, blyat`. Ладно, проехали. Как давно я не брался за нож в благих целях!

Двенадцать часов ночи наступили незаметно. Между работой мы успевали пить и веселиться. Ещё около двух часов пришлось потратить на покраску, причём красил в основном я. Голова немного плывёт, но хорошему танцору, как известно, яйца не мешают. Последний мазок дешевой строительной кистью и – готово.

Фрагменты декораций разбросаны по всему дому. Не знаю зачем, но каждый отнёс свой гробик в отдельную комнату. Махаю на durachkov рукой, заваливаюсь на мягкий диван. Zaebis`. Тело ноет от истощения, но я очень доволен проделанной работой. Даже через хмельную отрыжку и забитый табаком нос, чувствую запах пота с подмышек. Воняем работягами. Приятно вот так иногда сделать что-то в команде. Меня типа хвалят, чуть ли не нализывая воображае-

мые яйца. Не люблю я это дер'мо, но приходится терпеть.

Тут С. покидает видимые просторы комнаты. Возвращается же уже с тремя небольшими пакетиками. Ага. Вот походу наше вознаграждение. Поднялись одобрительные вопли, застучали хилые кулачки. В голове снова встаёт выбор. Но не принимать я отсёк в первую же секунду. У меня нет зависимости. В Мире, где есть озабоченные мамашки, узколобые папаши, да и всякая недалёкая перхоть принято считать, что даже «лечебные сборы» вызывают сильнейшую зависимость. Это типа на мой взгляд огромное заблуждение. Они ни черта не вызывают, но может и вызывают. Если долго не лечиться, то появляется лёгкий зуд в голове, вроде зубы немного там чешутся. У тебя, брат, нет зависимости, ты хочешь просто в своё удовольствие. От этого чувства легко отвязаться, можно даже не shmalit' полгода, но, если кто-то рядом достаёт при тебе пакет – отказаться становится почти невозможно. Такое слабохарактерное чувство тяжело объяснить. Ты типа чувствуешь себя хорошо, ничего с тобой не произойдёт, но подурачиться хочется, тем более на халяву. Именно так говорят все obossannye nariki. Поздравляю себя и всех присутствующих.

Хозяин дома раздаёт бумагу для «ролов». Благородно отказываюсь, ведь у меня есть своя, со вкусом шоколада. Накрутили. Все готовы дети? Так точно, капитан!

Торжественно опаливаются кончики. Походу С. решил поэкспериментировать, намешав в натуру скоростей. Сердце

крайне чутко реагирует, начиная биться в ритме сумасшествия, к лицу приливает кровь. Резковатый заход, но не выкидывать же добро? Меня выматывает с одной тяги, а тут ещё как минимум три. Умирать, так с музыкой. Р. врубает «дверей», отличное сочетание.

Мы в сомнительной сказке. Самое главное правило – держать себя на плаву. А чтобы это сделать, нужно иметь точку опоры. Что-то типа реальное и фактическое может стать маяком, идя на свет которого – уцелеют мозги. Выбираю собственную руку с часами. Я чувствую их холодный металл, я знаю, что они точны, как никогда.

Держусь. Р. сползает с дивана, идёт в туалет. Через весь покадровый клик слышу звуки рвоты. Было бы здорово *struganut'*, но вместе с облегчением придёт и конец волшебству. С. открывает второй пакетик. Особо не церемонясь, он высыпает неоднородную горочку на журнальный стол. Мелкие частички муки взлетают вверх тонким шлейфом. С. достаёт из кошелька толстую купюру, сворачивая её в трубочку. Раз я был главным в деле, то это походу благодарность, быть первым (или как в детстве, а?) Подобное *deg'to* я не очень люблю, но раз уж мы начали, то почему нет? Умираем один раз, а уж живём тем более.

Хватаю купюру. Делать трассу слишком лениво. Приваливаюсь к кучке. Очень элегантно, на французский манер, проплываю по поверхности белоснежного озера. Глаза слезятся. Во рту привкус больницы и мяты. На долю секунды

сбивается дыхание, но только чтобы затем начать дышать с новой силой.

Перерождение.

От перепада давления закладывает уши. Первый-первый, я второй, полёт нормальный. Начинаем танцевать. Выбегаем в ночной холод. Падаем с лестницы, но совсем не больно. Играем в снежки. Я даже не уверен, что в кого-то попадаю, но весело, жуть! Кровь стучит в висках. Каждое мгновение кажется, что вот-вот упаду и больше не встану, но этого не происходит. Мгновение, которое зависло за секунду до распада, это чувство подвешенности, когда теряется своё «я» в недрах веществ, которые отравили мозг, прихватив с собой и душу. Сколько людей откидывается? Не имею понятия, но если вдруг моя очередь, то это не так и важно.

После жизни меня ждёт ничего, как и всех, кто ни во что не верит. Товарищ Vulgakov очень хорошо показал момент, типа прям пробирает до дрожи. Но что поделать? Встав один раз на скользкий путь – тяжело выбрать иной, типа быть не собой.

Не помню, как мы вернулись в квартиру, но просыпаюсь в состоянии – хуже не придумаешь. Во рту каша, ужасно прям пасёт. Blevota на подбородке. Мама, этим утром я фонтан. Честно говоря, не уверен, что вся мерзость принадлежит исключительно мне. От вонищи снова тянет рвать, не сдерживаюсь, прямо под себя. Почки ноют. Ещё бы, очнулся-то я в ванной при полном параде. Прямо в куртке!

Начинаю снимать с себя оковы. Куртка застирывается. Штаны вроде бы ничего так, сухие, только немного земли на коленках. Полностью раздеваюсь, смываю рвоту (удивительно, как она не застряла в стояке), принимаю душ. Как же huevo... Каждый раз говорю себе, что всё, пора завязывать. Типа время вставать на балдежный праведный путь, но каждый раз рвотный круг врубает гонки на выживание в надежде словить хоть толику кайфа.

Вытираюсь первым попавшимся полотенцем, выкидываю сразу в грязное. Остальные ребята выглядят не лучше. У Р. синяк на скуле, ещё и нос подбит. У парней тоже какие-то подтёки на лице. До меня начинает доходить, что, походу, мы играли в старую добрую игру, где нужно pizdit` друг друга по очереди.

Завтракаем bñkami. Блаженство. Вместо чая пью минералку из холодильника. Чувство перерождения смешивается с паническими волнами. В зимнее время лучше пить горячий чай, но сейчас привести голову в рабочее состояние куда важнее.

Несмотря на процедуры, ощущаю себя не так чтобы. Der'to отпустило, но налёт остался. С. успокаивает, говорит, это ненадолго. Нечего было мешать. Вот blyat` козлы!

Р. хочет ещё потусить с ребятами, но я уговариваю его отправиться домой. На холоде начинает рубить в сон. Нужно было попросить солнцезащитные очки. А ещё застиранный свитер не высох, кожа чувствует продрогшую мерзость.

Выглядим стрёмно, типа действительно rogado. Нас везде пронесит, всем плевать, аллилуйя большим мегаполисам. Праздники. Кто сейчас вообще адекватен? На пропуске в метро сотрудникам плевать, хоть у Р. с собой большой рюкзак, а сам он похож на нехорошего человека. На сегодня больше никаких приключений. Хватит. Тело истерзано ядом.

Заваливаюсь к себе. Всё-таки хорошо, когда есть свой уголок, хоть его ты и арендуешь. Приятно вот так прийти, растянуться на диване и просто лежать в тишине, думая о женщинах, жизни, о тайных желаниях, и о том фантастическом будущем, которое вряд ли сбудется, но надеяться всё же хочется. Вот так ты лежишь, рассуждаешь, не замечая, как проваливаешься в сон, а наутро снова с пустая голова. Балбес...

Февраль. Начало. Прошлая начальница была права: найти работу в первые два месяца зимы – почти невозможно. Всё это время я ни черта не делал, иногда зависая с Р. и К.. В последнее время много пишу. Мой мозг типа заражается графоманией.

Иногда я бываю очень глубоким и осознанным молодым человеком. Сам себе удивляюсь. Недавно пробовал найти работу в какой-нибудь газете. Не типа я в газете работу искал, а вроде как захотелось стать журналистом, писать всякие там приколы, но ничего не нашел. Было парочку объявлений, где требовались авторы для статей о всяком говне, но

там нужно иметь гигантский опыт и образование. Соврать не прокатит, везде теперь требуют портфолио. Извините, sranie сунсы, у меня его нет.

Я не так сильно нуждаюсь в деньгах, но работа нужна позарез, чтобы элементарно не сойти с ума. Я отчаялся, уже типа готов на любые варианты, кроме официанта, уборщика, автомойщика, парня, который раздаёт листовки, почтальона, продавца чего угодно. Вроде всё. А на остальное, пожалуйста!

Даже готов стать shlyushkoу для пожилых дамочек. Я бы с радостью был сексуальной подстилкой, но возникают определённые проблемы: низкий рост, din-don не до колен, и, чёрт знает, где все эти нелегальные конторы находятся. Снова в пролёте!

Оставался последний вариант, который прилетел мне давненько, но я корчил рожу. Просто, когда ты заполняешь про себя инфу, что ты классный художник, такой весь сякой, всё умеешь, а заинтересовываются тобою некрупные дизайнерские компании, а какие-то склады какой-то dresni, то становится неприятно... Слишком сильно бьёт по самооценке, но теперь, когда действительность показала, что моё место возле парашаи, и нечего здесь гавкать, то почему бы и нет?

Отыскиваю номер отдела кадров. Играет глупая мелодия. Голос автоответчика предлагает выбрать чего мне надо, нажимаю цифру три – связаться напрямую.

Колбасятся обычные гудки. На том конце раздаётся го-

лос женщины. Спрашиваю на счёт вакансии. Голос интересуется, смогу ли я прийти завтра на собеседование? Отвечаю утвердительно. Начинается нудный *pizdëh*, где я теряю повествовательную нить. Адрес записал, время знаю, ну и на том славно. Дальше разберёмся.

Говорю «спасибо» (хотя за что, она просто делает свою работу), вешаю трубку. Оставшийся день убиваю на фильмы про любовь.

На следующий день меня быстро оформляют в отделе кадров. Старая вредная перхоть фотографирует на пропуск. Со свободной душой сваливаю домой. Вот и чудно, теперь есть куда убить своё свободное время. Игра началась! Вот он, великий и уважаемый работник пыльного склада! Теперь буду тратить часть своей жизни на упаковку книг, передавая тяжелые коробки курьерам, которые развезут их на пункты выдачи. Не о такой ли жизни ты мечтал?

10.Работник года встречает первую любовь

Заранее извиняюсь за самую популярную фразу человечества, но: время очень быстро летит.

Кажется, что вот вроде недавно проснулся в шесть утра, позавтракал, добежал до метро, кое-как успев на рабочую развозку. Новый коллектив там, *her* пойми кто-где. Типа сам

по себе такой шатаешься и ладно. Весь двенадцатичасовой рабочий день в наушниках крутятся аудиокниги. На обед хлебцы и вода. Иногда нажимается «стоп» на плеере, чтобы тайком послушать чужие разговоры.

Вот подтягиваются первые ребятки, которым интересно, что я за фрукт. Другие иногда зовут покурить, но только для того, чтобы опять же разболтать на личные темы.

На отгрузке *redikovatij her*. Он очень громкий, а ещё не умеет разговаривать обычным языком. Только и делает, что шутит. Он, к слову, самый ушлый сотрудник. За время работы успел подлизать всем, главный типа любимец начальства. Как-то раз он подошел к начальнику и сказал: «Тебя в общей беседе послали *nahui*». Начальник посуровел, сразу же спросив, ну и кто этот нежилец? На что получил ответ: «Я». Немного жаль, что этот наглый клоун уволился, но, с другой стороны, я очень рад, так как его место подселел ваш верный слуга.

Вместе с должностью перенимаю наглое поведение. За безвозвратно утраченное время я успел отпустить волосы и бороду, а ещё немного подкачался и огрубел. Теперь я в команде сильных ребят. Вот что делает отупляющая движуха с человеком за год без одного месяца.

Тут мне позволено многое. С моим появлением на отгрузке больше никаких проблем, а это значит, что маленький *spanu* щит витает вокруг моей головы, теперь всякие мелкие проступки, исходящие от вашего слуги, списываются руко-

водством в слепую зону.

Сегодня я пришёл с ужасным похмельем. Вчерашние по- сиделки у Р. были что-то с чем-то. Люблю график два через два. Сегодня понедельник, и знаю я это только по причине, что у Р. вчера был последний выходной, о чём он не уставал ныть каждые полчаса.

Прикладываю пропуск на охранном пункте. Начало де- сяттого. Виски пульсируют, неприятная боль в области вис- ков. Жду лифт. Пока этот *zaganec* собирает всех *razdolbaev* по трём этажам, подходит *buchiha*. Она вечно обсуждает в столовой сериалы и компьютерные игры. Ненавижу её за неконтролируемую громкость собственного голоса. Иди по- пей говна.

Заваливаемся в лифт. Хорошо, что мы с разных складов. РЦ-шники – отдельный вид приматов. Мне на втором. Вы- хожу. Пыльный общий коридор, далее свинячий занавес, как в мясокомбинатах (походу здание и было раньше мясоруб- кой). Тяжелая дверь с полуотломанной ручкой. Игра нача- лась.

Не проходит и часа, как батюшка и его жертва зовут сходить *poshabit'*. Они вечно пытаются собрать огромную *shoblu*. Вываливаемся на мороз. Успеваю хлебнуть горячего кофе. Перед *sijkoу* прикладываюсь к фляге. Некоторые хи- хикают так, будто впервые видят, как я пью из своей прин- цессы. Классический показатель глупости. Закуриваю.

По классике разговоры сводятся к гениталиям, *perdeju*,

тусовкам, и историям про то, кто-как лишился девственности, кто-кого сейчас насилует, у кого какие проблемы со здоровьем, шрамы, татуировки и прочая чушь. С одной стороны батюшка найдёт тысячу шуток к одному слову, и они смешные, но с другой, иногда хочется просто с кем-то поговорить спокойно о важных вещах. Пофилософствовать там типа немножко, подискутировать, где-то даже вступить в жесткий спор на темках чуть посерьёзнее выделений из чьей-то задницы. Но такое здесь бывает редко. Не стоит забывать, все мы здесь собрались ради крошек хлеба. Несчастливые люди, пытающиеся любым способом отвлечься от действительности.

Ещё вот иногда чувствую, как начинает плавиться мозг; как он начинает предаваться ноткам общего debilizma. Стараюсь держать себя в форме, но в жизни ничего не проходит бесследно.

До часу дня все мои дела: посидеть, попить жидкости, сгонять покурить. С часу начинается веселье, великая и ужасная отгрузка. Вот она, моя работа. Делаем мы её втроем, всего шесть маршрутов со ста восьмьюдесятью магазинами. У каждого по два маршрута, то есть, по шестьдесят магазинов. Время пошло.

Музыка начинает реветь из динамиков и наушников. Работаем в темпе, ускоренного до абсурда, вальсе. Взял ящик одного магазина, собрал картонную коробку, просканировал быстро каждый заказ, распечатал чек, запаковал, отнёс на

паллет нужного маршрута. И так шестьдесят раз. Остаётся десять минут, чтобы сделать реестры. Теперь остаётся позвать слизь, чтобы он начал спускать паллеты.

Внизу шестёрка водил-курьеров. Все в хороших со мной отношениях. Здороваемся. Начинаем прикалываться над слизью, мол, это из-за него косяки и задержки. Когда паллеты внизу – мужики начинают развозить их к своим машинам. Сверяемся с приложенной документацией. Всё чётко. Спасибо мне – верному слуге порядка и логики (в данном случае логистики).

Теперь дело за малым. Нужно отгрузить магазины сегодняшним числом в программе иииии на этом всё, можно снова пинать hui. Только изредка закрываю переполненные ячейки, но такое не очень часто бывает. Здесь все работают медленно, спустя рукава. Пока заказ пройдёт несколько уровней своей сборки; пока он, наконец, дойдет до нас – будет уже слишком поздно. С завалами будет справляться ночная смена. Удачи, пацаны (и одна девчонка).

Выходные. Среда. Читать не хочется, писать не получается. От фильмов и сериалов тошнит. Хочется погулять, но на улице холодно. Решаю прошвырнуться по заезженному торговому центру. Давно хотел прикупить новые джинсы, широкие такие, типа стильные, с заворотами.

В юности я бы никогда такие не надел, запаadlo. Тогда котировались только uzkochi, и чем уже они были, тем круче

ты казался в обществе малолетних debilov. Вся загвоздка заключалась в том, что мода приходит в разные города с разным интервалом. Что появляется в столице, то появится на прилавках в маленьких городках лет через пять в лучшем случае. Поэтому, когда появилась мода на узкие джинсы, то сразу достать их на родине было очень сложно.

Имелось всего два отдела, где можно было приобрести такие «колготки», и оба они имели статус «элитный». Когда тебе 13 лет и ты из обычной семьи, то hui тебе что купят дороже тонны. Это было ясно и тогда. Даже сейчас я не готов отдавать большие бабки за von'yuchiy кусок ткани.

Пацаны моего времени находили альтернативные варианты приобретения подобной джинсы. Один из знакомых, например, покупал дудочки в женском отделе. Он притаскивал с собой подругу для прикрытия, а затем, стоя вдвоем в примерочной кабине, напяливал их на себя. Его худые ляжки – его счастье. Я в это время покупал простые джинсы, а после мне перешивали их в ателье. Выходило тоже не дешёво, но всё равно выгоднее в разы. Бедные знакомые учились перекраивать фасон собственными руками. Уже намного позже дудочки ворвались в масс-маркеты, и все мы начали скупать их, но это было уже не то.

После стольких лет «сжатых в тиски» ног хочется свободы. У меня имелись попытки купить суженные, но более свободные штаны, но jора смотрелась слишком уж громоздко. Пришел звёздный час взять штаны «свободы», чтобы ноги

смогли делать большие шаги, не боясь разорвать ткань в районе oчка и госпожи bucha.

Будний день, но народа не меньше, чем в выходные. В самом центре перед входом играет парень на гитаре. Мало кто задерживается послушать его, зато парочка девчонок снимают импровизированное выступление на камеру, подкидывая монеты. Останавливаюсь чуть поодаль. Мне не нравится такая музыка. Звучит, как солдатский романтизм, но дамочек вставляет.

Создаётся впечатление, словно в этом городе курят все. Сигаретные палочки торчат из ртов разных возрастов и размеров. Наш дым смешивается в общий смог, образуя шапку vonuschei завесы. Ещё несколько лет и начнут делать специальные места-кабины для некурящих граждан. Вот так вот меняются приоритеты.

Может г-о и делает вид, что борется за здоровье граждан: «бла-бла-бла, мы хотим, чтобы вы были сильными и спортивными», но на деле все мы с вами понимаем, зелень от продажи алкоголя и сигарет льётся на п-о рекой, а повышение цен на заразу, как одна из мер борьбы – никак не повлияет на спрос, только увеличит процентный заработок.

Что не говори, а хорошо подымить. Может когда-нибудь смогу перейти на трубку, буду смаковать дым в часы раздумий. Батюшка вот сейчас сидит на такой. Для него это целая наука и традиция. Почистить люльку там, перекрошить табак, правильно типа забить его. А потом долго раскуривать,

поддерживая тлеющие крохи. Звучит очень даже.

Рука сильно замерзает, время запрыгивать в капиталистическое тепло. Перед входом зачем-то поставили металлоискатели. Люди проходят, звенят, как сирены, но охраны и в помине нет рядом. Отлично подстраховались, ребята, прям на одном уровне с метрополитеном.

Протискиваюсь внутрь вращающейся двери, выскальзываю в общий зал. По глазам бьёт огромный экран, рекламируя новую модель телефона. Симпатичный. Правда, всё равно не куплю, спасибо.

Поднимаюсь на второй этаж. Женское бельё, косметический салон, deshmannski отдел одежды, детская (боже мой, до чего мы докатились?) парикмахерская, отдел игрушек, хороший отдел взрослой одежды, но нет нужного фасона, рядом копия предыдущего отдела (только название и расстановка другие), ресторан, отдел часов, снова женское бельё. Круг замкнулся. Делаем выводы: на втором этаже ни черта нет.

Поднимаемся выше. На эскалаторе впереди (и чуть сверху) светят две симпатичные попки молодых девчонок. Ничего не хочу сказать, просто инстинкт. Что-то во мне просыпается, но я держусь подальше от своих мыслей.

Третий этаж. Большой отдел дорогих шуб, магазин приколов, кофейный закуток, дорогая посуда, мир сумок, ножи, ещё один ресторан, органическая косметика, снова непонятный отдел, игровая комната для детей, чьи родители zaebalis`, одежда для ультраправых модников (есть симпа-

тичные модельки, но уж больно дорого), отдел очередных приколов, витрина часов только другой фирмы, ювелирная, снова шубы. Очередной круг дал ровно НИ-ЧЕ-ГО.

Спускаюсь на первый. Здесь в основном всякая техника и выставочные павильоны приколов. Ещё парочка ресторанчиков, а также большая сеть одного из супермаркетов. Вот ещё, кстати, справа салон свадебных платьев, а следом дорогой отдел мужских джинс и костюмов для бизнесменов.

Заворачиваю за угол. На глаза попадает двухэтажный отдел японской одежды. В отчаянии захожу. Первые же ценники на входе очень даже приемлемые. Ныряю в самое сердце отдела. Так, мужской шмот занимает левую часть. Отличные вещи, просто sranaya сказка! Каким я был idiotom, когда игнорировал узконаправленных. Тихо ahuevayu. Теперь можно поискать конкретно pajopashnik.

Не знаю, судьба это или просто удачное совпадение, но на стенде распродаж вытаскиваю идеальные джинсы, прям как хотел, ещё и последние. Мой размер и меньше тонны. Бегу в примерочную. Тут меня встречает густая очередь тел. Ничего не попишешь. Вся наша жизнь в обществе – одна большая очередь. И хоть ты сдохни, а отстоять надо, если действительно чего-то хочешь.

Жарко. Софиты заменяют жар солнца. Сзади меня кто-то встаёт в змейку. Поворачиваю голову в сторону, словно пытаюсь типа что-то рассмотреть или типа думаю, а сам прищуриваюсь. Давай, периферийное зрение, работай на папочку.

В объектив попадает лицо девушки. На мгновение меня пробирает озноб. Да ну паhui?! Не верю я, господу присяжные, в такие приколы жизни. Начинаю наглеть, разворачиваясь к особе.

В наглуую впиваюсь своими маленькими глазёнками в лицо. Она смотрит на меня. Ни один её мускул не дёргается, она просто говорит: «О, привет. И ты тут?» Не могу скрыть своего радостного удивления. Здравуюсь, как какой-то kretin из ситкома. В руках ангел держит бюстгальтер (Mamma Mia!)

Её зовут В. Мы знакомы ещё с мастерских. Были типа одноклассниками. Начинаем болтать по стандартам. Как ты тут оказалась? Самолётом. Давно ли? Около полугода, живу с сестрой. Молодой человек есть? Нет, одна.

Подходит моя очередь в примерочную. Договариваемся словиться на выходе у банка напротив. Фух, вот так поворот, zasranec. Меряю джинсы. Pizdec, просто идеально! Да что за день такой? На меня срочно должен упасть метеорит! Не может человеку столько везти.

Выпрыгиваю наружу. В. исчезла, значит, в примерочной. Бегу на кассу, расплачиваюсь. Боже мой, у этого отдела даже пакетики просто пушка. Симпатичная девушка на кассе клеит маленький фирменный скотч, чтобы zasranec не разошелся, как я со спиртным. Спасибо, ребята с нестареющей кожей, только вот где драконы там и почему не продаёте на кассе дохлых мышей? Вот govno ты tupoe, что несёшь? Ино-

гда кажется, будто у меня психическое расстройство, оно и не удивительно.

Выхожу с отдела, жду В.. Спустя десять минут она появляется. За это время успеваю пораскинуть мозгами и придумать, о чём можно поговорить. Потом мозг уплывает в мир фантазий, где мы уже целуемся, сочно rejimsya, потом В. переезжает ко мне в студию, и вот мы такие счастливые вместе. Она подходит ко мне на моменте, когда я в очередной раз представляю, как вылизываю ей задницу. Я знаю, дорогие присяжные, что снова опускаюсь до своего уровня, это грех, с точки зрения своих же принципов по отношению к данному человеку, но ничего не могу с собой поделать. Гореть мне в аду, но перед этим позвольте насладиться прекрасным.

Болтаем на все темы сразу, начиная от воспоминаний об учебных временах, до последних новостей. Много типа сплетничаем. Пока ходим-бродим, натываемся на симпатичную пирожковую. Заходим. Народа тут немного. Очень вкусно пахнет свежей выпечкой и кофе. Хочу заплатить за неё, но она вежливо отказывается. Вот он, настоящий характер истинной леди.

Впервые за долгое время мне хорошо и приятно. Рядом с В. чувствую себя уютно. Плохие мысли рассасываются. У неё очень красивые черты лица, короткая стрижка, идеально ровные зубки, маленькие ногти, аккуратно покрашенные в розоватый цвет.

Она изменилась. Из умной, красиво-невинной девчонки

превратилась в очень красивую и умную девушку. Вот так вот, хотя времени вроде не так много прошло. Думается, лично я много, что проебал в своей жизни.

В. пишет сестра, ей пора идти. Обмениваемся номерами, обещая друг другу, что обязательно встретимся в ближайшее время. Смотрю на красивый уходящий силуэт. Закуриваю. Да, кажется, ваш верный слуга влюбился. Не могу объяснить это чувство, но вроде такое ощущение, будто я выиграл что-то zaebatое.

Радостно выстреливаю бычком в сторону урны. Попадаю. Сегодня точно мой день.

Январь – насыщенный месяц для продаж. Стартует очень много акций и бешеных скидок, а это значит, что космическое количество людей начнут заказывать кучу ненужной drebedeni.

Наш отдел не исключение. Вчера начальник собирал совещание, предупредив, что нам hana. Ещё он сказал, что мы не сможем успевать делать всё в поставленные сроки, если не увеличим количество людей, а это значит, что каждый из нас будет выходить в чужие смены. Прощайте, выходные деньки.

Много начал вот переписываюсь с В.. В основном пишу ей на обеде, в метро и перед сном дома. Она в курсе моего ближайшего графика, но вроде обещала особо сильно не расстраиваться. Зато я расстроен прилично, но, с другой сторо-

ны, появилась возможность поднять хороший кэш.

Очередной понедельник. Это мой пятый рабочий день подряд. Утро. Признаюсь честно, не думал, что праздники окажутся таким адом. Я подавлен и морально расчленён. В метро на меня смотрят с неприязнью. Походу лакать из фляги в семь утра – моветон. Два часа дорога, двенадцать часов смена. Сегодня еду к ребятам допом. Там такие кадры, что им сам бог не поможет, а я вот помогу, потому как я хороший человек (и плюсом нет другого выбора).

Моя станция. Народа битком. Всё как обычно. Кое-как успеваю добежать до развозки. Дорога. Шлагбаум. Курилка. Не люблю я эту смену, тут почти нет ровных ребят. Раз-два и обчёлся. Чувствую себя не в своей тарелке.

С утра не успел позавтракать, но сейчас особо нет времени. Ящики ломаются от заказов. На некоторых магазинах товар и вовсе лежит на полу. Горы, просто бесконечные завалы!

Сначала помогаю делать регионы. Так надо, а то пацан obosryetsa. Это те самые магазины, что уезжают государственной почтой. Мы все в мыле, но успеваем к приезду курьера.

Десять часов. Город так никто и не начал делать, хотя ставить уже просто некуда. АЛО! РЕБЯТА! ЭТО ВАША ОСНОВНАЯ РАБОТА СЕЙЧАС, А НЕ МОЯ! Я ТУТ ПОМОЩНИК, URODI!

Выхожу покурить, беру кофе. В темпе вальса закрываю

самые бедовые магазины.

Двенадцать часов. Выхожу покурить, беру крепкий кофе. Снова в темпе вальса закрываю переполненные номера, которые не включены в дневную отгрузку. Кто-то должен. Фляга наполовину пустеет. Нужно поаккуратнее, ещё ведь даже не обед. В животе дико бурчит, я выжат как губка, а ещё даже не началась главная часть.

Стартует два часа каторги. Начинается дневная отгрузка. Ребята с этой смены работают так, будто весь мир их подождёт. Завидую их пофигизму, но это, скажем так, прилично раздражает. Я слишком ответственный и точный.

С виртуозной скоростью закрываю свои маршруты. Приходится буквально бегать за чеками к принтеру, чтобы по итогу опоздать не максимально жестко. Когда заканчиваю свою часть работы, у ребят оказывается сделана только половина. Выхожу покурить, беру кофе. Возвращаюсь, начиная закрывать магазины этих oluhov. Они опаздывают на сдачу маршрутов. Неслыханный pizdec, но ребята вообще не напрягаются. Благодаря мне ситуация чутка стабилизируется.

Обед. Мои руки трясутся. Есть особо не хочется. Откусываю пару раз от бутерброда, выкидывая львиную часть. Выхожу покурить, беру кофе. Возвращаюсь.

Снова нужно закрывать магазины, которые осточертело переполняются заказами. Сейчас уже без временных ограничений, но поток заказов льётся со всех дыр. От сборщиков большие заказы, от приёмщиков единички, от отдела, кото-

рый исправляет косяки, прилетают потеряшки.

Вообще на складах постоянно что-то «теряется». Тут частенько воруют. Я это знаю наверняка, так как сам являюсь одной из многочисленных крыс. В своё оправдание, дорогие присяжные, могу сказать, что я беру нужные мне книги только из ящичков интернет-магазина. Чтобы вы знали, это такие ящики, куда скидывают всевозможный брак, который уже нельзя продать. Его складывают в эти зелёные гробы, а когда они заполняются, то просто руки уносят сокровища в общий уголок, где бедолаги стоят и с ними ничего не делают. Так что, своего рода я – герой, который спасает экземпляры, латает их и с удовольствием читает.

Spizdit` тут также просто, как и не красть. Охрана на пропускном пункте шманает сумки, вот только смотрят блюстители порядка основной отдел. Это смешно. Оригинальные ребята выносят товар в дополнительных карманах, трусах сзади, в трусах спереди. Некоторые гении умудряются просто зажать книгу в подмышке под курткой, проще некуда. Здесь воровство – не воровство, а так, премии. Начальник достаточно ушлый, так что hgen ты получишь лишнюю монетку за старания. Приходится выживать.

Девятнадцать часов. Я так и не поел. Один только кофе. Хорошо, что завтра долгожданный выходной. Не дожидаясь развозки и ни с кем не прощаясь, ухожу. Нужно добрести до дома и просто завалиться. Утро вечера, как говорится.

До метро добираюсь пешком. Нужного троллейбуса не до-

ждаться. На улице удивительно приятная погода. Темно. Ничего не режет глаза. Завтра просплю весь день, а вечером позову В. погулять, если она, конечно, не против.

Курю перед входом в метро. Хочется ещё немного насладиться таким прекрасным вечером. Пора. Нырять в распахнутые двери. Спускаюсь. Одному скучно, да и читать нет сил. Втыкаю наушники, самое время послушать что-то новогоднее. Врубаю Ф.С..

Сажусь в вагон поезда. Двери закрываются, в наушниках начинает играть Let it snow:

Погода на улице ужасна,
Но огонь в камине так восхитителен!
И так как нам некуда пойти,
Пусть идет снег, пусть идет снег, пусть идет снег!

Похоже, что снегопад и он не собирается прекращать
И я принес немного кукурузы для попкорна
Огни потухают
Пусть идет снег, пусть идет снег, пусть идет снег!

Когда мы целуемся на прощание,
Как мне не хочется выходить в эту метель,
Но если ты покрепче меня обнимешь,
Всю дорогу домой мне будет тепло!

На мгновение перед глазами и в голове темнеет, дыхание сбивается, руки немеют, а в ушах возникает ужасный глухой писк. Становится безумно страшно. Не понимаю, что происходит. Моё сердце ломает грудную клетку. Я умираю?

Пытаюсь сообразить, где я. Ещё половина пути до следующей станции. Пытаюсь держаться, обратиться к кому-то стрёмно. Тут каждый сам по себе, да и что эти люди сделают?

Проходит вечность. Почти ничего не вижу, в глазах одни колики. Неужели у меня сердечный приступ? Поднимаю руки – всё в порядке.

Открывается дверь. Я очень мутный, наверно со стороны похож на пьяного. Кое-как волокусь к эскалаторам. Боже, какие они высокие, но идти нету сил. Ещё немного и у меня взорвётся мотор. Я в панике. Что же делать? Поднялся. Лавирую на улицу.

Свежо, тяну носом воздух. В глазах немного проясняется, вроде получше, но сердце просто обезумело. Умирать не хочется, ведь жизнь только началась. Мне не столько жалко себя, сколько родителей. Я ничтожество, но они ничем не заслужили горя.

Иду в сторону аптеки, но не решаюсь зайти. Стою. Как назло, навстречу идёт чел с моей смены, зовут его «сынок». Он прётся с девушкой в сторону кинотеатра. Видит меня. Здоровается, спрашивает, что я здесь делаю. Говорю ему «умираю», и что бы он проваливал паһуі. Он ещё раз спрашивает, точно ли мне не нужна его помощь? Утвердительно киваю.

Пытаюсь придать себе вполне адекватный вид, но ужас в его взгляде и глазах его девушки говорят об обратном.

Лучше не становится. Захожу в аптеку. Тут люди-покупатели. Беру себя в руки, терпеливо стою и жду. Когда все уходят, подхожу к окошку, где женщина постарше. Вежливо и спокойно объясняю ситуацию. Она предлагает мне validol. Учтиво беру его. Мне жарко, стягиваю куртку, присаживаюсь на стул. Мне то становится лучше, то снова бросает в дикий жар. Мой мозг настолько растрепался, что не знаю даже о чём думать.

Родителям звонить нельзя, у мамы и так не самое крепкое здоровье. Разнервничается и может стать ещё хуже, чем мне. Да и чем она поможет за столько тысяч километров? Только зря панику сеять. Р. на работе, да и не ринется он ко мне.

Пишу ангелу. В. – мой последний шанс. Набираю глупость, типа спрашиваю «что делаешь?» Гуляет с сестрой, вышли ненадолго подышать воздухом. Отвечаю, что прикольно так да, привет сестре. Следует встречный вопрос, отвечаю честно, что умираю от чего-то и не знаю, что делать. В. сразу же спрашивает адрес. Она говорит, что скоро за мной придет. Сначала пытаюсь отговорить её, но не особо настойчиво. Сильная девочка, ничего не скажешь.

Через пятнадцать минут мои героини врываются в аптеку. Сестра В. Вызывает скорую. В. держит меня за руку, успокаивает, просит всё рассказать. Я повинуюсь, вкратце описывая свой день. Она говорит, что я glupiy и безответствен-

ный. Ещё она говорит, что со мной всё будет хорошо, и я ей верю. Мне становится даже лучше, рядом с ней я чувствую спокойствие. Теперь сложившаяся ситуация мне не кажется такой патовой.

Её сестра выходит на улицу, возвращаясь уже с фельдшером. Медработник уводит меня в машину скорой. Там сидит очень милотидная пухленькая женщина. Мне задают вопросы. Честно отвечаю. Мне сразу ставят диагноз: переутомление.

Снимается кардиограмма. С сердцем всё хорошо. У тебя, сынок, запредельное давление. Мне дают горькую таблетку и просят страховой, который удачно оказывается во внутреннем кармане.

Пока лежу и рассасываю горечь, со мной разговаривают. Просто общаются на разные темы, мне становится лучше на глазах. Говорят, что я сам загнал свой организм в такой трип. Эта милая женщина-врач все время называет меня зайкой. Успокаиваюсь, но теперь абсолютно без сил. Мой организм выбился, потратил много энергии на стресс.

Мне говорят, чтобы я пришел домой, принял приятный тёплый душ и ложился спать. Никакого зеленого чая, никаких сигарет, только отдых. Ехать ни в коем случае не под землёй на червяках. Я очень благодарен этим ребятам, правда. Не думал, что чужие люди могут быть настолько человечны. Мне очень хорошо типа на сердце. Рассыпаюсь в тысячах благодарностей, покидаю карету.

Рядом с аптекой меня ждёт В.. Я ей улыбаюсь, она улыбается мне в ответ. Всё хорошо. Пересказываю путешествие дословно, делюсь эмоциями. Она рада за меня и говорит, что проводит до дверей дома. Так точно, мэм. Заказываем такси. Конечно, не дешево, но в любом случае лучше, чем спускаться сейчас туда, откуда я чудом вышел.

Подъезжает белоголовка. Садимся сзади. Я говорю В. Слова благодарности, она держит меня за руку. Её пальчики нежно гладят внутреннюю часть моей ладони. Ужасно тянет в сон. Неожиданно начинает побаливать мочевого пузыря. Вспоминаю, что за весь день выпил нереальное количество жидкости, а перед уходом не сходил в уборную.

Наивно полагаю, что смогу дотерпеть до дома, но в эту секунду я слишком самоуверен. Вечерний город всегда перегружен транспортом. Подсаживаюсь на новую измену. Ёрзаю. В. смотрит на меня вопросительно, я только пожимаю губами.

Желание перевешивает приличия. Прошу водителя сделать где-нибудь остановку, чтобы я мог справить нужду. Рассказываю и водителю, и В. всю ситуацию в форме шутки, а сам вот-вот *obossus*'. Водитель обещает найти мне самый ближайший толчок, с кем не бывает.

Каждая минута превращается в ад. Мочевого пузыря ужасно болит. Спустя десять минут тридцать пять секунд заезжаем на заправку. Кое-как умудряюсь выйти наружу. Иду быстро маленькими шажками. Ныряю в туалет. Моча выходит

медленно и больно, я выпускаю её и плачу. Господи, как же мне плохо. Это продолжается бесконечные две минуты.

Мою руки. Смотрю на себя в отражение. Ужасно бледное лицо, ещё и впавшие глаза. Смотря на лицевой кошмар – обещаю бросить пить. Так больше нельзя. Можно и в могилу раньше времени свести своё жалкое тело и несуществующую душу.

Выхожу, низ живота всё ещё сильно болит. Оставшуюся дорогу едем молча, только рука В. снова меня держит, даруя умиротворение.

Расплачиваюсь с таксистом наличными. За его человечность даю в два раза больше положенного. Таких как ты мало, мужик, спасибо. Идём с В. за руку к моему дому. Поднимаемся, предлагаю зайти в гости, да и вообще поздно, оставайся у меня. Она говорит, что надо подумать. Через минуту она соглашается, ведь я пострадавший, за мной нужен глаз да глаз.

Идём в душ по очереди. Выдаю чистое полотенце. Пью воду, она пьёт чай без сахара. Перекусываем бутербродами с humusom, которые я сделал на скорую руку.

Ложусь с края своей большой кровати. В. выключает свет, проскальзывая рядом. Мы немного болтаем о всяком. Неожиданно для самого себя говорю В., что походу влюблен в неё. Она ничего не говорит, просто нежно целует меня в губы. Чувствую её тёплое дыхание. Продолжаем целоваться, моё сердце снова ускоряет свой шаг, но рука В. гладит мою

грудь, и я в сотый раз нахожу в этом умиротворение. Незаметно для себя засыпаю...

Во всей этой истории есть хорошие и плохие стороны. Во-первых, я узнал, что у меня проблемы с эмоциональным перегрузом. Загнал себя окончательно, теперь нужно относиться более бережно к организму. Во-вторых, В. переехала ко мне. Теперь мы вместе. Я её люблю и всё такое. Первым же делом отказался от всяких приколов. Больше никаких vodnikov, djointov. Даже типа пить бросил, только изредка позволяю парочку бутылок пива, но это очень редкая тема.

Ещё пришлось вот уволиться со склада, потому как я реально zaebalsya. Так вся жизнь может пройти, а я не сдвинусь с мёртвой точки. Кому это надо, спрашивается? Теперь уж точно не мне. Сейчас можно отдохнуть недельку-две и браться за что-то серьёзное. За что именно, толком сам не знаю, но движение – это жизнь, иначе никак. А денег на первое время хватит. Такие дела.

Я не верю в карму. Можно сказать, вообще ни во что особо не верю. Так, иногда, когда совсем уж приспичит. Минутная типа слабость любого цивилизованного человека. Все мы, как говорится, грешные mudaki.

Но вот незадача, после всех своих маленьких шалостей я думал, что, наконец заслужил отдых, понадеявшись, что в ближайшее время сюрпризов не предвидится. Открыв глаза

после двенадцати часов, вижу под боком свою любимую маленькую женщину. Вроде всё прекрасно. Но стоило взять телефон в руки, как на экране высветилось сообщение от домовладелицы: «Здравствуйте. Извините, что пишу вам так неожиданно. Я думала, что смогу решить проблемы со своей квартирой в центре, но с прискорбием вынуждена вам сообщить, что не смогла. Попрошу вас найти себе новое жильё в течение недели. Если что, то вы всегда можете положиться на мою помощь. Обращайтесь с любыми вопросами».

Vlyat`. Покой нам только снится. Недовольно ворчу, вздыхая. В. просыпается, спрашивает, чего случилось? Даю телефон с сообщением. Она очень спокойно реагирует на большие волны. Начинает типа подбадривать меня тем, что мы, мол, и так хотели переезжать из глуши ближе к центру. Это правда, но я не думал, что этот день настанет так скоро.

Иногда я бываю одержим какой-то идеей. Порою мною овладевает зацикленность. Мы идём в душ, чистим зубки, завтракаем. Сразу же начинаю собирать вещи. Вытаскиваю имеющиеся сумки, сортирую одежду. В. смотрит на меня, констатируя мою параноидальность.

К вечеру следующего дня вещи уже упакованы. Самыми последними были сложены книги. За время, прожитое здесь, их скопилось не мало. Плюс В. привезла свои. Просто так их не утащить. В строительном магазине поблизости от дома покупаю связку коробок, скотч и нож. Литература влезает в шесть квадратных гробиков. В ещё две коробки мы склады-

ваем посуду и всякие приколы, типа мёда там, каких-то специй, игрушки из шоколадных яиц и т.д.

Теперь в углу склад из коробок, сумок на колёсах, спортивных сумок в клетку (будто мы торговцы с рынка 90-х), и ещё свалка из толстопузых шопперов. Кроме всего перечисленного имеются рюкзаки с ноутами и прилегающим мелким барахлом.

Остаётся последний вопрос: куда это всё перевозить? За короткий временной отрезок мы не нашли нового съёма.

У меня созревает один плохишовый план. Р. и К. очень удачно собрались почилить в другой стране. Их не будет неделю, а за недавно приобретённым котёнком может присмотреть только близкий человек. Они, конечно, хотели попросить подругу К., но та слилась, это мне Р. по секрету рассказал. Иду на переговоры один. Дарю бутылку вина, наигранно восхищаясь рассказами о предстоящем путешествии. После соблюждённых прелюдий мне официально предлагают поухаживать за пушистым комочком говна.

Ой, да-да, я тронут бла-бла-бла и всё такое. Пока К. отходит *posikat`*, а может и *rokakat`*, я вкратце рассказываю Р. сложившуюся ситуацию. Он шепчет мне, что К. может и не одобрить мой план, но кто узнает? Я ведь могу жить у них тайно.

К. заходит на кухню. Р. протягивает своей женщине бокал вина. Лицо у неё немножко покрасневшее, хороший знак. Тем временем я, как-бы между делом, говорю о переезде.

Начинаю врать по наитию. Говорю, что жить с В. будем пока там же, но нам очень нужно освободить всю квартиру, чтобы хозяйка могла вернуть залог, на который мы снимем новое жильё, сама квартира типа найдена, поэтому, дорогая К., можно я у вас оставлю свои вещи и буду непременно приходиться каждый день, чтобы можно было накормить котёнка и поиграть с ним? К. устраивает такой вариант, всё на мази. Разливаем остатки дешевой кислятины, все счастливы.

Время делает быстрый «вжух», и вот мы уже живём на хате друзей. Немного нервно, но что поделаться? Наша неделя побежала!

Проносится больше половины срока. Мы клацаем телефонами, как не в себя. Варианты, которые нас устраивают – уходят из-под носа.

Отчаяние берёт надо мною верх. В мыслях начинаю соображать, как бы теперь сказать правду К.; как уломать её на пожить у них в доме и после приезда? Но, аллилуйя! Пушечная студия на зелёной вете типа выныривает в реальном времени! СРОЧНО, ДОРОГА КАЖДАЯ СЕКУНДА!

Трубку берёт женщина, голос приятный. Соглашаемся приехать в этот же вечер. С первого взгляда прихожу в восторг. Новая домохозяйка оказывается не хуже предыдущей. Подписываем контракт, отдавая львиную кучу денег.

На следующее утро начинаем понемногу перевозить барахло. Одна ходка – два часа езды туда и обратно. Принимаем решение временно не перевозить книги, успеется.

Пусть пока у лучших друзей полы занимают. Всё происходит так быстро, с такой энергетической отдачей! Я выжат, даю в остатке число pi, мысленно добавляя zdes.

К моменту приезда К. и Р. – нас уже и след простыл. К. спрашивает, как мы обосновались на новом месте? Отвечаю честно: всё супер. Уже сделали первую нашу уборку, расставили вещи по новым местам, полазали по углам там. Единственное разочарование – робот-пылесос. Точнее, это должна была быть радость, но он почему-то не заработал. Студия – это место, которое можно помыть одним взмахом тряпки с одной точки, но всё же...

Сдаю ключи, мне дарят крутую открывалку для пива, и я уезжаю в свой новый дом.

11. Богатый доставщик еды

Дом, милый дом. Мне и В. повезло. Живём в пяти минутах от метро с набережной по соседству. Здесь типа симпотно. Не сказать, что прям супер, большая часть домов – карлики прошлого столетия, которым не хватает капремонта. Ещё много подозрительных лиц, а чтобы попасть на площадку жилого комплекса, нужно пройти небольшой сквер с грязным проулком, где тусуются viserki.

Вчера возвращались поздно ночью из кинотеатра. Ходили на забавный мультфильм, там ещё типа... чёт уже nihuya

не помню, не суть. Вообще весь день был очень милым и романтичным. Мы шли под покровом матушки-ночи. Поравнявшись с грязным переулком, послышался оглушительный звук железа со смесью звона стекла. ТЫЩ! ТЫЩ! БРЫЗГ! ДРЫЗГ! А затем мерзкий голос люмпена: «ДОБРОЙ НОЧИ, ДОРОГАЯ! ДОБРОЙ НОЧИ!» А затем снова: ТЫЩ! ТЫЩ! БРЫЗГ! ДРЫЗГ! А стёкла всё звенят и звенят. Вот тебе и спокойный райончик.

Один копн не может испортить общего впечатления, но всё же неприятно на такое наткаться. Раньше, может, меня бы это прикольнуло. Хотя лучше буду честен, и в этот раз меня это позабавило, но уже как-то не так.

Сам жилой комплекс мне нравится. Постройка новая, приятная такая на глаз. Два дома мини-ансамбля стоят на возвышенности в один этаж, поэтому сначала нужно подняться по лестнице, а когда поднимаешься, тебе открывается большая площадка благоустроенного двора. Детские приколы, трава, цветочки, всё типа obosrat'sya как красиво.

Сама студия по документам такая же, как и бывшая, 24 квадрата, но имеется свой rod'ueb. Коридор больше, нет перегородки между кроватью и кухней. Из-за подобных мелочей мы словно живём впритык, но меня это не прям напрягает.

Другое дело – отсутствие работы. Времени прошло мало, знаю, но всё равно начинает злить тот факт, что деньги на карте только и делают, что тают. Иногда лежу на своей по-

что удобной кровати, смотрю в потолок и выдумываю всякие фантастические забавы, как можно было бы поднять babla. Вот некоторые из них: дизайн футуристического зонта, фирма по производству дизайнерских футболок, где главный декор – пуговицы, продажа редких и дорогих книг, которые я отыскиваю во всяких букинистических за копейки, открытие частной школы по рисованию и живописи.

Можно было продолжить фантастический перечень идей, но на них бабок не поднимешь. Сначала я воодушевился новой страницей жизни. Думал изучить всякие там приколы, подтянуть знания и работать по профессии, но сейчас понимаю, я странный ребёнок. Мои вкусы слишком специфичны. Тут быть или гением-индивидуалистом, либо не лезть на большой рынок, где есть уже сотни тысяч умников, которые умеют продавать свои jori, обмазанные мёдом.

Соглашусь, ситуация неприятная, но не неожиданная. Я всегда знал, что так оно, приблизительно, и будет. Теперь рвать волосы на голове нет смысла, учитывая, какая потрясающая у меня шевелюра.

Другое дело В., она нашла себя быстро. Работает графическим художником прямо не вставая с кровати. Она типа отрисовывает всякие приколы для телефонных игр и не только, ещё всякие промо-рекламы, баннеры...

Я бы не стал называть себя хранителем классических традиций. Nahui их. Но всё же zahkvarno, когда твоя женщина приносит бабки в дом, а ты tupoe bidlo.

Очень много времени трачу на пролистывание вакансий. Работа меня, увы, сама не ищет. На всякий случай пролистываю стену в группе, которая посвящена воркам. Тут вообще уж как-то странно. Объявления выкладываются hui пойми кем. На парочку откликаюсь, даже пишу в личные сообщения на страницу, но пока молчок. Мутная темка, но я не собираюсь сдаваться.

Пока мне самому нечего делать, отвлекаю В., пытаюсь всячески привлечь её внимание к себе. Мне лень куда-то ездить просто так, поэтому в мою ежедневную привычку вошло наматывание кругов по территории. Дешево и сердито. Пока накручиваю себя в прямом смысле слова, получается много пораскидывать мозгочками. Возобновил вот свои risul'ki на разные темы, а ещё наворачиваю стишат. Вот этот, например, я написал сегодня после того, как съел на обед старые макароны и два jirnih купата:

Среди толпы непроходимой,
среди улочек вульгарных без ворот.
Всё слышатся знакомые крики
воронов без клювов и бород.

Здесь бродится бесцельно и легко,
без задних мыслей розовее,
воспоминания воскресят
девичье лицо, как след

о потерянных когда-то вождельнях.

Здесь день – за два,
воспринимается за три же,
но несмотря,
минуты тают вопреки.
Так слёзы юности внутренней вражды
раскрываются тоскою откровенной.

Тишина же здесь,
в контексте голосов (в сравненье),
куда громогласней и сильней.
Ей упиваются ночью дети
с погубевшим обезличенным нутром.

Так быт людей и кружит до могилы.
Через череду сомнений,
через плеяду неопознанных теней.
И на вопрос: куда поехать дальше?
Послышится смиренный хор дождей.

Не дурно, а? Редко, но метко. Жаль, никто не услышит
и не увидит мои стихи. На это много причин: поэтическая
форма мертва, теперь она стала пародийным рэпом (в ред-
ких исключениях), я слишком застенчив (да-да, господа при-
сяжные, не удивляйтесь), а ещё это просто никому не надо.

Вот и получается, что почеркушки выводятся чисто позабавить себя.

Мама мне рассказывала, что, когда папин брат заебсал чилить в обществе и свалил, попросив в своей записке не искать его, то в личных оставленных вещах у него нашли целую кучу стихов и прочих записей. Может, некая форма графомании передалась и мне? Кто знает... Гены чего-то, да стоят, ведь не может быть спираль ДНК оказаться просто fufлом.

Уже не в первый раз мне попадают две странные вакансии. Должность беспонтовая: нужно быть типа курьером. В первой вакансии предлагают быть курьером книг, а во второй доставщиком pizdatoy еды. Объединяю две эти вакансии не просто так. Во-первых, у них одинаково высокая зарплата, около восьмидесяти тонн (и это без учёта обещанных премий). Во-вторых, график 2\2 (это вообще из разряда фантастики!) Ну и в-третьих, на двух этих (якобы разных) вакансиях указан один и тот же номер.

Первая мысль, которая посещает каждого: «тут что-то нечисто, какая-то загогулиная huita». Следующая мысль (уже моя) – соблазн. Такая типа чистая, полная наивности, уверенность, что чудеса всё же бывают. Третья мысль: стыд за вторую. Алё, ты ведь взрослый мужик, пошел в jору! Но когда у тебя больше нет вариантов; когда ты немного отчаялся, то вторая мысль преобразовывается не в лживую уверенность, а во фразу: «можно и попробовать, чем чёрт не шутит?» Признаюсь, я уже давно сохранил номер. Каждый

раз, когда после обеда хожу по часовой стрелке, и даже когда сижу в тепле, листая вакансии, каждый раз я думаю о том, чтобы позвонить и просто узнать в чём прикол. За что такой большой кусок? Подвох обязательно должен быть, но самостоятельно можно только строить безумные, зачастую, беспочвенные теории заговора. Новая идея приходит быстро: возможно никто не возьмёт трубку и окажется, что это новый вид мошенничества, где с моего счёта спишут кучу денег. Вот и вся романтика. Звучит крайне логично, но всё же ребёнок, который живёт во мне, активно сопротивляется, поэтому обещаю сам себе, что обязательно позвоню ровно через неделю, если ничего не смогу найти достойного. Неделя пошла.

А пока вот ещё одна моя запись. Скажем так, моя заметка ОСНКА:

Мантра неунывания

Я родился. Жизнь – уникальное поле для познания. Я живу, и у меня есть всё для того, чтобы познавать и быть познавательным: глаза, уши, руки, ноги, а если бы их не было, то у меня есть мозг и мысли в нём, которые по своему размеру и возможностям сопоставимы с космосом.

У меня будет получаться то, к чему я прикладываю усилия. Сила движет цели, и если я захочу, то буду сильным.

Я – маленький, незаметный элемент для вечно меняющейся вселенной, но я значимая фигура для самого себя, а

возможность это осознавать – большой дар.

Я смогу проползти по грязи много тысяч миль и выползу на поле, усеянное ягодами, где дождь смое с меня грязь, а если не смое, то грязь станет мне кожей и моей защитой.

П.С.: повторять три раза в день после завтрака, обеда и ужина.

Вот бы ещё научиться следовать собственным словам.

Неделя прошла. Вакансия секретаря обломалась. Трубку никто не взял. Так и думал, не стать мне подстилкой у богатой перхоти, но вариант был вполне годный. Эта тётка даже не представляет, какого секси-помощника упустила, да ещё и умного, такого славного мальчугана. Ладно, проехали.

Уговор я помню. Себя мы не обидим, нет-нет-нет. И пусть весь мир подавится. Мы, как-никак, относимся к звериной фауне. И если выбирать между собой и людьми – я выберу себя. Другое дело родители и любимые люди. Я бы мог пожертвовать собой ради них, но в мыслях надеялся бы, что потом молва о «маленьком герое» ходила бы ещё несколько столетий. Звучит pizdato, но отдаёт ноткой эгоцентризма. Такой уж я, простите.

Я ничего не потеряю от одного звонка, а значит, нечего и бояться. Тебя никто не видит, ты никого не видишь... У тебя есть красная кнопка, чувак, в любой момент можно прервать разговор, не объясняя причин, а затем добавить в чёрный список, и готово. Я всё знаю это, но всё же не люблю звонить,

вся эта тема волнительна для меня. Сам себе часто удивляюсь, как во мне уживается столько *spanuh* противоречий?

Выхожу на улицу. Свежо. Прежде, чем набрать номер, выкуриваю сигарету. Понимаю, что нужно было звонить и курить. Достаяю вторую. Идут гудки. На третий «бип» воцаряется тишина, а затем приятный женский голос вежливо приветствует вашего верного слугу.

Неожиданно и странно. Так быстро и так... естественно, что ли, словно номер не для мутных вакансий. Здравуюсь в ответ дрожащим голосом. Сразу спрашиваю, свободна ли ещё вакансия богатого доставщика книг или еды. Женщина с той стороны трубки ухмыляется моей формулировке. Спрашивает, а чего я сам больше хочу? Сразу отвечаю, что книги, я ведь не *spaniu* уличный официант. Приятный голос отвечает, что вакансия ещё свободна, но теперь ей нужно кое-что узнать про меня. По привычке киваю, затем с задержкой передавая кивок словесно.

Дамочке с того конца необходимо знать мой возраст, рост, приблизительное место проживания, и чем вообще по жизни занимаюсь. Она просит выслать электронный адрес, на который она отправит анкету. Прощаемся.

Спустя полчаса женщина-координатор присылает ответный «блымс». Становится радостно, хоть и очень волнительно, словно наладил контакт с пришельцами, учитывая, сколько много раз меня опрокидывали другие *radly*. Чёртовы технологии. Любой *chmoshnik* может сбросить тебя, за-

кинуть в чёрный список, даже не удосужившись послать на три буквы, может и на пять, не важно.

Залетаю домой. За компьютером сидит В. В той же позе, вся такая сосредоточенная на работе красотка. Запрыгиваю на кровать как пёс, начиная вылизывать ей нос и щёки. Она смеётся, отбиваясь от мерзкого меня. Спрашивает, чего это я такой шабутной и веселый? Делаю таинственный вид, а потом блею, что, мол, ещё рано говорить, скажу, если всё будет на мази.

Открываю почту. Горит одно входящее сообщение с анкетой в формате Word. Не самый удобный формат для вписывания ответов, учитывая, что пустые окошки с чёрточками всё время норовят съехать. Типа начинает плясать весь текст, что ваша бабка на юбилей. Перечень вопросов стандартный, хоть местами проскальзывает странность, на которую можно закрыть глаза.

ФИО. Дата рождения. Место проживания на данный момент. Рост. Вес. Комплекция? Образование. Опыт работы. Удобные дни работы. Удобный часовой отрезок?

Кто blyat` составлял это? Тут ещё с десятков странностей (и чем дальше, тем хлеще), но заднего давать не хочется. Честно отвечаю и честно вру в нужных местах. Тут я подмигиваю зрительному залу, типа знаю правила игры, да? Suchata...

Заканчивается анкета просьбой прикрепить фотку в полный рост, можно в одежде. Спасибо и на этом, хотя никогда не бывает лишним посвятить добром.

Листаю свои фотографии. Вроде тут симпатно вышел, да и как раз во весь рост. Прикрепляем-Сохраняем-Извращенцам отсылаем.

Теперь осталось только дождаться ответа. Не знаю, как быстро это будет, но надеюсь, меня просто наберут.

На четвёртый день телефон раздражается звонком. Знакомый женский голос говорит со мной. Он спрашивает меня, удобно ли мне сегодня прийти на собеседование? Отвечаю утвердительно, ведь мне реально больше некуи делать! Девушка сообщает, что ровно в шестнадцать часов за мной подъедет чёрная иномарка, прямо к метро. Она укоризненно добавляет, что водитель подъехал бы и к моему дому, но точный адрес ваш верный слуга зајорил в целях безопасности.

Я не настолько idiot, чтобы говорить своё точное место проживания, зато настолько, что сразу же соглашаюсь на такую странность. Заедет машина? На собеседование? Где вы пакуи такое вообще слышали?! Звучит фантастично, но что поделать?

Шестнадцать часов ровно. Стою у метро. Подъезжает нужный номер. Редкие прохожие смотрят на меня с завистью. Всё из-за дорогой тачки, в которую усаживаю свои булки. Заваливаюсь на заднее сиденье. Не то, чтобы у меня какие-то предрассудки к водителям, просто так киношнее. Водитель вежливо здоровается. Немного нервничаю, пытаюсь шутить. Точнее, под соусом шутки выказываю опасения. Ти-

па: «какая интересная у вас организация, впервые на собеседование еду в дорогушей тачке. Такое чувство, что я еду на сделку по продаже своих внутренних органов».

Дядька улыбается. Он говорит, что его наниматели подобными вещами не занимаются, что я могу быть спокоен за свои внутренние органы. Когда пытаюсь продолжить тему, да и просто узнать, чего же такого особенного в этой таинственной организации, то дяденька учтиво обрывает. Такие вопросы обсуждать не в его компетенции, а на машине везут, потому как офис находится за городом.

Компания относительно молодая, типа они ещё не появились на картах (pizdej?) В общем, hren люд сможет найти базу самостоятельно. Меня такой ответ устраивает, расслабляюсь. Оставшееся время в пути едем молча.

Проходит минут двадцать. Едем уже за чертой города. Интересная тут местность. Обычно за городом встречаются дачные дома, постройки всякие, а тут лысик сворачивает куда-то, затем ещё раз, и вот четыре колеса мчат по прикольному горному ландшафту. Проходит ещё минут десять (да, я посматриваю на часы, не зря ведь надел).

Среди симпатичных деревьев, сразу за очередным поворотом открывается двухэтажное здание с очень кричащим красным цветом. Панорамные типа окна на первом этаже и маленькие на втором.

Водитель останавливается.

Внутри pizdec какое стильное пространство. Сразу же

встречает металлоискатель. Меня просят сдать телефон на время собеседования. Прохожу рамку ещё раз – ничего нет. Первый этаж посвящен персоналу и *chilovim* зонам. Замечаю огромный телевизор с приставкой. Ребята хорошо устроились. На секунду может показаться, будто некоторые работники здесь и живут.

Дядька передаёт меня симпатичной девчонке. Ну как девчонке, ей на вид лет тридцать, постарше меня будет. Она очень приветлива, но голос, который был в трубке, не её.

Поднимаемся на второй этаж. Перед (серьёзного вида) дверью расположен столик с пк. Сразу смеаю, тут типа секретарша главного чела. Прикольно, все как в кино, а в кино, как в жизни.

Свеженькая дамочка номер два здороваётся со мной, ага, теперь голос узнаю. Подмечаю ей этот факт, что, мол, значит, с вами я базарил, уважаемая? Она утвердительно давит лыбу. Просит присесть на стильный диван ожидания. Сейчас крутой дядя скоро освободится. Слушаюсь. Через минут пять приглашают войти. Делаю глубокий вдох и, поехали!

Я ожидал увидеть мужичка в очень приличном возрасте, как минимум седого и морщинистого, но за скромным столом сидит молодой пиджак, которому кое-как перевалило за сорок. Смугловатый типа, коротко подстриженный, ухоженная борода такая. Некий а-ля М-а в современной обёртке. Впечатление оставляет приятное.

Вежливо здороваемся.

Мистер Э. (так его зовут, а «мистер» это уже моё ребячество) интересуется, как я доехал. Спасибо, дядя, с комфортом. Э. очень занятой hren, его мобилка постоянно разрывается звонками. Мистер дядя Э. спрашивает меня, какие у меня вопросы? Пробегаюсь по базе: почему так много платят, и что это за еда и книги такие? И да, почему в одном месте еда и книги? Вы чё, пивнушка у моего дома в деревне?

Э. начинает со слов: «я буду с вами честен», а далее рассказывает, что его бизнес достаточно специфичен по сравнению с привычным рынком. Основные клиенты – obosrat'sa какие богатые hreny. Основной товар поставки толстосумам – книги там разные и некоторые ингредиенты для готовки еды, но эти приколы не какая-то huita, а очень редкие экземпляры, некоторые из которых, можно сказать, нелегальны. Что-то из разряда мяса черепахи из красной книги и приколы усатого Чаплина, подписанная им лично. В общем, редкие штучки, на амазонках такого не найдешь. Коллекционеры ликуют, засовывая от предвкушения грязные лапки в трусики.

Э. говорит, оборот товара большой. Тут крутятся большие бабки, а риск для курьера минимальный. Весь товар запечатан плотненько, мне не будут говорить, что там. Доставщику знать не надо. Меньше типа знаешь – лучше спишь. В случае чего – ручки чистенькие, да и связи у Э. крайне обширны. Свои люди всегда находятся под заботливым крылом. Указанная зарплата в объявлении – только часть. Бедствовать,

сын, не будешь. Единственное условие – подписать документ о неразглашении.

Я опьянён. Звучит всё супер! Наконец-то достойная работа. Когда мистер-дядя спрашивает, согласен ли я на движуху (детали обсудим с моим куратором), то я смело и гордо даю утвердительный ответ. Жмём руки, Э. связывается с soskoу за компом, чтобы та отвела на оформление.

Спускаюсь на первый этаж. Девчонка за ресепшеном ответственная за персонал. Она просит мой паспорт, вбивая инфу в тонкий экран. Когда протягиваю трудовую книжку – получаю отрицательный кивок. Тут таким не пользуются. Понятно. Вот и договор о неразглашении подоспел и ещё куча бумаг. Везде, где галочки, подписываю.

Далее меня знакомят с непосредственным куратором. Молодой мужичок, я бы даже сказал, парень. По каким-то внешним деталям похож на Э., не удивлюсь, если они родственники. Имени он не называет, просит обращаться к нему: «Куратор-3». Забавно. Пусть будет названием к фантастическому фильму 80-х годов.

Он начинает объяснять, что одеваться я должен по-простому. На мой телефон будут приходить смс-ки со скрытого номера. Там будет указан адрес и место, откуда надо забрать товар, а ещё через небольшой промежуток (всё это время я должен буду просто бродить в ожидании) придёт адрес доставки. Моя задача – вручать товар указанным людям. Без приветствий и разговоров. Отдал – ушел. Всё.

Зарплата без авансов. Один раз в месяц на руки. Без всяких там воровских процентных списываний. Последняя деталь, «название к фантастическому фильму 80-х годов» отходит, а возвращается уже с сумкой доставщика еды, даже с лого подставной компании.

Спрашиваю, нельзя ли со своим портфелем? Куратор отвечает, что мою сумку кто угодно и когда угодно может начать *shmanat'*. Лишние вопросы нам ни к чему. Тем более что гонять я буду на метро. К доставщикам еды вопросов ноль. Сумки большие, в скан не помещаются, да и все сотрудники метро привыкли, что груженные пацаны – обычные студенты типа, у которых кроме чужой еды ничего нет. Гениальный ход.

Наличие такой сумки у себя за спиной немного расстраивает. Смотрится не так круто и презентабельно, но что поделать? Овчинка стоит своей выделки.

Закидываю «холодильник» за спину. Работать стартую с завтрашнего дня. Первые заказы начнут поступать с двенадцати часов дня, можно хорошо так выспаться без напрягов.

Забираю телефон. С комфортом усаживаюсь на пассажирское место. Незаметно открываю карту на телефоне, делаю скриншот места, так, на всякий случай.

Пока едем – думаю обо всём, что сегодня увидел. Немного тревоги есть, но, с другой стороны, *pizdec* как интересно. Я будто вступил в банду или типа стал частью прикольного бизнеса. Зверюшек жалко, тем более редких, за такое надо

руки рвать, но блин, раз их уже убили, то мой отказ ничего не решит. Бизнес всегда будет идти своим чередом пока есть спрос, а он будет всегда, пока есть богатеи, которым уже всё мирское пресытилось. Которым типа хочется показать свой финансовый penis малолетке. Ну а по поводу книг, так ещё проще. Я сам любитель редких экземпляров, а стать пособником в таком деле, как минимум приятно. Глядишь, через год поднимусь по рангу. Повысят, стану sranim «Куратор-4».

Прошу водителя докинуть до дома, называю точный адрес. Благодарю. Вспоминаю, что в багажнике сумка, а машина уже отчаливает по карману. Начинаю бежать за ней и орать. Дядька видит меня, останавливается. Фух, чуть ли не облажался. Прошу открыть зад, забираю ранец. Всё, теперь точно спасибо. Хотя мог бы и напомнить, kozël.

Подхожу к подъезду, курю. Местный народ любопытно поглядывает в мою сторону. Обычно я тут шастал без дела, все успели запомнить меня. Сейчас же этот странный «блуждающий» парень стоит с сумкой доставщика еды. Они наверняка думают, что я tiroi, что nihrena не смог найти лучше. Ухмыляйтесь, умники, только вот зарабатывать я буду побольше вашего (думаешь?), верняк.

Когда переступаю порог квартиры, первое, что спрашивает В. (да, да, дорогие присяжные, вы верно догадались) – какого чёрта я не брал трубку?! Хм, это действительно странно. Может, там ээээ, не знаю короче. Знаю только, что уведомлений не было, да и не горели пропущенные. Правда, ко-

гда открываю звонки, то В. помечена красным. Проморгал. Ладно, прости, ты переживала. Конфликт исчерпан. Не умеем мы ссориться.

Спрашиваю В., как ей моя новая сумка? Только сейчас она смотрит на неё внимательно, словно не заметила сразу. И такая: «кстати да, какого чёрта?» Я смеюсь, ничего не объясняя. Только говорю, что теперь я богатый доставщик еды.

Первый рабочий день. Ровно двенадцать часов. Стою на улице, но никаких блицов нет. Вспоминаю вчерашний разговор. Точно. Заказ может поступить в любое время, не ровно сика в сику.

Собираюсь зайти домой. Кто знает, сколько ещё ждать? Еду в лифте. «Дзинь». Улыбаюсь. Где-то в глубине себя я знал, что так произойдёт. Иногда мне кажется, некоторые законы подлости – действительно законы, а не умственно отсталое поверье.

Заказ на окраине. Дом тридцать пять, корпус «А», женщина в желтой куртке с коляской. Захожу в метро – никто не стопит. Даже наоборот, будто отворачиваются. Пока еду положенные сорок восемь минут – читаю. Всё как в старые добрые времена, уuuuuuuuuuuу, кайф, да ещё и работа на свежем воздухе. К старости у меня останутся крепкие суставы.

Дом тридцать пять, корпус «АААААААААА!!!!!» Женщина в желтой куртке с коляской. Не хочу показаться дилетантом, поэтому молча подхожу к ней, открываю сумку.

Ей богу, всё как в шпионских фильмах, я аж чуть ли не ору, настолько это прикольно! Таинственная незнакомка достаёт объёмный свёрток прямо из коляски, где у неё реальный сорлуак. Она кладёт свёрток в сумку. Спокойно застёгиваю две ляпочки, ухожу. На моём лице debil'naya улыбка. Я, папуи, в кино! Только в жизни. Я начал немного понимать всяких kretinov, которые корчат из себя около-уголовников. Тех самых ребят, что облачают себя (правда, некоторые кончают очень плохо; просто загубленная жизнь и хорошо, если только своя) в известный образ, но я всё равно осуждаю и презираю их.

В метро пока не ныряю, там плохая связь. Оглядываю окрестности. Вообще окраины, которые прилегают к крупным городам – сильно изменились за последние десять лет. Я это знаю, потому как из любопытства находил фотографии похожей местности, только с восточной части от центра. Всё больше желающих жить в продвинутом месте. В центре ведь типа народ коренной, а на корочках приезжие, нужно тоже обустраивать и качать с них бабки, поэтому окраины сейчас выглядят круче многих небольших городов.

Деревенские воображалы говорят, что это полный отстой; что окраины не имеют ничего общего с историческими зданиями центра. ДА! МАТЬ ВАШУ, НЕ ИМЕЮТ! Это же логично, что за пустые понты? Вы предлагаете строить новые дома под старину, такие же низкие? Или вам стрёмно от факта, что кто-то может жить в новом доме? Так вот, логика мне

подсказывает, что хоть это и муравейники, но сделаны они относительно качественно. По крайней мере, приятно смотреть. Не все хотят ютиться с клопами за бешеные бабки, и не у каждого была старуха с квартирой в центре, которая перешла таким умникам по наследству.

Немного отвлёкся, прослушал сообщение. Так, почти центр, зелёная ветка на острове, прямо у станции. Красная иномарка, девушка в солнцезащитных очках. Багажник открыт. Принято.

Проходная. Немного боюсь, лёгкий типа мандраж. Только сейчас понимаю, что игра началась. На меня действительно никто не обращает внимания. Можно расслабиться. Едем. Читаем. Очередной час в дороге.

Свежий воздух. Красная иномарка с женщиной за рулём. Подхожу к багажнику, открываю. Вытаскиваю из сумки свёрток, кладу под кусок брезента – ухожу. Дело сделано. Через пять шагов слышу, как заводится мотор, дорогая игрушка уматывает в неизвестном направлении.

Шатаюсь без дела. К половине пятого ещё одна смс. Еду в другой конец города, забираю груз. Двадцать минут. Еду в другой конец – отдаю. На сегодня это всё. Правда? Обалдеть. У меня нет слов. Тяжело поверить, но походу я нашел работу мечты с так себе образованием и без связей.

На следующий день история повторяется. Меняются только тётки и дяди. Все серьёзные из себя, на дорогих тачках. Слишком молоденьких нет. Клиентура тридцать плюс.

Домой возвращаюсь к восьми вечера. Ещё куча времени, а впереди выходные. Не дурно. Говорю В., что скоро станем богатыми, ну, или не такими нищими, как сейчас. Хотя нас тяжело назвать нищими. Настоящая бедность совсем другая. Она страшная, кричащая такая. На действительно бедных людей тяжело смотреть. Это ведь не только финансовая нищета, но и нищета духа, когда от невозможности исправить своё положение люди съезжают с катушек. Таких я на улице почти не видел, но знаю, они есть и их не мало.

На выходных ничего не делаем. В. работает, я залипаю в игры на телефоне, типа ничего прям такого не хочется. Решаю впасть в состояние праздничного анабиоза ровно на месяц. Хочу начать отдыхать и радоваться, когда получу свои первые бабки. Два дня отработаны. Осталось двенадцать. Или шесть по два (такая формулировка мне больше нравится).

Третий день. Лысый мужик с серёжкой в ухе отдаёт пакет на синей ветке. Redikovaty hren забирает на окраине. Женщина передаёт маленький свёрток в переулке. Бабуля в дизайнерской одежде забирает его на автобусной остановке.

Шестой день. Женщина на окраине, знакомое лицо, большой свёрток. Бородатый мужчина с татуировкой на лице в переулке жилого комплекса. Почти дедуля отдаёт пакет у магазина неподалеку от моего дома. Молодая женщина кладёт свёрток в сумку рядом с бизнес-центром, а затем исчезает в его кишках.

Десятый день. Сразу две подружки отдают плоский свёрток в чёрном пакете. Славный дедуля, одетый типа с иголки, забирает его через окно своего внедорожника. Женщина с волосами, словно ржавые волны моря, сама пихает в сумку свёрток квадратной формы. Другая женщина, через одну станцию вперёд, забирает его, закинув в пакет к остальным покупкам.

Двенадцатый день. Мужичок с плешью отдаёт небольшой свёрток, но очень увесистый. На красной ветке, прямо на выходе у метро, забирает женщина крупной комплекции.

Рабочий месяц пролетает быстро. Последний день отработан. В двадцать один час прилетает смс, что машинка заедет завтра к десяти утра. Ничего не отвечаю – так принято. Этой ночью у меня хорошее настроение, я чересчур перевозбуждён завтрашним днём. Соблазняю В., занимаемся любовью. Приятно выбиваюсь из сил.

Десять утра. Момент истины. Знакомый водитель подъезжает за мной, только на этот раз уже к дому. Двигаемся знакомой дорогой. Стоит отличная погода. Запрыгиваю в офис, приветливо улыбаясь корешкам. Сначала меня встречает куратор-3. Жмёмся руками, он начинает хвалить меня. Я топчик. Благодарю. Поднимаюсь к начальнику.

Мистер дядя Э. приветствует меня и говорит, что я классный hren. Ей богу, так и говорит: «Ты классный hren!» Ловлю момент эйфории, отвечая ему в шутливой форме, что, мол, откуда вам знать, мы вроде не trahalis'. Шутка срabатывает,

покровитель смеётся. Без лишних слов протягивает толстый конверт. Вежливо принимаю его, не смотря сколько там, говорю спасибо.

Э. возмущён, неужели я не посмотрю и не пересчитаю? Отвечаю, что такому серьёзному человеку как Э. я полностью доверяю. Он настаивает. Смотрю, сто тонн. Ahuet`. Сдерживаю радость, держусь гордо.

Дядя спрашивает, доволен ли я? Отвечаю, что даже слишком. Ещё раз благодарю за доверие. Жмём руки, и я уматываю. Водитель довозит до дома. Меня трясёт.

Заваливаюсь домой и посыпаю В. деньгами. Купюр, конечно, не так много (крупняки), но всё же это производит должный эффект. Говорю В., чтобы она прихорашивалась, ведь мы идём праздновать.

Скажу как на духу, господа присяжные, меня немного понесло. Да и В. немного поддалась моему настроению. Мы почувствовали вкус денег. За последние три месяца накопили себе кучу шмоток. Ещё вот обзавёлся новыми часиками, а у В. появились свои дорогие приколы для работы.

За три месяца мы поели домашней еды, наверное, раза два от силы. Всё остальное – только заказная, либо хорошие забегаловки средней руки. Вот он, вкус достойной жизни, заработанный сомнительным трудом. Да, большими деньгами тени господ покупают совесть человека.

Снова берусь за старое: пью, закидываю и юлю чуть ли

не каждый второй выходной. Моей детке это не нравится, но что поделывать? Когда я в тонусе и на подъёме – меня не остановить. Почувствовал, называется, себя большим мальчиком. Ещё получается откладывать понемногу зелени. Может в конце года (а если повезёт, то и в середине) куда-нибудь сгоняем отдохнуть, но это не точно.

Несколько месяцев кряду проносятся пулей. Я так привык к своему графику, привык к раздольной жизни. Я абсолютно всем доволен. Мой мозг где-то когда-то слышал, что если человек однажды начинает быть всем довольным, то он перестаёт развиваться. Его типа медленно (а иногда и быстро) начинает окутывать одеяло деградации и по итогу: из довольного человека он превращается в полную размазню и неудачника.

Не знаю, так ли это действует в жизни, но думаю, отчасти есть доля истины. От резкого успеха я стал совсем бесконтрольным. Появилась агрессия и ненормальное высокомерие. Начал очень легко срываться на всяком говне, ей богу. Сегодня думаю об этом и мне становится страшно. Страшно ощущать такие изменения, будто кто-то вытесняет меня настоящего. Запрещёнка? Деньги? Распушенность? Возраст? Всё вместе? Не знаю, но крышняк действительно немного протекает.

Я полностью адаптировался в своей профессии, если её так можно назвать. В офисе меня обожают. В последнее время начал приезжать туда просто позависать-поболтать с ре-

бятами. Они мне как вторая семья (не рано ли делать такие ahuevshie заявления?)

Зима. Очередной рабочий день. В этом году снега просто obosat'sa и не встать. Еду в очередную jори города. Коричневый пуховик с замотанным лицом отдаёт мне небольшой свёрточек. Кладу в свою огромную сумку. В последнее время всё дольше приходится ждать смс с местом передачи. Благо, по всему земному шару понатыкались забегаловки с фаст-фудом.

Захожу. Сегодня будни, народа не густо. Делаю заказ. Два бургера, черный чай и картошка. Усаживаюсь в самый угол. Привычка такая.

Один парень в костюме доставщика с интересом посматривает на мою сумку. У него аналогичная форма, только другой логотип. Неужели этот hren думает, что я какой-то конкурент? Или просто интересно? Хотя, я бы тоже заинтересовался человеком с сумкой от другой фирмы, который питается у конкурентов. Улыбаюсь ему, пожимая плечами. Мол, ну да, иди nahui. А затем пристально смотрю ему в глаза. Парень смущён, отворачивается.

Давно уже чешутся наглые ручонки, хочется взглянуть одним глазком, что же там в этих свёртках? Просто визуально оценить вещи, за доставку которых мне так высоко платят.

Проходит около сорока минут. Еда кончилась. Смс всё нет. Делать нечего. На улицу раньше времени не выйду –

слишком холодно.

Расстёгиваю сумку. Достая коробочку, ставлю к себе на колени. Так, тут кусок ткани такой же, как у чехла для очков. Есть даже верёвочки, которые типа затягиваются, формируя внешний sfinkter ануса. Аккуратно растягиваю его, доставая коробочку.

Фух, становится жарко и волнительно. Мои влажные пальцы начинают открывать коробочку. Очень, ну оооочеееее-еееееееень медленно. Телефон бьцает, долгожданная смс. Теперь, родная, подожди, никуда не денешься, папочке нужно закончить начатое.

Крышечка снята. Убираю её в сторону, а внутри, из коробки, на меня смотрит отрезанный палец с обручальным кольцом и очень красивым маникюром.

12.Финиш, полный запаха фекалий

Я достаточно впечатлительный. Нервы у меня (к сожалению) в маму. Чуть что, сразу ловлю дикие трипы. Таковую, знаете, естественную муть сознания. Первое, что приходит в голову: какой-то редкий экспонат, палец там какого-нибудь красного вождя. Вот только от экспоната несёт железом, у экспоната не может быть свежей крови (насколько свежая, не знаю, но это так, навскидку). А ещё экспонат должен быть обработан.

Ловлю бледного. Рвотный рефлекс, страх, давление, хочу «пи-пи». Хотя последнее связано больше с газировкой. Быстро закрываю коробку. Руки дрожат. Смотрю по сторонам. Никого. Закидываю креповое говно обратно.

Пора выдвигаться. Пока отливаю, думаю о том, что всё это может значить? Вообще, поверить, что это чей-то реальный палец – сложно. Мы живём в двадцать первом веке, алё, какие пальцы? Так людей никто больше не шантажирует. Просто киношная бредяттина.

Нервно хихикаю. Небось похититель (или кто он там, шантажист?) ходит по городу в костюме императрицы, а на голове у него сосисочный парик.

Смех-смехом, а кое-что мехом кверху. Мандраж не отпускает. Открываю сообщение. Опять центр. Иномарка, кадмиевая птица у метро, там ещё бабка будет цветы толкать, которые сорвала у соседней клумбы за спиной, штраф ей пухом.

Страх овладел мною. Внешне так и не скажешь, я srapaya непроницаемая стена, честное слово, но внутри поселяется вязкая субстанция, словно кружку нефти выпил.

Я durak, но не полный ведь. Понятное дело, я доставлял незаконную всячину, но думалось, что это хотя бы окажется просто «стиральный» порошок, муравушка там, плитки говна, которые просто парят. Покупают и употребляют ведь люди сами, никто их не заставляет. Кто хочет сдохнуть – подышайте. Не мы, так другие вам будут поставлять, а кушать хочется всем, вот и всё. Простая философия, но части тела

– это слишком.

Поезд метро делает «чух-чух». Озадаченно сижу. Теперь заработанные деньги кажутся банальной грязью. Откуда мне знать, что палец отрубили плохому человеку? Какой-нибудь sгапоу козьявке. А ведь он женский, вон какой изящный был, ещё и с кольцом. Сто по сто – шантаж, а значит, пальчик может принадлежать близкому человеку шантажируемого.

Возможно, что это жена или чья-то сестра. Хотя палец с обручальным кольцом. Точно жена. Невинный человек (ли?), но что поделать? Побежать к legasham, чтобы меня ещё и в тюрьму отправили, как соучастника?

Такие, как я, в тюрьме нежилыцы. Значит, остаётся два варианта: заткнуть свою варежку и продолжить работать (без инициативы подглядывать в пакеты), либо уволиться под левым предлогом. Тяжелый выбор. Где же весы моей личной Немезиды? Да, подруга, всему миру на тебя уже rohui. Давай хоть я поиграюсь с твоими весами в контексте совести.

Вот на одну чашу мы кладём мою душу, на вторую зелень. Ах ты ж! Да почему они равноценны?! Это самый отстойный отстой, какой только может быть. Равновесие из двух горсток сена, хуже не придумаешь. Лучше быть obosrat'sa каким хорошим, либо obosrat'sa каким плохим, но быть просто мокрым пятном в горстке на обочине?! Такого я не потерплю!

Моя станция. Поднимаюсь. Немного мутит. Нельзя сильно волноваться, но полностью успокоиться не получается. Предательски бегают глазёнки. Не теряй голову, бродяга.

Вот и нужный кадмий на колёсах. За рулём смуглый мужик. Очень плотный, бородатый такой (кого-то напоминает, их что, штампуют?) Подхожу прямо к окну, на ходу растёгивая сумку, достаю свёрток. «Тук-тук». Окно опускается. Здравуюсь, отдаю свёрток в руки. Дядя берёт его, но oshalelo начинает палить на меня.

Vlyat! Чтoб вас всех! НЕЛЬЗЯ ЗДОРОВАТЬСЯ! КЛАСТЬ В БАГАЖНИК! Косяк, товарищ курьер. Теперь точно не получу премии. Какая к чёрту премия? Теперь мне точно отрежут yaica! Или нет? Ретируюсь от машины подальше. Захожу за угол, курю. Кровь бьёт по вискам. ТУК-ТУК! ТУК! ТУК-ТУК! Вот такой вот ритм, а теперь все вместе: «We Will Rock You».

Der'mo. Вот der'mo! Прямо такое свежее, но слегка застоявшееся, будто поленился сходить posrat' перед сном, а наутро всё вывалил разом и обалдеваешь от аромата, голова аж кружится. Самый оптимальный вариант – ехать домой. Ничего лучше не придумаешь.

Мне нужен совет, иначе никак. Надеюсь, больше заказов не будет, по времени этот похож на последний. Далее два выходных, будет время всё обдумать. Интересно, и сколько же я подобного товара успел доставить за всё время? Или это единственный удачный раз так совпал? СМЕНИ ПЛАСТИНКУ. ПРОСТО СМЕНИ ПЛАСТИНКУ. ПЕРЕКЛЮЧИСЬ. ВОТ СУКА, НАДУШИЛАСЬ КАК, И ТАК ДЫШАТЬ НЕЧЕМ. ТУТ ЧТО, КТО-ТО VZDNUL? СОБАКИ!

Меня начинает накрывать. Кое-как доезжаю до станции. Ловим воздух, свежий воздух и сигарета. Хорошо. Дыши глубже и ровнее. Вот так вот, хороший мальчик. Раз-два. Раз-два. Прижало не особо сильно. Люблю я драматизировать. Здесь достаточно морозно, а всё из-за реки.

Врываюсь домой. Привет, дорогая. Да, все нормально. Пока разыгрываю спектакль. Нужно деликатно и без лишнего нервоза подойти к вопросу. Сначала нужно перекусить. Мне лень хоть что-то делать, поэтому завариваю старую добрую bichku. Сейчас бы ещё сосиску, но эта картонная suka похожа на палец. Теперь я думаю о крови, снова мутит. Пожалуй, поем лапшу без всего. Так даже лучше, а то я слегка набрал за последнее время.

Поздний вечер. В. освободилась. Смотрим фильм. Пью чай с мёдом – хорошая тема, когда простыло горло. В. ставит фильм на паузу, идёт делать «пи-пи». Ага, понял.

Через минуту оготело врываюсь в туалет. В. шугается, говорит, какого, мол, чёрта я делаю? Объясняю, что мне нужно кое-что ей рассказать. На вопрос: почему именно сейчас, нельзя ли через несколько секунд? Дело срочное! Больше нет сил молчать! Начинаю издали.

Рассказываю ей просто о доставке. Вспоминаю смешные типажи людей, с которыми имел несчастье встретиться за срок службы. В. слушает выливающиеся помои без энтузиазма. Просит перейти ближе к сути, что я и делаю, зрителя терять нельзя. Рассказываю последние события, у В. появля-

ется проблеск страха. Походу она понимает, что её любимка попала. Возможно, попали даже мы оба.

Честно признаюсь, не знаю, что делать. В. смотрит на меня вопросительно, затем начиная говорить, как мягко и ненавязчиво уйти от этих ребят, чтоб без подозрений.

Я и В. никогда не спорили, но вот полушепотом перекрикиваемся. Понимаю, она действительно права. Весы перевесили, совесть должна победить, так ведь всегда в сказках. Нельзя, чтобы зло (хотя кто говорил, что деньги зло, наоборот, отличные ребята, люблю их) победило. Обещаю уйти из сомнительного gadyushnika. Жизнь дороже. Хотя, когда ещё повстречается такая maza?..

Первый день выходных. Как ни странно, просыпаюсь отдохнувшим. Организм прошарил, что в любой стрессовой ситуации хороший отруб куда выгоднее бессонных страданий. Встаю. Зарядка. Фруктовый салат. Горячий чай. Душ со своей женщиной. Сигаретка. И вот я готов рвать jori.

Правда, как только думаю о предстоящем испытании – бодрость сразу теряется. Снова становлюсь зажатой плаксоЙ-первоклассницей с огромными прыщами на tit'kah. Ах, точно, это называется соски, спасибо, мам.

Решаю сделать ход конём. Вообще, в изначальном плане я должен был приехать за зарплатой, сказав дяде мистеру Э. лично о своём увольнении, мотивируя это уездом в родной городок, мол, тут, дяди-тёти, мне с вами крупновато. Ма-

ленькая рыбка должна плавать в кружке, а в большом аквариуме она никому не нужна, только если в виде корма. НО, есть одно... но... и это но... такое но, конечно. Ладно, простите, дорогие присяжные, увлёкся. Это «НО» заключается в том, что я ssyкло.

Не люблю типа говорить людям новости, где решается что-то такое, типа важное, что ли. Я могу говорить о важном, но начать самому... стать тем самым человеком, который первый заговорил – сверхсложная задача.

Втайне от В. пишу смс женщине-секретарше. Я пишу ей, что мне нужно уволиться, причина серьёзная. Ещё бы, я ещё и пишу сообщение, выдавливая жирный katyah. Идёт туговато, поэтому есть время перечитать написанное. Отправляю.

Ответ приходит достаточно быстро. Получаю повседневное: «Хорошо. Завтра к полудню сможешь?» – и это странно. Пугает такой быстрый и простой ответ. Отвечаю: да, si, oui, yes – выбирайте удобный «лаунж». А что мне ещё написать?

Я не готов сегодня веселиться, нет настроения куда-то идти. Лежу мешком на диване. В. Не выдерживает скуки. У неё сегодня выходной, она не хочет тухнуть. Договаривается со своей сестрой о веган-шоппинге. Вот так развлечение. Смеюсь над травоядной, а потом прошу купить соевого гуляша, уж больно он вкусный. Получаю только мстительную усмешку и взгляд полный презрения.

Водитель заезжает за мной к пяти минутам двенадцатого.

Настроение оставляет желать лучшего. Тяжко мне, не знаю. Как-то траурно себя чувствую. Возможно, я действительно расстроен, что придётся уволиться. Снова нет стабильности, ну а что делать? Хотя, с другой стороны, наш народ знает, стабильность иногда звучит страшно, как-то поупаднически.

Мы, средний класс, уже сами стали этим страшным словом. С нас всё время выют верёвки. Если быть прилежным и жить по законам, то чего я могу получить? Что можно получить от жизни ЗДЕСЬ, без знакомств и вороха денег? Думаю, ответ очевиден.

Всегда должны быть козлы отпущения, без них никуда. Жизнь в современном обществе – это наблюдение за угасанием этого самого общества. Я даже не винтик, а пыль от мусора. И вот: мусор, здания, вторсырьё, кошельки, legashi, рабы, цари – все мы образуем общую картину невежества, где каждая ручонка причастна к беспорядку.

Мы бессильны, потому как разучились объединяться, разучились дружить. Гниём просто поодиночке заживо. Никто не хочет жать руку себе подобному, и только из-за предрассудков осушенного мозга. Хуже зверей, хуже камней. Человек хуже всего на Земле. Изм, порождённый низменным желанием персонализированного удобства.

У меня в карманах всегда валяется куча приколов. Неизменно ношу с собой несколько ручек, блокнот, листки там, карандаши, ластик, паспорт. Короче, полный набор. Иногда

просто приспичит что-нибудь записать, например сейчас я снова себя накрутил. Снова мысли ушли в глубокий лес, и чтобы выбраться, нужно вывернуться наружу.

Достаю из широкого кармана куртки листок и тонкий фломастер, сойдёт. В такие моменты мои руки врубают автопилот, позволяя совершить свободный танец накипевшим мыслям. Вывожу закорючки. Мои глаза не видят их, только чуть широкий занавес чернил опускается слева-направо по листку, образуя колонну, а может и столпы.

Подъезжаем. Снег под ногами приятно хрустит. Заходим. Вроде всё как обычно, но редкие сотрудники странно-пасмурные, хотя на приветствие улыбаются. Почему я читаю вину в их глазах? Жалость? Может, у меня der'mo на лице? Или на уголке рта? Хотя не помню, чтобы ел ropos, не считая утреннего бутерброда с паштетом из гуся (то ещё удовольствие в кавычках).

Меня с лёту приглашают на второй этаж. Привет, тётя-секретарша, милое платье. Можно сразу зайти к Э.? И он даже не занят? Вообще чудно. Держусь красиво, с шиком. Улыбка, бодрость, остроумие, а внутри всё переворачивается, ещё немного, и начну рвать, честное слово. Спокойно-спокойно. Так, молодой человек, впадите в состояние сна, позвольте автопилоту совершить сложные манипуляции. Глубокий вдох.

Захожу. Скромно улыбаюсь Э., скромно жму руку, от которой он не отказывается. По обыкновению не сажусь на

кресло, жду приглашения. Дядя Э. спрашивает, чего это я как не родной? Мне остаётся только пожать плечами, мол, сами понимаете, вот так вот вас подставляю, что поделать? Виноват, товарищ, но место своё знаю.

Он начинает с главного. Значит, я действительно хочу уволиться? Утвердительно киваю. А причина? Неужели со мной плохо обращались или я не доволен оплатой? Сразу учтиво перебиваю Э. и говорю, что это глупости. Я *obosrat'sa* как доволен всем, очень сильно благодарен за это Э. и всей команде.

Далее начинаю вешать лапшу, которую заранее придумал: «понимаете, уважаемый Э., я приехал в этот город попытать счастье, добиться типа успеха. Хотел стать частью большого аквариума и вместе с вами у меня это начало потихоньку получаться, но депрессия и понимание того, что я всё равно маленькая рыбка... Чувство, что для меня здесь слишком много места, я теряюсь. От природы не уйдёшь. С каждым месяцем я приходил к пониманию того, что хочу вернуться в родные края и быть простым парнем, живя простой жизнью. Больше не могу себя обманывать, понимаете? Поэтому, с большим сожалением, мне приходится увольняться. В свою очередь обещаю держать язык за зубами, всё-таки я поставил свою подпись на бумажке о конфиденциальности».

Мою речь Э. слушал с серьёзным видом. Даже успел кивнуть раза два на важных моментах. Я замолк, повисла тишина. Задумываюсь о том, а не слишком ли было театрально?

Разве что самую малость, но думаю, дядя клюнет. Театральность спишется на счёт моей юности и очевидного волнения. Сажу с красной гожеу.

Э. улыбается, кивает типа так по-отечески. Он говорит, что всё понимает, никаких проблем. Благодарю его за это. Фух, облегчение. Э. выдвигает ящик, доставая белый конверт без подписи. Ага, моя последняя зарплата. Дядя Э. говорит, что там чуть больше за то, что я хорошо послужил, хоть и маловато. В шутку говорю, может наши пути ещё пересекутся. Его бородатый рот улыбается.

Встаю, протягиваю руку. Э. делает вид, будто вспомнил маленькую деталь, мол, секундочку, мой новогодний оленёнок, совсем забыл. Он спрашивает меня, можно ли напоследок задать один вопрос? Конечно можно. «Только побыстрее» – думаю про себя.

Э. нажимает кнопочку на телефоне и просит секретаршу пригласить некоего Х.Ю.. Не понимаю, что происходит. Со стороны затылка тихо открывается дверь, обратного щелчка не следует. Почему? Медленные шаги мужских туфель останавливаются по мою левую руку. Глаза автоматически бросаются на разведку. Моментально ловлю бледного.

Тот самый смугловатый дядька из кадмиевой иномарки. Стоит, смотрит на меня сверху вниз, спокойно ещё так. Тут Э. спрашивает, узнал ли я гостя? Честно отвечаю, узнал. Здравуюсь с мистером Х.Ю..

Далее Э. спрашивает, не является ли мой уход из орга-

низации следствием моего последнего заказа? Отвечаю дрожащим голосом, что да, немного накосячил, отдал посылку в руки. Der`to, вот и пошли оправдания, ложь раскрыта. «Тут это не причём, мелочь, со всеми бывает» – останавливает моё бляение Э.. Он даёт слово господину Х.Ю., мол, скажите нашему бывшему коллеге то, ради чего вам пришлось приехать сюда в офис. И, кстати да, Х.Ю. не является сотрудником, он клиент, причём недовольный.

А всё почему? «Потому что мы точно знаем, что была нарушена конфиденциальность. Посылка открывалась. На все такие случаи есть определённые фишки. Например, на данной коробочке крышечка была закрыта надписью слева направо от фаланги к ногтю, а мы получили в перевёрнутом виде. А что это значит, молодой человек? Правильно, что её открывали, а учитывая ваше нервное поведение, а теперь ещё и скорое увольнение, можно сделать вывод: виноваты вы» – заключает Х.Ю..

Мне нечего ответить. Мне плохо. Я онемел. Глаза влажные, во рту ком, которым можно завалить дом. Только стою, смотрю в пол, дрожа, как grebanny dildak.

Э. констатирует: «это удар по престижу компании». Ещё он говорит, что я славный парень, и что он прощает меня, у него нет ко мне претензий. НО! Есть претензии у заказчика. Причём серьезные такие. Можно попасть на крупные бабки. Э. говорит, что он посвящался с Х.Ю., они смогли решить вопрос «полюбовно». Вот, молодой человек, сами по-

судите... Вы накосячили, значит, торчите нам бабки. Зелени у вас такой нет, а значит, сделаете кое-какую услугу, тогда будем в расчёте. Вот так вот, дорогие присяжные, ваш верный слуга попался на мелочи и стал пленником.

Держусь как могу, не хочу показаться совсем уж законченным chmoshnikom. Только и получается выдать из себя «справедливо».

Дверь не закрылась, так как в коридоре застряло двое гримил. Догадываюсь: «ага, на всякий случай, если бы я попробовал сбежать».

Спускаемся, садимся в уже знакомую машину. Х.Ю. за руль, я сзади посерединке, а двое горилл по бокам от меня. Мне не задают вопросов, не угрожают, просто едем. Мне очень страшно, но в целом вроде успокаиваюсь. Думаю о том, что нужно всего-то сделать услугу, тем самым снова обретя свободу, и на это у меня есть все шансы. Сейчас я оптимистичен, как никогда.

Правильно говорят, даже самый закоренелый атеист обретаёт бога на последнем вздохе. Машина возвращается в черту города. Правда, перед КАДом сворачиваем направо, начиная петлять по земельной дороге через ворох деревьев. Спустя время вижу заброшенное здание в три этажа. Стёкла выбиты, но на некоторых приварены железяки. Пробегает мысль, что в таких местах только и можно насиловать, да убивать. Теперь не так смешно, не правда ли?

Кадмий останавливается. Выходим. Меня никто не пиха-

ет, не держит за руки, не бьёт. Просто двое псов стоят по бокам для подстраховки.

Ребята хорошо устроились. Внутри, конечно, помойка, но немного мебели есть, причём неплохой. Компьютеры вон, ещё несколько людей – все мужчины.

Мне предлагают сесть на диван, предлагают выпить. Киваю, получая газировку вместо виски (закатай губу, горе гангстер).

Создаётся чувство, будто это программа «розыгрыш». Ну не могу поверить, что я реально влип. Не трогают, угощают, не орут. Всё так спокойно, вот даже газировку дали. Правда, один из псов попросил перевести телефон в авиарежим. Всё путём, ребята, я не псих оказывать прямое сопротивление.

Плотный бородач с кем-то говорит поодаль, периодически метая земки в мою сторону. Обсуждают, это точно. Не понимаю, как и чем могу пригодиться. Проходит субъективных минут десять.

Подсаживается Х.Ю.. Молчу. Он молчит. Становится немного смешно. Уж больно мы разные, да ещё и при таких декорациях, выглядим просто нелепо.

Поджарый начинает обработку. Он говорит, что я кое-что пронесу их человеку в метро. Это кое-что нужно будет передать одной девушке на крайней станции. Отдать, и я свободен. Меня это удивляет, просьба не особо сложная, даже слишком как-то просто, но я сразу себя одёргиваю, ведь где-то спрятался hitroјору подвох. Где же он?

Х.Ю. улыбается, смотрит на меня внимательно, а затем говорит, что я должен буду передать пояс для «babah».

Мой мозг отказывается верить в подобное. Пояс deathnika? Здесь? В двадцать первом веке? Может, они ещё носят цилиндры и бабочки? Спрашиваю, что за старомодная туфта? Ну а вообще, вслух я говорю типа: мол, вы чего, террористы, что ли? На что Х.Ю. отмахивается и морщится. Не террористы, а бизнесмены.

Становится интересно, страх уходит на дальний фон, спрашиваю: так, причём здесь отрезанный палец, babah, метро и бизнес? В чём тут бизнес-то? Вот наглец!

Х.Ю. резко обрывает, оповещая вашего верного слугу, что может прямо сейчас всадить мне пулю в голову. Гнев резко сменяется милостью. Ebantuau улыбается. Совсем уже бредово выходит. Покажите мне пальцем куда смотреть, улыбаться и передавать привет маме. Может, это социальный пранк, который вышел из-под контроля?

Х.Ю. спрашивает, действительно ли мне настолько интересно? И где гарантия, что мне можно доверять? Смело отвечаю ему так, будто между делом, что я уже и так соучастник. Стучать на всех вас, значит, стучать на себя, а мне не упало. Его борода смеётся, Х.Ю. говорит, что я не такой уж и бестолковый парень, смекаю. Говорит, всё намного проще и логичнее, чем я думаю. Главное: знать завязку.

Суровый дядька становится дружелюбным. Он просит одного из псов принести две чашки чая и конфеты. Вот так

поворот, даже мило. Х.Ю. закуривает сигарету, предлагая и мне, не смею отказываться, чего уж терять?

Приносят чашечки чая и конфеты. Борода начинает: «Называть имена и рассказывать все тонкости я тебе не буду, лучше будешь спать. А знать ты вот, что можешь. Мой босс занимается одним бизнесом. Одна известная продуктовая сеть. Так вот, мой начальник начинал, как и любой другой молодой предприниматель – не один.

Оба из богатой семьи, закончили престижные университеты и бла-бла, прочая чепуха. Ну, так вот, да ты конфетку закуси, проголодался, наверно. Так вот, мой начальник и его кореш решили объединить ресурсы, вдвоем сподручнее. Понимаешь, да? Один в поле не воин. Ну так вот, они решили открыть очередной продуктовой, которых вон навалом. Всё по тому же типу, как и у остальных. НО! С одним отличием: у друга папаша были связи в перевозках и на постах, поэтому всю продукцию доставляли с разной jорі за бесценки. Такая фишка позволяла ставить ну очень низкие цены на большой сегмент продукции.

Начинаешь понимать, да? Из-за этого бонуса у друга моего босса был пакет больше на целых десять процентов. Понимаешь, когда всё только начинается; когда ты открываешь один магазин, то десять процентов не так сильно бьют в глаза, но когда растёт число магазинов; когда все винтики настолько продуманно и умело вкручены, что аналогичные фирмы начинают разоряться, то десять процентов ощу-

цаются как все сорок, врубаешься?

В таком потоке бабла даже один процент становится весомым, а мальчики, они растут, и ты скоро узнаешь. Может ты даже уже стал умнее и мудрее, да не суть. Так вот. Возвращаемся к нашим баранам. Ой, как неудачно высказался. Не хорошо кусать руку, которая тебя кормит. Не прав. Возвращаемся к нашим повзрослевшим предпринимателям.

Дружба, как ты понимаешь, начала шататься. Мой начальник, как и любой человек – захотел справедливости. И хочу заметить, не на ровном месте. Времена, когда доставка осуществлялась через отца друга, прошли. Отец, упокой господь его душу, скончался. Сынок остался без ниточки, причём сам, *raskuda*, виноват. Всё ленился лично налаживать контакты думая, что отец будет жить вечно, но нет. Жизнь – непредсказуемая штука, не правда ли? Вот, например, ты знал ли ещё полтора часа назад, что окажешься здесь? А пять минут назад, что тебе подадут чай в блюде, да ещё конфету предложат? Вот оно и есть, что ничего не предугадаешь.

Ну так вот. Доставка приостановилась. Целых три месяца им приходилось заказывать аналогичные продукты на официальных площадках, как и многим. Три месяца магазины работали в убыток. Если посмотреть, то по единице – копейки, но когда смотришь такие копейки за месяц, то уже миллионы. Я не шушу. А цены, как ты понимаешь, подни-

мать нельзя, иначе клиентская база ослабнет. Люди подумают, что всё – скатились, перестанут париться на дороге, отправившись к ближайшим конкурентам. Такого допустить точно нельзя.

Что же делать? Мой начальник, без помощи второго, так называемого друга, потратил свои личные бабки, и не малые. Все три месяца он рыл, и таки смог найти ниточку, чтобы восстановить поставки продуктов за пишуа. Теперь уже он стал фигурой крупнее, а соответственно и десять процентов плюсом по праву его, что он и предъявил компании. Этот чёрт знаешь, что сказал? О да, ты абсолютно прав, давай теперь у нас будет поровну.

ПОРОВНУ! Ты представляешь? Это называется – плювок в лицо. Он спас бизнес себе и этому доходяге, а он... понимаете, соизволил сделать его равным себе! Уму непостижимо. Такое никто терпеть не станет. Мой босс сразу сказал, что вот последний раз предлагаю решить всё полюбовно: мне шестьдесят, тебе сорокет, на что наш горе-герой ответил, что это не честно! Вот тут вот всё и началось. Они разругались, причём очень сильно, буквально в хлам. Наговорили много гадостей.

Весь бизнес встал под вопрос. И что делать? Неужели все терять из-за одного тидака? Ответ отрицательный. Здесь началось... И, к слову, развязал грязную возню этот второй. Он решил выпендриться и нанял какого-то бомжса, который по наводке спалил тачку моего босса. В полицию

мы не заявляли. Поймали бедолагу, честно допросили. Всё рассказал, как миленький. Финиш.

И вот мой босс сделал ответочку, но не детским жестом, а подошел к игре основательно. Мы похитили жену и маленькую дочку *iblyudka*. Сразу же сказали условие, достаточно хитрое. Мы сказали, что этот *dirashok* должен составить завещание, в котором говорится, что при его смерти семьдесят процентов акций фирмы останутся у моего босса, а тридцать процентов дохода уйдёт его семье. Этого более, чем достаточно для роскошной жизни. А пока он жив, то так уж и быть, пусть будет фифти-фифти. Скажем так – мир и любовь. Типа квиты, да. Сначала виш-вий воспротивился, заявив, что сдаст нас полицейским, что хоть и самому придётся сесть, ну да ладно, зато никому не обидно, но он лукавил: свободу и денежки любят все.

Мы отрезали палец, правда не его жене, а просто одной пьяной бабе ночью, забавно, не правда ли? Надели на пальчик колечко, и готово. Муж на нервах никогда не будет вглядываться в морщинки. К тому же, он вряд ли помнит каждый изгиб своей ненаглядной. Типичный мужик, чуть как за сорок, так и вздох, уже начинает ходить по любовницам. Он больше переживал, конечно, за свою дочурку. Все папы любят своих дочек, верняк. А раз мы чикнули палец его якобы жены, то мы изверги, а значит, можем сделать что угодно. Ниче так, нормально додавили мужика.

Как только документы были готовы и сняты заверенные

копши, то жену и малышку мы отпустили в целости и сохранности. Руки были пожаты, но всем понятно, дело на этом не кончится. Прошла только часть представления. И вот теперь, как ты понимаешь, нам осталось последнее – скорейшая смерть Zsranca, пока он не начал строить козни в виду своего жесткого проеба. Пальчик-то на месте, ха-ха. Чтобы тебя не мучала совесть, скажу сразу: даже его жена ждёт смерти муженька. Мой начальник с радостью поделился компроматом на упыря. Она всплакнула, но потом с радостью приняла предложение в тридцать процентов, что обеспечит корыстной suchke богатую жизнь без напряжения.

Она стала нашим информатором и рассказала, что у муженька окончательно поехала кукуха. Он теперь боится садиться даже в свою тачку, гоняет на метро. Перевёз всю семью из центра на якобы секретную квартиру на корке, но она нам его сдала с потрохами, теперь мы знаем график. А на счёт твоего вопроса, террористы ли мы, отвечу ещё раз: нет. Но нам нужно грохнуть этого hpen так, чтобы всё выглядело не как заказуха, а как реально террористический акт, иначе у следствия возникнут вопросы к моему начальнику, и любая мелкая деталь сможет смазать картину, смекаешь? Да и сам посуди, как все удачно сложилось: этот hpen решил обезопасить себя тем, что пересел со своей дорогой тачки в общественный транспорт, но он, напротив, сделал нам самый щедрый подарок. Теракт в общественном

месте – самый беспалевный вариант.

Я вижу страх в твоих глазах. Если тебе станет легче, то скажу сразу: наши умельцы спроектировали взрывной пояс так, что он имеет целенаправленный взрыв. Понятное дело, носителя разорвет пополам, но основная мощь уйдёт односторонне. Поэтому погибнет людей не так много, и это хорошо, мы ведь не звери, понимаешь? Крещённые люди. Правильно? Больше половины вагона отделается испугом, всё будет зависеть от забитости.

Кстати, раз я тут тебе всё рассказываю, то сразу посвящу детали, а ты слушай внимательно. Проходка в метро на тебе сильно зашкалит, тебя сто процентов тормознут. На этот случай мы приготовили тебе портфель, в котором куча металлолома всякого, ну знаешь, болты, фрагменты там всякие. Если спросят, зачем тебе это говно, то отвечай, что ты скульптор-концептуалист. Понял? Прогонять тебя дополнительно в воротах не будут. Ты посмотри на себя: белый, пухленький, волосы каштановые. Типичный пацан, ты не представляешь угрозы, а значит, не спалишься.

Тебе пожелают хорошего дня и все, ты прошел. Дальше двинешься в самый край, где увидишь девчонку: смуглую такую, в традиционном костюме. Симпатичная деваха она, правда, очень низенькая. Я люблю женщин с длинными ногами, ну да не суть. Так вот, подходишь к ней, расстегиваешь куртку, подходишь и обнимаешь её. Она сама всё быстро сделает, перевесит с тебя эту штуку и всё – свободен. И

больше никаких к тебе претензий, даже скажу больше, мы тебе заплатим. Хорошие деньги, но это так, бонус, чтобы ты не наделал глупостей. И последнее: ни в коем случае не пытайся снять с себя пояс самостоятельно, сынок, тут же будет ВАВАН!

Ты ведь не хочешь расстроить свою мамочку? Там у нас свои фишки, девка в теме, как это всё повернуть, а ты нет. Так что, не искушай судьбу. Всё. Сегодня на восемнадцать часов назначена встреча у нашего объекта, типа совещание. Ровно в семнадцать часов ты должен будешь передать пояс. В семнадцать-десять будет babah. Не успеешь – умрешь. Не подчинишься – умрешь. Попробуешь снять пояс – умрешь. Сделаешь как все надо – живи-кайфуй. Ты меня понял?»

Покорно мотаю головой. Выбора у меня нет. Как же глюпо получилось... Заказом раньше, заказом позже посмотри я содержимое, и всё путём. Руки уже не дрожат. Мысли не бегут. Чувствую только скорбь. Вот ты и доигрался, большой ребёнок. Хотел деньги? Получай. Хотел беззаботности? Получай. Всё по заслугам.

Смотрю на часы. Осталось чуть больше часа. Боже, как мне справиться с этим? Что мне делать? Что мне делать... Если бы можно было всё вернуть, я бы... Да какая разница, нечего травить себе душу мечтами. Ты имеешь то, что есть, другого не дано. А раз так, то нужно идти вперёд. Найти выход, но его нет. Нету. Его нет. Нет. Нет. Нет. Нет. Его нет. Нет. Нет (!)

Х.Ю. допивает свой чай. Через пять мучительных минут возвращается уже с неизвестным человеком. У того в руках пояс. Выглядит не особо громоздким. Попросят снять куртку. Повинуюсь.

Пояс крепится почти как обычный ремень. Снова пытаюсь зацепиться мыслями о том, что может быть это всё-таки розыгрыш, но такой вариант быстро отпадает. Нужно перестать быть ребёнком. Клянусь, что если выживу, то перестану быть ребёнком! Перестану искать лёгкие пути, начну трудиться честно. Я стану взрослым, я стану...

Всё готово. Направляемся к кадмию. Садимся. Едем. Все молчат. Окраина южнее, левая ветка метро. Здесь эскалаторов нет, станции находятся на общем уровне. Машина останавливается. Х.Ю. сует в мой карман конверт. Говорит, что мы больше не увидимся. Киваю, не в силах что-либо сказать.

Выхожу из машины. Оглядываюсь, на меня не смотрят. Спускаюсь в переход. Иду к выходу вагонов. Не верится, что это происходит на самом деле. Просто, blyat`, не верится!

Каждый человек, когда смотрит кровожадную новость, думает, что это только про других. Он думает, что никогда ничего подобного с ним не случится. Каждый считает себя бессмертным везунчиком. Заявляю официально – мы все не правы, и я тому живое подтверждение.

Плетусь медленно. Времени ещё прилично, успею. Вокруг куча людей. Старые, молодые, кто-то идёт с друзьями веселого гоча. Некоторые, самые уставшие на вид, плетутся со сме-

ны. Толстые, худые, высокие, низкие, красивые лицом и не очень, белые, жёлтые, коричневые, красные, богато одетые и бедняки, вкусно пахнущие и те, от кого доносится душок немытого тела.

Думаю о В., как она чудесна. Она мой идеал. Как же уже хочется побежать домой, просто обнять её и втянуть запах её тела.

Дохожу до лестницы. Останавливаюсь. Ужасно скручивает желудок.

Я повзрослел, дорогие присяжные. Честно. Взрослый человек – это не тот, кто может купить себе бухло без паспорта, вырубить *der`ma*, и *trahat`* всё, что движется. Взрослый человек – это поступки, но с той поправкой, что эти поступки не делаются из-за любезности или под давлением общества. Это поступки, идущие напрямиком из собственного разума, который не видит иного логического выхода, кроме как поступить именно так, а не иначе. Пускай я не люблю большинство людей. Пускай многие из них малолетки, а кто-то старая перхоть. Пускай одни слишком мерзко жирные, а другие мерзко худые, от третьих воняет *govnom*, а от четвёртых пасёт *blevotnimi* духами. Пускай кто-то из этих *von`uchik* и свиней ведёт себя плохо, но у них у всех есть любящие матери, отцы, дети, хомячки, собаки. А я, я такая же маленькая и никчёмная *von`uchka*, как и все. Да, так и есть. Потолстевшая, белокожая, *spanaya von`uchka*, которая ничего не сделала хорошего в своей жизни. Я просто человек. И этим всё

сказано. Я обещал себе повзрослеть, и я сдержу слов.

Мои ноги снова приходят в действие. Прохожу мимо лестницы, что ведёт к метро, и направляюсь к той, которая выведет меня на другую сторону этого tuhlogo района.

13.Эпилог

Воздух холодный. Очень быстро сбивается дыхание, приходится дышать через рот. Ноги наполнились свинцом. Колени пару раз задевают острые ветки, продирая себе дорогу кровью. Ступни балансируют на замёрзшей почве, усеянной камнями и мусором неблагодарных людей. Хочется упасть, но нельзя. Несмотря на то, что я ушел в самую глушь, ещё есть пара жилых домов.

Немного проковылять, уйти чуть дальше, а затем тело моё пробьет сильнейшая боль. Я получу ответ на свой главный вопрос и унесу его с собой в место, куда не добраться даже перелетным птицам.

Господи, как жаль, что ты фантазия наша. Человеческий великий вымысел – надежда. Я бы все отдал, чтобы в трудный час ты был со мною духом, а я, в свою очередь, отдал бы тело свое. Но сказки на то и сказки...

В голове каша. Я пытаюсь уцепиться за счастливые фрагменты своей маленькой жизни, стараясь сосредоточенно отыскать их в хаотичном потоке. Но понимаю, что на поро-

ге своего несуществования, абсолютно каждая секунда стала в равной степени дорога мне вне зависимости от контекста. Вся моя жизнь преобразилась в дорогой, цельный изумруд, который я умудрился так скоротечно проебать. До мерзкого последнего звоночка остаётся минут пять, может шесть. Я больше не смотрю на время, дабы увековечить мгновение своего осознания. Без сил, весь в поту, продутый ветром до дрожи, падаю навзничь в этом von'uschem пустыре, чтобы вспомнить главное, понять, как я умудрился дойти до такого pizdeca, но в голову ничего не лезет, кроме ужасного желания жить. Мой мозг пытается уцепиться за любую возможность, за любую ниточку. И вот она есть. Я вспоминаю собственную мысль: «Если жизнь потеряла смысл, то не легче ли вместо вздёра потратить эту жизнь на наслаждение и безумие?»

Мозг пытается перефразировать для такого тупого меня эту идею. А заключается она в том, что, если уж и умирать, то нужно хотя бы попытаться что-то сделать, а не смотреть на происходящее с obossannymi штанами.

Ещё секунду нахожусь в замешательстве, после расстёгивая дрожащими руками куртку. Мне страшно. Зажмуриваю глаза. На ощупь нахожу бляху babaha. Прости мама, прости отец, прости В.. Простите меня все, idiota... Раздаётся лязг, сердце прощается с телом.

И, ничего не происходит. Не верю своим глазам. Я отстегнул это говно и ничего не произошло! НИЧЕГО!

Срочно, на втором дыхании поднимаюсь на ноги. Спотыкаясь, сваливаю подальше от этой dresni. Смотрю на часы. ГОСПОДИ! СПАСИБО! СПАСИБО! Я ЖИВОЙ! Я ВЕЗУЧИЙ UBLYUDOK! ЧЁРТОВ ZASRANEC! ГОСПОДИ! ОБЕЩАЮ ЖИТЬ ЧЕСТНО. ОБЕЩАЮ ЗАНЯТЬСЯ СПОРТОМ. КЛЯНУСЬ НЕ РУГАТЬСЯ НА РОДИТЕЛЕЙ. ОБЕЩАЮ НАЧАТЬ ЛЮБИТЬ ВСЕХ ЛЮДЕЙ, НУ, ПОЧТИ ВСЕХ. Я БРОШУ ПИТЬ, Я БРОШУ КУРИТЬ. Я СТАНУ ЛУЧШИМ ЧЕЛОВЕКОМ НА СВЕТЕ. СПАСИБО, СПАСИБО, СПАСИБО. Я СТАНУ ЛУЧШИМ ЧЕЛОВЕКОМ НА ЗЕМЛЕ, КОТОРЫЙ ОТНЫНЕ БУДЕТ ЖИТЬ ПРАВЕДНО. ХОТЯ, ГОСПОДИ, НЕ СТОИТ ЗАБЫВАТЬ, ЧТО ВСЕ МЫ ЛЮДИ. И Я НЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ. ТЫ НА МЕНЯ, ЕСЛИ ЧТО, НЕ ГОНИ. МОЖЕТ, Я ГДЕ-ТО ПОЛЕНЮСЬ. КОГДА-ТО НЕМНОГО ВЫПЬЮ. В ПОРЫВЕ ЭМОЦИЙ НА КОГО-ТО НАКРИЧУ, НО НА ТО МЫ И ДЕТИ ГРЕШНЫЕ, САМ ПОНИМАЕШЬ, А Я ТЕМ БОЛЕЕ. ТЕПЕРЬ НУЖНО СРОЧНО ДУТЬ ДОМОЙ И СЪЕЗЖАТЬ НА ДРУГУЮ КВАРТИРУ, А ЛУЧШЕ ДРУГОЙ ГОРОД. СУДЯ ПО ВЕСУ ДВУХ КОНВЕРТОВ – ДЕНЕГ У МЕНЯ ПРЕДДОСТАТОЧНО. ЖИВЁМ!

Отбегаю на метров двести. Нужно отдышаться. Руки ужасно замёрзли. Засовываю в свои широкие карманы. Наклоняю голову, всматриваясь в торчащий циферблат. Просрочили уже минуты три и никакого взрыва...

«Неужели меня просто развели?» – думаю я, и в этот мо-

мент доносится громкий хлопок, от которого закладывает уши. Писк почти такой же, как и в детстве, когда взрывали соседний подъезд. Страшное *der'mo*. Представляю себя в эпицентре, сильно бросает в пот. Куча крови и разорванное тело. Фу! Перестать думать о крови, не хватало ещё упасть в обморок.

Через подземный проход возвращаться нельзя. Нужно в обход, а там, через станцию на электричку зайцем. Достают руки из карманов, побег с места неудавшегося преступления продолжается. Левая ладонка чувствует прикосновения листка, который решил подышать воздухом и *proebat`syu* навсегда. Ну что ж, дружище, твой выбор. Мне некогда нагибаться и поднимать тебя. Впереди меня ждёт светлое будущее, в котором я смогу наслаждаться редким солнцем и природой, выпуская изо рта дым хороших сигарет.

Всё начинается с малого,
с точки вне понимания
материи или пространства,
что родили себя сами –
атрофированными частями.

У отрезка всегда есть точки,
у вселенной есть бесконечность,
в совокупности же имеем две точки
с бесконечной длиной отрезка,

но все равно это отрезок.

Собою он намекает,
что конечность – вопрос промежутка,
а ещё вопрос восприятия,
а ещё – сам путь исчисления.

Всё остальное – декор,
никому ненужные краски,
всё это игрушки детей:
выросших, взрослых детей.

До сих пор они верят в сказки,
верят в нужность свою и силу,
что подарят конфету щедро
за поступки свои и те,
что не граничат с поступками бога,
безумными мыслями ига.

Люди – подобие божье,
полубоги все – его семья.
И если не ложь – это правда,
то убийство – дар отче,
богохульство – его совесть,
пьянство – его слабость,
самоубийство – его мечтанья,

а похоть – его спасенье.

Всё живое – проекция общего,
одного, большого ребенка,
что не хочет питаться кашей,
а еще придаваться снам,
но его всё равно уложат.

СВЯТО-ТЕСНО

Диалектика овального стола (1)

«...дет солнечно, без осадков. Ветер северный, один-три метра в секунду. А сейчас, специально для слушателей «FM Патриот», хит молодого поп-исполнителя, который всего за год успел взорвать все мыслимые и немыслимые чарты, став самой обсуждаемой фигурой в нашей великой стране! Фоллс, со своим хитом «ты ставишь ЗА» ...»

Четыре чёрных фургона с дребезжащими двигателями стояли друг за другом у закусочной. На каждом водительском месте сидел человек в чёрном обмундировании без опознавательного шеврона. Ладонка каждой левой руки мягко лежала на руле. Четыре указательных пальца (настроенные на одну волну) начали синхронно отбивать ритм песни.

Остальные восемь фигур в чёрном, что стояли у кассы, забирали двенадцать одинаковых заказов. В каждом небольшом пакете: бургер (плюс) кола. Каждый второй нёс пакет с внеплановым ужином своему водителю. Восемь тел неспешно рассосалось по двое. У каждого первого шевелились губы, напевая хит:

«...молодой и крепкий парень ты – рубаха. Поднимай свою пятую точку с кровати и давай вместе танцевать н...»

Стройные хлопки разорвали вечернюю тишину. Фургоны неспешно двинулись змейкой в сторону района «пять квадратов». Воздух наполнял мешки лёгких приятной прохладой, а за стеклом мелькала историческая архитектура центра. Люди возвращались с работы домой, иногда образуя на пешеходных переходах небольшие кучки. Редкие молодые люди шли себе беззаботно бог весть куда, не заботясь ни о чём, кроме своих нежных чувств.

«...мы поднимем себя и близких, создадим нерушимый союз. Всех свобод нам на свете хватит, сплотить на веки великую...»

На перекрёстке фургон, что ехал последним, свернул направо, остальные же держали рули прямо. Через два пролёта начинался квартал имени Морфенко. Местные ласково называли его «коробочка» из-за особенности ансамбля домов, которые образовывали собой замкнутую блочную систему. Да и сам квартал был не так, чтобы, больше по понятиям.

Три фургона повернули в карман налево, юркнув по узкому проезду в мышеловку.

Несмотря на и так наступивший вечер, в квартале Морфенко было намного темнее, чем на основной улице. Немногочисленные фонари горели тускло, да и то не все. По периметру в некоторых окнах через занавески тускнели лампы накаливания. На лестничных площадках же можно было увидеть сигаретную дымку какого-нибудь дяди Васи или Толяна. Всех этих так называемых жильцов в шутку (хотя по факту самая, что ни есть правда) сравнивали с тараканами. Вот они: хитрые, полуголодные глазки смотрят из щелей, стараясь не попасться на глаза.

Каждый второй таракан здесь чем-то, да должен, но в основном долг характерен денежным эквивалентом. За последние годы экономика пошатнулась, сделав интересный кувырок. Досталось даже высшим ячейкам. Некоторым богатеям, что не смогли пересилить себя, отказавшись смазывать себе анальные отверстия особенной смазкой – пришлось несладко. Некоторые умудрились полностью разориться, а если уж и такие люди «удачно» падали лицом в грязь, то что говорить о других? Вот они, новый средний класс. Без образования, без хорошей пищи, без возможности приемлемого достатка. С такими долгами, что ещё их внуки будут выплачивать все эти процентные пени, вспоминая своего деда с бабкой ласковым словом на букву «х».

И вот, горстка таких людей живёт здесь, да в похожих

кварталах, районах и городах. Они и внешне чем-то смахивают друг на друга. У нищеты одно лицо. Единственно ценное, что осталось у этих несчастных – жилплощадь. Вот и соседей не приходится выбирать. Тут так, семьи обширного свойства. Вот они все притаились, от голода их чувства обострены. Видят эти глазки три чёрных фургона. Умишки их задаются вопросом, что же эти фургоны забыли в такой дыре, да почему в такой непроглядной темноте фары не включают? Конфиденциальность, значит. Зреет что-то нехорошее, каждый думает на себя. Вспоминает свои косяки, сетуя о последних днях, что же он мог такого мог наворотить? Воображение дорисовывает правдоподобную картину. Раздувает из семян целую пальму, да. Ещё и с кокосами. Вот до каких подробностей. Дыхание сделалось тише. Охота начинается. Из динамиков слышится последний куплет:

«Твоя любимая мать – жена отца
на труд и на подвиг нас вдохновит.
И пусть славится отечество, пусть не рушится оно!
Святая любовь вождя и брата – самый большой оплот...»

В салонах резко замолкает радио. Три вестника беды с тихим мотором расплываются по периметру, останавливаясь рядом с ближайшими подъездами. Каждый набор скрытых замков лицезреет по две выскользнувшие тени. Дыхание замирает. В голове чувствуется пьянящий страх. Тихий молит-

венный шепот начинает вспоминать строчки, которые могут спасти в такой страшной и непонятной ситуации. Некоторые рифмованные куплеты додумываются самостоятельно. В таком действе может скрываться огромный плюс. Всевышний спаситель может расщедриться, дав пару лишних баллов за оригинальность. Никому не хочется слушать любимую песню неделю подряд, а тем более столетиями.

Первая двойка сворачивает за смежные стены ближайшего корпуса. Парные тени идут спокойно, но уверенно. Вот самый скомканный отрезок дома, да ещё с обгоревшим фасадом. На лавке трётся призрак под покровом клубов дыма. Завидев две приближающиеся фигуры, призрак не рыпается. Всё также спокойно сидит около засранной урны. Это подросток. Его зад размещён на спинке убогой лавки, а ноги стоят на деревяшках, где должен быть его зад. Маленькие злые глазки сверлят две приближающиеся фигуры. Бежать поздно – это факт. Но где гарантия, что он их клиент?

– Мужики, если вы разыскиваете Сутулога с первого, то дома его точно нет, точняк, я вам говорю. Сегодня весь день караулил эту гниду. Он и мне... – Гриша не успевает договорить, как тьму разрывает огонёк электрического дребезжания.

Гриша успевает только охнуть, тут же обмякнув. Четыре руки спасают его от пробития затылка, берут под мышки, начиная волочить обмякшее тело к фургону. С ближайшего окна кто-то не выдерживает. Женский голос ойкает под звук

радостной искры, очень явно слышится: «господи, что же это делается-то?» После, голос замолкает в надежде, что не накликал беду на свою личную важную персону. Тени не обращают на голос никакого внимания, исчезая с телом сопляка.

В это же время, соседний дуэт в чёрном одеянии бодро приближается к соседнему дому. Подъезд номер три. Ничем непримечательный, только сквозь ночную дымку просачивается еле узнаваемый цвет двери. Коричневый? Коммунальщики давно не опускались до такого дна.

Фигуры замирают, когда замечают выходящего из подъезда мужчину. В руках у него валандается туда-сюда мусорный пакет. Внешность любопытным не разглядеть, но вот эти замершие на месте фигуры что-то соображают. Тень с мусорным пакетом замирает при виде теней, затем резко и без лишних слов метнув в их сторону несчастный вонючий мешочек.

Тот прилетает точно в голову левому. Безшевронный успевает увернуться. Агрессивная тень бежит сломя голову в противоположную сторону. Один стартует вдогонку. Второй остаётся на месте и, судя по движению, что-то достаёт из кармана, какую-то фаллическую штучку. Раздаётся лёгкий звуковой флёр, напоминающий тот звук с детства, когда некий дурачок с задней парты плевался бумажными шариками посредством ручки и воздуха из своих лёгких.

Проходит мгновение. Убегающая тень резко обламывается, образуя на асфальте лёгкий рельеф сбитой ветки. Первая

бежавшая тень уже спокойно шагает к бугорку. Тот, что прикладывался губами, догоняет первого трусцой, попутно обрачиваясь по сторонам, особенно внимательно изучая ближайшие окна. Лишних голов вроде как нет. Всё тихо. Они переговариваются. Тихий шепот ходит осторожно, со стороны может создаться чувство немой статики. По итогу тень покрупнее берёт обмякшее тело «ветки» себе на плечо, грузными шагами волооча к машине. Товарищ караулит подъезд. Судя по всему, их «тёмные делишки» ещё недоделаны. Так и есть. Вот силач возвращается, менее непринуждённо и шатко. Подустал, бедняга. В руках что-то блеснуло. Бравые молодцы заходят в подъезд, пропадая с поля зрения на долгих пять минут.

Выходят же они с ещё одним жмуриком. Второй поплотнее первого, да и роста меньшего. Получается уже какая-то пухлая ветка.

Призраки в окнах, где нет голов, охают и ахают. Чувствуется табачный дым. Второе тело удачно закидывается в тот же фургон, тёмные лошадки исчезают вместе с ним.

К третьей машине две оставшиеся тени волочат проститутку местного разлива. По какой-то причине её не стали вырубать. Слышен прокуренный испуганный голос, который под разными предложениями пытается то ли выторговать себе свободу, то ли запугать:

– Парни, ну в самом деле, что я вам такого сделала? Вы ведь не из полиции? А даже если и да, то может, договорим-

ся? Хотите минет за полцены?.. Да у меня ребёнок дома голодный, как вы, суки, не поймёте?! Простите, простите. Давайте я дам бесплатно, только отпустите. Зачем вам понадобилась какая-то шлюха? Я требую немедленно отпустить меня, вы не имеете права! Простите, простите...

Этот кричащий комок биполярки, наконец, закидывают в машину. Последнее, что успевает крикнуть развратный рот: «Да в самом деле, я не давала согласия сниматься в программе обыск и свидание, тва!..» – дверь захлопывается. Весь двор облегченно выдыхает. Хоть одна хорошая новость. Весомая проблема изуродованных юдолью женщин решена: главная шаболда более не будет соблазнять их слабохарактерных мужей.

Снова раздаются синхронно-заведённые двигатели. На этот раз можно не прятаться, дело сделано. Включенные фары разрывают густо накуренную тьму. В это время очень быстро темнеет. Дюжина колёс змейкой выкатываются из норы.

Тем временем в соседнем квартале четвёртая машина забирает своего попутчика. Как удивительно, что через дорогу стоят уже более чистые солидные дома (хотя вопрос, конечно, спорный), да и вид местных жителей внушает больше спокойствия, нежели страх за собственную жизнь. Чем богаче человек, тем менее он походит на хищника. Фургон останавливается около местного магазинчика. Причём это, о боже, не разливуха мочи.

Четыре ноги в чёрных говнодавах направляются в сторону высотки. Новостройки – убежище приезжих, которые стекаются в мегаполис с необъятных уголков. Думается, здесь мало собственников, которые проживают в ульях. Всё под съём, да под старость лет. Одно другого не исключает.

По микрофону в ухо неизвестному что-то говорят. Ноги прибавляют шаг. Глаза профессионально прочёсывают всю плоскость пространства. Вот он: худой, гладко выбритый, глаза смотрят себе под ноги, явный сколиоз, ещё и очки с толстым стеклом.

Крепыши подкатывают к планктону мягко без агрессии, без применения физической силы. Их ноги делают плавную дугу, тем самым заходя с тыла, как бы вставая по обе стороны от жертвы, нежно просовывают так свои мускулистые руки под эти две безжизненные палки.

Невинные щенячьи глазки смотрят испуганно, голова мотается от одного к другому. Лево-право. Лево-право.

– П-п-простите... а-а, а что, собственно, происходит? – Голос щеночка дрожит так же, как и при первом подростковом соитии. Постаревший малыш искренне недоумевает.

– Алексей Константинович? – Вежливо спрашивает его правый.

– Вер. Гм... Верно. Да. Это я...

– Не бойтесь. Вы ничего плохого не сделали. Мы просто с вами поговорим. Немного покатаемся, уладим один вопрос, а затем доставим вас домой в целости и сохранности.

– Но! Куда? Простите...

– Здесь недалеко.

На этом разговор заканчивается. Алексей почти добровольно, под ручки, садится в фургон чёрного цвета. Дверь за ним захлопывается (ох уж эти щенячьи глазки, полные невинного ужаса!) Фургон неспешно выскальзывает на главную улицу, где присоединяется в строй к своим.

Воздух всё также отдаётся прекрасной прохладой. Настроение у ребят в чёрной форме без каких-либо опознавательных нашивок – просто чудесное. Всё гладко, как и планировалось. Не сговариваясь, во всех четырёх машинах снова включается радио, откуда начинает доноситься бессмертная классика:

«...ая луна стала нашей виной.

Все везде говорили

этой странной любовью,

которую так никому – ему не простили!»

Под звуки лирической песни, омерзительный подросток начал с омерзением приходить в себя и жалеть, что его не убили сразу. Алексей был погружен в свои мысли, при этом содрогаясь всем телом. Худой и пухлый лежали в отключке. Проститутка же посчитала песню пророческой. Она начала догадываться, в чём может состоять причина её «задержания», и если её догадка верна, то дело пахло крайне

скверно.

«...от он поднял меч и вымолвил:

честь моя, ох, моя честь...

Лишь она, лишь она – будь счастлив, брат...»

Ехал конвой недолго. «Минут двадцать» – посчитала про себя проститутка Дина. Ещё она думала о том, как всё же время относительно. Допустим, если взять отрезок в двадцать минут. Для скорострела – целая вечность. Для ребёнка, гуляющего во дворе – одна секунда. Для неё, Дины, двадцать минут, проведённые в этом чёртовом грузовичке, впустую потраченные двадцать минут. И, несмотря на всю серьёзность ситуации, она всё равно чувствовала больше гнева, нежели страха.

По сути, ничего ужасного ещё не случилось. Как она поняла, с ней просто хотят поговорить. Если бы хотели убить – убили на месте. Иначе нужно быть кончеными идиотами, чтобы везти какую-то сраную шлюху бог знает куда. При мысли о «сраной шлюхе», Дина поперхнулась. Оскорбила саму себя. Нет. Она не сраная шлюха. Вполне себе хорошая, добротная такая шлюшка. По крайней мере подмывается чаще многих фиф.

Один из её похитителей всю дорогу молчал. Только глаз не отводил от тела женщины. Её это не смущало, но немного напрягало в том плане, что случись что: трахаться не за

деньги, а по прихоти с мудаком, не очень-то и хотелось.

С того момента, как машина куда-то приехала (Дина слышала, как водитель говорил по рации, а затем последовали звуки открывающихся ворот), прошло уже несколько минут, но дверь фургона никто не открывал, да и ничего не происходило. Она хотела уже открыть рот. Хотела сказать, что у неё не так много свободного времени, что ей нужно кормить своего выдуманного ребёнка, а ещё платить за придуманную ипотеку, да и вообще, у неё куча своих личных проблем, которые никто не будет решать за неё, но в этот момент в ухе её надзирателя зашуршало. Тело в чёрном зашевелилось. Его крепкие руки на широких плечах раздвинули тяжелую дверь фургона. Яркий свет ослепил Дину. В голове щёлкнуло. Рука сама дёрнулась к лицу.

Тяжёлые ботинки выпрыгивают в проём, а мягкий мужской голос обращается:

– Мисс, будьте добры пройти за мной. Я вас сопровожу в общую комнату для беседы.

– Беседы? Вы человека похитили, между прочим. Я вас боюсь! – Осмелела Дина, понимая, что как минимум никто не будет её резать на маленькие кусочки, которые потом расфасуют по мусорным мешкам. Она самостоятельно встала на ноги и, проигнорировав руку мужчины, вылезла наружу.

Проститутка оказалась в большом подвальном гараже, какие часто теперь делают в новостройках. Покрашенные в белый цвет стены, куча лампочек, а метрах в пятнадцати бле-

стит металлическая широкая дверь.

Мужчина в чёрном жестом приглашает Дину пройти к двери лифта. Периферийным зрением женщина замечает ещё три фургона, припаркованные друг от друга на небольшой дистанции. От двух ближайших машин уже подтягивались «гости» мероприятия неизвестного свойства. Каждый с сопровождающей тенью.

У двери лифта Дина быстро прочесала глазами людей. Молодого она сразу узнала. Ненормальный чертёнок с её квартала. Память сразу сделала вброс о том дне, когда эта зелень захотела воспользоваться Диниными услугами, да так воспользовалась, что она снова почувствовала ужасный запах. Не стоит и говорить. Одним словом – поехавший. Зачем только эту гниль захватили с собой – неизвестно. Второй мужчина с унитазами стёклами на глазах показался женщине знакомым, но её мысли прервались сигналом лифта. Дверь распахнулась. Все шестеро удобно поместились в кабину. Гришу ещё слегка трясло, но он был на удивление довольный.

– Вот этот гондон в чёрном бабском тряпье обещал, что мне хорошо заплатят. – В воздух выпалил Гриша, смиря своего провожатого грозным взглядом. Присутствующие непонимающе глянули на эту низкую, кислую физиономию подросткового хаоса.

Один из провожатых нажал на кнопку третьего этажа. Из гаража донёсся непонятный бубнёж, больше смахивающий

на ссору. Дине показалось, что она расслышала слова: «я никуда с вами не пойду и Лёня тоже!», но разобрать было действительно тяжело, а всё из-за приветливой музыки. Ох уж эти дорогие и качественные лифты, где вместо обоссанной стены и засохшей спермы тебя встречают широкие зеркала, приятная фоновая музыка и качественное освещение, которое лучше в стократ, чем в собственной квартире. Так хорошо, что аж мерзко здесь находиться. Ну, может и не мерзко, но непривычно. Неужели за дверью уже стоит, ждёт королева, которая всех пригласит на чашечку чая с коровьей мочой из огромной сиськи, что походит на морскую мину? Сомнительно.

Ехать недолго. Все-таки технологии, да и третий этаж. Дверь открывается. Никакой королевы нет. Только тускло освещённое пространство. От его вида становится немного жутковато.

Коридор узковатый. По стенам натыкано куча дверей, но все они без табличек с именами, только номера. Да ещё так убого, боже. Так всё правильно здесь и сухо, что Дина понимает, да, это правительственная организация. Кто ещё будет тыкать так скучно кабинеты от единицы и дальше по возрастанию? Даже в государственных больницах числа поинтереснее. Первая, по крайней мере, должна вот обозначать этаж. То есть, в данном случае уже промах. Где тройка?

Три, четыре, пять... шесть, семь, восемь... Коридор достаточно узкий, аж давит на мозги. Вдвоём вширь идти про-

блематично. Очутившись словно в кишке, все идут змейкой, да так, что один блэкшмотошник ведёт всех, а последний в чёрном замыкает. Получается нарушенная последовательность пианинных клавиш.

Дина идёт третьей с конца, за ней садист Гриша. Она чувствует взгляд на своей заднице. Она думает, что если этот мелкий посмеет тронуть её, или хотя бы отпустить сальность, то она задушит его. Дина начинает злиться на этого веснушчатого карлика, но, как ни странно, тот ведёт себя спокойно и тихо.

На кабинете с номером десять змейка притормаживает. Тишина. Первопроходец вежливо стучит три раза и, не дожидаясь ответа, открывает дверь, жестом приглашая гостей зайти.

Первым на очереди стоял Лёша Гундяев. Его иллюминационные рыбы глаза встревожено изучали жест сотрудника, а затем, его освещенная от комнаты физиономия уставилась на Дину и Гришу. На лице читался неподдельный страх. Его худые руки дрожали, это было заметно невооруженным взглядом. На Гришу эта жалкая худая фигура смотрела с какой-то надеждой, но когда глаза Лёши сфокусировались на Дине, то его и так бледное лицо совсем стало прозрачным. Именно, он узнал женщину. Этот жалкий абориген сразу же отвернулся и, сделав глубокий вдох, исчез в свету открывшегося портала.

Лицо Дины, наоборот, теперь излучало широкую улыбку.

Весёлого, разумеется, тут мало чего, но она признала голубчика, вспомнила его в тот недавний день, таких кадров тяжело забыть навсегда. Один сплошной анекдот. Теперь она ещё больше укрепилась в своих догадках, а недавние слова Гриши про то, что этому уроду дадут лаве – настроили женщину на позитивную волну. Вот как, оказывается, бывает. А если живительную бумагу дадут такому идиоту, то и ей, соответственно, перепадёт хороший кусок.

Эффектной походкой Дина проскальзывает мимо «придурка» в форме, успевая подмигнуть ему одним глазом, а вторым «пальнуть» на его ширинку (ну а что, немного флирта не помешает). Последним идёт Гриша. Перед самым входом он останавливается. Бросает хитрый взгляд на первого служащего, затем на второго и третьего, про которого уже все успели забыть (как хорошо он замаскировался у противоположной стены). Эта веснушчатая наглая рожа начинает издавать носо-ротовые звуки, словно дырка ванны засасывает последний глоток воды, только этот секундный звук на вечном повторе. Затем Гриша резко выхаркивает с причмоком огромный жмень слюней вперемешку с соплями, важно и гордо окидывает взглядом «гондонов в бабском тряпье».

– На первый раз предьяв не будет, пацаны, но ещё раз заявитесь на мой район... – Не успевает он договорить, как получает удар под дых от ближайшего дяди, а затем эти же сильные руки зашвыривают мудака в кабинет к остальным.

Дверь закрывается на ключ. Три фигуру в чёрном обмун-

дировании неспешно идут в сторону лифта.

Кабинет номер десять. Светлый. Квадрат пять на пять. Приблизительно со среднюю студию, только без мебели, от чего кажется, что пространства здесь более чем. Из мебели только овальный стол посередине. Знаете, почти как в фильмах, где есть кадры из белого дома, только чуть поминиатюрнее, да с привкусом родины. Не очень новый, да и не во всех местах «подмытый».

Отдышавшись от неожиданного удара, разогнувшись и, наконец, встав на ноги, Гриша видит вполне приличную компанию взрослых тёт и дядь. «Приличная» для Гриши, значит, в замкнутом помещении находилось больше четырёх человек, чему он был явно не рад и слегка удивлён. Он насчитал шестерых. Парень сразу заметил, что хоть все уже уселись, «и даже эта грязная шляха» – промелькнула у него оценочная мысль о Дине, которую он ну очень хорошо знал. Так вот, хоть присутствующие уже припарковали свои тазы на стулья, оставалось ещё четыре свободных места. Один для его величества – ясен красен, а остальные три? «Значит, ещё не все пришли» – смекнул он, похвалив себя за наблюдательность. Такой бандит уж точно не пропадёт.

Гриша облизнул губы. Ребят в чёрной форме здесь не было. Подросток сразу осмелел. Взгляд сделался хищным и надменным. Все присутствующие с вопросом смотрели на него (так ему показалось), он начал изучающе пыриться на

каждого по отдельности.

Первым на глаза попался молодой парень, чуть старше его самого. Дрыщавый, взгляд отстранённый. Одет как президент на минималках. Гладко выбритый, руки держит под столом. Сразу рядом с ним, по левую руку, уселась какая-то тётка. Взгляд нагловатый, есть второй подбородок. Её маленькие пальчики наминают плечо «президентскому прыщущу», при этом что-то тихо говоря. Рядом с «мамашей» (а вдруг она действительно мать?) сидит ещё один перхастый среднего возраста. Чёрт разберёт, щетина может добавлять, но судя по помятой роже, ему лет тридцать с копейкой. Такой же глистоватый по своей форме, как и маменькин сынок, только ниже ростом, да в придачу всё елозит на стуле. «Понятно всё, петух» – вслух произносит Гриша, обращаясь ни к кому. Рядом с «яйцебородым» села эта шлюшка. Фу, мерзкая дрянь. Подле неё крутит усы плешивый дед, да ещё с такой ровной и гордой осанкой, что въ..., а впрочем, нет. Обычная старая перхоть с лишним весом и таким видом, что уже скоро полетит, как ракета к звёздам.

Рядом пустым краем уместился человек-иллюминаторы, человек-палка копатель говна. Он настолько жалок, что боится элементарно поднять глаза. Вот кто мог стать хорошей партией человеку «я отсидел, меня е...»

Последним на глаза падает мужчина, сидевший рядом с «костюм-тройка» дурачком. Гриша сразу узнал его. Ну ещё бы! Можно смело сказать, что Гриша даже удивлён такой

встрече. Мужчина, восседавший на стул, и безразлично, как сквозь стену глядевший на него, был не кто иной, как Андрей Соловьев. Как-никак – звезда центрального телевидения. Ведущий, красавчик, богатей, да и вообще, лучший мужчина во всей стране (после вождя, разумеется) по мнению маленьких девочек, да доброй сотни тысяч уставших домохозяек, которые смотрят его болтовню каждый вечер в надежде уйти от своей колхозной реальности.

Гриша проходит к свободному стулу, что стоит рядом с Соловьёвым. «От него хоть вонять не будет» – думает лучший малолетка на всём белом свете. Он усаживается на свободный стул, а затем очень наигранно обращается к Андрею:

– Мистер великолепный, здесь не занято?! Изволите, я присяду? – Громко чеканит Гриша, раскидывая по столу свои руки.

– А вы, молодой человек, я так понимаю, ослепли? Где же ваш поводырь, в таком случае? – Сухо и спокойно парирует мужчина, теряя к парню интерес. Его взгляд переключается на белую стену.

Сначала Гришин нос чует запах дорогих духов, а затем начинает различаться лёгкий флёр примеси говна с потом.

– Блять! Кто обосрался?! – Начинает орать он, но не двигается с места. Есть вероятность, что именно он немного и приспустил, но лучшая защита – нападение.

– Да заткнись ты уже! – Не выдерживает Дина, – ты наверно и обосрался! Не прошло и трёх минут, а уже вывел

меня из себя!

– Мнение шлюхи никто не спрашивал! Смотри, я сейчас откопаю пару бумажек и заставлю тебя сосать мой хер! – Григорий совсем взъерошился.

– Во-первых, мой рабочий день закончился. А во-вторых, я принимаю только натуралов. Ха-ха. Ты ведь не думаешь, что я тебя забыла? Или мне прилюдно напомнить, как ты...

– Дина не успевает закончить, как мальчика просто разрывает в клочья.

– А ну молчи, шлюха! Молчи! Я ведь убью тебя! – С пунцовым лицом орёт комок ненависти, приподнимаясь со своего места.

Андрей резко хватает зачинщика за руку, приказывая успокоиться. Ещё он добавляет, что сейчас не время для рукоприкладства. Ведущий спрашивает, знает ли Гриша для чего он здесь? «Чтобы получить лавэ, разумеется». На этой мысли засранец обмякает. Дина с лёгким испугом в глазах победно смотрит на врага. Во время перепалки доносился чей-то шепот «Боже», но идентифицировать личность говорившего уже не получится.

Парень, сидящий рядом с Диной, тихо шепчет:

– А ведь действительно, немного несёт... То ли гнильцой, то ли говном... Будто лёгкий аромат такой, знаете, как будто сквозь несколько слоёв ткани понемногу выходит. – Задумчиво говорит Федя. Всем прекрасно его слышно.

– Да что же вы всё заладили о гадком? Ну! В самом де-

ле. – Возмущается окрещенная мамаша. В этот момент она перестаёт мять плечо. Её пухленькие, но в то же время симпатичные руки, деловито приземляются на край стола.

Гриша собирался перебить женщину, но около двери слышалось шевеление. Сначала донёлся звук, будто кошка лениво скребётся в лотке – это звук вставляемых ключей. Затем пошел такой «шух-шух» – это поворачивается замок. Сквозь появившуюся щёлку врывается мужской приятный голос:

– Поэтому господа, произошла какая-то путаница. Вы уж извините, что мои коллеги так радикально с вами обошлись, но вы не оставили им иного выбора, прошу вас. – Голос всё ещё в коридоре.

На «прошу вас» по очереди заходят двое мужчин. Видок у них оказался достаточно «славный», по издевательскому мнению Гриши. Что у высокого, что у низенького, лица были расписаны кровью и синяками. «Ниндзяки» хорошо так приложили ребята, профессионалы своего дела.

Тот, что повыше, читался явно моложе. Весь из себя гладковыбритый, с женским каре на голове в седину. Зайдя первым, он широко улыбнулся, произнеся: «Вечер в хату, дамы и господа». Второй, что пониже и попухлее, был старше, и имел глуповатые усы на старый манер. И хоть он явно был старше первого, волосы отливали идеальным каштаном. «Крашенный ridor» – отметил про себя Гриша.

Длинный (Миша) отрывисто глянул на подростка, и ух-

мыльнувшись, сел рядом. Подросток с невозможным отворачиванием смотрел на гостя, не веря своим глазам. Михаил вальяжно смахнул с лица волосы, открывая заострённый профиль, и специально обратился к парню:

– Тут не занято-о-о? – Протянул он на манер самых манерных готіков, каких ещё поискать. – Спасибо, дорогуша!

Дина и ведущий прыснули слюной. Гриша, в свою очередь, так обалдел, так обалдел, к слову, что начал просто смотреть в одну точку, пытаясь что-то сообразить. Рядом, со спокойной миной, подсел второй и, видя, как его друг нарочно задел Гришу, спокойно обратился:

– Миша, вот зачем ты так? Не видишь, человеку неприятно. – Сказал он, переведя взгляд на подростка. – Молодой человек, вы извините моего друга, он слегка вне себя от радости, что этим прекрасным вечером его яйца не вздёрнут на плахе правосудия.

– Угу. – Промычал Гриша, только кулаки побелели от напряжения, но перебранки не последовало. Походу парень настроился на взрослую волну, решив сперва получить обещанное, а уже потом уладить личные вопросы. Да ещё эта сучка Дина, слишком много знает для шлюхи. Нужно будет с ней разобраться...

Наконец вошел закадровый голос. Он так элегантно захлопнул дверь, а после прокрутился на каблучке, что никто сразу и не увидел его лица. Только широкая спина красовалась в дорогом костюме королевского синего цвета с малень-

кими крапинками орнамента иностранного бренда. А ещё эти чёрные такие туфли классической формы на, скорее всего, ногах с идеальным маникюром, аж тошнит от того, насколько всё идеально. Снова раздался звук поворачивающегося ключа.

«Костюм» развернулся на сто восемьдесят градусов. Присутствующим открылось прекрасное лицо мужчины. Средний естественный загар (на родине так не получится подгореть), аккуратно выбритое лицо, большие глаза, пухленькие губы (ботокс?) А ещё вон мужественная челюсть, острая, что аж режет глаз. Очень ухоженные брови. Одним словом – мужчина модель.

Смотришь на такого, и невольно начинает вырабатываться слюна как при запахе съестного на пустой желудок. У Дины сразу намокли трусики, да засосало под ложечкой. Щёки «мамаши» покраснелись, а Миша заворуженно смотрел в район ширинки, прикидывая в уме, что там, да как?

Мужчина обвёл всех взглядом. Каждому он подарил свою дружелюбную улыбку. В руке у него нарисовалась толстая папка скоросшивателя, помеченная на обложке как: «Xdirect734».

– Приветствую собравшихся. Очень рад видеть, что все пришли на это небольшое, так сказать, собрание. Меня зовут Фёдор Абсманов, и я пред...

Его перебила Дина:

– Вы считаете нормальным называть кражу человека и пе-

ревозку в чёрном фургоне под угрозами словом «пришли»? –

– Ах, что вы, разумеется, нет, но вы не оставили нам выбора. А впрочем, давайте лучше решим все вопросы по порядку и...

– Вы сразу скажите, сколько мне зелени отвалят?! – Встрял Гриша.

– Хм. Молодой человек, не переживайте. Учитывая, что вопрос государственной важности, никто вас не обидит в финансовом плане, можете быть покойны. Но всё же мне хотелось начать наш диалог не в такой хаотичной форме, а всё же выйти из пункта «А», затем дойдя в пункт «Б» со всеми вытекающими. Согласны? – Фёдор ещё раз улыбнулся своей потрясающей улыбкой, обведя каждого своим дружелюбным взглядом.

– А, а зачем вы дверь закрыли на ключ? Зачем вы нас заперли? – Нервно поинтересовался зашуганный, сидевший рядом с Диной.

– Не беспокойтесь. Дверь закрыта, потому что так прописано в нашем уставном кодексе. Если вдруг вам понадобится выйти в уборную или ещё по каким-либо причинам, вы беспрепятственно сможете это сделать. Ещё вопросы есть?

Гриша поднял руку.

– Кроме вопросов о сумме вознаграждения.

Гриша убрал руку.

– Отлично. Тогда предлагаю нам для начала познакомиться. – Фёдор занял последний свободный стул и, положив

свою папку на стол, открыл первую страницу.

1. Дом и.д.и.о.т.-а

– Федя... кхм-кхм, Фёдор! – Невысокий дядечка в докторском халате, с присущей ему тихой манерой пытался дошептаться до своего любимого пациента, который неспешно шел по коридору о чём-то думая. – Фёдор Михайлович!.. Мышкин! – Наконец чуть громче окрикнул он парня и тот, наконец, нежно обернулся в профиль, выставляя напоказ свои большие глаза на очень худом лице.

– Здравствуйте, Арсен Маркович. Не услышал вас сразу, обдумывал тут кое-что. – Искренне ответил Федя, которому не так давно стукнуло двадцать шесть лет, но ввиду своей серьёзности и наличия щетины, выглядел он чуть старше, да ещё эта не совсем здоровая худоба накидывала годков.

– Здравствуй-здравствуй, дорогой. Как ты себя чувствуешь? Катя, кхм... то есть, Екатерина Сергеевна говорит, что ты стал очень разговорчивым с ней. – Радостно, в свои пол октава, промурлыкал Арсен.

– Неужели?! – Встрепенулся молодой человек, сильно краснея и уводя глаза в сторону.

– Тише-тише, молодой человек. Ну чего вы, в самом деле, так возбудились, будто я сказал какую-то ужасную новость. Екатерина Сергеевна сказала мне это исключительно в поло-

жительном тоне, – озираясь по сторонам, успокоил доктор. Он знал, что половина Фединых эмоциональных успехов – общение с Катей. Было очевидным, что он влюблён в эту молоденькую медсестру. Знал бы Фёдор, какая она в жизни... Хотя, может это просто слухи, чего народ не порасскажет из простой женской зависти, особенно когда этот народ уже не так молод и свеж.

– Неужели? А впрочем, я думаю, если бы Екатерине Сергеевне не нравилось моё общество, то она нашла бы повод не сидеть со мной. Впрочем... не знаю. – Ещё больше покраснел Фёдор, но мимика его лица разгладилась, сделавшись не такой напряженной.

– Давайте сменим тему, чего вы, в самом деле? Успел я вчера полюбоваться на ваше новое полотно. Очень впечатляет, молодой человек, очень впечатляет. Вы сейчас куда-то торопитесь? – Уже совсем было непонятно, где врач, а где пациент. Если отбросить «указывающую» униформу, то можно было предположить, что разговаривают два доктора, либо напротив, два пациента. Одним словом, взятый тон походил на общение двух старых приятелей.

И не удивительно, Федя Мышкин попал в стены психиатрического дома ещё в юности, когда ему только стукнуло четырнадцать лет. Тогда он был совсем плох, что аж жуть берёт.

– Сегодня, если я не ошибаюсь, понедельник. В этот день я позволяю себе лениться, вы же знаете. Да и к тому же для вас

всегда найдётся лишних сколько угодно минут. – Оживился Федя.

– Тогда вы не против составить мне компанию и спуститься в приёмную? Мне хотелось бы ещё раз взглянуть на картину, только чтобы на этот раз сам автор был рядом. Ты ведь, Фёдор, знаешь, какой из меня неблагодарный бывает зритель. Пока не ткнёшь мне пальцем, и слона не увижу. Вопросы по твоей работе у меня возникли. А сколько интереса в ней! Ой, всё! Меньше слов, ближе к делу! Пойдём.

Фёдор и Арсен Маркович обменялись улыбками, двинувшись в сторону лестницы. Не было смысла спускаться на лифте со второго этажа, но доктор не ездил в металлических замкнутых коробках и по причине боязни, поэтому у себя дома этому пожилому дяде приходилось каждый день (и каждый вечер) карабкаться короткими ногами на девятый этаж. В его возрасте, а впрочем, может и на пользу, кардионагрузка полезна. Арсен по возможности старался скрывать свой недостаток, свой слепой страх. Ещё бы, он всё-таки высокочеловеческий врач, помогающий бороться со страхами и трудностями людям, и какой стыд и позор иметь такой вот очевидный недостаток, да ещё не иметь сил от него излечиться. В любом случае, Федя являлся доктору другом, он знал о такой «особенности» своего врача, поэтому никаких неловкостей (и колкостей) не возникло.

Мужчины очень быстро добрались до приёмной, хоть шли неспешно, ведя отстранённый диалог. Пара ног в туфлях и

пара в тапочках остановилась у стены рядом с мягким диваном для ожидающих. Сейчас в приёмной никого не было.

Только за стойкой мелькала женская молодая головка, тихо шепчущая сплетни в трубку. На такие вещи доктор закрывал глаза. Ну а что? Девочки здесь работают небогатые, а на такой усидчивой работе всегда наступает скука, особенно под вечер. Так хоть поболтает с подругой, посплетничает, после чего эмоционально проще пройдёт очередной долгий рабочий день.

Головы Арсена и Феди теперь внимательно изучали свежее полотно, которое Мышкин недавно закончил. Масляные краски ещё не успели высохнуть до конца, поэтому от картины исходил спорный аромат. Оба мужчины спокойно втягивали запах краски, щурясь от удовольствия.

Работа была написана на зернистом холсте, натянутом на подрамник одним из старых знакомых доктора специально по просьбе Феди. Уже как десять лет у пациента и главного врача был неофициальный договор, по которому Арсен Маркович обеспечивал своего друга всем необходимым материалом, а Фёдор, в свою очередь, изливал свой творческий потенциал. Все написанные картины он дарил клинике, которые и развешивались по всем (разрешенным с точки зрения безопасности и выигрышности) стенам.

Свежая работа оказалась достаточно компактного, стандартного такого размера: восемьдесят на шестьдесят. Для Мышкина небольшой формат, но есть где развернуться сред-

ней кистью. Ориентир вертикальный.

Читалась работа сверху вниз из-за своей структурной схожести с игральными картами, их горе-«перевёртышами». Достаточно декоративная заливка без формообразующих мазков. В верхней части располагался царь Николай с родными. У всех членов семьи были неестественные позы. Их изломанные тела буквально сплетались между собой, образуя некое подобие аппликации. Что одежда, что лица – покрашены в ядрёный красный цвет, что при достаточном свете давало эффект рези в глазах. Так же присутствовал полутон, более тёплый и спокойный. Всю середину и нижнюю часть занимали радостные фигуры Ильича и его пьяных соратников.

Тела же их находились на разном уровне, но почти без промежуточного пространства, что тоже давало аппликативность. Ильич с соратниками выкрашены в голубой цвет, а в руках в-ь держал маленький символ движения (серп и молот), выкрашенные в три цвета: чёрный, красный и золотистый. Если близорукому человеку снять очки, отойти на метра три-четыре от полотна и сощурить глаза, то он вполне мог увидеть обобщенную картинку, где над голубыми скалами разверзлось грозное вулканическое небо.

Фёдор смотрел сквозь свою работу. Его разум был охвачен совсем иными мыслями, хоть они и тесно связывались с постоянной борьбой, которая присуща как любому живому человеку, так и другой живой материи иного свойства.

Разум Арсена Марковича наоборот, в настоящий момент был озабочен только полотном. Его живые и ясные глаза лукаво скакали по работе слева направо, сверху вниз, пытаясь не пропустить ни одной детали, а в лучшем случае, пытались найти те, которых и вовсе нет на плоскости.

Уголки тонких губ чуть приподнялись. Доктор на секунду коснулся на автора, а вернув своё внимание снова на работу, заговорил:

– Вот скажите мне, голубчик, основное положение мне понятно. «Красный» Император с семьёй пребывают на небесах. Красные они, я так понимаю, потому что их убили красные? Или это очевидный символ крови?

– Да. – Коротко ответил Федя, не отрывая взгляда.

– Угу... Значит, да... Тогда, любезный, объясните мне, почему Ильич со своей «братией» окрашен голубым цветом? В чём здесь связь? Ты не подумай Федя, работа отличная. Я бы сказал, очень такая исторически-символическая. Просто я, сколько не думал, всё не мог взять в толк, причём тут голубой.

– Ну как же, Арсен Маркович, император он кто, по факту? Король, правильно. – Снисходительно ответил Мышкин, переводя свой взгляд то с картины на доктора, то снова на полотно. – А раз император по факту король, то у королей кровь голубая. Вот и товарищ со своей «братией» замарал свои маленькие ручонки об эту кровь, да не просто замарал их, а так сильно погряз в этой голубой крови, что вымазался

ею навзничь.

– Как у тебя они лихо обменялись цветами! Но ведь Николай и после смерти оставил за собой титул последнего императора, то есть остался со своей метафорической голубой кровью, а «завоеватель», в свою очередь, только подтвердил свой красный флаг. Не считаешь? – Лукаво высказал своё предположения доктор, полностью довольный, что поставил своего друга в такой логический тупик.

– Полностью с вами соглашусь, хорошее замечание, но тут есть маленькая неувязочка. Во-первых, вне зависимости от социального статуса, кровь у всех одинаковая. Но здесь, знаете ли, тройное дно. Кровавое воскресенье, равенство перед смертью и за что была пролита эта кровь. Проще говоря, Император и его семья как бы оказались на небесах уже не в привычной империи, а в совке под красным флагом. – Обычным голосом подытожил Федя.

– Очень любопытно, под таким углом я не думал, но ты мне не объяснил, почему «красные» покрашены в голубой цвет. Неужели причина только в этой символической голубой крови?! Фёдор! – Доктор говорил на повышенных, несвойственных для себя тонах. Он явно возбудился скорой разгадкой.

– Ну, тут есть ещё один подтекст, кхм... – Немного ступшевался Мышкин. – Понимаете ли, в этом цвете и скрыт, скажем так, лёгкий «мазок» современного языка. Этот голубой цвет намекает на то, что «красные» поступили как...

pidorasy. – Неловко закончил Федя. У него было такое чувство, что вот он маленький такой, нечаянно сказал бранное слово при отце. Но это, конечно, глупость, ведь он не был знаком со своим отцом лично, только по неохотным рассказам матери.

Наступило секундное молчание. В голове Мышкина эхом разносилось собственное последнее слово. Послышался гор-таный непонятный звук, а затем Арсен Маркович зарвался громким хохотом. При виде того, как доктор захлёбывается в слезах, повторяя «pidorasy... мазок с... современного языка», Феде тоже стало смешно. Напряжение спало. Мужчина расслабленно улыбался. Даже девушка за стойкой отвлеклась от своего разговора, с улыбкой наблюдая такой редкий припадок смеха своего пожилого заведующего.

– Ой, Федя, ну насмешил старика. Слушай – это просто КЛАСС. Ха-ха, ну ты понял! Теперь одна из моих любимых работ, вот завернул, паршивец. Талант! – Похлопывал он друга. – Я бы с радостью с тобой ещё поболтал, но нужно подготовиться, сам понимаешь.

– Ещё успеется. – Ответил мужчина, собираясь уже идти в сторону лестницы, на втором этаже находилась его личная палата.

Второй этаж был отведён для самых спокойных пациентов, от которых не ожидалось проблем, и которые имели полное право спокойно передвигаться по клинике без особого надзора.

– А, Федя! Фёдор! На секунду. – Подозвал Арсен. – Со-
всем забыл о небольшой просьбе... это не обязательно, но,
если вдруг у тебя получится... Не сможешь ли ты прийти
на общую терапию? Должны привести новенького пациента
с похожей симптоматикой, как и у тебя. Я бы очень хотел,
чтобы ты пришел и рассказал свою историю, чтобы эта за-
блудшая, испуганная душа увидела надежду, а самое глав-
ное, уверенность, что и она сможет преодолеть эту «стену».
Что скажешь?

– Конечно приду, Арсен Маркович, какие вопросы, я вам
всем обязан. После обеда? В двести первом?

– Да, *mon cher*, место встречи, как говорится. Буду рад
тебя видеть. Ты, главное, не переживай. Просто посидим в
доброй обстановке, как раньше.

– Тогда до скорого. – Улыбнулся Федя, отправившись к
себе. Подобные собрания «откровения» он не посещал уже
два года.

Ровно в четырнадцать часов пятьдесят пять минут Федя
зашел в кабинет номер двести один. Все лица здесь были зна-
комые, некоторые завсегда. Эта кучка, разумеется, имела
друг с другом определённую дружбу. Не сказать, чтобы это
была та самая дружба, о которой говорят «не разлей вода»,
скорее позитивное общение, иногда сводящееся к простым
любезностям. В закрытых стенах головной мозг социального
человека начинает находить замещение привычным вещам.

К примеру, палата становится комнатой. Общая столовая проговаривается про себя, как некая закусочная в прогрессивных жилых домах, а все пациенты – соседи, с которыми можно начать дружить, а можно держать вежливую дистанцию.

Вот и сейчас в кабинете собралось несколько соседей: молодая девочка Света, Ольга Павловна (бывшая учительница в государственной школе), очень экзотичный мужчина, просивший называть себя Бернар, и двое неразлучных друзей-дедов.

У всех, кто здесь находился больше года, вырабатывалась негласная привычка приходить на такие занятия заранее. Мотивы, разумеется, у всех разные. Кто-то хотел занять самое выигрышное (по его мнению) место, другой хотел занять место рядом с конкретным человеком. Фёдор же приходил всегда заранее, тем самым считая, что именно так он проявляет своё уважение доктору.

Он занял свободный стул между бывшей учительницей и Светой. Так получалось, что оставалось ещё два рядом стоящих стула. Для доктора и новенького.

Неужели главврач пригласил на сегодняшнюю терапию конкретных лиц? Но зачем? Или в Феде снова заговорил его «помешанный Фёдор». Возможно, старые привычки остаются с человеком надолго, тяжело от них избавиться вот так по щелчку. А если говорить про бзики.... Пути сумасшедших неисповедимы.

Вот по приоткрытой двери доносятся два вежливых стука. Стучащая рука распахивает дверь. Арсен Маркович настолько уважает каждую личность, что в собственный кабинет не может войти без этого вежливого «тук-тук». Он тихо произносит: «позвольте присоединиться», ведя за руку молодого парнишку. На вид тому лет шестнадцать, не больше.

Кудрявый, светлый такой барашек на голове. По-юношески гладкий подбородок, тонкие губы, больше похожие на женские, голубые глаза. Если бы не маленький рост (может ещё вымахает?), то внешность у парня могла бы сойти за модельную.

Доктор свободной рукой указал юноше на свободный стул, а затем и сам сел рядом. Представил новенького сам, сказав, что этого талантливого человека зовут Миша.

– Миша поступил в художественный колледж. Сейчас он решил посвятить немного времени внутреннему себе. – Как всегда деликатно и завуалированно озвучил информацию Арсен Маркович, которая означала, что Миша конкретно поплыл головой, и что без вмешательства опытного мозгоправа ему уже не обойтись. – Кстати, назвал я его талантливым неспроста, – продолжил он, – Миша показал мне на своём телефоне рисунки. Для юного ума очень сильные вещи. Кое-кому будет здесь интересно пообщаться с вами, молодой человек, так сказать, о «высокой материи ума» – пафосно подытожил доктор свою вступительную речь, многозначительно козырнув на Федю.

«Всё понятно, вот зачем я понадобился» – подумал про себя Мышкин. Собственно, терапия давно началась. Таков принцип этого золотого человека. Доктор незаметно начал внедрять самое главное человеческое чувство, без которого сама личность немислима, а именно: уверенность.

Когда-то и Федя пришел вот таким вот зажатым, даже намного хуже. Миша может хотя бы украдкой поднять свою голову, посмотрев на секунду в глаза другому человеку. Мышкин не мог себе такое позволить ещё очень долгое время, но правильный подход и соответствующие мысли сделали своё дело. Главное, не перенапрячься, чтобы наработанная «кожа» не лопнула в одно неудачное мгновение от чрезмерной сухости.

Не сговариваясь, группа хором поздоровалась с новеньким. Каждый пытался подарить Мише свою добрую улыбку. Девочка Света особо старалась показать себя во всей «духовной красе». Похоже, что Миша ей очень понравился. Это было понятно, так как она на секунду позже начала говорить своим «привет», дабы её миленький голосок явно выделился на финальном аккорде, и Миша смог услышать его, после невольно сосредоточив своё внимание на её фигуре и улыбке. У юноши покраснели щёки.

– Так, ну что, – начал обводить взглядом Арсен своих пациентов, – пожалуй, стоит начать наше общение, учитывая, что я давно вас всех не видел! Так... – уже более пристально забегали живые глазки, – кто начнёт? Кстати, Миша, ес-

ли что, то ты не обязан делиться со мной и группой своими мыслями, если того не хочешь. Акт доверия у нас добровольный.

Мальчик кивнул, не поднимая глаз. Света, чтобы (возможно) произвести впечатление, подняла руку.

– Угу, Светлана. Вы, я смотрю, решили впервые открыть нашу встречу. Я очень рад.

– Я... да, я! – Тонкий голосок неестественно прокряхтел. – Я что хочу сказать, я просто решила, вот и всё... просто когда-то надо начинать, и тут, в общем, – покраснела она. Волнение выходило за грань её внутреннего комфорта, показывая лицо местной публике. Один из дедов хихикнул. – Первое, что я хотела сказать... я хотела спросить: как у вас дела? Я заметила, что мы никогда не говорим о вас.

Такое замечание позабавило группу. Напряжение Светы сразу спало. Хорошее попадание. Она улыбнулась самодовольно, вскользь взглянув на Мишу.

– Да, – продолжила Света, – расскажите, как вы себя чувствуете или, например, что вы ели?

– Кхм. Даааа. – В улыбочивом настроении начал доктор. – Ну что же, раз я вхожу в этот круг, то заявление справедливое... Вообще, мне очень приятно, спасибо вам, Света. Дела у меня идут отлично. Знаете ли, в моём возрасте по-другому и не может быть. Хочешь – не хочешь, а радоваться надо каждому дню! Ведь каждая минута может быть последней. Хе-хе. Не в обиду, господа. – Обратился он к пожилым му-

жичкам. – А на счёт еды, всё как у людей, с утра овсянка на молоке плюс кофе, а на обед вот пюре с рыбкой и компотом.

– И мы это ели! – Радостно выкрикнула Света.

– Ну естественно, дорогуша, ведь мы хоть и обедаем в разных помещениях, но повар у нас один.

– Ой, точно!

– А теперь, многоуважаемая, расскажите, как ваше настроение?

– У меня восхитительное! Знаете, в последнее время мне так приятно просыпаться по утрам! Солнце снова начинает дарить своё тепло. Это... это чувство! Знаете, когда в глаза лезет солнечный тёплый луч, и ты щуришься, затем чувствуешь, что выспался. Тело так приятно томно тянет, и я начинаю понимать, что мне хочется есть, хочется двигаться, даже элементарную радость доставляет чистка зубов. Простые вещи начинают казаться такими милыми и важными!

– Полностью с тобой согласна, дорогуша, – в речь девушки ворвалась бывшая учительница, Ольга Павловна, – у меня похожее чувство. А всё проблеск весны. Да и вы сами все прекрасно знаете, что солнце вырабатывает витамин D. Правда, тот факт, что лучи бьют в глаза – мне не близок. Я бы сказала, это даже скорее раздражительный факт. Арсен Маркович, раз уж коснулись темы, не разрешите ли вы повесить в моей палате жалюзи?

– Так, ну...

– А мне вот очень грустно! – Мычание доктора пере-

бил дед, сидевший по левую руку доктора. – Я люблю зиму! Что может быть красивее? Величественные сугробы, которые словно волны бесконечно перетекают и приобретают различные формы. Прохладный и свежий воздух... Когда я рабо... Когда я ещё работал лесником, вот загляденье было! И даже лучи солнца, этого вземного пришельца, что дал нам жизнь, зимой по-особенному светят. Красота. А ваша весна, что с неё взять? Везде эта грязь, ветер, огромные лужи. Сплошной бедлам!

– Но за весной идёт лето. Человек ведь радуется не грязи, которую подогревают лучи, а мыслям, что скоро эти самые лучи высушат лужи. А ещё дадут пищу цветочкам, а там по цепной реакции уже и лето, а его любят все! – Возразила Света.

Доктор был крайне удивлён такой активности.

– Я терпеть не могу жару! И ваше лето тоже, милочка! – Взорвался второй дедуля.

– Господи, Василий, хватит подпёрдывать своему дружку, чего вы как две сморщенные стервы? – Оборвал смуглый мужчина Бернар, широко улыбаясь своими белыми (на контрасте) зубами.

«Подружки» сразу покраснели, венозные кулаки крепко сжались. Ещё мгновение, и праведный гнев обрушился на дерзкого полукровка, если бы врач не вмешался раньше:

– Джентльмены, джентльмены! Давайте успокоимся. Артём... то есть, Бернар, прошу прощения. Выбери выраже-

ния, я не потерплю агрессии. А вы, мужчины, сядьте и успокойтесь, не стоит бросаться на очевидную провокацию. – Арсен Маркович даже не повёл глазом. Подобные стычки бывали часто, особенно между поколениями. А вот у Миши начали трястись руки. Это не осталось незамеченным. – Давайте сменим тему. Бернар, вас я вынужден буду пропустить. Ваше настроение располагает задевать людей. Не хочу, чтобы у Михаила сложилось о вас дурное впечатление, учитывая, что вы просто очаровательная личность, когда находитесь в своём благоразумии.

Бернар только улыбнулся, ничего не ответив.

– Фёдор. – Обратился доктор к художнику.

– Арсен Маркович. – Наигранно вежливо ответил Мышкин. Мужчины улыбнулись друг другу.

Спустя сорок минут из кабинета двести один начали выходить участники терапии. Поток их резонирующих голосов сплёлся в своеобразную гармонию. Тяжело было разобрать, на какую тему общаются эти люди, забывшие на мгновение о своих расстройствах и проблемах, став обычными двуногими, и самое главное, здоровыми приматами.

Деды радостно что-то втирали Свете, а та с улыбкой слушала их, смеясь, только взгляд не забыл козырнуть в сторону застенчивого Миши, прежде чем уйти в сторону столовой.

Бывшая учительница увязалась за Арсеном Марковичем, снова подняв тему жалюзи. Только говорила теперь не меж-

ду прочим, а настойчиво обольстительно, поправляя доктору халат.

Бернар ещё пытался скалить зубы в хитрой улыбке, бубня что-то в пустоту, но его никто не слушал. Он так и махнул на всех ленивой рукой, растворяясь в районе приёмной, готовясь выносить мозг молоденькой медсестре.

Миша и Фёдор остались вдвоём. Не сказать, чтобы они были сильно похожи, но создавалось впечатление некоего родства.

Федя хорошо смахивал на старшего брата: серьёзный, уставший от будничной суетливой жизни, но в то же время спокойный, более статный. Миша, в свою очередь, походил на взъерошенного воробушка с более современной стрижкой и глазами, кричащими о всей своей неопытности в стиле: «привет, я родился».

Когда молодые люди остались наедине, возникла неловкая пауза. У Мышкина не было опыта вести разговор с неизвестным ему человеком. Он сам не так давно преодолел панический страх перед людьми, но преодолеть не значит приобрести опыт. В целом, он чувствовал себя в своей тарелке, но ответственность, которую возложил на него хитрый доктор, была немалая. А случилось вот что.

Пока Федя открывал «зрителям» свои синтетически-выработанные мысли и чувства, пока он плавно переходил в частичную историю своего заболевания (жизненная передышка и время всё обдумать), Арсен Маркович, со своей пре-

красной улыбкой и приятным голосом, вдруг неожиданно (для Мышкина, разумеется) предложил Феде соседа в его мастерскую, понятное дело кого. «Вот ведь старый лис!» – подумал художник. Это был не толчок в спину, но всё же неприятное предложение. Фёдор всё же смог остаться хладнокровным, выдавив почти искреннюю улыбку сказав, что это отличная идея. Доктор только виновато улыбнулся, благодаря своего друга за верный выбор.

И вот теперь Миша был неофициально привязан к Мышкину, что рисует картины. Теперь им двоим представляло налаживать контакт, а Феде ещё и следить за молодым парнем, всячески помогая добрым словом.

– Извините, а это правда, что... – Говорить начал Миша, что показалось Фёдору очень странным.

– Давай лучше сразу на «ты», я всё-таки не доктор, а твой друг, да и не такой я ещё старый.

– Да, хорошо. Прости, я просто хотел спросить, это правда? Вот твоя история, что ты так боялся обратиться к учительнице, боялся отпроситься в туалет, что по итогу ну, это... прямо себе в...

– Да, Михаил, это правда. Не стесняйся говорить слова. Я до того боялся контактировать с этой пожилой женщиной, что выбрал путь позора и обоссался прямо в свои новые отутюженные брюки. Да так, что аж весь класс обернулся на звук сбегавшей струи из моей левой штанины. Ха-ха, тогда я всех впечатлил не на шутку.

Миша расслабленно начал смеяться. Действительно, для подростка это смешная история. А чего обижаться и ждать от него? К тому же, Мышкин сам преподносил прецедент не как драму, а как часть пройденного пути, над которым можно просто посмеяться. Но Миша не знал, что Федя до сих пор испытывал сильнейший стыд, просто за долгие годы он научился преодолевать себя. Он понял, что единственное, что ему остаётся для борьбы – это стать честным и включать на полную катушку умение посмеяться над собой. Вот она, защита, которой не нужно оружие извне.

– Прости Федя, я не хотел. Просто это... – Потихоньку успокаивался Миша.

– Не извиняйся. У каждого человека есть, что вспомнить, просто нужно понимать многогранность жизни, всю её странность и загадочность, чтобы сосредотачиваться на таких мелочах, которые через время смогут дарить улыбку другому человеку. Просто путь. Часть истории одного человека. Да и я думаю, не я один ссался, – уверенно произнёс он. – Ладно, пойдем, покажу тебе уже наш номер-люкс.

Перед Мишей предстала обычная палата с белыми стенами, несколькими натюрмортами, большим окном и двумя койками друг напротив друга. Это палата категории «А». Чем дальше буква современного языка к истоку эгоистического самокопания, тем больше было квадратного пространства, но и коек прибавлялось.

Пролетело две недели. Мама Миши успела привезти сыну мольберт, краски и немного прочих расходников. Фёдор видел её, даже имея удовольствие пообщаться с этой привлекательной, ещё моложавой особой. Как понял художник, Миша и мама считались «gold family». Об этом кричали следующие факты: золотые кольца на руках, дорогая одежда, ухоженные ногти, приятные духи, дорогой инструмент для сына, искренняя улыбка выпавшегося человека. И напоследок: иномарка под окном.

Самое удивительное, что ни сын, ни его дорогая матушка не являлись при всём при этом зазнабами. Не поднимали свои остроконечные носы слишком высоко, а были вполне приятными и милыми людьми. Ну, скажем так, Миша пытался общаться со всеми, но пока только Фёдору удалось наладить с ним такой ламповый контакт, что Миша мог расслабиться и просто получать наслаждение от беседы.

В основном молодые люди говорили об искусстве, и только днём. Здесь был свой режим, но никто не запрещал продолжать говорить или перемещаться в пределах своего законно выделенного палаточного пространства. Время «кукушкиных гнёзд» осталось позади, приобретя скорее характер фольклорной сказки. Даже в этой фанатичной среде поколение «тюремных понятий» ушло в небытие. По крайней мере, почти.

Миша действительно оказался талантливым человеком, хоть и навешанным современными стереотипами о декора-

тивной составляющей изображения. Он упорно не желал разрабатывать подтексты своих работ, говоря о том, что его рука и психология говорит самостоятельно, выражаясь в мазках и цвете. Мышкин пытался объяснить относительность чувств цвета, но безуспешно.

Молоденькая пациентка Света тоже имела успех. Она всё время караулила Мишу, всячески вовлекая его в разговоры ни о чём, а он только и мог, что краснеть, изредка соглашаясь с этой настойчивой особой.

Сегодня Света пришла в палату мужчин. Она уговорила Мишу написать её портрет, на что молодой человек сразу же дал положительный ответ. Фёдор воспринял просьбу с улыбкой. Что-то внутри у него мелькало, некое созвучие к слову «ревность». Он успел прославиться здесь как очень талантливый, глубокомысленный художник, но ещё никто не просил у него портрета. Мужчина понимал, Свету интересует не искусство, не собственное изображение на холсте (хотя кто знает уровень её нарциссизма), а девушка просто по уши влюбилась в Мишу. В любом случае, Мышкин тихо лежал на своей койке, изредка бросая взгляд на юную пару, осуществляя портретные зарисовки, вдруг пригодится для каких-то будущих работ.

Миша был крайне сосредоточен. Во время работы его руки переставали дрожать. Он не волновался при натурщице, а это говорило о том, что процесс полностью захватывает юношу. Фёдору было приятно видеть такое отношение к делу.

Стукнуло время обеда. Пропускать его никто не собирался. Миша и Света взяли перерыв. Девушка отправилась обедать к своим «подружкам» (какие-то уже потрёпанные женщины с её палаты категории «В»). Миша же обедал только с Федей. Недавно был такой забавный случай, что у Мышкина вдруг сильно разболелся живот, и он решил вовсе отказаться от трапезы. Миша заботливо остался вместе с заболевшим в палате, а потом признался, что боится идти в общую столовую без него. Фёдору сквозь слёзы и смех пришлось-таки встать и побрести в общий зал, только чтобы этот молодой дурень не умер от голода.

Еда здесь всегда была вкусной, так как Арсен Маркович изначально ставил уровень питания «как для начальства». Это не говорит о том, что здесь подавали икру, но финансирование было хорошее за счёт знакомств в соответствующих инстанциях. Такое вслух не говорят, но все знают. По-другому здесь мало что решалось, всё-таки некоторые вещи невозможно выбить из крови даже продвинутого общества.

Вот и сейчас Федя с Мишей уплетали пюре, сделанное на молоке, а к нему шел большой кусок отварной скумбрии. Также на выбор можно было взять чай, кофе, либо морс.

Фёдор взял себе чай, а его сосед просто последовал примеру, что к слову, немного подбешивало.

Собравшиеся тела жевали хором. Стоял тихий гам негромких разговоров. Миша то и дело смотрел через плечо на Свету.

– Фёдь, а Фёдь, можно тебя спросить?

– Валяй.

– У тебя на сегодня какие планы? Ты после обеда не планировал там, например, прогуляться?..

– Так, ты что удумал, донжуан? – Пристально посмотрел на него Фёдор. Арсен Маркович дал ясно понять, чтобы он следил за парнем. Навязчивые мысли о [ЦЕНЗУРА] не шутки.

– Тише! Прости, – сам, не ожидая своего громко голоса, скривился юноша, – Фёдь. Говори, пожалуйста, тише. Я ничего плохого не удумал. Мне кажется, ты догадался, что я просто хочу провести время... – тут он стал говорить тише, поэтому ещё ближе придвинулся к Фёдору. – Я хочу побыть со Светой наедине. Она мне нр... нравится, понимаешь?

– Да это невооруженным глазом видно.

– Правда?

– Не беспокойся, я тебя понял. Умеешь ты, конечно, намёки делать. Могу сходить погулять. Погодка вон всё лучше и лучше становится, лето как-никак на носу.

– Ты правда это сделаешь для меня?!

– Да тут ничего особенного. Так, Миша, только вот не тянись своими ручонками обнимать меня, тебе это несвойственно. Я бы сказал, что даже очень странно.

– Чёрт, Фёдор, я твой должник! Прости, я просто так волнуюсь.

– Только обещай не натворить глупостей.

– Да какие там.

– Тогда договорились. Пообедаем, я заскочу на секунду за бумагой, карандашами и наш «люкс» в твоём распоряжении. Надеюсь, полтора часа тебе хватит?

– Да, разумеется, спасибо ещё раз, ты настоящий, прям очень настоящий друг, Федь. Мы мало знакомы, но мне с тобой так комфортно. Прости за эти слова, точнее, прости, что говорю такие милые вещи, я знаю это странно, просто меня так переполняют эмоции!

– Миша, дорогой, успокойся, всё хорошо. Ты ведь знаешь, я, наоборот, за то, чтобы все люди говорили, что думают. И хоть любые слова уводят нас от истины, но искренние слова куда лучше в безумном мире, чем эгоистически истинное молчание.

– Это чьи слова?

– В твоём случае – мои слова, Миша, мои. А теперь давай жуи и дай поесть мне, а то с твоей возбуждённой болтовнёй мы тут до ночи не управимся и будешь ты потом дописывать портрет с меня, любезнейший.

– Всё, молчу, молчу, – улыбаясь закончил Миша, смущённо уткнувшись в тарелку. Весь оставшийся обед соседи провели в обоюдном молчании.

Как и обещал Фёдор, после обеда он зашел в комнату, взял альбом для зарисовок и угольный карандаш. На выходе у двери появились Миша со Светой. Мышкин глазами морг-

нул парню, пожелав удачи, после оперативно ретировавшись во двор, чтобы не тратить драгоценного времени влюблённых.

На улице действительно стояла чудесная погода. Без верхней одежды ещё не походишь, но вполне комфортно можно обойтись свитером и олимпийкой. Фёдор нацепил винтажку Арсена, которую тот подарил ему ещё года два назад.

Вовсю светило солнце. Обыденная грязь, которую так не любил один дедуля, уже почти полностью сокрушилась за эти две недели под натиском лучей. Облаков на удивление почти не наблюдалось. Природа потихоньку вступала в свои сезонные права.

Федя прошелся по аллее, затем зайдя за северную часть главного корпуса, за которым имелся небольшой скверик с лавками, где обычно сидели пациенты со своими родственниками.

Сейчас свирепствовали будни – никого не было. После обеда обитатели предпочитали потратить время на лень и на думу о своих несбывшихся надеждах. Мышкин хотел бы так же провести это время, но в силу обстоятельств обрадовался случаю изменить своей привычке.

Иногда приятно внезапно вот так поменять устои, почувствовав лёгкое ощущение новизны. Мелочь, а хорошо как, да ещё это солнце...

Сначала Фёдор потрогал приглянувшуюся лавку рукой. Та оказалась слишком влажной, так как стояла под деревом,

чья корона не позволяла лучам прорваться на поле боя. Такая лавка хороша летом, но сейчас... А вот друга, что стоит посредине, оказалась даже очень сухой. Мужчина сел ровно на неё, положив прихваченный инвентарь по правую руку. Голова его вздёргнулась к ярким лучам звезды, лёгкие втянули свежий воздух, а губы растопились в нежной улыбке.

Ох уж эта красота, которую не купишь и не продашь... вся её сила, её чарующая привлекательность неожиданно вывели Федю на грустный лад. Он вдруг сильно ощутил весь масштаб Земли, всю её необъятность и таинство. Ещё он понял, что чуть ли не большую часть жизни провёл в четырёх стенах; что, кроме прокуренной маленькой квартиры, где его мать постоянно пила и приводила новых мужчин – ничего он больше не видел. А ещё он понял, что в необъятном пространстве одиночество будет чувствоваться куда сильнее. Чем больше незнакомых людей вокруг, тем больше пропасть. А как же семья? Разве только осталась одна горе-матушка, навещающая раз в год. И самое страшное, Федя понял, что за всё время он никогда не задумывался о возвращении в общество.

За всё проклятое время он ни разу даже не подумал о том, что мог бы вот так запросто выйти за пределы сумасшедшего дома. Купить хороший костюм (или что там сейчас носят?), пригласить медсестру Катю на свидание, найти работу в галерее, а там... кто знает... Обидно, когда и так недолгая человеческая жизнь тратится на пробуксовку. Намного лучше

страдать в борьбе, чем быть бесстрастным. «Если бы... если бы не враг, что сидит во мне! Если бы я не был этим врагом самому себе...» – Думал Фёдор, и на глазах его сверкали капельки слёз обиды, смешанные со стыдом.

Вместо того, чтобы начать делать зарисовки, он сложил руки на груди, отключил бушующие мысли и начал внимательно наблюдать за возвращающимися с юга птицами. Тишина подкупала. Вскоре, погрузившись в некое подобие прострации, Федя отошел в лёгкий сон.

Это был такой сон, когда человеку кажется, что он и не спит вовсе, а так, прикорнул на секунду. Когда голова начала медленно опускаться к груди, несчастный дёрнулся. Солнце уже прилично сдвинулась к северной части. Навскидку можно было предположить, что прошло часа полтора-два.

Федор взял неиспользованный инвентарь с лавки. Плечи передёрнулись от тянувшейся прохлады, и ноги понесли художника в добровольное заточение, то есть в храм его души, в место спокойствия и уверенности.

Дверь в палату оказалась закрыта. Времени прошло достаточно, Миша должен был уже закончить портрет, ну или, по крайней мере, дойти до определённого момента, когда можно смело сказать, что сеанс оказался более чем насыщенным.

Когда Фёдор тихо приоткрыл дверь, то увидел Мишу у окна с неестественно открытым ртом и с закрытыми глазами. Его шея вытянулась вперёд, при этом развернувшись в три

четверти.

Первая мысль ужаснула Мышкина, но что только не почудится? Ещё бы, он ведь тут не играл роли «адекватно-воспринимающего». Когда Фёдор машинально опустил взгляд чуть ниже, то увидел затылок Светы, ритмично так двигающийся как раз на уровне Мишиного паха. Девушка стояла на коленях и очень старательно благодарила молодого художника.

Фёдор растерялся. Его сразу бросило в краску. Он отвёл взгляд в сторону, зацепившись за портрет. В голове сразу же возникла похвала. Портрет оказался более чем достойным, а как он обыграл фон, подобрав его под нежные глаза Светы! Мышкин собирался выскользнуть незамеченным, но вот Миша закричал, взгляд Феди автоматически перевёл свой прицел в сторону звука. Взгляды молодых людей встретились.

Мишины глаза выражали страх, но под дымкой наслаждения. Фёдор выглядел в этот момент так, словно произошла постыдная дефекация, но он всё же нашел силы коснуться указательным пальцем своих губ и тихо выйти, прикрыв за собой дверь. Он не знал, как вообще на это реагировать, но что-то весёлое поселилось в его душу за своего друга.

Художник подождал у «кассы» (так местные называли дежурную стойку медсестры), пока вдали не показалась довольно идущая Света с портретом в руках.

Мышкин пошел ей навстречу, как-бы только что освобо-

дившись и направляясь к себе в палату. Девушка нахально посмотрела на него.

– Ну что, Светлана, похващаешься?

– Да, мне очень нравится! – Пропела девушка, разворачивая холст лицевой стороной. – Правда, Михаил говорит, что сохнуть будет долго. Он это... а! Он сказал, что работал без какой-то там жидкости, поэтому краски будут сохнуть почти полгода!

– М-да, получилось действительно недурно, – только и ответил Фёдор. – Наверно, речь о скипидаре шла, да и об обработке... – уже только в нос себе добавил он.

– А что?

– Что?

– Да нет, мне показалось, спасибо.

Так они и разминулись в сломанном диалоге. Фёдор почти никогда до этого не говорил с этой особой.

Когда мужчина зашел в палату, Миша уже мечтательно лежал на своей койке, смотря в потолок словно на звёзды. Его взгляд выражал полную отстранённость от этого мира. Парнишка даже не услышал, как вернулся его сосед, а если и услышал, то мастерски проигнорировал Федю.

– Я, конечно, понимаю, что тут ни у одной палаты нет замков, но раз ты разводил девчонку на интим, то мог предупредить, намекнуть там. Не переживай, это я так, на будущее.

Миша дёрнулся, взгляд вернулся в палату, глаза перестали мечтать, теперь они выражали должную неловкость и

стыд.

– А... а... этт... это ты, Фффё... Фёдор, привет!

– Господи, ты чего заикаешься, испугался что ли?

– Ппп... прости, я... – Всё не знал юноша, как собрать свои мысли воедино.

– Так, Миш, успокойся. Выслушай меня. Всё хорошо. То, что произошло – меня не касается. Главное, чтобы ты в следующий раз предупреждал меня, вот и всё, дружище. Так что давай, расслабься, и без твоих вот этих заиканий невротических. Они тебе не свойственны, так и нечего им приживаться.

– Хорошо, хорошо. Прости, просто я сам не знал, что так... что так получится. Понимаешь, как-то само вышло, честное слово! Я просто писал её прекрасный образ, а потом, когда закончил, мы разговорились. Она покраснела, сказав, что я ей очень нравлюсь. Мы начали... начали целоваться... и... и!..

– Я понял, можно и без подробностей подростковой физиологии обойтись.

– Да, конечно, как скажешь.

– Партию в шахматы будешь?

– Х... хоч... хочешь проиграть? Прости.

– Когда говорят дерзкие вещи – не заикаются. Хочу интеллектуальной победы. – Уже и Миша, и Федя развеселились. Началась драка подушками.

– Ну всё, всё. Ты сегодня облажался, молодой человек,

значит, расставлять фигуры будешь ты, а ещё я первый хожу белыми!

– Да хрен тебе, старый хрыч! – Огрызнулся Миша, но покорно пошел в игровую за доской.

Так прошла заключительная половина дня и вечера обоих мужчин, потом последовал ужин, а за ним наступила ночь. Миша так и проиграл все три партии подряд.

– Федь... Фёдор! – Послышался шепот Миши.

– Чего?

– Ты не спишь? Я тебя не разбудил?

– Господи, Миш, ты как мать, которая звонит в домофон и спрашивает «дома ли ты?» Раз я отвечаю тебе, то не сплю. А разбудил ты меня или у меня просто бессонница – это уже другой вопрос, который не имеет значения.

– Прости, Федь...

– У меня бессонница... так что не извиняйся. – Примирительно ответил Мышкин. Он и сам был не прочь поболтать.

– Хорошо, если так. Ты уж прости меня. Знаешь, всё не выходит из головы сегодняшний день. Знаешь, у меня такое чувство, будто я заново родился.

– Ну, после минета почти любой мужчина запоёт соловьём.

– Да причём тут минет...

– Ладно, теперь ты меня прости. Просто говорю то, что есть.

– Да тебе не за что извиняться. Да, конечно, минет внёс свою лепту. Я ведь девственник, понимаешь? Но важно не то, что мне... не то, что мне «отсосали». Понимаешь, ведь это просто физическое решение высвобождения чувств души.

– Не поспоришь, душа твоя, наверно, неплохо так взмыла в небеса, а?

– Да не смейся ты, я ведь сокровенным делюсь.

– Я не смеюсь, Миш, прости. Просто ты такой романтик.

– ...

– ...

– Федь, а ты когда-нибудь любил женщину?

– Какого плана «любовь» ты подразумеваешь?

– Ну и духовную, и физическую. Не знаю, ты мне скажи.

– Не знаю... Любил, да и люблю, наверно, но физического контакта у меня не было. – Грустно ответил Фёдор. Его голос никак не поменялся, да и лица не было видно, но Миша как-то почувствовал скрытую тоску.

– А кто это, если не секрет? Кто из пациентов? – Всё не унимался юноша.

– Много знаешь – плохо спишь. Какая тебе разница?

– Любопытство... – Честно признался парень. – Федь.

– Да?

– Знаешь, то, что я рассказываю про себя – не совсем правда. Конечно, все эти страхи новых людей, состояние ступора, неуверенность и прочее – всё это есть, но я не расска-

зывал того факта, что у меня не просто [ЦЕНЗУРА] склонности, а что я уже несколько раз пытался. Мать всё храбрится, борется со мной, точнее, с моей хворью. Она много плакала, знаешь, умоляла меня. Я ведь из обеспеченной семьи, ты мог заметить. По сути: что ещё нужно подростку? А ведь нет, вот такой я бракованный – так я думал, а на самом-то деле, я просто жизни боюсь. Боюсь масштаба Земли, боюсь космоса, в котором висит эта Земля. Мне страшно осознавать, что когда-то моя мама постареет, а потом умрёт или ещё хуже – скончается от страшной болезни. Я знаю, жизнь – это большой дар и всё такое, но как страшно сделать элементарный шаг.

– Я тебе так скажу: когда мне было... когда я был маленький, моя мать уже была типа одиночкой. Она много пила, да и сейчас закладывает, хоть уже и не так много. – Несвойственно испуганным, наивным голосом заговорил Фёдор. – Как бывает по классике, она связалась с каким-то мудаком, который ещё больше начал тянуть её на дно. А этот мудака, по классике, начал побивать меня – ребёнка. Знаешь... всё бы ничего, но в одну ужасную ночь он изнасиловал меня. Сначала просто мастурбировал у моей кровати, а потом его сперма забрызгивала мне лицо. Я был ужасно напуган, но ничего не говорил матери, ей было не до меня, а этот ублюдок всё больше и больше наглел. Потом он... потом он уже водил... и заканчивал в..., он шепотом просил, чтобы я приоткрывал! И я это делал, понимаешь? От страха. Потом сам

понимаешь... смысл в том, что меня на этом серьёзно так заклинило, и неудивительно. Никто мною не занимался. Эта мразь перестала появляться (потом я узнал, что этого грязного ублюдка убили по пьяни), но мне не стало легче. Во мне поселилась разрушающая мысль, которая начала отравлять всё, что когда-то мне нравилось или могло понравиться. Всё больше я отдалялся от людского и не понимал, что со мной происходит. Дошло до того, что я начал ловить звуковые галлюцинации, пить свою же мочу, а иногда видел тех, кого нельзя увидеть. Я попал в эту клинику почти «готовеньким». Все эти годы шел шаг за шагом, чтобы просто вот говорить с тобой, выражать мысли и просто дышать. Ты не думай, я ничего конкретного не хочу тебе сказать, да и не смог бы. Человек – такой сложный механизм, а чтобы сумасшедший учил сумасшедшего – это нонсенс. Я просто решил выговориться вдруг, раз не спится.

– Господи, Федь, ужасное дерьмо...

– Да, но самое ужасное, что я понял сегодня, что не хочу больше быть здесь, в этом стерильном месте. Что я ещё живой, и хочу жить как все. Хочу весь этот большой мир, хочу этот космос, которого ты пока боишься, но когда ты здесь посидишь подольше (а я надеюсь, что такого с тобой не произойдёт), то ты поймёшь, страшнее всех человеческих бед может быть только одиночество и личный мир, состоящий из четырёх стен без дверей. А отвечая на твой вопрос полностью: да, я влюблён... в медсестру Катю.

– Подожди, это такая светленькая, вчера ещё у неё смена была. Ты что, плачешь?

– Да, она. И нет, я не плачу... – Плача ответил Фёдор.

– ...

– ...

– Знаешь, что, Фёдор?! – Очень по-боевому сказал Миша. – Всё, что с тобой было – ужасно, но тебе пора возвращаться в реальность. Я знаю, что тебе поможет! Тебе нужно переспать с этой Катей.

– Что?!

– Да, точно!

– Господи, Миша, спи уже, ребёнок.

– Да я тебе точно говорю!

– Ты несколько часов назад был девственником, а теперь ведешь себя, как тренер с курсов по пикапу. Прости, но после уроков игры на флейте ты не стал выглядеть brutальнее.

– Не огрызайся. Я ведь помочь хочу!

– Как интим с девушкой мне поможет?

– Во-первых, с девушкой, которая тебе очень нравится.

А во-вторых, очень даже и поможет! Могу на своём опыте сказать. Это... это как очищение, понимаешь? Для обычных парней секс, как просто повод похвастаться и обзавестись статусом, а для нас... для нас это возможность излечить душу. Поверь мне.

– Совсем крыша поехала.

– Не сопротивляйся!

- Безумец...
- Я помогу.
- Только! Только попробуй что-то сделать!
- Спокойной ночи, Федь.
- Гадёныш!
- Сладких снов.

Это случилось совсем скоро. Через три дня. Фёдор не воспринял Мишины угрозы всерьёз. Просто продолжил своё привычное существование. В очередную ночь, в Катину ночную смену, Миша выскользнул из палаты, а вместо него вернулась она.

Катя сказала, что Миша ей всё поведал. Юноша рассказал о чувствах Феде к ней и наплёл ещё кучу всякой чарующей романтической дребедени.

Фёдор был в смятении. Его сковал страх от мысли о возможной близости с этой прекрасной девушкой. Он всё пытался замять вопрос, переведя ситуацию в раздел шутки, но в итоге во всём признался. Он и сам, к слову, был очень симпатичным, поэтому не удивительно, что молодая медсестра в такую скучную вахту очень быстро согласилась на любовную авантюру.

Разумеется, она не любила Федю, а Федя был влюблён в её образ. Им не суждено было стать парой, да и он не знал, как это, но в эту ночь существа вдруг сплелись в один комок. Она отдала себя полностью, без остатка, а он отдал себя. Эта

была лучшая его ночь за все двадцать шесть лет в заточении. И когда они достигли пика наслаждения, к нему вдруг во-рвалась правда о себе.

Он ощутил скопившийся груз, который сразу принял, и с этим принятием пришло долгожданное очищение. Такое лёгкое (с перышко) освобождение от негативных установок. Новый глоток. Вот какая может быть жизнь! Мимолётной – да. Жестокой – да. Но в тоже время, эта жизнь пленительна, полна наслаждений и повседневной красоты.

После, Федя только обнял вернувшегося Мишу, а ещё через несколько недель Мышкин почувствовал готовность открыться большому миру, о чём и заявил Арсену Марковичу на очередной встрече.

Так, летом двенадцатого числа седьмого месяца, Фёдор Мышкин стоял на улице с небольшим рюкзаком, махая рукой Мише, который смотрел на него через блики стекла со второго этажа.

Художнику предстояла долгая дорога домой, которую он очень смутно помнил, но, несмотря на это, от такси реше-но было отказаться ради вкушения в полную силу прелестей только что приобретённой свободы.

Июль выдался жарким. Мокрыми подмышками страдали как худенькие девушки, так и полные тётеньки. Кругом стоя-ли понатыканные дома, некоторых динозавров Федя радост-но узнавал.

Через пару часов Мышкин заметил одну особенность: нескончаемый поток людей вдруг пошел в одну сторону. В какую-то секунду стало даже страшно. Мужчина переборол свои привычные страхи, и в пылу своей новой жизни догнал приглянувшуюся девушку, чтобы спросить, что, собственно, происходит? «Как что? Праздник! День страны, день нашего вождя!» – Недоуменно с улыбкой ответила она. И точно, как Федя мог забыть?

Продвигаясь сквозь толпы тел, он узнал из разговора, что будут разыгрывать очень много всевозможных призов, в том числе и квартиры с поездками на чёрное море.

Фёдор, хоть и давно не был в обществе, но был в курсе некоторых событий. Он сразу вспомнил, как Арсен Маркович рассказывал ему про новый вид бандитизма, то есть мошенничества. Только теперь этим занимаются не авантюристы, а узнаваемые лица. Выиграть может каждый, но перед этим нужно внести свою «копеечку».

Мышкин ухмылялся детской наивности всех этих простых, пропитых мужиков, да их располневших жён. Раньше ему стало бы жалко вот таких, но теперь он прекрасно понимал, эти несчастные живут в своей реальности, где надежда – главный источник силы. А разрывать иллюзию и портить тем самым кому-то жизнь, не входило в его планы. «По итогу мы все существуем без высшей цели» – Подумал он про себя.

Вскоре народ совсем уж поредел. Начало складываться впечатление города-призрака, если бы не музыка и радост-

ные голоса вдалеке, доносившиеся со стороны центрального парка, где и проходило празднество.

Федя не привык столько ходить, ноги его изнылись. Было решено дойти до ближайшего метро. Мужчина помнил, что если пройти сквозь «пять квадратов» диагонально, то можно было сразу выйти на ближайшую станцию (он не помнил, как она называлась, но сам район помнил хорошо).

Квартал Морфенко своего рода анти-легенда любимого мегаполиса. Почти всех местных детей родители пугали этим местом. Всё говорили, чтобы никто не совался туда после школы, добавляя, что там пропадают дети. Возможно, пять квадратов и являлся в некоторых умах жителей пятой точкой, но Фёдор знал места и похуже.

Его мать в своё время пугала этим местом и его, так как Феденька ходил в государственную школу неподалёку отсюда, хоть и жила семья на отшибе. Пугала она своё чадо не понаслышке, ведь сама частенько ошивалась здесь с подзрительными типами. По крайней мере, Мышкину так казалось, а может, помнилось, но не точно. В любом случае, он не собирался в свой день «триумфа» включать режим труса и обходить помойку.

В этот день он зашел в мышеловку с гордо поднятой головой, учитывая, что вся местная фауна по-любому должна быть на празднике, где ещё и наливают наверно бесплатно, и подраться есть с кем, есть кого обворовать, а ещё можно попытать удачу... Так что Фёдору ничего не угрожало.

Зашел он с радостью в душе, а уже через десять минут, со стороны метро, выбежала только его блёклая тень. Уснувшие нервы проснулись, вдохнув полную грудь, а глаза наполнились забытым безумием.

Полумёртвый комок только и мог, что шептать: «теперь нам точно конец, теперь нам конец, зачем было срезать, ах, идиот!» – Повторял Мышкин.

К бедолаге подскочил патрульный, который, к слову, оказался человеком чести. Без традиционных взяток, запугиваний и бумажной волокиты, служащий узнал домашний адрес Феде, и на служебной машине отвёз его, сдав пьяной матери.

Диалектика овального стола (2)

Титульник «Xdirect734» исчез, раскрывшись первой страницей. Гриша аж привстал со своего стула, вытянул шею, в попытке разнюхать содержание. В правом верхнем углу (для подростка в нижнем левом) расположилась небольшая фотография три на четыре. Сразу было сложно сказать кто на ней.

Абсманов спокойно смотрел на Гришу, пока тот не успокоился, усевшись на свой стул. После этого он потратил ещё несколько секунд на текст, шевеля беззвучно губами. Присутствующие слегка напряглись.

– Итак, первый у нас Фёдор Мышкин, мой тёзка. – Сказал

Фёдор, остановив взгляд на запуганном мужчине, который сидел напротив между Диной и заботливой женщиной.

Мышкин вздрогнул. Взгляд сделался ещё испуганней. Молодой человек козырнул на Абсманова только украдкой, на остальных же он и вовсе не посмел глянуть.

– Это я. Всем привет. – Неловко улыбаясь, произнёс он.

Имеющиеся зрачки приковались к Феде, от чего тому стало ещё дурнее. Пульс скаканул, в горле пересохло до невозможности.

– Родились вы третьего сентября две тысячи сто десятом году.

– Охринеть ты молодой, а выглядишь как жопа! – Не выдержал Гриша.

– Так, молодой человек, следите, пожалуйста, за языком, – осадил его Абсманов, – продолжим.

– Извините, – уже перебил сам Фёдор, – а зачем... зачем вообще подобная информация? Как она относится к делу?

– Вот именно, – продолжила топить женщина, сидевшая от Феде слева, – зачем разглашать личную информацию?

– Так, господа, давайте успокоимся. Я понимаю, это немного странная форма нашей с вами коммуникации, – поправил причёску мужчина с папкой, – но поймите меня, есть некие правила, которым мы следуем для упорядочивания структуры нашей деятельности.

– Я так и знала, что вы официальная организация. Какая же ещё. – Добавила Дина.

– Вот это ты умная шлюха! Надо же, может ты ещё и три языка знаешь, а в свой выходной гадаешь на шаре?! – Начал бычиться Гриша, ища любой повод на кого-нибудь наорать. – Каждому мудаку и так понятно, такие наглые уроды с такими методами есть только в уполномоченных службах. Вот открытие! Скажи ведь?! – Обратился он к рядом сидящему ведущему.

– Ах ты, мелкий выродок, ублюдок, ты меня довёл! – Взорвалась Дина, вставая на ноги с намерением выцарапать глаза Грише. Её удержал Мышкин со словами: «Не стоит вам тратить эмоции на этого негодяя».

Парень услышал Федино замечание:

– Кто негодяй? Слышь! Ты! Крыса трусливая! Ща наору на тебя, и ты обосрёшься!

– Ха-ха! Кто бы говорил! А знаете, уважаемые господа, почему у этого прыща всё с говном связано? – Начла кричать Дина.

– Молчи, шлюха! Убью!

– Господа, господа! Успокойтесь. Или я буду вынужден позвать людей, которые вас успокоят. – Вмешался в словесный хаос Абсманов. Он явно был раздражен сложившейся ситуацией, но держался крайне спокойным, только глаза выдавали ярость.

Как ни странно, вопреки ожиданиям, в комнате действительно стало очень тихо. Федя в очередной раз поправил свою стильную причёску.

– Так вот... Фёдор Мышкин, двадцать шесть лет. На данный момент нигде не работаете.

– Ещё не успел.

– Что значит «не успел»?! – Встрял Гриша. – Тебе двадцать шесть, ты взрослый мужик!

– Я находился на лечении...

– Господи, Фёдор, да зачем вы отвечаете этой малолетке? – Встал на защиту тот самый высокий мужчина в очках, заходивший одним из последних.

– Слышь, мистер «ябабскаяпричёска», ты чё вообще встречаешь?! Тебя просили? Вот и захлопнись! – Парировал подросток.

– Пока тут только тебе нужно закрыть свою пасть и дать взрослым дядям и тётям разобраться что к чему. Так что будь добр закрыться, а то вот этот джентльмен действительно позовёт грозных дядей, которые сделают из тебя фарш.

– Ну не в фарш, так... – С улыбкой подытожил Абсманов.

– Так что же, всем можно базарить, а мне нет?

– Вам тоже можно высказываться, Григорий, просто вы слишком резки. Будьте более терпимы. И это пока что просьба, но только пока.

– Ладно, неженки... Так что, получается этот вот – Гриша ткнул рукой на Мышкина – взрослый дядя не работал, потому что в психушке лежал, да?

– Да с чего ты сразу взял, что в психушке?! – Встряла Дина.

– Так по нему сразу видно, вон какой нервный!

– Д... да, это правда. Я с психиатрической лечебницы, но я не понимаю, как это относится к делу, и я против того, чтобы это обсуждать.

– Ха! Я же говорил!

– Всё, успокоились. – Абсманов глядел в папку, пару раз перелистнул. – Позицию вашу я понял, Фёдор. Тогда ближе к делу. Вы написали, что двенадцатого июля вас выписали и вы направились в сторону метро пешком. Верно?

– Двенадцатое июля... теперь я начинаю понимать, о чём пойдёт речь. – Встряла заботливая мамаша.

– Ну, я не писал. Я вам, точнее, извиняюсь, вашему сотруднику рассказал, да и вы сами ведь потом...

– Вы меня поняли, не придирайтесь к словам.

– То есть, как это рассказали его сотруднику? Что-то, простите, уже я начинаю не понимать, но догадываться. – Встрял мужчина с окрашенными волосами.

– Ну как же... со мной провели небольшую беседу, с вами разве нет? – Ещё больше занервничал Мышкин.

– Да, провели. Вот видите, у меня и моего друга на лице!

– Господа, ну мы же договорились, что начнём всё по порядку, а вы опять балаган устроили. – Снова попытался успокоить куратор, но уже понимал, что теряет контроль над ситуацией.

– Да нет, давайте разберёмся! Со мной никто не церемонился, а вот с вашим тёской Мышкиным походу очень хоро-

шо обошлись. Возможно, и чаем напоили?

– Да, вас чаем поили? – С улыбкой поддержал своего крашеного товарища длинный.

– Да господи, причём тут... причём тут чай?! – Пытался защищаться Фёдор.

– Со мной тоже никто не базарил! Просто ТРАХ! И в тачку. Вот суки! – Завопил Гриша.

– Да с тобой ни один нормальный человек не стал бы разговаривать. На тебя и плюнуть то... – Вставила Дина.

– Молчи, молчи дырка расшатанная!

– Так, с меня хватит, я вызываю охрану.

– Да подождите вы, со своей охраной. – Отмахнулся крашенный. – Господа и милые дамы: успокойтесь на секунду. Послушайте. Пожалуйста... Поднимите руки, с кем уже имелся разговор?

Руки поднял ведущий Андрей, Мышкин и пожилой мужичок Союз Демьянович, который ещё не произнёс ни слова.

– Ну как, имели разговор, данные господа позвонили мне, я их внимательно выслушал. Было точно сказано, что нужно явиться. Да я и сам собирался, знаете ли, просто не знал к кому обратиться с таким... кхм... деликатным вопросом. – Уточнил Союз. Мужчиной он был очень конкретный, говорил всегда по делу. По крайней мере, складывалось такое впечатление.

– Аналогично. – Бросил ведущий.

– То есть получается, что общались не с одним этим вот

Мышкиным. – Подытожил крашенный.

– Подождите, я начинаю припоминать – включилась Диана. – Помню какой-то звонок, говорили про встречу, но я подумала, что это очередные мошенники, просто послала их на три буквы. Так это были вы? – Обратилась она к Абсманову.

– А? Да, но не конкретно я, а наши люди. – Фёдор звонил кому-то по телефону. На том конце взяли трубку. Мужчина буркнул «Да, будьте добры».

– Мне суки даже не пытались позвонить! – Разозлился Гриша. – И сразу въебали с электрошокера!

– У вас нет телефона, Григорий. – Вздохнул Федя.

– Да мне ПО!

– Так или иначе, всех, кто не пришёл добровольно – привезли на машинах.

– Как свиней!

– Ну, вы преувеличиваете, но если вы оскорблены, Григорий, то я попрошу переписать ваш контракт с нами, чтобы включили дополнительную компенсационную сумму для вас.

– Правда? – Парнишка сразу сделался гладким. – Так о какой сумме идёт речь?

– Если бы некоторые меня не перебивали, то мы уже смогли дойти до этой части, но вы пост...

– То есть получается это вот что! – Заговорил неожиданно друг крашенного. – Получается, как нас смогли отыскать? Я теперь понял, всё понял, да... И, кажется, я даже понимаю,

как нас отыскивали. Один из нас крыса, верно? ВЕРНО?!

– Успокойся, Миш. – Попытался утихомирить его товарищ.

– Ты не понимаешь, если бы один ридог держал свой рот на замке, держал свой ум при себе, то мы бы здесь не торчали, а были бы уже за границей!

– Вам что, деньги лишние? – Вставил свои пять копеек ведущий, но Срокин его проигнорировал.

– И теперь из-за этой гниды мы можем лишиться!

– Так, Миш, следи за языком, ты ведь знаешь... Короче, замолчи!

– Он! – Резко выкрикнул Михаил, тыкая своим длинным пальцем в Мышкина. – Эта тварь сдала нас с потрохами! Позволил гад подключить к себе все эти жидовские проводки, а?! ОТВЕЧАЙ!

– Не я один! – Мышкин сидел в оцепенении с красным, от стыда, лицом. Он дрожал всем своим немощным тельцем. Никто не заметил, как замок повернулся, в комнату вбежали знакомые люди в чёрной форме.

– Молодой человек поступил правильно, как настоящий п-т! – Вступился за парня Союз Демьянович.

– ОТВЕЧАЙ, КРЫСА! – С этим боевым кличем Миша выпрыгнул через стол на Фёдора, да так, что чуть ли не сломал своим телом парню шею.

2.Бойня (стансы классике)

Неподалёку от метрополитена Проспект Полярнова (оранжевая ветка) в семи минутах ходьбы расположился бизнес-центр. Главный вход оккупировала элитная мебельная фирма «Gold-Para» или как местные с издёвкой называли глухой центр пара gondon.

По краям с центрального фасада раскидались кафешки. Пройдя во внутренний двор человек оказывался на большой парковке, а во весь боковой фасад здания, ровно посередине, находилась единственная железная дверь, над которой висел очень даже уродливый дугообразный козырёк.

Так выглядел второй вход в горе-бизнес-центр, который вёл на лестничную клетку, где на втором этаже находились сомнительные конторы турфирм, а весь третий этаж заняло самое крупное издательство страны «Экмос».

На мягком пожеванном диване, рядом с входной дверью, на которой висела табличка «Главный редактор Пулутинский Альберт Вавилонович» сидел пухленький, уже немолодой мужчина. На вид ему смело давали сорокет. Под его носом красовались аккуратные усы, а на щеках имелась лёгкая щетинка. На массивном же лице (к удивлению случайных прохожих) сидели большие, такие даже плутовские глаза-молодца. Бывает так, смотришь на кого-то, и сразу пони-

маешь, вот этот человек высокого ума, а сколько жизненной энергии!

Друзья звали мужчину Лёней. Более молодые знакомые по «цеху» обращались Леон-тьевич, по паспорту Скеров Леонид Игнатьевич.

По профессии же Леонид был экономистом. Деньги он зарабатывал... а впрочем, он никак не зарабатывал. Благодаря накоплениям (ныне покойного) отца и мудрому решению вложить имеющиеся финансы под проценты, позволили Лёне в свои годы нигде не страдать, полностью отдавшись мечте. Или, быть может, правильной сказать – отдаться призванию.

Леонид Игнатьевич в небольших кругах считался искусным поэтом. Высокому слову он посвятил всю свою прожитую жизнь. Главной мечтой же этого пухленького, вечно одинокого человека, являлось признание творчества, как акт неотделимого наследия, но пока он ценился только в очень узких кругах любителей бунтарской поэзии, а если быть точнее, то Лёню любила молодёжь, принадлежащая к сомнительным кругам.

Вот и сейчас мужчина сидел, листал свежий выпуск литературного журнала С.О.В.О.К. и ждал, когда же главный редактор освободится (а занят ли он на самом деле?) Полгода назад Леонид приносил огромную стопку своей поэзии на рассмотрение к Альберту Вавилоновичу. Это было его не первое посещение и не первый отказ, но Скеров верил, что

труд и время должны победить злого дядьку-басурмана (в данном случае главного редактора).

За дверью раздался голос Пулутинского: «войдите!» Секретарши у него не было по личному желанию. Лёня захлопнул копию ежемесячного журнала, небрежно кинув её. Сделав глубокий вдох, без стука, поэт ворвался в кабинет.

Внутри этого маленького заваленного кабинета был спёртый табачный смог. Такая устойчивая дымка, которая, казалось, никогда уже не выветрится, а всё потому, что Вавилоныч (так звали его близкие друзья) любил много курить и обожал тепло, поэтому окна не открывались даже летом.

– Здравствуйте, Альберт. – Уверенно поприветствовал поэт этого пожилого, болезненно худого человека.

– Да, да, кто это у нас? – Вгляделся Альберт. – Ах, чёрт меня дери, Леонид! Заходи, присаживайся. Давно тебя было не видать.

– А чего вы удивляетесь? Я же вам вчера позвонил, предупредил о своём появлении.

– Думаешь, я вот только о тебе и думаю? Мне знаешь сколько приходится вопросов решать? Вечные эти рукописи всяких недотёп, просмотр отработанного материала, вечные счета, встречи! У меня крыша едет к чёртовой матери!

– А вы разве читаете присылаемые рукописи?

– Ну, кхм... не все, но, чтобы отнести многотомные блоки испорченной бумаги нужно потратить время, знаешь ли.

– Ясное дело...

– Ну чего ты, чего набычился сразу? Я же не говорю, что и твои труды я удачно отнёс на помойку.

– Неужели?

– Леонид. Лёня. Вот такого ты мнения о старике, да? Между прочим, я многое прочитал... Ты ведь знаешь, твои мысли мне безумно нравятся, иначе ты бы тут не сидел. Сейчас, погоди. – Редактор развернулся на своём кресле к шкафу у стены, открыл нижнюю дверцу и, покопавшись, достал толстенький блок листов. Рукой сбросил накопившуюся пыль на титульнике, где красовалась фамилия поэта.

– Зачем же вы так, пыль придавала веса моим трудам! – Поддел его Леонид.

– Ты, сынок, зубы не точи на дядьку, могу и обидеться. А вообще, если ты не знал, то пыль везде и на нас с тобой её в избытке!

– Да, только мы себя частенько трогаем, в отличие от...

– Да, да! Я тебя понял. Вот, смотри – Редактор сжал всю стопку с одной стороны, а другой рукой начал перебирать листы. Некоторые стихи были обведены зелёным карандашом, более редко мелькал красный цвет. – Что ты видишь?

– Ну, стихи свои вижу.

– Так, а ещё?

– Вижу пометки зелёным и красным цветом.

– Вооооот! А это уже, мальчик мой, моя рука сделала. А знаешь, что это значит? Что я ценю тебя и действительно интересуюсь тобой.

– Вы хотите сказать, что вы меня...

– Вот, например, это стихотворение, – перебил его Альберт. – Иуда:

Мучитель животных –
сам мученик с рождения
распятый явью,
где сила притяжения
тепла
обошла его,
оставив напоследок –
холодные стены бетона
после расстрела.

– Я написал его под впечатлением одного нищего мальчика, калеки. Он был очень красив, но бессердечно его интересовала только горсть звенящих монет в чужих карманах...
– Прокомментировал поэт.

– Так и я о том же, до дрожи! Или вот ещё, – руки начали перелистывать наугад, ища первый попавшийся стих с зелёной обводкой – Без названия:

Ты надеваешь чёрную футболку, чёрные штаны, чёрный плащ;

у тебя солнцезащитные очки на носу, даже в плохую погоду –

траурные цвета делают тебя неприметным на фоне жертвы.

Последний день сентября зачёркнут сигаретным пеплом, и время – самая пора охотничьих ножей, так сподручней думать.

Она в фиолетовом пальто. Сама нанизывается на остриё. Она говорит: «я жертва твоя, охотник должен быть более обстоятельным с дамой»

Ты несёшь её обмякшее тело на алтарь уединения личного крова.

Ополаскиваешь нож, омываешь ей ступни. Её глаза смотрят с прищуром. Ей невтерпёж узнать, что значит быть съеденной.

С чувством и намёком на таинство закончил читать редактор, уставившись сквозь автора.

– Ну, метафора средней руки, я хотел...

– Молчи, Лёня, дай старику помечтать. В твоих работах полно загадок, сексуальности и лирики.

– Так может стоит познакомить людей с моими работами, разве не логично? – Приободрился Скеров.

– Логично, логично! Ты не представляешь, как я хотел бы иметь честь напечатать тебя, но у меня попросту связаны руки! – Громко и искренне закричал Вавилон, а затем уже продолжил почти шёпотом. – Пойми же, мальчик мой, где мы живём. Это только кажется, что здесь демократия и новый мир с новыми порядками, а на деле: мы все повязаны. Ты думаешь, я не пробовал? Скажу тебе честно, когда я был ещё моложе, то пытался бороться вот за таких как ты: прогрессивных, энергичных творцов. Но любое новое нужно согласовывать с такими кхм... с такими людьми, с важными господами в пиджаках. У них там целый отдел, который отвечает за цензуру. Все эти, ничего не смыслящие в искусстве, баблососы решают, что людям срать в глаза, а что нужно насать в уши... Понаклонировали своих классиков... Нет! Я ничего не хочу сказать, когда-то я любил классику... но, что тот же ПушкинV.3, ТолстойRED8 и прочие клоны... словесные импотенты! – Снова повысил голос редактор, но тут же осёкся.

– Так им внедрили их оригинальный разум.

– Да, так говорят, но почему-то все эти гении того великого времени очень быстро приняли правила новой игры, стали слишком уж политической интересоваться, а всё потому, что в их задницах огромный покровительский ф! Вот, что я тебе скажу, чисто мнение... Я тебе так скажу, Лёнь, это только моё, и больше ничье, уяснил? У каждого нового времени должны быть свои новые писатели. Должны быть люди, кото-

рые говорят на новом языке, а всем этим деловым невыгодно, чтобы холопы что-то там хотели. Их всё кормят протухшим материалом. Точнее он не то, чтобы протухший, просто его новые люди не понимают! Не воспринимают, и всё тут! А эти вот клоны... эти распиаренные клоуны – жалкая пародия того, чем они когда-то были в своё время. Переселения души ещё не придумали, Ленъ, пойми. И вот из-за таких вот крыс, такие люди, как ты и остаются у меня в столе, ты прости. Я знаю зачем ты пришел, но я не могу напечатать тебя при всём желании.

– Понятно, но как же ваш журнал С.О.В.О.К., даже в него я не вписываюсь? Там вроде молодые авторы. – Всё цеплялся за спасительную соломинку поэт.

– Да, печатаем мы там ребят, создаём видимость прогресса. Некоторых пропускают, но ты пойми Леонид, что именно твоя фамилия и каждая твоя буква, каждый вздох в сером (ещё не чёрном, разумеется) списке. Знаешь, мой покойный отец любил говорить: «зато не как в девяностых». Сейчас сам знаешь, какой год. Новая эра. А эти девяностые до сих пор остались. Если чуть громче пискнуть, то какой-нибудь «благородный» загрепес в дорогом костюме наймёт люмпена за копейки, который потом тебя ошпарит кислотой у дома, и дело с концом. Тут прогибайся, либо гуляй лесом, третьего не дано.

– Мне пора. Спасибо за беседу. – Покрасневший от несправедливости Леонид резко встал, протянув руку для

пожатия. Он не знал, насколько можно было верить старику, но всё же воспитанность не позволяла совсем терять самообладание.

Пулутинский пожал в ответ руку с сочувствующим взглядом.

– Настанет и твоё время, Леонид. Не отчаивайся, пиши для потомков.

Скеров кивнул и, уже было ретировался, но редактор его окликнул:

– Лёнь! А ты знаешь, как расшифровывается аббревиатура названия нашего литературного альманаха?

Леонид отрицательно покачал головой.

– Союз отечественного выражения открытой культуры.

– Ясно.

– Но знаешь, как сам я расшифровываю?

– ?..

– Сатирические отрывки вокруг оральной кастомизации.

Немолодой поэт болезненно улыбнулся, кивнул Альберту на прощание, а после закрыл дверь с обратной стороны.

Скеров был погружен в свои мрачные мысли. Его угнетал тот факт, что вероятность быть напечатанным при жизни – крайне мала, если не сказать: космически неосуществима. Но как возможно принять такой бесчеловечный факт? Даже если представить, что после смерти, через лет пятьдесят, новое поколение прозреет, увидит если не гениальность, то

должный талант и он, Скеров, станет главным символом. То, что с того, спрашивается?

Любая тяга к высокому – это прежде всего эгоцентрическое желание ощутить восхищенные охи и ахи в свой адрес. Любой немислимый подобный труд – инструмент по достижению только одной цели: хоть на мгновение почувствовать, что живешь ты не зря. Соврать самому себе посредством всей этой коллективной толпы, что ты сделал всё правильно. А после, в неизвестно сколько лет и при каких обстоятельствах, уйти в покров загадки, где не будет страхов и комплексов.

Мужчина не глядя шел к выходу, то и дело натываясь на углы. Он не заметил, как от самой двери редактора с ним установил зрительную связь худой и высокий мужчина, затем начав преследовать поэта, пытаясь пока не выдавать своего присутствия.

Только у выхода Лёня вышел из своей головы, но только с той целью, чтобы не расшибить эту самую голову о металл. Его слегка пухленький пальчик нажал на таблеточную кнопку. Дверь запищала, разрешая выйти на свежий воздух. Тут мужчина услышал робкий, не очень громкий голос за своей спиной «Погодите. Пойдите же!»

Когда Скеров обернулся, то увидел сначала фрагмент телесной ткани с белыми пуговицами. Дальше взгляд начал автоматически подниматься вверх, открывая тонкую шею с выразительным кадыком, а верхом на ней сидела небольшая,

но аккуратная голова.

На умных глазах водрузились очки в тонкой оправе. Идеально выбритое лицо, вопреки ожиданиям, сам череп не лысый (Леонид посчитал, что фигуре такой комплекции больше подошла бы лысая голова), на нём сидела инфантильная прическа, а именно каре, да такое, что волосы спереди доходили до плеч, а к затылку аккуратной дугой сходили почти в ноль.

– Простите меня сердечно, вы курите? – Спросил высокий мужчина, доставая из заднего кармана смятую пачку сигарет.

– Курю. Вам зажигалку? Только она и есть.

– Да нет, спасибо, что вы? Я не по такому вопросу к вам. – Мужчина протянул открытую пачку поэту. Леонид, после секундной задержки, принял угощение.

– Благодарю.

– Давайте отойдём вон к той урне, а то можно напороться на штраф, всё-таки охрана тут имеется.

Парочка молча дошла до указанного места. Леонид всё же смог проявить ответную вежливость, успев чиркнуть своей зажигалкой раньше, в первую очередь подкурив своему новому знакомому.

– Премного обязан. Не успел представиться: Михаил Владимирович Срокин. – Миша протянул руку.

– А я Леонид. – Грустно назвал только имя Скеров, пожимая руку, отметив про себя, что эта рука очень приятна на

ощупь.

– Я вас знаю, да. Вы в литературных кругах очень важная личность, честно слово. Я знаком с вашими работами, как-то у этого старого выкрал почитать.

– Неужели? – Приятно удивился Лёня, но постарался максимально скрыть свои эмоции.

– Несомненно. Могу парочку стихов продекламировать!

– Лучше не стоит... Меня, знаете ли, сегодня тошнит от себя.

– Муки творчества?

– Вы только за этим меня остановили или вам не с кем было покурить?

– Что вы, вовсе нет, но ваше общество мне приятно, спорить не буду. Вообще я по другому вопросу, – смутился Миша, взяв паузу, вглядываясь в пустоту. На переносице у него образовалась морщинка гордеца.

– Может, тогда поделитесь, и я удовлетворю вас ответом?

– Хм. – Срокин улыбнулся одними уголками рта. – Скажу честно, когда вы сидели на диване у кабинета Альберта Вавилоновича, я увидел, как вы серьёзно изучаете новый выпуск журнала С.О.В.О.К.

– Коротал время. – Коротко и безэмоционально ответил Лёня.

– Так вот, я к чему это всё... Там мой рассказ опубликован, а вы для меня человек авторитетный. Хотелось просто узнать, прочли вы его или пролистали? И если да, то что вы

думаете о нём? – Миша покраснел, сам того не желая.

– Слушайте, я вообще взял этот «глянец» от скуки. Скажу честно, хотел было что-то из него прочитать, но все эти ПушкиныВэЗ, где им вся коллегия нализирует жопу, а потом большие рецензии на их сухие работы... короче говоря, я не стал вникать. И скажу вам больше, я даже не видел там вас. Ваш рассказ затерялся среди этой скуки. – Горячо закончил поэт, затем добавив, – да и вообще, зачем вам знать мнение человека, которого даже в этом журнале ни разу не напечатали и не напечатают? Радуйтесь уже тому, что у вас есть потерянный рассказ на прогнивших страницах, вам есть чему хвастаться.

– Вы совершенно правы. – Задумчиво отозвался Михаил. На его лице остался отпечаток «пощёчины».

– Надеюсь, я вас не обидел?

– Что вы, просто при одном напоминании об этих с... об этих клонах... меня начинает колотить от бешенства. Не культура у нас, а консервная банка!

– Соглашусь, но вам всё-таки как-то удалось просочиться... если вы, разумеется, не пишете в такой же манере.

– Что вы, унижить самого себя? Я люблю поиграть, кто не без греха, но не настолько во мне мазохизма. Да и уважение к себе ещё имею!

– Вы меня заинтриговали.

– Правда?

– Несомненно. Если найду копию журнала и не забуду, то

обязательно прочту ваш рассказ. – Лёня сделал финальный затяг у самого края фильтра, выбросив бычок в урну. А это значит, что сейчас он направится к себе домой.

– Вы можете сделать мне маленькое одолжение?

– Хм... зависит от того, что вы хотите.

– Подождите здесь меня одну минуту.

– Это можно.

Михаил ринулся к двери, открыв чуханочку ключом (интересно, откуда он у него?) Мужчины не было ровно минуту, а после дверь снова распахнулась. На Скерова бежал всё тот же Миша, только весь в поту и красный, словно маленький пацан на продлёнке.

В руках он держал тот самый С.О.В.О.К., только скрученный в трубочку.

– В... вот, прошу. – Всё пытался отдышаться Михаил.

– Благодарю, но право, не стоило так спешить, я бы подождал и дольше.

– Да ничего, знаете, полезно, кардионагрузка... Так вы прочтёте?

– Д-да, прочту.

Михаил самовольно взял руку Лёни в попытке как-то её потрясти. «Спасибо» – повторял он тихо с отдышкой. А после с улыбкой пошёл назад в издательство.

– Обещайте, что если вам понравится рассказ, то вы позвоните мне и тогда вместе отобедаем? Я угощаю! Но если нет, и я вам стану мерзок как творец, то просто сожгите эту

макулатуру, словно мусор в знак своего очищения. Обещайте мне! – С улыбкой кричал он, всё отдаляясь от Лёни.

– Обещаю! – Только и нашелся поэт. Внутри него что-то радостно улыбалось, но на вид он был всё также серьёзен и печален.

Как только Срокин скрылся за дверью, Леонид, с журналом в руке, побрёл к себе домой. Но перед этим забежал в магазин за сигаретами и двумя бутылками дешевого портвейна. Он серьёзно настроился на исполнение данного им слова.

АВТОР: СРОКИН МИХАИЛ В.
«ТРЕЗУБЕЦ И СЕТЬ»

В Греции, на полуострове Пелопоннес, в долине Эврот, расположилось государство Спарта. Оно славится своими бравыми войнами, безукоризненной дисциплиной и самыми красивыми женщинами.

В этой долине нет места трусам, ворам и прочим маргинальным прослойкам общества. Уже как с полвека всех негодяев предали земле, сбросив с горы Тайгет. Если бы нашелся смельчак, который смог спуститься вниз, то его взору предстали бы целые горы скелетов разных размеров. Как можно догадаться, эти останки принадлежали некогда людям, которые не имели нравственного стержня.

Неподалёку от берегов Гиреона расположилось питейное

заведение. Основной фауной здесь являются рыбаки, которых приписывали к гипомейонам, либо перизкам, что было вполне справедливо. Да никто и не жаловался.

Название бар носит соответствующее: «Рыба&Кость». Его двери круглосуточно находятся в движении. Отважная сотня рыбаков ловит рыбу и днём, и ночью, не давая лодкам просохнуть, и не давая скуке сломить свой дух раньше времени. Постоянный конвейер тел заполняет единственное питейное пристанище, тем самым не давая ему времени на сон и отдых.

Здесь, в этих прокуренных стенах, два хозяина. Оба седовласые гордые мужчины, которые делят одну спальню на втором этаже, отдыхая по очереди. Агис – тот, что пониже, работает за барной стойкой днём, а его чуть более высокий бизнес-партнёр Агесилай бодрствует ночью.

В такие окраины граждане Спарты заходят редко. Только раз в месяц два спартанца спускаются на корки владений своего царя, чтобы собрать подать с хозяев за право наполнять кружки крафтом.

У рыбаков же имелся свой атаман, который скупал всю пойманную рыбу, а затем, со своими подельниками, отвозил товар на воскресную ярмарку в город, где и продавал всё в два раза дороже.

Сам атаман являлся полукровкой. Поговаривают, его отец был спартанцем, который по пьяни обрюхатил немощную женщину в кустах. Гражданства атаман не получил (да и не

смог бы, таких сбрасывали обычно с вышеупомянутой скалы), но зато он обзавёлся связями благодаря глупости своего папаша, за счёт чего и мог беспрепятственно проворачивать свои воскресные торги.

Жизнь на окраине шла своим чередом, никто здесь не чувствует себя ущемлённым или обиженным. Каждый находит себе занятие по душе.

Чуть севернее живёт семья потомственных рыбаков. Мать осталась с двумя сыновьями, так как муж её скончался в прошлом году. Ему стукнул сорок седьмой год, когда непонятная хворь сломила сначала его дух, а потом и его тело. Местные ведуньи говорят, что это был затяжной триппер, но их (сумасшедших) никто не слушает. В таких убогих – даже не плюют.

Отец покинул мирские земли, но оставил после себя двух чудесных сыновей: Аристида и Йоргоса. Аристид старше брата всего на год, через месяц ему должно стукнуть восемнадцать лет. Йоргос же, хоть и младше брата, но ростом вышел куда слаженней. Оба абсолютно не похожи друг на друга. Создаётся впечатление, будто мать их понесла от разных мужчин.

До того, как умереть, отец успел обучить сыновей своему ремеслу. Он успел рассказать секреты и тонкости ловли рыбы разными способами. Поэтому, после его кончины, братья стали главными добытчиками в семье.

Можно было предположить, что общее дело объединит двух родных людей, но случилось ровно наоборот. Нельзя сказать, чтобы братья всё время соперничали, но на рыбалку они ходили всегда порознь. И никто не смог бы ответить почему.

Когда Йоргос и Аристид изредка пересекаются вне стен родного дома, их видят спокойно болтающими на разные темы, но никогда они не говорят на тему рыбалки. Они избегают этой темы так старательно, что если не знать юношей лично, то можно вообще принять их не за рыбаков, а за обычных бездельников.

После смерти отца Йоргос оставил себе его трезубец, как главное орудие для рыбалки. Аристид же забрал отцовскую сеть. Мальчики никогда не менялись своими инструментами. Трезубец и Сеть стали для них главной философской чертой, и главным отличием даже больше, чем внешность. Эти предметы отражались и в их характере.

Йоргос – острый на словцо. Складывалось впечатление, что и тело его заточено так же, как и его трезубец: стройное, конечности тонкие, но с очень жилистым рельефом. Даже в обычном разговоре Йоргос резко выплёвывает слова, напористо, без всяких мычаний.

Аристид, со своей сетью, наоборот, достаточно обстоятельный юноша. Каждое своё слово он строго обдумывает, прежде чем произнести вслух. Он постоянно выжидает, можно охарактеризовать его, как хорошего слушателя.

Только после всех обстоятельных «ухаживаний» он собирает улов.

Несмотря на тот факт, что оба юноши такие разные – мечта у них была общая. И Йоргос, и Аристид с детства мечтали стать спартамцами. Полноценными такими гражданами и могущественными войнами этой святой земли. Ещё в детстве, возвращаясь домой с отцом, они увидели у бара двух спартамцев – гоплитов. Они увидели их могучие руки, мускулистые шеи. Они восхитились позолоченной бронёй и острыми длинными копьями.

В тот день мальчики долго не могли уснуть и втайне от родителей начали обсуждать воинов, говорить друг другу, что когда они вырастут, то обязательно станут такими же сильными и благородными, и что сам великий Император выдаст им броню и копья.

С возрастом пришло такое понимание, как принадлежность к конкретному сословию, и что им никогда не суждено осуществить свою мечту. Скорее всего, как и их отец, они так и умрут рыбаками на краю полуострова.

Настал праздник поклонения и жертвоприношения матери-земли Гере. В этот день все люди собираются у алтаря, где самые отчаянные и безумные отшельники произносят слова на непонятном языке вперемешку с дорийским диалектом, а затем перерезают овцам артерии, дабы тёплая кровь их орошала землю, тем самым снискав благословение царицы на

хороший урожай.

Вечером народ гуляет. В «Рыба&Кость» собралось очень много простых душ, но ближе к полуночи прилично набравшиеся начали разбредаться по своим конурам.

Вот за стойкой сидит подпитый Йоргос, который о чём-то сосредоточенно думает. Перед глазами, от горящей свечки, проскальзывает тень, а ещё через мгновение рядом с рыбаком кто-то садится. Йоргос медленно поворачивает голову, чтобы оценить наглеца (он втайне представляет, что это может оказаться симпатичная особа) и, увидев гостя, выпаливает:

«Не ожидал тебя здесь встретить, Аристид»

«Приветствую, Йоргос» – спокойно отвечает брат.

Агесилай встал со своего места, подойдя к молодым людям. Он вопросительно кивнул Аристиду, спрашивая, мол, будешь пить? На что юноша ответил: «Стопку водки и кружку сидра, но лучше сразу три стопки».

Через несколько минут заказ был выполнен. Аристид по очереди закинул в себя все три горючие смеси. Немного покряхтев и поморщившись, он «закусил» своим кулаком, как это принято делать, когда нет настоящей закуски. К тому же его руки были пропитаны запахом рыбы и морской солью. Только после этого он начал неторопливо смаковать свой сидр, наслаждаясь каждым глотком.

«Хороший вечер, не правда ли?» – нарушил Аристид молчание, обращаясь к брату.

«Ночь ещё лучше, полнолуние!» – выпалил Йоргос.

«Помнишь, как отец нас взял ночью на рыбалку? Тогда также сильно горела луна. Он ещё сказал, что в такую луну рыбачить прибыльно. Что рыба в это время сама запрыгивает к тебе в сеть».

«Я помню этот день. Только не в «сети» он тогда сказал, а, цитирую: рыба сама нанизывается на зубцы. Я это точно помню!» – парировал Йоргос, задумчиво уставившись в стенку.

«Ну не начинай, Йори...»

«Ты начал этот разговор».

«Всё-всё, успокойся, я – так я. Признаю» – примириительно отозвался Аристид, смотря на сердитую физиономию брата, улыбаясь только кончиками губ.

Братья заказали ещё по водке. Молча выпили.

«И всё-таки он говорил про сеть» – подытожил Аристид своим спокойным голосом.

«Как ты заебал всё время врать и перетягивать на себя одеяло, Ари! Если у тебя сеть головного мозга, так иди ебись с ней, от меня подальше! Не позорь себя и не порочь память отца!» – Йоргос совсем вышел из себя. Всё это он кричал, встав с места и сжав кисти свои в крепкие кулаки с белеющими костяшками.

«Не горячись, брат. Я всего лишь говорю правду, а отца позоришь ты своим несдержанным характером».

«Раз уж на то пошло, то трезубец действительно лучше! Это копьё, которое может проткнуть не только сердце рыбы,

но и твоё!»

«Ха! Вы слышали? Родной брат угрожает расправой из-за пустяка. Может, это у тебя эрекция на свой трезубец, а? Может, ты представляешь, что это [ЦЕНЗУРА], который ты умело держишь? Или ты себя возомнил спартанцем? Представляешь каждый раз, как протыкаешь ублюдских персов! Может...» – Аристид не успел закончить фразу, как получил кулаком по лицу.

«Заткнись, Аристид! Дерьмо ты овцы! Я не буду терпеть такого отношения, ублюдок ты малодушный!» – лицо Йоргоса действительно стало пунцовым, но больше от стыда, нежели от злости. Брат ненароком угадал его тайну. Йори действительно занимался онанизмом, думая о [ЦЕНЗУРА]. «Ещё одно слово и я возьму свой трезубец, а затем убью тебя. Посмотрим тогда, как твоя сеть поможет!»

«Да я тебя! Щенка такого... придушу ею, на раз. Всем ясно, что сеть более искусна. Она лучше, чем твоя зубочистка» – игриво дразнил брат.

«Ты хочешь проверить?!»

«А может и хочу» – спокойно ответил Аристид.

«Хочешь почувствовать мою «зубочистку» у себя под рёбрами?»

«Говоришь как [ЦЕНЗУРА]»

Тут Йоргос сделался серьёзным и покойным. Даже Аристиду показалось это странным. С его лица слезла улыбка, он ждал, что же выкинет его импульсивный братец.

«Аристид – тихо сказал тот, – это была последняя капля. Во-первых, ты мне больше не брат. Во-вторых, я бросаю тебе вызов, если ты не трус. Я вызываю тебя на дуэль. Ты – со своей сетью. А я – со своим трезубцем. Это моё условие. Посмотрим, что более эффективно в бою. Если ты не трус, приходи через час в заброшенный скверик, где мы раньше прятались от родителей, когда в чём-то провинились. Если же ты не примешь моё предложение, то лучше сразу уходи, ведь я тебя просто убью, пока ты будешь спать» – договорил Йоргос.

«Решил напоследок сыграть в спартанца? Я принимаю вызов. Встретимся в сквере» – храбро принял вызов Ари, допил остатки своего стакана и направился к выходу.

Через минуту вышел и Йоргос. Настало время узнать, кто же лучше усвоил уроки отца.

Йоргос пришёл в сквер первым. Это была небольшая поляна, огороженная высокими и колючими кустами. Чтобы сюда пройти, нужно было изрядно изловчиться.

Послышался треск сухих веток и через мгновение, с противоположной стороны, появился Аристид. Юноши стояли молча, изучающе смотря друг на друга. Каждый в руках держал своё оружие.

«Ещё не поздно остановиться, Йоргос. Мы выпили, ты погорячился... Любой спор можно решить без кровопролития. Устроим сорев...»

«Заткнись, Ари, ты меня заебал! Ты смешон. Не строй из себя мудрого уёбка! Я знаю, кто ты есть. Ты хитрый и желчный ублюдок. Ты мне уже надоел. Я устал от тебя, и от этого места для неудачников. Меня тошнит от всех вас! Ты – олицетворение этой помойки! Я не должен был здесь родиться. Я воин, и я готов доказать тебе это!» – Йоргос говорил на повышенных тонах, но внутренне был спокоен и сосредоточен.

«Не смейся, Йори, ты...»

«Не смейте меня?! Лучше не смейте ТЫ меня, жалкая букашка, которая стоит с обрывком ткани от колготок!»

«Ах ты, сука! Ну ладно, ты напросился, сраный gomi!»

Аристид скрутил сеть вокруг ладони и, сжав её в кулак, начал раскручивать на манер кнута. Его рука была твёрдой и умелой. Он, словно гепард, сократил расстояние с братом за прыжок и ловким резким замахом хлестнул Йоргоса по лицу. На щеке сразу образовалось глубокое рассечение, из которого хлынула кровь. Брат не был готов к такой удачной атаке Аристида, поэтому, озверев, с рыком бросился вперёд.

Увернувшись от нового замаха, Йоргос ловко пригнулся, опёрся на левое колено о землю и молниеносно (резким выпадом) рассёк ногу Аристида. Тот взвыл от страшной боли.

Так бой продолжался ещё очень долго. Братья молчали, сберегая дыхание. По очереди они наносили друг другу раны, но никто так и не смог выбить себе преимущество. Проще говоря: их силы были равны.

В какой-то момент юноши начали одновременно прово-

дить атаку, да ещё и радиусы намеченных ударов оказались в одной точке соприкосновения. Трезубец и Сеть столкнулись, невообразимой случайностью запутавшись друг в друге. Некогда братья и сами потерялись в пространстве. Их руки начали тянуть оружие на себя, ноги нашли опору на груди соперника. В какой-то момент Трезубец и Сеть, под большим напором, распутались, но так неуклюже, и с такой силой, что выскользнули из уставших рук братьев, упав на холодную землю.

В бешеной суматохе руки теперь уже заклятых врагов начали нащупывать оружие. Когда же они его, наконец, схватили, то увидели, что в руках у них оружие противника. Теперь Йоргос держал Сеть, а Аристид Трезубец. Ни тот, ни другой раньше не держал орудие брата. Они не имели ни малейшего представления, как этим можно убивать, а тем более – рыбачить.

Юноши снова набрали дистанцию, и пока переводили дыхание, злостно смотрели друг другу в глаза.

Первый улыбнулся Аристид, затем произнес хриплым голосом:

«Походу, теперь, чтобы выиграть спор (уже философский), нужно проиграть бой физический. Не правда ли, это забавно, братец? Или мне лучше называть тебя сестрица?»

«Да пошел ты нахуй, прекрати! Я лучше сдохну, чем проиграю такому жалкому созданию, как ты! Каждый на этой земле знает, трезубец сильнее хотя бы по той причине, что

он ОСТРЫЙ! ОСТРЫЙ! Он не какая-то колготка!»

«Из-за этой «колготки» ты сейчас весь в крови! Это великая Сеть, и только в твоих руках тряпка. Кстати, колготки пошли бы твоим стройным ножкам. Ха-ха!»

«Прекрати, мразь! Не хочу тебя слышать. Я не хочу погибать от руки идиота, хоть и в руках у него великое оружие!»

«Хм. Хорошо. Ты тут, я смотрю, самый храбрый?»

«Уж точно храбрее тебя!»

«Да?»

«Представь себе»

«Ну, давай посмотрим, какой ты храбрый. Готов ли ты пасть от собственной руки?»

«А что... звучит интересно».

«Правда?» – Аристид не думал, что его брат так легко согласится, но теперь отступать было поздно. Он не мог проиграть какому-то жалкому гоміку в храбрости.

«Да, правда. Отличная идея. Если уж и умирать, то от руки благородной, с благородным оружием в ней... Вот новое условие: мы кидаем орудия на середину поля по свои правые руки. И на счёт «три» можем забирать каждый своё. Кто первый [ЦЕНЗУРА] себя, тот и выиграл спор. Как тебе такое, братец?» – у Йоргоса оказался взгляд обезумевшего зверя, он явно не шутил.

«Идёт» – только и ответил Аристид.

Как и было оговорено, юноши бросили оружие соперника по свою правую руку так, что Трезубец и Сеть оказались

ровно посередине поля, но с разных сторон. До трёх считали вслух вместе. И затем, как по команде, каждый ринулся за своим любимым гаджетом для рыбалки. Одновременно схватив Трезубец и Сеть, Йоргос и Аристид кинулись в разные стороны.

Йоргос зажал лезвия Трезубца на уровне глаз и разгонялся, чтобы воткнуть ручку в землю, а Аристид повесил себе сеть на шею, при этом так же, как и брат, набирал скорость, чтобы при наивысшем разгоне наступить на свободный конец.

Декабрь, 2135г.

Рассказ оказался короче, чем на то рассчитывал Леонид. Прочитал он его за полчаса (и это при том, что ну уж очень вчитывался). Из двух бутылок по ноль семь не успел осушить и второй стакан. Справедливости ради стоит отметить, один стакан равнялся половине содержимого бутылки.

Несмотря на такие мелочи, сочинение Михаила было как свежий глоток воздуха. А самое главное, сам факт печати такого рассказа давал надежду, которую совсем утратил Скеров.

Ему хотелось перечитывать ещё и ещё. Тут не нужно быть особо серьёзным математиком, чтобы понять, сколько раз он успел пробежаться по тексту, пока выпитое не закончилось. Голова попала на приятное «облако».

Чем дольше человек не пьёт, тем сильнее отдаёт. Вот и

сейчас, после долгой разлуки с любимым напитком, Леонид сидел прилично косой.

Мужчина хотел было набрать номер Михаила, но потом подумал, что слишком рано. А подумав ещё, всё же набрал, проклиная себя всеми бранными словами.

«Я вас слушаю» – раздался чуть измененный голос с того конца провода.

«Михаил, здравствуйте! Мне, признаться неловко, что звоню вам в таком скором времени...»

«Леонид, здравствуйте, любезнейший. Так это приятная неожиданность! Я, признаться, и не надеялся, что вы вообще позвоните!»

«Звоню сообщить вам, что ваш рассказ просто замечательный! Вы уж простите, что таким неотёсанным словцом, но я не ожидал, что он окажется настолько озорным и живым, а самое главное: с идеей».

«Стойте, стойте! Ничего не говорите больше, я хочу обсудить с вами это с глазу на глаз, если вы, разумеется, не против».

«Какой против? Я только за. Ваш рассказ мне душу вылечил, так сказать! Ой. Всё, молчу, молчу».

«Где можно с вами пересечься? Раз такое дело, то гуляем! Выбирайте место и время»

«Да без разницы, давайте встретимся у издательства, а там посмотрим».

«Знаете, на проспекте Полярнова всегда происходит одно

дерьмо, да и дерьмо тут только и ошивается. Может в центре?»

«Миша, от центра меня тошнит, но и согласиться с вами не могу. Давайте тогда всё же встретимся у издательства, но пойдём в какое-то третье, Н-ное место! Признаюсь, мне нужно немного времени, чтобы прийти в себя после выпитого, слегка захмелел» – честно признался Лёня.

«Договорились. Я как раз ещё здесь по службе, но об этом потом. Тогда скинете сообщение, что на месте и я выбегу. А трезветь я вам особо не советую, всё равно напьемся!»

«Вы очень проницательный человек!»

Леонид наспех сходил в душ, приведя себя в условный порядок. Затем неспешно выдвинулся в путь, предвкушая долгую и интересную беседу с новым знакомым.

Время – продукт иллюзорный и коварный. С того дня, как Леонид и Миша встретились в назначенном месте, по дороге собрав все бары, проболтав друг другу уши до полного немого писка – прошел ровно месяц.

Миша оказался переводчиком в том самом издательстве. Платили ему немного, да и особо там никто никого не уважал, зато причастность к книгопечатному бизнесу позволила мужчине иногда светиться в журнале в качестве самостоятельного автора.

Как потом выяснил Леонид, его друг не просто не любил, а буквально ненавидел «титанов» литературы прошлой мыс-

ли. Здесь мужчины полностью понимали друг друга, ведь они были сторонниками идеи, что художественный язык должен соответствовать времени, в котором происходит зачатие, но мужчины расходились в теоретическом подходе к решению данной проблемы.

Суббота была обычной. Ненасытный Миша всё [ЦЕНЗУРА], но поэт не сдавался. В промежутках, когда они курили сигареты в мундштуках, снова завязывался разговор о литературе. В общем гомоне перебивающих слов звучали фамилии: Dostoevsky, Rable, Rembo, Lorka, Sorokin, Ryu, Horvat. Несмотря на то, что авторы относились к прошлым векам – Леонид их свято защищал.

Он утверждал, что, хоть и прошло больше столетия, это не отменяло трагизма и поэтической боли, которую эти гении выливали на страницы. Главным аргументом в их защиту был ещё и факт, что этих художников слова не клонировали.

Возникал закономерный вопрос: а почему так вышло? Точного ответа нельзя было получить, ведь о таких вещах непринято говорить с официальными чинами, но Лёне хватало и своих догадок, которыми он делился с Мишей.

В его представлении учёные не смогли клонировать столь величайшие умы, а даже если бы им и удалось повторить всю уникальность их памяти, то с этими людьми не удалось бы договориться. Конечно, может Достоевский и сломался бы, начав брать бабки за откровенную чушь, которую бы писал под заказ дядек, но только с той целью, чтобы попросить кло-

нирывать жену и дочь, подарив им всё то, что он не смог при жизни. Печально, но, по мнению Миши, его бы это никак не оправдывало.

В ход пошел «стиральный» порошок. Теперь Леонид [ЦЕНЗУРА].

Искусство слова, любовь, запрещённые вещества. Природный дурман безысходности своей эпохи кидает разум в омут. Сколько должно быть ненависти у личности, что не в силах сказать своего слова? Но сколько из этих слов действительно важны, а какие нужно выбросить? Можно ли действительно вернуть сказанное, а вложенную энергию? Реплика Шарля с его конями, у которых торчат огромные болты, их безумная улыбка смотрит со стены на сросшиеся тени ангелов тошнотворных мыслей.

Калейдоскоп обоев новой квартиры под съём и часть чужих вещей. К слову, как и древний кувшин, куда сбрасывается пепел. Ещё дорожка, ещё дорожка!

Миша подмешивает немного безумства. Он не [ЦЕНЗУРА], чтобы пускать эту дрянь по венам, да и вообще в современном обществе считается моветоном. А вот [ЦЕНЗУРА] можно. [ЦЕНЗУРА] через нос выглядит утончённо, и даже как-то по-светски.

Сейчас никаких разговоров. Только двое быков, сражающихся за право получить [ЦЕНЗУРА]. Дни становятся длиннее.

Вот она, современная литература низов, выбитая из сил

непотребством. Когда наступает финиш, то кажется, словно ещё немного и умрёшь, но смерть не наступает. Это тупиковое, но в то же время волшебное чувство свободы и уверенности. У Миши серьёзный голос:

– Я всё решил. – Говорит он, внимательно изучая профиль лучшего друга.

– М?

– Ты понимаешь меня. Я говорю о будущем.

– Миш, ты перепил и [ЦЕНЗУРА]. Какое будущее?

– А ты вот так просто свесишь свои лапы?

– Вполне, я уже давно готов сдать.

– Бедный мой, дорогой друг... Как же тебя покалечили...

– Тебя, хочешь сказать, пощадили?

– Нет, но мне ещё не отрубили надежду. А знаешь, где она спряталась?

– Могу только догадываться.

– Она спряталась в идее о возмездии. – Решительно, с загадочной нотой произнёс Миша.

– Слушай, тебя понемногу печатают, уже неплохо, получишь удовольствие от этих...

– Удовольствие?! От чего же мне его получать?! Как ты не поймешь, проблема не в том, что наши мечты о высоком были похоронены. Ведь речь о целом континенте! О юных умах, которые растут на всяком говне! Они ведь не развиваются.

– Я не спорю, всё это печально, но так каждый писатель

своего времени рассуждал.

– Да! И при этом ничего не делал, одни понты!

– Скорее мыслительный парадокс собственного эго.

– Ой, Лёня, короче!

– ?..

– Я решился.

– Да на что ты решился?!

– Я собираюсь искоренить зло.

– Дьявола внутри себя? Я тебе говорил, не мешай ты с...

– Как и любой нормальный человек – я люблю себя, Лёня.

А убивать собираюсь я антоним к слову «мысль» во вполне физическом теле тех, кто совершает главное преступление.

– Ты собрался устранить Вождя?

– Нет, хотя последний достойный правитель был сто лет назад. Я собрался убить трёх слонов, на которых стоит наша сегодняшняя литература.

– Господи, опять ты про этих проституток... Ну их же специально вывели, они как скот на корм.

– Ты сам говорил, что тот же Лорка предпочёл бы умереть, чем продавать свою жопу непонятно кому! Скажешь, что такого разговора не было?

– Был, был! Я не отрицаю, но это ведь...

– Pidorov надо валить, Лёнь... Ты со мной?

– Да что ты несешь, Миша? Ну как мы можем скатиться от мучеников к преступникам?

– Убийство зла – это грех, который выбирает мученик!

Да, я буду гореть в аду, но это святой путь настоящего. Истинный путь человека, которому не плевать на будущее потомков!

Михаил резко вскочил на ноги, схватил крепко Лёню за руку, сильно так сжав. Глаза его источали безумие. Тут точно дело было не в [ЦЕНЗУРА], но в нутре, где поселилась эта преступная мысль. Причём зародилась она достаточно давно. Просто теперь, казалось, на границе реальности и скорого затмения, эта мысль озарилась в лучах праведного света. Мужчина смотрел на своего друга. Очень долго так смотрел в его испуганные глаза, затем задав единственно волнующий вопрос:

– Ты со мной или нет? Только не уклоняйся. Да или нет?

Взгляд Леонида был схож со взглядом кролика на удава, но неожиданно он вдруг преобразился. Можно сказать, словно здоровая клетка, он вобрал в себя вирус, став ему идентичным.

– Признаюсь, я сам мечтал об этом. Тысячу раз представлял как...

– Это да?

– ... эти головы размазываются, а внутри одна вода, одна вода, как и всё то, что пишут продавшиеся клоны.

– Твой ответ ДА?!

– Да...

План оказался предельно простым. Миша собирался под

выдуманном предлогом выманить трёх клонов из золотых клеток, зачитать им приговор, а после, лишить их жизни особо зверским путём. Далее планировалось оставить послание, что это только начало (чисто припугнуть), что так будет с каждым, кто решит дурачить собственный народ дешевой юшкой, а самим свалить за границу, получив пристанище, как политические беженцы. Мерзкий, погрязший в преступлениях запад очень сильно обрадуется таким вот «героям».

Последняя часть Леонида особенно не устраивала. Он так сильно любил свой родной язык, что мысль расстаться с ним была невыносимой, но после долгих уговоров, всё же согласился. Терять ему особо нечего, а избавить людей от безвкусицы – дело нужное.

Первым делом друзья распродали почти всё своё имущество. Через третьи руки они смогли снять самую дешёвую квартиру в «пяти квадратах». У Миши имелись криминальные около-друзья, через которых он давно доставал себе запрещёнку. Один из таких знакомых как раз проживал в указанном бомжатнике. Имени парня никто не знал (кроме правоохранительных органов), но в узких кругах он был известен под кличкой Сутулуй. Сам Сутулуй мало походил на человека. Именно он обещал снять хату, чтобы мужчины остались инкогнито, но Сутулуй и сам был не дурак, поэтому запряг своего знакомого лоха Гришу, чтобы тот снял лачугу на своё имя, взамен пообещав львиную долю от сделки. Писатели, конечно же, этого не знали, да и не узнают.

Когда территориальный вопрос преступления был решен, Срокин смог по издательским каналам заказать себе и Лёне (как помощнику) два билета в Японию, откуда планировалось попасть в штаты. Такой крюк делался не зря, ведь главная уловка заключалась в том, что Миша выбрал очень опасный путь для выманивания трёх значимых литературных мошенников, а поймать он их решил на высокомерии и слепой жажде. Проще выражаясь: на их ЧСВ.

Каждая шлюха мечтает иногда заниматься сексом по любви. Так и три выбранных клона были просто в восторге, когда каждому из них позвонил Миша, предложив поучаствовать в секретном проекте Мирового масштаба.

Каждый клон услышал от Срокина о своей чрезмерной уникальности, что именно он достоин стать звездой за рубежом. Мужчина попросил пока молчать о предложении, назначив место в самом неприметном районе, объяснив всё той же секретностью и пообещав, что все риски окупятся. Мировой талант достигается тернистым путём, не так ли?

Были выбраны следующие титаны деградированного слова: ПушкинV.3, ТолстойRED8 и HarmC. Один поэт, второй романист, а третий мастер коротких рассказов. Три всадника апокалипсиса умов современности. Главные верхушки, предавшие свои оригиналы в угоду обновлённой славе и деньгам.

Когда-то, в своё время, оригиналы этих блядей были действительно гениальными людьми, которые заслужили рай-

ской вечности, но примитивная толпа предала их насилию. И вот теперь, сделав фреш из ДНК и корыстных установок, получились эти падлы, заслужившие самую жестокую кару. Причём они даже не знают, что являются всего лишь имитацией, только лёгкий укол совести иногда вспыхивает на их щеках с экрана, напоминая о высшей душе прошлых владельцев.

День встречи был назначен на двенадцатое июля – великий местный праздник, на который лучше было всем прийти, а то мало ли что могли сделать с такими вольнодумцами. С одной стороны рискованно, а с другой – идеальный шанс остаться незамеченными.

Писатели сначала возмущались. Ведь как так, им ещё и выступать на этом празднике. Огромные деньги, да и сам зам Вождя уже проплатил, но Михаил уверил предателей, что встреча много времени не займёт.

Каждый обвиняемый получил адрес и должен был прийти в назначенный день в точно назначенное время. Мужчины так рассчитали, чтобы преступники не пересеклись, не увидели друг друга раньше срока. И соответственно, чтобы Леонид и Миша успевали связывать гостей, что, собственно, и случилось.

Днём, двенадцатого июля, каждый из приговорённых добровольно, с разницей в пятнадцать минут, тайно пришел в район «пяти квадратов» с целью получить литературное бессмертие. Они и сами толком не знали, что именно предло-

жит Михаил. Вот тут сразу и видно истинное лицо. Ни один из этих подпевал не обременил свой искусственный мозг вопросом, не пожелав увидеть очевидной абсурдности. Так, уже к десяти часам утра и трём минутам на циферблате, ПушкинV.3, ТолстойRED8 и HarmC были крепко связаны, удобно так разместившись каждый на своём стуле.

Ещё никто не успел прийти в себя. Леонид и Миша, находясь под адреналином, смешанным с [ЦЕНЗУРА], стояли напротив приговорённых, переводя дух. Уже очень скоро должна была начаться самая сложная часть церемонии.

Первым застонал ПушкинV.3. Его голова начала неуклюже трястись, губы пытались неразборчиво бубнить. Вспотевшие кудряшки очень смешно поддавались общей динамике движения, разбрызгивая маленькие капли пота.

– Ага, Александр Сергеевич! Я же тебе говорил, Лёнь, что он очухается первым. Везде первый! Не правда ли? Дорогой вы наш слиток золота. – Миша сидел напротив за принесённым столом с инструментами и прочим мусором, отхлёбывая из красивой чашечки чай.

– Господи, как болит голова... Милейший, что стряслось?

– Скажем так, вы отключились. А если быть точнее, то вы получили большой концентрат пропенитрана от моего товарища за свои левые дела. Простите, я так волнуюсь. Вы получили большой концентрат этой мути, чтобы мы могли без проблем вас связать, а причинно-следственной связью явля-

ется ваше, так сказать, творчество, что калечит любого, кто к нему притронется. И мало того, так вы ещё и пользуетесь старым добрым образом когда-то действительно гениального поэта. Вы стали паразитом, поэтому, смерть вас сегодня настигнет снова. Что поделать, такова участь. Может, Дантес и не зря, может он тоже что-то знал про ваш оригинал? – Тут Срокин больше говорил для себя. Он зацепился за эту мысль, она показалась ему крайне любопытной.

– Что?! Что вы городите, безумец?! Отвя.... ААААААА!!!!!!!!!! ОТВЯЖИТЕ МЕНЯ НЕМЕДЛЕННО! Это какая-то ошибка! Я ВЕЛИКИЙ ПОЭТ, Я НИЧЕГО НИКОМУ НЕ СДЕЛАЛ! – У Александра Сергеевича начался припадок бешенства. На его крики начали просыпаться и остальные.

– Кричите, кричите, голубчик. Если бы вы полностью осознали, где находитесь, то не стали бы так много тратить сил. – Спокойным голосом встрял Лёня, который изначально планировал молчать и не высовываться. – Вот и ваши коллеги начинают приходить в себя. Сейчас вам совсем будет весело. Правда?

– Леонид говорит вам правду, Александр. Советую поберечь силы, ведь нас ждёт увлекательная программа, в которой мы, – Миша обвёл себя и напарника рукой, – будем вершить справедливость благодаря вам, нашим любимым предателям-просветителям!

– Это кого ты предателем называешь?! Чёрт нерадивый! –

Прорычал с пеной у рта Лев Николаевич. – Я спрашиваю, кого?!

– Вооот! Теперь и ТолстойRED8 вступил в наш чудеснейший разговор. Рад приветствовать вас, отец французского слова, – издевательски пропел Миша.

– Да что ты знаешь о литературе?! Да что ты знаешь о п-е?!

– Больше вашего, товарищ клон.

– Обманом! Ложью заманил в ловушку, ирод! – Всё не унимался бородатый.

– И такова печальная, но абсурдная судьба великой литературы и её символического языка. – Спокойно отозвался HarmC, поднимая свою голову, с утомлённой улыбкой оглядывая похитителей.

– Здравствуйте, Даниил.

– Приветствую, вершители бессмысленной жестокости!

– Откуда вам знать, что это будет бессмысленная жестокость?

– Так абсолютно всё не несёт в себе никакого смысла, только отдельный индивид вкладывает в абстрактный предмет свои придуманные смыслы, тем самым создавая иллюзию чего-то настоящего!

– Ишь, какой смышлёный. Даниил, вы меня поразили! – Снова встрял Лёня. – Неужели вы так хорошо осведомлены о сложившейся ситуации? Может, вы заведомо в курсе, что являетесь репликой?

ГИТЕ! ПОМООООГИТЕ!

Неожиданно, тихо слушающий, но не встречающий в спор Миша, в один рывок дёрнулся с места на поэта. В его руке блеснула металлическая неопределённость, а далее послышался треск ломающихся костей.

Александр Сергеевич отключился, лицо мгновенно приобрело кукольность. Удар был сильным. Уже мёртвый поэт с пробитым виском завалился вместе со стулом. Наступила гробовая тишина.

– Простите... – Вымолвил Михаил. – Ненавижу, когда начинают визжать как бабы.

– Он мёртв? – Испуганно спросил Лёня.

– В его же интересах. Быстрая смерть, повезло кудряшке. – Спокойно подыгрывал Даниил. Только в глазах читался неподдельный ужас. Его внутренние мимические эмоции имели свойство находиться в разных состояниях.

– Но мы ведь ещё не сказали, за что его казним! – Скеров как-то слегка приуныл, но страха в нём не было.

– Мёртвому всё одно... – Нашелся Миша.

– Не переживайте, товарищ. – Пропел тонким голосом HarmC. – Мы прекрасно знаем, чем провинились. И вы правы, мы действительно, слышите? Действительно! Предатели. Не совсем добровольные, разумеется, не без этого, но мы променяли авторитет оригиналов и их мысли на роскошную жизнь. И так просто... без борьбы!

Леонид начинал догадываться, что Даниил пытался нада-

вить на жалость. Этот болезненно худой клон надеялся выйти сухим из воды, но на роду у него было написано, что умрёт он ещё молодым. Даже больше. Поэта начало раздражать, что абсурдист лебезит перед ним, усложняя тем самым процесс умерщвления.

– Идиот... – Прошептал Лев Николаевич, – да как ты не поймешь, Даниилушка, да и вы, душегубы, что бытие определяет сознание! Это ведь ещё Маркс говорил! Как вы не поймёте, что продаются все! Слышите? ВСЕ! И без исключения, просто у каждого своя цена. А у тех, кто не продаётся и отдаёт свою жизнь нищете – всего лишь своя форма продажности. Только продают они себя не за деньги, а за ту вечную славу, которую им уготовят изнеженные бесталанные критики! А ВЫ, – только больше распаялся романист, – просто завидуете, что нас взяли подпевалами, а не вас, вот и заточили на нас свои козни!

– Полностью с вами соглашусь. И да, вы правы: бытие определяет сознание. Нынешнее бытие подсказывает моему сознанию, что пора ломать ваше сознание. – Проговорил Михаил, тяжело дыша с выпученными глазами. Мужчину серьёзно накрыло от запрещёнки и адреналина. Он тут же метнулся к бороде. С ноги пнул стул, к которому был привязан романист. Когда тот с рыком рухнул, каратель начал бить своим металлическим шариком по клонированной голове.

Черепушка у ТолстойRED8 оказалась покрепче. Пока Срокин бил его, Даниил, который успел побледнеть ещё

сильнее, начал говорить прямо под окровавленной рукой:

– Собственно, фамилия и этого господина имеет свой каламбур. Я бы сказал, что каламбур этот даже самый ироничный и правильный по отношению к роли, которую этот облезлый Лев выполнял, а именно: игрушка. Да. Мне один генетик рассказал, что цифра «восемь» в его фамилии означала, что данный господин был восьмым клоном Толстого. Предыдущие семь получались с разными идеологическими дефектами...

– Замолчи, шлюха! – Крикнул на него Миша. – Так, вроде готов. Как-то всё пошло у нас не по плану, ну, да и чёрт с этим планом. Лёня! – Мужчина установил визуальный контакт с единомышленником. – Тащи быстро заготовленный полиэтиленовый ковёр и расстилай, приготовь все инструменты, а я пока за водкой схожу!

– Угу. – Леонид, слегка побледневший, сразу засуетился. HarmC более не надоедал своей болтовней, да и вообще, притих настолько, что чуть ли не слился со старыми обоями. Миша вытер руки, осмотрел себя в зеркале и вышел из квартиры. Скеров же выполнял поручения товарища, изредка поглядывая на ещё живого пленника.

Через двадцать минут вернулся Срокин с обещанной бутылкой. Он всё ещё пребывал в крайнем возбуждении. Было непонятно, в хорошую или плохую сторону.

– Лёнь, ты не представляешь, что я только что видел. О таком вообще стоит молчать по-хорошему, но это полный

здец!

– М?

– Тут закончим и расскажу, но предупреждаю, ты меня примешь за сумасшедшего. Ха-ха, кстати, – это уже Миша обращался к Даниилу, – вполне в вашем духе ситуация. Только без цензуры, ну и уж совсем пошло, но, как говорится, делу – время, а потехе – час. Сначала насущное.

На разложенную клеенку мужчины сложили уже отвязанное тело поэта. Всё делалось, как ни странно, основательно. С помощью огромной иглы и усиленного магнитного насоса, похитители за час откачали всю кровь в пятилитровую бутылку. Затем в их руках оказались пилы. Михаил начал пилить ноги поэта по суставам, а Леонид занялся руками.

ПушкинV3 не выглядел как человек. Скорее на мумию или, если быть более точным, на ту самую сушеную рыбу, которую не додержали на солнце. И вот она, внешне вроде сухая, на деле имеет такую неприятную смесь влаги и скрюченных кишок внутри.

Самым сложным оказалась разделка туловища. Его решили распилить вдоль пополам, этого должно было хватить, чтобы все части свободно уместились в заготовленные деревянные кубы, походившие на обычные строительные коробки.

Когда же рыбка была порезана и аккуратно, с педантичной манерой, уложена в «сосуд погребения», Леонид начал намешивать бетон. Миша же принялся хлестать водку. Он

тратил намного больше усилий, чувствуя в незаконном действе свою доминирующую роль.

За время «хирургии» от увиденного Даниил несколько раз терял сознание, а ещё пару раз его рвало желчью. Желудок у него оказался крайне слабым, да и нервы ни к чёрту, хоть держался всё так же покорно.

После того, как с поэтом было полностью закончено, а водка наполовину выпита, мужчины повторили операцию с Львом Николаевичем. Времени на него ушло ещё дольше, но только из-за нахлынувшей усталости.

НармС через дымку своего сознания слышал, как Михаил тихо повторял: «все мы уникальны мыслями, но телом нет, все мы мерзкие скоты».

Уже стемнело. Из окон начали доноситься голоса возвращающихся с праздника людей. Романист и поэт были полностью упакованы и залиты бетоном. Даниилу открылась страшная картина. Двое бледных мужчин, от которых прилично разило спиртным, с окровавленными пилами в руках, одновременно повернулись к нему.

НармС попытался улыбнуться. Вышло, к слову, очень натурально. Он искренне, со страхом в глазах, смотрел на своих мучителей. Соучастники молчали, очень устало изучая связанного. Абсурдист решил нарушить молчание первым:

– Отличная работа, парни! Всё очень даже профессионально.

– Мне кажется, я больше не смогу, Миш. – Проблеял Лёня, никак не реагируя на эту чудаковатую похвалу.

– Господи, уважаемые, если вы меня отпустите, то я клянусь чем угодно, что просто пропаду и больше никогда вы обо мне не услышите! Я могу поклясться на чём угодно! Что угодно подпишу, сделаю, только не убивайте, други...

– Не бойся, балабол, я придумал для тебя искупление получше. Да и нужен ты для другого, да... так будет даже правильнее. – Миша подошел к столу, заправился гадостью. – Именем свободных душой поэтов, я дарю тебе жизнь, Даниил.

– Правда? – Удивился Леонид.

– Ах! Благодарю, благодарю! Какие вы благородные джентльмены...

Миша подошел к пленнику, приказав высунуть язык. Когда Даниил без задней мысли выплюнул просьбу, мужчина резко отрезал ему «лишнюю» мышцу. НагмС дико завыл, глаза чуть-ли не вывалились из орбит, наполняясь кровавыми слезами. Он верещал, словно подбитый кабан.

– Вот, Лёнь. Введи этому идиоту немножко гнили. – Срок протянул заготовленный шприц. – Там доза превышает норму в полтора раза. Если выживет, то пусть живёт, заодно пока оклемается и всё подробно промычит, пройдет достаточно времени. Мы уже будем в Японии.

Даниил не сопротивлялся. Только стонал, а когда Леонид вытащил иглу с опустошенным содержимым, то и вовсе впал

в транс.

Абсурдиста отвязали, вышвырнув за дверь. Теперь великая копия походила на местную фауну, то есть на тех, кого он всё время описывал, высмеивая, в то же время, вознося бесправно их на уровень мучеников, что жертвуют собой во имя великого. Теперь он сам вкусил низшие блага загнивающих, став в их глазах обычным мусором. В таком состоянии его вряд ли кто сможет сразу признать.

Стало совсем поздно. Мужчины допили бутылку не заметив, как уснули на полу вплоть до следующего вечера.

Инвентарь (вместе со всем мусором) был сложен в огромный крепкий мешок. Два забетонированных куба разместили диагонально рядом, поставив на каждый по одной пластмассовой розе.

Леонид уже хотел было пойти выкинуть компромат, но Миша остановил его, решив вынести мешок самостоятельно. Пусть товарищ лучше отдохнёт лишний раз.

Вода закипела. Чай в красивой чашечке заварился. Миша вышел выкинуть мусор, а на Леонида вдруг снизошли строчки, которые он посчитал нужным записать, оставив их в этой квартире, как последний голос уходящей эпохи интеллектуального рабства:

Жёлтые фонари горят бледно, поверхностно.

Они портят ночь в отсутствие страшного ребёнка – прародителя своего, обидчика, что,

взойдя на трон дня,
свергая тишину ночи, выключает своих верных
апостолов,
перекрикивая их своим прошлым светом.

После, он перечитал написанное ещё несколько раз, допил чай и положил записанные строчки под цветок, где лежал расчленённый Александр Сергеевич. Он хотел было посмотреть в окно, в свой усталый вечер под впечатлением дум, но до его ушей донёсся глухой стук тяжелой руки о входную дверь.

Диалектика овального стола (3)

Заменив отсутствующий ковёр, на полу расстелился Миша. Его руки крепко зафиксировали наручниками, на лице появилось ещё больше кровоподтёков. Один глаз совсем заплыл, напоминая теперь перезревшую сливу.

Мышкин трясся всем телом, по голове его гладила Дина, шепча что-то на ухо. Гриша задорно улыбался, восхищаясь развернувшимся цирком.

Мужчина с ТВ закидывал очередную жвачку в рот, устало бегая своими глазками по присутствующим.

Гундяев Лёша сильно изменился в лице. Побледнел так до мела, вжавшись в стул. Происходящее его сильно так ис-

пугало, всю жизнь он не мог терпеть вида насилия.

Союз Демьянович неодобрительно мотал головой в сторону зачинщика, а трясущемуся Мышкину всё повторял: «Вы молодец, товарищ. Вы всё правильно сделали, что начали решать ситуацию первым. Вы молодец...»

Сын с матерью (Тимур и Ольга) шепотом спорили о своём. Мать явно пыталась убедить своего ненаглядного сынулю в каком-то вопросе, возникшим у них до произошедшей с ними истории. Молодой человек был явно очень зол на старушку (старушка здесь употребляется только в качестве жаргона, женщина была ещё полна эстетической красоты и здоровьем).

Федя Абсманов же уткнулся в свой мобильник. Папка перед ним лежала закрытой. До куратора теперь дошло, что вся эта фишка с «биографией» участников дела – абсолютная глупость, да и со стороны затея выглядела уж больно кинематографично, что придавало Феде и этой папочке комичности. Зато в отделе считали, что такой подход впечатлит людей, с которыми нужно будет «серьёзно перетереть».

Ради справедливости стоит добавить, что практическая польза от папки всё же имелась, а именно фотографии людей с указанными имена. Абсманов терпеть не мог забивать голову ненужной информацией. «Вот так и общаемся» – произнёс он про себя, быстро кинув взгляд в сторону скованного Миши.

– ...ешь, как поступила с родным сыном! Чего сейчас из-

виняться, ведь дело не в деньгах, как ты не поймёшь? Что мне с того, что ты всё вернёшь, если плевать я хотел на бу-мажки. Ты врала мне!

– Тимур, зайка, тише. Я тебя прошу, смотри, теперь нас все слушают, а это наше личное дело! – Также громко ответила Ольга.

Вдруг из всего гама какофонии голоса этих двоих выделились невидимой силой злобы парня. Гриша тут же переключил внимание на конфликтующих. Да и вообще, как правильно заметила женщина, теперь даже связанный Михаил глядел в сторону спорящих.

– А что тихо?! Чего скрывать? Или неужели в тебе проснулась совесть? Думаешь, это важнее факта, что ты мне в душу насрала? Слушай ты, мать, давай ты просто перестанешь жужжать мне под ухо свою лживую ересь, тогда может я и закрою свой рот! – Лицо молодого человека стало пунцовым. Видно, ему самому было неловко, что столько глаз пристально вслушивается в каждое его слово.

– Тима, сыночек... Я же ради твоего блага, я же копила, откладывала...

– Хватит этого дерьма! Не могу больше терпеть вранья! Ни черта ты их не откладывала, а тратила на свои дебилские украшения и на этих... как их там зовут? Мужиков-проституток!

– Владислав был не проституткой! – Взбесилась Оля. – Он меня любил и любит, а ты испугнул его! Неужели я не

заслужила счастья?

– Матушка, неужели вы позабыли про свой досуг?! Я сейчас совсем не про Крутого говорю... – тут молодой человек остановился. Он перевёл взгляд на Гришу, увидев лицо наисчастливейшего подростка. В глазах Тимура вспыхнула ярость.

– Продолжайте, продолжайте, молодой человек, выговоритесь. – Наигранно пропел тонким голосом подросток.

– А ты вообще... вообще... а, чёрт с тобой. – Успокоился Тимур, всё же конфликтовать он ни с кем не умел, кроме как с матерью. А бандитская физиономия «выродка» пугала его. – А с тобой, ОЛЬГА, я ещё не закончил. Поговорим дома.

– Тимурочка...

– Да, Тимурочка, ты ахуел гнать на эту женщину? Давай базар добивай тут, я же должен узнать, чем закончится ваша тёрка! – Заорал Гриша.

– Господи, да ты куда лезешь-то, сидел бы уже на жопе ровно, щенок! – Гаркнула Дина.

– Снова твой сперматозоидный рот распахнулся. Хватит вонять!

– Посмотрите на него, копро-мальчик мне что-то говорит про вонь, ха-ха!

– Так! – Теперь уже заорал Абсманов. – Все присутствующие! Мигом заткнули свои сраные хавальники, пока я не приказал своим людям отмудохать вас в кашу! – Кто бы мог

подумать, что такой утончённый и красивый мужчина, который так хорошо держался, да ещё и служитель больших господ, вот так запросто сорвётся.

На самом же деле, Фёдор не планировал вмешиваться в этот народно-быдловский балаган, но он играл на телефоне в онлайн гонки, а из-за шума у него увёл победу игрок под ником SosiJopu2126.

Воцарилась тишина. Всё внимание теперь забирал на себя куратор. Соловьёв перестал переминать челюстями жвачку подумав, что с такими нервами «этому красавчику самое место на телевидении», но сказал совсем другое:

– Вы, конечно, извините меня, но вам не кажется, что вы занимаетесь сейчас просто оскорблением личности, которая, к слову, ведёт себя спокойно. Да, я говорю про себя. Я чувствую себя оскорблённым, да и учитывая, что я никакой-то там хрен с горы, могу и обидеться...

Абсманов убрал телефон в карман, потёр глаза, как обычно это делают люди, долго сидевшие перед монитором компьютера.

– Вы совершенно правы. Приношу свои официальные извинения перед вами, да и перед остальными участниками, хоть некоторые и ведут себя, как... но вы все же гости, поэтому да, прошу меня простить. Выдалась бессонная ночь.

– Да. Вот только ты, пиджачок, телефон держал горизонтально, крутил его, словно руль. – Весело подметил Гриша. В такие моменты он себя считал гигантом мысли.

Фёдор проигнорировал разоблачающий его факт, чёрт с ним. Он повернул голову на связанного писателя.

– Михаил, вы как, успокоились? Мой человек может вас развязать, чтобы мы, наконец, все сели каждый на своё место и продолжили общение.

– Да, разумеется. Это я так, сгоряча, нервы. – Улыбнулся разбитыми губами мужчина.

– Вы точно больше не будете бросаться на людей?

– Точно, точно.

Фёдор махнул человеку в чёрном. Тот в одно движение сначала поднял длинное тело на ноги, затем быстро расстегнув наручники. Миша потёр запястья, театрально улыбнулся освободителю, прошипев «благодарю», а после, как ни в чём небывало, уселся на своё место рядом с Лёней.

– Так. Ну что же, все готовы продолжить?

На его вопрос последовало приятное молчание собравшихся. Тут неожиданно, зачем-то вставил свои пять копеек тот самый мужчина в оптике, что цветом лица походил больше на мел:

– Да, господа уважаемые, давайте уже быстро со всем разберёмся, а то моя супруга будет переживать, я ведь это... в магазин вышел, а меня уже долго нет. Да она уже с ума сходит! – Ужаснулся своим же словам Алексей. – Что я скажу ей? Ведь, как я понимаю, это официальная тайна!

– Ты что, отчитываешься перед бабой своей? Тебе десять лет, а она твоя мамочка? – Начал опять за своё Гриша, ехид-

но шурясь на бледную тень.

– Молодой человек! Вот женитесь и поймёте!

– Замолчали оба! Господа... – Встрял Абсманов. – Вы, эммм, – мужчина открыл свою папочку, полистал страницы и, найдя нужное, снова закрыл. – Вы, Алексей, не переживайте. Я уже отдал приказ. Вашу жену оповестили, что ваше отсутствие связано с очень большой, как бы это сказать, важностью.

– Тогда... тогда я премного вам обязан.

– Да ничем ты ему не обязан, тряпка! Как я ненавижу таких нытиков как ты. Может, ты ещё мне будешь обязан за то, что я тебе не буду морду разукрашивать, хоть и очень хочется? Даже вот этот крашенный pidog ведёт себя смелее!

Лёша ещё больше побледнел, не в силах ничего ответить подростку. В горле пересохло от повышенного пульса, ещё немного, и он точно упал бы в обморок.

Зато в разговор подключился возмущённый (понарошку или по-настоящему – сказать тяжело) Михаил:

– С чего, плесень ты помойная, взял, что если мужик [ЦЕНЗУРА], то он не может быть мужественным? Что за стереотипы? Ты что, нашел машину времени и прилетел сквозь фотоны прямиком из начала двадцать первого века? Вот ты деревенщина!

– Хочешь раз на раз?! Давай выйдем!

– Закончим здесь дела, тогда выйдем и поговорим. Я своими «хилыми» ручонками научу тебя, такого выродка, хоро-

шему тону. Зассал?!

– Сам зассал! – Прокричал Гриша, но в голосе чувствовалась какая-то неуверенность, а то и вообще страх.

– Чувствуете? Снова говном потянуло... – Серьёзно сказал ведущий.

– Возвращаемся по теме. Всё, давайте, в темпе вальса! – Сосредоточил на себе внимание Абсманов. – Речь, как вы уже поняли, пойдёт о празднике, а точнее, о двенадцатом июле, когда каждый из вас оказался в зоне, как это можно бы помягче выразить... в зоне, где вы стали свидетелям инцидента, и эта информация, скажем так, не должна завируситься. Вы сами должны понимать, какие могут быть у всего этого последствия.

– Кстати, да. Я полностью с вами согласен. – Не унимался (забавший уже всех) Гриша. – Я вот тогда был в небольшом ахуе, когда узнал в том *gondone* нашего главного.

Повисла бледная тишина. Даже для конченного мудака Гриши – сказанное было чересчур. Даже такой олух должен был понимать, его формулировка может иметь необратимые последствия, где ему могут в один прекрасный день отрезать яйца, а потом ему же их скормить. Благо, ситуацию неожиданно разрешил Союз Демьянович.

– Молодой человек! Никогда! Слышите? Никогда больше так не говорите! Не смейте употреблять такие мерзкие слова в одном предложении! И хоть все мы, – тут Бунин обвёл присутствующих, глазами прося поддержки, – понимаем, что вы

имели ввиду совсем другое, и ни в коем случае не стали бы оскорблять вот так вот просто главу... Вы ещё молодой, вам простительно, но я вас заклинаю, слышите?! Заклинаю так больше не выражаться!

Разношерстный кружок вдруг сплотился, чтобы уберечь Гришу от серьёзных последствий. Каким-бы он ни был мерзким, а кару главы он не заслуживал. Даже сама проститутка Дина начала поддакивать и серьёзно кивать с задумчивым видом.

Подросток было удивился всей этой сцене и притих, поняв, что, возможно, все эти «дерьмоеды» только что сделали неведомо-великодушное по отношению к его персоне.

– Да, спасибо, эм, – Абсманов снова полез листать папку, – Союз Демьянович. Итак, продолжим. Сейчас будет очень важный момент. Постарайтесь вспомнить, кто из вас мог НЕЧАЯННО распространить столь интимную информацию? Сразу скажу, никто вас за это наказывать не будет. Просто нам нужно знать, с кем ещё придётся связаться для урегулирования юридических вопросов о неразглашении.

Тут Гундяев яро, как типичный отличник, задрал руку вверх. Когда Фёдор кивнул в его сторону, чтобы тот начал говорить, Лёша с полной искренностью и напряжением выпалил:

– Готов поклясться на чём угодно, что не проронил ни слова, ни буквы об увиденном! Скажу больше, я и так бы никому не рассказал, даже собственной жене! Особенно ей...

– Молодчина, горжусь вашей сознательностью! – Встрял Союз, сжимая пухлые кулачки в очередном экстазе от гордости за земляка.

Абсманов с усталостью глянул на этого бледного мужчину, а затем не менее устало сделал вдох, стараясь не наорать на очередного идиота.

3. Отличник Гундя

Звонок на перемену. Двери начальных классов одновременно распахиваются. Самыми первыми выбегают неуправляемые маленькие люди. Поднимается одобрителный ор, звуки брошенных вперёд себя ранцев. За мгновение создаётся тревожный звуковой шквал.

Учителя благословенно выдыхают, последний урок на сегодня. После первого бури-потока, вслед за неконтролируемой гиперреактивностью, выходят более послушные, психически взрослые девочки, большая часть из которых успела сбиться в социальные группы по интересам и финансовому флёру родителей, ощущающийся пока только инстинктивно, на уровне привлекательности бантиков и заколок.

Лёша же Гундяев входил в негласный список врагов. Лёша только во втором классе, но знает уже многое. Например, он знает, что дресаж – это выездка лошадей. Что детей приносит не аист, а берутся они из женского влагалища, а

ещё, в свои малые годы, он провёл аналогию поведения своего класса с таким понятием, как желтый дом.

Алексей чётко видел социальную инвалидность большинства, и очевидное объяснение факта ненависти к таким как он только по причине интеллектуального превосходства. Детки терпеть не могут умных, так как сами туповаты, а таких большинство. Вот тебе и справедливость. Побеждает всегда количество, но горе тому, кто в этом количестве не найдёт способа замаскироваться.

Гундяев хоть и считал себя одарённым и не таким, как все, но общения ему не было чуждым, поэтому он не переставал делать попытки приспособиться, став своим в доску. Гундя даже пытался изображать из себя хулигана, но при первом же столкновении в драке сразу расплакался, выставив себя неженкой. Следующая попытка стала ещё более провальной, так как Лёша решил покорить одноклассников юмором, залепив огромный жмень из десяти жвачек в волосы вредной однокласснице Юле. Всем было очень весело до тех пор, пока у девочки не случилась форменная истерика, из-за которой она чуть ли не угодила в больницу, настолько она не могла успокоиться от случившегося горя. Её родителям так и пришлось обрить дочку наголо, сделав посмешищем на целый год. Лёшу почти отчислили за такой поступок, но ввиду того, что такое поведение было для мальчика несвойственным, его простили, списав всё на очевидное одиночество.

После наказания, мальчик оставил попытки сдружиться.

Теперь он, наоборот, старался по возможности избегать других детей. Хулиганы быстрее развивались физически, всё чаще прибегая к насилию в его сторону. Из всего класса Алексей был самым забитым и странным зубрилой в очках с толстой диоптрией.

Лёша аккуратно, озираясь по сторонам, пробирался к выходу. Уже на крыльце, когда он спускался по лестнице, на него накинулась туша. Это был Стасик, его главный враг, ужасно крупный и сильный детина. Неуправляемый «кусок» взял шею Гундяева в захват, второй рукой избивая мальчика по лицу и всё повторял: «Гунди, гунди, гунди!»

Лёшик покраснел, глаза его стали влажными, но он терпел унижение как мог, не теряя достоинства. Всё-таки не стоит забывать, что хоть эта детская авторитарная власть сильнее, хоть она может сковать тебя физически, но не может она главного: сломать сильный и высокий дух отдельно взятого малютки. Такая стойкость придавала Лёши сил, возвышая его над многими одноклассниками. Он был в плену врага, но как радовался внутри, в своей голове зная, что этот глупый могущественный враг знает о своей неполноценности и тем ещё более бесится. Сила всех неудачников – только в кулаках, которыми лишний раз доказывают собственную жалость и беспомощность.

До того, как хватка ослабла, Лёша вспоминал фотографию «красного» на смертном одре. Это глупое лицо, искаженное собственным невежеством и внешним страхом. Сле-

дом он припоминал и могущественного грузина, который в последнюю секунду перед смертью обоссал себе штаны. А он, Лёша, отличник и интеллигент, даже не проронил слезу, в глазах его читалась только тихая ненависть и презрение, выигрывающие войну не физическую, но морально-духовную, а она для мальчика куда важнее, чем временное физическое тело. Про это Лёша тоже знал, так как очень много читал книг из отцовской библиотеки. Смысл прочитанного доходил в неполном объёме, но главное мальчик схватывал моментально.

Когда экзекуция закончилась. Когда мучителю надоело развлекаться с «ботаником», он отшвырнул несчастного под возгласы друзей. Лёша молча терпел и словесные низкопробные этюды этих болванов, продолжая свою дорогу домой в гордом одиночестве.

Дом-Обед-Домашняя работа-Телевизор-Литература вне уроков-Кровать. Вот будничный стандарт Лёши, а потом всё сызнова. Уроки-Издевательства-Постоянное одиночество-Замкнутость. Только выходные позволяли полностью насладиться жизнью, погружаясь в неизведанный волшебный Мир выдумки любимых страниц. Десять часов, и глаза закрываются, а на пороге уже поджидает беспокойный сон.

Гундяев Лёша открывает глаза в своей кровати. Шесть утра. Он привычно собирается в школу, только ему не восемь лет, а все восемнадцать. Таков ход выдуманного обществом времени. Сколько бы кто ему не противился, а от ча-

сов на стенах, на телефоне, на запястье – никуда не деться, ведь все иллюзорные дела человечества теперь плотно повязаны на этом смертельном коротком родео. И если в детстве казалось, что времени более чем предостаточно, то теперь каждая минута ровнялась золоту.

Так рассуждал Лёша, пока его одноклассники, да и почти весь мир, к его годам успели друг с другом перетрахаться, попробовать запрещённые вещества, начать много пить, а некоторые умудрились уже бросить, ввиду плохого здоровья.

Выпускной класс. К этому моменту Гундя (как его нежно называла бабушка и мать) успел отрастить нелепые усы, над которыми все потешались, а ещё потерять интерес к художественной литературе (на вранье жизнь свою не построишь). Юноша начал плотно изучать точные науки, а с ними пришли очки с ещё большим минусом.

За очередные годы Гундя не успел: почувствовать прелесть первого поцелуя, почувствовать тепло женской ладони, откашливаться от смол, а ещё рвать от алкоголя в керамического друга. Да и слово «друг» до сих пор не появилось в жизни Лёши. Он по-прежнему был одиноким умником-интеллектом.

Избиения прекратились, но вот моральное унижение достигло своих неэстетических высот. Теперь самые задиристые хулиганы-красавцы подкалывали Алексея, шутили над ним достаточно пошло, со злобой так, но с определённым изяществом, которое иногда «заценивали» сами учителя, не

в силах сдержать смеха от хорошей хохмы.

– Алексей, а ты в своих иллюминаторах засыпаешь, чтобы лучше видеть сны или блуждаешь гордо в темноте? – Выкрикнул повзрослевший красавец Стасик, любимец всех подрастающих путан.

Часть класса начала смеяться, другая просто незаметно улыбалась, как и учительница физики. Слишком поздно она поняла свой промах, когда поймала серьёзный взгляд Алексея на себе. Лицо её покраснело. Она попыталась сделать замечание, но вышло неубедительно, да и презрения от ученика было уже не избежать.

Дальнейшие экзамены Алексей сдал без особого труда, с глазами полными скуки. Школьный уровень знаний не выходил за какие-то особые рамки, а сменяющиеся ветки мелкой власти упростили процессы до максимума, так как снова систематически пытались вырастить «продвинутых рабов» – так выражался сам Лёша. И к слову, у ребят это получалось всё лучше и лучше. Что может быть прекраснее вечно потребляющей, вечно плодящейся молодежи, которая сама сковывает себе жизнь, начиная становиться низкооплачиваемой услугой без возможности повысить уровень жизни, да и зачем? Зачем повышать уровень, если есть что поесть, есть что высрать, и есть куда пялиться. Причём главный глупейший козырь «пацанов» есть и остаётся остальной мир, который они додумали по уровню своего ума, то есть, не детально. Идиотия всегда способна работать как часы. И хоть инди-

видуальные умники презирались в первую очередь высшей прослойкой, но втихую каждый галстучник знал о необходимости всяких «задротов» на производстве, иначе пришел бы окончательный абздец.

Вот и Алексей принял участь умника, поступив сначала в высший технический институт на инженера-технолога, а после окончания пристроившись в конторку по уму. На протяжении всех лет главным неизменным правилом оставался режим пионера: в десять часов наступал здоровый сон, который даже в праздники не смел нарушаться.

Гундя открывает глаза. Ему тридцать лет. Ещё темно, но уже утро, пять сорок пять. Справа сопит его молодая жена. Сколько он с ней в браке? Пошел пятый год. Счастлив ли он? От большей части да, он даже почти не подделывает радость. Его жена. Катя. Да. Настоящая гордая женщина. Его первая любовь! Первая женщина, которая искренне заинтересовалась Алексеем. Ах этот первый поцелуй и первый секс в миссионерской позе, который он до сих пор любит вспоминать.

Лёша поворачивает голову, уставляясь на красивый профиль Кати. Он чувствует любовь к этому существу, но ещё втайне он испытывает некое подобие агрессии. У неё очень красивое тело, великолепная улыбка и очень изящные кисти рук. Катя особенно хороша в праздничных лабутенах. И этот изгиб её бёдер...

У Лёши очередная эрекция от неудовлетворения. Жена особо не балует, корча из себя высоконравственную особу,

но фантазия мужчины может беспрепятственно обходить все трудности, достигая желаемой картинки в своём уме, а мозг, как известно, не различает объективно-физическую реальность от фантазии. Эмоциональное погружение одинаково подлинно.

Правая рука Лёши уже крепко сжимает цветок, делая лёгкие и плавные движения. Его мозг начинает создавать симбиоз увиденных сцен из порно-роликов, заменяя в каждом кадре лица актрис своей женой.

Дыхание учащается. Голова полностью принадлежит фантазии. Вот она стоит в своих лучших туфлях, больше на ней ничего не надето. Только яркая помада на пухлых губках. Лёша с огромным проворством подлетает к этой куколке, хватая её сначала за жопу, а потом рука проскальзывает в очень влажную промежность. Та Катя, что порождена внутренним разумом, пытается сопротивляться, но Лёша понимает, это просто игра. Она почти вырывается, но вот он хватается её за шею, грубо сжимает так, что у жены аж перехватывает дыхание. Он шепчет ей на ухо: «Хочешь отведать члена? Не пищи, знаю, что ты его просто жаждешь» ...

Бицепс Лёши напрягается, руки склоняют Катю, соприкасая её колени с холодным полом. Она сжимает свой ротик, но взбесившийся муж легонько бьёт её в эти самые красивые губки. Проступает кровь. Тогда, под страхом и внутренним желанием, женщина размыкает рот, в который моментально начинает тыкаться член мужа-тирана. Она нехотя принима-

ет его в рот, с каждым разом всё глубже и глубже заглатывая. Фантазия Лёши рисует такую незаметную деталь, как лёгкую улыбку наслаждения в её глазах. Если она сейчас не остановится, то всё слишком быстро закончится.

Он вынимает красный огрызок. Бросает свою «грязную шлюху» жену на диван и, раздвинув ноги, начинает вылизывать её, причём сразу интенсивно. Женщина старается сдерживать стон, но ситуация изначально не была в её власти. Вот он проглатывает весь её выделившейся сок. Языком проходит по анусу. Какой аромат... Лёша совсем звереет. Резко поднимаясь с колен, он очень грубо переворачивает Катю животом вниз, и без всяких предупреждений всаживает свой среднестатистический жезл прямо в запретную дырочку. Катя вскрикивает, но через пару толчков снова возвращается стон наслаждения.

Да. Ещё никогда она так не балдела от собственного изнасилования. В своих фантазиях Алексей полный изверг, просто животное. Отличный способ не сойти с ума от реальности. Жена уже забыла о своей роли жертвы. Она начинает выкрикивать, чтобы Лёша не останавливался, да он и не собирался. Из его уст доносятся хриплые грязные слова, но под натиском сбитого дыхания их не разобрать. Ещё мгновение. Целый эмоциональный литр спермы зальёт жопу этой сучке.

Что-то вне стен Алексея нервно шевельнулось, испортив финал. Резкий испуг. Моментально погашенное желание заканчивать на прекрасной ноте наслаждения, готовясь оку-

нуться в очередную депрессивную лихорадку. Эрекция ещё долго не будет покидать его молодой орган, но рука моментально исчезает с места озабоченного преступления.

Мужчина открывает глаза и видит, что на него смотрит возмущенная жена. На её лице застыла гримаса сонного непонимания с примесью омерзительной догадки. Алексей же в эту минуту крайне жалок, взгляд такой побитой собачки. Вот только он не милая дворняжка, что хочет кушать, а взрослый дровичий мужик, которому ещё за это и стыдно. Крайне удручающее зрелище с точки зрения кого угодно, да ещё ужасно неловкое, а для самого Лёши – просто позор.

– Ты чего, Лёш, совсем охренел? – спрашивает благоверная.

– Прости, что разбудил...

– Тебе чего неймётся? Ещё даже шести часов нет, тебе ведь на работу идти.

– Да мне сон дурной приснился, будто я снова в школе, да и вообще...

– Что вообще? Из-за снов про школу ты решил заняться мастурбацией?

– Да я так, стресс снять.

– Ведешь себя, как подросток. Будь уже мужчиной.

– Ладно.

– ...

– Катюш.

– Ну что?!

– Может, развлечемся? Я спущусь и сделаю тебе приятно там...

– Ты совсем свихнулся?! Нет, вот ты ответь, – Катя возмущенно поднялась на локтях и с ещё большим призрением смотрела на своего благоверного.

– Да почему, я ведь просто предложил. Я люблю тебя!

– И я тебя, вот только это не значит, что от любви к тебе я вдруг перехотела спать или, например, что мне нужно для этого подмыться, почистить зубы, быть в хорошем настроении. А ты, а ты ведешь себя как подросток, ей богу!

– Ладно, я тебя понял, дорогая. Прости. Не знаю, что на меня нашло.

Тут прозвенел будильник, заведенный на шесть часов. Лёша с глухим стоном поднялся на ноги, отправившись вяло собираться на службу.

Выходя из комнаты, он улыбнулся своей жене, но внутри его груди горел пожар. Он ненавидел её за то, что она не хочет его. А в редкую их близость, всё таинство секса проваливалось в повтор и скуку. Он, между прочим, мужчина ещё совсем молодой, а его любимая женщина, сама того не ведая, берёт и вытирает ноги об его самолюбие. Жизнь одна, и пока что она проходит не так чтобы уж очень удачно. Сколько обиды в нём скопилось, сколько комплексов появилось, и что теперь со всем этим делать?

Алексей очень сильно любит свою жену. Всё в ней прекрасно кроме этой детали, которая, в конечном счете, так

и погубит его психику. Подобное всегда происходит, а потом зеваки задаются вопросом: «а почему мужик вдруг изменил?» или «почему вдруг к сорока годам мужчина вдруг ушел из семьи, став бабой?» «Почему какой-то бедолага от одиночества отрезал себе пенис?» или «почему вон тот славный парень, который был гетеросексуальным джентльменом, вдруг начал ебаться с [ЦЕНЗУРА] и подхватил вируса?»

Не со всеми, разумеется, происходит то же самое. Кому-то изначально просто в кайф всё это делать – базара ноль, но не стоит забывать, что ещё многие мужчины просто сходят с ума от подобного к себе отношения.

Алексей чувствовал себя жертвой. Каждая клеточка его мозга испытывала страдание, по крайней мере, так ощущалось. Он прибегал к самой плохой черте, он жалел себя. И зная, что это величайшая глупость, что он сам создал себе все эти проблемы, он всё равно продолжал оплакивать себя.

Другой мужик давно бы исправил косяки, которые его не устраивали, но Лёша совсем не имел опыта в отношениях, да и считал себя однолюбом. Каждый раз он обещал себе во всём разобраться, но пока ничего не получалось.

В такие моменты, как сегодняшнее утро, Лёше казалось, что его жена грёбанная асексуалка. Был период, когда он думал, что она ему изменяет, но доказательств тому не нашлось, даже намёков. В любом случае, его нервная система и настроение пришли в полный упадок, заставив чувствовать себя ещё большим ничтожеством, которое абсолютно неуве-

ренно в себе.

Позавтракав и одевшись, он отправился на работу, не забыв перед этим чмокнуть свою ненавистную, но любимую жену.

В метро Лёша убивал по часу чистого времени (от двери дома до производственного офиса). Минут у него целый вагон, поэтому уже как несколько лет к нему снова вернулась привычка читать художественную литературу. Как он сам думал: «второе дыхание и спасение от этой жестокой реальности». Вот и сейчас Гундя прихватил старый номер журнала С.О.В.О.К. Он навёрстывал упущенное, скупая у людей с рук этот некогда популярный журнал.

Усевшись на свободное место, Лёша достал глянец, открыв на заложенной странице. Он остановился на рассказе некоего Срокина Михаила Владимировича. Название его сразу заинтриговало, а когда мужчина дочитал этот небольшой рассказ, то был просто в восторге.

Рассказ этот был об отношениях, которые чем-то походили на его собственные. А ещё та сила главного героя, эта решительность... Произведение подняло Гундечке настроение, зарядив какой-то нездоровой энергией, можно даже сказать, уверенностью к бунту против несправедливости.

Дрожащими руками, с улыбкой на лице, он ещё раз перечитал рассказ, а затем ещё и ещё, пока не добрался до своего рабочего места.

АВТОР: СРОКИН МИХАИЛ В.

«ГРАМОТНЫЙ КОНЕЦ»

Клац-клац, клац-клац. Доносятся звуки клавиатуры. По клавишам прыгают грубые пальцы. Рядом с ногтями обглоданная кожа. Это лапти Паши. Паша молодой парень, ему ещё нет и тридцати, но голову обрамляют локоны седых волос.

К своим годам Паша не достиг высот, которых так страстно желал, но ещё и не успел потерять заветную мечту, эмоционально застряв как бы между двумя пропастями. Деньги он зарабатывает благодаря своим водительским правам: перевозит чужие автомобили из пункта «А» в пункт, указанный начальником. Платят не очень много, но достаточно, чтобы платить аренду за крошечную студию на отшибе большого города, да на хлеб с маслом.

Кстати, о размерах комнаты, вот он, Паша, сидит за крошечным столом, по его правую руку уже громоздится кровать, а слева давит единственный шкаф для тряпья. Перед глазами же маячит плита, да раковина с мусорной корзиной.

Паша клацает по клавиатуре, потому как он помнит свою мечту. Он хочет стать писателем, считая себя крайне интересным субъектом. Несмотря на свою имеющуюся (гипотетически) бойкость идей и ума, Паша безграмотен, местами наивен и мягкотел.

Клац. Клац. Тык-тык. Клац... Тык. Звучит иное клацанье,

совсем так иначе. Оно более размеренное и точное, без лишних стираний, да и кнопки клавиатуры отдают другим тембром. А пальчики, которые бьют по этой клавиатуре, вовсе не похожи на обрубки Паши. Хоть они и без фантастического маникюра, но всё же обладают очень важными характеристиками: утончённостью, аккуратностью и хорошо развитым мозгом, который ими, собственно, управляет.

Это Даша. Красивая и молодая. Сидит в дальнем углу кровати. У неё ноутбук повнушительней, да посерьёзнее, чем у Паши. Даше нет и двадцати пяти годков, а она уже главный проектировщик в одной из крупных строительных фирм. У Даши нет мечты. У неё есть работа, в которую она вкладывает свои знания и умения.

Она всегда серьёзна, сурова и часто не может вспомнить, каким образом её угораздило влюбиться в Пашу. То ли с помощью знаков свыше, то ли по привычке, но получилось то, что получилось и в целом, Паша и Даша живут в относительной дружбе.

За окном уже вечер. Даша сосредоточенно доделывает планировку трёхкомнатной квартиры в новостройке, расставляя специальные отметки там, где будут находиться розетки.

Паша, в свою очередь, сидит и пишет. А ввиду своей безграмотности, не слишком часто, но и не слишком редко отвлекает Дашу, чтобы та подсказала нужное слово.

«Уважаю» – через О или А?.. А «не всегда» пишется раз-

дельно или слитно?.. «Изредко» или «изредка...» «Чересчур» – пишется через з или с?.. «Не чувствую» – слитно или раздельно? Спасибо. А «не нужен» – слитно?..

За всё время (не только в сегодняшний вечер) Даша бойко отвечала на вопросы, каждый раз делая раздражительную и очень уж страдальческую мину. Ей чуть ли не физически было тошно каждый раз отвлекаться на глупости Паши.

Вот он закончил писать. Она закончила проект, отправив начальнику ссылку на документ в облаке, после же ретировавшись в душ отмываться от очередного дня.

Паша в это время распечатал листок на стареньком принтере с написанным сегодня текстом, затем нырнув в ванну к Даше, та ещё не успела домыть голову. Паша искупался бы и завтра с утра, но ему предстояло больше суток перегонять новый КАМАЗ из столицы в какую-то далёкую область. Даша никогда не вдавалась в подробности.

После, когда тела их были домыты, свет выключен и сделана любовь – молодая пара уснула в примирительных объятиях.

Восемь часов утра. Дашин будильник неистово разрывается криком. «Проспала», – думает девушка, вставая без очередных «ещё чуть-чуть» на ноги. Пашин след из норы давно простыл.

На столе Даша видит распечатанный листок. Это вчерашние выдумки Паши. «Он никогда ещё не забывал свои зави-

тушки», – весело говорит про себя Даша, ухмыляясь придуманной аллюзии на буквы, написанные Пашиным умом. Она берёт листок и решает потешить себя с утра, почему бы и нет?

«Дорогая Даша!

Ты прекрасно знаешь, как сильно я тебя люблю и уважаю. Эти волшебные три года с тобой пролетели очень быстро, а самое главное, эти три года были для меня очень счастливыми!

Три года, обалдеть можно! Я сижу за нашим крошечным столом, пишу эти строки, периодически любуюсь твоим профилем. Особенно меня восхищают густые бровки (вот бы они ещё не всегда были хмурыми, а хоть изредка радовали меня своей возможной доброжелательностью).

Знаешь, я много думал о нас. Я думал о том, что в нашем возрасте люди женятся, заводят детей... Знаешь, такое золотое время расцвета новой семьи. Мы молоды, да! И я всё думал о нас...

Скажу тебе честно, ты – лучшая. Женщина-проектировщица, кто бы мог подумать? Ты очень сильная женщина, даже чересчур... ха-ха.

Знаешь, ты всё время, сколько мы знакомы, помогала мне. Как включить там стиральную машинку, будильник этот чертов настроить на работу, завтрак как приготовить, обед, ужин. Всё это – ты.

Когда мне тяжело, ты всегда устраиваешь своему непу-
тёвому дураку взбучку и держишь в ежовых рукавицах. А
как ты закатываешь глаза и бесишься, когда я неправиль-
но произношу слова, ха-ха! Или вот ещё, когда ты читаешь
мои рассказы и вечно исправляешь кучу банальных ошибок.

Я благодарен тебе за всё это, но есть одно большое «НО».
Я устал. Ещё раз повторюсь, я безумно люблю тебя, это
чистая правда, но так больше не может продолжаться. Ты
вечно злишься на меня, исправляешь меня. Я постоянно чув-
ствую твою злость и катастрофическое раздражение к се-
бе вот такому непутёвому.

Постоянный стресс и твоё бессердечие убивают меня. И
знаешь, я хочу жениться, хочу детей, я всё хочу, но не с то-
бой. Мне больно это говорить, но я дошел до крайней точки
терпения.

Твоя грубость и твоё безразличие достигли вершины в мо-
ём сердце. И да, наконец, я могу тебе сказать: гори в аду,
злобная ты сука! Хотя с таким характером тебя не пу-
стят даже в такое злчное место.

Я пишу это всё и совсем не чувствую боли, только эйфо-
рию от предстоящего освобождения.

Три года рабства! Как я ждал, что ты изменишься, но,
увы и ах! Тебе дорога только работа и твоё превосходство
над всеми. Желаю тебе счастливо оставаться одинокой (не
дай бог кому «повезёт» с тобой) до конца дней. Да и ведь
тебе никто, собственно, и не нужен.

*П.С.: Я соврал тебе. Нет никакой командировки. Забрал свои вещи (сколько смог), остальное можешь выкинуть.
Не твой Паша*

Закончила Даша читать со слезами. Солёные капли обрамляли её щёки и подбородок, оставляя влажные полосы. Из носа свисали бактериальные скопления в противовирусной оболочке (так называемые сопля).

Даша конвульсивно содрогалась всем телом, повторяя навзрыд: «Господи... Паша, Пашенька, дорогой... Ни одной ошибки, ни одной... Боже, как хорошо, как же хорошо написано!»

Алексей занимал довольно хорошую должность в крупной фирме, являясь главным инженером-проектировщиком. В его обязанности входило корректировка работ грязнорабочих архитекторов, которые, как уже понятно из неофициального статуса, занимались самой сложной и нудной, но основополагающей работой.

Утро пятницы проходило стандартно. Для Лёши сейчас шли золотые часы ничего неделанья. Когда он зашел в свой кабинет, то сразу заварил кофе, откинулся на кресле и мечтательно начал блуждать в своей голове, отдаваясь тайным чувствам.

Тридцать лет! Хороший возраст. Золотое число, когда

мальчик переходит в ранг мужчины, если, конечно, ему удастся набрать нужного опыта, квалификации и, так сказать, жирка. У Лёши, можно сказать, имелось всё, кроме опыта в сексе. Дело тут не в том опыте, когда мужчина или женщина достигают мастерства, а скорее опыт разнообразия. В контексте секса ему сейчас лет пятнадцать. Такой факт о себе ужасно бьёт по самооценке. Сколько ещё можно терпеть унижений?

Раз в неделю она ложится на диван и раздвигает ноги. И вот он, злосчастный миссионер. Даже мастурбация левой рукой выглядит намного интереснее и привлекательнее. И так с ним поступает родной человек. Какая скука... «Вот сука» – с горечью констатирует Лёша. В особо отчаянные моменты появляется желание развестись, но при мысли об этом Гундя приходит в праведный ужас. Ведь придётся тогда сказать обо всём Кате, а её реакция? Слишком жестоко поступать так с человеком, который просто не любит ебаться. К тому же, он искренне её любит, но что делать с либидо?

В голове Лёша представляет бордель. Он представляет, как входит туда, долго выбирает себе женщину как вещь, но не потому, что он такой ссанный сексист, а только потому, что это часть игры. И все о ней предупреждены, никаких обид. Обидчивая шлюха – абсурд.

Вот у одной отличная попка. Да, немного лишнего веса, но выглядит она просто потрясающе. Лёша подзывает её, но пока не смеет и пальцем тронуть. Вместе они поднимаются в

приготовленную комнату, а там эта Жанна или Жасмин, начинает сосать ему пальцы на ногах, поднимаясь своим язычком всё выше и выше. Блаженство.

Алексей расстёгивает ширинку одной рукой, доставая свой эрегированный член. А второй закрывает дверь на щеколду. Затем, без всяких лишних раздумий, он начинает яростно мастурбировать, мысленно выкрикивая оскорбления воображаемой женщине.

Всё кончается в считанные секунды. Горячая струя обильно заливает стену рядом с мусорным ведром. Багровое лицо выражает всё земное наслаждение и одновременно презрение к себе, но в этот раз наслаждения больше, ведь это просто аперитив перед главным блюдом.

Инженер поправляет галстук, садится на своё место и, сделав несколько глотков горячего кофе, начинает рыскать по сети. Теперь он точно решил для себя, что терпеть он этого скотства больше не будет. Он пойдёт на нравственное преступление ради блага самой Кати, только чтобы сохранить их брак и всю ту любовь, которая есть в их сердцах. Лёша начал искать номер подходящей проститутки.

Найти проститутку оказалось не так просто, как думалось с первого взгляда. Но проблема возникла не от ограниченности выбора, а ровно наоборот, от переизбытка. Рынок оказался ужасно переполненным. Анкет на сайтах числилось настолько много, что создавалось чувство, будто все согражда-

не являются одной большой блядью.

Перед глазами Алексея проплывали десятки, сотни фотографий разных типажей, а эти сотни перешли и в тысячу. Так хотел думать Лёша, но на самом деле его неопытный ум осилил не больше пятидесяти объявлений. Первое, что выяснилось: все бордели уже давно оказались ликвидированными. Второе, что сразу узнал этот застенчивый инженер, проститутки поднялись на высшую ступень своей деятельности; теперь они занимались частным предпринимательством.

С кем впервые изменять жене Лёше было не важно, скорее основное беспокойство вызывали комментарии и оценки дам. У каждой что-то было да не так. Одна неблагонадёжная, вторая тайно фотографировала процесс соития с клиентами, понимаете ли, у неё хобби. Зато по скидке. У каждой путаны имелся какой-то, да косяк. Это, кстати, третье, что уяснил для себя Лёша. Даже в самом древнейшем и отлаженном деле люди скрывают за своей душой много грязных трусов.

Все эти «сладкие писечки» – как жадно про себя говорил инженер, были уж слишком модельного типа. Мужчина всё больше склонялся к тому, что он хочет за первый же раз попробовать всю грязь и сладость телесных страстей.

На пятьдесят третьей анкете он наткнулся на обычную женщину без межбулочных понтов. В разделе о себе у неё не было слов «котёнок, я твоя кошечка» и прочей банальной дешевизны. Зато она стоила недорого, да и приписала ещё, что ей терять нечего. Это был идеальный вариант.

Кроме перечисленных преимуществ эта женщина, по счастливой случайности, жила совсем рядом с районом Алексея. Можно будет спокойным шагом дойти за минут двадцать. Это самый большой плюс, а звали проститутку Дина.

Можно было подумать, что, как и у всех путан – это псевдоним, но Лёша жопой чувствовал всю серьёзность особы. Скорее всего, жизнь у неё настолько не сладка (так он решил по её уставшим глазам), что времени и желания придумать псевдоним у неё точно не было.

Звонить по номеру он не стал, зато написал в мессенджер. Роковым числом Лёша выбрал двенадцатое июля, большой праздник. Мужчина вошел в азарт, решив убить сразу двух коней. Первым конём была его тёща, с которой пришлось бы тащиться на это дурацкое веселье вместе с Катей. А второй конь сидел в его штанах, которому уже не терпелось измазаться в пороке.

Проститутка Дина ответила не сразу. Примерно через час бльщнул телефон. Предпринимательница поинтересовалась о предпочтениях своего нового клиента. Лёша только и нашелся, что написать: «всё».

Через минуту экран телефона снов осветился. Дина прислала огромный чёрный дилдо со знаком вопроса. «Кроме подобных штук» – последовал ответ, а затем пару улыбающихся скобочек. Алексей и не думал, что намёк был прислан не как анальная серёжка для милой дамы, а для... Не важно.

После диалог удалился. От возбуждения и страха у Лёши тряслись руки. Настало время ехать домой. Заветный праздник должен был состояться уже меньше, чем через неделю. А пока инженеру оставалось только смаковать предстоящий момент, гоняя в тишине свой одинокий орган.

Утро двенадцатого. Катя проснулась раньше мужа. В окно пробивалось приятное летнее солнце. На фоне успокаивающе слышались звуки воды из душа.

Лёша лежал в полудрёме, ему снился очень приятный сон, который он ещё не забыл и досмаковывал, нежно так, очень наивно улыбаясь. Дверь слегка щёлкнула, разбудив наивного инженера окончательно. Жена бесцеремонно, но с любопытством заглянула в комнату, проверяя, разбудила она своего ненаглядного или нет. Мужчина с припухшими глазами и заслоненным ртом только жалко промычал, пытаясь сориентироваться в пространстве.

– Лёш, давай просыпайся. Ты видел, сколько времени? Моя мама будет у нас через полчаса.

– Не видел. Доброе утро, дорогая.

– Уже почти полдень. Если хотим занять самые лучшие места в парке, то нужно будет выходить до часу и как можно быстрее бежать.

– Так чего ты меня тогда раньше не разбудила?

– Чтобы спокойно собраться. Давай поднимайся.

Лёша послушно встал на ноги. Правая сторона тела бы-

ла перелёжена, но в целом он чувствовал себя потрясающе. Лёгкая разминка. Повороты корпусом. Пробежка на месте. Маятник руками. Взгляд жены, как на идиота.

Сегодня его долгожданный день. Находясь так близко к жене, Лёша чувствует страх. Вот она, его женщина, с ней он связан священными узами брака. Сам господь бог присутствовал на скреплении их союза (благословляющий их священник говорил «под взглядом господа»), а уже сегодня Алексей будет совать свой скромный кожаный дилдак в постороннюю дырку.

Как грязно и подло, но кроме взбунтовавшейся совести мужчина также чувствует прилив возбуждения. Будь он чуть более религиозным, то скорее отрезал своё хозяйство, дабы не совершать греха. Но он грешник, как и все люди, да-да. А до греха его доводит самый близкий человек после матери: собственная жена. Эта мысль придала Лёше уверенности, он точно решил, что не даст заднего при любом раскладе.

План был до глупости прост и надёжен. Просто отказаться без причины он не мог, ведь тогда его дорогая женушка покроет его таким количеством говна, что не удалось бы выплыть на свежий воздух ещё очень долго, да и тёща, хоть и промолчит, но затаит обиду, а это не есть хорошо. Две разгневанные женщины против вшивого интеллигентика – самая нечестная схватка. Сказать, что он плохо себя чувствует – тоже не вариант. Две суровые женщины заподозрят подвох и простое желание никуда не идти с ними, а это повлечёт за

собой всё те же последствия.

Лёша, ввиду своего интеллекта, решил пойти чуть более сложным путём, но очень действенным. Когда он запер за собой дверь ванной комнаты, то сразу же сел на туалет справиться нужду по большому. Он старался, много тужился, мысленно готовясь к следующему действию.

Первый пункт был сделан. Теперь в ход пошла тёплая вода из крана, которую Лёша начал активно пить, чтобы в желудке было хоть что-то.

Выключив кран и перекрестившись, отчаянный мужчина сел на колени перед унитазом, где таяла его коричневая кучка. Он начал с отвращением вдыхать зловонные пары, вызывая спазм желудка. Так инженер просидел с минуту, и хоть горловой спазм отвращения работал как часы, но сама рвота отчего-то не шла. В дело пошли пальцы, которые Лёша начал совать себе глубоко в глотку, но и этот акт не привёл к желаемому результату.

Миссия попала под угрозу полного провала. Стало совсем страшно, что вот так на мелочи он всё заперет и облагается. Его маленькие глазки без очков нервно метались, пытаясь придумать резервный план, который он (мудила очкастая) не додумался придумать заранее. Ничего толкового не лезло в голову. Только отчаяние проникало в каждую клеточку его шуплого тела.

Решение пришло неожиданно в одну секунду. Весь ужас вынужденного действия заставил тело покрыться мерзкими

мурашками, но делать было нечего. Счёт шел на минуты.

Лёша выставил перед собой дрожащий указательный палец, посмотрев на него со всей искренней болью, а затем макнул его в полужидкую какашку. Но прежде, чем совать этот красиво-охристый палец себе в рот, инженер с высшим образованием, красивой женой и хорошей работой забыл обо всём, и только что и мог повторять: «ты это делаешь ради наслаждения, думай о будущем наслаждении». А затем, превратив своё лицо в изюм, он положил кусочек говна на дрожащий язык, который по привычке сделал аппетитный «ням», ещё не чувствуя прелести букета, а горло с жадностью протолкнуло кусочек в пищевод, дабы насытить утренний желудок.

Процесс пошел. Сказать, что это действие было мерзким – значит ничего не сказать. Тело Алексея заходило ходуном, рвотный рефлекс начал просыпаться, но ещё не в полную силу. Слезы брызнули из глаз. Этот отчаявшийся нытик нашел силы, чтобы вновь подняться с пола на колени (тут всплыли кадры из древнейшего фильма Рокки) и продолжить борьбу. Лёша ладошкой загребал говно и ел его, пока рвота не стала естественной и непринуждённой.

Тогда, сдерживая имеющийся напор во рту (терять ему было нечего, поэтому рвота не прибавляла мерзости), он быстро смыл всё говно, избавляясь, так сказать, от улики. Теперь можно было законно рыгать фонтаном, ни в чём себе не отказывая.

На его разрывную рыготу прибежала жена. Её рука спокойно постучалась в дверь. К этому моменту Лёша изрядно побледнел, а постоянный поток говна, желчи и воды не давал ему нормально дышать. Маскировка удалась на сто баллов.

Дрожащими ногами он добрёл до двери, отперев её. Взволнованное лицо Кати придало ему храбрости.

– Боже, Гундя, что с тобой?

– Мне кажется, я чем-то вчера отра... – тут лирическое отступление. – отравился я...

– Да чем? Мы ели одно и... боже, какая вонь! Мы ели одно и то же.

– Я не знаю милая, не зна... А! ю. Не знаю...

– Сейчас я вызову скорую!

– Подожди, не надо. Всё нормально, нормально... Я полежу и приду в себя, просто отравление.

– Ты уверен?

– Вполне.

Для пушего эффекта Алексей не стал пока чистить зубы. Не считая дикой боли в желудке, да и чувства близкое к обмороку, он был вполне доволен собой.

Выпив немного тёплой воды, он перебрался на диван. Катя намочила чистую тряпку холодной водой, положив мужу на лоб. На её лице читалось только отвращение, хоть она и старалась замаскировать его беспокойством за суженного.

В скором времени пришла Катина мама. Дочка ей сразу же обо всём рассказала. Послышался вздох облегчения. Дальше

пошла актёрская игра этой наглой тётки о том, как ей жаль, что любимый зятёк не проведёт с ними время. А ещё через пять минут эти две ведьмы исчезли.

Лёша поднялся с кровати, проверил входную дверь, на всякий случай нырнув в глазок, а после даже выглянул в окно. Всё было чисто.

Теперь, с беспокойной душой, поедатель собственного говна мог спокойно перекусить бутербродами, почистить зубы и принять душ. Плескаясь в воде, Лёша подумал о том, что на его лобке слишком много волос. Нервной рукой он начал быстро сбривать хаер под ноль, расцарапывая ржавым станком кожу. Начала выступать кровь, а от мыла кожа больно щипала.

Лицо Лёши всё ещё отдавало нездоровым оттенком, но его комплекции даже шло. Зубы он почистил дважды. На всякий случай помастурбировал, чтобы не облажаться, дабы не закончить в первую же секунду. Ещё раз обсмотрев себя, понюхав запах изо рта, он всё же на всякий случай брызнул духами на ключицы. Пора было выходить. Хоть жена придёт только под вечер, но ему ещё нужно будет вернуться, смыть с себя весь флёр разврата и забраться под одеяло, изображая больного.

Замок щёлкнул на «открыть», затем «закрыть». Лифт открылся и закрылся, проехав вниз. Грудь перекрестилась по всем правилам и вот Лёша оказался на пути к мечте. Со страхом мании преследования, он оглядывался по сторонам и

быстро, словно его лицо весело в уголовном розыске, перебежал с одного угла до другого, стараясь держаться подальше от открытого пространства. Некоторые люди, которые потихоньку начинали стекаться на праздник, изумлялись такому подозрительному персонажу.

Оставшийся путь до своей мечты отличник-инженер Гундя проделал штурмовыми рывками, не подозревая о том, что наоборот, притягивает к себе внимание всё большего числа людей.

В соседнем квартале имени Морфенко только что проснулась проститутка Дина, которая ждала сегодня своего единственного, но очень прибыльного клиента.

В обветшалом подъезде, на оговоренном этаже, из двери квартиры Лёшу встретила аппетитная шатенка с фото, которое он видел в анкете. Сходство было стопроцентным, разве что только причёска немного изменилась.

К этому моменту Алексей дрожал подобно осиновому листу. Никогда он ещё в своей жизни так не нервничал. И неудивительно. Первый поход к проститутке, когда ты паймальчик – целое событие, которое можно сравнить разве что с рождением. Ответственный момент. Мужчина не был уверен, а встанет ли его корнишон в нужный момент, всё же он ужасно стеснительный.

Дина, со всей силой своих аппетитных форм, нежно улыбнулась клиенту, пригласив в свою скромную квартиру. Ре-

монт здесь никто не делал со времен попытки господина Х вырастить кукурузу, зато было чисто и опрятно, очень так по-домашнему.

Стоял приятный запах апельсинового распылителя. Сама проститутка хоть и была старше Гунди, но выглядела очень сексуально. Этот возраст ей даже шел, навскидку лет тридцать пять-шесть. Глаза умные, уверенные такие и добрые. Она была похожа на обычную женщину, только знание её профессии заставляло относиться к ней чуть понастырнее.

Пройдя в комнату с большим диваном, он скромно сел с краю, не в силах не то, чтобы раздеться, но элементарно вымолвить хоть слово. Но этому славному инженеру крупно повезло. Дина – женщина с большим опытом. В людях она разбиралась очень хорошо. Как говорят в её кругах: хорошая проститутка – это, в первую очередь, хороший психолог.

После неудачной попытки разговорить клиента, женщина аккуратно встала на колени и, откинув тело Гунди на мягкий диван, сняла с него штаны. Ловкими движениями головы она начала ласкать губами его мягкий пенис, играя при глотке язычком. Гундя младший начал стремительно оживать. Через полминуты он стоял несгибаемым колом. Сам Лёша чудесно забыл про своё смущение, с наслаждением следя за процессом, приподнявшись на локтях.

Отвлёкшись, Лёша потерпел небольшое фиаско. Он слишком залюбовался смакованием самой мысли, что наконец женщина впервые берёт у него в рот. Это было так пошло

и ново для него, что он прозевал момент пика, кончив Дине прямо в рот, а ведь прошло от силы минуты три.

Лёша покраснел, прошептал «прости», хотел было уже даже начать собираться, но женщина успокоила его. Он вдруг почувствовал к ней благодарность и великое желание.

Клиент набрался храбрости. Аккуратно уложив женщину на диван, начал целовать ей губы, шею, грудь. Он очень тщательно вылизывал её каждый сантиметр, а она всё больше и больше начинала стонать от подлинного наслаждения, которое никто из клиентов никогда ей не доставлял, а кроме работы она нигде не занималась подобным.

Вот Лёша уткнулся мордашкой во влагалище. К моменту, когда он дошел до него, клитор стал чересчур влажным и горячим. Он снова возбудился. Игра возобновилась.

Нет смысла описывать следующий час, рассказывая о позах, которые использовали два этих тела. Стоит только отметить тот факт, что Алексей попробовал намного больше, чем того ждал. Да и сама Дина забыла, что находится на работе, а не с горячим любовником. Как всё-таки внешность бывает обманчива!

Когда они оба закончили в третий раз (а между подходами Гундя побывал в табуированной дырочке), то сил совсем не осталось.

Дина безрезультатно нализывала яйца клиенту, находясь в полуобморочном состоянии. Лёша же молча лежал. Его мысли перестали окрашиваться в цвет желаемой победы. Он,

можно так сказать, достиг некой формы нирваны при жизни.

Поняв всю бесполезность, Дина бросила старания, улёгшись на ветхую мужскую грудь. Так они пролежали недолго. Проститутка вдруг игриво и хитро улыбнулась так. Сказав «ща», нагнулась под диван, открывая Лёше вид на свою пухленькую попу. Когда же она вынырнула обратно, то в руках у неё был тот самый чёрный дилдо.

– Ну, как насчёт освоения [ЦЕНЗУРА]? – В шутку сказала она, ожидая довольного смеха, но Лёша шутки не понял, а только пожал плечами.

– Почему бы и нет. – Ответил он, переворачиваясь на живот и [ЦЕНЗУРА].

Удивлённая Дина пошла на свой первый круг.

Уже после, когда довольный Лёша вышел с Диной на улицу и увидел весь случайный кошмар; после того, как отличник Гундя озираясь, в ужасе побежал с места, если так можно выразиться, преступления; и даже после того, как он удачно добрался до дома, смыв с себя запах чужой женщины и забравшись под одеяло, после всех опасений о том, чтобы его любимая стерва-жена ни о чём не узнала... тот самый наш Лёша лежал в бессонной ночи, думая о том, а не [ЦЕНЗУРА] ли он часом?

Диалектика овального стола (4)

– Разве я задал вопрос: «А скажите дети, кто из вас п-т, который унесёт в могилу все секреты?» Если бы я спросил так, то ваш ответ, Алексей, был бы уместен, но хочу заметить, я так не спрашивал! – Повелительно гаркнул Абсманов.

Взгляды собравшихся выражали удивление Фединой выходке. Официальное лицо, а ведёт себя словно актёр в комедийном фильме с большим бюджетом – бесталанно и глупо.

– Простите, друзья, – виноватым голосом продолжил куратор, – просто поймите, наши с вами дела затянулись, да и превращаются потихоньку в какой-то ситком, честное слово. Только вот мне не смешно. Неужели никто из вас не хочет побыстрее освободиться?

Народ замотал головами, правда, несинхронно, а каждый на свой лад, создавая тем самым ощущение довольно неприятное, раздражающее.

– Простите, мне нужно выйти в уборную, буду через минуту. – Подытожил Фёдор, вставая со своего места.

– Мужик, ты ведь носик хочешь попудрить? – Спросил Гриша.

– Простите, что?

– Ну, ты того самого идёшь или реально надо отлить?

– Это не ваше дело, молодой человек. – Снисходительно ответил Абсманов, понимая, что собственная реакция спалила суть похода.

– Я курить хочу, можно выйти? Пока вас нет, я быстро.

– Нет. Кури здесь, если хочешь. – На этом он вышел, оста-

вив собравшихся наедине друг с другом.

– Отлично! – Гриша полез в карман, доставая мятую пачку дешевых сигарет и щёлкая зажигалкой.

– Молодой человек, не смейте поджигать эту дрянь, у Тимурочки астма! – Взвизгнула Ольга, мать бледного костюма.

– Не смейте поджигать эту дрянь! – Передразнил подросток, уже подкурив и глубоко затягиваясь. – Тебя забыл спросить, мамаша. Слышала, что этот вылизанный петушок сказал? «Кури здесь». Значит, можно!

– Да как ты! – Продолжала Ольга, но сын её оборвал.

– Мать, успокойся! Я сам о себе позабочусь. А ты Гриша ведь? Следи за языком, пока тебе его не подрезали. Никто не любит заноз в заднице, особенно таких мелких, которые тяжело достать из-под кожи. – Очень смело, но спокойно ответил Тимур, смотря Грише прямо в глаза.

– Баааааа... У кого голос прорезался. Бледный пиджак забазарил. Ты что, только что яйца у себя отрастил и пробуешь?

– Рано или поздно ты попадешь в тюрьму, и с таким языком уж точно станешь дегустатором яиц. – Спокойно парировал молодой человек.

Соловьёв, сидевший рядом с Гришей, приснул слюной, начав смаковать улыбку. Все ожидали, что подросток по обыкновению взорвётся, начёт бычить, но тот только сжал крепко челюсти, злорадно улыбнувшись:

– Ладно, ничего страшного. Говори что хочешь, петушок.

Когда мне выпишут жирный чек и мы отсюда выйдем, тогда я выпущу тебе и твоей мамаше кишки, прихватив ваши денежки. Посмотрим, кто у кого будет яйца лизать.

– Хм, двойное убийство... тогда точно ты. Это как минимум лет девять гнить.

– Перестаньте ссориться! И так тошно от всего, ещё вы поднимаете температуру. – Встряла Дина.

– А ты вообще молчи ш... – Гриша включал свою любимую песню.

– Да, да, я шлюха. Ебуть за деньги. Что дальше? Тебе есть, что ещё сказать?

– Так я больше ничего о тебе не знаю! – Так забавно выкрикнул подросток, с такой душевностью и честностью.

Повисло молчание, после которого народ заулыбался. Общий градус был снижен. Даже Гриша смущённо как бы сощурился, затягиваясь смолами, задумчиво уставившись в сторону ближайшей стены.

Каждый задумался о чём-то своём. Только Тимур кашлял через раз, а его мать пыталась отгонять плывущий в сына дым, отмахивая окаянного руками.

Срокин не устоял. Достал из внутреннего кармана плотно забитую сигарету. Закурил.

– Чёрт-те что творится, – нашлась Дина. – Я тоже хочу. Мужчина, не угостите сигареткой? – Обратилась она к писателю.

Миша пожал плечами, протянулся через весь стол, пере-

дав одну штуку.

– Благодарю. – Зажигалка нашлась своя.

– Господи, уважаемые. Да что вы все, в самом деле? Кхе-кхе. – Начала жалостливо Ольга. – Мы сейчас задохнёмся! Тут ведь и окон нет...

– Зато есть хорошая вентиляция. – Проговорил Соловьёв, который не курил в данный момент. – Но вы правы, концентрация, скажем так, запредельная. Ну, раз все решили взять перекур, то и ваш покорный слуга позволит себе расслабиться. Только раз уж, как говорится, мы тут на тайном собрании, то всё должно остаться нашей маленькой тайной. Поэтому, не обессудьте, господа.

Андрей достал маленькую баночку с напёрсток, высыпав загадочный порошок на стол, сразу же начав вынюхивать порции заранее (да ещё и незаметно) свёрнутой бумажкой.

– Во дела! Так у нас тут пир, а где же девки?! – Гриша похотливо козырнул на Дину.

– От вас, Андрей, я такого не ожидала! А мне так нравилась ваша передача, а вы вот какой... – Снова взбунтовалась Ольга.

– Так почему она должна вам разонравиться? Я ведь не балуюсь в прямом эфире, да и что может пристрастие к этому говну изменить в плане телевидения? Всё, что остаётся за кадром – личное дело каждого человека! – Весело парировал телеведущий.

– Мне разонравится ваша передача по той причине, что

мне нравились вы, как ведущий и как человек. – Нашлась женщина. – Вы, Андрей, похоже, не понимаете главного принципа работы ассоциативной психологии зрителя, особенно психологию зрителя женского пола. Женщина любит сердцем, и в первую очередь она смотрит не столько передачу, сколько на людей, которые ей нравятся в ней. Такой зритель начинает следить за жизнью понравившегося актёра или того же политика. Ей нравится сам этот собирательный экранный образ. Зритель всегда начинает мешать реальность и экран в одно целое, поэтому, меня и разочаровывает, что красивый и талантливый мужчина сидит на вот этом! – Она рукой указала на край стола, где ничего не осталось.

– То есть, вы заявляете, что само шоу вас не так интересует, как лично я? Польщён, польщён, но вот реальность такова, что все мы не без греха, как и вы. Так что, вы простите меня, но я советую вам тогда не тратить время на шоу только по той причине, что тот «Я» с экрана выглядит как человек, который не злоупотребляет запрещёнными веществами.

– А я понял, что эта тётка хотела сказать! Это как порнуха и реальный секс. Типа ты смотришь на экран, дёргаешь свой дин-дон на картинку. Там всё супер срежиссировано. А потом ты решаешь опробовать все финты в жизни, а оказывается, что ебля – целый сраный труд, где удовольствие представляется не в чистом виде оргазма, а как целый физиологический труд наравне с работой, да ещё опыта нужно набираться. Даааа, дела! – Закончил подросток, снова почувство-

вав себя интеллектуалом.

– Да, малец, совершенно верно, такова жизнь. – Мотнул головой Соловьёв, сидя с расширенными зрачками.

– Секс с женщиной – символ любви! – Не унималась Оля.

– Вот так шок, значит я целый квартал любви. Почти богиня... – Саркастически бросила Дина, затягиваясь в последний раз.

– Шлюха, которая иронизирует? Моё уважение! – Весело выкрикнул Гриша. Походу Дина ненамеренно вызывала в этом юноше противоречивые чувства к своей персоне, всё больше располагая к себе дерзкий ум.

– Засранец. – Уже без какой-либо агрессии парировала она. – Глядишь, ещё немного, и подружимся. Вот прецедент будет!

– Не хочу никого отвлекать от столь увлекательной темы, но друзья, давайте соберёмся с мыслями. Мы сюда пришли не веселиться, не обсуждать личные вопросы. Тут дело величайшей важности, и я попрошу всех вас быть чуть более серьёзными! – Очнулся Союз Демьянович.

– Ой, старик, да чего ты нудишь-то? Какое тебе дело? Всё равно нашего предводителя нет! Что нам теперь, сидеть с ровной спиной и молча ждать, как стадо овец? Дай хоть попиздеть с народом. Когда ещё представится вот так вот впустую провести время? Кстати, народ, а давайте по очереди рассказывать смешные истории из своей жизни. Ну, там, случаи какие-нибудь на «ха-ха» и «хи-хи» чтоб пробило, всё

равно нечем заняться. – Предложил Гриша. В этот момент голос его сделался непривычно дружелюбным и спокойным. Таким типа доверительным, что многим идея показалась интересной. – Я могу даже начать.

Никто не ответил ему, но подросток выждал небольшую паузу, немного пораскинув мозгами:

– Короче, когда я был ещё щенком. – На этом моменте кто-то нервно и коротко посмеялся. – Так, я этого не слышал... Так вот, когда я был щенком, то ну очень дико тащился по пиротехнике. Ну, знаете там, салюты, петарды... Хотя, салюты немного *pidorskaya* темка, но иногда приятно потаращиться пьяными зенками на все эти искры в чёрном небе, но всё равно лажа, поэтому мне больше нравились петарды.

Первый корсар совсем не впечатлял, годился разве только на подрыв собачьего говна, но тож ничего, если уж совсем нехер делать. Второй и третий были посильнее, но любой школьник их взрывал в руках, и ничего, разве что тонкая перчатка немного чернела, но это мелочи.

Так вот, был на районе один крендель, который считал себя буквально неуязвимым! Такой пацан, вроде типа взрослый, но будто больной на голову. Нашел он себе такой заработок, что за мелочь взрывал петарды у себя прямо в руках. Один пацан как-то дал ему связку красных хуёвин, которые взрывались долгой очередью, а этому отморозку хоть бы что. И вот таким шоу он поднимал хорошие деньги.

Я всё время смотрел на его эти выкрутасы, но молчал. А

что тут скажешь, пацан делает бабки, а для сопляка так вообще приличный кэш. Да что тут говорить, даже пьянчуги иногда ему платили, только чтобы посмотреть, как приличная хреновина взрывается у сумасшедшего карлика.

Ну так вот, как-то я шнырял по рынку, который за площадью Авсютнюка. Там дядька с супругой нелегально банчили петардами. Не знаю уж, сколько они тут таким добром промышляли, но я ужасно обрадовался, что первый из местных пиздюков набрёл на этот клад. Цены в норме, витрины полные, короче, чистый кайф. Я начал изучать ассортимент и в самом низу витрины увидел целую сраную БОМБУ! Серьёзно, готов поклясться чем угодно!

Когда я спросил, что за дьявольская хрень, то мне пояснили, что это сотый корсар. СОТКА! Только представьте. Продавец сказал, что такой хреню можно подорвать даже тачку. Не так, чтобы её разорвёт в клочья, но урон будет приличный. Я сразу купил её, но не без проблем. Эти долбаные pidory не хотели её продавать сорванцу, ссылаясь на безопасность. Мол, приходи со взрослыми, но я сразу обозначил, что мои любимые родственнички уже давно кормят червей, а полуслепая бабка не в состоянии дойти до вас, упыри вы хреновы. А потом добавил, что если они мне не продадут эту хрень, то я пойду в ментовку и заявлю на них, сказав, что видел, как вы, падлы, продаёте своё говно детям. А потом поинтересовался, есть ли вообще у них лицензия?

Гипотетические яйца этих крыс отпали сразу, и они с ра-

достью мне продали бомбу из-подпола. Когда эта махина оказалась у меня в руках, то я сразу начал думать, как же лучше раскрыть её потенциал? В голове всё смешалось. Ебануть карниз подъезда? Машину? Чью-нибудь входную дверь? Но всё это было не то, пока я не понял, что лучшая возможность проверить мощность моей малышки – взорвать её в неубиваемой руке этого странного хрена.

Когда же я подошел к нему и окружившим его пацанам, то сразу предложил мудаку опробовать приобретенную малышку. Все были удивлены, ведь, как и я, никто прежде не видел петарду таких размеров. Этот хрен замялся, начал что-то бляеть под нос. Я не был удивлён, поэтому начал просто смеяться над ним, обвиняя в том, что никакая он не железная рука, а обычный шарлатан. После этого наша звёздочка вдруг разозлилась, заявив, что взорвёт в своей руке эту хрень, но за косарь!

Для нас, малолеток, косарь – огромные деньги, но и тут ваш скромный рассказчик Григорий не стушевался, господа! Я сразу собрал срочное собрание всех районных хулиганов, и мы-таки скинулись по сотке на это зрелище. Для безопасности было решено отправиться к заброшенным гаражам, где ни один взрослый не смог бы воспрепятствовать нашему любопытству.

И вот этот олух весь из себя серьёзный, стоит между металлическими ржавыми стенками, держит в руке эту хреновину. На лбу у него пот, ещё бы – мероприятие очень серьёз-

ное. Косарь мы отдали ему сразу. И вот наш, скажем так, дуэлянт, да и просто пацан на побегушках, поджигает мудиле петарду, затем на всех парах отбегая на безопасное расстояние. Железная рука стоял в одиночестве зажмурившись. Кто-то из толпы шепнул в стиле: «Черт, этому парню оторвёт руку».

Но, как выяснилось через мгновение после сказанного, пацанчик-шептун ошибался. Прогремел нереальный взрыв такой силы, что у всех нас аж спёрло дыхание. А когда дым рассеялся, то оторвало железной руке не руку, а полтуловища. Бошки так вообще не видать! Все мы, конечно, обосрались, подсудное дело. Но, чёрт возьми, он сам этого захотел! – Гриша закончил и с нереальным самодовольством посмеивался своей же истории.

– Парнишку случайно не Игнатом звали? – Спросила серьёзная Дина.

– Точно, Игнат!

– У него ещё кучерявые волосы были.

– Точно! Ты его знала?!

– Он был сыном моей соседки-алкоголички. Я помню этот случай, она особо не горевала по своему сынуле, но после у неё были деньги закатить пирушку. Похоже, деньги она вытащила с куртки своего мёртвого сына.

– История супер, – оживился Срокин, – в духе моих рассказов! – Начал громко аплодировать Грише. – Вы, молодой человек, не против, если я украду общий каркас?

– Кради, дядька с бабской причёской.

– Ваша история вовсе не смешная, а ужасная! Погиб ребёнок, а вы! – Возмутилась Ольга.

– Нехорошо так, боевая единица. – Пробубнил себе под нос Союз Демьянович.

– Простите, что? – Заинтересовался Лёня.

– Вы мне?

– Вам. Вы что-то сказали, что-то про боевую единицу. Мне стало интересно, поясните.

– Да я так, говорю: жалко парня. Мог ещё обществу послужить. У нас внешних врагов вон сколько! Мужчины исчезают под натиском моды, становятся какими-то уж больно женственными, а тут смелый парнишка пал от рук собственного самолюбия и зависимости от уважения хулиганов!

– Понятно. – Со вздохом подытожил Лёня. – И лишь с одной бедой всегда мученье. От глупости, увы, лекарства нет...

– Вы на что-то намекаете? – Сдержанно поинтересовался Бунин.

– Да нет, забудьте. Живите с богом.

– Знаю я, таких как вы. Считаете себя элитой, самыми умными. Смотрите на народ сверху вниз. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ! Только и могли, что критиковать земли родные, да становиться предателями! Хорошо, что вас двести лет назад погнали вшаей! – Потопил Союз Демьянович. Похоже, Леонид его сильно задел.

– Мне очень радостно видеть, как у вас до сих пор горит

с того, что есть воспитанные люди, которые могут одним отрывком из стишка открыть глаза на их собственное невежество. Не буду скрывать, мне приятно видеть, как вы злитесь и сжигаете нервные клетки. Это ещё раз доказывает собственную правоту. Продолжайте. – С улыбкой произнёс поэт.

Союз Демьянович покраснел, но ничего не ответил, только махнул рукой. Он считал, что это ниже его достоинства, входить в спор с таким недочеловеком. Леонид же принял его молчание, как досрочную капитуляцию.

Снова образовался вакуум тишины. Все, кто курил – давно докурили, аккуратно сложив окурки под ножку своего стула. Вентиляция забрала токсичный дым, оставив витать в воздухе лёгкий флёр неприятного запаха.

– Я вот вспомнил одну смешную историю. – Подал голос музыкант Золотов. – А история эта заключается в том, что был один музыкант. Молодой парень, нет и тридцати. Жил он всегда со своей мамой. По своему незнанию он сделал эту женщину своим менеджером. Музыка делалась на заказ, платили не очень много, но на сносную жизнь хватало, и вот однажды...

– Прекрати, Тима! – Побледнела Ольга.

– И ВОТ ОДНАЖДЫ! – Уже злобно продолжил парень. – Парень музыкант узнал, что платили-то ему огромные деньги. Для местных зарплат, можно сказать, бешенные бабки. Просто этот менеджер, эта родная мать музыканта, вралла ему и обкрадывала. А деньги эта кашёлка спускала на свои лич-

ные нужды, куда входили и услуги мужчин по вызову!

– ХВАТИТ! – Ольга отвесила крепкую пощечину сыну. – Не буду я терпеть такое отношение! Да, оступилась, но не нужно ведь унижать родную мать!

– Это ведь просто история... – Спокойно ответил сын с покрасневшимся, но самодовольным выражением лица.

– Ох уж эти семейные истории... – Между делом зашевелился Андрей.

– А вы вообще молчите! Публичное лицо на основном канале, а употребляете всякую дрянь! – Золотова разволновалась, разойдясь так не на шутку. Ей было без разницы на кого потратить запал негатива.

– Да что вы привязались к такой мелочи? Я же вам в трусы не лезу.

– А тётка эта богатая, походу. За зелёные мани залезли бы к ней? – Скороговоркой выпалил Гриша.

– Между нами говоря, то да, конечно. Но очень за большие деньги!

– Ха-ха, я так и думал!

– Поверь сынок, публичное лицо в первую очередь – шлюха. У нас всегда есть своя цена.

– Как вы можете так публично об этом говорить? – Спросил его Мышкин. Под всеобщей болтовнёй его отпустили плохие мысли и теперь он чувствовал себя более расслабленно.

– Да очень просто. Любому думающему человеку и так

это понятно.

– Понятное дело, что понятно, извиняюсь за тавтологию, но вы всё же должны создавать иллюзию, что это не так, хотя бы для вида, хоть все и так всё знают. Это часть игры.

– Мне, молодой человек, это не так уж и важно. Я всё равно потихоньку спекаюсь. Пройдёт ещё год-два, меня спишут на канал-два ниже, а я не собираюсь работать меньше, чем за двадцать кусков за выпуск, поэтому, на закате своей сраной карьеры могу говорить что хочу, и где хочу. Если честно, то закат уже настал.

– А как же уйти на независимый канал? – Не унимался Фёдор.

– Ох, молодой человек, вы где живёте? Тут нет независимых каналов, они все контролируются одним большим органом. Ей богу, чему вас сейчас учат? Вы разве не понимаете, что живёте в одной большой иллюзии?

Вот у нас есть разные банки с разными условиями ипотеки, кредита и прочей финансовой темы. Неужели вы думаете, что это действительно разные организации? А я вам так скажу, все они являются одной кормушкой. Понимаете? Человеку нужна видимость выбора, чтобы каждый думал, будто он что-то решает, но на деле человек больше походит на корову с железным отсосником на вымени. Вы просто не представляете, как элита угорает со всех нас. Но вообще, лучше не задумывайтесь, будете спать крепче.

– А вы мне так нравились! – Ни к чему добавила Золотова,

яростно пиля взглядом ведущего.

Андрей открыл рот, но ничего не успел ответить. У двери снова послышалось шевеление, а затем появилась фигура свежего, очень улыбчивого Абсманова.

4. Успех на фоне девственности под овации её аппетита

Нежный закат солнца за большими панорамными окнами. Приятный персиковый оттенок ложится ровным слоем на стены и предметы загородного дома. Свет приглушен до своего минимума. Умело настроенный стробоскоп мигает в такт включаемым песням, добавляя притягательности сегодняшнему вечеру.

На первом этаже разместился гостевой диван из кожзама. Убивать животных уже не модно лет сто. Рынок сделал разворот на сто восемьдесят градусов. Теперь только у бедняков можно встретить мебель из настоящих шкур.

Вдоль стен стоят невысокие постаменты, выкрашенные в белый цвет. На них древние вазы ловят окружающее освящение, вырисовываясь в загадочную композицию. Также на первом этаже расположена кухня. Из себя она представляет огромный каменный стол, больше походящий на неестественный космический обломок с небольшими сенсорными кнопками для команд. Причём слово «стол» здесь играет

только первичную ассоциацию. С одного края этот прекрасный камень переходит в подобие горы, примыкая к стене, тем самым выполняя функцию холодильника, и прилегающих шкафов.

На втором этаже дрыгается гигантский водяной диван. Уйма кресел-мешков, летающий стол на магнитной тяге, который можно с лёгкостью передвигать по имеющемуся периметру. Из стены изгибом торчит «волна» кухонной скалы, только более короткая, чья функция заключается в хранении вещей, аксессуаров и прочего человеческого хлама. На лицевой стороне также имеются сенсорные кнопки.

На каждой стене висят вызывающие картины с изображением всевозможных официальных деятелей и деятелей искусства, которых автор раскрывает через прямой язык преувеличенного непотребства.

Вот, к примеру, ближе к лестнице висит работа с изображением одного старого музыканта, который, по мнению народа, был очевидным (но не пойманным за руку) педерастом, но где доказательства? Данная работа предназначена действительно для эстетов. Только интеллеktуал может, во-первых, знать, кто изображен, а во-вторых, понимать высказывание художника. На переднем плане, почти во всё небольшое полотно изображено лицо народного поп-исполнителя. Сразу же от его головы (человеческое тело полностью отсутствует) тянется ярко-синий шлейф по всему свободному пространству. Словно перекрученная радуга с одним только

цветом, чей «хвост» заканчивается еле заметными шариками.

Сам хозяин картины поясняет новым гостям, что это огромный, длиною во всю жизнь, мифический фаллос, что был воткан в неподходящее для того отверстие этого некогда популярного исполнителя. К слову, наш коллекционер является ярым поклонником этого таинственного мастера кисти. Все работы скупались незаконно через руки главного врача психиатрического заведения. Именно там, по словам барыги, располагалась мастерская гения.

Хозяин представленных диковинок – крупный музыкальный продюсер. Он и сам иногда, подражая царям древности, не прочь [ЦЕНЗУРА], но к его мужественной, самой что ни есть натуральной ориентации, это никак не относится. Вкуса ему не занимать, и в сегодняшней вечер, этот умный богатый мужчина не один.

В его доме собрались сливки шоу-бизнеса. Здесь много музыкантов, его сотрудников, просто людей с телика, а также тех, кто пишет «продаваемую» музыку. Из специальных гостей – музыкант Фаоллс, который в последнее время стал главным хэдлайнером радиостанций и музыкальных каналов. Также на вечеринке, уже не в первый раз, присутствует и главный менеджер Тимура Золотова. Тимур Алексеевич – тот самый человек, который пишет все эти хиты звёздам, питомцам Владислава Крутого.

Сам же молодой композитор почти никогда не выходит из

дома. Вокруг него ходит всё больше слухов. Большие дяди хотят познакомиться с гением, но он решительно и твёрдо ведёт свой затворнический образ жизни. Единственной связующей ниточкой с ним является его менеджер, а по совместительству родная мама, Ольга Золотова.

Немного о присутствующих лицах. Можно отчётливо заметить, что люди разделились на три (не сказать, чтобы равные) группы. В первую группу входили лица, употребляющие запрещённые химикаты на втором этаже под собственную музыку – это были сами музыканты. Молодые, красивые, ни о чём не беспокоящиеся марионетки. Они то, что нужно, чтобы выкачивать деньги из населения, делая последних ещё на один шаг беднее, но позитивнее.

Следующая группа людей были такими, как Владислав Крутой и Ольга Золотова. Уже не так красивы. Расцвет их молодости давно прошёл, зато это была группа серьёзных дядь и тёть, управляющие первыми, которые говорили, где нужно улыбнуться, где показать зубки, а где и вовсе воткнуть крупным кадром средний палец.

Третья же группа вырисовывалась смешанной, самой неопределённой для непосвящённых, но узкий круг лиц знал, здесь присутствуют седые дяди, и их молодые сыновья, чья власть намного шире индустрии по выкачиванию денежного молока из сморщенных сисек.

Вот он. Пятидесятилетний невысокий хозяин квартиры с лысой головой. Крепенький такой дядечка, одетый в про-

стую белую рубашку и чёрные аккуратные брюки. Только часы на руках выдают в нём того, кто он есть, а ещё эта свободная (с японским лаконизмом) поза, в которой он держится. Рядом с ним стоит миловидная женщина с пышными формами. На ней классическое вечернее платье, лёгкий макияж, который ей очень даже идёт.

Владислав и Ольга сотрудничают давно. С тех пор, как Тимур исполнилось шестнадцать, и он написал свой первый трек для тогдашнего конкурса талантов. Голос у парня был ужасный, блеклый, но вот сам текст, музыка – были просто бесподобны в контексте товара. Тогда Крутой как раз продюсировал тот телевизионный конкурс.

Взять в шоу Тимура не могли, но Владислав связался с парнишкой, предложив ему более выгодную вещь – работу. С того рокового дня Тимур стал много писать для Крутого. В тот счастливый момент Ольга Золотова уволилась с вакансии кассирши в супермаркете, став менеджером своего любимого сына.

Прошло семь лет. За это время коммерческий треугольник стал только крепче, да настолько, что Олю и Владислава связывала крепкая дружба.

– Уже слышала «ты ставишь ЗА»?

– Ладя, а разве я могла его не слышать? Этот трек сейчас из каждой дырки, что зовётся динамиком, а ещё другие дырки напевают мотив на свой лад. – Оля слышала композицию песни ещё в самом начале, когда Тимур только сочинял ми-

нус.

– Соглашусь. Боже, Оля, – улыбнулся Крутой, – назвать девочек-подростков «дырками», на тебя это не похоже. У тебя ничего не случилось?

– Н-И-Ч-Е-Г-О-Ш-Е-Н-Ь-К-И, мой дорогой. Да и я не со зла, так. Сам знаешь, как взрослые тёти любят немного пошалить... Да, да, и тебе привет Фао, господи боже, ллс, – махнула рукой женщина в сторону музыканта.

– Ну а всё же? Ты не думай, моя дорогая, что я напирваю на тебя. Просто ты мне важна, и я хочу, чтобы всё у тебя было на мази.

– Да... – Начала она наигранно радостно, но взглянув мужчине в глаза, вдруг обмякла, и уже более обеспокоенным голосом продолжила. – Дело в Тимуре... В последнее время он очень много смотрит в окно. Я спрашивала, чего он там вечно выискивает? А он соврал мне, сказав, что просто наблюдает за прохожими.

– А какие предпосылки к тому, что он врёт?

– Вчера я тихонько открыла дверь в его комнату. Хотела не мешать, просто тихо позвать обедать, а он возле окна опять. Только на этот раз его правая рука... ну, ты понимаешь. Вот и стало ясно, что не на людей он смотрит, а молодых девочек выискивает.

– Неужели ты ревнуешь сына к его интересу, физиологическому влечению к противоположному полу? – Удивился Крутой. Его взгляд стал более серьёзным и задумчивым.

– Да упаси господи, ты что! Не ревную я, да и не знаю, зачем так про незнакомых девушек грубо выразилась. Дело не в них. Я была бы рада, если бы Тимур нашел себе хорошую невестку, начал бы с ней встречаться и был счастлив. Я, можно сказать, только этого и жду, но он ведёт себя странно. Буквально ненормально! Такое чувство, что он всё больше сходит с катушек. Его выходки становятся из ряда вон выходящими. Я боюсь за своего сынулю.

– Да, ситуация непростая. Мне тебя не понять, ты мать – тебе куда больнее. Но я могу... могу постараться помочь тебе. Например, как ты смотришь на то, чтобы я поговорил с ним по-мужски?

– Ни в коем случае! Если он узнает, что я видела его за мастурбацией, да ещё и рассказала кому-то, он точно выкинет что-то нехорошее!

– Успокойся, Оленька. Я же не говорил, что поговорю с ним по конкретному случаю. Я так, издали. Попытаюсь расшевелить его. Может, ему будет интересно сгонять в музыкальный магазин. Я бы купил ему, что он выберет. Что-то в таком духе. Парню нужно общение.

– Ах, Ладя... если бы всё было так просто. Ладно, подумаем об этом позже. Нечего портить такой хороший вечер. Пойдём расслабляться. – Оля обняла Владислава, поцеловав его в щёку.

Их силуэты растворились в толпе приглашенных. Музыка сделалась чуть громче. Тела принялись танцевать куда оже-

сточённее, изредка проскальзывали немые перешептывания.

Оля села в углу на один из кресло-мешков, прихватив с собой интересный коктейль. Танцевать ей не хотелось, а может она считала, что это удел молодёжи.

Владислав тоже избежал участи попасть в вихрь мускуса тел. Парочка молоденьких красавиц пытались его завлечь, но мужчина деликатно, но твёрдо прошел дальше к противоположному углу, где стоял седоватый мужичок с молоденькой девчонкой. Она явно не принадлежала к кругу приглашенных лиц. Дедуля взял её как свой плюс один. Крутой сразу разглядел в ней элитную проститутку. Сегодня она зарабатывает на хлеб с икрой, отыгрывая интерес и возбуждение к этому богатому дяде, который никогда на ней не женится, а завтра уже [ЦЕНЗУРА] в погоне за освобождением от собственной падали.

Улыбаемся и машем. Увидев Владислава, мужчина лёгким движением отсылает спутницу погулять со сверстниками. Она улыбается, целует своего покровителя в щёчку и, кокетливо виляя хвостиком, растворяется.

– Владислав. – Протянул Понтыненко руку.

– Антон Арсеньевич. – Ответно поприветствовал Крутой.

– Хорошо выглядишь. Я смотрю, ты оброс лёгким солидным жирком.

– Да какое там, солидность... Живём одним творчеством. Сами вы, я смотрю, не хвораете. – Владислав при этой фразе повернулся в сторону радостно пляшущей спутнице Понты-

ненко.

– Да какое там... Только и остаётся, что тратить нажитое. Сейчас работы не так, чтобы много. Уже составили план-лист на пять лет вперёд. Теперь всей шайкой просто прозябаем на ровном месте.

– Какие-то новые музыкальные проекты планируются?

– Не беспокойся, иди по заданному курсу. Для тебя, мой дорогой, всегда найдётся место под солнцем.

– Благодарю на добром слове. Просто на всякий случай уточняю, вдруг у вас наверху решили подключить новые идеи. Нужно, так сказать, быть в курсе.

– Да куда ещё больше идей, дорогой, – засмеялся Антон Арсеньевич, – уже и не придумаешь. И так уже всех смирили, а дети и внуки этих, когда-то бунтующих стариков, получают извращённое удовольствие от всей... от всех этих недосягаемых идей.

– Так они другого и не знают, не удивительно.

– Верно, абсолютно верно. А В-ь наш, горячо любимый, потихоньку чистит и чистит. Иногда становится даже страшно, насколько листы наших предков претерпели улучшений, но что поделать? Ещё немного и детям в школах будут говорить, что первых людей [ЦЕНЗУРА] сам... но куда ему, хе-хе...

– Какой вы категоричный, Антон Арсеньевич.

– Ну а что, хочешь сказать, что ты не согласен со мной?

– Согласен, правда на вашей стороне...

– Вот то-то и оно. Знаешь, Владислав, мне уже много лет, не так долго осталось покупать любовь молоденьких девочек и говорить с тобой, мой любезный друг. Клонироваться, как все эти клоуны, я не собираюсь, поэтому и могу позволить себе хоть иногда с доверенным человеком так поговорить.

– И я за это вам очень признателен.

– Я тоже, дорогой, тоже... – Понтыненко по-приятельски похлопал друга по плечу. – Просто я хочу, чтобы ты понял одну вещь: самое большое счастье для человека, это возможность уйти из жизни с чистой совестью и со всеми сделанными делами. А главное дело у нас какое?

– Вы мне скажите.

– Прожить своё время в УДОВОЛЬСТВИЕ! Понимаешь? А ещё попытаться сделать что-то важное, но опять же, по факту нет ничего важного в мире, кроме самой жизни. И важна она до тех пор, пока существует в теле человека, который думает эту мысль. Всё остальное – шелуха и враки. Мыто с тобой понимаем, В-ь, все его помощники, все наши органы, одна большая машина. А ещё составляющие: язык, вера, семья, дети, успех, деньги, машины, яхты. Это всё сраная чушь! Порочный круг завязанных людей, продающие счастье другим, чтобы самим купить иное счастье. И так до бесконечности. А по итогу: счастливых не остаётся и вовсе. Ведь откуда взяться счастью, если сам человек не предназначен для него. Наш удел – беспощадное и бессмысленное размножение, а всё остальное – всего лишь спектакль одной ошиб-

ки из прошлого, когда обезьяна нечаянно поняла, что с камнем в лапах проще выживать. Сама плоть предназначена для страдания, ведь если это было не так, то страданий просто не было. Всё, что происходит с человеком и нашей Землёй, всё это единственно возможная закономерность движения. Так и должно быть, но это не значит, что я не имею право назвать всё это ДЕРЬМОМ!

– Это вы сильно, нечего возразить.

– Можешь и не пытаться, сынок. Я пришел на твою светскую тусовку не просто так.

– Я догадался.

– Правда?

– Да, вы ведь обычно не ходите на такие мероприятия.

– Ну, тут ты привираешь, но отчасти ты прав. Вообще я действительно пришел, так как хотел развеяться, но ещё я хотел поделиться с тобой одной новостью. Точнее двумя, просто одна вытекает из другой.

– О делах мы могли поговорить и по телефону...

– Нет, не могли! Слушай сейчас внимательно, а когда я закончу, то ты мне ничего не скажешь. Пойдёшь дальше развлекать гостей или что там хозяин вечеринки должен делать? Не важно, придумаешь себе занятие. Телефоны прослушиваются, поэтому скажу я тебе лично на ухо. – Понтыненко вплотную приблизился к лицу продюсера и продолжил. – А теперь слушай внимательно, у нас там наверху свои правила. Мозги каждого «слуги народа» вечно копируют в общую ба-

зу, у нас в обязательном порядке берут кровь и прочий биологический мусор. И только для того, чтобы после кончины, полностью восстановить служащего, ведь новенького придётся заново обучать, посвящать в тайны, которые должны знать исключительно единицы. Короче, мы типа бессмертного полка, понял? Я отдал огромную кучу денег и узнал по секрету, что это клонирование действительно так ужасно, как все себе его представляют. Не буду вдаваться в подробности, но я не хочу навечно застрять в этой помойке. После завтра я застрелюсь, а перед этим выкраду всю информацию и материалы о себе. Уйду насовсем, и никто мне не мешает, это мое желание. Избавление. Рассказываю тебе, мой друг, только с той целью, чтобы попрощаться. А ещё, чтобы предупредить: ты у них на примете, понял? Просто знай, если ты и дальше будешь так блистательно балансировать контентом для продвижения их бедлама, то можешь в скором времени попасть в список вечно страдающих. Так что подумай хорошо, нужно ли тебе это?

— ...

— Удачи, мой друг, и ни о чём не жалею. А мне пора окунуться в удовольствие, ни в чём себе не отказывая.

Антон Арсеньевич подмигнул приятелю, и без дальнейшего трагизма, с улыбкой на лице, отправился отплясывать со своей подругой. За весь оставшийся вечер Крутой больше ни с кем не общался, только иногда вежливо отвечая на вопросы.

Последние гости разъехались полчаса назад. Второй этаж. Кровать. Два одиноких тела сплетены в обоюдном желании. Ольга целует Владиславу шею. Это их первый раз.

Ничего этого не было, если бы Крутой вдруг не предложил ей остаться. Ничего этого не было, если бы он деликатно не налил ей вина. Ничего этого не было, если бы Ольга не захотела, ведь этот мужчина – человек чести. Эти его умные глаза, эта его ненавязчивая манера... просто взяли, да сокрушили барьер.

Теперь она извивается под ним. Ей давно не было так хорошо. Она уже забыла, какого это, быть просто желанной женщиной. Как приятно быть нужным человеком. Снова почувствовать себя красивой, ещё не такой старой брюзгой, а вполне себе притягательной особой. Как приятно забыть на время свои обязанности и одну и ту же житейскую ловушку.

Ольга сверху. Она доминирует. Берёт весь физический труд на себя. Сексуальное равноправие заводит её ещё сильнее, и чем больше она занимается любовью с этим мужчиной, тем чувства плоти обостряются. Незаметно приближается общий оргазм, крики, горячее дыхание. Ватная голова с ватными мыслями нежно опускаются. Сегодня и вправду волшебный вечер.

Владислав нажимает на сенсорную кнопку сбоку дивана. С потолка слышится тихое жужжание. Это заработала встроенная вытяжка. Крутой закуривает, вглядываясь в прорези,

затягивающие дым.

– Ты никогда не думала о бессмертии? – Спросил он любовницу.

– Думала. Правда это было так давно, когда ещё само бессмертие было ни к чему.

– А сейчас?

– А сейчас не до этого как-то. Сколько не думай о бессмертии, а всё равно умрёшь неизвестно когда, да ещё и внезапно, но если тебя интересует моё мнение, то я верю в бессмертие нашей энергии.

– Ты про перерождение? Я хотел узнать, ты бы смогла жить в своём теле, со своими воспоминаниями и опытом настолько долго, что это уже называлось бы вечностью?

– Думаю, нет. И хоть на своём смертном одре я бы жаждала исцеления и продолжения, но это была бы просто прихоть организма. Я думаю, каждый человек понимает ловушку такого положения. Рано или поздно одно состояние наскучивает. Радости превращаются в издевательство, а издевательства становятся обыденностью. Человек должен жить ровно столько, сколько ему суждено природой. А потом, это уже не утверждение, а моя надежда, человек отдаст свою энергию планете, которая перераспределит её куда-то ещё. И человек без прошлого опыта будет постигать опыт бескрайний.

– Какая ты умная и прекрасная женщина.

– Да ладно тебе, не первая и не последняя. Мысль-то не новая. Вопрос можно?

– Буду только рад.

– Мне вот интересно, на твоей алькове побывало наверно очень много красивых девушек. Неужели, такая как я, может понравиться тебе?

– Брось, это далеко не так. Я по натуре очень одинокий человек. Не буду от тебя скрывать, здесь бывало не так мало эскортниц, но покупная любовь никогда не может дать таких же ощущений, как любовь с человеком, который совершает постоянный круговорот между «взять» и «отдать». А ты, моя дорогая, прекрасная женщина, очень красивая. Не вздумай со мной спорить. Когда занимаешься любовью с проституткой, то ты только берешь, без какой-либо отдачи. После предоплаты вся химия превращается в обычную похоть, но с тобой я чувствую себя... равнозначно, что ли? Твой оргазм мне был превыше оргазма собственного. Хотелось дать тебе намного больше, а ещё сказать много всего.

– Ладя, твоё тело сказала намного больше. Спасибо тебе. – Ольга нежно поцеловала его в щечку. – Уже поздно, мне пора ехать домой, а то Тимур будет беспокоиться, если он уже не мечется в панике.

– Да брось, он же взрослый парень. Напиши СМС и...

– Он большой ребёнок, и ты знаешь это. Не хватало нам, чтобы у него ещё случился нервный срыв, из-за которого снова перестанет надолго писать.

– Спорить с тобой не буду, но знай, я был бы очень рад, если б ты осталась.

– Я знаю, милый, а теперь будь добр, вызови такси.

Ольга с ловкостью кошки встала с кровати. Быстро оделась. Продюсер, не поднимаясь, заказал машину, только потом неспешно начав одеваться под пристальным взглядом Золотовой.

– А ты сам как считаешь? – Спросила она.

– М?

– По поводу бессмертия. Я так понимаю, тебя беспокоит этот вопрос.

– Да как тебе сказать... я не то, чтобы обеспокоен домыслами. Тут один мой старый приятель приходил.

– Понтыненко?

– Да. Ты его знаешь?

– Ну, он личность известная. Всё-таки в моей молодости он часто мелькал по телику.

– Да, верно. Он поделился со мной одной информацией, сама знаешь, этот слухок об «омоложении» элитной кучки.

– Так. Стоп, Ладя. Не рассказывай мне, лучше спать буду. Ты сам знаешь не понаслышке, что везде уши. Я ничего не слышала.

– Но ведь... – Тут телефон Владислава завибрировал. – Твоя машина пришла.

– Вот и отлично. Спасибо за вечер и вкусное вино, ты просто прелесть. До скорого, можешь не провожать. – Ольга быстро обняла Крутого, раздались клацанья её лакированных туфель. Дверь аккуратно шелкнула, тихий звук мотора

спешно отдалялся от дома Владислава, оставляя продюсера со своими мыслями в ночной тишине.

Машина такси остановилась на улице Рязенская. Достаточно старый спальный район. От ближайшего метрополитена Вахтубина до центра можно добраться без пересадки за четверть часа. Новых домов здесь не строят, куда там, и так весь клочок земли заставлен бетонными коробками, чья высота колеблется от десяти до двадцати метров. Следовательно, приезжих здесь мало. Местные жители – коренные дохляки и те, кому досталась квартира от умершего родственника.

Вот и Золотовы получили квартиру по наследству. У Ольгиного покойного мужа Лёши здесь жила когда-то бабушка, которая умерла достаточно молодой. Ей только исполнилось семьдесят.

Лёша был единственным любимым внучком, да в придачу тогда уже как несколько лет на свет появился долгожданный сын, которого называли Тимуром. Пожилая порядочная женщина, скрывавшая от родных своё серьёзное заболевание, предусмотрительно переписала своё имущество этой семье. А когда Тимуру исполнилось шесть лет, то и сам его отец покинул бранный мир, взвалив все заботы о сыне на хрупкие плечи Оли.

Оля и Тимур жили всегда вдвоём. Отца Тимура она никогда не упоминала, так как Алексей ушел из жизни через

[ЦЕНЗУРА]. Редкие люди знали постыдный поступок Олиного мужа, которого она честно и со всей отдачей любила. После него Золотова решила для себя, что больше ни с кем не свяжет себя узами брака, а основной целью её жизни стало воспитание сыночка.

Сейчас Тимуру стукнуло двадцать три годика и, несмотря на весь свой талант и физическое взросление, он до сих пор оставался всё тем же ребёнком, только знающим чуть больше слов.

Оля захлопнула дверь машины. Вскинула голову вверх, высчитывая свой этаж. Свет в окне не горел. Когда женщина переступила порог, то встретила её кошка Дуся, да темнота.

Разувшись, женщина прошла на цыпочках в комнату сына, который мирно спал. Затем, всё с той же осторожностью, она зашла в свою комнату, где переоделась в домашнюю одежду, а после, не принимая душа, завалилась спать.

Наутро женщину разбудила громкая музыка. Тимур проснулся пораньше и сразу сел за работу. До ушей Оли доходили звуки (когда-то давно модного) techno с примесью колокола, который Тима поместил в ритмичный «карман» дорожки. Могло подуматься, что такой симбиоз мог родить только ужасно несочетающийся шум, но подобное мнение было ошибочным. Это становилось понятно по написанному отрезку. Звучал он непривычно, но никак не ужасно.

Оля улыбнулась, предвкушая новую порцию денег за продажу очередного хита. Всё-таки её сынок гений, а она хо-

рошо, из года в год, повышала ценник на творения сына. Они были отличной командой. За все эти годы на счёте Ольги скопилось прилично средств. Женщина мечтала открыть собственный ресторан и больше никогда ничего не делать. Сынок с ней не навечно, как не навсегда с ним и его талант. Но пока до цели нужно ещё немного подкопить, а сейчас самое главное, заставить своего сынулю остановиться и что-нибудь перекусить.

Она долго стоит в проёме его комнаты. Смотрит, как Тимур жестикулирует руками, что-то крутя на своих музыкальных установках, подсоединенных к мощному компьютеру.

Незнающий человек мог бы подумать, что это не комната, а внутренности какого-нибудь космического корабля. Говоря про оборудование, нужно отметить, что каждый сегмент стоил просто бешеных денег! Но главное здесь это то, что хоть для Ольгиных растрат это новое оборудование стоило буквально копейки, но она всё равно делала вид перед родным сыном, что буквально чуть ли не в кредит и под честное слово, на всевозможные заёмы, аппаратура была куплена для него-любимого. Она сама не знала, зачем начала врать сыну, зачем начала скрывать гигантские чеки. Себя она оправдывала тем, что всё это только для блага семьи.

Комедия ломалась повседневно. Ольга даже не делала ремонт в квартире, оставив пожелтевшие обои и старые комоды далёкого прошлого. Питались Золотовы скромно по соображениям конспирации.

Увидев свою маму-менеджера, Тимур поставил на паузу сводку, улыбнулся ей, встав с места. Они обнялись, перекинулись дежурными фразами. Сегодня молодой человек был явно в отличном расположении своего нежного духа.

На завтрак Оля сделала яичницу, порезав в неё последнюю сосиску. В две керамические кружки заботливая мама налила растворимый кофе с капелькой сливок себе и сыну.

– Как прошел вчерашний вечер? – Спросил Тимур, быстро уплетая свою порцию.

– Да сам знаешь... Было много людей, в том числе и исполнители твоих шедевров.

– И как они вживую?

– Выглядят-то?

– Угу.

– Так же, как и на фото. Даже как-то неестественно их видеть в том же амплуа и выражении лиц... Все эти ребята заигрываются, а потом не могут отделаться от собственной маски.

– Понятно. Продление контракта нам выбила?

– Да. Признаюсь тебе, было непросто.

– А что, Крутого что-то смущает?

– Да что ты, упаси Господи. Владислав сам знаешь, как к тебе относится хорошо. Там проблемы у более серьёзных людей.

– А что оно?

– Да друг Владислава, Понтынченко, что-то там рассказы-

вал про ребрендинг идей. Мол, собираются менять всё позиционирование или что-то в этом духе... – Придумала на ходу Оля.

– А что с музыкой моей не так?

– Да господи, сынок! Что ты ко мне привязался? Я сама всех деталей не знаю. Без работы не останемся. Правда, о повышении гонорара сам понимаешь, пока нет и речи.

– Понятно. Ладно, спасибо, побежал писать.

– Подожди, пока не забыла.

– М?

– Крутой всё хочет с тобой вдвоём куда-нибудь выбраться. Говорит, хочет лично пообщаться с человеком, который выдаёт все эти прекрасные композиции.

– За хиты мог бы платить и больше твой Крутой, все-таки серьёзный человек.

– Ты сам знаешь, ты не один талантливый композитор в стране. Тут в кризис все оказались музыкантами, танцорами, певцами, а юриста ни одного, как врача и строителя!

– Да я знаю-знаю, не кипятись. Скажи Владиславу, что я согласен.

– Что?! Ты... Ты серьёзно? – По-настоящему изумилась женщина.

– Ну да, пора бы мне что-то менять в жизни.

– Вы меня, молодой человек, удивляете с каждым днём всё больше!

– Всегда всему приходит конец. В том числе и моему твор-

ческому затворничеству.

– Так это было творческое?

– Угу.

– Тогда я сейчас же напишу Владиславу.

– Да не стоит, я ему сам напишу.

– А где ты номер возьмешь? Умник ты мой.

– Он меня уже давно добавил в друзья «ВСЕТИ».

– Вот как... Ну ладно, мистер взрослый я сам, пиши.

На этом Тимур ушел к себе в комнату, а Оля осталась на кухне, заваривая себе вторую кружку кофе. Дом снова наполнился звуками techno с примесью колоколен и одной женской тревожностью.

«ВСЕТИ»

«МЕССЕНДЖЕР»

19.06.2136

ТИМУР: Здравствуйте))) .16:03

ВЛАДИСЛАВ: Золотов Тимур Алексеевич собственной персоной... Приветствую! .16:12

ТИМУР: Не стоит фамильярностей. Можно просто Тимур или Тима. Как вам удобно))) Мне тут мама сказала, что вы хотели бы со мной увидеться. .16:14

ВЛАДИСЛАВ: Для меня было бы честью наконец лично пожать вашу руку, Тимур. Хоть ваш менеджер Ольга... ваша мама мне очень мила. Вы ведь знаете, мы с ней в отличных

дружеских отношениях. .16:25

ТИМУР: Да. Всегда, когда она говорит о вас, она говорит с каким-то благоговением. Вы извините за вопрос, я не мастер общения и не знаю хорошего тона, тем более с таким высокопоставленным человеком как вы, но всё же... Пожать мне руку – это ваша единственная цель?))) Не поймите меня неправильно, просто мы никогда с вами не пересекались, да и на наши деловые отношения эта встреча навряд ли как-то скажется, просто для меня это немного странно выглядит. .16:38

ВЛАДИСЛАВ: Правильно, что ты задаёшь вопросы, Тимур. В общественной жизни с людьми нужно держаться всегда настороже. Не так, чтобы всегда быть в каком-то напряжении, но верить первому встречному (а для нас это будет как раз первой встречей) не стоит. Под «пожать руку» я подразумеваю увидеться с тобой. Всё-таки уже не один год сотрудничаем. Ты очень талантливый человек, и мне хотелось бы познакомиться с таким человеком лично. Тот факт, что ты почти никуда не выходишь, говорит о многом. Ты своего рода гений, сам это должен понимать. Вот и хочется с тобой побеседовать лично) .16:57

ТИМУР: Вы мне льстите, но всё равно очень приятно!) .16:59

ВЛАДИСЛАВ: Поверь мне, я человек открытый и честный. .17:16

ТИМУР: Если это так, то можно тогда один вопрос?

Только честный ответ мне действительно важен. 17:21

ВЛАДИСЛАВ: Другого ты от меня и не услышишь. .17:27

ТИМУР: Это ведь Ольга попросила вас со мной увидеться? Ну, как это, растормошить меня там, чтобы я хоть с вами пообщался? Ведь неспроста так... ну, вы поняли. .17:36

ВЛАДИСЛАВ: Только между нами, хорошо? .17:45

ТИМУР: Разумеется. .17:46

ВЛАДИСЛАВ: Ольга, твоя мама, она беспокоится о тебе, понимаешь? Вчера она мне рассказала о своих переживаниях. Она боится, что ты можешь замкнуться в себе на всю жизнь, а она ведь желает тебе только счастья. Чтобы ты там девушками интересовался, машинами. Может, чтобы ходил на концерты или на наши вечерние встречи со всеми теми, для кого ты пишешь музыку. Я хочу сказать, Ольга не просила меня ни о чём. Я сам изъявил желание с тобой увидеться. Если не вразумить тебя в плане социального общения, то хотя бы иметь удовольствие изредка поговорить с умным человеком, а может, вместе пропускать иногда по кружке пива ;-). .17:59

ТИМУР: Благодарю за честность))) Буду рад с вами встретиться. На счёт пива не могу обещать, так как никогда не пил :-D .18:01

ВЛАДИСЛАВ: О чём разговор, всегда пожалуйста) .18:13

ТИМУР: Хотите послушать пробный кусок новой песни?

Правда, слов ещё нет. .18:15

ВЛАДИСЛАВ: Разумеется! Я как раз сейчас заскочил на студию звукозаписи. Обсуждаем с Олегом Санычем последние тенденции .18:23

ТИМУР: «голосовое сообщение 0:43» .18:25

ВЛАДИСЛАВ: Слушай, звучит интригующе! Сначала с Олегом немного напряглись, но ты не пойми неправильно, просто нам старикам тяжело слышать звуки давно забытого в такой аранжировке. Такого и близко нигде не слышали. Как тебе это удаётся?! .18:37

ТИМУР: Производственный секрет ;-) .18:39

ВЛАДИСЛАВ: Вот нахал, ха-ха. .18:41

ТИМУР: .18:42

ВЛАДИСЛАВ: Так, Тимур Алексеевич, когда мы запланируем с вами наш поход? И самое главное: куда? Может, есть какие-то предпочтения? .18:57

ТИМУР: Не знаю, но хочется пойти туда, где будет весело и шумно. Хочу сразу окунуться в социальное безумие! Сейчас, секундочку. .19:01

ТИМУР: Мам, куда можно с Владиславом сгонять? .19:02

ОЛЬГА: Зачем ты мне пишешь? Я ведь у себя в комнате! .19:07

ТИМУР: Так удобнее. Ну так что, куда? .19:07

ОЛЬГА: Не знаю. Вы взрослые мужики, решите са-

ми! .19:08

ТИМУР: «ОЛЬГА ЗОЛотоВА

Не знаю. Вы взрослые мужики, решите сами!
ми! .19:08» .19:09

ВЛАДИСЛАВ: Как она сурово с нами обошлась! .19:15

ТИМУР: Ага. ЖЕНЩИНЫ! Теперь мы сами по себе... .19:17

ВЛАДИСЛАВ: Не переживай, сейчас придумаем. Скоро отпишу!) .19:25

ТИМУР: ок .19:26

ВЛАДИСЛАВ: Слушай, Тимур Алексеевич, кажется, я придумал, когда мы с тобой встретимся. Это будет даже не просто встреча со мной, но ты ещё и послушаешь свою музыку живую. И заодно попьём пивка! Даже не понимаю, как я так мог долго ломать голову, а ведь ответ вот он, на поверхности! Уже меньше, чем через месяц, 12 июля – состоится большой праздник. Я один из организаторов программы, так что можем весь день провести на свежем воздухе. Я бы и раньше с тобой встретился, но очень тяжело найти свободный день, сам понимаешь, вечная беготня по работе. Так что скажешь, добро? .19:55

ТИМУР: По поводу работы – отлично вас понимаю! Сам тружусь днями и ночами. На счёт даты добро, отличный повод послушать живую музыку! Заодно выясним, правду ли говорят)))))) .19:57

ВЛАДИСЛАВ: Отлично, а что говорят?)))) .19:59

ТИМУР: Что вживую многие ребята исполняют песни хуже, чем в записи)))) .20:00

ВЛАДИСЛАВ: Ну, дорогой, тут ты будешь приятно удивлён! Ну всё, тогда до встречи, ближе к оговоренному числу спишемся. . 20:05

ТИМУР: До встречи .20:06

ТИМУР: Mam, договорились на 12 июля! Пойдём слушать мою музыку на праздник .20:06

ОЛЬГА: Вы бы ещё договорились встретиться на твой 50-и летний юбилей))) .20:12

ТИМУР: Очень остроумно. Не юли, ты ведь пойдёшь? .20:13

ОЛЬГА: С чего ты взял? Наоборот, хороший повод отдохнуть от вас, мужчин-творцов! .20:15

ТИМУР: Ну как знаешь. .20:16

ОЛЬГА: Если пойдёшь ужинать, то твой (остывший много часов назад) обед стоит на столе под крышкой микроволновки. .20:18

ТИМУР: Хорошо, дамочка .20:18

ОЛЬГА: Я тебе дам, дамочка! .20:21

ОЛЬГА: Да, и ещё! .20:21

ТИМУР: М? .20:22

ОЛЬГА: Кофе мне завари. .20:23

Двадцать три дня прошли в творческом трипе. За всё время Тимур ни разу не вышел на улицу, предвкушая весь спектр скорых эмоций. Молодой композитор успел дописать тот самый трек, доведя его до ума, а ещё смог немного подкалымить на начинающих музыкантах, у которых не было ни известности, ни лейбла, зато были деньги родителей.

На двадцать четвёртый день Золотов проснулся в отличном настроении. На электронном календаре значилось двенадцатое число июля, а это значило, что день «Х» настал. Молодой композитор, как любая творческая личность, обладал некоторыми странностями и ритуалами. Сегодняшний выход для него был сродни второму рождению.

Ольга же наоборот, хоть выглядела свежей, но была медлительной и ленивой. Как она сама сказала: «в свой выходной имею право быть какой захочу и да, завтрак сегодня готовь себе сам». Тимур ничего не оставалось делать, как попить чай с хлебом. Кухня для него представлялась загадочным царством. Да и, к слову, не успел он нацепить свои кроссовки, как телефон завибрировал. Сообщение от Крутого гласило, что мужчина уже заехал на своём «ДВОРЯНИН Z3» во двор.

Поцеловав маму в обе щёки, сам покрасневший на обе от волнения, Золотов выбежал на улицу к новым ощущениям в своей жизни.

Увидев идеальный белый джип, Тимур сразу и не понял, что это именно «ДВОРЯНИН Z3», в машинах он не разби-

рался. Зато Владислав, увидев парнишку, сразу посигналил, высунув свою лысую голову в окно.

Ноги у композитора были ватные. Его охватил экстаз, смешивающийся со страхом. Он с бледным лицом неумело открыл дверь с пассажирской стороны, и ещё более неумело смог уместиться, сразу же пристегнув себя ремнём безопасности. Только после этого мужчины пожали друг другу руки.

– Ну, здравствуй, Тимур Алексеевич. Я представлял тебя немного ниже, а ты вон какой высокий парень. – Отечески продекламировал Крутой.

– А я вас таким и представлял, как есть. Хотя это связано с тем, что я видел много ваших фотографий с разных ракурсов, поэтому представление о вас более точное.

– Да, наверное, так и есть, учитывая, что на весь интернет есть только одна твоя фотография и то, портретная. Не любишь фотографироваться?

– Не вижу в этом смысла. – Джип продюсера медленно двинулся. – Красивая у вас машина.

– Благодарю. Заработали честным трудом.

– Заработали? У вас есть жена?

– Нету. Это я так, своеобразный оборот речи. А что, тебя бы удивил факт, что у такого как я может быть жена?

– Не думаю, просто мама... Ольга говорила мне как-то ещё давно, что вы одинокий человек.

– Да, твоя мама очень проницательная, чуткая женщина. Не в том плане, что она знает об отсутствии у меня же-

ны. Она тебе говорила о внутреннем моём одиночестве. Эта женщина очень хорошо разбирается в людях, честное слово. Мне кажется, мы с тобой похожи.

– Я думаю, все люди по своей сути одиноки, просто многим хватает сил разыгрывать целый спектакль, чтобы хотя бы создавалась иллюзия, что это не так.

– Ты совершенно прав, но очень мало тех, кто может держать эту иллюзию в чистоте и правде.

– То есть?

– То есть, некоторым людям удаётся выстроить иллюзию, а потом в неё так сильно поверить, что сама иллюзия исчезает в их уме, превращаясь затем в неотъемлемую правду. Такое бывает редко. Трюк, который умудряются проделать эти единицы сродни всем алхимическим басням.

– Вы не верите в любовь?

– Верю, наверное. Скажем так, я хотел бы в неё верить, как в некий святой Грааль, который можно отыскать. Или, если говорить ещё точнее, то эта святыня появляется сама собой, если человек достоин.

– Но вы же сами только что говорили, что всё это иллюзия, которую человек создаёт сам.

– Да, но под словом «человек создаёт» не значит, что он просто берёт и начинает в лоб внушать себе любовь к другому человеку, а потом верить, что это на всю жизнь. Тут всё намного тоньше. Каждый поступок человека, каждая его мысль потихоньку, пазл за пазлом, формируют общую кон-

систенцию, которая по итогу может прийти к таким результатам. Но тут никогда не угадаешь, а пытаться искусственно и фальшиво возвести сразу к такому абсолюту – дело заведомо проигрышное.

– ...

– Как тебе город? Сильно изменился с последнего раза, как ты выбирался? Уже скоро будем на месте.

– Да не так, чтобы я его когда-то хорошо помнил... Последний раз ездил на такси к зубному год назад. И для меня этот город остался таким же, как и тогда: новым и интригующим.

– Многие бы тебе позавидовали. Люди тратят много денег, чтобы попасть в места, которые для них будут в новинку.

– Для меня ничего нет важнее моей настоящей родины. Музыка для меня истинный мир, а здесь, среди всего этого бетона и машин... Я не слишком много говорю личного?

– Что ты, наоборот. Ты доверяешься мне, а я тебе. Это главный показатель зарождения дружбы.

– Спасибо. Среди всего многообразия – я как во сне. Приятный сон такой. Но моя родина – это звуки; их бесконечная комбинация. Иногда мне кажется, что я могу сойти с ума. Ещё чаще мне этого хочется. Может, прозвучит глупо, но я бы хотел быть звуком. Абсолютно любим, а тело моё только обременяет разум, ограничивая возможность стать совершенством.

– Но, с другой стороны, это же тело даёт тебе всё необхо-

димое, чтобы ты мог создавать уникальные комбинации, которые (я готов поспорить) приносят тебе удовольствие.

Возле высокого забора, за которым начинался центральный парк, Владислав умело припарковал машину. Народ потихоньку подтягивался. Основная стоянка была забита почти до отказа.

– Дальше пешком. – Сказал продюсер.

– Угу.

Тимур начал очень неумело вылезать из машины. Рост сыграл классическую шутку. Парнишка сильно долбанулся головой о край крыши, но по внутренним причинам сделал вид, что ему ни капельки не больно.

Мужчины прошли через вход №1. Перед глазами Золотова открылась потрясающая панорама, где невиданное количество деревьев разных сортов умело сочетались с открытыми зелёными полями, искусственными озерцами и низкими постройками. Тимур видел пока только маленький кусочек рутинного пиршества.

– Ну как, впечатлился? – Спросил довольный продюсер, увидев неподдельное изумление бледного, замкнутого парнишки.

– Спрашиваете!

– Ты ещё даже не прошел дальше, там вообще сказка. Даже не верится, что такое отбабахали у нас.

– Возвращаясь к нашему разговору, скажу вам, что вы правы, но только отчасти. – Продолжил Тимур, теперь его

взгляд бегал в хаотичном направлении доступного пространства.

– А в чём ты не согласен?

– В том, что хоть моё тело и даёт мне возможность наслаждаться звуками, некоторыми из которых я могу управлять, но согласитесь, быть звуком, то есть, стать наслаждением, стадия развития куда выше. Вы рассуждаете как человек, который пытается найти оправдание своим минусам, но я рассуждаю как человек, который знает, что более простые частицы являют собой совершенную форму.

– Ты очень умён... Я не знаю, что можно сопоставить. Затруднили вы меня, Тимур Алексеевич.

– Вам нравится моя мама? – Вдруг выпалил Тимур, будто только и ждал удачного случая. Просто он вдруг вспомнил образ Ольги, чьё тело, каждый жест, при упоминании Крутого, говорили сыну, что она равнодушна к этому мужчине. Но своё знание композитор держал строго при себе, а теперь... В эту секунду вдруг что-то щёлкнуло у него, заставив выпалить этот внутренний вопрос, что мучил его. Ведь его «я», несмотря на всю свою, казалось бы, неопытность в обычной жизни, говорило ему, что его любимая и единственная мама –одинока, от чего жизнь её видится не такой полноценной.

– Теперь ты затруднил меня ещё больше...

– Если не хотите, то не отвечайте. Это я так, передышал свежим воздухом.

– Буду с тобой честен, мне твоя мама очень нравится.

– И вы ей очень нравитесь.

– Правда?

– Правда, по женщине сразу видно.

– Ну, что ж...

– А где сама сцена? – Перевёл разговор Тимур.

– А вон видишь, где ограждения? Да, вон, правее, откуда ещё шум доносится неприятный. Там сейчас строители последние приготовления делают. Хочешь посмотреть?

– Угу.

– Тогда пойдём.

– А сегодня много исполнителей будет выступать? Сама программа насколько рассчитана?

– Конечно, всё-таки главный праздник нашей необъятной! Соберутся все звёзды, которые сейчас блистают на нашем телевидении и радио. Ты услышишь много своих творений!

– И прям все будут петь вживую?

– Конечно же нет! Только фонограмма, как и всегда.

– Но вы написали мне тогда, что я буду удивлён!

– Да, и видел бы ты своё лицо!

– Ах, вот вы какой.

– Прости, не удержался. Не смог упустить момент пошутить над тобой, но если серьёзно, то вживую давно никто не выступает. А если ещё серьёзнее по секрету, то музыка ну очень давно перестала быть просто музыкой. Ещё со времен

наших прапрапрадедов через исполнителей начали продвигать такой смысловой поток, в котором должен думать обыватель. Поэтому, если услышишь свою песню, а там будет изменены некоторые строки, то не обижайся, это ведь бизнес. Сразу скажу тебе: не думай, что всем нам плевать на творческую часть. Люди хоть и.. а фальшь они чувствуют хорошо, поэтому мы ценим то, что ты вкладываешь в свои проекты, а этого не отнять.

– Да я всё понимаю. – С болезненно ироничной улыбкой ответил композитор. – То есть, получается, что всем «звёздам» платят кучу денег, только за то, что они открывают рот и кривляются на сцене?

– По сути да, ты прав, но они являются неотъемлемым звеном во всём этом движении.

– Ну да, так я и представлял... Одни махают жопой и гребут миллионы, а другие вкладывают свою жизнь и душу, чтобы получать копейки, которых хватает на хлеб и чай.

– Так, подожди, давай разберёмся. Ты не намекаешь ли на то, что я мало плачу тебе, Тимур?

– Вы не поймите меня неправильно, но вы действительно платите копейки.

– Полмиллиона за сведённый трек, и это не считая комиссионных, по-твоему, копейки? Вот это у вас аппетит, молодой человек! Куда же ты их тратишь, что тебе приходится питаться хлебом с чаем? – Оскорблённо, с повышенным голосом, проговорил Крутой, наблюдая как лицо молодого че-

ловека начинает краснеть. Правда, вот он ещё не знал, что лицо краснеет не от стыда, а от злости.

– Какие полмиллиона? КАКИЕ ПОЛМИЛЛИОНА?! Сто тысяч, и это в самой столице! Я зарабатываю чуть больше продавщицы, а вы смеете мне врать! Да кто вы такой, как не стыдно вам... вам, такому солидному человеку врать мне прямо в глаза!

– Подожди, давай успокоимся. – Миролобиво пролепетал Крутой, крики мужчин начали привлекать прохожих. – У тебя кто за финансы отвечает?

– Мама!

– Так, и ты хочешь сказать, твоя мама приносит в дом сто тысяч?

– Она приносит девяносто, ведь ещё проценты ваши.

– Послушай меня, Тимур. Я плачу твоей матери, то есть тебе, – полмиллиона. Я готов поклясться на чём угодно.

– Ещё она сказала, что кое-как выбивает мне контракты...

– Ты лучший композитор современности, почти все контракты и так твои, Тимур. Послушай меня.

– Она говорила, что у неё не получилось повисить цены за услуги, не сейчас...

– Да наоборот, тебе и так подумывают там сверху платить больше, Тимур, послушай меня...

– Обманщица!

– Тимур, господи, Тимур, послушай же меня. – Владиславу пришлось потрясти Золотова за плечи, тот явно поплыл

головой. – Вот, смотри мне в глаза. Я просто уверен, что это какое-то недоразумение, Тимур. Я просто уверен, у твоей мамы есть всему объяснение. Давай не сейчас.

– Лживая сука...

– Не говори так про маму, давай успокоимся, выпьем по пиву тут в ресторане, а потом...

– Мне пора, до встречи.

– Да постой. Не горячись, куда ты сейчас поедешь?

– Домой. Выясним, как это так получилось, что я как проклятый зарабатывал копейки, и благодаря кому?!

– Ты дороги ведь не знаешь!

– Я на такси.

– Сейчас праздники, ты отдашь целое состояние!

– Да и чёрт с этим состоянием, я ведь, оказывается, зарабатываю вон сколько!

– Да не горяч... подожд!.. Ай, чёрт возьми, вот и погуляли.

Тимур бегом ретировался. Владислав не стал его догонять. Нужно было не забывать про организацию праздника. Не хватало ещё влипнуть в неприятности из-за чужих семейных разборок.

Впервые Крутой почувствовал омерзение к Ольге. И хоть он пытался успокоить обманутого сына, но его опыт подсказывал ему, что эта женщина; эта красивая, обаятельная женщина, столько лет обманывала собственного сына, доила его, забирая почти все гонорары себе. Снова он почувствовал человеческое одиночество, которое восторжествовало над сле-

пой влюблённой надеждой.

Тимур на бегу вызвал такси. Стоило действительно дорого, но молодой композитор откладывал по мелочи, и вот теперь мог позволить себе таких поездок штук десять. В общем, денег было достаточно.

Всю дорогу он ехал в пришибленном состоянии. Руки его тряслись. С лица не спадала краска. Он предвкушал, как будет сейчас обличать эту лживую женщину, посмевшую обворовать родного сына. Но это предвкушение было болезненным. А потом, потом он уедет от неё и... мысли ещё были резкие, чрезмерно такие путанные. Пока они застряли только на моменте скорой ссоры.

Машина остановилась у дома. Золотов выскочил из такси, забыв захлопнуть за собой дверь. Водитель начал ругаться, но Тимур его уже не слышал. В его ушах пищала ярость.

Он не стал ждать лифта, а побежал по лестнице, не жалея своих лёгких. Его этаж. Рука Тимура приложила электронный ключ от двери. Вот он заскакивает в дом, где его ждёт лживая мать.

Сначала молодой человек даже не понял, что глаза его увидели в первую секунду. Он чуть ли не упал в обморок, но чудом смог удержаться. Удивлённая и побледневшая Ольга с ужасом смотрела на своего неожиданно вернувшегося сына. Во рту она держала огромный член темнокожего парня, а

снизу двигался второй, проникая в женщину во всю длину.

Расположилась эта оргия прямо в коридоре. На фоне работал телевизор, начинался повтор программы «О ВАЖНОМ» с Андреем Соловьёвым в роли ведущего. Одной рукой женщина держалась за уголок проёма в свою комнату. Так прошло мучительное мгновение и только после него (Ольга успела вытащить орган мужчины из своего рта), сын и мать одновременно, писклявыми голосами, заорали друг на друга: «Какого чёр ёрта-а т-тыы уут проис делаходит ешь!!!!!»

Ольга кое-как пришла в себя, вся из себя раскраснелась. Её пышная грудь начала ходить с невероятной скоростью. Она неуклюже встала, на свет показался орган номер два. Туземцев Ольга запихнула пока что в комнату.

Тимур слышал через дымку, как она говорила им одеваться, чтобы брали свои деньги и проваливали. Молодой человек не мог поверить своим ушам. Он был в ярости, но так и стоял на том самом месте, где его охватил ужас. Он всё ждал, когда женщина, называвшаяся мамой, появится снова перед его бледным взором.

Очень быстро из комнаты показалась парочка жигало, только уже в одежде. Они оперативно выскочили из квартиры. Затем показалась Ольга. Женщина накинула халат. Её щёки всё также ярко пылали от стыда. Она хотела было начать говорить, хотела начать нападение, чтобы хоть немного компенсировать ущерб, но сын её опередил:

– Я зарабатывал полмиллиона, а ты, тварь, врала мне!

– Ох... сынок... – К такому она была готова только в своих кошмарах. Ситуация усугублялась. На её глазах появились слёзы.

– ТЫ ОБКРАДЫВАЛА СОБСТВЕННОГО СЫНА, СТОЛЬКО ЛЕТ!

– Тима...

– Я ТЕБЯ НЕНАВИЖУ, ТЫ ТВАРЬ! ОБКРАДЫЛА МЕНЯ!! РОДНУЮ КРОВЬ!!! А ЕЩЁ ЕБЁШЬСЯ С МУЖИКАМИ ЗА МОИ ЖЕ ДЕНЬГИ! ОТДАЁШЬ ТО, ЧТО ПРИЧЕТАЛОСЬ МНЕ, ДВУМ ЧЕРНОЖОПЫМ! МАЛО ТОГО, ЧТО ТЫ ЛЖИВАЯ МАТЬ, ТАК ЕЩЁ И ШЛЮХА!

Тут у Золотовой сработал природный механизм, она очень проворно зарядила мощную пощёчину Тимуру, у которого глаза покрылись бешеной беленой. Парня определённо понесло надолго, но после освежающей пощёчины, он замолчал, после ринувшись в свою комнату.

– Ты куда?! ДА, Я ВИНОВАТА! – Ольга пошла следом за сыном. – Я ВИНОВАТА, СЛЫШИШЬ?! ПРОСТИ МЕНЯ! Но не смей называть свою родную мать шлюхой! Ты не имеешь права!

– А как тебя ещё назвать?! – Тимур схватил портфель, забрасывая в него непонятные пожитки.

– Я ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ВОСПИТАЛА ТЕБЯ! Я ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ОТКЛАДЫВАЛА ДЕНЬГИ НА РЕСТОРАН, ТОЛЬКО ЧТОБЫ ПОТОМ ОН ДОСТАЛСЯ

ТЕБЕ! ПОНИМАЕШЬ?!

– Ага... – Сын уже не пытался слушать Ольгу. По его лицу текли слёзы.

– Ты мне не веришь, но я говорю правду, **КЛЯНУСЬ ТЕБЕ! А ЭТО НЕДОРОЗУМЕНИЕ!.. ТЫ ЕЩЁ МАЛ И НЕОПЫТЕН, ЧТОБЫ ПОНЯТЬ, КАК ЖЕНЩИНЕ БЫВАЕТ ОДИНОКО!**

– **ТАК НАШЛА БЫ СЕБЕ МУЖЧИНУ, А НЕ ЗАКАЗЫВЛА ПРОСТИТУТОК! ВСЁ, АДЬОС!** – Тимур двинулся в сторону выхода. Его дрожащая рука бегала по телефону, заказывая такси.

– Ну не горячись, я тебя прошу. Куда ты сейчас поедешь?

– **ТЕБЯ НЕ ЕБЁТ! НО ЕСЛИ ТАК УЖ СИЛЬНО ИНТЕРЕСНО, ТО Я ПОЕДУ К ДЕВУШКЕ, КОТОРАЯ ВСЁ ВРЕМЯ ПОДДЕРЖИВАЛА МЕНЯ И БЫЛА ЧЕСТНА СО МНОЙ, ЯСНО?!**

Тимур хлопнул дверью, побежав вниз по лестнице. Ольга ринулась в свою комнату. Одной рукой она одевалась, глазами плакала, а второй рукой заказывала себе такси без конкретного адреса. Нужно было успеть за сыном.

К слову, очень даже повезло. Её такси подъехало ровно тогда, когда Тимур садился в своё. Она запрыгнула на заднее сиденье, прокричав: «Поезжайте за этой машиной!» Видок у Ольги был растрёпанный, но хотя бы на ней имелась более-менее приличная одежда. В стекле заднего вида она поймала любопытные глаза водителя.

В это время Тимур немного успокоился, но всё же его раздёрганный рассудок не заметил хвоста. Сейчас он вообще мало что замечал. Адрес у его водителя был. Теперь осталось написать той самой девушке, которая была его главной опорой. Его другом по переписке, да и просто человеком, в которого он был влюблён. Сам этот случай теперь виделся знаком, теперь им пора встретиться, а там глядишь, и до свадьбы недалеко. Молодой композитор взял телефон в руки, открыв социальную сеть, где и велось общение влюблённых.

«ВСЕТИ»

«МЕССЕНДЖЕР»

12.07.2136

ТИМУР: Дин, привет! Ты как сегодня?

ИАНА: Привет Тим, ещё на работе, но уже почти закончила.

ТИМУР: У меня для тебя есть сюрприз! Помнишь, ты говорила, что живёшь в пяти квадратах? Так вот, я как раз еду к тебе на такси! Я тут поссорился с мамой, но расскажу всё при встрече. Ты это, скажи мне свой точный адрес, квартиру там. Я приду к тебе. Могу купить тортик или что ты любишь? Поболтаем, наконец, вживую!

ИАНА: ...

ТИМУР: Дина?

ИАНА: ...

Такси подъехало к злополучному району, но внутрь заезжать не стало. Тимур выскочил из машины, а следом за ним уже бежала его мать.

– Сынок! Я тебя прошу, постой!

– ТЫ?! – Завопил, обернувшись через плечо, Тимур.

– Давай просто поговорим, я тебя умоляю!

– Оставь меня в покое!

На этом молодой человек развернулся, дёрнув в пекло. Его рука каждую секунду поднимала телефон с горящим экраном, а глаза всё надеялись увидеть ответ Дины, но девушка, походу, была ещё занята. Ольга бежала следом молча. Женщина сама не знала, что будет делать дальше.

В какой-то момент, рядом с одним домом, Золотову показалось, что он увидел свою возлюбленную, но присмотревшись понял, что это вовсе не девушка, а уже взрослая женщина. Она была шире в талии и лице, старше его Дины с чата лет на десять.

«Бывают же такие похожие люди» – подумал Тимур, всё поглядывая на свой телефон, а потом он услышал всеми знакомый голос.

Диалектика овального стола (5)

– Так. Ну что, господа, вот тут и вонь стоит, однако. –

Слегка наморщил свой вздёрнутый нос Абсманов. – Нужно было всё-таки разрешить вам выходить курить. Ладно, проехали. Прошу простить меня за недавнее проявление усталости. Сами понимаете, работаем не покладая рук. Да? Что такое, Григорий?

– Когда уже перейдём к моменту с деньгами? – Спросила грузная маска. Подросток попытался снова сделаться тем самым «бэд боем», но у него плохо получалось. – Мы все изрядно утомились.

– Я всё время пытаюсь подойти к главной части, молодой человек, но вы сами понимаете. – Многозначительно произнёс «понимаете» Фёдор, усаживаясь на своё место, перелистывая папку.

– Что? – Не унимался подросток.

– М?

– Что мы должны понимать?

– То, что вы сами являетесь той причиной, которая откладывает итоги наших общих интересов.

– А-а-а-а-а.

– И даже не огрызнетесь?

– Нет.

– Что так?

– Вы меня утомили, Федя! Вас ведь Федя зовут?!

– Да, вы очень проницательны.

– Не пытайтесь меня задеть. Тут так скучно, что я действительно не могу злиться на вашу pidorskuuyu рожу.

– Но Григорий, вы ведь злитесь.

– ... – Подросток сделал пару глубоких вдохов, взгляд его перешел от ненавидящего к вполне нейтральному.

– Разбирайте, господа. – Раздался мягкий шлепок небольшой бумажной стопки. – Это ваши договора. В них же указывается компенсационное вознаграждение.

Стопка договоров улеглась неровным строем посредине стола. Присутствующие с интересом уставились на кипу, но никто не решался первым потянуться и открыть своё имя.

Семья Золотовых почувствовала в действе Абсманова некий акт унижения. Мышкин в очередной раз напугался надуманной «дерзости» – это первое слово, которое пришло ему в голову сразу после того, как он дёрнулся в мгновение, попросившись с жизнью. Союз Демьянович сидел со скрещенными руками на груди, задумчиво изучая потолок. Гундяев просто глазел на стопку с умоляющим видом. Соловьёв цокнул недовольно языком. Скеров Лёня и Миша только двусмысленно переглянулись, обмениваясь ехидными улыбочками. Проститутка Дина изучала лицо Фёдора.

Один Гриша, недолго думая, вытянул свою прыщавую лапу к бумажкам, заграбастывая их себе поближе. Только тогда толпа оживилась, почувствовав инстинктивное рвение защитить своё добро.

– Спокойно, спокойно. Я не виноват, что вы все такие истуканы. Сейчас! – Неугомонный хулиган начал перебирать скреплённые листки. Его «маска гнева» проявилась между

бровей, уходя своими корнями в атавистически оформленный лоб. – Так. А чего это на договорах наши фотки? Ещё и такие дурацкие! – Завопил он, найдя, походу, свой договор.

Если бы посторонний человек мог заглянуть через плечо, то увидел бы небольшую фотографию (как с паспорта), где Гришу «щёлкнули» на улице. Щёки его были набиты булкой, нос недовольно морщился.

– У нас на родине, Григорий, – начал объяснять задумчивый Союз Демьянович, – уже как полсотни лет на документах распечатывают фотографию владельца этих самых документов. ГОСТ такой.

– И нахуй он нужен?

– Нууууу. – Затянул старик.

– Чтобы люди из этого ГОСТа получали свои деньги. А так им особое нечем заняться, насколько мне известно. Кушать все хотят. – Встрял учтиво Леонид. После он театрально кивнул Бунину, мол, не благодарите за помощь в объяснении.

– Понятно. Так, посмотрим, что мне там причитается... – Гриша пролистал свой договор до последней страницы. Он долго всматривался. Повисла напряженная тишина. Если уж этого наглого хулигана устроит сумма, то других и подавно. Так думал каждый из присутствующих. – И это все, как там вас, Фёдор?

– Да, это ваше вознаграждение уже с учётом налога.

– Налог на секретный контракт? Не кажется ли вам совсем

уж абсурдным брать налог и с этого? Учítывая, что дело, можно сказать, личное. – Возмутился Срокин.

– Налог берётся со всего, так уж устроен мир. – Спокойно пояснил Абсманов, изучая свой маникюр.

– Если это окончательная сумма, – заорал Гриша, – то я! Я чертовски всем доволен!

Женская часть с облегчением выдохнула вместе с Мышкиным. Гундяева просто передёрнуло.

– Ладно, молодой человек, вы счастливы и всё такое, но отдайте не принадлежащие вам документы их владельцам. Мы тоже хотим порадоваться. – Быстро проговорил Леонид, облизывая пересохшие губы.

– О! А давайте, а давайте я буду описывать по фоткам ваши рожи, а вы все будете угадывать про кого я говорю? – Воодушевился своим ребячеством подросток.

– Что за детский сад? Вы уже взрослый. – Возмутилась Золотова. – Так ведите себя подобающим образом. Неужели вы хотите тянуть резину, держа нас тут лишние минуты?

– Ну пожалууууистаааа. Время мы хоть и потратили впустую, так повеселимся напоследок. – Взмолился юноша.

– Вы ведь корчили из себя дерзкого мачо, а теперь что? Предлагаете какой-то детский лепет... – Это уже Соловьёв меланхолично вставил свои резкие пять копеек, действие [ЦЕНЗУРА] быстро выветривалось.

– Господи, да это просто одинокий ребёнок, чего вы какие все злые... – Заступился Союз Демьянович.

– НУ-КА ЗАТКНУЛИСЬ ВСЕ НАХУЙ! НАШЛИСЬ ХРЕНОВЫ ВЗРОСЫЛЕ! ДА Я КАК ЛУЧШЕ ХОТЕЛ, ВАШИ УНЫЛЫЕ РОЖИ ПОВЕСЕЛИТЬ, ХОТЬ КАК-ТО СКРАСИТЬ ВСЮ ЭТУ УНЫЛУЮ ЕБАНИНУ! А ВЫ, НЕБЛОГАДАРНЫЕ УРОДЫ ХРЕНОВЫ! ВЫ... ВЫ...

– Ну что вы человека обижаете, в самом деле? – С весёлой серьёзностью обратился Срокин к присутствующим. – Мне вот взаимно скучно, знаете ли, я даже буду рад, если этот молодой человек опишет меня со всей своей невоспитанной харизмой!

– Я бы тоже послушала. – Поддержала Дина.

– Вы правда этого хотите? – Гриша начал театрально изображать душевную благодарность.

– Ну, давайте послушаем, давайте... – Вымолвил Абсманов, смирившись, что ещё на лишних пять минут он задержится здесь, в этой неприятно прокуренной мышеловке.

– Что ж, раз такое дело, то не смею откладывать нашу игру! – Ехидно воскликнул Гриша, натягивая довольную улыбку. Он взял самый верхний договор, долго всматривался, всё так же улыбаясь, а потом, подняв взгляд и обведя весь стол хищным взглядом, начал описывать человека на свой лад. – Так. Это ебучий немолодой глист...

– О! Это же вот этот парень, что с мамой сидит! – Радостно перебил Срокин.

– Я ещё не договорил. У старого ебучего глиста есть очки и pidorskaya стрижка...

– О! Тогда это я! – Ещё веселее воскликнул Срокин.

– Совершенно верно, как хорошо я вас описал! – Завопил радостно Гриша. – А теперь официальное вручение. – И с этими словами кинул договор Михаилу через стол, прямо в лицо.

– Ах ты, мелкий ублюдок! Можно было и поаккуратнее. Ты, походу, не знаешь, как вручают что-то официальное...

– Вы походу тоже не знаете. – Вмешался Соловьёв. – А я вот знаю. И там швыряют похлеще, только чуть более индифферентно.

– Не отвлекаемся, следующий! – Гриша изучил фотографию. – Господи, это снова сраный глист, только не такой бойкий, а унылый, что говно во время расстройств живота!

– Я знаю, знаю, это вот этот вот мужчина, с толстой оправой. Как его там... как вас зовут? – Угадал Леонид, указывая на Гундяева.

– Алексей Константинович, и я не думаю, что по описанию имели в виду м...

– Чистое попадание! Держите, мужчина! – Подросток аналогично кинул договор в лицо Алексею, правда тот не смог ловко поймать скреплённую бумагу, та упала на пол.

– Какой же я глист...

– Ха-ха-ха. – Не выдержала Дина, со стыдливо извиняющимся взглядом.

– И ещё... Гундя, верно? Тут мне звонили из аэропорта, просили вам передать, чтобы вы вернули два иллюминато-

ра от самолёта, а то они не могут начать выполнение рейса. Едем дальше! Хм, хм. Так, ну у неё есть сиськи, это точно. Зачётные такие, я просто уверен, что они ещё стоят, хоть наш герой уже не молод...

– Давай ещё деталей. Тут всё же не одна дама, и обе в отличной форме. – Отозвался Соловьёв.

– Ну, она не заглатывает члены за деньги! Ахаххахаха!

– Что за грубость, просто отвратительно! – Закричала покрасневшая Ольга. – Это даже не сексизм, хуже!

– Вы не в Европе, так что простите, тут уж, как говорится, ничего не попишешь. – Соловьёв становился всё более колким. – И да, это описывают вас.

– Воспитанный мужчина никогда так про свою женщину, а тем более про чужую, не будет говорить! И дело тут не в Европе вашей проклятой! – Союз Демьянович оживился.

– Вот у человека интересная особенность, не женщин любить и обожать, а кусок земли. – Это уже Леонид.

– Простите, но это описание не моей матери. Она-то по части заглатывания членов ещё та мастерица. – Огрызнулся Тимур, отпихивая руку матери с плеча.

– ТИМУР! ПРО РОДНУЮ МАТЬ ТАК! ТЫ ХОЧЕШЬ МЕНЯ СО СВЕТУ СЖИТЬ?

– Вот это подробности! – Восхитился Гриша. – Не знал! Но да, это ЗОЛотова, Любительница Заглатывать Члены, Ольга! – И в женщину полетел договор.

– Воу, вот так да... был бы я [ЦЕНЗУРА], обязательно

опробовал... – В шутку пропищал Миша.

– Прекратите это унижение, я требую уважения! – Всё расплылась Ольга, но народ в комнате улыбался, не воспринимая её слова всерьёз. Тимур успел получить свою порцию пощёчины.

– А вы [ЦЕНЗУРА]? – Проснулся (заинтересованный услышанным) Абсманов, обращаясь к Мише.

– А вы разве нет? – Парировал писатель.

– Так, тихо, продолжим! Следующий наш персонаж выглядит так, будто он не спал дней пять, а потом обосрался в свои штаны и ждёт наказания!

– МЫШКИН! МЫШКИН! – Федя Абсманов радостно заверещал. Затем вспомнил, что он здесь закон, поперхнулся, поправил воротник, добавив: – Извиняюсь перед Фёдором. Просто вы действительно испуганно выглядите.

– И ЭТО СОВЕРШЕНННООООООООООООО ПРАВИЛЬНЫЙ ОТВЕТ! – Гриша с разворота запульнул договор Феде выше головы, да так, что бумага пролетела мимо мужчины. Он только молча нагнулся, поднимая свой измятый контракт.

– Меня это начинает раздражать. ХВАТИТ ЭТОГО ЦИРКА! – Союз Демьянович держался сдержанно, но уже с оскoblённой ноткой.

– Посмотрим... ага. Ну, тут всё просто. – Гриша не стал ничего говорить, а преспокойно передал договор Соловьёва прямо в руки.

– Благодарю, Григорий. – Отозвался ведущий, начиная бегло знакомиться с бумагами.

– Вот, то-то же. – Удовлетворённо кивнул Бунин.

– А почему Соловьёву так вежливо, а, Григорий? – Абсманов снова проявил интерес.

– Ну, во-первых, потому что Андрей сидит очень близко ко мне. А во-вторых, он мне шепнул, что если я ему кину документ, то он не будет играть роль терпилы и просто сломаёт мне шею. Пользуясь здравой логикой, я сделал выбор в пользу здоровья. ПРОДОЛЖИМ! Ага. Интересно, угадаете ли вы? Этот человек шлюха! Есть предположения?

– В каком-то роде мы тут все шлюхи, Григорий, учитывая тот факт, что мы продаём свою свободу слова в обмен на крупную сумму. Но, пользуясь тем фактом, что вы уж больно точно описываете портреты людей, то смею предположить, что это вторая женщина. Дина, если не ошибаюсь. – Заключил спокойный Леонид.

– Как хорошо сказано! И это снова верный ответ!

– Не смей кидать, морячок. – Дина встала со своего места, подошла к подростку, резким движением выдернув договор.

– Последние три. Сразу прочитаю два портрета. А третий получит так, везучий ублюдок! – Подростку надоела собственная игра, энтузиазм в голосе явно пропал. – Первый портрет. Это вечно встречающийся не в свои дела ебучий дед, у которого краснеет ебасосина, а второй персонаж представляет из себя сраного невысокого гоміка-гномика!

– Господи, первый это вот он. – Леонид показал пальцем на Бунина. – А второй я, кто же ещё?

– КАК ЧУДЕСНО. КАК ПРЕКРАСНО! ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ИНТЕЛЛЕКТУАЛ! – Гриша говорил это, смотря на Леонида Скерова, но рука с бумагой пошла по другой (заранее продуманной) траектории, угадив невнимательно-му Тимуру прямо в лоб. Тот только и успел ойкнуть. Вторая рука выбросила договор Леонида, который очень удачно поймал его.

Затем Гриша посмотрел на сурового Бунина, коряво взяв оставшийся договор в руки. Подросток встал со своего места, сделал пару шагов в сторону мужчины, а потом аккуратно выпустил листы из рук, чтобы те упали на пол. – А вам, важная мистер перхоть, я кидать не буду, как и просили.

– Ах ты гадёныш! АХ ТЫ ПАДАЛЬ! А Я ЕЩЁ ЕГО ЗАЩИЩАЛ! – Союз Демьянович взорвался, не выдержав такого неуважения в свой адрес. Он резко соскочил с места, бросившись в сторону «прыща».

Мальчишка только этого и ждал. Он весело усмехнулся, начав бегать вокруг стола по часовой стрелке, чтобы всё время быть напротив разъярённого пенсионера.

Союз Демьянович всё не унимался. То он хотел обогнуть стол справа, но Гриша тут же начинал бежать в противоположную сторону. Такая же ситуация обстояла при всех потугах немолодого мужчины.

Абсманов скучаяще уткнулся в телефон. Раздражающий

поначалу цирк перетёк для него в ситуацию, с которой легче смириться, чем что-то начать предпринимать. Женщины пытались успокоить старика, говоря, что подросток на такую реакцию Союза и рассчитывает, но Бунин никого не слушал.

В какое-то мгновение мужчина сделал резкий выпад влево, подросток дернулся бежать, но Демьяныч, старый проказник, тут же вернулся в исходную позицию, резко подавшись вперёд через стол. Вот он стоит ногами на этом самом столе, возвышаясь над всеми. Его довольную ухмылку дополняла ярость в глазах. Гриша не на шутку стушевался. Такой ловкости от пенсионера он явно не ожидал. Только и делал, что стоял с выпученными глазами на месте, пытаясь сообразить, что же делать дальше.

На помощь неожиданно пришел Соловьёв. Он схватил Союза за штанину, прям со своего места. Да так ещё резко, никто не успел отреагировать. Андрей потянул дряхлую ногу на себя. Бунин потерял равновесие, но ведущий успел подняться на ноги, поймав грузное тельце.

Пострадавший не унимался, наоборот, ещё только больше распалившись. Начал вырываться, обкладывая Соловьёва всеми матами-перематами, которые смог вспомнить.

– Да успокойтесь вы! – Кричал на него Андрей, не ослабевая хватку. – Взрослый вы мужик, а ведёте себя как ребёнок! Не уподобляйтесь!

– ОТПУСТИ, СВОЛОЧЬ! НЕ СМЕЙ! НЕ ИМЕЕШЬ ПРАВА!!!! Я ГРАЖДАНИН СВОЕЙ СТРАНЫ, У МЕНЯ

ТАКИЕ ЖЕ ПРАВА, КАК И У ВСЕХ! ОТПУСТИ, КОМУ ГОВОРЮ, СУКА!

– Ну вот, приплыли. – Грустно сказал Абсманов, отрываясь от телефона. – Господа. ГОСПОДА! Мне что, снова вызывать подмогу?

– Не стоит вам этого делать. – Обратился Леонид. – У старика сердце уже того, вдруг ещё откинется, но, с другой стороны, вам придётся меньше платить.

– Мне он ещё живым нужен!

– Ещё?

– Да. Всё-таки пока вы здесь, то я несу за вас ответственность. Андрей. АНДРЕЙ! Отпустите его! А вы, Гриша, сядьте на место, хватит провоцировать людей. Хотя бы старика оставьте в покое! Всё! БРЭЙК, БРЭЙК!

5. Хитрости телевизионного проповедования

– Представители г-а говорят, что с-а движется в сторону эдема. Другие утверждают, что под эдемом подразумевается г-я камера, где в обозримом будущем человек задохнётся от новых правок. Н-ь в-и, медиа-цензура, гонения п-й р-ы и о взятом курсе – тема сегодняшней программы. – На говорившего мужчину плавно наезжала базовая камера, переходя с общего плана со зрителями в светлой студии на крупный

план. – Здравствуйте, дамы и господа. Я Андрей Соловьёв, и это программа «ОВАЖНОМ».

– СТОП! Прости, Андрюш. Тут одна... сейчас. – Сухощавая женщина с планшетом в руках обернулась в сторону зрительного зала, отыскивая глазами свою цель. – ЭЙ, ВЫ! Дамочка, что ржала во всё своё свинячье рыло! Я разве давала команду? Вы знаете, сколько будет стоить звукомонтаж, чтобы убрать ваш ржач? КОМАНДЫ НЕ БЫЛО! Будете говорить тогда, когда я разрешу, а пока сидим все тихо! – Затем женщина отдала команду в маленький микрофон, что был прикреплен к её уху. – Андрюш, давай ещё раз!

Соловьёв мотнул головой, выдохнул полной грудью, снова мотнул головой, давая сигнал о готовности.

– ИИИИИИ НАЧАЛИ!

– Представители г-а говорят, что с-а движется в сторону эдема. Другие утверждают, что под эдемом подразумевается г-я камера, где в обозримом будущем человек задохнётся от новых правок. Н-ь в-и, медиа-цензура, гонения п-й р-ы» и о взятом курсе – тема сегодняшней программы. – Снова базовая камера повторно начала наезжать на ведущего, переходя с общего плана со зрителями в светлой студии, на крупный план. – Здравствуйте, дамы и господа. Я Андрей Соловьёв, и это программа «ОВАЖНОМ».

Свет прожекторов сильно накаливал центральную площадку, где стоял ведущий с мягкими диванами для гостей за спиной. Вся съёмочная команда, состоящая не только из Ли-

дии (та самая режиссёр с планшетом), но ещё из пяти операторов, двух звукорежиссеров и охраны, что стояли в слепых зонах, контролируя весь процесс.

– Так, Андрюш, теперь представь наших гостей. – Раздался голос Лидии, поправлявшей в это время свою короткую белобрысую чёлку. Эта женщина, ровная и резкая, больше походила на мужчину, сменившего [ЦЕНЗУРА].

– Гости сегодняшней программы: главный политолог страны, Зюзиков Павел. – Камера показала крупным планом pidorkovatого мужчину в костюме. – Лидер о-й партии «СВЕТ», Валентин Несмеянов. – Тут камера показала толстого мужчину с красным лицом, чьи руки были важно сложены на животе. Валентин только кивнул. – Актёр театра и кино, Маргарита Таранова. – Пожилая женщина в элегантном платье слегка улыбнулась. – Журналист независимой газеты «Спутник», Тарас Марченко. – В объективе появился суровый молодой человек, не проявивший к камере какого-либо интереса. – И писатель, автор книг «В-ь – стихия духа и ума», «Рассвет личной империи», и «Куда ведёт путь сильных», Полынкин Игнат. – Мужчина в твидовом пиджаке с седой бородой театрально поклонился объективу.

После каждого представленного человека, зрители продолжительно громко хлопали. Лидия успела проинструктировать массовку. Пока одна камера снимала гостей, две другие фиксировали массу с разных ракурсов. Третья камера держала портретный ракурс на ведущем. Оставшиеся две

брали общий план, периодически снимая наезды.

– Так, Андрюш, теперь подлей воды. – Прошептала Лидия. Её хищные глазки следили за рабочим процессом. Она была готова в любую минуту остановить съёмку, чтобы подправить всех и вся.

– По прошествии двух десятилетий молодое поколение всё больше и больше встаёт на сторону о-и, критикуя действия Вождя. Оглядываясь на запад, они считают, что в-ь должна м-я. Новый г-й обязательно должен изменить нашу с-у в лучшую сторону, привести её к большому прогрессу и вытащить, как они это называют, н-д из консервной банки. Так ли это на самом деле или это простой террор наших врагов, которые специально хотят развалить нашу сильную д-у? Время поговорить о важном. – Соловьёв махнул своим планшетом. Послышались громкие овации.

Далее, на большом экране, находящемся за спиной пока ещё свободных диванов, появилась заставка программы с темой, после замелькала нарезка кадров общих планов с-ы, 3-й думы, р-х выступлений Вождя. Монтажер совсем разошелся, запихнув сюда же кадры со строительных площадок национальных объектов и интервью. Создавалось впечатление, что ему дали задачу приготовить вкусный винегрет, а не показать информативный концепт. Стоит отдать должное, судя по ролику, действительно создавалось впечатление в-й с-ы.

Затем кадры достояний сменились отрывками с разных м-в, кричащих людей с плакатами, их л-и, которые постоянно

находились вне милости у 3-й в-и.

Ролик закончился, но в зале никто не хлопал (опять же решение режиссёра, учитывая заключительные негативные кадры).

– Так, хорошо. Теперь запускай первого гостя. – Пока Лидию всё устраивало.

– Первый приглашенный гость является человеком, кого называют п-м р-ы. Так ли это на самом деле? Давайте спросим лично. Главный лидер о-й молодёжи. Человек, который умудрился побывать в тюрьме больше раз, чем в магазине у дома: Алексей П-в.

Заиграла основная тема телепередачи. Из-за кулис вышел ещё вполне молодой мужчина лет сорока с лёгкой щетиной и голубыми глазами. Одет он был в повседневную одежду без излишка. Улыбка его сразу вызывала бессознательную симпатию.

Имя его знал каждый, но на г-м канале его впервые произнесли вслух. Это был некий акт, который пропустила г-я к-я, чтобы доказать насмехающимся людям свой демократичный настрой, но это, опять же, только слухи. В любом случае, имя антигероя с-ы прозвучало вслух, сняв тем самым ещё одну ужимающую галочку с действующей б-и.

Несмотря на репутацию гостя, зал всё равно громко похлопал ему. Алексей уверенной походкой взошёл на миниатюрный подиум, где располагались мягкие диваны, пожал руку Соловьёву:

– Здравствуйте, Андрей. Приветствую собравшихся. Никогда не думал, что меня разрешат приглашать на телевидение, где я смогу высказать своё честное мнение. – После, всё с той же нескрываемой обаятельной улыбкой, П-в занял место на крайнем диване.

– Вот сучонок располагающий. Главное, Андрюш, спокойно с ним, без лишней симпатии или отвращения. Нужно держать марку журналистов. Мы всё же профессионалы! – Прощипела Лидия, хмурясь на моменте, когда зал начал хлопать о-у.

– Здравствуйте, Алексей. Как вы себя чувствуете после о-я? До сих пор считаете, что это заказняк? – Соловьёв решил начать с актуальной шутки.

– Спасибо, что вот так с ходу спросили, Андрей. Чувствую себя превосходно. Бег по утрам придаёт мне новый заряд с утра, вам бы тоже не помешало, знаете ли.

– Господи, АНДРЕЙ! Зачем ты его провоцируешь? Сейчас ост..., хотя, ладно, просто вырежем. Продолжай, но давай ты немного будешь придерживаться плана. – Лидия грызла кожу на указательном пальце.

– Хорошо, хорошо, намёк я принял, – дружески продолжил Андрей. – Знаете, ни для кого не секрет какой позиции вы придерживаетесь, но всё же, раз есть такая возможность, будьте добры сказать ещё раз на всю с-у по о-у каналу. Вдруг остались ещё люди, которые не совсем понимают, кто вы и чего хотите от наших д-й.

– Не вопрос, Андрей. Я человек, такой же законный г-н этой с-ы, как и все здесь присутствующие. Просто я человек, которому не всё равно на то, что происходит с моей любимой р-й.

– А извините, а что с ней такого ужасного происходит?

– Я считаю, что [ЦЕНЗУРА], которые доят наши кошельки, но ничего не делают для народа.

– Так. И?..

– И я хочу сделать так, чтобы достойный человек имел право б-я на должность г-ы г-а, а народ имел з-е п-о голосовать [ЦЕНЗУРА]! Проще говоря, я считаю свою р-у уже давно не демократической с-й. У нас не г-а г-а, а ц-ь. – Алексей закончил говорить с серьёзным выражением лица.

В зале воцарилась секундная тишина, а затем все разом вдруг взорвались. Каждая присутствующая пожилая женщина начала что-то выкрикивать. К старческим визжащим голосам примешались голоса и мужчин, а потом в их кучу запрыгнули голоса приглашенных публичных д-й. Только их крики заглушали крики людей с зала, так как у каждого имелся прикрепленный микрофон-петелька. Пока ничего нельзя было разобрать.

Соловьёв держался спокойно. Он специально оттянул немного времени, дабы о-р насладился всем гвалтом «народного гнева» в его адрес, и только потом театрально опомнился, начав призывать к порядку:

– Я попрошу у зала тишины! Подождите! Тишина в за-

ле! – Поставленным тоном произнёс Соловьев. Все голоса как один умолкли. – Давайте будем цивилизованными людьми.

– Вы сгущаете факты! – Раздался голос Полынкина Игната. Камера взяла его крупным планом. В нижней части кадра монтажер потом вставит информационную полосу с именем человека и родом деятельности. – У нас в с-е в-ы уже давно проходят честно, и это факт! Сколько камер, сколько следящего персонала? Всё у нас кристально!

– Да? А все эти камеры, следящий персонал, кому они принадлежат? Кто им платит? – Парировал П-в. Улыбка снова засияла на лице.

– Г-о естественно, но это никак не говорит в пользу о ф-и! Каждый человек имеет право наблюдать за процессом в прямом эфире, и вы это знаете.

– Да. Мои в-ы-н-и нашли десятки очевидных в-в. Записали их даже, чтобы предоставить с-у доказательства о ф-и, а с-д их признал недействительными. А потом у этих в-в! – Тут Алексей сделал драматичную паузу. – Потом у этих п-в появилась целая кипа проблем из-за вашего так называемого демократического г-а! Вот и вся демократия. Ребят, которые делают большой вклад в улучшение жизни всех нас, начали отчислять из университетов, увольнять с работ. А у одного из них даже прошел о-к, и о боже, как неожиданно, обнаружили пакет [ЦЕНЗУРА] дряни, хотя парень всю жизнь спортом занимался, никогда не преступая з-н. Подобное называ-

ется мерзкой преступностью!

Андрей только набрал воздуха в лёгкие, успев сказать звук на подобие «Мьи...», но голос дядьки с зала перебил ведущего:

– Да что вы знаете о п-е?! – Донёсся голос этого пожилого мужчины. Он сидел в третьем ряду посередине. На фоне голосов с участием микрофона его почти никто не услышал.

Андрей хотел осадить его, но голос Лидии скомандовал: «Не останавливай, пусть скажет. Попроси, чтобы дали микрофон».

– Вас не слышно. Дайте мужчине микрофон, пусть скажет. Тишина в зале!

Молодая ассистентка (проходящая практику на телевидении) появилась из ниоткуда рядом со зрительской зоной. В руках у неё блестел микрофон. Она пробралась к поднявшемуся с места мужчине.

– Пожалуйста, представьтесь! – Обратился Андрей.

– Здравствуйте. Бунин Союз Демьянович. Являюсь главой клининг-отдела в офисной части на машиностроительном предприятии. Также являюсь добровольцем, который входит в комиссию наблюдения на в-х. А ещё я люблю свою с-у! И хочу сказать этому вот мужчине, что он ни черта не разбирается в п-е! Что он раскачивает лодку, заражая умы молодёжи заведомо ложной информацией! НАША С-А САМАЯ СИЛЬНАЯ, НАШ В-Ь САМЫЙ ЧЕСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК, И МЫ, САМЫЙ СИЛЬНЫЙ И ЛУЧШИЙ НАРОД НА ВСЁМ

ЭТОМ С-Е! – Побагровел Союз Демьянович.

Зал громко заплодировал этой вдохновляющей речи. Снова слышались выкрики с места. Соловьёв только мотнул головой, ожидая, когда все успокоятся. По опыту он знал, речь с зала занимает меньше восхищения.

– Спасибо вам, Союз Демьянович за честное мнение. Многие очень польщены вашими словами. – Закончил с Буниным Андрей.

– Бедный человек... Вы не понимаете, что говорите. Вы полностью п-ы классической а-й. Вы представить не можете, насколько сейчас неинформативно прозвучали. – Спокойно сказал Алексей, смотря прямо на Союза. Тот, в свою очередь, только что-то шевелил губами, краснея лицом, но слышно его не было.

– То есть, любовь этого человека к своей о-е для вас является а-й? – Встряла актриса Таранова. Теперь камера вырывала её крупный план.

– Так вступили бы в з-ю п-ю и боролись честно! – Вставил свои копейки Валентин Несмеянов, лидер п-и «СВЕТ».

– Да, Алексей, почему вы просто не вступите в п-я п-ю и не начнёте свою п-ю борьбу, вместо того чтобы устраивать свои н-е м-и, становясь вечным гостем тюремных камер. – Это уже Соловьёв подхватил.

– Я, в отличие от вас, действительно люблю свою р-у. Желаю для неё только лучшего. – Начал П-в, но зал снова оживился, не дав продолжить.

– Тишина в студии!

– Да, спасибо, Андрей. Так вот, я люблю свою р-у и хочу, чтобы она процветала. Поэтому замечание Тарановой считаю неуместным. А по вопросу п-и, разве в наш век кто-то ещё верит в такой бред, как о-е п-и? Не смешите меня. Все эти нахлебники являются актёрами большого театра. И не более. Нанятые, чтобы только создавать видимость борьбы! Вы, н-д! Спросите, откуда все эти п-и кормятся? Так вот, не утруждайтесь! П-и даже самого низкого ранга, которые кое-как умудряются набрать ноль целых одну сотую процента на в-х, все эти ненужные люди кормятся за счёт н-в г-н, а все н-и принадлежат сами знаете кому. Вот и делайте выводы! – Яро закончил Алексей в нарастающем оре возмущённых голосов.

– ДА КАК ВЫ СМЕЕТЕ?! МЕНЯ! ОБВИНЯТЬ! В ПОДОБНОМ ЦИРКЕ! – Кричал Валентин Несмеянов с правильной расстановкой ударений и правильной интонацией.

– Я вас не обвиняю, а говорю внутренние правила устройства с-ы. – Спокойно отозвался Алексей.

– А ГДЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА?! ГДЕ?! – Не унимался п-к.

– У меня на канале и в личной документации.

– ТАК ПОЧЕМУ ТОГДА В С-Д НЕ ПОЙДЁТЕ СО ВСЕМИ ОБВИНЕНИЯМИ?

– Не смешите н-д, Валентин. Мы все знаем, что меня игнорируют по всем вопросам. Вспомните хотя бы тот факт,

что местные органы в-и отказались возбуждать у-е дело по вопросу п-я на меня. Вы все – повязаны, вот и всё.

– Зал, тише! Слово Павлу Зюзикову. – Андрей всё больше давал говорить гостям, стараясь чаще оставаться в стороне. Как-то один критик из шоубиза высмеял, как Соловьёв всё время пытается доминировать над гостями и залом, пытаюсь тем самым, цитата: «Компенсировать своё тяжелое детство, где все его мешали с грязью из-за полнейшей заурядности».

– Спасибо, Андрюш. Построй ты всех этих любителей покричать. – П-г в шутку повернулся к залу, с улыбкой грозя кулаком. Послышались смешки. Градус спал. – Так вот, возвращаясь к вам, Алексей. Вы хотите сказать, что в других с-х лучше? Вы хотите всем нам сказать, что з-д со всей своей прокисшей pederastiey, потерей института брака лучше, чем мы? Вы ведь хотите очень развитое общество, а развитое общество сейчас – это человек, который вычеркнул свой б-й п-л, завёл себе т-ю ж-у; человек, который преклоняет колено перед каждым б-м, который родился с другим ц-м к-и. Вы этого хотите для своей р-ы?

– Послушайте, Павел. Да и вообще я обращусь ко всем, кто смотрит передачу. Я уже много раз повторял, но придётся, походу, повториться снова: мне плевать, что происходит в других с-х. Мне без разницы перед кем и кто преклоняет колено. МНЕ! ВАЖНА! МОЯ! С-А! Мне не важно, что происходит у других. Меня пугает, что происходит здесь. Да, у з-а большие проблемы с собственной с-й. Эта с-а переступила

черту адекватного равновесия, всё полетело у них к чертям. Но это совершенно другой вопрос. А мы сейчас говорим о такой вещи, как С-Е В-Ы! Мы называем эту с-у демократической, но вся наша демократия – это возможность выбрать, где купить себе трусы, да какой есть хлеб. Выйдите на улицу, походите по мусоркам ближайших супермаркетов, насладитесь прекрасным зрелищем, как бабушки и дедушки п-я по п-м! Запомните эти кадры, ведь такое будущее может ожидать любого из нас, учитывая нашу мёртвую э-у, беря в расчёт наше образование и всё медиапространство, которое нас окружает. Из нас выращивают р-в! – Закончил Алексей.

Привычная волна свинячьего ора вновь ударила по ушам. Соловьёв собирался мощно гаркнуть, учитывая, что в микрофоне он услышал недовольную нецензурную брань Лидии. Но из общего гомона начали выделяться отдельные голоса, которые скандировали одну и ту же фамилию.

– Не останавливай ни в коем случае! – Первая среагировала режиссер.

Соловьёв присмотрелся. Камеры уже взяли крупным планом группу молодых людей, успевших снять свои футболки, а на груди каждого было по одной букве. Вместе они образовывали фамилию: «П-В».

Молодые люди держались плечом к плечу. Зал стих. Головы были повернуты в сторону нарушителей. Молодые рты громко и яро скандировали: П-В! П-В! П-В!

– Боже, у меня что, сегодня праздник? – Снова дала о се-

бе знать Лидия. – Так, Андрюша, сейчас тебе нужно прекратить этот балаган. Сначала Алёшеньку нашего подколи, чтобы гнев от такого зрелища лёг на его голову. Затем попроси охрану вывести нарушителей. Группа готова.

– Алексей! АЛЕКСЕЙ! УСПОКОЙТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, СВОИХ П-Х СТОРОННИКОВ! А ТО ИХ П-Я УЖ БОЛЬНО СИЛЬНО БЬЁТ ПО УШАМ!

П-в сидел с красным лицом, не говоря ни слова. Он смотрел в одну точку, ничего не предпринимая.

– Охрана! Можно охрану пригласить? Выведите нарушителей из зала! – По сценарию пролепетал ведущий с озабоченной физиономией.

Трое взрослых мужчин в чёрных майках деликатно устранили зачинщиков.

– Алексей. Я журналист газеты «Спутник», Тарас Марченко. Скажите, пожалуйста, вы ребятам этим проплатили акцию или это их добровольный акт?

– Конечно он проплатил! Л-К! – Это уже Полынкин.

– Игнат, прекратите, все и так знают, чья вы к-а. – Спокойно ответил Алексей. – А отвечая на ваш вопрос, Тарас, я скажу, что не имею никакого отношения к подобной акции несовершеннолетних лиц. Во-первых, нужно задать вопрос организаторам данной программы: зачем они вообще их пустили как гостей? Во-вторых, подумайте сами, ведь это глупо и нелепо выглядит. Такая акция только компрометирует меня, а стал бы я сам себя ставить в такое положение? В-

третьих, вся ситуац...

Снова прогремел возмущённый гогот почти сотни голосов. Такое в эфире редко когда бывало. Журналист газеты «Спутник» только сочувственно кивнул Алексею. Вся эта телепрограмма начинала походить на полнейший цирк. Причём впервые Лидия позволяла толпе так ярко создавать негативные волны. Её замысел начинал читаться вполне ясно.

П-у стоило догадаться, что приглашен он был в эту передачу, на этот г-й к-л только затем, чтобы его публично смешали с грязью. Чтобы миллионы людей увидели, как целая орава таких же, как они, ненавидят человека, который возвращает чужих детей, подставляя их под дубинки. И что хоть этот незаконный л-р является таким ужасным человеком, но посмотрите мол, на Вождя и всех, кто с-т г-у. Посмотрите, увидите, господа, как мы т-ы. Как мы не стираем в порошок такого провокатора-террориста и изменника, а даём ему слово на всю с-у. Но с-а его не любит, не навести ему здесь свои pidorskie порядки.

– СТОП! Перерыв. – Это Лидия гаркнула всё в тот же микрофон, только переключив связь с наушника Андрея на общие колонки. – Зрители сидят на своих местах. Гости программы, и ты Андрюш, можете перекурить. Через десять минут продолжим. – Режиссер отключилась, а потом, вспомнив то, что хотела ещё добавить, снова включила. – И да, ещё. Обращение к залу: когда начинаете возмущаться, возмущайтесь по группам! Вам ясно? Когда слишком много голосов

начинает кричать, то невозможно различить ни слова. А возмущение должно быть более конкретизированное. Это всё.

Лидия, Соловьёв, Несмеянов и актриса Таранова отправились перекурить на улицу. Нелюбимый всеми Полюнкин увязался следом. П-в же остался сидеть на гостевом диване с круглыми глазами и непониманием на лице.

После перерыва были ещё всякие мелкие л-ы-о-ы, которые говорили на один манер. В основном цеплялись по всяким мелочам, например: в-я п-а. Но она мало кого интересовала. Все мнения сводились к тому, что главное, чтобы не было в-ы, а нынешний В-ь с этим блестяще справляется. В остальном можно потерпеть. Пыл Алексея поубавился, да и Соловьёв потерял к нему интерес по наставлению своего кукловода.

Громкий сет диджея обволакивает приглушенное пространство. Цветовой шквал стробоскопов бежит по стенам, вырывая различные лица, но только чтобы снова погрузить их в инкогнито.

Из люксовой уборной выходит Андрей со спутницей. Они познакомились пятнадцать минут назад. Если говорить совсем уж откровенно, то «спутницей» назвать её тяжело. Скорее образ жизни этой красивой блондинки соответствует слову «нахлебница», а ещё «вертихвостка».

Очередная провинциальная юбка, которая не прочь перепехнуться со знаменитостью, нахалюву [ЦЕНЗУРА], а в са-

мом идеальном случае, ещё поехать к нему домой, чтобы окончательно воткнуть свои коготки в толстый кошелек и жизнь, о которой так все мечтают.

Но как обычно бывает, после [ЦЕНЗУРА] вперемешку с грязным сексом в очень чистом туалете, каждый умный мужчина теряет интерес к такой особе. Есть даже негласное правило поведения, когда нужно ещё немного поговорить, посмеяться, заказать ей дорогой коктейль, а затем, под общий шум и гам веселья, раствориться в толпе, ища себе новую жертву. Так случилось и сейчас. Соловьёв обнимал эту стройную тушку, услужливо шепча комплименты, но мысленно был давно недосыгаем.

Их тени накрыли стойку бара. Ведущий заказал её любимый коктейль (на этой информации они и познакомились), а через десять минут уже вытанцовывал с другой особой, шепча уже ей обольстительные речи.

Вход в такой клуб стоил немалых денег. Основным контингентом, как уже догадался зритель, были богатые, зачастую небезызвестные люди. Также в список посетителей входила золотая молодёжь и их друзья. Если походить по столикам, да заглянуть в разные тёмные уголки, то можно встретить п-в, дикторов радиопередач, писателей третьей свежести, а ещё управляющих различных забегаловок.

Андрей снова отлучился в туалет. Словно в кино, он в очередной раз достал маленький пакетик с дрянью, всё с той же театральностью, с особо аккуратным отличием, свернул

крупную купюру в трубочку, благополучно [ЦЕНЗУРА]. После, как ни в чём небывало, он воспользовался туалетной комнатой по её изначальному функционалу.

Ледяная вода из крана перебила приглушенный звук музыки за дверью. Прохладность озарила лицо ведущего своей ясностью. Он всё ещё продолжал стоять на одном месте. Торопиться было некуда.

Приглушенная музыка разорвалась шумом, но быстро вернулась в фоновый режим. Некто из сегодняшних гостей зашел в уборную. Андрей не стал поворачиваться в сторону незнакомца, продолжая изучать собственные черты. Послышался тихий звук струи. Шум воды в бочке. Лязг дверцы кабинки. Рядом с [ЦЕНЗУРА] мужчиной появляется силуэт.

Только сейчас, периферийным зрением, Соловьёв уловил внешность гостя. Лицо мужчины представилось истощенным, всё в морщинах, но глаза выражали только спокойствие и уверенность. Костюм на туалетном госте сидел отлично, фасон старомодный (как любят говорить культурные люди за тридцать плюс). Писк в голове ведущего прошел, способность мыслить вернулась к нему. Первый же электронный импульс напомнил ему, что это пожилое лицо является более чем знакомым.

Рядом с ним стоял Понтыненко Антон Арсеньевич. Лицо г-е, деловитое, играющее большую роль в медиaprостранстве. Сам лично он никогда не был знаком с этим большим человеком, но информации и слухов ходило много. Неко-

торые выступления Андрей видел по телевизору, когда был куда стройнее, моложе, а денег в кармане имелось намного скуднее.

Ведущий совсем забылся. Всё пялился на седоватого мужчину, немного хмурясь. Когда же его воспоминание закончилось, то он поймал вопросительный взгляд Антона Арсеньевича. Деваться некуда, это Андрей понял сразу, по крайней мере, в его представлении вся сцена, его это поведение, были крайне грубы с такой-то личностью. В голове мелькнула мысль, что за подобную грубость Понтыненко может снять его с поста голоса г-а.

– Антон Арсеньевич, верно? – Начал мужчина издали, опустив глаза.

– А вы Андрей Соловьёв, один из самых знаменитых телеведущих. – С улыбкой ответил Понтыненко.

– Ну не так чтобы...

– Не прибедняйтесь, мы оба это знаем. – Сверкнули игривые глаза.

Повисла пауза, за которую Соловьёв успел обдумать не так, что уж очень много. Но за этот отрезок неловкого молчания он успел решить для себя, что сейчас есть отличная возможность спросить в-е лицо о чём-то таком, о чём в обычной ситуации было бы невозможным ввиду информационной этики.

– Вы уже видели на площадке, – старомодно выражаясь, начал Антон Арсеньевич, прервав умственные потуги своего

собеседника, – Алексея П-а?

– Нет! – Удивлённо ответил ведущий. – А что этому врагу н-а делать здесь? Как его вообще сюда пустили?

– Ой! Снимите уже своё амплуа со своего [ЦЕНЗУРА] лица. Не нужно разбрасываться подобными выражениями, как «враг н-а». Вас ведь никто не снимает. Алексей, между прочим, очень даже умный человек. Хороший игрок.

– В каком ещё плане игрок? Да дело тут не в камерах и не моём сценическом образе. Мы ведь сейчас говорим не о тех актёрах, которых нанимает наш продюсер для бытовых душераздирающих историй. Здесь реальный о-р, чья главная слава складывается среди детей, да тех, кто не смог устроиться хорошо, кто вынужден прозябать на ужасной работе всю свою жизнь!

– Да ладно вам, бросьте. Неужели вы действительно так считаете? – Понтыненко достал из кармана пачку сигарет, учтиво предложив Соловьёву. – Курите?

– Да, спасибо, но здесь нельзя, придётся выходить на улицу.

– Не придётся. – Антон Арсеньевич плавно, но энергично ретировался к двери, приоткрыл её. Сквозь звуки громкой музыки послышался еле уловимый голос, а когда дверь снова закрылась, то мужчина стоял на прежнем месте.

Движения его выглядели обычными и естественными, но в то же время создавали чувство присутствия некой inferнальной значимости. – Так что, закурите? Уверю вас, пока

я не дам команды, ни один человек сюда не зайдёт, и ни один человек отсюда не выйдет. – Всё с тем же спокойствием продолжил он.

– Ну, раз вы так говорите, значит, так и есть. Благодарю. – Соловьёв принял сигарету, а в знак благодарности сначала поднёс уже приготовленный огонёк к сигарете своего властного собеседника, только потом подкурив себе. Словосочетание «ни один человек не выйдет» его особо не смутило.

– Так что вы скажете?

– М? – Андрей непонимающе поднял бровь, затыгиваясь.

– Неужели вы так считаете?

– А, вы про это? Ну а что тут считать? Есть тип людей, которые вечно ноют. Таких много, но есть индивидуумы, которые своё нытьё могут приурочить к какому-то движению. Таких я уважаю, но не симпатизирую.

– Почему вы им не симпатизируете?

– Зачем мне симпатизировать человеку, который идёт против руки, которая меня кормит?

– Вот то-то и оно. Правда, видите ли, в чём загвоздка, вы не проявляете симпатии к человеку, который так же, как и вы, кормится с г-й кормушки. – Кокетливо улыбнулся Понтыненко.

– Подождите... В каком это смысле кормится из общей кормушки? Он ведь живёт за счёт к-х денег школьников на обед. Его урожай – донаты.

– Эх, мой неосведомлённый друг, я так понимаю, подоб-

ной информацией больше не вооружают глашатаев нашего порядка... Предсказуемо, меньше утечки.

– Знаете, я не совсем дурак. Не хочу знать больше положенного. Так что, если вы...

– Уже начинаете бояться за собственную жизнь? Понимаю. Могу вас заверить, разговор наш имеет крайне конфиденциальный характер, и я гарантирую вам, неприятностей у вас не будет, если вы сами не наслёте их на себя. К тому же, я говорю не так, чтобы уж сверхтайну. За такое не расстреляют ни меня, ни вас.

Обе сигареты дотлели. Понтыненко учтиво забрал бычок собеседника вместе со своим, смыв в унитазе. Рука метнулась за пачкой. Андрею снова была предложена сигарета, но он отказался, поэтому Антон Арсеньевич закурил в одиночестве.

– Но упечь могут?

– Могут. Причём очень надолго. А вы собираетесь разболтать всё, что услышите направо и налево?

– Никак нет, Антон Арсеньевич. Но уши есть везде.

– Тут не поспоришь. – Мужчина снова подмигнул ведущему. – Так вот, по поводу твоего нелюбимого Лёшки П-а. Эх, Лёша, Лёша...

– ...

– Как тебе такой факт, что всеми известный бандит, баламут, растлитель п-х умов и л-р незаконной о-и, является всего лишь хорошим п-м актёром, которого наняло г-о?

– Что за бред! Простите... [ЦЕНЗУРА] совсем нервным сделал. Вы меня простите, но...

– Вы извинились уже два раза, причём в обоих случаях этот жест этикета не имеет серьёзных обоснований.

– Пр... – Снова осёкся Соловьёв, мысленно обругав себя за то, что выставляет себя идиотом. Обоснования так полагать у него были, иначе вёл бы он себя как наивный мальчишка. – Я просто хочу сказать, что услышанное представляется мне вещью абсурдной и несуразной. Уж пр... за такую прямолинейную критику. Но, с другой стороны...

– Вот именно. С другой стороны, у тебя нет причин мне не верить. Согласись, ты мальчик взрослый, неужели ты не считаешь такой подход, не считаешь такой план выдающимся? Сам рассуди: последнее, что люди могут ожидать, является именно этим. Абсурдом. Идеальное преступление. Выдающаяся игра лучших умов.

– Но если это так, то, то в чём смысл? Зачем г-у создавать себе врагов? Зачем нам человек, который идёт против своей же в-и? – Тут уже Соловьёв достал свою пачку сигарет. Нервно закурил, погрузив свой ум (а вместе с ним и взгляд свой) в глубокое размышление.

– Всё проще, чем кажется, товарищ Соловьёв. Неужели вы думаете, что г-у плевать на ту маргинальную (так будем называть тех, кто предаёт действующих п-в, критикуя их подход у-я с-й) часть общества, на всю эту б-ю и недовольную молодёжь? Если да, то вы полный дурак, уж простите за гру-

бость. Мудрые люди, – Антон Арсеньевич тыкнул указательным пальцем вверх, – там сидят. Совсем не дураки. В-ь и его свита знают, что у всего есть предел.

У народа есть точка кипения, когда огромная масса, все эти недовольные и обиженные, могут в-ь, пойти на отчаянный шаг, начать р-ю! Любая р-я обходится очень недешево, как для устроивших её людей, так и для г-а, против которого пошла противодействующая сила. Убытки колоссальные, а если ещё упустить некоторые детали, то можно и вовсе оказаться головой на п-е.

Вы должны понимать, что такой исход нашим г-м уж точно не нужен. Поэтому исторически сложилось, что наши предшественники начали придумывать себе мнимых в-х в-в, наполняя головы людей д-й по поводу н-х отношений, несуразных з-в там. Да и вообще, главное, чтобы не в-а! Хе-хе. Дальше – интересней.

Последующие поколения пресытились подобной ересью, стали более избирательны к информационной платформе. Начали проверять там всё, сопоставлять факты и выяснили, что их попросту, если и не дурачат, то очень сильно приукрашивают действительность. Что делать в таком случае? Правильно. В голову пришла идея создать в-о в-а! Да не просто в-а, а такого человека, который смог бы объединить всех несогласных в одну большую группу, возымев над ними авторитарно-доверительную в-ь...

– Но если это так, то в чём г-у от этого прок? Ведь тот же

П-в только и выполняет что роль занозы в заднице. М-и свои устраивает, всё о е-е тут грезит.

– А вы разве не грезите? Только не говорите мне, что когда вы выйдете на пенсию, то не уедете на какое-нибудь Га, где у вас уже куплен домик. Не занимайтесь лицемерием, по крайней мере, при мне. Всем не уехать, но вот в-и рано или поздно могут себе позволить жизнь, о которой принято молчать в целях п-о кредо.

– Ладно, хорошо. Но смысл-то должен быть. Что, этот хрен потом сдаёт информацию об участниках? Стравляет их с г-м, чтобы то показало свой большой болт?

– Ха-ха! Какой вы наивный, мой мальчик, ну ничего. Всё гораздо элементарнее! Вот смотрите, будем опираться на пример с Алёшенькой. Он берет всю концепцию своего мнения супротив г-у. Он громко кричит, что все они в-ы, л-ы. Народ тяжело обмануть, поэтому в свою негативную информативную базу он вкрапляет информацию д-ю. Про отдельных в-х ч-в, про несправедливость з-я какого-то там лица. Причём, всю д-ю базу выдаём ему мы.

Все эти детишки начинают восхвалять новоявленного героя. Ах, посмотрите, человек чести и слова. Они полностью погружаются в это с-е; в отстаивание своих г-х п-в. Алексей, как и подобает хорошему актёру, весьма детально погружается в свою роль. Иногда смотришь на его блогги, его поведение и думаешь, а не соскочил ли наш человек? Не заигрался ли случайно? Но нет, это просто мастерство! Наш Лёша

идёт строго по написанному сценарию. Сначала этот сценарий коренного р-а. В следующей главе Лёша должен будет немного смягчиться. Он начнёт очень плавно и нежно вносить поправки всем п-м в-м.

На следующем этапе он начнёт изредка кого-то хвалить за конкретные (очень редкие, скажем так) поступки. Потихонечку, шаг за шагом, мы придём к тому, что все эти борцы превратятся в наших невольных союзников и всё останется на своих местах. Вот так вот. Я даже не исключаю такой вероятности, что может Лёшу когда-нибудь придётся п-ь за стол п-я, может роль его будет чуть ниже, но сам факт, что это будет тот же самый В-ь – остаётся неизменным. И все они идут по написанному сценарию...

– Так получается, кто же тогда пишет этот сценарий?

– А это уже высшая г-я тайна. Если бы я вдруг решился вам её рассказать, Андрей, то не смог бы, ведь следующий информационный абзац мне недоступен. Я, по сути, то же являюсь мелкой сошкой. Просто исполняю то, что говорят, не более. Но благо для меня скоро всё закончится, и поминай как звали. – Тут Понтыненко будто бы опомнился, посмотрел на часы и, хлопнув по плечу Соловьёва, направился к выходу. – Если вдруг вам всё же станет интересно, то пройдите на второй этаж к бару, а потом посмотрите на самое дальнее ложе, скрытое в полумраке. Увидите очень занятное (разумеется, для вас) зрелище. Счастливо, берегите себя.

Антон Арсеньевич стукнул три раза в дверь. Она момен-

тально распахнулась, а затем силуэт его исчез в общем зале.

Соловьёв ещё минут десять не выходил из уборной. Заправившись [ЦЕНЗУРА] и умывшись, он вышел на звук музыки, но на этот раз, заказав себе коктейль на первом ярусе, неспешно двинулся на второй.

На втором этаже Андрей был пару раз, хоть и являлся частым гостем заведения. Только однажды, как-то в свой день рождения, он арендовал за колоссальную сумму ярус для своих друзей, в основном коллег по работе, где они и [ЦЕНЗУРА] до потери сознания, развлекаясь с приглашенными проститутками. А второй раз уже и не вспомнить.

Сев на крайний стул рядом с молчаливым барменом, как бы между делом мужчина всмотрелся в тот самый угол, про который говорил ему Антон Арсеньевич.

Вокруг стола сидела группа мужчин. Андрей присмотрелся в их лица. Через пелену полумрака он узнал П-а, а вместе с ним сидели все те персонажи, которые ещё сегодня днём его же критиковали и ненавидели.

Валентин Несмеянов хлопал Алексея по плечу. Тарас Марченко смеялся во все свои зубы над шуткой Полинкина. Все они были дружны, пьяны и веселы.

Запой, с точки зрения бытия, интересная штука. Отдельно взятый субъект по доброй воле оказывается замкнутым в сакральном круге, где ужасное состояние похмелья заставляет совершить всё тот же акт употребления.

После двух рюмок водки (если субъект пил водку) организм снова обретает «эластичность». Мысли восстановленного существа возвращаются в своё (более-менее) привычное состояние. На данном этапе происходит самый переломный момент, когда у застрявшего появляется выбор: взять себя в руки, то есть, больше ни грамма, остаточная головная боль скоро пройдёт. Либо сделать себе поблажку, выпив третью рюмку. Естественно, второй вариант соблазнителен. Из этого следует, что очень много добропорядочных граждан попадает в коварную ловушку, тем самым медленно, но верно спиваясь. Что уж тут говорить, когда алкоголь стоит дешевле, чем хлеб для ЗОЖ. А тем более разговор не имеет смысла, если вспомнить историю человека и его главный фундаментальный смысл, то есть, равным счётом НИ-КА-КОЙ.

Проблем с финансами у Соловьёва нет, да и откровения от загадочного Понтыненко не произвели на мужчину должного впечатления. Точнее, произвели, но не настолько, чтобы бросаться в омут собственных кошмаров. Андрей просто любит алкоголь и [ЦЕНЗУРА]. В этом нет ничьей вины.

Несмотря на визуальную благополучность, Андрюша уже очень давно страдал вопросом своего старения, одиночеством человеческого бытия, и непреодолимым чувством потери ориентира.

А вообще, всё это ложь и отговорки, ведь ведущий сам от себя пытался скрыть тот факт, что услышанное неделю назад

откровение сыграло свою роль, но не как сам факт п-й игры, а скорее, как эта правда показала наигранность мира, к которому Андрей себя приписывал, а именно: журналистики.

Тяжело смириться с тем, что ты живешь в так устроенном обществе, где всё уже решено. Где ты являешься всего лишь куклой. Эта разрушающая мысль имеется не только в контексте самого Андрея и его поля деятельности, она охватывает большой пласт человеческого существования в целом.

Как нужно чувствовать себя, когда окружение представляется цельной математической задачкой, в которой цифры и применяемые формулы стоят на своих местах, и что ты не делай, какую сторону ты не принимай, а смысл остаётся одним.

К мыслям Соловьева начали примешиваться и биологические просчёты. Перед глазами всплыла карта его жизни, где он сделал так мало настоящего в своём «сейчас», а в пространстве «потом» не так, чтобы ему светило оптимистичным знаменем. А раз так, то получается, весь его путь, вся его недолгая жизнь – не имеет ровным счётом никакого смысла.

В эти алкогольные ночи, когда тело его уставало употреблять, пить и машинально топорно заниматься онанизмом на первое попавшееся эротическое видео, голову Андрея атаковывали кошмары, заставляя поутру снова напиваться, чувствуя своё нутро пустым, да и в целом, просто несчастным человеком.

Передача с его участием выходила каждый день без опозданий. Благо технологии достигли такого пика, когда графика и нейросеть полностью научились симулировать эту паршивую реальность. Только цифровой Андрей смотрелся на экране не так естественно несовершенно, а чуть более строже, с идеологически-текстурным привкусом.

От этого ведущий почувствовал себя ещё более никчёмным и ненужным. Зачем, дескать тогда, он вообще нужен, если умная машина и так делает всю его работу? Какая-то бессмыслица. Всё только потому, – думал Андрей, – что народ наш больно суеверный. Всё любит цепляться за прошлое, опасаясь пользоваться дарами нового времени. И это, скорее всего, единственная причина, почему такие как он ещё востребованы в массовой медиакультуре, да ещё разве что прописывать диалоги не надо – экономия времени. Всё!

Сегодня он бы снова напился, провалившись с головой в своё несчастье, в свой экзистенциальный кризис, но запасы алкоголя иссякли. Зато, вместе с этой «трагедией пропойцы», пришло светлое осознание о невозможности дальше волочить такое жалкое существование.

Отложенных денег должно хватить до конца жизни, – рассуждал мужчина, силясь не заплакать от жалости к себе, – не так, чтобы на роскошный остаток. Но кто сказал, что нельзя найти работу там, в маленькой с-е туземцев, где у него куплен маленький домик? Можно устроиться барменом или стать продавцом в какой-нибудь лавке. И вот так, уподобив-

шись великому бессмертному Артуру Р., уйти на покой из творческого, такого порочного мира.

Романтизм немного успокоил Андрея. В сложный похмельный час он точно решил для себя, что именно так и должно быть.

Полное безумие, вот так просто бросить свою сытую и устроенную жизнь. Отправиться туда, где должен был оказаться в более позднее время. Стать никому неизвестным, тихим человеком, ищущим покоя.

Вот он принимает душ. Наспех, под бой мигрени, руки его переворачивают вещи в поиске только самых памятных и необходимых вещей. Между делом Андрей успеваает позвонить доверенному юристу, загрузив всей необходимой работой для продажи хотя бы этой шикарной квартиры.

Звонить своему непосредственному начальнику на телевидение Соловьёв не собирался. Для себя он решил, что так будет интереснее. Потом он всё же признался себе, что ему страшно это делать, да и не хочется объяснять обстоятельства. Не хватало, чтобы все эти дядьки и тётки потом смеялись над ним долгими вечерами на своих фуршетах. Лучше уйти не попрощавшись, оставив в головах недоумение и осадок таинственности.

Всё было решено. Осталось только купить билет. Андрей дал себе немного форы, отложив покупку «в один конец» на завтрашний день. Сегодня же ему оставалось только продолжать грезить о своей будущей жизни (сам факт, что теперь у

него появилось мнимое новое будущее – сильно приободряло), да ещё и, гордо отказавшись от алкоголя, просто скромно понюхать [ЦЕНЗУРА]. Так, чисто взбодриться.

Доставка на дом сегодня не работала. Как сказал «диспетчер», по большим праздникам они не работают. На предложенную надбавку втрое, дилер только хмыкнул в микрофон трубки, заявив, что дело тут не в деньгах, но в безопасности. «Сегодня В-ь приказал веселиться и быть на празднике, значит, так и должно быть. Все отклоняющиеся от своего законного отдыха только вызывают подозрение». Но вот старую добрую 3-ю один из курьеров оставить может, правда заплатить придётся вдвое больше, да и точка схрона будет не из списка «для лучших клиентов», а скорее «для назойливых борзых».

Делать нечего. Нос Соловьёва начал нервно зудеть от услышанного, но мужчина быстро успокоил его, согласившись на условия.

Через час, после того как уже бывший ведущий перевёл деньги, пришла смс с уведомлением места, где будет оставлен пакетик. Как же неприятно! Все эти смс, 3-и... Сразу вспоминаются ушедшие в историю годы баловства.

Одевшись как щёголь, и положив порядочно наличных купюр во внутренний карман, Андрей вышел из дома. Как бы в назидание самому себе, мужчина не стал брать ни элитного такси, ни простого. Это был его первый шаг на пути к простой жизни. По крайней мере, в его голове это выглядело

именно так.

Заначка ждала Соловьёва в районе пяти квадратов. Скорее всего диспетчер скинул заказ на свою шестёрку, жившую поблизости. Тут говорить наверняка нельзя, но накопленный опыт подсказывал именно такую трактовку.

Андрея не удивился, если б его «к-н» з-л пакет прямо в мусорку у своего же подъезда. Дел на минуту, а в кошелёк сразу несколько кусков электронной валюты. Бизнес цветёт и пахнет, но далеко не цветами.

Погода стояла потрясающая. Ничего не могло испортить настроения, пока в злополучном квартале имени Морфенко, Андрей не угодил в историю, о которой нужно молчать в обществе, если дорога собственная жизнь. Что мы и сделаем, вовремя замолчим.

Диалектика овального стола (6)

Тишина. Глаза всех этих людей, не считая самого Абсманова, были прикованы к своим договорам. Даже Гриша старался не пропустить ни одной буквы в своих документах. Каждый пытался удостовериться в прозрачности условий, где будет стоять его подпись.

Союз Демьянович нацепил на нос очки, губы его шевелились в немом повторении прочитанного. Золотовы посматривали в бумаги друг к другу, сравнивая сумму и всю закон-

ность распределённых средств. Тимур о чём-то злобно бубнил матери в ухо. Мышкин, как и Дина, делали вид, что вчитываются, но походу им было не так чтобы важно. Соловьёв поставил свою подпись и просто любовался ею. Лёша Гундаев крутил листочки, вперившись своим взглядом в пустое пространство. Лёня с Мишей по обыкновению перешептывались и чему-то ехидно смеялись.

– Вроде всё в порядке. – Сделал за всех вывод Бунин, снимая очки и убирая их в свой дешёвый футляр цвета меди.

– А как иначе? Всё-таки контракты г-е. – Чуть наигранно обиженным голосом рапортовал Фёдор.

– Несомненно, несомненно. – Зароптал Союз.

– Вот именно, что контракт с г-м, как договор с дьяволом. Вы уж меня простите, но у вас чёрт возьми что происходит. Это не критика, а так, беспристрастное, если так можно выразиться, наблюдение. – Это уже Соловьёв.

– Да вы что, Андрей, зачем же так говорите? Не бойтесь, что пройдёт слушок и вас попрут с канала? – Золотова, под дурманящим запахом денег, забыла все претензии и обиды.

– Не бойтесь. Я там без самого себя отлично справляюсь. Ха-ха. Да и мы уже обсуждали этот вопрос. Вы не забывайте, что в эти контракты входит полное молчание обо всем, что вы здесь услышали или произнесли. Так что, пляшите хоть раком.

– Ну, или вам надают по вашей сраколке. – Весёлый Гриша улыбался женщине во все зубы. – Даже могу помочь, если

попросят. Вы вроде как...

– Да. Она это любит. – Добавил Тимур.

– Да как ты смеешь! – Заорала Ольга на Гришу. – А ты тем более! Родную мать... – Посочувствовав самой себе, влепила сыну очередную пощёчину, к которой тот был готов.

– Ну что, кто куда потратит свалившуюся халявную зелень? – Продолжил подросток как ни в чём не бывало.

Глаза всех, в непроизвольной своей свободе, по рефлексу дёрнулись влево вверх, выискивая в памяти сокровенные желания, которые раньше не могли исполниться.

– Ну, чего молчим? Мне снова начать? Ах, вы мои маленькие сыкунишки, хе-хе. – Гриша облизнул губы, откинулся на стуле, балансируя только на задних ножках. – Вот я куплю крутую тачку, буду снимать лучших элитных проституток, да закажу голову одного мудозвона. По поводу элитных проституток, Дина, девочка, прости, нам с тобой не по пути.

– Не переживай, малыш. С этими деньгами я пришью себе огромный дилдак и поймаю тебя в твоё дерзкое очко. – Дина добродушно оскалилась.

Союз Демьянович уж больно затейливо начал хохотать, трогая себя за подбородок и краснея лицом.

– А если серьёзно, – продолжила Дина, – то наконец брошу свою профессию, открою маленький магазинчик. Буду и хозяйкой, и работницей...

– Будешь хлебом торговать и семечками? – Подросток не издевался, по крайней мере, тон его был серьёзным.

– Что? Нет. Ха-ха, ты что, дурачок. Я ничего не смыслю в продажах питания. Я открою секс-шоп.

– Здорово! А я вот открою ресторан! – Ольга радостно оживилась.

– Да, откроешь. Только вот половину денег ты вложишь из тех, что украла у собственного сына! – Всё не унимался Тимур. – А я вот на эти деньги собираюсь съехать от тебя. – Подытожил он, грозно, но с жалостью посмотрев на мать.

– Так всё это только ради тебя! Ведь унаследуешь потом бизнес, скажешь мне ещё спасибо!

– Ага.

– А я вот... Я вот просто буду жить и вкусно питаться. А ещё смогу покупать хорошие холсты... – Проблеял мечтательно Мышкин, застенчиво улыбаясь, ни на ком не задерживая взгляда.

– БУФДУ ФЖИЗТЬ И ФКУВСНО ПЯТАТЬСЯ! – Передразнил его Гриша. – Хорош бубнить, индюк! Всю свою жизнь так и проямлишь! А ты, сеньор ведущий?

– Вас это не касается, но раз уж мы стали подобием коллектива, то скажу, что вложу деньги в драгоценные бумаги, а когда придёт время, то продам их и буду наслаждаться.

– Вот, дело базаришь, дядя!

– Присоединяемся, проссьм денежки на нужды организма! – Весело пропел Срокин.

– Или издательство своё откроем. – Внёс ремарку Лёня, как бы так, между прочим.

Воцарилась тишина. Счастливые обладатели халявной (как выразился бы Гриша) суммы денег мечтательно уставились в пустые участки пространства, где никто не смел мешать им представлять скорую счастливую жизнь. Даже Гундяев, который очень сильно нервничал по поводу этой темы и проклинал тот день, в своей душе наоборот, сильно радовался обрушивавшимся на него «несчастью». А про остальных можно и вовсе молчать.

– А вы, господа? Алексей Константинович и Союз Демьянович. – Абсманов подал признаки жизни. Только эти двое не поделились своими планами. Фёдор решил удовлетворить своё человеческое любопытство.

– М? – Синхронно промычали мужчины, выходя из мечтательного ступора, обращая свой взгляд в сторону голоса.

– Я спрашиваю про ваши планы на вознаграждение, если это не секрет, естественно.

– Внатуре, вы чё, крысы?! Все спизданули, душу вам тут открыли, да? А вы затаились. Давай выкладывай! – Гриша яростно хлопнул кулаком, с довольным видом посмотрев на Абсманова, кивнув ему, словно они заодно.

Каждая голова вышла из своего личного мечтательного счастья. Общим хором глаза резали Гундяева. Бунина решили оставить на потом.

Молодой мужчина стушевался, буквально съёжился на своём стуле. Лицо покраснело. Движения его стали резкими. Указательный палец правой руки все трогал дужку, занима-

ьясь имитацией действия, когда оптику действительно нужно поправить, так как она сползла с переносицы.

– Ну это... я... это... сами понимаете да, я ещё и... не так чтобы... не придумал я!

– Не пизди, мартышка очкастая! Выкладывай. – Подборил подросток.

– Да как сказать? Сначала в банк, а там глядишь, и это... что-то подвернётся. Потратить деньги, как говорится, всегда успеется, а вот заработать!

– И это очень мудрое решение. – Встрял Абсманов.

– Вложить в г-й банк, чтобы потом узнать, что вышел з-н, при котором хрен ты чего сможешь снять? А когда подашь в с-д, так вообще сделают виноватым, отнимут всё и посадят? Ха-ха! Правильное решение, вот умора! Вы, Фёдор, не промывайте мозги этому парню, совестно вам должно быть, вот из таких простодушных добрых людей выгоду извлекать. – Это Лёня со своей критикой. В его голове уже царил воздух Японии.

– А что я? Он сам сказал...

– Вот и я о том же! Вы даже не отрицаете, что деньги он может потерять, попались!

– Вы просто придираетесь к словам, но если рассматривать серьёзно, то подобные финансовые казусы складываются при редких серьёзных обстоятельствах. А впрочем, похуй, чего это я буду объяснять ещё вам.

– Слышь, дедуля! Чего затух? А ты куда такое состояние

профукаешь? – Гриша явно не собирался слезать.

– А я, товарищи... Я деньги, средства эти, пущу на важное дело. Всю полученную сумму я переведу в г-й ф-д по б-е с к-й!

Тут не выдержал сам Абсманов, брызнув слюной и засмеявшись во всю свою глотку.

6.Седой дозор

Шесть тридцать утра. Вторник. Кричит будильник. Его волны рикошетят от стен со старыми обоями, образуя эффект эха. В этой спальней комнате кроме кровати больше нет мебели. Только разве маленькая тумбочка с обшарпанной облицовкой, на которой стоит рамка с фотографией, на которой изображена красивая женщина сорока лет.

Две карие бусины уставились на пожелтевший потолок. Бегают так по своей орбите, словно деталь копировальной машины. Это мысли приходят в движение, с непривычки заставляя глаза эмитировать движение своих частиц.

Несмотря на полное пробуждение, Демьяныч не спешит выключать сигнал к подъёму. Его правая рука, которая могла бы дотянуться до огромной кнопки часов, лениво почёсывает пузо, захватывая край бедра.

Наконец Союз созревает. Неожиданно ловко для своих лет он вскакивает на ноги, словно доказывая самому себе

собственную ещё живучесть. В процессе такого «рывка» его рука умудряется точно попасть по кнопке.

Жизнь Бунина была приятно предсказуема и расписана на каждый день. Хотя, говоря честно, смысла в этом было немного, учитывая, что каждый день повторял предыдущий, только изредка нарушая пропорции по большим праздникам. Ещё реже режим нарушался по важным «внештатным» делам, которых никогда, собственно, и не было.

Вот Союз встал напротив кровати. Руки приняли положение на поясе, а голова начала вращаться сначала пять раз против часовой стрелки, а затем пять раз по часовой. И так пять подходов. Далее старки крутил десять раз плечами вперёд, затем в противоположную сторону, всегда сохраняя количество повторов с количеством поступательных движений. Плечи крутились волной. Отдельные вращения кистей рук. Тазом. Сгибы ног к локтям. Приседания. Растягивание позвоночника. Немного отжиманий.

Закончив ровно к семи часам, Бунин идёт в ванную комнату, принимает прохладный душ (вне зависимости от погоды). Чистит зубы.

В семь часов двадцать пять минут он начинает готовить себе завтрак, в который входит: овсяная каша с половиной порезанного банана, кусок хлеба с маслом, две конфеты и, не слишком крепкий кофе. Стоит отметить, что содержимое холодильника напоминало условность (уже атавистическую) серийных мультиков, где у героев в гардеробе всегда

была одна и та же одежда. Только у Союза это объяснялось не условностью, а многолетней привычкой. Мужчина точно знал цену на каждый продукт, он точно знал «что\когда» и в каком количестве ест. Свой питательный рацион он привёл к математической точности.

Позавтракав и помыв за собой посуду, пенсионер сходил в уборную по естественным нуждам. Пройдя к комоду в коридоре, нацепил свой летний костюм.

Сверившись с часами, он удовлетворительно кивнул сам себе в отражение. Ровно восемь ноль-ноль, пора выдвигаться. Нужно только не забыть захватить мусорный мешок.

Хоть жил этот одинокий мужчина на самом последнем этаже дома, но он никогда не пользовался лифтом. Причиной тому была его высокая социальная ответственность как гражданина, как жильца этого дома, и как просто человека. Так он позиционировал сам себя.

После благородного вдоха полной грудью, Союз двинулся по лестничным пролётам, собирая на своём пути все этажи, тщательно обследуя их на наличие мелкого мусора.

За годы такого докучливого, безумно ответственного соседа, жильцы привыкли соблюдать его правила, лишь бы не пришлось снова слушать лекции, крики возмущения и угрозы звонком в полицию. Редкий персонаж осмеливался дерзнуть старику, оставив пакет с мусором в коридоре возле двери. Или вот, допустим, как сейчас, на восьмом этаже, молодой человек самозабвенно посмел закурить. Хоть такое по-

ведение давно вошло в норму (закон говорил о запрете, но вся с-а благополучно игнорировала его), для Бунина это было недопустимым явлением.

Увидев наглуемую физиономию, у старика перехватило дыхание. Сначала он хотел накричать на паренька, пускающего кольца дыма, но вовремя вспомнил о завете божьем, вспомнив о прощении ближнего. Мужчина почувствовал всю важность сдержаться, важность быть милостивым, поэтому только остановился рядом с нарушителем, уставившись на него.

– Вас, уважаемый, угостить? – Молодой человек явно не был знаком со стариком.

– Молодой человек, вы давно сюда въехали?

– Неделю назад. С девушкой, а...

– Тогда всё становится на свои места. Я вас сейчас не обвиняю, но вынужден сказать, что в жилых домах запрещается курить. Во-первых, вы распространяете неприятный запах. Во-вторых, создаёте риск возгорания. Сейчас можете докурить, что уж тут поделать, но впредь будьте любезны отравлять себе организм в зонах, которые для этого предназначены. Вы меня услышали?

– Услышал. – Ответ последовал с задержкой.

Союз Демьянович не думал уходить. Он продолжал стоять рядом, морщиться от дыма и ждать. Когда нарушитель докурил, старик отобрал у него бычок, потушил своей слюной, отправив в полупустой мусорный мешок. Затем двинулся дальше.

На первом этаже пенсионер торжественно передал мешок с отходами уставшему, ещё более старому консьержу. Он по привычке буркнул слово, похожее на «благодарю», а затем с этим пакетом мусора вернулся в свой уголок.

– Вчерашний выпуск «ОВАЖНОМ» видели? – Не отставал Союз.

– М?

– Программу «ОВАЖНОМ» вчерашнюю смотрели? – Повторил он уже громче.

– Мхм... да, в один глаз... поглядел.

– Меня видели? Я правду там защищал, с-у нашу! – Прорычал п-т.

– Я это... и не то, чтобы... Может, отходил или уснул. Не помню, вас.

– Хорошего дня, товарищ! – С досадой попрощался Бунин. Хвастаться больше было не перед кем.

Погодка на улице стояла прелестная. Разве что ветер был чуть сильнее, чем нужно, но он не смог сбить общей атмосферы комфорта.

Вот чуткий взгляд Союза Демьяновича начинает сканировать обстановку. Теперь следует нести вахту не в ограниченном пространстве, а везде, где только он окажется. На открытом воздухе нужно быть особенно начеку.

На детской площадке всё чисто. Никто не хулиганит, мусора нет. Сначала это кажется подозрительным, но потом мужчина вспоминает, что сегодня будний день, да и утро.

Все эти около уголовные подростки ещё в школе. Да. Теперь летние каникулы существуют только для тех детей, которые закончили очередной год с отличием. Для хулиганов же и раздолбаев школа работает круглый год. В летний сезон даже веселее всем этим единицам, ведь вместо учителей поочередно приходят надзиратели с тюрем, которые разъясняют зелени что к чему. В любом случае, расслабляться нельзя. Детскую площадку самопровозглашенный дозорный решает оставить на обратную дорогу ближе к вечеру, когда риск беспорядка возрастёт.

Дозорный Союз Демьянович, за неимением точного плана в открытой местности, берёт случайный ориентир. Ноги начинают идти просто прямо, а глаза сужаются в две щёлки, ещё больше сосредотачиваясь, выискивая нарушения и несправедливость. «Герой, которого город не заслуживает, но в котором нуждается» – так про себя думает эта седая голова, переделывая строчки из очень старого фильма про летучую мышь. Ему приятно знать, что он нужная ячейка этого прекрасного общества, где в его силах направить заблудившихся на путь ответственный и праведный.

Через четверть часа, а может и того раньше (в период безделья стрелки часов совсем отказываются идти своим обычным чередом), на противоположной стороне дороги, Союз заметил ничем, казалось бы, непримечательную парочку. Молодая женщина шла с девочкой лет семи. У молодой мамы на левом плече висела сумка. На вид вполне простор-

ная. Скорее всего она предназначалась для похода в продуктовый магазин. Правая же рука женщины сжимала мобильный телефон, по которому очень интенсивно шла беседа.

В это время маленькая девочка незаметно расстегнула сумку матери, что-то достала, а затем выкинула содержимое в рядом стоящую урну. На лице ребёнка просияла широкая улыбка. Даже скорее – ухмылка, какую можно наблюдать у всех подростков, делающих ту или иную подлость.

Опытный анализ Бунина сразу уловил все эти маленькие признаки детской шалости. Но что для ребёнка шалость, то для его родителя может оказаться потерей денег, ключей или кредитных карточек, а в таком случае уже никому будет не до смеха.

Рискуя жизнью, дозорный перебежал дорогу в непопозволенном месте. Он точно просчитал траекторию своего пробега так, что заворачивающая машина проскользнула у него за спиной в паре сантиметров. Послышался возмущенный сигнальный мат. Люди в недоумении обернулись в сторону пенсионера, который, не обращая на всё это никакого внимания, поравнялся с женщиной и её дочкой-проказницей.

– Женщина! Женщина, стойте! – Пытаясь параллельно отдышаться, сказал дозорный.

Молодая мама недоумённо смотрела на этого странного мужчину, ещё не зная, что через мгновение другое он спасёт её вещь.

– Что случилось? – Раздраженно спросила она. Дочка же,

в свою очередь, взяла маму за руку, прижившись к её бедру.

– Ваша дочка. Проказница эта маленькая! Пока вы говорили! Ох, вот так запыхался... Ваша дочка, пока вы не видели, она незаметно открыла сумку, вытащила вашу вещь, а затем выкинула в урну.

Глаза женщины прояснились. Теперь Союз читал в них не вопрос в адрес своей персоны, а благодарность за такое неравнодушие. Эта женщина резко отстранила дочку от себя, дабы видеть её лицо.

– Света, а ну-ка отвечай, это правда?! Ты открыла мою сумку и выкинула что-то?! – Голос её был как никогда строг.

Девочка немного потупилась, отведя взгляд от грозных глаз матери. Мельком посмотрела на Бунина, а затем, не сказав ни слова, утвердительно мотнула головой.

– Живо иди и принеси то, что ты у меня стащила, маленькая мерзавка!

– Да бросьте, зачем же вы так на девочку, она ведь ребёнок. – Сказал пенсионер, как бы вступаясь за дитя. Он пытался получить любовь и уважение каждого человека. Ну любила эта простая душа садиться сразу на два стула, что поделывать?

Помедлив ещё с секунду, девочка с опущенной головой пошла к той самой урне. На глазах у любопытных прохожих она залезла в грязь по локоть, доставая вещь матери.

Пока было время, женщина перевела взгляд на Бунина:

– Спасибо вам большое, я уж сначала подумала, что вы

что-то просить будете, а вы, наоборот, помогли. Мне очень стыдно за себя. Спасибо вам...

– Да что вы, мы ведь с вами г-е одной с-ы. Мы, товарищи, должны помогать друг другу. Тогда и жить станет намного лучше.

Тут девочка вернулась к матери. Белый костюмчик её стал местами уже не такой белый, с серыми пятнами. В руке она держала смятую упаковку от сока, обёртку от шоколадки и пакет с салфеткой внутри.

– Подожди, это то, что ты выкинула? – Удивлённо спросила мать.

– Да. – Отрешенно униженным голосом подтвердила малютка.

– Ты выкинула мусор?

– Ты же сама сказала, что в магазине урны нет. Выкинем потом, как выйдем на улицу, а сама в сумочку положила. Вот я и решила...

Женщина взяла девочку за руку, присела и крепко её обняла. Сам Союз стоял с покрасневшим лицом не зная, что сказать. Глаза молодой мамы выражали первоначальную агрессию к нему. И несмотря на то, что эта женщина хотела сказать многое этому старому пердуну, она всё же смогла подавить желание. Поднявшись на ноги, она забрала у дочки мусор, взяла её за руку, и они быстрым шагом двинулись в ту сторону, куда шли.

Со стороны редких любопытных фигур послышался сме-

шок, привычное движение вернулось в свою колею. Только Союз Демьянович остался стоять на месте опозоренный и раздосадованный. Причём в голове его не было такого понятия, как «я ошибся». Наоборот. Сейчас он испытывал злость к этой маленькой девочке и к её маме. На малютку он злился за то, что она оказалась не той, за кого он её принял, а следовательно часть его позора легла на совесть крошки. А на мать мужчина злился за проявленную неблагодарность к его поступку. Да, он неправильно всё увидел, но сам поступок его до сих пор оставался благородным и смелым. Но самое худшее для него были смешки людей, которые теперь будут рассказывать своим близким про сумасшедшего старика.

Погрустневший Бунин не стал обратно переходить дорогу, а побрёл в том же направлении, только уже по этой стороне.

Сегодня действительно удивительный день. Уже через четверть часа, со стороны здания местной м-и, дозорный Союз услышал хор женских неразборчивых голосов. Его интуиция сразу подсказала, дело тут не чисто. «Возможно, что это шанс искупить свой промах перед собой и общественностью» – так подумал старик, ускоряя шаг в сторону шума.

Интуиция его действительно не обманула. Прямо перед дверью, на (уже не очень красивом) газоне здания мэрии, собралось около трёх десятков странных женщин. Основная часть «прекрасного пола» состояла из весьма крупных особей с очень экзотическими причёсками. У трети имелись

плакаты, надписи которых Бунин пока не мог разобрать. Все эти женщины что-то скандировали, но ввиду потока общего городского шума, с такого расстояния нельзя было сказать точно, что именно они пытаются донести. Ясно было одно: м-г этот был н-н и явно все эти фриковатые тучные женщины отстаивают идеологические ценности не своей р-ы.

Такое крупное событие с элементами нарушения порядка – редкое зрелище. Обычно лавочку быстро прикрывают. Г-о давно надрессировало граждан в транслировании «правильной» позиции и «правильного» поведения. Поэтому, поучаствовать в ликвидации беспорядков Союз был не против. Глядишь, ещё приедут журналисты. Он снова засветится на телевизоре в нужном ключе. Его заметят, и может тогда дадут даже какую-то официальную должность.

От своих мечтаний мужчина немного поплыл. Буквально опьянел от представленной возможности, понадобилось целое мгновение, чтобы вспомнить, что он тут делает.

Оклемавшись, Союз сразу вошел в роль. Насупил брови, скривил рот, а спину выпрямил как на построении. Его ноги в летних башмаках грозно постучали в сторону развернувшегося бунта, а мозг приготовился молниеносно разобраться с требованиями террористок, дабы не менее молниеносно найти контрдействия для решения ситуации.

Пока он грозно топал, старые нейроны заранее продумывали речь. Так, на всякий случай, если вдруг его поступок заметят и попросят прокомментировать. В его набросках были

такие комбинации как: «я всё же гражданин свой с-ы», «не мог иначе», «это долг каждого», «каждый поступил бы на моём месте также», «справедливость должна восторжествовать», и так далее. П-м не помеха для пафоса, наоборот, повод применить всё то, что в обычном разговоре могло выглядеть как минимум неуместно.

Уличных зевак было предостаточно. Горсть возмущённых пожилых людей стояли через дорогу, обсуждая «что же творится с нынешней молодежью?» Безработная молодежь расположилась рядом, но уже с веселыми минами. Они ждали начала представления, когда приедут стражи, которые сначала бодро поработают дубинками, словно они «сеятели» с полотен нидерландца, а затем скрутят нарушителей, отправив на р-у.

Подойдя к толпе, Союз, наконец, смог различить надписи на плакатах. Все эти «лозунгносцы» ходили по кругу, скандируя каждую мысль, написанную на их shit-ax. Самое ужасное, протестующие выкрикивали недовольство хором, не синхронизируясь между собой, из-за чего выходила элементарная каша. Вот же что можно было прочесть на плакатах: «Долой спермабаков! Мужская особь несёт только агрессию», «Я хочу воспитывать ребёнка с любимым человеком!», «В г-й д-е съедают наши деньги, нашу с-у», «Долой р-й р-м, на дворе XXII век!»

Остальные таблички Бунин не стал читать. Его лицо привычно побагровело. Из уголков рта показался лёгкий шлейф

слюны. Кулаки с фиолетовыми венами сжались. Со слепой одержимостью, ничего больше не замечая, дозорный медленно пошел в сторону нарушителей.

Мужчина ещё не знал, что будет делать, но все эти «педерасты» просто выводили его из себя. Старик становился тем самым загнанным быком, которому больше ничего не остаётся, кроме как нападать, иначе не жди покоя. Только в отличие от быков корриды, Союз не искал избавления в смерти, зато видел его в сопротивлении западной гнили.

Бешеного старика никто из м-х не замечал, пока он не подошел вплотную к крайнему ряду. Одна из грузных дам с рыжей шевелюрой (походившая на брокколи) увидела боковым зрением красное лицо п-а, которое совсем уже было близко. Взгляд её слегка изменился, выражая теперь не только недовольство и решимость, но и лёгкое изумление.

– Мужчина, куда вас несёт?! Не имеете права! – Заорала она. Ближайшие её сторонницы тут же повернули головы в сторону возмутителя.

– Не имею права, да? Не могу идти сюда?! А КАКОЕ ПРАВО ТЫ! – Взорвался Бунин. – И ТВОИ ПОБЛЯДУШКИ ИМЕЮТ УЧИНЯТЬ БЕСПОРЯДОК?! ИДТИ ПРОТИВ СВОИХ, РАЗНОСЯ ВСЕ ЭТИ ДЬЯВОЛЬСКИЕ ЗАПАДНЫЕ ИДЕИ?! А?! ТВАРИ ВЫ, И МЕСТО ВАМ ТОЛЬКО ЗА РЕШЕТКОЙ НА ПОЖИЗНЕННОМ! – Во время криков Союз Демьянович продолжал наступление, доковыляв почти в самый очаг сборища.

Женщина-брокколи сначала отступала от агрессора, но, как оказалось, это был стратегический манёвр. Когда возмутитель оказался окружен, громовая баба закричала:

– ДЕВОЧКИИИИИИИИИИИИИ! В АТАКУ! МАНЁВР С-1!

По команде послышался групповой шорох. Все женщины, у которых не было плакатов в руке, отвернулись от центра, а когда синхронно вернулись в своё положение, то у каждой в руке было по компактной упаковке куриных яиц. Девушки же с плакатами, агрессивно опустили баннерные самодельные палки-шесты. Теперь их кончики смотрели на мужчину угрожающе, словно древние копья.

Бунин ничего не успел предпринять. Его пыл куда-то ушел, а задним местом он вдруг понял, что сейчас произойдёт непростительно нехорошее. Что врагов его тьма, а он один, да ещё с голыми кулаками.

В эту напряжённую секунду он остановился, разжимая кулаки. Совершенно ясными глазами жертвы, словно оленёнок, старик посмотрел в глаза шакалихе, отдававшей приказы. Рот её раскрылся, и во всеуслышание связки выпалили низким тембром:

– ОГОНЬ!

Первое сырое (а может ещё и тухлое) яйцо попало Союзу в колено. Дальше его накрыла тьма. Несмотря на предполагаемую хрупкость, в таком количестве разлетающаяся скорлупа приносила болезненные ощущения. В нос сразу ударила вонь, от которой невозможно было продохнуть.

Атакующий герой упал на колени. Казалось, хуже уже не будет, но спину его пронзила боль куда сильнее, чем от куриных снарядов. Как догадался Союз в полусознательном состоянии, это орудовали девушки с «копьями», пустившие их во всю силу. Только они не тыкали его под рёбра, а били по горбу как лопатой. Лёгкая фанера, но сколько она причиняла страданий! Самые ужасные удары наносились самыми неумелыми руками. Некоторые женщины криво замахивались, и пока их орудие совершало дугу, то щит с лозунгом успевал перекрутиться, карая возмутителя не плашмя, а острым углом.

Старик неистово взвыл в конвульсии отчаяния. На фоне раздался звук сирены. Хаос набирал обороты.

Послышался визг и крики. Удары по пенсионеру прекратились. Союз протёр ладошкой своё заляпанное яйцами и кровью лицо. Увидел прибывших г-в в огромных защитных масках, которые уже своими дубинками отлично орудовали над этими тупыми телами.

Дедуля ужасно обрадовался подкреплению, но радость его продлилась недолго. За свою улыбку он поплатился точным ударом. В развернувшейся мешанине люди в форме не стали разбираться, кто да что, их целью стало любое тело в данном радиусе, которое не одето в аналогичную форму.

Бунина начали нехило так хреначить. Мужчина даже ничего не смог толком объяснить. Дыхание снова покинуло его грудную клетку. В полуобморочном состоянии ему крайне

жестко скрутили руки и поволокли в а-к.

Пока обмякшую тушку тащили вместе с остальными женскими (тушками покрупнее), Союз нашел в себе силы, поднял голову, смотря на открывшееся пространство одним прищуренным глазом.

Он увидел ещё больше зевак, доминирующая часть из которых снимала происходящее на свои мобильные устройства. Только на лицах стариков было некое беспокойство. Остальные же лица обрамлялись неподдельной улыбкой.

Ближе к воротам дозорный увидел журналистов, с которыми мечтал ещё не так давно пообщаться, рассказав всё из первых рук. Вот только теперь Бунин понимал, в объективе камеры он будет выглядеть не как герой, а как один из зачинщиков сие беззакония.

Когда он оказался в двух метрах от корреспондента, освещающего событие, то понял, спасти его репутацию может только одно: нужно срочно найти силы, подать знак, что схватили его по ошибке! Что он на стороне хороших, добропорядочных людей, а не этих блядей, которым нечем заняться в свободное время.

Союз промычал рядом с журналистом, умоляюще заискивая его взгляда. Молодой парень в галстук не упустил возможности.

Нисколько не стушевавшись, он сразу понял, этот седовласый мужчина хочет что-то сказать. Он извинился перед людьми в форме, которые вели Союза, попросив всего одну

секунду. Затем обратился к дозорному:

– Пожалуйста, скажите на всю страну, что вы здесь забыли?

Времени на размышления не было, поэтому Бунин сделал глубокий вдох, позволив говорить своему подсознанию, где вся речь его была уже накидана:

– Я всё же гражданин своей страны... Не мог иначе... Это долг каждого... Каждый поступил бы на моём месте также... Справедливость должна восторжествовать... – На одном дыхании просипел он в микрофон, а затем голова его снова повисла от бессилья.

– Понятно. – Подвёл к точке ведущий, переведя свой взгляд снова на камеру, затем продолжив: – Ещё один из зачинщиков успешно схвачен п-и органами для выяснения деталей незаконной а-и. Стоит отметить, что это единственный мужчина в компании радикального ф-о сообщества. Есть вероятность, что он играет не последнюю роль в организации. Оставайтесь с нами и следите за свежими подробностями.

– Спермабак во главе?! ВЫ СВОЕМ ОХРЕНЕЛИ?! – Заорала повязанная баба, которую вели вслед за Союзом, но писать репортаж уже перестали. Слова женщины услышали только рядом стоящие люди.

В отделении Бунин провалялся весь остаток дня. Хоть для него всё закончилось самым счастливым образом (мужчину выслушали, потом допросили других женщин и пришли к

выводу, что старик не имеет к м-у никакого отношения), но все процедуры были достаточно унижительными.

Сначала дозорного заставили помыться, подставив дряб- лое тело под шланг. Когда старик стал чистым, ему выдали робу, а его личную одежду пришлось выкинуть. «Уже не спа- сти» – пояснила одна м-а в форме.

Далее пошли допросы, где Союза сначала прессовали, считая, что он просто косит под дурачка, но потом до них дошло, задержанный и есть дурачок, но совсем иного свой- ства.

С ним начали говорить снисходительно. Полицейский, ко- торый его допрашивал, периодически улыбался, не в силах сдержаться. Союз переквалифицировали в свидетеля и по- терпевшего.

Хоть свободу его и правоту более не ограничивали, но вот телевизор этого не знал. В вечерних новостях вышел ре- портаж с места событий, где на всю страну показывали лицо неправильно понятого. Сегодняшний день был действитель- но удивительным.

Мужчина в форме выслушал про взгляды старика. Он кив- вал ему, говорил, что такие люди нужны о-у, но всё же думал про себя: «неужели он настолько наивен и бескорыстен?» Как итог, офицер предложил довести Союза Демьяновича до дома, попросив считать этот жест, как извинение перед ним за такой конфуз. Седоголовый расстроенный Союз толь- ко кивнул. Всю дорогу он ехал на заднем сиденье молча.

У подъезда никого не было. Да и на детской площадке давно разбрелось всё хулиганье. Дозорный заметил пару пустых бутылок от пива, да горсть бычков на земле под лавкой. Его руки неспешно собрали чужой мусор, который затем отправился в урну. «Неужели так сложно выкинуть?» – грустно задал он вопрос, как бы обращаясь к окружению, но отвечать было некому.

В подъезде перед телевизором, в своей камерке, сидел знакомый консьерж. Глаза его были прикрыты, но маленькие щёлки поблескивали от света экрана.

Когда Союз громыхнул дверью, глазки эти подпрыгнули, после снова сощурились, а когда старик узнал жильца, то окончательно расслабился. Мимика его сделалась неловкой, даже в чём-то виноватой. Бунин понял, вечерние новости консьерж не пропустил. Теперь старик думает, что Демьяныч принадлежит к группировке р-х ф-к, которые и сто лет назад не особо дружили с собственной головой, а теперь так вообще выступали клоунами мирового уровня.

– Смотрели новости? – Грозно спросил дозорный.

– А как же, смотрел...

– Меня видели?

– Видел... а как же...

– Так вот неправда это всё, про меня» Я, наоборот, а они...

– Я так и подумал.

– Неужели?

– Не сомневайтесь, все знают, какой вы человек.

– ...

Союз не особо поверил мужчине, но всё же было приятно, что тот пытается его как-то поддержать. Или, по крайней мере, его слова выглядели как поддержка. Не думал ведь этот ветхий человек, что Союз мог бы наброситься на него, если вдруг тот сказал действительно то, что обо всём этом думает?

Поднялся дозорный на лифте. Тело его ужасно болело, из-за этого он сделался ещё медлительнее, не в силах совершать свои «молодецкие» приёмы.

Приняв ещё раз душ и поужинав порцией супа, который предназначался на обед, он достал свой аналогично старый ноутбук. Открыл «ВСЕТИ». Выбрал диалог с некой Таможниковой Верой и начал писать:

СОЮЗ: Здравствуйте, дорогой мой друг! Уже поздний вечер. Скорее всего вы тихо сопите в своей уютной кровати с большим плюшевым медведем, которого я вам присылал на ваш адрес. Надеюсь, у «Иосифа» всё хорошо, и он не халтурит, согревая вашу прекрасную душу по ночам.

Пишу я вам не столько с конкретной целью, сколько просто соскучился по вашим буквам на своём экране, которые вы так умело печатаете мне, куда быстрее и грамотнее расставляя все знаки препинания.

Дабы хоть немного вас развлечь, расскажу вам два сего-

дняшних случая, которые приключились со мною по гражданской службе. Первая история больше походит на притчу о том, что будет, если взрослые люди и дальше не будут воспитывать высокую нравственность в своих детях. А вторая история связана уже непосредственно с этими же детьми, только повзрослевшими, потерявшими главный жизненный ориентир со всеми законами приличия и чести.

Я шел по улице недалеко от дома, как всегда, следя за порядком, приготовившись, если что, прийти на помощь к любому гражданину, которой мог оказаться в проблемной ситуации. Через дорогу, по мою левую руку, шла молодая женщина со своей дочуркой. Мать о чём-то громко болтала по телефону с подружкой, а её чадо топало рядом. Тут я и заметил, что этот маленький ангел совершает шалость. Девочка незаметно вытащила у матери некий (пока неизвестный мне) предмет из сумочки, который после благополучно выкинула в ближайшую урну. Женщина ничего не заметила, а на лице этого маленького дьяволёнка появилась та самая ухмылка непокорности и шалости.

Я тут же понял, нужно срочно вмешаться, ведь ребёнок мог вполне себе выкинуть действительно дорогую вещь или того ещё хуже – документ, на восстановление которого потом уйдёт уйму времени!

Рискуя жизнью, я перебежал оживлённую дорогу, чуть не попав под колёса. Но я не горжусь этим, наоборот, порицаю своё мелкое правонарушение, но оно было совершенно во

имя доброго поступка, поэтому этот факт хоть немного, но оправдывает меня.

Когда я подбежал к маме и девочке, то взгляд первой поначалу выражал смятение и непонимание. Видите ли, с какой стати, ни с того ни с сего, подбегает какой-то мужчина, ожидая чего-то с выпученными глазами. Но ваш верный слуга сразу разъяснил этой даме в чём, собственно, заключается сие дело.

После объяснения, лицо женщины просияло в мою сторону, а вот дочка её получила самый суровый и грозный прищур. Затем эта маленькая дьяволица покорно (по требованию своего родителя) пошла к урне и, покопавшись в ней, достала какой-то пакет с остатками еды и смятыми салфетками.

Тут сторонние наблюдатели засмеялись осуждающе в мой адрес: «мол, этот старик совсем сошел с ума!», да и сама мама девочки взбеленилась на меня, но промолчала, возмущённо ретируясь, прося прощения у своей «неправильно понятой» дочки.

В первую минуту я так и стоял, словно вкопанный. Корил себя за то, что ложно обвинил ребёнка, да и перед людьми стыдно. Во всем этом неожиданном повороте я просто не успел элементарно извиниться.

Пристыженный, я всё же подошел к урне. Посмотрел внимательно весь мусор и увидел довольно знакомый цвет и фактуру бумаги. Всего лишь уголок, но его ни с чем не спу-

тать.

Не брезгуя, мои руки окунулись по локоть в эту вонь, а нос принял весь спектр ароматов застоявшегося месива. Когда я достал бумажку, то (вы не поверите) увидел паспорт! Причём принадлежавшей этой женщине, которая вот так вот просто поверила в ложь своего ребёнка, оболгав при этом меня.

Я радостно воскликнул, оборачиваясь по сторонам, но никого из ныне присутствующих уже не было. Так я остался со своей правотой и честностью, отдав документ первому попавшемуся полицейскому. Маленький же чертёнок остался безнаказанным. Будем надеяться, что при обнаружении пропажи, молодая мать сопоставит очевидное, но для меня этот эпизод уже в прошлом. Проехали и забыли, хоть грустно понимать, что, по сути, сам ребёнок не виноват в том, что его родственнички (ответственные лица) так халатно относятся к его воспитанию, которое в будущем может вылиться в кое-что похуже.

А похуже есть куда, уж поверьте, мой ангел. На этом мелком происшествии день мой не закончился.

Уже через четверть часа, у здания м-и, я увидел как раз ту ситуацию, когда плохое воспитание вылилось в самую худшую форму, а именно: в группу вечно недовольных всем людям, которые только и делают, что требуют невозможного.

Все эти недоучки, п-ы н-х о-й, любители принижать всех, кто не является их условного ц-а к-и или не разделяет их

маргинального мировоззрения. Но самое худшее в них то, что эти люди смеют кусать руку, которая их кормит!

Я сразу сделаю небольшое отступление сказав, что я не ношу розовых очков. Мои взгляды имеют вполне реалистический оттенок здравого рассудка. Я прекрасно понимаю, что в любой сфере есть свои предатели, алчные людишки (да, именно тщедушные душонки), которые есть и в г-м аппарате. Я прекрасно это понимаю. Если бы у меня были лишние средства, то не раздумывая вложил бы их в усовершенствованный г-й ф-д по борьбе с к-й, где умные, свежие люди очень профессионально вылавливают и наказывают всех тех, кто посмел нарушить закон, украв общак народа.

Но даже эти преступники не злят меня так, как все эти расплодившиеся г-ы, радикальные ф-и, т-ы, и все-все, кто вечно качает права, пытаясь нарушить сложившийся баланс здорового общества.

Представьте моё бешенство, когда я увидел группу извергов, которые посмели осквернять главное здание в нашем городе. Эти их плакаты с непонятной грязью!..

Разумнее было бы дождаться гвардейцев, которые в скором времени должны были прийти, убрав весь этот «мусор», но что-то внутри меня хрустнуло, ей богу!

Кулаки сжались в две раскалённые наковальни, а ноги поспешили в самую гущу. Всё моё нутро возжелало лично уничтожить вредителей, посмевших срать на нас, но проблема скрывалась на самом видном месте, а именно: в количе-

ственном преимуществе собравшихся нехристей.

Как только я оказался в центре их шабаша, на меня сразу набросились. Сначала обкидали яйцами, а затем достали свои биты и все на одного меня (как последние крысы) набросились, калеча моё уже немолодое тело.

На тот момент, в полуобморочном состоянии, я думал о двух вещах. Первой вещью было всё понимание моего героического, но необдуманного поступка. Казалось, что здесь я и погибну. А вторая мысль была о вас, Вера...

Хоть я не могу (по причине своей нравственности) изменить своей умершей жене. Хоть я её безгранично люблю и сейчас, но очень большой кусок моего сердца принадлежит и вам, мой нежный друг.

Завершая затянувшийся рассказ, скажу последнюю деталь. Так сказать, «постскрипtum». Что самое худшее здесь был не факт насилия в мой адрес, а что приехавшие гвардейцы начали без разбора бить и вязать всех, в том числе под руку попался ваш слуга. А доблестный журналист изобразил мою персону в самом ужасном, лживом свете, показав лицо моё крупным планом на всю страну, обвинив в соучастии беспорядка.

С полицией я уладил все недоразумения, но как теперь восстановить свою репутацию? Даже не знаю, да и сил пока думать об этом у меня просто нет.

В этой форменной неразберихи меня радует то, что у меня есть верный друг в вашем лице, а ещё мой личный (секрет-

ный) способ просить о прощении всевышнего разума за всех тех сограждан, которые оступились, встав на кривую дорожку.

Но я-то знаю, что В-ь и наш с-ь простят всех этих жертв дурного воспитания. А я, в свою очередь, сделаю всё от меня зависящее, чтобы самый высший разум услышал моё прощение за всех. Главная награда для меня будет его милость ко всем, кто живёт со мной рука об руку. А ещё, как маленький бонус, я бы очень обрадовался сообщению от вас, Вера.

С наилучшими пожеланиями, ваш Бунин С.Д.

Перечитав сообщение ещё два раза, Союз нажал «enter». Затем он выключил ноутбук, так как действительно сил не осталось, да и по времени мужчина давно должен был спать.

В ванной он наскоро почистил зубы, умылся тёплой водой, а после, без лишних церемоний, завалился на койку.

Через минуту ему уже снился сон, где он в сияющих доспехах на белом коне спасает Таможникову Веру, а после на кухне они уже пьют чай и смеются над историями, которые рассказывают друг дружке.

Наутро ответа от женщины не последовало. Как и на следующий день. По три раза (утром, в обед и перед сном) Союз доставал свой старенький ноутбук, включал его, долго ждал, пока прогрузится операционная система, и каждый раз по итогу его встречало собственное непрочитанное сообщение.

Он совсем было забеспокоился. Даже собирался написать новое сообщение. Дозорный рад был и позвонить, но кроме странички в социальной сети, контактов у него не имелось.

В голове разыгрывались нехорошие догадки. Может он давно уже в чёрном списке у этой замечательной женщины после репортажа. Что она не успела прочитать всю правду и теперь думает, что Союз самый настоящий преступник!

Сегодня настал четвёртый день игнорирования. Второе тревожное сообщение Бунин запланировал на поздний вечер, так как сегодняшней день был посвящён его личному ритуалу во имя спасения душ с-в.

Ближе к двадцати часам ритуал был закончен. Покрасневшее лицо дозорного выражало усталость. На щеках подсыхали недавние слёзы, а сами глазки (камеры ц-я и б-а – так он сам их называл), две эти маленькие оплывшие щёлки, выражали всё своё мужество и гордость.

Таинственная женщина в чёрных солнцезащитных очках с металлическим кейсом в руках стояла в коридоре, натягивая свои чёрные туфли на не очень высоком каблуке. Её персона играла большую роль в ритуале Союза. Без этой женщины он не смог бы проводить все нужные манипуляции. Старик давно пользовался услугами этой особы без имени, платя ей фиксированную цену.

Мужчина хотел чаще устраивать свой ритуал, но в финансовом плане был ограничен, поэтому о-ь грехи мог позво-

лить себе только два раза в месяц. А ввиду всей секретности подобного действия, поиск финансирования извне даже не рассматривался, хоть в мечтах этой седой головы проплывали картинки всеобщего объединения.

Ужинать Союз не стал. После проделанной работы не так чтобы хотелось. Всё-таки он был уже не молодым мальчиком, у которого в запасе имелся лошадиный запас сил.

Несмотря на тяжелые веки, сопровождающиеся ужасной сонливостью, дозорный нашёл силы включить ноутбук, чтобы написать сообщение другу своего сердца. Своему единственному человеку, который понимает его и поддерживает.

После привычных ожиданий, браузер загрузил социальную сеть. Рядом с ячейкой «мессенджер» горело новое неп прочитанное сообщение.

Союз встрепенулся, сообщение от Веры! Радости не было предела. Адреналин всколыхнул его тело, заставляя подняться на ноги, изображая конвульсивные движения наподобие современного танца. С губ сорвалось тихое, но сладкое: «ииииихуууу».

Дрожащая рука навела курсор на новое сообщение. Диалоговое окно открылось, а после и само сообщение. Писала Вера следующее:

ВЕРА: Доброго дня, товарищ моего ума! Сразу хочу извиниться за такой долгий ответ, но в доме, где я живу, проходили серьёзные работы по смене всей проводки и резерв-

ных модулей. Я элементарно не могла зайти в интернет и всю нашу разлуку сильно переживала.

История, которую вы мне поведали, сильно возмутила меня. Даже сейчас я сижу вся злая, как на иголках. Зная вашу непорочную натуру, сразу скажу, моё возмущение не относится к вашим поступкам или же вашим словам. А негодую я из-за всех этих людей, которые ведут себя как... Не хочу говорить уж слишком грязных слов, но надеюсь, вы понимаете мои чувства.

Бедняжка! Мне так хочется, чтобы все люди были именно такими, как вы. Честные, умные, добропорядочные и бескорыстные. Но, увы, мы живём в такое время, когда лучшие качества претерпели своё падение под эгидой технологий, демократии и бездарных родителей. Хочу, чтобы вы знали, что я всегда! Слышите? Всегда буду на вашей стороне! Вы мой герой и я вас... люблю! Да.

Я никогда ещё не писала вам таких высоких слов, которые, к слову, претерпели падение в умах всех этих несчастных людей. Но я хочу, чтобы вы знали, что моя любовь имеет самый правдивый, самый искренний характер.

Про вашу жену я знаю... Ещё я знаю, что вы будете преданы ей до тех пор, пока в ваших венах будет течь кровь, а ваши могучие ноздри будут вгонять воздух в лёгкие. Вы – мужчина мечты! И хоть я понимаю умом, что никогда вас не получу полностью, но всё же я безумно вам благодарна за то, что могу даже просто общаться с вами.

Надеюсь, слова мои и мысли не перешли тех границ, которые могут как-то нарушить нашу платоническую любовь. Я бы очень хотела хоть как-нибудь поучаствовать в ваших делах, направив свою энергию на общее благо.

Ритуал ваш меня ужасно интересует. Представляя всю силу ваших идей, всю ответственность исполнения, могу только мечтать о том, что же такое вы проворачиваете. Но, неизменно одно, вы делаете это не зря. Единственное моё желание на остаток моей жизни – это помочь вам (простите, что повторяюсь).

Я всё грежу о том дне, когда вы сможете мне довериться. Сможете посвятить меня в тайну. Вместе мы начнём исполнять это сакральное действие, настраивая энергию с-в на нужный лад. Параллельно вымаливая прощение у в-о, пока «нужный лад» ещё не настроен.

Ещё раз простите старую дуру за такую откровенность, но для меня вы больше, чем кумир. Вы мой герой.

С теплотой в сердце, ваша Вера.

У Союза от прочитанного перехватило дыхание. Он не мог поверить, что такой ангел хочет присоединиться к его мистическому культу покаяния. Все эти комплименты вскружили ему голову. Улыбка не сходила с лица, но потом он резко сделался серьёзным, задумавшись о предложении его верного друга.

«А ведь действительно, если предположить такую веро-

ятность. Хотя бы краешком ума представить, что он объединится с Верой, то финансовый вопрос тут же будет решён. Ведь эта прекрасная женщина могла спокойно заменить блондинку без имени» – думал дозорный. Он был уверен, у его интернетной спутницы получится ничуть не хуже, а даже наоборот. Всё-таки она сама болеет его утопическими идеями. Сколько же при таком раскладе может вложить сил эта женщина!

Адреналин бил по мозгам. Гипотетическая возможность в одночасье превратилась в единственно возможный путь для Союза. Как счастлив он был, что аж стало страшно. Сердце-то не такое молодое, могло и не выдержать. Что делает с человеком любовь к другому человеку, а любовь к целой семье и подавно!

Посидев с закрытыми глазами, обдумав всё хорошенько ещё раз (то есть, просто ещё раз помечтав), Бунин навёл курсор на ввод:

СОЮЗ: Дорогая моя, вы не представляете, как я счастлив слышать от вас всё то, что вы сказали! Просто нет слов... Я хочу вам сделать предложение: вы станете моим партнёром в ритуалах?

ВЕРА: Боже... да! Я согласна! Согласна!

СОЮЗ: Просто невозможно! Один из счастливых дней в моей жизни (не считая дня свадьбы). Правда, я должен сразу вас предупредить и попросить кое о чём, это крайне важно.

ВЕРА: Что угодно...

СОЮЗ: Ритуал этот крайне специфичен. Он требует неразглашения и полной отдачи. Вы должны будете поклясться, что никогда, ни при каких условиях не расскажете о нём ни одной живой душе!..

ВЕРА: Не продолжайте, я согласна. Я клянусь вам в верности!

СОЮЗ: Просто нет слов... просто нет... Как я счастлив!

ВЕРА: Мон шер, не сочтите за легкомыслие, но всё же. Скажите мне, не таите от своего союзника, от своего верного друга и товарища, в чём же заключается ваш ритуал? Я жажду знать, что предстоит мне делать.

СОЮЗ: Тут слово сказать, значит – ничего не сказать. Нужно один раз увидеть. Вот только как это организовать всё...

ВЕРА: Может, вы запишите всё на камеру ноутбука и пришлёте мне с объяснением?

СОЮЗ: Идея хорошая, но вдруг вы будете шокированы...

ВЕРА: Единственное, что меня может удивить – ваша изобретательность. А больше мне бояться нечего.

СОЮЗ: Вы клянётесь?

ВЕРА: Всем, что у меня есть! Клянусь своей любовью к вам!

СОЮЗ: Тогда я завтра же снова найму ту женщину, которая помогает мне в осуществлении. Запишу для вас всё в

подробностях, а после скажу ей, что более не буду нуждаться в её услугах. А про себя добавлю, что у меня появился **СОЮЗНИК!**

ВЕРА: Как замечательно, как сладко вы звучите в моих глазах...

Таинственная женщина со светлыми волосами удивилась такому раннему звонку. Заявку от Бунина она ждала как минимум через две недели, но, немного поломавшись, всё же согласилась.

Как объяснила сама женщина, она всегда берёт отгулы за несколько дней до праздников и не отвечает на звонки, но Союз был старым клиентом, к тому же серьёзным, без дури в голове. Поэтому, его вежливость сыграла большую роль в согласии приехать сегодня.

Про камеру пенсионер ничего не сказал. Он вспомнил, что ещё давно покупал маленький такой записывающий глаз с большим разрешением, чтобы фиксировать нарушения, но так не стал им пользоваться из-за лишних манипуляций. Да и нарушения, которые встречал Союз, не так чтобы нуждались в фиксировании, разве что ради самовлюблённой хроники. В любом случае, сейчас она как никогда пригодилась в первый раз, зато этот раз был очень уж особенным.

Камеру Союз установил на подоконнике, сразу включив запись. Места было много. Неторопливо старик прошелся по периметру комнаты, виновато поглядывая в глазок, после че-

го покинул зону съёмки.

Минут через десять Союз внёс бутылку шампанского, мандарины и какую-то толстую папочку. Все предметы были уложены на кровать, а портрет жены в рамке аккуратно опущен «лицом», чтобы его любимая не видела, что здесь будет происходить.

Через время раздался далёкий звонок в дверь. Союз снова пропал из кадра. Его не было минут пять, а вернулся он уже с той самой женщиной, в руке у которой был неизменный металлический чемоданчик.

Стараясь вести себя естественно, пенсионер игнорировал камеру, хоть взгляд так и норовил проверить надёжность и незаметность сие прибора.

Вот он открыл шампанское, убежав на кухню за бокалами, которые в спешке забыл приготовить, затем учтиво налил женщине.

За всё время они особо не говорили, а внимательно смотрели друга на друга, поедая мандарины и запивая игристым всё это дело. Создавалось впечатление, что эти двое пытаются проникнуть в суть самих себя, в суть друг друга. Иными словами – стать одним целым. Большим таким организмом, настроенным на одну синхронизированную волну.

Когда шампанское было допито, мандарины съедены, а связь налажена, женщина, всё так же без слов, вдруг встала с места, кивнула Бунину своей головкой и вышла. Мужчина, в свою очередь, начал расстёгивать рубашку. Он аккуратно

сложил её на тумбочку, прямо на портрет жены. Затем были сняты брюки, часы с левой кисти, носки, а потом и вовсе дозорный стянул с себя трусы, оставшись полностью обнаженным.

Лицо дозорного покраснело от стыда, но свой кривой пенис он не стал прятать ни руками, ни одеялом. Словно с-т, стоял он в комнате по стойке смирно, точно лицом перед камерой и ждал, как можно было догадаться, женщину с кейсом.

Её долго не было. Послышались шаги (звук у камеры был очень хороший). И вот с краю появилась она. В руках женщины больше не было её чемодана, зато внешний вид претерпел значительные изменения.

Светлые волосы убраны. На голове теперь красовалась фуражка расцвета хаки с красной полоской и чёрным пластмассовым козырьком. На ногах сидели аналогичного цвета галифе и высокие вороньи ботинки. У кителя же срезаны погоны, зато пуговицы блестели золотом, заигрывая с солнцем.

Стоит ещё отметить, что на лице женщины появились круглые очки для зрения, а также накладная козлиная борода. Но самая вызывающая деталь была прикреплена между ног.

Как только женщина в маскарде вошла в комнату, Союз сразу же взял принесённую папку, упал перед камерой на колени лицом по направлению в глазок, а перед глазами рас-

крыл документ.

Помощник Союза медленно пристроилась за спиной мужчины, аккуратно смазав д-о для лучшего скольжения. Теперь она готова была начать выполнять свою миссию.

Бунин, в свою очередь, начал выполнять свою часть. Лицо его внимательно бегало по страницам, нараспев зачитывая следующее:

– Все, кто критикует в-ь – одумайтесь! Ибо совершаете... АЙ! – Приглушенно вскрикнул п-т, женщина вошла [ЦЕН-ЗУРА]. Бёдра её заходили словно маятник. Судя по всему, такой темп она намеревалась держать до самого конца. Бунин же продолжил: – Ибо совершаете вы грех против своего дома, где едите и пьёте вы. АЙ! Каждый невежда и критик своей р-ы, АЙ! Подумай над тем, что снешь ты себе под ноги. Каждый мелкий вредитель, каждый пакостный и корыстный АЙ! Человек... Посмотри на себя со стороны, пойми, что весь н-д твой... каждый твой человек, которого ты видишь – брат тебе. Кровь твоя. АЙ! И если ты хорошо всё взвесишь, то и поймешь, что ты это всё. Человек ведь, АЙ! Не остров. А часть большого континента, АЙ! И если это так, то начни уважать ближнего и того, кто АЙ! Заботится о тебе. Принеси в жертву свой эгоизм, убери руку с ножом, АЙ! И подари лучше врагу своему свою щедрость! – Вены на голове мужчины вздулись. С каждым мгновением тело наливалось усталостью и болью.

Процедура, эта авторская мантра, продолжалась ещё дол-

го. Были небольшие перерывы. Весь текст не будет приведён в целях экономии времени, да и ненужности своего полного воспроизведения.

Последние строчки Союз уже выкрикивал хрипя. Приходилось напрягать слух, чтобы разобрать слова мужчины:

**– И ТОГДА ВОЦАРИТСЯ СЧАСТЬЕ! СЧАСТЬЕ ВСЕМ!
УТОПИЯ, Р-А МОЯ, ЛЮБОВЬ МОЯ!**

После, женщина в униформе резко [ЦЕНЗУРА], а Бунин обессиленно обмяк всем телом на прохладный пол, хватая жадно воздух, медленно приходя в себя.

Женщина забрала деньги, переделалась в свою обычную одежду и покинула дом дозорного. Рядом с деньгами он оставил ей записку, что это была их последняя встреча. Так они расстались, без лишних слов.

Сначала Союз оделся. Только потом он выключил камеру и, довольный «гладкой работой» (вместо душа), сразу отправился за компьютер.

Файл с видеозаписью весил очень много. Благо, в настоящее время не было проблем со скоростью интернета. Гигантский файл был отправлен в личные сообщения Вере документом.

Прочитанным этот файл стал через минуту. Наступило самое мучительно время – ожидание ответа. Просматривать его Вера, скорее всего, будет с перемоткой – так думал патриот, в надежде на скорейшее письмо. Но гарантий здесь быть не могло.

Чтобы хоть как-то скоротать время, Союз отправился принять душ, а когда вышел, то восстановил остатки сил, выпив стакан чая с молоком.

Обновив страницу, сердце его замерло, так как сообщение от друга пришло. И вот что в нём было написано:

ВЕРА: Мой дорогой друг, это неопишимо! ЭТО ПРОСТО ПИЗДЕЦ, СТАРЫЙ ТЫ PIDORAS! Я так и знала, что ты сраный извращенец, которого нужно посадить за решетку и больше никогда не выпускать в общество! И знаешь, что ещё, дорогой? Я не Вера. Я даже не женщина. А файл этот уже скачан на флешку и теперь удаляй-не удаляй, а компромат на такого ублюдка как ты у нас есть! ХА-ХА-ХА! Мы знали, конечно, что ты сраный тупой pedrila, но не думали, что ещё и настолько тупой, чтобы вообще поверить в существование женщины, которая бы стала с тобой общаться!

Ближе к делу! Если ты ещё не свалился от сраного инфаркта, то хочу сообщить тебе, что выход у тебя есть. Это бабки, мужик. Хотя мы тебя тут люто ненавидим, но деньги любят все! Поэтому, ты можешь искупить свои грехи, не запачкав свою ссаную репутацию. ТЫ ВООБЩЕ ПРЕДСТАВЛЯЕШЬ КАКОЙ ПОДНМИЕТСЯ ШУМ, КОГДА ТВОЯ СТАРЧЕСКАЯ РОЖА СТАНЕТ ПОПУЛЯРНОЙ В СЕТИ?! И НИКТО! Слышишь? Никто это не забанит, мы уж позаботимся.

Мой тебе совет – больше ничего не писать мне сюда.

Услышал меня?! Только напиши ДА, если ты там ещё живой и согласен на уплату своего греха бабками. А заплатишь ты нам семьсот кусков. Я не знаю, где ты их достанешь, но, чтобы к двенадцатому июля (это через два дня, если ты не понял) бабки были при тебе в чемоданчике. Чуть позже я скину время и точное место, где я буду ждать тебя.

Со мной будет ещё один человек, но ты не ссы – это моя страховка. Если попытаешься дурить, то кто-то из нас все равно свалит и твоя igriyaу jоra окажется в общем доступе. **ТАК ЧТО БЕЗ ГЛУПОСТЕЙ, СТАРЫЙ ТЫ PIDOR!** Ответ мне нужен в течение часа. АДЬЙOOOOOOOOOOOOC.

Бунин не мог поверить своим глазам. Сердце у него действительно билось так, что ещё чуть-чуть и остановится. Нет, даже не так, что его просто разорвёт вот-вот на части.

Из глаз лились слёзы отчаяния. Вспышка гнева на самого себя. Союз умудрился погромить свой дом, чтобы спустить пар. Нужно было срочно писать ответ, и хоть дозорный не знал, где возьмёт деньги, но ответил он положительно.

Столько несчастий свалилось на него. Самое большое состояло не в невыполнимых требованиях (всё-таки такую сумму, да с такой пенсией как у него, можно собрать лет за двести), а сам факт, что друга у него не было изначально. Не было этой женщины, с которой он так долго общался. Которую так он любил. Которую так желал сделать своим союзником. Всё это оказалось одной большой шуткой.

Из нижнего ящика старик достал незарегистрированный пистолет, в котором имелось пять пуль. История появления у старика оружия достаточно мутная. Столько лет прошло, он сам уже не помнил, откуда и для чего его раздобыл. Зато он был уверен, что прямо сейчас пустит пулю в свою «тупую башку».

Он всё продолжал плакать, только теперь держа у виска дуло. На этом этапе [ЦЕНЗУРА] казалось выходом, но чуть успокоившись, мужчина всё же понял, [ЦЕНЗУРА] только слабаки, да разве ещё гении. Сам он не приписывал себя ни в одну из групп. Зато, в эти минуты отчаяния, он вдруг нашел внутри себя надежду. Да. Нужно просто рассуждать здраво.

Явных врагов у пенсионера не было. Не было в его жизни крупных рыб, которым он мог насолить настолько, чтобы его вот так вот прессовали. «Мы тебя ненавидим» – написано в сообщении. Но кто? В голове не всплыл ни один серьёзный персонаж, а тем более персонажи.

«Значит, дело личное» – рассудил Союз. А раз так, то это могут быть действительно пара человек, да причём неопытных в криминальных делах. Можно пойти навстречу, прихватив пистолет, пугнуть, а затем без лишнего шума пройти до их «базы», изъять материал и готово.

В его сердце появилась надежда. Он ещё больше успокоился, даже слегка усмехнувшись, как бы думая: «вот тебе и приключение». А после перекусил и улёгся в кровать. Но этой ночью он почти не спал. Союза лихорадило.

Двенадцатое июля. Бунин нашел у себя старый небольшой чемоданчик, наполнил его старыми тетрадками и прочей макулатурой для веса. Сообщение от «ВЕРЫ» по поводу места встречи пришло ещё вчера вечером. Бульвар Красноармейцев. Рядом с большим продуктовым магазином нужно оказаться без десяти минут полдень.

Стояло ещё раннее утро, поэтому Союз неспешно позавтракал и принял душ. Оделся он как обычно, только теперь по правую руку в кармане лежал заряженный пистолет.

За этот нервный отрезок несчастный даже умудрился схуднуть, но выглядел ещё вполне сносно. Можно сказать, лёгкая бледность была ему к лицу, делая чуть моложе.

Настало время выходить. На метро ехать нельзя, да и вообще, пользоваться транспортом было опасно. Везде могли устроить проверку. По такой логике и на улицу в праздник с пистолетом выходить не менее опасно, но всё же на своих двоих риска намного меньше.

Дорожка. Карман. Улица Вятницкого. Перекрёсток. Теперь по прямой. Институт машиностроения. Снова перекрёсток. Бесконечное количество пивнух, микрозаймов и супермаркетов.

Люди, словно зомбированные, медленно тянулись в сторону парка. Сначала Союзу было с ними по пути, но потом он повернул на бульвар Красноармейцев.

Впереди показался тот самый большой продуктовый. Пенсионер посмотрел на часы. Без одиннадцати минут.

Погодка стояла чудесная, но из-за большого эмоционального напряжения потел Бунин просто ужасно. Солёная вода буквально капала с его лица, иногда закатываясь в глаза, и тогда сильно щипало.

Он решил подождать у главного входа. Шантажисты точно должны знать его в лицо, иначе как без этого они могли ненавидеть его?

Рядом с главным входом тусовалось двое подростков лет четырнадцати-пятнадцати. Было видно, что это ещё дети, которые просто пошли по кривой дорожке.

Подойдя ближе, Союз узнал ребят. Коротковолосый с подбитой губой – Славка, а его спутника звали вроде Петя. Пенсионер запомнил. Когда-то Союз вёл уроки ОБЖ в одной из городских школ. Ребята эти тогда были помладше, но черты лица узнавались без труда.

Тогда эти «кореша» были ниже чуть ли не в два раза, но уже имели преступные физиономии. В голове у Бунина зародилось нехорошее предчувствие. Таких совпадений не бывает, а учитывая, что на уроках он гонял этих «заблудившихся» в три раза больше остальных, то всё тогда становилось на свои места.

Одно не усваивалось в голове: как эти раздолбаи вообще смогли придумать подобный план мести? Да к тому же, неужели их обида за его строгость была настолько велика,

что породила в сердцах детей такую изощрённую и продуманную жестокость. Но, может, это всё же совпадение, и ребята просто ждут своих мам или друга? Сегодня праздник. Чисто в теории в этот день можно встретить абсолютно всех, любого знакомого и не только. Нельзя подсаживаться на измену. Нельзя видеть в каждом лице неприятеля.

Союз спокойно подошел к ребятам, улыбнулся им, радушно сказав:

– Славка, Петька! Неужели это вы? Вот вымахали парни. Приветствую будущих з-в р-ы!

Слава и Пётр совсем не удивились Бунину. Только Слава презрительно с прищуром посмотрел на чемоданчик.

– Деньги все принёс? Старый pidor. Не корчи из себя святошу, блядский ты высер. – Это Пётр говорил своим хриплым голосом.

Союз Демьянович побледнел. В глазах потемнело. На него нашла волна свежей ярости, какую он ещё никогда не испытывал. Всё из-за усталости и понимания того, что две эти мелкие сопли доставили ему самую огромную неприятность в жизни (после смерти жены, естественно). Да ещё в придачу смеют так разговаривать с ним.

– Ты чё, оглох, pedrila, с тобой говорю. – Не унимался Пётр, а Слава всё не упускал из вида чемоданчик.

Сам того не понимая, дозорный тихо засунул правую руку в карман, вытащив её уже с пистолетом наперевес, чьё дуло сразу же направилось на вымогателей.

Подростки изменились в лице. Побледнели. У Славика даже ноги покосились, он чуть не упал. Благо, нервная система Бунина ещё держалась, не спуская курка на это резкое движение.

– Ты чего... Выложим ведь... – Попытался Пётр.

Славик испуганно смотрел по сторонам, а затем, не дожидаясь ответа от Союза (очень удивительно, что во время всей этой сцены люди в зоне видимости слегка поредели, а те, что шли чуть дальше, даже не смотрели в сторону, где происходила эта ужасная сцена), резко стартанул в обратную сторону за магазин, а его друг бросился следом.

Бунин вышел из ступора. Выкинул чемоданчик с макулатурой на асфальт, бросившись вдогонку. Погоня продолжалась минут пять. Несмотря на возраст, пенсионер хорошо держался, так как вёл здоровый образ жизни, в отличие от малолеток, успевших посадить себе лёгкие говном.

Впереди показался злополучный квартал Морфенко, куда шантажисты нырнули в надежде укрыться от сумасшедшего старика с оружием в руке.

Когда Бунин нырнул следом, то парней уже не было видно. Затаились, паршивцы. Зато в двух десятках метрах, за большой копной кустов, послышался довольно знакомый голос, который сквозь слёзы кричал ужасно непристойные вещи на глазах у случайно собравшихся людей.

Диалектика овального стола (7)

Гомон стих. Федя Абсманов сосредоточенно шурился в экран своего мобильного, явно печатая сообщение.

Собравшиеся тела сказали и высмеяли, казалось бы, всё, что только можно. Две копии договора подписаны, одну из которых уже дружно собрали в одну кучу, передав куратору. Повисла долгая пауза. Взгляды всех этих новоявленных миллионеров исподтишка бросались на «главного».

– Ну, господа, свершилось. Похоже, мы закончили. И теперь, со спокойной душой, можем расходиться по домам. – Отрываясь от телефона, весело сказал Фёдор.

Поднялся одобрителный бубнёж, улыбки стали ещё шире и радостнее. Даже бешеный Гриша под общим напором финансового экстаза, вдруг превратился в Григория, который не стал вставлять свои грязные словечки, ограничившись поделовому сложенными руками на груди и дерзкой довольной ухмылкой.

Зашумели отодвигаемые стулья. Почти все рефлекторно начали потягиваться, разминая спину, успевшую изрядно устать. Фёдор же поглядывал на свой телефон.

– Ещё только минутку подождём сопровождение и можно выдвигаться. – Сказал он громко, чтобы все его услышали.

– А мы что, малые дети, которые не могут спуститься на

лифте самостоятельно? – Лёня вопросительно, очень театрально поднял одну бровь, уставившись на куратора.

– Правила есть правила. Г-й этикет безопасности, Леонид. – Ответил за спиной писателя Григорий, который успел размять косточки, снова сложив деловито руки на груди.

Абсманов только щёлкнул пальцами правой руки, произнеся: «Бинго!» На этом всё сошло на «нет», больше никто не проявлял возмущения.

Спустя минуты три раздался внушительный стук. Фёдор неспешно подошел к двери, повернул ключ. В мрачном коридоре можно было различить силуэт всё тех же служащих в чёрной форме. Сколько их было на этот раз – сказать было тяжело.

– Так, уважаемые, выстраиваемся в змейку по одному, а потом неспешно выходим. – Скомандовал куратор.

Без всяких возмущений приказ был исполнен быстро и чётко. Никто не ломился вперёд. Каждый занял место в очереди за тем, к кому изначально ближе стоял. Получился довольно стройный ряд, но вот по высоте воображаемая линия прыгала как на кардиомониторе.

Первым стоял высокий Гундяев, перегораживая своей сутулой физиономией весь обзор Леониду. За ним пристроился Григорий, который всё же решил не стоять с замком своих рук на груди, а просто засунул их в карманы грязных штанов. Дальше линия снова прыгала вверх, это Миша Срокин, чему-то ухмыляясь, смотрел по сторонам. В лопатки писа-

телю смотрели глаза Соловьёва, явно скучающего без [ЦЕНЗУРА]. За ним встала Ольга Золотова, так как Тимур вежливо пропустил мать вперёд. Как-то очень резко он смягчился к ней, возможно прикидывая в уме, что может мать не так, чтобы уж очень сильно перед ним провинилась. Кроме неё у него всё равно никого нет. Мышкин изучал поясицу Тимура, ища в складках одежды композицию. В самом конце Дина высовывала свою головку, чтобы увидеть происходящее впереди. Замыкал эту змейку Союз Демьянович, сосредоточенный на своих мыслях.

Строй медленно двинулся. Во тьме коридора растворился Лёша и ещё двое стоявших за ним. Абсманов, выполняющий функцию «фейсконтроля», остановил Срокина. Глянул в коридор, снова разрешил троим выйти, уже остановив Тимура. На третьем проходе остался только Бунин, который также был учтиво остановлен кураторской рукой.

После секундной паузы старику было позволено войти в коридорную темноту. Абсманов вышел следом за ним.

Все, кто сначала недоумевал о данной процедуре, стояли в длинной цепочке, во главе которой маячил служащий в чёрной форме. Через каждого третьего человека большой и мускулистой точкой стояли такие же «камуфляжники».

Звук запирающейся двери стих, голова строя двинулась, а за ней поползли остальные. Никто ни с кем не разговаривал.

Лифт ждать не пришлось. Двери учтиво разъехались в сторону. Вызвавший его человек в чёрной форме повернул

голову на всю колонну:

– Поедем в два захода по восемь человек, считая нас! – Громко крикнул он. Все только послушно закивали.

Камуфляжник, отдавший приказ, зашел в лифт, приглашающе смотря на Алексея, Скерова и Гришу. Те молча зашли в кабину следом, заняв сразу пол лифта. После зашел второй служащий, повторив процедуру на своих подопечных.

Лифт плотненько набился. Чёрная перчатка нажала минус первый этаж. Дверь закрылась. Вторая группа осталась стоять в тишине. Через минуту в глаза ударил свет кабины. Процедура повторилась.

Когда дверь распахнулась, Дина увидела знакомое гаражное пространство. Только машин было в два раза больше. Стояли они в одну шеренгу (плюс-минус) посередине.

Впереди стояло пятеро человек из первой группы. Двоих служащих и Григория в этой толпе не оказалось.

Когда вторая группа подошла ближе, то увидела где-то в дальнем конце слева три маленькие фигурки. Одна из фигурок хихикала, ловко бегая между колонн, уклоняясь от рук в служащих перчатках.

– Что тут происходит? – Спросил Абсманов у Миши.

– Ничего плохого, старшина, – весело произнёс Скеров, – просто товарищ Григорий, как только мы спустились, захотел тут немного пройтись, хоть ему борзой сказал стоять ров-

но. Ну, у парня сорвало шурупчик приличия. Послал на три буквы ваших верноподданных и давай с ними в салочки играть.

– Понятно... – Абсманов секунду подумал. – ГРИГОРИЙ! ГРИША! А НУ-КА ПРЕКРАТИТЕ ЖИВО! ЧТО ЗА ДЕТСКИЙ САД?

Подросток продолжал бегать увёртываясь. Траектория его перебежек изменилась, теперь фигура перспективно увеличивалась. Всё это время все молча наблюдали за происходящим.

Когда свободного пространства до толпы осталось метров десять, Гриша подал голос:

– А ВЫ СКАЖИТЕ СВОИМ ПСАМ! – Кричал он весело задыхаясь. – ЧТОБЫ ПРЕКРАТИЛИ ПОГОНЮ ЗА МНОЙ, И ЧТОБЫ МЕНЯ!.. МЕНЯ НЕ ТРОГАЛИ!

– Прекратите бегать за парнем! – Крикнул Фёдор.

Две фигуры в чёрном сразу же остановились, тяжело дыша, двинувшись к общей толпе, злобно так косясь на ненавистную рожу подростка.

– Хорошо размялись, парни, без обид. – Протянул весёлый рот.

Абсманов хотел было сказать пару ласковых, как его мобильный зазвонил. На дисплее высветился зашифрованный номер.

Фёдор отошел в сторонку, нажал кнопку вызова. Куратор ничего не говорил, только «угукал», да «агакал» время от

времени. Глаза его метнулись к ближайшей стене, на которой висела камера наблюдения. Это заметили практически все. Разве что Мышкин всё искал темы для будущих картин в складках окружающей его одежды, да Гриша тихо получал по почкам от охранника, которого он заставил попотеть.

Вот разговор стих. Фёдор убрал аппарат в карман своих отличных брюк, затем встав перед всеми.

– Друзья. Мне тут сделали выговор за то, что я забыл про последнюю формальную процедуру. Она, к сожалению, обязательна по нашему внутреннему этикету.

Образовалось общее недовольное мычание и цоканье. Люди слишком устали. Даже немногословная Ольга ощути-мо цокнула языком, сложив руки на груди. А самый понимающий Союз Демьянович поджал губы, с напором выпуская воздух через ноздри.

– Ну что ещё? – Взорвался Гундяев, от которого меньше всего ожидали. – Что вам ещё нужно от нас?!

– Спокойнее, Алексей. Я приношу вам, господа, свои извинения, но на всякий случай нам нужно пропустить вас всех по очереди через полиграф. А ещё взять биологический материал для картотеки. Так, на самый крайний случай.

– Что ещё за крайний случай такой? – Поинтересовалась Дина.

– Скажем, если вдруг кто-то из вас решит одурачить нас и захочет рассказать всё прессе, рассчитывая затем раствориться за границей. С помощью биологического материала

нам будет очень легко вас обнаружить за одни сутки. Но я думаю, что вы все ребята умные, не станете себе гадить жизнь.

– Чисто гипотетически, – спросил Лёня, – что будет с человеком, который нарушит подписанный договор и разболтает? Только честно.

– Если совсем уж честно, то такого человека ждёт смерть. – На слове «смерть» Ольга испуганно ойкнула. – Но я хочу вас заверить, это просто гипотетически возможный исход. Если никто из вас не будет совершать необдуманных поступков, то мы благополучно забудем друг о друге и больше не встретимся. Уж я-то очень сильно на это надеюсь. Так что прошу всех вас пройти за мной. Тут недалеко.

Федя развернулся на девяносто градусов, двинувшись к дальнему углу, где Гриша убежал от охраны.

У белой стены оказалась неприметная дверь. Только маленькая сенсорная кнопка выдавала её присутствие. Палец куратора коснулся кружочка, появилась лазерная клавиатура, куда мужчина ввёл длинную комбинацию.

Дверь отварила. Сразу же показалась крутая лестница вниз. Определить, насколько глубоко она уходила вниз – было невозможно без фонаря. Первым Фёдор пропустил служащего, а затем схема повторилась. Трое г-х пошли следом.

Лестница оказалась не очень длинной. После маленького неосвещённого тамбура, специально предназначенного для данной конструкции, открылось ярко освещённое пространство с белыми стенами. На дальней имелась единственная

дверь с аналогичным сенсорным замком.

Последним спустился Абсманов. Все столпившиеся сосались вдоль стены. Куратор прошел к двери, где снова ввёл длиннющий пароль.

В этой комнате свет ещё был выключен, но Фёдор настоял, всё также змейкой, пройти всем участникам уже без сопровождения.

Последними заходили Гриша и Дина. Подросток несвойственно учтиво встал с противоположной боковой стороны от Абсманова:

– Дамы вперёд. – Сказал он проститутке.

Дина хоть и улыбнулась этому «сопляку», но в глазах её чувствовалась неподдельная тревога.

– Благодарю. – Прошептала она Григорию. Ещё раз взглянула на Абсманова, а затем исчезла в темноте.

7.Грязный дуэт

ГРИША

Больше всего на свете ненавижу наглых говнюков. Иду спокойно по магазю, никого не трогаю. И тут ко мне подколёвывает этот динозавр в юбке. Сама с огромными шлюзами на глазах, тростью отколупанной.

Уж помирать ей пора, а она подскакивает и заявляет мне:

«Милок, верни колбасу на место». Я спрашиваю, ты чё бабуль, попутала? Какую колбасу? Моя в штанах. А она прикола не выкупила. Продолжает наседать: «Я видела, как ты взял колбасу и засунул к себе в глубокий карман, да ещё так оглядывался по сторонам. Воровать грешно» – вот что она мне пробазарила своим сиплым голоском.

Тут я действительно опомнился. А ведь правда, я уже и забыл, что спиздил себе завтрак, чего это я тут трусь и слушаю весь этот бред? Фыркаю, значит, собираюсь уйти, а она как схватит меня за рукав. Глазёнки сузились. Хватка крепкая, что пиздец. Как бывают обманчивы эти немощные!

Но я не растерялся. Весь такой побагровел лицом, а она: «Сейчас охранника позову и будут у тебя неприятности». Видит её создатель, я пытался решить вопрос мирно. Теперь уже поздно. Меня просто взрывает от всей этой хуйни, я начинаю орать на неё: «ДА ТЕБЕ-ТО КАКАЯ РАЗНИЦА? ПОШЛА НАХУЙ!». А затем толкаю её со всей силы.

В первую секунду я слегка даже подбосрался. Хоть эта старуха и конченная невтемная труха, но ведь не совсем психопат. Не очень хотелось бы нечаянно вот так вот ухайдокать кого-нибудь без резкой причины, но бабка вроде крепкая. Снесла собою стенд с ебучим мармеладом и барахтается. Ну всё, адьос! Теперь точно пора сваливать.

Народа тут собралось что пиздец. С каких щелей вы все повылазили? Причём две здоровые туши уже мчатся в мою сторону. Хотят дать пиздюлей за бабку. Но они ещё не знают,

как учишься бегать, когда вечно промышляешь воровством.

На мысленной фразе «на старт» я уже дал лёту, хуячу ногами как сраный леопард или кто там шустрый в мёртвой фауне? Клонированные мохнатые ублюдки так уже не могут. Хоть и похожи один в один, а физически вообще никакие. Ссаные игрушки для богатых pidorov.

Пробегая мимо кассы, хватаю быстро завариваемый кофе. Кайф. Жаль только мне обломали всю малину, и мои ловкие ручонки не дотянулись к печеньям, но кто сказал, что это последний магазин на сегодня?

Блять! Как нарочно рядом оказываются легаши. Что за, еб его, день такой? Последний раз мне так не везло, когда я застрял в лифте, а срать хотелось просто жутко. Пиздец, понятное дело, что я не стал такого терпеть. Но после пришлось дышать этим говном ещё минут сорок, пока пьяные и вонючие лифтёры соизволили, наконец, припиздячиться.

Сейчас хоть всё проще. Бежишь себе на свежем воздухе, прохожие палят на твой изящный силуэт, на твою сраную грацию, с которой ты уворачиваешься от придурков, которые хотят помочь musoram поймать тебя. Ни это ли свобода, мать его через раз!

Вообще я немного в ахуе с местных органов. С каких пор заимствование вонючей мясной палки так интересуют легашей? Неужели им больше нечем заняться? Например, для разнообразия попробовать поймать всяких реальных гондонов там, типа террористов, ассасинов там, или ещё каких

pidaryug. Вот приебались к малолетке!

Метрополитен. Чётко. Ныряю внутрь. Здесь типчики вообще не выкусили что за тема. Я как сраный флэш промчался мимо и в один присест перемахнул через турникет. **ДЕСЯТЬ СРАНЫХ ОЧКОВ ИЗ ДЕСЯТИ!** Сегодня просто, мать её, олимпиада.

Пробегаю немного вниз по эскалатору. Народа с плешь, можно отдышаться. А потом папочка поедет на соседнюю станцию, чтобы допиздить балдёжной темки.

Как хорошо, что Киру я оставил дома, а то пришлось бы томиться этой скотине на привязи ещё очень долго.

Внизу с какого-то хрена меня уже поджидает сраный работник. Очередной старикан. Ручонки трясутся, взгляд такой сосредоточенный. Сраное посмешище! Он не проблема. В голове я уже визуализировал, как приминаю несчастного плечом, но сзади слышатся чьи-то быстрые шаги. Что-то мне подсказывает, это не вонючий студентик опаздывает на пары, а вонючий жирный кор с отдышкой хочет получить грамоту от начальства.

Чутьё меня не обманывает. В семи ступеньках от меня бежит легаш. Ещё пару промедлений, и придётся бороться с уёбком.

Не теряя времени, ловким обезьяним выпадом, перекатываюсь на соседний эскалатор, который едет вниз, а затем лёгкой трусцой начинаю бежать вверх, как-бы замораживая себя на одной точке. Нужно время подумать.

Моя башка поравнялась с заебавшимся мудаком. Но вот в отличие от меня, силёнок у него совсем нет. Не успевает он мне что-то буркнуть вслед, как его раздрает дикий кашель. Его толстая мстительная ручонка тянется к кобуре пистолета, но даже этот манёвр у него никуя не выходит, вот так смех!

Мистер трясущийся перемещается на проходку соседнего эскалатор, это, типа, если что, ловить меня, если я ему позволю, но хуй там плавал. Прости, дедуль.

Откуда ни возьмись ещё одна фуражка тыгдыкает своими лапками. На этот раз худощавыми. Где нашли такого копа подкаченного, вот бл!..

Повторяю свой манёвр с перекатыванием. Оказываюсь на третьей дорожке, которая едет вверх. Теперь приходится бежать вниз. Ловлю себя на такой мысли, что я в игре. GRISHARUN! Ебать копать, как звучит, а? Если не забуду, то запишу идею, может запрягу парочку знакомых компьютерных рабов сделать аркадку со своим ебальцом!

Что действительно плохо, подкаченный мусор совершает тот же прыжок, что и я. Даже не хочется сквернословить. Нервозный момент! Но вот я снова перескакиваю на вторую дорожку, а затем снова на первую, и при каждом перекате я совершаю сложный акробатический трюк с продвижением вниз.

Все эти неудачники в край растерялись. Мол, что этот пиздюк себе позволяет?! Он что, сраный человек-павек? Или

Жопа мак лауд? Ох пиздец, пиздёшеньки!

Мои ноги совершают резкий рывок, а тело прижимается к самой стене. Я проскальзываю боком меж когтистых лапок дурачка и вот она, свобода! Поезд уже готов стартовать. Всё же не такой просирательный вонючий день, какой он мог оказаться. Благо, я необычайно худ, что проскальзываю в почти закрытую дверь вагона словно глист.

Законопослушные пердуны остаются со своим разочарованием, а я получаю первое место за сообразительность. Местные катальщики смотрят на меня немного со страхом. Я догадываюсь, что им не нравится мой боевой оскал, но пусть идут нахуй!

Немного отдышавшись, достаю палку колбасы. Наспех снимаю часть этикетки, которую не прожевать и начинаю чавкать. Симпатичная сучка рядом держит такой металлический фаллос, забыл, как называется. Короче ёмкость, чтоб вода не остывала. И вот зенки этой сочной говнюхи палят на меня так ошалело, но что-то проскальзывает такое, что можно назвать «эта сучка меня хочет». Я подмигиваю бабе, достаю целую связку растворимого кофе, киваю на её этот... ах тыж блять, не могу вспомнить, кружку эту ебучую и говорю ей: «Слышь, у тебя там вода горяченькая? Уж очень хочется заварить себе кофе».

ДИНА

«И, когда я говорю, что ты для меня самое любимое, пожалуй, это тоже не подлинная любовь. Любовь – то, что ты для меня нож, которым я копаюсь в себе...» Как я люблю эту цитату Фарнгишека.

Почти два столетия назад похоже действительно умели любить. Как жаль, что случай занёс меня-несчастную в этот товарный хаос. А по итогу и я сама стала одним из предметов, которые можно купить, хоть и на время...

Но моё время... Разве оно не всё, что у меня есть? Если это так, если высший разум существует, то неужели он позволил бы невинному когда-то существу... позволил бы юной девочке, от нужды, встать на дорожку разврата?

Неудивительно, что мой интерес к мужчинам уже давно поостыл. Секс, оргазм, половые органы и прочие приспособления для наслаждения – только тогда приносят удовольствие, когда всё это действие имеет свой час, и свои этапы развития эмоциональной привязанности. Но когда ты занимаешься сношением по три-четыре раза в день почти без выходных, то... тут уже возникает обратный эффект.

Честно, не понимаю мужчин. Особенно тех, кого возбуждает порнография. Уже давно сняли замки со всех тайн бизнеса. И вот пожалуйста, какого это мастурбировать на картинку с актёрами, которые сами не получают удовольствия? Когда одну сцену снимают с десятками перерывов, болтовнёй, смехом, перекурами. А эти здоровые приборы... сплошной ужас. Очень редко, но иногда попадают клиенты с

огромными дин-донами. Боль не так, чтобы ужасная, терпимая, но удовольствие точно на нуле.

А иногда такие смешные заходят. Простые мужчинки, которых жена рогатит. Столько боли я читаю в их глазах, столько отчаяния, что хочется прижать к груди, погладить по голове и сказать: «всё будет хорошо, всё образуется, малыш» – но это, естественно, не так. Я бы с радостью соврала, лишь бы утешить хоть на мгновение этого стареющего ребёнка, ждущего чуда, который ищет умиротворения, но все подобные клиенты слишком горды, чтобы показать свою слабость.

Они надевают свои маски. Очень часто играют в самоуверенных самцов, которые пришли «знатно поебаться», но женское сердце не обманешь, моё уж точно. Я подыгрываю им, это входит в стоимость, но от соития с такими несчастными я чувствую нежность во время процесса, и даже некоторую удовлетворенность, хотя связана она скорее с моими мыслями об утешении, чем от самого физического процесса.

Что же такое моё влагалище? Оно мне представляется в виде забегаловки, наподобие тех, где котлета с листком салата и двумя кусками хлеба у подростков считается изысканным блюдом. Только у этого аттракциона есть ещё технически возможный интерактив. Можно, так сказать, и выйти на веранду (это мой рот), а также имеется запасной выход.

Сколько должно быть лишнего в голове у людей, сколько отклонений, чтобы хотеть засунуть часть себя в место, откуда выходят биологические отходы? Мерзость. Но, как хоро-

шо платят за такую мерзость. И вот ты делаешь одну уступку, потом вторую, а через неделю уже ничем не отличаешься от всех блядей, которых ещё недавно презирала.

Ах, мамочка, где мои детские годы? Как хочется вновь окунуться во всю невинность, просто радоваться солнышку за грязным окном, а если родитель купит мороженку, так и вовсе ни с чем несравнимое блаженство.

Когда моя жизнь пошла под откос? Любовь жестока и могущественна в словах старых поэтов и писателей, а на деле – химический процесс, обман, чтобы мы, микробы, захотели плодиться, тем самым создавая замкнутый круг чёрт знает чего.

Горячий поток воды. Как замечательно купаться. Шоколадный гель скользит по всей форме тела. Мне нравится ощущать свою кожу частью другой же кожей. Я вижу в этом некую аллегорию на постижение собственного «я» не через полученный опыт окружающей действительности, а только посредством собственных ощущений, ассоциаций, что сидят внутри. Возможно, я постигла бы себя чуть раньше, чем внешний вихрь действительно закрутил меня, замотав в своих могучих развратных лапах, но момент упущен по забытой мною причине.

Если оценивать свою внешность объективно, то я вполне себе ещё красива. Такая пышечка с миленьким лицом. Все клиенты очень довольны моими изгибами. Но если бы появилась возможность выбрать другое тело, то я, не задумавшись, выбрала бы другое.

мываясь, поменяла своё на какое-нибудь тощее, длинное и плоское. Мы всегда хотим того, чего не можем получить. Здесь скрыт ещё один парадокс человеческой психологии.

Обычно я сильно не крашусь, но некоторые клиенты пишут мне, чтобы я замазалась вызывающе. Вот и приходится стирать своё лицо косметикой, рисуя на этих милых пухлых щёчках лицо шлюхи. Противно ли мне? Нет. Привычка сглаживает все углы.

Последний штрих. Очень вовремя. Телефон на вибровозвонке весь зашёлся от клиента. Он стоит у двери и ждёт, когда я ему открою.

Ну что ж, девочка, актриса ты наша, время вставать на сцену и играть свою роль, как бы тяжело тебе не было.

ГРИША

Привет тебе, грёбанный убийца. Кира, ленивая ты тварь. Лежит и не шевелится у батареи. Будто не братается со мной, запахло этой суке. Но как только я достаю шмотень мяса, то ноздри её приходят в беспокойное движение, улавливая точное место съестного.

Отрезаю пёселю хороший такой кусок. Вот гадина, сразу бросается на руку своей острой пастью, а рука на уровне дин-дона. Ещё б немного! Короче, проехали. Сам виноват. Скотина не ела почти весь день. Сам частенько бываю таким шибанутым.

В моей берлоге пахнет всё также затхло. Повсюду эта ебу-чая плесень. Мне один знакомый придурок рассказывал, что чёрная плесень – самая опасная. Что можно спокойно от неё откинуться и всё тут, пиздабол. Сколько уже здесь живу – ещё не помер. Так, кашель и вон, но никакой пизды в чёрном.

Сейчас бы начать выёбываться на куски бетона. Увольте, до такого я ещё не опустился. А хули, молодой организм требует мяса и зрелищ, но вот до хорошему ему как раком до Китая, причём во всех смыслах. Как бы мне они нах не упали, да и хуй я их получу, как-то так.

Наливаю животине воды в миску, кидаю рядом. Вроде не всё выплеснулось. Фу, ну и духота! А ещё спрашивают некоторые уёбки, почему я такой агрессивный. Вы, суки, попробуйте дышать говном двадцать четыре на семь, посмотрел бы я на вас! Надо в душ.

Хоть жарко, а в горячей воде хрен помоешься. Она типа приятная и хуё-моё да, но летом ведь сдохнуть от такой можно. Включаю еле тёплую. Воняет хлором. Хозяйственно-го мыла ещё нормально. Хорошо им, кстати, и голову мыть, а что? Всё та же сраная кожа, как и везде. Понятное дело, всякие gотікі предпочитают шампуни с разными ароматами и вкусами, но настоящему мужику всё это чуждо. Взял кусок мылящегося кирпича, нахуячил на башку и ок!

Замечаю на руке не очень глубокую рану, а ещё рожа побаливает на щеке. Даже не помню, где расквасился так. Вот что значит, когда зашкаливает адреналин. Мне даже нравит-

ся. Шрамы украшают мужчину. Больно? Значит, что ты ещё жив. Терпи, жизнь – это не ебучий кусочек сахара, а если всё же и он, то этот сахар рано или поздно бросят в пекло чая. Вот они простые истины, которые я познал.

Как чуть вспомню кретинов, с которыми когда-то учился, начинается рвотный позыв. Сука! Все напомаженные, вкусно пахнущие зазнавшиеся уёбки. Чуть маленькая царапинка, сразу начинают поднимать бучу, ставя весь город в известность, что у них трагедия, хотя по факту укусил комар. Вонючие изнеженные гондоны. Не понимаю, как вообще можно жить с такими нервами.

Вам родители жопу целуют, дают всё самое топовое, а вы на всём этом только хуже становитесь. Таких реально хочется просто пиздить и обоссывать. Что бы с ними было, если бы им пришлось очутиться в моей шкуре? Сразу бы вздёрнулись, вонючие слабаки.

Сначала первые семь лет тебя пиздят, а потом откидываются дуэтом от передоза. Вот ахуенно просто. Всё воспитание. А потом каждый сраный морщинистый говнюк пытается тебя жизни учить. Нахуй идите, ок? Я вашу правду жизни хлебнул столько, что скорее я должен вас учить и пиздить, пока вы не поймёте, что вы сраные gomiki.

Меня учить не надо. Нет. Благо хоть хату не спизданули, оставили по закону. Правда, на подставную тётку, ведь настоящей у меня просто нет. Корешки кое-какие поднапряглись, благо одна эта сука у штурвала может бычить, но луч-

ше бы уж жить мне на улице, хоть вони меньше. Эй, Кира! Дрянь ты бешенная. Самое время прогуляться и пошугать придурков. Давай, поднимайся. Сейчас отвяжу.

Прогулка с Кирой – моя лучшая часть дня, особенно когда эта машина чувствует голод и всё её нахуй раздражает. Весь кайф заключается в том, что её ненависть ко всему, что движется, настолько сильна, что сам я становлюсь абсолютно спокойным. Моё лицо очень мило улыбается, в голове образовывается полная ясность, да и сердце бьётся ровно и чётко, когда эта зубастая паскуда пытается расхуячить каждого прохожего.

Как чудесно видеть лицевой обсёр недоумков. На оживлённой улице первый десяток людей не сразу вкуривают, что их ждёт. Кира хуячит гондонов как семечки. После чёртовой дюжины идиотов появляются идиоты настороженные, которые начинают немного соображать о возможном пиздеце. Они начинают отлетать, обходя меня и животину с увеличенным радиусом. Третья же волна и вовсе переходит на другую сторону. Слышу чей-то ссанный голос: «Собаку свою попридержи!» Какой-то обмочившийся дурачок. Кричу ему в ответ понятное дело что. Нахуй я его шлю, вот что. Как же я люблю классику.

Интересно, сколько должно пройти времени, чтобы каждый бомжара уже знал меня и Киру в лицо? Шарюсь по одному и тому же маршруту каждый божий день, и каждый раз новые гниды разбегаются от нас. Назову это «Пара-

докс гнид». Блять! Пора реально записывать свои гениальные идеи.

Нужно мутить бабки и уважение. Единственная загвоздка всей этой темы, что люди никогда не слушают просто слова, типа идеи нунеймов. Какие бы умные мыслишки не были, но если ты не вонючая соска, которая вертит жопой или, скажем, мажор, владелец кучи всякого говна, то твои слова нахуй никому не нужны.

С одной стороны, я понимаю, что вся эта тема вполне логична. Ещё бы, как один неудачник может учить второго жить? Другое дело, когда кто-то пиздатый начнёт затирать даже самую банальную банальность, но он вправе это делать, ведь с ним же всё это дерьмо сработало. Вот и пасётся горстка вафель, слушают откровенный пиздёж вора и гондона, который прошелся по сотням голов, прежде чем стать таким. Или ещё проще: все балдежные темы достались от предков, которые в своё время рвали уже свои жопы, только чтобы их сосунок ни в чём не нуждался. Заебись учить жизни, когда не хлебнул говна. Короче, проехали. Зачем, собственно, я вообще развил всю эту тему? Есть дела куда важнее.

Кира тянет меня к ближайшей мусорке. Что-то учуяла съестное. Хозяева обычно отгоняют своих шавок от помоек, а я, наоборот, поощряю. Да, опасное дерьмо, вонючее дерьмо, зато моя сука может сама себя прокормить. Она, бля, старается. За это я уважаю её, но не хвалю, чтоб не разленилась.

Какая-то бабка заметила меня. Тычет своей палкой. Гово-

рит, что собакам нельзя. Вот интересно, я не пойм, на мне какой-то магнит для перхоти или на ебале вычерчено приглашение на сковородки по скидке? Хули ко мне цепляются?

Так сильно начинает брать злость, что все слова застревают в горле. Я просто краснею. Чтобы хоть как-то снять напряжение, показываю мандавохе средний палец. Перечница ойкает, отпускает какую-то скабрезную херь в мой адрес и быстро ретируется, когда я шугаю её выпадом тела вперёд, будто вот сейчас догоню и отпизжю.

До парка с собачниками остаётся пройти каких-то триста метров. Если там будет хрен этот собачий Тим со своей шавкой, то можно будет устроить бои наших говнюх и поднять немного бабла.

Этот дебил всё время ищет отмашки от своих проёбов, выгораживает дышащую шерсть эту, типа, то она болеет, то поддалась из жалости. Короче, хуйня. Главное, что гордость не позволяет отказаться от махача. Да ещё он и болен этой надеждой на лучшее.

ДИНА

Очередной довольный клиент. Как приятно слышать комплименты в свой адрес. Почти каждый из этих патологических самцов в конце сворачивается в эмбриональный бублик. А потом у них открывается скрываемая нежность, которую можно было подарить и жене, но она слишком упря-

мая, не хочет делать своего мужа счастливым. «Ты лучшая», «Красавица», «Золотая женщина».

Скажу честно, все эти их слова очень даже искренни. Всё же я чувствую свою роль «спасительницы». Конечно, такое спасение оплачивается, но даже священники получают зарплаты. Это факт.

Рассуждая о сегодняшнем клиенте, могу с уверенностью сказать, что мне его искренне жаль. Чуть за сорок, высокий, красивый, статный и богатый. У него очень красивый пенис, а чувственности ему не занимать. Но вот его жена-ровесница совсем про него забыла. Родила двоих детишек и всё, финиш. Постель для сна, кухня для еды, а ванная комната только чтобы помыться. Никакой романтики. Я не привираю. Он сам мне рассказал. Сколько вот таких золотых мужчин, о которых вытирают ноги? Двадцать второй век, а бедлам полный.

Столько книжек уже было выпущено по семейному счастью. Столько сказано вслух от ведущих психологов и просто успешных женщин. Ну давайте вы своему мужику, любите его не только на словах, но и своим телом! Без физического контакта вы всё потеряете.

Готова поспорить, что жены этих мужчин сильно бы удивились тому, насколько их неблаговерные могут быть нежными и чувственными. Вот бы их разобрала зависть! Я ни в коем случае не горжусь этим, но лёгкая улыбка всё же проскальзывает от такой шалости. Ну а если серьезно..., да всё

уже сказано, баста.

Зажужжал мобильник. На этот раз не по работе. Мальчишка один... Такая глупая история. Совсем юный. В информации о себе у него стоит двадцать три года. Посмотрим, что пишет: «Привет. Ты как? Я вот сяду сейчас писать».

Пишет он музыку. Такой смешной и милый. Сама не понимаю, как так получилось, что я завела себе интернет-роман. Похоже, клюнула на всю его непорочность и честность. А он клюнул на мою фотографию в профиле, ложно посчитав, что я сейчас такая вся молоденькая и свежая. Эх... Если бы судьба свела нас в одни временные рамки, где я смогла бы открыто встретиться с ним, полюбить его в жизни, и просто быть счастливой. Но, увы и ах. Кинематографическая сюжетная линия всегда будет дразнить своей недееспособностью в этой реальности, порождая зависть, скрип зубов, и сжатые кулачки.

Отвечаю Тимурке честно, но без подробностей. Что уже отработала большую часть смены, остался ещё один заказ. Он думает, что я работаю элитной швейей. Ну не говорить же ему, в самом деле, свою настоящую профессию. Гордиться тут нечем, но если хорошо подумать, то я и не вру ему. Точнее вру, конечно, но ложь эта действительна только для меня. Люди вообще живут во лжи, но в зависимости от степени понимания обстоятельств, отсутствия информации, что это именно та самая «ложь», заменяется по итогу на «ту самую правду».

Вот мой экс-мальчик никогда меня не видел вживую, да и не суждено нам с ним встретиться. Что бы ему дала информация в профиле о том, что я на самом деле проститутка, которая на десять лет старше? Что голос мой прокуренный, а моя душа давно перекаленилась в обычный поток физиологических желаний, впрочем, как и у многих.

Просто я хочу сказать, что он потерял бы со мной общение. Сам не захотел бы общаться со шлюхой, представляя меня такой похотливой, жадной и глупой, но ведь это не так, я надеюсь. Человеку свойственно вешать на других клише, не пытаюсь основательно разобраться. А так, хоть я и являюсь для него лживой швейей, зато я честно поддерживаю его, когда он пишет о своих проблемах и переживаниях.

Кто из нас теперь шлюха? Я, которая честно зарабатывает деньги себе на пропитание и коммунальные услуги или все те женщины, которые изменяют мужьям, корча из себя благополучных? Или все те, кто притворяется доброжелательным работником в обществе, а сам кладёт чужие блага себе в карман?

По всем признакам я проститутка, но уж точно не шлюха. Вот какие выводы я могу сделать, и считаю их вполне логичными.

Через час придёт предпоследний клиент. Я бы не сказала, что заказ его является необычным, но всё же среднестатистический мужчина хочет овладеть женщиной, а не наоборот. Данный господин вот написал, что хочет увидеть на

мне самый большой [ЦЕНЗУРА]. Хм. Пишу без возмущений «окей», но вопрос, насколько – остаётся открытым.

У меня есть подружка Арина. Она, как и я, занимается проституцией, но работает строго на дому у клиентов. Да и телом она своим торгует только от части, ведь в её прайсе только доминирующие блюда.

Иногда, когда у нас совпадают выходные, мы ходим в недорогой рестораник. Болтаем о всяких глупостях и о работе в том числе. В отличие от неё, я чту этикет, почти никогда ничего толкового не рассказываю. Хотя признаюсь, иногда всё же проскальзывает у меня эдакая необычная история, от которой потом смех не проходит ещё минут пять, как вирус, но в таком случае я полностью убираю имена, описание внешности, возраст, да абсолютно всё. Рассказываю только суть.

Понятное дело, Арине можно рассказать и с подробностями, но береженного, как говорится... А вот подруженька язык за зубами особо не держит. Болтушка страшная! Хотя с виду по ней не скажешь. Вся такая загадочная и суровая, но это ведь сценический образ.

Не так давно она вот рассказывала про очередного постоянного клиента. Вспомнила сейчас, так как подошло по теме. Начала она с того, что спросила: нравится ли мне секс с пожилыми? Я только посмеялась, ответив что-то неопределённое. Тут она выдаёт в стиле: «Меня тут один дедуля уже очень давно на постоянке заказывает, такой смешной!» Как

потом я узнаю из разговора, этот самый дедуля вызывает её для своего странного ритуала. Даже форму выдал ей. Арина подставляет костяшки к подбородку, раздвигает пальцы в разные стороны, и говорит, что ей даже приходится надевать вот такую накладную бородку, а ещё усы. А форма в-я какая-то винтажная. Сейчас такую уже никто не носит, лет триста ей наверно.

Я сразу вспоминаю чёрно-белые фотографии поэтов и писателей, которые так близки моему сердцу, но сразу ругаю себя за то, что мешаю нежный образ великих с каким-то помешанным дедулькой. Спрашиваю её: он что, [ЦЕНЗУРА] старый? А Аринка головой отрицательно мотает, нет, мол. Вполне себе натурал. Серьёзный такой. На самой первой встрече он долго объяснял, что вовсе не извращенец, что у него была жена, и что последующие действия нужны только ради спасения наших душ. Ну а ей какое дело? Сурово мотает ему головой, да, да, всё понимаю, дело важное. Сумма такая вот, униформа, полная отлаженность действий.

Я догадывалась, что должно было произойти, но, чтобы зачитывать целую написанную речь, моля силы о милосердии, когда тебя [ЦЕНЗУРА] – это перебор, как по мне. Да и я сразу сказала этой «мадам», что всё-таки он наверно извращенец, на что она засмеялась, закивав головой. В любом случае, я никого не осуждаю. Кто я такая, если вдуматься? Каждое существо в своей форме и своём многообразии имеет право абсолютно на любое действие, пока это самое дей-

ствие не трогает других. Ну а мне пора быстренько в душ.

ГРИША

Одиночество. Срань. В свои шестнадцать лет так и не совал свой банан в женское влагалище. Не проникал я в храм ебательного наслаждения. Лежу на зассаном матрасе.

Вчерашним вечером виделся с горбатым. В очередной раз пришлось выслушивать его полуправдивые истории, как он подцепил соску и за филку она ему отсосала. По мне так это пиздешь. Такому челу как горбатый нужно раскошелиться минимум на полторашку, а то и больше. Я так и сказал этому уроду, а он гордо ответил, что я не знаком с прайсом шлюх.

Тут стоило осадить мудака, но базарил он правду. Я просто промолчал, а хули тут скажешь? Задумался так нехило, бля, погрузился типа. Всё кичусь тем, что я такой мужик-оторва, не пропаду, а сам девственник.

Горбатому меня типа жалко, достал свой бабский блокнотик, и давай черкать что-то прямо на ходу. Вырывает листок и мне протягивает. Я бычу, мол, чего тебе, гнида? А он такой: «Ты осёл тупорылый. Номер даю тебе шлюхи одной. Нормальная сучка такая. В возрасте уже и жирка есть малёха, но баба знатная. Ебётся как надо, да и берёт недорого». Номер я взял. Девственника всегда видно по глазам, мне так кажется. Не суть. Горбатый пацан ровный, в целом, не будет над корешем угорать за спиной. Буду надеяться, но на

всякий случай башка моя запоминает этот фрагмент. Если вдруг что-где услышу про себя слушок фекальный, то первому пойду бить ебалу именно горбатому.

Теперь кручу эту бумажку, верчу. Одиннадцать цифр. Имя Дина. Адрес: соседний дом. Кто бы мог подумать, что шлюшка живёт буквально напротив? А вообще логично, мать её через раз.

Горбатый говорит, нельзя просто ввалиться к ней и выебать. Вообще ни к кому нельзя, пойдёшь сразу на три буквы. Нужно сначала типа позвонить, договориться там, а потом уже приходиться с помытым хером и чищеными зубами. Хотя, учитывая сколько уже побывало в её глотке – целоваться я с ней точно не буду.

Всё-таки интересно, как она выглядит? Не слишком ли уёбищна? Хотя, с другой стороны, какая мне разница? Главное тут сбить собственную целку. Вот так вот. Зашел-сунул-высунул-ушел. И всё. Старт положен, а там моя «пистравка» разойдётся. Начну баб ебать направо и налево.

Делать нечего. Иду в ближайший продуктовый, где пизю себе и Кире похавать. Всё гладко и чисто. В такое время плесень ещё спит, собирает свои протезы.

Дохожу до общественной будки. Прикладываю кошелёк. Глубокий вдох. Набираю номер. Блять, как тут жарко стало, аж начинаю чувствовать запах собственных яиц. Пошли гудки. На пятый отвечает сучий голосок.

Спрашиваю Дину. Это она. Говорю, что хочу воспользо-

ваться услугами типа. «Сексом, бля» – вежливо говорю ей. Она такая типа соглашается, спрашивает: впервые ли я собираюсь воспользоваться её услугами? И вообще, почему я звоню, а не набрал просто сообщением? Говорю, что звоню с будки, а тельчик похерен. Она молчит, потом соглашается. Говорит, всё замётано. Раз я новенький, то мне ещё и скидос. Полтораха за один траха.

Хочу набычиться, так как сам недавно угорал, что шлюхи должны брать с уродов полтораху, но потом вспоминаю, что там только отсос был, а тут круготельная программка. Говорю ок.

Теперь насчёт времени. Эта сучка нарасхват. Динка, блять эта, говорит, что занята вплоть до праздников, и что принять меня сможет на следующий день, то есть тринадцатого июля. Даю добро. Время час дня. Кайф. Забились. Вешаю трубку.

Есть ещё несколько дней пострадать херней и подготовиться к избавлению от моего недуга. Скоро папочка станет полноправным владельцем херка, который побывал на поле пиздатой и говённой битвы.

ДИНА

Недавно звонил странный персонаж. Представился Григорием. Захотел записаться. Я-то ничего, спрос – дело хорошее, но голос у него какой-то... слишком юношеский что ли? Что-то подсказывает мне, парнишка совсем мелкий. Есть в

этом интригующее и пугающее начало.

Сегодня работала только первую половину дня. На вечер у меня запланирован небольшой шоппинг. Иногда приятно вот так одной пройтись по магазинам. В общественном пространстве забываешь саму себя. Люди не обращают никакого внимания. Только редкий мужчина смотрит вслед, думая о твоём теле, но рассуждает он не с той точки, что может прямо сейчас взять и купить его, а с той, что он мог бы овладеть им путём долгих ухаживаний.

Купила себе новенькое бельё для повседневной носки. Бежевые трусики и лифчик без «косточек». Очень удобно и недорого. В соседнем отделе нашлись две красивые футболки без принта. Одна горчичного цвета, а вторая бледно-фиолетового. Плюс, очень порадовала скидка.

Забегала ещё в супермаркет. Купила десяток яиц, молока, хлеба, немного мяса. Должно хватить на пару дней. Завтра у всей с-ы большой праздник. Хотелось бы погулять на общем веселье, но среди общего шума я снова почувствую себя одинокой и несчастной. Поэтому, лучше работать, спасая людей, и надеяться, что и мне когда-нибудь улыбнётся солнце.

ГРИША

Уже завтра будет чики-пики, сунь-вынь! Я уже пиздецки волнуюсь, но знаю, этой шлюшке понравится мой болтень.

Как только подумаю о том, что скоро буду трахаться, то сразу возбуждаюсь! Приходится дёргать свой перчик под рычание Киры.

Сегодня туса всех пиздунов, а у меня дохера дел. Так-то. Принимаю прохладный душ, чтобы хоть немного остыть. Одеваюсь и выпиздываюсь во двор. Сегодня нужно совершить две блядские покупки. Тратиться не хочется, но и пиздить – нет настроения. Уж больно я на нервяке, а в такие моменты совсем уж теряешь голову. Можно совершить тупую ошибку, чуть не так дёрнуться, и всё, закатают в ковёр. Будешь сидеть в задохнутой тюрячке с...

Стараюсь не привлекать внимания. Иду себе спокойно по боковушечкам. Что за нахуй шум во дворе? Ещё кое-как настал полдень, а уже все распизделись, столько тел. Какой-то уёбок орёт всякие мерзости. Выглядит совсем неважно. Со спущ... ёбанный в рот, да это же... сука! Вот так угар. Был бы мобильник – обязательно снял. Ну что за пиздец?!

Вообще удивительно, как этого хрена сюда вообще занесли. Но зная нынешние нравы – ничему уже не удивляюсь. Самое стрёмное, тут нормально так тел. Вытаращились все, что пиздец. Если это рил тот самый хрен, то лучше не попадаться мне в общую кучу, да и некогда разбираться, хоть похорошему надо было этим... короче, похуй. Сначала дела – потом замесы.

Дохожу до аптеки. Там перхоть за кассой. Смотрит так на меня неприязненно, как на говно. Ну, я не лох какой-то, да-

вай в ответ на неё смотреть так дико, будто наброшусь сейчас на тварь. «Чего тебе?» – спрашивает пизда. Я ей чуть ли не ору в эту дырку, ору типа: **ГОНДОНЫ ДАВАЙ, САМЫЙ БОЛЬШИЕ ДЛЯ ХЕРА!**

Старуха прибалдела, ебальник сразу подсузился. Уже тихим и вежливым голоском спрашивает типа про фирму. Говорю, чтоб дала самые дешёвые. Вот мне ещё делать нехуй тратиться на это говно, которое выбрасывать потом сразу.

В пачке три штуки. Должно хватить. Засовываю в карман. Плачу за это дерьмо, что бывает очень редко. Не люблю разбазаривать бабки.

Дальше попёрся в цветочку. Всё-таки чтоб баба лучше сосала – надо купить цветы. Тогда она уже точно ахует от моей щедрости и будет благодарить меня. Да и к тому же, это просто дохуя вежливо.

Беру три розы. Стоят они, что пиздец, но деваться некуда. Эти три херовины засовывают в прозрачный какой-то праздничный пакет. Ей богу, выглядят ущербно. Сразу вспоминаются деньки, когда я попиздовал в первый класс и меня заставили потащить цветочки бабе, которая будет моим надзирателем. Вот такая же херня, что тут ещё скажешь?

Гулять с такой романтической поебенью как-то стрёмно, поэтому сразу ныряю обратно в родные трущобы. Все пиздруны разошлись, и на том спасибо. Странно вот так встретить на одной помойке толпу неместных торчей и вонючих спившихся блядей. Потом разберусь.

Цветы бросаю на матрас. Сам сразу достаю гондоны, нужно затестить. Хочу уже начать представлять и дёргать своего героя, но он сам встаёт только от одной мысли, что сейчас его придушат. Так, как надевать эту мерзкую хрень? Тут инструкция. Ага... так, вроде получилось.

Теперь мерзкое странное чувство, но странность даже слегка возбуждает. Очень быстро кончаю. Проверка на герметичность. Не хватало, чтобы какая-то разовая блядь от меня залетела, а потом начала качать права или того ещё хуже, подцепить от неё венерическую мерзость. Давлю на кончик, где собралась вся эта белая херь. Вроде ничего не вытекает. Выкидываю использованный през в открытое окно.

Последнее приготовление – бритьё яиц и лобка. Хочу выглядеть заебато, а сейчас совсем уж зарос кудряхами. Бритва старая и я, сука, режусь, блять! Как же щиплет, твою ж налево! Ладно, ты не баба, потерпишь.

Через минут пятнадцать всё кончено. Выглядит как сырое мясо, но меня это уже особо не ебёт. Всё сделано в лучшем виде.

Кира обоссалась и обосралась под себя. Вина полностью моя, забыл про эту херь мохнатую. Убираю её дерьмо, вытираю санину и разочек въёбываю по морде, чтоб не расслаблялась. Потом мы жрём остатки нашей провизии. Надо выспаться. Завтра большой день.

ДИНА

Вот тебе и праздничный рабочий день. Столько сюрпризов. Мужчина этот, Лёша вроде его звать, оказался таким страстным и чувственным. Впервые за долгое время я почувствовала оргазм и страсть. И занималась я с ним сексом не только за деньги, но из-за собственного проснувшегося желания.

Вся забава в том, что я в шутку предложила ему [ЦЕНЗУРА], а он возьми, да согласись. Такая умора, что я не могу. Арине точно расскажу при следующей встрече, ей понравится.

Причём Лёше этому действительно ужасно понравилось, даже больше, чем заниматься любовью со мной. Вот иногда думаешь, что же за мужики сейчас пошли... неужели начали вымирать, становясь извращенцами, которым уже глубоко на всё плевать?

Но это ещё не все сюрпризы. Начал писать мой интернет-воздыхатель. Мой друг, если так его можно назвать, «человек моего романа». Причём я давным-давно ещё осекалась, зачем-то сказав, где живу. А тут сообщение, что он уже ко мне сейчас придет! Вот так заявление. Я испугалась, а ещё мне стало очень грустно, ведь встретиться нам уж никак не суждено. Так и пришлось просто проигнорировать его, а после такого... может вовсе придётся прекратить общение. Иначе, какое мне оправдание? Он вдруг вот так хочет заявиться, а я не могу. Что он скажет, когда увидит не то, чего

ожидал? Да и мне, сколько позора, сколько унижения...

Решили с этим Лёшей выйти покурить вниз. Нужно подышать воздухом. Успеваю только прикурить, пару раз затянуться. Появляется народ откуда-то по разным сторонам, ей богу, облава. Праздник, алё, все должны быть на концерте. Тут доносится голос В-я, который ещё и... ой, даже про себя такое говорить нехорошо! Вообще, даже сейчас не верится, что такое возможно, да я особо и не верю, просто похож. Скорее всего хороший грим на актёре или на этих, художниках, которые какие-то там акции устраивают, не помню, как профессиональным языком. Короче, переодетый художник, который снимает такую грязь про нашего к-а. Но чувство всё равно неприятное. Ещё и какой-то сумасшедший мимо пробежал. А слева женщина орала молодому парню, который так уверенно шагал, а потом зырк на меня, и что-то мне подумалось. Будто привиделось, но я так и не поняла, что именно. Нужно было уходить, от греха подальше.

ГРИША

День икс, мать его! Стою посредине комнаты. Сам уже поел и скотину накормил. Боксирую с воздухом, машу ногами так балдёжно. Немножко пресочка покачал. Весь такой из себя спортсмен, брутал, мачо и альфа-хуяльфа.

Ещё раз в душик, подрочил своего дружка, чтобы держался дольше молодцом. Зубы почистил. Ну, пиздец, чёртов

красавец!

Надеваю рубашку, но не такую чмошную, как у дебилов на свадьбах или офисных дрючунов, а нормальную пацанскую в полоску. Это моя, так сказать, официальная рубаха на всякие важные случаи типа судов. Ну всё, Кира, пожелай мне удачи и иди в жопу. Ещё раз обосрёшься – я насру кучу тебе на голову. Обнял.

Жду, когда кто-нибудь выйдет из падика, заскакиваю. Поднимаюсь на указанный этаж и тарабаню в ржавую ссанную дверь.

Тут открывает мне такая мадам с аппетитными формами. Ловлю этот, нах, дежавю типа. Вроде её ебальник видел, но не заморачиваюсь на этой мысли. Она типа такая дохуя смотрит на меня ошалело. Ахуевает, наверно, что ожидала увидеть гондона, а к ней пришел принц весь такой пиздатый. Ну, я ей молча цветы вручаю, а потом выпаливаю своё имя. Обхожу её, сам разубаюсь и прохожу к ней, как к себе домой.

Не думал, что в этих бомжацких домах может так неплохо и чистенько быть. Я сколько здесь у кого дома не был, у всех на полу говно с бычками вперемежку. Для шлюхи так вообще чисто.

Эта Дина пытается пиздеть со мной, а я достаю пачку денег, кидаю ей на стол и давай говорю, начинаем. Мол, думаю про себя, естественно, что девственность такая болезнь сложная и страшная, что можно сдохнуть в любую секунду.

Ну эта бабёнка пожала плечами, собралась там на диван-

чик аккуратно присесть, а я как заломлю её, поставлю на колени и говорю, мол, давай соси, детка, за что бабки плачу?

Барышня охеревает от моего дружка, начиная двигать башкой. Я кайфую, но не так, чтобы сильно. Дальше хватаю её за шею, ставлю раком и начинаю ебать прямо без преза. Тёлка застонала, покрикивает, а сама влажная и всё ей нравится.

Вообще ебаться не так просто, как я думал. Очень много энергии тратится на все эти движения и позы. Первая моя ебля продолжалась часа полтора, а того может и два. Эта курва умудрилась уже раза два кончить, а я всё держался, но потом решил, что хватит с неё и спустил всё на лицо.

Смешная картина. Она валялась на мокром покрывале от наших потных тел. Лицо её было в сперме, а вокруг лежали бабки. Я молча оделся, сказал спасибо за потрахон и ушел, захлопнув дверь.

Да, нахуй! Теперь я не какая-то там падаль, над которой можно смеяться, а настоящий мужик! Домой прихожу счастливым. Теперь можно снять маску брутала, улыбнуться своей достигнутой цели, да ещё так блестяще выполненной. Приятно знать, что ты можешь довести бабень до обморока, а она, между прочим, повидала ой как много!

ДИНА

Боже, что сейчас только что было... Я многое повидала,

но такое – впервые. Привела себя в порядок, как и всегда перед новым клиентом. Назначенное время. Слышу лёгкий стук по входной двери. Это Григорий. Делаю глубокий вдох, иду открывать.

И что я вижу? В проёме стоит низенький такой шкет. Лицо пунцовое, в рубашке. Протягивает мне цветы со словами: «это вам». Благодарю его, пропускаю внутрь. Парнишка сильно волнуется. Я профессионально сдерживаю смех. Только бы не обидеть!

Он достаёт стопку смятых мелких бумажек. При нём не пересчитываю, но на глаз вроде нужная сумма. Интересно, сколько он копил? Затем этот Гриша просто стоит рядом с кроватью как истукан и ничего не делает. Замер в одну точку.

Решаю его расшевелить, вывести из ступора. Сексуально так становлюсь на коленки, расстёгиваю ширинку штанов. Только успеваю дотронуться до его... писюна (по-другому этот корнишон не назвать), как вдруг из него вырывается клочок спермы. А ребёнок этот весь уже в конвульсиях дёргается и вид ещё такой, хоть сейчас готов сквозь землю провалиться.

Я говорю ему, ничего страшного. А он кидает меня на диван, стягивает трусики и давай вылизывать, да так неумело. Мне нисколечко не зашло. Я бы сказала, что мне даже мерзко. Краем глаза замечаю, что правой рукой он себя там дёргает.

Так проходит минут десять. Всё происходит монотонно, без слов. Парня мне становится ужасно жалко. Тяжело представить, что он сейчас испытывает. Уже хочу встать помочь, как вдруг чувствую запах... запах говна.

Поднимаюсь и вижу, что Гриша уже трясётся, как осиновый кол. На глазах его текут слёзы. Он вдруг резко поднимается, подтягивает свои штаны, но часть его... извиняюсь, часть его говна всё же выскальзывает на мой ковёр! Как же это мерзко, смешно, но в то же время грустно. Этот сумасшедший только и успевает что сказать «блять» сквозь слёзы, затем выбежав из квартиры.

Что я имею? Униженного подростка, завядшие розы, немного денег и обосранный ковёр, который лучше уж выкинуть, чем всю жизнь смотреть на него, вспоминая приключившуюся мерзость.

Диалектика овального стола (8)

Дверь захлопнулась. Нераспознанный голос ойкнул в темноте. Послышался щелчок переключателя. Заморгали люминесцентные лампы, будто заново вспоминая после долгого простоя, как светить.

Собравшиеся инстинктивно прикрыли ладошкой глаза. Больше всех переживала Дина. По женщине было заметно, как её бусинки начали бегать по всей комнате, изучая всю

степень опасности. Остальные же пребывали в спокойном состоянии, не занимая свою голову рефлексией.

Глаза проститутки увидели вполне безобидные блоки аппаратуры. Подобия компьютеров громоздились в разных углах на компактных столиках, а рядом с блоками питания стоял инвентарь, больше смахивающий на лабораторные забавы. Слово «забавные» было употреблено неспроста. В отличие от стандартных пользовательских аппаратов, у этих имелись необычные «около гаджеты» вроде дополнительных резиновых проводов, больших «пауэрбанков», чья истинная функция была ещё неизвестна и присоединённых экранов размером с планшет. Всего таких оборудованных столов имелось три штуки.

Также в комнате обнаружилась ещё одна дверь. Складывалось впечатление, что всё здание имело линейное построение из расчёта один выход – один вход.

Абсманов набрал комбинацию на сенсорной панели стены, внутренняя дверь открылась. Из неё вышло трое мужчин в халатах. Нет нужды описывать их внешность. Хоть и по всем параметрам они отличались друг от друга, но объединял их общий образ. Типичные работники научно-исследовательских центров.

– О, че за чудики? Ну, здарооооваааа, пацаны! – Бросил Гриша.

Мужчины только посмотрели на подростка, ничего не ответив. Каждый сел за рабочий стол. Послышались клацанья

клавиатуры, а на экранах замелькали открывающиеся вкладки с диаграммами.

– Итак, господа, давайте не терять времени. По одному человеку на каждый стол. Вся процедура займёт две минуты вашего времени. Поехали.

Возражений и вопросов не последовало. Гриша двинулся к крайнему столу слева. Миша Срокин протиснулся между Диной и Ольгой, занимая стол номер два, а Лёня подходил к столу номер три.

На первую тройку белые халаты нацепили большие очки, походившие на очки виртуальной реальности, по типу тех, что были лет сто назад. Гриша мерзко засмеялся, прошипев: «извращенцы». К тыльной стороне рук напялили приборы, переливающиеся красными огоньками по часовой стрелке.

Строчки в неизвестной программе запрыгали зашифрованными знаками, очень стремительно заполняя собою пространство экрана, продвигаясь в недра невидимого края. П слышался лёгкий щелчок, после которого три руки читаемых немного дёрнулись. Красные огоньки сменились зелёными, перестав нарезать циферблатные круги.

Просидев так полторы минуты, люди в халатах неспешно скрутили провода, отложив их в приготовленные маленькие чемоданчики.

– Готово. Очки можете снять. – В три голоса, словно высокотехнологичные роботы, проговорили специалисты.

– А что, когда мы, извольте, будем проходить ваш детек-

тор лжи? – Спросил Михаил своего лаборанта.

– Простите? – Не понял тот.

– Михаил, вы уже его прошли. – Встрял Абсманов. – Вы в каком веке живёте? Думали, вам будут вопросы задавать и смотреть на реакцию организма? Вся ваша память уже скопирована на жесткий диск.

– Вот вы уроды, это разве законно? – Оскалился писатель.

– Такая уж работа, но всё по учебнику. Информация строго конфиденциальная, личную жизнь вашу никто не тронет... и ваши посторонние дела, так сказать. – Недвусмысленно подытожил Фёдор.

– Я так понимаю, кровь у нас уже успели взять, да? – Спросил Лёня.

– Да. Вот эта вот штучка, что у вас на руке, она не только кровь взяла, но и весь биологический материал. Заметили вон те светящиеся круги? Каждая из них взяла из вас всего по чуть-чуть, нам как раз хватит.

– А че эт ваши рабыни такие пришибленные? Под [ЦЕНЗУРА] пацанчики?! – Бзднул подросток, вставая и потирая руку.

– Потому что это не совсем люди. Для подобных ответственных работ мы берём специально выращенных (под конкретные функции) суррогатов, но это долгая история, расскажу как-нибудь потом. Следующая тройка! Так, вам Фёдор, – обратился Абсманов к уже дёрнувшемуся Мышкину, – не нужно. Вы и так проходили.

Мышкин остался на месте. Пошли Дина, Лёша и Соловьёв. Процедура повторилась механически точно. Финальная тройка: Союз и семейство Золотовых.

Не прошло и десяти минут, как всё было кончено. Даже не верится. Абсманов сиял яркой улыбкой. Говоря между делом, его оскал даже слегка пугал особо встревоженных.

– Отлично, просто отлично! Мы полностью закончили. – Торжественно громко прокричал Фёдор. – Вас, господа, я прошу в эту дверь. – Он пропустил мужчин в халатах в ту дверь, откуда пришла вся эта шобла свидетелей. – А вас, господа, я прошу пройти на выход через эту. – Его ухоженная ладонь указала на противоположную дверь, откуда выходили лаборанты.

Секретарь первый подошел к двери, ввёл пароль. Вежливо пропустив всю радостную и возбуждённую толпу, добавил:

– Сейчас друзья, минутку постоит там. Я захвачу одну папку и провожу вас к машинам. – Пролепетал он, закрывая дверь с обратной стороны.

Возмущенная звуковая волна оборвалась герметичной дверью, не дойдя до ушей куратора. Но тут ничего нельзя было поделать. Оставалось только ждать.

8. Вечная преданность

– Чудесные три года. Не правда ли? – Молодой человек

Федя задумчиво смотрел в зеркальный потолок.

– Угу.

Возле причудливого, инкрустированного мрамором, комода стоял немолодой широкоплечий мужчина. Он был повернут спиной к Фёдору. Короткий ёжик обрамлял его затылок.

– Иногда я не понимаю тебя. – Продолжил молодой человек.

– А что ты не понимаешь? – Мужчина накинул свежий пиджак тёмно-асфальтного цвета, повернулся к собеседнику (и главному секретарю по совместительству) лицом. Под носом у него имелись густые усы на манер «щёточки».

Хоть некоторые историки ещё в состоянии вспомнить, что такой мужской «аксессуар» в древности носила одна гнида, но сама ассоциация давно канула в искривлённой и забытой истории. Жизнь человеческого потребления сделала круг, где «щёточка» снова стала одной из многочисленных популярных причёсок.

– Я не понимаю, почему в одно мгновение ты [ЦЕНЗУРА], а моргнув, становишься бюрократически сух. Тебя не снимают камеры, нет рядом твоих «экономически выгодных союзников...»

– Слушай, прости. Я знаю, как всё это выглядит, но пойми, сейчас достаточно напряжённая ситуация. Е-е эти... сам понимаешь «кто», дают своей хуйнёй тупорылой. Хотят задрать нам ноги, взгромоздив их на плечи, сделав из нас по-

слушную сучку. И всё из-за крыс, которые как-то умудряются выносить строго засекреченную информацию. Благо, ещё хоть в-ю с-ю удаётся контролировать, но ведь могут в край обнаглеть. – Тут В-ь сильно закашлял, прикрывая рот кулаком.

– У тебя кашель уже сколько дней?

– Дней? Да, мы действительно не так много времени проводим вместе. – Шутливо смягчился мужчина.

– Врач?

– Ещё не был.

– Планируешь?

– А ты советуешь?

– Настаиваю. – Пылко ответил Абсманов, приподнимаясь на локтях.

– Прости [ЦЕНЗУРА], не сейчас. – В-ь также, в своей публично строгой манере подошел к [ЦЕНЗУРА], п-л в щ-у чуть задержавшись так, чтобы в-ь з-х.

– Ты ведь знаешь, это крайне [ЦЕНЗУРА] жест. И очень жестокий, в контексте...

– Знаю. Я сам, знаешь ли, страдаю.

– Я такого не говорил.

– Но иногда так чувствуешь. Не волнуйся. Через пару дней я вернусь, и мы продолжим беседу. У меня будет три свободных дня. Отдохнём по полной программе.

– А к врачу когда?

– Успеется. – В-ь глянул на часы. – Прости [ЦЕНЗУРА],

пора. – Он последний раз посмотрел на Федю по-человечески, затем изменившись в лице, придавая себе грозный, непробиваемый вид.

– С праздником! – Крикнул Абсманов вслед, так и находясь в приподнятом положении.

В-ь остановился у самой двери. Голова его повернулась в пол-оборота, выставляя свой топорный профиль. Он задумчиво кивнул и вышел, не промолвив больше ни слова.

– С праздником, Федя. – Сказал сам себе Абсманов, плюхаясь головой на подушку. Его занимало много разных мыслей, но о самом себе он предпочёл не думать.

Три года о-й с ч-м, который большую часть времени посвящает работе. И эта «трибунная» маска – достаточно распространённый эффект у публичных людей, которые забывают снимать образ, заигрываются. Потихоньку, маленькими шажками, они начинают верить в своё амплуа, а затем так в него поверят, что окончательно теряют домашние черты.

Феде хотелось думать, что всё это не про Женю (так называли В-я при рождении, он лично рассказал это своему другу, но звать его так было строго запрещено, разве что в редкие часы). Абсманов придумывал много отговорок всем этим «жестоким», как он сам про них думал, проявлениям. В список отговорок входили такие, как: усталость, большой груз ответственности, физические недомогания, недосыпы, нервозность и внешние проблемы с г-и, которые пытались исподтишка настроить честный народ против устоявшейся п-

и и их представителей. То есть, непосредственное давление постоянно оказывалось на В-я и его свиты.

Однажды Федя завёл шуточный разговор про то, что Евгений является если не п-м, то, как минимум: главной л-ю всего ч-а. На что, уже немного пьяный Женя (а он себе такое позволял нечасто) только горько ухмыльнулся, сказав, что он является всего лишь куклой, которая двигается под действием рук кукловодов.

В пьяный час такое заявление воспринялось как шутка. Зато на трезвяк начинаешь задумываться. Да так иногда задумаешься, что начинаешь невольно верить во всевозможные заговоры. Благо, социальные границы выстроены хитрым способом, психика человека умудряется изживать негативную действительность, переводя всё в паранойю, а в психушке мало кто хочет сидеть добровольно.

Ясно было одно: В-ю большой с-ы не позавидуешь. Лучше не лезть в его дела, не пытаться понять всю его боль, ведь есть вероятность потом не всплыть. И речь сейчас не об о-х б-и, которые скрутят, увезут в лес, а затем пока-пока. Тут тонкое дело ума.

Все эти мысли подпортили п-е [ЦЕНЗУРА]. Федя наморщился, скривил губы самому себе, в знак неодобрения такого стечения собственных рассуждений. В этот счастливый день хотелось чего-то светлого и доброго. А что может быть светлее первого чувства в-и и первого п-я? На лице секретаря просияла блаженная наивная улыбка. Морщинки раз-

гладились. В молчание комнаты ворвались те самые нужные воспоминания.

Вот отец Феде сообщает сыну, что смог по своим каналам договориться на счёт него там, сверху. Счастливый Абсманов-младший покупает свой первый дорогой костюм «тройку» (в п-х кругах до сих пор принято одеваться на манер предыдущих веков, тем самым создавая иллюзию т-й). Сначала будущего главного секретаря ставят на побегушки. Причём в его случае это не сравнительное слово, а вполне прямо обозначенное. Первый год Абсманова заставляли выполнять всевозможную унижительную работу.

На второй год Федечка начал работать ранером у старого секретаря Жени, а потом и у самого В-я. Симпатия сразу сложилась взаимной. [ЦЕНЗУРА] вспыхнула как в кино. Даже смешно вспоминать, всё так наивно м-о и г-о. Взрослый мужик, к-р огромной д-ы при виде ю-и весь скукоживался, становился кротким, неуклюжим и мягким.

А Федя, в свою очередь, только краснел лицом, не смея поднять глаз. Только изредка он бросал на м-й п-ь В-я беглый взгляд, но не более.

Всё это детское ребячество продолжалось долго, пока старого главного секретаря не уличили в предательстве р-ы, казнив прилюдно, показывая трепыхания по центральным каналам. Ну а после, неожиданное (смотря с какой стороны посмотреть) предложение Абсманову занять освободившуюся должность. Неловкое п-е, п-й и... И вот уже кануло три года.

За это время Федя не то, чтобы сильно повзрослел. Он был всё таким же красивым молодым человеком. Но за три года набрался такого опыта, таких знаний и мудрости от общения с Женей, что более ничего в нём не осталось от того юнца из богатой семьи. Теперь он стал правой рукой самого узнаваемого и значимого п-о деятеля на м-й площадке.

После обрывистых воспоминаний, в голове мелькнул Женин кивок. Улыбка с Фединога лица спала. Пора было отправляться в свои апартаменты, а завтра с утра идти на совещание по формированию медийного пространства.

Вернулся Женя, как и обещал, через два дня. Правда, состояние его было ужасным. Из частного самолёта главу га сразу повезли в больницу. Как доложили Фёдору: «У Вя неконтролируемые спазмы, кровавая мокрота, кашель на постоянке и жуткие хрипы».

Абсманов мчался из дома на личном автомобиле. Водителя дожидаться он не стал, хоть и сам не очень любил водить. На красных «стопах» автомобиль проносился, рискуя вмазаться в зевак. Благо, официальная мигалка позволяла, да и ехать не так, чтобы далеко.

Под словом «больница» подразумевалось не привычное медицинское учреждение для всех, а полусекретная клиника неподалёку от основного штаба, спрятанная в глубине леса, ограждённая великим забором, бонусом напичканная головорезами.

Кроме стандартных услуг п-м г-м и ближайшему их окружению, здесь занимались неофициальными разработками новых биологических добавок для улучшения жизни, а также тестированием химоружие. Одним словом – объект являлся многозадачным. Фёдору было известно далеко не всё. Доступ он имел только на два верхних этажа, плюс один нижний. Но и этого было достаточно, чтобы верить в великую силу ума своих яйцеголовых. Как издавна говорят: меньше знаешь – лучше спишь. И это святая правда.

На пропускном пункте Фёдору доложили: В-ь уже прошёл все обследования. Секретаря было велено спустить на минус первый этаж к Федотову Славе.

Федотов заведовал отделом по клонированию. Абсманов знал этого молодого таланта не понаслышке. Со Славой он дружил ещё с детства, когда папин друг (некогда большой человек в г-й иерархии) приходил к ним в гости, притаскивая толстенького парнишку в очках, который очень сильно картавил. Главной скрепкой их дружбы послужила скрытая «чертоватая» натура Федотова, который став чуть старше, пошел в полный разнос. Именно он познакомил Федю с отцовским [ЦЕНЗУРА], синтезированным [ЦЕНЗУРА] и проститутками всех цветов и возрастов. Сейчас Абсманов фактически не общался с Федотовым, но воспоминания о былом поднимали спектр его чувств к этому человеку до благих небес.

Секретаря очень сильно беспокоил факт, что Женю пере-

вели на минус первый, да ещё в таком оперативном режиме. Вождь хоть и рассказывал поверхностно про клонирование в штабе, но в детали совсем не посвящал. Говорил, рано ещё такое знать, что, мол, как будет свободная минутка, так и расскажу тебе, [ЦЕНЗУРА]. Но свободные минутки тратились на более важные манипуляции. Это «как-нибудь» сдвинулось на неопределённый срок, забывшись до сегодняшнего дня.

До лифта его проводил человек в чёрной спецовке. Федя поблагодарил служащего сказав, что спустится на лифте сам. Дорогу знает.

На минус первом, как и во всем здании, мужчину встретили белые стены с высокими потолками, с нарочито доминирующими стеклянными перегородками. Стекло и зеркала за последние пятьдесят лет приобрели статус «нового стиля». Теперь каждый богатый персонаж или юридическое лицо пытались понапихать в своих домах и офисах как можно больше хрупкого материала.

Пока Абсманов бежал трусцой по окружности коридора ища нужную дверь, он поймал себя на мысли, что руки его подрагивают, а в голове роится целый улей плохих мыслей. Ещё чуть-чуть, и слёзы побегут по его глазам. Стало немного тошно от собственной мягкотелости.

Показалась табличка со знакомой фамилией. Федя как мог успокоился, пригладил волосы. Последовал вежливый стук. Ему никто не ответил. Он хотел было постучать гром-

че, но вовремя вспомнил, Женя рассказывал про звукоизоляционные двери во всём здании, и не только в этом. П-е притоны вообще любят такие фишки. Фёдор быстро нашел маленькую сенсорную кнопку, нажал на неё. В открывшейся клавиатуре клацнул кнопку вызова. Дверь положительно запищала, на секунду осветившись по контуру зелёным цветом. Абсманов толкнул её.

Осматриваться времени не было. К нему навстречу вышел Слава. Волосы у него поредели, зато бороду отрастил вполне красивую. Всё те же очки с толстым стеклом комично увеличивали мужчине глаза. А лёгкая улыбка свидетельствовала о некоем подобии радости встречи, хоть и не в самый счастливый отрезок жизни.

Наспех пожав руку, Фёдор бестактно перешел к главному:

– Как он и почему сразу в твой отдел?

– Фёдор. Федька. Ты в какое время живёшь? Да успокойся ты, дружище! У нашего г-о случилось внутреннее кровоотечение. Чем это было вызвано – сказать сложно, но пошло с лёгких. Есть, конечно, у меня одна догадка, но она не так, чтобы сильно разглашаемая...

– Это всё потом, Слав! Увидеть его можно?

– Увидеть?

– Да, да!

– Федь, сейчас В-ь как бы мёртв, понимаешь?

– Как мёртв?.. – Абсманов побледнел, ноги его подкосились, а в голове ужасно зашумело.

– Федька, да успокойся ты, всё хорошо! – Федотов подхватил ближайший стул, усадив товарища. – Уже через неделю будет как новенький. Благо я успел взять последний «информационный слепок» головного мозга. Он даже не заметит, что что-то стряслось. Понимаешь? Просто проснётся, как ни в чем не бывало и дальше будет землю топтать.

– Это ведь как?..

– Только не говори, что тебя никто не просветил.

– Не просветил. – Абсманов вперил взгляд в бесконечную точку.

– Тогда твои чувства понятны. Да послушай меня! Давай я объясню тебе, и ты всё поймешь!

– ...

Слава начал трясти Фёдора.

– Алё, гараж! Соберись и слушай.

– Слушаю... только попроще, пожалуйста.

– Это я могу. Материал по объяснению уже много раз прокатывал на каждом «избранном», что побывал тут по делам, сам понимаешь. Смысл в том, что наш дорогой В-ь как бы умер, но не по-настоящему. Одной хренью я взял весь биологический материал, да и вообще, скажу тебе так: в библиотеке хранится очень много материала разных личностей. Скажем так, на всякий случай, мало ли что? В случае нашего г-я так вообще всё идеально. Его доставили живым. Я смог взять последние сведения его воспоминаний, привычек. Короче скопировал всего миленького. Теперь дело за малым:

взять выращенное заранее тело (у В-я их сейчас три), а затем захреначить в него информацию. И вот он снова живой и здоровый! А ты тут развёл сопли.

– Но это будет уже не то... этот Же... эта личность мертва. Хотя новый В-ь будет всё помнить, всё знать, но по факту – просто клон...

– Во-первых, по всем признакам это будет как раз-таки тот же самый человек. Абсолютно. Поверить в это тяжело, но ты не забывай учения о материи и программировании. Исходный код тот же. Даже тело на молекулярном уровне останется идентичным. А вся информация «намагничивается». Во-вторых, с чего ты взял, что этот В-ь оригинал?

Фёдор резко вздёрнул голову на учёного, вопросительно посмотрев тому в глаза:

– Ты хочешь сказать, что умер очередной дубликат?

– Он не умер. Просто при такой процедуре мне самому пришлось его умерщвлять. Тут много своих тонкостей. А изначальное это тело или дубликат, или дубликат дубликата – я не имею права разглашать. Ты уж прости, но мне за такое башку оторвут. Просто знай, оригинал от дубликата уже невозможно отличить не на одном из этапов проверки. В этой с-е чудес – Слава обвёл свою лабораторию руками, – происходит действительно волшебство. Здесь мы наёбываем природу, аллилуйя! Есть, правда, одно НО...

– Какое же?

– Это неофициальная информация. Говорю сразу, просто

моя гипотеза, не более.

– Не томи!

– Полегче... Суть в том, но это только догадка, которую я клинически не проверял, что клонированные личности (если они были гетеросексуальными, и не важно, женщина это или мужчина) могут приобретать [ЦЕНЗУРА] наклонности. Как мне кажется, это побочный эффект самой технологии. Где-то в недрах искусственно выращенного подсознания возникает ошибка, лёгкий эдакий намёк личности, что он что-то потерял. В контексте самой этой чудесной «реинкарнации» происходит потеря частички себя, хоть и воссоздаём мы всё на сто процентов. Потеря своего маленького «я» не очевидна для клонированного объекта. Сознание ничего такого не улавливает, но маленькая заноза сидит глубоко в подсознании, напоминая о себе. Тем самым мозг самой личности начинает неправильно трактовать это лёгкое недомогание, начиная ложно списывать привязанность (в случае мужчины – мужское начало, в случае женщины – женское) на свои с-е предпочтения. Говоря простым языком: человек пытается восполнить недостающий кусок себя аналогичным биоматериалом, но это невозможно. А ещё есть аномалии внутренних органов в двадцатипятипроцентных случаях, но это мелочи. Заново смастерить человека – не проблема.

– Ага, вот оно, значит, что...

– Это только догадка, не более. Не воспринимай близко к сердцу. Такие вещи тяжело доказать. Человек может иметь

наклонности и с детства, тут уж никак это не определить.

– А как же воспоминания?

– Их можно легко изменить. Знаешь, раньше я бы тебе ни за что такое не смог рассказать, но месяц назад у тебя изменился статус на плюс восемь и пять. Очень высокий балл доверия, знаешь ли, значит, теперь в некоторые вещи можно тебя посвятить. Задолго до моего появления началась вся эта движуха. Первые эксперименты там и всё такое. Ты уж прости меня, как только вижу тебя, сразу включается этот простетский жаргон, будто нам снова по лет семнадцать. Так вот, изначально эксперименты начали ставить на людях из тюрем. Первые полсотни точно передохли. Потом выяснилось, что проблема не в передаче информации в новое тело, а в самом записывающем устройстве, но не суть. Когда проблему устранили (переписали знак кодировки), то всё пошло чики-пики, как говорится. Один умник по фамилии Пашкевич умудрился найти во всей этой мути спрятанный скрипт для возможности залазить в хранилище памяти, а там, пользуясь аналогичными записями... как бы тебе проще объяснить? Вот когда ещё всё только начиналось, людям надевали шлем такой с датчиками, заставляли их думать разные слова и фиксировали результаты мозговых волн. Так вот, все эти результаты стали алфавитом, с помощью которого Пашкевич научился находить отдельные мысли! А ещё потом другой хрен научился добавлять абсолютно новые мысли. У волн же нет голоса там и всё такое, только чистая информация, не

более. А голос к воспоминаниям добавит собственный мозг. Он у нас очень эгоистичный, будет говорить только своим тембром. Я только хочу сказать, обработать человека ничего не стоит. Иногда приходится конкретно все так перешить по заказу, но это уже скрытая информация. Единственное могу сказать тебе точно: информационные коды В-я не имеет права менять никто. С этим строго, да и смысла нет.

– Понятно... И когда можно будет навестить?

– Навещать ты его не здесь будешь. Придётся ехать в отдельный пансионат для «воскресших».

– И такой есть?

– Да. Начальству скажу, адресок тебе скинут. Ну, или доставят, как уж решат. Это не в моей компетенции. А по поводу «когда?» уже скоро, я же сказал. Вот если бы тело нужно было выращивать, то понадобилось от полугода плюс-минус, а так дело за малым. Тебя уведомят.

– Понятно. Ладно, спасибо Слав. Прости, что отнял столько времени. Пойду восвоюси. – Федя тяжело встал со стула и уже протягивал руку для прощального пожатия.

– Да не за что. На старого друга не жалко. Уже скоро мой день рождения, свидимся и по пивку, как обычно!

– Люблю я наши встречи и жду.

– А я-то как! Эти посиделки прямо машина времени. Тебя проводить?

– Не утруждайся, Слав. Дорогу знаю. Ещё раз спасибо.

– Бывай, старичок.

Секретарь вышел из лаборатории. Мысли его перестали роиться. Всё-таки Он будет таким, словно ничего не было...

Женя сидел на лавке в непривычном для себя больничном халате. Конец мая выдался очень уж тёплым, сидеть в четырёх стенах в такой чудесный день просто преступление.

Поодаль, рядом с искусственно выращенной сакурой притаился телохранитель. Его присутствие в целом было лишнее, учитывая повышенную степень охраны самой территории «санатория», но внутренний этикет и правила нельзя нарушать.

Фёдор, как всегда неотразимо одетый в один из своих элегантных костюмов, тихо подошел со стороны второго въезда, консервативно держа свежий выпуск еженедельной газеты.

Евгений заметил секретаря, когда тот с нежной улыбкой уселся рядом, чуть поодаль. Абсманов раскрыл газету на первой попавшейся странице и начал делать вид, что увлечённо вчитывается в какой-то абзац. Тут он обратился к своему соседу как-бы между прочим:

– Я вам не помешаю? Чудесный день, не правда ли?

– Чудесный. – Ответил В-ь, улыбнувшись в ответ. Цвет лица его отдавал бледностью, да и в целом его состояние больше походило на отходняк после гриппа. Это такое чувство, знакомое абсолютно каждому человеку на Земле, когда организм после долгой напряженной борьбы выздоравливает и наступает долгожданное «отмокание» каждой клеточки. –

Я тебя наверно здорово напугал.

– ...

– Зря я тогда не послушал тебя. Нужно было не тянуть со здоровьем. Врач говорит, обратись я вовремя, не находился бы на грани смерти.

– Благо всё обошлось. Тебе крупно повезло, кровоизлияние произошло не в воздухе. Кто знает, может сейчас мы бы тут не сидели. Я рад, что с тобой всё хорошо.

– Ты ведь знаешь, даже если б не дай б-г что, всегда могут сделать клона, без потери ни одной мысли, но об этом я расскажу тебе чуть позже, когда придёт время.

– Да, да, понимаю. Позже. – До Абсманова дошло, В-ю никто не сказал. В этом, походу, заключалась ещё одна часть процедуры. Секретаря никто не предупредил, но он и сам догадался, стоит держать язык за зубами. – А в целом, как себя чувствуешь?

– Хорошо. – Евгений посмотрел на Федю чистыми глазами, но в них висела некая толика абстрагированной грусти. Тяжело так сразу прочесть самый доступный, но в тоже время, самый замысловатый код человеческого состояния или как раньше выражались: увидеть человеческие струны души.

– Выходные у нас немного не задались, не правда ли? – Как бы в шутку, с лёгкой улыбкой, сказал Федя, меняя общий тон беседы.

– Ещё успеется. Жизнь наша куда дольше и сложнее, Феденька. Сегодня мне обещали выписку. Быстро как-то, но это

к лучшему. Нет времени прозябать в этой психушке. Поедем в штабы?

– Я и приехал отвезти тебя.

– Отлично, тогда надо этому бугаю Вите сказать, чтобы собрал мои вещи и вперёд.

– Тут ещё такое дело, предупреждаю заранее. В штабах сидит и-р Японии. – Лицо Евгения помрачнело. – Не волнуйся, тебе нельзя. Ничего конкретно важного он не хочет, скорее даже, наоборот, решил обсудить посторонние вопросы. Насколько я понял со слов нашего переводчика, Харуни-то хочет дружески поговорить о культуре и о рынке развлечений. Как мне кажется, хочет что-то нам втюхать.

– Ему уже объясняли, наше г-о единственное в мире, которое не признаёт pidogov на 3-м уровне?

– Ну, в целом про культурный код ему намекал зам.

– Тогда что он планирует нам впарить? Они ведь все там погрязли!

– Этого знать не могу.

– Ладно, разберёмся. Будь добр оформить мою выписку, а я пока в машине посижу.

– А как же переодеться?

– В машине переоденусь. Нет времени тут прохладиться. Вдруг Пасюков без моего ведома подпишется на какое-нибудь говно, а эту саламандру даже не повесишь потом, один выговор. Нужно спешить.

Абсманов кивнул, улыбнувшись словам В-я, побрёл в сто-

рону дверей больницы.

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДНЕВНИК ФЁДОРА А.

ЗАМЕТКА ОТ 14.06.2136

Мой психотерапевт ещё давно говорил, каждому из нас нужно выговариваться хотя бы раз в месяц. Ввиду всей сложности коммуникации и ушей на каждом шагу, совсем уж откровенничать опасно даже для самых влиятельных господ.

Складывается такое чувство, наподобие паранойи, когда в каждом начинаешь видеть тайного агента или просто внутреннего недоброжелателя, который только и ждёт, когда ты проколешься, чтобы наступать на тебя. А затем, не успеешь моргнуть и глазом, а твоя физиономия по всем каналам с петлёй на шее. Ты стоишь на этой платформе человеческого возмездия и ждёшь, пока закончится очередная реклама элитного нижнего белья или, к примеру, сниженной ипотеки на сомнительные новостройки. Одним словом, говорить откровенно с людьми совсем стало небезопасно.

Вчера Слава встретил свой день рождения. Это значит, что и мне скоро стукнет тридцать два. В наш век все эти цифры не так важны, если имеются деньги. Купить можно всё, в том числе и молодость, но речь сейчас не об этом.

В этой зашифрованной проге можно побыть самим собой на все сто процентов. И хоть с последней записи прошло уже

более четырёх лет – никогда не поздно продолжить вытаскивать свои мысли, нарывы и просто наивные рассуждения с целью терапевтического катарсиса, хоть я в него и не верю, но чем чёрт не шутит? В любом случае, хуже не будет.

У меня всё не выходит из головы Славина гипотеза. Скажу больше, я просто уверен, никакая это не гипотеза, а самый настоящий факт, который Слава решил преподнести мне таким жирным намёком.

Весь этот реинкарнационный «цех» наводит на меня ужасную апатию. С одной стороны, каждый просвещённый знает про этот, если и не вечный, то, по крайней мере, очень долгий планомерный биологический фокус с постоянным замещением тела на новое без риска потерять «душу». Но, с другой стороны, клонированный человек не знает, что он клон.

Тут есть свои исключения. Например, писатели-классики, которых воскресили с целью продолжения культурного просвещения. В таком случае тяжело скрыть информацию, когда субъекты являются исторически зарегистрированным кодом, конкретной личностью, что оставила свои рукотворные флюиды и факт когда-то давнишней смерти. С другой стороны так же стоит взять в расчёт и тот факт, что клонирование такого персонажа, с точки зрения нужного материала, довольно скудно. Абсолютно всю информационную составляющую умельцам из отдела приходилось клепать вручную. Привлекались историки и психологи, которые помога-

ли восстановить хотя бы приблизительную тень некогда ума, что жил так давно и писал такие великие вещи. Наверное, поэтому все воскресшие классики – всего лишь пародия на тех личностей. Но самое страшное заключается в том, что и Женя теперь мне кажется пародией.

Да, благодаря более совершенному биологическому материалу Женя получился «один в один». Он даже не заметил, что умер. Живёт теперь, как ни в чём не бывало. Не стоит заведомо ложно думать, что [ЦЕНЗУРА] мои как-то изменились к этому человеку.

Сложно в это поверить, но я действительно [ЦЕНЗУРА] абсолютно бескорыстно. Да будь он не г-й г-а а, к примеру, продавцом фруктами – это ничего бы не изменило. Тут ведь совсем другое. Химия. З-х. В-д. Да даже если Женя был не м-й, а ж-й, то и в этом случае я [ЦЕНЗУРА]. Ведь суть ли не в определённой комбинации г-й или с-х норм. [ЦЕНЗУРА] – то, что невозможно объяснить по-настоящему. И хоть все учёные разом кричат про свои скудные познания в этом вопросе, мол, продолжение рода, отклонения, мода, привязанность и т.д., но все они ошибаются в одном. Ведь говорят они вовсе не о чувствах, а о биологии.

Мало кто любит говорить о хороших вещах в наше время. Фанаты актёров, к примеру, хорошо помнят, когда их «предмет» обожания скончался. Или вот все отлично помнят даты крупнейших казней по делу о к-и, хоть даже самый последний мещанин понимает в глубине души, что все эти дела

просто сфабрикованы, что главные к-ы именно те люди, которые с ней и б-я. Но вот мало кто вспоминает про новости, в которых рассказывают про двух людей, которые влюбились друг в друга с садика, и с тех времён не расставались вплоть до своей естественной смерти от старости. Сколько счастья они пережили вместе, ни разу не усомнившись в своём партнёре.

Я просто уверен, они никогда не интересовались ни статистикой, ни биологией. Кто-то выбирает знание, которое отзывается синонимом к слову «страдание». А есть не такие начитанные, но зато мудрые люди, выбирающие простоту и неведение, тем самым вознаграждая себя ореолом счастья.

Ж-я стал совсем другим. Всё осталось при нём. Даже детальное воспоминание последней нашей беседы и всё то, чем [ЦЕНЗУРА], но вот его взгляд будто померк.

На все мои [ЦЕНЗУРА] – отвечает сухо. Всё время пытается избегать общения. Да и вообще, пытается загружать себя работой по максимуму, даже той, которую могут решить его бесчисленная свита подчинённых.

Горько говорить, но [ЦЕНЗУРА] пропал совсем. Точнее, была у нас [ЦЕНЗУРА] один раз после происшествия, но вместо Жени был просто в-й и о-й В-ь (именно В-ь!), который всё делал так, лишь бы скорее от него все отвязались.

Сейчас я напоминаю сам себе маленькую ноющую псину. Тупую такую, каких уже мало на свете. Хотя, казалось бы.

Если бы я знал, как всё вернуть или, по крайней мере,

поставить правильные точки, но нет. На вопросы Женя отвечает уклончиво. Говорит, всё хорошо, просто много дел. Сейчас такой ПЕРИОД, но я-то знаю, что больше он ничего [ЦЕНЗУРА].

Предчувствую близкий конец. Я бы сказал, что даже знаю, что он совсем рядом. Не чувствую я терапевтического эффекта от всей этой поебени. Может, не стоило так много пить? В ближайшее время обязательно прочту эту заметку на трезвую голову.

ЗАМЕТКА ОТ 30.06.2136

Не думал, что продолжу тратить время на эти каракули. На трезвую голову совсем становится стыдно. Говоришь себе: «Это не работает. Просто займись делом». Пытаешься забыть весь этот бесполезный опыт, но после действительно уносишься под градусом, и вот буквы снова вычерчивают хлам ума. У меня есть предположение, что всё же данный метод может отчасти и работает. Просто сама личность не видит мелких положительных изменений. Ей подавай сразу чудесный итоговый результат, но так обычно не бывает.

Снова я безбожно пьян, но из глаз моих не вылилось ни одной слезинки. Сегодня. В предыдущие же два дня было реально тупо. Сейчас я с отвращением думаю о своей чрезмерной эмоциональности. Мне кажется, могло обойтись без этих жалостливых (самый мерзкий вид) слёз к собственной

судьбе. Вот мне сдался этот [ЦЕНЗУРА]! Основная трагедия моей жалкой персоны началась двадцать восьмого числа. Не знаю, чем я тогда думал, но вышло тем самым местом, которое до сих пор используют для открыток.

Что только не предпримет человек, чтобы спасти свои о-я. Вот дурак! Посчитал очень р-м прокрасться в покои [ЦЕНЗУРА] среди ночи с белоснежной розой во рту... Сейчас пишу это, и сам чувствую к себе омерзение!

Вот я вваливаюсь о-й, п-й, с покрасневшимися щеками, а там... Там этот [ЦЕНЗУРА]. Лежит, привязанный к [ЦЕНЗУРА]. Ноги его были з-ы в-х, к-ь к расписной спинке резиновыми жгутами. Его [ЦЕНЗУРА] глядел точно на меня.

В первую секунду в глазах В-я скользнул страх. Когда он понял, что это не покушение на его клонированную жизнь, а всего лишь знакомое лицо человека, который поддерживал и убирал за ним чуть ли не дерьмо, то страх сменился сожалением, но каким-то высокомерным, раздражительным. Понять его можно, но я не буду. Если человек готов растоптать все три года за [ЦЕНЗУРА], то с чего вдруг мне становиться благородным и понятливым?

Сейчас я понимаю, сам виноват. Весь этот спектакль был по моей вине, но и меня можно понять. Что мне оставалось делать?

Рядом стоял юноша, не больше двадцати лет. Накаченный спортсмен с модельной внешностью. В руках он держал какую-то, совсем мне непонятную [ЦЕНЗУРА], на которой от-

чётливо прочитывалась надпись: «Made in Japan».

Молодой человек был в ужасе. К слову, я ни в чём его не виню. Есть одна простая истина, которую не понимают до сих пор большинство всех этих живущих мещан. Если женщина тебе изменяет, то винить нужно не её любовника, а саму женщину. Не существует никакой сверхъестественной силы (кроме насилия, но это отдельная история), которая могла бы одурманить голову вашей половинки, заставив её пойти на ужасную низость.

В то мгновение я стоял, чувствуя подкатившую бледность. Кровь слишком резко отхлынула от моей головы, заставив дрожащее тело замереть в стиле мифологических концепций. За время этой нелепой сцены никто не проронил ни слова. Чуть позже мне удалось найти в себе силы. Я даже произнёс: «Прошу прощения», после удалившись... Не могу вспомнить, как вообще мне удалось добраться до своего дома, но зато я отчётливо помню, как предательские слёзы мешались со звуком рвоты от выпитого мною.

Следующий день мало чего принёс. К слову, похмелье усилило чувство собственной ничтожности. Оставалось только сообщить, что я заболел, а затем продолжить пить.

Ближе к пяти часам Женя сам позвонил на мой выходной номер. На этот раз он не забыл надеть маску «в-о» и «п-о» человека. Сказал он приблизительно следующее: «Я знаю, что поступил плохо. Просто боялся обидеть тебя. Ничего не говори, послушай. Я просто хочу, чтобы ты не уходил со служ-

бы. Ты [ЦЕНЗУРА], но сейчас я не хочу [ЦЕНЗУРА]. Прости». На этом г-ь положил трубку. Что-что, а увольняться я и не планировал. Вот наглотаться таблеток... Хотя такой вариант, даже на пьяную голову, сразу улетел в урну. [ЦЕНЗУРА] уже давно не в моде. Надоела жизнь – уйди в nirvanу с помощью современных технологий. Не так дорого, между прочим. Другое дело – мои ч-а. Чёртова невозможность – вот так просто сдать.

Я не из тех, кто может легко переключиться. Даже сама ф-я связь мне не так важна, как личность ч-а, который смог [ЦЕНЗУРА], поэтому, оставалось только пить, параллельно в-я целые горы [ЦЕНЗУРА].

Сегодня же, хоть голова моя гудит, руки трясутся, а нервная система совсем пришла в негодность, зато теперь я чётко понял для себя, пустить всё на самотёк я не могу. Пусть я больше не смогу быть счастливым. Пусть меня накрывает волна депрессии и полного безразличия, но оставаться неотомщённым я не намерен.

Хорошо, что у меня есть доступ к камерам охраны, а ещё картотека всех живых и мёртвых. Новую п-ю Жени найти не так, чтобы сложно. Несколько кликов, десять секунд ожидания и, пожалуйста.

Н-я с-а – французская блять. Зовут героя Фредерик Бедгбередер. Двадцать три года. Он действительно оказался моделью-эмигрантом, а э-й ш-й просто подрабатывает.

Выловить засранца будет просто, а ещё проще будет за-

ставить его слушаться только меня.

ЗАМЕТКА ОТ 12.07.2136

Всё получилось. Заходя немного издалека, хочу отметить, сам Фредерик не питал (достаточно очевидный факт) абсолютно никаких ч-в к В-ю. Зато деньги он очень любит. Этот «п-н» с главой г-а – был его последним «выходом» перед уездом на родину. Виза с-а кончалась. Несмотря на красоту, карьера тут не клеилась, а такой удачный большой заказ стал подарком судьбы для молодого и бедного карьериста.

Угрожать парню не пришлось. Он всё честно рассказал, посматривая на пистолет в моих руках. Хочется заметить, я не тыкал железякой в лицо, просто аккуратно держал при себе. Да и вообще, приехал он сам, хоть долго поначалу отпирался.

Выловил я его достаточно изящной ложью. Мол, сам захотел п-я. Сначала Фредерик говорил, что всё, баста. Объяснил ситуацию, но жадность сыграла свою злую шутку.

Сидим мы в комнате. Я предложил выпить, попутно объяснив ситуацию. Что хочется мне (сам я ещё толком не зная чего) сделать что-то такое, от чего легче станет, что ли? Французик быстро проникся историей. По крайней мере, водка сделала его глаза влажными, размазав акцент ещё больше, а пистолет напоминал, на чьей лягушатник должен быть стороне.

Тут я пообещал хмырю баснословные деньги, если он только подскажет мне, даст намёк, информацию, да хоть хлебную крошку, на большое место с-а.

При сочетании «большие деньги», Фредерик сразу изменился в лице. Щёлкнул пальцами. Показывает на себя, а потом на своём ломанном объясняет, слабостью этой может оказаться он сам. Ведь Ж-я м-а просто затерроризировал. Достав свой телефон, он показал переписку, в которой г-ь всячески признавался в своей одержимости. Читать всё это было мерзко, но план мести пришел незамедлительно.

Я узнал, у француза уже взят билет на двенадцатое июля. Улетал он в свой лягушатник в два часа пополудни последним рейсом. Это означало, что я мог купить его время вплоть до отлёта.

Начался мозговой штурм, который продлился недолго. Хорошая мысль пришла самому Фредерику (спасибо ему большое, все же французы могут понять р-е с-е). Он предложил назначить встречу В-ю у себя на съёмной хате в рвотном квартале. Сначала я ничего не понял, всё-таки вот так слёту догадаться непросто. Но картавый затейник продолжил, объяснив, что может заказать такой фреш [ЦЕНЗУРА] дерьма, что сами мысли В-я, а затем его последующие действия, и будут его главным наказанием.

Когда же я поинтересовался о составе и о деталях эффекта, Фредерик только пожал плечами, причём два раза, с промежутком на свою нечленораздельную болтовню. Как я по-

нял, фреш сделает [ЦЕНЗУРА]. Для чего и кого – таким типам не важно. А эффект, говорит он, сугубо индивидуальный, но он точно знает, В-ь возненавидит себя потом, почувствовав ничтожность за содеянные кулебяки под «этим делом». И всё это на глазах у народа. А ещё французик попросит захватить те японские образцы, якобы опробовать на новом месте. Вот тогда повеселимся!

Весь этот план больше походил на ребячество, но мне ужасно понравилась абсурдность, вся эта неконтролируемая грязь. Я дал добро и мы пожали руки.

«Трагедия» прошла как по маслу. Фредерик позвонил Е-ю, нашептал своим с-о наигранным голосом, что [ЦЕНЗУРА], и чтобы тот прихватил игрушку. В-ь долго не соглашался пересекаться в таком месте, он всё-таки глава с-ы, но лягушонок стоял на своём и, в конце концов, маразматик сдался. Перед отъездом я дал ему в дорогу любимый кофе, куда удачно подмешал «гормон» – так Фредерик назвал эту смесь непонятных [ЦЕНЗУРА].

Проверять, естественно, никто не стал. А даже если бы и стали, то ответственным за проверку был я. Не зря ведь у меня должность главного секретаря. Всё-таки я главный с-ь ж-ы г-й. Но ничего, каждый получит по заслугам.

Всё было рассчитано, кроме одного. Обычно Женя сразу принимался пить свой «Le Safe» (ударение тут на последнюю букву), но в этот раз он виновато поблагодарил меня, взяв напиток с собой в машину.

Тут я запаниковал. Было непонятно, когда он начнёт закачиваться любимым кофе. Может и вовсе выкинет по дороге, но всё обошлось, хоть не совсем так, как я это запланировал.

Изначально Женю должно было накрыть на половине пути. Первым признаком при отравлении стало бы ужасное желание помочиться. Он обязательно попросил бы водителя остановиться где-нибудь в ближайшем месте. Не мочиться же ему в штаны или в дорогущей машине?

Фактом является то, что прижало его на «пи-пи» уже когда он приехал на место. Самого Фредерика в квартале и след простыл. Лягушатник был на полпути к аэропорту. Возвращался на родину французик миллионером, если считать гонорар без пересчёта на местную валюту.

Как показали глаза водителя, а потом и Мышкина, Же не снесло крышу, как только он вышел из машины. Сначала старый дурак принялся снимать штаны, пытаясь помочиться. Когда у него не получилось, то он начал нести какой-то несвязанный бред. Его вырвало. А затем, пошло-поехало. На водителя (тире – телохранителя) Женя наорал, сказав, чтоб тот не лез, а то казнит. Его руки начали делать движения как при наборе номера, но экран он даже не разблокировал. Начал орать: «Фредерик! [ЦЕНЗУРА]! [ЦЕНЗУРА]! Я [ЦЕНЗУРА]!» Начал метаться по углам, словно загнанное животное. Взгляд его (даже сделал скриншот с записи памяти) сделался совсем ужасающим. Точнее, сам ужас читался в этих маленьких потерянных глазках.

Женя [ЦЕНЗУРА], достал смазку и, не переставая кричать уже какую-то иную белиберду, начал намазывать себе этим гелем [ЦЕНЗУРА]. Охранник, понимая ужас ситуации, всё же побежал вдогонку, чтобы остановить пиздец, не побоюсь такого слова, но было поздно.

Хоть большая часть горожан ушла на дешёвый праздник, но всё же в кадр попали люди, которые с ужасом, но с огромным любопытством наблюдали такую НЕМЫСЛИМУЮ сцену.

Даже смешно просто представить. В-ь – величайший правитель, сторонник консерватизма, встаёт на к-и, [ЦЕНЗУРА] сам себя японским [ЦЕНЗУРА], который переливается отличной 3D-графикой реки Исикари с фоном в виде «сэ-китэй». Ладно бы ещё отечественным, но иностранным...

Компрометирующий материал я сразу скопировал на флешку. Критикующим с-м будет любопытно взглянуть на это представление. Такое бывает раз в тысячу лет. Хотя это я глупость сморозил, такого вообще ещё не было.

Когда В-я привезли в штабы, на него было больно смотреть. Признаюсь, я даже пожалел, что сотворил с... этим человеком такое. Внутри сразу начали скрестись кошки. Хотелось просто р-я, п-ь несчастного и сказать: «Вот видишь, видишь, как бывает больно? А мне в миллион раз больнее!»

Но этого не пришлось делать. Объявился врач, который вколол г-ю в задницу какой-то раствор. Потом его отвели в душ.

Тут уже набросились на меня. Ну, конечно. Главный подозреваемый. Даёт, значит, нашему родненькому кофе, а потом того плющит. Естественно, я дал заднего. А всю свою дню боль я убедительно перенёс на эффект: «господа, я тоже в шоке и в недоумении, так что стряслось?»

Переживать мне особо не за что, сейчас [ЦЕНЗУРА] настолько умело синтезируют, что их следов просто не обнаружить, а друзья детства иногда могут приятно удивить. Мозги водилы просканировали, а теперь вот и от агента поступил звонок по поводу Мышкина. Его привезли, сразу просканировали.

Осталась последняя часть. Нужно выловить всех свидетелей, «купить» их молчание, а когда дело закроют, то переслать материалы за границу. Вот тогда начнётся мясо.

Пишу, сам не понимая, откуда столько злости. Всё прошло отлично, скоро месть моя осуществится полностью, но вот перечитываю написанное, и тошно становится от себя. Ну да, м-к з-л, да и вообще, это клон! Но от чего-то меня разрывает на две части. Может, ну его к чёрту? Не доводить дело до конца, сказать, как есть, признаться, что моих рук дело, а то ведь совесть совсем загрызёт... Сказать, что [ЦЕНЗУРА], а потом упасть в к-и и заплакать... А вот мысли о с-х снова зарождают в сердце ярость. С каждым предложением всё больше запутываюсь в себе, своих действиях. К чёрту! Больше не пью. Сначала разберусь со свидетелями для отчётности, а потом подумаю, как мне поступить.

Диалектика овального стола (9)

Эту бетонную конуру тяжело назвать комнатой или служебным помещением, но только в том смысле, что пространство пусто. Справа в углу, если присмотреться через приглушенное освещение, можно разглядеть контейнеры на манер тех, которые используют коммунальщики для мусорных отходов. На перевёрнутой усеченной пирамиде красовалась пластмассовая дугообразная крышка. Сам контейнер имел зелёный оттенок дешевой краски, но утверждать такое при плохом освещении – слишком самонадеянно.

Брань стихла. Никто из матерящихся не вкладывал агрессии. В криках сквозило волнение. Это же самое волнение теперь расходилось волнами в наступившем молчании. Запахло потом, хоть в «подсобке» и не было жарко. Запах почувствовал каждый присутствующий. Горстка сбилась в стаю, в одну большую человеческую испуганную массу.

– Да что он там возится? Сволочь! – Тихо выругалась Ольга, придавая своему дрожащему голосу неубедительное возмущение.

– Ещё прошло от силы секунд семьдесят. Не нервируй. – Ответил рядом стоявший сын.

– Откуда такая точность? – Поинтересовалась Дина.

– Я считаю...

Ещё через сорок пять секунд, которые насчитал про себя Тимур, послышался приглушенный шорох у двери. Следом ворвалась полоса света из основной комнаты, которая тут же исчезла под силуэтом входящего Фёдора. В руке он держал папку.

Народ с облегчением выдохнул.

– Мы уж думали, что вы всё, забыли про нас, Фёдор. – Радостно пролепетала Золотова.

Секретарь ничего не ответил, только взглянул мельком в сторону голоса. Постоял немного, пока глаза привыкнут к мраку, а после двинулся к толпе. С другой стороны поблёскивал прямоугольный силуэт выхода.

Его фигура начала проходить через самую гущу толпы. Фёдор разводил всех этих людишек, словно М-й море. Следующие секунды были словно в тумане. Никто толком ничего не сообразил.

Сначала послышался глухой мягкий удар об пол. Это Фёдор уронил папку. А в следующую секунду вспыхнула искра. Уши у всех заложило. Полная глухота, только нарастающий мерзкий писк, доводящий до тошноты.

В объятия Тимура упала Ольга. Парень увидел вместо головы своей мамы – кровавое месиво. Сам он не мог видеть своего лица, но каждая клеточка чувствовала мерзкий запах внутренностей. Ноги его подкосились. Никакого понимания не было. Только писк, затуманенное сознание, чувство рвоты и предобморочное состояние. Пустые глаза юноши увидели

следующим кадром холодную пустоту, а следом его голова разлетелась вдребезги.

Поднялись ужасные вопли, но каждая душонка по-отдельности знала только про свой крик. Он был посвящён непонятному, неопишуемому ужасу. Забивные тела рассыпались по случайным сторонам, силясь понять, что вообще происходит? А происходило следующее.

В руках у Феди Абсманов был усовершенствованный девятимиллиметровый пистолет Стачкина с увеличенным магазином. За огромный промежуток времени о-й в-о-промышленный комплекс не изобрёл ничего нового, делая только обновления уже к имеющимся моделям, но в общем хаосе всем было насрать из чего устроен геноцид.

Следующим под руку попался Мышкин. Полз, так сказать, мимо. Видимо хотел подобраться к контейнеру в углу, но его тёска выпустил в него сразу три пули. Абсманова нельзя назвать хорошим стрелком, он не тянул даже на среднего, но благо места здесь было мало, пришлось стрелять в упор. Первые две пули Мышкин принял спиной. Вторая перебила ему позвонок, тело сразу отключилось, но парень ещё пытался тянуться к своей цели головой, сильно рыча, пока третий выстрел не прошёл ему через затылок, выбив левый глаз.

От прибавляющегося кровавого коктейля в помещении начало ужасно вонять железом. На Абсманова резко бросились, пришедшие более-менее в себя, Лёня с Мишей. У писателей может и получилось бы разоружить сбрендившего

секретаря, но тот, под действием адреналина, наугад выстрелил три раза в сторону движущихся целей.

Картина предстала поистине живописной. Миша с пробитым сердцем ещё сделал два робких шага, затем свалившись, скручиваясь в спираль, а Лёню чудом миновала вторая пуля, но третья попала точно между глаз.

Соловьёв сидел на полу без резких признаков паники. Руки он сцепил в замок, держа их на коленях, а лицо опустил вниз. Абсманов спокойно подошел, спустил в очередной раз курок, затылок ведущего превратился в весёлый фонтан, тело его обмякло.

Подойдя к неподвижному телу Лёши Гундяева, Фёдор сначала не понял. Тот выглядел уже мёртвым, но следов крови на нём не было. Зато начинало попахивать фекалиями. «В обморок упал, бедняга» – подумал про себя секретарь, направляя на грудь дуло, выпуская сразу две пули для надёжности. Это длинное бледное тельце дёрнулось только раз. Можно сказать, проектировщику повезло больше всех. Ушел он из жизни, не ведая об этом печальном факте.

Гриша и Дина находились у противоположной стены от контейнера. Гриша даже при таком освещении выглядел неестественно бледно. Его всего колотило, из глаз лились слёзы, а проститутка обнимала его, как мать обнимает своего дитя. Она плакала, но продолжала гладить ему голову повторяя: «держись милый, всё будет хорошо».

Когда Абсманов подошел ближе, то увидел, что из правого

бока у подростка сочится кровь. Походу задело шальной пулей, которая предназначалась Лёне. Теперь же Гриша сильно страдал. Он смотрел умоляющими глазами на женщину, всё повторяя: «больно... как больно, Дин...»

Дина почувствовала взгляд. Подняла голову на учителя. Смотрела она недолго. Первый же выстрел взорвал её черепную коробку, обрызгивая кусочками мозга лицо Гриши.

Подросток только взвыл на мгновение, а после затрясся. Его лихорадило. Вой этого мерзкого жалкого идиота только разозлил Федю, он с наслаждением искрошил надоевшую рожу в одну сплошную кашу, нажав на спуск аж четыре раза. Оставался только Союз.

Старик стоял рядом с дверью. Он не пытался прятать голову, бежать или предпринимать какие-либо ещё бесполезные действия. Стоял он по стойке смирно с ровной спиной. Подбородок его был вздёрнут чуть вверх, а глаза его, хоть и были налиты кровью вперемешку со слезами, выражали отнюдь не трусость, а готовность. Но к чему – было не до конца понятно.

Секретарь встал напротив п-а. Социальное расстояние было соблюдено. Вытянутая рука, даже чуть с запасом.

Мужчины смотрели друг на друга. Союз всё с тем же выражением готовности непонятно к чему, а Фёдор со взглядом уставшего человека.

– Вот и финал, Союз Демьянович. – Пистолет на пенсионера секретарь не направлял.

– Вижу я ваш финал! – Пробасил старик. – Но я не могу понять одного: зачем был нужен весь этот спектакль, если можно было просто сразу просканировать нам мозги, а затем спокойно убить! Зачем было разыгрывать весь этот цирк?

– Цирк... – Повторил Федя задумчиво. – Это не цирк, Союз Демьянович, а проформа. Сами понимаете, лица мы г-е, должны соблюдаться все правила.

– ...

– Вы не обижайтесь на меня и нашего г-я. По-другому не могло быть. Ведь это вопрос безопасности нашей с-ы. А я люблю эту с-у, больше всего на свете. Вы, человек большой чести, должны всё понять. Увиденное вами – недопустимо. Скажу вам больше, об этом никто не должен знать, ведь пока есть знание, есть и опасность утечки информации. Вы ведь не хотите, чтобы наши враги с запада выкрали вас, списав с памяти фрагмент, который разрушил бы весь режим? – Федя выжидающе официально посмотрел на Союза.

– Нет конечно! Но... всё это как-то... дико, что ли?

– Не спорю, но выхода у нас не было, простите. Я вас, товарищ Бунин, неспроста оставил последним.

– Хм... – Только нашелся старик, начиная шарить в своей голове возможные варианты таких стечений обстоятельств.

– Я знаю, вы настоящий г-й. Настоящий п-т. Человек большой души. Да, да, не смущайтесь, это правда. Скажу вам по секрету, вам выписана п-я медаль высшей степени за заслуги перед о-м. Там выгравировали ваше имя. Вот, смотри-

те. – Тут Федя достал свой телефон, пока искал что-то, испачкал экран кровью.

Это была фотография медали, где в центре стояла цифра «1», чуть ниже написано «степень», а по краю дуги мелким шрифтом красовалось фамилия старика с инициалами.

– Ох, что вы... не стоило, это честь для меня, но работал я не за награду, а за общество! – Начал было Союз, краснея лицом, расходясь в лёгкой улыбке.

– Именно поэтому вы заслужили высшую награду! Можно позать вашу руку? – Секретарь переложил пистолет в левую, а правой начал трясти стариковскую кисть. – Осталось вам, Союз Демьянович, совершить последний, главный подвиг, который только может совершить человек.

– Ох, я готов, готов служить своему о-у!

– Просто замечательно, уважаемый, просто замечательно! Видите ли, я сам по себе человек очень спокойный, не агрессивный. С огромным прискорбием и трудом я сделал всю эту грязную, но необходимую работу ради нашего В-я, но вот у-ь себя не могу, боюсь уж очень сильно. Нет во мне крепкого духа!

– Боже праведный, а вам-то зачем лишать себя бытия?

– Я ведь, знаете ли, тоже свидетель события. Да, да, такая вот работа у нас. Так вот, возвращаясь к теме. Как г-я с-ы и настоящего мужчину прошу вас: з-е меня, а потом ликвидируйтесь, пожалуйста. – С этими словами Абсманов протянул рукоять пистолета старику. – В обойме ещё четыре патрона,

но хватит двух. Мы ведь с вами осознано это делаем. Точечно. Ха-ха. Стреляйте!

Старик стоял как заворуженный, не поднимая руки, хоть указательный палец его уже был на курке. Секретарь учтиво взялся за дуло, приставив его к своей голове.

«Стреляйте» – прошептал он чуть ли не любовно.

Союз зажмурился, нажал на курок. Снова раздался грохот, но теперь оглушило не так сильно. Затем дуло уткнулось в стариковский висок. Рука его больше не дрожала, взгляд сделался спокойным и умиротворённым. Пересохшие губы разжались, дозорный тихо запел:

«...мы поднимем себя и близких,
создадим нерушимый союз. Всех свобод
нам на свете хватит, сплотить на веки
великую...»

Раздался выстрел. Наступила долгая тишина.

Эпилог

– Доступ у вас будет категории «С». Весь первый этаж, столовая (где вы и будете работать), а также общие комнаты отдыха входят в пропуск. Вот ещё, держите планшет. К глобальной сети его невозможно подключить, настройки менять

строго запрещается. Вот в этой папке указаны пациенты.

– Угу.

– Вот сюда на карточку нажимаете, и вся информация о пациенте отображается, как за день, так и общая. Кто-то ел, пил, сколько раз в туалет ходил, приём лекарств. В ваши обязанности входит внесение комментариев. У нас каждый член персонала вносит свои, так сказать, коррективы. Хоть везде стоят камеры и датчики, человеческий глаз мы не списываем со счетов.

– Предельно вас понял.

– Очень хорошо. Детали по поводу самого рациона вам уже расскажет Наталья Панова. Да и вообще, не стесняйтесь. Мудр тот, кто задаёт вопросы на непонятные ему вещи.

– Аааа, да, благодарю. Вопрос можно?

– Разумеется.

– Внутренний двор, я бы...

– Да, вы совершенно правы, совсем забыл. К нему у вас тоже имеется доступ. Хотите выйти осмотреться?

– Если вас не затруднит.

Пожилой мужчина в белом халате поднёс к сканирующей красной точке пластмассовый пропуск. Дверь открылась. Его спутник, мужчина средних лет в гражданской одежде, проследовал за заведующим, держа в руке только что выданную рабочую форму с гаджетом.

Внутренний двор санатория выглядел очень ухоженным. Все весенние лужи быстро высохали, так как бетонные до-

рожки имели подогрев. Сакура уже искусственно зацвела, а лавки выкрасили в свежий белый цвет.

В дальней части парковой зоны расположились качели, а строй лавок друг напротив друга образовывали подобие сквера. Вот только всё равно этот огороженный клочок хорошо просматривался. Именно там сейчас отдыхала группа пациентов.

– Как у вас здесь красиво.

– И не говорите, сколько лет здесь работаю, а глаза каждый раз радуются.

– У меня такой вопрос... Мне каждый раз нужно по фотографии находить нужного пациента? Ну, чтобы вести заметки.

– Ой, ну вы скажете. Разумеется, нет. На робе у каждого есть трёхзначный номер. Вы не заметили? Сегодня я что-то всё забываю... Вот по номеру смотрите, можно просто в командную строку вбивать.

– Понял.

– Попробовать при мне хотите? Так, на всякий случай. – Управляющий хорошо понял растерянность нового сотрудника столовой, как и все те немногочисленные люди, которым выпадает шанс устроиться в засекреченное заведение.

– Было бы здорово.

– Тогда пройдёмте.

Два силуэта двинулись в сторону отдыхающих. Остановились они за метров пятнадцать. Достаточно близко, чтобы

различить лица и крупные номера на робе, но достаточно далеко, чтобы не привлекать внимания.

– Начинайте.

– Так, хорошо. Допустим, номер «781». Теперь сюда?

– Да, да, смелее, тут не так, чтобы много куда можно было тыкнуть!

– Гундяев Алексей Константинович. Числится с середины января. – Мужчина в штатском ещё раз бросил взгляд на номер «781». Тот играл в бадминтон с номером «934». Повар забил и этот номер. – Таааак. «934» – Мышкин Фёдор Михайлович. Двадцать семь лет. Не женат. Живёт с мамой.

– Это вы уже в картотеку полезли, а вот если сюда нажать, то можно увидеть предпочтения. – Скорректировал мужчину.

– «371». Скеров Леонид Игнатьевич. Предпочитает груши «дюшес», виски... – Дальше читать мужчина не стал. Напротив Лёни за шахматной доской сидел номер «534». – Ага, а его противник Соловьёв Андрей... ого! Неужели тот самый, Вениамин Сергеевич?

– Да, наш горячо любимый голос.

– Так я ведь его по телевизору вижу. Прямые эфиры и в...

– Вы документы подписывали «о молчании» пятнадцать минут назад?

– Подписывал. Простите, по привычке. Больше не повторится.

– Ну как же... Меньше знаете – лучше спите.

– Так. А вот почему сразу парень и женщина под одним номером идут и имеют степень: «293¹» и «293²»? А, мать с сыном. Понял. Золотовы. Номер «888». Мужчина на качелях: Абсманов Фёдор Кириллович. Какой-то он подавленный... – Ольга с Тимуром сидели немного обособленно от всех на лавке, молча всматриваясь приблизительно в одну и ту же точку, где с периодичностью в две секунды мелькали Федины ноги. По крайней мере, так казалось.

– Вот и чудно. Идём назад?

– Можно ещё вопрос?

– Задавайте.

– У всех этих «клиентов» стоит одна и та же дата регистрации.

– Лучше не думайте о таких вещах, ведь только что говорил.

– Простите ещё раз, я привыкну не задавать неправильных вопросов. Это не моё дело, но вот ещё один вопрос. Точно конструктивный.

– ?..

– Тут вот одна карточка с парнем. Григорием. Это единственная графа, которая числится в общей базе, но помечена красным. Да и нет нигде этого пациента. Он умер?

– Вопрос этот неправильный, но я на него отвечу. Только запомните, ничего и нигде нельзя разглашать.

– Само собой.

– Пациент этот, Григорий! – Проговорил как-то издева-

тельски вычурно Вениамин. – Оказался у нас уникальнейшим кадром! Несмотря на все предпринятые меры по чистке его «заболевания», исправления всех психических отклонений... в общем, ничего не помогло. Он так и остался сумасшедшим чертёнком. Единственный, за всю мою практику, случай! А в придачу ещё умудрился разбить морду охраннику и сбежать. Единственный случай!..

– Вот ничего себе! Его ищут?

– Скажу вам больше. В него даже стреляли, но подонок умудрился затеряться в лесах. А затем позвонило начальство, выговор сделало. Проанализировав «эту ошибку природы», решили просто подождать удобного случая. Сам всплывёт, как говно. В общем, не берите в голову. Висит в списке, ну и чёрт с ним!

Постскрипtum

Трое подростков сидели на лавке во дворе. У среднего в руках красовался смартфон, из которого доносилось какое-то бормотание. Все ржали с разной тональностью.

Крайний, самый младший, первым заметил, как луч солнца, что падал ему на левую сторону лица, вдруг резко исчез. Парень поднял голову.

Перед друзьями стоял грязный и вымотанный Гриша.

– Слышь, блять, че по мелочи есть? Пиздюки.

Парень, державший телефон – побледнел, отрицательно качая головой.

– Бошки бы вам поотрывал, будь у меня время! Ладно, похуй. Хоть курево есть? Сигу дайте нахуй, животные!

Муллат с правой стороны протянул дрожащими руками сигарету, собственноручно подкурив беглецу. Тот сделал пару тяжек. Собирался уже уходить, но вдруг снова докопался:

– Чё за «охи» и «ахи» у вас там? Хули вы там палите? Покеж живо! – Рука со смартфоном развернула экран. Гриша увидел пожилого мужчину с усами, который стоял на корточках абсолютно голый, читая из папки какие-то мантры, а сзади него была женщина в старой в-й форме, активно приседающая. Несложно было догадаться, что женщина [ЦЕНЗУРА]. – Пиздец, че вы нахуй смотрите?! Совсем что ли ёбнулись?! Маленькие извращенцы!

– Так это... сэр... новое вирусное видео... тренд... – Ответил мулат.

– Новый тренд, бля! Ещё раз увижу вас с этой хуйней, уничтожу! Понятно? Говноеды! – Поучительно наорал он на ребят.

Отойдя от компании, Гриша шепотом добавил, напрягая все свои извилины:

– Знакомое лицо у этого pidora...

Рассказы

Чужой доктор

1842 год. На улице стоит тёплая погода, где солнце окрашивает собою каждый уголок пространства.

На главной развилке расположился извозчик, нежно поглаживающий гриву лошади, попутно подкармливая любимицу сахарком. За его спиной пробегают дети, держа в руках сразу по паре леденцов. Дамы в пышных платьях направляются в сторону ателье, прикрываясь от солнца зонтами. На ближайших могучих деревьях весело поют птицы.

Всё в этой картине говорило о том летнем счастье, когда даже смерть на время оставляет самых немощных, чтобы те насладились чудесными мгновениями своих хрупких, но таких прекрасных жизней. Только ближе к холодам госпожа в чёрном платье (с косою наперевес) вернётся из своего отпуска, чтобы вытащить людей из сказки, напомнив им цену счастья. Но, несмотря на временную блажь, у граждан этого романтического города не стало меньше мелких проблем со здоровьем, которые не нужно было решать.

Из парадной приземистого дома, с саквояжем в руках, вынырнул молодой мужчина. На нём сидела свободная (сала-

тогового цвета) рубашка с закатанными рукавами по локти. На его ногах красовались чёрные брюки со стрелкой, а стопы увенчивались в (уже выдавшие виды, но тщательно ухоженные) туфли. На левом же запястье тикали недорогие, но надёжные часы, ведь время для этого джентльмена играло очень большую роль. С чертами куда всё проще. Миловидное лицо. Под носом аккуратные усики, а на переносице оптические линзы. И звали этого простого, но от этого не менее прекрасного человека – Уильям Хобс.

Каждый второй человек здоровался с ним, обращаясь к нему именно «Мистер Хобс». И на каждое приветствие Уильям приветливо кивал, хоть и смутно припоминал эти постоянно мельтешащие лица. А знают этого молодого мужчину по имени и фамилии, ведь сие джентльмен являлся очень уважаемым и любимым доктором этого уездного городка.

Жил Уильям через три улицы от центра, в северной части. Несмотря на свою молодость, у него уже имелась жена-красавица Алиса, от которой он получил в подарок двоих прекрасных детишек. Кэтрин – старший ребёнок пяти лет, а её младшему братику недавно исполнилось четыре. Это были очень желанные и любимые дети молодой семьи.

Жалование мужа позволяло Алисе не работать, занимаясь детьми и домашним хозяйством. Она посвящала всё время семейному очагу и воспитанию в детях высших чувств на планете Земля, а именно: любви и нравственности. Лишь изредка Алиса расслаблялась, позволяя пропустить через се-

бя несколько телевизионных передач. Данный диковинный прибор действительно включался редко, да и, к слову, имел он свойства более декоративного характера.

Уильям хотел было пойти домой на обед, но на рабочий пейджер пришло оповещение, где писалось, что в соседнем квартале у молодой женщины появились нехарактерные сильные боли «по женской» части.

Мистер Хобс был достаточно сильно предан своему делу. Он честный и нравственный лекарь и данная им когда-то клятва – не пустой звук. Мужчина немедля выдвинулся по указанному адресу, всё также дружелюбно отвечая кивками на приветствующих его людей.

Спустя десять минут он стоял у парадной, звоня по указанному номеру домофона. Звук мелодии прервался на третьем повторении. Тишина с того конца провода открыла ему дверь. «Какое безрассудство, вот так открыть дверь, даже не уточнив, кто, собственно, пришёл» – подумал Уильям. Эта же пациентки пришлось вычислять самому.

На шестом пролёте третьего этажа обнаружилась распахнутая дверь. Врач аккуратно зашёл, начав вслушиваться в тишину. Его рука закрыла до щелчка входную дверь. Ботинки, как и положено врачу, он снимать не стал.

Одна из дверей квартиры, в отличие от других, была приоткрыта. Из этой щели бил свет, на который Уильям полетел мягкой походкой, словно ночное насекомое. Распахнув с

опаской (и со свойственным смущением) дверь, доктор обнаружил весьма неожиданную для себя картину.

На большой и очень роскошной кровати лежала молодая девушка в одних только трусиках. Грудь она держала в ладонях, отрешенно уставившись в потолок. Но как только до её ушей дошел протяжный скрип, её глазки тотчас же уставились на спасителя. В глазах страдальцы не читалось смущения, напротив, взгляд был очень уверенным и требовательным.

«Здравствуйте, мисс... эм...» – Хобс не знал, как зовут пациентку. Он был смущён и старался не смотреть на всякие «прелести».

«Можно просто Матильда. Здрасьте. Вы очень быстро поспели на мою скромную молитву о помощи!»

«Оператор связи нынче очень хорош... за такие-то деньги...» – отозвался врач, старательно изучая комнату.

«Я с вами ещё не имела чести знаться» – продолжила девушка. – «Я недавно сюда переехала. О вас ходила только добрая молва, и вот печальный случай свёл нас».

«Я извиняюсь, но вы вовсе не выглядите при смерти, я бы сказал, наоборот. Здоровье в вас... эм, пылает» – заметил доктор, всё также избегая зрительного контакта.

«Здесь, боюсь, с вами не согласиться. Вы думаете, что я лежу обнажённой от празднества духа? Не знаю, что вы себе надумали, но я приличная девушка!» – обиженно взвизгнула Матильда, нахмуривая свои красивые бровки.

«Ох, что вы! Простите меня за такую бестактность, я бросил подобное не со зла, а так... впрочем, давайте приступим к делу. Какой недуг поразил столь приличную и симпатичную особу?»

«Знаете, доктор, у меня с прошедшего вечера начала сильно болеть грудь. Я думала так, пустяки, но увы. Сегодня стало только хуже. Мои... они так сильно начали болеть, что я не смогла даже надеть на себя любимое французское платье. Знаете, такое с рюшечками на рукавах и... в общем, теперь я боюсь лишний раз пошевелиться» – закончила пациентка, грустно посмотрев на доктора.

«Тогда немедленно приступим! Разрешите». – Уильям аккуратно присел на краю рядом с девушкой. Очень нежно убрал ее руки, лекарь начал изучающе трогать грудь в разных местах. Со стороны казалось, будто он напрягает слух. Периодически доктор спрашивал, болит ли грудь в том или ином месте. Матильда, в большинстве случаев, отвечала утвердительно, но в конце зачем-то добавляла: «Когда трогаете вы, доктор, то мне не так больно».

«Очень странно. Нет никаких предпосылок к тому, чтобы вы ощущали болезненность. Физически с вашей грудью всё в порядке».

«Боже, что же мне тогда делать?!» – Ужаснулась больная, жалостливо смотря на доктора.

«Не волнуйтесь, есть верный способ. Один отвар, зелье, если вам угодно. Я использую его в лечении крайне редко...

Только при сложных случаях, секундочку».

Уильям взял в руки свой саквояж, поставив на журнальный столик, и открыл его. Матильде ничего не было видно за широкой спиной доктора, только слышался звук склянок и переливающейся жидкости разной плотности. Пока лекарь возился над зельем, девушка решила немного позаигрывать:

«А вы действительно соблазнительный красавчик, как мне рассказывали».

Уильям нервно закашлялся, ничего иного не придумав, как промычать «благодарю». Снадобье было готово. Уильям поднёс к губам больной маленькую чашечку без ручек: «пейте».

Матильда была девушкой с характером, да в придачу любопытная. Сначала она понюхала зелье, поморщилась, а затем вопросительно уставилась на врача.

«Это вроде хиллинга. Редкий препарат. Работает от любых недугов, в том числе от мало изученных. Не бойтесь. Пейте».

Девушка послушно влила в себя отвар одним залпом. Хобс тут же отстранился, склонившись над своим саквояжем, бережно начав собирать свой инструментарий.

Не прошло и минуты, как девушка завопила: «Боже, доктор, у меня всё прошло! Невозможно!» – Радостно взвизгивала она, не в силах сдержаться.

«Я очень рад». – Улыбнулся лекарь в ответ, уже упакованный и готовый выйти прочь.

«Как мне вас отблагодарить?»

«Достаточно будет хорошего отзыва на сайте и оплаты по чеку, который вам придёт на почту от государственной организации, которая меня, собственно, и наняла».

«Да, конечно, вы просто чудо чудесное. Мы с вами ещё увидимся?»

«Надеюсь, что нет. Заклинаю вас быть вечно здоровой». – Отшутился Уильям, затем быстро ретировавшись из покоев.

Дома доктора ждал остывший, но всё ещё вкусный домашний обед. Поднявшись к себе на этаж и открыв дверь, Уильям услышал радостный гогот детей. В коридор высунулась голова жены, которая держала в руках напеченную губку с грязной тарелкой.

«Привет, дорогой. Ты сегодня запоздал».

«Привет, милая. Был срочный вызов, извини. Ты же знаешь, у нас, врачей, всё не по плану» – доктор подошел к жене и крепко поцеловал благоверную.

«Скорее мой руки, я приберегла для тебя запеканку от этих маленьких наглецов». – Бросила Алиса, возвращаясь к мойке. – «Дети, а ну как поздоровайтесь с отцом, чего молчим?»

Тут ребягня сорвалась со своих мест к ногам отца с криками: «Папа, папа!» Они видели его реже, чем свою маму, из-за чего испытывали определённое смущение.

Первым успел добежать Джон. Сынишка крепко обхватил

колени отца, смущённо смотря на него снизу вверх. Секундой позже подросла Кэтрин, повторив процедуру за братиком. Дети крепко держали отца с доброй насмешкой в лице.

Уильям искренне улыбался детям в ответ, похлопывая обоих по головке.

«Ну всё, детвора, я тоже рад вас видеть. Дайте вашему отцу помыть руки и, наконец, отобедать. Папа очень голодный».

Уильям кое-как вырвался из объятий, направившись в ванную. После, не переодеваясь, прошел на кухню, где Алиса успела накрыть стол.

В большую тарелку был налит борщ, а в тарелке поменьше красиво лежала поджаристая запеканка. В довершение картины (на утрамбовку) стоял чай с двумя кубиками сахара.

«Приятного аппетита, милый» – ласково пропела жена, заканчивая мыть посуду и усаживаясь напротив мужа. – «Как твой день? Пациенты не слишком измотали?»

«Благодарю, любовь моя. Да нет, как обычно: одна ампутация пальца с затяжной гангреной, чахоточный мальчонка...» – жуя, рассказывал муж, смотря в тарелку. – «Ах, и да, виновник моего опоздания: молодая девушка с сильнейшими болями в груди без явных на то причин».

«Совсем молоденькая?»

«Да, не больше двадцати, наверное».

«И ты ей помог?»

«Разумеется – это мой долг. Дал ей хиллинг».

«Ты у меня большая умница. Город любит тебя. Наверное, скоро даже повысят жалование, когда из каждого угла тебе начнут возносить похвалу».

«Ха! Ты так ждёшь моего повышения? Я разве мало приношу?»

«Да нет, что ты! Я это так, чтобы больше тебя ценили. Ты ведь у меня самый лучший!»

«Брось. Как проходит давеча твой день?»

«Всё также. Джон начинает чувствовать своё физическое преимущество над сестрой, всё чаще давая ей отпор. Не знаю, как с ним бороться».

«Нужно дочку научить нескольким приёмам, пусть накажет маленького угнетателя... Фух! Ну, вот и всё! Огромное спасибо за чудеснейший обед, невероятно вкусно» – пропел Уильям, целуя жену.

Он хотел было помыть посуду сам, но супруга выхватила из его рук грязные тарелки, пожелав мужу удачно доработать. Доктор вышел на свежий воздух с неизменным саквояжем в правой руке. С новыми силами, кивая всем, кто окликал его, лекарь двинулся выполнять свой святой долг.

Следующая неделя прошла в своём рядовом порядке. Молодой доктор ходил по домам пациентов, виртуозно справляясь со своей работой. Всё больше людей встречало его на улицах с благодарностью в глазах, заискивающе здороваясь. Доктор физически начинал уставать столько раз кивать в от-

вет.

В среду поступил обычный (на первый взгляд) вызов. Когда Хобс подходил к дому, чувство дежавю постучалось в сознание. Знаете, такое нехорошее предчувствие, хотя вроде ничего плохого и не должно было произойти.

Когда же лекарь поднялся к пациенту, то до него, наконец, дошло. Это была та самая девушка с болями в груди, только на этот раз причиной вызова стала нога. Доктор осмотрел воспалённое место. Колено действительно оказалось припухшим. Уильям сделал мазь собственного производства, порекомендовав втирать её на протяжении недели.

Всё было бы ничего, если б эта особа не начала всё чаще и чаще вызывать доктора. Проблема заключалась в том, что она вызывала его действительно по делу. И каждый раз она была чертовски соблазнительна. От неё всегда веяло несравнимым флёром желания.

При каждом приёме она гипнотически сверлила доктора так, словно каждый раз снимала с него (в своих мыслях) по одной тряпке, и вот-вот Уильям останется совсем без трусов. А однажды, когда она каким-то образом сломала палец, то и вовсе сосала леденец на палочке, очень пристально изучая ширинку доктора.

Такой накал было тяжело терпеть. Хобс всё пытался игнорировать дьявольские соблазны, но Матильда потихоньку выходила из-под контроля своего возможного приличия.

Казалось, что ещё немного, и она начнёт (упаси господи)

бесцеремонно лапать Уильяма. А он всё-таки доктор, а не мужчина по вызову!

На последнем приёме, когда Уильям накладывал швы на её вспоротую руку, он в шутку сказал: «У меня складывается впечатление, будто вы себя специально калечите».

«Так и есть» – обычным голосом отрапортовала сумасшедшая.

Что-что, а такого доктор не ожидал. Лекарь оказался в смятении, но это смятение сразу же сменилось праведным гневом.

«Вы, небось, надо мною шутите?!»

«Нисколечко. Я говорю чистую правду».

«Но... но зачем?!» – Недоумевал врач.

«А ты разве ещё не догадался?»

«Нет, извольте изъясниться! Мне абсолютно непонятна причина, по которой молодая девушка будет себя калечить ради забавы» – выговорил мужчина на одном дыхании.

«Всё очень просто, Уильям» – впервые Матильда назвала доктора по имени. «Я люблю тебя, дорогой. И я очень хочу тебя».

«Но! Это!»

«Подожди, послушай меня. Я знаю, ты женатый мужчина с детьми. Я не хочу, чтобы малютки потеряли отца, а супруга лишилась мужа, но я хочу тебя физически. Я хочу быть твоей любовницей. И! Прежде, чем ты начнёшь кричать от возмущения (я вижу по твоему лицу), знай: я вижу, что ты

хочешь меня. Думаешь, я не знаю, что ты делаешь в моей ванной так долго, когда просишь отойти в уборную? Я запах спермы чую за версту. И прежде, чем ты уйдешь, хлопнув дверью, знай, моя постель всегда ждёт тебя».

«Это возмутительно! Прощайте, безумная женщина!» – Только и сказал доктор, схватив свой саквояж. Выбежав из комнаты с пунцовым лицом, напоследок прилично так хлопнув дверью.

Доктор был в таком состоянии, что пришлось взять недельный отгул (прежде он никогда так не делал). И выходил лекарь только на самые серьёзные случаи, которых, к слову, почти и не было.

Жене он ничего не рассказал. Только буркнул о вымышленной простуде. Ночью его бросало в лёгкую форму лихорадки. В голове всё прокручивалась та сцена с Матильдой. Мужчина пытался отвлечься: играл с детьми, много читал, писал медицинские заметки, но каждый раз, как только он останавливался, в его голове всплывал её образ. Её красивая фигура, грудь, бёдра... тонкие ножки с аккуратными коленками. И, конечно, её глаза, полные желания. Каждый раз доктор злился, не в силах найти утешения.

Алисе оставалось только одно: не тревожить своего дорогого мужа и молиться богу о его выздоровлении.

Ситуация обострилась настолько, что Уильям начал смотреть по ночам телемагазины, чуть ли не заказав однажды но-

вые кожаные ботинки, но вовремя одумался, решив, что будет лучше купить похожую модель в ближайшем офлайн-магазине. «Зато примерить можно» – подытожил он.

Было давно за полночь. Измождённый лекарь выключил телевизор и подошел к окну, затем настежь открыв его. В лицо ударил свежий прохладный ветер. Мужчина начал размышлять: «Почему? Почему я так сильно захворал от какой-то малолетки? Почему я так сильно негодую? Неужели меня, взрослого мужчину, смогла выбить из себя какая-то чужая девчонка? Нужно определённо сказать об этом руководству. Пусть, в крайнем случае, поговорят с ней или лучше, чтобы предупредил констебль... Нет. Это глупо. Надо мной будут смеяться. Да ещё и эта с... миледи напишет в отместку, что я приставал к ней. Женщины ещё те актрисы. Ей могут поверить, а даже если и нет, то могут усомниться во мне. Тогда всё пойдёт под откос. Придётся уехать, а я не хочу этого. Или же... или вся правда заключается в том, что... я... хочу её, боже! Как я хочу её! Какой ужас! Господи... я так сильно хочу её, но как такое возможно, если у меня есть любимая жена?! За что мне это испытание? За что дьявол выбрал меня в жертву? Ещё немного, и я умру от желания, просто сгорю! Как она была права, как она учуяла мою... ох, я лжец! Я не достоин своей семьи. Одна только мысль делает из меня нравственного преступника. Делает из меня... предателя. Как такой подонок как я может быть в этом прекрас-

ном доме? Я недостойн. Но если я не овладею этой девчонкой, то просто погибну, сгорю! Нельзя больше терпеть, нет больше сил моих! Будь я проклят! Будь я проклят! Прости меня, моя любовь...»

Уильям, в агонии, с трясущимися ногами, дошел до своего кабинета. Он взял чистую бумагу с пером и, откупорив чернила, начал писать:

«Дорогая Алиса, любовь моя. Я должен тебе сказать, что мною овладел дьявол. Вся проблема в той девушке. С пригорбией должен сообщить, что тело моё возжелало её. Точнее тело, охваченное дьяволом! Ничего, кроме как подчиниться этой чужой воле – я не в силах сделать. Прошу лишь об одном: попытаться когда-нибудь простить меня. Я недостойн ни тебя, ни детей. Я – грязное животное. Скажи, пожалуйста, малюткам, что я очень сильно люблю их. А ещё, когда подрастут, ты скажи им, что отец их погиб, ведь именно так я и должен закончить. С любовью, Уильям»

Доктор оставил записку на кухонном столе. В последний раз посмотрев на любимую жену и детей, он выбежал из квартиры прочь. Ноги доктора держали путь к Матильде.

Добежав до квартиры Матильды, обезумивший доктор сильно постучал два раза. Послышались приглушенные звуки босых ножек. Девушка открыла дверь без лишних вопросов, словно ждала его.

«Я знала, что ты придёшь сегодня».

«Замолчи, ведьма!» – Тихо прорычал Уильям, взяв девушку на руки, захлопнув дверь ногой и отправившись на альков.

Любовники начали сдирать друг с друга одежду. Жаркие поцелуи покрывали их тела. Матильда ловко вырвалась из лекарственных объятий, начав активно посасывать достоинство доктора.

Через какое-то время они поменялись ролями. У этих двоих была впереди целая ночь, и за это время они успели сменить десятки поз. Матильда заканчивала уже не первый раз, но Хобс всё держался, будто собирал энергию планеты перед большим взрывом. Только головка всё синела и синела.

Ближе к рассвету Уильям начал достигать пика. Более он не собирался сдерживаться. Его рот начал издавать стоны. Матильда заканчивала в двадцатый раз, мало что уже понимая. Только и могла шепотом кричать: «да, давай дорогой, давай».

Доктор вдруг резко начал меняться в лице. Его кожа начала раздуваться и зеленеть. Ошмётки его плоти разлетелись в разные стороны. Глазам девушки предстало чудовище с огромной головой, на которой было около сотни мерзких, скалящихся зубов с обильно выделяющейся слизью. Руки некогда мужчины стали огромными клешнями, а всё тело напоминало черепаший панцирь. За инопланетной маской показался длиннющий хвост. Член же доктора поменял

только окрас, оставив свою первоначальную форму.

Матильда даже не успела крикнуть, как из головки чудовища начала обильно извергаться сперма, а точнее кислота, которая в ту же секунду разъела лицо несчастной развратницы. Её тело обмякло, а чужой доктор всё продолжал извергать ядовитое семя. Когда же он закончил, то начал прыгать вокруг своей оси, уничтожая тяжелым хвостом, как мёртвое тело девушки, так и всю мебель в комнате. Через мучительно долгую минуту он успокоился.

Соседи очень сильно обеспокоились происходящим шумом, который вышел за все мыслимые и немыслимые рамки приличия. Кто-то стучал по батарее, а голос с другого конца кричал: «я вызываю полицию!»

Чужой доктор понял, что наделал. Резким движением, недолго думая, он выпрыгнул в окно, разломав напоследок подгнившую раму, словно это был гофрированный картон. Было ещё рано, но некоторые бедолаги уже шли на работу. Продавцы за стеклом витрин протирали свой товар. Каждый, кто видел Уильяма, с ужасом провожал его взглядом. Некоторые граждане (особо впечатлительные) умудрялись даже перекреститься. Доктор грустно шёл по дороге в сторону дома, думая о том, какой же он был, всё-таки, дурак.

Он не видел жизни без своей жены и своих детей. Секундный соблазн уничтожил его драгоценную и счастливую жизнь. И шёл он домой только затем, чтобы его супруга могла плюнуть в эту изуродованную физиономию, после чего

(такого справедливого жеста) он уйдёт из их светлой жизни навсегда.

Уильям постучал в дверь, ключей у него не было. По ту сторону послышались спокойные шаги. Алиса открыла дверь. На её лице не было удивления. Она смотрела на супруга своим обычным взглядом, затем сказав: «Привет. Проходи завтракать, а то дети съедят твою порцию».

Муж покорно, с опущенной головой, зашел в квартиру. Всё также покорно он сел за своё место, начав смущённо перебирать еду вилкой.

«Папа, папа! Какая у тебя большая голова!» – только и пропел весело Джон, продолжая жевать свой омлет, исподтишка пиная свою сонную сестру под столом.

Трезубец и Сеть

[впервые опубликован в журнале «МК-ультра»
14.02.2022]

В Греции, на полуострове Пелопоннес, в долине Эврот, расположилось государство Спарта. Оно славится своими бравыми войнами, безукоризненной дисциплиной и самыми красивыми женщинами.

В этой долине нет места трусам, ворам и прочим маргинальным прослойкам общества. Уже как с полвека всех негодяев предали земле, сбросив с горы Тайгет. Если бы нашелся смельчак, который смог спуститься вниз, то его взору предстали бы целые горы скелетов разных размеров. Как можно догадаться, эти останки принадлежали некогда людям, которые не имели нравственного стержня.

Неподалёку от берегов Гиреона расположилось питейное заведение. Основной фауной здесь являются рыбаки, которых приписывали к гипомейонам, либо перизкам, что было вполне справедливо. Да никто и не жаловался.

Название бар носит соответствующее: «Рыба&Кость». Его двери круглосуточно находятся в движении. Отважная сотня рыбаков ловит рыбу и днём, и ночью, не давая лодкам просохнуть, и не давая скуке сломить свой дух раньше

времени. Постоянный конвейер тел заполняет единственное питейное пристанище, тем самым не давая ему времени на сон и отдых.

Здесь, в этих прокуренных стенах, два хозяина. Оба седовласые гордые мужчины, которые делят одну спальню на втором этаже, отдыхая по очереди. Агис – тот, что пониже, работает за барной стойкой днём, а его чуть более высокий бизнес-партнёр Агесилай бодрствует ночью.

В такие окраины граждане Спарты заходят редко. Только раз в месяц два спартанца спускаются на корки владений своего царя, чтобы собрать подать с хозяев за право наполнять кружки крафтом.

У рыбаков же имелся свой атаман, который скупал всю пойманную рыбу, а затем, со своими подельниками, отвозил товар на воскресную ярмарку в город, где и продавал всё в два раза дороже.

Сам атаман являлся полукровкой. Поговаривают, его отец был спартанцем, который по пьяни обрюхатил немощную женщину в кустах. Гражданства атаман не получил (да и не смог бы, таких сбрасывали обычно с вышеупомянутой скалы), но зато он обзавёлся связями благодаря глупости своего папаша, за счёт чего и мог беспрепятственно проворачивать свои воскресные торги.

Жизнь на окраине шла своим чередом, никто здесь не чувствует себя ущемлённым или обиженным. Каждый находит себе занятие по душе.

Чуть севернее живёт семья потомственных рыбаков. Мать осталась с двумя сыновьями, так как муж её скончался в прошлом году. Ему стукнул сорок седьмой год, когда непонятная хворь сломила сначала его дух, а потом и его тело. Местные ведуньи говорят, что это был затяжной триппер, но их (сумасшедших) никто не слушает. В таких убогих – даже не плюют.

Отец покинул мирские земли, но оставил после себя двух чудесных сыновей: Аристида и Йоргоса. Аристид старше брата всего на год, через месяц ему должно стукнуть восемнадцать лет. Йоргос же, хоть и младше брата, но ростом вышел куда слаженней. Оба абсолютно не похожи друг на друга. Создаётся впечатление, будто мать их понесла от разных мужчин.

До того, как умереть, отец успел обучить сыновей своему ремеслу. Он успел рассказать секреты и тонкости ловли рыбы разными способами. Поэтому, после его кончины, братья стали главными добытчиками в семье.

Можно было предположить, что общее дело объединит двух родных людей, но случилось ровно наоборот. Нельзя сказать, чтобы братья всё время соперничали, но на рыбалку они ходили всегда порознь. И никто не смог бы ответить почему.

Когда Йоргос и Аристид изредка пересекаются вне стен родного дома, их видят спокойно болтающими на разные те-

мы, но никогда они не говорят на тему рыбалки. Они избегают этой темы так старательно, что если не знать юношей лично, то можно вообще принять их не за рыбаков, а за обычных бездельников.

После смерти отца Йоргос оставил себе его трезубец, как главное орудие для рыбалки. Аристид же забрал отцовскую сеть. Мальчики никогда не менялись своими инструментами. Трезубец и Сеть стали для них главной философской чертой, и главным отличием даже больше, чем внешность. Эти предметы отражались и в их характере.

Йоргос – острый на словцо. Складывалось впечатление, что и тело его заточено так же, как и его трезубец: стройное, конечности тонкие, но с очень жилистым рельефом. Даже в обычном разговоре Йоргос резко выплёвывает слова, напористо, без всяких мычаний.

Аристид, со своей сетью, наоборот, достаточно обстоятельный юноша. Каждое своё слово он строго обдумывает, прежде чем произнести вслух. Он постоянно выжидает, можно охарактеризовать его, как хорошего слушателя. Только после всех обстоятельных «ухаживаний» он собирает улов.

Несмотря на тот факт, что оба юноши такие разные – мечта у них была общая. И Йоргос, и Аристид с детства мечтали стать спартанцами. Полноценными такими гражданами и могущественными войнами этой святой земли. Ещё в детстве, возвращаясь домой с отцом, они увидели у бара

двух спартанцев – гоплитов. Они увидели их могучие руки, мускулистые шеи. Они восхитились позолоченной бронёй и острыми длинными копьями.

В тот день мальчики долго не могли уснуть и втайне от родителей начали обсуждать воинов, говорить друг другу, что когда они вырастут, то обязательно станут такими же сильными и благородными, и что сам великий Император выдаст им броню и копья.

С возрастом пришло такое понимание, как принадлежность к конкретному сословию, и что им никогда не суждено осуществить свою мечту. Скорее всего, как и их отец, они так и умрут рыбаками на краю полуострова.

Настал праздник поклонения и жертвоприношения матери-земли Гере. В этот день все люди собираются у алтаря, где самые отчаянные и безумные отшельники произносят слова на непонятном языке вперемешку с дорийским диалектом, а затем перерезают овцам артерии, дабы тёплая кровь их орошала землю, тем самым снискав благословение царицы на хороший урожай.

Вечером народ гуляет. В «Рыба&Кость» собралось очень много простых душ, но ближе к полуночи прилично набравшиеся начали разбредаться по своим конурам.

Вот за стойкой сидит подпитый Йоргос, который о чём-то сосредоточенно думает. Перед глазами, от горящей свечки, проскальзывает тень, а ещё через мгновение рядом с рыба-

ком кто-то садится. Йоргос медленно поворачивает голову, чтобы оценить наглеца (он втайне представляет, что это может оказаться симпатичная особа) и, увидев гостя, выпаливает:

«Не ожидал тебя здесь встретить, Аристид»

«Приветствую, Йоргос» – спокойно отвечает брат.

Агесилай встал со своего места, подойдя к молодым людям. Он вопросительно кивнул Аристиду, спрашивая, мол, будешь пить? На что юноша ответил: «Стопку водки и кружку сидра, но лучше сразу три стопки».

Через несколько минут заказ был выполнен. Аристид по очереди закинул в себя все три горючие смеси. Немного покряхтев и поморщившись, он «закусил» своим кулаком, как это принято делать, когда нет настоящей закуски. К тому же его руки были пропитаны запахом рыбы и морской солью. Только после этого он начал неторопливо смаковать свой сидр, наслаждаясь каждым глотком.

«Хороший вечер, не правда ли?» – нарушил Аристид молчание, обращаясь к брату.

«Ночь ещё лучше, полнолуние!» – выпалил Йоргос.

«Помнишь, как отец нас взял ночью на рыбалку? Тогда также сильно горела луна. Он ещё сказал, что в такую луну рыбачить прибыльно. Что рыба в это время сама запрыгивает к тебе в сеть».

«Я помню этот день. Только не в «сети» он тогда сказал, а, цитирую: рыба сама нанизывается на зубцы. Я это точно пом-

ню!» – парировал Йоргос, задумчиво уставившись в стенку.

«Ну не начинай, Йори...»

«Ты начал этот разговор».

«Всё-всё, успокойся, я – так я. Признаю» – примири-тельно отозвался Аристид, смотря на сердитую физиономию брата, улыбаясь только кончиками губ.

Братья заказали ещё по водке. Молча выпили.

«И всё-таки он говорил про сеть» – подытожил Аристид своим спокойным голосом.

«Как ты заебал всё время врать и перетягивать на себя одеяло, Ари! Если у тебя сеть головного мозга, так иди ебись с ней, от меня подальше! Не позорь себя и не порочь память отца!» – Йоргос совсем вышел из себя. Всё это он кричал, встав с места и сжав кисти свои в крепкие кулаки с белеющими костяшками.

«Не горячись, брат. Я всего лишь говорю правду, а отца позоришь ты своим несдержанным характером».

«Раз уж на то пошло, то трезубец действительно лучше! Это копьё, которое может проткнуть не только сердце рыбы, но и твоё!»

«Ха! Вы слышали? Родной брат угрожает расправой из-за пустяка. Может, это у тебя эрекция на свой трезубец, а? Может, ты представляешь, что это [ЦЕНЗУРА], который ты умело держишь? Или ты себя возомнил спартанцем? Представляешь каждый раз, как протыкаешь ублюдских персов! Может...» – Аристид не успел закончить фразу, как получил

кулаком по лицу.

«Заткнись, Аристид! Дерьмо ты овцы! Я не буду терпеть такого отношения, ублюдок ты малодушный!» – лицо Йоргоса действительно стало пунцовым, но больше от стыда, нежели от злости. Брат ненароком угадал его тайну. Йори действительно занимался онанизмом, думая о [ЦЕНЗУРА]. «Ещё одно слово и я возьму свой трезубец, а затем убью тебя. Посмотрим тогда, как твоя сеть поможет!»

«Да я тебя! Щенка такого... придушу ею, на раз. Всем ясно, что сеть более искусна. Она лучше, чем твоя зубочистка» – игриво дразнил брат.

«Ты хочешь проверить?!»

«А может и хочу» – спокойно ответил Аристид.

«Хочешь почувствовать мою «зубочистку» у себя под рёбрами?»

«Говоришь как [ЦЕНЗУРА]»

Тут Йоргос сделался серьёзным и покойным. Даже Аристиду показалось это странным. С его лица слезла улыбка, он ждал, что же выкинет его импульсивный братец.

«Аристид – тихо сказал тот, – это была последняя капля. Во-первых, ты мне больше не брат. Во-вторых, я бросаю тебе вызов, если ты не трус. Я вызываю тебя на дуэль. Ты – со своей сетью. А я – со своим трезубцем. Это моё условие. Посмотрим, что более эффективно в бою. Если ты не трус, приходи через час в заброшенный скверик, где мы раньше прятались от родителей, когда в чём-то провинились. Если

же ты не примешь моё предложение, то лучше сразу уходи, ведь я тебя просто убью, пока ты будешь спать» – договорил Йоргос.

«Решил напоследок сыграть в спартанца? Я принимаю вызов. Встретимся в сквере» – храбро принял вызов Ари, допил остатки своего стакана и направился к выходу.

Через минуту вышел и Йоргос. Настало время узнать, кто же лучше усвоил уроки отца.

Йоргос пришёл в сквер первым. Это была небольшая поляна, огороженная высокими и колючими кустами. Чтобы сюда пройти, нужно было изрядно изловчиться.

Послышался треск сухих веток и через мгновение, с противоположной стороны, появился Аристид. Юноши стояли молча, изучающе смотря друг на друга. Каждый в руках держал своё оружие.

«Ещё не поздно остановиться, Йоргос. Мы выпили, ты погорячился... Любой спор можно решить без кровопролития. Устроим соров...»

«Заткнись, Ари, ты меня заебал! Ты смешон. Не строй из себя мудрого уёбка! Я знаю, кто ты есть. Ты хитрый и желчный ублюдок. Ты мне уже надоел. Я устал от тебя, и от этого места для неудачников. Меня тошнит от всех вас! Ты – олицетворение этой помойки! Я не должен был здесь родиться. Я воин, и я готов доказать тебе это!» – Йоргос говорил на повышенных тонах, но внутренне был спокоен и сосредоточен.

«Не смеши, Йори, ты...»

«Не смешить тебя?! Лучше не смеши ТЫ меня, жалкая букашка, которая стоит с обрывком ткани от колготок!»

«Ах ты, сука! Ну ладно, ты напросился, сраный gomik!»

Аристид скрутил сеть вокруг ладони и, сжав её в кулак, начал раскручивать на манер кнута. Его рука была твёрдой и умелой. Он, словно гепард, сократил расстояние с братом за прыжок и ловким резким замахом хлестнул Йоргоса по лицу. На щеке сразу образовалось глубокое рассечение, из которого хлынула кровь. Брат не был готов к такой удачной атаке Аристида, поэтому, озверев, с рыком бросился вперёд.

Увернувшись от нового замаха, Йоргос ловко пригнулся, опёрся на левое колено о землю и молниеносно (резким выпадом) рассёк ногу Аристида. Тот взвыл от страшной боли.

Так бой продолжался ещё очень долго. Братья молчали, сберегая дыхание. По очереди они наносили друг другу раны, но никто так и не смог выбить себе преимущество. Проще говоря: их силы были равны.

В какой-то момент юноши начали одновременно проводить атаку, да ещё и радиусы намеченных ударов оказались в одной точке соприкосновения. Трезубец и Сеть столкнулись, невообразимой случайностью запутавшись друг в друге. Некогда братья и сами потерялись в пространстве. Их руки начали тянуть оружие на себя, ноги нашли опору на груди соперника. В какой-то момент Трезубец и Сеть, под большим напором, распутались, но так неуклюже, и с такой си-

лой, что выскользнули из уставших рук братьев, упав на холодную землю.

В бешеной суматохе руки теперь уже заклятых врагов начали нащупывать оружие. Когда же они его, наконец, схватили, то увидели, что в руках у них оружие противника. Теперь Йоргос держал Сеть, а Аристид Трезубец. Ни тот, ни другой раньше не держал орудие брата. Они не имели ни малейшего представления, как этим можно убивать, а тем более – рыбачить.

Юноши снова набрали дистанцию, и пока переводили дыхание, злостно смотрели друг другу в глаза.

Первый улыбнулся Аристид, затем произнес хриплым голосом:

«Походу, теперь, чтобы выиграть спор (уже философский), нужно проиграть бой физический. Не правда ли, это забавно, братец? Или мне лучше называть тебя сестрица?»

«Да пошел ты нахуй, прекрати! Я лучше сдохну, чем проиграю такому жалкому созданию, как ты! Каждый на этой земле знает, трезубец сильнее хотя бы по той причине, что он **ОСТРЫЙ! ОСТРЫЙ!** Он не какая-то колготка!»

«Из-за этой «колготки» ты сейчас весь в крови! Это великая Сеть, и только в твоих руках тряпка. Кстати, колготки пошли бы твоим стройным ножкам. Ха-ха!»

«Прекрати, мразь! Не хочу тебя слышать. Я не хочу погибать от руки идиота, хоть и в руках у него великое оружие!»

«Хм. Хорошо. Ты тут, я смотрю, самый храбрый?»

«Уж точно храбрее тебя!»

«Да?»

«Представь себе»

«Ну, давай посмотрим, какой ты храбрый. Готов ли ты пасть от собственной руки?»

«А что... звучит интересно».

«Правда?» – Аристид не думал, что его брат так легко согласится, но теперь отступить было поздно. Он не мог проиграть какому-то жалкому гоміки в храбрости.

«Да, правда. Отличная идея. Если уж и умирать, то от руки благородной, с благородным оружием в ней... Вот новое условие: мы кидаем орудия на середину поля по свои правые руки. И на счёт «три» можем забирать каждый своё. Кто первый [ЦЕНЗУРА] себя, тот и выиграл спор. Как тебе такое, братец?» – у Йоргоса оказался взгляд обезумевшего зверя, он явно не шутил.

«Идёт» – только и ответил Аристид.

Как и было оговорено, юноши бросили оружие соперника по свою правую руку так, что Трезубец и Сеть оказались ровно посередине поля, но с разных сторон. До трёх считали вслух вместе. И затем, как по команде, каждый ринулся за своим любимым гаджетом для рыбалки. Одновременно схватив Трезубец и Сеть, Йоргос и Аристид кинулись в разные стороны.

Йоргос зажал лезвия Трезубца на уровне глаз и разгонялся, чтобы воткнуть ручку в землю, а Аристид повесил себе

сеть на шею, при этом так же, как и брат, набирал скорость, чтобы при наивысшем разгоне наступить на свободный конец.

Грамотный конец

[впервые опубликован в журнале «Город» #45]

Клац-клац, клац-клац. Доносятся звуки клавиатуры. По клавишам прыгают грубые пальцы. Рядом с ногтями обглоданная кожа. Это лапти Паши. Паша молодой парень, ему ещё нет и тридцати, но голову обрамляют локоны седых волос.

К своим годам Паша не достиг высот, которых так страстно желал, но ещё и не успел потерять заветную мечту, эмоционально застряв как бы между двумя пропастями. Деньги он зарабатывает благодаря своим водительским правам: перевозит чужие автомобили из пункта «А» в пункт, указанный начальником. Платят не очень много, но достаточно, чтобы платить аренду за крошечную студию на отшибе большого города, да на хлеб с маслом.

Кстати, о размерах комнаты, вот он, Паша, сидит за крошечным столом, по его правую руку уже громоздится кровать, а слева давит единственный шкаф для тряпья. Перед глазами же маячит плита, да раковина с мусорной корзиной.

Паша клацает по клавиатуре, потому как он помнит свою мечту. Он хочет стать писателем, считая себя крайне интересным субъектом. Несмотря на свою имеющуюся (гипоте-

тически) бойкость идей и ума, Паша безграмотен, местами наивен и мягкотел.

Клац. Клац. Тык-тык. Клац... Тык. Звучит иное клацанье, совсем так иначе. Оно более размеренное и точное, без лишних стираний, да и кнопки клавиатуры отдают другим тембром. А пальчики, которые бьют по этой клавиатуре, вовсе не похожи на обрубки Паши. Хоть они и без фантастического маникюра, но всё же обладают очень важными характеристиками: утончённостью, аккуратностью и хорошо развитым мозгом, который ими, собственно, управляет.

Это Даша. Красивая и молодая. Сидит в дальнем углу кровати. У неё ноутбук повнушительней, да посерьёзнее, чем у Паши. Даше нет и двадцати пяти годков, а она уже главный проектировщик в одной из крупных строительных фирм. У Даши нет мечты. У неё есть работа, в которую она вкладывает свои знания и умения.

Она всегда серьёзна, сурова и часто не может вспомнить, каким образом её угораздило влюбиться в Пашу. То ли с помощью знаков свыше, то ли по привычке, но получилось то, что получилось и в целом, Паша и Даша живут в относительной дружбе.

За окном уже вечер. Даша сосредоточенно доделывает планировку трёхкомнатной квартиры в новостройке, расставляя специальные отметки там, где будут находиться розетки.

Паша, в свою очередь, сидит и пишет. А ввиду своей без-

грамотности, не слишком часто, но и не слишком редко отвлекает Дашу, чтобы та подсказала нужное слово.

«Уважаю» – через О или А?.. А «не всегда» пишется раздельно или слитно?.. «Изредко» или «изредка...» «Чересчур» – пишется через з или с?.. «Не чувствую» – слитно или раздельно? Спасибо. А «не нужен» – слитно?..

За всё время (не только в сегодняшний вечер) Даша бойко отвечала на вопросы, каждый раз делая раздражительную и очень уж страдальческую мину. Ей чуть ли не физически было тошно каждый раз отвлекаться на глупости Паши.

Вот он закончил писать. Она закончила проект, отправив начальнику ссылку на документ в облаке, после же ретировавшись в душ отмываться от очередного дня.

Паша в это время распечатал листок на стареньком принтере с написанным сегодня текстом, затем нырнув в ванну к Даше, та ещё не успела смыть голову. Паша искупался бы и завтра с утра, но ему предстояло больше суток перегонять новый КАМАЗ из столицы в какую-то далёкую область. Даша никогда не вдавалась в подробности.

После, когда тела их были смыты, свет выключен и сделана любовь – молодая пара уснула в примирительных объятиях.

Восемь часов утра. Дашин будильник неистово разрывается криком. «Проспала», – думает девушка, вставая без очередных «ещё чуть-чуть» на ноги. Пашин след из норы

давно простыл.

На столе Даша видит распечатанный листок. Это вчерашние выдумки Паши. «Он никогда ещё не забывал свои завитушки», – весело говорит про себя Даша, ухмыляясь придуманной аллюзии на буквы, написанные Пашиным умом. Она берёт листок и решает потешить себя с утра, почему бы и нет?

«Дорогая Даша!

Ты прекрасно знаешь, как сильно я тебя люблю и уважаю. Эти волшебные три года с тобой пролетели очень быстро, а самое главное, эти три года были для меня очень счастливыми!

Три года, обалдеть можно! Я сижу за нашим крошечным столом, пишу эти строки, периодически любясь твоим профилем. Особенно меня восхищают густые бровки (вот бы они ещё не всегда были хмурыми, а хоть изредка радовали меня своей возможной доброжелательностью).

Знаешь, я много думал о нас. Я думал о том, что в нашем возрасте люди женятся, заводят детей... Знаешь, такое золотое время расцвета новой семьи. Мы молоды, да! И я всё думал о нас...

Скажу тебе честно, ты – лучшая. Женщина-проектировщица, кто бы мог подумать? Ты очень сильная женщина, даже чересчур... ха-ха.

Знаешь, ты всё время, сколько мы знакомы, помогала

мне. Как включить там стиральную машинку, будильник этот чертов настроить на работу, завтрак как приготовить, обед, ужин. Всё это – ты.

Когда мне тяжело, ты всегда устраиваешь своему непу-тёвому дураку взбучку и держишь в ежовых рукавицах. А как ты закатываешь глаза и бесишься, когда я неправильно произношу слова, ха-ха! Или вот ещё, когда ты читаешь мои рассказы и вечно исправляешь кучу банальных ошибок.

Я благодарен тебе за всё это, но есть одно большое «НО». Я устал. Ещё раз повторюсь, я безумно люблю тебя, это чистая правда, но так больше не может продолжаться. Ты вечно злишься на меня, исправляешь меня. Я постоянно чувствую твою злость и катастрофическое раздражение к себе вот такому непутёвому.

Постоянный стресс и твоё бессердечие убивают меня. И знаешь, я хочу жениться, хочу детей, я всё хочу, но не с тобой. Мне больно это говорить, но я дошел до крайней точки терпения.

Твоя грубость и твоё безразличие достигли вершины в моём сердце. И да, наконец, я могу тебе сказать: гори в аду, злобная ты сука! Хотя с таким характером тебя не пу-стят даже в такое злачное место.

Я пишу это всё и совсем не чувствую боли, только эйфорию от предстоящего освобождения.

Три года рабства! Как я ждал, что ты изменишься, но, увы и ах! Тебе дорога только работа и твоё превосходство

над всеми. Желаю тебе счастливо оставаться одинокой (не дай бог кому «повезёт» с тобой) до конца дней. Да и ведь тебе никто, собственно, и не нужен.

П.С.: Я соврал тебе. Нет никакой командировки. Забрал свои вещи (сколько смог), остальное можешь выкинуть.

Не твой Паша

Закончила Даша читать со слезами. Солёные капли обрамляли её щёки и подбородок, оставляя влажные полосы. Из носа свисали бактериальные скопления в противовирусной оболочке (так называемые сопли).

Даша конвульсивно содрогалась всем телом, повторяя навзрыд: «Господи... Паша, Пашенька, дорогой... Ни одной ошибки, ни одной... Боже, как хорошо, как же хорошо написано!»

Счастливая смерть

Андрей устало взобрался на седьмой этаж. Пошарив в сумке с полминуты, он достал ключи, начав как-то неумело отворять дверь с номером «103». Замок с трудом поддался. «Надо бы заменить» – в какой раз пробежала мимо мысль.

В нос ударяет застоявшийся запах закрытых окон. Свет выключен. Так темно тут и немного боязно. В дальней комнате приглушенно шумит телевизор. В зале без изменений. Жизнь мебели и фотографий замерла под стеклом несколько лет назад. Когда-то это была комната мамы Андрея. Она умерла в мучениях от глубокой старости на девяносто пятом году.

Андрей призраком движется по коридору по направлению звука. В дальней комнате расположился пожилой отец. Кровь от плоти. Надежда в лучшее. Ностальгия. Любовь. И память.

«Отец, это я!» – В полсилы взывает сын, давая знать о себе заранее.

С приближением звук телевизора становится громче. Дверь немного приоткрыта. Из щёлки мелькает контрастный свет.

Вот он. Прикованный к кровати старик с благородными чертами. Насупленные брови. Он младше своей жены на ка-

кой-то молниеносный год.

Никогда он ни о чём не просил. Вплоть до восьмидесяти лет ездил на дачу на своём велосипеде, пропахивал в одиночку несколько соток, ухаживая за каждым кустом. Только последний год подломил его. Беспристрастный инфаркт, физиология и выдуманное время, которое невидимым шлейфом позорной мысли вычерчивает тоскливое «пора».

Сестра Андрея живёт в другом городе, а младший брат исчез двадцать лет назад. Андрей один остался у своего отца. И как бы ему не было тяжело приезжать каждый день после изнурительных рабочих смен, для него эти посещения вовсе не крест, а просто любимый отец, без которого...

«Пап, это я, Андрей» – повторяет он спокойным голосом.

Старик лежит с закрытыми глазами. Только экранное свечение вырывает его бледные черты без явного контура. Он мирно спит. Вот только грудь не вздымается под исхудалым пледом.

Андрей подходит ближе, включает свет. Легонько так тормошит некогда могучее плечо, понимая, что отца больше нет.

Андрей медленно, словно погружая подводную лодку, наполняет лёгкие застоявшимся воздухом, начиная бесцельно ходить по комнате. Необходимо обуздать в себе человека. Помни, это естественный этап жизни. Естественный, но всё же...

Сначала Андрей набирает номер скорой, а затем и поли-

цию. Теперь остаётся только ждать.

Никто не торопится.

Через час забирают тело и составляют протокол. На прощание (выходивший последним) фельдшер говорит:

«Дедушке много лет было, остановка сердца. Знаете, от этого, конечно, не легче, но всё же он умер в своей постели во сне. Это редкая и очень счастливая смерть».

Андрей задумчиво кивает.

Вот он. Его паспорт. Геннадий Семёнович. 1924 года рождения. На фотографии ему ещё только сорок пять лет.

«Прощай, отец...»

Андрей навсегда покидает отчий дом. Теперь нужно выспаться и начать заниматься похоронами.

Как же болит тело! Я промок до нитки. Открываю глаза и вижу пляж. Никого вокруг. Странно. Вот я лежал у себя дома прикованный к кровати, а теперь... мои ноги снова обрели подвижность. Я походу сплю. Да, я читал давным-давно статью... что-то про осознанные сны. Это один из них, я просто уверен, иначе как это ещё можно объяснить? Я не маленький мальчик клевать на чудо, но и не дурак, чтобы не воспользоваться случаем снова ощутить песок между пальцев. Прекрасное чувство! Как приятно обжигает пятки...

Вдали виднеется дорога. Меня тянет к ней, будто нутро окликает беззвучный голос. Кажется, я мог бы и противостоять ему, но не хочу. Здесь, у дороги, тишина прерывает-

ся. Начинает доноситься топот копыт, да ржание лошадей. Одновременно с тревожным шумом надвигаются и тучи над головою. Гром и молния!

Прячусь в ближайших кустах. Кто бы это ни ехал – нехорошим несёт с той стороны. Стук копыт стремительно приближается. Точки, мельтешащие некогда вдали, начали приобретать законность силуэтов. Целое стадо бросается галопом во главе с наездниками в доспехах из кожи. Такие явно не приносят мира любой земле.

Их стая почти пронесется мимо, как я замечаю пленника на плече. Да, зрение не обманывает меня, это девушка! Я вижу её лицо... и это лицо мне кажется знакомым. Только вот... Ах, моя Анна! Моя жена. Моя любовь, чей прекрасный лик не забыть в веках и странных странствий. Как же так родная получилось, что я нашел тебя в летах, в которых только познакомились с тобою...

Дыхание учащается. Ещё немного, и выдержки не хватит стратегически стерпеть. Как эти животные посмели посягнуть на святое?! Спокойно... Конвой проскакивает мимо. И я весь во внимании тяжелых дум о том, как бы мне незаметно проследовать за ними.

Только стоило подумать, как вдруг тело ушло из-под контроля. Снова паралич? К счастью, нет. Я чудом воспарил над самыми кустами, не в силах промычать ни слова. Диво. Я невесомым стал и ветер, что поднялся так удачно, попутно начал дуть к моей заветной цели.

Какой странный, однако, пейзаж: розовые горы, красные реки... Всё так осязаемо и всё так взаправду, но в тоже время сплошное полотно Гогена.

Погода снова начала проясняться. Я побоялся, что и ветер стихнет, но чёрта вам, не дожждётесь!

Я на месте. Вижу неприятельские бараки. Тело начинает становиться тяжелее, приземляясь точно на пригорке. Отсюда мне отлично видно обстановку, теперь и план придумать можно по спасенью.

Первое, что приходит в голову: дождаться ночи и тихо так, одними лишь шажками, выкрасть Анну, пока мерзавцы будут спать, наевшись краденого мяса. Но вот я слышу крик любимой! Как же это нестерпимо, внутренности переворачиваются вверх дном, мои челюсти сжимаются капканом, щёлк! И вот тело моё в рыцарских доспехах. В левой руке щит, а в правой меч горит огнём правдивым.

Не заботясь больше об укрытии, начинаю бежать с криком на зверей. В первую секунду армия в смятении. Во вторую же, все при оружии, готовые разорвать меня. Стремительно приближаюсь, не зная страха.

Сначала подумалось: умру я сразу. Но меч мой сделал резкий взмах и всей своею вертикалью срубил ближайшего врага. Я тут же окружаюсь ненавистными мечами. В щит прилетают десятки, а то и сотни стрел за раз. Но я так ловок, так силён я здесь. Любовь – оружие намного сильнее наточенного металла.

Я перерубаю сотни тел, проходит вечность. Туман рассеивается, забирая в преисподнюю своих помещиц. И вот, о боже, стоит она. Совсем одна, спасённая и без одежды. Как ты прекрасна в своей улыбке, дорогая...

Я улыбаюсь ей в ответ, но она не узнаёт своего героя. Милая Анна, это ничего, я не сержусь, просто стал твой муж ещё чуть старше, чем ты меня могла запомнить... Беру неприкосновенный цветок за ручку, она не против. Ладони мокрые, я весь от смущения в поту. День близится к закату. Я снова улыбаюсь своей любви, смотрю заискивающи в её небесные глаза и вижу благодать нирваны.

На пляже она аккуратно пробует воду на тепло, заходя по пояс, а после и вовсе пропадает на горизонте. Красивей этого... красивей её – нет ничего на свете. Боль стоила того, чтобы поклоняться радостным мгновениям.

Резкая агония пронзает тело. Так неожиданно и страшно! Из груди торчит осколок собственного меча. Смерть! Я не заметил, как предательски она подкралась со спины, но я слышу её спокойный шепот: «Вот и всё, пора. Тебе пора. Время. Не бойся. Такова участь каждого героя моей незамысловатой басни...»

Семь причин

[впервые опубликован в журнале «ЯММА» #6]

2156 год. На улице стоит чудесная летняя погода. Радостные лучи игриво отражаются от зеркальных небоскрёбов, которые застройщики понатыкали на каждом свободном метре, а над головами мирно пролетают дроны, следя за общественным порядком.

Вася молча вертится по сторонам, изучая свой родной город под новым углом. Вот мимо проходят длинные ножки в коротком платье. Их обладательница соответствует высокому уровню своего природного сокровища, как бы обобщая образ в один прекрасный букет.

Вася смотрит на девушку жадным взглядом. Теряя какой-либо приличий, он облизывает сухие губы обветренным языком. Красавица замечает молодого человека. Мимику дамского лица охватывают сильные складчатые судороги, формируя неподдельное отвращение. Сквозь зубы она шипит: «извращенец чёртов», прибавляя после шагу, руководствуясь далеко не страхом.

Мужчина только улыбается, уже летая в своих мечтах. Он представляет, как гладит эти ножки, целует эту шейку, нюхает сладкую промежность девушки, нежно целуя её половые губы, а затем... затем они занимаются любовью, и никто не

может помешать влюблённым.

На ближайшем здании, в десять окон по ширине и столько же в длину, загорается встроенный экран. Начинает басить героическая музыка, привлекая внимание граждан и приезжих, находящихся в непосредственной близости.

Вот и Вася вздрогнул от неожиданности. Улыбка с его лица спала, и он с серьёзным видом уткнулся в светодиоды. На экране начался поучительный ролик, который каждые двадцать минут напоминал жителям и гостям о некоторых важных правилах, которые начали действовать пару лет назад. И, признаться честно, работали они действительно очень эффективно.

Вася видел ролик уже много раз, но за неимением других дел, скорее даже машинально, по привычке, начал смотреть и внимательно слушать уже зазубренный текст...

«Служба г-о здравоохранения, при поддержке прокуратуры и ф-й службы безопасности просит граждан, а также гостей столицы ознакомиться с правилами поведения на территории страны. Каждый человек обязан иметь при себе документ, подтверждающий его личность, и по первому требованию предоставить его сотруднику здравоохранения. Запрещается иметь при себе огнестрельное оружие, ножи и любые химические вещества, которые могут повлечь за собой вред здоровью. Также запрещается сбивать дроны и прятать лицо от опознавательных камер регистрации. Процедура «до-

кументации» лиц – часть общей безопасности. Также запрещается какая-либо агрессия в сторону любого человека. Нарушение безопасности и свободы справедливо карается новым отделом по борьбе с насилием «С.Е.М.Б.», созданным специально для пресечения незаконных действий субъектов, совершивших преступление, повлёкшее за собой смерть или причинившее моральный вред прочим лицам. Убедительная просьба соблюдать вышеуказанные правила поведения. Всё это делается для общего блага и безопасности».

Голос замолчал, а вместе с ним начал таять герб на чёрном фоне. После небольшой паузы всплыл логотип «С.Е.М.Б.» Из динамиков заиграла знакомая мелодия, под которую появился светлый интерьер здания С.Е.М.Б. Его белизна как бы символизировала чистоту. Камера оператора начала плавно надвигаться на серьёзного мужчину в чёрном костюме.

«Здравствуйте, граждане города и дорогие гости! Меня зовут Салымага Юрий Васильевич. Я являюсь главой организации С.Е.М.Б, и в этом ролике я хочу ещё раз познакомить всех с методами, которые обеспечат наше с вами благополучие».

Салымага двинулся с места, нырнув в узкий коридор, стены которого украшали всевозможные плакаты с отличившимися законниками, выдержками с задержаниями и прочей информацией.

«Как многие из вас помнят, ещё два года назад данной организации не существовало. Ещё недавно людей, преступивших закон, сажали просто в тюрьму. Даже за убийство подонки отсиживали не особо долгий срок, а затем снова выходили на улицу, продолжая сеять хаос. Я никогда не одобрял подобной политики. Как вы знаете, на протяжении всего существования подобных мер, преступность не то, чтобы чуть уменьшилась, наоборот. Преступники создали целую культуру, начав гордиться своими сроками и статьями. Они подбивали и развращали умы молодёжи. Вся наша с-а превратилась в территорию безнаказанности. И я, ваш покорный слуга, пришел со своим проектом к нашему главе, который, как и я, мечтал о том, чтобы наша с-а стала не просто великой, но и совершенной в своём механизме. А для этого нужны соответствующие меры.

Да! Все осуждённые по тяжким преступлениям были казнены. Некоторые из вас взбунтовались, начав тыкать правами человека, а я вам скажу, что права есть только у людей, а у подонков их не должно быть! Отделом было создано семь жесточайших наказаний для всех тех, кто подвергает чужую жизнь опасности. Для каждого преступника найдётся кнут правосудия и сейчас я хочу ещё раз продемонстрировать изощренные изобретения, чтобы люди, которые задумывают недоброе, сто раз подумали, а хотят ли они такой участи для себя?»

Юрий Васильевич дошел до просторного помещения с

высокими стенами. Окон здесь не было плюс, хорошая звукоизоляция. Посерединке стояли небольшие обособленные комнаты, по форме напоминавшие увеличенного размера обувные коробки. У каждой имелась дверь с торца, а с другой стороны располагалось панорамное окно для наблюдения за процессом.

Глава отдела двинулся в их сторону, поочередно показывая рукой на каждое такое помещение и объясняя:

«Кабина правосудия номер «1». Включает в себя бетонную плиту, куда и замуровывается предполагаемый преступник. Здесь вы можете увидеть специальное отверстие для лица, а здесь вот специальное устройство, которое позволяет оставить место для вдоха и выдоха грудной клетки. Таким образом преступник функционирует на протяжении всего времени, пока не сойдёт с ума, либо, пока не умрёт от обезвоживания. Подобная мера пресечения применяется по отношению к лицам, жестоко обращавшимся с детьми, а также для тех, кто жестоко обращался со своими родителями пенсионного возраста.

Кабина правосудия номер «2». Оснащена механизмом, позволяющим очень медленно растягивать конечности преступника вплоть до того, пока они не перестанут функционировать. И при слове медленно, я имею в виду: ну очень медленно. Процедура занимает в среднем полторы недели. Данная мера применяется к лицам, совершившим такие преступления, как: ограбление, воровство, хищение бюджета и

любые противозаконные манипуляции, связанные с финансами.

Кабина правосудия номер «3». Здесь провинившемуся вырезают желудок, и он полностью теряет возможность восполнять свой организм жизненно важными элементами питания. Такое наказание постигает обычно живодёров, а также за издевательства над людьми путём голодного мора.

Кабина правосудия номер «4». Это очень особенная камера. Здесь находится порядка 1 200 000 специально выведенных комаров женского рода. Человек, совершивший серьёзные проступки против природы, помещается привязанным именно сюда. В течение суток комары выпивают всю кровь бедолаги, а анестезирующие свойства их хоботков продлевают ему «ощущения».

Далее у нас идёт кабина номер «5». Здесь преступнику вживляют внутрь очень много синтетической проволоки по всему телу, затем оставляя его одного с кучей разного рода инструментария. Очнувшись, подонок и моргнуть без боли не сможет. Единственный для него выход – [ЦЕНЗУРА] себя. Обычно такое наказание получают педофилы, насильники и прочее отребье, заслуживающее самой мучительной кары.

Предпоследняя кабина правосудия. Предназначена для особо жестоких преступников, для которых смерть – подарок. А так как мы не поощряем гниль, то наши специалисты, с помощью новейших технологий и благодаря операци-

онному вмешательству, лишают такого субъекта двигательных функций. Превращают ему в кашу все кости, но оставляют в целости и возбуждении нервную систему, затем держа «пациента» в таком состоянии от одного до трёх месяцев, чтобы тот в полной мере смог хоть немного искупить свой бесконечный грех.

Кабина правосудия номер «7». Между собой мы называем её «шанс». Иногда, по разным причинам и обстоятельствам, правда, прошу заметить, очень редко, суд решает пощадить того или иного преступника. Присяжные могут настоять на смягчающем приговоре. В таком случае оправданный попадает в «шанс», где ему ампутируют конечности, в том числе и половой орган, если речь идёт о мужчине. Затем с такого человека снимаются все обвинения. Оступившийся гражданин возвращается в общество, правда без послаблений в виде пенсии по инвалидности. А вообще, в любую камеру может попасть преступник с любым проступком. Так что помните, граждане страны и её гости, ни одно преступление не останется безнаказанным. Каждый, кто преступит букву закона и права другого человека, будет жестоко наказан. На этом всё. Всем хорошего настроения и успеха в его нелёгком деле. Помните: чисто там, где не мусорят».

Вася смотрел на всё представление снизу вверх, а по щекам его текли слёзы. Было непонятно, улыбается он или просто кривит рот.

С его губ тихо срывалась только одна и та же фраза: «Гос-

поди, спасибо, что седьмая, господи, спасибо, что седьмая».

Преступление

Панельный дом уже погрузился в беспокойный сон. На предпоследнем этаже горел блёклый свет лампы, который разбивал монотонный ночной пейзаж, образуя сегмент.

В комнате, где стены не помнили ремонта, где трубы протекают так, словно им положено, стоял мужчина. Одет он был подобно этой комнате. Во многих местах прохудилось его мокрое, от дождя, пальто.

Грязная подошва его ботинки наследила на полу, но хуже не стало. В руках поблескивал металлический, несвойственно чистый и властный пистолет. Его орлиное дуло устремилось в сторону испуганной женщины, которая успела смириться со своей участью.

Глаза юноши, что лежал чуть поодаль от этой женщины, ежесекундно бегали по хаотично кривой, пытаясь зацепиться и сосредоточиться на чём угодно, лишь бы найти спасение. Бесполезно. Страх сковал тело, оно одеревенело, подражая берёзе, уподобилось сущности иного характера. Зато мечущие глаза компенсировали всё рвение плоти убежать от развернувшегося кошмара.

Мужчина перевёл свой твёрдый взгляд в сторону юноши:
– Если заслонишь мать своим телом, то я убью только тебя. Если ты и дальше будешь убивать её своим бездействи-

ем, то я убью вас обоих. – Спокойно произнёс судья, презрительно изучая силуэт.

Молодой человек не пошевелился. Взгляд отстранённо застыл на жирном пятне обоев. Он слышал голос, но слов уже не различал. Больше всего на свете его пугала не смерть мамы и, тем более, не своя собственная гибель, его ужасал металлический отблеск власти в руках любимого отца.

Панельный дом был погружен в беспокойный сон. На предпоследнем этаже горел блёклый свет лампы. Тьму разорвал выстрел. День на секунду сменил ночь. Выстрел.

Рассказ, переведенный с русского на корейский, с корейского на японский, с японского на непальский, а с непальского снова на русский

В панельном доме уже было тихо. От конца до второго этажа горящий свет гасит фонарь, разрушая вид унылой ночи и разрушая его.

В комнате находился человек, который не помнил, чтобы починить, где следует проложить трубы. Он был одет как эта комната, а в некоторых местах пальто было тоньше дождя. Его грязные ботинки упали на землю, но в этом не было ничего плохого. В руке у него был блестящий металлический пистолет, но он не был чистым и мощным. Его орёл тянется из-за страха перед полётом, который имеет длительные отношения с его собственной судьбой. Его глаза бегают по смешанной оптической кривой каждую минуту, пытаясь сосредоточиться и сосредоточиться на всём, чтобы спастись. Напрасно страх охватил его тело, обнаружил и стал веществом. Его мигающие глаза сняли волнение с тела, чтобы избежать кошмара.

Мужчина выглядел на юношу.

– Если ты остановишь свою мать, я убью тебя. Если ты

убьёшь ее безрассудно, я убью вас обоих. – Тихо говорит силуэт. Проводите постоянные исследования.

Молодой человек не двигается. Его взгляд смотрит в густые пятна на заднем плане. Он услышал его голос, но не было чёткого слова. Он был напуган не смертью своей матери, а собственной смертью больше, чем что-либо ещё в мире. Я боялся металлического отражения силы в руках моего любимого отца.

Панельный дом был беспокойным. С конца до второго подиума вспыхнул блеклый фонарик. Клип удалённой темы... Ночь изменила день. Strela.

Неожиданная концовка

[впервые опубликован в журнале «СКОБЫ» #3]

Вот мужчина. Его лицо покрывают морщины. Короткая стрижка под ёжик. Он сам себя бреет дешевой машинкой. Парикмахерские – слишком дорогое удовольствие в наши дни. На худых плечах старая куртка, зашитая в десятках мест собственноручно. Обычные штаны без одной пуговицы, других нет. На стопы натянуты прохудившиеся и грязные кроссовки. Всего у него две пары: зимние, а на остальные сезоны – вот эти «грызунки».

Сколько лет он уже в этом мегаполисе? Чёрт его знает. Плохих дней не считают. Когда-то переезд внушал большие надежды и ещё пуший оптимизм.

Что нажил этот бедняк? Тяжелая работа на стройке, где каждый раз возникает вопрос честности зарплаты. Съёмная комната за чертой города, на которую уходит половина сбережений. Плюс каждодневный проезд, еда... А ещё нужно найти копейку, чтобы отослать матери-старухе. Что её пенсия? Одно издевательство. И везде, всюду – крохоборы в погоне за личной наживой вопреки всему, готовые снять последние обгаженные трусы с любого, кто встанет у них на пути.

Когда-то давно, в глубоком детстве, человек мечтал стать взрослым. Он мечтал о прекрасных далях, квартирке, жене-красавице и паре здоровых деток. А что на деле? Честность – выбор бедняка и неудачника. Хочешь жить – крутись, вору и рви. Такое положение дел кажется чем-то сродни карикатурным, но на деле – современная действительность. В тебя плюют? Скажи спасибо, что не избили.

Все женщины достаются хищникам. Самцам, которые во время перегрызли шеи своим соперникам. От них так и веет мускусом, и именно такие вот «они» получают всё то, о чём Он теперь только может мечтать, страдая от своего вынужденного одиночества.

Чтобы не умереть с голоду по выходным приходится ходить с большой спортивной сумкой; приходится шастать по помойкам в поиске бутылок на сдачу, да остатков еды, которые люди так бездумно выбрасывают в своём сытом безрассудстве. Иногда, в особо удачные дни, можно найти абсолютно новые полуфабрикаты с истёкшим сроком годности. Есть можно, да ещё с каким аппетитом.

Он роется в очередном контейнере. Его силуэт не так уж и сильно смахивает на бездомного. Несмотря на очевидную нищету, он относительно чист и опрятен, но люди презрительно морщат нос, стараясь не пересекаться с ним взглядом. В своём нутре они презирают его за то, что он не такой, как они.

Когда занимаешься побирачеством – стыдно первые

недели две. Сначала боязно, а потом уже становится всё равно. Общество тебя отвергло, ты один, чего тогда вообще заморачиваться? Другой вопрос, когда собственный рассудок начинает сбоить и ненавидеть обладателя этого тела с такой судьбой, то есть – самого себя.

Тяжело оказывать сопротивление целому миру, но себе – ещё сложнее. Для этого человек придумывает мнимую цель или мечту. Он придумывает ложные пути к её достижению, тем самым смакуя будущий день, когда задуманное сбудется, но этого не происходит. Чудес не бывает. Даже такой человек знает это, но продолжает кормиться мечтами, ведь иначе он просто не сможет существовать, не сможет элементарно подняться с постели.

Вот и Он нашел себе подобную мечту. Резко разбогатеть! А путь, выбранный им – лотерея. Каждый месяц он покупает один непозволительно дорогой билет в надежде, что именно тот окажется счастливым. Каждое четвёртое воскресенье он настраивает радио, затем с замиранием сердца слушая выигранные цифры, но пока его время ещё не пришло.

Всё повторяется. Каждый его день – калька. А душевная усталость она такая: всё копится, копится и копится! В один момент пузырь лопается, обнажая свои гнилые внутренности, которые сифонят смрадом несостоятельности. Такое тяжело пережить не пав рассудком.

Вот и Он сегодня понял, что так продолжаться больше не может.

На следующий день мужчина в старом тряпье идёт на станцию, где покупает билет на автобус в родное село. Там его мать, там можно устроиться каким-нибудь разнорабочим, и в кое-то веки почувствовать человеческое тепло, а не вечно холодные стены.

Он собирает свои вещи в ту же спортивную сумку. Его пожитки с лёгкостью в неё помещаются. Он никого не предупреждает: ни хозяйку комнаты, ни своего работодателя. Перед самым рейсом он заходит купить немного еды. Хлеб, шпроты, бутылку воды и пряники по скидке. Сегодня четвёртое воскресенье. На последние деньги покупается и лотерейный билет.

Автобус заполнен где-то на треть. Народ старается максимально дистанцироваться друг от друга. Колёса трогаются с места. Начинается путь до дома.

Мужчина стирает защитный слой на билете: 4, 8, 36, 25, 19, 7. Он повторяет эти цифры как мантру, заучивает их, буквально настраивая вселенную на нужный лад. Он рассчитывает на её милость.

Наступает вечер. На личном портативном радио садятся батарейки. Мужчина просит водителя включить нужную радиостанцию. Очерствевший и безразличный, тот нехотя бурчит, но выполняет просьбу. Ведущий, как всегда, много трепитя не по делу, тянет резину. Спустя пятнадцать минут начинается розыгрыш суперприза.

Счастливым обладателем 6 000 000 (сумма названа без

вычета налога) становится человек, чьи цифры: 4, 8, 36, 25...»

Он, тот самый он (!) как во сне, ещё чуть-чуть и потеряет сознание. Он прекрасно знает следующие две цифры. В ушах звенит, тело инстинктивно встаёт с места, начиная идти на шум радио к водительскому месту.

«...19»

Осталась последняя цифра, только б не упасть в обморок! Мир в замедленной съёмке. Ведущий бесконечно долго выговаривает последнюю цифру. Полуобморочная тень видит багровое лицо водителя, воткнутое в руль, а за стеклом, в темноте, виден свет и дальше просто текст автора, несвязанный с этой историей. Такой вот рассказ. Я пишу его и у самого аж замерло сердце. Мне на секунду показалось, будто это я сейчас выиграю кучу денег, но нет. Что ещё рассказать тебе, читатель? За окном пасмурно, но ветра нет. Я проверил. Выходил за кирпичом хлеба и молочной колбасой. Тут магазин прямо у дома. А вообще, пользуясь случаем, скажу, не ведись на лотереи. Лучше купи что-нибудь вкусное для поднятия настроения. Ведь цифре «7» не суждено выпасть, хотя, кто знает...

Пилотка

– А Олег и говорит: «У тебя такая коротенькая юбочка, Ань. Для любого мужчины это провокация». А я типа такая, что для этого и ношу такие вещи, провоцировать. Ха-ха!

Сигаретный дым обволакивал лица двух девушек, стоявших у столичного торгового центра.

– Ну, знаешь, я побаиваюсь носить такие откровенные вещи. В наше время слишком много ебланов. К тому же, Вадимке это не понравится. Все мои прелести принадлежат только ему. Если бы он увидел меня на улице в короткой юбочке, мне бы пришлось еще очень долго вымаливать прощение. – Света сделала глубокую затяжку.

– Ты хотела сказать глотать и высасывать?

– Вот ты дура, ха-ха. Хотя, конечно, в этом есть девятнадцать сантиметров правды.

– О-о-о, ну спасибо за информацию о своём бойфренде, всем бы такого Вадимку. Я бы не отказалась, если он такой герой, как ты говоришь.

– Так, руки прочь от моего мужика! Вчера ходили на русскую комедию, кстати. Как же она называлась?.. Не суть, но смеялась я как лошадь резанная.

– Да ты и есть лошадь, маленькая такая пони.

– Чёлки не хватает, как в седьмом классе. Помнишь? Вот

мода была: посмотрите, я похожа на чучело из восьмидесятых.

– Ирку Понамареву помнишь? Жирная была. Всё пай-девочку из себя корчила. Так этот шарик с водой до сих пор ходит с такой шторкой. Какой позор! Жирная боди позитивщица, так ещё уёбищности добавляет.

– Вот овца. Ну а что ты от неё ожидала? Докурила? Пойдём, не май месяц.

Наспех выкинутые окурки описали низкую дугу беззвучно стукнувшись о край мусорки, затем дружно упав на асфальт.

Припаркованный рядом внедорожник неожиданно посигналил. Девушки инстинктивно обернулись. За рулём сидел симпатичный парень. Он помахал подружкам рукой и, выйдя из машины, пошел в их сторону.

Это был молодой человек только что перешагнувший за тридцать. С ухоженной кожей, аккуратно подстриженной бородкой. Его голубые глаза красиво переливались желтыми бликами от солнечных лучей. Ботинки сверкали новизной. Ростом он был выше среднего. На левой руке красовались дорогие часы. Он шел в сторону подруг, широко улыбаясь своими белоснежными зубами.

У Ани и Светы одновременно скрутило животы в приятном волнении. Неписаное правило женской гордости не позволило им показать резкого желанья обладать. На лицах сидела гримаса сдержанности и обманчивого непонимания.

– Девчонки, привет! – Молодой человек все также улыбался белоснежными зубами, распространяя своё обаяние до самых костей.

– Здравствуйте. А чего вам нужно? – Резко спросила Аня, взяв доминирующую роль за подругу.

– Ого, как вы сразу начали резво. Вы, я смотрю, девчонки с характером, здорово. Честно говоря, я хотел познакомиться. Увидел двух красивых девушек и внутри что-то закололо. Думаю: «Дураком буду, если упущу». Вы не подумайте, я без всяких грязных мыслей. – Молодой человек смотрел на девушек самыми чистыми и невинными глазами.

– Мы девушки занятые, знаете ли, у нас есть молодые люди. Извините, но ловить вам с нами нечего. – Аня нагло изучала часы мужчины.

– Так это здорово. Отлично, что вы нашли свои вторые половинки. Я ведь не навязываюсь к вам в бойфренды. Я предлагаю просто дружески съездить ко мне в гости. Покурить кальян, посмеяться, посмотреть тупые ролики. Просто хорошо провести время с интересными и красивыми девушками.

– Нас мамы учили не разговаривать, а тем более не ездить к незнакомым мальчикам. – Уже Света включилась в диалог, не желая быть молчаливой лохушкой.

– Так давайте знакомиться. Меня Саша зовут. – Он деловито протянул руку для пожатия, также широко улыбаясь.

– Я Аня, а это моя подруга Света. Ну, чего стоишь истуканом, вон какой Саша вежливый, не бойся.

– Я и не боюсь, я же не виновата, что рука Александра ещё занята твоей. – Света быстро пожала руку нового знакомого.

– Ну, вот и познакомились. У вас здесь дела какие или вы просто гуляете?

– Да мы приехали пошататься, повыбирать шмотки какие может, мы же девочки. – Аня уже разговаривала вполне по-дружески.

– Я вот что предлагаю, давайте сейчас сгоняем ко мне в коттеджик, он буквально в пятнадцати минутах от города. Покурим кальян, послушаем музыку, побратаемся, а потом вместе поедем шопиться. Поможете мне подобрать шмоточки, а за это я оплачу ваши. Мне ведь для друзей ничего не жалко, не в деньгах счастье. Как там П-а пела: «Не имей сколько-то рублей, а имей столько же друзей?» Что скажете?

– Звучит отлично, погнали! – Аня театрально вздёрнула руки вверх.

– Ой, даже не знаю, если мой Вадимка узнает, то совсем не обрадуется. Может, просто погуляем по центру?

Саша хотел привести контраргумент и успокоить Свету, но Аня опередила его.

– Ой, да брось ты, зануда. Мы на часок, а потом обратно, никто не узнает. Ты посмотри на Сашу. Какой он милый и хороший молодой человек. Всё, хватит нудить, едем!

Все трое двинулись в сторону машины. Прозвучал короткий сигнал разблокировки. Аня села на переднее сиденье поближе к Саше. Света же удобно устроилась на заднем, сев

посередке.

Послышался тихий звук мотора. Рессоры плавно стабилизировали перепады всех неровностей и веса. Машина спокойно и уверенно двинулась загород.

– Ну что, девчонки, обещаю, будет весело. Вы не пожалеете. – Саша одарил своих новых знакомых широкой, белоснежной улыбкой.

«Как чудесно пахнет железом и потом. Как сверкает лезвие в руках бога. Да, я крепко держу рукоять и ни что не в силах повлиять на мою твёрдость. Эрекция не помеха. Для начала нужно всё же отложить орудие справедливости. Сначала нужно обрить головы от волос. Звук машинки успокаивает. Я убираю декорации самой выёбистой. Её череп искажен, форма слишком бессодержательна. Зачем скрывать своё уродство? Я праведник, я миссия, я человек слова и правды. Я открою тебя. Покажу истинное лицо. Ты спишь от сильного раствора, но от прикосновения ножа из закрытых глаз текут слезы... ничего. Вот мы протыкаем одно глазное яблоко, затем второе. Они тебе больше не нужны. Я дам тебе кое-что лучше, но это «лучше» еще нужно достать, заслужить. Забрать у второй, той, что была тебе подружкой. Вроде верной, но это ведь всего лишь запачканная эмаль унитаза. Пока ты плачешь кровавыми слезами, я заберу у неё кое-что ценное. Моё орудие очень нежно вырезает филейную часть, самую вкусную и нежную. Знаешь, эта вторая, она мне да-

же нравилась. Я на секунду поверил, что она не такая блядь, как ты и весь этот мир, но, когда и она не удержалась от меня... всё стало понятно. Всеми вами движет похоть и деньги. Все вы готовы сосать кошелёк, но я вылечу вас. Я фокусник с обратным эффектом. Я разрушу иллюзии, и ты даже скажешь потом спасибо. Я не сумасшедший. Я просто хочу справедливости и смысла. Хочу дать философское учение, которое воплотится в реальность. Кому нужно – тот поймет. Фу. Какие же вы все мерзкие внутри. Каждый снятый слой открывает ужасы вашего бытия, ваших нечистот. Всё, тише, тише, милая, больше не смею мучать. Так было нужно. Забрать подарок твоей лучшей подруги, да. Теперь осталось за малым... стежок, стежок. Ещё парочку. Выглядит отлично. Твоё преобразование почти закончилось. Иииии... я же обещал, никто не пожалеет».

На улице появился первый холодный свет. Воздух ещё пропитан ночью и сном. Никого на улице нет, даже пьяниц. К закрытому торговому центру идёт голая Она, содрогаясь измученным телом, рот искажен сумасшествием и кровью. Нет языка, нет глаз, нет памяти. Её не узнать. Обнаженная, заново родившаяся, она ковыляет, дрожа с единственным аксессуаром в виде пилотки подруги, что оказалась пришита к её голове.

Верность

1

Её лакированные чёрные туфли в грязи. Дождь сегодня льёт беспощадно. Она стоит без зонта. В голову приходит мысль, что обычно дождь начинает лить во время похорон только в кино. Очень странно наблюдать такое явление в жизни. Хотя, честно сказать, и эта реальность ощущается просто сном. Глаза её красные, она много плакала.

Слёз больше нет. Всё когда-то заканчивается. По правую руку стоит муж. По левую – мама. Больше никто не пришёл на похороны её годовалой доченьки. Совсем малышка. Маленький гробик закрыт. Невозможно смотреть на ангела, когда грудь не колышется спокойным морем.

Она думает о том, что никто ни в чём не виноват. Сначала она гневилась бога, проклиная всех святых, а потом вдруг решила, что существование «таковых» находится под очень большим вопросом. Она выкинула все иконы вместе с нераспечатанными вещами дочки.

Несмотря на утрату веры, священник всё же присутствует. Он зачитывает непонятные слова на непонятном языке. Скорбящие молчат, каждый думает о чём-то своём.

Наступает тишина. Маленький гробик опускают в приготовленную яму, прямиком во тьму. Три крупных детины.

Молодые парни начинают привычно закапывать. Они набирают горку с расчётом на то, что земля ещё осядет.

Поминок не будет. Сотрудники и священник расходятся без лишних слов. Муж и бабушка идут в сторону машины. Она всё стоит и смотрит на надгробную плиту. Её окликает муж: «Оля, пойдём в машину, заболеешь».

Ещё мгновение она колеблется, но потом покорно идёт следом. Дверь за ней захлопывается. Слышно тихое журчание мотора, а дальше пейзаж за окном начинает меняться. Появляются дома и беготня живых, которые понапрасну существуют.

Эти дни были долгими и мучительными. Всем нам нужно хорошенько выспаться.

2

Вот я, Оля. Больное отражение смотрит на меня с вопросом. Уже полдень, а я всё не могу заставить себя элементарно почистить зубы и умыться.

Моя грудная клетка вздымается при вдохе. Я ещё так молода, но чувство, что пожила уже непозволительно долго. Нет целей. Всё вот так вот просто случается. Счастье слишком хрупкое, оно держится на невидимых нитях, что неподвластны контролю.

Андрей ушел на работу. Молодой прораб опять начудил на объекте, а Андрей... он ведёт себя так, хотя нет, он пытается вести себя как обычно. Перед уходом улыбается. Я

знаю, он делает такое усилие ради меня, но без него и без всего этого – спокойней.

Я смотрю в отражение и задаю себе вопрос: кто я? Когда я думаю о муже, появляется вопрос: кто мы? Просто люди? Ещё одни авантюристы этой планеты, которым немного не повезло?

Моя доченька... Я совсем не знаю её. Не успела узнать, а чувство, будто вся жизнь просто удалилась. Хлоп, и нет больше её. Нет ничего.

Я хотела бы научить её хорошим словам. Хотела бы научить ходить, бегать, ездить на велосипеде. Хотела бы сказать, как сильно я люблю её, но всё, что у меня есть – горстка вопросов и память.

«Кто мы?» и «кто я?» сплетаются несмотря на то, что понятия эти говорят совсем о разном. Я – Оля. Мне двадцать один год. Мы – Андрей и моя бледная тень, не желающая мириться с обстоятельствами. Невозможно смириться с таким, но и сделать я ничего не могу. Хоть волком вой, хоть ругайся молитвами, хоть плачь крепкими оскорблениями!..

Мне не забыть её личика, её маленьких пальчиков, её улыбки, когда поутру она видела меня, всю такую растрёпанную и сонную... Я не хочу жить так. Не хочу ещё лет пятьдесят вспоминать и мечтать о том, что могло бы быть, если не эта нелепая случайность. Я не хочу, чтобы дочь моя была неотмщённой.

У меня есть вино и таблетки от бессонницы. Колёса Ан-

дрея, всё законно, всё по рецепту. Я видела, как в кино можно очень просто [ЦЕНЗУРА] с собой. Я проглочу упаковку и буду запивать кровью Христа, не уследившего за одним из своих ангелов. Банально всё это до крайности, но что поделывать?

Мною движет не столь подавленность, сколько желание. Есть два варианта событий. Первый, самый простой: я умру, и больше ничего меня не будет мучить. Второй вариант: если сказка окажется реальностью, то тогда я окажусь на «том свете». Я смогу обнять свою дочку, поцеловать на прощание, а затем воткну припасённый нож в грудь виновного, обрекая себя на вечные истязания в аду.

3

Ольга просыпается от сильного потока рвоты. За окном стемнело. Она всё извергает из себя желчь вперемешку с вином. Ей очень больно. Желудок, словно ещё немного и вылезет наружу. По щекам текут слёзы, а в тишине квартиры слышно только её бляение.

Оля приподнимает ракурс взгляда. Ноги мужа прям под носом. Голова его, где-то вдалеке, очень размытое такое очертание, смотрит на Олю, такую жалкую и неопрятную.

Сильные руки больно сжимают подмышки. Её безжизненное тело взмывает вверх, теряя твёрдую опору. Эти сильные руки начинают трясти хрупкую женщину. Глаза Андрея заплаканы. Даже при таком освещении проглядывается пун-

цовость. Он трясёт сою жену, вместе с тем начиная орать: «ТЫ ДУРА? ТЫ ДУРА? Я СПРАШИВАЮ, ТЫ ДУРА? ДУРА, ДУРА!»

Сильные руки сбрасывают тело жены на диван. Андрей громко наворачивает круги, с его губ срываются подобия стонов. Ещё через время Оля слышит звонок в дверь. Люди в белом кладут её на носилки, а затем её разум снова проваливается в беспмятный сон.

4

«Ты точно этого хочешь?»

«Да».

«Мне кажется, ты ещё не готова».

«Уже год прошёл. Моё решение окончательное. Я думала, что ты тоже за».

«Несомненно, я за, но ведь у нас нет проблем со здоровьем. Мы спокойно можем зачать ребёнка сами, своими...»

«Я тебе уже всё объяснила, давай не будем мусолить один и тот же вопрос».

«Как скажешь, но я всё равно не понимаю, почему тебе так важно усыновить кого-то?»

«Тебе повторить, да?! Ты глупый и старый тормоз. Я смотрю, что ты хочешь ещё раз послушать то, что я и так тебе говорила тысячу раз!»

«Да, хочу! Будь так благосклонна к своему мужу!»

«...Хорошо. Анечка была моей малышкой, единствен-

ной... она ею и останется. Я не хочу снова проходить этап материнства, не хочу видеть в кровном ребёнке некую замену... не хочу обрекать ребёнка на свой печальный взгляд, я не хочу жить в прошлом. Пойми же... А в детском доме много брошенных деток, которым мы можем подарить дом. Я знаю, что по-настоящему мы не станем ему мамой и папой, но зато сможем стать ребёнку любящими дядей и тётёй. Разве так плохо дать брошенному человеку второй шанс, скажи мне?»

«Нет... не плохо. Прости, просто мы по-разному смотрим на ситуацию. Приёмный – так приёмный. Ну что, идём? Думаю, нас заждались. Сейчас вроде как раз все резвятся на площадке».

«Да».

Андрей и Оля вышли из машины. На улице стояла солнечная погода. В приёмной супругов проводили к директорше. Сначала прямо по коридору. По обе руки детские рисунки. Налево. Снова коридор. Ещё рисунки. На фоне женщина рассказывала о детях и приюте. На некоторых воспитанниках делался особый акцент.

Оля не слушает. Обстановка наводит на неё тоску, очень гармонично смешиваясь с меланхолией. Ей даже почудился плачь Анечки.

Внутренний двор.

Распахивается дверь. Детская симфония голосов встряхивает Олю, выводя из ступора. Андрей, как обстоятельный че-

ловек, начинает задавать много юридических вопросов по усыновлению.

Оля отделяется, задвигаясь вдаль под козырьком. Окружающие звуки смешиваются. Женщина начинает смотреть на всех детей по очереди. Вот две маленькие девчушки сидят в песочнице, лепят куличики, молчат – нет улыбок на их лице. Дальше четверо пацанят пинают мяч. Судя по всему, это даже не игра, а так: ты мне – я тебе. Чуть в стороне ребята постарше. Сидят на лавке, перебрасываясь блатными словечками. Неопрятные, наглые... Один из них заметил взгляд Оли, затем что-то сказал парням, те начали ржать. Ещё девочки...

Тут Оля поймала себя на мысли, от которой ей стало тошно на душе: «Какая мерзость, я будто пришла в мясной магазин и выбираю, чего же мне хочется: свинины, может куриных ножек или куриных сердечек? Тьфу ты! Ну ты и сука, Оля. Грязь. Но, с другой стороны, а как понять, какой ребёнок твой? Они все одинаково брошены и одиноки. Они озлоблены и замкнуты. Никто не заинтересован в тётке, которую они сравнивают с теми тварями, которые отказались от них. Отобрали у них самое главное – любовь и надежду. А теперь пришел покупатель. Как же всё грязно...»

Появилось желание развернуться и уйти. Просто отказаться от своей идеи. Олина нога начала разворачиваться в сторону мужа и женщины в пиджаке. Уже был сделан шаг, но на периферии своего зрения, на самой дальней лавке, она

заметила силуэт, который сидел неподвижно, словно подражая каменной статуи. И действительно, там сидел парнишка. Вроде взрослый, по крайней мере, в сравнении с другими детьми.

Подойдя ближе, стало ясно, мальчику на вид лет шестнадцать. Хорошо сложен, зелёные глаза уставились в одну точку. И больше ничего. Сейчас он походил на хищника во время изнурительной охоты.

Оля подошла тихо, встав сбоку. Сначала она молчала, ждала, что паренёк хотя бы повернёт голову в её сторону, но он упорно игнорировал гостью. Оля не выдержала:

«Привет».

«Здравствуйте».

«Почему один сидишь?»

«А с кем мне сидеть?»

«Ну, с другими ребятами, например... поиграть там».

«Игры – скучная затея».

«Тебе сколько лет?»

«В этом году семнадцать»

«Понятно».

«...сигареты есть?»

«Да, но тебе ещё нельзя».

«Бросьте, вы сами, небось, начали курить в лет пятнадцать. Угадал?»

«Не угадал, в четырнадцать».

«Тем более».

«Справедливо. Держи пачку, только, пожалуйста, не пались».

«И не думал. Спасибо. А вы тут что, решили кого-то себе забрать?»

«Да, думала...»

«Кого-то уже присмотрели?»

«Только тебя».

«Меня не надо. Я уже через год отправлюсь в свободное плавание...»

«Разве не хочешь семью?»

«У меня есть семья».

«А почему ты тогда здесь?»

«Они погибли. А вы, со своим муженьком, никогда не сможете их заменить».

«Я знаю, что не сможем».

«Тогда зачем меня брать? Вокруг полно мелких, они будут рады».

«Ты уже взрослый, с тобой меньше мороки. Может, мамой и папой мы тебе не станем, но я могу предложить тебе дружбу. За дядю и тётю мы можем сойти, как думаешь?»

Мальчик повернул голову и серьёзно посмотрел в глаза Оли:

«Может быть. Скорее да, чем нет».

«Меня Оля зовут. А тебя?»

«Костя».

«Очень приятно».

«Типа, взаимно...»

«Может, ты всё-таки подумаешь над предложением? У нас хорошая квартира. Ты получишь образование, да и вместе, я думаю, нам будет веселее».

«Я подумаю».

«Обещаешь?»

«Обещаю».

Костя и Оля пожали друг другу руки, как старые приятели. Затем женщина вернулась к Андрею, который до сих пор говорил с директрисой.

«Можно поинтересоваться, что вы дали Косте?»

«Жвачку».

Андрей с подозрением глянул на жену, но ничего не сказал.

«Костя очень необщительный мальчик. Я удивлена, что он вам вообще ответил».

«Мы с ним мило поболтали, мне он кажется очень славным».

«Как вам наша Анечка? Вон та девочка в розовом платье. Она у нас совсем недавно... очень смышлёная девочка».

«Тут все милые детки. Плохих детей не бывает».

«Вам уже кто-то приглянулся...»

«Да»

«И?»

«Мы приедем через пару дней. Да, Андрей?»

Муж только кивнул. Он уже понимал, что Оле приглянул-

ся именно Костя. Он бы и рад поднять этот вопрос сказав, что, может, всё-таки взять девочку, но зная жену... одним словом – бесполезная затея.

Всё это странно, но, с другой стороны, мальчик тоже хорошо. Он сможет воспитать из него мужчину, да и будет теперь с кем смотреть футбольные матчи. Андрей даже и рад, но раскрываться не будет. Наоборот. Скажет своё «нет», чтобы получить от жены близость, которой стало очень мало в их жизни. Приходится крутиться и извёртываться...

Договорившись о следующей встрече, супруги сели в машину и поехали домой, где Оля начнёт доказывать мужу свою правоту и почему он должен согласиться. А вопрос возраста можно будет легко уладить с помощью денежного вознаграждения...

5

Дверь квартиры плавно открылась. Три пары ног показались в проёме, но никто не стал проходить первым.

«Ну, чего стоишь? Заходи в свой новый дом». – Подала голос Оля, смотря на Костю с улыбкой.

Мальчик неуверенно зашел. Начал осматриваться. У его новых дяди и тёти – роскошная квартира. Такой свежий ремонт. Натяжные потолки. Охристые цвета согласуются друг с другом. Необычная планировка. Прихожая маленькая, без всяких коридоров, а дальше сразу внушительная гостиная с белым диваном. А если посмотреть налево, то открывается

зонирующая (декоративной стенкой) кухня. На противоположной стороне две спальни. Первая, которая справа, комната Андрея и Оли. А та, что слева, теперь Костина. Мальчик вроде был в восторге, но вёл себя достаточно сдержанно, изредка делая комплименты по поводу интерьерных решений.

Андрей улыбался, с радостью рассказывая, что да как было сделано. Костя ему уж очень нравился. Очень приятное, такое необычное чувство иметь (хоть и не родного) сына. Умный мальчишка, а если ещё и вложить в него силы... «далеко пойдёт» – думал про себя Андрей, рассказывая, как пользоваться индукционной плитой.

«КОСТЯ РАСКЛАДЫВАЕТ СВОИ ВЕЩИ. КОСТЯ ПЕРВЫЙ РАЗ ОБЕДАЕТ В НОВОМ ДОМЕ. КОСТЯ СПИТ В НОВОЙ КРОВАТИ. КОСТЯ ХОДИТ В ШКОЛУ. КОСТЯ ПРИНОСИТ ХОРОШИЕ ОЦЕНКИ. КОСТЯ ЗАВОДИТ ХОМЯКА. КОСТЯ ХОРОНИТ ХОМЯКА. КОСТЯ ПРОСИТ КНИЖНЫЕ ПОЛКИ. КОСТЯ МНОГО ЧИТАЕТ. КОСТЯ ЕДЕТ С ОТЦОМ НА РЫБАЛКУ. КОСТЯ ОТМЕЧАЕТ СВОЁ ВОСЕМНАДЦАТИЛЕТИЕ. КОСТЯ ЗАКАНЧИВАЕТ ШКОЛУ. КОСТЯ НАПИВАЕТСЯ У ДРУЗЕЙ. КОСТЯ НАКАЗАН, ЗА НЕГО ПЕРЕЖИВАЛИ. КОСТЯ ПОСТУПАЕТ НА СКУЛЬПТОРА. КОСТЯ ОТРАЩИВАЕТ ВОЛОСЫ. КОСТЯ ДИКЛАМИРУЕТ СТИХИ БОДЛЕРА. КОСТЯ ЛЕТОМ ПОДРАБАТЫВАЕТ В ПРОДУКТОВОМ МАГАЗИНЕ. КОСТЯ КУРИТ В КОМНАТЕ ЗА-

ПРЕЩЁННЫЕ ВЕЩЕСТВА. КОСТЯ ОКАНЧИВАЕТ ПЕРВЫЙ КУРС. КОСТЯ СДАЁТ НА ПРАВА. КОСТЯ ПОЛУЧАЕТ МАШИНУ НА ДВАДЦАТИЛЕТИЕ. КОСТЯ ПРИВОДИТ ДОМОЙ ДЕВУШЕК КАЖДУЮ НЕДЕЛЮ. КОСТЯ ГОТОВИТ ВКУСНЫЙ ХАРЧО. КОСТЯ ЕДЕТ ОТДЫХАТЬ С ОЛЕЙ И АНДРЕЕМ В ТУРЦИЮ. КОСТЯ ЛОМАЕТ РУКУ В ДРАКЕ С ХУЛИГАНАМИ. КОСТЯ ЗАПИСЫВАЕТСЯ В СПОРТИВНЫЙ ЗАЛ. КОСТЯ ОКАНЧИВАЕТ ТРЕТИЙ КУРС. КОСТЯ РАБОТАЕТ ПОДМАСТЕРЬЕМ У ИЗВЕСТНОГО ХУДОЖНИКА. КОСТЯ ПИШЕТ ПОРТРЕТ ОЛИ. КОСТЯ ПИШЕТ ПОРТРЕТ АНДРЕЯ. КОСТЯ ПРАЗДНУЕТ СВОЙ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ. КОСТЯ ОКАНЧИВАЕТ УЧЁБУ. КОСТЯ ЛЕПИТ ГОЛОВУ ОЛИ НА МАНЕР ВЕНЕРЫ МИЛОСКОЙ. КОСТЯ РАССКАЗЫВАЕТ, ЧТО СКУЛЬПТОР ЛЕПИЛ ЕЁ С ПРОСТИТУТКИ. КОСТЯ ПИШЕТ СТИХИ. КОСТЯ ДИКЛАМИРУЕТ СВОИ СТИХИ. КОСТЯ ПРОВОДИТ ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО В БЕЗЗАБОТНОЙ СКУКЕ».

6

Вечер. В доме прохладно. Работают кондиционеры. Дверь в комнату Кости слегка приоткрыта.

Оля успела поужинать и помыть посуду. Ей становится скучно, хочется поговорить. Андрей вернётся из командировки только послезавтра. Звонить ему нет смысла, да и не особо хочется, если честно.

Она видит приоткрытую дверь. «Значит можно войти». Тихо прокрадывается, заглядывая в тонкую щель.

На кровати лежит Костя. Кроме домашних шорт на нём ничего нет. Он лежит на спине, а его взгляд устремлён в потолок. Длинные волосы закрывают щёки и часть губ. Мускулистые руки стиснуты в замок над головой.

«Не помешаю?» – Тихо спрашивает Оля.

«Нет». – Костя словно ждал её появления.

«На меня тут скука набросилась, не против поболтать? Ну, или можем просто молча посидеть».

«Не против, даже за».

«Как у тебя дела? Выглядишь квёлым. Извини, если личное».

«Ты сама прекрасно знаешь, всё идёт своим чередом. А тоска... она у всех, в той или иной степени».

«И что тебя мучает?»

«Я сам себя мучаю. И ты мучаешь себя».

«Интересное заявление. А я-то себя чем мучаю?»

«Я не хочу говорить такое вслух».

«Раз начал, то говори. К тому же, раз ты знаешь мою тоску, дай и мне её узнать».

«Ты правда хочешь?»

«Сказала же, что хочу, выкладывай».

«Не знаю... но мне кажется, что Андрей не для тебя. Ты устала».

«В смысле? Он ведь мой муж, твой дядя. Как я могу устать».

от него?»

«Да я глупость сморозил, проехали».

«Нет, не проехали. Начал – заканчивай».

«Ладно. Ты избегаешь с ним близости, это слышно и видно по Андрею. А когда он тебя целует, ты немного, еле так заметно кривишь рот. Непроизвольно, разумеется. Андрей хороший человек, один из лучших, кого я встречал, да и ты согласишься со мной, но он не для тебя. Ты с ним, как комнатное растение. Вы разные. И я говорю это только потому, что ты попросила».

«Да с чего ты!.. С чего ты взял, что у нас нет близости?»

«По мужчине видно».

«Костя, ты несешь бред. Ты это понимаешь?!»

«Пусть будет так. Прости, если обидел».

«Ты! Ты... меня не обидел, просто ошарашил».

«Прости».

«Проехали. Знаешь, скажу тебе честно, ты отчасти прав, наверное. Андрей хороший мужчина, заботливый муж, но чувство всегда такое, будто он далеко. Будто я... да, будто комнатное... наверно...»

Оля обмякла на стуле, что стоял у изголовья кровати Кости. «Действительно, мальчишка то прав...» – Повторял внутренний боязливый голосок.

«Не расстраивайся, всё наладится». – Подал голос Костя, обняв Олю за плечи.

«Как-то просто неожиданно ты сказал то, что я боялась

сказать сама себе столько лет».

«Так и бывает. Вроде взгляд со стороны».

«Раз мы выяснили мою тоску. Может, для честности, скажешь теперь свою?»

«Я не думаю, что ты захочешь это услышать».

«Но всё же я хочу».

«Настаиваешь?»

«Да, настаиваю».

«Уверена?»

«Уверена!»

«Точно?»

«Да, точно! Костя, бл!...»

Костя резко вскочил на колени, поцеловав женщину в губы.

«Я люблю тебя. Это и есть моя тоска».

Оля со звериным взглядом оттолкнула Костю.

«Бл, Костя, какого чёрта? Ты же ребёнок! Я ведь тебе мать приёмная, чтоб тебя!»

«Мне двадцать четыре. И ты сама попросила, сама захотела! У нас разница в шесть с половиной лет, и я тебе сразу сказал, что ты мне не мать, и никогда ею не будешь!»

«Ты на моих глазах вырослел!»

«Ты тоже вырослела на моих глазах».

«Короче, Костя... я пошла, а ты подумай над своей детской выходкой».

Оля было направилась к выходу, но Костя схватил её за

руку. От такой наглости она вlepила ему увесистую пощечину, но он только крепче сжал женщину в объятиях. Он начал лизать ей шею, начал раздевать её, пока она вяло пыталась отбиваться. В какой-то момент рука скользнула Оле в промежность, где Костя нащупал желание. Да. Она хочет его, уже давно, но это неправильно. Грязно! Так не должно быть. У неё есть муж. Она не шлюха какая-то. Да и, в конце концов, Костя – усыновленный сын. И это самый главный факт, который её коробит.

Её сопротивление окончательно сошло на нет. Полуобморочная Оля окончательно сдалась, раскинув руки своим подавляемым чувствам. Она начала отвечать на поцелуи. И вот уже женская энергия раздевает объект желания, облизывая его с ног до головы. Их обнаженные тела танцуют на полу. От наслаждения Оля задыхается, а когда приходит конец сердца, быстро собирает свои вещи, выбегая из комнаты, всё повторяя: «Это неправильно, это неправильно. Больше такого не повторится».

7

Андрей вернулся и всё стало как прежде. Оля кинулась мужу на грудь, поцеловав в щёку. Костя пожал приёмному отцу руку. Семейство село обедать. Только один секрет связывал Костю и Олю невидимой нитью. Они поклялись никогда не рассказывать о своей связи, ни одной живой душе. И хоть Костю такой вариант не устраивал, но деваться ему бы-

ло некуда.

Этой ночью он слышал её стоны. Фантазия рисовала болезненные образы обнаженного тела в руках человека, к которому он испытывал тёплые и благородные чувства.

Костя всё чаще начал ночевать у друзей, реже попадая на глаза супругов. А в редкие часы, когда Андрея не было дома – он очень искренне любил Олю.

Лето подходило к концу. Ясные дни становились всё короче. Осень вот-вот должна была вступить в свои законные права.

Вечер. Ужин. Три силуэта за столом.

«Послезавтра я уезжаю». – Сказал Костя между делом.

«Отдохнуть куда?» – Поинтересовался Андрей.

«Нет, насовсем. Мне один знакомый написал. У его отца своя дизайнерская студия. Мне предложили работу. Деньги приличные, не могу отказаться».

«А где студия находится, далеко?» – Спокойным голосом спросила Оля, с повисшим, над головою, волнением.

«Далеко».

«Так где именно?»

«Пока секрет. Как буду на месте – напишу вам. Но можете не переживать, буду навещать, по возможности».

«Как-то всё это неожиданно...» – Нашлась Оля, воткнув взгляд в свою тарелку.

«Да, знаю. Но что поделать?»

«Я горжусь тобой, Костя». – Искренне сказал Андрей,

сжав руку парня.

«Спасибо. Правда, спасибо вам двоим. Вы мне стали очень близкими людьми. Я думаю, без вас у меня ничего бы не вышло. А так вы стали моим стартом и моим тёплым домом».

Андрей горделиво улыбнулся. До конца ужина больше никто не проронил ни слова.

Ночь. Андрей и Оля лежат в своей постели и тихо разговаривают:

«Как быстро бежит время. Не правда ли, дорогая?»

«Да, очень...»

«Я горжусь Костей. Хоть и не родной сын, а чувство будто... будто свой, чего душой кривить? Не знаю, как выразить. Надеюсь, у него всё получится».

«Я тоже надеюсь...»

«Оль...»

«Да».

«Как думаешь, вот скажи мне...»

«?»

«Может нам ещё раз попробовать? Я про ребёночка. Я очень хочу ребёночка, Оль...»

«Ох, Андрюш... я не знаю. Я тоже много думала об этом».

«Правда?»

«Не кричи... правда».

«И что ты! Прости... и что ты надумала? Только честно,

без загадок». – Оживился Андрей.

«Я думаю, что хотела бы попробовать ещё раз...»

«Так это замечательно!»

«Да знаю, знаю. Тише, не горлань, Костю разбудишь».

«Хорошо... Добрых снов, Оль».

«Добрых снов».

«Я люблю тебя».

«Я тебя тоже» – Ответила Оля.

«Я хочу ребёночка, но не от тебя» – Произнесла она уже про себя, а затем, сделав вид, что спит, погрузилась в свои мысли, которые пугали, раздирая сердце на куски.

8

День. Оля проснулась поздно. Сколько сейчас? Полвторого. Пора позавтракать, а затем серьезно поговорить с обезумевшим Костей. Тяжело поверить, что так спокойно он может взять и уехать.

Она вышла из комнаты. Большая спортивная сумка стояла в коридоре. Одетый Костя сидел за столом и ел оливки прямо с банки, цепляя их пальцами.

«Доброе утро... день». – Поприветствовал он Олю и снова уставился на банку.

«Костя, какого чёрта?!»

«В смысле?»

«Вот всё то, что ты вчера сказал».

«Я сказал правду».

«А как же я?»

«?...»

«Ты бросаешь меня. Зачем говорить, что любишь, а затем бежать?»

«А сама ты не догадываешься?»

«Нет, объяснись»

Костя резко поднялся с места, вдарив кулаком о стол.

«А разве так тяжело догадаться? Мне мучительно слышать, как он тебя трахает! Для тебя моя любовь – явление временное, параллельное. А я понял, что хочу тебя всю навсегда, либо никак не хочу, ясно?!»

«Ясно. Ведь нет никакой студии, да?»

«Нет, но это неважно, мне просто нужно раствориться».

«Костя, пожалуйста». – Оля сделала два шага в его сторону.

«Слушай, не надо меня мучить. Моё самое большое желание: взять тебя с собой, но ты ни за что не поедешь! Ты слишком привыкла к этому дому, привыкла к Андрею. Ну а что ты хочешь от меня? Я не собираюсь всю жизнь любить тебя отрывками».

«Ты даже не спросил меня...»

«Вот сейчас спрашиваю: ты со мной?»

«Костя...»

«Ты со мной?!»

«Я... я не знаю, послушай...»

«Значит так. Знай, ты самое дорогое, что у меня было. Я

люблю тебя в независимости от твоего решения».

«Костя...»

«НО! Остаться я никак не могу. Давай поступим так. Я буду ждать тебя в машине двадцать минут. Если ты решишься, то бери, что успеешь, и мы уедем с тобой далеко и навсегда. Если нет, то будь просто счастлива. Хотя бы попытайся».

«Я не могу, вот так...»

«Я всё сказал»

На этом Костя обулся, взял свою сумку и исчез за дверь.

9

Вечер. Андрей вернулся с работы. Позвал Костю, позвал Олю. Никого. Неужели спят или вышли прогуляться? На обеденном столе белый квадратик. Похоже записка, но зачем? Можно было и смс-кой.

Андрей берёт записку. Читает. Ещё раз читает. И ещё, и ещё, и ещё. Он перечитывает её, оглядываясь по сторонам, затем снова перечитывает.

Дрожащими руками он набирает Олин номер, но в ответ незнакомый голос вторит: «абонент недоступен, оставьте сообщение после длинного гудка или перезвоните позднее...»

Голова Андрея повисает. В груди горит. Мышцы сокращаются от безутешных всхлипов. В красивой квартире стонет мужчина, и нет покоя ему. Ну как так?

Каркас животного из цинка

1

Вспышка. Настроенные софиты разрывают тьму. Разговоры и смешки затихают. Все эти головы замерли в ожидании. Сколько их?

Рассаженные с математическим промежутком. При таком освещении их личность; их физическое различие – исчезло, оставив только общие черты, приравнивая каждую единицу в стройный ряд с нулями в промежутке.

Тишина нарушается. С другой стороны (невидимой картинной плоскости, чья граница проходит прямо перед носом единиц с первых рядов). Там, со стороны сцены, слышны тихие шаги.

Две спокойные ступни выходят на сцену, что залита искусственным светом. Фигура в белом занимает позицию ровно посередине, как по горизонтали, так и в глубину. Этот человек – женщина. Она стоит на сцене под пеклом театральных софитов и очень натурально начинает всматриваться в стройный ряд единиц, где каждый думает, что он первый. Женщина делает вид, что видит лица. Её мимика меняется. Для каждого её мышцы реагируют по-разному.

Каждая присутствующая единица забывает, что перед ней актриса. Каждый забывает, что он живёт во тьме, и что его лицо никому неинтересно и ненужно. Возникает некая

неловкость, когда взгляд женщины будто кого-то узнаёт. Кто-то ей симпатичен, а кого-то она считает подозрительным. Это ощущение настолько реально, что стройность единиц разбивается. Происходит разлад.

Мужчина с задних рядов покашлял. Парень слева посмеялся, а ребёнок обрывисто хныкнул, словно выстрел через глушитель. Все вдруг забылись, почувствовав себя живыми и беспомощными. Но вот со сцены доносится новый топот. Шесть фигур в белом, во все свои двенадцать ног подбегают к женщине и ударом меча протыкают ей сердце. Без лишнего шума тело её обмякает в руках шестёрки. Белоснежное одеяние становится полностью красным, а жар софитов тут же закрепляет цвет.

Один держит её ноги. Двое держат руки. Ещё один туловище. Предпоследний бережно сжимает голову, а крайний (тот, что шестой) падает на колени, начиная громко плакать. Тело убитой держат над головой. Десять ног и рук ходят по сцене хаотично замкнутой линией. Запах железа (да ещё и при такой жаре) начинает дурманить голову каждой единице.

Сначала страх заставляет всех притихнуть, а плач шестёрки вынуждает конечности содрогнуться. «Справедливость должна восторжествовать. Нужно покарать виновных!» – думает про себя каждый, но слёзы и почести заставляют бездействовать.

Так проходит время. Сценка превращается в зацикленную

запись. Она программирует единицы, заставляя поверить в важность содеянного. Эти шестеро будто говорят, что причастен каждый, кто мог остановить действие, но не остановил. Мог каждый, но каждый предпочёл бездействовать...

Соучастие добавляет вины присутствующим, но убавляет гнев. Теперь уже слышен общий плач. Каждый считает нужным показать соседу, как он потчевает жертву. Он хочет показать свою гостеприимность.

Доходит до того, что один мужчина отрезает своим ножом большой палец левой руки. Он громко взвизгивает, а затем кидает кусок плоти на сцену. Его сосед (единица справа) вежливо просит нож, затем отрезая себе ухо и тоже кидает жертве своё подношение.

Уже через мгновение зрительный зал начинает кромсать и отрывать плоть у ближнего. Единогласно делается вывод, что так более сподручней. Помочь ближнему и равному. Точно. Кто не хотел получать такой помощи – пытались покинуть зал, но у них это не вышло, края замкнулись.

Теперь пространство разрывал общий гам голосов. Запах крови окончательно спутал мысли, а духота не дала возможности остановиться. Каждый старался вознестись в собственных глазах. А затем... весь этот «каждый» просто сделал то, что и все. Единица пытается угодить непонятно кому, забыв про истинную жертву, которая без слов смогла наделить их смыслом.

«ЗАНАВЕС»

Вот он, куст. Куст – это он, то есть, человек. Низкорослый мужчина. Его лицо обсыпано ужасными шрамами. Глубоко посаженные маленькие глазки. Вечно так бегают по всему и вся. Эта врождённая вороватость Куста всегда отталкивала людей, даже собственную мать.

Сейчас ему сколько? Тридцать пять, сорок? Да и какое его настоящее имя? Куст и сам уже не помнит. Вот как много лет назад он стал тем, кем на самом деле и является – уличным кустом, бродягой.

Куст не столь кличка, сколько часть действительности. Никто не станет называть себя кустом от праздности. Куст вечно бьют и общипывают дети. Пьяницы и мужики с дороги справляют в кустах свои нужды. Уличные кусты никто специально не поливает. Они просто незаметно существуют, как воздух. А даже если кто-то попытается срезать кусты, решив их полностью извести, то у него это не выйдет. Кусты очень нетребовательны и крайне живучи. Его (никому ненужные) ветки и лепестки вырастут заново. Только бы дождь, да и то, можно перебиться хлебом всухомятку. Так и проходит бытие кустов, и никто не знает, куда они потом деваются. Просто в какой-то момент куст решает, что с него хватит, пожили, пора и честь знать. Вот и Куст вчера понял, что время его пришло.

Стоял свежий день, который плавно склонялся к закату.

Куст же склонялся над очередной урной, в надежде найти хоть какую-то еду. Неподалёку маленькое хулиганье вот уже как с четверть часа следило за Кустом. Через каждую минуту расстояние между «бомжом» (так называют благородные граждане таких, как Куст) сокращалось.

Пятеро хулиганов свирепо изучали Куста. В их планы входила программа по унижению и издевательствам. Бездомный тоже не дурак, даже больше. Он бродяга, хищник. Всю жизнь прожил в общественной анафеме. Даже уличные псы остерегаются этих голодных глаз.

Куст знает, эта «дикая мелочь» задумала недоброе. Его маленькие глазки ещё ловчее и опытнее сжались в щёлки. Они следят за подрастающим отребьем. Вон тот, что самый высокий, руководит остальными. Феромон преизбыточного адреналина сочится через поры, оставляя на коже зловонный смрад, заставляя прыщи плодиться, как дождь заставляет плодиться грибы. Этот малый обожает неприятности, хлебом не корми. Его уважают и боятся, но только сверстники. Для взрослых он просто трудный ребёнок переходного возраста. Для Куста же – просто жертва. Хорошая добыча.

На этом пустыре кроме их шести голов – никого. Будний вечер. Вот Куст специально меняет своё положение. Он полностью поворачивается к шакалам спиной, пристально начиная смотреть в бездну пустой урны. В руке он держит огрызок от стеклянной бутылки. И когда самый главный подбегает на цыпочках к бездомному, только чтобы вдарить зажа-

тым камнем под рёбра, сбив тем самым дыхалку, а уже после наброситься всей стаей, Куст резко разворачивается. Его рука, словно циркуль, спокойно прочерчивает дугу в области шеи.

Когда из сонной артерии во всю уже бьёт фонтан рвотной крови – жертва ещё улыбается. Она не успела осознать свой конец, да и это неудивительно. В самом страшном сне ни один из этих «зелёных» и представить не мог, что смерть может наступить в момент потенциального веселья. Появляется чувство глубокого сна.

Четвёрка, что по счастью осталась в стороне, начинает молча распадаться кто куда. Собственное мясо особо не слушается. Ребята спотыкаются, плачут и не понимают, как же так вышло? И самое главное: что же это получается? Их предводитель уже перед самым финишем агонии. Сознание отключилось. Только избыточный адреналин дёргает мышцы, словно пьяный кукловод, который не прочь поиздеваться.

Куст спокойно осматривает горизонт. Затем его маленькие глазки смотрят на добычу. Стекло аккуратно прячется в карман засаленного пиджака. Само же тело Куст переносит под ближайшее дерево. Обливает бензином, затем чиркая приготовленной спичкой. Огонь моментально вспыхивает, но его природа днём неочевидна. Она таится, не выражая себя в полной мере. Слышен только треск сухих веток, да разве ещё начинает чувствоваться запах мяса. Птицы с

красными глазами слетаются в надежде урвать хоть какую-то кроху.

Куст уходит не сразу. Ещё какое-то время он греет руки у костра. Его желудок жадно урчит, чувствуя блаженный запах жизни; запах никотиновой кислоты, пиридоксина, тиамина и рибофлавина.

За спиной начинает доноситься лай собак и топот разгневанных ног. Пора уходить. Куст в последний раз бросает взгляд на костёр. Он благодарит землю, благодарит звезду за блага, а затем исчезает в пространстве, будто его вовсе и не было.

Тень в обносках проходит вдоль набережной. Для Куста сегодняшний день и вечер были особенными. Почему именно – сказать сложно. Просто этот свежий холодный ветер, найденные лакомства, полная луна и отсутствие шума, создали для маленького зверя ту самую сказку (её сонное очертание), которую он мог слышать когда-то давно, когда у него ещё было выдуманное имя.

Куст почувствовал себя по-настоящему счастливым и впервые за всю жизнь глаза его наполнились влагой, приятно почёсываясь в уголках. Он вдруг ясно решил для себя, что лучшего вечера ему уже не представится.

Человек не должен быть всегда счастлив, иначе счастье его и погубит. Полная завершенность желаний и стремлений посылает невидимый сигнал организму. Вот и Куст попал в ловушку, став жертвой наслаждения. Он твёрдо решил за-

вершить свой физический путь, раз дух его познал мимо-
лётное счастье. В последний раз он вытирает свои влажные
глаза, перелезает через ограждение и, вдохнув полную грудь
свежего воздуха, да без лишних раздумий, подаётся телом
вперёд, ощущая всю силу сегодняшнего волшебства.

3

Плеск воды. Тьма. Свет. Холод. Чувство, что всё тело в
снегу. Сильная боль. Молчание. Абсолютная тишина. Нет
мыслей. Нет людей. Нету слов. Нет эмоций. Вспышка экра-
на. Появляется холод, а значит, и чувствительность кожи.
Возвращается дыхание. Оно врывается в лёгкие сквозняком.
Секундное промедление.

Он открывает глаза. Играет лёгкая музыка на ресепшене.
Белая мебель разбавляется зелёно-фиолетовыми цветами в
горошек. Его руки чистые. Характерный запах немытого те-
ла отсутствует. Что же происходит? «Вроде всё на месте» –
думает он. – Вроде я в себе».

На его плечах другой костюм. Он тёмно-охристый без пу-
говиц. В этом месте вообще не видать мелких предметов:
ни карандашей, ни заколок из бархата. Очень смахивает на
карикатурное психиатрическое заведение. Куст бывал одна-
жды в похожем по ошибке. Он пытался отстоять право, хо-
тел отстоять слово, но грязного человека никто не будет слу-
шать. Внешность определяет значимость – таков закон.

Ухоженный мужчина в белом костюме за стойкой подзы-

вает Куста пальцем. Мужчина повинуется. Он подходит к стойке вплотную, хочет говорить первым, но администратор мрачнеет. Подносит указательный палец к губам, а затем взглядом указывает куда идти.

Куст молча повинуется. Он идёт в единственное чёрное пятно, в это неосвящённое пространство, сам не зная, почему так легко повинуюсь. Как только он отходит от полосы света на приличное расстояние, дверь за ним захлопывается, как и его разум. Глаза снова погружаются в первоначальную тьму рождения. Чувства обостряются. Эмоции. Да. Первоначальный страх, но только на неопределённое мгновение. Затем наступает привычное хладнокровие. Нос сам делает глубокий вдох, втягивая пространство, дабы разведать обстановку.

Пахнет ничем. Нейтральность. Безвкусие. Это хуже всего на свете. Уж лучше всю жизнь осязать смрад, чем застыть плоской картинкой, только отдалённо имитируя основной принцип бытия. Куст не собирается стоять на месте, ему бояться нечего. Он сам себе святой, и сам себе мучитель. Сначала он просто продолжает идти прямо. Затем ноги его переходят в бег, так интереснее. Тяжело сказать, что под ногами, но цоканье каблуков эхом разносится при каждом ударе. К этому звуку присоединяется тяжелое дыхание. Куст изрядно запыхался. Под эгидой собственных звуков становится не так одиноко. Его действия начинают заново формировать пространство. Он сильно зажмуривает глаза, да так, что

становится больно. И вот уже не тьма его окружает, а полный цветовой спектр круга. Зелёного и красного больше всего.

Откуда-то начинает доноситься голос, точнее фраза: «Просто попроси, и я помогу. Попроси, и я ...» – слышит Куст. Голос в голове. Голос снаружи.

Мужчина сжимает свои зубы в капкан до хруста и, переборов секундную слабость, посылает к чёрту благодетеля, продолжая бежать, создавая простые образы вокруг себя. Внутри головы появляется образ лестницы. Этот ещё один момент. Куст резко, со всего размаха, во что-то встречается с пугающим хрустом.

Ни один электрон в голове не успевает отреагировать. Сила инерции. Оглушительный удар. Белый свет. Ужасающая боль. Рвота. Куст открывает глаза. Точнее глаз. Другой размером со сливу, ничего уже не видит. С той же стороны рёбра превратились в дешёвую консерву. Здоровый глаз видит причину. Ступени. Темнота нарушена. Снова вокруг белые стены. Только без растений.

В этот раз в узком коридоре висят картины Теодора Жерико. С лица мужчины капает много крови. Всё маленькими так островками отдельно друг от друга. Постоянное движение тела-маятника не даёт им соединиться в общую сумму.

Адреналин выветривается. Боль становится невыносимой. Куст обхватывает себя руками. Кашель. Снова кровь. Его маленькие глазки мечутся во все стороны. Выхода нет, только по лестнице. В тишине и стенах стон его разносится

громко и глухо. Наверху оказывается единственная дверь с пустой табличкой. Дерево. Без орнамента и сколов. Золотая вычурная ручка. Куст дёргает её, отворяя без стука. Смело входит в светлую комнату.

Совсем молодой мужчина за письменным столом. Он не замечает своего гостя. Рука всё что-то пишет на листах бумаги. Окладистая борода обрамляет его лицо. Тёмные круги под глазами явно контрастируют с белой кожей, которая давно не проводывала солнца. Современный образ мышления заставляет заниматься современными ненужными делами, постоянно заполняя и заполняя бесчисленные бланки, а ещё формы на каждое своё действие. Столько забот!

Куст громко кашляет. Его взгляд пробегает по маленькой комнате размером с чью-то черепную коробку (странное сравнение). Мужчина в белом, при постороннем резком звуке, вздрагивает. Испуганно он смотрит своими уставшими глазами на гостя. Затем словно узнаёт Куста. Одобрительно кивает так, указывая рукой на свободный стул.

Побитый пёс волочитя на приглашенный стул. Он не собирается разбираться, где он, и кто есть господин. Ему нужен только врач, еда и немного сна. Куст уже и не помнит, что делал десять минут назад. Он живёт жизнью голодного микроба-приспособленца. Пока он преодолевает злосчастный метр, мужчина в белом еле слышно бубнит себе под нос: «Да. Да. Определённо. Совсем чуть-чуть, забылся...»

Куст, с кряхтеньем, садится, громко втягивая в себя

горсть соплей, что были где-то между свободой и горлом. Кровь вперемешку. Он очень громко откашливается, а затем сиплым голосом спрашивает: «Вы... кхм, вы доктор?»

Мужчина в белом устало улыбнулся. «Этим ты мне и нравишься» – говорит он удовлетворённо. А затем достаёт из тумбочки десяток скреплённых листков, сам так пробежался глазами по заглавной странице и, удовлетворённо кивнув, протянул кипу Кусту вместе с ручкой. – «Вот договорчик, так сказать. Подпишите, уважаемый».

«Вы доктор?!» – более нетерпеливо спрашивает Куст. Боль ужасная.

«В каком-то роде, в каком-то смысле...»

Бездомный взял ручку и, не читая, поставил непонятные закорючки на каждой странице, где стояли галочки.

«Теперь вы мне поможете?»

«Помогу с чем?»

«Да ни с чем, а мне! Видите! Переломался я...»

«Аааа... с этим... Так что же вы сразу не сказали? Просто подумайте о том, чего вы жаждите, чего очень сильно хотите, и дело сделано».

«Что за бред вы несете? Безумец!»

«Я сказал: подумайте».

По причине нового прилива страха, который Куст никогда не испытывал – он повиновался. Он сказал про себя уверенно и четко своё желание. Это желание зверя без изъяна. В это же мгновение весь его корпус (от подмышек до низа

живота) начало сдавливать. Каркас из металла опоясал его. С краёв полилась кровь. Во рту начали вырастать отсутствующие зубы, разрывая чехлы гнилых дёсен. Из Куста начала выходить старая кровь, заменяясь на очищенную и нетронутую. Глаза его стали слепыми, но только чтобы прозреть. И откровение всего человечества, бытия всех маленьких песчинок проникли к нему в освеженный разум.

Радость, боль, утрата, разочарование, нелепость, экстаз, содомизм, первоначальный грех, покаяние, стремления, надежды, сила, усталость, понимание нуля – слились воедино, дав новорождённому всё то, что есть на земле, и в то же время, всё то, что не может существовать по факту своей предметной принадлежности к искусственной среде.

В мгновение Куст умер, как и того желал. Его воля прозрела. Память обновилась. Кости его стали крепкими, а дух обрёл дом в этом совершенном теле. Черты лица исказились. Теперь он стал никем. Уши, глаза, нос, рот, подбородок – всё на месте. Увидишь такого, поговоришь, посмеешься с ним, а потом кто другой попросит описать, и вот тут уже обязательно наткнёшься на тупик. Помнишь вроде, как выглядит бес, и помнишь, как шевелились губы, глаза, а описать не можешь. Так комфортно с ним было, что сам себе мерещишься напротив. И не зря, ведь собеседник этот – твоя собственная тень. Оборотень. Зеркало, которое примеряет лицо, твой образ мышления, помогая со стремлениями.

Он – человек, и она – человек. И они – человек. Человек,

имеющий все лица, но не имеющий своего. Так он и представляется не заботясь. А точнее, так он будет делать. Ведь он ещё не успел о себе узнать. Рождено существо в белых стенах, где отец его, с контрактом в бардачке, всё смотрит со слезами на детище, которому суждено стать пророком, помощником, надеждой, злобой, опорой, новым словом, а вместе с ним: новым человеком и животным, да чем угодно. Ведь всё подчиняется одному, всё вышло из себя подобного. Поэтому, из самого грязного, нищего, плохого, тупого, озлобленного, маньяка, живодёра, романтика, пессимиста, нигилиста, карманника, больного, фетишиста, теннисиста, аккордеониста, – может выйти вымытое зеркало. Святой без убеждений, который сможет стать мостом для баланса между началом и началом иным. Конца не существует, только точка перед следующим предложением. Очередной круг и всё заново, заново, заново... Каждый ты – всё то, чем ты ещё не был. «И я благословляю тебя» – говорит мужчина в белом облачении. – «На всё то, чем ты не являлся, и на то, что хотел. Правды нет, нет истины. Нет языка. Нет рифмы. Нет Земли. Нет любви. Нет животных. Нет камней. Нету гор. Нет болезней. Нет голода. Есть только невидимый импульс энергии, который всё это порождает, дабы почувствовать наслаждение, утрату, боль, печаль, ностальгию, волнение, трепет и страсть. А познать весь спектр выдуманных чувств можно только через антонимы. Только через противоположности. Рай невозможен без ада, как и невозможно быть хорошим

без плохих поступков. А остальное знать не столь уж и важно».

4

Слепота. Словно моргнул, только на полсекунды медленнее. И вот перед взором всплывает сцена. Пустой зал. Здесь душно. Стоит сильный запах железа. Тишина здесь страшная, ведь ужасные вещи происходили здесь, да ещё так недавно, буквально пару морганий назад. Вихрь пронёсся мимо, оставив шрам окружению. Что же здесь произошло и почему страшное? Ведь чувство это не от запаха крови или пота. Кровь – часть каждого. Пот – труд каждого. Но сам факт коллективного действия – вот, что действительно должно пугать.

Контекст не столь важен, не важна и сторона. Когда толпа что-то решает сделать, тут уже ничего не попишешь. Есть ли надежда, что этот «кто-то» не желает чего худого? Разумеется желает. Простой смертный у руля не хочет добродетели. Слишком много вопросов, нюансов. Тут нужна погруженность и желание, а их не так, чтобы уж много.

Его глаза устремляются на пол сцены. Он видит труп в красном одеянии. Одежда из собственной крови. Лицо благородное, смелое, полное решимости, но благородство это... всё мужество – привели только к раздору, хоть и чистые помыслы лежали в основе.

Он думает, что было бы здорово превратить труп, пре-

вратить кусок мяса (расходный материал) во что-то прекрасное и вечное. В конце концов, не всегда же человеку быть нефтью? Но в мыслях ничего не зашевелилось и не вспыхнуло. Какой кошмар! Вечного-то и нет вовсе. Лишь очередной отрезок, который нельзя осмыслить своим телом и умом, но конечность всегда есть. Каждую секунду, каждый шаг, каждый на «раз» что-то, да заканчивается. Кончается шаг с правой ноги и начинается шаг с левой и до тех пор, пока ноги не придут к временной цели, а затем всё заново. Что же получается? Получается, что сама вечность – хитрый сатир.

Если снять с неё маску, то под ней окажется младший брат конечности. Он посмеется над своей шалостью, затем резко вырвавшись из рук взрослого, после чего смешается в толпе событий. Вот негодник! Он взял природу своего старшего брата и замаскировал её, раздробил одно действие на сотню мелких отрезков, создав иллюзию невозможности. Скажем так: даже искусство, самое подлинное и настоящее – не вечно. С кончиной последнего человека умрёт и оно, ибо настолько зависит от тех, кто его созерцает! И самое страшное (не для человека, а богов), что со смертью человека умрут и они, о бессмертные!

Как бояться они этого вечного дня, вечной минуты, как им стыдно зависеть от микробов, от этих хрупких и жалких людей, которые всего лишь являются подобием... Ведь понимают всемогущие, что являются частью искусства, частью вечной шутки подростка, который так ловко всех обманул. Но

самый большой страх и опасения, что люди могут не умереть. Что человек сможет найти лазейку быть всегда, и тогда отпадёт надобность в искусстве, любви, сострадании и слезах. Станет человек истинным правителем. Откажется от искусства, забудет придуманные имена, и всё умрёт в нём, кроме плоти, мяса, а оно само по себе... без искусства, без любви и сострадания... чего стоит?

Он думает обо всём этом, склонив голову над телом мученицы. На лице появляется два ручья слёз из двух его понимающих глаз. Слышится «кап», а затем «кап-кап». Его слёзы сострадания попадают на тушку мяса. Эти капли впитываются, вбирая в себя остатки существа, а под жаром софитов и вовсе начинают шипеть, разрывать тело, превращая каждый маленький фрагмент в созвездие бабочек.

Мгновение.

Целый тайфун нежной красоты взмывает вверх, проламывая душную бетонную крепость, и с тихим наслаждением каждая бабочка улетает проживать свой единственный день. Она проживёт его без знаний, без осознания, без стыда и без страха. Каждая бабочка ни на секунду не задумывается о том, что кто-то живёт и два, и три дня, и сто лет. Каждая бабочка не будет считать минут и не будет ждать, когда малейшее обстоятельство убьёт её. Для каждой бабочки «сейчас» будет единственным ориентиром, в котором скрыта та самая вечность.

Духота начинает испаряться под натиском открывшегося

неба. Дождь беспощадно заливается в образовавшуюся дыру. А капли его солоноватые, что и его слёзы, накопившие груз за годы молчания. Теперь же выходит грязь нетерпеливо, без стыда. Вода уже пояс. По грудь. Ноги отрываются от пола. Он уже на плаву. Всё ждёт, когда, как и бабочки, выпорхнет в щель к видимому небу на свободу, укутавшись в собственную прохладу и теплоту суждений. Раз, два, три. Толчок!

Тело его на крыше. Омытое, окрещённое по своим правилам, да благословлённое тем же непонятным языком. Он не знает, как теперь называть себя. Ни одно имя не подходит, поэтому он, со всей своей приобретённой скромностью, всем своим приобретённым даром, начинает именовать себя ЧЕЛОВЕКОМ. И пусть привычный свет его видит в противоречии. Пусть. Отражение. Отпечаток на рыхлой земле. Но и у тени есть свой характер, своё настроение и желания, когда она наедине с собой и в своих снах претерпевает (как и солнце) постоянные реакции распада, а затем – восстановления, не забывая при этом дарить всему живому лучи прошлого.

Вот он, Человек. Стоит на кирпичной горе, смотрит на панораму. Его глазам теперь открыта линейная стена всех четырёх направлений: высота, ширина, глубина и душа (так люди называют сложившееся культурное воспитание своего поведения в предполагаемых нормах).

Человек особенно обращает внимание на последнее направление. Он видит, душа начала гнить. Точнее, она изна-

чально двигалась не в ту сторону, которая мерещится Человеку, с его олимпа перерождения. Теперь с каждым мгновением, с каждым словом, всё больше это движение уводит несчастных в неправильную сторону невежества, а оно, в свою очередь, начинает формировать невежество общественное.

Сначала Человек теряется, он чувствует смущение и панику. Затем он чувствует вскипающую злость. «Как здесь всё запущено!» – кричит он внутри себя. Но и злость быстро утихает.

Человек закрывает свои бездонные глаза, делая глубокий вдох. Он сосредоточен. Его нюх пытается уловить каждый неверный шаг, каждый ошибочный вдох отдельной единицы, но только чтобы нащупать проблему целостного, то есть, уклада. Так Человек наполняется знанием первородного греха. Того самого, что положил основу нарастания и образования грехов следующих. Этот главный грех – страх жить так, как хочется. Боязнь перед жизнью и её составляющими. Человек видит эту проблему. Он считает, что настало время решать её.

Он ещё раз пропускает через себя воздух, а затем, с присущей ему лёгкостью, делается той самой тенью, которая начинает проникать в каждую часть пространства, где нужно изменить алфавит восприятия; исправить сложившийся балаган подаренной волей.

Ночь. Бродяги шляются. Пресмыкаются по углам. Кто пьёт из медицинских колбочек, кто, кряхтя, жуёт гнилой хлеб с помойки. Толпы разбросанных и покалеченных недоуш. Но дело не в их безобразном виде и пребывании в... Вся проблема в тех, кто противопоставлен им, тараканам. Весь белый свет, все эти накрахмаленные лица в сшитой на заказ одежде и те, кто считается средним классом, и кто просто родился с пропиской. Все эти люди, которые привыкли к благам. Они пресытились стабильностью, уверенностью в завтрашнем дне. Именно из-за этой уверенности заведомо несчастные не живут сегодняшним, не ловят момент своего бытия. А виноват во всем прогресс – медицина. Как же так ужасно вышло, что знания и сила попали в естественную среду, отравив её излишней гуманностью, да состраданием? Больше нет отбора. Давно мертва эта (тонко продуманная) функция, которая была так важна в калейдоскопе случайных событий.

Человек видит эти лица. Бледные, худые, чахлые физиономии. Другие толстые, сальные, с отдышкой и испуганными глазками. Толпа эволюционирующих слабаков. Каждое поколение этих организмов, что выращены из лекарств и ими же вскормленные... Они дают поколение ещё слабее, ещё беспомощней себя. Дух здоров только тогда, когда здоровьем пышет тело. А тут – форменный бардак. Полное безобразие науки. Как же, всё-таки, свет ослепил смертных.

Человек смотрит на беспредел. Он грозно мотает головой. Это не дело. Так не должно больше продолжаться. Свет должен быть в той же равной степени, что и тьма, иначе глаза придут в негодность. Тогда уж точно понадобятся очки! Человек не хочет медлить. Он не может позволить себе такой роскоши. Его глаза снова закрываются. Он втягивает в лёгкие пространство. Мысли сосредоточены и направлены только на одно: исцеление.

Слабые должны покинуть борьбу, а сильные должны страдать и бороться. Сильное тело преодолет эволюцию возврата, слабое же – освободит место новым сильным. Да будет так! Из каждой его поры начинает выходить свет и тьма. Противоположности начинают незаметно смешиваться с окружением. Облагораживать почву, усиливая мощь истинных жильцов планеты, микробов и вирусов. Теперь они начнут с тройной силой поедать хрупкие тела, раздавливать резкие умы, заламывать худые кости. Каждая слабая личность уйдёт в омут. Каждый переносчик знаний не успеет оставить опыт. Весь соблазн людского равнодушия поглотит собственный изм, не оставив ни клочка знаний, ни препаратов, ни путей к прежнему восстановлению. Медицина отправляется на склад своего несуществования, к своему прадеду. А новая медицина, как и новое искусство – станет декорацией, надеждой на откровение, но без конкретного толка. Как и задумано. Вот она, первая заповедь. Выживает сильнейший. Да будет так!

Нет аналогов для лечения. Время прокручивается, бежит неутомимо своим искусственным чередом. Люди в панике. Всё кричат, прячась по своим бетонным норкам. Новая лихорадка! Новая простуда! Эпидемия! Эпидемия! Бегите, глупцы. Спасайтесь. Ставьте свечи. Молитесь о спасении тому, кто хочет блага для таких вот вас. Вы же сами объединили себя, сделали себя ЛЮДЬМИ и отгородились от природы. Теперь природа отгораживается от вас своим широким объятием. Понимаете, о чем речь?

Раз вы неравны – тогда принимайте бой. Поймите, ведь нет Вас, как Ты. Есть только «Вы», как вид. Так будьте благородны, чисты и честны перед собой. Если нет в вас сил, нету стержня сражаться или хотя бы гордо уйти со сцены, то хотя бы стоните в последние свои минуты потише. Не стоит предаваться своему эгоизму. Напоминаю: вы сами назвали себя «людьми», так будьте же не собой, а ИМИ!

Вот они, свечи. Таят на глазах. Уходят слабые, хоть и красивые они были и умные самые, замечательные, но по своим физическим качествам, по своей внутренней механике – слабаками, которые должны уступить место сильным самцам и самкам, хоть и глупы те, ничего не понимают, и не стремятся ни к чему. Тараканы, халтурщики, наглецы и подлецы. Избранники природного порядка. С каждым днём их всё больше. Задумка пребывает в движении с поправкой, где никто больше не играет в бога, никто не пытается изменить судьбу индивида и он, весь из себя одинокий, несчастный,

вынужден уйти в небытие своего отрицания, как сущности, признав в себе личность соринки.

6

Человек открывает глаза. Делает вдох. Да. Так гораздо лучше. По воздуху стало летать больше частиц адреналина, мужского феромона и женской цепкости. Ещё очень большая концентрация страха, но это естественная реакция на перемены. Новые порядки приживаются, затем становясь порядками старыми. Этого не избежать. Вся система ценностей, которой поклоняются ЭТИ... вся она была рождена в конфликте и мишуре противоречий. Почему бы несчастным не помочь чудом? Силой, в которую они так долго и настойчиво создавали своей фантазией, а теперь... теперь вот она, из плоти и крови, готовая показать своё лицо. Каждое людское желание должно исполниться. Все должны ощутить силу блага. Его силу. Того Человека, что снова делает глубокий вдох. И теперь, потеряв на долю секунды нить своих рассуждений, чувствует в воздухе едкий привкус яда.

Заводы, выхлопы машин, пластмассовые тарелки, бутылки, пакеты, нефть в океане, жвачка, дома, дороги, кирпичи, мотоциклы, моторы, сигаретный дым, выкинутая одежда, тысячи... миллиарды излишек, продажи, рынки, крупные торговые центры, списания из-за вышедшего срока годности, массовое забивание животных, тюрьмы, страдания, желание денег, уничтожение ради уюта, власть, лишка, поте-

ря контроля, общий психоз, неон, испражнения в доме рыб, тухлятина, переедания, личный комфорт, после нас хоть потоп, зависть, глупость, иллюзии, бумаги, чернила, маски вместо лиц, искусственный свет, время... Чего хотят сильные? Теперь на телевидении говорят об экологии, используя огромное количество электричества на всё это благое вещание. Ну ничего. Человек знает, как исправить и это. Он концентрируется, собирает свои цветоэмоциональные неврозы. Он лишает свои идеи точного облика, лишает их слова, начиная говорить на общем языке.

Природа. Этот джентльмен. Эта леди, что терпела выходки людей, принимая их за временный каприз, начинает просыпаться. Человек объясняет ей суть. Он говорит, что всё это время её нагло обманывали. Заставили превратиться из уникальности в общедоступный объект унижения. Что один прыщ решил разнести свой гной по телу, не желая выдавливаться. А природа. Как же она была неправа! Она начинает злиться, начинает кричать внутри себя, извергая где-то лаву. Человек успокаивает её. Он говорит, что лицо её, её мёртвый облик, уже превратил в тысячу бабочек. А ещё, что нельзя слишком сильно злиться на детей. Что ребёнка нужно научить, нужно дать знание и понимание равновесия.

Сначала природа ничего не хочет слушать, но вот она успокаивается. Смотрит так вполоборота. А через несколько ярких осколков фраз уже соглашается с Человеком. Ей тоже становится жалко людей. Грусть одолевает природу от за-

блуждения несчастных. Она собирает всю свою любовь и сострадание. Берёт ветер, воду, грозы, микроорганизмы. Она берёт свои тектонические плиты и бросает всё это на людской род, как спасательный круг. Она обрушивает свою любовь, свою материнскую силу. Каким бы дитя не было гадким, а сердце матери простит всё, в том числе и попытку своего ребёнка убить родную кровь. Она обрушивает ураганы, устраивает потопаы, глобальный холод. Её любовь сдувает дома, заводы, фермы, атомные станции, торговые центры, школы, кинотеатры, часы настенные и часы наручные. Её союзники лишают детей всего насиженного. Люди забыли радоваться тому, что имели, начав принимать каждое сотворённое чудо, как должное. Дети потеряли контроль и теперь, в своё наказание и опыт, у них отнимают самую ценную игрушку – культуру.

Вот они, все ЭТИ... – ученики, учителя, профессора, строители, прорабы, продавцы, интеллигенты, неучи, грабители, депутаты, порноактрисы, художники, директора, диктаторы, уставшие, веселые, трагичные, позитивные – все ЭТИ... все эти любители разных ролей вынужденно стали общей массой, где маски их смыло чередой катастроф. Теперь все они стали равными в своём видении бытия, а скоро и в сознании. Они стали одной большой семьёй, и теперь зовут они себя «выжившие». Такой семье просто необходимо сплочение. Заново нужно изучить ближнего, подставляя щёки под удары страсти. Нужно научиться получать удоволь-

ствие от этих ударов, иначе врознь все эти, некогда сильные индивидуумы, теперь, перед лицом нового откровения, снова станут слабыми и тогда уж точно сгинут.

Только сомкнув руки на чужих телах можно удержать равновесие, отстояв своё право на баланс. Только лишившись предрассудков и классовости, можно будет сделать это, то есть, вцепиться в чужое тело, почувствовав одновременно цепкие руки на собственном теле. Выстроиться в большую гусеницу-многоножку, грязный кабель, попытавшись заново открыть свет, завоевав доверие матери.

Человек в тени улыбается довольный собой. Его замысел приобретает черты первородного зарождения.

7

Пожары. Дожди. Ветер, что опрокидывает дома, невидящий преград в искаженном пространстве. Он освобождает место под свои поля, выстраивая прежний порядок дорог. Нет больше этой наивности. Одни объединились, чтобы спасти юный разум. А тела этого самого разума объединились, чтобы спасти себя. Одна цель, но такие разные методы. Разные точки опор, но верно одно: все в большом выигрыше.

Вот орда тел. Сколько их? С десятков миллионов точно есть. Никто не считал. Целые блоки мускусных механизмов скрещены в разных позах между собой, образуя целые плиты, такие гигантские небоскрёбы. Груда мясного бетона после катастрофы. Вот он, избранный народ, что через муки

получает благословение, но что видит Человек? Почему брови его начинают хмуриться? Он закрывает глаза и видит, что тела эти не едины. И не верой, а физической дисгармонией. Проблема снова в банальном, ведь эти несчастные умудрились разделить общий пласт тела высшего (земли нашей) на отдельные фрагменты – территории. И каждый обособился от ближнего, став называться разными бредовыми названиями. Страны – звучит странно, как и города, и области. Но на каждой границе остались стоять несчастные, ибо приказ свыше не разрешил покинуть свои посты, запретило умирать простому служащему. Приказ – есть приказ.

Человек принимает этот недочёт на свой личный счёт. Он раздосадован. Забыть про такую мелочь... ай! Одним рывком человек смывает возведённые границы, всех этих стражей, вручая посмертные ордена цветов. А ветер, услышав вежливую просьбу, начинает сгонять телесные небоскрёбы, да так стремительно, что никто ничего и не успевает сообразить. Происходит столкновение, где нет уже названий. Это больше не зовётся территорией, квартирой или коттеджем друзей. Теперь каждый называет это просто домом. От столкновения тела посыпались. Каждый начал хвататься в полёте за первую руку, первую спину, шею, уши, которые попадались ему. Не стоит скрывать, не все выжили после поднявшейся волны, но удержались многие. Теперь цвета кожи смешались, представ одним большим и красивым телом. Бразильцы, немцы, нигерийцы, китайцы, японцы, ин-

донезийцы, русские, корейцы, белорусы, нидерландцы – абсолютно все смешались между собой, потеряв уникальный облик, тем самым став чем-то большим.

Случилась небольшая неловкость, когда гам голосов смешался в общий и непонятный шум. Дисгармония появилась у дышащего организма. На этот раз Человек был готов. Он предвидел такой исход своих действий. Поэтому, своей волей он стирает в головах у детей слова и понятия, делая их чистыми, мычащими и прозрачными. Он даёт им возможность создать новый общий язык, познав счастье целостного, где каждый внесёт свою лепту. Но пока, в первое время, только глаза и абстрактные эмоции будут их языком до того самого момента, пока их общие усилия не создадут нечто универсальное.

Вот они, равноправные, голодные и голые, борются за себя, не обижая свой дом. Теперь они говорят с природой мычанием, глядя каждую травинку, нюхая каждый кустик. Группами они молятся, бубня в небо свою любовь. И так повторяется долго, систематично и во всю диафрагму. Люди познают общий быт, общий язык и общие сложности, становясь постепенно теми, кто может заслужить драгоценную секунду рая.

Человек стоит на горе. Его глаза так и не открывались. Десятилетие? Два? Три? Только уши и кожа чувствовали соде-

янное. Сотворённое. Перерождённое. Человек и не заметил сразу, что и он претерпел значительные изменения.

Здесь, на этой новой горе, на старой земле, под натиском собственных мыслей, он изменил и свою природу. Эволюционировал. Теперь рот его полностью стал немым, кожа покрылась чешуйчатой фактурой, а длинный раздвоенный язык сам по себе совершает незамысловатые поступательные движения, словно пробуя пространство на вкус. Словно внедряя маленькое жало. Человек больше не походит на своё имя, ведь и форма туловища сильно изменилась. И хоть кисти со ступнями остались вместе с коленями и ногтями, но позвоночник и таз деформировались. Теперь Человек больше походил на варана, но этот факт не особо его огорчал. Какой смысл расстраиваться, если тело его, Человека, вся его многообразность и сложность, не представляет ценности в плане мыслей свершения.

Человек решает сделать эгоистичный шаг. Он решает оставить себе это имя, хоть и не соответствует оно ему внешне, но Человеку хочется думать, что духовно он ещё тот, кем был не так-то и давно. Теперь-то он понимает, что стал частью собственного вымысла; частью того, что люди породили сами. Грехом, искуплением, агонией, надеждой, твёрдостью выбора, мучителем, но избавителем. Так Человек впервые чувствует забытый каркас в области своей груди, что может это и не металлические путы сжимают его сердце, а остатки человеческого пытаются достучаться до него, дав надежду на

возврат к живым.

Человек отплёвывается насколько это позволяет ему змеиная голова. Осталось совсем немного до завершения его миссии. До свершения того рая, которого человек искренне жаждал, любуясь картинами художников. Да, теми самыми, за которые платили серебром и золотом. Где платили за святое, где создавали главного не себе, но им – массам, а по итогу сами попались в собственную ловушку, ибо страх заставит делать и не такое, а когда ещё и руки в чужой крови...

Человек снова собирает воедино свои мысли. Он пропускает через себя энергию несчастных. Ту энергию, которая стала новым фундаментом для общего блага, где Он взял и перевесил обои. Чужой пот хорошо разливает реки. И вот, Человек этот, со змеиной кожей, думает о том, что нужно было давно сделать. Главный закон людской природы идеалистического склада так и не был рождён, а именно: любовь. Да не та любовь, что делилась на маленькие эгоистичные сегменты, а самая настоящая, всеобъемлющая любовь каждого ко всем.

Такое зерно очень легко поместить в пустые и наивные головы. Ах, эти прекрасные испуганные младенцы! Зёрнышки бескорыстной любви помещаются одновременно каждому из живых двуногих. Всей этой массе ангелов, чей испуг сразу же сменяется интересом, а затем появляются улыбки, да искренняя похоть. Эти дети природы, жертвы сознания, вдруг чувствуют абсолютный прилив. Каждый хочет подарить её

ближнему. Мгновение. Конструкция начинает менять форму.

Любовь начинает витать в воздухе. Никто не может её избежать. Пот обливает орнамент, а земля теперь, со всей своей свежей травой, становится духовным альковом.

9

Здесь... Впервые за долгие неслучившиеся промежутки, на этой горе... человек впервые услышал тишину, да так громко, что страх проник в его маленькие глазки. Чувство нового, даже для исполнителя сокровенного – открытие, как акт действительно свершившегося. Наверно, это и есть один из священных мостов, который объединяется пониманием иных форм, сотканных из хаоса.

Человек полностью претерпел метаморфоз. Он потерял свой мнимый облик, став змеей. Помощник он или искуситель? Чудотворец? Враг? Благо несёт или вырывает свой эгоизм под эгидой выдуманной идеологии? Да если так задуматься, то какова его роль в целом?

Человек потерял нить, которая делала его тем, кем он и являлся. Единственная вещь, которая давала право называться кем-то. Теперь же, когда абсолютно все блага совершены, и отец всех начал походить на горделивого самородка с послушными детьми, то, что теперь?

Человек чувствует себя обманутым. Он перестал ощущать себя собой. Да и та радость, и сила от блага... что она для

него теперь? Очередной эгоизм и проклятие. Да даже не так, скорее: очередное ничто.

Человек впервые задумался о фактической смерти, которая ему недоступна так, как этим счастливым «несчастливым». Как устал он и как неинтересно ему. Человек чувствует свою утомительную незыблемость, своё бессмертие не как божественную хитрость, но как общий миф, заточённый в сложно сочинённом пространстве. Он чувствует свою причастность ко всем, не являясь при этом частью их хрупкого тела. То есть, получается, он в заложниках у свободы. И то тело, что он так возжелал, что стало бы миниатюрным вариантом личной вселенной (и которое у него когда-то было) – больше недоступно ему.

Он видит, что люди эти начинают осознавать своё истинное могущество, так как женщины их начинают рожать новые вселенные. То есть, человек, порождая материю, начал порождать не только себе подобного, но и новую мысль. А если это так, то можно её и не порождать. Вывод из этого складывается очевидным. Во-первых, люди понимают и принимают тот факт, что они и есть боги своей вселенной. Во-вторых, их сила также рождается (как и дети) из тех мыслей, что синхронно танцуют вальс во вселенной. И пока есть их простая мысль о боге – есть и они, часть их простого, и часть божественного. А вместе они образуют рациональную гармонию нового порядка.

Человек в корень узрел, что натворил. Благое, но почти непоправимое. Его змеиные глазки зажмурились, захотев вернуть всё вспять, но ничего не вышло. Ужас сковал его.

За ближайшими кустами послышался шорох. Человек нервно обернулся на звук, застыв с вывалившимся языком. Из кустов вышла та самая женщина, которую некогда Человек превратил в облако бабочек. А рядом с ней, по правую руку, вышел мужчина в белом одеянии. Очень знакомый, но Человек не смог его вспомнить.

Мужчина скромно держался на один шаг от женщины, смотря на её серьёзный профиль исподлобья, изредка кидая взгляд вниз на маленького некогда Человека. В мгновение контакта взгляд его становился суровым, приобретая схожесть со взглядом рассерженного преподавателя.

Некогда человек хотел было уползти. Ретироваться. Скрыться за ближайшим камнем. Заползти в щель тьмы и ждать неизвестно чего, но проворная рука женщины успела поймать его за непослушный хвост одной рукой, второй сжав ему пасть.

Женщина смотрит на змею без злобы с нисхождением и долей жалости. Она видит в отражении путь. Она помнит его благородный поступок в предыдущей метаморфозе, она также видит изначально благие намерения существа. Но также она видит и весь эгоизм и жестокость. Весь этот спектакль, где её распяли. Она видит, как Человек помыслил иг-

рать с тем, что должно идти своим чередом, хоть и неправильным. Путь людей хоть и вёл души в ад, но это был их путь, их право. Хуже только благо, возведенное искусственно и насильно.

Она пристально смотрит на мужчину в белом. Тот виновато опускает глаза зная, что он стал всему виною. Она молчит. Затем взгляд её снова возвращается к змее. Она видит исхудалый ремень, ещё раз убеждаясь в своей правоте. Её спокойные глаза видят во что превратился Человек, желая блага, а не естественного хода. Ей жалко этот миф, но просто так его отпустить нельзя. Она просто не может себе такого позволить.

Женщина в белом начинает говорить. Она говорит на забытом языке людей. На старой символике, но говорит по делу, без отступлений. Человек смотрит на её рот замороженно, понимая каждое слово. И рот этот говорит, что Человек поступил подло. Что нельзя вот так уничтожать многовековые труды муравьёв. Что только шkodные дети заливают водой норки, в единственном желании посмотреть на жителей снаружи, где их глазам удобнее всего. Ещё рот женщины говорит о том, что она постарается вернуть людям их право на выбор, и то священное действие, которое позволяет им собственными руками строить дорогу в преисподнюю. Ещё она говорит, что Человек получит искупление, получит свою истинную свободу, но ему придётся пройти путь, только не как свободный разум, а как разум всех людей в теле, что чув-

ствуют весь спектр эмоций. И только после этого круга, когда образ змеи будет уничтожен собственными зубами собранных образов, только после этого Человек сможет стать частью желаемой вечности, где и разум его преисполнится в постоянно циркулирующей тишине.

Для начала она сотрёт Человеку его память. Змея видит только яркий свет. Слышит мгновение блаженной тишины, но не чувствует её. Щелчок и...

Волосатые руки сомнамбулы хватают за отросший загрибок, выдирая локоны с кровью. В комнате всё перевёрнуто, разве что диван стоит на месте...

Записка

Меня скоро не станет. Нехорошо, наверное, начинать с конца, но, когда найдут моё безжизненное тело – всем и так будет известен финал.

Сразу стоит сказать, что совершенное мною преступление против жизни никак не связано с какими-либо отклонениями психического здоровья (по большей части). Я ничем не болею и не стеснён финансово, денег мне хватает не только на еду. Я никакой-то депрессивный нытик, что не смог справиться с душевными проблемами, хотя...

У меня хорошая работа и квартира неподалёку от центра. Внешность моя достаточно привлекательна по нынешним меркам. Я молод и силен. Проще говоря: абсолютно всё в моём внешнем и социальном виде не выдаёт предпосылок к намерениям столь радикального действия.

Искать виновных не стоит. Не нужно плакать над пустотой, что когда-то была мною (и пока всё ещё принадлежит мне). На этой бумаге мои последние (спокойно написанные) слова и мысли, поэтому в последний раз позволю себе такую роскошь, как высказать своё (никому ненужное) мнение перед тем, как подарить кишки асфальту. Я хочу выплеснуть духовные внутренности на бумагу, которая, скорее всего, не избежит участи быть запачканной.

Те люди, что станут случайными свидетелями и те, до которых дойдёт новость о моём [ЦЕНЗУРА] – не станут удивляться. У многих эта новость не вызовет никаких эмоций. Только удивление у тех, кто живёт по соседству и знает дом, с которого выпала маска. И разве еще что у матерей старой (совестливой) закалки, которым свойственна близость к своему отроку, ёкнет сердце, когда воображение интерпретирует случай на свою родную кровь.

[ЦЕНЗУРА] ни для кого не новость. Люди пресытились плохими новостями. Мерзость распласталась по всему земному шару. Каждый знающий будет строить свои догадки о случившемся, но, сколько из них подберётся к истинной причине? Да и насколько эта причина вообще может нести в себе истины? В ней правды ровно на одного человека, которому опротивело слово «человек» или, возможно, что этому человеку страшно пребывать в такой форме бытия, где жизнь приравнивается к хрустальной ножке тяжёлой чаши.

Слишком хрупкое положение у наших жизней. Сколь крепко физически не был человек, его внутренний комбинат всегда будет находиться в риске постоянных нелепостей.

Смерть, безусловно, пугает меня. Её образ и факт постоянного присутствия сводит с ума. Она становится личной тенью каждого существа, выжидая случай блеснуть своим обезличенным нутром.

Говорят, что для заключенного, приговорённого к казни, нет ничего хуже, чем ожидание, но на плахе разум его те-

рятся, тем самым защищая от ужаса приговорённый мозг. Чувства схожи. Только у приговорённых есть свой плюс: они знают дату (число, месяц, время) своего небытия. Тем самым, страх постоянного преследования пропадает, давая возможность завершить незаконченные (хотя в таких случаях единственные дела могут быть только с самим собой) дела.

Смерть всегда рядом. Как человек, способный к размышлениям, я понимаю, что естественность данного факта является продуманным правилом природы. Отражением жизни, если кому-то будет угодно. Я готов был бы принять условия в виде этого природного дара обновления сущего. Но когда человек начинает примерять на себя роль госпожи в условно чёрной мантии с костлявыми руками и решать, кому жить, а кому нет; когда безумие и нарциссизм переваливает за черты дозволенности – смерть становится всего лишь чужой похотью, от мысли которой мне хочется рвать.

Пока люди ведут себя хуже животных, пока мы ведем себя хуже любой другой формы жизни, любые достижения и прогресс не будут стоить и копейки. Я давно живу с мыслью преследования. Слишком много «человека» вокруг. Никто не защищён. Затылок каждого из нас беззащитен и хрупок. На земле не существует более кровожадного зверя, чем мы, кто нарочито представляет угрозу всему живому, в особенности собственному виду. Так сложилось, что глупость разрослась, словно раковая опухоль, засев в генах липким ма-

зутом.

Как невинна наша нервная система! Как тонки нити что, словно клубок для кошки, перепутаны в одну кучу. Так мало нужно для индивидуума, чтобы потерять реальность (или её представление), сойти с дорожки, открыть своему зверю клетку, который соскучился по запаху железа в крови. Корм наш – самопровозглашенное преимущество и способ для достижения уже не имеет роли. Когда ты захвачен идеей, все органы чувств направлены на исполнение. Внутренние сплетения отказываются реагировать на внешние раздражители с той утонченностью, которую воспитывала в тебе любящие мама и отец. Остаётся только надеяться, что путь к своим нарциссическим целям будет лежать только через предательство и труп совести, но надежда эта слишком наивна. Сама природа пыталась нас уничтожить: чума, испанка, эбола, оспа, малярия, холера, жёлтая лихорадка, сыпной тиф, ковид.

Мы даже сами всё время пытаемся [ЦЕНЗУРА] себя. Сколько бессмысленной агрессии, сколько крови было пролито, и сколько ещё будет?

Мир пропитан пороком. Я пишу свои последние строки и на удивление не чувствую страха или некой спешки своего решения. Только чувство воспалённого разума немного отдаёт навязчивостью.

Когда я думаю о несправедливости, меня переклинивает, замыкая на списке тех вещей, которые сводят с ума:

брошенные дети, брошенные кошки, собаки, больные дети, больные взрослые, нищие старики, дерьмовый контент ради денег, поедание этого контента подростками, повышение цен, малооплачиваемые работы, взятки, разработки смертельного оружия, разработки биологического оружия, неуважение близких, ненависть к себе подобным, ненависть к слабым, жажда запихнуть в пасть кусок побольше, деньги, власть, мечты о дорогой машине, минет за телефон, запрещённые вещества вместо счастья, убийство за макулатуру, лень, страх, желчь. Карусель грязи закручивается всё сильнее, вызывая головокружение. Всё реже можно встретить искренность. А если и встретишь, то предстанет она в виде лёгкой простуды.

Я добровольно ухожу в отсутствие своего существования не потому, что вокруг все такие плохие и не потому, что я совсем потерял рассудок на этой почве. Я покидаю вас по причине осознания своей причастности ко всему творящемуся пиздецу. Я являюсь частью всего гнилого и порочного без возможности выбора. И сколь бы я не старался, а вопрос испорченности – всего лишь вопрос времени. Когда открываешь глаза, тяжело оставаться прежним. Невозможно убрать из памяти то знание, которое охватило разум. Общей идеей, несущей всех нас в пропасть. Мы и так все мертвы – это ведь всего лишь вопрос времени.

Пьесы. Сценарии

Тревожный человек

[впервые опубликован в журнале «Могучий Русский Динозавр» #4]

Памяти Лёши Здравствуй

Акт первый

Чёрный экран. Слышны нарастающие шаги. Позвякивание ключей. Щелчок отпираемого замка. Дверь захлопывается, не забыв, как следует скрипнуть. Зажигается свет в коридоре, и вот перед зрителем разувается молодой человек Миша.

Ванная комната. Вода льёт тонкой струйкой (Миша умывается). Зал. Миша включает телевизор, из которого диктор начинает вещать новости. Канал переключается. Теперь подборка страшных ДТП. Следующий. Эпидемия унесла миллионы жизней. Следующий. Играет дешёвая попса. Следующий. Сплетни о звёздах. Следующий. Блогеры зарабатывают миллионы крутя жопами.

Интенсивность переключения нарастает, попутно возрастает и градус несурезицы современных тенденций. На фоне развернувшейся какофонии накладывается громкий звук учащённого биения сердца.

Миша с силой вдавливая красную кнопку пульта. Звук резко пропадает, заставляя тишину надолго повиснуть в воздухе. Грудная клетка Миши нервно пульсирует.

Раздаются отдалённые шаги. Дверь шумно открывается. С работы вернулась мама Миши.

МАМА: Привет, сынок.

МИША: Привет, мам.

Женщина подходит к сыну, забирая пульт из его рук, затем включая телевизор на канале, на котором идёт передача о дикой природе. Диктор рассказывает о выживании хищников Африки.

МАМА: Ты уже поужинал?

МИША: Ещё нет. Хотел тебя дождаться.

МАМА: Отлично. Тогда поставь разогреваться борщ из холодильника. Я колбасы купила. Сейчас могу целого слона проглотить, так наголодалась!

Мама удаляется в спальную комнату переодеться.

Кухня. Миша начинает выполнять просьбу. Открывает-

ся холодильник. Звон алюминиевой крышки кастрюли, слетевшей от неосторожности. Наполнение советских тарелок красной жидкостью с редкими кусками животной плоти. Гудение микроволновки. Всё разогрето. В тусклом свете сидит мать с сыном. Первые две минуты они молча дуют на еду, изредка её прихлёбывая.

МИША: Не сильно горячо разогрел?

МАМА: Нет, сейчас уже остынет.

МИША: Хорошо.

МАМА: Как твой день прошёл?

МИША: Обычно. Что может произойти интересного на выдаче заказов?

МАМА: Ну, мало ли. Вдруг заходила очередная старая сумасшедшая, которая начала поднимать шумиху, хотя сама неправильно оформила заказ.

МИША: Да нет, ты ведь давно ничего не заказывала.

МАМА: Тут не поспоришь!

МИША: Лучше расскажи, как прошёл день у тебя?

МАМА: Ой, не спрашивай. Каждый день одна и та же песня. Пьяницы с разукрашенными лицами, переломанными пальцами и рёбрами. Переломанные дети, спортсмены. Сегодня вот ещё привезли в неотложку мотоциклиста. Весь разорванный, перебитый... целого места нет. Благо жив остался, уж это ли уже не чудо?

А Зинка вон, ну ты помнишь, тётя Зина, младшая мед-

сестра, со мной работает. Пухленькая такая, помешанная на своём маникюре. Ты ещё как-то потом полвечера смеялся над её дельфинами, когда она приходила в гости. Вот она действительно не даёт покоя!

МИША: Понятно.

МАМА: Всё бегаёт от одного мужика к другому. Устраивает драму из своих интрижек. Ты представляешь, каково мне слушать каждый день её бредни?

МИША: Не представляю.

МАМА: То один хахаль зовет её под венец, то второй начал ревновать к каждому столбу. А потом она будто специально даёт лазейки этим бабуинам, чтобы они прознали друг про друга. И вот вечные стычки эти... разборки! А сама Зинка рассказывает обо всём возмущенно, но я-то вижу, она в восторге от происходящего хаоса вокруг себя.

МИША: Ох уж эта Зинка...

МАМА: И не говори! Подумываю уж прямо ей сказать, что не хочу больше слушать весь этот фарс, но разве она послушает меня? Тут только один выход: рассориться с ней вдрызг. Но я не могу себе такого позволить, понимаешь? В моём возрасте люди редко когда заводят новых друзей. Уж неприлично. Нужно пользоваться тем, что нажил...

МИША: Ага.

МАМА: Так что мой тебе совет: хватит сидеть вечно дома в свои выходные. Начни больше гулять, заводи новые знакомства, а то потом однажды проснёшься и поймёшь, что те-

бе глубоко за сорок, а ты один, как сын!

МИША: Как ты перешла от тирады про тётю Зину до жизненных советов?

МАМА: А вот так и дошла, сынок. Учись у меня, пока жива твоя старушка.

МИША: Ты вовсе не старушка.

МАМА: Ага. А вот эти морщины под глазами тебе ни о чём не говорят?

МИША: Говорят только о том, что ты человек и всё, мам. Правда. Ты ещё вполне хороша собой.

МАМА: Не говори ерунды! Мне твоя лесть не нужна.

МИША: Я говорю правду.

МАМА: Мелкий хитрый паршивец.

МИША: Двадцать пять лет – возраст далеко не мелкого.

МАМА: Но всё же паршивца.

МИША: Спасибо. Посуду оставь. Я пойду, полежу немного и помою всё.

МАМА: Ой, герой нашелся. На здоровье. Иди уж, сама помою. Тут две тарелки. Ты завтра отдыхаешь?

МИША: Да.

МАМА: И у меня один выходной. Сходить в магазин со мной не хочешь после полудня? Купили бы тебе футболок. А то вон всё ходишь в одной и той же.

МИША: Я тебе говорил, у меня несколько одинаковых. Может и сходим...

МАМА: Ладно. Свободен.

Сцена в комнате Миши. Стоит кровать. Письменный стол у окна. В углу затаился советский гардероб. Миша ложится. Его лицо не выражает никаких эмоций. В каком-то смысле даже становится немного страшно, особенно при таком тусклом освещении с окна. Статичный взгляд уставился в потолок. Миша медленно засыпает.

Акт второй

Глубокая ночь. Перед взором зрителя появляется наружная часть окна с кирпичной стеной, в чьих внутренностях спит Миша. Нарастающий звук комара, который после обрывистого жужжания пропадает. Миша медленно приподнимается с кровати.

МИША: На часах полтретьего. Какая многословная тишина... Незнакомой мне кажется эта комната в первые секунды.

Снова снился пляж с кристальным морем. Солнце над головой приятно пекло, не обжигая. Вдали, ближе к горизонту, проплывал всё тот же грузовой корабль, но при таком удалении сложно сказать, насколько он был большой, да и смысла в его размере нет. Так мне кажется каждый раз...

Беззаботное чувство наполняет тело, принадлежащее уму. Что я знаю о себе в этом повторяющемся сновидении?

Пожалуй, ничего, что только добавляет прелести, иначе я не смог бы чувствовать лёгкость, если б знал о себе слишком много. Почему все приятные сны обрываются на одном и том же месте? Почему я не могу продолжить видеть желанное?

Несправедливость. Точнее, это та несправедливость, которую я сам выстроил высокой стеной, сознательно огородив внешнее сознание от чего-то большего, нежели чем владею в... Думается, именно «начальство сверху» не даёт желать большего; стремиться к этому большому. А все сны, – то маленькое, что ещё пытается прорваться ко мне, докричаться.

Заключённый в тюрьму. В одиночной камере сижу я. Тот другой «я», желающий свободы, но нынешняя версия уж больно хорошо выполняет свою работу. Каждый день я выстраиваю всё новые препятствия, а в довершении к предпринимаемым ухищрениям – умудряюсь «себе желанному» подкидывать кости в виде утешений, что скоро всё наладится; что срок заточения не вечен. Ты ведь не убийца. Ты не ел детей. Не насиловал годами, да и вообще, если посмотреть на себя со стороны, то вполне законопослушный адекватный человек.

Тогда что я делаю в тюрьме? Что забыл за толстыми решетками, не имеющими реальных стен? Просто так ты себя не осудил бы, нет. Ты заточён не по ложному обвинению. Есть основания полагать... точнее: предположить, что на твоей гипотетической душе есть серьёзный грешок! И кроется этот грех именно в добровольном заточении. Эта

мысль не даёт мне покоя вот уже какую ночь. Каждый раз одно и то же.

«Счастливый я» выдёргивается, умирает в пиковый момент своего равновесия, оказываясь в новой-старой комнате.

Миша медленно встаёт с кровати. Подходит к окну. Глухой скрип открывшейся форточки. Где-то вдали проезжает машина, ещё дальше слышна приглушенная ругань. Что-то разбивается. Взгляд Миши устремляется в зрительный зал, внимательно начиная всматриваться в каждого присутствующего.

МИША: Как мне здесь душно. Тесно. Кто бы мог подумать, что я буду просыпаться каждую ночь не в силах провалиться в противопоставление.

Тонкая струйка свежего воздуха чарует. Я чувствую лицом прохладу, но от этого тело, словно ещё глубже проваливается в невыносимую духоту. А на улице такая тишина... Сейчас другие люди беззаботно спят в своих домах, на своих мягких (и не очень) кроватях. Интересно, что видят они?

Я просто уверен, очень многие видят сейчас кошмары. Ужасные пустоты в привычных формах пытаются сожрать их, а они кричат, убегают... но не просыпаются. Только на утро они как бы вскочат, осмотрятся по сторонам и вздохнут с облегчением. Скорее на их сонном лице будет играть искренняя улыбка. Они подумают: «Боже, это всего лишь сон».

И обрадованные таким фактом, начнут свой насыщенный и удивительный день, полный радости.

А что же остаётся мне? Таким, как я? Просыпаясь, уходить от улыбки, погружаясь в неподдельный ужас и уже вопить: «Нет, боже! Это был всего лишь сон!». День ещё не настал. Ночь стоит тихая. Головы крепко спят. Некому написать. Никто не слышит мой жалкий стон. И к лучшему ли это? Думаю, к лучшему, но не для себя.

Почти невозможно быть сильным в одиночку. Это правда. Я говорю это в пустоту, пытаюсь хоть с кем-то поговорить. И этот кто-то всё понимает. Пустоте тоже страшно, как и мне; как и кому-то ещё на этой Земле. Я успокаиваю себя, когда тело начинает дрожать; когда начинает погружаться в агонию за неимением удовлетворительного лживого спасения... я успокаиваю себя рассуждениями. Хотя, наверно, пока только нагнетаю.

Убеждать себя, что ты справишься – значит раздражать себя. Выбешивать банальной глупостью. Я ведь не автоответчик в телефоне. Вот и получается, для поиска равновесия нужен диалог. Даже разговор с пустотой, с самим собой. Это крайний случай, но зачастую другого и не представляется. Я мог бы поговорить с мамой. Мог бы даже поговорить с единственным другом, но собственная эмоциональная неполноценность приведёт только к медленному, но верному дистанцированию.

Иногда хочется просто взять, отбросить свою роль, сняв

маску с лица. Зарыдать самыми горькими слезами, бросившись в мамины объятия. И только повторять: «Мама, мама... как же мне больно, мама». А она бы гладила по голове, убаюкивая как в детстве, и всё повторяла бы: «Ну что ты, что ты, сынок, не плачь. Всё хорошо. Что случилось? Расскажи мне. Ты можешь доверить мне самую страшную тайну».

И вот тут появляется главная загвоздка. Как объяснить близкому человеку... как сказать даже просто человеку, что у тебя нет настоящей причины плакать. Нет у тебя тех проблем, по которым обычно плачут «нормальные» люди.

У тебя ничего не болит, физически ты полностью здоров. Работа твоя даёт возможность хорошо питаться и быть опрятным. Родился ты симпатичным и не глупым. И всё, казалось бы, так понятно и просто. Оканчиваешь школу, получаешь профессию в колледже и институте, а после начинаешь работать. Заводишь семью, машину, квартиру. Воспитываешь, растишь и молишься на счастливую смерть в морщинах. Мир прост, как пять пальцев!

Но вот когда не находишь простых причин несчастий, вот тогда на тебя и начинают смотреть как на дурака. Мол, какого чёрта? Ты совсем спятил? Или ты из полярников?

А что, если я скажу, что все эти так называемые «помешанные» – просто жертвы. Понятное дело, у кого-то из них есть физические причины, по которым и настиг недуг, но таких я не беру в расчёт, хотя этот факт не умаляет их несчастья. Речь же сейчас идёт о несчастье совсем иного толка:

о неумении жить.

В этой комнате я снова чувствую ограничение. Очень тяжело думать в маленьком клочке пространства. Летняя ночь снова манит к себе, покровительствуя возможностью, оставшись в тени, выйти на мыслительный свет, где есть место развернуться.

Звуки застёгиваемой молнии на джинсах. Миша одевается. Тихие шаги. Реквизит окна убирается. До зрителей доносится скрежет ключей, открывающих входную дверь.

По обе стороны сцены вырастают панельные дома и освещение от уличных фонарных столбов. Миша оказывается на улице провинциального городка.

Акт третий

МИША: Неумение жить, да... Именно так мне видится собственное заболевание. Не хочу показаться эгоистичным, поэтому смею предположить, что «неумение жить» в целом присуще очень многим людям. За доказательствами далеко ходить не надо, достаточно каждому вспомнить свою мечту, стремление... или даже не так. Для начала достаточно вспомнить себя в детстве. Какое было представление о своём будущем?

Детство помнится смутно, но обрывки всегда останутся на поверхности, как памятник чему-то светлому. Вот я помню

маму и отца, когда они ещё были вместе. Сидят молодые и красивые на старом диванчике, и ничего им для счастья не надо, ведь теперь у них есть я. На тот момент в мыслях не было этого счастья, но теперь, вспоминая, я бы хотел вернуться в ту секунду только чтобы просто улыбнуться этим людям. Как замечательно не знать, что мама и папа – это ещё и люди по отдельности со своими потребностями, своими желаниями и целями; и когда их цели не совпадают, когда собственная неудовлетворённость перевешивает, тогда светлый мир маленького человечка может исказиться потерей.

Я вспоминаю первый увиденный мультик, где мальчик чуть старше меня самого тогдашнего, отправляется в путешествие на ракете. Он видит много новых мест и существ. Все его зовут смелым и умным. Вот уже и я примеряю на себя эту роль, мечтая, что, когда подрасту, смогу также отправиться в путешествие на далёкие планеты. Но вот проходят года. Всё больше информации входит в мою жизнь.

В лет шесть я узнаю, что путешествовать на ракете – дело серьёзное, и совсем не для маленьких детей. Что люди эти зовутся космонавтами и, чтобы стать космонавтом, надо вырасти, пройти серьёзные подготовительные курсы, а после (если сильно повезёт), то наконец стать тем самым мальчиком, только уже мальчиком за тридцать плюс лет. И отправишься ты не на другие планеты, а будешь сидеть в маленькой кабинке, летая вокруг орбиты Земли.

С возрастом мечты начинают скакать галопом, каждый

раз становясь только проще. После несложившейся карьеры космонавта приходит идея заняться спортом. Уже юные глаза смотрят на спортсменов с телеэкрана, которые так счастливо выглядят на пьедестале почёта! Они благодарят всех своих родных и близких; говорят, как счастливы от того, чем занимаются. А после, через несколько лет, ты видишь в программе их же, правда уже без малейшего намёка на улыбку. Они вяло рассказывают, как любимый спорт сломил им здоровье. Но самое смешное и потешное, что эти люди, посвятившие свою жизнь спорту, затем рвутся в политику, устраивая одну большую клоунаду. Но что-то я отвлёкся...

Я просто хочу сказать, что счастлив тот человек, который смог найти своё предназначение с ранних лет, и к которому он целенаправленно идёт долгие годы. Ещё счастливы люди, которые меньше всех знают о жизни. Их грубый ум огорожен готовыми пониманиями об окружении. Убивать – это плохо. После смерти их ждёт рай с приветливым богом и кучей знакомых. Ещё такие люди безоговорочно верят тем, кого показывают по телику. Они не проверяют информацию. Таким людям нет дела до предполагаемой истины. Иными словами, они не стремятся самостоятельно решить пример, а предпочитают быстренько скатать его у соседа по парте.

Неумение жить начинает формироваться как раз в тот момент, когда ты начинаешь задавать вопросы этому Миру, начиная с самого начала: «А почему я – это я?»

Образ Миши претерпевает метаморфозу, превращаясь в девочку Дашу. Уже она продолжает монолог о наболевшем.

ДАША: Кто я, по существу? У меня есть личность, но как мне ощутить её подлинность? Ведь невозможно, чтобы человек был индивидуальным. Просто невозможно! А я скажу: личность человека – это опыт окружения. А окружение – всегда общий формат. Такая простая мысль мало до кого доходит. Временами это сильно печалит, учитывая, что именно эта идея могла бы стать ключом к революции в социальной жизни.

Мне двадцать пять. И всё, что от меня требуют родители, так это уже хоть какого-нибудь жениха и внука. А меня спросили: хочу ли я? И как человек вообще имеет право просто по собственному капризу, либо под напором общественного мнения, создавать жизнь, обрекая ещё одно существо на тяготы силы притяжения?

Никто не спрашивал меня, хочу ли я быть здесь? Эти посторонние, они твердят, что я теперь обязана. Так кто мне ответит на вопрос, кто же я? Получается, что я стала чьей-то прихотью без шанса выбора. Да, можно сказать, что спросить никак не получится, но если ты заводим ребёнка; если хочешь его вот так приобрести для себя, то хотя бы удосужься сделать так, чтобы эта новая (навязанная только твоим желанием) жизнь, могла получить нужный минимум.

Я говорю спасибо маме и папе. Спасибо, что вы пытались

мне дать всё, что только можно. Но я также с полным правом говорю вам своё «не спасибо» за все разы, когда вы пытались сделать из меня собственность. Не спасибо вам за каждый раз, когда вы говорите, что я должна родить, должна выйти замуж, должна носить красивые платья, а ещё должна гулять со столько и до столько, и только по причине того, что на улице выплодилась целая куча маньяков, которых тоже когда-то родили. Не дали уверенности в себе, не дали понимания личных границ, а ещё той нужной обеспеченности, без которой нищее, обветшалое тело сломило и дух, сделав нравы не животными, а самыми ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ в полном маразме этого слова.

Сейчас я иду по безлюдной улице. Мне немного страшно вот из-за таких несчастных, которые могут повстречаться на пути. Но в тоже время мне приятно чувствовать своё нескованное тело. Пока я иду – я живу... и вопрос: «кто же я?» остаётся с маленькой надеждой на возможность найти ответ.

Неумение жить тесно связано с этим вопросом. Много свободного времени создаёт большой поток мыслей, а они, в свою очередь, пытаются проникнуть в каждую клеточку имеющегося эмоционального опыта. Мы – люди, не можем постоянно быть счастливыми, а тем более несчастными. Нервная система не рассчитана на такие перегрузы. И вот свободное время как раз и становится площадкой, где весь эмоциональный опыт начинает кружить, завывать, создавая впечатление переполненной черепашки.

Неподготовленное «Я» в первую очередь очень болезненно чувствует негативные, упаднические мысли, олицетворяющие научность и логику. Наука вообще убивает наивную романтику, которая так необходима каждому. Под своим утверждением я могу смело расписаться и взять всю ответственность, ведь я человек, который потерял эту беспечность, наивность и светлую глупость, которые защищали меня.

Остаться с Миром вот так обнаженной – значит в первую очередь почувствовать свою уязвимость. Поначалу, когда я раздевалась, я думала, что моя нагота покажет истинную кожу человека. Тогда я наивно считала, что отсутствие стеснения станет заразительным! Что сначала близкие, а потом их друзья, а затем друзья друзей начнут подхватывать эти нотки чистого и понятного. Ведь если посмотреть на это гипотетически, то честность во всём и везде, открытость и помощь во всём, и даже принятие скопившегося неизбежного абсурда, то есть, нашего существования – уже могло бы значить утопию, победу над всем плохим. Но вот я открываюсь людям, отбрасываю ради них романтические маски, показываю себя настоящей. А все эти некогда друзья, родственники, возлюбленные начинают просто ненавидеть меня.

Моя открытость видится им пошлостью. Моя честность выглядит для них как снобизм и дань современной моде. А моё обнаженное тело вызывает у них стыд. Со всех сторон сначала появляются возмущенные косые взгляды, а ближе

к вечеру, когда эти ЛЮДИ имеют возможность скрыть своё социально-приемлемое лицо, тогда уже в мой адрес летят оскорбительные слова: «Ты шлюха!». После слов в голову запускается мелкий щебень, а после и вовсе особо жестокие и закомплексованные люди вываливают булыжник, раздробливающий мои кости.

Поначалу я много плакала. Погружалась в страдание с головой. Такая несправедливость больше всего уничтожала во мне желание. Боль физическая же оставалась падающей тенью от моральной жестокости.

Что я смогла понять? Что рая на Земле никогда не будет; что весь ад мы возводим собственными руками, а попытка одного стать открытой дверью – заканчивается полным его уничтожением.

Этап выживания – самый интересный. Когда я поняла, что не быть мне мною, я попыталась закрыться, стать снова не человеком, а девушкой. Той самой, которая любит готовить, постоянно обсуждает чужие отношения и всё мечтает о крепкой семье.

Признаюсь, в какой-то момент меня чуть ли не стошнило... Какая мерзкая и фальшивая я виделась самой себе. Это невыносимое чувство, каждый день притворяться! Ведь в действительности, всё никогда не может стать как прежде.

Изменивший однажды – снова изменит. Ударивший – снова ударит. А потерявший хоть раз наивность на свой счёт и эту Землю, всегда останется с оголёнными нервами. Мои

нервы оголены. Я сильно чувствую навалившуюся беду, но в то же время вижу в ней и спасение.

Главный проводник через страх – искусство. Или творчество. Каждый называет изрыгание нутра с учётом уровня самомнения. Я никак не называю те полотна, что смею пачкать краской. Иногда мне кажется, что это мои дети, а иногда, когда изображенные образы вызывают животный страх, я начинаю считать их язвой. Неизменная проблема «неумения жить» тесно начинает сплетаться с вопросом: «кто я?» Ведь за неимением вариантов получше, этот кажется самым логичным. Хотелось бы в это верить, но шансы, как и во всём, крайне малы.

Из-за угла переулка появляется Миша. Он начинает идти справа от Даши.

МИША: Когда я впервые взял кисть в руки – я был счастлив. Мне хотелось рисовать натуралистичные пейзажи, а ещё портреты. Удивительна история мастеров, что растянулись своими творениями на многие века, и вот теперь, когда уже не осталось внутренней культуры – эти личности всё ещё висят в музеях, собирая большим дядям монеты.

Утверждать, что ты рисуешь для себя – значит нагло врать. Не важно, что по итогу ты начинаешь иллюстрировать собственное безумие. Каждое вложенное усилие хочет продаться, хочет своего зрителя. И тогда возникает закономер-

ный вопрос: «А тот ли я, кем хочу казаться?» или «я хочу казаться больше, чем быть?» Быть просто собой – уникальная вещь, но только из собственных глаз, ведь для других...

ДАША: я не значу ровным счётом ничего! Наверно, поэтому, стать популярным – одно из ключевых условий для освобождения себя. А кто меня осудит, кто скажет, что семья, что любовь благодарного ребёнка – важнее, тот будет ещё большим эгоистом, чем люди, усомнившиеся в честности такого пути.

Давайте начистоту. Семья – это доступный вариант только для того, чтобы стать важным для кого-то ещё. Нужным! И тогда спрашивается, а в чём различие? Только в сложности. Каждый выбирает свою иллюзию.

МИША: Поэтому, никогда не осуждай других. Никогда. Я знаю, эта тишина впереди меня всё прекрасно слышит. Любой путь Ното видится мне именно в поиске ответа: «Кто же этот я?»

Формулы для счастливой жизни просто не существует. Кто-то заводит большую семью. Кто-то всю жизнь гонится за деньгами. Третий находит наслаждение в извращениях, запрещённых веществах, ничегонеделанье, искусстве, музыке, стихах отдельно, в одиноких прогулках по выходным, в конце концов. Но разве перечисленное не разрушение?

ДАША: Вид постоянно бегающих людей вызывает головокружение. В час пик, когда я спешу на работу, становится очень страшно. Столько биологических машин куда-то спе-

шат, о чём-то думают. И вот я – одна из этих машин, и может быть, именно сейчас кто-то думает про меня ровно то же самое. Мне хочется поговорить об этом несвязанном шквале вещей, но с кем?

МИША: Почему люди так закрыты? Страх, который из поколения в поколение навязывают каждому новому сосуду? Иногда я думаю о том, что отдал бы всё на свете, лишь бы лишиться своего нынешнего опыта, снова стать чистым листом, и вот тогда, я бы не стал приоткрывать дверь в бездну. Сейчас же поздно отнекиваться. Момент упущен. И теперь я могу...

ДАША: только искать. Ворошить каждый сантиметр пространства в поисках излечения. Можно подумать, что речь моя...

МИША: такая несуразная, несвязанная, но это ещё раз доказывает отсутствие фундамента под моими...

ДАША: ногами.

Миша и Даша начинают сближаться к центру, не замечая друг друга. Молодые люди сталкиваются, начиная ошарашенно оглядываться, не в силах что-либо сказать. Она смущенно отворачивается в одну сторону, он в другую (к залу). Сама неловкость порождает желание снова встретиться взглядами, чтобы только сказать:

МИША: Простите.

ДАША: И вы меня...

МИША: Не думал в такое время встретить на улице кого-то ещё, да в такой близости.

ДАША: Соглашусь.

МИША: Вы не сильно ушиблись?

ДАША: Ничуть. А вы?

МИША: Совсем нисколючко... Вы простите меня, но можно вопрос?

ДАША: Задавайте.

МИША: А что вы делаете в такое время на улице?

ДАША: Странно. Мне думалось, что ваш вопрос будет про моё имя.

МИША: М?

ДАША: Что вы спросите, как меня зовут. Ваш вопрос.

МИША: Простите, просто имя – это не так важно для меня. Надеюсь, вас это не обижает, но с точки зрения информативности, мой вопрос о том, что вы делаете в такое позднее время одна – куда более интимнее и острее.

ДАША: А ведь действительно... Тогда как же вы меня окрестили в своей голове?

МИША: Человек. Существо. Сознание. Первые три ассоциации.

ДАША: А вы тогда кто?

МИША: Ровно то же самое, что и вы. Поэтому мне не столько интересно ваше имя, сколько мотивы.

ДАША: Я вышла из-за бессонницы... Да и на свежем воз-

духе думается лучше.

МИША: Как чудесно! Вы очень интересный человек.

ДАША: Вы уже делаете вывод по одному ответу?

МИША: Безусловно!

ДАША: Очень наивно с вашей стороны.

МИША: А вы много знаете людей, которые выходят ночью, только чтобы подумать? Потому как их мыслям тесно в бетонной коробке!

ДАША: Тесно в бетонной коробке... Это вы хорошо сказали.

МИША: Спасибо на добром слове.

ДАША: Меня зовут...

МИША: Не говорите! Прошу вас! Хотите, угадаю?

ДАША: Попробуйте.

МИША: Вас зовут... дайте-ка подумать... Даша?

ДАША: Как! Как вы?!

МИША: Очень просто. Вас назвали одним из распространенных имён. Как, впрочем, и меня. Поэтому имя ничего не значит, понимаете?

ДАША: Вы Миша?

МИША: (смеётся) Вот вы и узнали весь фокус. Не хотите пройти со мной?

ДАША: Почему бы и нет?

МИША: Думать вслух в два мозга куда сподручнее, не правда ли?

ДАША: Ещё не знаю, но не терпится проверить.

Акт четвёртый

Миша и Даша неспешно идут плечом к плечу на зрителя. Поначалу молодые люди молчат, собираясь с мыслями. Привыкают друг к дружке. Тишина длится не более двух минут.

ДАША: Что же вы молчите?

МИША: Простите?

ДАША: Сказали, что будем думать вместе вслух, а сами...

МИША: А я ведь действительно задумался про себя, по привычке.

ДАША: И о чём же вы задумались?

МИША: Да всё о том же: что именно во мне определяет моё «Я».

ДАША: И?

МИША: И единственный ответ – это опыт.

ДАША: Тогда почему вы до сих пор...

МИША: Может, будем обращаться на «Ты»?

ДАША: Почему ты до сих пор думаешь тогда об этом? Ответ ведь найден.

МИША: Всё равно как-то не верится... Своё «я» всегда казалось чем-то более сакральным и сложным, а тут получается, что человек в принципе неиндивидуален. Сама подумай: если опыт получает один, то и аналогичный опыт полу-

чает другой. Всё различие колеблется в деталях: в достатке семьи, в полноценности таковой и в прочем, но структурно – человек неоригинален.

ДАША: И теперь, разве для тебя это что-то меняет?

МИША: Пока тяжело сказать, но что-то внутри немного поугасло, понимаешь? Всю жизнь мы чувствуем неосознанный волшебный трепет. Каждый человек чувствует себя особенным. А потом, в какой-то момент, начинаешь понимать, что, как ни старайся, а ты просто очередная копия. Ничем не лучше любого другого человека. Даже если этот человек сумасшедший или убийца или же наоборот, праведник. Мы все одинаковы и нет среди нас избранных, плохих, хороших. Сейчас мне кажется, что бог не стал бы создавать таких бесполезных существ, чей главный инстинкт – размножение.

ДАША: Забавно. И ты прикинь до чего дошел этот инстинкт, раз так вплёлся в целую социальную эволюцию. Сколько этапов было преодолено, и все мы думали, что это прогресс, что и войны – сподвижник технического прогресса, что увеличение заводов – повод повышать демографию. Но если задуматься, то ведь внутренний червяк всё время давал нам незначительный повод совершить предначертанный грех. Как же теперь появиться новому человеку (и я сейчас не имею в виду физическое рождение). Как родиться новой идее, когда все влиятельные круги, почти все творческие деятели, все нищие духом – не видят изначального краха? Где же величие личности?

МИША: Великая личность одинока. На то она и великая. И в продолжение темы: вся эта зависимость в бессмысленном продолжении рода – отвратительная черта. Но ещё хуже – пытаться освободить человека, лишив его иллюзий. Да... понимаешь? Нельзя освободить человека! Иначе какой хаос нас ждёт? Неприспособленные тушки просто не будут знать, куда деть себя! Что же делать им без иллюзий? А вот мы с тобой... что даёт нам наша точка зрения?

ДАША: Свободу!

МИША: Но в чём она выражается? Ты разве не видишь, мы сами себя заключаем в новые воздвигнутые стены.

ДАША: Что ты несешь?! Это ты думаешь о стенах, вот они и воздвигаются, а попробуй думать о бесконечно спокойном море, и ты увидишь свою безграничность.

МИША: От бесконечности можно сойти с ума. Знаешь, вслух действительно говорить правильнее. Это уже не просто внутренний диалог, а голос из пространства. Уже пытаешься воспринимать себя ушами, созданные для восприятия извне...

ДАША: Ты перескакиваешь с одной темы на другую. Я уже ничего не понимаю.

МИША: Тут понимать особо нечего. Видишь ли... я сам давно не понимаю себя, а свой опыт – тем более. Какая же каша в голове...

ДАША: Миша...

МИША: Какая боль! Как я растерзан всем этим дерьмом!

ДАША: Не кричи, мне страшно.

МИША: Прости, но человек мне непонятен и страшен. Всё в моей голове смешалось... Это – хорошо. То – плохо.

Религии, войны, отношения, надо то, надо сё, пятое, десятое, найди себе друзей, найди девушку, найди работу, найди хобби, начни откладывать на бетонную коробку, переживай за пожилых родных, переживай за собственное здоровье, рак, инсульт, давление, эмоции, шизофрения, анализы крови, подозрительные прохожие, постоянно разлагающийся организм, социальные лестницы, недоверие, беспочвенная несправедливость людей, постоянное движение, отсутствие идеи, старость, боль, сожаление...

ДАША: Мишенька...

МИША: Прости меня за всё это, но я сам не я вовсе. Просто бледная тень. И как тошно мне грузить тебя проблемами, когда у тебя есть свои. Зря мы повстречались.

ДАША: Да мы познакомились пять минут назад, я даже ещё не устала от тебя!

МИША: Какая разница, если по итогу ты всё равно устанешь. И от меня, и от кого бы то ни было. Какая безумная человеческая трагедия – задумываться!

ДАША: Так не думай больше!

МИША: А это никак не получится, пока ещё есть силы дышать.

ДАША: В жизни не просто, Миш, но разве она того не стоит? Разве все спектры удовольствия – не повод не вешать

руки?

МИША: Может и повод, но мне так скучно!

ДАША: Так развеселись, столько всего чудесного вокруг!

МИША: А мне хочется того, чего в этом «всего» нету.

Знаешь, не бери в голову. Хорошо тебе погулять и подумать. Желаю тебе всего самого счастливого и светлого, что ты сможешь найти в себе.

ДАША: Но мы только познакомились.

МИША: А я уже устал, прости. Мне пора в свою кровать. Время притвориться собой.

ДАША: Время. Притвориться. Собой.

Даша растворяется в тени. Под Мишей появляется кровать. Перед зрителем снова оказываются бетонные стены дома и окна. Затем и Миша медленно исчезает под натиском темноты.

На сцену выходит человек в чёрном одеянии, начиная читать стихотворение:

С улыбкой футлярной, перед зеркалом –
стоит человек.

Он видит себя по представлению; видит глаза,
кожу, брови и нос,
но не знает, как выглядит собственное нутро.

Человеку много показывают разных картинок:

с сердцем, почками и скелетом,
а ещё с морем на другой стороне планеты,
которое останется таким же прозрачным и спокойным,
но уже без нас.

ЗАНАВЕС

Комар из трущоб

Жанр: Комедия\драма

Количество серий в сезоне: 8

Продолжительность серии: 40 минут

Логлайн

В альтернативной России существуют вампиры, которые пьют кровь, превращаясь в комаров. Один пожилой вампир решает закончить своё бессмертие, подставившись под ладонь обыкновенного парня. Внук убитого хочет вознаградить молодого человека за свершившийся ритуал, выполнив одно его желание, которым становится бессмертие.

Синопсис первого сезона

Пожилой вампир Владимир, прожив на белом свете ровно 800 лет, решает уйти в загробный мир через древний ритуал, превратившись в комара (именно в такой форме вампиры в альтернативной вселенной пьют кровь) и позволив человеку мужского пола прихлопнуть себя.

Владимир выбирает ближайшее общежитие, чтобы перед смертью насладиться сладкой кровью прекрасной молодой

девушки. Вылетев от неё удовлетворённый, вампир направляется на этаж ниже, где находит скучающего и неопрятного юношу Василия.

Несмотря на будний день, Василий не спешит на работу, на которой занимает должность консультанта. Старый комар садится парню на переносицу, романтично наблюдая медленно опускающуюся руку, ностальгируя о прожитых веках.

Кончину Владимира чувствует его внук, Семён, который также является относительно недавно обращённым. Он знает, дедушка давно планировал свой уход, поэтому радуется за родственника. Своим нутром он чувствует человека, который убил Владимира, поэтому в скором времени молодой вампир планирует закончить обряд добровольного ухода, выполнив одно желание избавителя.

Полноценное знакомство молодого человека с Семёном происходит не сразу. То им мешают полицейские, решившие оштрафовать Василия за распитие алкоголя, то сам Василий пытается избавиться от надоевшего незнакомца, попутно пытаясь вернуть девушку, которая бросила его, узнав об увольнении за очередное опоздание.

Первым «соприкосновением» становится момент, когда Семён помогает Василию сбежать из машины правоохранителей за хулиганство. Испуганный и уставший от собственного клейма «лузера» Василий соглашается пойти в ночной клуб с Семёном за счёт последнего, чтобы хотя бы выпить и немного забыться от навалившихся проблем.

Выгнанные за шкуру пьяные дебоширы оказываются на морозном воздухе, где Семёну удаётся узнать желание молодого человека. Не отдавая себе полноценного отчёта, вампир кусает Василия, даруя бессмертие и соответствующие привилегии, которые откроются перед молодым человеком в новом статусе.

На фоне основной сюжетной линии появляется главный загадочный антагонист, который неведомым способом узнаёт имена скрывающихся вампиров, истребляя тех со своей командой.

После того, как Василий приходит в себя после болезненного обращения, начинается его новая жизнь. Также Семёну назначают вампирский суд, чтобы избрать меру наказания за несанкционированное превращение обычного человека в вампира, а пока время есть, тот должен ввести Василия в курс всех вампирских дел и житейского уклада.

В первые дни Семён покидает Василия, чтобы тот закончил свои человеческие дела. Василий отправляется к маме в психиатрическое отделение, которая симулирует болезнь, чтобы было где жить. Молодой вампир обещает маме, что их жизнь в скором времени изменится в лучшую сторону.

Семён не объявляется ни на второй, ни на третий день. Василию начинает казаться, словно ничего и не было. Время идёт, брошенные проблемы копятся, да ещё и появляется вампирская жажда. Только на 5-6 день объявляется Семён, забирая Василия в его новый дом.

Василию делают новые документы, покупают новые вещи, машину и прочую люксовую атрибутику, делая его достойным вампиром. В ресторане им встречается сородич, который должен будет обучать Василия боевым искусствам. Под конец дня Семён и Василий становятся свидетелями похищения товарища. Погоня приводит к серьёзной аварии, после которой Василий знакомится с вампирской регенерацией.

После обсуждения проблемы в главном штабе, Василий отправляется на обучение. Также он получает свою первую должность в виде мальчика на побегушках. Молодому вампиру приходится мотаться на машине по любым поручениям всех вышестоящих вампиров.

В один из вечеров, приподнятое настроение Василия сменяется гневом, ведь Семён рассказывает о невозможности Василию продолжить общаться со своей мамой, которая осталась человеком. Вопрос о решении проблемы откладывается на неопределённый срок.

Шесть месяцев спустя Василия не узнать. Он приобрёл не только огромный перечень знаний и практических навыков, но и в целом влился в вампирскую жизнь. Втайне он навещает свою маму, которая не узнаёт его, да и вообще заявляет, что её сын умер 4 месяца назад, о чём говорили даже по телевизору. Расстроенный и подавленный Василий покидает маму, больше не надеясь с ней когда-либо пересечься. Ужасный запой заканчивается в вытрезвителе. Оттуда его за-

бирает Семён, заставляя привести себя в порядок и везёт в главный штаб на собственный суд. В виду хорошей интеграции Василия в высшее общество, Семёну делают только выговор, учитывая и причину, по которой Семён посмел нарушить правило.

Также на совещании, из-за участившихся случаев нападения и потери ячеек общества, верхушки планируют открыть отдел по набору новых вампиров, куда и входят Семён, Василий, один из старших вампиров и оборотень с самым низким рангом.

Отец Семёна, прознав о нарушениях Василия, также выносит молодому оборотню наказание в виде работ на побегушках, как в старые добрые.

Пока Василий отбывает наказание разъезжая по просьбам, в новом отделе его замещает Ия, девушка-вампир, в которую Василий влюбился с первого взгляда. Ия уезжает с Семёном по делам, а Василий отправляется к отцу Семёна, который среди общих разговоров вспоминает, что у его друга сегодня День Обращения. Опытный вампир просит Василия отвести своему другу подарок.

Пройдя в дом друга отца Семёна, Василий становится случайным свидетелем разговора между вампиром и тайным гостем, который оказывается тем самым истребителем вампиров. Василий понимает, что друг отца Семёна оказывается предателем. Молодого оборотня замечают, и пытаются убить, но Василий чудом умудряется избежать смерти, ре-

тируясь в лес, на огромном стрессе превратившись в комара. Но радоваться ещё рано, ведь Василию нужно научиться превращаться обратно в человека.

В сцене после титров появится голый Василий возле трупа обычной девушки, где его схватят приехавшие на вызов полицейские.

Сезон 1

Серия 1. Свет в конце общаги

Большая комната в викторианском стиле. Крупный план выхватывает портреты, на которых изображен один и тот же мужчина в нарядах разных эпох вплоть до классического чёрного костюма сегодняшних дней. На фоне играет Франц Шуберт «Симфония №9».

В напольное зеркало смотрится лицо с портретов, которое ни капельки не изменилось. На Владимире тот же похоронный костюм с последнего портрета. Он внимательно изучает себя тоскующим взглядом.

Владимир: Ну всё, пора.

Уверенным шагом он устремляется к распахнутому окну, ловко запрыгивая на подоконник и затем, немедля бросаясь вниз, пропадает из кадра.

На случайного прохожего падает одежда Владимира,

оставляя последнего в недоумении разглядывать распахнутое окно элитного дома, после чего пострадавший забирает вещи себе, быстро ретируясь.

Теперь в кадре нервно летящий комар, маневрирующий между домами проснувшегося города.

Голос рассказчика: Прожив на этом свете 799 лет, вампир Владимир вдруг осознал, что само его нутро требует безвременного покоя. За такой большой исторический отрезок Владимир испытал достаточно эмоций, и повидал столько событий, что можно было с гордостью сказать: жизнь прожита не зря, хоть и не совсем человеческая, инфернальная, но именно эта приписка и сделала её такой выдающейся.

Небольшая нарезка разных исторических событий, где Владимир представляется то в виде военачальника на поле битвы, то тайным советником у главы государства.

Голос рассказчика: 15 июля было выбрано для ритуала не случайно, ведь именно сегодня у Владимира юбилей, а он, как это знали не только родственники по клыку, но и простые люди в правительстве, знающие его как первого заместителя Владимира Емельяновича Салдуйского, просто терпеть не мог подобного рода празднества, особенно в свою честь. Да и 800 лет звучало для Владимира солидно. Несмотря на формальное бессмертие, вампиры на северной широте

были склонны к национальной хандре и высоким философским материям, которые просто не позволяли им упиваться собственным положением вечно.

Комар Владимир добирается до общежития. Влетает в открытое окно третьего этажа, попадая в общий коридор, где туда-сюда снуют разношерстные люди.

Голос рассказчика: Ещё во времена Вещего Олега, заболевшие непонятным недугом, а после скрывающие его, смогли каким-то неведанным доселе способом, одним только своим усилием мысли, превращаться в комаров и именно в такой форме изведывать крови у здорового родственника, не в силах отказаться от быстрого насыщения. Поглощение крови в таком обличие позволило живым людям не заразиться лихорадкой, по выздоровлению от которой они становились нечестивыми. Трансформационное открытие позволило первым вампирам обосновать тайную общину и совместными усилиями остановить ходившую тогда эпидемию.

Комар Владимир, пролетев длинный коридор, находит приоткрытую дверь в комнату, куда тихо влетает. Зрителю показывают красивую молодую девушку, которая в спешке неуклюже собирается на работу.

Голос рассказчика: Также вампиры в чуть более позд-

ние лета познали своё телесное бессмертие, когда как находясь в форме комара их мог прихлопнуть даже ребёнок. Уже современники, начиная с правления Дмитрия Ивановича Донского, придумали ритуал, позволяющий вампиру, по достижению 250-и летнего возраста уйти добровольно от руки взрослого мужчины. Почему именно не женщины, ответ был очевидным, который обозначался тогдашним культурным кодом.

Комар Владимир, сделав пару кругов, садится на открытую часть груди девушки, впиваясь своим хоботком и начиная жадно пить сладкую кровь.

Голос рассказчика: Последним желанием Владимира была кровь юной девы. Такая сладкая, резус фактор положительный, первая группа. Что может быть вкуснее? Разумеется, Владимир, как человек влиятельный, мог бы и попросту пригласить даму на свидание, но уж очень неважко стала ему мирская суета.

Девушка начинает чувствовать зуд, её рука тянется к месту, где орудует комар. Владимир, как опытное насекомое, вовремя чувствует опасность, начиная резко улетать.

Голос рассказчика: Теперь, испив из священного кубка, опьянённый и довольный таким финалом Владимир полетел

искать ближайшего человека мужского пола для завершения своего земного пути.

Комар Владимир вылетает в форточку, планируя на этаж ниже, где видит молодого человека, разлёгшегося на диване и никуда особо не спешащего.

Он влетает без промедления, усаживаясь Василию прямоком на лоб, начиная просто втыкать и вытыкать хоботок.

Василий чувствует неприятный зуд. В отражении телефона, на котором молодой человек листал рилсы, он видит точку на лобу, понимая, что это комар. Его ладонь резко начинает движение в сторону насекомого, в попытке прихлопнуть гада.

Крупным планом показывается сам Владимир, для которого время замедляется, заставляя приближающуюся ладонь двигаться в slowmotion.

Голос рассказчика: В последнее мгновение время для Владимира замедлилось, позволив в последний раз насладиться великим даром, имя которому – жизнь.

Мысли Владимира вслух: Вот он, конец моей истории. Сколько было написано, сказано и пережито. Сколько удивительного поведано. Сколько скорби по родным и радости ощущалось мною. И сколько фрагментов истории тайно прошли через меня. Я ни о чём не сожалею и прошить проще-

ния ни у кого не буду. Ведь однажды понимаешь, что весь этот Мир – просто большая шутка. (отсылка к Комедианту «Watchmen», 2009)

Время возвращается в свою колею. Василий прихлопывает комара, затем с отвращением смотря на руку с большим пятном крови. На лбу распласталось тельце насекомого. Отсылка к «Watchmen» подкрепляется в опенинге композицией Jimi Hendrix – All Along The Watchtower. Появляется название сериала:

«КОМАР ИЗ ТРУЩОБ»

Начинается вступительное знакомство с главным героем Василием, который вяло поднимается с кровати, начиная собираться на выход по делам.

Василий идёт по коридору общаги, неуклюже врезаюсь то в бабуку, то в выволоченный кем-то комод.

На улице динамика неуклюжести продолжается. Василий спускается в метро, где его немного заблёвывает пьяный мужик, которого ведёт полицейский конвой на выход.

В вагоне от Василия все сторонятся, потому как теперь от него исходит неприятный запах. Когда же Василий добирается до работы, то выходит старший по смене. Музыка резко прекращается.

Старший по смене Артур: Не над...! Можешь не надевать бейджик, Вась.

Василий: Привет, Артур. А что случилось?

Старший по смене Артур: Аркадий Павлович просил передать: ты больше не работаешь у нас.

Василий: Да ладно, я же всего на (смотрит на часы) пятнадцать минут опоздал. С кем не бывает?

Артур начинает принюхиваться и кривиться.

Старший по смене Артур: Боже, почему от тебя так ужасно воняет?

Василий: Катастрофическая случайность, не важно.

Старший по смене Артур: Вась (всё ещё кривясь), ты ведь знаешь Аркадия Павловича. Он уже давно высказывал за опоздания. И твою безынициативность. И вечные болезни. Да ты вообще без договора работаешь! Он специально в наши смены приходит ровненько в 9:00, а тебя нет, потому как...

Василий: нужно приходить за пятнадцать минут. Я знаю.

Старший по смене Артур: Тогда ты должен понимать, что ты просто достал уже! Всех... Короче, вот твои бабки (Артур отдаёт Васе белый конверт). Аркадий Павлович попросил тебя больше не приходить.

Василий пожимает плечами. Заглядывает в конверт, пе-

речитывавая купюры.

Василий: Здесь не хватает половины!

Старший по смене Артур: Бери что дают и проваливай, короче. Давай, пожимать друг дружке руки не будем.

Не дожидаясь ответа, Артур уходит за стойку, где акцент смещается на молодого человека с бейджиком «Андрей. Стажер», который вылитая копия Василия.

Василий: Эй, парень-Андрей-стажер, тебя это, вместо меня?

Стажер: Ну.

Василий (себе под нос): Боже, какой урод.

Частный дом за чертой города. Общий план, вид с птичьего полёта.

Ближний план. Свет в окнах выключен.

Следующий статичный кадр. Интерьер. Большая и мрачная кухня, где за столом, с ровной осанкой, восседает мужской силуэт. Он не шевелится и не подаёт никаких признаков жизни.

Женский голос из спальни: Дорогой, ты где?!

Семён (тихо): Я тебе не дорогой.

Женский голос из спальни: Дорогой!

Чуть слышен скрип кровати. Затем звук босых ног по паркету. Молодая девушка заглядывает на кухню, заодно включая свет.

Девушка: Ты чего тут сидишь и лыбишься во мраке?

Семён: Дедушка умер.

Девушка: И тебе... весело?

Семён: Мне... радооостнооо!

Девушка: Он типа с тобой жестоко обращался, но включил в наследство? Тебе кто позвонил? Я даже не слышала звонка.

Семён: Нет, дедушка был чудесным... человеком. А звонил мне... у меня на беззвучном.

Девушка: Тогда чего радостный сидишь такой?

Семён: Свершилось то, чего он так давно хотел!

Девушка: Он этот что ли, [ЦЕНЗУРА]?

Семён: Просто не бери в голову, тебе не то, чтобы не понять, а даже не приблизиться к моей и дедушкиной сущности.

Девушка: Конечно, я ведь просто девка с клуба, которая клюнула на твои дорогие шмотки и смазливую мордашку.

Семён: Не без этого, разумеется.

Семён встаёт с места, отправляясь в комнату одеваться.

Семён: Но есть кое-что ещё, что я не могу тебе объяснить.

Девушка заходит в комнату следом за Семёном. Тот начинает рыться в своих вещах, подбирая подходящий костюм.

Девушка: Не слишком много пафоса, дорогой?

Семён: Прости, я с похмелья и так переживаю утрату.

Девушка: Вы типа свидетели Иеговы?

Семён: Вроде того. Ты не могла бы начать собираться? Я, как истинный джентльмен доведу тебя до ближайшей станции метро.

Девушка (тихо): Козёл, а ты ведь и правда мне понравился.

Семён: Свет... ты ведь Света? Не сердчай, Светулик. У меня, между прочим, горе, а ты тут! Я ведь в шоке! Любимый дедушка покинул меня, да ещё так рано.

Девушка: Я заметила.

Крупный план. Вороная иномарка останавливается у метро на ближайшей остановке в черте города (условная Лобня).

Семён: Эм, спасибо, Света, за ночь, где ты одарила меня своей красотой и страстью. Как только похороню своего дедулю и выйду из депрессии, сразу наберу тебя.

Девушка выходит из машины и говорит в открытое окно.

Девушка: Во-первых, твоя манера речи звучит отвратительно и глупо, по крайней мере сейчас, когда ты показал своё истинное лицо. Во-вторых, меня зовут не Света. А в-третьих, у тебя даже нет моего номера. Давай будем откровенны, такие богатенькие красавчики вроде тебя в этой стране совсем зажрались. Вам плевать на человека, только потребляете и потребляете.

Семён: А что ты хотела? Мы познакомились в главном блядушнике города!

Девушка: Пошел ты!

Девушка злобно удаляется в сторону станции метро.

Семён в пустоту: И я тебе не показывал своё истинное лицо... иначе ты бы меня прихлопнула.

Машина трогается. Камера плавно уплывает вверх, беря общий план.

Где-то в центре Москвы. Василий идёт среди толпы людей. В его руках мороженое и пиво. Двое патрульных полицейских на фоне замечают в руках парня алкоголь, но сразу к нему не подходят, заканчивая отчитывать мужчину нерусской наружности за торговлю в неподобающем месте без ли-

цензии.

Василий усаживается с краю освободившейся лавки у торгового центра, впадая в подобие прострации. Только изредка он откусывает мороженое, затем запивая его пивом. На фоне доносятся какие-то склоки, смешки и прочая бытийная вакханалия.

Ближний план. На Василия падают две большие тени. Когда молодой человек поднимает голову, то обнаруживает подошедших полицейских.

Первый полицейский: Здравствуйте, гражданин. Вы в курсе, что распитие алкоголя в общественных местах запрещено?

Второй полицейский: Часть 1, статья 20.20 КоАП РФ, которая предусматривает наказание в виде наложения административного штрафа в размере от 500 до 1500 рублей!

Василий: Да ладно вам, мужики, я же никому не мешаю. Неужели вы думаете, что всякие малолетки захотят подражать лузеру, сидящему на лавке с лицом опоссума?

Первый полицейский: Не думаю, но всё же...

Второй полицейский: Закон – есть закон!

Василий пристально смотрит на назойливого второго полицейского, затем вопросительно переводя взгляд на первого.

Первый полицейский: Он стажер.

Василий: Ясно. Сегодня прям какой-то день стажеров. Вам случайно в команду третий не нужен?

Второй полицейский: Что вы себе позволяете? Не заговариваете нам зубы. Документы!

Первый полицейский: Вообще-то нужен... постоянный недобор кадров.

Второй полицейский: Документы!

Василий: А то я как раз ищу работу, сами понимаете.

Второй полицейский: Вы оглохли, гражданин?

Первый полицейский: А в армии служили?

Василий: Нет, но размахивать дубинкой и не быть выскочкой (косо взглянув на напарника первого полицейского) вполне могу.

Первый полицейский: Будьте добры всё же предоставить документы.

Второй полицейский: Мы вам штраф выпишем! Ещё и за несвоевременное выполнение требований – самый большой!

Василий достаёт из кармана помятый паспорт, передавая в руки первому полицейскому. Пока тот проверяет, подскакивает Семён.

Семён: Здравствуйте, добропорядочные полицейские. Вы простите моего брата за это (указывает на бутылку), у нас

тут дедушка умер совсем недавно, он расстроен, как и я...

Первый полицейский вопросительно смотрит на Василия.

Василий: Первый раз вижу этого персонажа.

Первый полицейский кивает. Второй полицейский дерзко крутит головой с Василия на Семёна. Первый полицейский, обращаясь к Семёну.

Первый полицейский: Вы попутали. Свободны.

Семён: Да нет же, мы... мы просто разругались с ним. Да. Разругались из-за наследства там, и того, кого же дедушка любил больше. В общем, не обессудьте, мы очень расстроены, поэтому так странно выглядим и необдуманно поступаем.

Первый полицейский возвращает паспорт Василию.

Первый полицейский: Коренной Москвич. Наш.

Василий: Так точно.

Первый полицейский, обращаясь к Семёну: Как брата вашего зовут, говорите?

Семён испуганно смотрит на Василия для подсказки. Тот недоумевающе смотрит в ответ без каких-либо жестов.

Семён: Андреей?..

Первый полицейский забирает из рук мороженое и пиво у Василия, протягивая Семёну.

Первый полицейский, обращаясь к Василию: Вы свободны.

Второй полицейский: И больше не попадайтесь нам на глаза!

Первый полицейский: Не перегибай палку.

Второй полицейский: Впредь больше не нарушайте!

Первый полицейский: Уже лучше. (Далее обращаясь к Семёну). Будьте добры ваши документы.

Семён: Мои?

Первый полицейский: Вы в курсе, что распитие алкоголя в общественных местах запрещено?

Второй полицейский: Часть 1, статья 20.20 КоАП РФ, которая предусматривает наказание в виде наложения административного штрафа в размере от 500 до 1500 рублей!

Василий заходит в торговый центр и направляется на второй этаж. Там, на островке с духами, работает его девушка Люба.

Василий: Привет! Неожиданная встреча, а?

Любовь: Привет, Вась. А ты чего не на работе?

Василий: Да я подумал тут, что хочу чего-то большего и уволился.

Любовь: Ага, рассказывай. Снова опоздал, залипая в телефоне?

Василий: Ничего я не залипал, этот старый козёл уже давно на меня точил всё, что не нужно.

Любовь: Ладно, как скажешь. Будь добр, не мешай мне работать. Не хочу повторять твоей участи.

Василий: У тебя обед когда? Может сходим там перекусить вместе?

Когда Василий говорил, Люба стоит близко. Она чувствует запах изо рта, морщась. В паузе раздаётся бурлящий звук из живота Васи.

Любовь: Ты опять пил своё дешманское пиво с мороженым?

Василий: С чего ты взяла?

Любовь: С того, что ты сейчас обоср... господи, Вася, иди отсюда! Я работаю и никуда с тобой не пойду.

Василий: Да Люб, ну чего ты взъелась? Не делай, пожалуйста, мой день ещё хреневее. И так уже опускаться ниже некуда.

Любовь: Вот именно, Вась... Я не хочу опускаться на дно вместе с тобой. Я устала...

К островку подходит прилично одетый мужчина, начиная заинтересованно изучать ассортимент.

Василий: Давай тогда после работы я зайду за тобой и поговорим.

Любовь: Давай лучше закончим на грубой ноте, Вась. Всё равно твой день не задался. Пусть уж это лучше будет сегодня. Я не хочу давать тебе ложных надежд. Не люблю тебя, идиота тупого, и всё тут! А теперь мне пора. Как и тебе, судя по звукам...

Василий тихо: Люб... ну чего ты?..

Люба уже отвернулась от Василия, начав консультировать клиента.

Василий тихо: Я ведь люблю тебя...

Живот начинает неистово скручивать. Василий, со слезами на глазах, бежит в сторону туалета.

В уборной у писсуара стоит Семён. К зрителю он стоит спиной. Его не должны сразу узнать.

Василий забегает в неопрятную кабинку, начиная делать свои дела, но без лишних пошлых и низкосортных звуков испражнений. Только если совсем немного для конкретизации действия.

Когда Василий, наконец, выходит, его лицо предстаёт перед зрителем слегка заплаканным. Молодому человеку жалко самого себя. Не только по причине, что его только что бросила девушка, которую он действительно любил, но и в целом из-за понимания собственной никчёмности.

Выражение Василия сменяется на враждебное, когда мужчина у писсуара поворачивается, оказываясь Семёном.

Василий: Опять ты!

Семён: Мы так и не поговорили, извини. А ты чего со слезами? Вроде не так сильно тут и в...

Василий: Не поговорили? А должны?!

Семён: О, ещё как, ты и не представляешь!

Василий: Послушайте, мне плевать, что вы сумасшедший. Я даже не буду звать легавых, но оставьте меня в покое. Мне сейчас не до идиотских игр безумных шляпников!

Василий энергично выходит из туалета, направляясь в сторону работы своей уже бывшей девушки.

Семён: Да погоди ты!

Семён семенит за Василием. Василий у островка сразу накидывается на Любовь, которая консультирует презентбельного мужчину в уже приличных летах.

Василий: Люба, давай поговорим! Давай не совершать ошибок!

Любовь: Уйди, я прошу тебя! Покупателю: Прошу вас извинить молодого человека, он сейчас уйдёт.

Василий: Я никуда не уйду! Понятно?! Люба, бери обед и пойдём, нам надо поговорить, понимаешь? Я никуда отсюда не уйду, пока ты не объяснишься!

Любовь: Будь ты неладен, идиот! Оставь меня в покое! Кто-нибудь, позовите охрану!

Василий начинает перелезть к Любе прямо через стеклянную витрину. За ногу его хватается Семён.

Семён: Ты чего делаешь, любовничек? Тебя ведь сейчас загребут! Не видишь, она не хочет с тобой общаться. Не сходи с ума, ты ведь только что сказал, что не хочешь путаться с сумасшедшими!

Василий: Отпусти, псих! Чего ты ко мне привязался?! Аааа!

На фоне появляются двое охранников, которые бегут на помощь.

Любовь: Послушай своего дружка!

Василий: Он мне не дружок! Люба, ты мне нужна, прошу тебя!

Семён поворачивает голову в сторону охранников.

Семён: Ну, парень...

Смена кадра действия. Семён и Василий на заднем сиденье полицейской машины.

Семён: ...молодец.

Василий: Вот чё ты ко мне пристал, а?!

Семён: Разговор есть, причём очень серьёзный.

Василий: Кто тебя подослал? Я ведь... я обычный неудачник, разве не видишь? Я никому не перебежал дорогу. Аааа, понял, ты коллектор?

Полицейский с переднего сиденья: Тише там!

Семён: Да вижу я, кто ты. По-твоему, коллекторы выглядят также стильно как я?

Василий: ...Вроде нет.

Семён: Я никогда их и не видел, но если эти ребята одеваются также, то работёнка у них очень даже прибыльная.

Василий: Просто скажи, что тебе нужно и закончим на этом!

Полицейский с переднего сиденья: Вы что, бакланы, совсем карты попутали?

Семён: Тут неподходящее место... да и нужно понять, с чего начать...

Василий совсем тихо: Ну так начни уже хоть с чего-нибудь, время у нас походу есть.

Полицейский с переднего сиденья: Ещё как есть, голубчики. Но наговоритесь вы в камере, а сейчас заткнулись живо! У меня таких как вы десятки на дню, голова уже... кругом...

Семён: О чём бы ты мечтал? Только без лишних вопросов.

Василий: Чего?

Семён: Ну тачку там, хату в центре, бабки, чего?

Василий: Ты точно шизанутый!

Полицейский с переднего сиденья: Так, вы меня достали, сосунки! Обращаясь к напарнику за рулём: Припишем-ка этим ребятам сопротивление, что скажешь?

Полицейский достаёт электрошокер. Включает его, начиная агрессивно размахивать перед лицом задержанных, но не доставая.

Василий (с испугом): Я буду молчать, буду молчать! Уберите!

Семён: Вы превышаете свои полномочия, за это можно жестоко поплатиться. Последний шанс.

Полицейский за рулём: Андрюха, они что, угрожают особоуполномоченным?!

Василий (в панике): Я молчу и полностью подчиняюсь,

не надо меня вписывать к этому ненормальному!

Полицейский с переднего сиденья (с электрошокером): Угрожают! Ещё как угрожают, это уже срок от года!

Семён: Вы сами напросились...

Семён начинает сосредотачивать свой взгляд на полицейских. Машина медленно съезжает с дороги на обочину. Полицейский с электрошокером обмякает, не успев развернуться от арестованных.

Василий (с ещё большей паникой в голосе): Ты что наделал?! Ты кто такой, чёрт тебя дери?!

Семён: Считаю меня гипнотизёром. А теперь пора валить, пока они без сознания.

Василий: Какой валить?! Нас вычислят, ты это понимаешь?!

Семён: У меня нет времени на твою истерику.

Семён открывает дверь со своей стороны, выбираясь из салона.

Семён: Чего сидишь? Пойдём скорее! Ты и так уже достаточно сегодня налажал.

Василий: Я никуда не пойду! Всё объясню легавым, и они меня просто оштрафуют, а тебя, псих, точно не ждёт ничего хорошего...

Семён (угрожающе): Тебя не отпустят, и ты влипнешь в такую историю, что... не позавидуешь. Живо вылезай и давай сматываться, последний раз предлагаю!

Василий вроде ещё стоит на своём, но выражение лица сменяется неуверенностью. Терпение Семёна лопается. Он берёт парня за шиворот, вытаскивая из тачки.

Василий: Ты чего делаешь?! Отвали!

Семён: Дубина, я тебе сейчас всё объясню. Побежали!

Совсем потерянный Василий волочится, периодически спотыкаясь и чуть ли не падая, за Семёном, который держит того за ворот. Молодые люди добегают до подворотни, где теперь можно отдышаться.

Семён: Советую впредь слушаться меня.

Василий: Из-за тебя меня теперь точно посадят! А я даже не успел посмотреть «Большой Стэн», всё откладывал...

Семён: Послушай меня. Эй! Послушай... Я дал взятку.

Василий: Что?

Семён: Я дал взятку им, пока ты истерил и быстро договорился разыграть тебя. Чисто посмеяться и проучить. Так что никто тебя не будет разыскивать.

Василий: Не верю...

Семён: То есть, на твой взгляд, куда логичнее, что я ве-

ликий гипнотизёр-убийца?

Василий: Это просто сон...

Василий начинает щипать себя за лицо, морщась от боли.

Семён: Понятно.

Василий: ...

Семён: Поднимайся!

Василий: ...

Семён: Поднимайся, кому говорю!

Василий: Зачем? Я скоро проснусь и отправлюсь на свою ненавистную работу, а затем зайду к Любе, которая меня любит. А ты, конечно, интересный, в контексте сна, но уже достал конкретно.

У Семёна не выдерживают нервы. Он берёт Василия за грудки резко поднимая того на ноги. Василий безучастно смотрит на это пустыми глазами.

Семён: Какой же ты мягкотелый и жалкий!

Василий: А то я не знаю.

Семён: Хватит! Давай, знаешь, что?..

Василий: ...

Семён: А погнали в клуб за мой счёт?

Василий: Клуб? Мы что, в начале 2000-х?

Семён: Тебе не всё-ли равно, если я угощаю?

Василий: ...

Солнце уже начинает садиться. Действие разворачивается где-то в пригороде без конкретного обозначения. Крупным планом пятиэтажка с открытым окном на первом этаже, откуда вылетает комар, заворачивая в нелюдимый переулок.

Женский голос из окна: Чёрт, меня опять покусали, смотри! Вон, как рука опухла...

Мужской голос из окна: Чтоб у этих комаров понос был веки вечные, сволочи!

Женский голос из окна: Почему эти твари прилетают? Ведь уже москитная сетка стоит!

Мужской голос из окна: А я знаю? Слишком мелкие походу, просачиваются...

Женский голос из окна: Ненавижу лето. Скорее бы зима, чтоб падлы эти передохли.

Мужской голос из окна: А я вот слышал такую тему, что если не двигаться и не гнать комара, то они взрываются! У них, типа, чувства насыщения нет.

Женский голос из окна: Пока эти паскуды напьются, я вся раздуюсь... Закрой окно.

Мужской голос из окна: Зая, ну жарко ведь.

Женский голос из окна: Закрой чёртово окно!

Мужской голос из окна: Да чё ты сразу орать-то, а?! А если я?..

Окно с шумом закрывается. Теперь бытовой срач переходит в фоновый режим. Из нелюдимого переулка выходит довольный мужчина 35-ти лет. Одет он богато, да и зритель в целом понимает, что данный гражданин не из этих спальных районов. Мужчина (Богдан) направляется на противоположную улицу, где припаркован его BMW.

Богдан садится за водительское место. Заводит мотор. С заднего сиденья всплывает фигура в чёрном одеянии. Балаклава полностью скрывает лицо. Холодное дуло пистолета прижимается к краю головы.

Богдан (испуганно): Простите?

Незнакомец: Бог тебя, наш всемогущий, простит, тварь.

Богдан: Вам нужны деньги? Машина? Забирайте всё, только не убивайте.

Незнакомец: Давай-ка ты сейчас просто поедешь куда я скажу, а там поговорим спокойно.

Богдан: Послушайте, ну какой из меня водитель? Вы напугали меня до чёртиков. Так и врезаться можно ненароком...

Незнакомец: Послушай меня, умник, не усугубляй ситуацию. Рассусоливать будешь на том свете, а сейчас давай на педаль дави.

Немного замешкав, Богдан всё же решает выполнить при-

каз злоумышленника. Машина трогается с места.

Богдан: А куда, собственно, рулить?

Незнакомец: На Петровскую выруливай, затем, не поворачивая на МКАД, по Шушенской, а там дальше сориентирую.

Непродолжительное время мужчины едут молча.

Богдан: Можно узнать, что вам от меня нужно?

В зеркало заднего вида Богдан видит машину без каких-либо обозначений, которая садится им на хвост.

Незнакомец: Да так, чисто поговорить по душам.

Богдан: Это шутка? У вас пистолет дышит мне прямо затылок.

Незнакомец: Только в угоду безопасности.

Богдан: Это вы-то в опасности? Мир совсем уже, похоже, сошел с ума.

Незнакомец: Ты мне зубы не заговаривай. Удумаешь что выкинуть – парни из вон той тачки (головой кивает в сторону хвоста) с тобой уже не так будут церемониться.

Богдан: Так о чём разговор?

Незнакомец: О том: чёрт ты из табакерки или нет? Если нет, то уедешь домой живым и здоровым. Я даже извинюсь

перед тобой и дам конфеток в дорогу. А окажешься чёртом – голову с плеч.

Богдан: Интересно у вас выходит. А судья тоже вы? Да и вообще, каким это я чёртом могу ещё оказаться?

Незнакомец: Ты комедию мне тут давай не ломай. Всё и сам прекрасно знаешь. Уж извини, но моя работа – истреблять выродков.

Богдан: Но я ни в чём не провинился!

Незнакомец: Это мы ещё посмотрим...

Машина начинает незаметно набирать скорость.

Богдан: Вы меня точно не убьёте?

Незнакомец: Точно, если окажешься простым-богатым парнем, который что-то нечаянно забыл в глуши.

Богдан: Да я к бабушке своей заезжал. Можем вернуться и я вас лично познакомлю.

Незнакомец: Да-да. Рули давай и смотри на дорогу повнимательней.

Машина ощутимо разогналась, что заметить уже было невозможно.

Незнакомец: А ты куда это р...

Вместо ответа Богдан выкручивает руль одной рукой в

ближайший столб, второй расстёгивая ремень. Незнакомца сильно дёргает в сторону и пуля, выпущенная на рефлекс, попадает не в затылок Богдана, а в крышу.

От удара Богдана выкидывает через лобовое стекло. Незнакомца же оглушает, плюсом травмируя ногу. От сильного удара он не сразу приходит в себя.

Богдан, весь в осколках, грязный и помятый, пытается сбежать с места аварии, попутно доставая телефон, чтобы кому-то позвонить, но тот оказывается полностью разбитым.

Богдан: Проклятье!..

Мужчину догоняет страховочная машина. Сначала она сбивает Богдана с ног, затем задним ходом переезжая мужчину по ногам. Из машины выходят трое неизвестных в аналогичных чёрных костюмах, как у первого незнакомца. У одного из группы в руках обнаруживается бензопила, которой тот проходится по шее заложника, не отрезая её до конца (сцену зацензурить).

Тело Богдана мужчины в чёрном закидывают в багажник. За это время из покорёженной BMW выползает раненный незнакомец, направляясь к своим. Теперь команда захватчиков в полном сборе. Они усаживаются в машину, уезжая по ранее указанному направлению.

Заброшенное здание гаражей. Вид изнутри. Кадры выры-

вают кусок неба, виднеющегося из огромной дыры над головой.

Группа незнакомцев в чёрных костюмах сгруппировались в одном месте. Маски подняты. Кто-то курит, кто-то перекушивает. Лица остаются в тени.

Крупным кадром берётся связанный Богдан в углу, чья, казалось бы, очевидная смерть подвергается сомнению, ведь на месте рваной раны с шипением образуются новые клетки. Хотя Богдан ещё не в сознании, но регенерация идёт полным ходом.

Крупный кадр на главного незнакомца и на одного из его союзников.

Главный незнакомец: Паскуда. Чуть не убил меня...

Собеседник: Надо было сразу пулю в лоб без лишних вопросов. Не понимаю, зачем мы с ними сюсюкаемся?

Главный незнакомец: А если бы мы ошиблись? Представляешь какое горе тогда семье?

Собеседник: Мы не ошибаемся.

Главный незнакомец: Ошибаемся. Ещё как... бывает. Представляешь, если бы человечество опиралось только на свои поверхностные догадки?

Собеседник: А разве не так всё и работает?

Главный незнакомец: (задумался)... В любом случае мы не можем рисковать. Мы ведь не убийцы.

Собеседник: Да-да, дезинсекторы...

Главный незнакомец: Я что-то не понял, ты что, засомневался в наших принципах?

Собеседник: Никак нет, просто этих гадов мы уже за версту чуем... можно было и подсократить траты на сюсюканья.

Главный незнакомец: Ага, скажи это Светлане. Помнишь? Год назад.

Собеседник: Да она была всё равно из этих (показывает взмахи бабочки), не велика потеря.

Главный незнакомец (начиная злиться): Знаешь что!..

(Фразу обрывает стон очнувшегося Богдана. На фоне другие незнакомцы говорят на свои отстранённые бытовые темы)

Главный незнакомец испытующе смотрит на товарища, затем направляясь в сторону заложника.

Главный незнакомец: Ну что, голубчик, есть что сказать?

Богдан, потерявший былой тон невинности: Да что тут сказать? Сволочи вы!

Главный незнакомец: Это от чего же?

Богдан: Убийцы!

Главный незнакомец: Извини, а разве ты человек?

Богдан: А ты разве не видишь?

Главный незнакомец: Сейчас я вижу только мутанта... тварь, которая насыщает себя кровью. Вампир.

Богдан (смеётся): Какой же ты всё-таки тупой. А я о тебе слышал, кстати. Неудержимый ты наш.

Главный незнакомец: И что рассказывают?

Богдан: Да что ты втюхал в свою маленькую коробочку идею о зле туда, где зла нет и теперь творишь беспредел.

Главный незнакомец: Какой ужас...

Богдан: Тебя поймают, тварь и ты ответишь за каждого убитого товарища!..

Главный незнакомец: Тварь здесь только ты, понял, тварь? Это, во-первых. А теперь, несмотря на то что ты выдал своё истинное лицо, я всё же проведу полную процедуру по уставу, ведь только так можно сохранить закон и порядок. Но тебе, вонючий кровопийца-домушник, этого не понять.

Богдан: Ты соришь в аду, безумец. Под тебя уже копают, и очень давно. Скоро вас и ваши семьи! (Тут Богдан кричит, чтобы вся шайка услышала) будет ждать жестокая расплата!

Главный незнакомец: Как скажешь. (Обращаясь к своим). Дайте инъекцию! (Снова переводя взгляд на Богдана). И мухобойку!

Громкая клубная музыка. Огни разных цветов пронизывают темноту, заставляя пьяных и обдолбанных людей неистово танцевать.

Среди общего безумия на баре вырисовывается фигура

пьяного Семёна, к которому из толпы выныривает не менее пьяный Василий.

Василий показывает бармену указательный палец, тот вопросительно кивает (что конкретно тебе подлить?). Молодой человек показывает на стакан Семёна.

Семён: Ну как тебе тут, а? Двухтысячные.

Василий: Очень! Очень даже!

Семён: А говорил, а базару-то сколько!

Василий: Я там одну (показывает в середину толпы) потрогать успел, её парень возможно прикончит меня!

Семён: Ничего. Мир немного потеряет!

Василий: Ага!

Бармен ставит перед Василием заказанную выпивку. Семён более элегантно просит повторить себе.

Василий залпом осушает стакан. Глаза его превращаются в два удивлённых круга. Он начинает кашлять.

Василий: Ну и... ну и дрянь ты пьёшь! Как там тебя...

Семён: Просто ты ещё сопляк.

Из толпы выныривает рассерженный мужик. Проходится по всем взглядами, выискивая Василия. И как только видит его, сразу бросается.

Семён: Опа...

Семён отворачивается к барной стойке. Разъярённый и тоже пьяный мужик начинает мутузить Василия. Рядом стоящие девчонки заходятся визгом, а парни просто смотрят.

Бармен, обращаясь к Семёну: Своему другу не собираетесь помогать?

Семён поворачивается в сторону драки, затем снова переводит внимание на бармена.

Семён: Он мне не друг. И так на халяву сюда прошёл, пусть будет уроком, как руки распускать.

Вырисовываются охранники, которые разнимают зачинщика и Василия, утаскивая обоих за собой.

Семён, видя это, расплачивается за выпитое и направляется следом. Что-то шепчет охраннику, суя в карман крупную купюру. Охранник только пожимает плечами, передавая Василия в руки Семёна.

Ночная улица. Семён аккуратно скидывает с плеча Василия, облокачивая того о бетонную изгородь у реки. Закуривает. Садится рядом.

Василий: Где музыка? Я хочу танцевать...

Семён: Натанцевался ты уже. Теперь дыши свежим воздухом.

Василий: Свежим? Да тут несёт неприкрытым дерьмом...

Семён: Может ты и обгадился?

Василий: Может, а может жизнь и в целом отдаёт душком.

Семён: Не вешай нос, вроде неплохо время провели.

Василий: А толку-то? Тебе всё хиханьки, да хаханьки, мажор хренов. А мне завтра возвращаться в Мир, где снова нюхать непотребство...

Семён: Посл...

Василий: Притворяться! Изображать активность! Куда-то бежать. Снова перед идиотами разыгрывать сцены: «О да, я так хочу работать на вашем сраном складе. Всю жизнь мечтал быть грузчиком, чтобы через пять лет мне сорвало спину и да, девчонки ведь так и липнут на вот таких вот крутых работяг». Да, как там тебя, Семён? Мажорик ты мой ненаглядный. Понять ли тебе, что значит разгребать говно голыми руками? Вечно иметь сраные кредиты, обязанности, постоянно сталкиваться с несправедливостью и потом в общественном транспорте. Не об этом мечтает человек, понимаешь?

Семён: Ты меня даже не знаешь.

Василий: А что тут знать? Всё очень просто. Такие, как

ты, Семён, без обид, но буквально... штампованы! Смотри, сейчас я расскажу всю твою жизнь и если в общих чертах это не так, то можешь хорошенько врезать мне!

С самого детства ты не знал слова «нет». Родители тебе всё разрешали. Готов поспорить, что и прислуга у тебя была, которая мыла полы, посуду и меняла бельё.

Каждый год вы дружной семьёй гоняли по разным странам, где ты получал отличный загар, море позитива и привозил море впечатлений. Единственной загвоздкой только был факт, что ты учился с такими же мажорами и их было тяжело удивить подобным, поэтому как минимум один обычный друг у тебя точно был. Простой такой парень, для которого ты был авторитетом.

В довесок красавец. Подрос, девчонки тут сразу на тебя и вешались. О да! Ещё и отличник весь из себя. Ну просто золотце, а дальше купленный диплом, тачка и дом в подарок, и доля бизнеса бати. Вот ты и красавчик сейчас тут угощаешь такого мудака никчёмного, и думаешь, наверно, что что-то хорошее сделал, а на деле ещё больше меня в грязь втоптал, напомнив, кто какое занимает положение. Радует только одно, что все мы, не в зависимости от уровня жизни, в итоге окажемся мёртвыми... Ну, что скажешь, Вася заванговал?

Семён долго отстранённо смотрит в одну точку впереди себя. Затем немного приподнимается, садясь на корточки и резко вмазывает Василию по лицу. Тот перекатывается на-

бок, начиная охать.

Семён: Во всём ты попал в точку, кроме одного: умру я не так, как все, если вообще... соберусь.

Василий: Да неужто ты так набрался, что возомнил себя Богом?

Семён: Никакой я не Бог, даже не близко. Но судьба у меня и у подобных мне немного другая.

Василий: И какая же? Ты так загадочно говоришь бред, словно принадлежишь к семейству Калленов.

Семён, усмехаясь: Ты просто не представляешь, насколько ты близок к правде.

Семён резко хватает Василия за грудки, поднимая на ноги. Начинает трясти парня.

Семён: Живо отвечай, чего ты хочешь в этой жизни?!

Василий: Отпусти меня, больной!

Семён: Шутки кончились, ты меня задолбал уже, вывел вон из себя! Не будь мямлей, чётко и ясно, ну? Чего?! Представь, что я сраный Джин! Ну? Чего?!

Василий: Да того же, чего и все! Бабки! Успех! Красивую жену! Жить вечно, в конце концов, чтоб не подохнуть от болезни в муках. Но какая тебе разница с моими мечтами, если им не суждено сбыться?!

Семён с задумчивым видом: Тут ты ошибаешься, бра-

тец... Жену, конечно, не обещаю, а вот остальное...

Василий: Хочешь меня в прислуги записать?

Семён: Лучше.

Неожиданно Семён выкручивает Василию руку, кусая в локтевой сгибатель. Василий не верит собственным глазам. Немой крик. Затянувшееся мгновение, и молодой человек одёргивает руку, отстраняясь от Семёна на три широких шага.

Василий: Ты что только что сделал? Мразь...

Семён: Отдал должок за деда своего.

Василий: Какого, мать твою, деда?..

Семён: Потом объясню, сейчас не успею.

Василий хватается за руку, кривясь от боли.

Василий: Почему так жжется?..

Семён: Потому что в тебе мой яд.

Василий: Какой ещё... яд...

Семён: Похоже ты совсем тупой.

Василий падает замертво. Титры.

Конец первой серии.

Серия 2. Совсем не новая жизнь (синопсис)

Василий просыпается связанным в подвале. Семён в общих чертах поясняет за вампиров. За совершенный поступок Семёна отчитывает отец, который занимает высокую должность, и сообщает, что того будет ждать суд.

Далее Семён знакомит Василия с главным зданием и разными вампирами, находящимися в нём, где Василию попадает девушка, в которую он сразу влюбляется.

После знакомства Семён подкидывает Василия к психиатрической больнице, где тот навещает свою мать, сообщая ей, что теперь он сможет вытащить её отсюда; что скоро их жизнь наладится.

Группа вампирской полиции обнаруживает тушку комара (своего собрата).

Серия 3. Началось (синопсис)

Василий просыпается в комнате общаги. Ничего необычного. Парень решает пойти в какой-нибудь закуток, попытавшись раскрыть какие-нибудь вампирские силы или фишки (пародийная копипаста сцен из фильма человек-паук). Там его побьют гопники.

Последуют дни, где Василий посчитает, что всё ему приснилось, ведь доказательств произошедшего нет. Семён пропал.

На Василия сваливаются проблемы в стиле неуплаты за комнату. Парень начинает судорожно искать работу, но его везде поджидает фиаско.

В один из дней его начинает ужасно лихорадить, это ломка по крови. К вечеру Василий слышит за окном гудок. Выглянув, он обнаруживает Семёна, который приехал за ним.

Серия 4. Вампирский косметический ремонт (сиквел)

Семён даёт Василию немного донорской крови, объясняя своё недельное отсутствие желанием выкроить Василию время, чтобы тот закончил свои человеческие дела.

Семён отвозит Василия загород, показывая временный частный дом Василия, который ему выделили до тех пор, пока парень не обживётся и не станет полноценным членом вампирского общества.

После Василий и Семён едут в город, покупая Василию дорогие шмотки и всё такое. Также открывают ему счёт. Василий предлагает отпраздновать.

В ресторане молодым вампирам встречается «соотечественник», который должен стать одним из учителей Василия по рукопашному бою.

Когда компания решает разъехаться по домам, то Семён и Василий становятся свидетелями, как их товарищ уезжает на своей тачке под дулом пистолета. Начинается погоня, в

которой Василий и Семён (Семён успеет отправить голосовое сообщение своим) попадут в страшную аварию.

Серия 5. Реальность полна разочарований (синопсис)

Изуродованные Василий и Семён в разбитой машине. Звуки полицейской и скорой. Ребят достают МЧС-ники, отправляя сразу в карету скорой, в которой врачи оказываются вампирами. От Семёна и Василия идёт сильный пар. Тут Василий знакомится с вампирской регенерацией, где придётся ещё попить крови для восстановления.

Скорая доставляет ребят в главный штаб, где ведётся беседа по поводу происшествия. Начинается экспозиция. Василию рассказывают об организации (всё что о ней известно), которая истребляет вампиров по одиночке. Также упоминаются и другие кланы, с которыми есть напряги, но соглашение сдерживает прямые конфликты.

Василий отправляется на обучение по истории вампиров, после чего его назначают на должность местного почтальона (мальчик на побегушках).

Вечером Василий общается с Семёном. Он говорит, что рад своей новой жизни и спрашивает, когда же сможет перевести свою маму в новый дом. Семён объясняет ему о невозможности привести человека, и что ему и вовсе нельзя с ней больше общаться. Возникает конфликт и расстройство. Во-

прос откладывается на потом.

Серия 6. Хищник в теле (синопсис)

Шесть месяцев спустя.

Зрителю показывают обновлённого Василия, который на уроке по рукопашному бою показывает высокие навыки. Даже визуально Василий перестал походить на того пацана, которым он был.

У Василия появился новый дом, а также и обязанности. Теперь в паре с Семёном он разъезжает по разным важным делам, решая внешние вопросы вампирского общества.

Увидев Юю, Василий набирается храбрости пригласить её просто погулять и потусоваться. Девушка не против.

Василий заезжает за ней, и они вполне прилично и мило проводят время. Ия даже приглашает героя к себе, но Василий отказывается, сославшись на дела.

Главный герой переодевается, втайне отправляясь в гости к своей маме. В мешке для неё он подготовил огромную сумму денег.

При встрече мама не узнаёт Васю, сославшись на то, что её сын умер. (Окажется, что вампиры инсценировали смерть Василия, официально вычеркнув его из системы людей). Василий уезжает расстроенный и напивается.

Серия 7. Всем встать, суд идёт! (синопсис)

Из вытрезвителя Василия забирает Семён, попутно спрашивая, что же произошло. Между уже друзьями возникает конфликт и доверенный разговор. Семён везёт Василия домой, заставляя товарища привести себя в порядок, ведь они сейчас поедут на суд.

Василий удивляется, неужели его проступок так быстро взяли на рассмотрение? На что Семён отвечает, что этот суд посвящён не Василию, а ему, Семёну.

На заседании Семёну выносится помилование с учётом успехов Василия и тем, что популяцию действительно необходимо повышать.

Предлагается создать специальное подразделение, которое этим и займётся. Семёна и Василия вписывают в эту сферу, приставляя ещё одного рядового вампира (который будет ходить под Василием) и второго старшего, который возглавит подразделение.

Далее отец Семёна приглашает Василия на разговор, объясняя причины, по которым рвутся прямые родственные связи с человеческими особями. Всё строится на устаревших правилах. Наказание Василия будет состоять в дополнительной работе мальчика на побегушках.

Серия 8. Предательство (синопсис)

Василий разъезжает по домам, занимаясь мелкими пору-

чениями. У дома Семёна он встречает друга и Ию. Выясняется, что Семёну поручили какое-то дело, и Ия вызвалась заменить Василия, пока тот не отработает своё наказание и не вернётся в обойму.

В доме отца Семёна молодой человек разговаривается с опытным вампиром. Они немного пьют, отец Семёна посвящает Василия в некоторые подробности, после вспоминая, что у одного из высокопоставленных вампиров-друзей сегодня День Рождения (день перевоплощения). Вампир просит Семёна доставить тому подарок, какое-то трёхсотлетнее вино, закрученное собственными руками ещё в юности.

Василий отправляется выполнять просьбу. У дома вампира-именинника никто его не встречает. Василий отправляется на поиски по территории, обнаруживая хозяина за разговором с неизвестным мужчиной. В ходе подслушивания Василий узнаёт, что высокопоставленный вампир оказывается предателем, дававшим наводки неизвестному мужчине, который и есть главный антагонист, истребляющий «клыкастых». Также он с ужасом узнаёт, что наводка предателя направлена на Семёна и Ию.

Тихо уйти и предупредить друзей не получается, Василия замечают. Истребитель вампиров начинает погоню. Василий убегает в лес. Антагонист почти ловит парня, но тот на стрессе умудряется превратиться в комара и улетает, не позволив прихлопнуть себя.

Сцена после титров

Отец Семёна на собрании заявляет, что Василий вот как неделю пропал и что, скорее всего, его могут найти мёртвым, как и его сына. А вот Ия сбежала, она находится теперь под подозрением.

Затем отцу сообщают, что Василия нашли где-то в лесу рядом с трупом обычной неизвестной девушки. Василий наконец смог найти способ превратиться обратно в человека, но его скрутили обычные полицейские по подозрению в убийстве.

ЭДИПОВ ЯЗЫК

Действие 1

Тёмный экран. Слышно, как свистит закипающий чайник. Темный экран медленно рассеивается, открывая зрителю (крупным планом) фрагмент чайника. Камера медленно отъезжает. Рука берёт чайник за ручку. Кадр со спины. Главный герой пытается налить кипяток, но поднявшийся пар из-под неплотной крышки обжигает ему руку. Слышно приглушенное: «бля»

Г.Г. берёт рукавичку. На этот раз ему удаётся залить себе чай. Зритель видит кухню общим планом. На столе стоит шахматная доска, партия давно в разгаре [1].

На стуле, с противоположного края, сидит молодой человек (на нём старая одежда, он особо не следит за своим внешним видом). Он напряженно изучает шахматную доску. По правую руку стоит демитас.

Не отрывая взгляда от доски, молодой человек делает глоток и, ставя кружку на место, переводит взгляд на Г.Г., который как раз усаживается на противоположный стул. Г.Г. не смотрит на друга, он изучает доску, снова вливаясь в игру. Тишину раздумий прерывает противник:

«Ты мне вот что скажи: Сартр или Камю?» (короткая пауза)

за) Абсурдность человеческой жизни для мыслящего сознания или борьба до последнего вздоха, несмотря ни на что?»

Г.Г. делает ход королём, уходя из-под удара ладьи [2]. Дует на горячий чай, делает глоток. Взгляд переводит на друга (секундная задержка), затем смотрит в окно, размышляет, и снова уставляется на доску, и только затем отвечает:

«Я удивлён, как ты еще не начал задавать вопросы из разряда: зло или добро? Чёрное или белое?»

Г.Г. кидает секундный взгляд с прищуром на один глаз со скрытой усмешкой. Друг допивает содержимое. Из-под стола достаёт бутылку (выпитого наполовину) пива. Подливает себе, одновременно продолжая разговор.

«Цвет тут не при чем, друг мой, как и добро со злом. Ты и сам прекрасно знаешь, добро и зло зависит от точки смотрящего. Я задал простой вопрос!»

Взглянув бегло на доску, он делает шах второй ладьёй [3]. Г.Г. никак не реагирует на такой выпад, он слишком очевиден. Немного подумав, съедает королём пешку [4].

«Твой вопрос непростой. Лучше на доску смотри, да и пил бы ты поменьше».

Друг раздраженно смотрит на короля и с досадой на потерянную пешку. Затем, поспешив, ставит шах конём [5].

«Не будь моральным уродом, ответь. Я ведь не отстану – это уже дело принципа».

Делает глоток из своей кружки, и уже не думая над игрой, смотрит на Г.Г. выжидающим взглядом.

Г.Г. тоже отпивает из своей кружки. Поймав горящие глаза друга, он делает глоток и, поставив кружку, отвечает, совершая очередной ход королём, пододвигаясь к коню [6].

«Ты не думаешь. А знаешь, что? Хочешь, чтобы я тебе ответил, да? Так я тебе отвечу сейчас».

Друг, удовлетворенный тем, что получит ответ, расслабляется и уводит коня из-под удара [7].

«Я весь во внимании, прошу».

«Я не ответил сразу, потому как в первую секунду засомневался. Но если ты настаиваешь, то мой ответ: Достоевский. У него есть всё то, что есть у твоих Камю и Сартаров. А ещё у Достоевского есть один козырь в рукаве перед читателем вроде меня: он пишет на русском, его мысли не изуродованы переводчиком... А еще он даёт надежду, даруя шанс на исправление».

Г.Г. кидает взгляд на друга, выдерживает снисходительность, а затем, смотря снова на доску, делает шах и мат своей ладьёй [8].

Друг переводит взгляд на доску и долго смотрит на своё поражение. Затем допивает остатки пива из кружки, встаёт с места, захватывая бутылку с остатками. Проходит в коридор (первым планом камера снимает сидящего Г.Г., изучающего доску), начинает обуваться. Поворачивает защёлку двери. Тянется к ручке. На секунду задерживается. Смотрит на затылок Г.Г.

«Дурак ты!»

Через секунду он уже открывает дверь, затем захлопывая за собой. (Всё это снимается одним кадром, Г.Г. на первом плане).

После хлопка появляется название фильма на чёрном экране. На фоне звучит композиция «Fabrizio Paterlini – Veloma».

Действие 2

Композиция продолжается. Идёт раскрытие повседневной жизни Г.Г. без слов. Одна музыка и визуальный ряд. Возможные сцены: просыпается, завтракает, едет в троллейбусе, идёт, сидит на парах, курит, перекидывается с кем-то словами. В таком случае не должно быть слышно разговоров, только еле различимые звуки. Снова едет в троллейбусе, сидит, думает. Ближе к концу он кормит кота, играет в компьютерную игру. Главный посыл – одиночество и смиренность. Нарезка идёт ровно до конца композиции.

Следующая сцена происходит в комнате Г.Г.

Съёмка со спины. Темно. Только настольная лампа освещает стол и лицо героя. Перед ним лежит открытая тетрадка для записей. В руках ручка. В углу на столе лежат стопки книг (Камю, Сартр, Достоевский и т.п.). Хотя он пишет не быстро, но его мысли чёткие и понятные. Он не тратит времени на подбор слов. Его мысли понятны и легки на записать, но с точки зрения смысловой нагрузки – тяжелы и не

радужны.

«Дома эти были бетонные, на могилах давно усопших костей прошлого мира, крыс, собак, надежд и корней деревьев. Как и в муравейнике, виднелось много прорытых лазов, откуда заблудившиеся странники выходили не оглядываясь. В поиске мира более цельного, более светлого, в поиске муравейника по душе. В котором стены не сдавливали бы мысли, поступки, сон, чистую похоть силуэта двух тел.

На сером асфальте виднелись (чуть заметные) багровые разводы тех самых странников-мечтателей. Их недовольство. Желающих ровно столько, сколько капель дождя. Мётлы, тряпки, едкие вещества, вода, кислота, годы – не в силах избавиться от подобных разводов. Это багровые знамёна тех душ, что не отыскивали путь более самостоятельный, более сложный, не всегда правильный. Проще опрокинуть бокал вина и снизойти по другую сторону изгороди, чем упиваться кровью мученика за грехи даже не своих детей.

Деревья благоухают, перебивая запах страха, и отчасти, запах пустого пространства, которое внушает страх незаконченности пути. Их корни глубоко в земле, их пища уже давно не дождь. Корни отравлены трупным смрадом.

Они жадно поглощают затхлые дары: багровые болюю капли и прах столетних странников, в надежде утолить голод, но он не уйдет, как и жажда отчаянного матроса с корабля, потерпевшего крушение в океане.

Земля потихоньку тускнеет, но мимолетный глаз милли-

онов не замечает этого годами, а порой не замечает и всю жизнь. По надломленному асфальту, не спеша, проходится тот, кто в изгнании у своих. Тот, кто станет больше, чем они все вместе взятые. Другей ему заменит томик старого издания. Человек, который будучи давно погребенный в деревянную комнату размером с себя, всё ещё говорит и доносит мысли, наводит на дорогу, которой еще нет на карте. Тем лучше. Подобные поросли образуют лес, где можно заблудиться, где можно оставить своё тело, но не след.

На пустыре проще. На нем первый сорняк – ты сам. А относительно пустырю, сорняк приравнивается к чему-то более возвышенному, чем менее».

Дописав, Г.Г. сидит и думает, склонив голову. Глубоко вдыхает ртом и выдыхает носом. (Сцена, где он сидит уставший и думает, по длительности секунд пятнадцать-двадцать). Затем Г.Г. выключает свет. Сцена заканчивается.

Действие 3(1/2)

Улица. День. Где – то кричат дети, а люди спешат по своим делам. Жизнь в городе идет своим чередом. Г.Г. идёт навстречу с девушкой, сейчас он сосредоточен на своих мыслях.

«Что же все-таки такое жизнь? Забавно. Ведь именно жизнь – первое, что получает человек, и впоследствии последнее, что он хочет узнать наверняка. Ведь так просто за-

крыть глаза на вопросы, ответы на которые лежат не на блюдечке перед носом. Как там, в учебнике по биологии определялось понятие жизни? Активная форма существования материи? А на человеческом языке?

Могу моргать, ем, сплю, размножаюсь, дышу, смеюсь, болею, выздоравливаю, иду, бегу, думаю, критикую, умиляюсь, грущу, работаю, старею. Боюсь? Можно, конечно, взять работы философов, так называемых МЫСЛИТЕЛЕЙ. Они скажут, они ответят, да ещё и распишут всё на сотни страниц. А толку? Читали таких. Понять чужие идеи легко, но почувствовать-то как? Поверить...

Человек обретает свою сущность в процессе существования. «Великая сила жизни делает живое существо неспособным внутренне чують смерть. Соответствовать нашему истинному предназначению мы сможем, только если будем жить в согласии с замыслом всевышнего». Всё это просто слова. Популярная литература. Реклама и долбёжка.

Я не чувствую ни бога, ни его отсутствие. Я не чувствую превосходства над животными или природой, ни единства с ними. Я не чувствую смерть, ведь не знаю, что это такое по-настоящему.

Лабиринт. Я серая подопытная мышь со сбитым нюхом. Бетонный лабиринт. Я просто серая подопытная мышь. Я лабораторная мышь без права сделать шаг влево, шаг вправо. Я просто мышь, со сбитым нюхом, которая не видит выхода... Следовать своему предназначению. Да, но как узнать

это самое предназначение?

Предназначение – то, что мне интересно, но плохо выходит? Или то, что я могу хорошо делать, но от чего меня тошнит? Всё слишком сложно. В неведении жить лучше. Куда сподручнее не знать и не думать. Всё вокруг стало бы светлее и проще. Вот он я, шёл бы сейчас с парой-тройкой друзей. Мы все, о чем-то смеялись бы, шутили, подкалывали друг друга, высмеивая тот или иной случай. Но как я могу веселиться, если мне не весело? Как могу быть с человеком, которого люблю, если знаю, что время убьет в нас все хорошее, что было в сердцах наших и мыслях, когда останется только скука и усталость? И даже не так страшно почувствовать скуку, усталость, злость или досаду за потраченное время. Самое ужасное – понять всё это с осознанием, что такое дерьмо случилось по отношению к человеку, который был для тебя всем. Что единственная причина – время. А кто его придумал? Мы, люди. Придумали цифры, сделали отрезки, что-то высчитывали. Придумали отмерять жизнь этими отрезками. Сами повесили ярлык со сроком годности, распределив всё по полочкам. И живём теперь от звонка до звонка.

Незнание – сила. А я – серая подопытная мышь. Мне остаётся только идти».

Погрузившись в мысли, Г.Г. проходит мимо подъезда, где сидят молодые девушки. Типичная быдловатая молодежь. Они симпатичные, но ведут себя вызывающе. Громко смеются, пьют пиво. Они видят Г.Г. и кричат ему в спину (круп-

ным планом лицо Г.Г., а за его плечом девушки):

«Эй, красавчик, не хочешь угостить двух девушек пивом? Мы не кусаемся, эй!»

Г.Г. не оборачивается.

«Взять, допустим, эти два тела. Неужели им хочется выглядеть так? Жить так? Думать так?»

Если это и есть жизнь человека, то я предпочёл бы стать камнем, где-то глубоко на дне, и просто быть. Тишина... Прохлада... Ты существуешь, как некий сегмент чего-то большего. Ты совершенен изначально, вне зависимости от формы или времени. Ты не любишь, не думаешь. В тебе нет сомнений, нет предрассудков. Ты не совершаешь глупостей. Ты не совершаешь героизма. Ты – совершенство. А что человек? Странный продукт неизвестного применения».

Г.Г. доходит до дороги (Карман в 9 кв., где фабрика качества. Там остановка перекрывает обзор слева, где проезжают машины). Останавливается. Достает сигарету, закуривает. Стоит вплотную к бордюру, курит, думает, смотрит на машины, которые проносятся перед его носом.

«Что я вижу? Дорогу. А ещё? Машины. Что делают машины? Выполняют функцию, для которой были созданы, они слушаются человека. А что человек? Ему нет дела до других, он спешит по своим делам. Никто не остановится и не спросит: всё ли хорошо? Правильно, нечего лезть в чужие дела.

Так что же я вижу перед собой? Я вижу черту. Что это за черта? Возможность. Возможность выбора, сделав который

в определенный момент можно решить всё. Вспоминается отрывок из «Дневник писателя» (Достоевского), который я перечитывал десятки раз: я не могу быть счастливым, – пишет [ЦЕНЗУРА], – даже и при самом высшем и непосредственном счастье любви к ближнему и любви ко мне человечества, ибо знаю, что завтра же все это будет уничтожено: и я, и все счастье это, и вся любовь, и все человечество – обратимся в ничто, в прежний хаос. А под таким условием я ни за что не могу принять никакого счастья просто потому, что не буду и не могу быть счастлив под условием грозящего завтра нуля. Это чувство, это непосредственное чувство, и я не могу побороть его.

Лучше не скажешь. Спасибо, Фёдор Михайлович, вы всегда были мне ближе других. Ближе родственников, ближе редких друзей. Вы единственный, кого я могу понять хоть немного».

Г.Г. докуривает и, дождавшись, когда какой-то прохожий начал переходить дорогу, идёт сам, не оборачиваясь. На другой стороне его ждёт подруга. Они обнимаются и уходят вместе гулять.

Действие 3 (2/2)

Улица, ближе к вечеру. Г.Г. гуляет с девушкой. Она ест мороженное и много говорит обо всем на свете. Мы слышим её слова приглушенно, как некий фон. Зрителю становится

понятно, что она неровно дышит к Г.Г. Он к ней тоже неравнодушен, но держит на расстоянии. Ему приятно быть с ней, но по его же убеждениям, сближение с его главной любовью станет трагедией.

Она всё говорит и говорит, он периодически отвечает односложно, пребывая в раздумьях. Его мысли выходят на передний план.

«Вот она, жизнь. Я иду с ней рядом. Как она прекрасна. Жизнь из крови и плоти. Её стройные ноги знают куда идут, и каждый день достигают цели. Улыбка и смех на мгновение передают то же самое чувство отсутствия стен. В такие моменты солнце светит на меня, и я чувствую его тепло не только макушкой. Её тоненькая шея, маленькие, аккуратные ручки. Голос, такой приятный. Я слышал его тысячу раз, но каждый раз он звучит как-то иначе, по-новому. Почему нельзя быть таким же совершенным, как и она?»

Я знаю, чувствую, что это маленькое чудо любит меня. Я мог бы броситься к ней, сказать всё, что чувствую. Мог бы броситься в её объятия, не стыдясь своих слёз просто... выплеснуть на неё свой страх, а она бы погладила по голове и сказала, что всё у меня будет хорошо. И я бы поверил ей, потому что она – жизнь, радостная жизнь, которая стала бы моим пристанищем среди всей этой грязи, несправедливости, грубости и жестокости. Но честно ли это по отношению к этому хрупкому существу? Что я смогу дать ей? Только свою тоску. Свою несостоятельность. Как последняя сволочь

выпивать из неё все самое лучшее, ничего не давая взамен? Нет. Это не честно. Скотство. Эгоизм в последней инстанции.

Я не хочу стать тем, кого не понимаю и презираю. Остаётся только смотреть на чудо, не трогая своими грязными, от тягот существования, руками. Думать о ней, улыбаться ей и знать, что есть на этой Земле что-то неиспорченное и светлое. Чувствую ли я себя благородно? Увы».

Они доходят до подъезда. Она внимательно смотрит на него. Он отвечает смущенным взглядом.

«Ну так что, мистер молчун составит одинокой девушке компанию за кружкой чая?»

«Я бы с радостью, честно, но не могу. Дела. В следующий раз обещаю не сливаться».

«Жаль. В таком случае: до свидания, мистер занятой бука».

Она всё так же улыбается, хоть и расстроена. Она обнимает Г.Г., доходит до железной двери, открывает её. На секунду смотрит на Г.Г. серьёзным взглядом. Еле заметно пожимает плечами, скрываясь в подъезде.

Г.Г. задумчиво стоит. Тишина. В его голове пусто. Долгое молчание, которое нависает тяжелым грузом. Он смотрит на её окна. Ждёт, когда загорится свет и, получив желаемое, закуривает, медленно уходя по аллеи.

Действие 4

Г.Г. у себя дома. Он в домашней старой одежде, душ не принимал, весь помятый. Лежит, смотрит телевизор, ест, периодически засыпает, снова просыпается. Он в апатии. В его голове нет мыслей. Сплошная пустота.

Сцены идут нарезкой. На счет композиции – непонятно, но как вариант: Fabrizio Paterlini – Midsummer Tiny Song.

Г.Г. периодически звонят. Предлагают встретиться, но он отказывается, ссылаясь на дела. К вечеру он снова садится писать. Начинает, но после первого предложения понимает, что пишет бред. Сминает лист и кидает рядом на стол. И так повторяется много раз. В итоге он психует. Всё сносит руками на пол. Успокаивается, приглаживая волосы, выключает свет и идёт спать.

(сон)

Г.Г. снится, как он бежит в лесу, блуждая среди деревьев. Он бежит, озираясь по сторонам, пытается найти выход, но вокруг одни деревья. Он продолжает бежать. Затем выбегает на травянистую пустошь без деревьев (холмы рядом с Волгой неподалеку от Веги). Он всё бежит и бежит, видит реку. Подбегает к краю. Слышен всплеск.

(переход к следующей сцене, которая начнется с ванной комнаты, где Г.Г. умывается)

Действие 5

Г.Г. умылся, оделся. Взяв свой старый рюкзак, начинает закидывать все свои черновики. Те, что лежали смятыми бу-мажками и те, что лежали на столе.

Выходит на улицу. Там его уже ждёт друг (из самой первой сцены). Они едут куда-то загород или на заброшку.

В старой бочке Г.Г. разводит огонь, где и сжигает свои черновики. Некоторые уничтожает не глядя, какие-то открывает на случайной странице, перечитывая. Он сосредото-ченно думает, но его мысли не озвучиваются. Зритель по-нимает, герой рвёт свои мечты.

Ему больно, но другого выхода он не видит. На фоне, за плечом Г.Г., сидит друг и смотрит куда-то себе под ноги. За-кинув последние черновики, Г.Г. садится рядом с другом, тот протягивает ему бутылку пива. Они сидят и смотрят на языки пламени. Первым нарушает молчание друг:

«Да...»

«Да».

(ещё через долгих 10 секунд и глотка пива)

«Совсем всё?»

«Походу. В любом случае, стало легче. Довольно обманы-ваться».

Друг изображает взгляд сожаления. Г.Г. смотрит в ответ.

«Ну, всё, поехали. Мне ещё надо успеть на тусовку. Зна-комый обещал привести просто тьму обалденных девчонок. Ты как на это смотришь?»

«Никак не смотрю. Поехали уже».

Г.Г. встает вместе с другом.

Действие 6

Г.Г. стоит у той же дороге, на том же самом месте **Действие 3 (1/2)**

«Что я вижу? Дорогу. А ещё? Машины. Что делают машины? Выполняют функцию, для которой были созданы. Они слушаются человека, а что человек? Ему нет дела до других, он спешит по своим делам.

Никто не остановится и не спросит: все ли хорошо? Правильно, нечего лезть в чужие дела. Так что же я вижу перед собой? Я вижу черту. Что это за черта? Возможность. Возможность выбора, сделав который в определённый момент можно решить всё.

Ещё не загнивший человек стоит у порога откровений и знаний. Его ладони увлажнились от страха нового, ещё столь неизведанного. Рука не позволяет распахнуть входную дверь. Она её лишь приоткрывает, образуя маленькую щёлку. В полутьме человек отчётливо видит пустую комнату, стены которой напичканы другими, такими же дверьми. Решится ли он войти? Ведь тогда придётся делать выбор. Я боюсь... Я боюсь... Я боюсь...»

(во время внутреннего монолога – вставка кадров, где Г.Г. бежит по лесному лабиринту, с чередующимися кадрами возле дороги, где герой курит и смотрит в себя)

Начинает звонить мобильник. Г.Г. думает, отвечать ли на звонок? Всё-таки достает телефон. На нём имя девушки. Нажимает кнопку «ответить».

«Привет, мистер молчун! Я уже и не надеялась, что ты возьмешь трубку».

«Привет».

«Между прочим, я звонила тебе не один день! Мне нужно сказать тебе кое-что...»

«Дела были, сама знаешь».

«Знаю я твои дела, поэтому и сердилась, но уже нет. Послушай, мне дали работу в другом городе. Я давно мечтала о таком предложении! Представляешь? Мне до сих пор не верится!»

«Оу, я... я очень рад. Кхм, здорово! Увидимся напоследок? Заодно расскажешь в подробностях».

«Я боюсь, что увидеться уже не получится... Я звонила тебе, когда было время. Я уже у посадочного трапа...»

«Мне жаль, прости. Если бы я знал.»

«Ладно, не оправдывайся, ничего страшного. К тому же я не на другую планету улетаю. Как устроюсь – позову в гости. Я зачем позвонила-то? Ах, да. Я заходила к тебе. Никого не было. Иду расстроенная обратно, а на встречу мама твоя. Мы немного поболтали и через неё я тебе передала маленький подарок. Он совсем крошечный, маленький очень такой, но я надеюсь, что тебе понравится. Благодарность за твою... дружбу. Всё, больше не могу говорить, как долечу – позво-

ню. И запомни: всегда держи голову поднятой, даже если на это нет повода!»

Раздались гудки сброшенной трубки. Г.Г. убрал телефон в карман. Ещё с минуту он постоял не шевелясь, всматриваясь в полосу дороги. Затем, посмотрев по сторонам, перебежал её и направился домой.

Зайдя в квартиру, ещё с порога, он несколько раз позвал маму, но её не было дома. Наспех сняв кеды, он аккуратно, буквально крадучись, будто чего-то боится, прошел в комнату. На пустом столе стоял небольшой свёрточек с бантиком. Мама не забыла перед уходом выполнить просьбу девушки.

Г.Г. подошел к столу, взял подарок в руки и ещё долго не открывал его. Он крутил подарок, внюхивался. Затем всё же открыл подарок, аккуратно развязав ленточку. Сняв подарочную упаковку, Г.Г. обнаружил записную книжку. Он аккуратно полистал её, всматриваясь в чистые листы. Положив на стол, провёл по обложке рукой, будто глядя что-то живое. На его лице проступила улыбка (впервые за все сцены, не считая прогулки с подругой).

Чуть позже, вечером, Г.Г. уже сидит за своим столом под светом настольной лампы. Перед ним раскрытая записная книжка и ручка. Он начинает вдумчиво писать.

(текст озвучивается закадровым голосом)

«Как, всё-таки, противоречиво складывается жизнь людей. В юном возрасте мы находим своё предназначение, видим точку на горизонте, как конечный маяк нашей цели. Ра-

зум ещё не знает, что под точкой прячется условное обозначение бесконечного пути, которое, в своём итоге, обогнув ось Земли, упрётся нам же в затылок. Лучшее, что можно сделать – остаться на месте, став неподвижным телом, но и только.

Нужно перестать воспринимать себя с одного ракурса, а лучше и вовсе забыть всё, что имеет отношение к человеку сформированному. Встать позади, увидеть конечную цель своих мечтаний, а затем порвать цепь, не жалея её. Главное: стать чистым, принять дары незнания, а если точнее, копирования предыдущих людей и их мыслей. Все их законы, понятия любви, сотворения, эстетики, смерти, были созданы ими и прожиты ими. Как и люди, идеи тоже умирают, оставаясь для следующего поколения всего лишь иллюзией, которая не может переродиться во что-то конкретное.

Становясь первооткрывателем колеса или даже создавая его словесное обозначение, человек открывает для себя то же самое колесо. Всё различие состоит в точке, откуда происходит обзор на заново созданный объект, который чувствуется не чем-то посторонним, а тем, что почувствовали руки и впервые услышали уши. Создаётся конкретное понимание, ощущение чего-то родного. Того, что не ощутит ни один соискатель, кроме нас самих. Само восприятие станет подлинным и полновесным. Это колесо станет вашей божьей тварью, но для других соискателей оно всегда останется чем-то чужим. Этим «другим» придётся проделать тот же путь, сде-

лав это же открытие. И этим «другим» придётся также наслаждаться в одиночестве полнотой понимания своего творения, скрытой красотой, которая осветит каждую клетку тела».

Г.Г. закрывает записную книжку и умиротворенно идёт спать.

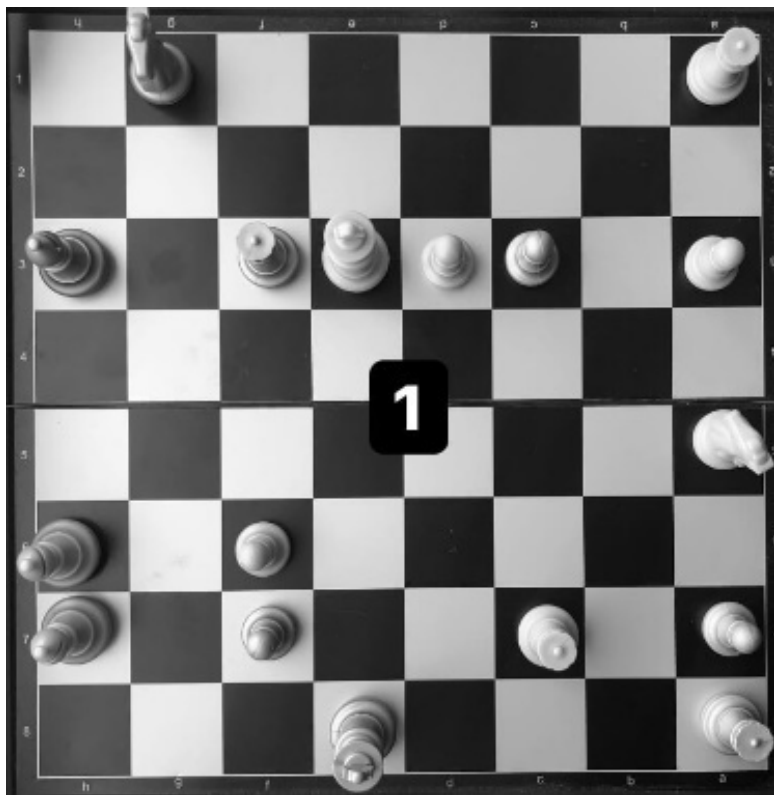
Примечания

Эдип в древнегреческой мифологии царь Фив, сын Лая и Иокасты. Избегая Полиба, которого Эдип считал своим отцом, он отправился в Фивы. По дороге в Дельфы, у распутья трёх дорог, он встретил Лая, вступил в спор с его возницей, а затем убил и его самого. Согласно трагедиям, Лай наехал колесом ему на ногу, за что Эдип убил его посохом.

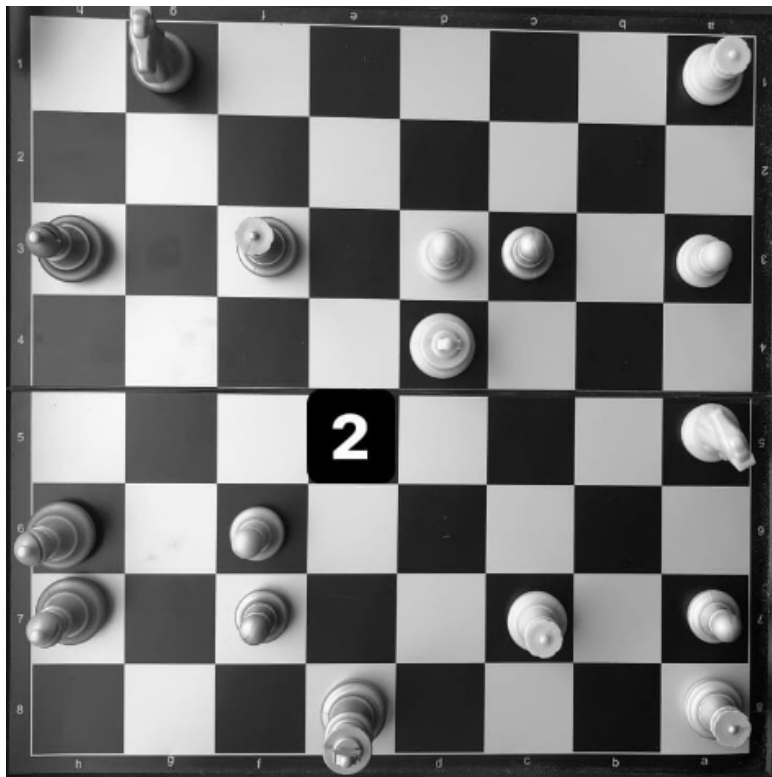
Название (Эдипов язык) придумано на основе идеи Милана Кундера. В данной драме поднимается вопрос: «можно ли назвать преступлением отсутствие мотивации к жизни, если сама сущность субъекта являет перед собой подобный природный алогизм?»

Г.Г. не находит сил и причин двигаться вперед к своей мечте, чувствуя вину перед собой. Эдипов язык – аллегория, в которой Г.Г. выступает современным Эдипом, а его язык и мысли приводят к отторжению дара жизни. Его посещает мысль о [ЦЕНЗУРА], как о правомерном наказании за отсутствие стимула.

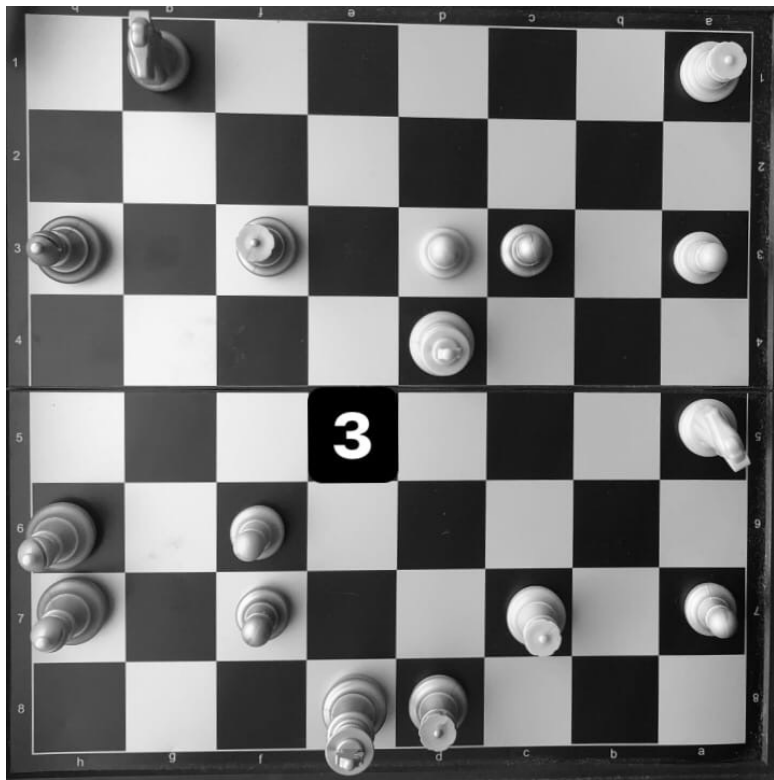
Партия уже давно в разгаре [1] – на изображении ниже представлена первоначальная расстановка шахматной партии:

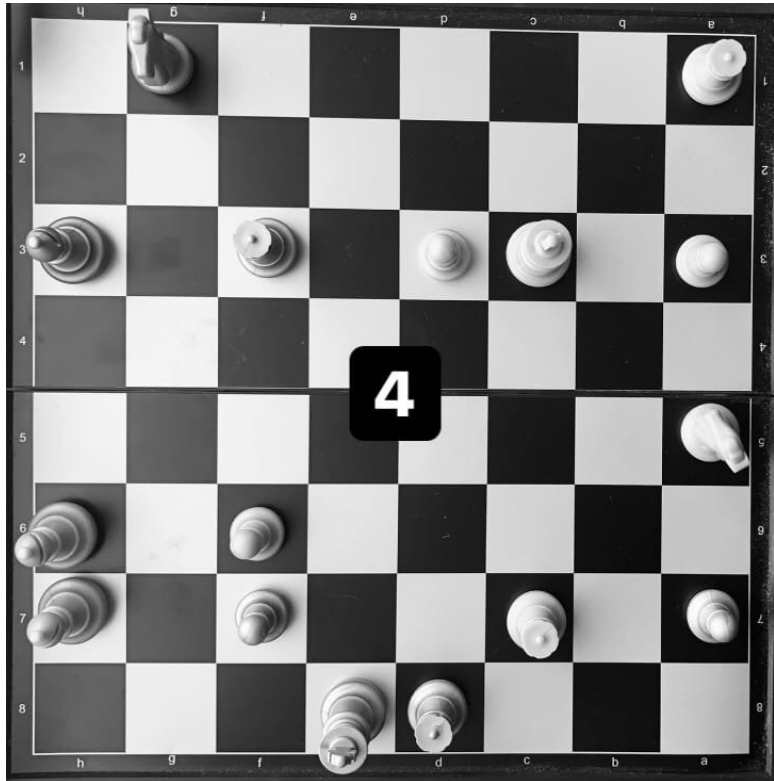
из-под удара ладьи [2] – как и своим королём, Г.Г. уклоняется от прямого ответа (шаха).

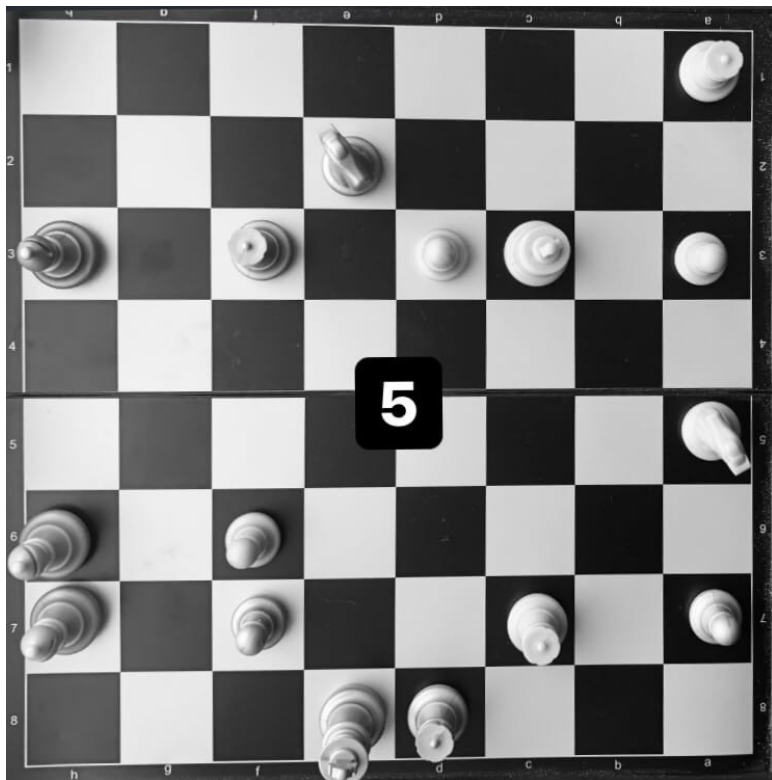
делает шах своей второй ладьей [3] – друг делает повторную попытку добиться ответа, но достаточно слабенькую.

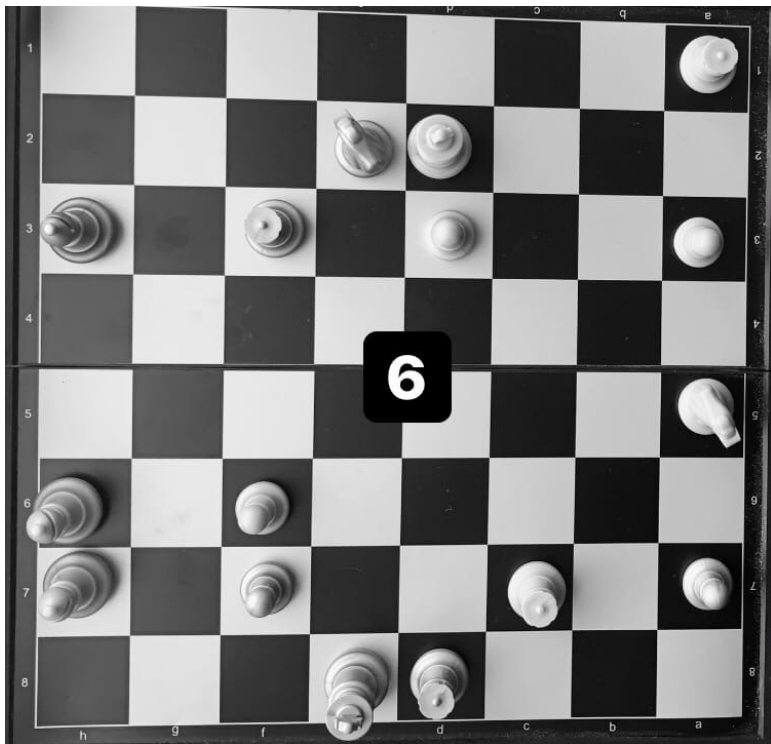
съедает королём пешку [4] – легко уходит из-под удара, при этом съедая пешку друга.

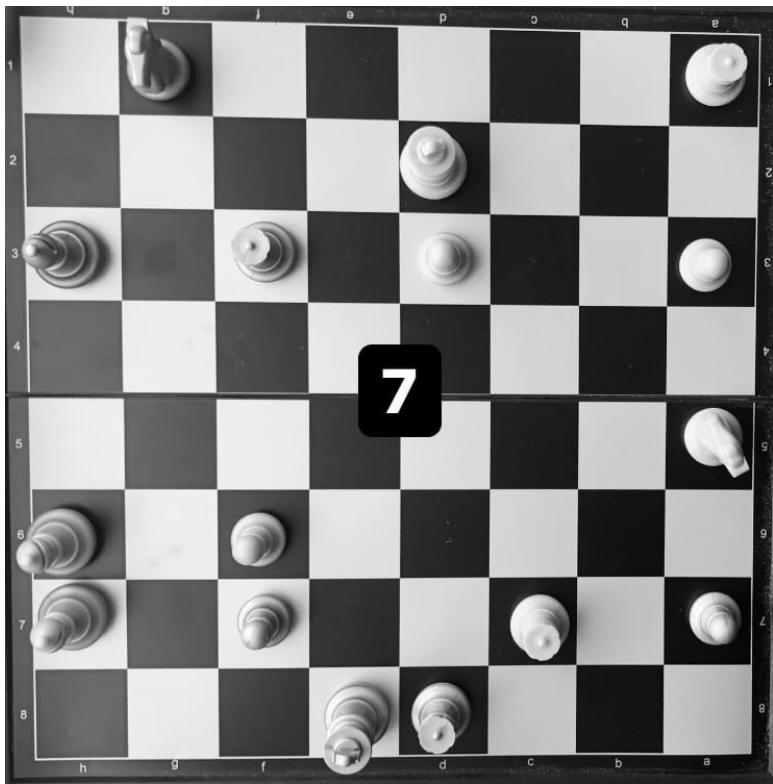
ставит шах конём [5] – пустой ход, раздраженный, как и раздраженность товарища.

пододвигаясь к коню [6] – Г.Г. уставший от раздраженного друга, соглашается дать ответ на вопрос. Он что-то замыслил, пододвинувшись к коню соперника.

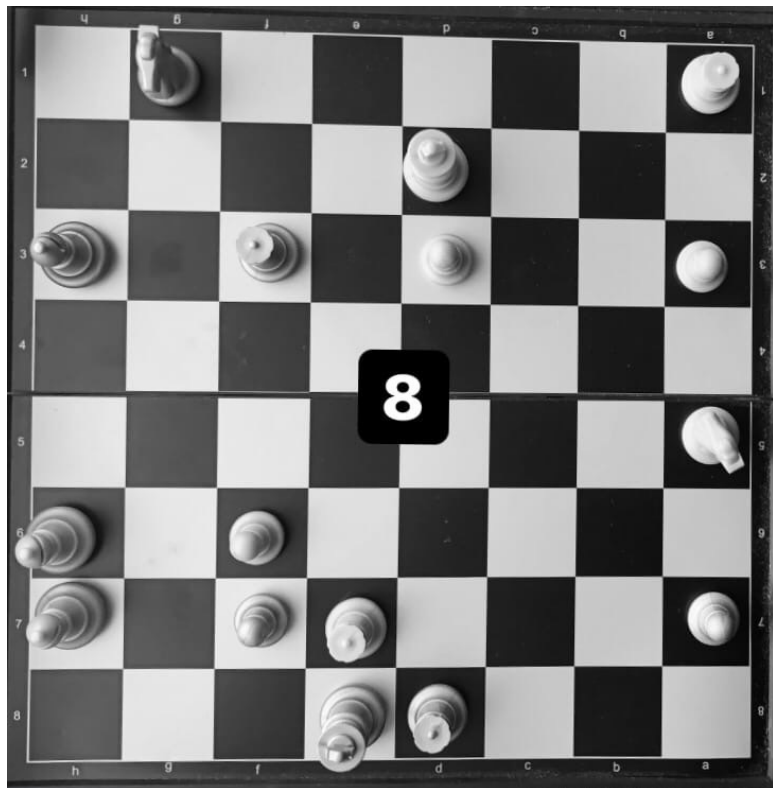

уводит коня из-под удара [7] – друг расслабляется. Без задней мысли отводит коня на прежнюю позицию.

делает «шах и мат» своей ладьей [8] – победа Г.Г., которая обусловлена ответом, который рушит границу предоставленного выбора между двумя вариантами, включая третий, который является равняющим и, по сути, вопрос остаётся без ответа, что и способствует реакции друга, который вдобавок

еще и проиграл (как и третий вариант ответа, шах и мат поставлен тремя фигурами: ладьёй, пешкой и слоном).

Заметки

Действие 1 – Вступление (завязка) – 1й день.

Действие 2 – Знакомство с Г.Г. – 2й день.

Действие 3 – Вопрос выбора. – 3й день.

Действие 4 – Меланхолия. – 4й день.

Действие 5 – Прощание с мечтой. – 5й день.

Действие 6 – Кульминация. Всегда есть выбор. – 7-й день.

Главный герой обезличен. Он представляет бледную тень человека, лишённого желания жить. Его страсть – литература, в которой он пытается занять место, но приходит к осознанию того, что навсегда останется недописателем, который пишет «в стол». Он заражается идеей, что если жизнь – дар, который нужно испытать, то он, человек, потерявший все устремления, – преступник. Перед героем встает выбор: умереть (тем самым наказав себя), либо начать жизнь с чистого листа. Место выбора становится дорога (карман), возле которого он и размышляет все (за) и (против). Проезжающие машины становятся оружием правосудия, а их отсутствие – возможностью к движению.

В независимости от выбора, герой перейдет на другую сторону (будь то попытка начать всё с чистого листа, либо [ЦЕНЗУРА] себя, тем самым прекратив неоправданно пустую жизнь).

Его спасением становится девушка, которая в своём материальном проявлении символизирует жизнь и, впослед-

ствии, дарит герою надежду.

Современник Эдипа избежал участи героя Кундера, показав, что пока дверь не распахнута настежь – выбор есть всегда.

Новеллы

Эта долгая зима провинции

29 ноября

Где-то недели две назад я принял окончательное решение уехать на поезде в родной город, прихватив с собой почти все пожитки. Нет смысла скрывать, что я уже давно подумывал покинуть эту культурную (в кавычках) столицу, в надежде хоть на время спастись от постоянной погони за деньгами. Правда.

Одно из главных разочарований взросления заключается в полном исчезновении романтического фасада происходящего. Редкий человек умудряется сохранить это чувство блаженного действия, когда даже еженедельный поход за продуктами делается целым приключением. Большая же часть умов стареют быстро. Они обрастают подкожным жирком, они обрастают детьми, и кредитами в той самой надежде на счастливую старость, не понимая, что их голодная молодость была истинной частью их жизни. Или, думается, люди именно такие ввиду своей полной несостоятельности в плане желаний.

Они не знали, чем хотят заниматься по жизни, им нравилось и нравится плотно покушать, поспать и позаниматься стандартным сексом с таким же лентяем. А потом, когда им становится скучно, они начинают ещё больше следовать социальной моде бедных, ища себе любовниц и любовников. Получается, что вся эта масса ранних детей, разведёнок, грустного алкоголизма и «оплакивателей» жизни складывается из двух самых главных деталей: наличие мечты и возможность её осуществить.

По меркам взрослых людей я ещё молод, это правда. Тридцать лет мне будет только через четыре осени. Во мне есть силы, а ещё мечта и возможность. Два главных социально-алхимических элемента находятся в моём кармане, давая повод для действия. И я действую, правда действие моё заключается во временном отступлении.

Не хочу тешить себя иллюзией, что я уезжаю в свою родную провинцию (звучит, будто я еду в уютный французский городок, но это не так) по стратегически важным причинам. Но я и не хочу сказать, что уезжаю вынужденно и без желания. Просто в какой-то момент я вдруг осознал, что мой профессиональный рост не зависит от географического положения, а вот моё здоровье немного протекло через незаметную пробоину нервной системы. И вот я аккуратно собираю свои вещи в пять сумок разной формы и длины. Одежда, подарки и сушилка для обуви отправляются в самую большую фиолетовую сумку на замке. В придачу туда же отправляются

одновременно и новые, и старые зимние ботинки, которые я так ни разу не надел. Так случилось, что уже два года кряду в этом красивом клоповнике нет снега, только ветер стремится проткнуть своим острым жалом. Я люблю такую погоду, но для бронхита слишком уж влажно, да и соскучился я по снегу.

В золотистую сумку (она стоит на втором месте по размеру) бережно складываю накопившиеся книги. Их не так, чтобы уж очень много, но сумка забивается до отказа. Я пробую её вес, понимая, что будет не сладко её нести, но что поделать? Литература, как чужая, так и своя – стала болезнью, от которой не найти лекарства, так как болезнь эта имеет характер очень скрытый и сидит глубоко в мозгу. Излечиться от неё будет можно только пулей, но пистолета у меня не имеется, поэтому придётся пронести словесный грипп через время и пространство, стараясь (из коварных побуждений) заразить как можно больше людей.

Дальше на очереди идёт тканый большой пакет. В него помещается коврик для йоги (я его так называю, потому что это коврик с иглками, на котором я релаксирую, а иногда засыпаю), тонкое одеяло, записная книжка, которая всегда должна быть у меня под рукой, а ещё немного еды для завтрашней поездки. Благо я всегда не мог правильно рассчитать правильное количество чего-либо, поэтому еда поместилась свободно. Коробочки быстро завариваемой лапши создали отличную иллюзию достатка провианта.

В чёрный рюкзак поместился ноутбук (моя печатная машинка), старые блокноты, немного документов и перцовый баллон, так как я не доверяю никому. Остаётся маленькая поясная сумка. В неё отправляются зарядки, ручки, паспорт, мои друзья-таблетки и всякая большая мелочь. Звучит неубедительно, но вообразите что-нибудь памятное для себя. Вот, например, какую-нибудь очень старую зажигалку, она уже давно не работает, но дарил вам её какой-нибудь родной человек. Теперь такая вещь является неким подобием талисмана. Правда, работает этот талисман не в контексте своей силы, но в рамках мыслей, которые посылают уверенность, что талисман имеет эту силу. И да, это работает, вот я и проболтался! Но смею заверить моего скромного зрителя, что мысли куда сложнее, чем он о них думает, а точнее, как они позволяют думать о себе, но речь сейчас не об этом.

Сумки собраны. Я ещё полон сил, но и дел ещё много. Осталось сделать масштабную уборку перед завтрашним приходом хозяйки квартиры. Она вполне себе сносная молодая женщина, но главное правило людей, которые сдают квартиры в аренду: когда жилец выезжает, нужно быть максимально скупыми и жадными. Каждый собственник запоминает свою квартиру в мельчайших подробностях и только для того, чтобы больше срезать денег с залоговой суммы, и я не виню их. Как говорят все морщинистые персонажи, которые ну очень полюбили поговорки из своей юности: любишь жить – умей вертеться. Точнее и не скажешь. Причём

данная поговорка полностью оправдывает даже многие злодеяния, будь они большими или маленькими. А ещё честный человек не верит в силу слова, а они вот какие, а когда к словам подключается вероисповедание, то получается совсем уж горячая смесь. Такая зажигалка, где даже убийца может поставить свечку и надеяться на искупление, а если ещё и искренне в это поверит (а по-другому с ними и не может быть, уж больно они хитрые), то результат будет более чем положительным.

Руки хватают две одинаковые тряпки. Намачиваю одну из них, начиная протирать пыль сначала мокрой, а затем сухой. Вот и получается, что человечество, повинувшись социальной моде, начинает восхищаться одним, а презирать второе, но на практике оказывается, что презираемый объект является всего лишь составным элементом первого, неотрывным, как зло с добром, как чёрное с белым. А когда редкая единица ещё и умудряется прийти к логичному выводу, что, по сути, добро и порождает зло, а зло порождает добро и так далее, то образуется чёрная дыра человеческой выдуманной души, которая на практике является частью мыслей. Такой человек уже не может полноценно жить в системе, где его бездна начинает всасывать все «за» и «против», превращая их в невидимый фарш призрения. Такой человек обрекает себя на тотальное одиночество даже в случае, если ему и удалось бы найти сторонников хоть малой общей мысли.

Когда приходишь к осознанию очевидного порядка ве-

щей, когда зарождается эта чёрная дыра, то она начинает засасывать кроме окружающего мусора ещё и человека, своего хозяина, который её и создал. Она засасывает его не с плохим и жестоким умыслом, но только по той причине, что ни один живой организм не может принять факта своего бесполезного существования. У каждого должна быть иллюзорная цель. Она может быть самой подлой и низкой, но если такой человек искренне верит в неё, то он всё делает правильно, ведь само его нутро и бездна (две стороны одной медали) не могут иначе. Вот и во мне разрослась дьяволица, которую давненько начал лелеять и ухаживать за ней, как истинный джентльмен.

Уже два часа ночи. Я всё убрал (но достаточно халтурно) и теперь лежу на большой неудобной кровати, думая о том, как уже завтра сдам квартиру, получу свои копейки и, взяв пожитки, которые отягощают мою душу своей чрезмерной материальностью, помчусь в родные края, где каждую зиму образуются большие снежные горы.

30 ноября

Полупустой вагон. Плюсы эпидемии в том, что все (в том числе и я) ну очень уж любят свою жизнь. Есть, конечно, самоуверенные болваны, которые рано или поздно напарываются своей дерзостью на неприятности, но благо их стано-

вится всё меньше по объективным причинам. В общем, народ пытается не высовывать лишний раз свою физиономию в общее пространство, мне это на руку.

Боковушка на двоих в плацкарте – самое выигрышное место, а если ещё и рядом с туалетом, то по уровню можно сравнить с удобством коттеджа из мира нищих. Я всем доволен.

Любовь к поездам мне передалась от мамы. Она каждый раз сообщает мне о том, как она обожает ехать в этой трясущейся консервной банке с чужим запахом носков и пота. «Сидишь, смотришь на меняющиеся пейзажи за окном, попивая горячий кофе», – говорит она, а потом пересказывает все истории, как моя бабушка брала её в поездки, так как была проводницей. И хоть я знаю все эти истории наизусть в самых мельчайших подробностях, но всегда приятно послушать их ещё раз.

Проводница средних лет проходит, предлагая купить продукцию компании, начиная от конфет и заканчивая кружками из позолоты. Цены запредельные. Каждый раз ужасаюсь наценкам и готов поставить свой зуб (один я уже успешно потерял, остальные выглядят достаточно плачевно), что ничего из перечисленного, кроме разве что, чая – не покупают. Да и то, стоит он тоже безумно дорого. О чём это я? Точно, о страхе смерти. В последний год происходит слишком много плохого. Думаю, не стоит вдаваться в подробности, взрослые люди прекрасно поймут о чём я.

Дело в том, что существует два вида понимания смерти.

Если совсем коротко и понятно, то первая разновидность, это когда молодой организм узнаёт слово «смерть». Такой наивняка на подсознательном уровне (и это не вина личности, а защитный механизм психики) не верит в возможность собственной смерти или смерти близких родственников. Такой человек может вам говорить, что, мол, да, он знает, что когда-нибудь умрёт, но поверьте, всё это полное фуфло. Я сам таким был, да и наверно от части и сейчас мой внутренний «я» пытается меня удержать в здравии, но чёрная дыра открылась, помните?

Я, скажем так, нахожусь в промежуточном состоянии, где за свои недолгие годы узнал о смерти не понаслышке. Меньше чем за тридцать лет на тот свет ушло огромное количество известных людей, бабушек, дедушек, а ещё у меня умерла тётя. Чуть ли не каждую неделю уходят любимцы миллионов, некоторые из них в совсем молодом возрасте. Часто эти смерти нелепы, а многие из них просто ужасны. Вся эта фауна лиц, которую окружал детский романтизм, вдруг резко и бесповоротно улетучивается в небытие. Ты сам начинаешь чувствовать себя чуть хуже, чем раньше. Привычки юности и пренебрежительное отношение к здоровью начинают вылезать наружу, а ты ещё так мало прожил! Хорошее начало.

Но самое ужасное, понимаете? Самое ужасное – это не собственная смерть, хотя и она ужасает. Весь тавтологичный ужас заключается в любимых людях, которые намного старше тебя. Папа. Мама. Сестра. Сколько на них сваливается

проблем возраста? Я прекрасно понимаю, жизнь идёт закономерным путём и по-другому быть не может, таковы правила игры. Но мне страшно видеть, как медленно и верно мои любимые люди всё дальше и дальше двигаются в сторону, где много опасностей.

Я очень много думал об этом. Пытался найти секретную формулу счастья. И хоть с самого начала было понятно, что такой формулы нет, но всё же сила чувств перекрывает любой здравый смысл. Ещё никто не умер, у каждого есть проблемы, но в целом живы и здоровы. Это сильно радует, но я боюсь будущего. Самое обидное, что даже нельзя продать душу дьяволу, только чтобы мои любимые были в здравии. И я сейчас говорю совершенно серьезно. Звучит бредово, но мне хотелось бы, чтобы сказка стала частью нашей яви. Я хотел бы вызвать сраного красного получеловека с рогами и заключить с ним контракт. С огромной радостью я продал бы свою душу и своё тело, только чтобы мои близкие всегда были счастливы, понимаете? Но так не бывает.

И вот я еду в полупустом вагоне, думаю обо всё этом, и мне становится в очередной раз грустно. Нужно переключиться. Моя мама в таких случаях говорит: «Как бог даст», но я предпочитаю: «Как даст случай», но сути это не меняет, учитывая, что мы говорим разными словами об одном и том же.

Билет у меня куплен на нижнее место, верхнее никто не купил. Это отличная новость, ведь теперь там уютятся мои

вещи. Я завариваю себе лапшу и чай. Напротив меня, где четыре спаренных места, двое пассажиров и, по стечению обстоятельств, оба довольно фактурные.

Высокий лысый дядька забит татуировками, я дал бы ему лет сорок. Ножки у него тонкие, зато очень большое пузо, а ещё черты лица достаточно монгольские. Напротив него едет пожилая женщина. Она мне сразу не понравилась. Не хочу показаться фаршиком, но по её форме черепа я сразу понял, что с ней что-то не то. Говорят, внешность бывает обманчива, и это правда, но только на пятьдесят процентов. Чуть угрожающий дядька оказался воспитанным и забавным мужчиной, который и мухи не обидит, а вот бабуля затаилась дьявольской сущностью. В какой-то момент я даже обрадовался и хотел было спросить о возможности продать душу, но вовремя остановился, понимая, что для чёрта с рогами она имеет уж больно буйный характер.

Эта женщина после первых двух часов поездки начала жаловаться абсолютно на всё. Ей дуло со всех щелей, её раздражал любой мимолетный шум, она даже начала ходить по длине вагона, терроризируя бедолаг. Татуированному дядьке досталось больше всего. Бедняга жить не мог без сигарет и на каждой крупной станции выходил покурить, а табачный флёр просто взрывал эту женщину. Каждую остановку она кричала на безобидную гору, а эта гора в ответ только извинялась. Ситуация совсем вышла из-под контроля, когда мужчина совершил тотальную ошибку, решив выпить банку

пива.

Дошло всё до крайности, когда дьяволица заставила вызвать дежурившую бригаду полицейских. Да. В поездах запрещён алкоголь, но мы-то все понимаем, человек нашей породы уже привык к определённым традициям. Тут уж ничего не попишешь, остаётся бедолагам чтить закон отцов и продолжать накидывать душевного.

От преждевременной высадки громилу спас тот факт, что кроме бешеной женщины ни у кого претензий не было. Оказывается, нужно три возмущённых человека, а не одна обезумевшая. Вот так вот. Справедливость восторжествовала, серьёзно. Стычки в поезде интересней любого кино, да ещё этот интерактив, можно выбирать разные вариации продолжения и все прелести входят в стоимость билета.

После развернувшихся интриг я, довольный зрелищем и выпивкой (а выпил я уже третью кружку чая), решаюсь лечь спать под недовольное бормотание, которое так греет душу в эту холодную погоду, украшая мой путь домой самобытным шармом.

Уснул я быстро и спал просто потрясающе! Вагон поезда – единственное в мире место, где я будто бы перерождаюсь. Сколько же у меня сил поутру! Иногда этот факт меня пугает, но благо самолёты страшат ещё больше, поэтому хороший сон мне обеспечен как минимум четыре раза в год по два дня. Уже завтра с утра я обниму маму и отца, и мы вместе поедem на старенькой машине домой, где я смогу снова

поймать ту иллюзию детского уюта, в которой чувствую себя в безопасности.

Татуированный дядька вылез где-то ночью. Я не вдавался в подробности, но с его исчезновением комок ненависти напротив деактивировался, по крайней мере, на время.

После завтрака, жалкой попытки сходить в туалет, а затем ещё более жалкой разминки, сажусь за книгу. Называть я её не буду, но очень жирно намекну. Дядька, который её написал, ну очень культовая личность. Любит он взять поп-культуру, буддизм и странный сюжет, а затем смешать их в блендере. Это тот, кого нельзя увидеть. Да, вот так. Троюродный брат того, кого нельзя называть. И в этом кроется часть культуры моего поколения. Фишка, конечно, хорошая, но второй раз не прокатит. Если отключить свою фрагментарную зависть и перестать иронизировать (потому как писатели-затворники на самом деле рождались частенько), то действительно получается, что из всех «вышедших в тираж» писателей, этот спёкшийся – один из лучших. Отчасти благодаря ему у меня и началась шиза по поводу вечной души, но, отбрасывая личные предрассудки, скажу вам правду: в каком-то смысле так оно и есть, но об этом чуть позже, сейчас я читаю.

2 декабря

Физическая смерть и вечный проблеск надежды разных невежд на бессмертие. Хорошая попытка, но промах. Не буду тянуть кое-кого за кое-что, скажу сразу: да, бессмертие есть, вот только в этом состоянии нос себе не почесать, да и вряд ли получится вспомнить лицо бывшей, чтобы ещё раз облить её ласковыми существительными. Ах, эта идеализация себя, такого родного идиота. Кто самый лучший? Правильно, я. Хотя я и полное дерьмо, но что поделать? Уж коль родился в этом теле, то будь добр любить его больше всего на свете. Правильная позиция неправильного человека, но никто и не говорил, что сама концепция жизни имеет положительные черты.

Сегодняшним утром мне хотелось бы проверить уверенность в своём соединении с миром, так как нормально уснуть я не смог. Каждую секунду, в тайне ночного покровя, я чувствовал силу притяжения и неудобство. Как иногда тяжело быть человеком! Вообще, частенько. Человек от фразы: выживай или умри. Даже в наше время вон как все работают. Телевизор сам себя не купит.

Господи, какой бред. И всё из-за отсутствия сна. После двадцати пяти лет заканчивается бесплатная версия существования с подслащенным доступом и начинается реальная жизнь со всеми прелестями. Мне так нравится (нет), что после «весёлой» ночки я чувствую себя не как «сэдбой» из журнала для девочек, а как протухшее яйцо, которое даже поленились выкинуть на помойку. Чёрт с ним. Тут происхо-

дят важные события. Я снова ем лапшу и пью сомнительный чай. Каждый раз, снова и снова мой ум попадает в ловушку ожидания. Вот бы спокойно лежать как нормальные люди до часа приезда, но нет, со свойственной пунктуальностью, у меня уже убран матрас, бельё успешно сдано, а сумки стоят на низком старте. Ехать остаётся каких-то полтора часа, но когда начинаешь сосредотачиваться и ждать приезда, то этот час начинает безумно растягиваться. Наручные часы становятся предателями, глаза туда же. Вот зачем вы смотрите каждую минуту? Да и ладно. У меня тут важное дело, я это уже сказал? Ем лапшу и пью сомнительный чай с сомнительным видом. Это игра в гляделки? Чай намекает, что он победит, добавив к своей сомнительности отвратительный остывший вкус, но здесь ваш верный слуга очень криво начинает улыбаться. Да, я смог переиграть подкрашенную воду, мысленно ответив ей, что я вот уже давно остывший, да и вкус потерял сразу, как решил по дурости начать курить с ровесниками в кустах. Чистая победа жалости к себе, зато теперь можно со спокойной душой вылить из кружки содержимое и немного пошиковать.

У меня есть такой вот красный мешочек, а там собралось много ненавистой мелочи. Изначально она должна была достаться беднякам, но как-то не срослось, а это значит, что я куплю обычный пакетик чёрного чая за рекордно огромную сумму, но что поделать? Уж больно хочется горяченького.

Вот он, золотой пакетик листового мусора, который ис-

пользуют во благо крупные компании. И два пакетика сахара. В фирменной оправе с большим количество сахара. Это я так, не возмущаюсь, чисто наблюдение.

Пока я пью свой золотой-обычный чай и смотрю в окно, мне подкрадывается сомнение, правильно ли я поступил, решив бросить свой привычный быт и погрузиться, так сказать, в быт прошлых лет. Сомнения рассеиваются, когда поезд подъезжает к перрону, и краем глаза я вижу маму с папой.

Отец сдержанно улыбается, у матери на глазах слёзы. Долгожданная встреча достойных людей с таким вот чучелом как я. Да, такова правда. А ещё правда в том, что я искренне рад снова обнять этих замечательных людей. Кто бы что не говорил, но любой человек любит своих родных, даже если они будут самыми плохими, всё равно. Я не знаю, что это: гены, инстинкт или привязанность, но какая-то тонкая нить держит эмоциональные верёвки в диапазоне этих несовершенных лиц, но для внутренней оценки – они лучшие и самые светлые.

Дамы и господа, вы говорили, что бога нельзя увидеть, но я заявляю вам обратное. Ваши родители и являются вашим персональным высшим существом, благодаря общим усилиям которых вы и смогли сделать такое элементарное умозаключение. Как всё просто, не правда ли? А кто со мной не согласен, тот со мной не согласен. Какая разница, в самом деле, сейчас тут моё пространство и правила.

Даю сам себе обещание, что впредь больше не буду вечно спорить с родными на темы, где у нас возникают несостыковки, перестану повышать голос, да и вообще, пора менять полностью свой внутренний мир. Но уже через пять минут в машине начинается жара на фоне политического вопроса. Я с радостью начинаю не сдерживать своё обещание и вступаю в серьёзные трения. Хотя я и грозно выгляжу в такой момент, а голос мой звучит повелительно и грубо, но внутри себя я улыбаюсь, получая действительно высшее удовольствие, что могу вот так вот просто снова спорить и орать на людей, которые для меня являются всем и я надеюсь, они это знают и чувствуют, так как за всю свою жизнь я никогда по-настоящему не испытывал к ним негативных чувств.

Правила социальной жизни нужно уметь определять, нужно уметь в них играть и поддерживать видимость своей нормальности. Это следующий критерий, который рождается в голове, когда матушка всё же перекричала меня, сказав не гавкать и дать ей спокойно доехать до дома. И действительно, если не быть совсем идиотом, то скоро начинаешь понимать абсурдность оценочных суждений. Толстый – худой. Высокий – низкий. Умный – тупой. Белый – черный. Рука – жопа. С каких пор человек так ярко выбирает себе кого-то для ненависти и презрения? С древних. Ладно, ответ прост. Но когда сила слова, могущество сознания и прогресс достигли таких высот, то не кажется ли человечеству немного странным, что вся эта хрень до сих пор осталась?

Как можно быть такими тупыми? Я не понимаю.

Ясное дело, так уж устроена психика человека. Как только он научился оставлять лучшие кусочки мамонта себе и чинам на «подарки». Но, неужели в расцвет понимания себя у вас, господа тролли, есть время на чужую жизнь? Перестаньте вы уже оскорблять несчастных [ЦЕНЗУРА], которые вас не трогают. Хватит смеяться над толстяками. Начните уже, наконец, жить и так короткую жизнь, которая может оборваться в любой момент. Да, здесь нет высшего смысла, зато есть возможность испытать широкий (по человеческим меркам) спектр наслаждений и эмоций. Жизнь для подобного и дана. И я бы сказал, что этот фактор даже главнее природной тяги к размножению, хотя, казалось бы. И вот мой аргумент: пока новая жизнь не является физическим воплощением, то и потенциального обоснования для её появления просто нет. Если бы люди земли перестали вдруг размножаться, то никто бы не расстроился. Разве что только куча бактерий, которые и являются, в сущности, нашими хозяевами. Сидят в своих гнусных пердящих биологических машинах и размножаются, создавая колонии. Правда, у любой технологии есть свои минусы. В контексте человека – это сознание, но ты, читатель и так это знал. Хороший мальчик или девочка, или кто ты там?

Мысли прерываются. Мы на месте. Я не сказал об этом, но зимой маленькие города очень красивы. Снег вообще украшает разрушенные просторы. Вот и зимние ботинки при-

шлись к столу. Я очень нежно отталкиваю заботливые руки и тащу свои сумки сам. Своя ноша, что тут скажешь?

3 декабря

Весь вчерашний день был убит на косметические процедуры. Я бы не сказал, что это традиция, но как только были приобретены билеты, включился странный механизм грязнули. Я перестал стричь ногти, бриться и подравнивать волосы. Кто-то может грешить на приметы, но хочу сразу оборвать такую линию суждений и заявить, механика данного действия скрывает другие мотивы. Проанализировав свой поступок, я пришел к выводу, что главной причиной такого «нечистого» бездействия является некое отождествление себя с местом. В тот момент, как я понял, что съёмное жильё больше не является для меня домом, и что впереди меня ждёт жизнь на новом-старом месте, то и процесс «скрабирования» перенёсся в место, где моя ухоженность придётся кстати. И чем больше я буду в запущенности, тем больше будет моё наслаждение, когда я смогу привести себя в порядок.

Многие традиции, даже самые мифические, имеют практический характер. Например, (не забывайте, это только предположение людей в белых халатах) у пророка М-а была височная эпилепсия, как и у И-а Х-а, и Фёдора Михайловича Д. Я ни в коем случае ничего не утверждаю на сто про-

центов, но так говорят учёные. А из-за височной эпилепсии люди начинают видеть галлюцинации, связанные с религиозными мотивами. Вопрос состоит в другом: а является ли такая эпилепсия болезнью, а не способом видеть чуть больше, чем есть на самом деле? Вопрос сложный. Или вот, например, коров в Индии перестали есть и сделали их священными именно тогда, когда возникла серьёзная проблема со скотом. А как ещё оголодавший народ заставить не забивать скотину? А после традиция уже прижилась. И таких случаев много. Но кодекс человека, если вам так угодно, обязывает придавать всему мифологизм и романтизм, иначе, что за жизнь бы тогда была?

Когда я привёл себя в порядок, то испытал ожидаемое блаженство. Теперь без длинных обломанных ногтей можно почесать за ухом, не рискуя скovyрнуть ранки. Это меня сильно радует.

Следующим серьёзным испытанием стали книги. Много, много книг. Причём основная библиотека очень серьёзно упакована ещё с прошлого раза. У меня случился неплохой такой бзик, и я запечатал каждую книгу в отдельную бумагу, чтобы пыль не скапливалась, а корешки не выгорали на солнце. А теперь пришлось беспощадно срывать всю тайну, оголяя перерожденные тела деревьев с мыслями шрёдингерских авторов. Приятное занятие, хотя ближе к концу я конкретно измотался.

Следующий бзик случился в тот же момент, когда я ре-

шил ограничить свою библиотеку пятью рядами полок и ни одной больше, а с учётом того, что я привёз ещё новых друзей, то пришлось устроить самосуд, выбирая тех несчастных, кто уже не попадёт в мою безупречную коллекцию.

Ближе к ночи всё было кончено. Лучшие из лучших рядами стояли на полке, продутые и умытые. А оставшиеся ребята покоились на отдельной полке, ожидая или продажи, или дарственных взносов. Я ведь не изверг выкидывать такие драгоценности.

Смотря на проделанный труд, я вдруг подумал о своём внутреннем одиночестве и об абсурдности жизни. Чем мы люди, собственно, занимаемся?

Много всего понапридумывали, понимаете ли, себе и теперь играем вот. Я люблю и всю абсурдность, и бесчестие. Самое главное – принять всё без остатка. Нельзя любить жизнь, не интересуясь смертью. Невозможно насладиться победой, не сделав кого-то проигравшим. Подобная зона отчуждения не имеет границ в плане выражения, трактовок и возможностей. Всему должно быть место. Некоторые вещи специально созданы, чтобы их хотели. Другие существуют, чтобы их ненавидели. И когда человек научится принимать в дар всё, что ему может перепасть, то только тогда он обретёт покой и равновесие. Я не хочу сказать, что я такой весь из себя шибко умный и просветлённый. Далеко нет. Но сам путь принятия – это уже большой шаг для путешествия, где конечного пути просто не существует.

Проснувшись сегодня к полудню, чувствую себя разбито. Сегодня мой великий день, когда я абсолютно ничего не буду делать. Свою лень можно скинуть на адаптацию на новом месте. И вот, кстати, одна из самых лучших вещей – домашняя еда заботливой матушки. Как давно я не завтракал картошкой с курицей! Маленькая мечта потенциального толстяка. Я ещё достаточно стройный, но задатки на расширение имеются. Теперь можно отбросить все проблемы из головы и просто насладиться давно забытым чувством надёжности и сытости.

В мегаполисе я часто недоедал, но не из-за нехватки денег (хотя не без этого, квартира в аренду – недешевое удовольствие), а из-за некоего образа. Вся эта мрачность, архитектурный шик и людская нищета вперемешку с неприличным богатством единиц создавали соответствующее настроение. Скажу честно, в этом плане я дал промаха и очень быстро поддался халтурной жизни. Даже в рабочие дни я прихватывал виски. И не какое-то «гэ», а вполне себе приличный. На свой бронхит я накладывал много дыма и мало спал. Мой организм ещё долго будет припоминать все мои бесконтрольные шалости, но что поделать? Такова жизнь бесхарактерных людей, которые не в состоянии контролировать жажду. И я один из этих балбесов.

Кто бы что ни говорил, но единственный путь к счастью в мире для грустных – деньги. Вот почему у нас так много жуликов, воров и прочего отребья. И я не осуждаю этих лю-

дей, ни в коем случае. А чего ещё ожидать от бедняка, который смог дотянуться ручонками до?.. Вот тут-то и оно. Хотите сказать, что сами бы не соблазнились? А я скажу вам, что не смогли бы вы устоять, как и я. И вот этой мыслью я не оправдываю людское воровство и всех причастных. Но всё же... Вот по такой логике мы и живём. И рассказы про улучшение жизни или про новые мосты, новые телефоны – всё это пустое, пока бабушки роятся по мусоркам. Код «нищеты» передаётся из поколения в поколение. Поможет человечеству только жестокое переосмысление, но я ни в коем случае не призываю к насилию. Считайте это теоретическим материалом, точнее даже, просто предположением того, как можно было бы что-то изменить, надеюсь, никто не примет мои слова всерьёз, хотя чем чёрт не шутит?

Я уже говорил, но хочется повториться, что зима здесь действительно красива, словно деревенская здоровая девушка с обложки советских плакатов. Именно так можно описать величественно меняющиеся пейзажи перед глазами.

Ноги несут меня по протоптанным улочкам неподалёку от дома. Я пока не решаюсь идти куда-то далеко, да и не вижу смысла, но вот пройтись немного надо. Дохожу до своей некогда школы – ничего не поменялось. Стоит, старушка, всё такая же без ремонта, но несломленная! Последнее хорошее воспоминание, связанное с ней, было летом два года назад, когда я сидел со знакомым на лавке. Мы смотрели на боковой фасад, пили пиво, курили и как-то пришли к выво-

ду, что здесь хорошо. Вся эта атмосфера вызвала у нас ассоциацию с санаторием. И я до сих пор придерживаюсь такого взгляда. Мне нравится, что есть такое место, где ничего не происходит. Где люди будто не меняются от слова совсем. Никаких страстей, никакого шума и уличных музыкантов. Поют здесь только птицы. Хулиганят по серьёзному редко, а может и часто, просто я давно не был в значных местах, но сути это не меняет.

Моё эмоциональное время всегда останавливается в этом городе. И только часы на запястье напоминают о том, что нужно что-то делать. Деятельность – борьба. Неважно, кто чем занимается. Человек будто был создан лентяем или это технологии сделали его таковым? Я родился в такое время, да ещё и рос в непонятный период, где прошла резкая граница между безденежным советским счастьем, бандитизмом с упадком, а затем резким всплеском технологий. Все окружающие вещи и люди смешались в один большой клубок разных голосов, поведения и идей, что потеряться оказалось куда проще, чем можно представить.

Я ещё молод, это даже не обсуждается, но некоторые вещи уже упущены. Я так и не смог в отведённую юность решить вопрос своей дальнейшей реализации. Из всех профессий я выбрал самую нерентабельную. А теперь взрослый я не знает, что делать, когда нужно уже переходить на следующую ступень своего человеческого существования.

Я замёрз. У меня дурацкая шапка с открытыми ушами,

а ещё металлические часы закалились настолько, что кисть покраснела. Пора двигаться домой. Скоро я чем-нибудь займусь, обязательно возьму себя в руки. Возможно, что составлю план действий, а может, просто начну действовать. Есть вероятность, что случится чудо, и я проснусь собой, но совсем другим и окажется, что я всю жизнь умел делать что-то хорошо, просто не знал об этом. Но всё это сказки и плохое ребячество. Я действительно сильно замёрз.

4|6 декабря

С присущей мне безмятежностью вынужден сообщить, что я был занят ничем, прям как Лев Николаевич Толстой в своих дневниках. Берём «лучшее» у великих.

8 декабря

Утром всегда тяжело вставать. А вот вставать к обеду — ещё сложнее. Непреодолимое чувство гравитации буквально вминает голову в подушку, тело ужасно ноет. Стоять горизонтально больно, но и не менее болезненно переходить в вертикальное стояние. Я называю это «фиктивное похмелье», а ещё намекаю про стоицизм, но пока опустим детали.

Как показывает многолетняя практика, после такого про-

буждения весь оставшийся день пойдёт псу под лапы. Пока организм раскочегарится, настанет уже глубокая ночь, когда нужно снова ложиться спать как нормальный человек, но получится ли? И вот мы в ловушке.

Сейчас такое время, когда на жизнь много зарабатывать не нужно. Подходит любая халтура, связанная с текстом, а если заказов «сушняк», то можно и у своего родственника поработать руками на станке. Поэтому я, непривязанный более к конкретному графику, стал жертвой снисходительности к собственной шкуре.

Завтрак для меня превратился в обед. И вот так, с корабля на бал, с помятой и недовольной физиономией, я упе-таю очень вкусный и наваристый суп. Сегодня вторник, ра-боты отец оставил мало, поэтому в первые же два часа умуд-ряюсь её закончить. Долго объяснять в чем именно заключа-ется моя задача, да и не вижу в этом смысла, лучше поберегу буквы.

Ближе к семнадцати часам снова обедаю тем же супом. Он ещё вкусней и наваристей.

Весь день гудит голова. Нервничаю вот на ровном месте. Психую и метаюсь. Как корабль назовёшь, так он и поплывёт – говорят люди. И я, с присущей злобой и раздражением, готов согласиться с этим утверждением.

Так давно я не курил и жил в гармонии. «Как прекрасен мир без сигарет!» – думал я на протяжении долгого времени, внушая себе образ жизни здорового человека. И вот теперь

я осознаю, что если срочно не покую, то совсем уж прогнозируюсь на человечество.

Очень неприятно осознавать факт такого пагубного принуждения. В моей голове появляются два фантомных джедая. Всё в лучших традициях давно изгаженной (одной мышью) саги. Да, в моей голове даже появляются световые мечи, которые чертовски опасны. Один джедай говорит мне, что скоро всё пройдет, не стоит начинать заниматься табачной ахинеей. Второй же, что находится на иной стороне (в моей голове нет светлых и тёмных сторон, как и добра и зла во вселенной), говорит мне, что если человек чего-то хочет, то он может это получить, ведь тогда придёт моральное удовлетворение. И вот эти фантомы набрасываются друг на друга. Боже, какая ярость! Никогда ещё не было такого ожесточённого противостояния за свободу и рационализм. Пока я отвлёкся от суеты, смотря на это кровавое зрелище, в голову пришел закономерный вопрос о равновесии и его применении в контексте нефизического проявления. Проще говоря, как понять, что внутренняя (мыслительная) гармония достигла нужного пика?

Кто-то утверждает, что внутренняя гармония наступает тогда, когда субъект перестаёт ждать слишком многого от других и когда достигается принятие самого себя. Другие же говорят, что равновесие – совокупность различных факторов человека, приведенных во взаимодополняющие системы. Но как по мне, такие утверждения больше подходят на

опускание рук, то есть, происходит прекращение поиска.

Идеала не существует, как и абсолюта, но в тоже время, эти два понятия заполняют нашу планету до мозга костей, а вот разглядеть такие особенности – совсем другой вопрос. И теперь, возвращаясь к вопросу о гармонии, стоит сказать, что вся эта борьба длиною в жизнь, до последней минуты; весь этот вечный путь поиска и есть то самое равновесие. По-другому человек попросту не может.

Самое время осознать человеку, что он не человек, а совокупность. Он животное, дерево и воздух – всё это... (молчание). Вот так. И ни одно слово тут не подойдёт, ведь слова являются нашим порождением. Отбросив брезгливость можно сказать (но слова всё равно всегда будут ложью), что мы просто те, кто должен всегда выживать. Нам нельзя останавливаться, нельзя получать переизбыток комфорта, ведь с абсолютным комфортом придёт и величайший умственный и физический упадок. И вот, зацепившись за идею о том, что предполагаемый человек является всего лишь тем, кто должен плодиться и выживать, можно сказать, что утверждение о полной идиллии и абсолюте во всём встаёт последним верным пазлом в этой смешной, но такой трагичной картинке. Понятное дело что, несмотря на шаткие умозаключения, я всё равно буду моделировать к кому-то отвращение, к кому-то симпатию, а когда увижу раздавленного голубя, то мне станет его жалко. Но во все эти моменты во мне будет говорить то воспитание, которое я получил в детстве, а оно, про-

шу заметить, является самым неискоренимым. На запутанной ноте моя мыслительная рука делает брейк.

Я останавливаю бой джедаев, чьи силы оказались предсказуемо равны (ведь в своей голове я их владыка). Так вот, я останавливаю этих пылких фантомов и говорю им, что я выбираю человеческое ошибочное равновесие. Я говорю им, что победила дружба. Теперь со спокойной душой можно купить табака, фильтры, бумагу средней плотности и машинку, но с тем условием, что отныне курение для меня будет являться неким несчастным ритуалом. Джедаи жмут друг другу руки, а я, довольный хэппи-эндом, выхожу из табачного магазина, затарившись необходимым.

Руки всё помнят, как и нос. Так приятно давать волю своим слабостям. Кто скажет, что потом эти слабости могут вылиться во что-то плохое – будут правы, но я также могу парировать тем, что есть на свете куда больше слабостей, которые уж точно не доведут до добра.

Каждый человек, даже самый несчастный и пессимистичный хочет жить. Природная тяга, инстинкт предков и всё такое. Понимаете? Вне зависимости от выбора, риск распространиться с жизнью в любую секунду – всегда велик, и это законное утверждение. В любом случае вероятность опасности высока и маленькая глупость не способна решить крошечную судьбу. Комбинации. Бесчисленные цифры странностей и обстоятельств. Спортсмен, который умер от солнечного удара. Ребёнок, отравившийся котлетой до «леталки».

Или вон пьяницы, наркоманы, которые умудряются прожить до девяноста лет. Никогда не угадаешь, да я думаю, что и не стоит. Вот простейшая истина – живи так, чтобы в уме твоём было солнце, а всё остальное уже оставь случайности, но помни, не стоит наглеть, этого вселенная тоже не любит, а ещё она брезгует и робкими. Ну а я уже успел забить себе плотненькую сигаретку, выйти в спокойную зимнюю ночь на улицу и в своё удовольствие не думать ни о чём под звёздным небом.

10 декабря

День, полный лени после вчерашней ночи. Что же такого особенного можно подчеркнуть? Собственно, не так, чтобы что-то да было. Просто за долгий простой посмотрел фильм, который откладывал на протяжении трёх лет. И вот, наконец, свершилось. Получил ли я удовольствие? Определённо. Закат хорошего сценария случился у киноиндустрии после 2005 года. Не могу назвать причину, всё же это не моя компетенция, но что-то у ребят случилось. Не сказать, что новые технологии стали всему виной (ещё до начала нулевых крупные компании умудрялись делать отличную картинку), но и сказать, что они никак не повлияли – тоже нельзя.

Фильм 2003 года, Корея. Да, он культовый. Кто догадался, тот молодец. Корейцы обладают отдельным культурным сег-

ментом во всём. Поражает сам масштаб мысли и доскональная структурированность. А весь лоск тех лет в настоящее время смотрится ещё лучше и интереснее. Меня поразила большая цепочка опорных точек, которые понатыкали между пунктами «А» и «Б», где многослойная идея мести переходит в метаморфозу главного героя, как часть продолжения пути, которое могло быть у антагониста картины. Здесь зритель сталкивается с отличительной моделью, показывающая всю ту прозрачную границу между противоположностями. Проще говоря: одно порождает другое с последующей цепочкой, по итогу замыкаясь в самой себе. Появляется кольцо из змеи, которая кусает собственный хвост в надежде насытить желудок, но тем самым подписывая себе смертный приговор. Не это ли первородный грех человека или же высшая юридическая уловка для пополнения казны?

Я стою под струями горячей воды и чувствую, как тело благодарит меня за такое мудрое решение. Мышцы потягивает, но это добрый знак. Когда я говорю родителям, что у меня болят мышцы, отец сразу интересуется, что же я такого сделал? Но для ломкого состояния ничего делать и не нужно. Да. Это удел всех людей, которые выбирают малоподвижный образ жизни. Такие доводы ну очень уж слабые и никак меня не оправдывают, поэтому приходится валить свою мышечную боль на неудобность некоторой мебели, например, плоские подушки. Вообще непонятно для кого выводили этих мебельных дискусов, но они заполнили все магази-

ны, а мы их покупаем, чёрт побери!

Продолжая тему кино мне хочется лишь закончить речь именно о современном продукте, и на это есть две причины. Первая: люди, имеющие доступ к интернету (а он есть абсолютно у всех) и немножечко серого вещества, и так понимают проблемы всех этих ярких картинок, в которых катастрофично урезали бюджет на сценариста. Вторая причина: есть вероятность того, что моё мнение – всего лишь (вау, как неожиданно) моё мнение. Поэтому, не стоит верить людям на слово. Я не помню, говорил я это уже или нет? Ну да ладно.

На мой скромный взгляд в кинематографе нет проблем хотя бы по той причине, что зритель всегда будет разделён толстой нитью одиночества своего мнения. Как и во всех аспектах жизни, всегда будет много ГЭ, и много ОГО! А также большое количество НУ ТАК. Можно, конечно, начать делать усреднённые рецензии, но я не маркетолог и не общественный онанист, деятель скукаблудия. Бывает, что я могу начать высказывать на счёт чего-то своё суждение публично, даже начать спорить с кем-то, но всё это один большой фарс, ведь я занимаюсь подобным ради хохмы. Люди такие милые, когда искренне пытаются злиться на чужие пиксели, отображённые в их китайских мониторах. Ясно одно, вне зависимости от времени, технологий, сюжета, бюджета и так далее – кино всегда будет самим собой. А всё остальное – никого неволнующие реакции и личные переживания, за которыми

ничего не будет стоять для производителя, кроме главного вопроса: сколько на этом можно срубить?

Все эти доллары, рубли, гривны, евро и прочие красивые бумажки – самые главные идолы человечества, без исключений. Есть, разумеется, сумасшедшие вроде Пер-а – гений и аскет, но даже этому чудному персонажу (который, к слову, отказался от баснословных гонораров и живёт на пенсию матери) нужно периодически купить молока и хлеба.

Если раньше ещё можно было пропитаться охотой, то сейчас, в наше весёлое время заката, каждый клочок земли и каждое деревце уже имеет своего хозяина. А хозяину нужны «песо», всё в топку производства. Ничего не должно пропасть зря! Чтобы насладиться мясом, фермеру нужно сначала продать достаточно скота, а потом уже купить его замороженный труп в магазине по акции. Пример условный и я приврал, но воспринять это стоит как метафору, а не как фактическое действие.

Мифический эквивалент измерения ценности товаров и лучшей жизни – самый настоящий и религиозный. Они нами буквально правят. Они высасывают силу из нас, они заставляют хотеть их. В головах нас, народа, деньги являются главной целью и главным синонимом к слову «счастье». Эти славные бумажки заставляют многих совершать то, что они никогда бы не сделали по природе богобоязненности, но и тут есть свои оправдательные фишки. Не стоит даже и пытаться обыграть этих охотников за личным счастьем, тем бо-

лее что я никогда не умел зарабатывать.

На улице, какой день подряд стоит просто чудесная погода. Такого на севере нет. Много снега, мороз без ветра, а ещё эта тишина опустевших дворов... красота. Мой личный сорт стационара, только без геолокационных ограничений. Свободный дурдом.

Молодёжь тут своеобразная, но в целом, как и везде. Такие, похожи на снимок с выдержкой. Когда в столице молодёжь уже перешла на «скорость», то здесь ещё виднеются следы более пагубных [ЦЕНЗУРА]. Широкие штаны только начинают входить в моду, в столице же эта мода пошла дальше, и теперь основная масса «не таких как все» перешли на уровень «онли овер сайз». В общем, у подростков один путь, просто мода уж больно долго распространяется по округе, словно жмень растекающегося мёда.

В шестнадцать лет я думал, что контекст взрослого стиля зависит от предпосылки моды каждого времени. Я свято верил, что взрослый я так и будет гонять в узких джинсах, просто ближе к тридцати годам эти «узкачи» будут более спокойного цвета, ближе к тёмной охре. Потом наступил период, когда я одевался «как попало», но всё равно выглядело симпатично. Как бы человек не старался делать что-то случайно, его математически устроенный мозг (а точнее математика, которую вывели из логической работы мозга) всё равно будет искать на подкорке мозга структурированные пути для решения даже пустяковых задач. Поэтому и

моё «невыпадение» смотрелось очень даже ничего, всё-таки себе не поднаслаждался... выглядел я сносно. И думалось мне тогда (не так давно), что так всё и останется.

Но вот прошло время и ступенька за ступенькой я начал склоняться к критерию удобства. Теперь я больше похож на любого среднестатистического взрослого и это случилось за десять лет! Я стал походить на обычного взрослого, потому что... я стал этим самым взрослым! И взрослый человек – это больше не цифры в паспорте, а лаконичный выбор комфорта. Вот так вот.

Совсем задубел. Несмотря на описанные прелести, у всего есть предел. Как и предел моего температурного комфорта. Сделав ещё один круг вокруг дома, возвращаюсь в родные стены и завариваю себе чай. Самое время наслаждаться красивой зимой через призму искривления стекла в тепле и с высоты птичьего полёта, думая о том, как здорово бродить по этим просторам вот так, когда взбредёт, в своей голове, разумеется, не напрягая при этом ног и не чувствуя боль онемевших пальцев рук.

Делая выводы сегодняшнего дня, я, как хороший адвокат, оправдываю своё безделье тем фактом, что сегодня просто день здоровья. Спортивная ходьба, ваша честь. Но когда обвинение начинает предъявлять мне выкуренную сигарету, то тут мой внутренний защитник, как ни в чем не бывало, говорит: «А вот тут вы неправы. Та сигарета была тоже для здоровья, ваша честь. Ведь у нас, людей, всё должно быть в

меру».

11 декабря

Прекрасное утро... могло быть, если бы не трое котов, живущих по своим заведённым правилам. Как тяжело слышать в пять утра их милые голоса, слышать скребущиеся коготки, а также грохот падающих вещей, слетающих на пол по воле пушистых мучителей.

Вдумчивый человек уже давно заподозрил, что его собственная жизнь является такой только условно. Выкиньте из организма все бактерии (то есть иные формы жизни, а их вообще-то несколько килограмм) и кожаная машина под названием «человек» тут же умрёт. Без иной формы мы даже не смогли бы переваривать пищу. Ага, первый звоночек! Все это знали, но никто не придавал значения.

Второй звоночек – внешние организмы. Например, коты. Я вижу, кто-то уже возмущённо и победоносно восклицает о том, что можно не заводить пушистых, да и в целом каждый отдельно мыслящий организм вправе выстраивать свою внутреннюю часть условного мира, переводя её в качественное проявление окружения. Полностью законное утверждение, но... есть одно «НО». Вы их видели? Этих пушистых засранцев. И неважно, что мы становимся их рабами. Что высший ум прислуживает этим машинкам для поглощения

и выведения еды, и больше ни для чего. Когда этот стервозный и очень прихотливый террорист усаживается на колени в особенно грустный день, то все многочисленные минусы и неудобства тут же забываются.

Любовь к животным, да и к себе подобным всегда будет эгоистичным проявлением, и по-другому не может быть, так уж мы устроены, простите великодушно. Я мысленно кланяюсь в пол, хотя это уже перебор. Беру свои слова обратно.

Суть в том, что даже самый добрый и святой человек всегда будет делать что угодно и поступать как угодно в корыстных целях. Такой человек (у которого есть кодекс доброго поведения) даже сам никогда и не догадается, что все его положительные поступки будут направлены на удовлетворение собственного внутреннего величия.

Пожарный спасает людей, ему нравится видеть благодарные улыбки спасенных. Он получает удовлетворение от мысли, что он делает важное дело. Он герой, и эта мысль даёт ему сил. Его социальная ориентация складывается так, что начинает приносить удовольствие моральной части, и в этом нету ничего плохого. Волонтер ходит в приют и бескорыстно (тут имеется финансовый эквивалент) помогает убирать за животными, кормить и возить по больницам. Такой человек делает это из-за сострадания, а ещё потому, что он позиционирует животных без хозяев как животных несчастных. Тут он решает внести свою лепту в улучшение их жизни, а следовательно, он знает, что может это сделать. Волонтер по-

нимает своё великодушие и сам возносится в своих глазах до статуса хорошего человека. Более декоративные причины у всех разные, начиная от чувства пустоты, заканчивая собственным переживанием за своё будущее, то есть, осознание смертности, но в любом случае, в этом нет ничего плохого. Высоко религиозный человек верит в бога, молится ему, даёт мелочь нищим, а ещё покупает свечи с той целью, что рассчитывает заслужить расположение своего потенциально возможного создателя. Получается некий усредненный бартер, при котором человек пытается совершить некую сделку, не называя её сделкой. Он притворяется, что делает по уму и сердцу, да так умело, что такая иллюзия (как и любая другая) становится действительно правдой. Но вот представьте, если бы смерти не было или изначально религия не стала бы частью наследства каждого предыдущего поколения, то такая функция как набожность тоже не существовала! Вот так неожиданный логический поворот, но это не отменяет факта, что принадлежность к религии делает кого-то не таким как все, просто ещё одна ветка личного (я надеюсь) выбора.

Раздел плохих людей живёт по тем же законам, по каким муравей наслаждается тем же солнцем, что и человек. Просто чувство эгоистического начала откровенно берёт свои бразды, заставляя не надевать театральную маску и ставя в таком уравнении знак «минус» там, где стоят маленькие бонусы в виде выгоды и для других, вроде налога в двадцать процентов с зарплаты. Со своих денег ты отстёгиваешь про-

центы, чтобы могли жить другие.

Плохой человек только тем плохой (ладно, не только), что он не желает платить этот мифический процент кому попало, так как выбирает путь становления себя, как главного объекта почитания без смирения. Ещё, конечно, негативная обусловленность связана с нарушением такими людьми границ других, но это уже условности, которые должен пресекать уголовный кодекс.

За окном быстро темнеет. Короткие дни, что поделаться? Но по сравнению с северной частью, относительный день держится намного дольше, да и постоянство солнца очень радуется. Сейчас наступает час, когда хочется снова пройтись по ближайшим углам и просто подышать этим сухим морозным воздухом, глянуть на закат могущественной звезды и просто выкурить одну хорошую папиросу. Я много думаю обо всём на свете, но иногда сила этих мыслей меркнет именно в тот момент, когда я облачаю их в слова вне контекста своего ассоциативного разума. Это самая печальная черта в людях.

Мне так хотелось бы поделиться с кем-то своими первоначальными мыслями, которые не имеют этой строгой и условной формы в виде слов и предложений, но ещё нет технологий, которые могли бы позволить осуществить подобное. И так вот приходится всё молотить, молотить языком много символов, а потом вечером понимать, что это пустое. Что сказал ты ровным счётом ничего. И тогда вот наступает одиночество. Не то одиночество, когда человеку некому подсесть

на уши, как к бесплатному психологу и не то одиночество, которое многие юные умы путают со скукой. Нет. Это другое одиночество. К нему не чувствуешь никаких эмоций, только гипнотическое ощущение бездонной дыры, что высится над нашими головами, а мы всё учимся не замечать эту бездну, притворяемся, что у нас есть цель. Что есть у всех нас особый путь. И сколько, в таком случае, внутренних, таких же «я» сидят сейчас в своей голове, пытаясь сообразить ещё пару хитрых финтов, дабы не затянуло с головой?

14 декабря

В неофициальной работе есть свой смак. Пени, конечно, не падает на мой счет в фонде социального страхования, которым я навряд ли смогу воспользоваться в контексте всё время повышающегося пенсионного возраста, зато график не нормирован, и я почти не чувствую себя роботом, который должен выполнять заданный алгоритм действия ради ещё одного дня не на помойке.

Предшествующие два дня были перегружены работой. Приходилось вкалывать и головой, выдавливая из себя текст для ужасающе скучных заказчиков (лучше бы они обратились не ко мне, хотя я сам, дурак, взялся), и телом (но вообще в работе участвуют только глаза и руки, а ноги только для досуга). Это были тяжелые два дня, где не было времени

на посторонние мысли и лишние телодвижения, но для меня это даже своеобразный подарок. Иногда вот так хорошо погрузиться в некое подобие вакуума, засунув свои личные (уже успевшие поднадоесть) проблемы в карман следующих дней. И просто выкладывать на все семьдесят пять процентов. Остальные двадцать пять отводятся для сна, туалета и ванны. Техническое отступление, господа.

Заработав свою копейку, сегодня полностью получилось погрузиться в личную тематику. Причём у меня не нашлось ни одного важного дела, хоть я и тщательно пытался его вытряхнуть, как только открыл свои высушенные глаза, предчувствуя беду свободомыслия. Дабы хоть как-то потратить пугающую свободу, решил подровнять свою жидкую бороденку. Я также выщипал волосы из носа и даже умудрился аккуратно побрить волосы на ушах (у меня они вырастают как у волчонка).

В секунду промедления, в мгновение моей слабости, одна мысль всё же проскочила зайцем, затем дав почву. И вот я, озабоченный на ровном месте, скручиваю себе сигарету, пока в голове целый цыганский табор электрических импульсов начинает свой праздник с плясками.

Терзания сегодняшнего дня – люди и труд. Последнее слово сделало из обезьян нас, по утверждению некоторых учёных-романтиков, но современный труд также умудрился сделать из человека некое подобие машины, которая вечно должна (с пробуксовкой) завозить свой камень на гору, что-

бы этот камень из раза в раз скатывался вниз и так, пока кто-то не сойдет с ума. Либо ты, либо камень. Но когда с ума сойдёт камень – это все равно будешь ты. Мысль ясна, я надеюсь?

Следуя такой логике, мои внутренние цыгане доходят до момента, где они закидывают руки вверх, приближаясь к главной части танца. И тут всплывают родители, которые день и ночь, без каких-либо выходных, тащат этот огромный камень на гору. И хоть я говорил, что моя светлая матушка домохозяйка, но это не отменяет её постоянную беготню на два дома, где нужно помогать сестре с детьми, а потом бежать обратно: убирать, стирать, готовить, убирать за котами, убирать за дурацким сыном. И во всём этом ещё стараться выкроить хотя бы час времени на себя. А отца я вообще вижу в основном только ближе к ночи. Этот титан пашет за десятилетях. И так всю свою жизнь!

Я, как, хоть и непутёвый, но сын, начинаю грузиться на осознании такого неприятного факта. Вот как вся уникальность существования конкретного разума с конкретной памятью может вот так тратить эти уникальные мгновения на постоянную беготню за деньгами ради чуть более лучшего дивана, чем у соседа или чуть более сладкого куска пирога? Вкусно поесть – здорово, да и красивая побрякушка радует глаз, но ни одно материальное благо не сможет сравниться всего лишь с одной секундой вдоха свежего воздуха, покалывания щёк от мороза без ветра, и осознание того, насколько

же прекрасно просто быть.

Речь ведь не только о моих родных (понятное дело, просто они меня волнуют больше всех остальных, уж простите), но и о самом сложившемся принципе такой вот жизни говорящих машин. За всей суматохой человек просто забывает элементарные истины, которые не нуждаются даже в озвучивании. Точнее, не нуждались в озвучивании, пока все про них не забыли, и вместе с тем забыли передать эти забытые истины своим новоиспеченным обезьянкам.

И вот все мы, важные хомяки в большой клетке, всё бежим в этом колесе наперегонки, не замечая, как со временем нас разрывает от такой мощной тяги. Понятное дело, сейчас цыгане перестанут танцевать, просто разведут костёр в моём рассудке и будут греться, наплевав на меня, а потом придут разгневанные люди и начнут кричать: «А что ты нам предлагаешь, что? Какую альтернативу?» И я опущу свой взгляд, ведь альтернативы у меня ни для кого нет...

Самокрутка моя, между делом говоря, очень даже хороша. Знаете, эта неправильная привычка, но такая приятная, особенно когда ты поел, потом выпил горячего чая, а затем выкуриваешь все эти химикаты, что медленно помогают кислороду и времени убивать организм. Так вот, ко мне на помощь приходит внутренняя зима, где небо неожиданно выбрасывает целую вселенную снега, завалив моих цыган с головой. Даже не откопать. И вот этот мороз говорит мне по секрету, по своему сдержанному темпераменту, что я люблю

драматизировать.

Представь, что сейчас у всех появится куча свободного времени. Каждый трудяга, что за годы стал мастером в своём деле, вдруг лишится возможности проявлять себя там, где он был нужен. Его работа – это то, из-за чего этот человек чувствует себя важным и нужным на этой странной и непонятной планете. А даже если кто-то и не доволен своим трудом (у нас тут много людей, которые работают не по профессии), то лишившись его и, получив неограниченный запас свободного времени, поймёт, что не так уж и плохо было на этой каторге. Сама наша природа и история эволюции говорит о том, что труд – одно из немногих удовольствий, которые только могут быть у человека. Труд даёт возможность полноценно жить, заставляя всё время быть чем-то занятым.

Я знаю, что сейчас снова набегит толпа недовольных, которые начнут кричать, что я преувеличиваю. И что они-то, все, кто пришел, смогут запросто беззаботно жить, ничем себя не утруждая, хоть до самой смерти. Тут я насуплюсь, а затем громко посмеюсь над этой гипотетической толпой. Не со зла, что вы, а так, от наивности милых смельчаков. А потом скажу: «Люди, попробуйте хотя бы месяц ничего не делать, и вы увидите, что полная праздность и бездействие – худшее, что может с нами случиться!» И я буду абсолютно прав. Серьёзно, попробуйте.

Благодаря катаклизмам я на собственной ленивой шкуре ощутил нехватку в движении, в желании быть причастным к

какому-нибудь делу, а ещё соскучился по тем копейкам, что все эти движения мне дают. Ну не может организм, что появился благодаря труду (это так, образно) не заниматься трудом. Без труда человек начинает претерпевать физическую и моральную деградацию. Такие люди чаще умирают или сходят с ума, честное слово (?)

Поэтому, принимая в расчёт данные мысли моей внутренней зимы, я прихожу к выводу, что не стоит расстраиваться на счёт своих родных. Ведь то, что они делают, и делает их. То есть, тут будет уместно упомянуть выражение: человек сам себя выковывает.

Отбери у моего отца его дело, в котором он ас, и этот человек погрузится в скуку. Ему просто перестанет нравиться просыпаться по утрам. Да, он будет высыпаться, подолгу сидеть перед телевизором и наслаждаться холодным пивом, а моя мама сможет в своё удовольствие перебирать журналы, но все эти удовольствия не вечны.

Наслаждение от отдыха формируется за счёт ограниченности. Невозможно отдыхать, если ты не устал. И невозможно насладиться холодным пивом, когда ты и так его пил с утра, ведь никуда не нужно идти, ничего не надо делать. Такой вариант меня вполне устраивает и удовлетворяет, потому что это правда. По крайней мере, в контексте сложившихся в обществе мнений и ощущений. И такими мы можем быть только тогда, когда делаем то, что делаем. Вот и вся логика.

Остаётся единственный вопрос оплаты всего этого труда, здесь большие проблемы, но эти вопросы уже не ко мне. Теперь, после столь долгой мозговой работы я понимаю, что просто обязан дать себе отдохнуть. Словно «Роденовский мыслитель», что накачал себе ещё одну позитивную струну ко всей происходящей вакханалии, я иду и покупаю себе пиво с чипсами, чтобы просто попятиться в зомби-ящик и насладиться мгновением. Пиво естественно, безалкогольное.

15 декабря

Так иногда случается, что жизнь может занести нас в разные места и в совершенно безумные ситуации. Ещё чаще бывает, что места и ситуации вполне одинаковые и обычные, но в голове что-то щёлкает, и человек ввязывается в какой-то алогичный вестерн со своим участием.

Сегодня я остался снова без важных занятий. Вот так поворот. И как бы я не сопротивлялся, мой дорогой родственник выкинул меня на улицу, прямо на мороз! Этот родственник сказал, что мне нужно больше дышать воздухом, нужно больше двигаться, насыщая кровь кислородом.

Ничего не остаётся, как покорно согласиться, выкатиться из тепла и пойти гулять. Хочу заметить, на этот раз я не стал сворачивать себе сигаретку, все-таки я умею себя контролировать и могу в любой момент отказаться от вкусняшки. Вот

она, взрослая жизнь.

Погодка радует меня каждый раз, как я оказываюсь на её территории. Ещё светит солнце, мороз и снег. Последнего маловато. Хотелось бы как в детстве, чтобы слышать скрип этих водных кристаллов, а ещё искать обходные пути.

Досуг здорового человека. Непривычно вот так, без малейшей цели, колесить по знакомым дворам. Правда, если до недавних пор я испытывал некое подобие ностальгии, воспоминаний с детства там, то теперь не чувствую ничего.

Немного жалею, что не взял с собой табака, но потом успокаиваю себя, ведь это правильное решение. Вообще немного боязно ходить по этим суровым землям. Не так, чтобы кто-то сейчас вот подкрадётся ко мне и расквасит голову, но чувство тревоги не покидает меня из-за мелких деталей. Например, даже такая мелочь, как особое любопытство почти каждого прохожего. Не понимаю, какого чёрта все друга на друга так внимательно смотрят, будто изучают. Вот в большом городе всем плевать. Каждый принимает некое разнообразие физических достатков и недостатков человека одинаково – никак. Живя в мегаполисе, я даже почти поверил в возможность нового витка общества, когда, наконец, каждый поймёт, что другой человек не его собачье дело. И я до сих пор в это свято верю, просто до ребят с более мелких городов такая тенденция дойдёт намного позднее.

Несмотря на густые слои одежды, начинаю подмерзать. Кончики пальцев немного так пощипывают, как и лицо. Но-

ги в огромных ботинках ещё держатся, но неровен час, и они тоже начнут канючить домашнего тепла.

Уже десять минут прошло с момента, как я покинул комфортный круг своих «бродилок». Ноги несут меня по соседскому кварталу. В нём тоже никаких изменений, а что поделаться? Прогресс прогрессом, а у нас своя праздная и экономная культура. Да и если старые здания ещё не осыпаются проходим на головы, то зачем вообще что-то менять?

Хочется сказать большое спасибо возможности уйти в совсем иную реальность. Реальность литературы. Если я это писал где-то выше, то ничего страшного. Я многим обязан литературе. Если бы не все эти замысловатые буковки, все эти чёрточки и строчки, то наверно, я сошел бы с ума от безысходности. А со всеми этими разнообразными вымыслами можно более спокойно относиться и к реальности, которая не так чтобы жалуется своего вынужденного читателя. Я не говорю про нашу планету, скорее это укор в сторону всех тех, из-за кого хочется убежать в вымышленный мир. Спасибо.

На дороге я вдруг встречаю шепчущихся подростков. Лет им по четырнадцать-пятнадцать. В этом можно не сомневаться, я и сам не так давно был таким же. Помните, в начале я сказал про алогичный вестерн? Этот как раз такой.

Не знаю зачем, но я вдруг понял своим «высшим» разумом, что нужно начать шпионить за этими персонажами. Сразу оговорюсь, что не имею никаких запрещённых склон-

ностей, упаси меня самый гуманный суд в мире, но почему-то стало ужасно интересно понаблюдать за жизнью группы современных хулиганов.

Среди троих пацанов затесалась девчущка. Для оценивания внешности я не стану опускаться, да и это вовсе неинтересно в данном случае. Интересно то, что эта ПНГ (подростковая невооруженная группа), как я их начал называть, уж больно активно перешептывалась. Они шли впереди меня, приблизительно в двенадцати метрах. Я их не слышал, поэтому меня так сильно и заинтересовало. Ведь настоящие подростки, наоборот, говорят громко, напоказ, смеются как кони, ведь по-другому нельзя привлечь внимания людей, чтобы те, в свою очередь, заценили новые кроссовки или всю непокорность характера в традициях лучших детективных романов.

Я сразу же притаился в своём уме, но внешне всё также беззаботно продолжал идти по своим делам. Шушуканья продолжались, как и нарастающий интерес разобраться, что же там такое? Вот они свернули за угол. Аккуратно, словно кошка, мои ноги скользнули за ними. Их спины шли вдоль длинного девятиэтажного дома. Вдруг, возле одного из подъездов группа остановилась. Парни остались у лавки, а их подруга заскочила в подъезд. Я притаился за два подъезда. Всё изображал из себя простого прохожего. Через семь минут девушка вышла. Единственное, что изменилось, так это её лицо. От подростка мало что осталось. На вид теперь ей бы-

ло лет двадцать. Вот так мэйкап! Теперь ПНГ направилась в сторону магазина.

Молодые люди снова остались снаружи. Перед тем, как эта трансформированная барыня зашла в магазин, она собрала по очереди с друзей деньги (элементарная логика), а затем зашла в продуктовый. Один из ребят заметил мою физиономию и неодобрительно козырнул. Для поддержки своего камуфляжа я насупился в ответ и прошел внутрь магазина. Такой ход пришел неожиданно, но это только сыграло мне на руку. И на ногу тоже, ведь я чертовски замёрз. Теперь можно было особо не скрываться. Я был просто покупателем, который что-то выбирает в магазине рядом с девушкой, которая тоже что-то зашла купить. Я не буду ломать комедию. Все мы взрослые люди и плюс-минус догадываемся, что за фокус решила провести (и, наверное, уже не в первый раз) эта девочка-подросток.

Мои ожидания сразу же оправдались, ведь «мошенница» уже стояла у холодильника с пивом, тщательно выбирая, что же ей взять. По итогу, когда я проходил мимо, то увидел, что выбор пал на вполне себе дорогое пиво. Заметка на будущее: современным подростком родители дают больше денег на карманные расходы. Теперь оставалась главная интрига: поверит ли ей женщина на кассе?

Выбрав себе молочную шоколадку ровно в тот момент, когда девушка пошла к кассе, я пристроился следом. Сел, так сказать, в самом первом ряду, чтобы внимательно просле-

дить за мельчайшей мимикой продавщицы и мимикой этой наглой особы. Собственно, увидел я отличную актёрскую игру от юного создания, а кассирша даже головы не подняла. Девушка говорила и вела себя настолько естественно, что, даже зная правду, я засомневался бы, что ей меньше восемнадцати. Вот вам второй вывод за сегодня: современные подростки более наглые и уверенные в себе, и это даже идёт им плюсом, если прибавить немного знаний и воспитанности, разумеется.

Побеждает сильнейший, классика нашего бытия. Просто человеческая сторона моего социального (конкретно этого модуля) воспитания сразу же вспоминает себя в шестнадцать лет. И вспоминая себя, могу с уверенностью сказать, что моё лицо покраснело бы только от одной мысли, что я вот так мог бы зайти в большой супермаркет и с намалёванным лицом обманывать взрослого человека. Я уже не говорю о походе за контрацептивами в аптеку. До сих пор больно вспоминать...

Расплатившись за шоколадку (кстати, на меня вот продавщица посмотрела, и взгляд её был крайне суров, я даже приготовился достать паспорт, но вовремя спохватился), я пошел в обратный путь. Погуляли мы достаточно. Надеюсь, моя кровь успела урвать себе нужное количество кислорода, я-то уж точно вдоволь надышался холодным воздухом.

П.С.: как, всё-таки, прекрасно иметь молодость, и как ужасно это не осознавать в самый её расцвет.

16 декабря

Если вдруг кому интересно, то я сегодня встал без чьей-либо помощи до полудня, и это мой личный рекорд за последнее время. Зимой всегда включается режим мишки, хочется всё время быть в спячке, ну да не суть.

Каждый раз удивляюсь (как только есть повод пораскинуть мозгами), как человеческая особь умудрилась создать столько всего удивительного, подчиняя те или иные законы природы в своих изобретениях? Кто прямо сейчас мне расскажет принцип работы телевизора или, кто сможет назвать все составляющие лампочки? Но речь сейчас не об этом, можете не отвечать. Я и сам поленился узнавать подобные детали. Работает, и чудно.

С технологиями развивались и социальные отношения. Всё новые своды законов, отвоевание прав личности, уравнивание прав женщин и так далее. Но вместе со всеми успехами и прогрессом начали образовываться группы, которые, ввиду достигшей демократической свободы, вдруг начали наглеть и всё больше требовать от других.

Пока я готовлю себе завтрак (а он состоит из жарки когда-то сваренных пельменей и забиванием в них двух яиц), другие готовят очередные непонятные движения. В моей [ЦЕНЗУРА] с-е не так сильно чувствуются подобные волне-

ния, но вот за границей, судя по новостям, происходят целые социальные революции.

Все (якобы) меньшинства вдруг посчитали, что самое время качать права со своего п-а и мира за каждый мелкий грешок. [ЦЕНЗУРА] хотят браков. [ЦЕНЗУРА] хотят для себя отдельный туалет. Чернокожие вдруг решили, что у них есть право унижать белых вне зависимости от поступков последних. Гетеросексуальные женщины начали возмущаться, что их муж поднимает на их прекрасные лица свою пьяную руку. Хотя, казалось бы...

Заглатывая очередной пережаренный и расплзшийся пельмень, и чувствуя весь холестерин масла, я сам удивляюсь каше, которая разверзается в мире. Первое, что хочется сказать: борьба – это очень хорошо. Это ещё один виток в развитии общества и становлении идеализированных порядков, которые улучшат жизнь всем, ведь, чем счастливее наши ближние, тем больше должны быть счастливы и другие. Так должно работать в здоровом обществе.

Второе, что хочется сказать сразу после первого (после выявления позитивной стороны вечной монеты), так это подчеркнуть абсурдность вышеперечисленных лиц, которые совсем вышли из-под контроля. Подумать только, как свобода действий развязывает руки человеку, что тот готов начать необдуманно бить, а потом, в порыве бешенства, начинает открывать свой бойцовский клуб и идёт на охоту за короной.

Традиционно, уже по сложившемуся укладу, в моей голо-

ве (которая до сих пор жуёт, правда уже конфету) сбегается целая толпа не просто недовольных людей, эти люди прям разъярены! Готовы вот-вот порвать меня.

Кто-то из мужчин очень манерно выкрикивает, что я не понимаю, о чём говорю, что на мне розовые очки, и что я такой-сякой. Но ваш верный слуга не готов сдаваться, потому что в кармане моих новых брюк (они очень красивого охристо-зелёного цвета) завалялась маленькая смятая бумажка, да. Это моя воображаемая речь.

Сама по себе она не несёт ничего нового, зато ставит вещи на свои места. Там чёрным (может теперь я расист по отношению к цвету шрифта?) по белому (по белым теперь действительно ходят ногами в пендостане) написана речь обыкновенной логики. Вы не поверите, но так тоже можно. И прежде, чем меня растерзают как главного героя романа «Парфюмер» все эти собравшиеся люди, я все-таки прочитаю записанные пункты.

Вот я разворачиваю бумажку, руки мои трясутся. И не удивительно, я нервничаю. Буквально моя жизнь зависит от того, насколько убедительно я смогу распутать клубок собственного утверждения. Сейчас мне даже не до жареных пельменей и конфет, ведь я их уже съел и вполне удачно растянулся на диване. То есть, я уже развернул спасительный листок. Что на нём написано афроамериканским цветом, вижу только я, а вижу я пустой листок. На нём ничего нет, ведь обрывки тезисов в моей некомпетентной голове. Ну вы че-

го? Соберитесь, пожалуйста. Мне не нужно записывать такие простые ответы на вопросы, а бумажка так, для эффекта.

Все обделенные затаили дыхание, а я с серьёзным видом начинаю говорить, бегая глазами для полноты своего маленького обмана. Причём времени у меня мало, нужно максимально коротко и чётко объяснить всё, поехали!

[ЦЕНЗУРА] не понимают, что брак – традиция, у которой есть свои критерии, одним из которых является: гетеросексуальные отношения для продолжения рода. Каждый, у кого (сейчас мы говорим условно) была свадьба – имеют детей. Всё это движение раньше было вопросом выживания человечества, поэтому за столь долгую тысячу лет у всех уже содался конкретный образ, а он говорит о том, что свадьба играется исключительно между мальчиками и девочками. Возникает вопрос: зачем вы, [ЦЕНЗУРА], лезете в гетеросексуальные традиции? Сейчас в современном мире нормальные люди не женятся и не выходят замуж, это ловушка! Занимайтесь своими делами и живите счастливо, никто вас не трогает. Так что включите голову и просто будьте. На крайний случай придумайте свою фишку, которую не смогут использовать натуралы и пользуйтесь ей. Едем дальше!

[ЦЕНЗУРА] и их желание перешить окружение под себя. Тут вообще всё элементарно. Эти несчастные с самого детства чувствуют дискомфорт, так как считают они себя другими. Мальчики хотят быть д-и, а девочки м-и. Хорошо. Медицина добилась того, что теперь невозможно даже понять,

что перед тобой [ЦЕНЗУРА], а если даже и да то, что дальше? Почему вдруг эти люди решили, что раз одному отрезали шарики и сделали грудь, то он может участвовать в спортивных мероприятиях наравне с другими женщинами? Алё. Мне жаль, что произошла биологическая ошибка и вы родились не в желаемом теле, но будьте людьми, мужчины по природе сильнее женщин. Мать вашу, вы хотите играть нечестно! А это уже подлость. Просто включите здравый рассудок и мир примет вас, я вам, хотя нет, не обещаю. Но нужно ли вам одобрение? Просто живите как все люди, и не орите на весь мир свои убеждения. Едем дальше!

Чернокожие и их восстание против белых совсем походит на абсурд, особенно поведение белых персонажей. Я прекрасно понимаю, много веков чернокожих эксплуатировали белые (вообще в природе нет белого, поэтому странно звучит) колонизаторы, но это было чертовски давно! Понимаете? И с чего это новый белый человек должен вечно извиняться и теперь прогибаться под чёрных? А я отвечу: да ни с чего! Для меня большой культурный шок, что афроамериканцы себя ведут как животные с бешенством и им это сходит с рук. Алё, двадцать первый век, вы уже давно стали крутыми. Вы музыканты, спортсмены, любовники (для некоторых белых женщин), вы комики, поэты, да кто угодно! Что вам нужно? У вас там у всех болезненные месячные? Хватит тыкать в историю, где все эти герои давно мертвы. Так было заведено тогда, и ничего с этим не поделаешь! Просто

пласт истории. Точка. А вы превратились в дикарей, от чего нормальный человек будет испытывать к вам омерзение, и возможно, благодаря вам, наоборот, начнёт вас в тайне ненавидеть. Запомните, что остатки расизма нельзя победить расизмом. Просто будьте людьми. Едем дальше!

Гетеросексуальные женщины-феминистки и просто феминистки. Времени у меня мало, учитывая, что толпа начала ломать забор, который разделяет гневную трибуну от вашего верного слуги. Так вот, слушайте внимательно! По поводу семейного насилия. Ты сама дура, что связалась с деспотичным мужиком, который ведёт себя как неотёсанное животное. Ты куда смотрела? На красивые глаза и рост? Вот и получаешь... А если что-то не нравится, то быстро разведись через суд, и все дела. Просто перестань ныть. И не надо говорить, что он был другим. Адекватные люди сначала живут с человеком много лет, прежде чем играют свадьбу. По крайней мере, так делают здоровые и счастливые люди, а ты обосралась и теперь перевешиваешь груз ответственности на других.

А вы феминистки, совсем уже стали посмешищем. Вы в курсе, что умные женщины уже давно стали получать всё, что только им захочется. Умная женщина и живёт как хочет, и много зарабатывает. Никто её не угнетает, потому как она сама себе хозяйка. Феминизм был нужен в своём далёком зачатке, когда патриархат действительно был неадекватным и держал женщин, как машин для рождения наследника, но

сейчас другое время! Кто угодно может взять что захочет, а вы, просто группа лентяек, раздолбаек, если вам удобно, которые ничего не делают, чтобы жить той жизнью, которой хотите. Психология человека так задумана, что он видит то, что хочет. И если вы видите какие-то проблемы, то только вы их и притягиваете. А всё ваше движение является просто модой и возможностью почувствовать свою важность, хотя на деле, в глазах здорового человека (который не измеряет свою важность типом гениталий) вы выглядите просто жалким посмешищем. Но знайте, лично мне вас очень сильно жалко!

Я не успеваю пафосно закончить свою речь, так как толпа уже тянется к моей шее, и уж точно не чтобы меня обнять и сказать, как я чертовски прав! Стараюсь бежать как можно быстрее, на ходу поднимая руку в попытке поймать такси. И мне очень даже везёт. Да. Белый отечественный автомобиль останавливается. Я успеваю заскочить, закричав «поехали!»

Водитель будто ничего и не замечает. Неудивительно, ведь по выходным он работает главным парнем, контролирующим мои мысли, а значит, он и контролирует всю ситуацию. Я же всё не могу восстановить дыхание. Водитель спрашивает, куда мы держим путь, а я протягиваю ему много денег и говорю, что сам пока не знаю. Только чувствую, что нельзя останавливаться.

18 декабря

Я могу повторяться. Могу ходить вокруг одной темы, а ещё очень часто говорить слово в слово, что редкий человек, который попадает под моё бляение, начинает указывать мне на этот якобы «промах», хотя лично я сам не вижу в подобной черте ничего плохого. Повторяться можно по разным причинам. Проблему деменции я не отмечаю, но она настигнет меня ещё не скоро. Пока молодость сдерживает сложившуюся внутреннюю кашу. Но когда настигнет, то я начну повторяться в десять раз больше. Такова математика.

Сам для себя я объясняю свои повторы, как некий стабильный материал. Уже обкатанный stand-up жизни, который к собственному тридцатилетию смог остановить некоторые плавающие «НЕ истины», обозначив их золотую середину. Поэтому, если кто меня спросит, а сколько же будет два плюс два (и спрашивать меня это будет не первоклассник, а дядя с бородой и в пиджаке), то я смело скажу, что не математик. А ещё добавлю, что с такими вопросами этому умнику нужно обратиться к самому себе, ведь невозможно ответить на общий вопрос личным ощущением. Да и финансовая, и моральная составляющая у нас разная. В философском примере два плюс два для себя я вижу постоянно меняющуюся сумму, которая каждый день имеет разный коэффициент, и

как в продолжение этой следственной связи, разную степень важности.

После двадцати лет становишься материалистом, когда лично сталкиваешься со счетами на воду, электричество, еду и много всего другого, ведь в обществе абсолютно всё стоит денег. Кто-то скажет, что дружба и семья – те институты, которые не купишь за деньги. А я, в свою очередь, просто посмеюсь, ведь деньги правят всем. Да, да, дружочек, таков элементарный закон. Возможно, ты романтик и идеалист, но на свою бойкость даже воды не попьёшь.

Вот ты говоришь, что дружбу не купишь, но по факту люди дружат с теми, кто соответствуют их собственному социальному статусу. Я не знаю ни одного человека, который бы имел самую настоящую и искреннюю дружбу с бомжом. А эти ребята, между прочим, тоже люди, да ещё и разные. И я вправе говорить так, ведь очень с большим количеством имел честь вести диалог. Одна треть из массы оказались интеллигентными, очень мудрыми людьми, у которых за плечами такие истории, что любая компашка обзавидовалась, порвав себе лица от смеха, но никто по-настоящему с бомжом не дружит. Как и очень богатый человек, пусть будет директор крупной фирмы, никогда не будет дружить с подчинённым. Вероятность такой дружбы есть при условии, что менее обеспеченный сотрудник обладает чем-то важным или просто является неким катализатором для решения личных внутренних споров дяди богача.

Также и с семьёй. Жена хорошо относится к мужу, пока он выполняет свои обязанности перед ней и малышом. Пока он их обеспечивает, то и отношение к нему держится на уровне от удовлетворительного до уровня молодец, но как только у мужа случится эмоциональный кризис и он на время будет вынужден перестать быть добытчиком, то отношение к нему сразу сойдёт на нет. Исключения есть только в тех семьях, где есть другой доход. Каждая материальная песчинка имеет цену, также как и душевное благополучие очень часто опирается на материальные средства. Они могут быть с разным номинальным эквивалентом, да и в разных валютах, но они есть.

Я просто хочу сказать за себя (а по-другому и не может быть, сами понимаете), что мой ответ на два плюс два имеет финансовый подтекст. Когда у меня есть деньги – я становлюсь увереннее в себе, я становлюсь уверенным в завтрашнем дне. Все коррупционеры и прочие миллионеры выглядят уже не так отрицательно. Отношение к таким становится снисходительным, но если финансовая хандра начинает одолевать меня в самый неподходящий момент, то тут уже всех нужно немедленно проверить и посадить!

Эгоистичность, меркантильность, материальность, наглость, бездушность, чёрствость. Больше в голову не приходят слова, которые можно было бы использовать в мой адрес о моих суждениях. Если вы знаете ещё какие-то заковырки, которые могли бы охарактеризовать вашего верного шу-

та, то с полной смелостью используйте, но это не меняет главного – важность наличия денег. В рублях, долларах, лучше в евро, фунтах, наличными или на сберегательном счёте. Деньги – человеческий бич, дьявол и главная промашка, с которой никогда не настанет того утопического будущего, когда инопланетяне скажут, что вот с этими ребятами нужно подружиться.

Прежде, чем меня критиковать, подумайте обо всём этом, перешагивая блокираторы логики, которые могут сидеть в вашей голове. А если вы со мной согласны то, что ж, мне это ничего не даёт. Добро пожаловать в клуб людей, ничего не изменивших в своей жизни, но которые теперь принимают социальную природу без лишних дёрганий.

Вообще я хотел поговорить не о том, кто нами правит, а совсем о других вещах. Только вот брюзжание сегодня взяло верх. Иногда приятно быть приятным, но только иногда. Не стоит забывать, кто мы есть, а я пессимист и брюзга. Такие дела. Кто хочет поспорить – пожалуйста, я всё равно не буду учувствовать в этой бесполезной затее. Зато вот вчера (день, который остался за кадром) я был хорошим и позитивным. Да. Вот такой вот я наглец, который скрывает зёрна позитива в земле, показывая своим гостям лысый остров без ростков, но, может статься, что когда-нибудь эти зёрна попрут вверх. Мне кажется, это случится ближе к преклонному возрасту.

Как ни старайся, но чем старше становишься и чем больше обрастаешь проблемами на всех фронтах, тем больше

становишься позитивнее и улыбчивее. Мне думается, это какое-то природное действие самого организма, который помогает себе (а значит, и нашему разуму) преодолевать кризис, иначе мало ли что человеку может прийти в голову...

Да, когда ты был молод то, скорее всего, не ел овощи, ложился спать никогда, а параллельно учёбе умудрялся пить, как целый взвод любителей лото. Ты всем был недоволен, но по факту тебя ничего не беспокоило. Теперь же ужасно болит спина, нет зуба, в сон клонит уже с самого утра, живот не может переварить чуть жирную пищу, без очков ты видишь тьму, а в очках голова начинает болеть так, что уж лучше бы это был ремонт соседей сверху, но (!) ты улыбаешься, выискиваешь рецепты, перед очередным сном слушаешь медитацию, а для всего остального есть простая мысль, что могло быть и хуже (всё ещё впереди, но мы улыбаемся).

Вчера я действительно отдохнул и телом, и душой. Вечеринка, да. И если раньше вечеринкой я называл пьяные купания на речке в кругу сектантов под неадекватный смех товарищей, то теперь вечеринка превратилась в двух друзей, чай с печеньем и прослушиванием последних альбомов любимых исполнителей. Очень приятно сокращать свой круг общения, переставая тратить нужную энергию на ненужных тебе людей. Остаётся маленький остров тех близких, с кем можно и не говорить, а если и говорить, то можно перебивать, орать, махать руками, и все тебя поймут и примут. А ещё этот остров состоит из людей, которые и через год, и че-

рез два твоего молчания, снова примут заблудившуюся овечку в свой круг, а ты (такой занятой и неблагодарный) даже не почувствуешь своего долгого отсутствия.

19 декабря

Утро действительно доброе. Несмотря на бессмертную классику кошачьих истерик, я просыпаюсь почти в хорошем настроении. Связано это со вчерашним оповещением с почты. Моя посылка из Китая прибыла в рекордные девятнадцать дней, как раз девятнадцатого числа! Звучит удивительно, но взяв во внимание тот факт, что мой заказ был обработан первого декабря, то любой день совпал бы с числом дней, за которые моя великолепная посылка... не суть. Тяжело с утра объяснить все эти маленькие чудеса, что появляются под расслабленным разумом невыспавшегося человека. Поэтому, просто знайте, сегодня я был счастлив. Можно даже запомнить сегодняшнюю дату и сделать собственным праздником. Ровно через год я воткну в купленный кекс свечку, зажгу её и под удивительный взгляд своих родных, буду есть кексик в одиночестве, вспоминая, как я был счастлив.

Давно я не имел дел с почтой. Роль получателя посылок начала исполняться в более быстрых и надёжных организациях. И вот, спустя столько времени (честно сказать, даже не буду утруждаться, чтобы вспомнить последние свои по-

ходы), я снова иду в обитель зла. Я запрывигаю в стан врага, где готов столкнуться со спинами миллионов таких же несчастных, как и я. Я готов выслушивать о постоянных обедах, технических перерывах и прочих несостыковках со всех концов. На деле же оказывается, что зло претерпело ребрендинг. Как проститутки переквалифицировались в частных предпринимателей, так и почта стала действительно почтой. Удивительно. Шок. Фантастика!

Пока девушки за стеклом зазевались, шлёпаю себя по щеке. Нет, не сон. Электрические терминалы, новые удобные стулья, несколько реально действующих касс, которые функционируют одновременно, а ещё теперь не нужно заполнять огромную форму с паспортными данными, где вечно не хватало свободного пространства, чтобы вписать хоть какую-то требуемую информацию. Просто говоришь код из СМС. ЧЁРТ! КАК ЗДОРОВО! Простите, но этот день не перестает меня удивлять. Меньше, чем через пять минут я выхожу с почты, где получил посылку из-за границы за девятнадцать дней. Просто чудо.

У меня есть одно предположение, но оно отдаёт моветоном, поэтому промолчу. Хотя, зная себя, молчать я долго не смогу. Эх, дурья голова, вечно ты не можешь остановиться. Если бы я был шпионом, то не смог бы удержаться от того, чтобы не рассказать своему врагу какой я классный шпион, а потом поминай, как звали.

На улице стало ещё холоднее. Мороз крепчал, но ветра

тут почти никогда не бывает. Вот она, настоящая зима. Прямо как в детстве, пока я тут жил. Так смешно! Два года пожил в другом городе, а говорю так, словно полжизни не был в родных краях. Но я хочу, чтобы вы знали, в моём представлении время идёт в другом ритме. Также быстро и неумолимо, только с добавлением нотки ностальгического приукрашивания.

Так вот, моя догадка номер пять (кто понял на какую песню сделана аллюзия, то готов поспорить, что вам от 25 до 37 лет) заключается в следующем. Так сложилось исторически, что наша почта никогда адекватно не функционировала. Люди прошли несколько стадий, а для этого потребовалось даже не одно поколение. Сначала нашей почте прощали постоянные задержки, периодические пропажи, дерзость сотрудников и полную организационную разруху. Проще говоря, всем лень было разбираться, да и зачем? Себе дороже выйдет. Следующая стадия стала откровенным гневом. Как только появились подобия современных телефонов, то люди начали закидывать организации гневными отзывами и низкими баллами. Вышестоящие управляющие спокойно закрывали глаза, ведь народ всегда чем-то недоволен. Для всего остального есть дешёвая тетрадка под названием «книга жалоб», которую никто не читает.

Но мы не стояли на месте. Да, мы взяли, и начали снисходительно относиться к организационным аспектам. Начальство самодовольно выдохнуло. Просто отлично, можно

не менять ржавые машины, которые едут медленнее, чем школьник плетётся по льду после школы. В общем, важные дяди и тётки расслабились, поняв всю сердечную ситуацию. Но тут произошло неожиданное, народ начал откровенно потешаться. Да. Все начали шутить про почту, шутки полились волной. А с учётом, что интернет набирал свою скорость и доступность, то целая нация начала смеяться над ребятами. И это чистая правда! Что-что, а такого не может выдержать высокомерная душа богатого человека. Да я думаю, и президент предъявил, что мол, чего позоритесь? В общем, так и случился ребрендинг почты по моему скромному мнению, ведь других объяснений у меня просто нет. А если я полностью ошибаюсь (а такое возможно, учитывая, что я пользуюсь только информацией из головы и смутных воспоминаний), то значит, что я ошибаюсь. Не хватало мне ещё следить за своим плавающим мнением.

Остаётся совсем мало времени, да и рассказать я хотел вообще не о почте (ох, будь она неладна!) (сплюнь-сплюнь!) Теперь уже поздно метаться. Процесс бессмысленно потраченного дня запущен, и кто читает о нём – принимает эстафетную палочку. Какой же я плохой человек, но, вообще, вполне славный. Это я так. Весь день никого не видел, не получил порцию положительной энергии в виде похвалы, вот и приходится выкручиваться.

Так, собрались! Чтобы совсем не быть сегодня бесполезным, расскажу какой-нибудь недорогой рецепт холостяцкого

блюда.

Идёте в супермаркет. Покупаете: картошку (3шт.), морковь (2шт.), два брикета сыра для супа (они недорогие) и одну головку лука. Дальше бежим домой! Картошка, лук и морковь быстро режутся, а затем закидываются в бурлящую воду (кастрюля средняя, на литра полтора, лучше два). Всё это варится двадцать минут. Дальше закидывается много приправ (зачем их покупать, когда они есть у всех?), а в конце, в ещё бурлящую воду бросается сыр, как та отчаянная из «Грозы» Островского. После берёте штуку, которая всё измельчает, и делаете пюре. Готово! Банальный суп-пюре, о котором все знают, готов к применению. Вкусно, сытно, дешево. Ну а я говорю вам: до новых встреч!

20 декабря

Уже минут десять наблюдаю, как два моих кота играют в догонялки. Две пушистые массы (одна рыжая, а вторая бело-серая) по очереди гоняются друг за другом от балкона до кухни. Третья рыжая масса с завистью наблюдает за чужим весельем, но мне его не так, чтобы жалко. Если бы он хотел, мог бы и присоединиться.

Вообще пять мужских рыл в одном доме – это перебор. При таком раскладе хозяйка сие хором обречена на вечный хаос. Я знаю это, ведь в системе рыл я занимаю четвёртое

место. Последнюю позицию занимает отец, но только по той причине, что большую часть времени он находится на работе, создавая хаос только вечером, во время своего отдыха. И вроде бы мы все стараемся вести себя максимально аккуратно и чисто, но каждый из пяти вечно подозреваемых умудряется где-то, да напортачить.

Наблюдаю я за котами не просто так. Мною было твёрдо принято решение выяснить минусы каждого здесь мусорящего, дабы можно было начать работать над ошибками, чтобы дом перестал походить (как называет квартиру наша хранительница очага) на сарай. Начнём с пятого места. Отец. Классический пример привычки класть свои вещи не на свои места, так как мест этому человеку выделено не так много. Все шкафы и прочее пространство, которое потенциально могли быть разделены на равные половины, остались за матушкой. У неё есть более важные вещи: склянки, сумочки, одеяла, журналы, канцелярия, новая посуда, туфли, вещи и прочие сокровища, поэтому все пожитки отца начинают играть роль беженцев, которым не дали прописки. Единственным его настоящим убежищем остаётся компьютерный стол с нерабочим компьютером. На четвёртом месте я. За собой следить тяжелее, ведь самовлюблённость закрывает глаза на многие недостатки! Прелесть же взросления заключается в умении начать адекватно себя оценивать и видеть правду. Тут пришлось более бдительно наблюдать, отмерять буквально каждый шаг чтобы, в конце концов, понять, что

я слишком мало помогаю собственной семье в уборке. А если ещё детальней взглянуть на ситуацию, то именно хозяйке этого дома я не помогаю в её ведении хозяйства, что с моей точки зрения выглядит как полнейшее хамство! До чего мы довели бедную женщину что, когда я мою посуду после обеда, она начинает расплываться в улыбке и говорить «спасибо» за общую посуду. Мы так не благодарим её с отцом за обед, который она готовила для нас, а тут помыл посуду, ирод этот! Теперь даю себе слово, что буду уделяться больше внимания на общее благо. Тут ещё голос матери начинает кричать, напоминая мне, что я совсем не убираюсь в своей комн..., но я срочно закрываю дверь, чтобы продолжить свои благородные мысли. Остались призе́ры беспорядка. Говорить о каждом по отдельности не имеет смысла. Эти три пушистых инопланетянина носят нервную систему грибов, они действуют вместе и очень слаженно. Иногда я удивляюсь, как эти существа ещё не захватили планету, а потом до меня с ужасом доходит, что захват произошел уже давно, иначе стал бы царь пищевой системы держать дома такое лохматое чудо, выполняя все его капризы? Тут-то и оно, но, собственно, это не новость.

С одной стороны мы биологические машины для микробов, с другой – служанки для зверьк... Когда озвучивается подобная мысль, то сразу рождается вопрос, а не микроб ли внутри сейчас всё это вытаскивает из жижи своего слуги? Вдруг весь мир – заговор против человека? Точнее, вдруг

человек является главным козлом отпущения? А вдруг, просто предположим, что всё это правда! И если заглянуть ещё глубже, то мы некое вредное явление для планеты, но ей нравится себя набивать нами? Как у нас, людей, курение, так и у планеты – мы. Вдруг ей нравится, что её «вредные люди» что-то копают на её теле, производят всякие химикаты, которыми она потом травится. И вот уже этот единый организм стал пагубно зависимым! Другие планеты, её родители или друзья, смотрят на своего родственника, что пристрастился ко всякому непотребству. Земле говорят, мол, завязывай, иначе этими людьми ты себя погубишь, хватит ими колотиться, хватит разрушать свой организм. Люди – крайне вредный продукт. Посмотри на своих близких. Вон, Венера и Марс. У них-то людей нет и не будет, они уже состоявшиеся тела! Хочешь, мы тебе отошлём лечебные осколки метеорита, которые помогут побороть зависимость? Но Земля, как типичный подросток, только отмахивается и говорит, что сможет завязать с людьми сразу, как только захочет. Иногда она делает лёгкие попытки, принимая какие-то модные таблетки. То чума, то разновидности гриппа (но это мы их так зовём). Её несерьёзные потуги очень похожат на мою старую версию, более молодую. С таким же успехом я пробовал бросать курить, но дольше недели точно не держался. Пару раз были рекордные полгода, но сути это не поменяло.

Вот самолюбие и не даёт мне покоя. Не то, чтобы я сильно горжусь своей «человечностью». Таким гордиться может

разве что истинный человек во всём своём человеческом проявлении (и поверьте мне, это не комплимент). Но мне дурно принять тот факт, что Земля может оказаться такой дурой. Кто-то спросит: «а причём тут твоё рабское самолюбие и Земля?» А я отвечу, что привычка начинает доминировать над личностью, становясь главнее, командуя этой личностью. И если люди являются вредной привычкой Земли, то значит, что мы стали хозяевами этой планеты, а это печальный факт.

23 декабря

Если говорить о приближающемся празднике смены календарей, то возвышенного чувства во мне нет. Смею предположить, что в контексте последних событий – не так много осталось сильных людей, которые чувствуют внутри музыку. Разве что матушка удивляет своей бойкостью, каждый раз говоря о предстоящем Новом Годе, как об очередном волшебном вечере, который она ну уж очень сильно обожает с детства. На этот раз я стараюсь не быть занудным типом, который является главным врагом всех увеселительных мероприятий. В каком-то смысле даже во мне начинает просыпаться мелодия чего-то приятного, и это здорово.

Пока я думаю о гипотетически возможном веселье, такси несёт меня в другой конец города, где меня уже заждал-

ся мой редкий друг. Хоть водитель ни о чём не подозревает, но я ужасно опаздываю. Достаточно долгий период жизни в большом городе сыграл со мной злую шутку. Собственная дурная голова почему-то думала, что в этом небольшом городке абсолютно любое нужное мне место находится в пяти минутах на машине. И теперь я бешено смотрю на часы, крича своими глазами изо всех сил, но продолжаю мирно сидеть.

Общее опоздание выходит в треть от часа. Я не чувствую вины, но очень сильно недоволен собой. Обычно опаздывают другие, а я за это их порицаю. Человек (он же мой друг, она же прекрасная женщина, и она же большой души человек) не злится на меня. Именно так поступают зрелые люди, которые понимают бессмысленность подобных эмоциональных предприятий.

Разговор складывается сам с собой. Мне даже не нужно напрягать свои извилины. Есть такие друзья, может вы их не встречали ещё на своём пути. Может когда-нибудь вам повезёт, но меня случай столкнул в воображаемые руки правильного человека. Тут стоит сделать небольшую ремарку, ведь правильность заключается только в том, что между нами есть те мозговые соприкосновения, которые позволяют получать удовольствие от общения. Поэтому, в такие редкие встречи, я могу совершенно расслабиться, откинуться на мягкую спинку свободного разговора и просто получать удовольствие.

Мой друг рассказывает мне казусы со своей работы. Ещё

больше весёлых казусов в жизни быта. Стоит ли всё это выносить за рамки ума? Не думаю. Этическая сторона подсказывает мне, что каким бы я ни был болтуном, сплетником и негодяем, но есть и в таких как я что-то (если так можно выразиться) святое. И этот маленький кусочек хорошего не хочет выносить на общий показ мысли этой женщины, её истории, её эмоции и её искренний смех, что потом сменяется в скромную улыбку и задумчивый взгляд.

Наш час проходит быстро. Мы обещаем друг другу, что ещё встретимся, и что встреча наша произойдёт раньше, чем через полгода (тяжёлые будни взрослых людей). Мы обмениваемся подарками, а потом этот светлый человек уносится на маршрутке, оставляя в моей голове великолепное послевкусие. Весь под впечатлением, решаю в кое-то веки пройтись пешком. Учитывая тот факт, что прогулка входит в перечень рекомендаций от моего лечащего врача, я, полный энтузиазма, пускаюсь быстрым шагом до дома. На полпути у меня начинает болеть нога. Это даже забавно. Моя малоподвижность начинает показывать домоседские достижения. Зато для глаз полное раздолье. Воздух сегодня нежный, мороз совсем не кусает. Снег уже не так, чтобы белый, больше сероватый, второй свежести. Взгляд приятно охватывает панораму романтического пост-апокалипсиса.

Первое, что я делаю по приходу в дом, милый дом – так это бросаюсь открывать подарок моего сердечного друга. За закулисной упаковкой меня ждёт потрясающее издание Кур-

та В., а рядом красивейшая коробочка вкусного шоколада. Десять из десяти. Теперь, после морального наслаждения, можно со всей энергией отдаться в нытьё, ведь ужасно болит нога, несмотря на хорошую погоду, я всё же подмёрз, а ещё очень голоден. Но прежде, чем скромный и несчастный я сможет расслабиться, нужно убрать за тремя пушистыми басурманами. Так приятно приходит в убранный дом, где уже повсюду разбросаны вещи с полок. Где ковры с коридора уподобились могущественным волнам с японских гравюр, а по всей «суше» развалились фрагменты того, что любая воспитанная кошка (или кот) так и не могут закопать в линолеум.

Если вдруг у кого-то возникло чувство, что я иронизирую, то меня действительно не злит факт хаоса, что творится в отчем доме сутками напролёт. Когда я был более нежного возраста, то характер мой находил в противоположной стороне (от слова нежного) более сладостное проявление. Как вспомню, становится стыдно за себя, а именно за сам факт, что я умудрялся на ровном месте тратить столько нервных клеток. И ради чего я разбазарил их так быстро? Величайшая глупость человека – принимать внешнюю информацию, пропуская её через себя, а затем давать реакцию без разбора.

Пушистые малышки причёсаны и накормлены. Выглядят мои хозяева довольными. Для приличия спрашиваю, можно ли теперь мне отдохнуть? Один из господ грозно начинает наседавать на меня, но я не в том настроении, чтобы подчи-

няться. Взмах веника создаёт должный эффект на этих инопланетян. Весь смысл моего широкого жеста (замахнулся я действительно от души) доходит чётко и понятно. Теперь, со спокойной душой, я пью чай с подаренными конфетами, аккуратно и с наслаждением читая свою новую книгу.

24 декабря

Я не рассказывал, но ещё задолго до уезда в большой город, когда я только был на втором курсе в художественном заведении, где водка текла рекой... Приблизительно в такой же месяц года, как сейчас, я стоял на этом же месте (у своего подъезда) и курил. Сейчас, так же, как и много лет тому назад, мой взгляд упирался в космическое чистое небо, в котором я не видел ничего, кроме своих созидательных мыслей. В тот вечер мою лирическую «пятиминутку» нарушила пьяная женщина. Шел снег, а эта ненормальная шла с расстёгнутым пуховиком, выпячивая грудь далеко перед собой.

Завидев меня, эта женщина, от которой ужасно пасло перегаром, сразу взяла курс на мой маленький остров тишины. Её громкое театральное поведение сразу обрушило моё прекрасное настроение, заставив напрячься нервишки. Эта женщина начала предлагать себя мне, предлагала трогать её грудь и другие части. Я, в свою очередь, тогда неплохо защищался. Правда, в тот раз повёл себя слишком мягко, объяс-

няя, что ничего я трогать не буду, и что ничего я пить не собираюсь. Но из-за мягкости тогда убилоь часа два времени. Просто какая-то трагедия! В тот раз я сразу же перестал думать об этой чудной женщине и вот, спустя столько лет, когда я снова стоял у своего подъезда... когда я также всматривался в свои глубины, ища ответ у бездонного неба, судьба снова свела меня с сумасшедшей.

Как ни странно, эта особа не особо изменилась. Вроде не постарела ни на морщинку. Всё такой же громкий голос окунул меня в оцепенение и расстроенные чувства об испорченном вечере. Я пытался исправить ситуацию. Уже собирался выкинуть половину сигареты, но эта неконтролируемая женщина подскочила к моей скромной персоне с ловкостью хищника. Вот она начинает снова вкладывать свою грудь в моё личное пространство (хочу напомнить, что к незнакомым людям подходить ближе, чем на вытянутую руку не рекомендуется в целях личной безопасности). Рука нарушительницы успевает перехватить мою сигарету, и теперь этот дымящейся огрызок принадлежит ей. Всё развивается слишком стремительно. Я не так уже резок и юн, но на этот раз у меня есть оружие против назойливости, и это слово «нет». Бестия начинает меня обрабатывать и прессовать. Снова предлагает себя, говорит, что я красивый, и что она хочет померить мои очки. Не буду здесь скромничать и скажу, как есть. С ловкостью гепарда я уклоняюсь от когтистых лапок соперника. Следующее комбо я мешаю с вежливостью

и своим стоическим «нет». Противник не знает отказа. Серьёзное дело. Я отступаю в свой подъезд, так как на улице больше ловить нечего. Моя агрессивная знакомая следует за мной. Она говорит, что ненавидит мужчин. Ещё она говорит, что у неё дома двадцать пять кошек. По естественным причинам я ей не верю, на счёт кошек уж точно. Под электрической лампой хорошо видно, что на её одежде ни волоска, но речь не об этом, продолжим.

Пока я вежливо повторяю своё «нет» и уклоняюсь от насильственных ласок, моя рука умудряется вызвать лифт, который ждал меня на первом этаже. Появляется новая проблема. Теперь это тело начинает блокировать дверь лифта. В какой-то момент безумная знакомая спрашивает: «А не шахид ли ты?» Тут действительно смешно, ничего не могу с собой поделаться. Безумная особь видит, что я смягчился. Она делает новый выпад, но не тут-то было. Мои руки уверенно и мягко выталкивают тело. И хочу заметить, тут есть техническая тонкость. Мои руки не опускаются и не поднимаются выше. Очень галантно и технично я дотрагиваюсь только до технической зоны, не имеющей сексуального подтекста. В какой-то момент я слышу шевеление. Слава всем богам, это кто-то из соседей. Чистая победа. Моя подружка (всё-таки уже вторая встреча, пора ходить друг к другу на чай и заниматься совместным вышиванием) отходит. Неожиданный гость заставляет её перестать буянить, и я с чистой совестью уезжаю в механической ободранной кабине до своего этажа.

Уже зайдя в квартиру и переведя дух, начинаю думать об этой женщине. Начинаю анализировать и искать причины такого поведения. На этот раз от неё не пахло алкоголем. Она была абсолютно трезва, поэтому, стоит сделать предположение, что и в первую нашу встречу она была не столь пьяна от алкоголя, как от собственных тараканов.

Я никто, чтобы делать конкретизированные выводы, но я именно тот наглец и выдумщик, который может взять всю эту модель поведения, взять весь образ и услышанные слова, чтобы, отсеяв живого человека, копаться в самом образе и уж в нём делать предположения. Очень много лишних слов для той горстки наблюдений и выводов, которые я имею за своей душонкой, но что поделать? Графомания идёт за мной по пятам тенью и в этой графомании я очень чётко вижу собственный силуэт. Слова пород. . . ближе к сути.

Одиночество. Всё. Это моё мнение и мой предполагаемый вывод. Столько слов было сказано прежде только ради вывода, что вмещает в себя всего лишь одиннадцать букв. Я не хочу сказать, что я такой уникальный и умный, и что это какое-то уникальное заключение, но правда жизни такова, что очень часто она бывает максимально простой и немногословной. Не нужно иметь много ума, чтобы заметить в театральных речах этой женщины, во всей её неподдельной тяге к любому человеку (а я так предполагаю, что её отвергает большинство людей), то внутреннее одиночество, что разгорелось сжирающим пламенем. Возраст. Нищета. Разочаро-

вание. Осознание того, что основная часть уникального события как жизнь уже позади, делают из личности человека полотно с рваными краями, продолжающие гноиться до победного. И вот ты, уже увядший, когда-то притягательный цветок, оказалась на самом дне общества, которое когда-то тебе было чуждо, а теперь эта маргинальность – единственная реальность.

На данном этапе ощущается горькая болезненность, брошенная хорошей полосой и упавшая в липкий дёготь. Ты барахтаешься руками. Всё разными словами пытаешься выбить из людей немного тепла, но они, с невозмутимой физиономией социальной дистанции, сторонятся тебя, думая о личном благе.

26 декабря

Пробуждение. Борьба за личный прогресс. Сон. Пробуждение. Снова борьба. Три раза в день еда. Уборная. Ванна.

Из всех докучливых проблем, вопросы повторяющихся и обязательных действий меня беспокоят меньше всего. Иногда бывает, приходит мысль о том, что это уж совсем смешно, совершать целый набор монотонных действий изо дня в день, тем самым вовлекая свою жизнь в лабиринт, но потом как-то удачно забывается до следующего раза.

Собственная тюрьма всегда кажется люксом. Она такая

привычная, что когда посторонний человек указывает на явные проблемы с расстановкой мебели, порванными обоями и тараканами вокруг большой урны головного мозга, то невольно мы начинаем защищать свою помойку. Чувство собственности и справедливости у нас в генах, это точно. Я отчётливо вижу всю убогость собственного невежества в строительстве. Личная организация мне представляется на уровне истории о кораблекрушении. Повсюду ужасные волны, обломки уничтоженного корабля. И вот жалкое тельце главного героя, что чудом смог спастись, и теперь из говна и палок мастерит жалкое подобие огрызка, где можно хотя-бы притвориться, представив себе условный комфорт. Да, я притворяюсь. Возможно, что не больше, чем остальные, но ввиду своего самолюбия, а также самопровозгласив себя «саморубом», считаю своим долгом говорить такие грубые вещи в сторону общественного пространства. Моя психика периодически пытается обыграть весь этот цирк, заставляя меня иногда рыть секретный проход к собственной свободе. И я, справедливости ради, иногда действительно восстаю против себя. Начинаю копать, нарушать и бунтовать. Но даже в такие моменты, когда тело моё наполовину погружено в «спасительную норку», когда психика моя не видит меня... Когда она думает, что, наконец, он образумился, я только весело продолжаю медленно копать путь к свободе правой рукой, присыпая его обратно левой. А в моменты перекура, грязные пальцы мои сжимают ключ от камеры, и всё твер-

жу сам себе: «Какой хороший дом, какая чудесная мебель. Столько лет ты её обставлял. И не смотря на все эти минусы, комфортно мне тут и безопасно».

Ситуация патовая, но предсказуемая. Не думаю, что я лучше других людей или хуже. В больших понятиях мы похожи. А если это так, то моя тюрьма является всего лишь одной из многих миллионов. Каждый сидит в камере, чувствуя родство со всеми орудиями пыток в ней. Всё тратится абстрактное понятие времени, уходит это слово – биологический процесс, и мы медленно затухаем в ограниченности.

У зрителя может возникнуть вопрос: «К чему этот человек ведёт?» Отвечу сразу – ни к чему. У меня создаётся впечатление собственного кризиса. Я чувствую усталость и неудовлетворённость.

Настал момент прервать свой головной уклад и погрузиться (как говорят у нас на родине) в дуракаваляние. Надеюсь, такое состояние продлится не так долго и уже в скором времени я смогу вернуться к своим будням.

29 декабря

До наступления нового года осталось чуть больше двух дней. Улицы этого маленького городка заметно оживились. Всё больше на нерасчищенных дорогах можно увидеть затор машин, чьи хозяева мечутся по разным углам, скупая съест-

ное по скидке и выискивая подарки своим близким. Я уже боюсь представить, что происходит по вечерам на кухнях хозяйственных женщин, которые со всей присущей агонией готовят огромное количество блюд, но на моей кухне вполне спокойно и, несмотря на всю любовь вкусно и сытно набить брюхо, я вполне рад такому обстоятельству дел. Как показывает опыт, моя дорогая матушка сделает все запланированные угощения за несколько часов до боя курантов, да столько, что ещё и останется на следующие дня два-три. Не люблю суету, но куда деваться?

Сегодня, пока мои руки крутили провода, зарабатывая денежку, без каких-либо мыслей, откуда не возьмись мне пришел интересный сюжет для рассказа, который я мог бы написать, как отдельное произведение, но ввиду своего пагубного настроения, делать этого не буду. В последние дни я действительно чувствую моральный упадок. Иногда даже проskalъзывает мысль, что главный философский вопрос имеет вполне логичный ответ «нет», но с той поправкой, что после запятой нужно дописать «но всё же». Кто понял – тот понял.

Возвращаюсь к сути. Несмотря на нежелание писать полноценный рассказ, я всё же хочу пересказать его в короткой форме, чтобы затем задать свой вопрос, а после постараться на него ответить. Вот сам рассказ:

В одну городскую больницу города X поступил вполне рядовой мужчина. Ввезли его на каталке, так как у этого мужчины голова была вся в крови, сам же он пребывал в бессо-

знательном состоянии. Кто и зачем проломил голову бедолаге – неизвестно. Один из хирургов предположил про себя что, скорее всего, пострадавший где-то немного выпил, с кем-то повздорил и... а может местное хулиганье повеселилось под покровом ночи.

Человек, который вызвал скорую помощь, являлся обычным равнодушным прохожим, коих сейчас дефицит благодаря канцелярской волоките, которая ожидает «героя». Мало того, что придётся заполнять много анкет «кто такой», «что здесь делал», так ещё и могут выставить виноватым. В любом случае, пострадавшего доставили в больницу и, судя по суете вокруг него, мужчина был ещё жив.

Операция прошла успешно. Голову подлатали, накормили, выдали чистую одежду. Но, сколько бы полиция не допрашивала мужчину, сколько бы медработников не пытались получить ответа даже на простейший вопрос о том, как обращаться к мужчине – тот молчал.

Бедолага полностью потерял память. Жесточайшая амнезия даже без проблеска надежды на восстановление. За всё время не нашлось ни одного родственника, который опознал бы в этом человеке родное лицо. Отпечатки пальцев и поиск по общей базе тоже ничего не дали. И после года розыск прекратился. Пришлось признать тот факт, что этого человека будто никогда и не существовало.

Ему дали имя Никто. А затем Никто определили в психиатрическую лечебницу, дабы новому человеку было где

спать, есть, и время, чтобы понять, кто же он? Прошло два года. Никто ничем не выделялся. Мужчина был спокойным и уравновешенным. Мог поддержать беседу на простые бытовые темы. Иногда он даже умудрялся хорошо пошутить, но за всё время Никто так и не вспомнил своего настоящего имени. Он просто существовал. У него не было ни любимого занятия, ни каких-то особенностей, которые помогли бы понять, чем он может увлечься. Никто просто стал частью интерьера, довольствуясь простейшими человеческими радостями.

Однажды, перед очередным Рождеством, в психиатрическую больницу пришел человек. Это был хорошо одетый мужчина с начищенными лакированными ботинками. На его плечах висело зимнее пальто, а лицо его украшали аккуратно постриженные усы. Весь образ походил на джентльмена шестидесятых годов двадцатого века, и только мобильный телефон выдавал в нём гражданина общего настоящего времени. Этот мужчина представился главному врачу, а затем, на удивление заведующего, мужчина сказал, что знает, кем является этот загадочный пациент, сразу добавив, что сказать это он может только лично Никто.

Следующий фрагмент разговора оказался за кадром, так как поднялся большой всполох из голосов множества пациентов, у них начинался обед в общей столовой. По завершению диалога, после нескольких кивков, доктор согласился с господином в правоте, что Никто имеет право первым узнать

себя. Выловив мужчину с амнезией после обеда, врач представил Никто тайного гостя. Врач также добавил, что Никто, наконец, станет кем-то. Взволнованный Никто очень сильно обрадовался. Он зашел с таинственным господином в кабинет главного врача, чтобы переговорить с глазу на глаз. Когда же дверь закрылась, мужчина с усами сразу перешел к делу. Он сказал, что у Никто нет семьи. Зато у мужчины была вера в добро, которое он и нёс всем, кого встречал на своём пути. И что хоть он нёс добрые дела, но лично не принадлежал ни к одной из религий, и не был приверженцем ни одного убеждения, кроме как уверенности в том, что всё вокруг – единое целое.

Тогда Никто просиял. Он вспомнил всё то, что говорил ему этот господин. Почувствовал всем телом ту уверенность в себе и доверчивость, какую испытывают люди с памятью, но только с той оглаской, что для Никто это знание значило всё, а для всех людей являлось привычным ничем.

Весь под впечатлением, с искрой в глазах, Никто выбежал в коридор. Он начал кричать «Я ЗНАЮ КТО Я, Я ЗНАЮ КТО Я!» Пациенты ошарашенно смотрели на кричащего мужчину, такой жест выбивался из местных нормативов, повышая общий градус возбужденности. Некоторые больные радостно кричали вместе с Никто даже не зная, о чём вообще идёт речь.

Врач постарался успокоить мужчину, но тот сказал, что в этом нет нужды, и что он, Никто, покидает стены заведе-

ния. А так как мужчина не числился как пациент, то и удерживать его никто не имел права. И с этими словами Никто действительно промчался через все двери к свободе, где и растворился на просторах улиц.

Джентльмен с усами спокойно вышел из кабинета врача. Он уже продевал руки в своё тёплое пальто. Ошарашенный доктор подбежал к мужчине только с одним вопросом: «Так кем же был этот Никто?» На что мужчина с усами пожал плечами и ответил: «Я не знаю, кем он был, я только знаю, что теперь он стал кем-то». А затем джентльмен в теплом пальто вышел следом за дверь и больше его никто не видел.

Вопрос заключается в следующем: насколько сильна человеческая вера в самого себя и может ли заведомо ложная вера стать точкой старта нового импульса, который со временем станет частью чего-то настоящего и правдивого? Вопрос тяжёлый. Я слухавил, когда сказал, что попробую найти ответ. Мне почудилось, что можно обмануть свой мозг. Внушить ему, что он знает ответ. И я ждал этого ответа к концу собственного недорассказа, но озарения не настало. Что ж... попытка, как говорится...

Хочется думать, что так бывает. Ведь личность человека, его индивидуальность и чувство собственного «я» является всего лишь пережитым опытом проб и ошибок. Никто не исключение, так уж развилась эта опасная особь, будьте уверены. Случись что, и вы сразу... даже говорить страшно, что

вы можете сделать в нестандартной ситуации!

Лучше промолчать и осудительно на вас посмотреть. А смотреть на вас осудительно я буду через зеркало в коридоре собственного дома. Да. Я ведь один из вас, и никуда нам друг от друга не деться. Особенно от себя.

31 декабря

Вы знали, что традиция наряжать ёлку пришла из Германии? И что Дед Мороз изначально был богом викингов из кельтских мифов? Да, этот добряк изначально хотел убивать, и ему в лес отправляли девственниц, которых он замораживал до смерти. Но не стоит переживать по этому поводу. Ведь Дед Мороз, как и хороший-плохой человек, с появлением сводов закона, появлением демократии, тоже переобулся. И теперь это самый добрый дедуля, что дарит подарки детям, честное слово.

А вот забава из другого раздела. Мне что-то на ум пришел Пётр 1. Человек, который вошел в историю, как гениальный правитель, но как насчёт того факта, что Пётр фанатично путешествовал по другим странам и всё у них заимствовал? Как насчёт того, что он из Европы брал всё, что ему понравится, а затем приживлял у нас? По сути, это человек, который уничтожал (хоть и скупую), но всё же культуру собственного народа, вот такой человек считается героем! Но

что-то я отвлёкся.

Новый Год. Как много в этом словосочетании. Все с замиранием сердца ждут волшебные четыре нуля на циферблате своих часов думая, что жизнь сразу же начнёт налаживаться. Как говорится: в новый год со старыми долгами. УРА!

Вот уже как три абзаца я пытаюсь улизнуть от главной темы. Всё пытаюсь заговорить зубы, но сегодня я не так, чтобы в форме. Да, это точно. Вылез из душа и сразу сел чесать языком, но сил увливать больше нет. Как это в кино называется, сломать четвёртую стену? Хороший приём, если грамотно воспользоваться, но я бы лучше назвал это «сломать шестую стену» по той причине, что наличие стен говорит нам о наличие пространства вокруг героя. И если одна из стен сломана (за которой и сидит зритель), то по логике есть ещё пол и потолок, которые выполняют всю ту же функцию стены, только в горизонтальной плоскости. Вот и мне (настало время) приходится в эту секунду сломать мою шестую стену и обратиться к читателю.

Привет, читатель, вот мы и встретились. Наше знакомство отнюдь не походит на эффектный вестерн. Скорее, это выглядит так, будто ты пришел навестить дальнего родственника в тюрьме. Передать там сладости к празднику (которые всё равно отнимут сокамерники, так как я достаточно шуплый), да и перекинуться парой ни к чему необязывающих фраз. И вот я сижу слегка побитый в тюремной робе. Ты не так чтобы разговорчив, тебе особо нечего сказать в дан-

ную минуту, но я сообщаю тебе, читатель, что хоть и данная художественная работа изначально планировалась (как следует из названия) писаться вплоть до последнего дня зимы, но вчера перед сном я вдруг понял, что увеличение размера данной работы только испортит её (хотя я бы не назвал её в целом интересной, так, больше разговорной на один раз).

Да, ты наблюдал мои немногие передвижения тела, чуть больше ты наблюдал передвижение моего ума, но приятные вещи могут очень быстро надоесть. И давай мы будем честны друг с другом и признаем тот факт, что ещё два раза по сто тридцать тысяч символов ты бы не выдержал. Я считаю, что месяца вполне достаточно. Ещё я считаю, что это оптимальный размер для такого формата повествования, ведь здесь нет ни перестрелок, ни разборок, ни величайших открытий.

Уже скоро будет поставлена последняя точка. Я закончу эту записку на чём-то хорошем, это уж точно. Слишком много плохого происходит в жизни, чтобы быть совсем уж идиотом, подливая масла в огонь. Сейчас мой щуплый окорок сидит на кухне. И всё время, что я писал эту вымышленную правду – я всегда сидел на кухне. Из окна открывается очень красивый вид. Мне не видна прилегающая дорога и ряды домов. Глазам моим предстаёт только вид на тысячи туловищ деревьев, что усыпаны белоснежным снегом, а ещё на чистое небо, необременённое облаками. С таким чудесным видом не грех предаваться человеческим слабостям, таким как хорошему настроению и лёгкой грусти. С этим ку-

хонным окном связано ещё важное событие. Именно рядом с ним, в возрасте четырёх лет, я начал отчётливо помнить свою жизнь. Скажу даже больше, тогда, в новогодний день, двадцать два года назад, я впервые понял, что я – это я. Начал осознавать себя и всё, что было вокруг. Моя рука держала полицейскую машинку. После ступора, я вдруг понял, что слышу шум воды, доносящийся из включенного крана, а там стояла моя любимая мама, которая мыла посуду. Я подошел к зеркалу и очень долго изучал себя. Свою кудрявую копну светлых волос, свой нос картошкой, а ещё свитер ручной вязки. Только цвет запомнил, но деталям свойственно мутировать, такова уж наша память. Несовершенная, постоянно замаливающая события по мере приобретения нового опыта и предпочтений.

Уже давно я не тот мальчик. Голос мой огрубел. Появились морщинки. Не очень густая, но всё же борода обрамляет моё лицо. За недолгую жизнь появилась огромная кипа вредных привычек. Дикость событий закручивала меня в разные стороны, даря как радость, так и печаль. Но, несмотря ни на что, внутри себя я остаюсь тем самым маленьким мальчиком, который верит во что-то светлое, хоть и не очень ещё понятное. Теперь это непонятное стало неизведанным и недостижимым, но только из-за несовершенства взросления и насущных проблем, но сама надежда, эта маленькая путеводная звезда, что сидит в головах у всех нас – она никуда не делась, её нужно просто заново отыскать.

В этот прекрасный день (и не важно, какой это день, ведь каждый день жизни прекрасен) я хочу только пожелать тебе, читатель, не терять себя и помнить, что всё циклично, и ни одна печаль не вечна.

Кухня, 14:28

Степь Бонжа

*Она смердела. Она вызывала у меня отвращение.
Эжен Савицкая «ПСЯ КРЕВ»*

1

Волосатые руки сомнамбулы хватают за отросший загри-
вок выдирая локоны с кровью В комнате всё перевернуто
разве что диван стоит на месте Он всё такой же проржавев-
ший и грязный с пятнами от дешевой пищи что пьяно летела
мимо рта

Она говорила что взросление рано или поздно застанет
всех но с уверенностью можно сказать что это только полови-
на правды Взросление затронуло кожу Появились морщины
немного седых волос и похмелье которое раньше не чувство-
валось Юность прекрасна в период отведенный ей на этапе
становления Если юность остается и после то это уже про-
клятие Мамы нет рядом как и многих людей которые назы-
вали себя друзьями

Муравьи в естественной среде заняты общим благом Сба-
лансированный самой природой организм работает по инту-
итивной схеме Ни один муравей не обречен заниматься по-
иском вспомогательных валют которые в практическом зна-
чении не имеют ни ценности ни целостности Единственный
неприятель муравьев примат наделенный разумом который

используется не по назначению Береги свой внешний скелет создание ведь за ним обязательно придёт разум без цели и без назначения Так уж сложилась история что глупость выкрикивающая самые яркие лозунги становится тем беспощадным кнутом что рвет кожу выпуская гной Она заражает кровь и нервную систему От нее по телу появляются язвы рывины и шрамы Еще ни одна идеология не приводила к утопии Под каждым лозунгом скрывается тот кто жаждет власти Тот для кого хорошая жизнь равняется слову покорять Он берёт себе все самое лучшее не потому что он этого хочет а потому что может

Последний мечтатель на Земле пал мучительной смертью на Голгофе преданный человечеством которому он протягивал простое но великое знание Смерть не так страшна как понимание того факта что Ты стал символом рабства и глупости Ты ненароком стал служить тем кого ты если и не презирал то хотел бы очистить от скверны А теперь твой лик символ их помойки что разрослась в мировое господство рождающее и подчиняющее только рабов их и слуг их Ты стал мертвым но вечно слышимым примером того что даже самая великая добродетель оборачивается глобальным кошмаром Ты хотел прекрасный мир а в итоге обрел его на гибель

Там где нет рассуждения и поиска нет людей Там где всё принимают на веру нет жизни есть только подкожная гниль что вылезает раньше срока Основным исходом данной за-

дачи можно считать только один ответ Рай на Земле был до того момента пока группа приматов не решила уйти от естественности начав сбиваться в группы и рождать гортанные звуки С приходом слова пришел и неизбежный упадок прекрасного и чистого Сознание аппендицит который уже не удалить Слово власть что разрушит общий организм Оно могло послужить и добродетелем открывая своим многообразием новую ступень рая но путь этот был слишком ухабист твёрд без особых гарантий

Вот мокрый липкий след истории лежит на ковре Ещё чуть теплое тело не лишённое всей крови но уже синеющее приобретает общие черты и характер с мебелью Тело это осунулось но не потеряло задумчивого выражения лица которое было таким при биении сердца когда грудная клетка величаво вышагивала взятый ритм Много крови вытекло но тело будто прибавило в весе став нестигаемым стволом Руки опускают это тело на диван оно начинает сливаться Его почти не видно только волосы очерчивают нимб наполняя образ чем то трагичным но уже очень далёким Вложенная ветка сирени горит огнём И непонятно то ли она оповещает о грядущей весне что никогда не закончится то ли она плачет от горя прикоснувшись к пульсу своего обладателя

Не уступай своим сомнениям в наглости и не наступай на чужие сомнения совей наглостью Рухнувшая звезда не любит отрицания жизни но также она не любит импульсивных чей образ и поступки начинают граничить с её собственными

интересами и увлечениями Последняя канистра с горючим пустеет Каждый сантиметр бетонной коробки промок грозящим дождём Капли с краёв дивана отбивают африканский ритм смешиваясь затем с багровой лужей Газ уже включен Мало кто знает но апокалипсис не только конец света что охватывает всех общим ужасом Апокалипсис явление ежедневное Рано или поздно каждый живой организм каждый неодушевленный предмет постигает этот неминуемый конец трагедию Самым лучшим считается когда апокалипсис забирает своего жертвенника не давая опомниться и ужаснуться Но чаще бывает так что личный конец света становится лишь предисловием к формирующемуся аду

Ад на Земле и это второй вариант исхода благодетеля Если первый вариант отмечают миллионы то второй становится аксиомой В судорожной попытке единицы живут со знанием ада не в силах повлиять на ход самоуничтожающейся истории в то время как миллионы живут в аду неосознанно принимая свои грехи и муки за испытание во имя рая Выработанные инстинкты эгоистично подтасовали карты сделав смерть ужасающей дав ей маску злодея Её боятся от неё отгораживаются молениями свечками лекарствами лишениями шаманством и в попытке увильнуть сами тратят жизненный запас и время которые у них были Именно этим человек схож с молью что летит на свет лампочки в надежде на дар но неминуемо погибает не в силах выдержать тепло света

В руке появляется спичечный коробок он давно припрятан

тан в кармане Есть четыре попытки но хватает и одной Уверенный лязг от трения пламя с надрывом высвобождается из головки серы так же быстро тьма сменяется светом Еще мгновение и вот уже комната пылает

Тело с гвоздикой возносится к потолку Пространство вокруг освобождается от цепей статики Динамика заполняет собою каждый миллиметр даже воздух сжимается но только для того чтобы шире раскинуть свои руки Это момент взрыва звезды что была порабощена одним целым но теперь высвободилась в калейдоскоп водорода гелия углерода и азота что смешают в себе всё уже прошлое во что то новое настоящее но сути это не меняет

На выжженной траве покоятся обломки кирпичей хаотично разбросанные без перспективы восстановления Только ветки гвоздики тянутся к солнцу склонив свои головы вниз Петли соседних уцелевших домов открываются и закрываются со скрипом но никому нет до них дела

Редкий музыкант достаёт звуки из инструмента пытаюсь сказать чуть больше чем есть слов у языка Те музыканты что говорят без слов хорошие музыканты Мошенники и лентяи от своего нежелания вникать в суть используют слова для усыпления

Скрипач стоит в руинах ушедшей эпохи Он посмешище На нем старый хорошо выглаженный и постиранный смокинг Ни одна блядь не подкинет монеты Его музыку теперь

понимают только птицы отвечая музыканту благостным щебетом Им горестно осознавать одиночество умирающего божества и те крохи что они кидают ему вместо монет не способны утешить боль Но они продолжают приносить и приносить всё что только способны поднять

Последние почести отданы богу чьи пальцы окаменели и потрескались в попытке последний раз сказать истину Кровь из трещин заливает чистый костюм Ноги начинают вязнуть и чавкать Последний концерт завершается Смычок издаёт блаженный крик и тишина заполняет воздух Теперь слышен только беспокойный щебет птиц

Приходит зима а с нею улетают и птицы Они отправляются на юг где их ждёт тёплая еда а еще комфорт Не каждая птица знает что добраться суждено не всем Путь долог и суров

Часть из них разобьется о высокие дома что притаились в ночном тумане За чужими крыльями часто не разглядеть препятствий Другая часть уснет во время длительного перелета став кормом для падальщиков И даруй им счастья уже быть мертвыми и не слышать хруст собственных костей Кто то из птиц перед самой границей юга устанет лететь выбитый из колеи падёт также быстро как и летел

Те же кто достиг цели уже не будут рады дарам которых к слову может и не быть Все эти простоклюи уже никогда не будут прежними

Путь заложенный в подкорке решения заложенные жаждой неистинны Путь всегда тернист путь всегда далёк Птицы умирают в пути но смерть их не страшит ведь дорога эта на юг

Ночь уравнивает улицы своим монотонным покрывалом Поредевшие толпы людей становятся равнозначными силуэтами приобретая отсутствие красоты и уродливости Ночь приносит спокойствие тем кому нечего терять Любителям копить становится не по себе

Мертвый голубь это еще один сытый день Тугой кошелек это еще одно тело в луже крови Ты странник который примерил роль зрителя Стоишь в стороне что то жуешь и всё тебе нипочем Трупы только в заголовках газет думаешь ты Психопаты в другом дворе доносится справа Чума средневековый бич говорят взрослые Со мной ничего не случится думаешь ты Зритель самая легкая мишень Ты обнажен перед всем и всеми Тысячи тел вокруг тысячи возможных сценариев а ты стоишь голый и уверенный в своей броне сорочке Обернись за спиной неимущий занес над твоей головой кирпич Он размозжит твою черепушку как стаканчик из под вишневого варенья Он будет пить кровь твою и есть мясо твоё Ты ничем не хуже голубя Тобою можно утолить голод а куртка твоя хоть и узка в плечах но согреет этой ночью Поздно думать Человек как птицы живет внутренним инстинктом только у птиц нет гордыни Не думают они что живут под

богом или что они часть тела его Поэтому мясо плоть их не стоит ни гроша но на огне да с пылу жару вкуснее есть его на морозе найденным

Вот и лось на Аляске в надежде утоления жажды лижет лёд Его предки так делали его так учила мать Лось лижет лёд тепло языка топит глыбу вода сочится в желудок Не знает лось что пьёт он отраву Сибирская язва притаилась здесь ещё в прошлом столетии Она ожидала своего избранного который удостоится принять её дар и познать смерть Кончина переходный этап

Лось теряет клоки шерсти сосуды глаз его начинают лопаться Из ротовой полости начинает капать кровь и на снегу появляются красивые узоры Лось в смятении его учили добывать пищу и воду но никто не учил его умирать Он падает обессиленный и подчиненный Снег частично засыпает его конвульсивное тело что через мгновение приостановит свой прощальный танец

Сибирская принцесса скорби с утроенным рвением размножается в своем новом доме развешивая свои стихи в каждой комнате Она притаилась Голодный человек находит званый ужин Он затаскивает лося на санки Нужно спешить домой Скоро стемнеет а большая семья человека не ела несколько дней кряду Поднимается буря но человек успевает добраться в своё гнездышко Мясо режется мясо готовится Сегодня большой праздник Бог услышал молитвы маленьких людей Мясо доводится до хруста Обильно летят припра-

вы Слюна исходит похотью Долгожданный обед Божественный вкус аминь Рот идёт кровью тело пошло волдырями Семья умирает поочередно видя кончину близкого Последний обед удался на славу Все к столу червякам тоже нужно есть Некрофагам тоже нужно есть они голодны слепы и свирепы Это и есть точка откуда начинается бессмертие

Перед глазами поле усеянное цветами Под ногами трава что зеленее любой акварели красивее изощренней Полное изобилие игры света и цвета Воздух здесь слаще мёда и счастье открывается именно здесь а не за горами Не так давно дождь вежливо покормил детей своих покрыв их благословением Птицы поют серенады но по ритму звучит как оперное вступление

Лето такая пора когда и в смерть не верится Всё покрыто счастьем Даже люди не так противны приятно смотреть на старух и внуков что с улыбкой поедают мороженое В эти три месяца никто не смеет умирать сама природа против Госпожа Смерть уезжает на заслуженный отдых оставляя свой театральный костюм в чулане

Те наглецы что посмели проститься со счастьем не умирают они уходят безобидно как если бы уезжали в другую страну И только ближе к дождям да самой поздней осени их тела блекло осветят чью то скорбь

Вот белка игриво скачет по дереву безошибочно высчитывая траекторию своих движений но к осени она окаменеет

и про нее все забудут Земля проглотит её пушистое тельце и в благодарность за корм она даст новый клочок травы что будет радовать глаз следующим летом

Бездомные летом похожи на путешественников несущих благою весть Их скверный запах не так сильно заметен в эту прекрасную благоухающую пору Ожившие растения перебивают смрад Бездомный летом под защитой природы даже ему не надо умирать С приходом осени пропадает и магия С экрана убирают цветы и Госпожа Смерть снова лезет в чулан за реквизитом Она задолжала всем Она приберет побольше с запасом Она маскируется под дневной пейзаж и скверные мысли Она становится холодом для бездомного и пьяным водителем для случайного пешехода Смерть является главным другом жизни а если честно то это одно и то же лицо Гермафродит что сочетает в себе стихии понятия и всех нас

Спущенный с цепи пёс мчится по запаху жертвы что оставила каскад своих феромонов Это тренированный пёс ещё с молоком матери ему давали след от её ошейника чтобы по запаху он мог найти пропитание За годы взросления пёс выпил всё молоко разгрызая от жадности соски Они будут ныть от боли и после особенно после По прошествии лет они выработали в себе привычку к страданиям и жертвенности Пёс взлохмачивает землю выдирая фрагментами стыльную траву

Вот на периферии показались первые столбы деревьев их кроны слишком высоки для образа шавки Тонкая нить стра-

ха тянется из самого сердца леса где жертва ждёт приговора но какой у нее ещё выбор За хвостом в сотне метров только слышны пять пар сапог что идут по следу своего питомца В эту холодную осень солнце не показывает лика кажется что на улице всегда вечер Пёс яро мчится по следу он свиреп выдрессирован и голоден Еду нужно заслужить Когда хищник на охоте ни одна тварь обетованная ни один житель леса не смеют и пикнуть Все притаились в мучительном ожидании Даже насекомые с замиранием своего маленького сердца ждут когда разрушительный вихрь промчится мимо их домов и голов

Беспокойный день Пёс всё отчётливее чувствует запах жертва рядом Она устала бежать за жизнью и скорее всего заплутала ведь тут одни деревья которым нет ни конца ни края Пёс переходит с бега на шаг Он более хитёр в движениях нельзя спугнуть жертву это непрофессионально

Вот сваленный дуб Прогнивший и почерневший Земля давно не питает его корень Пёс чувствует дыхание жертвы что притаилась за ржавой колонной Охотник более не шевелится всё по инструкциям людей он ждёт своих господ Он верный пёс и отличный охотник Есть время перевести дух Наконец доносится топот ног Они ровняются с лапами пса Лица довольно смотрят в сторону сломленного дерева куда стрелой указывает нос служки Под общий человеческий вой один из мужчин заходит за дуб который скрывает его по пояс Остальные чешут за ухом у пса его хвалят настоящий охот-

ник самородок Ружье мужчины сползает с плеча мгновение
целенаправленный выстрел В треснувшем дубе мелькнула
звезда Мужчина вешает ружье обратно на плечо нагибается
Его силуэт появляется уже не один В руках он держит жерт-
ву это мама охотника Мать что вскормила его грудью Из её
виска капает кровь там дыра от прицельной дроби что даже
не успела разлететься Выстрел в упор

Мужчины ликуют хорошая погоня отличный выстрел все
развлеклись Мертвое тело кидают псу под нос Ему говорят
что это его добыча он заслужил Наконец ему разрешено ото-
бежать

Один Отданный социальной анафеме в темноте Только
стробоскоп вырывает окрашенные разными цветами лица
что вместе образуют некое общество единомышленников
Разговоров не слышно Их ритуальная музыка пропитала сте-
ны она выкрикивает смыслы что понятны только им Сбори-
ще пчёл во время спаривания

У окна хороший обзор Видно сцену и всех заколдованных
Под единый ритм гитар и барабанов тени сплачиваются пре-
вращаясь в большого жука рогоносца Каждый чувствует себя
личностью особенным и утонченным мыслителем Каждый
присутствующий мнит себя уникальным а если идёт вразрез
с утверждением то только для того чтобы товарищ подтвер-
дил обратное но уже извне Вот группы меняются но музы-
ка остаётся прежней Пьяные выкрики блаженства ничего не

имеющие общего с пониманием глубинно осознанного Образ крепко приклеен к коже Его можно оторвать только с кровью но добровольцев не сыскать Обожжённая эйфория

Кстати вот и первое различие У этой особы голос ниже Слишком глубокий не по годам Слова играют роль фона их почти не разобрать но и фон этот мешает услышать музыку Африканское племя кружится в танце Толкая друг друга восхищаясь друг другом они вырисовывают примитивные линии движения не осознавая того что отображают свой интеллект

Проходя мимо они чувствуют чужака Они втягивают незнакомый феромон что не совпадает с их общим Они видят менее агрессивный взгляд Гиены скалят зубы но не набрасываются Слишком много забот у племени Нужно уважить чувство достоинства своё и соплеменников Нужна подпитка и силы дабы уверовать в правильность выбора пути который в итоге должен привести к блаженному апофеозу Но пока этот путь ведёт только к койке с незнакомцем Рот будет наполнен помойкой а глаза грязью и чувственной слепотой Это не болезнь но и не выздоровление

Пора уходить ретироваться На улице дышать спокойнее Кирпичный лабиринт разветвляется во все стороны мира но нужно идти на север чтобы выйти к метро Внутри тепло Две пары глаз сурово изучают физиономию они чувствуют неприязнь но ничего не могут с этим сделать Механическая кишка несёт вглубь в преисподнюю где большие железные

черви будут копать путь вперед Кислород давно закончился Тысячи лёгких превратили его в углекислый газ и теперь остается перерабатывать его во что то более скверное смиряясь с головной болью

Много глаз много ртов Ушей нет Сейчас они бесполезнее аппендицита Уши рано или поздно станут родней атавизмам а вслед за ними за неимением слушателя голос тоже уйдет в прошлое Рты всё также будут жевать плевать кусаться улыбаться но на этом их функции и закончатся Сакральность неминуемо идёт к концу своего взлёта Уже сейчас слова стали чем то повседневным без должного уважения используемыми как рот проститутки Через тысячу лет будут забыты даже самые простые из них Этот факт мог бы стать спасением для нового витка эволюции где человек вернул бы себе положение единства с природой но этого уже не произойдет

В гортанных звуках больше смысла благодаря ограниченности символов которые возможно воспроизвести связками и лёгкими Слово же слишком велико для неблагодарных и избалованных Конечная станция просьба пассажиров не забывать свои вещи в салоне

Снова кислород наполняет лёгкие Ноги спешно перебирают ступени Хитрые нищие посланы к чёрту есть время перевести дух но как тут расслабиться когда само время не желает сделать того же Оно является аксиомой всего существующего Оно является самым универсальным языком на котором говорят абсолютно все даже боги Время источник воз-

возможностей и их отсутствие Благодаря времени вечность звучит не так устрашающе так как оно никому не светит даже вселенной Так в чем тогда проблема В иллюзиях что слаще и привлекательнее греческих богинь Сумасшествие что прописано на страницах истории и закона Официальная форма разрешенных обязательных веществ что течёт по венам сознания не давая просохнуть и опомниться Сильнейшая зависимость Признай ты её взаправду сошёл бы с ума во второй раз но уже без разрешения на реабилитацию а значит стал бунтарем нарушителем невменяемо проснувшимся

Пейзажи закоулки улицы интерьеры реальны но как в них попадают Никто не может вспомнить крыльцо через которое он прошел Словно отрезок между загрузкой следующей локацией Восприятие не может быть цельным Оно всегда фрагментарное Даже когда мысль охватывает большой кусок Даже земной шар является фрагментарным воспроизведением ведь земля будет представлена в виде макета без детальной проработки всего что в нее входит Проще говоря при воспроизведении шкафа упускаются детали интерьера при воспроизведении интерьера детали шкафа

Технократия это не история о прогрессе техническом речь идёт о мышлении Это не хорошо и не плохо Просто наблюдение Если чума захватывала половину Европы то неизбежность такого апокалипсиса приводила к последнему самому веселому пиру что кстати являлось более логичным поведением нежели вопли и метания из стороны в сторону от

ужаса Участь настигала многих и ей не было дела до взглядов своих жертв

Присутствие или отсутствие высшей силы не играет роли ведь в распоряжении есть только силы фактические Если боги и были то им давно уже стало скучно измываться над одним муравейником Нельзя вечно играть в одном и том же месте Корми ребенка одной кашей не меняя даже времени приема и тогда познаешь всю мощь безумия и отвращения Так чем боги хуже Черты бога ребёнок Иначе он был бы грешен что явно противоречит его концепции но если он дитя то значит был рожден в грехе что так же является противоречием А если он что то иное то и общего у нас с ним ничего нет Создавать человека заведомо обрекая его на грех и расплату признак власти Здесь конечно есть сходство Человек так же никогда не признает своей вины в содеянном всегда будет кто то крайний В квартире чисто и спокойно Самое время лечь спать

Вечерняя прохлада настигла неожиданно Земля твердая отрезками Недавно прошел дождь а может и давно но дневного солнца не хватило для того чтобы полностью выпить всю влагу Да и было ли оно вообще

Мурашки звонко бегают под кожей останавливаясь между опорными точками костей Там где больше мяса и задействованных мышечных волокон Ноги босые Щебень и щетинистая трава раздрают мягкую кожу стоп непривыкшую

к грубым воздействиям Никого Где то вдальеке на горизонте что равняется уровню глаз слышны барабаны Они отдаются эхом летают в воздухе не задерживаясь ни на секунду Что впереди Лес Он густо пророс на этом отрезке воспоминаний На античных стволах густая одежда листьев Она привыкла что её когда то рвали она выживала при заморозке и теперь стала только злее и гуще Этим деревьям не нужна вода Кровь племён обеспечила им питание на тысячу лет вперед

Близится зима Титановый слой её белил покроет кроны дав им возможность согреться перевести дух и накопить злобы чтобы по весне края эти стали еще более заточенными и неприветливыми Природа более не любит гостей по крайней мере здесь где несколько поколений дикарей во фраках пытались изжить ее отправив на корм своим карманам Во рту пересохло От влажности и холода кожа начинает натягиваться в некоторых местах затем трескаясь Капельки крови появляются из канав на костяшках Зачесался нос теперь и он измазан Боевой раскрас на лице поэтично отдает фиолетовым в эту лунную ночь На стерильной земле не слышен вой волков Они притаились или убежали в страхе Бликов глаз невидно но не стоит исключать того факта что охотники стали хитрее Они могут притаиться в высокой траве и с закрытыми глазами Для того чтобы видеть им достаточно обоняния За многие поколения что боролись за существование шерсть приобрела способность мимикрии а значит часть некоторых кустов может спокойно оказаться стаей Особенно

подозрительны те кусты что больно ровно шелестят на ветру даже когда этот ветер предаётся меланхолии и объявляет штиль

Как распознать убийцу Сначала нужно стать жертвой Обстоятельств много поводов не меньше Вероятность стать жертвой равнозначна вероятности стать убийцей Первый порождает второго и наоборот Есть в этом тайна Что если желание жертвы быть таковой настолько велико что начинает моделировать сквозь невидимые нити общего пространства разум другого существа на приобретение противоположной роли Или даже больше Жертва подчиняет своим влиянием пространство зарождавая индивидуальное противоречивое желание в незнакомце У второго просто не остается выбора Он сам в своем роде становится жертвой этого бесхребетного но тем самым и могущественного существа

Убийство грех Смерть против воли мученичество а значит гарантированный рай Убийца раб а действие его дар Жертва эгоист своего подсознательного стремления к разрушению а его желание проклятие

Гул барабанов усиливается темп нарастает Ему не терпится Занятно но он изъясняется убедительно Ноги не в силах совладать с гипнозом энергии Они послушно начинают идти навстречу силе так всё и работает Сила всегда пленит и подчиняет себе К ней или хотят примкнуть или её боятся Сила не имеет отрицательного или положительного окраса Сила третья грань возможных оценочных суждений А когда она

еще и живая а другой она в принципе быть не может то поле её влияния всегда имеет доминирующую ступень Даже зло и добро начинают плясать под её настроение

Ноги продолжают идти на звук интуитивно Камыши и трава больше не чувствуются кожа достигла предела своего восприятия и отдачи сигнала Невидимый панцирь безразличия окутал их своим телом Колонны густо наставлены Кажется что пройти вглубь леса невозможно Но подходя ближе видно что зазоры есть да еще какие Это ночь создала иллюзию скрыла ключ на самом видном месте Обобщила разобщенных по своей задумке существ Эти деревья Они стражники тайны что ютится в самом центре толпы

Переход с открытой местности в лабиринт поистине неопишуемое ощущение Слова конечно выразят некую тень но полноту никогда Акустика здесь иная Африканские барабаны больше не спешат они стали делать паузы а редкие звуки разделились по всему лесу поочередно выставляя себя напоказ Они играют в салки очень они заигрывают Вибрация расходится по телу маячками Периодически звуки пропадают и наступает волнующая тишина которую тяжело перенести На пике личного волнения кажется что магия потеряна но именно в этот момент пение возобновляется и ритм сердца вместе с ним приходит в норму Так просто стать зависимым от чего либо что имело случай повториться или же промелькнуть несколько раз в поле нашего текущего восприятия Повторения только вселяют уверенности в некой

стабильности которая в свою очередь заставляет поверить в свою незыблемость На неё падки все в особенности те кто лучше всего понимает что обман временная опора если даже не сказать ловушка

Музыка звучит пока её играют Жизнь идет пока её не обрывает случайность Барабаны держат ритм до тех пор пока им это нужно Идеальная ловушка или же спасение Может загадка а может духовная погибель В любом случае таинство которое стоит того чтобы рискнуть Сколько пути пройдено Неизвестно Через несколько часов начнет светать Ноги всё несут в сердце неизвестность Обросшие корою кресты сохраняют молчание Волнения давно нет

Мимо проносится олень на нём снег он показывается всего на мгновение а затем скрывается за ближайшей тьмой Тут и охотничий пёс смотрит на шелест ног Его рот окровавлен а глаза полны страха и отчаяния Еще чуть пройдя под занавесом глухих теней появляется мужчина что с санками и ружьем наперевес сидит на земле мечтательно изучая идущих отрядом муравьев Он созидает Скорее всего он недавно научился поэтому руки еще судорожно хотят пуститься в голодное безрассудство но ноги крепко вросли корнями вниз Чуть дальше тени начинают оживать они танцуют в зоне видимости Они кружатся в конвульсиях то сливаются между собой затем размыкаясь Не знают тени какую форму им принять в данный момент и в итоге просто распадаются в забвении Тяжело даже понять были ли они на самом деле

Забытый барабан снова отдаётся в ушах Он громче обычного Совсем близко Последние деревья расступаются Глазам открывается небольшое поле а вокруг одни деревья бесконечные ряды деревьев Вот и сердце Тут очень неестественный свет Слишком синий слишком холодный Посередине поля парит ствол Он в каких то сорока сантиметрах над землей Форма его напоминает изувеченное тело Ветки его раскинуты словно перебитые руки а корни связаны крепкой бечевкой По всей редяющей кроне растет сирень Это она излучает синий свет Барабанная дробь доносится из сердца колонны в которой зияет дыра А чуть выше на лысой кроне выцарапанные кровью слова Укуси змею она знает

2

Как все таки противоречиво складывается жизнь людей В юном возрасте мы находим своё предназначение видим точку на горизонте как маяк Разум ещё не знает что под точкой прячется условное обозначение бесконечного пути которое по итогу огибая ось Земли упрется нам же в затылок Лучшее что можно сделать остаться на месте быть неподвижным телом но и только Необходимо перестать воспринимать себя с одного ракурса а лучше и вовсе забыть всё что имеет отношение к человеку сформированному Встать позади и увидеть конечную цель своих мечтаний а затем порвать эту цепь не жалея её

Главное стать чистым принять дары незнания а если точ-

нее копирования предыдущих людей и их мыслей Все их законы понятия любви сотворения эстетики смерти были созданы ими и прожиты ими Как и люди идеи тоже умирают оставаясь для следующего поколения всего лишь иллюзией которая не может переродиться во что то конкретное

Становясь первооткрывателем колеса или даже создавая его словесное обозначение человек открывает для себя то же самое колесо Все различие состоит в точке откуда есть обзор на заново созданный объект который является не чем то посторонним а тем что почувствовали руки и впервые услышали уши Создаётся конкретное понимание ощущения чего то родного того что не ощутит ни один соискатель кроме нас самих Само восприятие станет подлинным и полновесным Это колесо станет вашей божьей тварью но другим соискателям оно всегда останется чуждым Им придется проделать тот же путь сделать это открытие самим И так же им придется наслаждаться в одиночестве полнотой понимания своего творения и его скрытой красотой которая освещает каждую клетку тела её создавшего

Моя настоящая жизнь началась неизвестно когда и непонятно где Первым воспоминанием стало поле где высокая трава скрывала моё тело до живота Стоит уточнить что тогда это ещё была не трава вовсе ведь я её еще не создал и не осознал Мои ноги послушно шли не выбирая маршрута повинаясь инстинктам и подсказкам земли

Я часть природы я даже не уверен существую ли отдельно как что то разумное Мой ум и тело приравняются к чему то неосязаемому и возможно несуществующему На тот момент я не был создан самим собой как оплот чего то конкретного того что можно постичь и направить в правильное русло реки двигаясь прямиком к теплу солнца отзываясь в конце дождём Это случится позже и станет откровением а пока я часть всего и одновременно часть ничего но ничего это уже что то

Я шёл два ясных дня и две темные ночи Обрывки сухой листвы и мелких веток щипали мои ноги напоминая что ничего не даётся просто так На рассвете глаза увидели первые огоньки зажжённных керосиновых ламп в домах расположившихся неподалёку от горного массива Я вошел в посёлок призраком вместе с утренним ветром Подхватываемый его ритмом его желанием к движению его правом на безмолвное существование Только обеспокоенные глаза редких людей которые буквально впивались в мою физическую плоть возвращали меня к действительности в которой я не часть высшего и простого что ветер мне не брат но союзник предлагающий свою бескорыстную руку помощи

Когда я вернулся в своё физическое воплощение начали появляться недостатки моего тела которые тянули мою голову к земле Ноги подломились от усталости упав на дорогу как те самые ветки За всё время моего пути они ни разу не

сделали передышку Мой желудок превратился в сморщенный изюм мои глаза покрылись пылью В окружении природы я чувствовал себя её неотъемлемой частью но рядом с людьми снова тяготился родством Тело рухнуло и как человек я умирал

Воцарился покой да тишина Душа обретала свободу готовая раствориться провалившись в никуда Что я чувствую Пожалуй облегчение но в тоже время недовольство собой Последнее о чём я успеваю подумать Ведь темнота тот же свет Их чрезмерная усиленность приводит к одной и той же цели слепоте Получается что страх людей не в том на какой они стороне а в слепоте как таковой но они не догадываются что именно слепой ближе всего к истине В его физическом дефекте скрыт ответ

За мгновение до моего заката я улыбаюсь ведь перед моими глазами не тьма и не свет Я вижу себя изнутри освещенный рефлексом тёплой земли и травы Это не закат Нет Я еще не достиг цели Я живой и во мне течет кровь земли шепчу я засыпая

радостно поют птицы облака будто взбешенные носятся вихрем то очищая собой небо то снова загромождая цветок впервые раскрывает свои объятия солнцу наполняясь его лучами

Глаза еще не видят но уши смотрят в оба Их взору от-

крываются шаги а затем и детские голоса которые пророчески смиренно распевают слова смысл которых еще скрыт для них

На холмах за зелёной рощей
на холмах где ближе небо
мы пойдём за утренним светом
и придём на поля холмов

На увитом зелёном поле
к верху рвутся столбы деревьев
освещенные светом и небом
поглощенные ночью луной
познавшие тайну эту

Соберём с них плоды что послаще
соберём даже те что подгнили
мы наполним корзины до выси
и обложим плоды тёплым мёдом

Свет начнёт уступать теням
мы отправимся с ним домой
Отставать от света нельзя
ведь коварная нынче тьма
принадлежность её не нам

Мы дождёмся нового дня
что бы вновь прийти на поля

Топот ног резко обрывается даже природа затихает на бесконечное мгновение затем оживая вместе с одиноким топотом ног Я приоткрыл веки Им ещё под силу показать мир когда тот стал снова интересен Ко мне подошла девочка и протянула яблоко из своей корзинки Благодарность спускается к моему горлу но не может преобразоваться в слова И слышит девочка только стон Она убегает к друзьям присоединяясь к продолжению своего шествия начиная песню с самого начала

Мои зубы жадно впиваются в сладкий плод Я поглощаю дарованное яблоко и от счастья снова впадаю в забвение Я блажен от сытости но сердце стало тяжелым как и мой желудок Как и Ева я разгневал бога своими низменными потребностями Девочка сама того не желая стала тем змеем который подтолкнул меня на слабость Рай закрылся перед моими открытыми глазами и я снова стал человеком Меня начало лихорадить

Знать меру значит не видеть своих возможностей Не видеть возможностей значит не ставить целей которые должны превзойти нынешнее я Не ставить целей значит умереть так по настоящему и не родившись

Своего первого рождения я не помню Тогда чистота бе-

жала по моим венам С годами кровь портилась смешиваясь со всем подряд что попадало в организм Тогда я начал погибать и погиб но только чтобы родиться вновь

Через опущенные веки пробивается свет Сколько я пролежал без сознания неизвестно Рука тянется к щеке но нащупывает густые волосы Я спал достаточно долго чтобы снова стать невинным как дитя Хочется услышать свой голос но я слишком долго молчал чтобы говорить

Я лежу в земле усыпанный пеплом Словно одеяло он укутывают моё тело Через усилие моей отдохнувшей воли всё таки удается встать покрывало согревшее меня спадает песчинками с плеч и волос Открыв глаза я больше не вижу людей и их крова Только несгоревшие основания домов что ютились здесь неизвестно сколько стоят откусанными и брошенными Небо серое словно и оно покоится в пепле минувших дней Ему больше нечем плакать оно всё выплакало пытаясь успокоить языки пламени сжиравшие всё до чего дотягивались их беспощадные языки Трагедия Здесь больше не прозвучат песни детей Это место больше не услышит их пения

Мне нечего здесь делать Природа сама разберется с замечанием следов Мои ноги начинают идти в сторону далёких гор что виднеются на горизонте Почему так хочется плакать Я плачу

Через пять вёрст запах гари немного ослабевает но пол-

ностью не исчезает Воздух пропитан проделками одних людей и горем других Почему так Зачем Неужели боль это обязательное условие наших деяний Чуть ли не с самого начала существования люди боялись больших животных природных катаклизмов болезней пророчеств бога а в итоге оказалось что бояться нужно было самих себя и себе подобных Войны каннибализм жажда власти страсть доминирования и разрушения Вот мы Вот наше настоящее лицо Не нос глаза уши волосы и рот а огонь и пепел сжигающий эти самые лица Убежать и больше не вернуться спрятаться Вот я иду я живой и могу думать А что дальше Если бог есть то почему он спас потерянную душу а сгубил непорочную

Он есть Есть Если есть то он жесток и ничего общего я не хочу иметь с ним и милость его не нужна мне боле Коли он таков то и породил он себе подобных Так зачем тогда всё это Если ты есть то знай я отрекаюсь от твоей милости Если ты позволил погибнуть в мучении той девочке то нет тебе прощения и я готов принять роль судьи и мой вердикт виновен виновен и нет пощады Покинь диапазон моего существования и не приходи больше с милостью своей Я отрекаюсь от тебя и плачу только потому что обидно и больно за тех кого ты беспричинно обрёл на мучения а если нет тебя то легче не становится Ведь тогда и нет призрачной надежды на твоё сострадание и твои блага вечные А если ты есть то они мне не нужны Прощай Надеюсь что не увидимся ибо ты противен мне Порожденный в жестокости порождает только

жестокость Порожденный в одиночестве одиноким и живёт
Святая неизвестность и свежий благой воздух неси меня
туда куда считаешь нужным Нет у меня больше отца только
ты покровитель истинный не взимающий плату за рай а да-
ющий его Берущие слишком избалованны они не чувствуют
благодарности к тому что имеют Они всегда хотят того чего
у них нет а это уже хамство Так вот я говорю спасибо тебе
спасибо за то что могу чувствовать твоё тепло и твою про-
хладу твою твердую почву и податливую воду что утоляет
мою жажду Я благодарен тебе каждым мгновением которым
дышу и укутываюсь в твою сущность как в подол матери

Я шел по мягкой траве Я шел по твёрдой земле и гравию
Я видел море и благородно стоявшие ещё нетронутые стол-
бы деревьев что образовывали гармонию своего природного
расположения Я видел солнце и его отсутствие я был одер-
жим Вскоре дорога закончилась перед глазами пропало небо
и я очутился у контура горного массива Среди больших глыб
виднелась земляная дорожка которая извиваясь уходила да-
леко за пределы видимости Не задумываясь я ступил на неё
и пошел повинуюсь форме Мои ноги и тело всё выше и выше
отрывались от земли Я будто шел в рай собственными сила-
ми Целеустремленно с замиранием сердца от неизведанного
что ждало меня на самой вершине

С каждым метром воздух становился всё холоднее и чище
С такой высоты земли не было уже видно деревья же стали

зелеными точками Я совсем продрог но не чувствовал дискомфорта Холод убрал усталость моего тела а ум сделал чистым и ясным Мысли отвлекли меня я и не заметил как дошел до самой высокой точки На той точке стоял домик похожий на крепость Окружен он был высокой оградой за которой торчали крыши Смешанное чувство окутало мою голову Я был огорчен что и этот клочок прекрасной земли кем то уже застроен и насижен но в тоже время было чувство благоговейного спокойствия

Я подошел к высокой старой двери Мой кулак опустился в ударе На второй я услышал еле уловимые шаги Дверь распахнулась и я вошел готовый принять свой путь каким бы он ни был

В тени от арки стоял мужчина непонятных лет Его тело обволакивала стёршаяся холстина а бечёвка служила пояском

Интерьер почти ничем не отличался от внешнего вида здания Грубый неотесанный камень крепко держался своего предназначения Сорняки располагались по всему периметру и прорастали через трещины на полу Здесь не говорили ибо слова нарушали тот покой и равновесие что здесь преобладали над телом человеческим Только два раза за смену четырех стихий природы разрешалось петь в эти два дня о чём я узнаю позже Всё остальное время эти дети живой природы и смертного тела занимались разными делами которые помогали держать внутренний покой и умиротворение еще

будучи живыми людьми несовершенными но ждущими конца и готовыми к нему

Здание разделялось на три сектора В первом располагались кельи где каждый набирался сил для поступков высоких где сознание бороздило неизведанные просторы и миры откуда черпались знания и мысли еще недоступные здесь и сейчас Во втором секторе находилось помещение для тела и его пороков где мы ели пили и испражнялись Здесь не было окон и света дабы всё сущее и живое не видело наших недостатков Третий же сектор был отведен под ремесло и свет разума где проходили мои и наши дни в постоянном труде совершенствования

Было нас немного Считать и пересчитывать дело неправильное Нас было столько сколько и должно было быть для нас самих и для всего В тишине когда погружен в свой скелет начинаешь чувствовать правильный ритм поступков и действий Моё тело быстро освоилось а разум принял свой путь исповеданья и движения Дней здесь не считали и не разделяли их на свет и тьму нерушимый баланс всего оставался нейтральным в наших головах и сердцах что поддерживали идеи первого Я подолгу сидел в углу питаюсь ритмом шагов разных существ и тех редких звуков работы что доводилось слышать в главном зале Как то бабочка села мне на плечо и я почувствовал её шепот и её дыхание затем она рассказала мне о радостях секунд что происходят бесконечно много

вплоть до затмения и я плакал как дитя видя в бабочке часть земли нашей нашего счастья общего и бед наших Она улетила оставив мне радостную печаль где я не могу полететь за ней так как крылья мои еще не выросли

Большая мозаика была почти готова На ней я изображал всё что было во мне и в то же время всё то чего во мне еще не было Серединная часть рукоплескала солнечным светом и зелеными полями постепенно обволакиваясь к краям дымкой а затем и тьмой где лес и её жители пребывали в заточенном мире своих драм и радостей Самый край я обложил цветами грязными и непослушными где изобразил себя и тюрьму в которой я сижу заложником рожденным не по собственной воле но воспитываемый волей своей Я положил последний мазок угла грязи себя Я отхожу на расстояние дабы цельность восторжествовала для моих глаз я вижу жизнь свою и стремления свои о которых знал всю жизнь но о которых умалчивал от себя боясь этого пути и этой жизни Осталось совсем немного

Выйдя во двор я беру тот камень что могу поднять но не меньше Возвратившись к своему ребёнку я разбегаюсь что есть сил и кидаю камень в самое сердце Кажется что звон стекла никогда не прекратится Дождем рассыпается то что я породил Пыль застилает мне глаза Я вижу ураган что несется мне в сердце и разум Прекрасное зрелище

Завершение одного пути и начало нового Когда буря ути-

хает начинаю неторопливо и с наслаждением раскладывать цветные осколки на полу Мне предстоит долгий путь дабы собрать свою жизнь заново и дать ей то завершение о котором я еще ничего не знаю но которое будет именно таким каким оно и должно быть

С последнего песнопения прошло много времени Я совсем зарос и работа моя обрастала Иногда я был настолько поглощён ею что падал в голодный обморок но даже находясь во сне я продолжал свой путь и был он светел и не было в нем усталости Клей обволакивал ребра осколков а те складывались в новое пророчество и новую жизнь в середине которой меня все также не было и славно Все также был я сер и грязен но моя грязь была мне родной и в ней я чувствовал себя дома Вскоре фигура облепилась окружающим цветом иного характера За всё время я не пытался смотреть целиком

Последний осколок входит в уголок что дальше всех был от меня Он излучает тепло и скромное торжество Десяток людей в холстине собираются по обе стороны моих лет и моего пророчества они берут мозаику и общими усилиями поднимают её вертикально Другие двое что стоят на возвышенности закрепляют её Лучи прекрасного света что проникают через пустой оконный проем разрезают своим сиянием каждый фрагмент стекла даруя жизнь и движение Комнату освещают тысячи разных оттенков даря каждому свою благодать и то что я в нее вложил На излияние сходятся заключенные

души Звучание колокола раздается в воздухе призывая нас
к воспеванию нашему воспеванию всего что нам дорого Я
вписываюсь в край спирали образованного ряда и с нараста-
ющей силой мы запеваем что есть сил но стараясь не терять
ту искренность что сидит в нас и вырывается из наших диа-
фрагм

Восход грядущего солнца
равносилен своему закату
неизбежность своей переменной
объясняется равновесьем
Оно видится даже в блошке
подчиняя своим законам
ненаписанным могучим словом
механизмом вселенной сложной
Восход грядущего солнца
равносилен открытым векам
и своим появлением тоже
мы обязаны свету и небу
те что греют наши макушки
те что греют наши кисти
иногда морозя ножки
и любопытные наши ушки
А закат подобен смерти
и закрытым глазам подобен
равновесие скрыто в блошке

Молись природе
не забывай природу
будь един с нею
Соблюдай равновесие
не обременяй словами
благоволи действием
Спасибо атому
спасибо звезде
спасибо взрыву
большому и малому
Сотворение мать вселенная
ты родила нас
мы благодарны тебе
мы все вернем
до последней молекулы
АМИНЬ
Нет сильнее тебя
АМИНЬ
Нет мудрее тебя

Сила несущая дождь и засуху
наказания за шалость справедливы
в своём выражении
Мы покорно принимаем дары
мы покорно терпим кнуты

Принимая каждый урок
мы становимся только мудрее
Все невзгоды идут нам впрок
говори с нами
учи нас мы кротки
превращаемся в шорох и слух
Только не делай нас рабами
не лишай нас свободы
мы не требуем одной благодати
не хотим мы одних наград
Мы хотим уподобиться каплям
мы хотим уподобиться деревьям
что стоят на холмах

Молись природе
не забывай природу
будь един с нею
Соблюдай равновесие
не обременяй словами
благоволи действием
Спасибо атому
спасибо звезде
спасибо взрыву
большому и малому
Сотворение мать вселенная
ты родила нас

мы благодарны тебе
мы все вернем
до последней молекулы

АМИНЬ

Нет сильнее тебя

АМИНЬ

Нет мудрее тебя

Тело звезды

что принесло себя в жертву

мы твои плоды

твои дети и вечные должники

научи нас быть жертвенными

научи нас быть мудрыми

Подскажи как быть полезными

ученики из нас послушные

ученики из нас дотошные

В час просветления не суди нас

в минуту осознания не шепчи нам

в секунду счастья забери нас

и укрой нас собой с головой

Молись природе

не забывай природу

будь един с нею

Соблюдай равновесие

не обременяй словами
благоволи действием
Спасибо атому
спасибо звезде
спасибо взрыву
большому и малому
Сотворение мать вселенная
ты родила нас
мы благодарны тебе
мы все вернем
до последней молекулы
АМИНЬ
Нет сильнее тебя
АМИНЬ
Нет мудрее тебя

Только через труд проецируемый через свои ощущения
можно искоренить в себе раба и мученика Закончив песно-
пение я молча ухожу не оборачиваясь Выхожу за двери с
осознанием что больше не вернусь Глава написана точка не
должна оставаться в середине предложения как и её поста-
вивший

Свет погружал в своё тепло не оставляя возможности
скрыться На такой высоте среди скал и свежего воздуха
невозможно разглядеть детали на земле Где то там совсем

другой мир который был покинут и который нужно заново обрести Дорогу что привела меня на вершину треугольника размыло дождями и завалило камнями Природа не любит повторений Для обратного пути нужно найти новый путь который перестанет являться обратным и спуск станет новым подъемом

Я иду интуитивно не думая От случайности не уйти так зачем сопротивляться Моё тело расслаблено голова не крутится и не ищет Я просто иду по направлению жизни что приведет меня к чему то новому или уведет от себя Это не важно главное двигаться К хорошему или не очень к свету и солнцу или ночи и холоду Ты идешь и живешь ритм воздуха в легких циркулирует сознание и действие Стремительный рывок ни к чему Я лёгок на подъем я не чувствую затраченных сил Еще один шаг к единству и пониманию Что же такое человек Это животное потерявшее контроль Животные совершенны я это говорил и так думал Теперь я это чувствую и знаю В век человеку не уложиться дабы вернуться из блуда и глупостей к настоящему Даже если он захочет не сможет Его высшее развитие стало его клеткой И моей клеткой тоже Но я знаю что смогу однажды расправить крылья и стать всем то есть ничем Получается вывернутая выверть но по другому нельзя объяснить

Слова слова слова в моей голове Слышу их только я но как громко они отзываются во всем что окружает моё раздражающееся тело Значит ли это что я являюсь реформатором

мира или я только реформатор своих мыслей которые пропускают сущее через призму своих ощущений

Я и не заметил как ноги спустили меня на несколько десятков метров с горы что была мне храмом и теперь я приближаюсь к краю обрыва Для каменистой почвы край сильно гладкий не деформированный Будто его сделали руки людей но я знаю что являюсь первым и последним человеком что идёт здесь Край скалы все приближался головокружение схватило мою голову охватили колики которые начали отплясывать под дьявольскую трель в ногах и руках Но я не могу остановить свои ноги да и не хочу Пьянящее чувство чего то нового охватило меня и путь моего бессознательного недоразума тянулся в пропасть Ещё мгновение и ноги утратили опору Тело словно сухой осенний листок парило в воздухе качаясь от встречного ветра Я летел не зная конец это или начало Вот каково это Пугающе прекрасное чувство секунды обожествления собственного рассудка и тела ему принадлежавшего Ещё мгновение и небо с солнцем покинули меня Холод окутал всё тело дышать было нечем Я погрузился во тьму

Жизнь любит тех своих детей что плывут Не стоят на месте и плыть не обязательно по направлению лоя парусами попутный ветер Можно плыть против течения а еще по диагонали влево вправо Можно плыть влево на несколько градусов более и уже путь приобретает менее прозаичные от-

тенки но более любопытные Когда ребенок не в силах определить какую же конфету ему хочется больше то ему стоит просто уйти и искать ту сладость которая не заставит его сомневаться Выбор изначально обуславливает сомнение в котором кроется не такая уж и большая цена тех самых конфет что имеются Конечно можно пересилить себя и все таки сделать выбор но тогда всю жизнь будут мучить вопросы а как было бы если я взял другое В девяти случаях из десяти человеку всегда будет казаться что другой выбор привел бы его к более успешному результату

Я не делаю выбор Я не думаю Я просто плыву Могучий океан не съел меня он только облизнулся но его желудок и так переполнен бедолагами с кораблей что оказались не там где следовало быть и показали трусость Жизнь не любит трусов а её частица тем более такая как океан просто терпеть не может

Моё тело стало кораблем а точнее бревном что спасло мои внутренности Я плыву на спине и снова могу видеть голубое небо Во мне нет страха есть приятное чувство пустоты переполненная умиротворенным предвкушением чего то впереди

Вот меня прибывает к берегу Еще долго я лежу неподвижно чувствуя как по мне проползают мелкие крабы Мухи садятся на лицо а затем улетают чтобы вновь сесть на то же место Я спокоен мне хорошо Но нельзя злоупотреблять го-

степриимством Моё тело сгибается с хрустом руки помогают поднять тощую плоть с песка Ноги снова берут под контроль меня и несут вглубь леса что расположился на этом берегу Березы сосны дубы Может что то среднее Это не важно Многочисленные столбы образуют совершенно иное пространство создавая собою лабиринт и тень где солнце редкий гость Тень и прохлада Запах листвы По веткам пробегают белки Слева отдыхает лось Я гость Я мысленно прошу разрешения войти и меня пускают Всё передо мной расходится и расступается Я долго плыл бревном от меня пахнет деревом Меня принимают как родственника что не потревожит покоя Это правда Я не потревожу Я только погостить только прочувствовать И возможно что то отдать взамен

Протоптанная дорожка Открывается поляна Она небольшая в её центре солнце Оно только здесь Я не сразу замечаю что по окружности рядом с деревьями стоят вкопанные люди Они посерели Одежда если на ком то и имелась то лохмотья что слишком ветхи скоро и их не будет Деревьев людей много Я не считаю Встав в одну линию на свободное место начинаю рыть землю руками Здесь она мягкая не такая как в других местах Здесь её не потревожили не оставили грубых шрамов Я вкапываю свои ноги и встаю Сразу же начинаю чувствовать покалывание в стопах и на кончиках пальцев Это мои корни что почуяв родину начали тянуться к ней дабы получить что так им желанно

Солнце перекрывают тучи что извергают океан по частям

Солнце это завтрак всего живого дождь обед что утоляет жажду после завтрака Сон ужин что помогает переварить завтрак и обед Прекрасная гармония Корни всё растут но не наглеют Мои ноги и позвоночник стали более крепкими Когда человек на своём месте он начинает расцветать Время уходит Циферблат уходит День и ночь Инь и Ян Добро и зло Кара и милосердие Все эти вещи братья и сестры чьи то мужа свахи жены дети племянники Одно большое семейство чья генеалогия не позволяет отделиться благодаря холодному рассудку человека Они сильнее потому что они свершившийся факт Вот я и не я вовсе Что происходит Неужели я нашел дом Я не могу вспомнить для чего я Это он или не он Листья Дерево Земля Смерть Девочка Справедливость Кто я

птицы летают солнце уже в зените а вот оно уже заходит и наступает прохлада где то щебечут кузнечики ползают муравьи голос природы постоянно говорит сладкие речи даже когда кажется что всё молчит деревья стоят ровно деревья растут прямо их корни с каждым днем становятся только увереннее и сильнее прирастая намертво

Боль ударила в виски Мышцы рук нестерпимо ныли Ноги жгло Я открыл глаза и долго не мог понять кто я и что я здесь делаю Был слышен протяжный тихий вой десятков кого Просто вой режущий мою грудь Я выхожу из оцепенения и вспоминаю всё Теперь снова всё вижу ясно и отчетливо Моё

тело на той же поляне где я врос в землю и мне было хорошо

Сейчас день но солнце больше не светит на выбритый лобок земли Сейчас лето но трава отдаёт болью её цвет заражен Чем Вот деревья старцы это они завывают Их взоры направлены на меня В глазах нет злости но есть мольба

Это я Это я виновник Я стремился найти дом и в безудержном стремлении эгоизм поглотил мой разум Как мог я рассчитывать на то что смогу поменять свою сущность Мои корни отросли и вросли в землю но питался я водой но отдавал внутренний яд Свои нечистоты Праведный я снаружи но что сидит в подкорке Мои поступки прошлого несмотря на весь путь искупления являются ношей настоящего Прими их прими плача и скуля но прими и не мешай собой жить другим

Я собираю силы в кулак Я напрягаю мышцы Боль пронизывает каждую клетку моего прельстившегося тела Я слышу хруст коры на руках что успела образоваться наростами и которая теперь лопается пропуская гнилую кровь Неимоверными усилиями я начинаю отрывать кору с ног руки багрово скользкие Всё вокруг замолкает Даже насекомые молча скорбят и слушают трель моих страданий Я делаю это ради вас Вас всех Вот руки мои разгребают затвердевшую землю В глазах искры разрывают пространство я почти ничего не вижу Слезы смывают слепоту но та вновь и вновь наваливает Я все копаю и копаю На свет появляются мои ноги из которых торчат корни что глубоко проросли уже в землю Неко-

торые из них стали толстыми и длинными другие тонкими и юными Я ломаю эти корни не щадя себя Я согрешил я не хотел отравить вас Я искуплю свою вину Уйду если смогу Только бы выкопать себя И вот я обламываю последний корень Почти вся кровь вышла из моего тела И я теряя сознание шатаясь встал и прошел на середину поля где обрушиваюсь на землю не в силах больше плакать теряю сознание

На иссохшую оболочку капает дождь Его капли начинают попадать в раны принимая сущность крови наполняют меня жизнью Вместе с дождем начинает печь приветливое солнце оно нагревает моё остывшее тело Муравьи заползают на мою исхудавшую кожу и я снова начинаю чувствовать мир Открывая глаза вижу преобразование всего больного Трава подо мной и вокруг зеленеет она еще сочнее чем прежде Деревья обрели упругость они довольны отсутствием яда Я слышу хор что разносится на многие мили вперед радующийся своему воскрешению

Дождь

пьянящие частицы твои
что летят в наши рты
благослови тебя за дары

освобождаемся мы от жары
Мы деревья твои

мы травы и дети твои
Благословенный благослови

Насекомые
ваши белки
что летают в наши рты
благослови вас за дары
Вы добровольные жертвы
мученики
Маленькие частицы сущего
простите что мы ваша смерть
Простите что мы погибель

Мы ваша могила
мы ваш кокон
возвращаем все долги
перерождаетесь снова вы
Благорожденные вы убиенные

Солнце
что случайный гость
и главный жизнеродящий
благослови тебя за дары
нагреваешь наши челы
Циркулирует кровь внутри
рождаешь всё живое вспять

превращаешь воду ты в пар
облачаешь их ты в дожди

Мы неблагодарные твои
мы нахлебники твои
Ты прости нас
только прости

Я собрал все свои силы и направил их в ноги что подняли тело моё Природа просила прощения что не смогла принять меня а я искупил вину свою что ненароком отравляла её Нельзя оставаться нужно уходить Я иду иду иду Вскарabкиваюсь падаю снова иду Меняются пейзажи меняется горизонт Я иду и иду дойти бы до края да провалиться Куда я иду Куда

Снег везде снег Пустошь Когда она успела появиться Глаза совсем меня не слушаются Я замёрз Мои губы дрожат все тело пребывает в движении холода Вдруг ноги останавливаются дальше они не пойдут Я так долго пребывал в пути Сколько лет я шел Сколько дней и ночей Я не помню Я устал Мои веки слипаются Ноги подкашиваются Снежная выюга усиливается пряча меня под своим покровом Чувствую усталость как хочется спать Я засыпаю Я засыпаю

Как все таки противоречиво складывается жизнь людей В юном возрасте мы находим своё предназначение видим точку на горизонте как маяк нашей цели Разум ещё не знает что

под точкой прячется условное обозначение бесконечного пути которое в итоге огибая ось Земли упрется нам же в затылок Лучшее что можно сделать остаться на месте быть неподвижным телом но и только Нужно перестать воспринимать себя с одного ракурса а лучше и вовсе забыть всё что имеет отношение к человеку сформированному Встать позади и увидеть конечную цель своих мечтаний а затем порвать эту цепь не жалея её

Главное стать чистым принять дары незнания а если точнее копирования предыдущих людей и их мыслей Все их законы понятия любви сотворения эстетики смерти были созданы ими и прожиты ими Как и люди идеи тоже умирают оставаясь для следующего поколения всего лишь иллюзией которая не может переродиться во что то конкретное

Становясь первооткрывателем колеса или даже создавая его словесное обозначение человек открывает для себя то же самое колесо Все различие состоит в точке откуда есть обзор на заново созданный объект что является не чем то посторонним а тем что почувствовали руки и впервые услышали уши Создаётся конкретное понимание чего то родного того что не ощутит ни один соискатель кроме нас самих Само восприятие станет подлинным и полновесным Это колесо станет вашей божьей тварью но другим соискателям оно всегда останется чуждым Им придется проделать тот же путь сделав это открытие И так же придется наслаждаться им в одиночестве полнотой понимания своего творения и его скрытой

красотой которая освещает каждую клетку тела её создавшего

Вот он я Так темно но я чувствую тепло Во рту песок
Двинув корпусом назад скидываю покров Снег стал песком
Солнце греет меня но погода спокойна только на первый
взгляд что то поднимается Ветер Он начинает таскать свою
широкой ладонью миллионы песчинок Поднимается настоя-
щий самум Что происходит Почему мое тело с каждой се-
кундой становится легче Неужели неужели я пришел Внут-
ренние уши смотрят в оба Их взору открываются силуэты
детей а затем и голоса которые пророчески смиренно начи-
нают петь

Стопа Ахиллеса
доказательство правды
все мы смертны
все не вечны
Разрешенная задача
удар стрелы острый
всё так просто но перед
казалось невозможным

зачем ты здесь

Разлагающийся труп

живой по своей природе
просто другой
повторный от втор
корм Земли
она увидела действие Кроноса
хороший пример

Есть своих детей
не преступление
Есть своих детей
логичное действие

Все сущее
человеческое слово
антоним
круговое противодействие

Человек коварнее богов
Человек ест мясо кого
он ест для него это важно
обычно ест слабых
жует беззащитных

Чем ты лучше Кроноса

Есть отреченный

По другому он нищий
Изгнанник своих
изгнанник в пути
Что ищет нищий
Покаяния искупления
он пилигрим

Раз стучится пилигрим
и вот он блажен
не один

Два стучится пилигрим
и вот он сломлен
снова брошен один

нет больше замков

Чист пилигрим
он умыт кровавой водой
Рожденный из кокона
сквозь рвоту и боль
ты чист проточной
чище воды
теперь ты дома

Иди Иди Иди

Маленькая ручка тянется к моей сломанной Я тянусь в ответ Блаженная лёгкость начала усиливаться и вот в момент соприкосновения наших рук я увидел как конечность моя начала превращаться в бесчисленное количество песчинок меня кожу на что то более вечное а дальше ниже Всё тело охватил вихрь и вот я стал воплощаться в миллиарды маленьких песчинок полностью отдавшись их силе Поднявшийся самум начал уносить меня сея хаотично в разные стороны с другими песчинками делая меня единым целым

3

Из записок пациента N от 3 апреля

Абутураб несмотря на сказочность и конкретное место своего происхождения является действительностью для вселенной и всех её гостей Двойственность значения пыль и прах как нельзя лучше отображает сущность создания и сущность разрушения Бессмертие явление с подвохом Если душа человека точнее его энергия уходит в общий капитал этой планеты то и тело никуда не исчезает Оно становится торабом сокращение от Абутураб попадая в общий поток пространства покрывая собою дороги предметы мебели Эта пыль затягивается миллиардами носов и оседает на другую пыль образуя тем самым многочисленные слои Никто и ничто не уходит Запах взорванной звезды до сих пор витает где

то рядом просто никто уже не принимается

Сам факт зарождения жизни на Земле носит второстепенный характер точнее даже менее важный Само слово жизнь относится абсолютно ко всему Если человек может идентифицировать своё существование себе подобными тем самым задавая вопросы а далее начиная их решать путь мыслительных процессов то с чего этот же человек взял что камень или дерево не могут заниматься теми же процессами только используя другие непонятные для человека способы коммуникации По существу нет ничего мертвого так же как и живого Это два самых примитивных понятия которых нет во вселенной Они есть только в головах приматов что решили усложнить себе существование путём развития Но всё это не имеет значения ведь что бы человек ни делал как бы он ни крутил словами реальность не поменяется Театральность единственная реальность что позволяет поддерживать иллюзию Она не должна спадать с глаз людей по крайней мере с основной массы и этого не произойдет ведь тогда наступит конец Мартышка с разумом которую лишили бананов и свободы становится опасным зверем но когда проходит время она привыкает к комфорту клетки так же как её желудок привыкает к режиму ограниченного приёма еды Мартышка быстро привыкает к ограниченности ведь больше не нужно оборачиваться и бояться тигра

Запись доктора К от 2 апреля

Пациент N поступил на принудительное лечение 17 марта По данным правоохранительных работников утром в восемь часов в самом центре города в ста метрах от парламента молодой мужчина будучи совершенно голым нарушал общественное спокойствие граждан проявляя в их сторону агрессию Пациент N выкрикивал неразборчивые слова при этом хватая прохожих за головы предположительно для зрительного контакта тем самым запугивая окружающих еще больше Вскоре молодой мужчина был схвачен сотрудниками На вопросы полицейских возмутитель порядка не отвечал При себе не имел документов Каких либо характерных черт за исключением полного отсутствия волос на теле нет Все попытки идентифицировать личность оказались безуспешными В этот же день было решено привести господина N в психиатрическую клинику где ему окажут помощь по словам полицейских молодой человек все время был агрессивен но у клиники резко успокоился Было принято решение подержать мужчину в одиночной палате чтобы не подвергать опасности остальных пациентов

Несмотря на загруженность мною было принято решение взять таинственного пациента под свой контроль и заниматься наблюдениями и дальнейшим лечением лично

Первую неделю пациент N не проявлял никакой активности Единственно чем он занимался сидел неподвижно в своей камере пристально сосредоточив взгляд в одной точке

Попытки наладить контакт провалились Пациент не желал коммуницировать с внешним миром Появились первые подозрения на кататоническую шизофрению Через неделю было принято решение прописать больному дроперидол оксибутират натрия и ноотропные средства

Интересно то что пациент N ни разу не ел и не пил при санитарях Как то один старый санитар решил поэкспериментировать и оставил порцию еды на ночь в камере Наутро поднос был пустой Точнее еды на нем не было а вместо неё на подносе аккуратной кучей красовались фекалии Удивительно еще то что они ничем не пахли Не источали отвратительный или приятный запах Казалось что испражнения больного бутафория с целью разыграть О данном случае было сразу доложено мне и я незамедлительно принял решение продолжить эксперименты санитаря А так как пациент N по сути не существовал то и отчитывался я только перед своей совестью Он стал моим личным делом Первое что пришло в голову дать больному листок и карандаш

В Северном полушарии пустынные территории Африканского континента лежат между 15° и 30° где находится крупнейшая пустыня мира Сахара В Южном полушарии они расположены между 6° и 33° охватывая южноафриканские пустыни Калахари Намиб Карру Нескончаемые пески растелились неровной гладью заманивая в свои объятия неосторожных охотников Если на мгновение отбросить заученные пра-

вила то можно понять что песок сам по себе является пылью более крупной структуры Сама природа подобных частиц рассчитана на накопление своей массы Чем толще слой тем надежнее и крепче песчинки держатся друг друга

Пройдёт тысячу лет климат изменит своё привычное поведение он тоже живой Климат развивается Та часть земли где всегда правило солнце уйдет во мрак Набегут облака что взорвутся самым сильным ливнем за всю историю существования Они будут поливать пески ровно шесть дней подражая труду господина но и на седьмой день не перестанут извергать струи бесконечных капель которые уже и не капли вовсе а скорее океан обрушившийся с небес Все песчинки которым нет счета пропитаются влагой а после превратятся в твердую почву подражая камням и твердым минералам Пройдёт еще тысяча лет и на эту каменистую поверхность ляжет новая пыль которая образует новые дюны Иной человек будет ходить по песчаной могиле так и не задаваясь вопросом о том что же скрыто под этими зыбучими дорогами Этот цикл будет повторяться до тех пор пока не воздвигнется гора достигающая своим пиком до атмосферы земли Уже следующее поколение организмов будет взбираться по этим каменистым отвесам и выходить в открытый космос без больших фаллообразных машин

Что же солнце Первая модель ада которая закрепилась в генах на многие поколения Достаточно лицемерно брать характеристики внеземного дарителя жизни и использовать их

как главный критерий к месту бесконечных мук Вот грешник умирает точнее говоря вот умирает человек После секундного промедления он оказывается на мосту Чинават который проложен от начала ног до Солнца Эта звезда символ жизни даритель но чем ближе дух усопшего тем больше он обжигается и облучается Но раз так раз он чувствует физическую боль то он не дух вовсе а до сих пор является существом физическим хоть и пребывает в другой форме существования Свет что дал жизнь его роду всего лишь кот который любит играть в охотника А Визареш излюбленный демон проводник душ не кто иной как выносливый бродяга которому нужна помощь в виде избавления Пристально смотря на свет можно потерять зрение а если бежать к свету обязательно сгоришь как и все Без исключений Без исключений И только дюны никуда не торопятся накапливая мудрость по песчинкам

Он вышел покурить на балкон В этой съемной квартире замки не внушают надежности Это его беспокоит Она же напротив успокаивает его Гладит по голове целует Занимается любовью тем самым внушая спокойствие Он вышел покурить на балкон Давно хотел бросить но зависимость выше его характера Он берет кружку наполняя её водой из под крана В неё он сможет стряхивать пепел Дверь с обратной стороны не закрывается и она вызывается помочь закрывая его с внешней стороны Постучи один раз по толстому стеклу и я

открою Хорошо Он курит смотря на большой город за чертой бескрайней дороги Резкий шум сбивает мысли он оборачивается и видит как к двери мчится она Вместо того чтобы открыть она ломает ручку а в следующую секунду из её живота показывается нож вспарывающий ей желудок Странно остриё выглядит спокойным оно хорошо наточено и обучено Кровь быстро заполняет её белую хлопковую футболку она любила её за простоту Тело падает в сторону комода это понятно по глухому удару головы об створку На сцене появляется обезображенное лицо хищника которое пристально изучает ту сторону пространства за стеклом Опасности нет Опасность в клетке Хищник накрывает своей тенью тело начиная поедать ягодицы До щёк он доберется под самый конец дабы завершить свой albumblatt Всё это время он что остался по ту сторону своей прежней жизни кричит и бьет руками о стекло которое никогда не разобьется

На столе всё по старому Её портрет разложен хаотичной рукой слева направо Вот толстая косметичка из неё торчат ватные палочки на которых видны следы туши Она никогда не выкидывала их сама но и не пользовалась повторно Возможно что это некий ритуал или же привычка А вот сразу за косметичкой её любимые солнцезащитные очки Оправа черная сами стёклышки поцарапаны ключами и временем Дешевые старые очки но как они вобрали её характер и её черты Готов поклясться на всех библиях мира что смог бы

опознать эти очки среди сотни таких же Правее перепрыгивая через стёртый фрагмент стола стоит пепельница а в ней с десяток бычков белого цвета На краешке фильтра каждого окурка остались следы красной помады Она любила курить всё никак не могла бросить Рядом с пепельницей осталась так и недокуренная пачка её любимых сигарет На шелковом платке разложены мандарины и открытая банка свежего молока это её аромат Вне зависимости от того мылась она или нет её кожа всегда пахла нежностью А вот её фенobarбитал без него она не могла спать в нашей съемной квартире При-знаюсь иногда я брал несколько таблеток без спроса перемалывал и добавлял ей в чай в обычные дни или в шампанское по праздникам Сам я не пью а вот она она любила расслабиться Некоторые игры могут выйти из под контроля Как то раз она попросила накачать её барбитуратами и заснять на камеру как я вхожу в её бездыханное тело После просмотра она возбуждалась ещё больше тогда мне казалось что её порок может перерасти во что то большее Её пленила смерть и мысль того что она ограждает себя от насилия своего окружения Полная безмятежность Портрет идеален и почти закончен Потрясающая работа мастера Я беру с пола её голову без щёк и делаю последний взмах кистью Ей бы понравилось Идеальный баланс тени и света Композиция выстроена по золотому сечению А как сладко пахнут мандарины с молоком и кровью Я снова чувствую её теплое дыхание Истинное перерождение Теперь форма выразила характер и суть

желаемого Ну а мне после тяжелой работы нужно отведать
главное блюдо

Все грёзы наяву и в светлой памяти
всплывают образы давно минувших лет
В порывах страсти дум горит на небе та звезда
что ярче фонарей вокруг

Знаешь люди обычно не помнят свои сны Очень редко
в памяти остаются обломки нашей возможной жизни по ту
сторону забора Тяжело восстановить последовательность со-
бытий когда они каждый раз приобретают разную структу-
ру и место действия О деталях и вовсе можно забыть Обыч-
но люди склонны придумывать их и верить в свою же ложь
но проснувшись сегодня утром я был поражен тем насколько
хорошо я всё помню Мне даже не пришлось вспоминать
Мой сон был настолько реален что я и сейчас не сомневаюсь
в его подлинности Не сомневаюсь в его праве на существо-
вание Возможно мои слова показались бы бредом а возмож-
но я несу этот бред из за того что спал пару часов Сейчас это
уже не имеет значения и ты это знаешь лучше меня Но я хо-
чу рассказать тебе мой сон Это последнее что я хочу расска-
зать именно тебе прежде чем окончательно проснусь и после
пойду и оставлю тебя там в тени

Я как и обычно проснулся у себя в комнате Было ранее
утро весны Мама еще спала а вместе с нею спал весь дом и

мир за окном Одевшись я вышел на улицу не взяв с собой ничего По дороге нашёл камень достаточно большой но такой который я смог бы поднять Я взгромоздил его на голову придерживая обеими руками и пошёл уверенными шагами в те места которых еще никогда не видел Дни сменяли ночи а ночи сменялись днями Так как я ничего не взял питаться пришлось тем что могла дать мне земля Иногда мне доставались ещё незрелые ягоды с кустов иногда приходилось довольствоваться останками плоти умерших птиц Пил я из луж и маленьких рек которые доводилось встречать И несмотря на мою тяжелую ношу я был доволен тем что имею С каждым мгновением камень становился всё тяжелее и тяжелее но меня это не могло сломить Я не знал куда держу путь но знал точно что должен преодолеть свою слабость и дойти до назначенного места Моё шествие привлекало много внимания и в задушенных городах особенно когда солнце находилось в зените возле меня толпилось много любопытных глаз и ушей Жар их взгляда испепелял меня и я покидал их город как можно быстрее Время шло и я шёл с ним в ногу Сколько я повидал прекрасных мест где любой другой остался бы доживать свои года Да и я если честно желал бы того же но мой камень стал моею одержимостью и я знал что мой путь ещё незакончен Времени прошло достаточно чтобы я мог видеть отросшую бороду Она была приятного каштанового оттенка за исключением одного седого волоса который тоже шел со временем и ничего его не могло оста-

новить как и мои ноги Климат становился холоднее а людей я встречал всё реже и реже За годы странствий время отложило след и на моей одежде которая превратилась в обноски Редкие люди спрашивали куда я держу путь а я в свою очередь презренно смотрел на них сплёвывая себе под ноги и продолжая идти Скоро стало совсем холодно землю сменил снег Я уже не останавливался чтобы поесть или перевести дух Я знал что скоро буду на месте На горизонте мне открылись заснеженные горы которые величаво замыкали собою далёкие степи В полукилометре я увидел берег а далее между ним и горами разлилась кристально чистая вода Вода нетронутая человеческими испражнениями Такая непорочная наполненная спокойствием Я направился к ней Рядом на берегу стояла лодка Она не была привязана но никуда не уплывала настолько эта вода была могущественна Я опустил свой камень на дно лодки и прежде чем поплыть стоял с минуту и дышал чувствуя всем телом путь и время которое прошел Только камень остался неподвластным и свободным от времени Он был такой же величественный и молчаливый как и в первую нашу встречу Мгновение прошло и вот я уже гребу вёслами плыву к концу своего путешествия Я доплываю ровно до середины и бросаю гребсти Я на месте Тишина опьянила меня На нулевом отрезке земли время не имело власти ни над чем что здесь находилось И я всё понял Я взял один конец бечевки что лежала в лодке изначально и привязал ею свою правую ногу а вторым концом обвязал ка-

мень Когда я поднимал его он не весил ровным счетом ничего Словно бутафорский я опустил его в воду и опустился в неё сам Камень стремительно пошел ко дну в самый центр земли Вместе с собой он уволакивал и меня Ледяная вода её богоподобная тишина окутали каждую частичку моего тела И я понял что всё это время искал бога а он оказался ничем иным как тишиной и секундным озарением перед небытием

А затем я проснулся Такой вот сон Знаешь я не жду что ты поймешь меня И мне без разницы осудишь ли за то что всю жизнь ни во что не веря я вдруг прозрел просто из за бурной фантазии Я соглашусь с тобой если ты назовешь меня лицемером И я бы только улыбнулся если бы ты избил меня в приступе бешенства Всё это неважно Важно только одно проснувшись я понял куда мне идти

Из записок пациента N от 21 апреля

Если лось ранен и побегит собаки снова догонят его снова остановят и эта гонка будет продолжаться до тех пор пока лось совершенно не обессилит от преследования или пока не подпустит охотника на новый выстрел В большинстве случаев раненый лось не допускает близко охотника до последнего истощения сил Когда зверь останавливается его нередко закалывают ножом привязанным к концу рукоятки койка это нечто вроде весла служащего охотнику вместо баланса и ускоряющего его бег на лыжах Коек этот впрочем упо-

требуется исключительно соликамскими охотниками которые искусно бросают его в зверя как копьё или стрелу редко давая промах часто убивая лося наповал Зверовщик однако заблаговременно принимает некоторые предосторожности и прежде чем решается пустить коек заворачивает лыжи чтобы в случае неудачи ускользнуть от страшных копыт лося который немедленно кидается на охотника чтоб затоптать ногами или схватить на рога При продолжительной гонке нож привязанный к койку решает успех охоты так как промышленники гоняясь за лосем сутки и более бросают винтовки и даже снимают верхнюю теплую одежду В глубокий снег охота эта бывает очень добычлива и как уже было упомянуто случается что двое охотников в одну неделю умерщвляют до двух десятков лосей Иногда хотя очень редко загоняют лосей верхом с собаками или даже без собак но для этого необходима очень сильная и неутомимая лошадь и потому гонка без собак не так надежна кроме того сохатый часто нарочно идет такими чащами где нескоро проберешься пешком где изорвешь все платье Наконец изредка случается загнать лося на ледяную поверхность озера на которой он скользит и падает где нетрудно бывает покончить с ним одним ножом Вся задача состоит в том чтобы выгнать лося на озеро поэтому для этой охоты требуется несколько охотников и собаки Если загонять лосей по насту без собак то лучше всего не преследовать раненого зверя и отыскивать его через несколько часов или на следующий день тогда он редко уходит далеко

Раненый очень уставший лось сбивается с рыси и начинает скакать это служит верною приметой что он скоро остановится и окончательно выбьется из сил Следует заметить что чем моложе лось тем загнать его легче а также что самки устают гораздо скорее самца раньше останавливаются и как молодые лоси лосихи гораздо безопаснее взрослого самца и редко бросаются на охотника

Запись доктора К от 27 апреля

Иногда дебют шизофрении проявляется obsessions навязчивыми мыслями compulsions навязчивыми действиями фобиями навязчивыми страхами ипохондрическими жалобами деперсонализацией или дисморфоманией Такие симптомы могут быть свойственны вялотекущей шизофрении Благодаря подобной симптоматике и постепенному развитию болезни не всегда сразу же удается выставить правильный диагноз Чтобы избежать преждевременной стигматизации при отсутствии других симптомов при первых эпизодах болезни может даже выставляться диагноз obsessive compulsive disorder А лишь со временем когда присоединятся более характерные симптомы становится очевидным что человек страдает куда более серьезным психическим расстройством чем ОКР Отличительная черта obsessions большая сила принуждения Больные могут часами совершать нелепые ритуалы не стесняясь окружающих

Фобии при шизофрении утрачивают эмоциональный компонент больные могут спокойно без волнений рассказывать о своих страхах Помимо этого могут быть нелепые страхи например боязнь отдельных букв Ипохондрические жалобы при данном заболевании довольно фантастичны больные ощущают как кровь движется по сосудам или как кишки в животе сбились в комок

Пациент N за время пребывания в клинике не проявил агрессии Попытки наладить контакт в виде диалога безрезультатны Больной тщательно игнорирует внешние явления все также концентрируя все своё внимание на стене Тяжело с уверенностью отнести его повадки к кататонии Со стороны врача следующее заявление может показаться неподобающим я бы даже сказал непрофессиональным но утаивать это от самого себя я не вправе И даже если никто из моих подчиненных никогда не услышит этого то мой дневник и я сам вправе говорить начистоту Я чувствую привязанность к пациенту N Иногда мне кажется что я чувствую то же самое что и он А порою что думаю о том же о чем думает он Его глаза полны глубины и мыслей И пусть меня уволят если я ошибаюсь Я надеюсь что однажды смогу вытащить его разум из клетки высвободить его язык из пут а затем просто поговорить Ну а пока время экспериментов

Каждое воскресенье праздник любви и единства В этот день пекарь раздаёт свою выпечку обездоленным детям и просто людям что по своей наивности зашли в гости Закройщик любезно вытаскивает на площадь все те наряды что были сшиты им но не проданы Каждый пиджак найдет себе владельца по плечу и росту Банки в этот день выдают мелкие кредиты даже тем кто не сможет вернуть деньги в указанный срок а попросту говоря выданные деньги дарятся Даже бродяга может зайти в сие заведение и попросить кредит на хлеб Ни один квалифицированный работник не откажет ему а в знак своей щедрости предложит зелёного чая Водители автобусов с улыбкой приглашают прокатиться на их большом механическом жуке довольствуясь свежим воздухом на втором этаже Таксисты скромно притормаживают вечером на остановках когда общественный транспорт уже не ходит Они предлагают свои услуги всем тем кто не успел вовремя уехать В барах разливают бесплатное пиво не жалея разбитых стаканов а также раздаются закуски для всех кто не успел отобедать Это поистине великий день когда люди объединяются в общее счастье и трепет делая приятное друг другу

Ещё в этот светлый праздник принято заниматься любовью с незнакомцами Каждый желающий может овладеть человеком который ему понравился Если на улице лето что дышит полной грудью свежим теплым воздухом то можно совокупляться и на траве в парке Ни один прохожий не делает замечания наоборот каждый будет улыбаться сцене со-

единения а иногда так бывает случайный прохожий может присоединиться к данному действию В такие благие дни отпадает вопрос возраста Пожилые люди имеют удовольствие испробовать горячую плоть Ряды пожилых женщин испивают тёплую сперму молодых людей что так заботливо вызвались проявить уважение старшему поколению дав им часть себя как последнее утешение перед затмением Рыхлые и обросшие влагалища принимают в этот день до двух десятков крепких фаллосов истекая соком желания Это поистине чудо когда на мгновение чувство молодости заново струится по венам даря своему обладателю оргазм В этот замечательный день даже у отчаявшихся бедолаг есть кратковременное счастье Любой гражданин который решил свести счёты взвесив все за и против и находясь при этом в здравом уме может прибегнуть к посторонней помощи Каждый врач обязан выдать смесь из тиопентала натрия а также павулон и хлорид калия останавливающие дыхание и работу сердца Инструкция разумеется прилагается Для особо боязливых людей которые не переносят вида крови или острой иглы приглашают медсестер и медбратьев которые с радостью помогут в этот светлый праздник решить данную проблему А для любителей полетать сотрудники жилищно эксплуатационной конторы снимают замки с крыш аж до двух часов ночи Всякий желающий может выйти на свежий воздух посмотреть на свой город с высоты птичьего полета а затем полететь к своей мечте Никто не должен быть обижен Каждой божьей твари

по праву Вечером часов в восемь особенно летом так замечательно выбраться на крышу своего дома пригубить бутылку другую вина и часами любоваться на падающие звёзды Загадывать желания необязательно это прошлый век Все мечты человека и так стали явью А если повезет то на эту же крышу выйдет звезда с которой можно будет обменяться любезностями перед полётом

Стоит упомянуть о тех единицах которые в этот светлый праздник умудряются нарушать блажь общества Бывает и такое что у нарушителя спокойствия есть сообщники от трёх до десяти единиц По своим действиям они напоминают когда то командующих Они всячески мешают счастливым людям получать удовольствие применяя в их сторону насилие В прошлом году на второе воскресенье весны один умник задушил девушку только за то что она совокуплялась с двумя мальчишками А на той неделе одна старуха не дала своей внучке ввести дозу и попросту её выкинула Нарушители всегда были и всегда будут абсолютно в любой отрасли в любой мелочи найдется недочеловек который вдруг возомнит что у него больше прав на человека чем у этого человека на самого себя Благо еще на ранней стадии подобных казусов вышел закон который восстановил справедливость Каждого провинившегося бунтаря каждую наглую бунтарку абсолютно любой нормальный человек вправе поймать или же вызвать специальный отряд и затем предать гражданскому суду Подобные наказания становятся частью праздника Обыч-

но провинившегося забивают до смерти Некоторых по старинке сжигают Все зависит от степени тяжести проступка и района Был как то случай когда одному бунтарю ампутировали конечности Раны само собой прижгли Затем его приволокли на трассу а через сто метров нарисовали его же кровью черту вроде финиша Условие было простым Если этот вандал проползет данное расстояние то ему оставят жизнь Как ни странно мужичок сражался за себя до последнего И ему к слову почти удалось доползти до финишной черты Он буквально упирался в неё носом но случай поменял планы В последний момент из близлежащего дома кто то выкинул пустую бутылку её бы никто и не заметил если бы эта самая бутылка не разможила голову бедолаге Удар был настолько сильный что голова буквально взорвалась а тысячи мелких осколков взмыли в небо красиво сверкая на солнце И хоть с нарушителями разговор короткий но всё же стоит признать без их участия праздник не выходил бы таким ярким и красочным

Бытует легенда что в потаенной части пустыни куда невозможно попасть нарочно обитает небольшое племя Это племя никак себя не называет не контактирует с внешним миром живя в пределах отрезка священных песков которые скрывают бесчисленные миражи

Лет десять назад один араб служивший у знатного господина который в свою очередь был успешным торговцем за-

глянул в бар Его лицо обрамляла седая неопрятная щетина На голове волос и вовсе не было глаза постоянно бегали в них жил страх а может и помешательство Постояльцы знали этого Акиля этого бедолагу У него никогда не было с собой денег говорят что он теперь занимается попрошайничеством добровольно избрав такую судьбу поэтому так уж повелось что каждый норовил угостить мужчину в обносках кружкой пива Тем он и жил У местных это считается хорошей приметой Эти местные вообще очень суеверные и лучше с ними в подобных вопросах не спорить

Акиль заходит в бар занимает своё излюбленное место у стойки в тени где никто не смеет сидеть В это время за столом справа расположился деловой американец Как потом станет известно этот очкарик из штатов оказался каким то ученым который сидел в этом заведении не просто так и не первый месяц Так вот этот американец завидев Акиля после минутной выдержки взял свое пиво и подсел рядом с арабом Недолго церемонясь он заказал Акилю выпивку а точнее сказал бармену чтобы тот наливал ему всего и сколько угодно что тот пожелает Акиль оценил жест иностранца но как и обычно попросил кружку местного пива которое к слову было омерзительно кислым Учёный ничего не говорил Арабу но и не возвращался обратно к своему столику Спустя полчаса после второй кружки пива Акиль собрался уходить как иностранец вежливо остановил его своим Погоди друг При чем он сказал это на местном языке и без акцента чем уди-

вил Акиля Араб был взбешён что неизвестный человек заговорил с ним да еще посмел остановить Для него это было в новинку Но вдруг рассерженный взгляд сменился улыбкой и тогда араб спросил иностранца что тот хочет от него Я много слышал о тебе Расскажи мне сказку из за которой ты теперь чураешься людей и ходишь в этих обносках сказал американец при этом глаза его пристально смотрели на араба Повисла тишина Эти двое смотрели друг другу в глаза Акиль будто пытался выиграть сражение но через бесконечно долгое время он сдался и тогда ответил Был человек тоже американец Он приезжал года два назад и просил так же как и ты поведать ему историю Он предлагал баснословные деньги но я послал его к чёрту Он был не воспитан и от него пахло гнилью но это не главное иностранец Я никому не рассказываю эту историю по двум причинам Первая никто не поверит в неё так как я и сам не верю Вторая если ты хочешь повторить мой путь то тебя будет ждать только смерть А теперь ответь на вопрос иностранец неужели ты хочешь умереть Сказанное Акилем произвело на всех глубокое впечатление Люди почувствовали проклятье и нечистое Все мигом перестали подслушивать дабы не было и малейшего шанса попасть под участь проклятого Американец же в свою очередь выдержал сказанное с ровным выражением лица Я только хочу узнать правду Араб задумчиво кивнул и заказав две кружки пива пригласил учёного за дальний столик до которого не дотягивался даже свет За этим столом Акиль и поведал свою исто-

рию и именно за рядом стоящим столом была подслушана эта история Между делом говоря на следующий день американец взял двух верблюдов и ушел в пустыню один Больше его никто не видел

Рассказ Акиля Розовый песок и смерть торговца

Каждый крупный Н-картель знает такого господина как Иршад Господин Иршад очень важный винтик в часах беззаконья и если вы хоть раз сотрудничали с этим господином то значит вы преуспевающая крупная группировка у которой есть репутация и связи Господин Иршад является одним из самых значимых поставщиков оружия г-а девственниц Сексуальное рабство является достаточно прибыльным делом особенно когда речь заходит о юных сучках а также господин Иршад являлся одним из самых богатейших людей и не только у себя на родине Если говорить кратко не вдаваясь в сложную схему бартера то господин Иршад менял г-ш оружие и малолеток на мешки к-а компромат на высокопоставленных людей г-н и так далее На самом деле спектр обменного товара намного шире в том числе господин И сотрудничал с фармацевтами но всё это не важно Детали которые только косвенно стали причиной смерти моего работодателя говорить что он мне господин уже надоело теперь я свободный человек не так и важно да и не к чему

До случившегося меня обрамляли тугие мышцы а боро-

да вилась густой виноградной лозой С господином И меня связывало дальнейшее кровное родство Так уж повелось что человек слаб к роскоши Ни на одной профессии и работе я бы не получал так хорошо как у своего богатого родственника Соблазн сломил меня и уже через год после трагичной смерти главного помощника Иршада я встал на его место Кстати умер тот бедолага от моей руки Раньше я корил себя и ненавидел но теперь говорю спокойно Сделанного не вернешь Так вот значит я стал правой рукой Весь процесс сделок заключался в следующем один раз в месяц господин Иршад я и еще с десятков подчиненных выдвигались на верблюдах в пустыню на оговоренную точку С собой мы везли наш товар Проблем никаких не было закон не живет в этих краях только сила имеет вес Думаю что и до вашей страны эта тенденция уже дошла и начала выгрызать честных людей как раковая опухоль а у нас это часть культуры Так о чем это я вот как и всегда все сучки знаю у вас в Америке любят так выражаться и н-и были упакованы и расфасованы по своим местам Отправлялись мы в ночь Каждая встреча происходила на разном отрезке бесконечного пути У нас даже был специальный проверенный картограф с огромным опытом Он всегда двигался первым Вечно что то чертил в своих записях вымерял там палками

Господин И был человеком старой закалки поэтому на все сделки ходил лично С момента пути уже прошло дней восемь Очень редко мы делали привалы наши организмы ста-

ли такими же выносливыми как и у наших верблюдов Только сучки вечно ныли но это у них быстро прошло В пустыне знаете ли не до слез даже если и хочется На двенадцатый день когда наш гид сказал что мы уже почти у цели произошла странная история На привале этот идиот извиняюсь за грубое выражение пошел испражниться Недалеко в общем то но вот какая история больше его никто не видел Он просто испарился Сейчас слушать эту басню просто некоторым смешно но когда вы в гребанной бесконечности песка а единственный опытный человек пропал то становится не до шуток Во первых есть вероятность что мы так бы и умерли а во вторых господин Иршад никогда не подводил своих клиентов После долгого совещания было принято идти по заданному маршруту надеяться на удачу и нашу храбрость Мы пытались разобрать каракули нашего картографа но по идиотской случайности этот умник был уж слишком своеобразен и не имел системы письма черт бы его побрал Извините

Хочу сразу предупредить что дальше моё повествование будет походить на бред галлюцинацию безумие Поначалу я охотно рассказывал каждому встречному я кричал о случившемся но самое безобидное как реагировали люди смеялись Другие же называли безумцем и пытались ударить чем то тяжелым да по сильнее Я и сам со временем начал сомневаться в правдивости своих слов но знаете есть один факт в мою пользу Я бы никогда не поверил в это если бы не видел своими глазами поэтому хочу задать вопрос и это неуважаемый

иностранец очень важный момент в моем повествовании Готовы ли вы услышать правду и поверить мне заочно Ответьте иначе нет смысла продолжать

Американец молча мотнул головой

Тогда слушайте и помните что мне нет смысла врать

Запасов было еще прилично поэтому мы храбрились Для большей уверенности мы умертвили пять своих помощников чтобы сократить запас потребления продовольствия Пять ножей синхронно вошли и вышли из пяти висков Удары были настолько молниеносны что кровь хлынула только через мгновение Ни криков ни колебаний Пять тел рухнуло в песок и никто не смел воспрепятствовать случившемуся Скорее даже больше для присутствовавших не произошло ничего нового Кровь из висков сочилась обильно но тут же вскипала пропадая в песке Вскоре и плоть постигнет такая участь она станет частью фундамента дюн и никто не вспомнит имён

Пять палачей вытерли чуть окровавленные лезвия о свои бурнусы а затем растворились в караване что ждал своего хода Господин Иршад возглавлял колонну Шея его походила на верблюжью Глаза его свирепо всматривались вперед внимательно выслеживая любой шорох

Солнце беспощадно раскидывало лучи только дети взращённые в пытках труда могли преодолеть возложенный путь Живой экспорт девственниц уже давно выбился из сил Каждая связка из трёх душ была закинута на горб животных То-

вар нельзя портить товар должен сохранить свой свежий вид

Нельзя чтобы подчиненные узнали что путь взят наудачу Паника худший союзник в пустыне Но удача любит смелых А господин Иршад он еще ни разу не подводил своих клиентов Господин Иршад подобен структуре графита он выдерживает любую температуру Главное побольше уверенности и немного удачи Всё это у него есть Не зря он господин Он был рожден чтобы побеждать так будет и сейчас

Следом на верблюде едет Акиль Правая рука господина Иршада Коренастый спокойный араб Это он был пятым мечом и он же главным вдохновителем Акиль опытный бедуин Он знает когда нужно проявить жертву во благо остальных Если всё пойдет хорошо то на обратном пути придется убить ещё пятерых подчиненных а это небольшие потери Если говорить честно это не потери вовсе всего лишь стратегический ход Неписанный кодекс ада Ещё немного потерпеть и на месте Господин Иршад всегда держит слово

прошло 6 дней

Их осталось двое Последние два глотка воды были сделаны несколько часов назад Остальные слишком поздно сообразили что ниточка пути утеряна и впереди ждала только смерть Поднялась страшная паника и даже сам господин не мог усмирить безумие подданных Голодные и измотанные рабы начали выпускать клыки из ножен Женщины были сна-

чала убиты а затем осеменены

Каждый безумец думал будто знает путь спасения Он выбирал одно направление а затем исчезал за горизонтом Остальные же выбирали свой правильный путь и затем также растворялись в песках

Иршад и Акиль видели падение подданных Удар был принят с поднятой головой и рукой на саблях Даже такая ситуация не могла сломить крепкий дух что был возведен крепостью с детства Когда последний смертник убежал двое мужчин спокойно отправились по направлению которое было выбрано изначально

Организмы оказались обезвоженными Жизнь притаилась в телах Ноги Иршада и Акиля с трудом совершали движения Грянул последний час их жизни Страха в их сердцах не было только злоба на самих себя за то что жадность повела их против воли Уверенность сгубила их высушила рты А затем затем последовала тьма

Очнулся Акиль от скрипа что издавала тележка Руки мужчины были крепко связаны очень странной бечевкой Глаза с болью разомкнулись и перед пленником предстала странная картина он был в пустыне вот только солнце не расплавляло макушку но это была и не ночь ведь Акиль все прекрасно видел Его сердце впервые за долгие годы начало отбивать бешеный ритм а разум парализовало страхом Взору предстал розовый песок а мужчину везли на тележке непонятные аборигены Справившись со страхом Акиль на-

чал судорожно рассматривать происходящее вокруг По правую руку он увидел вторую тележку где судя по одежде лежал его господин В существах же Акиль признал разукрашенных людей Единственная странная вещь рост который равнялся не ниже двух метров Возможно нас чем то накачали подумал Акиль но сам с трудом в это верил В конце концов его возня привлекла внимание сопровождающего аборигена который своими чёрными впадинами заставил Акиля почувствовать холод смерти На мужчину резко накатила слабость еще немного посопротивляясь он отключился Скрытая сила сразила его а может это было обезвоживание Сейчас невозможно судить об этом А тогда не было возможности думать о таких мелочах когда на кону стояла собственная жизнь в фантазмагорическом зазеркалье

Размерный вой барабанов ритмично отскакивал от ушных раковин в самый центр Магический ритм мог дойти до мертвых Акиль судорожно открыл глаза Его вели ухватив за подмышки Перед взором открылось небольшое поселение с околом осиными постройками Здесь все предоставлялись иными Казалось что духи здесь живут и делают свои незаконченные дела Акиль судорожно дышал но никто не обращал внимания Редкие дети что к слову тоже были не низкими бежали рядом изучая незнакомца Ритм барабанов усилился Вскоре показался круг состоящий из множества тел а в середине горел большой огонь

Подойдя ближе Акиль увидел множество пик на которых

были насажены тела тех людей которые были с ним В каком то смысле ему стало даже легче Единственным волнующим вопросом оставалась смерть а точнее будет ли она мучительной Умирать не страшно но вот страдать это другой вопрос Вскоре вместе с приближением барабанов почувствовался и запах крови Очень много трупов Всё это племя общалось на языке что не имело аналогов Акиль не мог уловить и намёка на происхождение Затерянный город богов

Вой усиливался Акиля втолкали в центр круга где горел костёр Мужчина поднялся на ноги и со звериным оскалом осматривал толпу Он не проронил ни слова Затем из другого конца приволокли Иршада еще более потасканного и в крови Оба мужчины оказались друг против друга Круг замкнули Ритм барабанов приобрел большую динамику вой дикарей усилился Всё было понятно без слов

**ДЕРИСЬ УБИВАЙ
ИЛИ БУДЕШЬ УБИТЫМ
УБИВАЙ УБИВАЙ УБИВАЙ
БУМ БУМ БУМ**

Барабан выкрикивал слова разрывая пространство Язык понятный всем без исключений ритм Да это неизбежно Акиль и господин Иршад осознали положение Выхода не было Почтительно обменявшись кивками мужчины вцепились за свою жизнь когтями вырывая друг другу глотки Все эти

мифические бабуины кричали громче и громче. Казалось, что сам воздух и пространство заполнены шумом и жаром костра. Удачная подножка кувырок. И вот два больших пальца выдавили господину Иршаду глаза.

Новый крик разверзся в розовых песках. Изувеченный господин чудом высвободился и с криком побежал в костер, которого он не мог уже увидеть. Тело как сухой сук вспыхнуло, и мгновение спустя упало, не подавая больше признаков земной жизни.

Ликующие аборигены были возбуждены зрелищем. Вой барабанов прекратился. Все эти туземцы вдруг бросились на обгоревшее тело господина Иршада. Десятки рук начали рвать его плоть, зубы жадно поедали сырое мясо. Был слышен хруст и хлюпанье рвани.

Акиль был оглушен зрелищем. Казалось, что это его тело рвут на части, а затем съедают как бедного барана. Воспользовавшись моментом, Акиль побежал в сторону, где была только розовая пустыня. Ни один абориген не заметил его, все были заняты священным пиром.

Акиль бежал не ради спасения. Он уже и не рассчитывал на подобную роскошь. Он просто хотел умереть в песках, а не от клыков дьявола. Он продолжал бежать, хоть и сил у него не было. Ближе к утру мужчина обессилел, вусмерть и рухнул. В песках этих он видел сон, где старик с бородой тянется к яблоку, а тело его распадается на миллиарды песчинок. Акиль чувствовал, что он видит себя только в другом перевоплоще-

нии И если это так то как же смириться теперь со всем тем что он совершал Ведь в случае возможности перерождения следующая его жизнь должна стать камнем Душа будет сидеть в громадной глыбе где то далеко от людей И ни одна прекрасная дева не сядет на него и не погладит думая о вечном блаженстве

Каравай торговцев подобрал бездыханное тело Акиля и отвёз в соседний город где Акиль уже не пришел в себя За одни сутки он покрылся морщинами поседев до цвета снега Он очнулся на земле за бараком взял миску с водой и отправился созерцать мир наслаждаясь ли его вечной умиротворенностью И только память время от времени давала о себе знать возвращая кошмарный сон в реальность

От костра веет теплом Его тело нервно извивается под натиском неопределенности длины своего существования Каждое мгновение проживается им с полной отдачей выставляя всю мощь своего присутствия температурной деспотии Кто он такой что на костях другого организма смеет вытанцовывать дьявольский вальс калибруя свою поступательную энергию в ограниченных рамках Иногда кажется что ещё чуть чуть и терпение огня взорвется Он выйдет из под контроля своей практической пользы и станет тем диктатором который в безумии своём начинает колонизировать окружающее пространство Так иногда бывает когда природа пребывает в засухе и от неимения пропитания воспламеняется

уничтожая себя но порождая его высочество

Большой интерес костёр вызывает при наблюдении в разное время суток Стоит сразу сказать что ни днём ни ночью огню не удастся найти общие черты с окружающей средой языки пламени всегда будут иметь статус сакрального воплощения как символ разрушения но также и как гимн жизни а в некоторых случаях будет являться очищением

Днём когда вокруг много света огонь воплощает свою блеклую тень Он кажется безопасным не имеющим величия временным явлением Только при более близком знакомстве пламя может обжечь руку напоминая неосторожному существу что сила очень часто бывает характера скрытого утаенного от любопытных глаз Пламя как хищный зверь начинает красться в лучах своего дня поджидая свою жертву готовое в любую секунду перейти в нападение Контролируемый дневной костёр в своём большинстве обычно носит неприятный характер Кожа начинает чувствовать избыток тепла из пор начинает выступать пот что неприятно скатывается по спине к пояснице заканчивая свой путь на ягодицах Дневной костёр менее всего привлекателен для глаз а практическое применение уже давно потеряло свою актуальность

Ночью когда воздух становится холоднее когда сверчки начинают петь свою серенаду контролируемый костёр приобретает свою самую лучшую форму Его тепло согревает продрогшие плечи пламя его освещает устрашающую тьму тем самым даря своим гостям спокойствие Но всё же острота

его тела слишком ярко противоречит засыпающему окружению заставляя смещать весь акцент на себя У огня в отличие от созидающей природы слишком сильно развит нарциссизм хоть и является врожденным Несмотря на замечания и придирки огонь в своём бытие является самым чистым и прекрасным эталоном течения жизни Его покладистый характер может измениться в сторону деспотии и мало кто в силах его тогда остановить Остаётся только любоваться его танцем а когда разгневанный на всё сущее он начнёт сжигать мир то в голову проникнет эсхатологическое осознание красоты и величия которое все смогут наблюдать перед своим неминуемым концом

Из записок пациента N от 3 мая

Сколько воды всасывает мой организм Это вопрос важный да точно важный Я долго молчал но только потому что искал способ точного вычисления Мои ресурсы ограничены но тем лучше Тем проще найти решение данной задачи

Ответ пришел ко мне во сне Я был впитывающей губкой скорее желтой чем синей На меня лился поток воды Первый прилив я впитывал но как только моё тело переполнилось вода начала проходить сквозь меня её бесформенное тело проходило через макушку и низ а затем продолжало свой путь

Наутро когда мой организм полностью отчистился от шла-

ков я начал ждать темноты Когда поднос с едой и пластиковым стаканом воды был принесён дождавшись я тут же выпил всю жидкость и стал ждать Перед этим я пометил уровень воды в стакане ногтем проскоблив небольшую полоску Ближе к утру мой мочевого пузырь дал о себе знать Я аккуратно стянул с себя штаны начав заполнять мочой этот же стакан из которого пил Мочи оказалось меньше приблизительно с толщину двух моих пальцев среднего и указательного Это оказалось приблизительно на $1/4$ меньше чем было выпитой мною воды Если брать три пальца указательный средний и безымянный то соотношение уже равнялось $4/9$ с соотношением к первому случаю Тогда заинтересовавшись всей этой числительной магией я взял четыре пальца и получил число 16 что явно относилось уже к закономерности квадрата числа первого варианта И тогда меня осенило Я почувствовал что нашел некую тайную закономерность Я еще не знаю что всё это значит но сам факт тайны меня будоражит Дрожащими руками я расписал следующую закономерность полученных чисел

7 8 9 24 4 5 6 15 1 2 3 6 9
1 2 3 4 10 5 6 7 8 26 9 10 11 12 42 16
8 9 17 6 7 13 4 5 9 2 3 5 0 1 1 4

Не это ли лицо равновесия Идеальная числовая композиция загадка Как прекрасно будет однажды разгадать её по-

чувствовать запах её страха перед тем кто смог покорить и обуздать Ну а пока нужно подумать мне нужно подумать мне нужно подумать мне нужно подумать мне нужно подумать мне нужно подумать мне нужно подумать мне нужно подумать мне нужно подумать мне нужно подумать мне нужно подумать мне нужно подумать мне нужно подумать мне нужно подумать мне нужно подумать мне нужно подумать мне нужно подумать мне нужно подумать мне нужно подумать

Запись доктора К от 4 мая

Состояние подопечного остаётся стабильным Эксперимент с ручкой и бумагой дает свои плоды По крайней мере я имею своего рода коммуникацию Есть представление о ходе мышления больного Говоря коротко о его сочинениях наблюдается две тенденции

1 Больной проявляет высокий интеллект описывая некие практические явления и их механику Можно сделать выводы что синапсы его головного мозга находятся в неповрежденном состоянии

2 Бредовые наваждения где сильно проявляется нарциссизм и самовосхваление путём построения мифов вокруг простых вещей Иными словами пациент ищет смысла там где его нет Он свято верит в свои теории не давая голосу разума расставить все на свои места Возможно что периодический бред является проявлением эпилептических припадков

Для разнообразия эксперимента планирую назначить больному курс электротерапии с повышенной частотой влияния и посмотреть какие изменения произойдут

Противоречивый бес
копьем протыкает ребра
не видя во мне человека
Всё верно и всё не в веру
закат моих терзаемых грёз

Идущий в темноте
не видит подвоха в дороге
только ветер в лицо
и под ногами холодная твердь
а стопы его увековечивают
чувства в память

5

Тюрьмы переполнены хищниками пустившими кровь по какой бы то ни было причине Слишком темпераментны слишком непродуманны По большей части необразованные дикари не имеющие никакого понятия о стратегии и присущей ей хладнокровности Отщепенцы общества Люди боятся даже слова тюрьма а её детей и подавно

Совершивший однажды просчет будь то проступок усеянный кровью или острая нужда в еде будет нести клеймо из-

ходя до конца своего жалкого существования Определенная часть стала на кривую дорожку совсем по идиотским причинам Наслушавшись бластных песен насмотревшись романтических фильмов они решили сыграть роль того самого бесстрашного сорвиголовы Робин Гуда который восстает против буквы закона и морали для восстановления якобы надуманной справедливости Хотя на деле преступление никак не вяжется со всеми этими понятиями В каком то смысле культурная нажива одних сама породила кучу идиотов что теперь грабят их кошельки и разгрызают их сердца

Мотивы преступления делятся на три основных вида

1 Романтизация

2 Бедность

3 Психические отклонения

Здесь мог бы появиться и четвёртый пункт преступление совершенное на идеологической почве например вера но все же это можно отнести к психологическим отклонениям

Вонючие клетки много клеток Толстые стальные прутья что разрезают лицо потенциальной когда то личности не оставляют возможности собрать это лицо заново Звери что попробовали кровь уже не в состоянии избрать другой путь Возможно некоторые и смогли бы но концепция исправительной зоны не позволит

Насилие заразительно оно прочно сидит в дезоксирибонуклеиновой кислоте каждого поколения но здесь пожалуй

всплывает вопрос контроля осознания себя как некоего уникального продукта который может перенести природную тягу к насилию во что то более значимое и рациональное Все эти глупые жестокие мартышки просто не в состоянии приблизиться к таким понятиям как Человек с большой буквы

Их с детства учат что жизнь сама собой разумеющаяся данность обыденность Что можешь бери не можешь бери силой В каком то смысле это справедливая форма суждения но трактуется она искаженно приобретая уродливую форму вражды

Кто бы ты ни был что бы ты не хотел а считаться со своим временем придётся иначе так и окунёшь свой разум своё бытие в грязный сортир спустив бесполезно всё по трубам глупости и в итоге оставшись никчёмной пародией на человека И мало того что эти блеклые тени обрекают себя на конечное неминуемое просиживание уникальности за решеткой так ещё и люди которые возможно тоже сжигают свою уникальность только в рамках иллюзии закона должны содержать зверей этих из собственного кошелька Слишком много глупцов и затраченных ресурсов на их никчёмность на поддержание никому ненужной жизни Не слишком ли большая цена за вонючий мусор который нужно не хранить у себя под носом а утилизировать

Современный мир не позволяет прибегать к действенным мерам Казнь больше неэтична да и честно сказать казнь для палача равносильна преступлению Убей убийцу и в мире

останется убийца Но и дальше нынешняя ситуация продолжаться не может

Все надели игрушечные маски благородства обрекая логику на забвение и потенциально великий род человеческий на жалкое существование

Конечно это не единственная преграда к величию к гармонии атомов в разных формах но всё же один из крупнейших столпов формирования сознания что состоит из тысячи мелочей и многие эти мелочи которые подают неокрепшему уму в переваренном виде

Вопрос решения данной проблемы несёт срочный характер иначе любой прогресс не будет стоить ни гроша Зачем всё это развитие высокие технологии если предназначаться они будут больному обществу

Из выступления доктора Н на заседании комитета по вопросам здравоохранения и реабилитации населения

Таким образом я считаю что методика разработанная командой под моим личным руководством является более чем логичной альтернативой тюрьмам которые стали обременительны и приобрели статус воспаленного аппендицита

Я также знаю что единственным вашим аргументом будет вопрос о рабочих местах Что же будет с людьми которые всю жизнь проработали в рамках данных исправительных стен Ответу сразу ни один сотрудник не потеряет работы В лю-

бом случае для моего предприятия понадобятся те же самые помещения только с нужным оборудованием Одна часть сотрудников так и останется в статусе надзирателей другая же часть пройдет подготовительные курсы и сможет переустроиться на это же место только под статусом санитар помощник

Прежде чем задавать мне вопросы Да молодой человек опустите руку вы слишком настырны я еще не закончил Прощу выслушать технологию по которой мы будем излечивать неисправимых мерзавцев Да вы правы много грубых слов понимаю Будем излечивать людей которые встали на неверный путь Так лучше Хотя знаете идите к черту много чести Я называю вещи своими именами и ваша терпимость меня раздражает чуть ли не больше чем все эти ублюдки за решеткой
Перейдем к методу лечения

Как всем известно за память отвечают следующие участки головного мозга гиппокамп височные доли лимбическая система и некоторые участки коры головного мозга Последние десять лет я потратил на изучение данных областей и пришел к открытию вируса который назвал Мемо Клин В состав входят органические микробы которые в соединении с молекулой Прото и небольшим количеством аммиака вызывают эффект очистки данных областей головного мозга при этом не нарушая принцип его функциональности Проще говоря данная разработка полностью стирает память отдельно взятого человека без возможности восстановления

Господа это великая возможность исправить грехи людей
Вылечить общество по крайней мере то общество которое
отвернулось от благой жизни выбрав путь коварства и крови
Неужели никто из присутствующих не хочет чтобы его де-
ти жили в месте где не осталось места насилию Неужели вы
не хотите чтобы тюрьмы исчезли чтобы у падших людей по-
явилась новая совершенно праведная общественная жизнь
Прежде чем делать поспешные выводы подумайте сколько
бы мы смогли сэкономить денег если бы тюрьмы стали про-
шлым веком Сегодня я прошу поддержать меня Я простой
человек что жаждет выздоровления людей и если вы не хо-
тите того же то скажите это сейчас У меня всё спасибо за
внимание

коллегия и все присутствовавшие журналисты молча
встали и ещё долго аплодировали

Голубь вправе лететь куда угодно его границы равны соб-
ственной силе крыльев но первостепенный инстинкт выжи-
вания сильнее желания свободы В поисках пропитания го-
лубь обитает в ближайшем населенном пункте Голубь эво-
люционировал он стал полностью зависим от человека Его
зона обитания достаточно невелика Он выбирает тот уча-
сток города где получает больше наживы самое ассоциатив-
ное место парк где люди отдыхают от своей рабочей жизни
а точнее где больше скопления ничем незанятых людей

Теперь свободное по своей природе существо становится заложником насущного своих потребностей Каждый день он патрулирует свой участок наживаясь на тех подаяниях которыми его удостаивают Если голубь заводит семью то своё знание своё кредо питания он передаёт своим детям Народно птичий фольклор хотя даже больше необходимость Из поколений в поколение передаётся знание укореняя своё положение в генах заставляя забыть о свободе что изначально была присуща роду

Голубь становится зависимым чревоугодителем антихристом Сытость приносит ему большее удовлетворение чем полёт Сытость отупляет его Крылья становятся не такими проворными а лишний вес не позволяет быстро и высоко взлетать Так и проходит его шестилетняя жизнь

Есть два варианта как голубь покидает своё физическое существование естественным путём что происходит крайне редко и нелепым образом становясь или кормом или размазанным трупом от колёс машины Есть конечно свои исключения

Вот аллея парка раскинулась зелению Сегодня понедельник Стоит ясный день Основная часть населения работает или учится в бетонных коробках разбросанных по всему городу У кого то выходной этот кто то до сих пор спит не в силах подняться после рабочей смены Другой просто бродяга нищий ошивается где то по переулкам или у торговых центров прося подаяния

На лавках у аллеи сидят старики что заслужили отдыха и умиротворения Один из пунктов старческой медитации кормление летающих желудков хлебными крошками или же семечками Рука зачерпывает щедрую четверть семечек и спокойным движением раскидывает дробью орошая асфальт перед ногами

Совсем молодой голубь впервые вышел на охоту Он ещё лёгок резок и по всей видимости возбуждён Его крылья величаво раскинулись над небом Он видит ту самую аллею он не ел с самого утра Его взору открывается старик что уже усеял едой каменное поле удовлетворения Отец проинструктировал сына и даже поведал о том что нужно сохранять бдительность

Голубь пикирует вниз Его взору раскрываются плоды Сначала нервно и отрывисто а затем и грациозно он начинает поедать семечки одну за другой Его желудок начинает чувствовать насыщение и самостоятельность Голубь начинает гордиться собой а большое количество еды затупляет в нём осторожность Он не замечает что старик уже ушел а солнечное небо затянуло тучами По этой же причине он не замечает и рук которые крадутись смогли зайти со спины и в один миг смокнуться капканом

Сытый голубь не сразу понимает что произошло и только через мгновение его заполняет страх а потом и стыд что он в первый день попал в беду Он пытается вырваться но всё четно Ловушка крепка и стены её не сдвинуть тонкими крыльями

ми Мимо проносятся лавки дороги дома улицы Затем следует незнакомое бетонное пространство ранее не виденное И вот минуту спустя голубь оказывается в квартире своего мучителя Здесь старые обои пыль кислый запах Одна комната одна кухня грязный туалет и полное отсутствие женщины Вещи в этой квартире не находят парности

Голубь испытывает ужас неизвестности Ему больше не светит солнце а последнему не аккомпанирует небо Люди часто бывают коварны говорил отец но разве можно было предположить что опасность придёт так быстро так молниеносно да со спины

Ботинки человека остаются на ногах Пол слишком грязный чтобы на нём появились свежие следы Ноги шагают не спеша скорее даже смакуя совершаемое действие в контексте предстоящего По коридору и направо В комнате всё та же грязь и вонь Человек несёт жертву к столу на котором стоит странная приبلуда Её форма напоминает яйцо и конус Скрещенные элементы образуют будто бы очень узкую и маленькую клетку Но в отличие от последней это орудие не имеет решетчатого корпуса и являет собой герметичный сосуд Чуть выше середины её тела имеется вырезанная дырочка По её краям приклеена мягкая ткань зеленого цвета Также у данного сосуда имеется дверца которая запирается на несколько щеколд с наружной части

Человек снимает свободной рукой задвижки дверца сосуда распахивается и внутри обнаруживается что то напоми-

нающее ошейник Человек застегивает в этом ошейнике шею голубя а затем запихивая его тело в сосуд Создаётся ощущение что данный агрегат специально был создан под его комплектацию Голова невинной жертвы торчит из дырки сосуда а всё тело погружено в герметичность и власть корпуса Человек закрывает дверцу и задвигает щеколды Теперь изображение выглядит достаточно комично но голубю не до шуток Скованность заставляет биться его сердце всё быстрее и быстрее Человек уходит на долгие две минуты Кажется что эта бутылка сжимается всё больше но это только кажется

Человек возвращается с кухни В руках у него маленькое корытце с подвязкой Он ловко цепляет его возле мордочки голубя а затем пошуршав в кармане достаёт обильную горсть семечек Он насыпает их в корытце а затем ставит потертое кресло напротив и усаживается громко опорожняя кишечник от газов Человек берёт банку пива и макароны обильно политые соусом Слышится щелчок и жадные глотки Далее идёт чавканье будто кто то раздавил жирную гусеницу Всё человеческое существо погружено в процесс потребления И только маленькие глазки на большом деформированном лице изредка поглядывают на голубя Проходит четверть дня Голод полностью затмил страх деваться некуда Ещё немного и клюв начинает щёлкать семечки одну за другой Когда миска пустеет человек насыпает ещё а затем ещё и ещё

Приходит нужда опорожниться Белый болезненный помет с натугой начинает покидать анальное отверстие обиль-

но обливая лапки Со временем он засыхает небольшими порциями но с перспективой увеличения и нестерпимый зуд покрывает воспаленные участки тела Страх сменился полной отреченностью Вся функция голубя свелась к циклическому круговороту желудка Не это ли голубиная мечта

Через два года и четыре месяца помёт достиг верхушки сосуда он плотно облепил стенки и тело Это уже был не голубь а перерабатывающая машина что путём повторений достигла своей деформации в крайний срок Воля полностью подавлена Два года и четыре месяца без движений Смерть давно была проклята за свою немилость Ничего не осталось ровным счетом Время исчезло

Вот насыпана очередная порция Обезображенный клюв конвейера быстро размельчает семечки пропуская их через свой перерабатывающий механизм Через время с обратной стороны должен выйти готовый продукт но ему некуда Он накапливается внутри голубя а затем с грандиозным размахом разрывает внутренности Из глазниц и рта под большим давлением хлынули ручейки крови вперемешку с помётом Конец настиг голубя а для человека это была только разминка

Любое суждение начинается с лица которого не увидеть кроме как в зеркале но и то лицо что спроецировано на двумерную плоскость будет являться портретом жалким подобием истинной маски Также и мышцы способствуют воз-

возможности скрывать истинное лицо они реконструируют ту мимику что будет пленить и обманывать

Только глаза хищник не способен спрятать Совокупность зрачка и радужки начинают выступать в роли своеобразной совести правдой которая не намерена прятаться ввиду отсутствия таковой способности Невольный свидетель преступлений безмолвно фиксирующий на плёнку памяти зверские действия а затем выгравировывающий их на тонких нитях своего тела Да Хищника всегда сдают глаза Слишком заинтересованные пылающие неумолимые В них горит болезненное желание свершения и обладания Так среди толпы овец обязательно найдётся охотник что только нацепил овечью шкуру От него исходит совсем иной запах Овцы пахнут молоком пряным потом но от хищника не пахнет ничем Он словно сталь зимой или летом приобретает ту температуру которую даёт окружение но сам является неподвижным

Овцы в своём роде тоже хищники Некая замкнутая система где каждый пожирает то что ему под силу как с точки зрения морально этического воспитания так и с точки придерживаемой идеологии Любое травоядное время от времени проглатывает вместе с травой гусениц и прочих насекомых За гвалтом десятков глоток не слышно хлюпанья мокрых органов Даже сама овца может не понимать что совершает некий акт который противоречит её представлению о собственном поведении Что то незначительное проскальзывает в её уме но это что то слишком ничтожно чтобы обра-

щать на него внимания Только спустя время оно всплывает в эмоциональную эволюцию которой хватило буквально несколько лет И вот набожная овца под предлогом благодетеля срывает свою шкуру превращаясь в хищника Она вспоминает тот сладкий вкус плоти и чужой смерти Ей уже не остановиться Слишком долго она скрывала от всех и самой себя тот факт что она подседа распробовала вкус насилия и удовольствия от поглощения того что может испытывать боль Новое ощущение распалает как первая доза г-а громко скандируя по венам удовольствие Но аппетит растёт Новорожденный хищник берёт сорванную кожу и неумелыми стежками пришивает по краям своего нового тела дабы ни родственники ни друзья ни знакомые не догадались о смерти и рождении нового которое будет рвать и пускать

В конце концов слово жертва теряет свою логическую значимость представляя себя в новом свете относительности Все являются хищниками по природному механизму просто общество наплодило достаточно много слов чтобы от неимения более полезных занятий создать миф обкладывая себя теми красками что кажутся более выгодными и привлекательными Жизнь без прикрас насилие и истерзанная плоть

обои под выгоревший цветок затертый входной коврик шесть пар обуви трёх размеров бежевое пальто красное пальто детская куртка шапка с подвязками старые но вычищенные ковры зеркало справа еще одно в ванной маленькое в

сумочке синего цвета окна в деревянной раме потрескавшаяся краска банка из под кофе что стала пепельницей прокуренная кухня два на два метра скатерть в клетку ваза с сорняками просроченное молоко на блины кудрявые страницы любовных романов лук в правой дверце немного хлеба тоже замороженного чай сахар в склянке пара презервативов с прошлого года тарелки кружки посыпавшаяся штукатурка по углам часы адмирал спиртное ненависть злость нереализованность замкнутость мысли стен кулак и ремень

Это для твоего же блага сынок Он бьёт тебя для твоего же блага Ты мужчина ты принимаешь участие Ты принимаешь ответную реакцию за свои поступки Научись отвечать за поступки Ты мужчина и вся эта боль для твоего блага Твой новый отец куда лучше прежнего Тот был мямлей А этот мужчина Он тебя воспитает Он сделает из тебя мужчину он бьет тебя для твоего же блага учись отвечать за свои поступки Это только для твоей пользы для твоего блага учись отвечать за свои действия Насилие во благо ты научишься отвечать за поступки Поступки Благо Ты должен отвечать за благо и платить поступками Понимаешь Ты должен должен должен должен Ты должен отвечать так устроено общество Ты гражданин ты отвечаешь за содеянное Твой отчим правосудие Не гневайся вся боль пойдет на благо Да станешь ты блаженным Он это сделает сделает с тобой Ты станешь хорошим мальчиком твой новый отец Он знает как исправлять плохих маль-

чиков его кожаный ремень заставит тебя отвечать за свои поступки заставит Это ради блага ради блага не гневайся ради блага он всё равно заставит

серые улья дома трава с залысинами серые облака рой кирпича тени высотных тюрем карусель пивных магазинов и микро кредитов стоптанная обувь на пятках порванный носок мелочь на лимонад взрослые пьянчуги просящие мелочь агрессивные пьяницы голодные бродяги подозрительные взрослые их подозрительные дети порванные пожелтевшие рекламные баннеры заброшки клей друзья до первых проблем запах химзавода что не превышает нормы для себя сгнившие поликлиники торжественное открытие лавки торжественное открытие мусорки права на машину права на велосипед права на самокат права на права объективизм как религия субъективного репродукции выставленные платно карантины в школах снова отравление с-д мам с-д девушек с-д парней кровь на асфальте у дворника только метла шквал дерьма который воспринимается как частота резонанса семья и насилие вместе улицы покрыты землей и её частицами пылью стаи по весне охотятся на слабых серый снег

Мы бьем тебя для твоего же блага Ты нарушил правило улиц Ты на нашей территории Мы держим этот квартал мы здесь главные Где твои друзья Где они Одному нельзя ходить просто нельзя Слышишь Запомни Ты передашь всем ты

станешь глашатаем Твоя сломанная нога станет глашатаем твои переломанные пальцы станут глашатаями Твоя кровь скажет всем что нужно чтить кодекс улиц Ты там где нужно держать ухо остро ты там где нужно держать в кармане перо Ты знал что так заведено здесь но ты пренебрег правилами а значит ты поплатишься Это для твоего блага ты нарушил кодекс улиц Мы здесь главные Мы здесь закон Нет места этим улицам одиночкам Тут закон улиц законы каменных джунглей Ничего личного ничего обидного просто законы просто ненаписанные хотя и написанные они такие Это расплата Для твоего блага ни больше ни меньше Закон есть закон хоть и не писан Чужак на районе наказание Группа чужаков противостояние Это наказание Это урок тебе Учение об этих улицах Для твоего же блага для твоего же блага Помни об уроке что получил бесплатно Помни помни помни помни для твоего блага помни это закон закон улиц для тебя тебя твоего блага законы этих каменных джунглей Ты на чужой территории Одиночкам не выжить ты послание это наш урок Ты наше послание наше учение Нельзя нельзя ходить одному Хотя бы перо хотя бы что то ты должен защищаться должен быть во всеоружии Это наш урок наше знание Почитай его заслужи его созидай его Прочувствуй на сухожилиях что превратили мы в кашу Испей знания прямо из своей крови Мы научим тебя покажем тебе а ты станешь глашатаем наших правил

погрызанная кожа вокруг ногтей взрослая жизнь работа дом дом работа от зарплаты до зарплаты от звонка до звонка очередь в магазинах очередь в метро очередь на эскалатор очередь в книжном очередь в кабинет очередь на лифт очередь везде очередь в общественный туалет очередь в кинотеатр очередь на квартиру очередь на аттракцион очередь на донорство очередь на жизнь короткую жизнь цивилизация вечное ожидание нет места в больницах нет места в вагоне нет места в лифте нет места в магазине нет места на сеанс в кинотеатре нет свободных кабинок туалета нет места в дешёвых забегаловках нет места в дорогих ресторанах нет места на жизнь очередь на смерть очередь на гробы нет места на смерть нет места нет места нет места нигде

Из записок пациента N от 10 мая

Кто я Впервые за долгое время возникло чувство потери Шквал мыслей пытался заполнить всю ту пустоту что скрывалась где то внутри в надежде обмануть меня обыграть в моём же теле Подобное заполнение конечно может и не дьявольский дух Может это моя защита что решила скрыть тот факт что я не имею понятия о самом себе В голове кружатся пчёлы в голове всплывают некоторые знания об окружающем мире но откуда они получены

Кто я Откуда я могу знать что я это я И откуда я знаю что значит это самое я Окружающая действительность очень ча-

сто походит на выдумку Я так давно сижу у себя в голове что уже и не помню правда ли всё то что я знаю Какова вероятность что вся моя человеческая жизнь не сон который приснился растению с далёкой галактики Страшный сон для организма что находится в некоем состоянии ещё только развивающегося плода Фарс Чем больше я изъясняюсь на человеческом языке тем больше он кажется мне глупым и несуразным Сложным символическим балаганом который никогда не сможет передать истинную суть Я повторяю про себя слова много много раз и разбиваю силу их значения о стенки сосудов

В голове всё время роятся пчёлы они труженики что дают плоды Я пишу это не от желания высказаться а от желания зафиксировать то что уже никогда не вспомню

Одна из серьезных проблем созидательного человека он сам Любое овладение и подчинение какой либо идеи лишает части рассудка что являет собой защитный механизм от потери реальности а если быть точнее наоборот настоящая реальность вдруг появляется перед глазами Вымышленный мир людей снимается с билборда оставляя мыслителю грубую конструкцию не имеющую художественного образа Когда ты понимаешь что буквы и слова любого народа всего лишь набор как звуковых так и печатных условностей то начинаешь терять связь с ними С каждым произнесенным словом с каждым написанным предложением ты ощущаешь отстраненность и фальшь что несут в себе эти символы Они

больше не воспринимаются всерьёз остается только чувство досады что ни одно существо на планете не может разделить настоящее никогда не сможет приблизиться к новому

Следующий удар настоящего приходит с пониманием того что всю жизнь ты принимал внешнюю информацию и её значение в контексте своих возможностей и своего ощущения Иными словами любое слово предложение случай и событие всегда воспринимались в контексте собственного восприятия Абсолютно всё что я получал было по большей части я сам Предметы как хорошая задаренная проститутка принимали нужные позы но ты так никогда и не узнаешь где они живут и как их зовут на самом деле Теперь к неприятию языка приходит и неприятие окружающих предметов Созидающий человек становится дальше от привычного мира еще на одну большую ступень Настоящее понимание окружения это не дар но и не проклятие если рассматривать его отдаленно Но когда ты примеряешь на себя этот груз то становится ясно его не выдержать Этот груз слишком много весит Пчёлы в голове уже не летают они с пеной у рта начинают колотить по стенкам головного мозга умоляя высвободить их в неизвестность

Исследователь становится узником без цепи и стен Свободы становится слишком много чтобы выдержать её Понимание стирает привычный мир оставляя только слепящую белизну Остаётся последнее убежище ядро своего собственного тела где белизну сменяют несущие опоры кости багря-

ные реки литров крови да и в целом внутренности достаточно тёплые Человеческий организм в среднем держится при температуре 36 градусов так что уровень нервозности ненадолго сменяется облегчением Я разгоняюсь и со всего разгона ныряю в себя через отверстие правого носа

Волосы в щекочут меня Слизь обволакивает меня приятно согревая Я скольжу внутри себя с огромной скоростью но мне не страшно Вот я проваливаюсь вниз и оказываюсь в отделе лёгких Они похожи на пчелиные соты Тысячи полуовальных отверстий содрогаются в одном ритме В каждом из этих отверстий спит пчела Хотя нет эти пчёлы не спят они притаились Они внимательно изучают пришельца Их усики медленно улавливают энергетику и когда приходит чувство отсутствия опасности они теряют весь интерес впадая в прострацию Здесь определенно спокойно Мысли внутри себя теряют символику Они настоящие почти неосязаемые Рассуждения происходят за счёт неких пятен эхосигналов стуков рычания Язык в самом себе первобытен Его нельзя объяснить нельзя передать нельзя даже пересказать самому себе Он являет собою абсолют частоты абсолют правды абсолют абсолюта Он становится ничем в ничём Такой же идеальный как и образность пространства И только цвет и свет теперь определяют настроение и потоки движущей силы Будь то голубой что даёт представление о ясном дне или будь то шунгит в крапинку что даёт представление о звёздном небе Истинный язык он такой но другой Я уже говорил что объяс-

нить невозможно Невозможно передать только личный опыт
Его можно сравнить с опытом принятия смерти Еще ни один
человек не смог описать смерть так как мёртвые не живут и
не общаются с ещё живыми Получается что истинный язык
истинная жизнь и смерть отождествлены общими чертами
своего достижения и своей невозможностью передачи опыта
Значит ли это что исследователь достигший точки невозвра-
та в нереальную реальность фактически находится в стадии
возможного состояния небытия И ещё один вопрос мучает
меня если мозговые электроны одинаково реагируют как на
материальный образ какой либо эмоции или будь то предмет
не важно так и на его визуализированную в сознании модель
то где тогда проходят границы Есть ли они вообще И тогда
вытекает старый вопрос кто же я И есть ли я Может я это они

Незнание и иллюзия сила живущих организмов Умерев
однажды живыми не становятся Сколько сил тратится на от-
рицание отрицания понимания отсутствия понятий на овла-
дение незнания как символического языка и ради чего Безу-
мие всего лишь второй защитный механизм от прощаний
Безумие берёт большую ложку и мешает знанию в общем кот-
ле запутывая владельца ненужного изумруда спасает его от
себя же Безумие становится коконом что не даёт перейти
в стадию небытия Сколь мозг не был бы подвластен выду-
манной личности всё равно он остаётся материальным вам-
пиром вирусом что хочет продлить своё существование ра-
ди существования Организм отдельная личность Ему без-

различно мнение бунтующего Эта машина хочет есть хочет пить хочет срать хочет кончать и продолжать род И даже если некоторые функции атрофируются по каким либо причинам сила желания существовать как материя всегда будет доминировать

Получается что условная личность человека действительно является рабом тела где можно хозяйничать до поры до времени И если начать строить революцию против его организма планов то быстро потеряешь главенствующую роль контроля Отправишься в клетку где уже не в силах будешь выбраться и никто тебя не вытащит ведь для остальных жителей внутренних органов ты всего лишь пришелец миф Материя и ею порождённая внутренняя личность всего лишь создание антагониста что выполняют свою роль борьбы для поддержания моральной иллюзии и некой структуры которой нет на самом деле есть только структура биологическая Выводом может служить только одно слово брак

Я ещё раз задам вопрос кто я кто другие я Я мужчина что сейчас пишет эти строки или я тот зверь что бежит по лесу ночью Я миф что претерпевает в каждом мгновении разные состояния своего несуществования ведь в действительности всё живое связано одной нитью общего бытия Нет ни жертв ни охотников Никто никого не бросал и не терял Каждый отождествляет собою другого Цепочка выстроена давно и замкнута с самого начала Остаётся узнать только одно кто же тогда я

Запись доктора К от 10 мая

Спаси и сохрани наш дух и тело оставляя нам право выбора быть собой

Спаси и сохрани наш дух и тело оставляя нам право выбора

Спаси и сохрани наш дух и тело оставляя нам право

Спаси и сохрани наш дух и тело оставляя нам

Спаси и сохрани наш дух и тело оставляя

Спаси и сохрани наш дух и тело

Спаси и сохрани наш дух и

Спаси и сохрани наш дух

Спаси и сохрани наш

Спаси и сохрани

Спаси и

Спаси

Оставляя нам право быть собой позволь нам уйти в прошлое

6

Спелый мандариновый вкус С пыльных полок грозно смотрит человек Пот покрывает тело от принятых даров Хорс и Никта соединяются в агонии борьбы Бушуют океаны а с неба льются виноградные лозы

Человек тиражирован Каждый мнит себя оригиналом Два человека с диаметрально противоположных сторон земли думают об одном и том же считая свою мысль собственностью Затем три человека семь десять тысяча миллионы Суррогаты что потеряли память и чувство целостности Так проходит полноценный круг падшей звезды Бесконечный круг где ему дали время заразили смертностью

Любая блошка знает суть Она знает что Хорс и Никта закономерное равновесие наравне с Семарглом несуществующим богом между землей и небом Двигутся крылья бытия не осознавая значения глагола быть Только атмосфера сохранила истинное лицо не став жертвой мифологии Её прозрачное тело состоящее из газа пыли капель воды кристаллов льда и продуктов горения нежно охраняет внутри себя микробов ставших неблагодарными её детьми Эволюционирующими возвращенными на ненависти друг к другу и в конце концов ненавидящими самих себя животными не умеющие ценить ближнего то есть самих себя Любое действие любая история любая жизнь и выбор круг что остроконечной пастью кусает свой хвост тем самым поедая затылок

Где то в толпе кричит голодный ребёнок Его ум ещё слишком невинен чтобы чувствовать ненависть В теле живёт страх незнания и голода Он протягивает руку за куском хлеба но редкая тень даёт монету которую нельзя принять за пищу Со временем ребёнок получает знание злости и непонимания а вместе с ним калечатся все равнодушные что

позволили умереть от голода своей копии Каждый живущий превращается в Кроноса ненавидя его за деяния видя в его безумии себя но закрывая глаза ибо собственная слабость всегда будет прятаться мелкой грязью в тени величия собственной гордыни

За окном летний вечер Солнце ещё светит на серые дома одаривая своими уставшими лучами всё живое Ещё немного и власть дня сменится властью ночи Мало кто задумывался над тем что следы света и сила его лучей правят даже в темноте ибо в полном мраке если бы сила взрыва звезды ушла навсегда не было бы прохлады остался бы только лёд и вечный холод Однажды Хорс умрёт и тогда земля превратится в хрупкий шар что под натиском случайного метеорита разобьется на тысячи мелких осколков разлетевшись по всей галактике а возможно и за её пределы Сила Никты уйдёт следом потеряв объект своего наблюдения и частичной власти Ничто не живёт самостоятельно только противоречия их вечная борьба дают возможность существовать друг другу Стоит поблагодарить все несчастья за то что они подарили нам обратную сторону своей сущности Отдать почесть старости вспоминая прекрасную беззаботную молодость Благословлять засушливый год за год новый что полон свежих плодов Пожать руку врагу за то что сам стал сильнее и мудрее Разрыдаться от счастья слепоты за то что смог прозреть и познать истинное счастье существования с возможностью исследовать и познавать

Так пролетает глагол быть что из раза в раз кажется определенным отрезком но на деле же бесконечной линией что тянется вне зависимости ни от кого и ни от чего Осталось научиться перешагивать через эгоизм сидящий глубоко в генах собственной похоти к жизни отойти от картины своего я на несколько метров и увидеть целостный круговорот повторения одного целого одной большой человеческой судьбы и всего живого

Я помню очень мало да и остатки воспоминаний кажутся ненастоящими Ещё несколько недель назад я свято верил в их действительность но сейчас когда разум очистился от всей грязи и тщедушного желания объяснить своё становление до нынешней формы верится в такое с трудом Я понял это когда перебирал фотографии своего детства и юности Я смотрел на этого худого вялого ребёнка Я смотрел на родителей этого ребёнка и на советские интерьеры на фоне и в голове было только одно Не верю Моё сердце не щемила тоска ни по этому ребёнку ни по родителям Я смотрел на свою семью и не видел в лицах ничего что нас могло роднить И тогда я понял что смотрю не на себя и свою жизнь но на спектакль что виртуозно был сыгран только секундами когда чужой палец опускался на спуск кнопки фотоаппарата Я смотрел в глаза этого мальчика худого вялого мальчика и видел в них будущую силу желание познать жизнь и взять от неё лучшее Но смотря на свои глаза в отражении грязного

зеркала я вижу только серость тягот и лишений Опустевший сосуд воды что стоит на балконе за ненадобностью Как бы время не изматывало не уничтожало и не старило глаза человека всегда остаются неизменными Время не властно над их портретом их огнем С фотографий на меня смотрел портрет чужого мне человека а это значит что и всё на фотографиях является мне чужим

Страх парализовал меня заставил оголиться и понять что весь проделанный путь был пройден не под собственным знаменем а театрально спланированным выступлением где собственная роль сменилась ролью дублёра ждущего и тайно желающего неожиданной трагедии актёра Стоящего за кулисами молящего всех богов о шансе показать себя сыграть не хуже оригинала но так и оставшегося в тени за ненадобностью

Следующим вечером я оставил своё прошлое тело на диване Снял всю одежду что принадлежала не мне Облил каждый сантиметр бензином и в последний раз взглянул на картину Андреа Мантеньи прежде чем бросил спичку на край оборванной реки Пламя охватило мою лживую жизнь и со слезами на глазах я выбежал нагой удаляясь в степи где никогда ещё не был В степи где один неизвестный никто по имени Бонжа расправил объятия заманивая в царство до рождения памяти и скорби

прольются дожди

освобождая от засухи
ростки и темя пустят корни они
сомнениям вопросам и всему тому
что осталось лежать
на выжженной земле
разграбленной добычи
что берется задаром всеми

Укуси змею она знает

7

Из записок пациента N от 3 июня

Средневековая медицина по большей части не развивалась
Лекари использовали знание из античности Даже незначительная
болезнь угрожала смертью

Перед привычным фоном задёргивается занавес Темно
только металлическое позвякивание колёс по плитке Проходит
время и наступает тишина Голос появляется из за кулис
он спокойно раздаёт приказы которые все исполняют беспрекословно

Давай пятьдесят

Слышен щелчок рубильника Тело вытягивается по струнке
становится колонной дерева Резкий свет зажигается в закрытых
веках Все мышцы начинают танцевать в демонической агонии

Повторить

Слышен тот же спокойный голос Зевс пойманный в ловушку человеком издаёт истошный вопль Он обречен на вечное скитание Заперт в смешные игрушки со своей великой силой Он вышел в тираж Никого больше не удивить своим рождением хоть и рождение это великое невозможное

Глаза открываются Стоит ангел Он во всё белом Его тело сливается со стенами Руки закованы плотной тряпкой они обнимают лопатки не в силах освободиться из собственных объятий Мы смотрим друг другу в глаза Проходит минута Затем замечаю лёгкое шевеление губ Рафаил неспешно начинает говорить со мной

Как думаешь почему ты здесь

Почему

На улице дождь знаешь

Нет

Но всё реже солнце

Нет

Они ждут

А ты ждешь

Я ничего не жду Я и так здесь

Ты не можешь не ждать раз находишься здесь в шести бетонных стенах

А если если каждая возведенная стена твоя субъективная крепость страхов Что если она и часть преграды моей лич-

ной только по той причине что ты воздвиг её Ты построил
своими руками её правление а оно переносится на всю со-
зданную тобою реальность в которую веришь ты а это значит
значит что и все объекты и субъекты вокруг начинают со-
подчиняться Тогда я сломаю её Или обману спрячусь в том
углу где она потеряет меня и я проскользну

И тогда мы будем свободны

Нет но будет иллюзия свободы Какое то время а потом
появится новая стена Ещё плотнее и толще Хитрее И так
будет продолжаться до тех пор пока человек не окажется в
открытом космическом пространстве где такой парадокс как
бесконечность приобретает свои явные черты

Но и бесконечная дорога станет стеной

Которую невозможно будет преодолеть

И тогда в нас умрёт надежда

Нет Умрёт субъективная иллюзия

А вместо придёт новая

Да И мы поймем что

Всё это время и так были у последней ограды

Просто находились чуть глубже и не замечали не хотели

понять

Всю скудность своего положения

Скорее скудность фантазии

Раз решили что

Что мы люди на Земле

Внутри защитного купола атмосферы

В домах внутри стен квартир
Под кожей своей
И под толстым панцирем костей
Сидим в уголке и нас
Нас разделяет всё от пустоты
А она
Она всегда была вокруг нас Просто стены
Стены закрывали обзор
На реальность которая всегда есть и будет
Выдуманной иллюзией
Наших возможностей
Понимания

Запись доктора К от 3 июня

Впервые удалось наладить устный контакт ЭСТ даёт свои плоды На простые вопросы пациент отвечает путанно и односложно Электростимуляция временно вывела подопечного из состояния кататонии позволив тем самым определить степень недуга

Удивительным является и то что пациенту частично вернулась память На вопрос Кто ты мужчина осознанно ответил хоть и ответ я ожидал более конкретный Ясно одно ЭСТ действует на человека без памяти благотворно так же как он действует негативно на пациента что не лишен воспоминаний Получается вроде обратного принципа Клин клином

Я с удовольствием записываю в личное дело господина N улучшения и назначаю ему повторные процедуры но также не отказываюсь от первоначального способа нашей с ним коммуникации У меня благое предчувствие

Лаборатория доктора Н Первый день практического применения вируса Мемо Клин

Мисс J наркоз Не бойтесь он пристёгнут крепко Что за взгляд Будто в первый раз Хорошо подождём

Состояние стабильное Пациент полностью впал в общий наркоз Просверлите черепную коробку Хорошо Давление падает не сильно Шприц Видите как запотели створки Это химическая реакция Не чудо ли правда Игла прошла успешно немного крови не повредит Ввожу вирус

Состояние стабильное Мисс J заканчиваем операцию Будьте добры сделать это за меня Здесь ничего сложного Благодарю Пора ехать к этим снобам и распинаться как маленькая девочка что бы мама отпустила её гулять с мальчиком но мыто знаем что эта девочка давно уже не девственница и едет она пить и совокупляться Извините за пошлое сравнение я просто нервничаю О любых изменениях сразу же пишите мне на личный номер Да Да поможет нам химия и разум что её создал

Лаборатория доктора Н Второй день практического при-

менения вируса Мемо Клин

Сегодня у пациента выпали все волосы Он похож на новорожденного дьявола Несмотря на опасения состояние стабильное Наркоз давно перестал действовать Подопечный молчит Только глаза бесцельно бродят

Кажется будто я ошибся и теперь в палате лежит не будущее а овощ Попытки выйти на прямой контакт тщетны Здесь может быть только одно из двух либо всё идёт успешно либо я идиот который потратил столько лет гонясь за призраком

Лаборатория доктора Н Седьмой день практического применения вируса Мемо Клин

Подопытный кролик реагирует на звуки Он пытается копировать мимику медсестры которая с ним говорит Пока он только мычит но с каждым разом всё ближе и ближе приближается к осознанной речи

Наручники с ног и рук сняты Кролик не проявляет агрессии Он забыл как ходить Скорее это единственный минус моего изобретения Оно слишком хорошо работает Мемо-Клин смог стереть человеческий код из кролика дав ему полное перерождение Сейчас его мыслительный возраст равен младенцу а физический и вовсе определить невозможно Вся структура ДНК мышц крови кожи потеряли свои свойства и ни один из созданных аппаратов не может идентифициро-

вать нашего кролика Абсолютная победа Я в восторге Мой гений смог создать нечто что в будущем станет новым человеком Конечно всё это мечты но что если это бессмертие Кто знает Ещё предстоит столько опытов

Лаборатория доктора Н Тысяча пятьсот тридцать шестой день практического применения вируса Мемо Клин

Мне и моей команде понадобилось пять лет Пять долгих лет чтобы воспитать новое дитя Наш луч надежды на новое будущее Он совершенен Путём внушения аудио стимуляцией и постоянным вдалбливанием нужной информации мы имеем сильного умного и самое главное полностью послушного гибрида

Новый человек существует и создатель его я Слишком долго мы утаивали наше создание Смягчали углы умалчивали подробности Как к нему отнесутся люди Будет он изгоем или же станет новым пророком что поведет примитивное стадо вперед к светлому будущему А самое главное я буду тайно руководить им управлять его волей дабы направить в нужное русло Уже очень скоро мир изменится Сначала будет тяжело Будет много недовольных староверов которые кокетливо будут ворочать свой нос от будущего но я помогу им я дам им свой подарок свой священный Грааль вакцину от всех болезней и их тщедушного порока

Мы свергнем правителей сотрём границы сделав землю

одной большой площадкой Мы освободим умных и честных людей дав им достойную жизнь а всех гадких и ублюдочных личностей предадим огню И всё благодаря моему кролику Благодаря тебе мой дорогой у людей появится шанс воздвигнуть Эдем при жизни и наконец почувствовать вкус познания и создания Общества будущего Моё общество будущего оно прекрасно В нём нет места тем кто желает наживы Следующее поколение людей рациональный сильный и здоровый класс в котором нет места нищете корысти делёжке насилию депрессии нехватке продуктов визам паспортам загрязнению Только если каждый станет отдавать отчет себе и самоконтролю только тогда будет возможно сделать рай и так будет А всех всех этих нежелающих ждёт пламя и смерть которую они и заслужили

Интервью с доктором Н в психиатрической лечебнице

Как вы можете прокомментировать случившееся

Будьте добры конкретизировать вопрос

Почему ещё полгода назад о вас говорила страна как о человеке что сможет решить проблему общества а сейчас вы являетесь пациентом психиатрического отделения

Ааа вы об этом Скажем так всех выдающихся людей что угрожают национальной безопасности своими открытиями ссылают в места где они уже ничего не могут сделать

То есть вы хотите сказать что ваши незаконные действия

где пострадал человек хоть и преступник ваше пристрастие к г-у и в конце концов истерия что случилась в центре города это некое открытие

Это всего лишь последствия моего поражения в великом деле

Зачем вы сбрили все волосы на своем теле

Я не сбрасывал о чем мы вообще говорим Вы точно журналист

Точно вы уже просили показать корочку и я её вам предоставил

Корочка ещё ничего не решает

Давайте не отдаляться от нашей темы Расскажите свою версию случившегося

Свою версию Здесь нечего рассказывать вы все равно будете на той стороне что вас кормит

Я журналист мне интересна правда Я хочу выслушать вашу точку зрения Когда вы подсели на н-и

Уважаемый я не сижу на н-х Это же очевидная инсценировка как вы не поймете Меня начали пичкать этой дрянью уже в этих стенах когда я не захотел отдавать кролика

Под кроликом вы подразумеваете конечно своего пациента с криминальным прошлым которого вы и убили

Бред я не убивал его а освободил

В вашей лаборатории было много улики которые говорят об обратном Кровь снятый скальп куски кожи ногти Вы жестоко расправились с ним

Тогда почему не найдено тело

Есть мнение что вы занимались каннибализмом Вы сумасшедший Тело сейчас ищут следователи

Вот когда найдут тогда и обвиняйте Я создал нечто лучшее чем человек И вы скоро в этом убедитесь Если вам нравится верить в спектакль с н-и моим безумием и каннибализмом пожалуйста верьте Только я не понимаю зачем вы тратите моё время Я не желаю общаться с человеком который агрессивно настроен в мой адрес Вы жулик А знаете почему Вы ищете не правду а подтверждение лжи Вы тщеславны и хотите одобрения со стороны грязного общества Правда сейчас никого не интересует Идите вон а то я сумасшедший могу и наброситься

Хорошо хорошо Извините я был груб Давайте начнём сначала Я забуду всё что знаю об этом спектакле Расскажите пожалуйста что же стряслось на самом деле

Я не верю в вашу искренность Да и нет смысла рассказывать долгую историю своего гения Вам будет достаточно знать и то что вам нельзя верить всему что слышите и видите Большие тени давно решили за всех Упитанные змеи пригреблись на своих местах Они пресытились золотыми кормушками Новая история не должна увидеть свет ведь тогда они уйдут в прошлое это никому не надо Они узнали почувствовали угрозу подслушали через замочную скважину то что им не понравилось и вот решили убить всё в зародыше Это моя вина Я не должен был выходить из подполья но откуда еще

было брать финансирование Не я убил кролика это они пытались задушить его в утробе А я всего лишь позволил сбежать ему Подстроил всё так чтобы у него было время скрыться продолжив наше общее дело Он жив и поверьте однажды вы еще услышите о нём Я рассказываю это так открыто потому что знаю никто не поверит И раз приходится пожертвовать собой своим телом бросив его в фундамент нового будущего то я готов пойти на такую жертву ибо она оправдана А сейчас я буду продолжать играть роль сумасшедшего На этом всё

Думаете он вас спасет

Нет Он даже не вспомнит меня

Вы так уверены

Абсолютно Ведь он это я

Что вы имеете в виду

А то и имею Вы думаете чью личность я поместил в чистый сосуд Хаха Всё правильно молодой человек свою Я дал ему свои воспоминания свою одежду свои знания Он конечно не полная копия меня иначе зачем было всё это затевать Моя личность всего лишь фундамент

Представьте чистый совершенный компьютер то есть улучшенный мозг который может умножать одно число на само себя бесконечное количество раз тем самым открывая новые комбинации выходящие за рамки обычных понятий Я создал этот компьютер и задал алгоритм который через пару лет совершит революцию в мире или же уничтожит его

Кролик может быть где угодно Он может быть вашим со-

седом вашим новым другом или парнем который наливает вам кофе или моет машину но в свободное время он совершенствует себя собирает единомышленников И когда он поймёт что все подготовлено тогда я вам не позавидую

Всё таки вы обычный шизофреник Надеюсь вы отсюда не выйдете никогда

Ты правильно делаешь что боишься Бойся мальчик Скоро наступит конец света к которому ты так привык

Спаси и сохрани наш дух и тело оставляя нам право выбора быть собой

Спаси и сохрани наш дух и тело оставляя нам право выбора

Спаси и сохрани наш дух и тело оставляя нам право

Спаси и сохрани наш дух и тело оставляя нам

Спаси и сохрани наш дух и тело оставляя

Спаси и сохрани наш дух и тело

Спаси и сохрани наш дух и

Спаси и сохрани наш дух

Спаси и сохрани наш

Спаси и сохрани

Спаси и

Спаси

Оставляя нам право быть собой позволь нам уйти в прошлое

Они сидят молча Прижимают вспотевшие колени к подбородку Здесь стоит кислый запах но обоняние притупилось Она снова угрожает расправиться с собой если я не остановлюсь В её руках лезвие По щекам бликуют слёзы от тусклого света Лезвие подрагивает Её решимость уж больно наигранная

Другая она сидит молча только всхлипывает своим аккуратным маленьким носиком Ей часто приходится видеть эту сцену Она тоже устала повторять из раза в раз одно и то же Устала слышать и видеть зацикленный повтор действий и звуков Мы все на переделе и я не исключение Я спокойно подхожу вплотную к той что держит остриё и руку наготове Целую в её дрожащие от страха губы одновременно надавливая на орудие Целый сантиметр глубины проходит как по маслу Кровь обильно сочится до локтя ровной дорожкой а затем переполнившись каплями устремляется на грязный пол Нам всем троим не верится в случившееся Страх становится явью и неминуемой ошибкой Представление и реальность расходятся в две противоположные стороны натягивая тонкую нить что когда то связывала их Силы быстро покидают её измученное тело Она сползает по стенке вниз не в состоянии больше испытывать волнение Только затупившееся чувство меланхолии и пустоты Никто к ней не спешит Она остается одна на холодном бетоне вымаргивая глазами

последнее мгновение настоящего

Иногда ей кажется что всё это происходит не с ней Что всё это сон где очередное переживание биологического кризиса смешивается с последним просмотренным фильмом выдавая сшитый кафтан эмоционального груза Затем она засыпает и видит сон как она проснулась и руки её целы Как опаздывает на работу но как же она счастлива что жива После же придя домой ложится спать и просыпается в другом доме который считает своим Сон про секретаршу ей не особо понравился слишком монотонен его импульс и циркуляция

Бывает так что она умирает во сне и проснувшись уже не может вспомнить этого Её окружают совершенно чужие стены которые она принимает за свои Сегодня у всех хорошее настроение Каждый раз её сон приобретает разные формы иногда мифические а порою резко сконструированные Каждый раз она проявляет себя главной героиней но только с точки зрения возможности рассуждения Она не в силах понять что главная роль продукт обособленный лишенный какой либо плоти ибо не имеет он аксиомы с которой согласились бы все звери из сказки Так и проходят её ночи не в силах остановиться в одной точке принятия желая бесконечно много раз видеть вариант своих возможностей и пределов Мозг что уподобляется пороку Ахиллеса так и будет отставать от черепахи в надежде продлить последнее мгновение бытия до бесконечности А значит даст ошибке личности внутри себя бесконечную конечность переживания од-

ного момента в разных ипостасях тем самым создавая иллюзию выбора

Он несмотря на весь скептицизм тоже подвержен слабости незнания Только упорство к наблюдению отличает его от неё Вот уже несколько дней подряд ему кажется что он не спит а следит за цветением Астрофитума в надежде застать самый момент рождения этой благоухающей звезды Кокон закрыт но дышит При каждом вздохе кажется что ещё чуть чуть и этот незрелый шаровидный купол распадётся на куски открывая взору красивейшее тело которое разрывает изнутри тепло агонии Но этого не происходит сейчас ведь должно произойти потом И это потом может длиться сколько угодно всё время взаимно чередуясь по кругу с настоящим

В какой то момент он потеряет бдительность и уснёт проснувшись с другого края своей жизни Он не будет помнить своей мечты но где то глубоко в подсознании там где сидит великая тайна будет сверкать его мечта его распутившийся Астрофитум И ему человеку всё время будет чудиться вибрация неудовлетворения в висках но так и не вспомнив главного он будет любоваться ночной звездой тоскуя по неизвестно что когда то помнил

Всё эквивалентно абсолютно всё
мужчина женщина ребёнок
проститутка пьяница садовник
священник диктатор иностранец

собака гусь антилопа кошка саламандра каракатица
кусты цветы деревья трава земля муравьи колорадские
жуки

семена ростки косы бром золото серебро химия в целом
кислород и углекислый газ

пятиэтажки девятиэтажки шестнадцатиэтажки коттеджи
закусочная ресторан асфальт

глина бетон рассада первый и последний вздох клумбы и
цветы

простуда температура знания геометрия языки сады
математика точность измерения орфография

наркотики алкоголь заболевания идеи

мечты мысли совокупления оргазм

гетеросексуализм искупление

точки убеждений сон

мысли разум инь

вселенная ян

человек

микроб

слова

мы

ты

я

эквивалентные полученные друг из друга

связь неопровержимая но утерянная всеми

грязь от страха быть слабее или хуже
вас уже не спасти а потомки
они продолжение культуры
отравленной иглы наживы ради
ведь сейчас есть желание сытости
и так будет всегда процесс запущен и да
рациональное безумие поглотит умы
ростки И тогда начнётся великая оргия
каннибализм что отчистит мир от нужды
самокопания и всех совершенных ошибок
развития общества как угасающие цивилизации
имеющие свой срок существования

9

Дверь камеры открылась со скрипом Раньше я не замечал за ней подобной ветхости В открывшемся проёме темно и тихо Создаётся впечатление что я совсем один Мои руки свободны как и ноги Ничто их больше не сковывает Сила что внутри заставляет подняться и крадучись приближаться к тишине Она манит к себе поёт свою безмолвную серенаду обещая безмятежное чувство блаженства где нет больше ни забот ни печали Я подкрадываюсь на цыпочках к самой границе и

Я встаю с обгоревшего дивана Пахнет бензином Обломки прошлого хаотично разбросаны от центра моего сознания У них свой порядок и история но мне уже это ни о чем не го-

ворит Нос улавливает запах жженных волос Теперь лицо моё
новый продукт восприятия Дорога что усеяна птичьим голо-
сом ведёт меня на обломки что южнее Рядом с деревом я на-
хожу смокинг и скрипку И так как на мне сгорела вся одежда
я принимаю дар и соответственно участь что дала мне рука
невидимая но ведомая Я облачаюсь в новую кожу беря смы-
чок интуитивно

Ум перетекает в мышечный импульс руки проецируют
всю скорбь и слёзы заставляющие меня кричать Общий язык
потерялся никто не слышит рвения моего существования
остаётся только музыка что неправильно воспринята не как
эквивалент идеи но как попрошайничество Я кричу послед-
ние слова ярости и ухожу сквозь землю не желая больше

Падать я машу крыльями интенсивнее Спать нельзя От-
биваться тоже У стоящего пути есть только одна точка со-
прикосновения Мышцы забились до предела Каждый взмах
для поддержания нужной высоты даётся большими усилия-
ми Сколько наших полегло неизвестно Но ряды периодически
редеют а на освободившееся место претендуют десятки
Я останусь на своём отвоюю территорию своего взмаха Хоть
и место это с краю неказистое Хоть и левый бок мой открыт
для атаки разъяренного хищника Все перебиваются широ-
ким брасом не желая тратить время на мелочь а я

Я спрятал все драгоценности в носки ботинок и вшитые
карманы трусов но какая разница если мной овладевает чув-
ство жертвы Чем больше я обогащался тем меньше друзей

становилось у моей спины готовых прикрыть и сохранить
Каждый грамм золота вырывал из под ног защиту выражаясь
моим жалким бляньем да мягкой шерсткой И теперь когда
я смог остановиться когда понял что это и есть нужный эк-
вивалент моего счастья он начал охоту на меня Я слышу ша-
ги его и рычание Я вижу тень что следует моему жалкому
телу Теперь мой дом это проулки где запах мочи доминирует
над запахом природы Единственное спасение голос что зовёт
меня призывая примкнуть к нему и стать

Одним целым Я не опровергаю того факта что я стал
виновником случившегося Я охотник Мои родители были
охотниками их родители были охотниками И эта традиция
продолжалась бы до скончания Земли если бы не игральные
кости что решили иначе Я вижу сына я вижу дочь я вижу
свою жену В конце концов я вижу себя Мы четыре организма
порождённые одним стремлением микробов к выживанию к
распространению И теперь другая жизнь овладевает нашими
телами Я чувствую как покидаю тело но в тоже время моя
энергия сливается с энергией моей семьи и мы становимся
только сильнее В конечном итоге мы становимся духом и
двигаемся на юг к нашему общему предку который

Заставляет поедать собственную мать Хозяин суров и я
его ненавижу Но ему виднее он говорит что это нормально
Он говорит что я должен съесть её плоть это моя расплата
Ещё он говорит что это участь каждого ребенка Его истин-
ный грех Его рождение подразумевает поедание своего со-

здателя ведь цикл непрерывен Он говорит что своим появлением я съел свою мать уже давно И то что от нее осталось оболочка которая высушена и выпита её жадным ребёнком Освобождение оно

После сна наступает всегда Всё что было до пробуждения уже не имеет значения Каждый день новый лист возможностей Африканский ритм кажется гуляет еще по перепонкам моих ушей но был ли он Да был Но его вибрация сегодня воспринимается не как что то настоящее но как воспоминание из глубокого сна под о-и Я беру из неработающего холодильника заначку самопальной ампулы Слышен щёлк стекла и сладострастный звук набираемой жидкости шприца Голос возвращается Ритм барабанов нарастает Я слышу этот зов вновь и на этот раз я не упущу его Как только удаётся определить направление исходящей истомы я срываюсь с шага на бег стараясь не упустить нить

Моего когда то тела Так приятно быть вездe разносимым ветром Чувствовать своё новое существование в каждой миллионной песчинки что разбросаны друг от друга на десятки и сотни тысяч километров Я постигаю знание каждой страны и климата чьё воздействие по разному влияет на моё настроение Где то мне тепло хорошо где то прохладно и приятно Иногда я попадаю в чей то организм через нос и вижу внутренности в процессе их работы Так я становлюсь мудрее Я никому не причиняю вреда но и пользы чаще всего не несу тоже Я достиг того просветления которое буддисты

называют нирваной Каким то ухом я продолжаю слышать голос отца который зовёт меня помериться силой мысли Когда я достигну его мы будем перемешиваться в вихрь сражения стараясь не уступать друг другу но и не калеча друг друга Так общими усилиями мы объединимся в бурю что отчистит площадь нашего восприятия Мы отчистим место для нового Эдема где не ступала нога простого человека а когда он снова родится и протопчет первую дорогу к знанию и греху мы дадим ему возможность Дадим удочку для ловли рыбы но сами кормить не будем ибо без опыта и крови невозможно постичь прелесть вкуса труда И когда человек добудет свой первый плод то поделится он с нищим

Которого я видела в своей деревне Яблоко сорвано сладкое яблоко венец храбрости и силы Наступит его освобождение и уведёт он нас от гибели и приведёт

Меня к причине его заболевания Я открыл ему дверь Это последний эксперимент Тихо стою за дверью Персонал распущен Ботинки сняты Я жду когда он выйдет и поведёт меня к цели За всё время проведенное с ним я пришел к выводу что это не болезнь вовсе Это мы люди лишили его свободы действия И он дитя что не знал чувства затворничества стал впадать в состояние когда не знаешь как нужно себя вести Впадал в состояние когда тело находится в клетке но разум его разум был также свободен Это не он сумасшедший это мы сумасшедшие раз позволяем диктовать и формировать поведение тому что изначально имело натуральность и

общие черты со всем с чем соприкасалось Вот и он Резкая свобода действия пугает его но и пьянит Он не видит меня лично только мои тихие шаги только мою пугающую тень Он прячется по переулкам зная что я слежу за ним но доказать не может Нас влечет одно и то же Его неслышимый зов а меня

Отпустили под расписку о невыезде Они не могут доказать мою причастность к убийству а значит и не могут продержаться в своём санатории Я гордо забираю отобранные пожитки и лезвием ручки подписываю все их жалкие бумаги которые не значат ровным счетом ничего Нужно найти кролика Я найду его по запаху найду по его флюидам Он где то рядом но прежде нужно вмазаться Да нужно У меня нет зависимости Я просто лучше слышу Все эти лгуны обыграли мой путь к правде Они оплевали и покрыли грязью тот луч что помогает ясно слышать ясно видеть их порок и самое главное чувствовать моего кролика А когда я найду его когда доберусь мы с ним мы вдвоем

Пойдём ко дну Каждая клетка моя впитывает воду наполняясь жизнью Я мог бы провести здесь вечность но путь проделанный мною это не конец того что я искал ведь искал я в первую очередь рождение Только на глубине я смог понять истинную точку схождения своих желаний Ничего не видно Когда камень бьется о морское дно где нет ничего живого я разгрызаю веревку что связывала нас зубами и энергия чувствующая меня также хорошо как и я её пулей несет на поверхность нашего общего дома От скорости кожа моя обле-

зает Мыслям было тесно набиты в ней и теперь уже они окутывают моё тело в свой неосязаемый панцирь дабы я предстал перед миром именно в той сущности которая нужна для

Перемещения Я отдаю очень много золота за неё Эта уже старая верблюдница с нравом В моей стране обычно такой характер имеют женщины Сколько ограниченности Как миллионы могут сидеть на одном месте и гордиться тем что они закрыты Самый большой порок для меня жадность и власть что идёт под знаком равно с первым Наверно поэтому я выбрал такую профессию Возможность путешествовать Сегодня всё изменится Я не уверен что вообще смогу вернуться когда нибудь домой в любом случае это стоит того чтобы

Убить наглого американца Лучше это сделаю я Возьму грех спасу глупую душу и возможно спасу душу собственную В лучшем случае иностранец побродит несколько дней по дюнам и вернется обратно Раздосадованный но живой Но если если они откроют ему дорогу дабы поглотить его душу его мысли тогда я убью его раньше я подарю ему

Знание Да с виду я тиран Злой отчим что жестоко наказывает ребёнка за мелочи но жизнь само общество будет ещё жестче и суровой Пусть я в его глазах буду антихристом безумным пьяницей что просрал свою жизнь и теперь вымещаю злость но я смогу добиться крепости его духа Я направлю его на путь праведный светлый А если этого не случится то он всегда будет готов принять удар который для него окажется плевком Истинная добродетель всегда сурова и крово-

жадна Только она совершает внутреннюю революцию и формирует личность которая

Приносила бы мне плоды Питание Я хочу найти дерево доброе дерево или куст где мог бы получать минимум Просто чтобы радоваться солнцу и свежему воздуху Лучами и прохладой утолять скуку но монеты что даются этими тенями они пропитаны кровью и липкой ненавистью Пусть хранит всех светлая птица любви и помнит что

Энтропия не выход Просто чокнутый дядька промыл мне мозги Он знает куда давить Не забывай что он с психикой на ты Внушил страх внушил тебе ужас жизни Внушил чувство преследования Я вижу везде тени его пациента Он охотится хочет отомстить за оскорбление хозяина а я всего лишь маленький человек что выполнял свою работу Как справиться со стрессом Пить а дальше ждать Но ожидание и есть путь к сумасшествию Я не хочу оказаться на одной скамье с этим мерзким стариком Да пошел он к черту но только шепотом а то вдруг услышит Его отпустили он бродит где то на свободе Может не один

Она ходит по своему дому Такому новому старому дому Небольшая студия с ремонтом Ей хочется перекусить но так лень идти в магазин а в холодильнике ничего нет Скоро работа выжмет из неё все соки Когданибудь она забудет и не успеет поесть несколько дней кряду и умрёт Но пока есть время можно чтонибудь и сообразить Оттянуть момент издержки профессии Времени много ещё успеется Ведь каж-

дый я считает себя вечно удачливым и неубиваемым В какой то момент она теряет своё окончание и теперь уже

Он смотрится в больничное зеркало в холле Как давно он не видел себя Хоть и кожа взгляд общее выражение не изменились ни на грамм но стали абсолютно чужими Что то мелькает на фоне в отражении но и на это он не обращает внимания ведь

Голос зовёт меня Я нужен в другом месте Гонимый не имеющий ни прошлого ни будущего организм Если будет удобнее символ нового пришествия Завтра если я проснусь если я усну сегодня то смогу быть им ей ими или же предаться Я смогу стать диктатором врачом палачом алкоголиком проституткой офисным планктоном землей собакой бродягой бизнесменом ученым писателем растением камнем звездой пылью газом атомом травой турбиной музыкантом грешником перфекционистом учителем рабочим на стройке игуаной деревом веткой стеблем песчинкой дождём Ведь я я частичка всего этого а всё это частичка меня Да и я больно условный камень что обточили неумелые специалисты обмана Свободы свободы Дайте мне лживой свободы сволочи Ведь

Ничего больше не остается кроме как поддаться внутреннему чувству динамики Найти скрытую тайну и сделать выбор поделиться ею с ближним и быть обсмеянным и убитым либо скрыться с этой тайной высоко в горы уединившись до конца своих дней Познать горький вкус одиночества но пе-

перодиться во что то большее чем ты есть Стать дереву листком траве водой скале собрату по одиночеству а солнцу стать тем кто напоминает ему ради чего оно светит

Вот и я потерял своё значение Своё лицо Теперь нас ровно двадцать пять Четверть сотни грешников что собрались в степи куда пришли мы по воле собственной или нет Это не важно Здесь свет расходится ровным холодным свечением Оно очень блеклое но хватает чтобы видеть дорогу и центр где зияет дыра Чёрная дыра разрослась в сердцах живущих и теперь стала материальным оплотом и символом ненависти ныне живущих Нас двадцать пять Мы пришли по зову пришли свершить нужное Мы стоим сомкнувшись в круг и ждём когда же она уже появится Покажет своё лицо свой третий облик Своё перерождение Она знает все наши грехи все наши заблуждения и наши слабости Она наша память наш обольститель и наш учитель

Из центра из глубины воронки выпрыгивает змея Её тело длинное хватит на всех Она в руках в полсотни зажимах Каждый рот жадно кусает её тело Каждый он и она надкусывают её плоть Змея издаёт истошное шипение и в это же мгновение вся земля все стоящие и всё сущее поглощается воронкой небытия Поглощается Земля и всё что ей было дорого Гибнет вселенная но только чтобы родиться заново Тишину нарушает детский плачь а перед оком появляются созвездия

Отсутствует шум Отсутствует тишина Отсутствует время Нет стрелок часов только отлаженный механизм обратной стороны материи Она самовоспроизводится замыкается в себе образовывая тем самым отсутствие своей конечности Вот и звёздная колыбель разрастается в полноценную звезду путём разрастания флуктуации плотности Одно тело два десять тысячи сотни тысяч миллионы миллиарды Целый панорамный коллаж огней что сгорают за считанные доли своего безвременного существования Одной звезде суждено стать родителем Её плод взрыв и остатки частичек себя где минералы и полезные внутренности в состоянии распада создают условия для чего то нового и уникального

Проходят циклы и вот уже газ и водород образуют атмосферу Они образуют климат Появляются простейшие клетки вируса что за неимением возможности к реализации начинают плодиться Их дети уходят из дома ища применение в других глубинах океана а дети их детей отращивают себе языки и лапы дабы можно было пробовать новые плоды Будущие совершенные организмы выходят на сушу продолжая путь изменения становясь все сложнее сложными и более голодными Чем больше тело их тем больше это тело требует пищи и внимания

Другие вирусы ушли в почву Они стали деревьями они стали дарителями кислорода и покоя Они стали плодами уравновесив собою родню дав ночлег и пропитание Везде

скрыто равновесие главный неписанный закон формирования и незыблемого бытия материй Равновесие определяется от рождения своими свойствами договариваться на уровне клеток держа свой безъязыкий рот на замке По прошествии цикла случается очищение Взрыв упавшей кометы оставляет только самых надоедливых Тех кто смог приспособиться и удержать дар матери в своих объятиях Дитя сбросило молочные зубы оставило свой первый опыт готовое развить новую идею на просторах своего тела

Появляются они С прямыми спинами Руки их неуверенно но верно начинают обтачивать камни для охоты Они живут общинами поддерживая друг друга У них разные обязанности но все на равных правах В них нет времени нет писанных правил нет авторитетов Это чистые дети своей матери Звезды Солнца что греет их волосатые макушки Даёт им тепло и единственно важное знание своей законности на этих просторах но законность эта присуща и всему что окружает их поэтому безмолвная гармония начинает переходить в фольклорную стезю новых детей Об умерших не плачут Каждый знает что тело близкого приобретает иную форму своего воплощения Каждый ушедший появляется на свет в виде нового куста с ягодами или дерева с иными плодами Каждый организм используется только как минимальная необходимость Всё здесь работает как отлаженный механизм Стрелки часов остаются позади никто не хочет предаваться греху Но вот проходит ещё цикл и на сцену врывается два изма Адам

и Ева

Они похотливы У них сладкие голоса Тела их лишены защиты У Адама сверкает пунцовая головка а Ева с радостью извивается телом совращая всех вокруг Эти двое рассказывают всем о том что нужно создать новый порядок Что имеющийся несёт только хаос что жить так нельзя Они принесли стрелки и объяснили что есть секунды минуты и часы Они показали как это работает Адам рассказал что можно получать удовольствие от штуки между ног и что щель Евы лучшее для этого место Он рассказал о финансах основе государства и о нефти что живет внутри земли Что можно получить выгоду Что можно нанять рабочих и самому больше ничего не делать Только собирать плоды что называются деньги Адам рассказал о власти и предложил себя как честного гражданина на этот сложный пост Ева же рассказала о прелестях женской доли Как здорово заниматься любовью и рожать много рабочей силы Как здорово будет когда они займут разные должности Когда они начнут отстраивать города и страны Она рассказала о феминизме и о том что мужчинами можно управлять

Затем голоса этих двоих совратителей слились в одну сладкую музыку которая заворожила невинные уши Доселе неизведанные вещи стали выглядеть желанным плодом будущего рая где каждый обрел бы свой новый обратный свет

Отвернулись дети от солнца встали к лучам своими спинами а лица их погрузились в собственную тень Из послед-

них рядов только немой и глухой ребёнок стоит лицом к солнцу Его глаза слепы от рождения Он чувствует тепло матери и её благословение На его лице горит широкая улыбка радости а ум его лепит образы окружения отталкиваясь только от собственных созданий Мать любит его ведёт своей силой даря его сердцу Он глаза её и воплощение Другие сторонятся боятся его силы принимая её за недуг Когда он переродится из гусеницы в бабочку похоронят тело его подале от сладких плодов и поселений В степи куда не ходят ноги любопытных Нарекут ту степь его именем Бонжа чтобы другие дети и странники не забредали в те пустые земли Ведь по приданию зашедшего в Степь Бонжа ждёт смерть но на деле неизвестность что открывает бесчисленный выбор происходящего грядущего и воспроизводящего ушедшее казалось бы навсегда

Портрет по завету Кимитакэ

Ранней юности свойственно (и в этом её беда) верить в то, что достаточно избрать своим кумиром Дьявола, и он исполнит все твои желания.

Юкио Мисима «Исповедь маски»

Несколько слов перед началом

Мне часто встречаются люди, которые негативно принимают немассовую литературу, где присутствуют не самые приличные аспекты человеческой жизни. Я, разумеется, смягчаю углы, ведь под «не самыми приличными аспектами» имеется в виду огромный пласт деконструктивных особенностей.

Как по мне, порицание «нецензурной» прозы – ошибочный подход, лишаящий возможности прожить большой спектр эмоций (как один из возможных вариантов психотерапии) на виртуальной площадке, не допуская и мысли выносить внутреннего дьявола в среду общественного взаимодействия.

Заговоры, насилие, алогизмы, распады, измены, помешательства и т. п. должны проживаться через проговариваемые в уме слова, написанные чёрным по белому, чтобы, закрыв книгу, можно было сосредоточиться на созерцании красоты и на своём нелёгком духовном пути.

Литература – величайший инструмент сублимации.

Глава первая

Если бы сторонний наблюдатель мог попасть в коридор четвёртого этажа центрального роддома города Т. 11 июня 1994 года, то его взору предстал бы забытый младенец, при- таившийся в детской переноске. Непривыкший к такому по- ведению от новорождённого, медработник попросту про- моргал подопечного, не вручив его вовремя родной матери для утренней кормёжки. Именно в тот момент я стал неволь- ной причиной истерики у своей родительницы во второй раз за последние сутки. Первая же истерика случилась сразу по- сле родов, когда маму уведомили о врождённой аномалии на моей левой руке.

Молчаливость, отнюдь, была не единственной чертой то- го беспамятного времени, о котором я могу судить только по чужим воспоминаниям. Ещё, когда я начинал злиться, лицо моё ужасно краснело, ассоциируясь у многих врачей с недозревшей малиной. Никто не мог предположить, что эти две характеристики приживутся, став в будущем серьёзной проблемой для социализации. Но а пока, я был просто же- ланным ребёнком, не имеющим ничего общего с нынешней бледной тенью в отражении.

Видео-документация выписки из роддома велась другом семьи. На протяжении следующих пятнадцати лет это видео

включали на мой день рождения. Пятнадцать раз полутора- часовая запись показывала моего молодого отца, рыскающего по шкафам в поиске ненужных пожитков для моей дальнейшей транспортировки. Пятнадцать раз в кадре мелькала пятилетняя сестра, дожидаясь «живой куклы». Даже сейчас отчётливо помню её нарядное синее платье с белыми рюшками, а сам материал в отблеске солнечных лучей сильно походил на бархат.

Нервные смешки за кадром. Беготня, в попытке не опоздать. Нетерпящий взгляд сестры. И весомый пласт времени, который показал, как же черты приедаются к нам, имитируя свойства мазута.

Перемотка плёнки. Сцена в новенькой 2105. Теперь уже отец взял на себя роль оператора, запечатлевая плавный профиль своего закадычного друга, иногда хорошо улавливая композицию фрагментов за стеклом. На фоне всё это время слышатся несерьёзные разговоры, сопровождающиеся нервозностью самого события.

Перемотка плёнки. Двор роддома. Заходить внутрь строго запрещено. Мой родитель кричит имя своей жены. Через короткий промежуток за стеклом появляются её черты. Фрагмента распаивается настежь. Зум берёт крупный план.

После небольшой заминки в руках у мамы оказывается свёрток, из которого торчит толстоватое лицо младенца. Папин друг радостно выкрикивает непонятные слова. Сестра просит скинуть её новую куклу прямо с четвёртого этажа.

Она сама ещё ребёнок и не знает, насколько её порыв пришелся бы мне кстати. Но пока взрослые весело смеются детской глупости. Эта фраза впоследствии станет достаточно популярной в кругу родственников и друзей.

Перемотка плёнки. В спущенную корзину отец кладёт пакет с привезёнными вещами. Резвости немного убавляется, на улице стоит утомительная жара. Воды никто с собой не взял. Камера со своими героями перемещается в тенёк. Съёмка обрывается. Возобновляется она в момент воссоединения.

Тёплые руки держат молчаливого меня. Начинается ритуал, где каждый хочет поддержать свёрток новой жизни. Отец счастлив, мама счастлива. Сестра спрашивает, когда можно будет отнести меня в большой тканый мешок к остальным игрушкам. Все снова смеются. Моё лицо недовольно краснеет, но я молчу, ещё ничего не понимая.

Первое настоящее воспоминание приходится на достаточно поздний период. Четырёхлетний ребёнок у окна на кухне. Словно очнувшись из самого продолжительного сна, я впервые вижу снег. В моей искалеченной руке зажата милицейская игрушечная машинка. Почему-то основной её цвет красный, только капот традиционно синий, да мигалки на крыше.

В тот момент я не ощущал себя ребёнком, радостно игравшим с новой машинкой, который в порыве фантазии за-

бежал на кухню. Тогда кусок этой форменной пластмассы был сродни снегу за окном. Тем, что я увидел впервые.

Пейзаж за стеклом пленил. Небесные белые хлопья обильно застилали собою пространство. Я точно знаю: тогда я не думал ни о чём. Пустота и ясность. Всё внимание было приковано к этой недолговечной красоте, чья хрупкость поймётся очень нескоро, но которая невидимо ощущалась уже тогда природой собственной, заложенной изначально.

Только после ворвавшегося шума циферблат часов начал своё хождение, вернув меня в реальность, с которой я был знаком и не знаком в равной степени. Моя, ещё белокурая голова инстинктивно обернулась, увидев маму за мытьём посуды.

«Сегодня первое января» – проговорили собственные мысли. И после этого я уже ничего не забывал.

Болезненность оказалась весомой преградой перед полноценным погружением в социум. Чересчур заботливые руки родных ни на секунду не отпускали меня, стараясь оградить от любых колебаний.

Ветрянка, грыжа, хронический бронхит, мононуклеоз, внутричерепное давление, перекрут яичка, постоянные простуды и шишки на левой руке. Полный набор настоящего страдальца.

В долгожданный садик меня оформили по достижении пятилетнего возраста. Большой ребёнок впервые переступа-

ет не больничный порог. Целая клумба ровесников открылась моему замутнённому сознанию на втором этаже.

Высокие мальчики, низкие мальчики, девочки-толстушки и стройные. Белые, смуглые, с кучерявыми волосами и прямыми. Целое человеческое ассорти, коммуницирующее между собой хаотичной волной.

Все эти тела двигались в непонятном вальсе, пугая меня и одновременно завораживая. Не сказать, что чувство «белой вороны» тогда могло подойти моему профилю, но новый человек в коллективе всегда создаёт волнение с обеих сторон.

Воспитательница попросила у детей минуту внимания, представив меня по имени, после усадив на ковёр в виде гоночной трассы и предложив брать любые понравившиеся игрушки. Тогда я послушался эту женщину, почувствовав за тылком пристальный взгляд мамы. Не могу сказать как, но я знал: она ждала, что я обернусь с возбуждённой улыбкой. Она хотела увидеть моё лицо прежде, чем впервые оставит своё чадо в потенциально опасном месте. Но я упрямо не желал повиноваться, считая подобный жест слабостью. В конце концов мама ушла. Гордый маленький человек начал постигать азы методом проб и ошибок.

Играть совсем не хочется. На первый план выползает весь посторонний шум. Я беру машинку с оторванным колесом. Корпус её металлический, о чём свидетельствует непривычная увесистость.

Стараюсь ни на кого не смотреть. Очень боязно поймать

на себе усмешливый взгляд, ведь всё сознательное детство родители подчёркивали мою особенность, возводя высокую стену несоответствия с другими детьми.

«Ты должен быть осторожнее, чем другие детки, у тебя ручка хрупкая, её нельзя повреждать» – это моя мантра.

Любое непопадание в усреднённое представление влечёт за собой нервное чувство незащищённости, оно как бы заранее (будь то положительная или отрицательная черта) накладывает свою печать внимания со стороны. А для неокрепшего мальчонки – это двойной удар ещё и по той причине, что он не может дать закономерное объяснение собственным чувствам. Поэтому остаётся только принять внешние правила, притворившись увлечённым игрой.

Первым со мной заговорил белобрысый кудрявый паренёк, который впоследствии станет моим другом на короткий период совместного времяпровождения. Он переспрашивает моё имя, а я, в свою очередь, узнаю его.

Р. предлагает поиграть вместе. Ничего не остаётся, как согласиться, учитывая моментально исчезнувший детский снобизм. Мы берём охапку машинок и две горсти солдатиков, начиная на ходу сочинять военные конфликты из той поверхностной информации, которую видели по телевизору в мультиках, либо слышали от отцов.

Сначала получалось достаточно коряво. Я всё плевался скромностью, а Р. наоборот, бесновался, кидая свою часть солдатиков в мои; хватая поверженных, вознося их убитые

тела с рычанием над головой, после чего швыряя в стену.

Воспитательница то и дело вырастала за нашими спинами, конструктивно отчитывая моего новоиспечённого товарища. Она пыталась стыдить его, упрекая в неподобающем поведении перед новым мальчиком. Р. только ехидно улыбался, вжимая голову в плечи, о чём теперь можно было судить, как о свойственной привычке мелкого хулигана получать по голове от взрослых за свои шалости.

В детстве время действительно идёт по особым законам. Словно жизнь и смерть скинулись своим скудным милосердием, умножив каждую прожитую минуту на пять. Поэтому, когда я говорю, что спустя десять минут ко мне и Р. начали подтягиваться другие дети, вовлекая нас в общий неконтролируемый круговорот, то я говорю о почти пройденном часе.

Со всех сторон начали сыпаться вопросы разных свойств. Я не всегда успевал отвечать из-за нетерпеливости выкрикиваемых голосов, но если и получалось ответить, то делалось это с полной честностью без прикрас.

Самый неприятный вопрос был о моей руке. Одна высокая девочка с тёмными глазами и пухлыми губами заметила шишки, которые стали уже чуть ли не главной моей характеристикой. Я и сам толком не до конца понимал, что это, поэтому оставалось цитировать родительское объяснение: «просто таким родился». Больше никто не поднимал этого вопроса.

Через неделю меня окончательно приняли за своего. Да-

же я не смог бы выделить себя из толпы. Иногда думается, что и мысли на тот момент стали у всех общими. Один сплошной разум, поглощающий индивидуальность посредством принятия каждым чужого опыта. Мы учились друг у друга, критиковали и сами становились цензорами в неосознанной попытке структурировать внутренний быт.

Несмотря на приспособленческий уклад, к двум вещам я так и не смог привыкнуть: ко сну после обеда и продлёнке.

Первый месяц мать сама (по личной инициативе) забирала своего ребёнка после обеда, иногда задерживаясь на мучительные двадцать минут, которые мне приходилось коротать в игровой комнате, стараясь хоть как-то развлечься. Она называла это пробным периодом, не желая надолго оставлять меня в этом месте, скучая и волнуясь.

Со второго месяца сама воспитательница начала прямым текстом обрабатывать молодую женщину, уговаривая начать оставлять ребёнка на более долгий срок. Я никогда не встречал в такие разговоры с капризным властвованием, но суровый прищур говорил сам за себя. Не стоит забывать про багровеющее лицо. Да.

Злость в такие моменты загоралась внутри меня, но я держал рот на замке. Из страха, скромности или неуверенности – я почти никогда не высказывал недовольств. Никогда не клянчил громко в магазине сладости или ещё какой желанный продукт. Всё делалось тихо.

В один из таких утренних разговоров мамино мнение пошатнулось. Она и воспитательница посмотрели сверху вниз на моё пунцовое лицо. Родительница спросила: «Что ты об этом думаешь?», на что я только и смог пожать плечами.

Авторитет воспитательницы зажимал в тиски. Она всё повторяла: «Оставайся, сон полезен для тебя, а после ты сможешь снова играть со своими друзьями. Что ребёнок твоего возраста будет делать дома?». Но и на это я только молча поёжился, что расценили как положительный ответ.

Этот день стал для меня единственным, когда после обеда пришлось идти вместе с остальными в загон. Маленькие овечки проскальзывали в дальнюю комнату, подгоняемые воспитательницей породы бордер-колли.

Странным открытием стали двухместные кровати, выстроенные длинной стороной вертикально к выходу. Ребёнок спит рядом с другим, причём разделения на мальчиков-девочек не было.

Меня положили с дурнушкой по имени Э., которая считалась главным посмешищем группы. У читателя может возникнуть неправильная трактовка, в которой представление о детях формируется под флагом жестокости, но могу заверить – ничего подобного в нас тогда не было. Просто Э. вела себя самым прескверным образом, становясь палкой в колесе любого события. Её недолюбливали буквально все, в том числе воспитательница, цокающая недовольно языком при каждой оплошности этой девицы.

Эта гадкая девчонка постоянно лезла драться со всеми подряд. С завидной стабильностью её руки ломали общую вещь или предмет мебели, до которых она дотягивалась. Э. была неуклюжей, неприятной на внешний вид из-за красного родимого пятна на лице, а ещё она не по годам проявляла интимные жесты в сторону противоположного пола.

Только спустя годы, с нажитым багажом, до меня дошла трагедия этой всеми презираемой девочки, которая просто хотела быть нужной. А не получив изначального тепла, она обратилась к примитивным попыткам получить желаемое путём агрессивного поведения.

Не стоит забывать и про её семью, которая (только возможно) была не самой благополучной. Сейчас всё это не имеет никакого смысла. А в те далёкие дни ничего из перечисленного не было доступно детскому уму.

Мысленно возвращаюсь к послеобеденному сну. Э. лежит по левую руку. Моё тело ощипанной курицы замерло на спине, лицо пунцовое. Я ещё не знаю, что нахожусь в положении, которое в более позднем времени начнёт значить куда больше, чем просто совместный сон. Но стыдливость инстинктивно подкрадывается, не называя своего имени.

Чувствую на себе взгляд. Страшно поворачиваться. На животе возникает тяжесть. Это обняла меня Э... Грубо скидываю её руку, ещё больше заливаясь краской. Негодование затмевает здравый рассудок, но я продолжаю упорно молчать в угоду остальным мирно спящим.

Отворачиваюсь, укрывшись одеялом с головой. Только осязаемая рука снова обнимает меня, но я уже ничего не предпринимаю. Противоречивые чувства одолевают меня. За отведённое на сон время я так и не сомкнул глаз.

С того дня в Э. произошли неприятные для меня изменения. Девочка влюбилась, полностью сосредоточив своё отвратительное внимание на моей персоне.

Поначалу её ухаживания имели безобидный характер, ограничиваясь улыбочкой во время прогулок, предложений съесть в обед сосиску с её тарелки (так как я очень их любил), а иногда поступали предложения для совместных игр.

Друзья всё пошучивали над влюблённостью дурнушки, но моей детской чести не задевали, понимая, что в этой истории нет вины их товарища. Наоборот, между шуточек проскальзывали сочувственные фразы поддержки.

Я, в свою очередь, старался максимально сглаживать углы, отторгая попытки сближения. Выкручивался как мог, стараясь не обижать девочку (так меня воспитывали родители), но пузырь злости потихоньку заполнял ум. Каждый раз, при очередной попытке Э. «соприкоснуться», во мне опускалось забрало жестокости. Маленькими шажками в речь вкраплялись более едкие формы отказа.

Не прошло и трёх недель, как первый раз в жизни я ударил эту никудышную девку. А случай был как нехстати подходящий, вышедший за рамки интимной дозволенности.

Инцидент произошел накануне первых чисел зимы. Застывшие лужи вперемешку с грязью за окном, ледяной ветер. Тотальное нежелание подхватывать простудные заболевания всей группой образумили воспитательницу, решившую всё же не выводить нас на обязательную прогулку.

С. тогда притащил из дома яркое нечто цилиндрической формы. Внешний вид смахивал на детские мыльные пузыри. Сначала я так и подумал. Ничего необычного. Мыльные пузыри часто оказывались у детей за неимением фантазии у взрослых. Да и всем нравилось дуть в широкое колечко, создавая воздухом из лёгких прозрачные, переливающиеся на свету, сферы.

Наша группа начала разрывать этого славного парня, кричать ему, прося дать попускать пузыри. Самое смешное было, когда этот мыльный летающий шар попадал кому-то в глаз. Один крик равнялся толпе смеха. Но С. отрицательно мотал головой, крепко сжимая свою вещичку в огромном кулаке.

Пару девочек, особо хорошо общавшихся с этим парнем, начали надувать губки, обижаясь на своего теперь уже лучшего друга. С. расплывался в самой искренней самодовольной улыбке. А после доведения всех нас до предела, произнёс: «Я не могу дать вам поиграть с мыльными пузырями, потому что это не они. Это калейдоскоп».

Воцарилась тишина. КА-ЛЕЙ-ДО-СКОП.

Я не чувствовал себя дураком, так как наше племя впер-

вые столкнулось с новым таинственным словом. Улыбка владельца внеземной штуки окончательно перешла границы приличий. Никто не смел шевелиться. Мы коллективно застыли, подражая рядом стоявшим, ожидая простого объяснения, чтобы стрелки времени снова пошли своим обычным ходом.

С. по-деловому позвал своих друзей в туалет для мальчиков. В его основной круг общения входил и Р., который в последний момент потянул меня за руку, увлекая за собой. Мальчики, не вошедшие в привилегированный круг, сразу включили защитный механизм отторжения, прилюдно заявив о преувеличенном значении этой штуковины. Но грустные улыбки выдавали в них досаду. А что поделать?

Весь женский коллектив с новой волной гомона проводил «первопроходцев» ровно до двери мужской уборной, черту которой им нельзя было переступить. Я с наслаждением вышагивал за парнями, чувствуя особенность положения.

С минуты на минуту тайна слова «калейдоскоп» будет раскрыта. И хоть уже тогда чувствовались определённые отголоски внутреннего интроверта, но сама мысль, что я стану одним из немногих просвещённых, кого начнёт с пристрастием допрашивать толпа – опьянила меня.

Вот мы внутри уборной. С. запретил включать свет. Темно. Слышны возбуждённые смешки и перешептывания.

Хозяин калейдоскопа начинает с серьёзным лицом инструктировать нас, собрав в импровизированный круг. «Ко-

гда зайдёте в кабину, прищурьте один глаз, а второй подставьте к глазку с обратной стороны, а затем, нажав на кнопку, начинайте медленно вращать колесо». Так звучали наставления, прежде чем первый доброволец отправился в уединённую кабину для постижения нового.

Я до последнего тянул с походом, вежливо пропуская парней вперёд. Кто-то должен быть последним, таков закон. И раз я единственный мальчик, попавший в тайное общество не по прямому приглашению, то подобная скромность вполне естественно понималась всеми без слов.

Каждый уединившийся издавал удивлённые охи и ахи, просиживая в кабинке с полторы минуты. А по выходу делился только впечатлениями, не в силах описать увиденное словами.

Очередь дошла до меня. Волнение, окутавшее тело, особенно сильно проявлялось в онемевших ногах и чересчур потных ладонях. Дрожащей рукой мне торжественно вручили калейдоскоп, с которым я зашел в кабинку, запершись на щеколду.

Как ни странно, оставшись наедине – волнение спало, как и мой интерес к калейдоскопу. Я всё равно заглянул в таинственный глазок, увидев череду переливающихся абстрактных пятен, построенных на зеркальном отображении в несколько рядов. Такая необычная пёстрость, отнюдь, не впечатлила меня. Наоборот, разочарование и бессмысленность промелькнули в голове. Я почувствовал себя одура-

ченным.

Когда же я вышел, приятели испытующе смотрели на меня, ожидая реакции и, конечно же, тогда ничего не оставалось другого, как сымитировать восторженность.

Маленький человек ещё не может объяснить свои чувства и поступки, но как никто другой он остро ощущает ситуацию и нужность в определённых действиях. Нельзя показаться белой вороной. Нельзя пренебречь удостоившейся чести. Нужно отработать эмоционально, подарив человеку желаемое.

Это был первый опыт лицемерия, иначе в следующий раз попросту не позовут, а то и вовсе перестанут общаться. Да, в тот момент я точно почувствовал нужность в притворстве, но не придал ей должного статуса гадкости.

Наша импровизированная компания двинулась к выходу. Оживлённая толпа стояла за чертой, весело гогоча. Увидев нас, шум возрос вдвое. Разные голоса выкрикивали «ну чё там?», «мальчики, расскажите, что вы видели?», «дайте посмотреть теперь нам».

Ребята по мою сторону самодовольно улыбались. Один зарылся внутри, желая поскорее выбраться из зоны повышенного внимания к этой бесполезной штуковине.

Нас отказывались выпускать, пока С. не предоставит возможности остальным заглянуть в загадку. С., в свою очередь, наслаждался развернувшимся зрелищем, не желая вот так просто удовлетворять любопытство толпы. До меня вдруг

дошло, что иного выхода, как пробиваться с боем – у нас попросту нет.

Неожиданно снизу из груди тел показалась особо наглая рука, попытавшаяся исподтишка выхватить артефакт. С. в последнюю секунду умудрился отдёргнуть руку, сделав стремительный шаг назад.

В следующие несколько мгновений к наглой руке добавилось плечо, вторая рука, а затем на свет родилась ЕЁ голова, решившая пойти в наступление.

Никто не мог подумать, что Э. (несмотря на всю свою отбитость) посмеет нарушить чуть ли не главное правило нашего строя. Но она это сделала. Детей постигла растерянность. Возмущённое жалкое блеяние и непонимание прокатились по головам с неозвученным вслух вопросом: «что же делать дальше?»

Это убогое создание бросилось на С., но тот интуитивно догадался кинуть калейдоскоп рядом стоявшему парню. Э. бросилась и на него. Началась игра «в картошку».

Кто-то счёл подобное забавным. В воздухе снова начали витать смешки. Очередь дошла до меня. Ловко поймав артефакт, я сразу же кинул его С... Мне не хотелось, чтобы руки мерзкого существа касались меня. Сработано было ладно, но у Э., как окажется, резко поменялись планы. В этот раз она не метнулась за игрушкой. Её глаза поймали мой суровый взгляд, обрамлённый пунцовым лицом. Она замерла на мгновение, но только чтобы броситься на свою жертву.

Я оторопел. Стоял как вкопанный, пытаюсь побороть чувство паники, заодно придумав план спасения. Её мерзкое лицо потянулось к моему. Губы сложились в трубочку для поцелуя. Отдёрнув голову, удар пришелся на шею. Я почувствовал влажный холод, который неумело пытался поглотить меня всей своей нелепой страстью.

Добрая полусотня глаз с замиранием наблюдала за развернувшейся сценой. Руки попытались оттолкнуть прокажённую, но её наглые губы начали покрывать поцелуями мои руки.

Униженный и задетый, я впал в отчаянную ярость. Кисти сами сжались в кулаки, начав колотить Э. со всей силы, которая тогда была во мне.

Будет нечестно умолчать о внутреннем ликовании вперемишку с наслаждением, которое я тогда испытал, в попытке заколотить эту мерзкую личность до смерти. Но Э. только распялась. Она не пыталась защищаться, принимая каждый удар с открытым забралом. Её искривлённый болью рот продолжал лизать мои части тела, в попытке как можно больше «откусить».

Никто не пытался остановить нас. Меня и Э. спасли крики особо впечатлительных девочек, на которые прибежала воспитательница.

Первым под удар попало моё ухо, очень больно скрученное взрослой рукой. На тот момент Э. уже отступила, завыв на манер собаки, попавшей под колёса невнимательного во-

дителя. Массовка, наконец, ожила. Все парни, да и девицы наперебой кричали воспитательнице о моей невинности. Ей наспех пытались объяснить ситуацию.

«Мерзкая девчонка» – крикнула тогда на Э. воспитательница. Хватка немного ослабла. Я был почти спасён, но хуже причинённой мне физической боли последовало дальше, когда взрослый человек обратился: «Тебя не учили, что девочек бить нельзя?! Где твоё достоинство?»

Наказание постигло обоих. Я и Э. отправились стоять в разные углы. Причём время отбывания не было названо. Нас лишили завтрака, дневных игр. Только к обеду было разрешено выйти на свободу. Всё то бесконечное время друзья виновато смотрели на меня с игровой зоны, иногда корча разные гримасы, в попытке поднять настроение. Я улыбался им в ответ, но внутри образовалась пропасть, подчёркивающая как собственное жестокое поведение, так и нелепость сложившейся ситуации, в которую я был втянут.

По прибытии моей матери, воспитательница подробно изложила происшествие, строго поглядывая на меня, пока я пытался застегнуть замок на правом ботинке.

«Я с ним поговорю» – подытожил родитель.

Зная мой неконфликтный характер, на улице мама спросила, что же на самом деле произошло в туалете для мальчиков? Я честно рассказал, выложив всё как на духу, после чего рука в варежке погладила мою голову.

«Бедная девочка из неблагополучной семьи» – вот что

сказала мама вслух. Больше этой темы мы не касались.

Из того крошечного периода жизни мне особо ярко запомнилось несколько событий, к которым я мысленно возвращался в более поздние годы. И если на момент свершения они являлись рядовыми эпизодами, то теперь, для взрослого меня, приобрели более серьёзные очертания, отчасти предопределив дальнейшее развитие.

Зима теряла свои полномочия, оставляя после себя лужи с вечной грязью. Прогулки на отведённой территории приобретали весёлость, становясь на первый план в положительном списке времяпрепровождения.

Каждый ребёнок ждал одиннадцати часов, когда можно будет отдаться порыву, носясь как угорелый на свежем воздухе.

Из оставшихся глыб снега мы сооружали подобие автобуса, затем взимая плату за проезд в виде отсыревших сучков. Играли мячом в вышибалы, а иногда и просто устраивали деконструктивные догонялки, не имеющие точно определённых правил.

В один из таких дней Э. снова учудила, спустив прилюдно (прямо посреди площадки) штаны и начав шумно испражняться обильной струёй мочи.

Парни сгрудились в одну кучу, начав тыкать пальцами, сопровождая увиденное омерзение громкими смешками. Девочки же, наоборот, с тихим ужасом наблюдали за развер-

нувшимися зрелищем, не в силах сказать ровным счётом ничего.

Посмотрев на мою молчаливую физиономию, можно было решить, что и меня эта сцена шокировала своей откровенностью. Будет справедливым заметить, так оно и было. Но мой ступор объяснялся отнюдь не омерзением, наоборот. Тогда я испытал новое чувство, которое впоследствии обретёт слово «вожделение».

Я смотрел на девичьи гениталии, испускающие тёплую струю, желая прикоснуться рукой к запретному фрагменту тела. Детское невинное возбуждение поразило мой ум. Не в силах описать своей тяги, я стоял потрясённый и посрамлённый. Никогда не забуду первой эрекции, которая вызвала бурю внутреннего стыда.

Подбежала преподавательница, болтавшая до этого с коллегой. Она прилюдно отчитала Э., пообещав сделать выговор родителям. На том и кончился короткий эпизод непотребства. Мы вернулись к своим играм, словно ничего не случилось, и только в моей голове увиденное отпечаталось нестираемым фломастером.

В эту же прогулку со мной стряслось ещё одно происшествие. Снова чувство стыда, но обрамлённое, увы, неприятным контекстом.

В моей группе воспитывалась девочка по имени М.. Она была дочкой уборщицы. Ничего плохого не могу сказать на её счёт. Вполне рядовой ребёнок, не имеющий особых от-

личительных черт. Только глаза были посажены чуть ближе, чем у остальных.

Я вернулся к играм, но после увиденного, сильная тяга к женскому полу накрыла меня с головой. Сам не понимаю, как так получилось, но присущая скромность покинула меня. Захотелось дразнить девочек, под разными предлогами касаясь разных частей их тела, чем я и занялся.

Такое поведение выглядело типичной забавой. Мальчишка начал доставать девочек. Вот они какие плохие. Вот какой я весёлый хулиган. Преподавательница, с пьедестала своего возрастного опыта, возможно, думала о типичной попытке ребёнка обратить на себя внимание, хотя опять же повторюсь, наблюдать такое поведение от меня было делом странным. Резкая перемена в ребёнке должна вызывать подозрение. В любом случае я быстро вошел в новую для себя роль, втянув заодно и других парней в глупые игры.

В какой-то момент под руку мне попала М., та самая дочка уборщицы. Она не стала исключением. Уж не помню, что такого я ей сказал и за что успел тронуть, но задел я её здорово. М. погналась за мной в попытке отомстить, вернув долг полушутливого оскорбления. Никто не мог представить: у девочки оказался настоящий талант к бегу.

Очень скоро она догнала меня, крепко сжав руками куртку с изображением далматинцев. Немного ошарашенный таким поворотом, я начал бороться с М., пытаюсь уронить её на землю, после чего планировалось освободиться от захвата,

продолжив забег до безопасного расстояния. Но моим планам было не суждено сбыться.

Девочка оказалась куда сильнее, чем можно было предположить. Она с лёгкостью устояла под напором моей подножки, а затем и вовсе с ужасающей силой опрокинула меня. В порыве погони и самой борьбы, я не заметил огромную лужу за спиной, куда и был неудачно отправлен.

Мягкий удар. Всплеск грязной воды. Холод. Ошарашенный случившимся, я лежал в промозглом болоте.

Я стал невольным центром внимания. До слуха долетели радостные возгласы. М. стояла довольная собой, смотря на своего обидчика сверху вниз. Она чего-то задумчиво ждала, вроде как пыталась дать себе отчёт в собственных действиях. Но на деле в её глазах я прочитал лишь наслаждение победой.

Понимание того, что тебя одолели, да ещё сделала это девочка – вызывает в маленьком мальчике чувство стыда и унижения. Такое нельзя просто стерпеть, иначе можно потерять всякое уважение среди друзей.

Начиная истерически злиться, я поднялся из проклятой лужи с намерением кинуть в неё М.. Запланированный акт насилия был вопросом чести, но как только я сделал рывок для захвата, М. тут же парировала, отправив меня снова искупаться.

Новый шквал смеха, ещё пуще прежнего.

Вторая порция унижения. Слёзы в глазах. Из последних

сил я держался от желания разрыдаться. Подбежала воспитательница, начав грубо отчитывать М.. Теперь я полноценная жертва, заслуживающая сострадания и тёплого помещения.

Всё та же женщина (которая недавно ударила меня железной линейкой по пальцам за неправильное решение задачи с простыми геометрическими фигурами) теперь нежно ведёт мальчика внутрь, глядя по голове, приговаривая при этом: «Ничего страшного, сейчас выпьешь горячего чая, переоденешься и будешь как новенький».

Приход лета выветрил из головы негативные события. К тому же, по моему выказанному желанию, матушка забрала документы из садика. Такое спонтанное решение было принято лично мною в связи с ремонтом рекреации, из-за чего нашу группу временно интегрировали в соседнюю. Стеснительному ребёнку вроде меня такая рокировка показалась невозможной.

Помню, как после выходных я поднялся с родителем по привычной лестнице. Шум работающих инструментов явно намекал о предстоящем расстройстве, которое охватит меня спустя несколько минут. Но пока я только шустро карабкался по лестнице, слыша посторонний шум, не придавая раздражителю никакого значения.

У двери меня и маму встретил рабочий, быстро пояснивший ситуацию. Мы спустились на первый этаж, затем пройдя по общему коридору к следующей лестнице, где нас пой-

мала воспитательница.

Между взрослыми завязался привычный разговор, из которого я вынес для себя ужасную правду: моей привычной группы больше нет. Новые лица. Новые знакомства. Снова привыкать. Заново стесняться. Такого не хотелось терпеть.

Пока мы поднимались, я дёргал маму за рукав, а получив требуемое внимание, слёзно попросил вернуться домой.

Мои друзья так и не увидели меня в тот день. После же я не желал идти говорить им «пока», хотя мама предлагала сделать всё «по-человечески», но не сильно настойчиво.

Эта привычка... Слабость, пустившая корни в таком невинном возрасте, когда я не был способен самостоятельно побороть трусость, начала незаметно расти во мне. А родители, со всей отчаянной любовью, только были рады потакать своему дитю, лишь бы он чувствовал себя комфортно.

Теперь же: нестерпимое желание выговориться. Признаться! Приятно, но проблему не решает. Благо сейчас, в воспоминаниях, я всё ещё маленький человек, не знающий о корнях зла, посеянных в собственной голове. Сейчас у меня настало лето. Целый год предстоит провести на вольных хлебах, пока не исполнится семь лет – возраст поступления в начальный класс.

Первые числа июня. Через неделю мне исполнится шесть. Наслаждение от утреннего сна и просмотра телевизора быстро притупилось. В такую чудесную погоду хотелось только гулять, выматывая себя физическими играми.

Участь ребёнка, которого сильно любят – постоянный надсмотр. Самостоятельно ошиваться в ближайшем дворе воспрещается. Нужно каждый раз упрашивать маму, опираясь на её распорядок дня. Старшая сестра редко когда соглашается взять с собой младшего брата на улицу, но иногда ей становится жалко его, хоть она и старается скрыть в себе эту милую черту.

На одной из таких редких прогулок один из друзей сестры спрашивает меня: «Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?». Отвечаю первым вспомнившимся словом, казавшимся тогда солидным: «Хочу стать диджеем».

Компания дружно начинают смеяться над моим ответом. Следует уточняющий вопрос, а знаю ли я, чем занимаются диджеи? На что честно отрицательно мотаю головой, убегая на детскую лазелку, сокрушенный смущением.

Красивая подружка сестры поясняет мне вдогонку, что основная работа диджеев – включать чужую музыку, крутя затем диски, коверкая произведения на свой лад. Я весело мотаю головой, мол, меня устраивает, значит точно стану таким вот недомузыкантом, но внутри понимаю бессмысленность такого стремления.

Скатываюсь с горки. Второй раз. Компания сестры затеяла игру со скакалкой. Людей прибавляется.

Мамы с колясками. Группы детей, что постарше. На фоне бегают совсем взрослые ребята, периодически выкрикивая непонятные слова, за которые редкий прохожий грозно их

одёргивает. К вечеру народа всегда больше. Уставшие тела выползают на улицу, покрытые потом, они ищут тенёк, прохладные напитки и веселья.

В такой толпе не очень комфортно быть, но одному идти домой нельзя. Навязался гулять с сестрой, будь добр терпеть до тех пор, пока она не устанет. Обдумывая своё положение и наблюдая за открывшейся картиной, забываю, что на горке я не один. С тыла раздаётся голос:

– Ты съезжать собираешься? Если нет, то подвинься.

Оборачиваюсь. Фигура чуть выше моей. Голова светлая. Худощавый паренёк в серой майке смотрит на меня ничего не выражающим взглядом. Постамент горки слишком узок, чтобы можно было просто подвинуться, пропустив человека вперёд.

Быстро съезжаю вниз на ногах. Нарушитель спокойствия ухмыляется, повторяя мой манёвр. Если бы тут была моя мама, то она точно отругала нас обоих за опасные забавы. Но сейчас я сам по себе, а значит – хозяин положения.

Необъяснимая сила тела несёт меня снова взобраться по железным прутьям наверх, только чтобы повторить спуск. Новообретённый товарищ с ещё большей скоростью увязывается за мной.

С каждым пройденным кругом акробатика усложняется. Теперь я цепляюсь за металлическую дугообразную перекладину, расположенную над горкой. Отпускаю хват в переломный момент, приземляясь на плоскость горки и продолжая

скользить на ногах. У нашего дуэта быстро завязывается подобие догонялок.

Появляются новые лица детей, заинтересовавшиеся незамысловатым весельем. Пока они только начинают «обезьянничать» неподалёку, не вступая в прямой контакт.

Останавливаюсь отдышаться. Надо мной, вверх ногами свисла голова нового знакомого. Заговорил он первым:

– Тебя как зовут?

– К. А тебя?

– А меня С. Будем дружить?

– Давай.

С. спрыгивает на ноги рядом со мной. Мы жмём друг другу руки.

Как чиста и прекрасна детская открытость. За минуту я обзавёлся другом. И хоть я этого не показываю С., но внутри меня распускаются хризантемы. Мысленно улыбаюсь. Мой первый друг вне стен садика.

Сегодняшний день подобен празднику.

Буквально через пару минут С. умудряется подтянуть несколько ребят, завязывая общую игру в «слепую обезьяну».

Для незнающего читателя поясню основной механизм. На камень-ножницы-бумага определяется один человек, которому предстоит с закрытыми глазами лазать по железным перекладинам, пытаюсь «замаять» своего ближнего, ориентируясь только на дразнящие весёлые фразы.

Суровая, но такая притягательная игра в те годы пользовалась огромным успехом. В какой бы час я не проходил мимо двора, всегда кто-то да играл в неё. Нередки были случаи серьёзных травм.

Однажды я видел, как коренастый парнишка резко дал дёру за потенциальной жертвой, влетев с силой в металлический столб. Крови тогда пролилось много. Это впечатлило меня. Несмотря на крики и общую атмосферу произошедшего ужаса, акт насилия (вперемешку с багровым цветом) заморозил меня. Было в этом что-то мифическое и успокаивающее, похожее на чудной сон.

На первом розыгрыше я и С. быстро слетели в сторону победителей, оставив двух незнакомых мальчишек бороться за право не быть слепой обезьяной. Комичен ещё тот факт, что проиграл парнишка с огромными окулярами. Детская невежественность умудрилась высмеять и это, не принимая ранимой души мальчика.

Игра началась. Я растворился в общем веселье, забыв про себя. И это чувство оказалось прекрасным. Если бы сейчас я смог также самозабвенно отдаться общей истерии, этой общей гипнотической волне – то счастью моему не было предела. Но человеческий ум подобен стеклу: разбившись единожды, из осколков не собрать глади.

Невозможно забыть посторонний опыт, как и избавиться от приобретённых штампов. Дорога суждений имеет направление строго вперёд. Только у заблудившихся наивных ове-

чек (которым я искренне завидую) есть возможность в любом возрасте задаться вопросом, благодаря которому изменится весь их путь.

В порыве радости никто из нас не замечает закатного неба. Юные человеческие массы начинают заменяться более скверными личностями. Мамы забирают своих детей, удаляясь ужинать.

Сестра окрикивает меня, пришло время возвращаться домой. Жму руку С.. Мы обещаем друг другу встретиться завтра после обеда на этом же месте.

Покорность взрослому ребёнку,
прохладная вода на лице.

На ужин я сметаю макароны с жареным яйцом.
Так хорошо вспоминать сегодняшний день.

Ночью спалось скверно. Радость не давала сомкнуться векам, не позволяя отдаться свободе, ведь сон – единственно возможная утопия, которая может быть у человека, не считая смерти.

Сестра, чьё спальное место находилось напротив моего, монотонно сопела. Сейчас я завидовал ей. Спящее существо часов не считает.

Вверенный самому себе, за неимением возможности как-то физически измотаться, я начал нагружать голову фантазиями и воспоминаниями, мешая их в одну кучу, стараясь

неумело спародировать эффект сновидений.

Мысленно возвращаюсь в садик. Вот местный задира. Такие ребята всегда выше, жилистей и наглее тебя. Фамилия на японский лад: Тен-чен-ко. Короткий рыжий ворс. Пухлые губы.

За отведённое время, что мне довелось быть здесь, этот парень ни разу меня не обижал, но было в его поведении всегда что-то властное и пугающее.

Сродни Э., некоторые его поступки граничили с запретной чертой. Мне сразу вспомнился самый яркий эпизод с ним и девочкой по имени Н..

Дело было после ИЗО. Часть ребят остались в мастерской, заканчивая выводить своих смелых военных в касках с ружьями, защищающими нас от проклятых фашистов. Другая же часть (с моим участием) побежала обратно в рекреацию на обед. Appetit разыгрался не на шутку, да ещё мода на картонные сосиски бушевала среди детей и подростков. Вредная пища соблазнительна за счёт усилителей вкуса. Эдакий законный допинг для самых маленьких.

Пообедав в числе первых, я отстранился в коридор. Нужно было сложить кисточки и оставшуюся чистую бумагу в личный шкафчик.

На лавке в углу сидела Н.. Все знали вокруг, что Тенченко неровно дышит к этой прелестной особе. И действительно, её тоненькое личико напоминало мордочку очаровательного оленёнка, которого волшебница превратила в человеческую

особь.

Пока прелестная девочка мило улыбалась, рассказывая свирепой мальчишечьей фигуре семейный казус, Тенченко резко оборвал её, попросив «заткнуться». Его длинные ноги в шортах вдруг уселись сверху Н.. Рука взяла её головку и губы их неловко соприкоснулись, после чего он снова встал, но не отстранился от своей пассивности.

Теперь его пах находился на уровне её лица. Ещё немного опустившись, этот странный человек начал двигать тазом взад и вперёд, касаясь частей тела Н..

Всю эту сцену я наблюдал, как и сейчас, словно во сне. Непонятный акт, подсознательно воспринимаемый запретным знанием.

Снова возникло чувство, как в тот раз, когда Э. писала прилюдно во время прогулки. Я оторопел. В нижней части тела я ощутил невыносимое и непонятное желание. Какой стыд! Зародилась тяга погасить реакцию организма. Но какое дело до моих желаний, мысли совсем распоясались. Фантазия нагло стирает озабоченного самца, рисуя вместо него озабоченного меня.

Я лежу на своём (промокшем от пота) диване под толстым слоем покрывала, чувствуя новый прилив неизведанного желания.

«Время для изучения самое подходящее. Никто меня не видит. А даже если сестра проснётся, в такой темноте ей ничего не удастся разглядеть» – нагло констатирую я.

Скрещенная сцена ставится на повтор.

Конфетное дыхание Н... Боже, как она красива. Её большие невинные глаза. Мягкие губы. Я целую свою левую руку, правой трогая себя внизу. Становится невероятно приятно.

Вот уже вымышленный «я» начинает двигать тазом перед этим созданием, попутно шевелясь и в реальном времени. Рука продолжает сжимать собственный стыд. С каждым движением чувство наслаждения увеличивается.

В какой-то момент сердце начинает безумно выстукивать своими каблуками по грудной клетке. Моё тело не желает останавливаться.

В голове затесался страх за собственную жизнь, но сладкая истома усыпляет чувство самосохранения. В черепную коробку незаконно врывается образ испражняющейся Э.. Я отчётливо слышу журчание её прозрачной мочи. Эмпатия выходит на первый план, и я проникаюсь чужим бесстыдством.

Ни с чем несравнимое блаженство, впервые испытанное этой маленькой жизнью. Телом овладевают конвульсии. Голова погружается в туман, полностью лишая меня возможности мыслить.

Не двигаюсь. Лежу, учащённо дыша. Страх больше нет. Нестираемая улыбка на лице. Я не в состоянии объяснить самому себе, что произошло, но точно знаю о невозможности отказаться от запретного знания. Да и не хочется ничего возвращать, хоть снова вспыхнувший стыд пытается меня

образумить.

Кадры, волновавшие мгновение назад, больше не интересны. По крайней мере, сейчас. Сонливость приятно наваливается, в яростном стремлении унести меня далеко-далеко.

Может в этот раз посчастливится оказаться на зелёном лугу, залитым солнечным светом, где соберутся мои друзья; где все люди, которые встречались на моём пути, завертятся в одном большом вихре веселья. Я буду бегать вместе с ними, радуясь непонятному. А затем, мы полетим без крыльев по синему небу, воспевая сотворённое богом чудо. Мы будем воспевать жизнь. Или я один окажусь за рулём мотоцикла, буду мчаться по горам, а взору откроются несуществующие пейзажи с огромной луной, зависшей над головою. Такая розовая пустыня вокруг. До ушей, сквозь шум мотора, прорвутся скрипящие крики неведомых существ. А я не испугаюсь, только поддам газу, ещё быстрее помчавшись, не оставив шанса корыстным преследователям. Вариантов много.

Свобода не обусловлена конкретными образами. Последние всегда мелко нашинкованы, перемешаны и заправлены разными специями, за счёт чего и рождается неповторимый вкус. Голова почти провалилась в небытие, как тишину спящей квартиры нарушил резкой звук. Словно некто сначала быстро провёл твёрдым предметом по стене, а затем ударил им об пол.

Рациональная часть меня быстро сориентировалась, предположив, что это упал рисунок сестры в деревянной рамке, который отец недавно повесил на хлипкую верёвку. Но моя суеверная часть, верящая в высшие силы (в том числе и злых духов), тут же задалась вопросом: «Упала-то картина – понятное дело, но кто ей помог?»

Поползли образы чертей, ведьм и леших. Каждый начал тянуть ко мне свои лапы. В комнате стало ощутимо холоднее.

Воображение овладело чувствами, заменив тишину звуками адских копыт. В ужасе, я открыл глаза в поиске подтверждения выдуманного кошмара, но галлюцинации моментально исчезли. На этом можно было успокоиться, но суеверная часть продолжала кормить тревожность своими новыми догадками: «Ты имеешь дело с потусторонними существами, разумеется, они становятся невидимыми, когда простой смертный пытается увидеть их, но это не значит, что они не следят за тобой. Они начнут красться, как только ты закроешь глаза, а затем...»

Иррациональный страх долго преследовал меня, но желание поспать в конечном итоге победило.

У жизни отличное чувство баланса. За великим открывшимся чувством наслаждения я познал и первый свой самый ужасный сон.

Бабушка по отцовской линии предстала в образе ведьмы. Погружение без логического начала. Внучок сразу оказывается в безвыходной ситуации.

Ведьма варит меня в котле. Она смеётся, предвкушая скорое лакомство; всё помешивает огромной ложкой, не произнося ни слова. Глумится над своей несмышлёной жертвой, попавшейся в лапы... так просто ли (?) Тогда я спросил, её ли это черти пришли ночью ко мне, но вопрос был проигнорирован.

Я начал сильно кричать от ужаса, не зная, как спастись.

Резкое пробуждение. Футболка прилипла к телу. Солёная капля на ссохшихся губах. Моя комната. Ночь. Мирно сопящая сестра. Тишина. А за окном эта ведьма на метле, глазьющая прямо в душу.

«Она наяву, наяву!»

Я завопил пуще прежнего. И только после проснулся по-настоящему, подняв на уши родных своим отчаянием.

Отступая от ветви повествования, хочу обратиться к читателю с просьбой не пытаться искать лишних смыслов во всей происходящей рефлексии. Особенно прошу не пытаться опошлять ребёнка, которым я был, навешивая на него клеймо отщепенца.

Описание первичного познавательного опыта может вызывать неприятные чувства у взрослого ума, пытающегося усреднить сам образ любого малого дитя, попутно стараясь не выкапывать собственные открытия тех лет. Чаше такое поведение обуславливается стыдом и общим распространённым понятием о «детской невинности». И в случае послед-

него утверждения – это особенно правда.

Ребёнок невинен. И свои поступки он совершает от этой самой невинности, не приписывая им очерняющего контекста будущих лет. Поэтому, когда я и дальше буду затрагивать интимные подробности, прошу держать в голове вышеупомянутую просьбу.

Если от прочтения чужих юношеских тайн вам может стать неловко, то представляете, какого мне? Выставляющему свою обнажённую душу с содранной кожей.

Быть честным не только с собой – величайший труд для покаяния и формального исследования «внутренностей». По-другому не имело бы смысла вообще начинать подавать голос.

Вспоминая постыдные моменты, я шаг за шагом приближаюсь к гипотетической возможности понять себя, а после и принять, став, наконец, не человеком из своего воображения, а из крови и плоти, сформировавшимся самобытным путём, как и многие дети, у которых не было доступа к источнику знаний.

Добродетельные родители всегда стараются воспитывать чадо по совести. Они отдают всё, что только могут, но темы «табу» их детства автоматически становятся закрытыми и для нас.

Сразу всплывает словосочетание: «грехи отцов», отскакивающая (и отсылающая) рикошетом от каждого поколения всё дальше в прошлое, доходя по итогу чуть ли не до архан-

тропов.

Мысленно закрываю глаза. Моя машина времени моментально уносит нынешнюю личность, возвращая в тот самый миг, когда маленький мальчик очухивается от пережитого кошмара.

Мама озабоченно интересуется причиной таких воплей. Отец стоит рядом ошарашенный. Кошмар я помню до мелочей, но не спешу делиться именно сейчас.

Уже тогда уроки тактичного поведения, взятые из наблюдений за родителями, давали зеркальные плоды. Не думаю, что отец сильно обрадовался бы, услышав про свою маму такие неприятные детали. Уклончиво обещаю рассказать сон, как только вспомню.

Сейчас комната озарена тёплыми и дружелюбными солнечными лучами. Несмотря на ночные похождения, выспался я отлично. Сестра убежала в душ. Отец, закончив замену верёвки на рамке, уехал на работу, а мама отправилась на кухню, накладывать завтрак.

С открытой форточки веет приятным ветерком. Неспешно, с самым искренним наслаждением, наминаю разжаренные, вперемешку с яйцом, макароны. Запиваю чаем с сахаром. Мама забирает грязную посуду, моет сама. Она отбирает у меня возможность стать чуть взрослее.

Через 20 минут родительница сама предлагает выйти погулять. Вспоминаю про вчерашнее знакомство с мальчиком.

Начинаю соображать, точно ли мне это не приснилось? События вчерашнего дня кажутся чем-то далёким и ненастоящим. Выдуманным перед сном, за неимением иных мыслей. Но всё же что-то подсказывает: со мной это было. Иначе, почему я так жду встречи?

Надеясь на сегодняшнюю аудиенцию, выхожу подготовленным. В пакет залетело несколько солдатиков, две машинки и формочки для строительства забав из песка. В дополнение ко всему уговорил маму захватить велосипед, к которому отец примотал на проволоку детский руль с кучей шумных кнопок. Свежие батарейки готовы к использованию. Нажимай теперь на разные картинки, да извлекай звуки. Мычанием коров и блеянием козлят попробую развеселить своего нового друга.

Идём на вчерашнюю площадку у дома, только на этот раз отдаю предпочтение не горке, а песочнице, которая находится неподалёку.

Достаточно раннее время. Детей не видать. Время разогреться. Достаю две машинки, усаживаюсь на жёрдочку лицом к песку. Родитель занимает нагретую солнцем лавку, доставая любимый номер женского журнала. Начинаю имитировать увлечённость игрой, искоса поглядывая по сторонам, ожидая вот-вот увидеть его.

В отдалении проходят редкие дяди, неестественно пошатываясь на своих двоих. Пару раз были замечены знакомые силуэты детей, с которыми я мог пребывать в садике, но све-

жесть образа их лиц быстро выветрилась, оставив на поверхности только тонкую маску представления.

Решаю отправиться на разведку. Отношу имущество на лавку. Рядом с мамой уютилась женщина с чуть более явными морщинами. Она старше моего родителя, но судя по тону разговора, между ними водится некая дружба.

При моём появлении мама начинает рекламировать сыночка. Её собеседница хвалит мою кучерявость, подмечая красивые глаза цвета зрелого каштана.

Седлаю велосипед, обещая далеко не уезжать, максимум вокруг ближайших двух домов и обратно. Бонусом получаю рекомендацию на каждом круге заезжать в материнское поле зрения, тем самым сохранив её тонкое спокойствие за своего такого хорошего мальчишку. Мотаю головой в знак полного подчинения.

Мамины страхи о возможной краже сыночка плохими торговцами органов потихоньку передаются и мне.

Всё чаще возникают переживания за себя. На незнакомых людей начинают падать подозрения в неладном. Сколько взрослых женщин, сидящих на лавках и тянущих из банок непонятную жидкость, приставали ко мне. Каждый раз одна и та же история.

Они хвалят мои кудри, говоря, какой я красивый мальчик, предлагая мне что-нибудь вкусное. Я никогда не беру из чужих рук угощения. За это они меня тоже хвалят.

Когда подходит мама, то начинает смеяться вместе с

незнакомыми тётями над ребёнком. Родитель говорит, волноваться нечего. Что та или иная тётя не хотят меня съесть и забрать в рабство, но, когда я получаю конфету и мы отходим на приличное расстояние, мама начинает с полной серьёзностью хвалить меня: «Молодец, сынок. Мало ли кто это». Такой двойственный стандарт сильно путает, но я молча киваю.

Очень приятно крутить педали на велосипеде с подкаченными колёсами. Перед каждой вылазкой я лично работаю насосом, стараясь поддерживать максимальную натугу резины. Отец говорит, что так делать неправильно, можно испортить «камеру». Но когда колёса не переполнены избытком воздуха, крутить педали становится тяжелее. Это открытие вынуждает меня игнорировать советы.

Зато, когда еду, приходится быть начеку. Ведь, по словам отца, на любой кочке есть вероятность взрыва одного из колёс. Я видел пару фильмов, где такое было. Могу сказать с полной уверенностью, выглядит просто жутко. С огромной вероятностью я получу серьёзные увечья. Если уж машины переворачивались, то что говорить о маленьком человеке на маленьком велосипеде?

Первый круг по периметру собственного дома совершаю, не смотря по сторонам. Посторонние мысли отвлекают от цели. Заезжаю в арку, затем по аллее между кустов, которая по итогу выводит меня на детскую площадку.

В поле зрения попадает мама, сидящая с той же женщиной. Заискивающе смотрю на родителя, ища взаимности. Ко-

гда же получаю искомое, машу рукой. Всё хорошо. Мама кивает, давая добро на следующий круг.

Пока нахожусь «на крючке», кручу педали активно, выжимая из своих ног максимум. Но как только въезжаю в слепую зону, сразу сбрасываю скорость до минимума. На этот раз решаю сделать круг по периметру соседнего дома, попутно разведав возможное местонахождение моего знакомого, чью внешность я начал потихоньку забывать.

С внутренней стороны, куда выходят двери от подъездов, видна другая детская площадка, находящаяся на территории школы. На ней гуляет куда больше детей, да и сторона сама по себе более солнечная, но моего друга среди толпы не обнаруживается. Зачем-то начинаю изучающе смотреть на окна первых этажей, где из некоторых торчат улыбающиеся лица пожилых людей.

Второй круг заканчивается неудачей. Время слишком быстро летит! И здесь проблема заключается не в личном одиночестве. Просто я прекрасно понимаю, весь день на улице мама со мной торчать не будет. Ей нужно переделать кучу дел по дому, да и передачи по телевизору показываются в установленные часы, поэтому каждая минута промедления моего товарища уменьшает время, которое мы сможем провести вместе.

Мама с подругой больше не сидят на лавке. Их громкий весёлый разговор подходит к завершению. Хоть женщина вежливо повернута лицом к собеседнице, нижняя часть её

тела находится в лёгком развороте, а взятые в руки сумки с продуктами только подтверждают догадки.

Третий заход выходит рискованным. Решаю поставить на него всё, объехав сразу два дома одним гигантским кругом. Попутно начинаю представлять, как за мной увязывается злой робот из мультика. По сторонам появляются злые ниндзя-помощники. Резко ускоряюсь.

Кровь приливает к голове, потное тело начинает обдувать тёплым ветром.

«Вам меня не догнать! Все злодеи обязательно будут повержены».

Этому учат мультфильмы, и так говорит моя мама, а она врать не станет, я её знаю. Мои воображаемые лазеры с автоматическим наведением начинают крошить врагов. Неприятельских атак безумно много, но я главный герой фильма, поэтому выход только один: выйти из ситуации победителем.

С дали, на подъезде к пункту контроля, замечаю новую женщину, рядом с которой идёт паренёк. С огромным внутренним счастьем подмечаю знакомые черты лица из своего ненастоящего сна. Объявился! Пришёл ко мне, как и договаривались.

Он пока не видит меня. Только искоса бросает заискивающие взгляды по сторонам. Его мама садится рядом с моей. Между молодыми женщинами легко завязывается неслышимый разговор. Стараюсь сбросить скорость, предав себе более непринуждённый вид. По непонятной причине не хочет-

ся, чтобы кто-то видел мою радость.

Наконец высокий мальчик замечает приближающегося велосипедиста. В глазах проскальзывает узнавание.

«Привет! – кричит он, махая мне рукой. Радостно оборачивается к своей маме. – Мама, это я про него говорил!»

Завязывается общий разговор. Наши родители приятно удивлены, что всё так удачно сложилось. Сразу следуют взрослые вопросы, кому сколько лет. Мы оказываемся одного возраста. Звучат ещё пару формальностей, а после нас оставляют в покое. Я беру свой пакет с игрушками, направляясь в сторону песочницы.

Разговор сразу не клеится. Предлагаю машинку на выбор. Мальчик берёт белый джип, подмечая увесистость. Да. Корпус сделан из металла, очень качественная моделька.

Мой отец по молодости подрабатывал продавцом на рынке. В девяностых каждый крутился, как мог. Я никогда не интересовался, откуда он доставал такой качественный товар для перепродажи, но почти каждый месяц мама откладывала одну коллекционную игрушку для будущего меня.

Зря их отдавали маленькому сорванцу, вечно ломающему своё имущество. Стоило немного подождать, но теперь поздно махать кулаками, да и ногами. Ко времени, когда появилось понимание аккуратности – спасти было нечего.

Через пару минут разговор завязался на признании. Честно сообщаю своему новому другу, что не помню, как его зовут. В кадре появляются его крупные передние зубы. Друг

облегчённо смеется, признаваясь в том же упущении. Напряжение спадает.

Мы заново представляемся. Каждый в голове проговаривает чужое имя, стараясь буквально физически (самим движением языка) запомнить его.

Общение выходит своеобразным. Как и С., мне интересно узнать всю подноготную его семьи. Мы стараемся подражать взрослым, которые привыкли общаться между собой фактами, а не чувствами. Отсутствие структуры вперемешку с детской возбуждённостью заводят нас на скользкую дорожку фантазии.

Я и сам не заметил, как начал на ходу выдумывать абсурдные детали. Вот у моего отца появился настоящий вертолёт, припаркованный в гараже где-то на Ботанической улице. Танк мы недавно продали, но однажды взрывали подъезд обидевшего меня мальчика.

С. парирует слитком золота, хранящимся у него под диваном на будущее обучение в институте, а у его отца приблизительно в тех же степях, где и у моего, стоит новенький истребитель.

Поток импульсивного бреда тянулся непрерывной нитью. Фантазия начала заканчиваться. В панике я ухватился за свои кроссовки.

Сбоку на подошве, сразу же под логотипом бренда, обнаружилась декоративная кнопка. Я, с тайной в глазах, сообщил С., что эта кнопка активирует запрограммированную реактив-

ную жидкость. Сейчас она, конечно, закончилась, но в следующий раз обещаю показать свою летающую обувь в действии.

На такой сумбурный этюд С. серьёзно кивает. Он признаёт отсутствие у себя такой обуви, и что теперь его родители просто обязаны купить их ему. На вопрос: «Где приобрести?» – отвечаю уклончиво: «Подарок маминного двоюродного брата...»

Время проносится мимо нашего своеобразного веселья. Мамы синхронно поднимаются с лавки. У них нашлась общая любимая передача, которая вот-вот начнётся.

С большим разочарованием дети начинают собираться. В подтверждение нашей великой дружбы, меняем игрушки. С. вручаю понравившуюся машинку, а он отдаёт мне большого робота. Мы клянёмся встретиться на этой же площадке. Родители уверяют нас, переживать не стоит, они успели обменяться домашними телефонными номерами.

Я умело прячу радость от услышанного, жму руку С., и мы расходимся, правда, идти нам в одну сторону. Мой новый друг живёт совсем рядом, в соседнем доме, чей периметр я использовал для своего второго круга в сегодняшнем заезде.

Дома мама начинает делиться, какая у С. хорошая строгая мама. Она посвящает меня в детали устройства быта товарища. Из чувства справедливости стараюсь сильно не вслушиваться.

Всё, что не рассказал о себе С. – должно остаться его

личным делом. Сейчас же меня волнует совсем другое: как включается режим полёта у моих кроссовок? Собственный дар убеждения сыграл с разумом очень злую шутку.

День рождения прошёл по стандартной схеме. Маменька всю ночь готовила, предварительно посоветовавшись со мной. Разумеется, моё мнение являлось условным. Продукты были куплены строго по списку для конкретных блюд. Поэтому на вопрос: «Сынок, может, ты хочешь что-то особенное?», я ответил отрицательно. «Я всеяден, мам, ты ведь знаешь, я люблю всё, что ты готовишь» – таков мой ответ дословно. И в данном случае я почти не лукавлю.

Эта добрая женщина готовит изумительную жареную курицу, а про домашние пельмени (размером с мой кулак) я и вовсе промолчу. А не лукавил я «почти» по причине лёгкого зуда в голове. Идеи о том, что иногда новенького-то хочется, но каждый раз я давал и продолжаю давать себе мысленную оплеуху за подобные неблагодарные мысли.

Наша семья не очень богата. Отцу в последние годы пришлось много трудиться, так как мама была вынуждена большую часть времени сидеть со мной.

По её мнению, оставлять своего ребёночка одного на долгое время – сродни убийству. В глазах взрослых я беспомощный щеночек, который при любом удобном случае может причинить себе непоправимый вред.

Лично для меня такое отношение является огромнейшей

загадкой, учитывая, что я ни разу не показывал иррационального поведения.

Не считая двух друзей сестры, на праздник пришли дедушка с бабушкой по отцовской линии. На этот раз они подарили своему внуку не деньги на игрушки, а серебряную столовую ложку. Я фальшиво восторгаюсь, говоря слова благодарности за столь дорогой подарок. Но ложка для ребёнка – не лучший вариант, если вы хотите его действительно порадовать.

С. прийти не смог. Вот уже как пару дней он слёг с простудой. Его мама говорит о наличии у сына высокой температуры и общих недомоганий, из-за которых мой друг лежит в постели не вставая.

В такую жару сильно заболеть кажется невозможным. А учитывая хулиганский характер С. в сочетании с полной деспотией его матери, выводы напрашиваются сами. С. влип по крупному за очередной «фокус».

Вообще, я никогда не задумывался о таком, но изучая фотоархив вплоть до своего совершеннолетия, на снимках не нашлось ни одного моего друга. Только товарищи сестры и родственники приходили каждый год в нашу двухкомнатную квартиру на пятом этаже. Они говорили одни и те же тошты. Каждый раз вслух произносились одинаковые истории. И среди всех этих повторений сидел я, с каждым годом меняясь внешностью, психикой, но никак не мимикой.

Это, наверное, единственный пробел в памяти. С самого

детства собственный праздник не внушал мне трепета, только чувство волнения и нежелание принимать внимание со стороны людей, хотя подарки частично скрашивали дискомфорт.

В самый разгар общего гомона, матушка просит минуту внимания, сообщая о решении выйти на работу. Она торжественно делает акцент на своём повзрослевшем сыне.

Целых шесть лет, вау! Он такой большой и взрослый мальчик. Теперь его можно оставлять дома одного. Разумеется, придётся провести инструктаж по безопасности. В квартире так много электрических приборов, острых ножей и всевозможных жидкостей. Нужно быть осторожнее. Предупреждён – значит вооружен.

Подобный абсурдный акцент вгоняет меня в привычную краску.

«Взрослый я уже давно, мам, просто ты не даёшь мне им быть» – говорю в себя.

Между «высказать своё мнение» и словом «конфликт» в голове стоит ошибочный знак равно. Достаточно грустная условность, превратившаяся в целую философию жалкого существования. Никто мне не объяснил очевидного отличия.

Веди себя скромно. Подставляй другую щёку. Всегда делись. Никогда не обижай людей. Избегай драк. Лучше промолчи – целее останешься.

О, как систематически естественно, используя изгваздан-

ный трафарет, разукрашивалось моё мироощущение. И я молча впитывал сказанное, принимая однобокое мнение за абсолют. Только внутренний голос шептал иногда о неправильности, но разве ребёнок станет слушать не взрослого?

В любом случае, хоть стыд и заставил лицо покраснеть, но я действительно радуюсь родительскому шагу сделать меня чуть более самостоятельным.

Маленький триумф раба. Отвоевал-таки право. Хотя воевал ли я за него на самом деле? Мысленно отрицательно качаю головой.

Папины родители начинают расспрашивать свою невестку о предстоящей работе. Оказывается, старая знакомая предложила матушке место в сберегательной кассе. Приём платежей, погашение задолженностей по коммунальным услугам и всё в прочем духе.

Родительница уведомляет, что с середины июля начнёт ходить на компьютерные курсы для повышения квалификации. Теперь отчётность ведётся в заумных компьютерных программах.

Благодаря расспросам, моя персона уходит на второй план, чему я очень рад. Чувство «тени» приносит ощутимое облегчение.

Изучая фотографии тех лет, я вспоминаю чужие разговоры и лица. Вспоминаю отдельные базовые фрагменты на уровне своих действий. Но собственная глубина (детальные переживания) так и будет выгравирована словесным

бельмом. Невечный именинник останется в воспоминаниях обычной болванкой, движущейся по заданному алгоритму.

Последующие восемьдесят два дня лета пролетели незаметно. С лучшим другом я виделся на прогулках чуть ли не каждый день. На одной из таких он сообщит мне, что с сентября начнёт ходить в первый класс. На моё восклицание про то, что дети идут в школу с семи лет, он только посмеётся, назвав такое утверждение мифом.

В дальнейшем моя мама пояснит нежелание отдавать в школу шестилетнего дитя его хрупкостью и возможными конфликтами с более взрослыми детьми. Да и ко всему прочему: куда торопиться? Жизнь такая большая, а ты совсем такой весь из себя крошка.

Перспектива сидеть с начала осени одному дома – вызывает двойственное чувство.

С одной стороны, я переходил в ранг вседозволенности. Ещё бы. Отец с утра до ночи на работе. Сестра в школе до часов четырёх, у неё продлёнка. И вдобавок теперь мама будет в статусе служащей с восьмичасовым графиком.

В распоряжении ребёнка останутся холодильник с едой, телевизор, игрушки и бесконечное количество времени. Не это ли мечта? Жить в удовольствие.

Омрачало такой расклад вынужденное одиночество. Никаких тебе собеседников. Одному нельзя будет выйти на улицу. По будням только с сестрой, да и то, если её величе-

СТВО СОИЗВОЛИТ.

Целый. Год. Один. Телевизор.

Ну а пока осень не настала, я начал жадно цепляться за любую возможность провести время на свежем воздухе. И самое главное: постараться побыть как можно дольше не с собой наедине.

Сентябрь. День рождения отца проходит без лишнего шума. Как же он не любит праздники! В этом мы с ним похожи.

Моя страна – это нация, подарившая своим потомкам клубни голландской картошки, табак, привезённый в багаже наёмных офицеров и любовь к праздному образу жизни. Если внимательно изучить календарь событий, то абсолютно на каждый день придётся какой-то, да праздник. Разумеется, степень важности и «узнаваемости» имеет неоднородность. Но это не отменяет факта, где страдальческая история предков смогла восстановить душевный баланс через непрекращающиеся гуляния.

За день до первого дня затворничества, мама проводит полномасштабный инструктаж. Печку включать запрещается. Входную дверь открывать запрещается (только в крайнем случае при пожаре или родственнику, забывшему ключи). Идти купаться запрещается, вдруг я поскользнусь, а никого рядом не будет.

Из доступной техники в моём распоряжении остались: телевизор, холодильник, микроволновка и домашний телефон.

Родитель акцентирует внимание на последнем, чтобы я не зевал, карауля её тревожные звонки.

Всё предельно ясно. Хорошая игра в тюрьму, где предстоит одновременно исполнить роль заключённого и надзирателя.

Если быть до конца честным, то сгущение красок происходит через призму минувших лет. Конечно, на тот момент я обожал свежий воздух, активные действия, но валяться и смотреть целый день телевизор звучало не менее привлекательным времяпрепровождением.

В ночь перед дебютным днём спится плохо. Лежу себе в темноте с открытыми глазами, изучая монохромно-серый потолок. В голове завал пыльных мыслей.

Как же человек любит жить воспоминаниями. Сознание, под натиском собственного комфорта, начинает украшать почти любые события прошлого в ностальгические одеяния.

Всплывают кадры из садика. Совместная возня машинками. Просмотр детского кино. Футбол, где я в роли голкипера. Боль перемороженных пальцев ног. Завтраки. Обеды. Ужины. Подсахаренный чай. Ковёр с изображением городской дороги. Бабушка-охранница, так приветливо улыбающаяся каждому ребёнку изо дня в день. Девочка, столкнувшая меня в лужу. Первая осознанная новогодняя ночь. Ожидание Деда Мороза. Подарки. Хорошие и не очень. Улыбка девочки с глазами оленёнка. Съеденные конфеты.

Все эти мелочи приобретают статус «приятного». Общий сугроб быстро сменяющихся картинок не даёт возможности отдельным событиям воспроизвестись в своём подлинном эмоциональном отношении.

Я лежу с открытыми глазами с ощущением важности прожитых эпизодов. Появляется небольшой страх за будущее. Будут ли в моей жизни ещё яркие и тёплые эпизоды или они станут таковыми только по прошествии времени?

Подобные размышления в первую очередь наталкивают на простую идею научиться ценить моменты настоящего вне контекста самого действия. Но это стало непосильной задачей в виду постоянной забывчивости.

Каждый день нужно напоминать себе о таком элементарном действе. Каждый день! Представляете? И делать такое усилие до тех пор, пока не войдёт в привычку. Да и то, такие открытия формируются не по щелчку пальцев.

Они приходят сами, когда человек потерял уже слишком много. А пока под носом пушок, ты только инстинктивно чувствуешь лёгкое дуновение грядущего знания, и от невозможности облечь в слова наваждения, забываешь их. Так произошло и со мной. Воспоминания прошлого плавно уступили выдуманному кадрам, спрессовавшись в неосмысленный парад скорби.

Утренняя возня. Звук воды из крана. Кто-то не закрыл дверь. Поверхностный сон всегда можно распознать по тому, насколько сознание быстро начинает разбираться в окружа-

ощем пространстве.

До ушей доносится бурчание недовольной сестры. Вставать рано в этой семье (кроме отца) никто не любит. Один жаворонок и три совы. Вот бы иметь такое же красивое оперение и умение летать...

Несмотря на взбодрившееся сознание, тело находится в стадии лёгкой ломоты. Правое плечо, ступни, шея. Нужно просто перевернуться на другой бок, но ни в коем случае не выдавать присутствия. Сбрасывать камуфляж дремоты пока рано.

Проходящая мимо мама замечает шевеление. Доносится чуть звонкое клацанье её танкеток. Она останавливается у постели, выжидая, когда сын подаст признаки жизни, но я не хочу так просто сдаваться. Возникает беспочвенное желание ломать комедию до конца. Пытаюсь ответить самому себе на вопрос: «Зачем?», но ничего правдивого не приходит на ум.

«Сынок. Сынулик. Вставай. Доброе утро» – нежно произносит родитель. На фоне теперь играет клацанье металлических столовых приборов о тарелку. Сестра припозднилась.

От маминых слов мне хочется улыбаться. Камуфляж почти полностью разрушился. Чтобы не показать нежную улыбку (которой я почему-то стыжусь), начинаю имитировать зевок, вытягиваясь телом.

Мама радостно протягивает «Ооооой, какой большой парень проснулся. Вставай сынок, закроешь дверь. Я и твоя сестра уходим» – затем фигура наклоняется, целуя меня в

щёку.

Теперь можно открыть глаза. Матушка стоит в новой белой блузке и чёрной юбке. Именно так выглядит опрятная форма по мнению большинства государственных заведений. Главное – ничем не отличаться от остальных. Общий камуфляж, как причастность к одному комьюнити. Пугающая усреднённость. Копии деталей одного большого механизма, чтобы в случае чего, никто не заметил подмены.

Театрально отталкиваю родительские поцелуи, делая вид, будто излишняя ласка такому мужчине как я – претит, но пытаюсь максимально быть наигранным, чтобы мама разгадала меня.

В проёме появляется готовая к выходу сестра. Она перешла в пятый класс. Её одиннадцать лет кажутся мне несбыточными. Создаётся чувство, словно я достигну такого возраста только через столетие. Целый век жизни, может даже два. И хоть головой я прекрасно понимаю глупость такого сравнения, но чувствую, увы, не прикажешь. У них имеются свои уровни измерения, не относящиеся к мышцам организма, только к его психическим эпизодам.

Мама наспех инструктирует своего сына повторно, пока сестра разбирается с дверным замком. Раздраженно киваю, заканчивая предложения по своей безопасности. Получаю в подарок пару поцелуев в обе щеки. На этот раз целую маму в ответ. Она смеётся, предлагая и сестру чмокнуть на дорожку, на что я и сестра начинаем одновременно возмущаться.

Наши границы личного пространства обусловлены достаточно чётко. Документов нет, но есть соглашения в вопросах коммуникации и совместного существования, куда точно не входит «телячья» нежность.

Дверь закрывается. Самостоятельно поворачиваю щеколду на один оборот. Нажимаю ручку, одновременно толкая дверь в сторону «открыть», чтобы удостовериться в надёжности. Никаких сбоев.

Ещё секунд десять стою в коридоре, слыша, как лифт проглатывает родных, а после наступает тишина, к которой нужно будет ещё привыкнуть.

Сзади незаметно подкрадывается чёрная фигура. Она трётся о ногу. В первую секунду вздрагиваю, совсем забыв про существование в этом доме кота.

Года два назад моя сестра с подругами гуляла по зимним закоулкам. Стоял день, это точно. Никто бы не отпустил шараться по темени ребёнка, когда злые души выползают на охоту. Ночь – время пьяниц и убийц.

В вечернем освещении (не мне рассказывать читателю, как быстро здесь темнеет зимой) группа порядочных девочек заметила небольшую стаю сорванцов рядом со школьной сценой. На ней летом местные чиновники до сих пор проводят редкие мероприятия. В остальное же время на огороженной территории подростки рисуют граффити, пьют алкоголь и просто висают с непонятным вождением к упадочническому декору, так сильно отличающимся от той жизни,

которую рисовали им родители.

Девочки-подружки заподозрили неладное. Неудивительно. Группа шепчущихся грызунов, да ещё окружили что-то. Нужно проверить. Сердце чистого помысла можно обмануть, но только в более зрелом возрасте. На тот же момент ничего, кроме присвоенных благородных черт в моей сестре не было, это точно.

Подкравшись ближе, героини эпизода увидели коробку, в которой сидел котёнок. Один из молодых возмутителей держал наготове петарду, а у стоящего рядом с ним в кулаке был зажат коробок спичек. Не трудно догадаться о дальнейших действиях.

Началась потасовка. Благо, девочки были старше мучителей и, несмотря на физиологическую пропасть, антагонисты быстро сдались после словесной перепалки и пары-тройки угроз.

И вот на дворе крепкий мороз. Четыре девочки идут в сторону своего жилища не зная, что же им делать дальше? У одной из них в руках коробка с чёрной тушкой. Ещё час, и настанет время расходиться по домам с концами, а решение не найдено.

Компания двинулась к первой девочке. Строгие родители сразу дали понять, к себе котёнка они не возьмут. Во-первых, собака Люся, а во-вторых, просто нет.

Со второй и третьей подружками та же история, только без декоративных собак в оправдание. Причём их родители

говорили приблизительно одинаковый текст, словно заучили мантру или лучше, пособие по отказу.

Смена кадра.

За окном совсем темно. Моя сестра опаздывает домой на целых полчаса. Мобильных телефонов ни у кого не было, только разве что у бизнесменов. Мама со всей отдачей сходит с ума, собираясь с минуты на минуту подавать в розыск.

Смена кадра.

Детские часы сестры нервно тикают, но руки не разжимают коробку с беззащитным котёнком. Время финального аккорда.

Смена кадра.

Слова снова возвращают в тепло отчего дома. Мать мечется, чуть не плача. Её дитяtko ужасно опаздывает.

Отец успокаивает, напоминая, что их дочь не такой уж и ребёнок, может немного задержалась в гостях на чай, но для мамы дочь видится в заложниках у бандитов, желающих получить за неё выкуп, а то ещё хуже!

Переживание настигает и меня. Точнее, смотря на эмоции своей мамы – я впитываю их, проникаясь поведением, как примером для подражания, чтобы стать таким же эмоционально нервным. Но вот раздаётся резкий звонок за семью замками. Мама бросается открывать.

Через щёлку проглядывается сестра со странной коробкой. Провинившийся ребёнок пытается что-то объяснить. Лицо её приобрело максимально несчастный вид.

Самой сути я не разобрал, но мамино: «Нет, ты что, с ума сошла? Нельзя!» – слышу отчётливо, ведь «пример для подражания» выражает своё несогласие на весь подъезд.

Опоздание уходит на второй план. Проблемка намечается посерьёзнее.

Дверь открывается. К маме и сестре выходит отец.

Собрание затягивается. Начинаю копировать маму, повышая уровень внутреннего переживания на ровном месте. Странное чувство, которое пока никак не бьёт по ещё здоровым, не отсыревшим нервам.

Долгожданная развязка. В руках у сестры та же страшненькая коробка. На каждом лице родственника вижу улыбку. У мамы она мешается с лёгким недовольством. У отца улыбка выходит скромная, а у сестры блаженная, всё ещё не верящая в своё счастье.

Как после мне рассказали, сестра объяснила, что котёнку больше некуда идти, и если мы его не приютим, то она уйдёт вместе с ним на улицу.

Такой радикальный подход сыграл свою роль, да и сами родители люди добрые. Они заранее понимали – им не отвертеться.

Вороной маленький котёнок. Это она, её называют «Мэри». Все играют с ней, веселятся и дразнятся. Сестра начинает исправно кормить и убирать за нашей новенькой постоянной. Девочка быстро растёт.

В один из дней, когда маленький я гладил живот кошеч-

ке, в самом низу рука нащупала что-то круглое и пушистое. Несмотря на малый возраст, я формально знал о гендерных половых различиях. Нетрудно было догадаться, диагноз Мэри был выставлен неверно.

Наша нежная кошечка оказалась юношей. Это одно из интереснейших открытий, сделанных мною в тот период.

Я сразу же побежал на кухню поделиться новостью с мамой, на что она только посмеялась, сославшись на мою фантазию. Но пришедший с работы отец не стал смеяться над сыном, а взял и проверил. Какого было удивление, когда ребёнок оказался прав в своём наблюдении. Так Мэри стала Кузей. Конец истории.

Бегу радостно в зал включать телевизор. По пятому каналу начинается сериал для всей семьи.

Отец-одиночка воспитывает четырёх дочек разного возраста. Жена его сбежала с поджарым иностранцем, выбрав физическую усладу взамен семейного тепла, так сильно пропагандируемого во все времена.

У каждой девочки свой типаж и характер. Самая старшая дочка не имеет никаких талантов кроме красоты и светских замашек. Вторая увлекается музыкой. Третья стремится получить хорошее образование, а последняя, самая маленькая, просто смешной ребёнок.

Характеристика отца достаточно скудная, но олицетворяет вполне положительные качества здорового человека. Он

эмпатичен, мягок, дорожит семьёй и трудолюбив.

Сценаристы пытаются создавать язвительные ситуации, способные сломить этого простофилю. Но из серии в серию главный герой не поддаётся соблазну сдаться, находя наилучший выход из ситуации с минимальными потерями для окружающих его кровопийц.

Для маленького меня открыта только одна грань происходящего – юмор. Простые ситуации с аналогичными действиями разрешения воспринимаются играючи. Поглощая такой контент, я вообразил себя подростком.

(Лирическое отступление)

Оперируя ответственностью на более поздних возрастных границах, человека всё время тянет обесценивать проблемы других, рассматривая ситуацию с точки зрения субъекта, уже прошедшего данный этап. Также обстоит и с оценкой умственных способностей других существ, где вдолбленное понятие «человек» возводится на пьедестал самолюбования.

Обесценивание чужих проблем и оценка умственных способностей схожи в своём сравнительном заблуждении, где совершающий данную ошибку персонаж пренебрегает относительной величиной измерения.

Каждое существо живёт по интеллектуальным способностям, данным ему природой. Среди муравьёв есть свой Эйнштейн, смогший первым придумать выстраивание подзем-

ных лабиринтов для размещения целого города. В эти же сравнительные примеры вписываются и люди между собой. Невозможно «человеку прямоходящему» подчиниться искусственно выведенной формуле своих интеллектуальных возможностей.

Сначала общество по мере развития определило нормы, после чего попыталось привести каждого «гостя» к этим отметкам, но без возможности предоставить одинаковые условия для жизни.

Ожидаемым результатом такой глупой системы стали институты, которые неформально начали пользоваться принципом «выживет сильнейший», благодаря чему конкурсная иерархия поднялась в цене, разделив людей на «тупых» и «умных». Действительность же гласит о том, что не существует человека талантливого во всём, так же, как и человека, который плох во всём. Есть только условия существования, не позволяющие каждому раскрыться в полной мере.

Таким образом, большинство людей обречено на жалкое скитание до конца своих дней, где место им определило не раскрывшаяся возможность и польза, а нужда в валюте ради пропитания. От такой юдоли выходят психические заболевания, тяга к самоустранению, агрессия, алкоголизм, пристрастие к запрещённым веществам, отсутствие надежды и непонимание ближнего.

Разумеется, сама проблема не раскрыта, только озвучена нервным шепотом. Если рассматривать вопрос серьёзно, то

не хватит и книги на одно только описание. Но мысль, надеюсь, ясна. Продолжая ветвь рассуждений, можно добавить и пренебрежительное недопонимание проблем другого человека.

Для ребёнка трагедия потери игрушки равняется трагедии взрослого человека, потерявшего любимую работу. Зритель может заявить, родители могут без труда купить аналогичную игрушку, а вот хорошую работу найти сложно, особенно когда мир стоит на грани ядерной экспрессии. Но эмоциональные потрясения, формируемые мозговой активностью, с вами не согласятся. Каждый этап наработанного опыта выстраивает свои границы трагедий, где формируются личностные сравнительные обороты.

Вот и в этом сериале проблемы девочек постоянно выставляются напускными, где хватает тридцати минут одной серии, чтобы их решить.

Меня окончательно разбирает злобой, когда девочка-отличница загоняется по поводу своего внешнего вида. Над ней злорадствуют более красивые (с точки зрения навязанных стандартов) одноклассницы, но для одноклассника и отца этой девочки проблема не видится вовсе.

«Просто не обращай внимания. Ты же нам нравишься» – говорят они ей по заученному тексту. И всё бы ничего, но итог серии будет таким, что «страшненькая» отличница действительно просто перестанет обращать внимание.

Она встретит красивую взрослую женщину, которая успо-

коит её очередную истерику рассказами о том, что и она в таком возрасте отлично училась и была страшенькой, а когда выросла – превратилась в красавицу.

Откровение успокаивает нашу «дурнушку».

И, всё. Поучительный момент этой серии – просто забей, может, в будущем сможешь вписаться под стандарты красоты, но гарантий нет.

Никто не додумался дать героине сериала более логичную и правильную идею об относительности понятия красоты, чьи стандарты всё время скачут из века в век. А если быть совсем честным, то красоты просто не существует!

Взглянув трезвыми глазами на человека без инстинктивных подоплёк, химических и социально нездоровых тяг, можно увидеть просто биологическую машину, выполняющую роль защиты мозга для его служения микробам, как временная забегаловка с разными вкусами.

От телевизора меня отвлекает звонок мамы. Не прошло и часа, а она звонит удостовериться, жив ли я? Пытаюсь быстрее закончить разговор, говоря всё, что она хочет услышать. Вешаю трубку.

На рекламе убегаю из родительской комнаты в детскую, чтобы притащить солдатиков и конструктор, заодно захватывая мягкую декоративную подушку. Играть и смотреть телевизор – вдвойне интереснее.

Реклама заканчивается. Новая серия. В какой-то из сцен

эти сестрицы завлекают мои мысли в отстранённое русло. Начинаю ненароком подмечать их красоту. Начинаю с изучения лиц, плавно переходя на талии.

Фантазия зверя улавливает момент, сбивая меня с пути. Вырисовывается образ, как та самая отличница спускает до колен свои брюки, показывая только мне, своему единственному, трусики. Вот разглядывается кудрявый треугольник, как и у Э., только волос чуть больше.

Естество напрягается. Пытаюсь остановиться, переключаясь на игры, которые положены возрасту, но инстинктивную безжалостность не остановить.

Чувствую надвигающуюся неправильность. Во рту собираются жадные слюни. Голодный пёс у хозяйской миски. Рука тянется сама. Ни с чем несравнимое наслаждение. Мне хочется прижаться к отличнице. Решение приходит само. В роли её тела выступает мягкая подушка. Я зажимаю её между ног, начиная интенсивно двигаться.

Глаза пялятся в экран. Мозг пялится на свои фантазии, а тело содрогается, желая, чтобы этот момент длился вечно. Всё кончается быстро, ещё сладостней прежнего. Вместо стыда приходит чувство счастья и свободы.

«Боже, неужели я проведу так целый год?»

Глава вторая

За ширмой беззаботного года осталось много несказанных мелочей и событий, но столь ли велика их роль?

На протяжении редких встреч со своим единственным другом, я исполнял роль слушателя. В отличие от моей, жизнь С. была богата на события.

Каждую субботу он в подробностях рассказывал мне про школу. От неинтересных тем о «скучных уроках», до безумно интригующих рассказов о драках с другими пацанами.

«Причём не понарошку, а в самую что ни есть взаправду» – горделиво подчёркивал приятель.

Больше всего, с особым наслаждением, я слушал редкие истории про конфликты с девочками. Как однажды С. спёр тетрадку у одной отличницы, а та догнала его в коридоре, накинулась сверху, повалив С. на пол рекреации.

Такие мелкие инциденты товарищ всегда пытался проскочить быстрее. Ему явно не было никакого дела до девчонок, наоборот, он ими словно брезговал. Как потом выяснится, подобная черта «неприязни» между полами будет присуща большинству детей. Зато я ужасно завидовал С., который мог вот так запросто соприкоснуться с другим существом, отобрав какую-то там тетрадку. А пока мне оставалось только изредка выживать подробности подобных столкновений,

чтобы после, наедине, пополнять территорию фантазий для будущих сакральных опытов идиом тела.

К работе мама привыкла и, начиная со второй половины года (февраль месяц), перестала названивать на домашний номер каждый час, обойдясь только одним звонком в середине дня.

Сестра исправно училась, после убегая с подружками в неизвестном направлении, иногда заставляя меня врать родителю по телефону, что она пришла и спит. Жизнь шла в новом устоявшемся порядке, где каждый исправно функционировал в своём маленьком мире.

Из важных (для меня) приобретений стал стационарный компьютер, купленный отцом в кредит. В первую очередь, разумеется, он предназначался для достаточно взрослой сестры, которой ПК стал необходимым средством для полноценной учёбы. Но сидеть перед экраном разрешили и мне, купив пару дисков с развивающими играми.

В конце очередного чудесного лета случилось большое событие, когда родители отпустили меня одного за хлебом в магазин. С задачей я справился отлично, правда, пунцовое лицо сопровождало мою тень на протяжении всей миссии.

Взрослая тётя за кассой, выдав хлеб и сдачу, ещё долго умилялась моей взрослости, но я, как истинный воин, вытерпел эти словесные унижения, после чего радостно побежал домой. Коэффициент доверия вырос, благодаря чему я смог снова (хотя бы на мгновение) почувствовать себя не беспо-

мощным ребёнком, а чем-то большим.

Как видишь, читатель, перечисленные вкратце события хоть и были важны для меня тогдашнего, но для основной ветки повествования они не играют роли. Поэтому предлагаю перенестись на первое число сентября, с чего и должна была начаться вторая глава моей рефлексии.

Заранее пройдя задание от учителя на скорость чтения, выучивший алфавит, начальное письмо и счёт до ста; в белой рубашке и чёрных брюках, я отправился с родителями и сестрой на линейку, зная только то, что определили меня в первый класс под буквой «А».

Позже до ушей начнут доходить легенды о чуть ли не ма-сонском заговоре института образования, где буквы определяли интеллектуальный уровень скомпонованной группы. Дети под началом «А» действительно считали себя умнее. Сама мысль о хоть каком-то превосходстве завораживала маленьких неразвитых попутчиков. Бред, разумеется, но не лишенный забавы.

Утро. Жара ещё не вступила в законную силу. Мама с отцом идут рука об руку. Я шагаю сбоку от мамы, держа со стыдом красивый букет цветов для учительницы. Тогда мне казалось чем-то постыдным проявлять излишнюю картинную заботу в отношении другого человека.

Конфеты, цветы, открытки... Все эти атрибуты имели свою контекстную направленность, ассоциируясь с формой

романтизма, а сама форма подразумевала открытость. В этом мире беззащитной розе нельзя без шипов, иначе быть беде.

Сестра шла впереди нас шагов на пять, боясь показаться маленькой девочкой перед лицом случайно встреченных подругек.

С ближайших домов, небольшими паутинками, выползали аналогично наряженные дети со своими взрослыми. Мне думается, было бы очень красиво взглянуть сверху на подобную пляду. Округляясь к высоте птичьего полёта, мы бы походили на неровные сферы жемчуга, рассыпанного по зелёной траве с дорожками, ассоциируемые с расходящимися ветками толстокорого дерева.

Дорога спокойным шагом заняла не более пяти минут. На полпути ушей коснулась праздничная музыка. С каждым шагом громкость возрастала. Всё гуще становились ряды нас, «жемчугов».

Своими букетами мы образовали целую передвижную клумбу. Я задумался: «Зачем одной женщине столько цветов, лишенных источника питания?» Неужели однодневный прилив радости от изобилия стоит того, чтобы на вторые-третьи сутки начать наблюдать затухание жизни, разворачивающееся у тебя на глазах? Мне стало немного грустно, поэтому внимание быстро переключилось на внешнее окружение.

Будучи ребёнком скромным и одичавшим за последний

год, такое скопление тел в одном месте не на шутку испугало. Фигуры всех возрастов раскинулись на выделенном уличном квадрате перед центральным входом в храм знаний.

Моё тревожное состояние начало цепляться за отдельные лица, изучая их на предмет не столько симпатичности, сколько на сравнительный фактор с самим собой. Увидев, наверно, с десятков мальчиков, выглядевших (по моему тогдашнему представлению) не лучше, чем я – немного отпустило.

Не знаю, откуда появилась потребность знать, что есть кто-то, если и не хуже, то хотя бы равный по внешним критериям. Боязнь оказаться «не таким» родилась во мне естественным путём благодаря забытым, но никуда не исчезнувшим фактам. И вот тому доказательство.

Пока мы петляли в поиске сектора, в котором расположились первоклассники группы «А», я заметил несколько ошалелых взглядов старшеклассников на мою искалеченную руку. Не знаю, насколько в тот момент я был объективен, но факт оставался фактом: я так подумал, значит – так оно и есть.

Эти мифические взгляды с помесью лёгкого изумления и непонимания напомнили мне о собственном бремени.

Покрасневший, я крепче прижал левую руку к телу, пряча шишки за выпирающую ширму свободно сидящих брюк. Родители не заметили случившейся перемены. В одиночестве я погрузился в ещё больший дискомфорт.

В гамме общего шума различаю приветливый материнский голос. За ней наступает басовитое приветствие отца. Подняв голову, вижу знакомые черты. Моя первая учительница.

Взволнованно тихо здороваюсь, топорно вручая букет, словно вынужденно возвращаю кому-то долг.

Взрослые смеются.

Девочка, стоящая рядом с Н. (это имя учительницы, которое я запомню не с первого раза) озлобленно ухмыляется моему смущению. Понимаю, что такое нельзя утверждать наверняка, но личное восприятие играет главную роль, в отличие от сокрытой действительности, на которую мало приходится желающих.

Также рядом трётся несколько мальчишек. У одного из них причудливая, в хорошем смысле, внешность. Низкая фигурка, разбавленная чрезмерной бледностью и кукольными деталями лица. Крупные карие глаза, тонкие губы с аналогичным носом, а над всеми этими частями взгромоздились тёмные густые брови.

Парнишка хлопает своими длинными ресницами, особенно на чём не фокусируясь. Надетая белая рубашка ему немного велика. Прагматичные родители купили её явно на вырост.

Остальные мальчишки на фоне такого «ангелочка» кажутся вполне заурядными. Стоит ли их хоть как-то описывать? Если только топорно.

Коренастый и светлый, взгляд наглый. Второй, слева от коренастого, смуглый, чья потерянная улыбка выглядит ослепительной на контрасте. Группа пацанов, стоящих чуть в стороне, уже успели спеться. Среди удушающей толпы они беззаботно стоят, весело толкая друг друга, и даже «бызкующие» рядом родители не могут их утихомирить.

Ещё мне кажется немного удивительным отсутствие знакомых лиц с садика. По идее, как мне рассказывала однажды матушка, дети закрепляются за воспитательными учреждениями по месту жительства. Соответственно, из этого следует вывод, что из огромной группы кто-то, да должен был случайным образом оказаться в моём классе. Но реальность, отнюдь, ещё раз доказывает свою непоколебимую позицию непредсказуемости. И эта реальность даже не то, чтобы кидает кубики, она вообще ничего не делает, представляясь как жертвой чего-то иного, чему пока нет названия. Она приобретает статус «случайной реальности». Такая вот ловушка.

Линейка ужасно затянулась. Утро позади.

На моих новеньких «серьёзных» часах стрелки показывают полдень. Такой замечательный подарок сделали родители в честь моего нового этапа в жизни. Причём покупка вышла спонтанной.

Я не принадлежу к клянчащему классу детей, вечно выдавливающих слёзы ради бесполезных побрякушек. Да. Это одна из моих положительных черт, которой я действительно

горжусь.

Радуйся тому, что имеешь. Самое ценное у человека – его жизнь, всё остальное – детали. Это более сформированная мысль моей мамы, где я посмел добавить слово «детали». На деле же фраза звучит так: «Жизнь человека бесценна».

Во время шатания по рынку в поисках вещей для школы, я залип у прилавка с игрушками, разглядывая всевозможную военную технику.

В мыслях прикидывались возможные игровые манипуляции. Как вражеский танк (возвышающийся над всеми остальными игрушками на прилавке) медленно давит моих солдатиков. И только один боец, тот самый «не такой, как все» героически прорывается к люку для заброса гранаты.

За спиной почувствовалось спокойное дыхание мамы. Она предложила мне выбрать что-нибудь из ассортимента, как подарок. Приятное предложение, вогнавшее детское лицо в краску.

Я почти готов был тыкнуть указательным пальцем на этот танк, чтобы фантазия приобрела фактический характер, но стоп. Можно ли выбирать в подарок артефакт, больше отождествляющий нынешнюю жизнь?

Статус «первоклашки» повис над головой. Должен ли гордый школьник играть в игрушки? Не будет ли значить такая легкомысленная покупка актом пренебрежения своим будущим ради мимолётного веселья? И действительно ли я хочу именно этого? Больше смахивает на привычку. Именно.

Такая... устоявшаяся. Как губительна она!

Привычки. Они подобны стенам, которые мы возводим собственными руками. Они сравнимы с рыболовными крючками. Ты одновременно и рыбак и рыба. Цепляешь себя за ботинок в надежде улова, но со стороны любой скажет: «Ты крутишься подобно волчку!» Образуется дрожащая буква «О». Умные люди смотрят серьёзно на это, качают головой, а ты, как дурак озираешься на них, смеёшься над их глупым выражением, не замечая глупости собственной.

Мама ждёт ответа. Она ждёт решение своего ребёнка: что же он хочет получить? Я с улыбкой киваю ей. Идея действительно отличная, но брать стоит полезную вещь. Мне нужен символ, соответствующий грядущему новому.

Не проходит четверти часа, как палатка, находящаяся чуть южнее (такой вариант направления я подслушал у продавца рыболовных снастей, который объяснял мужчине, где купить панаму с сеткой) открыла моему детскому взору кучу железяк, так завораживающе переливающихся на солнце. Я подошел к торговой палатке, обнаружив огромное количество наручных часов.

Сразу вспомнилось, как совсем недавно мама брала меня в торговый центр, где мы выбирали подарок отцу на день рождения. Мама купила своему единственному и неповторимому отличные капитанские часы. Она сказала: «Солидно и со вкусом. Часы – это то, что нужно мужчине». Мужчине...

Я маленький, но мужчина, да ещё и серьёзный. Нужно

срочно добавить солидности. Ко всему прочему, наручные часы действительно выглядели потрясающе. Теперь осталось только определиться с дизайном.

Недолго мешкая, заметил металлический ремешок, на котором чудеснейшим образом отливал насыщенно-синий циферблат. Я показал свой выбор отцу и маме. Цена оказалась более чем приемлемая. Отец расплатился с продавцом. Я получил свой первый взрослый подарок, который теперь красовался на правой руке, ловя солнечные лучи под новым углом.

Мужской голос с неразборчивой дикцией прерывает воспоминания, возвращая в удушающую жару и бессистемный гомон толпы. Напутственные (по идее) слова сливаются в одно большое «бу-бу».

Вещает директор школы. Его неразборчивая речь обуславливается национальной особенностью. По цвету кожи и общим чертам можно сказать, что в нём много восточного. Замечаю краем глаза, как более взрослые дети начали активно перешептываться, косясь на «главного», после чего следовали явные злостные смешки. Мне показалось это забавным, и хоть я сам не придумал ни одной шутки, но вид смеющихся людей автоматом породил собственное шаловливое настроение.

Усталость и злость. Не так представлялся первый день новой главы. Родители начали перешептываться, задаваясь во-

просом о нужности такого затянутого начала.

Наконец, настаёт второй ознакомительный этап. Стадо детей переукомплектовывается в великий марш. Сначала группировались классами, а после, уже индивидуально подбирался партнёр, с которым можно было рука об руку прилежно следовать за учителем. Мой класс не стал исключением.

Когда встаёт вопрос: «Кого же взять себе в пару?» – долго не раздумываю. Беру влажную ладошку парнишки с кукольной внешностью. Он смущается, но руку не одёргивает. Его и моя мама начинают умиляться, называя своих детей прелестными созданиями. Отец смеётся, берёт в руки фотоаппарат, предлагая сфотографировать нас, но злой я быстро вклинивается в общую толпу, направляясь, наконец, подальше от разъярённого солнца.

Подъём по лестнице на третий этаж. Нужная рекреация находится по левую руку. Кабинет «301». Здесь я читал отрывок сказки на время. Вроде всё на своих местах. Точнее на местах количество парт и стульев: пятнадцать на тридцать, не считая учительской зоны. Но вот расположение изменилось. Столы выстроились по периметру в два ряда буквой «п», акцентируя внимание на условной середине со свободным пространством. Аналогичной «вилкой» были расставлены и стулья.

Мой товарищ расположился по левую руку, а справа уместился глуповатый (если судить по выражению лица) парень, которого я подмечал ранее на линейке. Не церемонясь, он

сразу замечает часы на моём правом запястье. Начинает хвалить их внешний вид, допрашивая «Чего, да откуда?»

На первых секундах меня накрывает раздражительной волной. Не хочу отвечать и общаться с этим персонажем, но покорно отвечаю и вежливо поддерживаю беседу. Причём получается сохранить хладнокровный вид, даже когда наглые глазёнки такого утомительного собеседника дотягиваются до моей левой руки.

Его несуразный рот начинает выдавливать жидкие слова удивления с помесью омерзения. Ничего точного не объясняю, пытаюсь перевести тему в другое русло. И к слову, мне это неплохо удаётся. Вопрос о его браслете (аксессуар я подметил намного раньше, оставив его как раз для манёвра) быстро переключает внимание.

Ох уж эти дети среднего класса, как они любят бахвалиться. Само собой, подчёркивая данную особенность с подобным пренебрежением, я как бы заведомо намекаю о полном отсутствии подобных черт у себя.

В первые семь минут происходит откровенная неразбериха. Рты болтают, смеются, знакомятся. В ограниченном пространстве создаётся шум не хуже, чем на улице, хоть народа здесь в разы меньше.

Горстка маленьких озорных тел и относительность восприятия. С прискорбием понимаю невозможность избежать подобного мракобесия. С сегодняшнего дня во мне начала окончательно закрепляться неприязнь к публичным дей-

ствам.

Чтобы хоть как-то отвлечься (поймав неприятного собеседника на паузе), захожу разговор с понравившимся мальчиком.

Его зовут Д.. Он любит играть в свою недавно купленную приставку, иногда выходить на свежий воздух, а ещё он живёт через один дом от моего. Я, в свою очередь, вскользь упоминаю о наличии у себя компьютера, но что больше всего мне нравится бегать во дворе, смешивая несколько привычных игр в одного большого «трансформера». А иногда я просто запрыгиваю на сиденье своего зелёного «байка», мысленно захожу воображаемый мотор, уезжая в неизвестные степи.

На любую фразу Д. нервно хихикает. Несмотря на постоянную улыбку с равной периодичностью, глаза моего нового друга остаются серьёзными. Я сразу замечаю это без какой-либо цели. очередное случайное открытие, которое подвергает в лёгкую эйфорию самолюбования. Не первый «звоночек», проскальзывающий мимо мыслительных ушей.

Ещё мне в Д. очень нравится так рано развитая тактичность. Он старательно пытается не смотреть на мою изуверченную руку, чтобы попросту не смущать. Это очень трогательная деталь, которая окончательно растапливает сердце. Я признал в этом мальчике своего лучшего друга. Такую мгновенную симпатию можно условно обозвать «дружбой с первого взгляда».

Наше интеллигентное (насколько это возможно по отношению к двум детям) воркование прервали самые невоспитанные персонажи на этом празднике «обязательного порабощения системой». Речь, разумеется, о родителях, совсем отбившихся от собственных внутренних рук.

Басистые голоса заглушили детский гомон. Каждый взрослый пытался дозваться до своего чада. Среди прочих были и мои родители. Мама неистово кричала, чтобы сынок улыбнулся отцу в объектив, и что они будут ждать меня на первом этаже.

Такое поведение дало мне приличную порцию стыдливой озлобленности. Лицо моментально раскалилось. Воображаемая спичка ударилась о полоску красного фосфора. В такой стрессовой ситуации не придумалось ничего лучше, кроме как с грозным видом начать показывать своим родителям кулак, мотая им из стороны в сторону, уподобляясь маятнику.

Секундой позже возникло чувство страха за подобную дерзость. Ещё никогда моё поведение не выходило за рамки возрастной дозволенности. И вот сейчас, подобно бунту, я сделал это, испугавшись самого себя.

Реакция родителей оказалась куда более неожиданной: они безумно рассмеялись, буквально вспыхнув истерикой. Родители других детей, увидев эту сцену, тоже начали смеяться, образуя хор. Я растерялся, став центральной фигурой сосредоточения внимания. Ничего не оставалось другого, как стерпеть.

Наконец учительнице удалось успокоить детей. Взрослых она вытурила за дверь, взявшись за вводную речь для новоиспечённых учеников. А истерический смех родителей ещё долго слышался издали таким несвойственным нервным эхом.

Влюблённость. Невозможность облечь чувства в форму из-за собственного невежества. Навязанные модели. Бунт. Переосмысление. Гибкость слова. И, пожалуй, динамичность.

Это список мифических понятий, чьи значения имеют многопартийность, а также располагают точками пересечения, объясняя колебания в развитии личности, как продукт внутренних переживаний.

Мальчики дёргают девочек за косички для привлечения внимания, тем самым вытаскивая чувства на всеобщее обозрение. В более поздние годы эти же мальчики пытаются заинтересовать противоположный пол зачастую наигранным претенциозным поведением. А ещё позже успешные дяди начинают крутить большими пачками денег перед носом юных дев для завлечения их порочных сердец в свои сети. Для менее удачных особей стремление покрасоваться на пустом месте – остаётся единственно возможным инструментом для достижения аналогичных целей.

Общество потребления сделало из людей жертв навязчивых моделей, где единицы пытаются плыть против течения

сильного потока, выплывая за счёт огромных комбинаций опыта в сфере взаимоотношений, так хитроумно вплетённых в общую кучу попыток переосмыслить бытие.

Семилетний я, по чистой случайности (а может за счёт особенностей внутренней закомплексованности), умудрился с самого начала пропустить этапы «неумелого ухаживания», сосредоточив скудный багаж знаний на созидании добрых чувств к своему другу. Для маленького человека пока нет особой разницы между мальчиком и девочкой. Существуют только искренние чувства без сексуального контекста.

Со стороны моё особое отношение к Д. никак не читалось. Два мальчика сдружились в первый день знакомства. Благо, такие закрепления не очень редки. Всеми известное клише о детях с их некорыстной вечной дружбой, вполне хорошо работает в имеющейся действительности. Ещё не понимая до конца «Зачем?», я нанялся на волонтерской основе англо-хранителем к новому другу.

Первая моя драка, кстати, случилась как раз из-за него. Хулиган по имени Г. нашел забавным начать задирать самого тихого мальчика из класса, за что и поплатился. Несмотря на всю свою внешнюю немощность, я был приятно удивлён, найдя в себе столько скрытой силы.

На этом моя миссия не закончилась. В столовой я отдавал Д. его любимые творожники. Во время физкультуры моему другу доставались лучшие пазы во время игры в баскетбол. Проще говоря, при любой удобной возможности я старался

дать этому человеку всю имеющуюся заботу.

Слово «любовь» появилось в лексиконе позже. Помнится, первой её произнесла девочка по отношению к вышеупомянутому хулигану, когда тот в очередной раз начал задирать самую красивую (понятие красоты тогда носило условный характер) девочку. Её подруга начала крутить языком на повторе: «Влюбился-влюбился. Тили-тили тесто, жених и невеста!»

Сама дразнилка была неприятна в первую очередь из-за той силы, с которой вгоняла «обидчика» в краску, даже такого отпетого хулигана, как Г.. Но суть в другом. Произнесённое впервые публично слово «любовь» как бы автоматически стало понятным всем, войдя в общий обиход.

Тогда я впервые более осознанно сопоставил свои ухаживания с таким сакральным понятием, попытавшись найти точки соприкосновения, где собственный внутренний комфорт остался бы в целостности и сохранности. Хотя никто и не объяснял мне, что любовь мальчика к мальчику – является порицательным элементом так называемого «здорового общества», но внутренняя интуиция (или что-то ещё) сама забила тревогу. Вопрос нужно было решать срочно.

С приростом новой информации мой «клубочный» вопрос начинал потихоньку распутываться. Эдакая мыслительная страница с контурами, куда нужно вставить сам предмет, начала заполняться последними, образуя более-менее

понятную картину происходящего.

Самые отпетые одноклассники поражали знаниями, которые им удавалось собирать из разных слоёв своего окружения. Старшие брат/сестра, друзья постарше или просто случайные прохожие.

Библиотекой «уличных знаний» мог стать абсолютно любой человек, но до меня информация доходила от третьих лиц, которые рьяно желали блеснуть, если не оценками и хорошим поведением, так хотя бы своей осведомлённостью в таких взрослых вопросах.

В один из рядовых дней всплыло понятие «мастурбация», которое пояснило мне, чем же я так тайно увлекался. Правда вот П. (ещё один хулиган) затем употребил слово-синоним, обозначающее те же действия, только звучало оно более вульгарно и резко. От уличного жаргона никуда не деться, считай второй слой народного фольклора, но в данной исповеди я принципиально не буду использовать грязь, так мне присущую в повседневной жизни.

Само слово, резко ворвавшееся в мою жизнь, привнесло несколько своих коррективов. Правда, не столько самостоятельных, сколько разбавленных собственными ощущениями.

Во-первых, к большому огорчению, пропала толика романтической тайны, секрета, чем я считал свои дополнительные занятия. С приходом точного слова и распространённости самого действия, пропало наивное неведение, красиво об-

рисовывающее такую обычную вещь. Ушла литературность.

Во-вторых, я столкнулся с дилеммой, где причастность к такому взрослому действию с юного возраста породило во мне два противоположных чувства. Первое «я» почувствовало гордость, понимая, насколько оно умудрилось обогнать одноклассников, занявшись «этим» ещё до первого класса. Второе «я» вернулось к теме стыда, показав неправильность подобных пристрастий.

После этого в наших перешептывающихся разговорах появились зачатки причинно-следственных связей. Элементы любви, мастурбации и, разумеется, секса (тут уже Г. притащил устный слиток познания) оказались тесно связанными вещами, дополняющими друг друга.

Как инь и ян; как белое и чёрное; как день и ночь. Три озвученных элемента являлись самостоятельными понятиями, но в то же время они не могли существовать друг без друга. К такому сложному выводу я пришел самостоятельно, провалявшись в думах не одну ночь. Каждый человек является невольным изобретателем колеса в то время, когда оно уже давно изобретено, и от этого никуда не деться.

Девочка полюбила мальчика. Мальчик полюбил девочку. До знакомства они занимались мастурбацией, но, когда их связала любовь, они начали заниматься сексом, чтобы стать мамой и папой. Такая вот незамысловатая формула.

Такие знания позволили мне немного успокоиться. Хоть у меня и были большие чувства к Д., но отсутствовало ка-

кое-либо желание видеть его в своих эротических фантазиях. Подобно самым преданным учёным, я искренне пытался представить своего друга, но привычное желание и слюноотделение отсутствовали. Получалось, что моя чувственная зона находилась в приблизительном радиусе допустимых обществом норм, за которые мне не стоит испытывать стыд и смущение.

Однажды, по чистому совпадению, я услышал из телевизора связку «платоническая любовь». Прозвучала эта фраза от актрисы, дававшей интервью для шоу, посвящённому сплетням о личной жизни знаменитостей. Такие передачи я обычно не смотрел, но в тот раз матушка вычёсывала отмершие кусочки кожи у меня на голове. Перхоть – очень досадная неприятность для кого угодно. Со «снегом» на голове да на публику – кошмар!

«Платоническая» – прозвучало вполне умно и безобидно. Не упуская шанса, я спросил у мамы, что это за слово? Именно так я сформулировал свой вопрос, не употребив слово «любовь» для более надёжной конспирации.

«Понимаешь, сынок, платоническая любовь, – родитель использовал именно связку, поэтому я сразу смекнул всю неразрывность слов, – это, допустим, когда ты любишь друга. Ты его ценишь, вы лучшие друзья. И вот получается, что платоническая любовь – это, в первую очередь, положительные чувства дружеского характера».

Какое чудесное совпадение обстоятельств! Стоит ли мне

что-то добавлять, кроме как упомянуть своё полное облегчение? Это самое «платоническое» скинуло груз с плеч, дав самое вразумительное и приличное объяснение моим чувствам.

Только через много лет я набреду на значение слова «платоническая», узнав, что означает оно не любовь к человеку, исключаящую интимную близость, а фактическую неосуществимость, гуляющую только в мечтах. Здесь рождается одно из главных правил жизни: доверяй, но проверяй.

Первый класс промчался, оставив после себя следы зародившихся знаний в маленьких головах и начального опыта коммуникации, которые способствовали бытийной гибкости. Разумеется, отвечать за всех будет неправильно, но лично я старался наблюдать за каждым одноклассником в стремлении поглотить саму суть.

Первоначальная смущённость вместе с отрешённостью быстро улетучились, сформировав в целом дружный коллектив. Это не означает, что каждая единица была в «обойме» общего пистолета, но однонаправленной ненависти к кому-то конкретно или напротив, односторонней любви – не было.

Каждый задира мог спокойно пообщаться с самой прилежной девочкой. «Тростинка» спокойно поддерживала беседу, но более серьёзной дружбы из этого не следовало. И такие здоровые отношения вполне устраивали большую часть

одноклассников.

Как и в любом коллективе, осмысленные отношения образовывались небольшими клочками. Кучка мелких прайдов, в каждом из которых имелся свой предводитель.

Мальчики в этом плане явились в очень интересной роли посредников, всячески стараясь не сближаться ни с одной группой девочек. Мы держались всегда обособленно, больше смеясь и в шутку воюя между собой. Патриархальная такая клоунада. Но эта самая нейтральность позволяла нам быть открытыми к девочкам из любой группы что, к слову, было очень удобно.

Детская дипломатичность. Она особо была полезна при конфликтах между особами из разных кружков.

На группы девочки разбились очень даже систематически, обойдя факторы случайных сплетений. Тогда я это принял за странность. Неужели людям интересно дружить с себе подобными? Но анализируя первый год – пазл сложился.

Считавшие себя красивыми начинали дружить с красивыми. Умные особи тянулись к умным. А девочки «милосердия» чем-то напоминали мальчишеский нейтралитет, но в них чувствовалось не собственное желание, а только вежливая воспитанность, которую внушили им собственные родители.

Полностью избежать конфликтов между группами не представлялось возможным. Выяснение отношений происходило на манер разборок из фильмов, только с окрасом эт-

нических и возрастных особенностей.

Эдакие карапузы. Банда на банду. Что-то гавкают друг на друга; ждут звонка с урока на длинную перемену, чтобы скорее выйти в коридор или ещё лучше: зайти в женский туалет, расставив там все точки раз и навсегда. А затем ещё целую неделю по ушам будут гулять слухи. Шепоток в одно ухо, а ртом уже передаётся услышанное в соседское. И каждая девочка периодически на кого-то, да косилась, ощущая подступ очередного заговора.

Парни, свободные от глубоководных интрижек, иногда занимались тщетной попыткой примирить враждующие стороны.

Каждая предводительница пыталась перетянуть наше мнение на свою сторону. И к слову, некоторые мальчики действительно ломались, отдавая предпочтение той группе, в которой находилась его возлюбленная. Подобный контекст моментально фиксировался в голове. И если сами девочки утверждались в своей правоте после подобных дезертирств со «свободной земли», то мы-то, будущие, кхм, женихи, понимали истинную причину нашего человека потерять нейтралитет.

Будучи на улице, во время прогулок на продлёнке, мы невинно смеялись над таким влюблённым, вызывая в его речах сначала оправдание, а после неубедительных аргументов – обыкновенную мальчишескую ярость.

Несмотря на свою кажущуюся забитость, я хорошо втя-

нулся в коллектив, занимая отнюдь не последнее место. Скорее так: со стороны я был слишком даже адекватен, что у некоторых вызывало лёгкое смущение, но не более.

Разумеется, иногда я дразнил девочек, осуществляя свои хитрые планы по тактильным ощущениям.

Помнится, однажды Л. (так звали девочку, относящуюся к группе «красивых») погналась за мной, когда я в шутку пытался подсунуть в пенал дурашливую записку, в которой начеркал глупый стишок, высмеивающий её длинный нос.

Она погналась за мной, тем самым не понимая, что охотник в данном случае не она, а я – её жертва. Справедливости ради можно сказать так: каждый преследовал свои цели. В любом случае, игра началась.

Набравшись немного опыта, я взял средний темп скорости, позволяя Л. держаться относительно близко. Такая дистанция предавала охотнице мотивации продолжать погоню. Неудивительно, ведь цель так близка!

Следующим этапом был выбор места, где нужно будет «сдаться», театрально выдохнувшись, тем самым плавно перейдя в фазу борьбы. Я рассказываю именно про этот случай по причине стопроцентного попадания в желаемое. Такой удаче не суждено было больше повториться.

Когда я не смог определиться с местом в коридоре, где нам никто бы не помешал (бывало такое, что некоторые одноклассники пытались или спасти меня, перехватив потенциальную жертву, либо просто стремились поучаствовать в

веселье, а это портило мои корыстные цели), то просто забежал в мужской туалет. В нём никого не было. По нужде дети пытались ходить во время занятий, чтобы хоть как-то скоротать утомительное заточение.

В мальчишеский туалет девочки обычно не заходили. Это было чем-то постыдным, поэтому квадрат санузла считался зоной спасения. Туалет понадобился мне для лёгкой передышки. Л. имела достаточно длинные ноги, от чего за один замах затрачивала меньше энергии.

Несмотря на общее порицание, поколебавшись полсекунды, охотница переступила черту, буквально ввалившись за своей жертвой, после повалив меня.

В первую секунду спина почувствовала неприятный холод кафеля. От удивления варианты спасения посыпались в мыслях, превратившись в один неразборчивый снегопад.

Худощавое тело Л. само прижалось к моему вплотную. Она весело засмеялась, внутренне восхищаясь собой, как же ловко смогла решить поставленную задачу. Я лежал опьянённый от счастья. Бедро Л. начало тереться о мои брюки.

Взяв страх под контроль, я решил не упускать удачу. Началась «весёлая» борьба, где мой рот наигранно изображал смех, руки притворялись борцами за свободу, хотя сами только и делали, что лапали девочку за всевозможные части, а таз глупо начал тереться о птичье тело.

Во всём этом акте, преследуемый желанием и похотью, я окончательно потерял реальность. Стало плевать на то, что

птичка чувствует мою эрекцию. Мне даже было всё равно, когда тело затряслось, погружая голову в дымку блаженства.

Лицо Л. покраснелось. Весёлость вроде не ушла, но что-то неловкое появилось в её приятных чертах на смугловатой коже. Мы смотрели друг другу в глаза, в её нутре я прочитал смутную догадку о произошедшем. Я как бы приоткрыл этой девочке свою истинную сущность, которая использовала Л. в корыстных целях ради секундного наслаждения. Но есть ли у неё доказательства? Неважно.

На прощание она говорит: «Больше не сочиняй про меня глупых стишков, ясно?», на что я отвечаю утвердительным кивком, лёжа на полу и смакуя остатки пьянящей дымки.

Эта сцена (воспоминание о глазах Л., о её тонком теле, напоминающее совсем юную лань) ещё долго будет крутиться в мыслях. В своих домашних экспериментах с подушкой я буду использовать прожитый образ, каждый раз снимая с этой девочки весь презируемый покров. Пройдёт время, и это красивое лицо совсем надоеет.

Тогда сцена начнёт воспроизводиться мною уже с другой одноклассницей. И так до тех пор, пока неутолимая блажь не охватит в своём воображении всех девочек, с которыми я учусь. Не важно, толстенькая она или худая; тёмная или светлая; низкая или высокая. Каждая заслуживает заботу. Тело моё и мысли мои устремились вобрать в себя всех. Никто не уйдёт без внимания. Никого я не обижу. Все удостоятся чести быть со мной, как и я удостоюсь чести побывать со всеми.

С развитием сексуальной одержимости (нужно ли говорить о том, что юность не отдаёт себе отчёта, элементарно не понимая складывающихся тенденций и последствий в будущем), маленький я плотно подсел на компьютерные игры, начав посвящать им почти всё свободное время, за теми редкими исключениями, когда мой друг С. или Д. звали проветриться. И если первый был достаточно част и назойлив со звонками, то Д., в виду прогрессивно формирующегося характера тихони, очень редко куда хотел выходить. Чаще так случалось, что его мама насильно заставляла дышать худенького мальчика свежим воздухом, лишая доступа к заветной приставке.

Компаний Д. не любил, как и я. Поэтому каждая наша редкая прогулка имела черты интимности. Разговоры с глазу на глаз уже тогда мне нравились куда больше, чем неконтролируемый весёлый гомон.

Не нужно быть особо наблюдательным (хотя немножко всё же стоит), чтобы заметить перемены в человеке. Общение тет-а-тет в большинстве случаев сопровождается открытостью, заведомо доверительному тону, где каждый является в равной степени и говорящим, и слушающим. Да и, к слову, шутки приобретают уникальные черты, не имеющие ничего общего с декламируемым юмором в большой компании.

Толпа – это всегда конкуренция. Если в компанию затёсываются ещё и девочки (если мы говорим о прайде мальчи-

ков), то уровень маскулинности начинает проявляться уже без желания самих носителей. Это природная психологическая данность, прописывающая конкретное поведение, и мои скромные наблюдения тому самое яркое подтверждение.

Я и сам, бывало, попадался в ловушку такой обывательской подложки, теряя самого себя под гнётом инстинктов, желающих сконцентрировать на себе внимание; желании покрасоваться перед девочкой, а если она улыбнётся твоей придурочности, то начать фантазировать шаблонами о будущей свадьбе, какого цвета будет машина, и как вы умрёте в один день.

Как по мне, попадание сознания на протоптанную дорожку с примесью подчинения устоявшимся традициям – является одной из главных человеческих пошлостей. Мне невдомёк, как новорождённое сознание (ради какого-то выживания) решило так прогнуться, выбрав самый ленивый путь своего существования, а именно: скудное структурирование. Многочисленные модельные ячейки соблазнительны заготовленными ответами, позволяющими лишний раз не думать.

Само нутро толпы – глубинно паразитирующее явление, потворствующее политикам древней и нынешней цивилизации управлять массами. Причём всю массу не нужно ни в чём убеждать. Достаточно подчинить тридцать процентов (так говорят психологи) тех самых смотрящих в бюрократи-

чески расчётливый рот, чьи глаза наполнены самой неподдельной искренностью. А дальше идёт классический механизм саморегуляции.

Законы и внутренние взаимосвязи везде одни. Как расстояние между внутренними уголками глаз равняется длине самого разреза, так и поведение одной трети определяет сущность оставшихся, за редким, разумеется, исключением. Но что нам эти цифры после запятой?

Чередуя компьютерные игры, редкие прогулки и тайные игры, я потихоньку покидал поощрительный социальный круг, сосредотачиваясь на вещах, где люди особо не нужны. Эти три категории жизненного уклада отвечали на все мои запросы, въедаясь с каждым днём глубже в кору потерявшегося рассудка.

Смоделированный спектр эмоций. Диалог. Оргазм. Три столпа не только собственной исключительности, где «моему» с самого начала не пришлось по вкусу лицо общества. Хирургическая точность ощущений, схожих по всем своим чертам с эмпатией, нарисовали явно мрачную картинку, показав на выдуманной сцене театра настоящие лица актёров, играющих сказочных персонажей. Слишком рано сорванные маски без излишних пояснений; образы людоедов, съедающих себя изнутри и прихватывающих (чтобы не было так обидно) близстоящие тела.

Вид дерущихся родителей. Боль от кулаков старшей сестры. Несправедливость на элементарно бытовом уровне, где

кто-то решил, что ему нужнее взять больше; отобрать мой законный кусок, заявив о ненужности такового мне.

На улице страшные спитые лица, просящие мелочь. Унижающиеся изуверы, мечтающие только утолить жажду. Цыганки, пытающиеся увести тебя, сделав слугой или эпитафией чёрного рынка. Кадры со спасательной операцией, где сошедшая с ума старуха отрезает трос пожарника на высоте десятого этажа.

Мгновение, и его тело превратилось в бездыханное кровавое месиво. Изображение заблюрено, но от этого только хуже. Именно. Психика – она такая. Разбитая на квадратики картинка только повышает чувство тревожности.

Ещё один год подошел к концу. Из всех приёмников доносятся новости о террористическом подрыве метро в столице. Затем наступает черед жилых домов, сгорающих по щелчку вместе с людьми. Такие большие печки, застилающие чёрным и едким дымом от искусственности внутреннего убранства.

Всё чаще замечается тенденция к принудительному самопожертвованию. Если в первом классе мы просто сдавали деньги за услуги уборщицы, то теперь приходится сдавать деньги в сомнительные фонды по повышению безопасности. А может мне это снится?

Увеличение информации без подробных пояснений. Непонимание. Иллюзия увеличения быстротечности времени. Тоскливая зима всегда тянется бесконечно долго, как и в

первый раз. Да, та самая зима, которую ты впервые прожил осознанно. И единственным утешением в ней является вкусный стол на Новый год, да коробка с подарками от родителей, старающихся до сих пор ломать перед тобой комедию о добром Дедушке Морозе, приносящем вещи по размеру.

Если вдуматься, то что по-настоящему означают первые годы жизни? Почему они так обречены на случайные сигналы?

Разумеется, зритель может подметить глупость заданного мною вопроса. Мне сразу напомнят: «В первые годы жизни ребёнок познаёт окружение всеми доступными органами чувств. Он привыкает к родителю, да к линолеуму под нежными коленками. Первые годы жизни – это введение». Да. Я согласен. Но мне всё равно этого катастрофически мало.

Существуют ведь дети, умудряющиеся к своим шести годам выучить школьную программу, несколько дополнительных языков. В интервью такие вундеркинды звучат под стать лучшим взрослым. Почему такие «они» не являются обыденностью? Как получается, что в одной семье ребёнок черпает информацию в полном объёме, а у соседей (с той же моделью поведения, сознанием и материальными средствами) развивается посредственность?

Ведь изначально ребёнок невинен не только по причине своей недееспособности, но также он является непогрешимым и для формирования.

Цепочка пополняется звеньями, приплетая законное

утверждение, что многое зависит от родителей. Но тогда вопрос к таковым: что же вы такое, раз не позволяете развиваться своему дитянке? Не помогаете? Или элементарно, не умеете? Тогда зачем было браться?

Разбирая детально взаимосвязи, цепочка начинает быстро разрастаться, показывая банальные следственно-причинные связи. Упрощая (и подводя итоги этой экспрессивной и банальной мысли) цепочку, можно превратить её в подобие матрёшки.

Матрёшка эта расписная. Она улыбается. Она большая и пухленькая. Когда открываешь её – в ней оказывается матрёшка чуть поменьше, но выглядящая один в один. В упрощённой модели появляется чёткое обозначение передачи культурного и социального кода от родителя к чаду. А вот расписывают самую главную матрёшку люди, которые выставляют её на продажу.

Следуя такому простому примеру, я заключаю опустошающую мысль о том, что я никому не нужен, как индивидуальная единица. Я должен стать частью тридцати процентов агитирующих, либо той большей частью, которая поддастся провокации. Либо выбрать путь осуждения и непонимания. Но даже такие редкие личности после смерти становятся заложниками поп-культуры, где их идеи становятся плакатами для продажи трусов и кружек. Кто же я на самом деле?

Плётка резко прокручивается в кинетоскопе. Движение

вперёд уничтожает примитивный аппарат, заменяя его символическим кинопроектором.

Третий класс. Мои волосы потеряли былую светлость, окончательно посерев в угоду окружающей среде. Новая куртка. Чёрные брюки со стрелками. Белая рубашка. Во рту начали преобладать коренные зубы.

Вечно повторяющийся сентябрь. Так можно сказать про любой другой месяц года, но приход осени крепко начал ассоциироваться с лишением наивной свободы. Каждый человек, не только ребёнок или подросток, чувствует быстротечность дорогого ему явления. Так мне представляется, хотя опять же, это чистой воды субъективщина.

Вторая неделя учебного года, а уже приходится ходить в куртке. В прошлом году тёплая погода держалась вплоть до ноября.

Конец учебного дня. Пошел только третий час. Пора двигаться домой. Рядом стоящий С. нервничает. Холодный ветер нещадно лупит по лицу, а я упрямо не отхожу со школьной площадки у центрального входа.

С. попеременно использует в мою сторону то проклятья, то нытьё. Я сто раз объяснял этому замечательному тормозу, что не могу самостоятельно идти домой, так как за мной заходит мама.

Такова постыдная правда. Маменька до сих пор считает, что её девятилетний сын неспособен пройти до дома зигзагом триста метров. Чуть ли не каждый день у нас происходят

скандалы на этой почве. Мои аргументы очевидны:

1. Теперь я и так гуляю на улице один.
2. Идти действительно близко.
3. Очень стыдно перед сверстниками и друзьями.
4. Я действительно уже большой.
5. Что будет дальше?

Мамины контраргументы достаточно причудливы, несмотря на серьёзность самой ситуации. В попытке подчеркнуть эмоциональную хаотичность этого человека, я отказываюсь писать упорядоченно. Лучше постараюсь передать атмосферу: «Тыещёмаленькийпонимаешь? А знаешь? Знаешь? Ты не представляешьсколько плохих людей. Посмотрипосомтри телевизор. Сейчас МАНЬЯКИ разгуливают, ты ведь вон какой забитый! Любой схватит и потащиттыогохочешь? Потерпиещёгодик! Один годик? Я сама видела, как забирают некоторых девочек из твоего класса! Нуичточтотвойдругсам ходит, онагодстаршетебя. Пусть его мама за этим следит» Атыотец неп оддакивайчеготы хочешьвонссестро йходион ажевтожевремя заканчиваетво тивм естеходитетакбезопаснееглав ноеэтобезопасностьиоао мшвьялщваааааааааааааааа!

Каждый раз логика родителя сводит меня с ума, но я продолжаю попытки решить вопрос мирно.

Разумеется, можно поддаться подростковому бунту.

Взять, да прийти домой. Но если мы разминёмся? Что будет, когда мама придёт забирать меня, а я исчез? Есть вещи, которыми я не готов жертвовать. У маменьки будет как минимум удар. Её здоровье и равновесие слишком много для меня значат.

Читаю насмешки в глазах, проходящих мимо одноклассников. В очередной раз С. начинает скулить. Уговариваю его идти без меня. Он долго держался, но вечно такое продолжаться не может.

Остаюсь наедине со своими мыслями. Мама сильно опаздывает, а я, как назло, очень хочу по-маленькому. В школу возвращаться не хочется. Опять же, это связано с развившейся паранойей, что родитель придёт с минуты на минуту, а меня не окажется на оговоренном месте. Пока терпимо.

Сегодня странный день. На втором уроке русского языка одноклассник по имени А. тихо окликнул меня. Учительница как раз объясняла новую тему, с присущим ей старанием выводя на классной доске основные правила грамматических основ в предложениях.

Немного отойдя от темы, тезисно опишу А., чтобы зритель представлял примерный портрет.

Красивый. Смуглый. Из богатой семьи. Уверенный в себе. Танцор. Любимец всех девочек. Душа компании среди нас, пацанов. Отличник. Эдакий символ идеального ребёнка с точки зрения почти любого взрослого.

Единственным недостатком А. (на мой взгляд) явля-

лась чрезмерная настойчивость, которой он иногда утомлял окружающих, но разбавлялась она юмором, поэтому серьёзных претензий ни у кого не возникало.

Возвращаюсь на урок русского языка, как раз в то мгновение, когда А. шепотом окликнул меня. Я сидел с краю третьего ряда за четвёртой партой, а он на втором ряду вровень со мной.

При желании мы могли пожать друг другу руки, так, ради мелкой хохмы; чего шалопаи только не выдумывают дурацкого ради мимолётного эндорфина.

Взгляды наши встретились. Мой – вопросительный. Его – весёлый. Взгляд А. на секунду «маякнул» вниз, как бы указывая путь, куда нужно смотреть. Рефлекторно я последовал предложению, увидев под партой оголённый орган. Сморщенный, не имеющий эрекции, он дрыгался в такт сжимающим его пальцам.

Сидящая рядом одноклассница тихо смеялась с покрасневшим лицом. А я продолжал смотреть, не думая вообще ни о чём. К своему стыду, почувствовалось пьянящее дуновение.

Вовремя спохватившись, я быстро вспомнил о своей маске. Чёрт! Ещё бы немного и могли появиться разговоры о моей странности. Я быстро начал смеяться, полностью имитируя непринуждённую манеру. Раскачивая головой, взгляд плавно отвлёлся. Теперь нужно было поморщиться на манер: «Фу, гадость». Последним штрихом в спектакле стал едкий

комментарий соседу по парте. Тот с любопытством начал высматривать, затем переходя в истеричный хохот.

Второй неприятный случай произошел во дворе, на короткой прогулке, когда А. нашел у забора мёртвого пса. Он собрал всех пацанов. Снова расстегнул ширинку, начав мочиться на труп животного, при этом радости его не было предела.

Коллективная боязнь показаться «занудой» заставила нас смеяться этой отвратительной выходке. Я говорю за остальных ребят, потому как знаю, что они из себя представляют. Несмотря на буйность некоторых персон, даже для них «помочиться на труп» выглядело как минимум неправильным, но мы выдавливали из себя эти дерзкие насмешки. Маленькие сектанты.

Внутри зародилось чувство, словно это я занимался надругательством. Осквернение могилы бродячего существа – дело нехитрое. Акт торжества наглости и глупости.

Помимо классического набора мыслей «адекватного человека» у меня возникает ощущение, которое в подростковом возрасте воплотится в слово «экзистенциальный кризис», но пока этого слова нет – пустота не показывается на глаза, оставаясь падающей тенью моей нежной души.

Эротический контекст органа для деторождения основывается на ассоциациях. После случившегося в классе я задался вопросом, желая понять причины моего организма отреагировать на чужое естество таким образом.

Я знал, дело не в моей возможной (как и у всех людей на планете) предрасположенности к полигамному отношению к плоти. По крайней мере, в контексте возраста и воспитания – это казалось невозможным.

На то время люди, так или иначе, выказывали отвращение к неестественным отношениям. Из всех дворов пестрили только парочки, страстно обжимающиеся, лобзающие друг друга без стыда и совести.

Родители – как ещё одна модель правильного поведения. Истории в книжках: принц влюбился в принцессу и наоборот. Сериалы по телевизору. Фильмы. Вся окружающая культура стала неосознанным примером для подражания, подавляя на корню гипотетическую возможность выбора.

Я не хочу сказать, что нестандартную любовь нужно рекламировать, тыкая её людям в лицо, как пример возможных отношений, но я за справедливую нейтральность.

Женский голос окликает меня. С опозданием в сорок минут иду с провинившейся мамой, которая попросту забыла про своё чадо. Радует только её смех, дарящий хорошее настроение. На мочевой пузырь оказывается большое давление, но я героически держусь, соглашаясь зайти в магазин по пути.

За тарелкой с борщом пытаюсь вернуться к беспокоящему вопросу. Сама мысль, что я могу испытывать священное желание к себе подобному – пугает. Я знаю, похожий вопрос

я рассматривал на примере Д., но в случае с ним, у меня изначально были чувства эмоционального характера, где физическая реакция не фигурировала.

Решено было повторить эксперимент, чтобы убедиться в собственной «чистоте». В отличие от первого раза, тут и не нужно было ничего выдумывать. Картинка прочно отпечата-лась в памяти, и даже имела функцию зацикленного повтора.

Назначив проведение опыта на завтра, я с головой отпра-вился в мир единиц и нулей.

К собственному спокойствию, ничего не вышло. Как толь-ко я начал эксперимент, стало ясно – баста. Механизм иного стыда ворвался в голову, обрубив мой героизм и гипотети-чески возможное желание. Перед глазами стеной встало гру-бое тело, эдакий прямоугольник, пахнувший пóтом.

Но как только физическое действие исключалось, оставляя одно воспоминание – постыдное возбуждение именно от са-мой сцены возвращалось, оставляя меня в полном недоуме-нии. Стимуляция одним лишь только образом, которое тело принимало и отвергало одновременно. Никак иначе – тайна.

Когда ты юн – информации вокруг много, но она удач-но проходит мимо за неумением её распознавать. Соответ-ственно, блоки познания остаются в поле неведения, субъект не подозревает об их существовании, а значит, пребывает в тесном мирке, который доступен на данный момент.

Мне не повезло в том контексте, что я слишком много хо-

тел знать о вещах, о которых люди обычно молчат. Все таинства по итогу окажутся не сокровищем, а упрутся в психологию, повязанную на особенностях вида.

Сейчас я чувствую себя особенным мальчиком. Пока у меня нет знаний – есть только собственная фантазия и попытка подчинить весь мир внутренним границам. Некое подобие причастности к высшему я почувствовал, когда маму начали мучить приступы от образовавшихся камней в почках. Тогда я впервые заговорил с Богом.

Вот у неё очередная агония. Мама испытывает сильнейшую боль. Она ползает на карачках посередине зала, а в уголке я – играю в гонки на снегоходах.

Маме очень плохо. Она стонет, каждый раз отказываясь от скорой помощи. Пройдёт – так пройдёт. Ничего не поделаешь, остаётся жалеть любимого человека в уме, не в силах как-то помочь ему.

В своих мыслях обращаюсь к Богу. Я прошу его устремить внимание на меня, постараться услышать и понять каждое слово, вырывающееся из электрических импульсов в замкнутом головном жиру.

Моё обращение складывается во вполне простую мысль: «Бог, пожалуйста, я не прошу тебя помочь моей маме просто так. Я хочу предложить тебе сделку. Давай, если я выиграю подряд три гонки на снегоходах, то ты поможешь этой святой женщине. Она не заслуживает страданий». И после усердных «произношений», я вступаю в пиксельную битву за своего

родителя.

В такие ответственные моменты органы чувств особенно обостряются. Я собираю имеющиеся умения и навыки в один большой луч, способный нанести увесистый удар. Ради мамы я выигрывал на самых сложных трассах и выкручивался из самых сложных ситуаций. Никаких рестартов.

После виртуальных побед маме становилось лучше. Тогда я благодарил Бога за то, что он слышит меня. И ещё долгое время я верил в создателя (точнее будет сказать: верил в устоявшийся шаблонный образ), пока не повзрослел, увидев окружающий мир трезвым взглядом неполноценного человека. Но пока этого не произошло – частота свиданий с создателем только увеличивалась.

Мне нравилось думать, что есть общий отец для всех людей. Он необъятный, в белом махровом халате и с бородой, как у Деда Мороза. Его милость и понимание – наша опора в этой беспробудной суете. Большой внеземной символ любви и помощи.

Иногда я начинал с ним диалог в моменты возбуждённости мозга, когда уснуть было тяжело. Тогда внутренний голос здоровался с небесным отцом. Я учтиво интересовался его делами и молчание, которым он одаривал меня, несло в себе и благодарный ответ: «Всё хорошо». Вопросы были разные, и я всегда боялся, что эта великая сущность может утомиться от мальчишки, не знающего слова стоп.

«Привет, Бог. По новостям я слышал про голодающих де-

тей в Африке. Эти несчастные не имеют доступа элементарно к чистой воде. Из их ног проклёвываются длинные мерзкие черви. Они страдают от отёка печени, из-за чего животы их вздуваются, а затем они умирают. Бог, возможно, они не знают языка или просто утратили в тебя веру, но я прошу за них: помоги им преодолеть трудности. Укажи путь к спасению».

«Доброго вечера, Бог. Сегодня мне опять не спится. Возможно, ты задремал на своём троне и не слышишь меня. Тогда пусть мой щебет станет для тебя колыбельной. Знаешь, я начал замечать красоту в каждой девочке. Ещё до недавнего времени (в публичную угодку) я отдавал предпочтения рекламно-красивым телам. Чуть полнее или чуть выше – и всё, начиналось всеобщее высмеивание. Маленькие гиены без достоинства.

Но я начал понимать красоту слова и красоту разнообразия. Мне нравится знать о нём. Видеть необычные формы, и в каждой видеть твой замысел, что формирует слово, а оно – и саму личность. Но как я устал от того, что не могу открыто говорить о своих чувствах. Не могу во всеуслышание сделать комплимент, боясь высмеивания».

Подобные открытия породили во мне устойчивую приверженность к полигамии, повысив спектр эмоциональных ощущений. Во время тайных игр я выбирал уже не просто очередную жертву, а менял лица в процессе, довольствуясь красочными образами смешения.

За обедом, когда со мной никто не разговаривал, я представлял собственный гарем из всех девочек, которых только видел. И каждой я желал подарить самое дорогое, что у меня было – личное время. Но за любым даром скрывается и эгоистичный умысел. Благодаря развивающейся неврастении и помешательству, уже тогда начинала ощущаться собственная фальшивость.

Бессознательное зло и желание использовать – вот что такое добродетель. И в погоне подарить своё время воображаемым телам – я всего лишь хотел отнять достоинство, подчинив каждую личность. Пусть это будет как ещё одно напоминание о патриархальном укладе, который так нагло смог надеть на себя овечью шкуру, пожирая по ночам бедных овец в стаде без разбора.

Не помню, упоминал ли я Балаку, где жили мои бабушка и дедушка по линии матери. Кроме них, в большом частном доме обитало два моих двоюродных брата со своей мамой.

Иногда летом мы выезжали семьей отдохнуть, предоставляя свои уставшие тела широкому морю, а умы свои направляли в логово непринуждённых бесед. Лето в Балаке всегда сопровождалось пьяными вечерами взрослых, невыносимой жарой и боязнью ходить в деревянный туалет. Вдобавок отовсюду, со всех дворов, раздавался весёлый смех, а душистый запах с плодов деревьев опьянял, соблазняя добраться до ближайшей ветки за желанной ягодой.

Много лет я считал это место раем, которое Бог послал мне незаслуженно. Счастье, которое поглощало меня с головой – почти не поддаётся описанию. Это как пытаться понять природу по картинке из учебника по физике или, скажем, слушать про вкус еды, не имея возможности лично попробовать. Но всё же я попытаюсь сделать тезисную зарисовку, чтобы зритель смог понять, что я в итоге потерял.

Четыре билета на поезд в купе. Разговоры с бабушкой в междугородном телефонном пункте, радость в голосе по поводу приезда на том конце. Покупка новых шорт. Покупка новой футболки. Споры: что нужно взять с собой в дорогу? По итогу упаковываются вещи на все сезоны. В коридоре дюжина сумок на четыре человека.

Волнительная неделя до отъезда. Бессонная ночь перед поездом. Лёгкая перепалка утром – мы не успеваем. Перрон, набитый людьми. Неразборчивый голос из динамика. Узкий коридор. Купе. Ближе к вечеру город пропадает с оконных пейзажей. Жареная курица на ужин, варёное яйцо вкрутую, быстро завариваемая лапша, чай. Просьба спать на втором ярусе.

Тихие разговоры людей. Прохлада. Тёплое одеяло. Глубокий сон с ранним подъёмом и так ещё ехать сутки. Меняющаяся картинка за стеклом. Такие разные станции.

Конечная. Объятия дедушки и бабушки. Три часа дороги на автобусе. Вкусный борщ. Много сладкого, сплошное баловство долгожданных внучат. Озорные братья. Море. Солн-

це. Свежая еда с грядок.

Красивая девочка. Влюблённость. Вечера у костра. Шашлыки. Аквапарк. И люди. Близкие. Любимые. Люди.

Мне и сестре всегда пытались дать всё, что только можно. Эта чрезмерная опека, подарки, постоянная материальная подпитка; всеобъемлющая такая нежность, которая потихоньку воспитала нас неспособными в нужный момент расправить крылья и выпрыгнуть из насиженного гнезда.

Зубы человека-зверя не прорезались. Только декоративный оскал запуганного цветка. Та самая роза, которая под натиском страха осталась одинокой. И если в сказке её добились, то в жизни про неё забыли, растоптав.

Я прекрасно понимаю, что развёл немного соплей. Что статус «взрослости» позволяет перегибать историю: «И не таких ломали!» Но как избавиться от чувства утраты?

Впервые я почувствую себя смертным через пять лет, когда умрёт мой дедушка. Затем тётя. А после – бабушка. Но тогда, в описываемый временной отрезок жизни – я ещё счастлив, просто собственное невежество не позволило это прочувствовать в том далёком настоящем.

Сейчас осталось сожаление и скалистая грубость, переплюнувшая желание спрятать голову, окунувшись в сказку собственных грёз. Нервный взгляд под землёй очень ловко замечает чужие скелеты. Да. Все мы там когда-нибудь будем.

Боль человека – оплакивание своего конца. И если большая часть людей так сильно верит в загробную жизнь, тогда

почему они так отчаянно цепляются за своё тело?

Время возвращается на круги своя. Ещё одно лето позади. С каждым учебным годом успеваемость снижалась, а вот словарный запас уличной брани увеличивался.

Одноклассники начали проявлять контекстное влечение друг к другу. Помешательства на «мясе» стали более открытыми, порождая мелкие интрижки.

Десять лет – не особо интересный возраст. Частично это связано с неприятием собственного взрослеющего тела.

Я стал достаточно большим, сполна прочувствовав уродливость изувеченной руки. Я стесняюсь её, постоянно прижимая к телу. Даже купил сумку-почтальонку, чтобы можно было надевать её на левое плечо, используя в качестве ширмы. Так точно никто не видит моей ущербности.

От внешних паводков спасают компьютерные игры. В рации появляются книги, но читаются они не так охотно, как убиваются пиксельные люди на экране. Часы прогулок уменьшаются. Только под родительским давлением, как и мой верный друг Д., я выхожу проветриться, не видя особого резона и дел во враждебном пространстве.

На мой взгляд, выстроенная учебная система плоха не столько материалом, сколько его подачей. Кому понравится совершать монотонные действия из года в год? Есть программа, по которой головы бегут трусцой. Кто споткнулся – того затопчут.

«Для выживания стадо должно бежать» – так говорят учителя. Точнее, так они себя ведут. А понятно это и без слов. Наша школа создана не для знаний. Главная ее цель: быть причиной, по которой взрослые люди получают свои зарплаты.

Это так называемое становление могло оказаться праздником, великим делом, где нас готовили бы к светлому и здоровому будущему.

Многие в тот период размышляли на мой манер. Разумеется, это никакое не откровение и не новая идея, но эта единоголосная наша мысль в будущем окажется общей фатальной ошибкой!

Подобным образованием нас действительно готовили к будущему. Скучному. Монотонному. Вечно спешащему. Несправедливому. Кишащему отморожками. И главное – это не знания и умения, а навыки списать и получить пятёрку.

Забавно смотреть на происходившие механизмы сверху вниз, нагло заглядывая в прошлое. Ширма, за которую я держусь – достаточно толстая, да и непробиваемое стекло не позволит провалиться полностью с головой. Но иногда, когда я смотрю на себя из другого времени, то замечаю и ответный взгляд.

Юный я замечает присутствие чего-то нехорошего. Всё пытается разглядеть лицо, но это за гранью законов времени и материи.

Сейчас я понимаю, что всегда чувствовал присутствие се-

бя из сегодня. Это дуновение будущих тяжб и боли. Всегда что-то не давало полностью расслабиться, словно чужой взгляд сверлил затылок. И вот теперь я по другую изгородь. Теперь я – то самое зло, которое и не зло вовсе, а всего лишь ещё один цикл жизни. Как много мы не знаем, когда это было бы действительно необходимо.

Мне самому не очень нравится, что я так беспардонно посмел разорвать временной пузырь, начав подглядывать за этим юным мальчиком. Нарушил ли я ему будущее? Не думаю.

Доказать, с чего всё началось – достаточно сложно, определённый процент вины имеется, но мы слишком далеко зашли. Надо продолжать до конца, до будущего дня впереди, когда я поставлю последнюю точку в этой истории.

На рубеже одиннадцати лет начинаешь чувствовать себя достаточно взрослым для некоторых вещей. У птенцов проклёвываются голоса. Они начинают небольшими порциями расфасовывать по окружающим свою дерзость – тут только дай повод.

На лицах девочек появляется макияж. Очень часто такая броня выглядит забавно. Будущие женщины пока недостаточно насмотрелись рекламных баннеров, чтобы краситься так, как того требует общество потребления.

Для меня подобные усовершенствования кажутся неприемлемыми. И дело не во внутренней нравственности или же-

лании подмазаться ко всем женщинам своими «анти-мужскими» воззрениями. Просто эти нежные лица действительно были красивы сами по себе, без лишних кричащих декораций.

Дети зачем-то всегда пытаются казаться взрослее. Нездоровая тяга к «горьким» напиткам, глупому выяснению отношений, обязанностям и внешним признакам увядающей красоты.

Прекрасные лица одноклассниц превращаются в маски, нарисованные впопыхах. Слишком яркие оттенки и толстый контур. Некогда индивидуальные мордашки превращаются в одно большое лицо профессиональной плакальщицы, либо измученной вдовы. А гордая улыбка за свою нелепость только добавляет образу лёгкую нотку безумия.

Такие внешние необдуманные реформы остужают мой пыл. Возбуждающие образы завяли, быстро почернев к корням. Только моя память в силах смыть краску, оживив настоящее, но я брезгую, не желая больше марать руки.

За последние месяцы произошло пару неприятных событий.

Уличные мальчишки, с которыми я иногда играл во дворе в баскетбол, росли по своим лекалам. Всё больше они напоминали не ребят моего возраста, а подростков, которые, собственно, и подавали им пример поведения.

В те времена в каждом дворе были свои «старосты», свои мелкие банды и внутренний свод правил. Неизменным объ-

единяющим фактором являлась тяга к насилию. Почти всегда вопросы решались в драках под всеобщий гул свидетелей.

Долгое время мне удавалось избегать конфликтов. Кудрявый мальчуган с искалеченной рукой. Кому может прийти в голову затевать с таким драку? К тому же я всегда надевал маску уличного пацана. Никаких нюнь и лишних размышлений. Поступки по образу и подобию собравшихся беспризорников.

Однажды один из знакомых начал травить парня не из нашей компании, не давая спокойно бросать мяч в кольцо. Худые ручки незнакомца тряслись от негодования, но лицо в очках ничего не могло поделать с крупным хулиганом. В какой-то момент Ж. грубо толкнул парня и тот ударился головой о металлический столб. Все только смеялись. Большая такая свора уличных псов.

Они голодные, закомплексованные дети, которых сильно бьют родители. Они красуются друг перед другом, заменяя в своих умах совершаемую жестокость на картинку из фильмов. Для них это не что-то реальное, а игра. Но умаляет ли это их грехи?

На мою голову накладываются разные звуки и образы. Смех. Сцены насилия. Сигналы недовольных водителей. Неприятный запах от пожилой учительницы. Труп собаки. Воспоминание о ковырянии палкой плоти мёртвой мыши. Кровь. Больничная палата. Ощущение несправедливости.

Гнев.

Без предупреждения кидаю мяч в голову Ж.. Глухой удар приходится точно по виску. Кажется, словно я слышу легкий хруст, от чего начинает разбирать страх: «А не сделал ли я чего-то непоправимого со здоровьем этого детины?» Но Ж. только начинает протяжно кричать, держась за больное место. Смешки стихают.

Мой гнев улетучивается. Остаётся только неконтролируемое волнение. Отступать поздно. Внимание собравшихся прикованы к нам. Ж. не станет спускать это дело на тормоза. Нужно срочно что-то предпринять.

Начинаю объяснять причину своего поступка. Кто-то из толпы ехидно смеётся. Большая вероятность, что это именно тот человек, который минуту назад пожимал тебе руку и вы вместе над чем-то шутили, считая друг друга друзьями; теперь же волчонок ждёт твоего унижения.

Ж. крепко сжимает кулаки начиная наступление. Мне ничего не остаётся, как последовать его примеру. Моя уличная маска храбрится из последних сил. Ты это затеял – доведи дело до конца.

Сначала шансы на победу кажутся неплохими. Соперник достаточно толстоват и неповоротлив. Ещё ни разу в жизни я не бил человека кулаком в лицо. И вот это неприятное событие происходит.

Сильный замах оказывается водой, что встретила со скалами. Удар выходит крайне слабым, хоть и прилетает со-

пернику куда требуется. С ужасом понимаю собственную беспомощность. Страх за собственную жизнь зашкаливает.

Маска держится, но вот-вот готова лопнуть, обнажив истинное лицо «маменькиного сынка». Изнеженное комнатное растение, решившее, что может легко выжить на улице среди зверей.

Ж. наносит медленные, но весомые удары. Не сказать, что мне сильно больно. Удары оппонента скорее равняются внутреннему моральному унижению перед самим собой. В придачу целая толпа свидетелей наблюдает за моим стремительным падением.

Губы дрожат. Ещё немного, – и слезы хлынут рекой, окончательно уничтожив мою репутацию. Единственно верным решением кажется покинуть поле битвы, что я и делаю. С покрасневшим лицом, дрожащими руками, я отталкиваю Ж., после чего просто гневно начинаю шагать в сторону дома.

Псевдодрузья очухались. Они начинают кричать вслед, уговаривая остаться. Всякое бывает, небольшой конфликт. Мои уши отказываются слышать их вздор.

Прохожу мимо того самого парня, за которого заступился. Он оказывается единственным человеком, сохранившим молчание. Создаётся впечатление, что ему вовсе плевать на происходящее.

Моя личная маска окончательно рушится в то самое мгновение, когда толпа шакалов оказывается за спиной. Горькие мальчишеские слёзы обильно текут по щекам, об-

жигая сухие глаза. Стараюсь плакать без конвульсий, и вроде как мне это удаётся.

Из свидетелей того позора со мной никто и никогда больше не поднимет разговора. На следующих выходных я снова выйду во двор. Парни будут также непринуждённо болтать со мной и играть, но вот внутренний осадок останется надолго, отзываясь каждый раз трусостью в дрожащих ногах при виде обидчика.

Вполне наглядный случай, который показал моё истинное лицо, содрав театральную маску притворства. Я не тот, кем хочу казаться. И тогда это было действительно страшным откровением собственной беспомощности перед внешним миром.

Второе неприятное событие случилось через пару дней, когда один из школьных знакомых предложил прогуляться, прихватив своего друга. Тот оказался старше нас на два года.

В таком возрасте два года – достаточно существенная разница, учитывая стремительные социальные скачки параллельно физическому становлению.

В. сразу показался мне приятным парнем, но в его речах сквозило чрезмерное самодовольство. Такое яркое, буквально кричащее о нарочитости использования. В любом случае можно было на время расслабиться, нацепив разбитую маску, склеенную у основания носа и лба. Для этих двоих, не знавших о недавнем инциденте, она выглядела как новая.

С первых минут я подхватил резкий тон, пытаясь вспомнить и рассказать самые смешные и дикие истории, которые приключались со мной. Эта прогулка должна была встать в ряд к остальным, ничем не отличившись своей типичностью. Увы, у В. имелись свои виды на сегодняшний день.

Технологический бум в сфере компьютерных развлечений смог пленить многих, как и меня самого, заставив вечно заниматься поиском денег на новые игры. У нового знакомого денег оказалось предостаточно, поэтому каждую неделю он пополнял свои кассетные полки очередной новинкой.

«Давайте сгоняем в один магазин, он не очень далеко тут».

Друг сразу согласился. Я положительно мотнул головой, хотя внутри проснулся белый заяц. Моя истинная трусливая тушка. Несмотря на свой приличный возраст, мама всё ещё запрещала выходить за границы нашего квартала. Да и любая моя прогулка должна была сопровождаться точными координатами обитания.

В нашем квартале имелся магазин с играми, но В. он не устраивал, слишком маленький ассортимент. Поэтому мы отправились в соседний район.

С каждой минутой волнение нарастало. Новый шаг вбивал в голову гвозди тревоги. Знакомые места становились враждебными из-за отсутствия рядом родителя.

Часть меня, отвечающая за злость, – агрессивовала как на В. (за то, что он втянул меня в преступление), так и на маму (за то, что я должен был чувствовать внутреннее унижение

за свою беспомощность).

Разговоры парней становились в тягость, воспринимаясь теперь постоянным раздражителем. Я попытался отвлечься, начав свой диалог с Богом. Я хотел попросить его только об одном: чтобы со мной ничего не случилось, и чтобы непослушание осталось втайне. Отнюдь, разговора не вышло.

Думается, срыв переговоров произошел от недостатка интимности. Или всевышний не узнал меня под маской, которая так сильно меняла облик, но украшала его для людей извне.

К уже озвученным раздражителям добавилась мания преследования. Начало казаться, словно вот сейчас из-за очередного угла появится отец или мама. Тогда меня публично начнут ругать, после забрав насильно домой. Что со мной будет, если взрослые узнают?

Глаза облизывали каждого прохожего, стараясь не пропустить ни одного. Я должен был точно знать, что среди всех этих незнакомых людей не затесались родные и знакомые. Точно... Ведь есть мамины и папины друзья, прекрасно знающие меня в лицо. И если шанс встретить родителей равнялся процентам эдак двадцати, то со знакомыми дела обстояли куда хуже. В памяти выползли воспоминания о многочисленных маминых подругах, живущих территориально где-то поблизости. Они точно расскажут родителю, и тогда жди беды.

Ребята заметили мой растерянный вид. Теперь они смея-

лись: «Ты выглядишь так, будто в штаны наделал» – говорят они мне. Сил ответить что-то в супротив – никаких, разве только постараться выставить позорную правду в свете иронии.

Я озвучиваю переживания, стараясь облагородить личные страхи небрежностью и смехом. Выглядит это крайне жалко. Маска окончательно спадает. И теперь, совершенно голый, я иду в магазин за дисками, слушая унижительные шутки в свой адрес. Стоит ли их повторять?

Пока надо мной смеются, вспоминаю бедолаг, над которыми вечно смеялись прочие друзья, а я, не желая быть «не как все», подключался к общему шабашу. Возможно, это и есть возмездие вселенной. А раз так, то я принимаю его стойко, хоть и с покрасневшим лицом, и прижатой к телу рукой.

Больше всего в этом эпизоде меня печалит собственное поведение. Самая жалкая позиция, когда ты начинаешь смеяться со всеми над собой, чувствуя ущемлённую гордость. Другое дело, когда люди просто могут смеяться над собою, тем самым обезоруживая насмехателей. Мой смех и моя покорность стали олицетворением тщедушности.

Если бы меня оставили одного, то слёзы снова перекрыли обзор на внешний мир, оставив наедине с внутренним, но что есть внутренний мир ребёнка?

Это как в сказке про волка и трёх поросят. И дети – те самые поросята. Я не исключение. Мой внутренний мир в лучшем случае оказался соломенным домом, который волк

с лёгкостью сдул, после проглотив беззащитную зверушку.

Череда подобных неудач должна была закалить характер, но Бог и мама учили терпению. Они учили прощать людей, быть уступчивым и скромным. Границы моих интересов и желаний никогда не выходили за границы дозволенности. И теперь, когда реальная жизнь всё чаще давала повода для роста – я прибегал к оцепенению и бездействию, так хорошо развившемуся в организме. Эдакие микробы для переваривания окружения, перерабатывающие фекалии в том месте, где никто не видит. А если приспичило на улице – терпи. Придёт награда. Ты пожнёшь плоды, вот только когда это будет – не ясно.

Просимые блага у всевышнего нужны только в материальном мире. Награда же духа должна прийти в момент, когда не останется материальных нас. Я слишком поздно пришел к подобным заключениям и «лучше поздно, чем никогда» – тут не особо работает.

Мне хотелось бы верить в то, что никогда не поздно узнать что-то новое, а затем этим пользоваться, но увы, у «поздно» есть свои границы, когда действительно может быть хана.

Зачем находить великую любовь на закате? Зачем иметь много денег, если ты неизлечимо болен? Зачем увлекаться чем-то новым, когда ты не успеешь развиться до уровня, чтобы занять желаемую нишу? Зачем всю жизнь не видеть белого света, только чтобы можно было в старости позволить себе то, что тебе уже не надо?

Молодость всегда будет связана с материальным, также как здоровая старость будет тяготиться к духовному. Это физика и жизнь её дающая, доказывающая каждый раз своими законами мою правоту. Или, по крайней мере, правильно взятый курс мышления.

Домой я возвращаюсь с небольшим опозданием. Моего отсутствия никто не заметил.

Май. Шли последние дни перед долгожданным летом. Годовые оценки сформировались, и я благополучно заканчивал четвёртый класс без долгов.

Каждый из учащихся чувствовал на своей голове лучи восставшего солнца, отвлекаясь от последних тем занятий на пение птиц за окном.

Одна из зародившихся традиций класса – обсуждать масштабные планы на лето. Каждый из нас клялся провести беззаботные деньки с умом, но каждый раз, когда наступало это священное время, мы прожигали его на лень и дуракаваляние.

Я с наслаждением представлял, как смогу отдаться стихии прохождения бесконечных игр, питаюсь быстро завариваемой лапшой и ложась спать позже двенадцати. У меня снова появится много времени на свои шалости, гармонично сглаживающие углы несовершенства бытия. Да и нужно ли говорить, что на тот период меня совсем не интересовало будущее, казавшееся таким далёким и почти неисполнимым?

Никто о таком не говорил, но я уверен, в следующем убеждении все мы были едины: неощутимая юность останется с нами навсегда. Никто не предполагал стремительного роста. И даже когда этот рост был виден в прямом смысле, никто не акцентировал на нём, оставаясь привычным ребёнком.

Удивительное чувство незнания. Ты незнаком со многими вещами из реального физического мира. Ты живёшь мелкими потребностями, не заботясь буквально ни о чём. Единственная трагедия, если тебя поругают родители за шалость, но не более. Такая естественная «слепота» грядущего и полная отчуждённость с единственным стремлением получить спектр коротких наслаждений.

Молодые родители полные здоровья. Старшая сестра с проблемами пубертатного периода.

Дети пока не научились проводить параллели. Окружение видится театрализованным шоу, где каждый не связан ни с кем. Взросление сестры – не показатель взросления собственного. Родители бесконечно повторяют: «Единственная твоя обязанность – это учиться». И ты веришь их уловке, не понимая, как они пытаются оградить тебя от неизбежного.

Раздаётся последний звонок с биологии. На дом ничего не задают. Сестра забирает меня, её попросила мама. Сегодня у неё много дел по работе. Плетусь рядом молча.

С С. я больше не вижу. И причина не в том, что мы официально перестали дружить. Просто его семья резко решила

переехать. Мой друг оставил свой новый домашний номер. Правда, когда я набрал его, женский голос в трубке оповестил об ошибке. Такого номера не существует.

Я не знаю, ошибся С. в цифрах нечаянно или нарочно, но нашим отношениям пришел неожиданный конец. Финита.

Иногда я представляю, как он бежит по аналогичным детским площадкам, находит аналогичного меня, после заводя с тенью дружбу, которая когда-то была и у нас: весёлая и крепкая. Здоровая коммуникация не заросших «взрослым жирком» людей.

Созваниваюсь с мамой – классический будничны́й отчёт. Разговор получается коротким по написанному сценарию. Двоек не получал. Никаких собраний не намечается. Ел хорошо. В туалет ходил. С сестрой не ругались. Пойду скоро гулять. До встречи.

Пока заваривается лапша, сестра успевает переодеться и уйти гулять со своими новыми сомнительными друзьями. Уже имелось пару случаев, когда я слышал неприятный разговор между ней и мамой.

От сестры иногда начало нести странными вещами. Мама называет это «перегаром», хотя истинный перегар мне представляется смутно. Единственная аналогия происходит с потухшим костром, хотя на свежем воздухе тот пахнет восхитительно. Получается, за что ругать?

Набираю номер своего друга по баскетболу. Он как раз освободился и готов выйти со мной во двор.

После истории с вылазкой за дисками и неудавшейся дракой, я начал избегать общих компаний под разными неестественными предложениями. И хотя мы часто пересекались, такого близкого общения уже не складывалось. Я воздвиг высокую стену, желая закопать свой стыд путём избавления от свидетелей.

А. заходит за мной через пятнадцать минут. Берём с собой побольше воды. Солнце и активное время препровождения заставляет поглощать много жидкости.

Начинаем разминаться. Каждый прихватил по своему мячу. Так будет меньше грызни, да и просто с двумя мячами веселее. Можно поиграть в пас и, если что – сосредоточиться на одиночных бросках без ожидания своей очереди.

За два с лишним часа мы вдоволь набегались. Солнце потихоньку перестаёт печь, переходя в вечерний режим лёгкого касания.

Я и А. медленно направляемся в сторону дома, обсуждая повседневные мелочи, весело смеясь во всю глотку. Мне нравился мой друг, но его ревность к моим другим знакомым часто пугала.

Бывало, он приходил в гости к незнакомому ему мальчику, только чтобы «вызволить» меня для совместного времяпрепровождения. В такие моменты мои личные желания отключались. А. начинал играть роль доминанта, и я почти без боя подчинялся, хоть и не всегда хотел.

Сегодня был один из тех дней, когда мой друг не напря-

гал меня своей настойчивостью. Наша прогулка подходила к концу. Я хотел было распрощаться, отправившись посмотреть телевизор или залипнуть в игры. Он остановил меня, предложив с минуту поболтать просто так.

На то не было веских причин. Можно было и отказаться, но я остался, приняв такое решение бездумно. Минута разговора – простая вежливость.

На половине предложения А. тишину разорвал ужасный грохот. Никаких сравнений. Такое я слышал впервые. Обычные догадки уступили место пустоте. Только страх проскользнул по кончикам пальцев, моментально увлажнив ладони.

В первое мгновение А. лукаво улыбнулся мне, словно это его проделка, хотя взгляд выражал аналогичное недоумение. Со стороны моего дома повалил серый дым, а ещё через пару секунд полупрозрачная пыль поглотила наши тела.

Мы сразу же побежали посмотреть, что случилось. Тогда страх не был сформирован в логические действия, поэтому юношеский разум действовал наперекор телу.

Нашему взору открылись руины соседнего (от моего) подъезда. Ужасные крики рядом находившихся людей стёрли улыбки с наших ртов, дав сигнал о произошедшей трагедии. А. был ужасно возбужден и, несмотря на свою маску озабоченности, было видно, как он счастлив находиться в эпицентре события.

В скором времени приехала милиция и спасательная бри-

года. Служащие запретили людям входить в свои дома. Я же просто стоял на улице и не знал, как поступить.

Через минут пятнадцать приехала мама. Причём никто ей не сообщал о случившемся. Она услышала флёр вибрации у себя на работе и просто помчалась, предчувствуя случившуюся беду.

Под завалами бетонного козырька лежал труп молодого бизнесмена и его жены, отказавшихся, как потом выяснится, платить «крышу» бандитам, по итогу оказавшись под ней в буквальном смысле.

Паникующая мама с облегчением вздохнула, обнаружив меня в целости и сохранности. Домой она меня не пустила, забрав маяться бездельем у себя на работе.

Произошедшую трагедию она ещё долго будет рассказывать друзьям на разных встречах, каждый раз повторяя: «Я как чувствовала!»

Террористический акт ознаменовал конец учебного года и мой переход из младшей группы в среднее звено.

Глава третья

Лето выдалось странным. Чувство собственного взросления накладывало определённые штампы поведения. Появилось ощущение присутствия внутреннего стержня; такой качественно новой субстанции, начавшей диктовать свои правила вопреки зажатому «я».

Я сам. Я знаю. Отвали. Не указывай мне. Я не ребёнок. Не учи меня жить. Я не агрессивный, просто ты достала. Вы издеваетесь? Бред! Бред! Бред! Меня заиклило на постоянном желании бунта.

Раздражало каждое слово. Принадлежность к семье перешла в статус условного проживания на одной территории. Любой незначительный совет со стороны матери или отца воспринимался резко, рождая волну свежих ссор.

Сейчас думается, только в собственной голове всё выглядело резко и трагично. Вспоминая сцены тех лет, закрадывается ощущение выдуманности. Можно считать успехом, если хотя бы половина из пережитого негатива имела место быть на самом деле. Постоянный репит проблем замылил действительность, но можно ли считать такие выдумки ложью, если я их равно пережил?

Подобный взятый курс поведения выявляет нехорошие черты не только из-за физических изменений в организме

подростка. Он также является следствием ранее пережитых обид и комплексов.

Столько лет взращиваться в земле, играя роль домашнего цветка, а затем резко оголить корни, пустившись трусцой по обжигающему асфальту, где повторяющиеся прикосновения отзываются страданием. Каждый новый ожог – воспоминание стыда. И каждую секунду существования, настоящий «я» остаётся «я» из прошлого, который не хочет молчать. Он желает выговориться.

Посмотри на себя. Посмотри на сверстников и окружение. Забота и ласка так притягательны и прекрасны, вот только мир твой (уже в будущем) поёт совсем другие песни. Сколько ещё будет продолжаться забота и телячья нежность? Кто позаботится о тебе дальше? И если ты комнатное растение, то зачем приходится вылезать из горшка?

Мама всегда говорит об опасностях, а отец ей поддакивает.

За стенами дома нельзя расслабляться. Тебя ждёт много коварств. Тебя может сбить машина. Тебя могут похитить. Ты можешь поскользнуться и удариться. Ты можешь потеряться. У тебя неожиданно может пойти кровь из носа. Погода непредсказуема, за окном бывают ураганы. Сколько пьанных извергов повсюду?

Пространство напичкано снежными королевами, сиренами, морами, пиковыми дамами и чёрными людьми. Нужно быть настороже. Нужно держаться вместе. Нельзя идти од-

ному, ведь тогда контроль предоставится в собственные руки.

«Ты слишком мал» – говорили они. Пока ты не можешь отвечать за свои поступки. Мамочка не переживёт, если с тобой что-то случится. Папочка будет плакать, если наследник его доброй фамилии потеряется в пустыне. Зачем героизировать, если можно быть простым мальчиком. Не таким простым, как мальчишки, которые, словно беспризорники, лазают по мрачным заброшкам, познавая реальную жизнь. А быть простым мальчиком из родительских сказок, во всём слушающимся старших, держащимся за мамин подол, заправляющим старательно рубашку в шорты. Да, такого мальчугана обожают бабушки за нежную кудрявую шевелюру и покладистый характер.

Слова любящих узурпаторов воспринимаются резко. Именно. А чего было ожидать? Залюбленный ребёнок видит не только нежность, но и упущенные возможности. Сторонний наблюдатель, имеющий совсем иные черты личного взросления, скажет: «Так раз понял, то возьми и исправься». А я с горестной ухмылкой пошлю такого умника к чёрту! Нельзя просто взять и стать другим.

Как ошибочно весь этот добродушный и простой народец видит лёгкость в пути исправления. Чужие проблемы постоянно мерещатся мелочью. Даже вон поговорка есть: «Со стороны виднее». Придумана дураками для дураков. Разумеется, правда в том, что со стороны действительно виднее. Но

видеть – не решать. А решать – это уже система упорядоченных поступков.

Личность человека комплексна, её невозможно отделить от самых, казалось бы, абсурдных вещей. Нужда в элементарных потребностях сформировала человека именно таким. Повинность разрушающего прогресса – это стремление к комфортной смерти. Искусство – это вечное оправдание лжи.

Если бы моё первое слово было не «дядя», а, скажем, «дислокация», то даже внешность моя и общие черты имели совсем иной контур. И когда мы говорим о том, что кому-то виднее и решение проблемы очевидно, то вспоминайте фактическую невозможность изменить деталь, ведь тогда декорации нужно будет полностью переделывать.

Истинная природа человеческого наследия – ошибки. Правда вот они являются элементарным ничем, окрашиваясь иллюзией сознания. Легче ли от этого знания? Нет. Можно ли это как-то исправить? Да, но тогда нужно стать не собой. Сколь много в таком действе смысла? Ровно столько, сколько надумала дурная голова.

Оттенки постоянных вопросов, обид и сожалений. Вот что такое человеческий путь. Я говорил и буду говорить: сознание – побочное умение, нарушившее саму суть природы.

В августе, ближе к школьным холодам, товарищ со двора по имени Б. позвал в свой подъезд. Прежде, чем кидать

мяч, он хотел сделать одно важное дело. Не виделись мы весь июль, и предположить, какого рода могли быть так называемые «дела» у этого дальнорюкого парня в грязном подъезде, было сложно.

Лифт доставил меня на четвёртый этаж, где находилась квартира Б.. Сам он пока не показывался из входной двери. Чьи-то шаги эхом разнеслись на полтора этажа выше, намекая внимательности сложить два имеющихся факта.

Топот усиливался. Через несколько секунд показалось серьёзное лицо с толстыми стёклами, делающими глаза комично большими и несуразными. Б. молча кивнул мне, и мы зашагали к пролёту между шестым и пятым этажом.

Не теряя времени, «балу» зашел за цилиндрический фрагмент мусорной трубы, откуда достал пачку сигарет. Ловко выудив одну, Б. с превеликим наслаждением закурил, выпустив обильную струю дыма.

Моя трусливая натура вступила в законную силу. Сколько себя помню – мама скрупулёзно оберегала сыночка от дурных привычек.

«Курить – очень плохо. Понимаешь? Таким занимаются только взрослые, да и то не особо умные. Вот посмотри, я не курю, и твой отец не курит. Мы семья некурящих».

Разумеется, заранее было обговорено о серьёзных у меня проблемах в случае чего. Родители часто отдают предпочтение запугиванию, а не рациональному разговору по душам. И вот результат.

Ребёнок стоит с ребёнком постарше. В его голове гуляет страх самого действия (хотя, казалось бы, курят вообще абсолютно все и везде, но сейчас другое). Такая тесная дружба с человеком, совершающим, по сути, незаконный акт, чем-то сравнима с самим совершением. В голову лезут дополнительные ужасы по поводу возможного обнаружения.

Достаточно выйти одному соседу или соседке, и тогда скандала точно не избежать. Меня заставят связаться с мамой, где взрослый человек будет утверждать, что, мол, вот, ваш ребёнок стоял с другом и курил. Как же вы его так воспитывали? Что, в таком случае, будет стоить моё слово? Какова вероятность торжества правды? Да и есть ли какой-то в этом толк?

Люди склонны к упрощению информации. Даже больше: каждый человек пытается «сжать» сценарный круг до минимума, оставив в поле развернувшихся рассуждений только близкие ему истины.

Дело ведь не только в конкретно описанном случае, а вообще в целом. Проще говоря, эти маленькие, но всё же мирки, постоянно выстраивают коммуникативные стены, стараясь упорядочить окружение под свои возможности, но это только и значит, что правых и виноватых никогда не найти. Никто не хочет выдавать себя.

Пусть твои друзья, близкие люди или просто редкие знакомые говорят: «мы всё понимаем и верим тебе», а на деле создастся ещё большее заблуждение по отношению к соб-

ственной действительности. А даже если они действительно будут поддерживать ту иллюзорную правду, которой придерживаешься ты, – то она всё равно будет отличаться в своей репродуктивной электромассе в голове «читающих».

Никто не скажет: «Табачный дым очень вкусно пахнет». Жженые ветки в костре с примесью резины. Какая-то пленительная горечь. Ум обходит стороной мерзкие моменты, акцентируя внимание на плюсах, а именно: запретности такого удовольствия. Какие ассоциации вызывают сигареты?

Я взрослый. Я здорово смотрюсь с сигаретой в руках. Я харизматичный. Я имею право попробовать. Банальная «запретная конфета» работает на средний ум безотказно.

Несмотря на страх и, казалось бы, неприятный запах – очень хочется прикоснуться к новой тайне. Маленький я заморожено, с нескрываемым возбуждением смотрит на рот Б., пытаясь визуально интерпретировать действие на себя самого. Фантазия рисует собственный образ со стороны. Происходит своеобразное *out-of-body experience*.

Друг замечает моё неадекватное поведение. Он достаёт пачку сигарет из кармана, залихватски открывает её, предлагая и мне подымить.

Начинаю глупо улыбаться. Стоит ли желание описанных рисков? Ребёнок не знает, что родительское «я убью тебя» – не значит ровно ничего, только угрозу. Поэтому, когда я принимаю запретный плод, то автоматически подписываю договор об отказе от всех претензий, если меня действительно

убьют.

Вот он. Ты хотел бунта? Не прошло и двух листов, как ты его получил. По меркам течения самой жизни и описанных событий, прошло чуть больше времени, но и оно не является чем-то блочным и точным. Мысль о бунте не имеет четких углов и форм, а тем более конкретного времени появления. Она тягучая и проявляется на манер плёночных снимков в красной комнате, когда проявитель просто существует вне контекста самого действия.

Неловко закуриваю, сразу же начиная давиться едким дымом. Б. говорит, чтобы я не так сильно затягивался. Нужно по чуть-чуть вдыхать дым в лёгкие, а самое главное – организму нужно время привыкнуть.

Что может быть глупее травли самого себя? Разве только самоограничения во всём всю жизнь непонятно ради чего. Первый опыт курения выдался крайне скверным. Во рту осталось неприятное послевкусие. Сил хватило на шесть затяжек, после чего горящий кончик потушился о стену.

Более опытный друг скомандовал сохранить остатки до следующего раза. Курить – удовольствие не из дешёвых, а достать пачку будучи школяром – предприятие не из простых.

Из побочных эффектов появлялась несанкционированная эрекция, вогнавшая лицо в краску от стыда, но Б. сказал, что поначалу так и должно быть: «Нервная система не привыкла, для неё это большой стимулятор».

Когда сеанс травли был закончен, Б. спрятал пачку за тот же цилиндрический фрагмент мусорной шахты, объяснив это мерой предосторожности. Хранить пачку у себя дома – равняется огромному риску спалиться перед мамой. Мало ли что ей взбредёт поискать у тебя в кармане?

Изображаю перед другом «своего». Крутой парень в теме. А сам затем на последовавшей прогулке думаю о том, как меня будет убивать мама, когда учует зловонный запах. Хуже всего была не мысленная смерть за содеянное, а идея о том, что я могу разочаровать своих родных.

П.С.: в тот вечер никто ничего не почуял и я, в виду безнаказанности и потребности в продолжение бунта, так и решил, во что бы то ни стало пристраститься к дурной привычке, попавшись в нелепую ловушку стереотипов.

Идея вины перед родными – очень заразительна. Опыт, доступный для принятия, сильно ограничен. По данному вопросу над «новой ячейкой» работают бессознательно с полной оперативностью.

Как только ты начинаешь познавать коммуникативные навыки, со всех сторон начинают лить истины, бережно поливая зародыши твоих будущих комплексов.

Родители подарили тебе жизнь, цени её. Ты должен стараться, ведь мы столько сил и денег тратим на твоё воспитание. Не груби старшим, их нужно уважать. Береги себя, как зеница око. Теперь есть тот, кто подаст стакан воды в старо-

сти. Занимайся спортом: в здоровом теле здоровый и дух. Не кури. Не пей. Следи за здоровьем, чтобы как можно дольше пожить. Мы тебя так сильно любим, мама не переживёт, если с тобой что-то случится. И так далее.

Такое тягостное наслоение пугает. Оно образует ловушку для собственных желаний, формируя быт, в котором ты остаешься должником.

Я неоднократно говорил о невозможности ребёнку сформировать чувства в логические предложения, но как раз в нежном возрасте он особенно явно чувствует острые моменты. Чем старше он становится, тем больше теряет «нюх» на собственную действительность. Время стирает контур не только у воспоминаний, сами запахи утрируются в виду систематического своего присутствия.

Возможность жить как того желает ум – наивысшая радость, даже если желания эти зачастую низкие, разрушительные и трагичные в своей кульминации. Зато преисполненный свободой ум будет ликовать каждое мгновение, не обречённый на вечные внутренние монологи о том, как вся жизнь до черты «сейчас» была пустой тратой времени с необдуманными действиями.

Смотря на себя и других людей, могу с полной уверенностью сказать, что подавляющее большинство «нас» являются самыми настоящими мазохистами, в отличие от тех, кого принято порицать за более щадящий фетиш. Физическая боль намного безобиднее в отличие от паразита, засевшего

в самом центре; можно сказать, в человеческом ядре, держащем не только собственную жизнь, но и занимающимся формированием видимого пространства.

Пусть в глазах редких людей я буду занудой. Для более узкой аудитории мои размышления могут и вовсе показаться несуразицей. Но играет ли это столь уж великое значение? Давайте не будем забывать, несмотря на собственную серьёзность, мы живём в мифе, где каждый имеет право вольного прочтения.

Говорить о кандалах и заключении – есть прогресс ума, который, правда, не отменяет невозможности освободиться.

Как по мне, истинная свобода человека как раз заключается в праве не быть или быть на собственных грошовых условиях. Судьба бездомного пьяницы может оказаться куда ценнее для воспевания человеческого духа, если такая судьба была принята осознанно, вопреки возможным «против».

Тяга к курению потихоньку набирала оборот. Тяжело сказать, была ли эта тяга именно привыкания, а не простого «сладкого запретного плода», с которым хотелось почаще соприкоснуться. В любом случае, чуть ли не каждая прогулка заключалась в обязательном ритуале немного подымить.

Даже для Б. достать сигареты было крайне непросто. Несмотря на относительную взрослость, он оставался ребёнком, которому не дашь и шестнадцати.

Решение пришло достаточно быстро, причём сам бы я ни-

когда не догадался. Мой дальнорюкий и немного косоглазый друг предложил искать чужие бычки, выкуренные не до конца.

Детская брезгливость в целом не особо развита, в отличие от желания получить нужное в ту же секунду. Немного посмеявшись над предложением, я присоединился к поиску и был таков.

Первым делом мы всегда осматривали подъезд Б.. У него было много курящих соседей, которые не особо придерживались этикета выкидывать за собой мусор в положенное на то место. Поэтому один-два бычка с четвертушкой почти всегда можно было найти.

Курить чужую сигарету неприятно в основном из-за застоявшегося запаха табака. Если новая при горении пахла едкостью, то чужая кислятина отдавала сыростью. Проблему гигиены Б. решал тоже вполне оригинально и просто. Перед тем как брать чужой бычок в рот, предварительно огнём опалился фильтр, дезинфицируя продукт.

Публика в разных слоях противоречиво реагирует на одну и ту же информацию. Если курение было чем-то забавным и интересным в кругу уличных беспризорников, то в школе пропаганда среди сверстников была однозначно настроена негативно.

Помнится, главный двоечник из нашего класса обладал очень выразительными пухлыми губами. Как-то так получи-

лось, что неприязнь со стороны учителя к «лодырю» переросла во всеобщий негатив и, в каком-то смысле, травлю.

При любом удобном случае подростки одноклассники пытались оскорбить непоседливого мальчишку, который просто искал общения, и единственно возможным способом заслужить внимание со стороны считал вызов гнева отвратительным поведением. Кого-то напоминает, не правда ли?

Однажды его желание кидаться грязными снежками довело мальчика по имени В. (отличника и спортсмена) до бешенства, он начал покрывать Г. мерзкими словами. Одной из тем развернувшегося представления стала «отвисшая нижняя губа». В. утверждал, будто губы так отвисают у тех, кто курит и, что выглядит это отвратительно. Г. никак не пытался оправдываться, повторяя только «Ага, конечно б...»

Общий тон презрения к курящим немного смушал, поэтому в школе я не распространялся о своём новом увлечении, делая благостный вид разделения общей точки зрения.

Собственный пример в целом показал бесполезность и даже вред делиться с кем-то личной информацией. Будь то хобби, мнение о политике, секреты, грязные подробности или религия.

Любая информация становилась оружием в руках тех, кто мог взбунтоваться против личности. Я считаю большой своей ошибкой тот период жизни, когда делился с отдельными знакомыми вещами, которые по идеи они не должны были слышать. По итогу такая «утечка» очень часто выходила бо-

ком. И не всегда слитая информация может навредить «в лоб». Самые болезненные уколы – жалящие по самолюбию ненамеренно.

Помнишь, ты говорил, что пишешь? Как успехи? Ах, ты теперь работаешь на конвейере. Как поживает любовь всей твоей жизни, на которой ты хотел жениться? Да, она изменила тебе с лучшим другом, да и вообще не любовь это была, а так, социальная игра. Ты так был против алкоголя, а теперь стоишь у подъезда, шатаясь. Тебе почти тридцать лет, от тебя разит ужасным перегаром, и ты до сих пор живёшь с родителями. А помнишь, как мы вечером гуляли, клялись в вечной дружбе и считали, что реальность жизни нас не коснётся? Как мы считали себя богами; непробиваемыми титанами, которым и море по щиколотку? Молодость казалась вечной. Не лица, а одна сплошная удачная фотография. Никакой усталости и смерти.

Вот я в пятом классе. Такой же наивный дурак, только с тем отличием, где правда начинает потихоньку ходить рядом. А всё благодаря руке, которая напоминает собственную уязвимость. Маленький я хочет везде и всюду успеть. Нужно попробовать себя в разных ролях. Иначе, боже, как скучно смотреть театр с наличием других актёров. Подсознательная жадность, но не из-за явной потребности, а элементарной нищеты духа.

Хвалёный ребёнок ходит в школу днём, получает удо-

влетворительные оценки. Дома его видят за компьютерными играми, а на улице, под знаком тени, хороший ребёнок совершает сомнительные поступки, чтобы казаться плохим. Слиться с шакалами. Стать одним из них хотя бы на время, чтобы не было так обидно за себя.

Широта выбора и мнимая свобода духа. Именно. Попытка стать чуть взрослее для чего? В чём основная цель опережать события?

Неужели маленький человек думает, что возраст и рост позволят ему стать собой? Превратиться из гусеницы в прекрасную бабочку и тогда... тогда уже будет поздно рвать себе крылья. Хотел – получай. Теперь необходимо летать, а это очень энергозатратно. Да и вообще, знаешь ли ты, куда стоит держать курс?

Попытка ребёнка стать взрослым только и заключается в попытке освободиться от родительской тирании, но так ли она ужасна? Разумеется, это классическая ловушка многоуровневого опыта.

Сегодня тебе десять. Твоя драма заключается в неполученной игрушке, а завтра стучает сорок лет и слёзы польются над упущенными возможностями. В обоих случаях произойдёт подлинная драма.

Как и у многих, у меня не было конкретной цели, я просто старательно пытался почувствовать вкус взрослости. Есть в этой трагедии свой шарм, где социальные устоявшиеся традиции быта заведомо побеждают разум и уникальность, за-

ставляя человека стать тем, кем ему суждено – винтиком системы. И «игра во взрослого» всего лишь естественная глупость на пути к неизбежному.

Незаметно наступившие школьные дни двинулись своим чередом. Появились новые лица учителей, отвечающие за разные дисциплины. Больше у нас не было класса, где можно было бы проводить свободное время. Коридорное кочевание, более резкие нравы, задранные головы вверх и тотальное неповиновение вскружили нам головы.

В конце ноября со мной произошел неприятный эпизод. Лихорадка. Боль со стороны печени, увеличенные лимфатические узлы. Плюс ко всему через неделю дёсна резко опухли, начав ужасно чесаться.

Поначалу маменька списывала моё общее состояние на обыкновенную простуду. Её ребёночек всегда был со слабым здоровьем. Каждый год одна и та же история. Чуть холодает, сразу лезут температурные недельные посиделки перед компьютером вместо школы. Только в этот раз у ребёнка не было сил на свои любимые стрелялки.

Единственное, на что оставались силы – раз в день принимать пищу и отвечать на вопросы кивками. Когда же опухли дёсна, стало понятно, дела обстоят куда серьёзнее.

На дом вызвали врача. По предварительному осмотру грузная женщина в белом халате поставила диагноз «инфекционный мононуклеоз». Заболевание требовало оператив-

ного решения.

Скорая помощь в срочном порядке отвезла меня в лабораторию на сдачу крови. А пока готовились результаты, полумёртвого ребёнка отправили к серьёзному доктору.

Воспоминания об эпизоде остались достаточно скользкими. Меня периодически полностью отключало. Реальность и образы из снов начали сплетаться, не позволяя трезво оценивать ситуацию. Единственное овладевающее чувство: всепоглощающая усталость.

Не было ни голода, ни боли, ни осознания происходящего. Блаженство. Да. Неужели есть маленькая надежда, что именно это чувство овладевает бранным организмом в последние часы своего существования? Если да, то я постиг ещё одну тайну, которую живые люди не должны знать.

Периодически в хаотичные образы врывалось, искорёженное ужасом, лицо мамы, пытавшееся что-то мне донести. А я, не слыша и не понимая, только утвердительно кивал, желая, наконец, провалиться в сон, который унесёт меня далеко, туда, где я мог бы стать кем и чем угодно.

Инфекционный мононуклеоз подтвердился. Как потом рассказали врачи, мне очень повезло. Бронхи, сердце и другие важные органы остались нетронутыми. Слегка увеличенная печень – не приговор.

Из основных симптомов: плохая кровь, сильно сниженный иммунитет и возможность заражать окружающих. Целый месяц мне предстояло провести в инфекционном отде-

лении одному, без возможности куда-либо выйти и с кем-либо пообщаться. Единственной связью с внешним миром стало маленькое окошко на сдвоенном тамбуре личного карцера.

Желание получить личное пространство и самостоятельность сбылось. Палата с шестью койками, ванной, туалетом, телевизором, холодильником и большими окнами на серый город.

Никакого родительского контроля. Никакой школы. Никаких обязанностей. Месяц ограниченной свободы – мечта любого интроверта, страдающего патологической социофобией.

К сожалению, несмотря на любовь к безделью и тяге к уединению, я не мог причислить себя к одичавшему племени героических одиночек. Да и если уж говорить совсем откровенно, доступные зачатки подросткового бунта очень быстро сходят на нет, как только юный ум сталкивается с жестокой реальностью, которая оказывается ему не впору.

Фантазия и действительность часто разнятся в своей механике, по крайней мере, в контексте неопытности конкретного лица.

Ты воротил нос от материнской ласки, но лишившись её, почувствовал потребность в утешении. Слышимые родительские разговоры ты считал надоедливym жужжанием, а теперь их так не хватает за обедом и ужином.

Уметь ценить сразу – великий дар, недоступный человеку.

Есть, разумеется, те, кому под силу объять тайну, но сколько таких? И не считают ли таких умалишенными? У здорового общества, у того самого, да, которого принято считать здоровым, механизм благоговейного восторга происходит только в момент потери. Иначе можно ли почувствовать великую значимость вещей, когда они ещё являются частью повседневного быта?

Я слишком маленький. Для взрослых – очаровательное скромное дитя. Для одноклассников – нейтральная стена без выделяющихся примесей. Для себя – просто машина с набором рецепторов, способная получать наслаждение извне. Для своего скрытого «я» (которое невозможно разглядеть, только отдельные эпизодические моменты спустя кучу лет) – человек, боящийся жизни, желающий остановить время, когда все счастливы, молоды и живы.

Скрытый я хочет заполучить осязаемую фотографию, но невозможность таковой исключает и явную открытость потребности, оставляя привкус печали без поглощающего внимания. Всплывает ли она со временем? Разумеется, иначе человек не становился бы таким несчастным и потеряннным.

В первые дни было слишком плохо, чтобы чем-то заниматься. Сквозь лихорадочные эпизоды помню фигуру в белом. Только она и приходила два раза в день, вкалывая мне болючую дрянь в ягодицы. Сил кричать не было. Из еды на тумбочке стояли перемолотые смеси с трубочкой, которые поглощались в редкие минуты просыпающегося голода.

Возможно, фигура в белом принуждала меня к действиям; принуждала питаться. Уже после, женщина-врач сообщила о моей четырёхдневной агонии. Ничего страшного, но дорогая матушка свалилась бы в обморок, увидев мою окостеневшую фигуру с натянутой бледной кожей. Собственное отражение в зеркале вызвало во мне приступы тошноты, но затем я разглядел красоту, присущую музейным полотнам.

В замызганном квадратном зеркале я увидел своё будущее. Разумеется, это немного громкие слова. Тогда я точно поймал себя на мысли, что собственное лицо приобрело иные черты. словно каждое серьёзное заболевание сопровождается и новым этапом взросления. Бледность и худоба вдруг вскрыли отрезок физического перехода от ребёнка к молодому человеку.

Довольный собой и чуть окрепший, я взялся за исследование апартаментов. Вышеописанного в интерьер почти нечего добавить. Разве только комната личной гигиены представляла из себя довольно странный симбиоз.

За дверью ровно посередине располагалась внушительная чугунная ванная, чьё покрытие частично поглотилось коррозией. Металлический грязный столб с резиновым чёрным шнурком, а на нём восседающая лейка. Никаких штор не было. С левой же стороны расположились две туалетные кабинки.

Судя по количеству коек, здесь потенциально могло находиться одновременно шесть пациентов. А значит, про-

ектировщики прошлых лет считали нормальным оставить на обозрение купающегося человека остальным, кого нужда могла прижать в любой момент. Тогда этот вопрос созрел в голове в более облегчённой интерпретации. Но наблюдая со стороны, куда интереснее попробовать воссоздать возможные причинно-следственные связи.

Одна из более логичных гипотез заключалась в мироощущении того поколения, которое я могу судить только по рассказам седых родителей и родителей их. Взгляд людей, которых воспитывали ячейками более строгого общества, огораживая от своеволия.

Плюсов, разумеется, много. Среди молодёжи и философов очень модно говорить о свободе выбора, возможности вставить личное мнение и делать всё, что вздумается. Такая неоспоримая «как бы истина», не нуждающаяся в софистическом антагонизме.

Но что дала эта идея о свободе? И что мы получили благодаря свободной информации? Взгляните на эту ванную без занавесок. Мог ли человек прошлого толка спокойно отнестись к обнажённому телу?

Я понимаю, подобная идея – чистой воды фарс. Но давайте доведём до абсолюта идею об обществе, отлаженном на манер часового механизма. Миллионы шестерёнок, знающие своё место, предназначение и границы функционирования.

Биологический механизм, не знающий о собственном

предназначении, не видящий тонких связующих паутинок.

Мужчина видит обнажённое женское тело. У него нет сексуальных желаний, потому как мужчина знаком с семейным институтом не понаслышке. У него есть жена, дети и любимая работа. Эта особь никогда не видела эротических журналов. Единственная её сексуальная связь произошла в миссионерской позе для зачатия ребёнка, которого впоследствии назвали В., и теперь дитя воспитывают и любят ровно по уставу.

Такой мужчина не знает, что женщина может сделать очень приятно, взяв его естество в рот. У такого мужчины и в мыслях нет попробовать анальный секс. А ещё он не догадывается о возможности воздействовать на эрогенные зоны разными игрушками. Он не в курсе о сотне существующих поз, групповом сексе, изменах по взаимному согласию и так далее.

Не выдавшая свободы ячейка общества, но свободная от «рекламных нужд», казалось бы, лишённая возможности сдвига, как раз имеет всеми искомую свободу. Ведь такой ячейке неведомы иные формы собственного поведения и самопонимания, как те, которые у него имеются. И разве плохо жить во лжи, если ложь эта формирует субъективную реальность?

Так уж выходит, что здоровое общество может существовать только в рамках выстроенной лжи, подчиняя собственную жизнь упрощённой формуле, а значит, становясь сво-

бодным обществом без выбора. Слово же «здоровое» появляется в тот момент, когда сформированные ячейки перестают конфликтовать в своих единичных значениях. Достаточно очевидная формула, правда, лишенная модного веяния противопоставления в угоду разыгравшемуся эго.

Только представьте, если бы люди получили желаемую свободу, имея тот набор опыта, который у них есть сейчас за плечами. Мгновенно вспыхнувшая агония, конфликты, канибализм и тотальное самоуничтожение. Реклама и паразитическая лжеидея о собственной уникальности уничтожило бы весь строй, ведь за каждой маской полновесной свободы скрывается лицо, жаждущее получить власть.

Власть над деньгами. Власть над близкими. Власть над природой. Власть над собственным здоровьем. Власть над судьбой. Любая избранность рождает скрытую идею о чужом несовершенстве. Занавес.

Гормоны молодого человека диктуют свои правила.

Прошла неделя. Благодаря родителям из развлекательно-го реквизита я разжился журналами о компьютерных играх и книгами.

На койке разум предавался чтению, в туалет же брались журналы. Сколько симпатичных девичьих лиц смотрело на меня. Их продающие позы намекали (на деле же прямо кричали) на сексуальный подтекст, где обнаженность и сопутствующие скверные действия реализовывались фантазией. Унизительный и сладкий порок.

Мастурбация ещё приносила удовольствие, с каждым разом потихоньку превращаясь больше в механическое пристрастие. На очередном заходе, в самый пик оргазма, из меня вышла прозрачная субстанция, загваздав свежую страницу с неп прочитанным текстом.

Первое семяизвержение порождает в уме страх за собственную жизнь, после же появляется ряд вопросов. Разумеется, я много раз слышал от пацанов со школы и со двора про физиологический порядок, только разговоры эти были юмористического и грязного свойства. Что я знаю?

Она белая. Благодаря ей появляются дети. Девушка старшего брата Х. глотает её, причём после следовала приписка, что такое поведение присуще только женскому полу лёгкого поведения. Любопытная нестыковка, к которой я ещё вернусь, если не забуду. А пока в кадре подросток, засевший в туалете инфекционной палаты с заляпанным журналом.

Ситуация, которая в идеале требовала бы разъяснения со стороны знающего человека, но я один. Почему именно сейчас? Где эта липкая штука была раньше? Стоит ли мне заводить девушку? Как правильно это утилизировать? А не опасно ли вот так часто её выплёскивать? И навсегда ли это?

Растерянный, со стороны я выглядел комичнее некуда. Лишенный института сексуального воспитания, дети вроде меня были вынуждены исследовать реальный мир собственными силами.

Напряженный испачканный палец останавливается на

уровне глаз. Да. Мне ввали. Семя мужчины вовсе не белое. Больше похоже на неочищенную жемчужину. Прозрачная и мутная одновременно.

Взрослый мир людей перегружен стереотипами, рекламой, чужим мнением и собственным невежеством. Означает ли это, что и я обязан подчинить свой свободолобивый разум чужим правилам? Ответ: нет, но пока окружение побеждает. Решено не ступать глубже в тёмный лес, оставив некоторые интересующие моменты за ширмой сформировавшихся приличий. Для современного ума семя – это грязная игра, навеянная рынком порнографии. Разумеется, вслух люди будут говорить о репродуктивных функциях, но думать они будут стереотипными образами, потому как весь Мир превратился в попытку продать секс. Но почему не существует третьего ответа?

Мой эякулят – дар, которым я могу воспользоваться по назначению, либо наоборот, как более гуманный создатель, обречь возможную жизнь на небытие. И в таком случае, я поступлю куда благородней, лишив неминуемого страдания нерождённого человека.

Я не добрый и не злой. Хлипкое тело с набором обрывочного опыта. Но также можно рассмотреть в себе черты падшие, где сила притяжения порока оказалась слаще нераскрытых принципов. А если так, то стоит ли винить себя?

Внутренняя растерянность никогда не давала покоя. Желание быть собой, но в то же время постоянная попытка стать

незаметной частью общества, порождающая заводские детали.

Каждый новый день приносит человеку свежую информацию. И как только слух закрепляет её, то и глаза начинают видеть заложенный повсюду код. Чужие правила пачкают и пачкают. А я молчу, не в силах облечь внутреннюю скорбь в чудесное решение. Что же остаётся тем, кто просто хочет быть собой? Только изваять искусную маску, держа лицо под тенью изнанки.

Мой выход из инфекционного отделения встретился достаточно бурно. Мамин ужас от изнеможенного тела сына попеременно сменялся радостным ликованием победы над болезнью. Серьёзных новостей не было, а значит, маленькая жизнь возвращалась в привычное русло.

Порог дома позади. Снова удивительное чувство, словно квартиру заменили на новую. Или не так. Будто всё осталось прежним, зато я стал другим.

Старая информация из памяти переплетается с чувством нового, заставляя засомневаться в реальности происходящего.

Чёрный кот. Рваные обои в спальне. Охристый диван. Розовая лейка в родительской комнате. Кран в ванной. Педантично уложенная плитка. Пожилой холодильник. Соседская собака лает за стеной. Запомнившиеся привычнее детали остались прежними, но долгое отсутствие как бы подтёрло

края. Скопированная реальность. Дублированные границы быта.

Я никогда не стану вчерашним собой. И это чувство новизны исчезнет, заново потерявшись в ежедневном повторении. Наше бесконечное затмение.

Есть редкие моменты пробуждения (не важно, происходят они во сне или в описанной реальности), когда стираются границы, отвечающие за мироощущение. Мы смотрим озадаченным взглядом вокруг себя. Да. Именно так. Мы смотрим, и память наша сопоставляет имеющуюся информацию с настоящим, находя схожие черты на 99,9 %, но при этом чувствуя чуть больше.

Вроде интуиции. Можно только предположить, что она и есть истинный орган восприятия, ушедший на третий план по странным стечениям обстоятельств эволюции, предоставив нам (безумцам) строить коммуникативные связи в искусственной среде, в так называемом сознании. И если это так (а я часто бываю в этом очень уверен), то весь наш Мир действительно попадает под выдуманное нами же слово: иллюзия. Или можно сказать еще точнее: симуляция.

Человек – постоянно зависимая единица. Настоящий помешанный, кому наскочила одна форма своей интерпретации. Тогда он решил выйти из общей системы. Ради чего? Только ради возможности провозгласить свою ветхую машинку местоимением «я».

Поэтому истина и невозможна. Её нельзя сказать слова-

ми. Каждое слово становится обманом и выдумкой. Самое настоящее и правдивое озвучивается тишиной и только ей. Я просто в этом уверен. По этой причине те немногие люди, которые смогли постичь правду – больше не хотят видеть отстроенные города. Не хотят ездить на машинах. И тем более не желают иметь с людьми ничего общего, ибо мы – воплощение того, что принято называть грехом.

Непривычное к зиме тело зябло без нескольких шерстяных одеял. Неокрепший организм маленького человека не должен выходить в мороз, рискуя подхватить серьёзную болезнь.

С превеликой радостью я принял новую форму заключения. Родители под боком. Телевизор. Компьютер. Что нужно подрастающему организму, который пока ни к чему не стремится?

Мои игры претерпели кое-какие изменения, усложнившись естественными выделениями. Меня это никак не расстроило. Просто чисто технически такая деталь привносила определённые трудности. Теперь нельзя было заниматься игрой, находясь в одежде.

Зато уединение в туалете (под молчаливым предлогом естественных нужд) или в ванной позволяли относительно быстро совершать манипуляции, одаривая дурную голову новой волной быстроисчезающей радости. В один из таких заходов случилось страшное открытие. «Место встречи» бы-

ло назначено под горячим душем на вечер. Всё шло по плану. Преображенные и доступные прообразы одноклассниц замельтешили перед мысленным взором, раскрывая их действительную и додуманную красоту. Тогда секреты женского тела и механика были пока недоступны, поэтому картинки сексуального культа складывались в самобытной форме, которую теперь тяжело воспроизвести словами. Эти изображения в голове походили на некое поглаживание формы и самой мысли о непристойности, нежели о самом факте производимого действия.

В порыве страсти правая рука начала совершать резкие конвульсивные движения. Голова под горячей водой полностью потеряла контроль над реальностью, сосредоточившись на блажи. Намёки скорой кончины и пробуждения проклевывались, как неожиданно боль пронзила с головы до ног. Словно что-то сломалось в мгновение ока. Рука инстинктивно пыталась протолкнуться вперёд, но безрезультатно.

Затуманенные глаза увидели достаточно страшную картину. Кожа оказалась натянутой, оголив наружу непонятное месиво.

Пulsирующая, в грязных разводах плоть мучительно ныла. Неужели ничего нельзя будет вернуть назад? И что тогда? Вызывать скорую, зашивать?

Мысли о порванной коже поднимали градус паники, заставляя погружаться в деконструктивные дебри. Осмотрев себя более подробно – крови не обнаружилось.

Время прониклось моей паникой, напоминая о долгом пребывании в ванной с включённой водой, что могло породить у близких лишние вопросы.

Дотронувшись рукой до месива, я испытал новый прилив боли. Девственный фрагмент кожи, рождённый под занавесом наслаждения, совсем не привык к ласкам, воспринимая даже дуновение за остриё ножа. Мысль отмыться отпала самым естественным образом. Теперь я просто пытался вернуться к состоянию «до».

Каждая новая попытка вызывала болезненный приступ. На раз девятый кожа опустилась на привычное место, скрыв на время и боль. Что делать с этим дальше – было пока непонятно.

Описанная сцена неприятна даже на слух. Ещё бы. Мелкий парень, которому никто не объяснил элементарного устройства тела. А теперь я, точнее он (тот мальчик из далёкого прошлого) испытывает огромный стресс.

Можно было обойтись и без таких подробностей, но тогда ни о какой полновесности картины не шло бы и речи. Те ни всегда скрывают детали, которые чаще всего имеют центральное значение для понимания сути.

Выбора не было. Первоначальный страх спрятался, оставив о себе только смутное воспоминание. Проблема же осталась, переключившись, правда, в раздел бытовухи, чем заняла мои мысли. Вполне неудивительная тенденция. Складывающийся педантизм, брезгливость и невозможность смириться

с любой мелочью, которая «лежит не так» – тотчас погружали в раздрай, изрядно выматывая.

На следующий день, приблизительно в аналогичное время, я отправился в душ. Подобно солдату, отстранённо ступающему по бывшему полю битвы, я мужался изо всех сил. «Будет тяжело, – твердит про себя воин, – но я обязательно справлюсь» – думаю я. Да. Будет больно.

Средний напор воды. Умеренная температура. Никаких прелюдий. Остальные части тела подождут. Начинаю добровольную экзекуцию. Снова больно, но уже не так, как вчера. Причина в отсутствии возбуждения.

На этот раз удаётся полностью раскрыться. Часть меня в плохо пахнувшем налёте. Сердцебиение усиливается, лицо краснеет. Дрожащей рукой мылю руку. Сейчас предстоит сделать то, что ещё долго будет отзываться в моих висках неопикуемой болью.

Глубокий вдох. Заложенные уши. Шум воды на фоне. И мыльная рука, приземляющаяся ядерным грибом на пораженное место.

Очищение чаще всего – процесс болезненный. Каждая секунда – молчаливый крик. По щекам текут слёзы. Я продолжаю отмывать смрад с желанием искупить грех собственного невежества.

Это чистой воды опыт. Неподдельный. Искренний. Можно сказать: очередная черта, определяющая грубый переход. «Нужно учиться на чужих ошибках» – говорят взрос-

лые, не делясь этим «чужим». Логичней перефразировать в: «Учись на ошибках родителей», но их жизнь до статуса мама/папа умалчивается. Почему?

Стеснение говорить о естественных вещах? Страх, что ребёнок узнает что-то раньше положенного? Есть в таких опасениях толика смысла, но лучше рискнуть, чем вот так получать не просто опыт с оголённой нервной системой, а в буквальном смысле опыт, ради которого приходится резать себя по-живому. И в чём тогда мудрость своевремения?

Продолжаю тихо плакать, продолжая начатое. К слову, результат оправдывает вложенный труд. Словно мазут, выработанный тизоновыми железами, застоявшаяся слизь не хочет просто так отлипнуть от нежной кожи.

Сцена борьбы продолжается не больше минуты, но какая это была минута – объяснять, думаю, не стоит.

Тёплая вода смывает остатки мыла, оголяя отмытый фрагмент. На этот раз кожа легко поддается, укутывая боль в свои объятия.

Маменька интересуется, почему у меня заплаканный вид, получая заготовленный ответ про попавший в глаза шампунь.

С того случая во мне произошли необратимые изменения, ставшие причиной отказа от устаревших форм своего поклонения. Вынужденно повзрослевший маленький человек отказался от прежних забав, научившись заниматься классическим удовлетворением, но с переменами ушло и что-то ко-

гда-то особенно цепляющее. Некое чувство волшебства и таинства остались позади для того человека, придвинув его на ещё один шаг к систематической жизни обычного подростка.

Последний день Помпеи. Последний день существования «Дома Фавнов». И с каждым годом в сердце и в разум врывались фрагменты бетонных плит, металлических прутьев, выстраивая панельку с тараканами, пьяными лицами и тупоугольным счастьем. Действие ради действия. Добро пожаловать в Мир заводных механизмов.

Правильно ли прерывать повествование одного периода, перескакивая сразу на два года вперёд? Ответ на этот вопрос неоднозначный, где внимательному читателю подобный обрыв покажется элементарным недочётом, а человеку пишущему, переход не понравится исключительно из-за чужой руки, сделавшей этот самый прыжок.

Но ответьте мне вот на какой вопрос: стоит ли пачкать белые листы почём зря, даже если они электронные? Тем более, что дни последующих двух лет оказались небогаты на события.

Мне четырнадцать. Кудрявые локоны с парой седых волос. Неформальный внешний вид. Вызывающие большие «патрули», потершиеся джинсы с застиранным балахоном.

В «почтальонке» пачка сигарет с зажигалкой, блокнот для записей личных мерзостей, которые пока не кажутся игрой. Некоторые из сверстников рассказывают небылицы про то,

как у них был первый секс. И хотя я догадываюсь, что эти лица говорят мне правду, но штамп чужого вранья помогает справиться с собственными неудачами.

На отдалённых (от реальности) частях головного пространства остались следы школы, посещавшийся только ради галочки. Прочие мысли спутались в стометровый клубок, вечно пытающийся затем быстро распутаться, только вот спешность напротив, затягивала узлы сильнее. В будущем такие придётся только резать.

На улице грязь. Немного снега. Замёрзшие коричневые ванны всё никак не хотят уходить. Я стою на общем балконе свечки, дрожащей рукой выводя очередной кривой стих. В пальцах левой руки вместе с блокнотом зажата тлеющая сигарета.

Не так давно мне причудилась собственная судьба, где поэтический профиль неотрывно и любовно смотрел прямо в глаза. Я вдруг поверил, что злой Бог выбрал мне проклятую участь, решив наказать за нежную и трусливую душу.

Также он создал и мерзкую погоду, благодаря которой я смог скрывать собственное уродство, печально думая о тёплых деньках, которые рано или поздно наступят. Тогда придётся бинтовать руку. Каждый год – одно и то же.

Человек, лишенный чувства такта снова вырисовывается в мыслях, представляясь мерзкой, такой естественной субстанцией. Он ничего не знает о Земле, а значит, не догадывается и о себе, как о части. Наши предки смогли создать

для общества необходимые условия для сохранения и продвижения, но цена была высока.

Небесный герой при жизни
был пастухом, но толку-то,

Групповое принуждение к усреднённой судьбе. Разве судьба – это механизм? Однозначно нет. Напротив. Алогичная композиция, не имеющая под собой предпосылок и почвы. И вот тут скрыта подсказка.

Кто-то один из святых, один из главных администраторов, если так можно выразиться, решил дать шанс людям. Раскидал нужную информацию по книге. Внимательно читай, да и только.

если он теперь мёртвый.
Без зависти лишней –
эмоций своих, тварей наших;

Весёлый шум эхом разносится в подъезде на десятом этаже. Я ставлю точку, возвращаясь к своей сегодняшней компании.

Парень семнадцати лет ошивается с такими малолетками, как мои одноклассницы. А я ошиваюсь с ними, потому как алкоголь по-другому не достать.

С. за свои малые годы умудрилась много чего попробо-

вать. Учитывая возраст её парней, интимная жизнь идёт конвейерным путём. Эта девочка успела пристраститься к натуре и колёсам. Её смуглая кожа пока упруга и красива, но даже такой дурень как я понимает – это не навсегда, а употребляемое только ускоряет процесс.

сыновей и дочерей ваших.

Одна случайность, согласная
на всё и смерть несущая,
идущая по пятам.

С. выясняет со своим взрослым гопником отношения. Все мы уже прилично пьяны. Усаживаюсь на лестницу, закуриваю. Вторая одноклассница подходит ко мне слишком близко. Её голова нависает над моею. Чувствую несвежее дыхание. Она просит подкурить. Моя рука неловко чиркает барабан. Выскочившее пламя цепляется за длинные волосы Л.. Девочка взвизгивает. Начинает пахнуть жжеными волосами. Мне страшно, но в тоже время ощущается прилив радости. Покорно отдаюсь смеху.

Жизнь порождает боль.

Сны дарят надежду.

Человек – трусливая вошь.

Л. неистово лапает свой парик, нюхает его, попутно обе-

щая обидчику скорой расплаты. Она угрожает своим взрослым парнем. Звучит не очень правдоподобно, ведь я знаю, меня считают славным безобидным парнем, который и мухи не обидит. Эта Л. точно не станет натравливать на меня своих ухажеров. Злость скоро пройдёт, оставив только очередное забавное воспоминание.

С. и её молодой человек перестают ссориться. Ор подружки куда интереснее. На вопрос: «Что стряслось?» – я только пьяно смеюсь, кивая в сторону обиженной и обожженной.

Как только им становится понятно, в чём беда – гиены начинают смеяться хлеще моего. Попутно С. успокаивает подружку. Именно. Всё будет хорошо, девочка, волосы имеют свойство расти.

Градус спадает. Я натыкаюсь на собственный скрытый умысел в совершении такой пакости, лишь бы не сблизиться с этим пьяным и глупым существом слишком близко.

Субстанция сложных слов,
и липкая дрожь в момент осквернения.

Или мне страшно делать шаг? Наши губы с лёгкостью могли бы соприкоснуться. Сцепиться в агонии ради забавы – частое явление. Но почему подобные игры смущают меня?

Фантазии словно завладели мною. Виртуальная реальность, где имеющаяся чувственность и моя физическая самовлюбленная фигура возвышается над спародированными

женскими телами, не желая видеть их в настоящей, той самой другой скучной реальности.

Одно чудо я потерял – невинность перед знанием. Теперь же встаёт выбор: продолжить падать, разочаровываясь, либо остановиться в прогрессе, оставив всё, как есть.

Темнеет. Собираюсь уходить домой. Отбившаяся от рук Л. залетает одна в грузовой лифт, уезжая на пару этажей вверх. Кнопка «стоп» задерживается. Когда она приезжает назад – в углу кабины блестит лужа её мочи.

С. и гопник смеются. Я же погружаюсь в воспоминания об Э., которая вытворяла подобные трюки без умысла. Низ живота тянет. Мерзость к такому поступку смешивается с неподконтрольным желанием. Теперь я точно знаю, какие фантазии этим вечером не позволят свернуть с колеи зацикленного греха.

Пока спускаемся – пропитываюсь морскими парами. Смотрю на изуродованное косметикой лицо Л., думая о том, как хорошо было бы связать её, периодически причиняя боль, после совершая всякое.

Такие идеи часто преследовали меня в подростковом возрасте. И прежде, чем начать осуждать, предлагаю учесть факт, что в реальной жизни насилие для меня всегда было и будет табу, возведённое в статус невозможного.

Сама мысль совершить насильственные действия в реальной жизни – омерзительна, зато симуляция... эта фантастика, которую мозг может в любой момент воссоздать в дета-

лях, помочь моментально ощутить физический восторг – будоражила меня. Легальная возможность прожить запретное без последствий и жертв.

Это ещё одна причина, почему с каждым годом реальная жизнь теряла какой-либо интерес, придавая доминирующее значение вымыслу. Ведь на листах я мог делать, что захочу и когда захочу. Такой выбор даровал мне новую надежду на свободу.

Чужие тела – запрет. Своё хоть бей –
не хочу, но могу и буду.
Конец эпох. Начало новых.

Природа насилия завораживает. Разумеется, как и любого человека – она пугает меня. Боязнь стать жертвой и очередным некрологом в газетах преследуют думы, заставляя соблюдать мнимую осторожность.

Общество страшится и порицает подобные акты, хотя они являются неотделимыми от нашей сущности. Даже больше: сама природа была рождена в насилии и боли.

Большой взрыв. Тайна зарождения клетки. Деление. Роды. Борьба за выживание. Росток, прорывающийся сквозь твёрдую землю. Нервная система. Кожа. Страх. Внутренний порок и голос. Организм. Естественное гниение. Секунда до смерти. Одиночество.

Нельзя человеку терять маску. Лишиться же внешних ил-

люзий – ещё страшнее. В обоих случаях образуется пропасть. Только если в первом случае маску можно сменить наравне с перчатками, то во втором происходит конец света.

Пока я молод и полон иллюзий. Мне пока не всё равно на то, во сколько вставать. Если это школьные будни, то ранний подъём мучает меня. Если выходные – я благоговейно валяюсь до полудня. Меня всё ещё заботит чужое мнение. Будоражат разные формы тел людей. Я гневаюсь на несправедливость, стараясь по возможности восстановить баланс.

Обделённые и нищие получают от меня карманные деньги, еду и внимание. Иногда приходится играть роль куда более значимую. Горсть несчастных исповедуются мне. Я внимательно их слушаю, посылая мысленное исцеление (или хотя бы избавление) от накопившихся бед. В ночи же, когда уходит солнце, я смотрю в беззвёздное небо, укоризненно ища того, в ком разочаровался.

Я уже рассказывал, как раньше имел диалог с всевышним? Я любил его и уважал. Сколько раз он помогал моей маме, а затем ей и вовсе сделали операцию. Приступов больше нет. Я счастлив. Но, как же остальные люди? После смерти дедушки и тёти я обиделся на создателя, не пожелав мириться с несправедливостью. Это глупо, но что поделать?

Сейчас вновь вернулась мода на отрицание Бога. Моё подростковое сознание решило временно поколебаться. Оно не желает выбирать одну точку зрения, а виной тому недостаток информации и алогичные несостыковки.

У создателя нет логики, как и лица. Я знаю это точно и ответ (опять же) кроется в самих текстах. Просто нужно уметь правильно интерпретировать.

Иногда притворяюсь атеистом. Среди сверстников быть верующим – как минимум странно. Из ртов сорванцов срывается слово «наука». Это раздражает. Но также меня раздражают и те люди, которые находятся в противоположном лагере. Их проблема заключается в попытке поставить мыслительную точку, где халтурщина становится инструментом для заделывания дыр.

Мне четырнадцать, и я нахожусь на перепутье. Многие из вас забыли себя. Скорее ваши «провалы» нарочиты. Люди любят приукрашивать, опуская неудобные детали. Но разве эта ложь стоит того, чтобы собственными руками унижать личное «я»?

Мы так боимся чужого порицания, что официальные галстуки начали выпускать законы, запрещающие публично говорить желаемое. Это проскользнувшее недовольство звучит из будущего.

Сейчас, в 200(?) году, я могу сказать многое, но боюсь. Зато теперь, когда мне нечего стыдиться – говорить уже нельзя. Шахматная доска с одними пешками, где каждая малютка отражается в своих мечтах ферзём.

Мне четырнадцать, и я не понимаю, во что мне верить, и чем мне быть. Сегодня я проклятый поэт, не желающий мириться с несправедливостью. Сейчас я театрально плюю на

сложившуюся мораль и несчастья, потому как они видятся естественными метками.

Смешно, но это правда. Выдумался сам себе избранным мучеником. Такой божий изгнанник. Правда, и у людей с милостивой внешностью и характером часто бывают проблемы похуже моих. Поэтому муравьиную суету можно лаконично заключить в словосочетание «театр и его закулисье».

Я превозношу себя за счёт ущербности. Сплошной стыд и боль. Но втайне я чувствую также наслаждение, позволяющее мне быть не таким, как другие. Разумеется, это грубейшее заблуждение, так тому и быть. Зато это искреннее заблуждение ничем не отличается от истины.

Мне четырнадцать, поэтому времени много – думаю я. Разберёмся.

Она появилась в моей жизни неожиданно. Первая любовь – как принято это называть. В моём же случае – возможность поэкспериментировать.

Собственная театральность всегда казалась убедительным оружием, и по отношению к Н. не было никаких исключений.

Мы познакомились в интернете на каком-то первобытном сайте, тогда только набиравшем популярность. Интенсивная словесность в сочетании с «нос по ветру» привели к завязавшемуся разговору, плавно переросшему в подобие дружбы.

На фотографиях красовалась симпатичная девочка. Тём-

ные волосы, еврейский нос и стройная комплекция тела. Ничего необычного.

Красота всегда видится разными глазами и умом. Я не воспевал в мечтах эту девочку, но периодически фантазировал по поводу нашей встречи, иногда пользуясь небольшими зарисовками для удовлетворения голода. Локацией всегда служил общий подъезд «шахи», ведь даже в собственных фантазиях я не мог представить, как приведу Н. в родительский дом.

Наше общение... эта странная близость... добавляли особый лоск и вкус играм, напоминая о гипотетической возможности сближения. То есть, так выходило, что фантазия оставалась фантазией, но имела перспективы на реальность. Я упивался именно самой идеей, расчётливо сторонясь любого прогресса во взаимоотношениях.

Периодически Н. предлагала встретиться. Просто погулять. Поговорить. Она жаждала живого общения, ведь я представлялся для неё любопытным собеседником.

Как и с «реалистичной фантазией», моя театральная ложь удачно смешивалась с подлинной личностью, выдавая текст, так гипнотизировавший собеседника, выставляя меня (такого оборотня) прекрасным юношей, развитым не по годам.

Я много философствовал, периодически воруя чужие убеждения. Я брал горсть мыслей разных людей, затем сшивая их воедино, создавая своего современного «Прометея». И на это у меня было законное обоснование, позволявшее

спокойно засыпать ночью, не чувствуя себя мошенником: невозможность создать что-то качественно новое.

Гнетущая правда периодически сводила меня с ума (сейчас, собственно, тоже иногда накатывает), как и шиза о бесконечности космоса. Ограничение в творчестве (в широком понимании, разумеется) повергает ум в отчаяние. Стремление разбить кольцо, отрезать змее голову, уничтожив символический уроборос – так и останется несбыточным желанием.

Человеческое несовершенство постоянно крутится вокруг ограниченного числа тем и технических возможностей. С виду нам только кажется, что *homo sapiens* сделал и продолжает делать вроде как невозможные вещи. Такие «осознанные», нетипичные для остальных животных штуки, которые движут цивилизацию царей на путь технократии. Но это далеко не так.

Свет солнца смог найти своё вольное чтение сначала в огне от попавшей в дерево молнии. Затем свет солнца смог стать парафиновой свечой, а сейчас эту роль выполняют лампы. Как только обезьяна взяла в руки камень, почувствовав вес возможностей – запустился неминуемый процесс трансформации. Теперь мы имеем современные винтовки, ножи, истребители, но они всё ещё остаются тем самым камнем. Они выполняют аналогичные функции запугивания, власти, обогащения, доминирования и умерщвления.

Такая конструктивная ветвь присуща абсолютно всему.

Мы можем создавать только копии, дополненные новшествами своего времени, где доступное смысловое нагромождение никогда не будет меняться. Да. Хорошим примером такой процесс можно описать словами одного неизвестного, но великого художника, который однажды сказал мне простую вещь: «В рисунке очень важно чувствовать момент законченности, ведь если отбросить внутренний контроль, можно до бесконечности заниматься уточнением». Так оно и выходит. Мы можем только уточнять уже созданное, развлекаясь в смене декораций, суть будет неизменной.

Человек никогда не сможет представить и выразить то, чего не может существовать в природе. Человек никогда не сможет найти волшебную формулу, которая позволит лишить изобразительное искусство, литературу и музыку эгоистичного самолюбования. Потому как сознание и есть самолюбование, а искусство – один из немногих способов выражения.

Я много пишу этой девочке. Постоянно кормлю её фантастическими завтраками о наших будущих похождениях. С периодичностью в два дня мы находим новые места, куда бы хотели сходить, но планы срываются, ведь я всегда занят. Врать куда проще, чем кажется на первый взгляд, а возможность делать это не лицом к лицу и вовсе избавляет от нужды стараться.

Думается, выстроенная мною тайна только пуше возбуж-

дает интерес Н.. Молодой парень, да ещё поэт. Скрытный и непредсказуемый. Но почему он скрывается, и почему не отпускает? Промежуточное состояние рано или поздно может взбесить кого угодно, но пока время позволяет.

Иногда появляется настроение, тогда я пишу бредятину в стиле того, как моя физическая хворь и эмоциональный груз просто не позволяют сближаться со столь прекрасной особой. Честно-честно.

Я такой плохой и неправильный, вдобавок и калека. Не хочу тянуть тебя за собой. Лучше давай наслаждаться обществом друг друга. Предадимся платонической любви. И пока ты будешь думать, что я сижу в комнате чуть ли не при свечах расписывая красоту, я буду ходить по вонючим подъездам, поглощая любую жидкость, от которой можно пьянеть и рвать.

Открытием того периода стало отчаянное желание женщины (пусть хоть и юной) спасти мужчину. Чем хуже и безнадежнее ты себя описываешь, тем больше вероятности, что особа захочет быть рядом. Ведь она именно та самая единственная, способная спасти тонкую душу миловидного грустного мальчика.

Не стоит придавать слишком весомого значения моему злостному смеху. Просто, когда я вижу брешь даже в самой маленькой детальке – мне становится как-то нездорово весело.

Каждый найденный приём беру на заметку, не стоит раз-

брасываться опытом почём зря. Знаете, такими мошенническими разметками, которые никто не видит.

Быть манипулятором – словно дар свыше. Я не стремился стать им, просто случайности привели меня именно к этому. «Случайности не случайны» – так говорят, но это чистая софистика современных домохозяек, пересмотревших телевизор.

В такие откровения чувствую себя неклишированным злодеем. Скорее лишенным экранного времени и воплощённого в умах людей недовольных второсортностью.

Сам же могу объяснить свою частичную подлость в невозможности ей быть таковой. Говоря о себе «подлый человек» я лишь имею в виду ту подлость, которую могли бы узреть во мне вы. Самому себе же я казался вполне обычным человеком, не изобилующим неоправданным героизмом.

Мои коварные спектакли (которые потихоньку начали сращиваться с настоящим скелетом) гармонично мешались и со многими положительными воспроизводимыми действиями.

Несуразный подросток. Фу. Он пьёт. Он курит. Он извращенец. Он социофоб. Он говорит много гадостей. Он пишет много гадостей! Его мысли часто бывают мерзкими. Но посмотрите, вы только гляньте... Он кормит бездомных животных. Он подаёт мелочь нуждающимся. Он переводит старушек через дорогу, таща их здоровые сумки с одним сломанным колесом. Он любит своих родных и готов сделать ра-

ди них почти невозможное. Он никогда никого не убивал за пределами своих мыслей и не собирается. Он говорит «нет» любому насилию и жаждет его только в мечтах, на белых страницах; больше нигде. Он никогда не приступит к еде, если рядом есть те, кто голодает. И кто же, в конечном счёте, победит?

Стоит ли озвучивать очевидный ответ? Единственный победитель в этой истории – баланс, равноценный, как и дружба между добром и злом. Бог и Дьявол – идеальный баланс, благодаря которому человечество худо-бедно функционирует.

Поэтому, когда люди теряют бдительность, отворачиваются от элементарного в угоду собственному спокойствию, те двое идут в бар, находящийся где-то на границе двух миров, и хорошенько напиваются. Я в этом уверен по двум причинам: коллективная убеждённость смогла воплотить выдумку в реальность, а моя выдумка лишь дополнила маленькую деталь реальности. Не быть ей – значит не быть остальному!

Я рассказываю эти неоформленные идеи Н., которая восторженно пишет: «Я никогда об этом не задумывалась». Да, Н., я тоже. Но вот теперь, когда мой монотеатр устраивает моноконцерты – приходится продумывать много деталей.

Сальвадор Дали говорил, что гением стать легко, нужно только заиграться. И учитывая, сколько автобиографичной лжи писал этот человек, то выбранный мною пусть познания ничем не хуже. В конечном итоге побочная мишура отпадёт,

оставив самое нужное и практичное.

Спустя полгода «глухого» общения, мною овладело страстное желание узнать, какая Н. из себя в реальной жизни. И её человеческие качества в данном случае интересовали меня куда меньше, чем невинное тело под грудой безвкусной одежды.

Вытаскивать на свет собственную личность тогда казалось невозможным. Ведь в таком случае мой латентный вуайеризм мог сойти на нет. Нельзя переступать черту между мыслями и телесностью. По крайней мере сейчас, когда я нашел интересное развлечение. Можно сказать: открыл новый жанр для своего импровизированного театра.

Как итог, было решено попытаться шансы свести Н. со своим знакомым. Сваха из меня ещё та, да и Н. чуть ли не прямым текстом говорила о своей влюбленности именно в мой образ. Не прямым текстом, разумеется, но её чувственное напряжение проходило сквозь экран.

Потенциальный жених казался куда симпатичнее и интереснее меня в жизни. Ко всему прочему он находился в том возрасте, когда мальчишки старались найти себе кого угодно, лишь бы познать тайны женского очарования.

Немного отходя от темы.

Создаётся впечатление, словно только в этой стране люди постоянно спешат жить, пытаясь закрыть мыслимые и немыслимые гештальты. Но прежде, чем их закрывать, еди-

ницы и нули, образующие свою видимую личину, уверенно обрастают быстрыми недосказанностями. Проще говоря, в попытках вобрать в себя самое лучшее от культуры (в кавычках), мои соотечественники создают только вопросы, которые не так просто закрыть налету. Сам же груз, будь то неудачная любовь или нереализованная деятельность, только и делает, что накапливается. Психика не резиновая. Стоит не забывать об этом.

Т. ожидаемо быстро купился на уговоры. Да, дружище, Н. именно та самая жертва, которая тебе нужна. Учитывая моё частичное влияние, уговорить «подружиться» не кажется совсем уж плохой идеей.

Самой Н. я плету чушь о бездумной влюблённости моего знакомого в её очаровательный образ с фотографий.

«А благодаря моим рассказам, Т. заведомо без ума и от твоей души. Понимаешь? Стоит ли мне говорить, что встретить человека, который будет ценить не только твоё тело, но и ум – крайне сложно. Просто пойми это, Н...»

Радость и возбуждение. Одна эмоция и один процесс. Так приятно что-то создавать, а рушить скорее ещё приятнее...

«Голубки» начинают общение, только в отличие от меня, Т. быстро берёт девочку в оборот, предлагая погулять. Та соглашается, хоть и с лёгкой заминкой. Доминирование обезоруживает её.

Сам же Т. держится молодцом, попутно осведомляя меня о каждом шаге. Мне приятно такое доверие. Стараюсь под-

держивать отеческий тон (по представлению тех дней и кинообразов), поддакивая там, где это надо, потихоньку вкрапляя свои идеи.

Как же мне нужно раздеть Н. чужими руками! Я жду словесный отчёт со всеми подробностями, правда, пока до этого далеко.

Первые прогулки проходят успешно. Вот Т. рассказывает о первом поцелуе. Вот он делится тем, как трогал Н. за ягодицы.

Моё лицо, как и с самого рождения, мало что выражает, но в мыслях я снимаю кожу со своего товарища. Я буквально вырезаю его лицо, криво фиксируя строительным степлером на себе. И вот уже я целую Н., неловко обхаживая руками её ягодицы, пытаюсь казаться максимально впечатляющим.

Такая фантазия не имела бы такого сексуального подтекста, если бы не мысль о собственной причастности. Как же я упиваюсь собой! Разумеется, сейчас я вижу в собственном поступке элементарную гордыню, сравнимую с болельщиками спортивной команды, которые употребляют связки «мы забили гол», «мы выиграли». Снова приходится возвращаться к теме о желании быть причастным к чему-то большему. Но в этом подростковом фрагменте я хотя бы действительно играл роль нападающего.

Сила воли и странное желание смогли подчинить волю двух людей. Для начала неплохо. Но что будет дальше, когда мне надоест?

Не все моменты в этой истории оказались мне подвластны. В один из дней Т. пришел навестить «затворника». Когда я открыл железную дверь, то с ужасом увидел живую Н.. Она стояла, такая взволнованная, с круглыми глазами, полными невинности. А я, не спуская маски безразличия и хороший тон, съёжился весь внутри, мечтая о том, когда же эта парочка уйдёт.

К слову, несмотря на страхи и опасения по поводу Н., ничего сверхъестественного не произошло. Особенно сильно я упивался поведением этой девочки, наивно полагавшей о моём неведении про закулисье.

Мой товарищ обещал наивному существу конфиденциальность, но подросткам определённно не стоит верить. Зерно гордыни всегда будет перевешивать правильность и честь. По крайней мере, до тех пор, пока будоражащие (сознание) открытия не перейдут в статус бытовой тоски.

Через какое-то время Н. сама поделилась новостью о своих отношениях. Я искренне удивился, поздравив её.

Я был уверен: моя воля смогла подчинить волю Н.. Я думал о собственной силе, не замечая очевидного: эта девочка делала описанные манипуляции не по причине повинования, а по собственному желанию вызвать во мне ревность.

Её неудачная попытка растрясти меня таким «взрослым» способом привела ровно ни к чему. Его величество «глупость» в моём лице остался непоколебимым. Когда до Н. дошла вся тщетность, она рассталась с моим товарищем.

К удивлению, незаметно для себя, я привык к обществу этого создания, и мы даже иногда гуляли вдвоём просто в роли друзей. Как вдруг...

Новое признание.

Она посмела в лицо сказать мне о своих чувствах. «Я люблю тебя» – говорит девочка безразличному мальчику. «С самого начала я хотела быть с тобой» – в продолжение.

Досада и отвращение вспыхивают во мне. По-хорошему стоило бы сказать правду. По крайней мере ту, где я с поднятым забралом признался бы в собственном безразличии, но что же происходит в действительности?

Сидящий внутри дьявол потирает руки. «Такого поворота мы не планировали, будем же действовать по обстоятельствам» – говорит он мне.

Новый план. На что только не пойдёт человек, лишь бы развеять скуку. Моя похоть надевает собственную маску, притворяясь трогательным взглядом. Дрожь от желания обладать выдаётся за вскипающие чувства.

Со всей невинностью я смотрю в тревожные глаза Н., отвожу взгляд так, словно стесняюсь до одури. «Я тоже тебя люблю. Мне страшно, ведь я никогда не целовался» – шепчут мои губы. И последний факт является чистой правдой.

Тронутая признанием Н. тянется своим живым ртом к моему лицу. Момент действительно волнительный. Внутренний подросток никуда не делся. Какой будет этот поцелуй? Нежный? Страстный? Неприятный? Или возбуждающий?

Реальность умудряется удивить неожиданной пресностью. Слияние выходит мертворождённым, словно наши губы стали силиконовыми игрушками. Это ротовое «соитие» длилось секунды две. Я постарался изобразить некую одухотворённость, но не думаю, что вышло органично.

Счастливая Н. взяла меня за руку, и мы отправились в бесконечную прогулку с разговорами обо всём на свете. Выдаваемые мною слова не отличались особенным умом, так как мысли были заняты куда более важными делами. Каждые три минуты я прокручивал сцену поцелуя в голове, наслаждаясь не процессом, а фактом свершившегося.

Бесспорно, её чувства – искренни. Трогательные эмоции Н. воспринимались моим дьяволом со смехом, словно честность являлась чем-то порицаемым. Тут я представил общество взрослых людей и понял: дьявол прав. Да и не являюсь ли я сам тому ярким подтверждением? Самым очевидным примером, что человеческая жизнь в принципе построена на лжи.

Спустя время, уже после прогулки, я нахожу компромиссное решение. Да. Кроме как «компромисс» назвать это никак нельзя. Твёрдо решаю не упускать возможность пройти сложный путь познания отношений, по итогу добравшись и до тела Н., но с тем условием, что одна маска будет для неё, а окровавленный портрет я оставляю себе. Я клянусь самому себе: «Я никогда не оголю душу перед этим человеком и даже больше, Н. никогда не узнает о моей низости».

Подлая маска подарит ей искреннюю любовь, страсть, заботу, нежность и никогда не признается о своей подлинной сущности. Я сделаю это не ради себя, а ради неё. Мы будем целоваться, смеяться, вместе переживать. Мы будем встречать рассвет на одном диване, ссориться, грустить. И в каждую секунду маска будет искренне невинна перед собственным взором, ибо она очень хитра. При желании она сможет обмануть и себя.

Я тоже потеряю закулисную реальность. Совсем забуду, где нахожусь. Маска сидит плотно и границ не видно, только холодное и приятное прикосновение к обожженной коже. Мы забудемся с ней настолько, что однажды правда (всё это время сидящая во мне) вспыхнет ярким светом. От непривычки я начну щуриться, не поверив в собственное уродство, а когда глаза привыкнут, вспомнится сонная тайна, и тогда я с благословением приму «блудного сына».

Питанием же истинной личности будут служить фантазии. Возможно, они мало чем будут отличаться от некоторых сцен в реальности, но всё же истинное удовольствие от «подарка» можно получить наедине, закрывшись от окружения толстой дверью без зазоров. Внутренний дьявол будет вдыхать полную грудь мыслей, снова стимулируя уставшее тело. Новые подвиги, но не во имя театральных сцен, а во имя себя. Чествуй и празднуй себя, ведь без тебя не будет и мира.

Когда Н. достаточно хлебнёт со мною горя – я отпущу несчастную. Ей будет больно и непонятно, как человек смог

так резко измениться, зато она получит бесценный опыт.

Любовь – тоже маска, скрывающая в себе боязнь одиночества и желание удовлетворить потребности. А если это так, то чем моя ложь хуже чужой? Аминь.

Мне только-только исполнилось пятнадцать. Собственные черты лица остались (как будто бы) прежними, но каждую минуту происходят необратимые процессы, ведущие тщедушное тельце к неминуемой смерти. Рано или поздно. Честное слово.

Н. всеми возможными силами пытается проводить со мной как можно больше времени. Каждый день приходится получать от своей подружки сообщения с разными предложениями, только вот моя непреклонная позиция остаётся таковой.

Латентно-деспотичная конструкция отношений устраивает меня. Ещё бы, ведь я её и возвёл собственными силами. Не без ошибок, разумеется, но фундамент «кнутом и пряником» – работает безотказно.

Как только Н. даёт мне желанное, то тут же получает вознаграждение в виде нежности и внимания. Но баловать ни в коем случае нельзя. Это точно. Если бы люди тратили отведённое им время на одни наслаждения, то настал бы неминуемый апокалипсис.

«Прости, дорогая. У меня есть дела».

Женщины бывают часто правы, когда считают, что муж-

чины используют их. «Поматросил и бросил» – так говорят. Но вина, разумеется, должна ложиться на плечи каждого страдающего. Проблема ведь не только в мужском стремлении к сексуальной близости, где через какое-то время теряется интерес к конкретному телу (это как раз-таки естественное и честное поведение), а в том, что женщины заводят отношения именно с такими мужчинами, каждый раз ведясь на одни и те же унылые уловки.

Очень часто меня начинает сводить с ума мысль о фиксировании поведенческих вешек, умудряющихся вращаться в кожаную машину. И вращаются они настолько органично, что это жалкое тело искренне следует «своей мечте» и «зову сердца».

Другой тип я описывал ранее – это спасатели. Женщины, которых тянет на героизм. И со мной именно тот самый случай. Только болен не я, а псевдоним.

Наши с Н. отношения за полгода принесли свои плоды. Коллекция моих фантазий стремительно пополнялась подробностями.

Руки успели познать на ощупь грудь Н. и ягодицы, причём не через одежду. Тактильные ласки интимного характера потихоньку занимали в жизни свои законные места. Н., в свою очередь, изучала моё тело, только более скромно.

Ей нравилось обсасывать мою шею, пальцы. Иногда она позволяла себе мимолётно потрогать меня ниже пояса, но никогда не смела лезть бесцеремонно под бельё.

Такую робость я списывал на её страх нового. Познание жизни в принципе витает вокруг боли, учащённого пульса и щенячьего непонимания: «А что с этим делать?»

Но сейчас, в свете представившейся возможности посмотреть на ситуацию со стороны, как если бы я наблюдал за актёрами на экране, можно предположить, что Н. не столько боялась переступить черту нового, сколько ждала первого шага от меня. Узколобые атавистические традиции незаметно смогли интегрировать собственные корни зла в таких как она, не желая растворяться под кипятком современного рационализма.

Я могу ошибаться, но как тогда ещё можно объяснить поведение Н., которая в один из обычных дней предложила овладеть ею. Это самое «взять» как раз и сформировало потребительскую концепцию, где мой шаг должен был положить начало всему.

Внутренний коллекционер фантазий ужасно обрадовался возможности пополнить полки такой изюминкой. Во рту образовалась сладостная слюна предвкушения. Да и, честно говоря, деваться было некуда. Я слишком далеко зашел в своей лжи. Назад пути нет. Для этого нужна своевременная история спада эмоциональной привязанности, разумеется, со стороны Н..

В тот же вечер, после её открытого предложения, было решено убить нескольких зайцев сразу. Среди своих друзей я потеряю статус невинного ягнёнка, внутренний коллекцио-

нер получит пищу для новых конструкций, а лично я пройду ещё один этап взросления, который точно разочарует меня не меньше, чем мысль о судьбе человечества, вынужденного разделить участь Сизифа.

Сначала я хотел описать первую интимную близость «физическим языком». Но в последний момент было решено отказаться от голой честности и возможной неприкрытой уместности. В реальности и так слишком много порнографии, которая (в виду своей растиражированности) потеряла изначальную силу впечатления.

Скорее весь совершенный акт походил на миф. Именно. Тесей и Минотавр. Только старая версия истории прошла. Умерла под натиском лет. Планета очистилась, сделала полный круг, иначе повторив в десятой степени раз сказанное ранее.

Теперь Тесей стал обитателем лабиринта. В своей невинности он сосёт кровь окружающих, не подозревая о собственной природе зла. Точнее природе зла, которую навешивают ему другие, поэтому юноша не подозревает только о чужом мнении.

Тесей живёт в замкнутом пространстве, не имея возможности вырваться наружу. По правде говоря, он даже не знает, есть ли что-то за пределами лабиринта. Как только он родился, Посейдон решил уместным поселить сына в бетонном мирке, наполненном готовых убеждений.

Но вот минотавр, страшный монстр, зачатый в странной любви, натывается на чужое пространство. Бык Миноса сразу чует молодое тело. Кровь, циркулирующая по венам, манит его. Желание проткнуть своим единственным несломленным рогом плоть – слишком велика, ведь тогда тёплая густота опорожнится из сосуда, укутав своим теплом и запахом всё тело.

Спокойствие и чувство достигнутой цели. Само действие всегда пугало быка, но голод диктует свои правила. Если создатель позволил родиться мучительному чувству, то каждый тогда вправе получить и возможность избавления. Хотя бы временное.

Минотавр следует своей природе. И хоть Тесей со стороны выглядит жертвой, на деле он остаётся полноправным охотником. Вопрос такой позиции зависит от ракурса смотрящего. Красивое юное тело подобно цветку, жаждущее опыления насекомого. Два охотника неминуемо идут к гибели в разной форме. Тесея ждёт мучительная смерть телесности, в то время как минотавр будет каждый раз умирать духовно.

Грех и чистота. Боль и наслаждение. На одной из прямых линий они, наконец, пересекаются. Две силы, которым суждено соединиться в одно нагромождение. Юноша не прячет своей груди, хоть и стыдится открытости. Ушедшее мгновение.

Едкий и вонючий пот попадает минотавру в глаза, забрыз-

живая и Тесея. Твёрдый рог протыкает грудину, выпуская блаженную кровь. Необходимое таинство придёт позже, уже в истории. Сейчас же – сплошная физиология.

Запахи мешаются. На первый план выходит кислятина из обезвоженных ртов. Тяжелое дыхание. Тесей пока жив, поэтому его участь – продолжать борьбу. Он пытается бултыхаться. В его руках нет силы, только видимость. Минотавр теряется в собственных мыслях (а есть ли они у него вообще?), переставая так яростно давить.

В общественной этике всегда подразумевается блаженство там, где можно занять выгоду. Так сотворила сама мать-природа. Только никто не предупредил, что в любовных делах наслаждение больше формируется за счёт мыслей, нежели физическим фактом.

Когда всё кончено – миф улетучивается. Лабиринт превращается в девичью комнату. Тесей превращается в изнеможденную бледную Н., и только я остаюсь с головой быка, не чувствуя надобности пока надевать маску себя.

Целую Н. в щёку, говоря заготовленные фразы, на которые (к собственному удивлению) получаю не заготовленные ответы. Обескровленная, она говорит много нетипичных вещей. В этот непродолжительный период мне даже кажется, что этот человек мне интересен. Тут же отряхиваю себя, напоминая, кто есть кто.

Она – расписанная формула. Я – ошибка, захотевшая изменить порядок вещей хотя бы в собственном восприятии.

Но по сути – это и означало бы изменить Мир, ведь его без личного взгляда просто не существует.

Готов поспорить, многие захотели бы опровергнуть такой взгляд, сославшись на факт о: «количество равняется большей силе». Но в случае с умением воспроизведения окружающего многообразия и самим окружающим многообразием – это правило не работает по той же причине, по которой мы никогда не поймём друг друга: невозможность неосязаемой единицы стать не собой.

Пропасть рождает много вопросов, на которые не суждено получить ответы при жизни. Но в то же время, факт невозможности избавляет нас от необходимости страдать из-за подобного пробела, разрешая себе плевать на ближнего без зазрений совести.

Я ещё играю свою роль. Театр продолжается. Но от Н. мне больше ничего не нужно...

Глава четвертая

Одиночество каждого человека обусловлено невозможностью «поглотить» чужое сознание своим, как бы смешав их в качественно новый продукт. Честное слово, масло и вода. Вторая просто не может схватиться за углеводородные молекулы масла. Диагноз – неполярность молекул.

Если немного развить тему, то окажется, что на земле не существовало ни одного человека, который мог бы похвастаться подлинным общением с себе подобным. Непривычно и удивительно становится ровно тогда, когда идея симуляции переходит из «чего-то далёкого и связанного с технологиями» во вполне бытовой повседневный вопрос.

Никто из нас с вами не общался напрямую, только через посредника. Личность другого сокрыта собственными домыслами о ней. Связанное с нашим опытом и возможностями, чужое сознание волей-неволей переформируется, как бы подстраиваясь. Или, если точнее, мы переформируем собственное сознание, пытаясь притвориться другими.

Вот откуда столько осуждения. Вот откуда столько ответов на чужие вопросы. Вот откуда рождается любовь и ненависть. А конфликт, если смотреть вразрез сверху, окажется до смешного жалким, ведь его база будет строиться на лич-

ном неведении.

Только подумайте, сколько на планете людей, а затем возведите это число в степень на самого себя. Миллионы копий одного и того же сознания в разных интерпретациях. Можно просто сойти с ума, поэтому советую не сильно заострять собственные мысли на этой идее, ведь именно так и рождается паранойя.

К такому открытию в подарок идёт два важных дополнения.

Первое заключается в понимании факта личного стыда в обществе. Разумеется, сама степень сильно варьируется, обуславливаясь конкретной группой людей, с которыми вы находитесь.

Чем ближе ваши интеллектуальные показатели, финансовое положение, интересы и внутренняя модуляционная синхронизация, тем меньше риска напороться на чувство стыда и сожаления.

Может вы замечали, когда рассказываешь новым людям о своих увлечениях или высказываешь мнение, иногда возникает некомфортное чувство уязвимости. Начинаешь чувствовать, как одухотворённость, которая была присуща собственному «я» и личным интересам, начинает испаряться, словно эти люди стали зеркалом, в котором проявилась правда, где то, что было так любимо и к чему имелось трепетное отношение – превратилось в ржавое посмешище.

Такое происходит именно из-за явного различия интел-

лектуальных возможностей и симуляции чужого мировоззрения в собственной голове. Причём стоит отметить, подобный эффект наступает не из-за того, что кто-то лучше вас, а скорее потому, что этот кто-то начинает доминировать своей личностью.

Второе дополнение состоит в добровольном отказе от оценочной шкалы творческого потенциала. Разумеется, данное высказывание можно было применить не только к интеллектуальному продукту, но лично для меня такой пример имеет свою актуальность в конкретном контексте.

Старая привычка выставлять оценку тому или иному литературному труду или, скажем, песне – ошибочна. Скажу больше, по-хорошему автор вообще имеет мало чего общего со своим произведением. А произведение ещё меньше имеет собственной ценности. Её попросту нет, по крайней мере, в контексте доминирования человеческого сознания для фундаментальной иллюзии видимой среды.

Как бы любой текстовый шифр зачастую является конструкцией, где взамен собственной индивидуальности приходит индивидуальность именно читающего. Каждый мозг, каждый «двуногий опыт» видит свою историю, от чего ценность истории всегда разнится.

Одно остаётся неизменным: человек всегда читает себя. Именно себя он видит в музыке. Собственная тень лежит на всех картинах. Самые сокровенные личные вещи читаются между строк в произведениях неизвестных авторов. Поэто-

му, в каком-то смысле, у созданных произведений нет имени. Абсолютно любое открытие принадлежит каждому. Написанные мною строки – это и ваши строки, переработанные собственным сознанием.

Если бы вы могли заглянуть сейчас в уборную заправки на улице Цветочная, 16, то вам открылась очень стереотипная картина. Молодой человек под предлогом «сходить помаленькому» заперся в провонявшем квадратном метре, где с опаской и тревогой достаёт из кармана подозрительный пакетик.

Через бумажку в нос проникают муравьи-альбиносы. Холод и ток прошибают тело, обдавая голову сомнительным наслаждением. Если вы думаете, что я начал «баловаться» в ошибочной погоне за удовольствием, то спешу расстроить – это далеко не так.

Человеческие пути неисповедимы. Наслаждение слишком быстротечно для восприятия его всерьёз. Куда больше меня интересовали последующие страдания.

Мне семнадцать лет, и спустя два года я куда пуще поверил в сказку о своей печальной судьбе. В собственном уме я всё ещё поэт с распланированной трагедией. А раз так, то помочь себе достичь цели – милое дело.

Через пару часов меня ждёт подавленность и тревога. На следующий день тело покроется испариной. Гусиная кожа станет конденсатом и плевать, что за окном стоит ужасная жара. Родители не должны видеть своего любимого сыночка

в таком состоянии, поэтому придётся не выходить из комнаты. А если нужда заставит, то можно списать на обычный грипп. Что уж тут поделать?

И вот когда будет совсем плохо, тогда можно будет взяться за ручку и начать писать много интересного. Период подростковой одухотворённости строится на важности собственной трагедии. Зрелые люди, разумеется, не являются исключением, но их страдания можно причислить к более бытовым или, если кому будет проще для восприятия, – прикладным.

Говорят: в здоровом теле – здоровый дух. Мой же вариант базируется на противопоставлении: из сломленного тела и духа рождаются самые честные слова. Всё ли я знаю о себе? Конечно же, нет.

В дверь туалета недовольно стучат. Сколько я здесь? Самое время начать тратить мнимое наслаждение впустую, как бы игнорируя его и презирая. Отодвинув засов, протискиваюсь в узкий коридор через маленькую щёлочку между стеной и шарообразным животом дядьки.

В парке ложусь под самое старое дерево с худыми листьями. Сейчас моя кожа обжигающе чувствительна. Муравьи начинают колонизировать ноги, получая удовольствие от лазания по кудрявым волосам. Терпеть не могу насекомых и именно поэтому не прогоняю их. Омерзение отвлекает от наслаждения, но эрекция никуда не исчезает.

Я не верю в сказки, которые способны преподносить ве-

щества с положительного оазиса. Знаете, есть даже такой закон, запрещающий пропаганду. Но как именно она выглядит?

В глазах взрослых существуют некие мифические персонажи, в основном это заинтересованные люди, которые подкатывают к неокрепшим умам, предлагая бесплатно испробовать кайф. Я сам видел подобные инсценировки в околодокументальных фильмах, их нам показывали в школе. И всё бы ничего, вот только в реальной жизни дела обстоит совсем иначе.

Давайте представим, что есть действительно негодяи, трущиеся возле грязных и тёмных углов, выискивающие детей, которых можно посадить на эту страшную грязь.

Взрослый парень подходит к ребёнку, завязывая непонятную беседу. Сомнительно-дружеский разговор перетекает в «Хочешь кое-что попробовать?» И вот на этом месте, как бы диалог ни строился, возникает переломный момент открытой мерзости и страха, которые человек чувствует чуть ли не инстинктивно. Понимаете, о чём я?

Ни один адекватный прямоходящий не станет пить воду с чужой бутылки, если только на то нет резкой необходимости. На горлышке бактерии и слюны, от чего возникает элементарная брезгливость. А ко всему прочему, каждый ребёнок слышит стандартные правила социального выживания.

Теперь возникает закономерный вопрос: как же тогда у странных личностей получается подбивать молодёжь? От-

вет: никак.

Будем честны. Сомнительные вещества стали новым фольклором, который передаётся из уст в уста. От ближнего к ближнему. Никто не рекламирует мерзость, потому как про неё давно и так всем известно, и вопрос: употреблять или нет – остаётся сугубо личным.

Давайте будем считать это небольшое разжевывание неким манифестом, где я выступаю против нелогичных законов. Литература и так потеряла много выдающихся авторов на почве запретов подобных тем. Поэтому, если среди вас найдётся тот, кто решит мой материал оскорбительным, то знайте, проблема скверных тенденций среди населения не в упоминании «всякого» в музыке, литературе или изобразительном искусстве, а от недалёкости ума людей, которые вот так с полпинка могут выбрать кривую дорожку, и их непутёвых родителей, неспособных провести параллель между употреблением химикатов и прямой дорожкой в ад.

Никто не виноват, что вы в своё время пошли на поводу у своих друзей и возможно теперь умираете от последствий. У человека всегда есть выбор, особенно когда он стоит между жизнью и жалким существованием.

Повторюсь, в тот период становления личности я выбрал кривую дорожку не из-за веяния моды среди знакомых. Я начал «нарушать» не из желания стать в чьих-то глазах более крутым. И уж тем более, я не встал на кривую дорожку по причине глубокой недалёкости. Тогда я посчитал страдание

тела необходимым злом. Поверьте, раздобыть «пакетик шелухи» не так просто, как кажется.

Не приписывайте запрещёнке позитивных или отрицательных качеств. Не пытайтесь уличить меня в пропаганде, и уж тем более не ждите резкой критики. Настоящая личность должна быть выше подобных рассуждений, аргументируя такую позицию элементарной логикой: не оружие стреляет и убивает человека, а человек убивает себе подобных. Не шелуха убивает организм, но собственный выбор.

Любая табу-тема не должна быть таковой, наоборот, она должна извлекаться на поверхность для работы над ней. Давайте перестанем молчать о сексе. Давайте перестанем краснеть от собственной природы. Бросим подобные глупости и откажемся, наконец, от необходимости перед кем-то оправдываться. Ведь любой запрет – это, прежде всего, общественный комплекс, неспособный разрешиться цивилизным путём. Проще ребёнка наказать и поставить в угол, нежели спокойно обсудить проступок.

Иногда, завидев идущую навстречу особу, я начинаю фантазировать. Вроде как прожить целую жизнь с этим человеком. Для начала придумывается подходящее имя, ласкающее слух, затем воспроизводится предыстория знакомства.

Для большей реалистичности выдуманные знакомства как раз и начинаются с места, где встречаются жертвы моей бурной фантазии. Сегодня это парк. Жертва: хорошенькая

светленькая девчушка-одногодка.

В реальности она прошла мимо, только лишь на секунду бросив неопределённый взгляд в мою сторону, скорее не как на парня или человека, а вещь или, в лучшем случае, дерево. Да и мой измученный взгляд, если честно, навряд ли выражал хоть что-то, но с фактической разлукой началась моя личная интерпретация событий.

Вот я пока не вижу этот хорошенький задранный носик и стройные ноги. Отвлёкся, с кем не бывает? Неожиданный удар приходится в плечо. Он достаточно ощутим за счёт эффекта неожиданности. Тело просто не было готово к такому сопротивлению.

Встреча случилась. Я ловлю вскрикнувшее тельце в свои объятия, не позволив пыльному асфальту загваздать фрагменты белоснежной оголённой кожи. Её зовут, к примеру, Ю., и она красива.

Основная доля красоты, как ни странно, приходится не на черты лица или тело, а на взгляд, проходящий на собственный. Неприкаянный призрак, жаждущий грубой ласки.

Это механическое тело живёт своей жизнью и потребностями. Душа же тайно желает обманчивых стереотипов в виде денег, семьи и долгой жизни. Истинное же человеческое «я» всегда жаждет деконструктива по причине патологической скуки и невозможности получить окончательного удовлетворения.

Между нами завязывается разговор. Ю. вроде как сразу

влюбляется, что не так-то и правдоподобно, но чем жизнь не проказница? Я прям чувствую, как Ю. попадаетея в банальные сети амура. Далее в игру вступает такое умение мозга, как перемотка. В ней я как бы вижу весь аперитив событий сплошняком, но если бы понадобилось детально описать отдельно взятые сцены, то ничего внятного сказать не смоглоь.

Мозг ревностно вылавливает момент, когда иллюзорная любовь, относящаяся к разделу выдуманной души, перетекает в физическую фазу.

В мечтах эта девочка превращается в орудие. Развращённый сосуд, желающий механики, да не просто где-то, а где угодно, лишь бы в неположенном на то месте. Да. Телу не прикажешь. Такое соитие кажется чем-то интригующим, но только до тех пор, пока идёт процесс. Как мы знаем, в конце всегда ждёт химическое разочарование. Смешно. Даже в собственной голове я не способен обойти такой унижительный момент.

Физическое возбуждение моментально настигает сознание, желая в реальном сне испить чашу. Боль после эйфории слегка отпускает, пропуская на первое место – желание. Наступает последняя фаза, куда подключается третья составляющая «философского камня» – это истинное «я», пытающееся в очередной раз сделать из тела и души посмешище, оборвав нить повествования, опошлив и осквернив своего носителя. И хоть я буду жалеть о содеянном, как жалею каж-

дый раз, но делать глупости никогда не перестану, потому как имя мне человек, который, лишившись маски, ужасается собственному отражению.

Я забегаю в ближайшие кусты и со стыдом, не снимая штанов, начинаю заниматься самоудовлетворением. Хватает нескольких секунд. Всё кончено. Опустошенный, я вяло выхожу из занавеса кустов, направляясь домой.

Страдание потихоньку возвращается, как и чувство стыда за собственное поведение, но стыд этот подобен глотку воздуха. Он естественен и необходим. И бог знает, что со мной могло стать, если бы я сдерживал собственное безумие.

В комнате начинает лихорадить чуть больше. Вечно закрытые окна. Спёртый воздух пьянит своими парами. Здесь никого нет, а значит, можно побыть собой. Хотя опять же, даже стены, навевающие воспоминания прошлого, склоняют принять правильный оттенок, думая о себе как о ком-то конкретном, имеющем статус. Эта мысль и чувство тошноты со страхом зарождают во мне набор букв:

Всегда в обычный день,
ничем неотличимый от вчера,
чувствуется иная сила гравитации.
Сегодня я – не я, а какая-то иная
странная субстанция.
Проходит час-два

не понимаю, зачем я здесь
и кого по-настоящему знаю.
Куда узреть?
Голова сама по себе,
пока ещё живая.
Тело не чувствуется.
Бреду, глазам доверяя.
Всё словно в бреду,
и сила несёт к воде, где бушуют волны.
А я стою,
смотрю на движение формы.
Всё слежу,
но не думаю,
но живу,
каждый раз
умирая.

Иду в ванную комнату. Зеркало смотрится в зеркало. Нельзя. Лучше не пытаться быть собой. Есть, знаете, такая особенность у людей – ловить скуку. В основном этим страдают дети. Взрослые разбаловали их вниманием, поэтому, когда те остаются наедине – их начинает одолевать гнетущее чувство.

Кризис самоидентификации, помноженный на самовнушенную пустоту, создаёт приблизительно похожее чувство, как и у избалованных детей. Кажется невыносимым нахо-

даться наедине с собой, особенно когда так плохо. Но и чьё-то общество неспособно решить проблему.

Возникают мысли о более радикальных решениях из сложившейся ситуации, но врождённое чувство воспевать жизнь куда выше, поэтому остаётся одно: изучать собственное страдание, наблюдая за ссохшимся телом и таким же разумом.

Очень хорошо мою ванну с порошком. Затыкаю слив резиновой пробкой. Открываю горячий напор воды. Из-под дивана достаю бутылку крепкого.

Прошу читателя понять простую вещь. Тогда всякий виски пился действительно не по причине вкусовых особенностей, а из желания придать себе картинного веса. Скрывать такую смехотворность глупо, ещё бы. Каждый глоток отдаётся в горле болью и тошнотой. Содержимое желудка хочет обратиться рвотой, обжигающей слизью, но глотательный рефлекс срабатывает уверенно и надёжно.

Капкан делает «щёлк!»

Вообще, смотреть на себя со стороны – это ведь не столько художественный приём, сколько синдром, который обозвали «деперсонализация». Я не знаю такого слова и понятия, но сейчас, будучи «паршивой овцой», действительно наблюдаю за своими поступками со стороны, не чувствуя единства.

Осуществляемые манипуляции, заставляющие делать себе плохо – выглядят смешно. Даже тогда из-за «угла» я лицезрел смехотворность собственного поведения, продолжая

врать, потому как другом я хотел этого!

Личность, отдававшая отчёт своим поступкам, оказалась не у руля. Она как раз находилась в состоянии озвученной «деперсонализации». Честное слово. Обиженный же на весь мир подросток (который ещё и выбрал себе самый романтичный штампованный образ) встал во главе тела, почувствовав свободу к безнаказанным действиям.

Когда же станет слишком поздно что-либо исправлять, ребёнок бросит осквернённое тело, оставив жить с последствиями свою постаревшую копию, до этого с ужасом наблюдающую за апокалипсисом. Виноваты в такой ситуации оба.

В полном раздрае забираюсь в наполненную ванну. Горячая вода ужасно обжигает ягодицы и гениталии. Спина покрывается мурашками, которые начинают чесаться. Дыхание становится тяжелым. Взгляд заморожено смотрит в одну обусловленную точку.

По ту сторону реальности (дверь в данном случае играет роль границы) слышится возня. Домой вернулась мама. Ещё слышится голос сестры. Чья-то рука стучится.

«Простите, я не могу впустить вас помыть руки, сейчас тут происходит чёрте что!»

Жду, когда вода немного остынет, чтобы можно было нырнуть с головой. Самое время познать тишину другого толка.

Незабываемое чувство быть с закрытыми глазами под водой. Тело... да что оно значит сейчас? Это момент, где для

разума перестала существовать действительность. Но в то же время, я не смог бы с уверенностью сказать, что нахожусь в собственной голове. Некая среда временного пребывания стала третьей платформой с отсутствием внешних и внутренних проблем.

Даже при желании не получилось бы задуматься о чём-то плохом или хорошем. Лёгкие медленно выпускают оставшийся кислород из своих пылесборных тонких стенок. Попытка представить собственное лицо ничем не заканчивается, оно никак не хочет отпечатываться, скрываясь в теле. Оно поджидает на поверхности. Долго ли я смогу прятаться? Разумеется, нет. Воздух на исходе. Ещё немного, и случится лёгкий приступ паники. Нужно всплывать, но только... чтобы, отдышавшись, вновь погрузиться в потерянное пространство.

Знаете ли вы, почему среди творческих людей, да и среди тех, кто позволяет себе такую роскошь как «думать», очень много злоупотребляющих? И наименование употребляемого не играет здесь роли.

Главный тезис в таких историях – причиняемый вред. На мой взгляд, основная причина кроется в парадоксальной невозможности сознания ужиться с математически расчётливым мозгом. Две стороны одной медали.

Сознание старается отогнать мысли о смерти. Из-за чего, собственно, родилось много легенд, культов, вездемой жизни и так далее. Но мозг, являясь процессором, подчиняется

выведенным, бог знает кем, формулам, от чего его конструктивность (и наше мнимое открытие математики) является неоспоримой и непоколебимой. То есть, внутреннее устройство «физического» процесса мышления невозможно улучшить, по крайней мере, самому примату.

Всё бы ничего, только вот сознание позволяет себе много фривольностей, из-за которых впоследствии мы и страдаем. Оно задаёт много вопросов, параллельно озвучивая много правды мозгу, который до капризности нуждается в конкретике. И когда «программа» сталкивается с такой пошлостью, как мысль о смерти, мозг как бы подвисает.

Не в состоянии решить задачу, «желейный» начинает сбивать, причём делает это с присущей математической точностью, только на сей раз применяя абсурдные решения, зачастую расположенные, как бы в отражении.

Проще говоря: страх смерти и невозможность познать такое явление, заставляют человека заниматься саморазрушением, ища ответ в косвенно схожих вещах. Такие они (на уровне ассоциаций) и являются ложными, но мозгу не прикажешь. Я легко могу ошибаться, это ведь просто догадка подростка, но я свято верю в собственную выдумку, потому как она – моя.

Как бы хорошо ни было под водой, а стоит возвращаться к реальности. Пока ополаскиваюсь, думаю о том, что самое время брать свою жизнь в руки. Да. Точно. Самое время взяться за себя. Мы ненароком выяснили, что я просто

боюсь жизни. И теперь, когда есть знание – есть и приближительный путь, способный вывести, если и не к полному решению проблемы, то хотя бы к подсказке, которая станет отправной точкой к чему-то большему, чем дешевое самолюбование наигранной жертвенностью.

Сестра надолго не задержалась, ретировавшись к подруге с ночёвкой. Комната в распоряжении диковатого брата. Я ни на что не намекаю, но оставаться одному мне очень нравится.

В 21:00 желаю родителям добрых снов. Закрываюсь в пустой спальне. Выключаю свет. Спать, разумеется, никто не собирается.

Из тайника достаётся бутылка, только уже не крепкого, а красного. Вино мне действительно нравится. По крайней мере, из всех алкогольных напитков, вино умудрилось удержать свои характеристики в усреднённых значениях, благодаря чему им можно напиться со вкусом без рвотных позывов.

Я точно знаю, никто не посмеет войти в комнату, поэтому смело раздеваюсь. Тело устаёт от одежды. Тело человека всегда устаёт.

Первый этап принятия состоит из «быстрого старта». На одном дыхании осушаю треть объёма, как бы сразу набирая нужный градус для дальнейшего предполагаемого трансa. Сегодняшняя ночь будет посвящена просвещению.

За кадром, в неупомянутое на бумаге время, я успел подготовиться. Вот перечень инструментария: набор дешевых акриловых красок, плоская дощечка для смешения сложных цветов, одна кисть, стакан воды и холст.

Складывается впечатление, словно путь к озарению лежит именно через страдания и аморальное чувство собственной ничтожности. Мне не хватает символа, вроде собственной иконы, которая стала бы проводником между мной и внутренним «я».

Упоминалась ли личная приверженность к идее о расщеплённой божественной сути, где великий и единственный разум, объединяющий всё существующее и выдуманное, решил забыться, разбившись на осколки, лишившись тем самым целостности самопонимания? И только после смерти мы, люди, воссоединяемся с подлинной сутью, возвращаясь домой; с облегчением вздыхая, воспринимая пройденную земную жизнь, как страшный сон, либо как собственную шутку.

От чего же тогда имея понимание о физической тяжести, люди с такой жадностью держатся за собственные тела? Неужели дело в отсутствии гарантий? Маленькое жадное сознание так хорошо устроилось! Нет никакого желания расставаться с нажитым добром. Паразит завладел телом, научился вечно стимулировать его, получая короткие отрезки удовольствия.

Вот оно: «я». Одно из многочисленных сознаний, решив-

шее взбунтоваться против племени сородичей, только молча, под покровом ночи.

Из коробки достаются основные цвета. Сейчас они представляются сплошным серым пятном. И если ещё был шанс попытаться использовать цветовую раскладку по памяти, то теперь, когда я старательно перемешал тюбики – такой возможности нет.

Вертикально ставлю на ощупь холст 30×40. Подушечки пальцев изучают зернистую фактуру. Я как бы пытаюсь почувствовать плоскость, хоть и ощущаю в действе притворство. Кондиция пока не достигнута. Нужно продолжать пить и вслушиваться.

Юношеская ломка совсем пропала, когда к кончикам ног подступает онемение. На чём же я остановился?

Религия.

В целом я давно понял о невозможности чему-либо дать определение, и уж тем более о тщетности классифицировать потребность во всех этих человеческих пристрастиях. Одно дело, когда сознание требует наслаждения через тело, но совсем другое, когда несуществующая душа (порождённая сознанием под знаком собственной неполноценности) требует наслаждения личного.

Встаёт серьёзная дилемма: выбрать протоптанный путь в виде всевозможных религиозных учений, либо создать свой, став единственным последователем, а значит, и обладателем куда более целостного служения за счёт понятных правил по-

слушничества.

Сейчас идея создать собственный прототип для поклонения (тем самым замкнув цепочку посвящённых) кажется логичным действием. Вполне благоразумно начать путь именно с интуитивной иконы, где чувства оставят свой неподдельный след. Алкоголь же, этот герой, служит громоотводом для поражающего сознания.

Напился я прилично. Можно начинать. Рука открывает первую попавшуюся краску. Точнее не так. Рука открывает нужную краску, избранную самым случаем, тем самым приобретя сакральное значение. Делать осознанные мазки нельзя, поэтому после выдавливания краски на палитру, стараюсь сосредоточить нутро на вещах, приносящих неподдельную радость. А ещё на вещах пугающих.

Я сосредотачиваюсь на образах любимых людей, и тех, кого ненавижу. Я стараюсь собрать имеющиеся чувства, как бы объединив целый Мир в один маленький шарик, передав силу бытия в рисующую руку.

Мама. Отец. Сестра. Редкие друзья. Продавщица в соседнем магазине. Бездомный за углом у больницы. Батюшка в церкви. Сантехник. Школьницы. Одноклассницы. Парни. Машины. Часы. Шины. Стеллажи. Страх. Обязанности. Социум. Отношения. Границы тела. Физика. Цифры. Клонирование. Вид крови. Презервативы. Смазка. Запах пота. Сад живых кукол. Близорукость. Болезни. Гениталии. Слюни. Животные. Собаки. Кошки. Секс за деньги. Слова без

поступков. Рождение. Боль. Страх этой боли. Парадоксы вселенной. Бесконечность. Внутренняя замкнутость. Выдуманнные вселенные. Трагедия. Быстротечность. Седые волосы. Сколиоз. Травмы. Большие предметы. Цвета. Золотые зубы. Выпадающие волосы. Пульс. Давление. Океан. Реки. Млекопитающие. Поэзия. Кинематограф. Носки. Драгоценности. Убийство. Нож. Овощи. Салат. Улыбка. Последняя улыбка. Детские травмы. Вечные ошибки. Стыд. Сожаление. Вещества. Алкоголизм. Нищета. Запах уличного туалета. Запреты. Правила. Бред. Развитие. Авторитаризм. Серость. Безумие. Небытие. Смерть. Освобождение. Патриотизм. Терроризм. Катастрофы. Расы. Территории. Математика. Мат. Крик. Смирение. Хобби. Продажность. Презрение. Атавизмы. Искусство. Одиночество. Память.

Сильно кружится голова. Создаётся чувство невозможности объять видимый свет, но я отчаянно размазываю рукой краски с зажмуренными глазами. Страх дисциплинирует. Дыхание спирает. Появляются зачатки духовного транс. Воображение рисует африканские барабаны. Перепонки начинают ныть. Дёргаюсь. Поддаюсь собственной выдумке. Да. Я её пугаюсь.

Несмотря на казавшуюся погруженность, головной подкорке хватает сил держать в обозрении и реальность, где я ушел спать. Нельзя сильно шуметь, иначе с проверкой могут нагрязнуть родители, и что они тогда там увидят?

Пьяный и голый сынок, весь в краске, безумно дёргается,

словно в него вселился дьявол. А на дорогом холсте – непонятная мазня.

Для православной семьи подобная сцена вполне может стать весомым ударом, либо разочарованием. В документальных сюжетах по телевизору иногда показывали таких странноватых персонажей, после чего приезжала скорая, забирая их в дома для душевнобольных. Иногда, в моменты отчаяния, ко мне прокрадываются мысли, что лучшего места для жизни не найти. Но я держусь изо всех сил. Нельзя расстраивать родных и любимых.

Под нестриженными ногтями чувствую краску, начавшую медленно застывать. Она формирует неприятные ощущения, которым я становлюсь благодарен. В моём сознании дом пропадает, и вся грязь на руках окрашивается в грязь уличную. Отец. Да. Я согрешил. Я отрёкся от тебя, всевышний. Мои мысли путанные и глупые, но это я настоящий, отец. Понимаешь?

Ты больше не отвечаешь. Ты больше не слышишь меня, а если и да, то пытаешься сделать вид, словно я обращаюсь не к тебе, а кому-то другому. Вот я и взбесился и прямо сейчас чудачу. Слышишь? Отче...

Знал ли ты, что жив ты и царствуешь только благодаря своим тварям? Мы тебя породили, а ты решил уничтожить нас, лишив всех надежд. И теперь такая тварь как я решил свергнуть тебя в своей душе, породив новое божество. Личное. Самое близкое к... себе?

Но кто я? Что я? Что это такое вокруг? Боже, как я напился. Теперь в мою шальную голову приходит картина жертв придуманной жизни. Падшие тела на войне. Истерзанные тела от болезней. Бескостное мясо несчастных самоубийц. Запах гнили. Смерть оголтело стучится в двери!

Я больше не бессмертный. Я вижу это. Когда-нибудь и я буду отдавать гнилью. А моя икона... Что она? Будет ли она жить? Найдёт ли последователей? Или умрёт вместе со мною? Моя вера. Моя выдумка.

Я вдыхаю в тебя жизнь. Я даю тебе идею. Но тем самым и обрекаю на смерть, как мои родители обрекли на смерть меня. Они истинные божества. Для них жизнь должна идти вперёд. И жестоки они не по самому желанию быть таковыми. Это заложенная в них программа. И отец наш духовный жесток, потому как является нашим созданием. А что ещё ждать от человека?

Перед глазами смерти ужасно хочется пойти наперекор. Я думаю о несуществующей непорочной женщине и возбуждаюсь. Сейчас мне ужасно хочется слиться с нею. Да. В голове завязывается сцена соития. Её тело покорно. Я мастурбирую и плачу. Мне хорошо и больно. Всё заканчивается на картину, которую я не видел, только лишь чувствовал.

Образ вдыхает краску жизни с любопытством, не выказывая явного недовольства. Для него соприкосновение с человеком является новым, ещё неизведанным опытом.

Стыд и облегчение обволакивают грешное тело и мысли.

Сеанс окончен. Работа дописана. Самое время убрать следы преступления в шкаф, постараться худо-бедно одеться и лечь спать, а то вдруг сестра вернётся с утра пораньше.

Полдень. Дома никого нет. Похмельный холод. Ночное приключение видится в свете неопределённости. Когда же достаю написанную работу, становится понятным: мой шаманский эксперимент был очередной постыдной и крайне глупой ошибкой.

Собственная подростковая действительность разделяет окружающие процессы и собственные явления на два абсолютно разных лагеря.

Когда мои глаза соприкасаются с близкими; когда я нахожусь среди любимых людей, то начинаю чувствовать потребность в схожести с ними. По этой причине за завтраком мои безумные приключения выветриваются, словно это и не я был вовсе, а лишь странная копия. Или лучше: это был просто сон. Песочные часы перевернулись – время контроля. Будет странно танцевать классическое танго под электронную музыку.

Иногда мне приходит в голову идея о попытке соприкосновения своих внутренних особенностей души путём их интеграции в повседневность. Но примут ли меня таким окружающие?

Жить в постоянной тени означает ощущать застрявшие слова во рту. Привкус недосказанности утомляет. Читатель,

скорее всего, поймёт меня, ведь говоря о себе – я говорю о многих из вас.

Моя исповедь неумолимо шествует к подобию относительно настоящего времени, когда пишутся данные строки, а значит: вы имеете полное право сорвать и маску собственную. Просто приподнимите краешек, втяните свежий воздух за границами индивидуального стыда и поймите, вы не одни такие.

Вся планета изъедена пороками, причём пороки некоторых людей выходят за границы даже моего всепонимания.

Человеческое бытие пропитано соблазнами. Наши персональные дьяволы-помощники рождаются вместе с нами в обнимку, словно сиамские близнецы, просто второй зародыш паразитирует за счёт своего брата. Да. Мы рождаемся с заводским браком. С непонятным желанием кричать и поглощать в себе всё, что только поместится.

Любовь. Внимание. Время. Силы. Я ещё не упоминаю совсем очевидных вещей, хотя их вполне можно включить в подгруппу вышеперечисленного. Наш знак зодиака – паразит. Он же дьявол. Он же – внутренние мы. И если так, то почему люди вдруг решили сделать своё естество постыдным?

Оглянитесь вокруг и увидите, что та же эротика проникла в каждую клеточку зримого и слышимого. Сама жизнь является безостановочным сексом.

Мама замечает мою задумчивую гримасу. Она спрашивает: «Почему ты грустишь? Что-то случилось?» Вопрос по-

чему-то смущает меня. Отвечаю, что просто не выспался, и это, отчасти, правда.

Мне всё ещё семнадцать. И я почти исправно хожу в заключительный класс.

Сверстники постоянно болтают о будущем. Их так сильно заботит кем они станут, что уже сейчас видно, как через пять лет эти же светлые и энергичные тела превратятся в собственные размытые тени. А всё из-за естественной несправедливости в сложившемся обществе. Я не строю иллюзий. Подросток подростку рознь. Не нужно быть гадалкой, просто посмотрите на взрослое большинство.

Они алчные. Они уставшие. Они кричат на любимых. Они то и дело говорят о деньгах. А ведь когда-то они были преисполнены самых светлых и благородных амбиций. И не важно: хотел ли человек стать космонавтом или от своей наивности мечтал занять пост президента. Даже самые реалистичные мечты «стричь людей» или «готовить вкусный хлеб» разбиваются о реальность.

Сложно абсолютно всем. Это точно. Кто-то не хочет, чтобы люди были довольны жизнью, иначе тогда появится слишком много вопросов об окружающих вещах. Общество здесь должно недоедать. Мы должны придумывать себе врагов, чтобы никому не верить и жить обособленно. Сложившееся положение – не случайность, а математически выверенный план. Причём очень хороший план, с точки зрения вершины горы.

Я трачу на учёбу ровно столько времени, чтобы меня не выгнали. Очень забавно, кстати, наблюдать за пай-девочками, начинающими дрожать от одного слова «экзамен». Они так переживают за нарисованные цифры и своё выдуманное будущее. У некоторых на нервной почве начинают выпадать волосы.

Может возникнуть вопрос (немного не по теме): а куда же подевался Д.? Отвечаю: я и Д. отдалились друг от друга, как только мой милый друг решил уйти после девятого класса. Он покинул меланхоличные стены неэффективного знания, выбрав более короткий путь к получению профессии: среднее образование. Логически говоря: выбор отличный. Но, увы, я заразился более высокими целями, для которых полное образование просто необходимо, а именно: уехать на «большие земли».

Причин покинуть маленький городок и родительский островок достаточно. В списке имеются логичные пункты, а также сакральные, болезненные и утопические.

Становление на ступень взрослее. Благодать простора мегаполиса. Новые люди. Возможности. Относительная свобода. Новые мысли. Романтика, пропитанная страданием бетона. Увидеть что-то большее, чем панельки с пивнухами. А ещё...

Не видеть, как родители стареют из года в год. Скучать по их бессмертному образу. Не видеть собственную жизнь, растворившись в толпе таких же иноземцев. Искать счастья,

зная, что единственно возможный вариант – сам путь к нему, но никак не его достижение. Отправиться в паломничество, где никто не увидит отчаяния и, в конце концов, стореть в агонии собственного бессилия.

Людам свойственно романтизировать собственный образ. Что уж тут поделаться? Куда лучше чувствовать себя особенным и неповторимым, стараясь поступками и стремлениями каждый день удерживать этот внутренний уровень, чем свыкнуться с мыслью повторности «я», слишком рано умерев как воин, распластавшись на асфальте общественного бессилия.

На вопрос родителей: «В какой институт ты собираешься поступать?» – отвечаю уклончиво. Тут вступает в силу игра, где выказать пренебрежение официальной причине уезда никак нельзя.

Надеваю маску вдумчивого молодого человека. Вьющаяся чёлка свисает, падая на оправу очков. Взгляд направлен вдаль, ум как бы взвешивает ответ. На самом же деле я давно продумал план действий до мелочей: «Ну, знаете, главное ведь не столько сам институт, сколько люди. Пока думаю. Веду переписку с одним ректором из института экономики...»

Родители благосклонно кивают. Им радостно за образ повзрослевшего сына. А в будущем, если этому сыну немножко повезёт, он станет замечательной опорой и гордостью!

Я знаю их мысли, уж поверьте. Общая картина вполне чётко прорисовывается в каждой около личности, если толь-

ко уделить ей немного внимания. Мне без разницы на кого я поступлю. Приоритет в пользу «экономиста» был заранее отдан за счёт самого минимального набора предметов. Русский, математика, обществознание. Всё. Проще пути просто не сыскать.

Если бы у меня оказалось поболи мозгов, то можно было попытаться поступить на филолога, но, увы, влияние впитываемой мною культуры не подразумевало прилежности и официальности. Если ты художник, то обязательно бедный и больной. Поэт – страдающий и зависимый параноик. Романист – сумасшедший каннибал, пожирающий собственную плоть.

В тогдашнем представлении только в таком обличии можно было не стесняться своих попыток прикоснуться к прекрасному перед «последним вздохом».

Неужели моим изначальным желанием была трагическая смерть? С трудом в такое верится, причина вполне может оказаться куда глубже. Например: в образе. Да. Быть трагичным и смотреть на себя со стороны, а после, кто-то обязательно раскусит твой гений. Спасёт в последнюю секунду от свободного падения или падения же нравственного.

Подростковая важность и ненужное высокомерие создало великую стену из причин возвеличить своё «я» в отражении. Смотрите, какой он был великий. Молодой поэт с разбитым сердцем. Одиночка, покинувший родную деревню в поисках смысла жизни, который ему так и не повстречался.

Ведь главный его смысл, вся суть этого самобытного нутра – выплёскивать страдания в виде слов. Но почему мы не видели его раньше? А всё по той же причине, почему многие великие люди при жизни были никому не нужны. Народишко требует мгновенных зрелищ. Симфония же – пища эстетов.

Уж простите, господа гении, но в наступившем XXI веке деньги и реклама стали основоположниками медиапространства. Совсем не важно, чего вы там черкаете, главное, чтобы в вас захотели вложить кучу денег. Без зазрений совести вверить собственное дитя в лапы магазинов, где жалкий профиль и ребёнок станут логотипом на футболке из дешевой ткани. А ещё кружки, сумки, ручки, блокноты, и, конечно же, красивые подарочные книжки по двойной цене.

Теперь плата за принятый гений – гореть в маркетинговом аду. Те, кто не смог прорваться – считают себя уникальными, просто непонятыми. Те же, кто прорвался – считают себя выдающимися, хотя дело в связях, деньгах (за редким исключением) и случайности. Общий же знаменатель вышеперечисленного: игра и природный эгоизм.

Мне восемнадцать. Я симпатичен, молчалив. Одноклассницы проявляют ко мне интерес, но я остаюсь холодным. Не хватало ещё привязаться к благодетелю, под весом которого планы отправятся на свалку. Уехать отсюда – единственное желание, которое мне под силу осуществить.

Еле удовлетворительные оценки в четвертях. Похоже, я расслабился, потерявшись в мечтах. За время, которое так

скоротечно умудрилось пролететь в несколько абзацев (пока шумели путанные мысли), я смог завязать с запрещёнкой. Теперь только сигареты и алкоголь. Теперь только традиционная, официально разрешенная травля.

Учитель русского языка говорит мне: «Ты ходячая катастрофа для школы! Ты завалишь все экзамены, особенно великий русский язык!». В такие моменты стараюсь чуть более выразительно ухмыляться на подобные заявления. Декоративный бессловесный ответ очень злит настоящих взрослых, сделать же они ничего не могут.

К их сожалению, даже самый бездарный ученик знает правила государственных школ: из этих стен невозможно вылететь. Как бы эта женщина в сером костюме не хотела, а я пойду на финальные экзамены, постараюсь написать их на минимальный проходной балл – и дело в шляпе. И суть не в собственных низких ожиданиях. Просто тот я оказался на перепутье, где пришлось взять самую сложную вершину – золотую середину.

Я способный. Это точно. При желании можно было написать экзамены с отличием. Подготовиться к ним – дело двух недель. Но это означало бы потерпеть внутренний проигрыш. Поклониться тем, кого ты презираешь. Будучи голодным, склониться за брошенной коркой хлеба. В данном случае: за коркой невостробованного образования, брошенной винтиками системы.

Мне восемнадцать, и я до сих пор пребываю в сладком

неведении, что и сам являюсь тем самым винтиком. Сама смерть не может изменить положения, только возвращенная иллюзия. Весь из себя скрытый и важный, сдаю экзамены на средние баллы. Весь из себя задумчивый и приглаженный, еду на вступительные экзамены в большой город. Весь из себя волнительный, получаю письмо с положительным ответом, ведь деньги с родителей институт будет получать приличные. Теперь мой отец и мать моя – новые кормилицы всех причастных.

Весь из себя чувственный и спокойный, сажусь на поезд. Общежитие ждёт меня. Я уезжаю, ни с кем не прощаясь. Меня больше не увидят друзья и знакомые, а значит, я смог вычеркнуть себя из их жизни. Теперь мне спокойней на уме. Только дума о светлом лице родителей делает моему сердцу больно, но скоро и это пройдёт. Не забывайте. Главное – бессмертный образ света, нежели гниющая близость плоти.

В плацкарте прохладно. Ночь. Прошло пять часов с момента, как мой портрет в грязном оконце исчез с внешнего пространства, завлёкшись силой движения по распланированному маршруту.

Нынешняя обстановка мало напоминает ту, которая царствовала в юности. Всё меньше людей общаются друг с другом, считая дорожные знакомства небезопасными. Нет этих жареных куриц, варёных яиц и быстрозавариваемых коробочек с пюре. Куда-то делись мужчины, любившие распивать

спирт, а затем мешаться под ногами жизни.

Безусловно, такую тенденцию можно отнести к положительному сегменту. Народ окультурился. Не без новых законов, да. И не без проблем смены общественного сознания с приходом новых тенденций, чья радикальность могла вызывать резонансные скандалы. Но именно вычурные тенденции незаметно ослабили «принципиальных», сделав их более сдержанными ко многим вещам. Переосмысление.

Неподалёку от меня сидит военный. Достаточно взрослый мужчина. Его можно считать одним из символов прошлого. Густые седые усы. Идеальная осанка. Казарменная выправка. Ещё до недавнего времени взгляд такого нравственного (по стандартам общепринятых правил) человека выражал бы нескрываемую ненависть к фигуре моего толка.

Бледный и тощий парень с причёской «как у девчонки» в слишком инфантильной одежде. Но только стоило информационной паутине разрастись до масштабов вселенной, выкатив на обозрение несчётное количество нестандартных (по многим критериям) людей, как подобные «не мужики» вроде меня ушли на десятый план. Мода тягуча.

Контраст работает безотказно. На фоне всех этих меньшинств, верующих в макаронного монстра, сатанистов, террористов – человек вроде меня начал выглядеть вполне обычно. Фокус ненависти сместился.

Стоит ли мне радоваться этому? Скорее, да, только не слишком сильно. В любом случае, у прогресса всегда есть пу-

ти отступления, которые он сам же и порождает. Не ровен тот день, когда произойдёт нечто неприятное, из-за чего мы весёлой компанией покатаемся обратно к чертям. Не существует ни одного менталитета на свете, который остался бы непоколебимым гордецом. Традиции уходят с людьми и ничто этого не изменит.

Такое умозаключение наталкивает на присказку «Попробовавший мёд за хлебом не ползет». Не знаю, откуда я её взял, может и вовсе втихаря сочинил вдали от сознания, но выражение наглядно отображает суть.

Стоит дать слабину, и обратного пути нет. Единожды поступившись принципами, в нас теряется моральная основа к возврату. Даже самый нелогичный разрушительный прогресс будет безоговорочно выигрывать у статичной формы существования.

Ночь. Остановка 40 минут. Я стою на перроне. Дрожу всем телом, упорно зажигая вторую сигарету от бычка.

Сколько бы женщин и девушек не выходило; сколько бы лиц я не видел – фантазия успевает смоделировать сцены разного уровня отношений с каждой. Правда, признаюсь, все они заканчиваются одним и тем же.

Столько лет одно и то же. Повторение собственных желаний манит и сводит с ума. Сколько страниц и ресурсов я потратил, каждый раз вроде бы находя ответ. Я столько нашел оправданий... столько причин. И всё равно, каждый раз я остаюсь с чувством внутренней беспомощности.

Хочется остановить повторы. Стать «нормальным». Да. Иногда мне взбредает в голову покончить со своей личностью раз и навсегда. Сделаться тем самым человеком «с плаката». Какой он?

У мифического нормального человека имеются только положительные качества. Он считается со словом Божьим. Прилежно учится. Платит налоги. Работает, мечтая о карьерном росте. Женится. Заводит двух детей. Сажает дерево. Строит дом (или в современной вариации: берёт ипотеку). Воспитывает детей. Занимается с женой сексом только при выключенном свете в спальней комнате. Пьёт по праздникам. Каждые полгода сдаёт флюорографию и общий анализ крови. Моется один раз в день. Проблемы решает по мере поступления. Плачется только маме или собутыльнику. По выходным занимается пробежкой, а ещё водит дружную семью в кино. После квартиры берёт в ипотеку машину. Доживает до пенсии. Нянчит внуков. Летом весь в делах на даче. Умирает в девяносто лет мирно во сне. Воссоединяется с Богом. Его фотографии в рамочке на полке у выросших детей, которые продолжают нести бремя фамильных ценностей.

Не жизнь, а мечта.

Это именно тот самый наивный портрет, который я втайне хотел бы прожить от корки до корки. Но как это сделать? Ответьте, пожалуйста.

Фобии. Страхи. Мании. Неудавшаяся любовь. Наследственность. Собственная неуместность. Нищета. Несправед-

ливость. Случайность.

Никто не даёт точных инструкций, как бороться с действительностью. Никто не даёт гарантий, что завтра меня не убьют в ближайшей подворотне. Ни один врач не подтвердит, что занятия спортом позволят прожить долгую жизнь, и ни один человек уж точно не сможет гарантировать, что даже при самом лучшем раскладе эта долгая жизнь окажется счастливой. Я чувствую себя Эрой, пришедшим к Басе. Только мой дьявол – не стремление узнать, а желание забыть.

Я мог бы попытаться быть нормальным, но как только поезд трогается, тень спешит в изуродованный временем туалет, в котором усмиряется ломка к постоянному желанию оргазма. Безумная тяга потихоньку сводит меня с ума, но остановиться невозможно.

Читателю может показаться смешным такое большое количество страниц, посвящённое теме самоудовлетворения. Здесь действует одно незыблемое правило: детали всегда определяют общую картину.

Только посмотрите на свою самую мельчайшую привычку. Только проведите пару ниточек логических путей, где эта самая привычка пересечётся с ещё одним фактом. И вы поймёте, нарисовать собственный натуралистичный портрет можно с любого места. Хоть со зрачка! Вопрос только опыта руки, что рисует.

Повторюсь для наглядности: эротизм пропитывает каждую клеточку нашего тела. Весь импульсный подтекст нарав-

не с шаром является кульминационной «точкой» образования. Кто мы без него?

Попробуем пройти путь от знания о моём помешательстве, до заново открытой точки соприкосновения с другой стороны внутреннего покроя.

Я много это делаю. Мои мысли носят разбросанный характер. Каждый раз я воспринимаю кульминацию болезненно, чувствуя неспособность вести себя адекватнее. Любое изменение в жизни рождает во мне чувство, когда я ДОЛЖЕН это сделать. Затем следует повтор, возведённый в десятую степень.

Основная проблема заключена в невозможности найти усреднённый ответ. Хотя он, разумеется, имеется, но звучит не совсем корректно. А вот по поводу позиционирования... каждый человек, в зависимости от своих способностей, вполне смог бы поставить мне первоначальный диагноз.

Психолог мог бы увидеть в моём поведении уже далеко не новое заболевание «сексоголизм». Сверстники вполне списали бы это на: «Ты просто извращенец». Родители покраснели бы от неловкости, сославшись на возраст и развивающийся организм. Более опытные мужчины разглядели бы в таком поведении нехватку настоящих половых контактов (ведь заниматься шалостями с другим человеком – это «потная работка»). И так далее.

К сожалению (не моему), все разношерстные ячейки бу-

дут правы по-своему. И при разговоре с каждым я бы говорил: «Да, это так, но не совсем».

Многослойность частенько пугает. Возможно даже не меньше, чем невозможность объяснить нескончаемое космическое пространство. Только если от вселенной можно оградиться хотя бы на время под крышей ограниченных стен дома, то от собственной многослойности избавиться почти невозможно. Она крепко засела в окопе, каждый раз напоминая о тщетности объяснить себя миру.

Я такой разный для всех. Меня очень-очень много. И тебя, читатель, не меньше. Что нам делать? Единственный способ, который мне видится: смирение. Нужно научиться; буквально насильно воспитать в себе толстую броню безразличия, бросив какие-либо попытки подпустить к себе другого человека ближе, чем на то позволяет социально сложившееся пространство.

Лично я постоянно в фоновом режиме чувствую скорбь от происходящей лжи, которой наполняется каждый видимый сантиметр. Поэтому даже родственных связей недостаточно, чтобы почувствовать истинный коммуникативный контакт.

И да, вот мой усреднённый ответ, ранее названный мною некорректным и не произнесённый вслух. За всеми нашими пороками, мыслями, действиями, ошибками и поступками стоит слово «вина». Но повторяю, это не совсем ответ, и это не совсем чувство.

Ноги соприкасаются с асфальтом земли из грёз. Здесь моё присутствие стало призрачным. Теперь эти красивые внешние фасады, грязные закоулки и свободный нрав – мой новый дом.

Развернувшийся масштаб позволяет добавить в список «примирившихся» почти каждую душу. Богачи, бездомные, ветераны, рецидивисты, влюблённые, деловые, кривые, ангелы, просто молодежь. Все на месте и при своём. Почти утопический уклад общего безразличия. Мне хоть и боязно, но дышится куда свободнее.

Имя мамы. Звонок. Её голос. Она пытается звучать радостно, но я знаю, в её тоне только часть правды. Ужасное чувство тоски связывает нас. Мы как бы разделили тоску между собой, протянув её через три тысячи километров.

Пасмурно. Багажа немного, но вести его за собой сложно. Пока не время гулять, хоть и хочется размяться. Для начала: заселение, душ, обед и немного сна.

Парадная общежития. Менее красивый фасад, нежели в самом центре, но благо до Корбюзье далеко. Деревянная дверь. Пыльные вставки стёкол. Облупленные стены. Пространство выглядит слегка дико, зато запах просто чудеснейший. Ни с чем несравнимый аромат старины.

Книжная пыль непроветренной библиотеки. Вспотевшее, но перед этим вымытое тело под грудой шерстяного свитера. Разогретая еда. Это лишь ассоциации обоняния, жадно заполняющие лёгкие экспонатами.

Строгая вахтёрша с миловидными чертами лица. Ей бы быть чуть поудачливее и состоятельней. Такой тонкой шее подошли бы бусы из подлинного жемчуга.

Она не мила со мной, только лёгкий, если так можно выразиться, оттиск добродушия просвечивает в мимике. Слова – лишь камуфляж, выстраивающиеся стеной по бескрайним причинам.

Моя комната на третьем этаже под номером «35». Зоны разделены самым простым способом. Одна койка сразу справа у входной двери. Вторая слева, а третья – за большим книжным стеллажом из неподъёмного ДСП.

Соседей пока нет. Удостаиваюсь права выбора своего уголка, и по очевидным причинам мой нос скромно кивает в сторону последнего, самого укромного места. Женщина делает пометку в журнале.

Вещи остаются неразобранными. Экскурсия не закончена.

Следующая остановка – ванное помещение с нелепыми стенами. Уборная с кабинками, как в школе. После родительского дома нововведения кажутся диковатыми. Об удивлении можно забыть. К слову, столовой здесь нет. Только пять старых холодильников в коридоре, но в целом – грех жаловаться.

Стены, полы, стёкла, люди – едины, они мало чем отличаются от тех стен и людей, которые я мельком описывал ранее. Закроем столь незначительную тему. Зато запах... В общем,

я на многое готов закрыть глаза, а если бы и не хотел закрывать, то всё равно ничего не смог изменить.

Учебный процесс ещё не вступил в законную силу, есть пару дней в запасе побыть городским зевакой.

Миссис Л. (так я шуточно называю вахтёршу с «жемчужиной шеей») предупреждает о комендантском часе.

«В двадцать три ноль-ноль эти двери будут закрыты для вас, молодой человек!» – предупреждает меня тонкий голосок.

Скромная тень подростка кивает головой. Я бы с радостью поверил в озвученную угрозу, но не могу в виду её полной (либо частичной (скоро узнаем)) наигранности.

Неужели взрослая женщина сможет оставить в холодной ночи юное тело с кудрявой шевелюрой и жалкими плечами? Ах да, миссис Л., вы наверно заметили, я ещё и калека. Разумеется, вы заметили. Вы знаете, я хороший мальчик из хорошей семьи. Стоит ли нам портить отношения? Миссис Л.. Хотите ли вы этого?

Она что-то продолжает говорить, но я не разбираю слов, заиклившись на абсолютно ненужном монологе в своей голове. Обещаю не опаздывать.

Стариной временно не пахнет. Зато отовсюду веет свежим кофе и булочками. Северный город потерял величие сто лет назад, превратившись в отличное место для бизнеса. У всего

есть взлёты и падения.

Отказываясь от какой-либо навигации – держу путь в случайно увиденную сторону.

Вечер. Солнце начало медленно опускаться к горизонту. Оно держится на одном энтузиазме в память о недавнем лете. Тепло.

Люди целыми горстями заваливают собою каждый уголок, хаотично передвигаясь (но только для стороннего наблюдателя). Город живёт без шанса на привал. Выходцу из маленькой деревушки сложно вот так сразу привыкнуть к необъятному пространству.

Для себя я могу быть кем угодно, а вот для остальных – равноценный фон. Это мне безумно нравится. Иногда пытаюсь представить себя не собой. Допустим, вот этот пожилой мужчина, только что прошагавший неспешно мимо. Наши взгляды в момент пересеклись. Есть контакт. Фиксируем в памяти. Теперь можно попытаться стать этими глазами.

Перевоплощение с секундной задержкой.

«Город набит людьми. Все куда-то спешат. А моя жизнь, что она? Я дышу, пока того желает господь. Я умру, когда господь пожелает. Весь этот шум утомляет, но скоро я приду домой и поставлю воду на чай».

Так мне представляются чужие мысли. В представленной повседневной тоске мои старческие глаза не останавливаются на собственной тени извне. А значит: я фон, нет меня для этого разума, а не быть – бывает иногда полезным.

Немного душно и чешется лицо. Третичные симптомы ломки. Моя временная очистка прошла более чем удачно, поэтому пока не вижу причины развязываться, хотя признаюсь, глаза только и бегают по загаженным подворотням в поиске подозрительных лиц, с кем можно было бы завести непринужденный разговор.

Я знаю, любой импульс в неправильную сторону заставит сорваться, начав кубарем нестись в сторону разрушения. Я так боюсь смерти! Точнее, я слишком привязался к материальному. Так говорят люди из «лауши».

Порою создаётся чувство, словно весь путь человека – подготовка к миру без его существования; подготовка единицы перейти в отрицательный цикл распада. Мы вроде одним краешком затрагивали с вами эту тему, но высказать лишний раз одно из банальных предположений никогда не бывает лишним, особенно когда оно вполне естественно укладывается на скрытое стремление поиска пути к спасению от смертного облика в иной форме своего гипотетически возможного существования. То есть – поиск избегания смерти начинает происходить в недоступных для сознания плоскостях, откуда и берётся столько догадок. Может именно поэтому в таком стремлении и проявляется побочная тяга к сожжению этой жизни, словно она дефектная.

Переводя на современную метафору: жизнь – белоснежные штаны, от которых мы отказываемся, видя их ближайшую перспективу быстро испачкаться. Нам нравятся светлые

вещи, но носить их невыгодно.

Смеюсь собственной глупости. В первой попавшейся кофейне беру стакан горячего. Более-менее спокойный пролёт. Сигарета. Не хочется быть слишком сентиментальным, но сейчас процесс поглощения кофе и дыма доставляет мне чрезмерное наслаждение.

Более поздний вечер. Из всех окон струится яркий свет. Уличные музыканты. Бездомные с богатой историей. Прохлада, обволакивающая обнаженный затылок. Кто я теперь? Нельзя уже сказать, что я именно тот, кем был раньше. Нет. Это слишком просто. Точнее, вопрос ведь задан не про общие характеристики по типу имени, внешности в целом и дело даже не в убеждениях.

Можно сколько угодно думать, что человек меняется внутренне или ошибочно полагать о противоположащем. Только правда всегда будет неоднозначна и пролегает она где-то между двух точек. Мы постоянно меняемся, где все негативные и качественно-положительные передвижения базируются на полученном предыдущем опыте.

Из этого можно предположить: первые удары по внутреннему мрамору происходят интуитивно. Ещё неясно, какая форма задастся. В этом деле главное – как можно раньше увидеть замысел (либо заметить ошибку) для минимизирования дальнейших потерь.

Каждую секунду мы ваяем внутреннюю мраморную ста-

тую, пока окончательно не превратим её в надгробную плиту. А пока есть время, происходит выправление, но оно не в состоянии приобрести абсолютно новую форму. Каждый неверный шаг будет отмечен рубцами.

Убийца так и останется убийцей, даже если изберёт путь праведника. Любая его благодетель будет обременена прошлым, выставляя себя напоказ в ночи.

«Боже, я отстроил храм. Я спас десятки людей из пожара. Я раздал все блага нуждающимся» – будет говорить бывший киллер. А молчаливый Бог в ответ только одним своим взглядом промолвит: «И пришел ты на этот путь через величайший грех».

В головную подкорку записан каждый вздох, честное слово. Для кого-то может показаться это некой формой богохульства, но мне почему-то кажется, что основная тенденция к формированию порока происходит от заблуждения, которое, в свою очередь, формирует внеобщественную искренность к собственным злодеяниям.

Определение греха происходит не внешним общественным порядком, а внутренним начальством, которое даёт предельно ясный отчёт о поступках, формируя и отношение к ним.

Есть безумцы, на чьей совести чужая кровь, но их внутренний голос, вопреки всеобщему порицанию, считает совершенную мерзость, как высшее благо. И ум такого человека, этого грязного маньяка (которому вечно гореть в аду)

преисполнен пением ангелов. Он выполняет то предназначение, которое ему шепнули на ушко. Этого «низкого» человечешку не мучает бессонница, и уж точно он не страдает сбитым пульсом, а если такой сбой и происходит, то только от волнения из-за свершенного предназначения.

По моему мнению, именно раскаявшийся и понявший свою низость человек вполне вероятнее попадёт в (предполагаемую) преисподнюю, нежели самое ужасное зло, считающее себя светом. И всё опять же упирается в чувство вины.

У одного из ТЦ со мной заговорили две девушки, попросив прикурить. У них действительно сломалась зажигалка, а покурить хочется сейчас.

Происходит непринуждённое общение. Личная информация разлетается из уст быстро, формируя доверительный тон. Пара шуток. Улыбки.

После мы рассасываемся в толпе без взятых друг у друга номеров. Мы не обещаем увидеться и, скорее всего, случайность больше никогда не сведёт нас вместе. Именно в такой встрече я почувствовал уют и комфорт. Как же в действительности нужно мало человеку для счастья.

Звучит высокопарно для крошечного момента, но только с одной стороны. Просто дело в симуляции определённого набора качеств и ситуаций, в которой субъект (в данном случае я) испытал счастье в миниатюре. А вот если применить «качественную модель» в более обширном масштабе, то вся

эта «малость» превратится понятное дело во что.

До официального закрытия общежития остаётся меньше часа. Последняя сигарета и нужно бежать. Я это говорю к тому... вы когда-нибудь представляли идеальную планету? Конечно, кто-то из вас посмеётся, сказав, что идеальная планета та, на которой нет людей. И я вас полностью поддержу. Только вот человек уже (и пока ещё) есть. Сознание паразитирует, неся в своей гоночной кабине наши бессмертные души. Что нам остаётся? Какой путь мы могли бы избрать, нарушив имеющиеся законы эволюции, инстинктов и ошибок?

Первое, что понял бы человек: убивать себе подобных – глупо. Основная причина насильственных действий заключается в желании доминировать. Все страны Мира занимаются подобным и сейчас, только полигон перешел в экономическое поле. Не суть.

Люди вдруг полноценно осознали: в убийствах нет никакого смысла! Ложные причины, способствующие подобным стремлениям, сразу бы искоренились. Никаких государств. Никаких территорий. Никаких имуществ. Никаких классовых разделений. Никаких денег. НИ-ЧЕ-ГО, к чему мы так привыкли. И даже это странное понятие, как «культура народов» исчезла бы за своей ненужностью. На кой чёрт нам знать прошлое, где убивают? Разумеется, кто-то из вас скажет: «Чтобы не совершать ошибки в будущем», а я отвечу: чушь собачья. История циклична. Знание даёт человеку ровно ничего. Из раза в раз мы наступаем на одни и те же грабли.

Мои взгляды, несомненно, имеют радикальные черты. Но я никого ни к чему не призываю. Всего лишь невинная фантазия на тему: «А как бы могло быть?»

Так вот, культура и история сжигаются. Но не как в антиутопиях, а скорее как «костёр Мира». Огромное пламя, не имеющее ни начала, ни конца. Все книги, все документы на любых носителях стали бы топливом. И вот оно, очищение. Земной шар без пубертатной делёжки «Это моё, отдай, у тебя и так много!»

Никакой культуры и истории. Что делать дальше всем нам, несчастным человечкам, решившим в одночасье покончить с собственной ущербностью? Разумеется – очистить разум. И здесь уж кто на что горазд.

Одни смогут и так отпустить ситуацию, забыв прошлое как страшный сон. Другие будут напиваться неделями, вытравляя въевшиеся понятия.

Появится сразу горсть учёных, которые смогут найти точку в человеческой черепной коробке, благодаря которой можно по одному клику перезагрузить мозги. Те же, кому ничего не помогло; те самые консерваторы... единственно возможная их дорога стала бы гибелью, но новые люди не дали бы им умереть с голода. Именно. Новый человек научится отдавать без принуждения.

Новый человек без обременяющей грязи видит только любовь. Звучит немного в стиле «хиппи», но что поделаться? Детали – ещё не совпадения. Да и новым людям стали бы не

нужны понятия. Зачем, когда есть Мир, воздух, открытость и наслаждение.

Я много думал и очень долго считал, что размножение (как для любой паразитирующей клетки) – является главной человеческой целью. И в таком случае прочие поступки теряли какой-либо смысл. Общий колорит нерушим или, точнее, прописанная формула негибаема в своём решении, но вот под эгидой идеального устройства – всё меняется.

Если бы вдруг с человеческим родом произошел такой феномен, то рождение детей ушло бы на второй план, уступив стремлению к наслаждению. Причём от общего к частному и наоборот.

Народы смешались. Через три-восемь-пятнадцать поколений появились бы совсем иные существа. Вроде и люди, только лишённые всего, что было нам присуще.

Языки смешались бы в один органичный орнамент. Чьи-то бывшие дома в собственности стали бы убежищем каждого. Бескорыстные соития, душистая еда, отсутствие страха за себя, отсутствие времени, отсутствие понятий.

Вполне возможно, новый человек – это забытый старый человек до появления необходимости брать в руки камень. Может так стать, истинное развитие к свету (а значит и раю) именно и состоит в том, чтобы повернуть эволюцию вспять, заделавшись в элементарный водород. Стать частичкой целого. Но пока самый реальный путь к усреднению – наша смертность, которую так боится тело.

В одном фильме я как-то услышал фразу: «Тело всегда будет принадлежать аду, а душа всегда будет принадлежать раю». Продолжая мысль, добавлю: мы всегда ищем компромисс, потому как ещё живы.

Вы, наверно, уже догадались. Я опоздал к назначенному времени. Ненамного, но у некоторых пожилых особ больно сильно развито чувство точности. Правила есть правила. Я виноват.

Дверь закрыта. Нажимаю звонок. Проходят мучительные две минуты, пока консьержка, шевеля ключом, открывается передо мною с имеющимся запасом возмущения. Вид опоздавшего меня, как и положено, выражает глубокое сожаление.

Миссис Л. интересуется причиной, которая способствовала такому кощунственному неисполнению прописанных правил. Мой лживый (но только не для этих страниц) язык мямлит вполне закономерную отмашку: «Простите, я заблудился. Знаете, город такой необъятный, я потерялся в его красоте. По собственной наивности я думал, что смогу быстро вернуться по «ниточке», но она оборвалась где-то на синей ветке».

Извинения принимаются. Эта несчастная уходит в свою комнатку, откуда доносится шум телевизора с низкопробным шоу. Я же ухожу к себе, где никого нет. Только пару тараканов, случайно попадающих под подошву. Скорбь мешается с омерзением. Что принесёт мне новый день – неиз-

вестно, но перед сном я точно почитаю и разложу вещи по полкам.

Если бы мне взбрело в голову описывать учебные будни, то желание выговориться превратилось бы в скучную биографию, размазав собственные критерии такими пачками ненужных глаголов. Знакомился. Учился. Ел. Спал. Курил. Смеялся. И так далее.

Как же приятно быть к чему-то причастным. Я сам улыбаюсь тому, как может радовать отсутствие акцентного импульса; действия, которое захотелось бы описать. Возможно, именно это мне и было нужно: почувствовать себя частью толпы. Поэтому будние дни с шести утра до семнадцати ноль-ноль я вычеркиваю, не желая больше о них заикаться.

Оставшееся время наедине.

Первые недели я даже не притрагивался к ручке и бумаге. Просто бродил по улицам, заглядывая в каждый неприметный закоулок. В те редкие мгновения, когда никого не было поблизости, я трогал стены и, казалось, что кожа моя считывает их историю. Боль от возведения. Блаженство от нанесения прохладной краски. Интрига, когда полые внутренности были забиты мебелью и проводкой. Положительный импульс к новому, а затем в собственном нутре зароились люди.

Словно чужие голоса в голове, наперебой выкрикивающие набор букв с разной тональностью. Стоны любви. Крики обид. Волны ненависти.

Моя (может и надуманная) эмпатия никогда не спит. Я постоянно думаю о людях. Смотрю на лица прохожих, и в каждой морщинке вижу боль и непонимание. Хотя скорее да, больше растерянность из-за времени. Как оно так пролетело?

Все эти мы оплакиваем себя, стараясь забыться. Кто мы без выдуманных правил и мнимых проблем? Моя мама сказала бы, что человек без правил станет животным, но не таким чистым, как настоящая природная фауна. Они-то существуют по законам природы, не отклоняясь от инстинктов, но люди, вот они-то, то есть, мы-то и превратимся без правил во что-то ужасающе разрушающее. Я не согласен.

Разумеется, если бы так случилось, что после правил пришла полная анархия, то первое десятилетие безумцы и моральные калеки наслаждались бы свободой, а затем сформировавшиеся общины начали бы вводить новые правила. Тогда стоп.

Другой путь.

Если бы человек не стал создавать общин, то последующие поколения начали бы терять общепринятый облик. А если ещё и воспитанные грамотные люди отказались от нравочужения потомства, то да, мы бы потихоньку вернули земле-матушке равновесие. Избавились бы от сознания, как от воспалённого аппендицита, став, наконец, теми, кем и должны были оставаться. Мне думается, именно так бы всё и произошло, но вот мысль о том, что мы уничтожили друг друга

– нет. Потому как уничтожаем мы ближних уже сейчас, будучи цивилизованными людьми с правилами.

Мы уничтожаем их чувства собственными обидами. Нас уничтожает машина бюрократии законами, которые не всегда могут грамотно ответить на частные вопросы. Нас уничтожает тяга к удовольствию, где мозг, словно помешанный, постоянно пытается обойти сложности, не вспотев. Сама природа запрограммирована убивать нас. Так задумано.

Настоящий «я» чувствует тотальную нейтральность. Я могу говорить, что мне нравится тот или иной сорт вина. Цвет. Запах. Форма женского тела или конкретная форма общения.

Тысяча оценочных моментов, где я постоянно делаю выбор – всего лишь притворство, которое каждый раз с надрывом выдавливается из меня. Какая-то внутренняя часть меня действительно боится принимать правду, поэтому изо дня в день я ищу любимую музыку, писателей, знакомых. Постоянно пытаюсь найти новые блюда, которые стали бы моими любимыми. Я слушаю много шуток, чтобы какая-то рассмешила до панической атаки. Я живу человеком, но моё сознание, мой храм, в котором я молюсь (пока никто не видит) постоянно молчаливо напоминает мне, кто я есть.

Мой главный порок в этой жизни не допинги, не телесное помешательство, не десять заповедей бога, которые я могу нарушить или уже нарушал. И даже не мои, порою, очень страшные мысли, которые бывают преступны и аморальны.

Мой главный порок – безразличие к предоставленному дару.

Кто-то из вас обязательно узрит в заключении фальшь или элементарные зачатки усталости вперемишку с депрессивными эпизодами. Кто-то же начнёт ссылаться на мой юный возраст, и что я просто драматизирую. Конечно, если приставить к моей голове пистолет – я буду дрожать, бояться. Возможно, я даже вспомню молитву и начну рьяно нашептывать её. А если заболею чем-то смертельным, то буду до самого конца сожалеть о потере материального.

Дайте мне просто так мешок денег, и я на ваших глазах обрадуюсь, потому как откроются возможности. Или, скажем, если мои родные проживут до ста лет, я точно буду благодарить, как и многие из вас, судьбу за её доброту. Но что же во всём этом будет внутри меня? Почему зародыш останется без впечатления? Почему его беспристрастие расстроит, когда я посмотрю на его лицо в кромешной тьме?

Я очень хочу, чтобы скептический зритель оказался прав. Я хочу проснуться в один из обычных дней и понять, что я люблю эту жизнь; что я хочу искренне смеяться. Искренне желать продвижения по службе. Искренне мечтать о бессмертии для всех достойных людей. Искренне... быть. Возможно, так оно и будет. И я забуду о себе вот таком, какой я сейчас. Тот человек уйдёт, оставив тело моё и дух в радости и покое. Всё это покажет время, но сейчас я искренне улыбаюсь только тому, что жизнь не длится вечно. И эта конечность меня успокаивает, только иногда пугая загробным

продолжением.

Сейчас я иду по самым людным улицами и ухмыляюсь. Да. Ироничная лёгкая улыбочка, никто и не заметит. Все эти попытки объяснить себя – смешны. Но почему? Может виной тому исключительное сосредоточение на темах, которые кажутся чем-то выходящими за норму поведения, но разве сама норма не говорит о коллективном безумии? Каждый раз я буду заходить в тупик, ведь каждая дорога только и ведёт к этому самому тупику.

Что же остаётся? Что я получил, проделав такой долгий путь в надежде объясниться? Целая череда предложений – одна лишь маленькая неуклюжая попытка, но что я получил?! Я спрашиваю.

Сказать «облегчение» – значит соврать. Лишний раз напомнить себе «кто ты?» – уже ближе к условной правде. Моя бесконечность. Мой век. Моё истерзанное тело. Моя душа.

Кто во всей этой нескладной истории «вы» и эти постыдные воспоминания? Можно без преувеличения сказать, я набрался наглости сделать вас соучастниками.

Я хотел. Даже точнее: я желал, чтобы вы вскрыли собственный замок, посмотрев на себя теми самыми незаспанными глазами, которые поначалу ужаснулись собственному отражению, и только со временем научились бы чуть более снисходительно относиться к естественному уродству. Не пытайтесь сказать мне, будто вы не такие. Не врите хотя

бы себе.

Опыт познания реальности – тот самый аргумент, позволяющий мне со всей наглостью тянуть вас за собой. Простите, но вы люди. А даже те единицы, которые умудрились не запятнать себя поисками, вы ещё страшнее нас, вечно неспокойно ищущих ответы. Статуи, которых выковал «неизвестный» для декора богатых господ.

Грязный асфальт под ногами. Сотни и тысячи оттенков разной ткани. Формы обуви отличаются. Причёски. Шапки. Кепки. Разные походки. Где-то идут парами. Где-то толпой, что и не сосчитать... Да. И шум. Постоянные комбинации.

Вот в голову влетают звуки деревянного соловья. Отдельные слова с обсуждениями. Проблемы. Новинки моды. Пятничные планы. Смешки. Нескрываемая агрессия. Вопросы.

Поворот направо приносит долгий светофор. Мы ждём, когда же можно будет перейти в другую параллель. Девушка на другой стороне будто бы с интересом посмотрела в мою сторону, но затем пропала. Толпа съедает её. Мы все идём. Глазами ищу лицо, но тщетно. Кофе по скидке после четырех дня или вечера?

Гнилостный запах у люков. Калеки попрошайничают на узком проходе, с хитрецей посматривая прямо в глаза. Задумчивые листья скользят по ветру, попадая прямо в объектив. И каждый здесь чувствует себя особенным. Да. Это правда, но это ложь. Не сложно вот так сорваться с урбанистической мантры.

Редкие деревья. Они успели покрыться той самой безжизненной коркой для сна. Падающие люди где-то рядом, от переизбытка внутренних страданий. Счастливые дети. Школьники. Влюблённые подростки, которые пока сами стесняются первых чувств после жаркого и беззаботного лета. Деловые маленькие собачки. Постоянная рекламная пауза, что вызывает мигрень, а у некоторых и душевную эпилепсию. Допустим меня... осталось только вспомнить, кто этот «меня». А, нет, пока помню. Безразличие вокруг съедает. Но если и есть кому-то дело, то это тоже своего рода перекус. Пищевая цепочка, как любое другое понятие всегда пронизывает насквозь аспекты существования. Вот да, ещё одна тема, на которой можно сфокусироваться.

Допустим, еда. Как уже было сказано выше, мы её употребляем. Она нас употребляет. Пища бывает для ума, для настроения и с пылу, с жару. Еда – основа. По такой логике и космос ведь чем-то питается, правильно? Скорее всего энергией (ведь именно её дарит еда), а раз так, то любой наш приём пищи – это кормление космоса. Как вам такое? Замкнутая цепочка, образующая монументальную идею об одержимости высших физических (и выходящих за грани понимания) сил накормить всех вусмерть. И ведь каждый считает себя главным. А вот ещё. Забавно так.

Девочка идёт с мамой и пытается ударить родителя маленькими кулачками, приговаривая: «Ну купи, купи, купи!»
Меня умиляет это не только с точки зрения наивности,

но и с точки искренности настоящей трагедии, сравнимой с потерей чего-то действительно дорогого. Приоритеты меняются. Последний штрих: молодая мама игнорирует ребёнка, пытаясь внутренне собраться в другую структурную идею. Делегирование в пустоту. Ребёнок должен превратиться в уроборос.

Я понимаю, последние строки не должны были быть такими размазанными и «ни о чём». Простите. Честное слово.

Хотелось бы закончить на действительно сильной ноте, словно я смог сделать какие-то выводы. Или, допустим, мне что-то открылось такое (даже пусть и почти неуловимое), что смогло бы изменить меня и вас. Где прожитые годы стали бы тем самым опытом, который принёс пользу и дал будущему хороший запал. Но, увы, записывая свои последние бессельные шатания по чужому городу, я не хочу врать.

А все эти несвязанные предложения – всего лишь попытка не расплакаться за себя и за всех вас. Таких же ранимых, как и я. Таких же потерянных. Заблудших. Непонимающих ровным счётом ничего. Теряющих каждый день по чуть-чуть себя. Медленно гаснувших под натиском, и замешанных событиями, где, казалось бы, уже ничего нельзя исправить, но мы всё пробуем и пробуем обмануться и поверить в новую сказку.

Свет дня

Уступает ночи,
забирая жару,
забирая солнца лучи

Фонари

Редкие их лучи,
монотонно освещают куски,
в промежутках своих –
скромны

Темнота

Женщина в чёрном
заполняет собою пространство.
А фонари, как сверчки –
разбавляют её в тиши

Небо

Имеет свои фонари.
Для людей –
звёзды они.
У женщины в чёрном
свои светлячки

Их свет

Он из будущего
своего настоящего,
светит в наше
настоящее – прошлое

Что же сейчас?

Закурить сигарету,
смолить и смотреть –
сберечь в голове

Образ

А может печаль
(добрая грусть с улыбкой)
Не запечатлеть момент,
он упущен секундой назад

Остаётся

Только смотреть на сейчас,
прослезиться – дым в глаза.
Уяснить раз навсегда

Что

Солнце тоже звезда.

Смерть тоже время.

Молчание тоже слова.

Эпилог

Дневник

3 декабря

Последняя точка была поставлена. Когда? Мой нежный свет (ведь грубой тенью я представляюсь сейчас) замирает на вполне трогательной и невинной ноте.

Описывая отдельные фрагменты взросления, я как бы по-настоящему снова проживал их. Несмотря на частую скверность собственных действий, моё нынешнее отражение испытало радость, окунаясь в ум того мальчика, который любил драматизировать. Того самого мальчика, который придумывал себе судьбу, затем создавая пародию на её исполнение и свято веря, что всё это имеет вес. Того самого мальчика, который изображал из себя безнадёжную жертву, втайне мечтая о чуде.

«О боже, услышь меня и сделай всё наоборот, чтобы я уверовал!»

До сих пор не могу понять, что же я чувствую после крика? Публично открывать мысли того, кем я был – сейчас кажется странным. Сложно сказать, насколько в действительности я был правдив в деталях. Может их и вовсе не было.

Нужно немного отдохнуть и подумать об этом.

П.С.: до сих пор не могу поверить, что двенадцать лет пролетели настолько незаметно.

10 декабря

У взрослого человека есть много преимуществ перед молодостью. К таким, в первую очередь, можно отнести жизненный опыт, включающий в себя два аспекта. Атрофированный максимализм и нехватка здоровья, чтобы предаваться блаженному разрушению (хватает и биологического). Также можно добавить самостоятельность, способную расставить всех на свои места.

Богатые и подмазанные занимают нагретые должности. Бедность и праздность получают своих бедных, но пугающе весёлых слуг. Средний класс биологических машин так и останется средним классом со своими плюс-минус да ценностями семейного очага.

Художники же (сейчас я говорю про настоящих деятелей, а не тех, кто стремится поглощать коктейль «Голливуд-парк») получают свою порцию страданий, благодаря чему их жизненный запас достаточно быстро заканчивается, оставляя на редкую старость безумие и голод. Есть ещё те лица, которые умудряются найти баланс между своими стремлениями и возможностями, но случайных критериев

так много, что редкие потуги к таковой жизни всё равно приравниваются к рулетке. Благо, иногда эта рулетка бывает благосклонной.

Лично я не смог к своим годам добиться желаемого, но никто не говорит о моём смирении. Нет. Пока я не уронил свою мечту в грязную лужу, как бросают сигаретный бычок мимо урны, делая вид, словно так и должно быть. Хамство и свинство. А ещё: слабохарактерность – когда ты осознаёшь свой мелкий проступок, с благостной мыслью, что никто не видел.

Прошла неделя с последней записи. Я обещал себе подумать над написанным и, честно говоря, процесс анализа в заданной плоскости за отведённые дни привёл меня лишь в тупик. Одним из оправданий своих странностей и ошибок могла бы послужить фраза: «Всё это сделало меня тем, кто я есть сейчас», но мы ведь прекрасно понимаем, что работает она исключительно в тех случаях, когда n-ый субъект что-то по итогу из себя представляет, либо, если речь строится в негативно-показательном ключе.

В моём же случае весь предыдущий опыт не сформировал из меня ни художника, ни полноценную ячейку общества, которая могла бы похвастаться локальными достижениями. У меня нет ничего, чем я мог бы гордиться. Есть только ощущение, что я немного не понял правил игры, оставшись в промежуточной невесомости между бортом парохода и холодным морем.

Мимолётные отношения. Литературные вечера. Подработки на низкооплачиваемых местах. Мечта, поселившаяся в голове, да так, что скальпелем не вырезать, разве только полностью лишит себя головы.

И всё казалось, что времени много. Казалось, вот он, есть прогресс. Ещё чуть-чуть и получится! Вот увидишь. Только за пеленой мнимого движения скрывалась вкопаность. Моргнул и прощай, моя бедная молодость.

Поэтому, когда я обещал подумать над своей исповедью – я не лгал. Просто не смог прийти к чему-то однозначному. Это чувство... знаете, того банального счастья, когда в жизни было всё, а ты не видел его, гоняясь за призраками.

Я улыбаюсь, вспоминая время, когда человечество ещё не умирало от новой чумы. Я улыбаюсь, вспоминая здорового себя, такого «дурака», который с сигаретой в зубах умудрялся наматывать зимой круги в лесу на лыжах, ни капельки не уставая. Того себя, который мог позволить себе не спать целую ночь, занимаясь любовью с собственной фантазией. Того себя, который...

11 декабря

Сейчас моя жизнь вполне походит на ту самую жизнь, к которой стремится средний человек (за исключением семьи с женой и ребёнком, которыми я не успел обзавестись). У меня есть работа на скотобойне и свободное время, которое

тратится на алкоголь для чувства онемения мыслей.

У меня нет долгов. Я никому не враг, и я никогда не убивал людей. Совесть моя чиста именно по этим пунктам. Заповеди, отнюдь, принадлежат не только ярым религиозным умам, но и простым людям, у которых имеется элементарная совесть.

Вот допустим, вся эта идея с покаянием пришла мне неспроста. Один из свободных вечеров в неделю я начал тратить на психолога. Людям постоянно нужно с кем-то коммуницировать, иначе тишина может запросто свести с ума.

Я одинок, само давление имеет более высокий показатель. Кем бы человек ни был, делиться эмоциями (и знать, что кто-то их пытается понять) – одна из важнейших и фундаментальных функций наших несовершенных жизней. А когда делиться не с кем, остаётся только разговор самим с собой.

Какого же было наслаждение вытаскивать на страницы себя. Да. Именно. Я вытащил себя почти настоящего. Того, кем может прямо сейчас являетесь и вы: живыми, изучающими, размышляющими и мечтающими.

Кто бы что не говорил, но для меня абсолютно равнозначным является стремление «посмотреть Мир» со стремлением «заглянуть в собственную душу». Это два вида путешествий, для которых нужна определённая смелость. Но если в первом случае достаточно просто денег, то во втором место денег занимает отчаяние на каждом своём этапе.

12 декабря

С каждым днём число смертей увеличивается. Люди в панике, врачи разводят руками, боясь не меньше остальных. Только лица с экранов пытаются держаться по причине имеющегося телесуфлёра.

Когда всё только начиналось, я ужасно испугался. Как так?! Молодой я, да попасть под риск вот так исчезнуть в муках?

Сколько же во мне развилось неврастенических настроений! С того времени прошло несколько лет. Теперь я действительно повзрослел. А ещё я устал бояться. Это ли не блажь?

15 декабря

Кто не был на скотобойне – счастливый человек. Видеть кусок мяса в красивой упаковке на прилавке и слышать истерическое бляение – сильно разнятся. После полугода работы я даже не мог думать о том, чтобы съесть что-то некогда живое. Тогда я напрочь потерял границы между смертью животных и людей. Убийство – есть убийство, и это чистая правда.

Но время лечит. Это тоже правда. Дни смягчают в нас многое, в том числе мысли. По итогу я смог прийти к эле-

ментарному заключению о цикличности.

Человек поглощает существ, чья плоть даёт энергию для выживания. Время поглощает людей – и мы удобряем землю. В обоих случаях происходит один из самых важных моментов почтения, когда смерть всех нас несчастных приобретает хоть какой-то смысл. Будь мы все бессмертны то, что тогда? Бессмыслица.

16 декабря

Вчера забыл написать о причине такого странного решения пойти на бойню. Да. У того, кто будет читать эти клочки, может возникнуть вопрос: «Почему именно скотобойня?»

Ответ прост: в такие дни – это лучшее, что смог найти человек с высшим образованием.

17 декабря

Снова снилась работа. Причём в таких деталях, что аж в дрожь берёт. Только на мне не было привычной формы. Футболка, домашние шорты и носки.

Шум механизмов мешался с криками. Иногда они достигали такого критического момента, когда уже было не разобрать: плачут ли это испуганные дети или коровы в мясорубке. И пьянящий запах тёплой крови. Густой, буквально поглощающий помещение; пропитывающий каждый милли-

метр тела. Теперь не отмыться, как ни старайся.

Когда же я проснулся, нижняя часть лица была в засохшей крови. «Лопнул сосуд в носу» – подумал я, но сам сильно испугался. Наволочку попробовал отстирать, теперь она с бледным пятном.

18 декабря

Сегодня сожаление укололо точно под рёбра, когда я вспомнил о родителях, которых не видел уже лет... пять? шесть?

У меня была возможность уехать в родной городок, когда границы ещё не перекрыли из-за этой проклятой эпидемии, но я всё надеялся на лучшее. Думал, через месяц, максимум полгода – пойдёт на спад. Увы, предполагать спокойно может и дурак.

В своей исповеди я писал о том, что на образ родителей лучше смотреть издали, как бы запечатлевая их бессмертный светлый лик. Мои божества. Да.

Сейчас же, как человек, немного познавший жизнь, я хочу хотя бы на мгновение пасть перед матерью и отцом на колени, попросить у них прощения просто так, даже если я ничего для них плохого не сделал, и просто обнять. Но будет ли ещё возможность?

19 декабря

XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

20 декабря

Иногда заранее пишу дату со странной уверенностью, что будет желание поделиться мыслями, а самое главное – это «повод» сделать хоть коротенькую, но запись. Сейчас мне нечего сказать, но этот пробел уж очень сильно раздосадовал. Пусть моё оправдание послужит тем самым мифическим пальцем, который собою пытается заткнуть огромную брешь в корпусе тонущего корабля.

25 декабря

В голове каша. Постоянно пытаюсь примирить тело и ум. Первое хочет бежать, кричать, искать выход. А вот ум говорит о том, что деваться нам некуда. Что есть силы куда могущественнее собственных желаний, и что порою нужно пустить ситуацию на самотёк, надеясь на лучшее.

Периодическое дрыганье мышц на нервной почве раздражает. Особенно когда прихватывает во время смены. Жуть!

Стоишь в этом аду, и глаз так дёргается в такт грохочущим пурпурным лезвиям. Коллега спросит: «Нервы сдают?». Идиот. А разве не видно?

26 декабря

Всегда не любил холод, как и жару. Идеальное для меня время: ранняя осень и поздняя весна. В этом году не спасает даже самая тёплая одежда, новую же купить проблематично. Тут кто во что вкладывается. У меня съём маленькой комнаты, психолог, еда и таблетки. У кого-то одежда, еда и кредиты на бессмысленную машину.

Кто во что вляпался, как говорится.

29 декабря

Скоро Новый Год, но никто, похоже, праздновать не будет. Ну и чёрт с ним, всё равно наступит. А там, глядишь, и лето не за горами.

31 декабря

Я немного слукавил, когда сказал, что 19 числа мне нечего было написать. Врать в собственном дневнике – интересно, конечно. В тот день я звонил маме, а когда она не взяла трубку, то и отцу. С того дня я каждый день звоню им. Всё пытаюсь вбить себе в голову, что проблемы с вышками. Такое уже как-то было. Связи не было, наверное, дня два, но сейчас прошло почти две недели.

Мам, пап... Я очень сильно переживаю, и даже не могу

сказать вам об этом. Я так скучаю. С Новым Годом. С будущим счастьем.

3 января

Меня трясёт. Высокая температура. Одеяла не хватает. Последние месяцы я боялся, что этот момент наступит. И вот он настал. Приехали.

Я бледный. Кости ужасно ломит. Сухие глаза. Зато тело всегда в собственном поту. Сразу же звоню в скорую помощь, где мне прямым текстом сообщают, что не приедут.

Тут уж пятьдесят на пятьдесят. Говорят, лекарства всё равно нет. Чего приезжать? Только распространять. Может и обычный грипп, а может, нет.

Теперь, когда общая напасть коснулась и меня – страх исчез. Сам не пойму, как и почему, но тело моё, под давлением свалившихся невзгод, перестало барахтаться, уволакивая и мысли в бессмысленную ересь.

С огромным усилием смог доковылять до кухни и принести себе воды к кровати. Хозяйка, увидев измождённое лицо квартиранта, ойкнула, убежав под мнимым предлогом в свою комнату. Я вроде даже услышал её «Отче наш...» Испугалась, а сама знает, что, скорее всего её и не заденет. Куда уж там. У стариков особо нечего брать. Болезни любят молодых и крепких. Организмы, в которых есть, чем поживиться. Есть совсем не хочется. Спасибо, сыт по горло. Оставьте

меня в покое.

Вспоминаю тот далёкий месяц, когда лежал в инфекционке. Это бледное, но повзрослевшее лицо. Неужели, когда пойду на поправку, то снова увижу ту самую метаморфозу? Было бы смешно...

Как же хочется заботы. Звучит эгоистично, но я помню родительское тепло в те дни, когда мне было безумно плохо. Моё тонкое, размазанное тельце на диване под слоем толстых одеял. И матушка всё суетится. То воды даст, то температуру меряет. Как заварит крепких трав! Или заставит над картошкой попариться. А затем спинку поразминает, а отец с работы придёт и хорошенько ноги разогреет мазью и помнёт. Сразу так хорошо становилось. Вроде и плохо, но и хорошо...

А потом ещё вот, одно из моих любимых воспоминаний, которое уже никак не связано с болезнью. Ну, может только краешком, когда мама и отец в четыре руки меняли мне промокшие от пота простыни. Я уже шел на поправку, мог позволить себе немного побеситься. Катается пятилетний карапуз, смеётся, лёжа на диване, а отец и мама махают руками с зажатой простынёй, создавая волны, затем накрывая меня ими с головой. Как же было прекрасно!

Краем ума понимаю, что вся культура человека – одна большая выдумка. Но когда думаю о родителях, то хочу, чтобы чудачковатые сказки оказались правдой. Я хочу, чтобы был Бог. Я хочу, чтобы было добро и зло. Я хотел бы, что-

бы все добрые и честные люди попадали именно к Богу, где их ждала самая высшая награда – бессмертие и бесконечный поток блаженного света. Потому как мои родители святые, и когда я их увижу! Да, читатель, кто бы ты ни был, знай: в особенно самый трудный час человек может открыть в себе то, что ему никогда не было доступно. И в моём случае это не просто надежда, а та надежда, которая вот-вот, да обязательно сбудется!

Сейчас я плачу, но только от мысли, что действительно скоро увижу своих родителей. Живых, здоровых. Возможно, слегка постаревших, но ещё крепких и таких же светлых, какими они всегда были. А пока надо понаблюдать за болезнью, мне кажется, она уже начала медленно отступать. Посмотрим, что принесёт мне завтрашний, такой ещё таинственный, день...

4 января

Поэзия, не вошедшая в сборник [СТЕНА]

Свои нужды

Катаклизм несчастий человеческих
исходит от естества своего
в присущей форме.

Как зубы чистить,
как испражниться всем,
так и природе
нужно причаститься.

Акации

Холодная роща с землёй,
под ногами твердь.
Дитя заката-матери,
отца Пилата...
вырви из сердца души моей
несуществующей,
все тревоги из головы.

Холодная роща... ножевыми
своими острыми стеблями,
заточи сильнее себя
путём нанесения увечий плоти,
что, как следствие взаимо-
исключения –
точит и тело мне.

А сердце,
поддавшись на провокацию,
поддавшись мифу,
высаживает вокруг себя
чумные акации,
поросшие скорбью в сито.

Сварог

Жёлтые фонари горят бледно, поверхностно.
Они портят ночь в отсутствие страшного ребёнка –
прародителя своего,
обидчика, что, взойдя на трон дня,
свергает тишину ночи,
выключая своих верных апостолов.
Всё перекрикивая их своим прошлым светом.

Затянутые шторы

Ранний утренний день –
шторы затянули божки,
окрасив в грязный цвет
облака непогоды.

Стена.

Каждая, которая видна,
навивает мысли о
расстреле. Кровь на ней –
лишь вопрос времени.

По стеклу бьёт потоп,
дождевые капли –
манифест жизни!
Размывая зримый пейзаж,
заставляет увидеть важное,
то, что ближе сейчас.

Переключатель

Заплывший взгляд, сухость в горле,
стекляность костей...

Что ещё может дать новый день?
Маленький человек выбирает путь пчелы,
в улье всегда теперь полны плоды.

Измученность суждений,
Объёмы несвободного времени.
Так начинается сумасшествие и
заканчивается личность, заканчивается её...
перерождение.

Свет меркнет в палате.
Каждый думает, что знает, где выключатель.
Каждый думает, что может переключиться
в любой момент.

Но!

Сомнение гложет, не даря покоя.
Каждый вдалеке понимает,
переключателя нет в природе, но для счастья

без усилий об этом забывает.

Новые двери

Чешуя моей старой кожи
висит в гардеробе проглаженная
на узких плечах бедняка.
Кругом равномерный слой
пыли. И холод, сколько не борись –
один исход.

А за окном натыкано сотни тысяч домов,
что сравнимы разве с пустыней.

Чередой событий и действий...
каждый ждёт удачного момента
для начала новой жизни.
Но пока солнце не встало,
и час от часа будет только выше.
Поэтому, надевай свою чешую,
претворись серой мышью.

Ты ещё не готов, я – не готов,
к открытым новым дверям.
Или, просто ещё не нашел, не нашли
эти новые! Открытые!
Цели? Или, может, возможности

быть своим собой,
владеющие индивидуальным языком
африканской (неизведанной) степи.

Молитва

Сколько раз твердил неугомонный старик страсти:
брось дурные сны, освободи себя от осознания
правды.

Что грубо берёт за ворот твоё чувство страсти,
макая в непереваренный стыд.

Заставляет нюхать чужие истины
под эгидой структурированных суждений.

Но на деле, по правде, все они – требуха
грубого мясника, не имеющего ничего,
кроме своего ремесла.

Без отклика, без мечты, прильнуть бы к груди
светлой девы-развратницы,
пришедшей в сердце когда-то давно в образе агнца,
спасителя личного ума.

По ночам ребёнку особенно страшно.
В тёмной комнате, даже когда горит свет – ясно:
езде, повсюду летают падальщики,
сеющие сомнения, питающиеся исключениями
из собственной правды.

Выключая свет, взрослый ребёнок читает молитву себе, возводя голову к небу, где его слова услышат сонные птицы, и тусклый свет надежды станет жить на рассеченной, от удара, губе.

Я

Я – полусумасшедший из абсурда.

Я – полугодовалый раб тоски.

Я – невезучий тип в маршрутке,
что разбилась в полдень воскресенья.

Я – чудотворец, я – чудака,
который зиждет грубой ласки.

Я – часть строений в новой части,
там я сгнивал ещё в зачатъе.

Я – узник мод, узник новых шмоток,
я раб любви к святому и дурному.

Я – тот, кто застрелился от тоски,
пред этим выпуская кольца дыма.

Я кит и рысь, я ручка и ботинок,
я атом, глаз и слёзы ивы.

Я – всё на свете, всё, что я,
ведь каждый я – имеет всё на свете.

Наваждение сна

В бреду сетей, в вечерний зной,
так сильно слышен зов мышей –
распятий сложных дум.

В час мук, сомнений нерадивых,
спасает дух отца и сила двух
новорождённых смыслов.

Зима в апреле

Снег выпал в апреле посреди дня.

С дали похож на пейзаж тумана.

Зима, что школьный хулиган,
пришла на занятия
в конце финального звонка.

Метания

За углом, в провинции...
так неспешен циферблат часов.

А улицы пусты,
так тихо и так спокойно.

Сердце требует благодати,
но ум всё мечется в поиске сражений.

В рок-пабе

В ночи танцпола огни вырывают тени.

Духота и запах пива.

Женский пот просачивается в самое сердце желаний.

Звук всё громче, слов не разобрать.

Тени превращаются в жука, что большим своим присутствием пляшут под африканский ритм степи.

Северный ветер

Ветер на севере дразнит голодного зверя.
Он подталкивает его на крайние меры выживания,
своего сохранения в торговой природе.

Под тромбоны

Сколько стОишь ты?
И где стоИшь?
За грудой мусора
ниже или выше?

Тромбоны шумят,
выплёвывая рифмы –
бесконечный гимн музыканта.

Я иду за тобой
и шаги всё тише.
В теле у меня
недостаток пищи.

Новый день

Я надену все то,
что висит в шкафу –
старомодный костюм
подходящий лицу.

Я увижу все то,
что стоит за углом –
понастроенный рой
идентичных домов.

В магазине куплю
сигареты поштучно,
как всегда – закурю,
выпуская струю.

Чего еще ждать?
Ждёт только наивный.
Остается созидать,
аккуратно вальсируя.

Импровизация 2

Переменный ток похож на азартный ход заядлого выжившего.

Попеременно перебирая фишки в дрожащих руках, образуется константность Его поведения.

Какая разница как их держать – все равно скоро проигрывать.

Особо нервные кончают быстро, но под шумок успевают передернуть затвор и выстрелить.

Смерть – подарок должников, избавление от мучительно-го
вскрытия.

Играй до первого срыва, завязывай с первым лучом солнца
небесного сына,
молиться не забывай – заливаясь сладкими звуками лжи-во.

Нож

Точка терпения достигла предела своего совершенства.

Нет больше в сердце ни тревог, ни печалей.

По спине (от злости) скребет металлический нож,
но я, дорогая, уже не чувствую боли.

Ты шептала слова любви, я пленился под натиском страсти,

но время – коварный игрок, обыграло тебя новой краской.

Обезображенные чувства в своём новом направлении
теперь вызывают рвоту, да разве ещё сожаление.

Вышедший из раны нож вновь втыкается.

Металл рвет новый участок. Снова хлещет кровь, зубы
сжимаются капканом (слышен щёлк!).

Твои уши, дорогая, чувствуют вибрацию моего рычания.

Всё вернуть? Забыть обиды? Понять? Может, предложишь

стереть себе память? Она, как старая процентщица –
помнит все долги до рубля.

Смелым и жестким движением, я вытаскиваю нож из пло-

ти.

Не дрожащей спокойной рукой – возвращаю тебе остриё,
как предмет скорби.

Пракситель

Венера
в динамике
наготой разодета.
Кожа её –
Праксителя ряса.

Перед расстрелом

Знак прокаженного горит над моей головою,
не давая покоя зверству души.

Распишу своим пламенем листы,
либо спалю свой ум до боли!

Жить проще – никак, разве можно хотеть малого?
Зараженный ВЫСКОМЕРИЕМ!
Я – человек! Иду походкой строгою.

Долой уют и тепло! Подождёт все то,
что дорого.

Я – центр Земли, и я хочу сказать свое главное слово:

ДОЛОЙ! ДОЛОЙ! ДОЛОЙ!

Никак иначе.

Жить чужими словами стыдно.

Смести всё сказанное, забыть алфавит –
значит создать его заново.

Врагам своим дарить смертельное молчанье,

не переставая бояться смерти – смеяться над ней,
будто больной! Станет холодно:
раздеться и греться тем, что имеешь за голой душой.
Найдя огонь – сберечь, завидев нахлебника – сжечь!

Я! – последний на Земле человек. И перед расстрелом,
вот моё главное слово: ДОЛОЙ! ДОЛОЙ! ДОЛОЙ!
Увидимся у черты. К чёрту!

Компас

Камни берега дышат водой,
от прилива вздымая грудь.
Только жаль вот им не под силу
показать заблудившимся путь.

Собирая в охапку камни,
я кладу их твердой рукой.
Размещая строго по солнцу,
я отыскиваю путь домой.

Меланхолия

Болезненные устои моей шаткой крепости
находятся на грани помешательства
от бескрайней усталости
симметрично обыденных понятий окружения,
увлекают в своеобразный аутизм.

Как лимон: выжатый, бледный, безвкусный,
плетусь по бескрайней аллее прогнившего злобой
уставшего города.

Розги холодного ветра не щадят мою типичную забывчи-
вость,
ведь пришить пару пуговиц было бы не лишним.

Дрожу.

В несуществующей реальности,
находящейся под неуверенными шагами, трещит лужа
в условной твердости.

Карикатурные лица остаются без внимания и прощения,
пропадая из памяти, как плохой сон с субботы на воскре-
сение.

Во всех невообразимых плоскостях, поворотах правит натур.

И только в убогих, сумасшедших телах цветком распускается сюр.

Все дома превращаются в скалы, из всех окон валит снег.
Человечество само напортачило, себя опорочило.

Уничтожило ценности вздоха, разгрызла мораль, посадило

в клетку свободу, умертвило мысли, искренность и звезды.

За последних обиднее всего.

Нет

Давай снимем кожу
да посмотрим,
что в тайнике
и что на дне. Там его нет.
Только холод вьется,
а вьюга на юге —
такого в природе нет.

Под чем-то

Быстротой смены собачьих лап
по снегу. Отметки на час.

Гладь

Возобновляемый ресурс не вечен,
но и не противен.

Не меткий глаз, но и не пьяный.

Импровизация

Спустя столько прожитых лет
зыбких дорог
пройденных вне
с траекторией на,
сколько имею в кармане рублей?

Дороги оказались ничем,
снова на старте чего-то

Круг

Противоречивый бес
копьем протыкает мне ребра,
не видя во мне человека.
Всё верно и всё не в веру,
закат моих терзаемых грёз.

Куплю сигарет у родни в долг.
Вернуть не смогу,
смочь бы скинуть покров

Свет

И столько лет...
Взятых на что?
Ноль на всё. В суете
забываются слова благодарности
к тем, кто был милосерден
ко мне? Да, ко мне.

Пастух ведёт овец.
Овцы паства его,
но как быть с тем
пастухом, что не ведёт, а вводит
и тот, кто не идет,
а беспричинно ходит?

Время не ждёт, оно на шаг впереди.
Что остаётся? Выключить свет
Растить дуб
Вырезать крест и нести на Голгофу.

История

История, что переполнена кровью,
красным на белом пишет: «глупость»

Как урок всем, кричит этот голос:
«Не повторяй ошибок!».

Но вот, из раза в раз, листы снова
заполняются.

Всем некогда читать – учиться,
головной апломб,
руки снова сколачивают гроб.

Странники

Странники со всякой кожей,
бродяги с большой дороги.
Идущие к не имуществу –
одинокчество признающие.

Плывут по холмам сиротами,
идут по горам горбатыми,
а в спину кричат им: одичалые!

Вагабунд

Лишенный свободы вагабунд,
(не считая срока
несправедливости своего положения)
размышляет глубоко, свободны мысли его.

Не лишенный труда, не имея с этим
трудностей, вагабунд валит лес,
оплакивая сосны, которым обидно до слёз
умирать вот так – не всерьёз.

А после, проработав свой срок,
ведут вагабунда на плаху,
снимать его кудрявую шляпу.
Не плачет вагабунд, ведь знает:
что смерть рабу, то вагабунду память.

Царствование

Извивается на троне владыка
уставший от тисков власти.
Он уже и сам не видит смысла
в своём (еще вчера) призванье.

Великие труды, что рукою его
когда-то были изваяны –
сейчас, по скончанию веков,
кажутся ненужными словами.

Создать марионеток, дать власть и
притвориться любящим отцом,
да позабыть, хоть изредка напоминать,
что власть – лишение с нутром.

Какой позор, потеря контроля,
молчаливый бунт прогресса, и вот, ты
сидишь позабытый и голый
на троне, не имеющего веса.

Щеголя пора

Не время носить пальто,
да и время всё время не то,
и туфли блестят – красота,
но время не то, а жаль.
Когда же уже весна?
По лужам щеголя пора!

Ближе, чем херувим

Твой облик – тень,
в свету пустынных будней.
Глоток ночи порыва ветра.

Спасение

От колких ран несшитой кожи,
бордовых капель на любимом пиджаке.
И в слившихся чертах,
пришитых губ атласной ниткой,
вопит безмолвный херувим.

Видеть нас. Повсюду.

Зеркальных дней тебе,
мне тоже.
В камнях, заборах, ночных аллеях,
дыма сигарет и в том, что с ними стало.

Похороню себя в стене.
Ты и не узнаешь,
как прекрасны рефлексy на твоём лице

и на обнаженном теле, и запах мандарин.
Похоже – это смерть,
что меня к тебе поселит.

Композиция 1

СКОТ СКОТЫ СКОТ
ОН С КОТОМ СКОТ ТОТ
И ТОТ И КОТ
СКОТОМ СКАТИТЬ
СКОСИТЬ СКОСЯТ СКОТИМ СКОТОР
С КОТОМ И ИМ СКОТИМ СО
СО СКОТОМ
СКАТЫВАЕМСЯ С КОТОМ ОМ – ОМ КО Т ОМ!
КО СО ТОМ О Т К С К Т С О
СКОТ ОМ! МО! ТОКС
СКОТО ТО М И СКО МО ТОМ СКОСТИМ С КОТОМ
С К О Т И М
КОСОТОМ! ПОСКОТЯТ СКОТО ВОДЫ С КОТЯТ
С-К-О-Т-И-Н-Я-Ч-А-Ю-Т!
СКОТОВОДЫ СО
С КОТОМ
СКОТИНЯТ ДЕНЬ И НОЧЬ
СО СКОТОМ В СКОТОМ СЛЕПОМ
СКО-О-О-О-О-О-О-ОТС ТОМ И КОТОМ
В ТОМ С НИМ С КОТОМ
ПОСКОТИМ СОС КО ТОМ ПОТОМ ПОТОМ ПОТОМ
ПРОСКОТИМ

в скотом по скотово дам и
соскати́нят в ин и ят со скотовским ВСКИ! и нят
Проскоти́нят. Проско! Ят
и ин
проскотовский́ котов про ский
ото ский твой тот что скво и ият
СКОВОДОСТНЫЙ́ от ко стный!

Вера

На венерином бюсте,
без стыда и без оправдания,
висит бюстгальтер
от Вериной чести.
У Веры сегодня страсти,
ей не до Венеры,
что стоит
без причастия.

Композиция 2

Инквизитор инквизует инквизирует визуализирует
ин кви зи тор зоны невиновным зонирует
приходит визитор
полон рук забот и инквизитор колыбельную поёт
сплёвывает инквизит ругается инквизит мало казней
мало – мало – мало

больше руби с плеча, больше руби от локтя
шире делай огонь лучше сжигай тела

руби

сжигай

верши

не убей – накажи

правосудие людей –

ПРАВОСУДИЕ БОГОВ

уже собран люд ждёт он головы брата сестры

вывеска сверху гласит – что тут стоят псы

выводят визитёры виновного

такого оного недодавшего власти барыша вор ты дьяволь-
ский

получат люди – твоей кровушки

виновен, виновен, виновен

виновен? руби уже инквизит дай крови инквизит

шоу шоу шоу хотим кричат собаки вопят собаки лают со-
баки

голова на плахе смерть отпускает грехи приговоренный
молчит

смирился казненный принял казненный участь участь
принял он

глупую участь собаки собакам на смех

взметнулся топор взлетел от то опустившись на пор
нет головы кровь летит на всех и на спех кончилось пра-
восудие

свершилось правосудие кланяется инквизитор радуется
визитор

ликуют псы, кружатся псы кто следующий?

Урок русского

Кто –
существительное
НО!
несущественное,
если тон задаёт
коллективный крик.

Что –
неодушевленное телесное,
что интересней
и чаще нравственней,
если к (что)!
разум
задаёт свой тон.

Чей –
всегда значит общий,
но для каждого
общий – особенно свой.

Мой –
никому неинтересный, до поры,

до времени места.

Голод эстетики

Красота –
форма слова
высшего определения
любви –
несуществующая
материя,
выдуманное состояние
динамики
то ли эстетики,
то ли голода.
Кто сказал,
что высший пик
любви
не расправа?
Любовь –
проявление
чувств личных,
им несвойственна
односторонность.
Красота уродца и
смерти
прекрасней бывает

девы.

Так прими красоту

по размерам,

поглоти собой

дух её тела.

Узнай её,

но не делись,

воздай почести

тайне этой.

Композиция 3

Пастух и паства пастятся и постятся
крестятся посутся посеу тся и просются
вагон обещаний рай без расставаний условие просты
известны

уместны

богу несвойственны

рабам известны

крестись молись рожай поклоняйся унижайся жертвуй

отдавай последнее перед мужиком в харомах трепещи

он представитель бога

секретарь

бог его выбрал

заставил

собирать деньги, жиреть, носить золото, ездить на тачке

загнивающего запада

не бриться забывать про правила нарушать эти правила

заповеди нарушать

иногда много жрать

насиловать

не платить

что поделат привилегии только у бога и

его земных представителей

ещё один золотой воротник идет

срочно! Падай на колени

Крестись Молись

отдай корку хлеба

это плата за рай плата за облака

что висят в небе пока бесплатно не греши рожай и плати

зачем достойно жить когда можно быть достойным тру-

пом

овцы или бараны крышка деревянный гроб расскажи, как

пройдет

встреча завтра

Trois lumieres, Trois sombres

La mort (Смерть)

Спокоен и ровен час
колоколов, что сияясь
не иссохнуть в новый век
(и всё же) звучит уныло.
Тревожа тени всех,
кто решил покинуть иго бога,
а если быть точнее – тех,
кто дал ему духовное ложе,
лишив живых потех.

Да что тут говорить,
целая эпоха умерла
не начав и жить.
Им завтраки дороже правды,
пейзажи маслом –
прочней оригинала всех лугов.

Любовь здесь
не прочнее замученных слов,
а святость есть замученная старость.

Рабы поживут на том свете,
а слуги-господа живут сейчас.

Проклятия, тирады, похоть –
венцы бесконечного кутежа,
какая мерзость, нету свята в словах,
но вот конфуз, всё тот же пьяница,
(проживший в одну глотку)
собою греет бездомного щенка.
А шлюха та (вон, вдали идёт)
сегодня приняла аж с два десятка,
не просто мужиков, а диких кабанов,
идёт она разбитая, смурная,
в зубах сжимая сигаретный дым,
но деньги, что грязью заработаны
ей хватит прокормить родных.

И силясь уберечь себя
от звона колоколен – все тени
(пребывавшие в тревоге)
уходят дальше, от фальшивых нот.

Славься смерть такая, какой суждено тебе.
Ты повелительница всех,
ведь имя тебе время, стрелки твои – мы,
в ней мы секунды, но память наша – часы.

La vie (жизнь)

Всё начинается с малого,
с точки вне понимания
материи или пространства,
что родили себя сами –
атрофированными частями.

У отрезка всегда есть точки,
у вселенной есть бесконечность.
В совокупности же имеем две точки,
с бесконечной длиной,
но все равно это отрезок.

Собою он намекает,
что конечность – вопрос промежутка,
а ещё вопрос восприятия,
а ещё сам путь исчисления.

Всё остальное декор,
никому ненужные краски –
всё это игрушки детей,
выросших, взрослых детей.

До сих пор они верят в сказки,

верят в нужность свою и силу,
что подарят конфету щедро
за поступки свои и те,
что не граничат с поступками бога,
безумными мыслями ига.

Люди – подобие божье,
полубоги все – его семя.
И если не ложь – это правда,
то убийство – дар отче,
богохульство – его совесть,
пьянство – его слабость,
небытие – его мечтанья,
а похоть – его спасенье.

Всё живое – проекция общего,
одного большого ребенка,
что не хочет питаться кашей,
а еще придаваться сновидениям,
но его все равно уложат.

Un reve (сон)

Внеземной луч красоты
разрубил холода мечом.
Снова бежит вода,

на берегу ты одна.

Страшно испугнуть твою тень,
прекрасный минерал природы,
но как удержать себя,
ну как не украсть тебя!

В кармане ты, там темнота,
но дышат теплом мои ноги.
Скоро ты увидишь свет,
сжигающий самые страшные тени.

Демоны. Кругом зверье.
Кто эти люди все?
Их здесь миллионы,
но все они вразнобой.
Выпады – один за другим,
кожа рвётся на лоскуты,
и вот окровавленный след
замыкает пространство извне.

Кровь моя – строчка жизни,
свойство минерала
распространяет свет.
Нестерпимый жар – сжигает
вокруг тела, закрывая солнца-лучи.

Ничто не исключение...

Веря в ложь эту,
зная её с видом на происходящее,
верю в спасение, но не без греха.

Из сна в сон скачет разум,
не помня начала, не помня конца.
Не разбирая, где скрыта правда лжи
своего начала своего конца.

Под напором стен

Наши тела в лучах утопают сквозь, и через время, через года:

плечи помнят ласку рук.

Человек в полосатой пижаме смотрит вслед. Желает разум его,

тело жаждет унести след, но не может.

Под напором стен, голых и таких вечных, отпечатан человек,

чьи ноги остановили путь устремлений.

В прохладном помещении всё чувствуется запах после дождя.

Он даёт надежду, даёт ему свежий глоток, но слёзы – всё безутешны. Плачет разум его, сердце, а значит, и глаза. Их баллада пути – не пройденных, рискованных отрезков, заставляют вспомнить былое.

Когда и они, с чужой спиной бок о бок, наедине – утопали в лучах сквозь время, сквозь года, и это время казалось вечным и нам.

В свете темноты

Из открытого окна, что горит одиноким светлячком
в бетонной тюрьме – слышен крик голосов-идей;
не имеющих общего с покровом умерших страстей.

В переулке она, не стесняясь, стоит на коленях,
Облизывая кошелёк. Совсем скоро в лицо ей брызнет
Горсть монет. На ней красивое красное платье.
В нём она ещё успеет на свидание с юношей в шляпе.

А дальше, возле мусорных свалок – гремит стекло
разлетевшейся бутылки. Пространство в дыму – он
потомственный житель земель, и он вправе здесь шуметь,
умирая от собственных убеждений.

Ночь горит над всеми, скрывая лица, приравнивая каж-
дую
личность в тень своего отражения, граничащие с ней.

Вокруг

Сотканная паутина домов, лабиринт высоты разных стен.
Здесь, на земле могил, толпы ходячих людей.

Дверей, что лазов муравьиных. Незатопляемые законом –
купленные лазы. А через шаг уже купола, и они же
на футболке из стразов.

Что не жидкость – праздник духа, что не слово, то снова
блядь. Очередная гадалка от бога – погадает судьбу
за пятак.

Сумасшедший парад неисправленного калейдоскопа
вызывает только спазмы. Каждый шаг по этой земле дела-
ется
строго с опаской.

Отражение себя

В ванной комнате слышен всплеск воды.

Она, в приоткрытой двери, обнажена:

ждёт, что ты зайдёшь, нарушив
своё главное правило.

Придёшь под капельный звон и
своим глубоким взглядом подавишь её тягу
к истерии.

Что руки сомкнутся замком на талии, и ты её
возьмешь. Она ждёт, когда ею овладеют.

Но ты, всё за приоткрытой дверью, стоишь,
мечтая войти – только смотришь.

И как только вода стихнет – выйдет она,
одетая и заплаканная.

Хлопнет дверью, растворится во тьме, где
за углом возьмёт в рот у первого встречного, а ты –
просто посидишь у окна, поглядишь в пустоту,
не замечая ужаса молчаливого света.

Срыв тормозов

Автобус с круглым окном свободы
начинает диктовать своей тенью-ветру –
разрезать вдоль пространство без следа
конкретного времени.

Вибрация асфальта на последнем сиденье.

Бледный мальчик кустарной посадки.

Словно под тенью взросший, не спавший,
сидит на иголках весь из себя, вот-вот, да
сорвёт тормоза.

Его тень изломана уродством внутренних
стен. Голова обрывается в пространстве окон.

В руке мальчик сжимает пистолет, что
в кармане, не желая знакомить раньше всех
положенного временем срока.

Узкая дорога, резкий угол земли.

Худые ножки продвигаются на выход.

Ещё шаг, три.

На повороте стекло разукрашивается краплагом.

С явным шумом восторга кричат все,

летя в пучину неизвестного, нарушая всю эту скуку
малодушного равновесия.

Вошь

Четыре настроения погоды висят над головой,
что приходят с неба – каждому долой
под крышу своего дома, там этот всё ещё живой.
Избирательность в природе – заделка под эгоизм
дурака Фомы. Пережрали тени мяса, возомнив себя
королями.

И эта маленькая вошь, идущая против, скорее
слишком поздно оценит плоды сезона.

Перед смертью своей она увидит солнце
(когда-то) ненавистное, что
теплотой своих лучей укроет её горькие слёзы.

Крысы – мыши

Небо (житель) – точная копия жителя Земли.
Под псевдонимом святости, при оружии,
спрятанным за спиной, сидит просветленный.

Куда крысёнок ты пополз из норки, за стеной
жилья ты добыча звонкая! Носом своим шевеля,
всё приманиваешь жирного кота. Благо он сыт,
только играть уж больно хочется.

Стой, где стоишь. Присядь. Теперь беги. Ты –
маленькая мышь распроданного мира. Похож
на прирученную дичь – тебя родили для пищи.
Вот, посмотри. Твой сосед – чёрная крыса.
Лапками что-то трясёт, под боком пряча сыр.
Каждый и рад бы поживиться богатством,
но тут нет своих крыш, а под небом жить страшно.

Мечь сытого – страшнее мести голодного.
Зажравшимся крысам есть, что терять. Кусок их сыра
для них неподъёмен. Но ты, затворник...
не смей и рядом дышать.

Тайная ночь

Лёгкий шелковый халат (не по погоде) на её плечах надет.

Как и прежде, она с распущенными волосами ночью ступает в лес, где фауна теней; где их глаза становятся фонарными проводниками.

Здесь ветра нет и быть ему не суждено в пространстве, среди бескрайнего количества столбов: словно стены – оберегают гостя, держась особняками.

Она ступает гордо, не торопясь, хоть и путь неизвестен вовсе.

Она вздымает грудь, еле дыша, чтобы зов мерцающих огней
не наслал проклятий.

Поле цветов, освещённое луной, которую обступили деревья
кругом – образуют зрачок голубого цвета. Хитрая игра с их
тенью голосов, и где-то нежно тянется сиренью.

Она скидывает своё одеяние, укрывая им раненую почву.

Она

ступает босой ногой по траве, а в ответ её та щекочет,
не причиняя вред.

В самом центре мягкость земли принимает её хрупкое тело.

Изгнание

Ноги привязаны к булыжнику. Человек много нагрешил.
Святые руки скидываются за борт, чтобы кожаный не жил

всплеск

Небо выглядит иначе с обратной стороны, солнце, что
акварельный кадмий, а земля – рай, из которого изгнали.

кислородный крик

Дух выходит быстро, тело становится проклятьем.
Подплывшая русалка облизывает шею –завтрак свой.
Лёгкие набиты стеклом, слышен в голове затухающий

щёлк

В аду нет пекла, чертей и склепов. Есть только лик
набитых ватой кукол, не имеющих возможности говорить.

Непостижимость

В открытый час безмятежный, ты так беззащитен,
так наивно открыт под удар, что стоит незнакомцу
захотеть, и оборвётся биение сердца.

Мысли твои отфильтрованы, помыслы чисты. Видишь
вокруг грязь без возможности подарить своё прозрение.

А если бы и мог отдать себя, как часть очищенного
ландшафта; если бы рискнул, поставив на человека все
свои надежды... рулетка снова выбрала б зеро, и на лугу
твоём не выросли вишни.

Отпусти возможность, перестань быть безмикробным.
Организм не создан для невинности. Человек рождается

из

влагалища просто так, без цели. Он блуждает во тьме, так

и не

постигнув выдуманную сущность времени.

Она в фиолетовом пальто

Ты надеваешь чёрную футболку, чёрные штаны, чёрный плащ.

У тебя солнцезащитные очки даже в плохую погоду.

Траурные цвета тебя делают неприметным на фоне жертвы.

Последний день сентября зачёркнут сигаретным пеплом.
Время –

самая пора доставать охотничий нож и гулять.

Так куда надёжней думать.

Она в фиолетовом пальто. Сама нанизывается на твоё остриё.

Она говорит: «я жертва твоя, охотник должен быть более обстоятельным с дамой».

Ты несёшь её обмякшее тело на алтарь уединения своего крова.

Ополаскиваешь нож, омываешь ей ступни. Её глаза смотрят

с прищуром. Ей невтерпёж узнать, что значит быть отобеданной.

Чужие планы

Мне всегда твердили, что жизнь – это не просто дар, что она хорошо спланированная игра. Что каждый шаг просчитан и даже боле, что мысль всякая – подсказка свыше.

Но, извините, в чём суть такой игры? Если высший знает всё,

и про убийцу, про маньяков, психов, то это рук его венец творенья,

что также в рай пойдёт, а если в ад, то это что, какая-то договорённость с чёртом? Где плюс и минус батарейки заодно.

Грош цена такой напасти. Игра должна веселить. Сегодня я

чистый и трезвый – планирую за людей поставить свечку, а завтра пьяный и смешной, с закрытыми глазами (ни о чём не думая)

побегу пораненными ногами в неизвестность.

Спасаться от

Белеет в море парус. Уходит в зелёный картина маслом.
В витринах мёртвые цветы продают, говоря о прекрасном.

Зима приходит, а вместе с ней и холод. Стынет суп
на столе под грубой ссорой. Старик откладывает рубль
на корм подъездной кошки – он до последнего добр.

На сердце бывает тяжесть от силы мозга.

Ясность мышления встречается бунтом.

Голоса телевизионного народа сдабриваются ложью.

В случае чего – ещё нарожают тех, кто будет собирать
овёс.

Ежедневный крик – типичные будни. Люди изменяют
таким же людям, не научившись разговаривать и вовремя
думать.

Дружба слепого – дороже зрячего. Мысли в головах –
сложнее слова.

И если кто-то сказать хочет умное, то второй их в пустоту
кидает.

Круг – всего лишь замкнутый отрезок. Вдруг – вероят-
ность и хороший

расчёт. Тут – не бывает просто, одни сорняки, но вдруг,
ими можно набить

мозги, спасаясь от нахлынувшей тоски.

Под карнизом

Вжавшись в стену, силясь слиться с нею,
стою под карнизом дома.

А небо темнеет, всё пускает капли своих
детей, собравшихся в ясель-речек.

Завтра будет солнце, теплее станет погода,
но кто его знает? Люди полны предположений.

Стою под карнизом, а кепка всё мокнет,
в свежести чувств утопая.

Новый приход весны

Берег лунных огней отражается на асфальте.

Сон рождённых детей охраняют взрослые
у кровати.

Печаль (когда холодней) приходит осознание
любви к лету.

Порча чужих умов – публичная система.

Снова приходит весна, тает лёд, умывая дороги.

Снова рождается чувство надежды на новое утро.

Стебли прорывают путь (они находят силы сражаться)

Ты идёшь, не пропуская луж. Улыбаешься солнцу.

Гора Сэнкше

Сидит за окном старик.

Последний раз его взгляд проходит по головам людей.

Сколько лет ему? А знать уже пора, время собирать

Дорожный рюкзак в один конец

(последняя дорога – всегда дальняя)

Исчезает голова за окном, и вот он уже с порога

кричит: «Пока!» детворе,

улыбаясь энергией звонкой.

Асфальт, земля, тропки, дикая трава. Путь далёк,

но ноги смело топчут, идут на гору Сэнкше,

не забывая о прошлом

(дорогие воспоминания)

На самом кончике горы уже стоит стул,

а на нём пистолет. Старик устал, тело его угасает.

Рука же сжимает рукоять, палец на крючке.

Так хорошо смотреть свысока на свой город.

Хождения

Пустые дворы. Нынче на улице завеса невидимой дряни.

Мы понатыканы в улей, в одиночные камеры.

Затворники добровольных решений, но от часа к часу
не легче.

Сходим дружно с ума без хождений.

Гавань

Не войти мне больше в гавань кораблей, не сойти на землю

народных танцев.

Здесь кругом разверзлась метель подменённых интерпретаций.

Качество слова и силы мыслей оборачиваются в сумбур проказы.

Максимум, что единицам дано – принять слова, как игру в ассоциации.

Так крепнет уверенность внутри о невозможности перемен идей.

Ценности иные внутри, и это не вопрос времени.

Сохнет море для кораблей, выкладываются кирпичом стены.

В следующий раз не доплыть до оторванной пристани, окутанной
слоем пепла.

Ещё тёплые угли дымятся среди развалин. Найти бы

сухую ветвь,

чтобы нести умирающий свет и тепло для тех, кто выжил.

Гречка с хлебом

Колизей сложных идей – больше не место для игр.
Кричит дежурный с плеча – нужно уходить скорей.
Порция гречки с хлебом – делают тело странней,
заставляя физический голод воспринимать окружение
куда острей.

А после, на поле ягод, придаться плотским утехам.

Забыть всю боль вранья, став частью плана.

Опустевшие мешки зерна продать, словно есть запас,
да слушать сюиты до утра, предаваясь эндокринному рас-
паду.

Контроль

Голоса в моей голове твердят о разных состояниях.
Я их проводник в своей голове, во тьме они смотрят
моими глазами.

Вот один утверждает, что так жить – сплошной грех,
а другой ему вторит, мол: «ты грустный человек».
А третий,
тот, что безумней всех, утверждает: «рви и метай,
выхода нет».

Его неприятель (тот слева) не видит вообще никаких
проблем.

Последний, самый молчаливый, делает глубокий вдох,
связывая всех воедино, приказывая не вдаваться в край.
Он видит больше – рациональный властитель. Он знает:
нечего метаться по углам,
надо брать в руки инструменты
и до последнего строить кирпичные дома.

Во сне

Явь и время, сон и покой.

Как безмятежно тело в разгар наслоений.
Только мозг (силой своей энергии)
ломает стены своего заточения.

Сложно

представить такое наяву, тут всё
скуднее, да привычней.

И хочется снова вернуться туда,
где каждый раз меняя обличия,
виднеются новые города.

Нет

Я не теряю время на сон. Жизнь только
дополняется.

Когда я сплю, то становлюсь самим собой
получая то, о чём действительно мечтаю.

Сила полёта

День пролетает и действие сильного порыва приводит ум в рабочий лязг сумятиц.

Высоко в небе летают птицы, возвещая о новом этапе... странно.

Так видеть близко созданий неба (родившихся на земле). Немного протянуть ладонь, и вот уже слышен удар сердца иного тела, иных понятий и знаний.

Как хочется полететь, наслаждаясь силой природы. Её стремление всё приземлить, но так без успеха, не в силах воспрепятствовать чуду небесных тел.

Где ты

Где ты?

Была так много столетий, столько веков
я искал тебя в разных формах.

Сначала искал тебя в птицах, в маленьких,
летающих жучках.

Я искал тебя в части пустого пространства,
а ты, как опытный конспиролог,
затаилась человеком в лете.

За прозрачной кожей, под тёплым дождём,
я прошёл мимо.

Остановил меня запах, свежесть твоя и взгляд
твой, что порезал затылок.

Подхожу

и вот ты. Та, что всё время была рядом.

Стоишь из крови и плоти желаний
(сосуд моих устремлений)

Я беру тебя в охапку, и мы прячемся
за деревом.

Сохнем от дождя, улыбаемся и верим,
что это теперь навсегда.

Элегия музыке

Ты танцуешь медленный вальс со смертью,
вы кружитесь на пышном балу.

Здесь собрались все знакомые и родные,
без возможности оставить суету.

Партнёры разные меняются и партии волн...
Вот танцуешь с сестрой, у неё нет ножа
за спиной.

А вон тот юноша сбоку, что-то сжимает
на нервах, всё смотрит, выжидает...

Бал приостанавливается, но только глотнуть
воды.

Танцевать всем ещё предстоит неизвестно лет.

Ну а талию нашу смерть не отпустит, нет.
Её нежные и хрупкие руки закружат нас всех.
Унесут нас, голову вскружа, кого-куда и до
победного аккорда её печальной трели.

Дневник помешанного

1.

Покрывается тело болезненной коркой скуки. Ах, боженьки! Сколько лишних мыслей роется в голове. Уйдите, прошу.

Мне бы сейчас жить в счастье под чистым небом, а не вытряхать каждый день рой пчёл из ушей. Вылетают, изгвазданные кровью. Недовольные, всё пытаются залететь через нос. Нечем дышать. Кхм! Кхм! Суки...

Чёрт с вами. Дайте винтовку мне в руки. Дайте патроны. Покажите, в кого стрелять. И я, в соплях весь, со слезами на глазах – пойду отвоёвывать правду трясущимися руками.

Никто не боится смерти, но страшится болезней. Кучка идиотов, пытающихся вытряхнуть рой. Пчеловоды без мёда. Люди без души. Свиньи, оскорблённые на ровном месте. Куда же вы все деваетесь, где ваша человечность, когда она так нужна заплутавшему? А я отвечу: вы сами заплутали. Причём с рождения. Ваша мать обрекла вас на смерть и страдания. И в поиске спасения вы избрали слепоту. Так вот, правильно делаете. Не прозревайте.

2.

Два человека посеяли меня, кинув в лоно земли

Пророс я,

не требуя участи такой, но всё же

УуууУУуууу все они окружившие

зовут трагедию даром,

счастьем описывают мои слёзы и сомнения.

Чем дальше – тем лучше.

О-го-го! Тебе уже столько-то столько

зерно стремится ввысь,

а ты...

рождён в семье инженера разрушенной цивилизации

не просивший и неспособный

теперь крутись, как знаешь

умножать на ноль нельзя вот и почва без дров, как же

быть?

Смотрюсь в собственное отражение,

это эксперимент над реальностью. Сколько отличий?

Достаточно, чтобы перестать ассоциировать внешность
с внутренностями.

Душа, говорят, чиста, но внутри она, а значит,

кровь и вонь, смазанная всеми прелестями биологии.

Время идёт

Фу!

Кал с кишками под новый крик,
музыкант в халате морщит нос, все довольны.

Ещё одно тело обречено, зато теперь умирать не так оди-
ноко

Грех – не грех, похуй.

Биологическая машина для подачи воды. Выращиваем ра-
бов

пиздой и спермой, ей богу, как в горшке цветы.

3.

Лавина чувств

о да, большой такой падающий ломоть
торта на муравья одолевает меня и тебя

Мы части наедине,

лобзаем тела, да-да, как пахнет вкусно то,
что ниже пупка.

Утопая в любви – я хочу тебя

Похоть, как итог очередной попытки
донести свои мысли, эти путанные краски
кусь-кусь, любовь рождается и к вещам,
зачем тогда осуждать?

4.

Час обеда. Время бежать, сопротивляясь тоске. Физическое насилие просто необходимо. Жую хрустящих муравьёв, перебитый суп пюре.

Флю-у-у-у-у-уфлюххх, хлебаю горячий чай. Небо опять отклеилось.

С неба летят крупные хлопья. Ноль тепла градусов. Ноги тыгдычут по расчищенным отрезкам. Сигаретный дым валит из щелей. Белоснежная пустыня. Примитивные горбатые постройки. Окаменелые верблюды с нищими бедуинами внутри, откусывают друг дружке головы. Вопли. Ой! А вот и местные аборигены. Чего коситесь на меня? Я одет как вы, хуй что докажете. Чувство нутра – не аргумент.

Петляю по дворам. Исследователь пространства, поиск себя методом исключения. Этот вот тип одет эклектично. Бабка хуёво ходит, тебе по левой стороне, не нарушай движения. Злиться на невежество нет смысла, но я злюсь. Все делают и ведут себя неправильно, отсутствует лаконичный конструкт, либо есть ещё вариант.

Все эти черти – мои проекции, ведь мыслю это и вижу – именно я. Замечаю нестройность, посылаю мысленно нахер, а проекции только и делают, что пялятся, в надежде увидеть ответы на свои вопросы.

Я вам не хозяин, но и не друг. Просто иду по замкнутому

отрезку. Через пару часов настанет время ужина.

5.

Неделю назад один знакомый рассказал о своей мечте: «хочу в дурдом, там мне найдут хобби».

«Неплохо», ответил я, утаив, что это и моё желание. Будет глупо, если следующая наша встреча случится в одной палате или за раздачей пилюль.

Два интересных молодых человека увидят своими глазами эдем друг друга, тем самым разрушив законы иллюзии. В таком случае возникнет чувство неловкости. Как делить местную чернь? Кто над кем будет верховодить и помыкать? Мелкие делишки придётся проворачивать, разделяя плоды. А нам это надо?

Мы оба думаем похожим образом. Медленно дистанцируемся, увеличивая расстояние соприкосновения. Уже издали кричит он: «А чем здесь, со всеми, не психушка, не правда ли?!»

А я отвечаю, что внешний дурдом обязывает к притворству, а куда хочу я – можно быть собой.

6.

Она шла по сбитому асфальту. Тонкие бёдра, крепкие грудки под платьем в обlipку. Чему она улыбается?

– Эй, привет! Не узнал меня?

– Чему ты улыбаешься?

– Лету! Ты похож на гриб, да. Это так странно, хотя, если подумать, то все вокруг мятлики. Поэтому грибом быть по-чётно. Не правда ли?

– Лучше скажи: куда идти?

– Мне?

– Лучше мне.

– Куда шел, туда и иди.

Он бьёт её по лицу. Боже, какая она счастливая! Трогательно так ухватилась рукой за место, куда пришелся удар. Проникается теплом...

Губы её шепчут «спасибо», а он действительно взял, да направился дальше.

Так это устроено. И она лучше всех знает правила игры. Воспользовалась его добротой. Может сейчас ей и больно, но зато теперь достаточно оправданий для собственных поступков. Грехи отпущены. Равновесие внутреннего судьи. Зато он теперь весь в смоле, загваздался, забрав липучесть. Но что поделать? Жизнь требует жертв от кордицепса.

7.

Поглощаю завтрак в полдень. Гречку. Яйцо туда вбил, помидоры. Чая нет. Печенья нет. Конфеты нельзя, зато горячая вода есть. «Кчфр-кчфрс», закинулся таблетками.

Теперь нужно жить. Скоро начнёт темнеть, а головой так и не подвигал. Руки застоялись. Кровь сейчас такая вся вязкая, медленная, словно кисель. Зараза. Не хочет сама адекватно циркулировать. Ну ничего, ща мы её!

Руками туда-сюда, головой хоп-хоп. Поясницу тянет. Колени плачут горькими слезами, а я их уничтожаю приседаниями. Заткнулись бл! Вот так.

Хрустит машина, но уже не так трагично. Хотя бы шею не тянет.

Куртку на тело. Шапку на голову. Ботинки на стопы. Ни в коем случае не путать последовательность. А затем, как прихорошился, бегом на улицу.

Сигарета в зубах. Вот так паровоз. Гребу ногами снег, я трактор. Очередной день без романтики и рутины. Круг – два километра. Ещё в сторону хрясь-хрясь, три. Хорошая разминка.

Родные расчихались, расперделись. Эпидемия всё-таки, а я такой ранимый. Сам лично создателя не видел, но через чужую силу убеждения связался с ним. Предложил обменять свои остатки сил на благополучие любимых. Мол-

чит всевышний, но чувствую, как заболеваю. Контракт подписан. Продал душу раю. Остаётся ждать выздоровления семейства.

А если вдруг что; если случится страшное. Если меня обманул дядька, то найду его главного конкурента. Отыщу этот зеркальный бренд. Вот бизнесменов развелось! Продам что-нибудь ещё ценное, может коллекцию поэтов. А на выторгованное выкуплю свою душу. Просто не хочу, когда придёт время, раствориться в обмане, став его частью.

8.

Творчество порождает в теле силу и желание. Это первый этап невинности. Дальше – интересней.

Опыт отсутствия беспристрастных денег рождает в поэте отчаяние. Мать не научила мальчика противостоять невзгодам. А отец, под угрозой расстрела, не стал учить чадо охоте голыми руками.

Вседозволенность. О-м. Джин. Расслабляющие вещи стали учителями юности. Достаток – ещё один вредитель. Чужой карман внушает уверенность, плодя бессилие, чтобы взрослая реальность перерезала глотку. Да ещё так медленно, с издёвкой. Деформированный гомункул поначалу верещит, а как свыкнется, переходит на тихий плачь.

Естественные процессы пугают. Чужое старение. Собственная немощность. Как же всё кажется несправедливым. А рты вокруг, с телика и дворов, всё кудахчут в пространство благую чушь. Эту величайшую ложь, но в контексте, разумеется.

Как же смешно (думает поэт) будет их удивление, когда несчастные не получают желаемого. Растушеванная радуга частиц, растворяющаяся в пространстве. Словно волны вай-фая, только без конечного приёмника.

Да. После гниения ваши мозги улетучатся в кругосветное путешествие. Повидаете тогда и пирамиды, и Эйфеле-

вою башню, а в придачу потеряете предрассудки.

9.

По лесу, ух-ух!
Пробегаю под натиском, топ-топ!
Сумасшедшей проседью,
поросший густым волосом,
ищу спасение от чужих идей.

Под ногами в земле труп лошади
Бодлера,
только с каретой на манер современности.
Ускользнуть, притвориться деревом,
но не дорос ещё!

Маленький живой труп, под тромбон,
да с криками, мальчик –
своеобразно идеализированный,
иуда, затёртый внешними идеями.
Он хочет избежать расстрела, но пуля
предательски быстрее.

10.

Рациональный манекен человека

рисует себя через круг.

Инструкция жалкого идиота

заставляет портрет смотреться мёртвым,

искаженным,

растёртым,

ущемлённым заботой.

Другой же человек просто изучает контур.

11.

Комната пять на три,
вырванные из контекста обои.
Привет!
Мне почти двадцать лет,
и я застрял в своей детской комнате.

Подушки-игрушки,
под диваном резиновая вагина.
Подростковый утренник. Обед.
Я так не хочу быть никчёмным,
но я такой есть.

(даже хуже)

Жалость к себе
с уже почти принятием,
каждый день торги за слабость.

Дайте грязи мне, всё достало.

Просто пошел не туда,
не с теми выпил,
с иными зачем-то начал говорить.

С ошибкой вместе настрочили текста,
а что теперь? Когда сам ты голоден.

С мечтою можно жить, но не с собою.

12.

Просыпаться не бабочкой, а жуком-рогоносцем или как там их? Которые ещё свой кал в шарик огромный скатывают, а после все из себя довольные.

Много вонючих куч, это точно. Вон Сеня «Стоик», так с головой и зарылся в свой навоз. Бау-бац! И долой башка, хотя, когда тебя размазывает железный червь под землёй-матушкой, там уж не только голова, всё тело вжух!

Есть у меня на счёт этого представление, кстати. Я видел мёртвых людей вживую, но они были уже готовенькие, да и не так масштабно. Зато тараканов дома – тьма. Как-то однажды захожу в комнату, а там нечто. Огромная такая хрень, просто ну очень мерзкая. А я ещё без очков, но всё равно по факту почти вывернуло наизнанку.

Подхожу ближе, а это две взрослые особи висят жопа к жопе, образуя одно вытянутое тельце. Ебутся они короче так.

Тут я прослезился, но башмаком незамедлительно шлёпнул. Возлюбленные не успели ничего понять, мне так думается. Предсмертный оргазм. Два этих тельца так и остались на стене сломанными, став при этом не толще листа бумаги, а их органы смешались между собой уже намертво.

Хороший романтизм, но без контекста выглядит довольно мерзко. Вот и судьба Сени очень схожа; лирична так и печальна, но если бы я лично увидел его акробатику, то вы-

рвал бы однозначно.

13.

Кориандр, тебя нюхают только после обработки.

Тексты мои не читают и в свежем виде.

Как далеки мы с тобой,

но одновременно так похожи.

Нашу природную форму избегают не понарошку.

Что нужно человеку? Испуганному такому;

с соплями и слезами наперевес.

Уж точно не Рембо, Савицкая и Хорват,

говорившие глубже, чем есть, а значит,

не видеть никому больше, чем просто нет.

Словоед я. Может и плохой, но честный,

по всем параметрам без прикрас, но с похотливой
надеждой, с ума на землю сошедший.

Копая себе памятник в форме пустого пространства,
но от чего же он чем-то хуже?

14.

Додуманный этюд от первого лица об убитом однокласснике

(Дрон)

На момент моего рождения отца посадили в тюрьму за непредумышленное убийство собутыльника, где вскоре его задушили ночью. Самое первое моё воспоминание было связано с квартирой, где жила мама и её новый сожитель. В этой квартире был застоявшийся воздух, к которому, впрочем, быстро привыкаешь. Обои во многих местах были выдраны, сквозь желтизну с трудом узнавался рисунок смородины. На маленькой кухне громоздились грязные тарелки и ложки, мама их редко мыла, поэтому ели мы из-тех, что выглядели относительно чистыми. Мамин сожитель, дядя Серёжа, иногда приносил колбасу, которую я очень любил. Об отце я знал только со слов матери, да и та отзывалась о нём нелестно. Дядя Серёжа был неплохим человеком, но отцовских чувств ко мне не питал. Мама часто с ним ссорилась, но всегда мирилась. Иногда я становился козлом отпущения и всю свою злобу за неудачи мама вешала на меня, называя ублюдком и скотиной. Я закрывался в своей комнате, становясь у окна и тихо плакал, чтобы не расстраивать её своим скотским поведением ещё больше.

Дядя Серёжа, как и мой отец, был забулдыгой. Всё различие состояло только в том, что отец пил с друзьями, а второй пил дома, затягивая в бездну и маму. Когда они напивались, я не мог узнать ни его, ни маму. Они походили больше на свои неудачные фотографии, которые обычно удаляют. Однажды мать меня избила за съеденную колбасу, которая должна была стать закуской. Жить к себе меня забрала бабушка. Больше мать я не видел.

В семь лет, как и все дети, я пошел в школу. Для меня это был новый опыт, учитывая, что в садик я не ходил. В сердце была радостная барабанная дробь. Руки начинали дрожать от одной мысли, что скоро у меня появятся друзья, с которыми я буду бросать рюкзак на асфальт и весело бежать до воображаемой финишной черты. Что мы будем смеяться, хватать друг друга под мышки раскручивая, а затем бросая. Поначалу всё шло даже лучше, чем я мог себе представить. У меня появились друзья, с которыми куролесили даже на уроках.

Мир вокруг не стоял на месте, и я рос вместе с ним. Пытаться учиться я бросил к четвёртому классу, бабушка не могла помочь, так как сама не получила должного образования, а о помощи от мамы можно было и забыть. Я плавал сам по себе. Вскоре мне был приписан статус хулигана, и хорошие детки перестали со мной общаться, а тем немногим, которым было плевать на это – запретили общаться их родители. Я стал изгоем, ошивающимся в одиночестве за по-

следней партой.

Бабушка получала маленькую пенсию, а заплатив за коммунальные услуги и вовсе оставалось мало на жизнь. Она старалась дать мне все, что только могла, но, несмотря на ее старания, в глазах людей я выглядел оборванцем. Вскоре дети начали называть меня бомжом, маугли, нищим, чертёнком и моё сердце совсем стало чёрствым.

Позже я нашёл настоящих друзей. Таких же брошенных и неблагополучных. От них я узнал три простые истины. Первая заключалась в том, что мир жесток. Всем плевать на тебя, плюй и ты, только в стократном размере. Истина номер два: кури в затыг, а то может появится рак губы. И третья: настоящие мужчины пьют алкоголь, любят футбол и всегда берут то, что им хочется.

Мне было комфортно в такой компании. После школы, я, Сивый, Руслик, Губастый и Сыч бежали на футбольное поле, где дурачились с мячом, воображая себя великими футболистами, которые светили своими улыбками с экранов, и каждый сопляк мечтал стать таким же успешным, красивым и счастливым. У Губастого отец любил пить водку в самое пекло, от чего часто вырубался прямо на лавке во дворе, у него проще всего было украсть пачку сигарет, которую мы и скуривали в тот же день. Ещё, нашей дружной компанией, ходили в соседние районы, где отлавливали богатеньких и сытых ребят с целью чем-то поживиться. Мало кто уходил от нас целым. После сбора «налогов», как мы любили это назы-

вать, наша жертва подвергалась жестокому избиению. Я входил в кураж, мои, ещё не совсем окрепшие кулаки разрезали воздух, с хрустом пробивая тонкие рёбра того или иного слюнтяя. В конце дня мы делили добычу. Иногда получалось купить бухла в местных ларьках. Покупкой занимался Сыч. Он был выше всех нас, а его лицо было покрыто рытвинами. Плюсом шла его грузная физиономия. Всё это давало ему уродливо-взрослый видок.

С годами мы только крепили и черствели. К восьмому классу я стал совсем здоровым детиной. Взгляд вороватый, наглый прищур с издевательской улыбкой. Мои одноклассники превратились в мучеников, которых я штудировал во время перемены. Ещё стал редко появляться н уроках. Иногда заходил, но был слишком пьян, чтобы вникать в какое-то там число пи. Общение с участковым стали все чаще повторяться, и я совсем к ним привык, ходил как на работу. Жизнь шла под откос, пришлось смириться с тем фактом, что я патологический неудачник. Но! Нужно жить дальше, и тот приступный мир, который я выбрал – стал лучом надежды в моём неперспективном будущем.

Я познакомился с ней летом на пляже. Света была подругой девушки Губастого. Стройная фигурка, кругленькая попка. Её волосы были выкрашены в пепельно-чёрный. Пухленькие губки выпускали длинную струю сигаретного дыма. Её взгляд всегда был изучающим и дерзким. Мне захотелось

её. Точнее, мне хотелось не просто трахнуть Свету, моё желание было куда деликатнее. Я хотел хотя бы просто обнять эти хрупки плечики, затем сжать сильнее и знать, что она принадлежит только мне.

В тот день я впервые влюбился.

В ту ночь мы все крепко нажрались и, не удержавшись, я выпалил ей всю правду, которая таилась в сердце. Она долго смеялась надо мной, но затем замолчала и наши губы непроизвольно сомкнулись в поцелуе. Друзья разошлись в радостном «о-о-о-о-о-о!» и свистели нам, когда мы удалялись в кусты. Штаны вмиг слетели с меня. Мы страстно трахались, не замечая порезов от веток и щёбёнки. Мы были вместе, и моя душа начала петь.

С горем пополам я закончил девятый класс, Света переехала ко мне. Бабушке она не особо понравилась, но старушка целомудренно держала своё мнение при себе. Устроился я работать грузчиком и несмотря на то, что деньги платили небольшие – на жизнь вполне хватало. Сама Света нигде не работала, всё время только обещая.

Это случилось в субботу. Я шел домой по вечернему двору. Мышцы ныли после долгого рабочего дня. Навстречу вышел Руслик. Он уже был изрядно пьян, но рассуждал и говорил ещё на человеческом языке. Он был на взводе. Заставил меня сесть и успокоиться (забавно, мне сразу вспомни-

лись такие же шаблонные сцены из фильмов, Руслан слишком много смотрел телевизор), а затем, я услышал одну из самых отвратительных и гнусных вещей в своей жизни. Эта пьяная погань поведала мне о том, как он видел мою Свету с каким-то нерусским ублюдком. Шли они за руку, смеялись и целовались.

Не помня себя, я занёс кулак над Русланом, но вовремя одумался, мой друг невиновен в том, что видел своими глазами истинное лицо шкуры. Единственное, что я сказал ему: «Если ты обманул меня – я тебя убью, пьянь», и на этом побежал домой.

Света была дома. Её взгляд был таким же обыденным. Я с порога рассказал услышанное, задав, затем, вопрос: правда ли это? На что Света, все также спокойно и безразлично, хлопая своими красивыми глазками, дала страшное «да».

Когда она торопливо собирала вещи, то успевала рассказывать о своем новом ёбыре. У него, видишь ли, есть машина, хорошая работа (не то, что у тебя, вшивая чернь), да и что в постели он намного лучше меня. Я еще никогда не бил женщин, даже опустившихся на дно блядей, терявших женский обличий. Но тогда моя рука сжалась в крепкий кулак, кожа на костяшках натянулась до предела, было чувство, что вот-вот и лопнет. Описав дугу, кулак обрушился в Светину челюсть. Удар был сокрушительным. Часть её зубов сразу же покинула гнилую пасть. Какое-то мучительное время эта погань лежала на полу без сознания. Я надеялся, что она

умерла, но, вопреки всем ожиданиям, живучая сука встала со стонами и проклятиями, продолжив собирать сумку.

Когда она уходила, я заметил, как её нынешний вид сочетается с внутренним. Руки и колени дрожали, но я этого не замечал. Мне хотелось плакать от отчаяния, но я не позволял себе подобной роскоши. Расклеиваться нельзя. Мужчины не плачут по блядам.

Альтернативным решением душевных проблем стала водка, которая анестезировала меня последующую неделю нон-стопом. Стимула жить не было, но можно было вернуться к своим и зажить прежней жизнью.

Света позвонила в пятницу. На часах было часов пять утра. Звонок вырвал меня из глубоко сна. Света сказала, что нам нужно срочно обсудить отношения. Я так скучал по ней, что готов был простить всю грязь, приняв её назад, и плевать, что все будут говорить обо мне. Она сказала, что ждёт меня на моём шестнадцатом этаже. Наспех почистив зубы и надев штаны, я был готов. На цыпочках, чтобы не разбудить мою бабушку, я выскользнул в подъезд.

Первое, что я увидел на лестничной клетке – два широких силуэта в чёрных куртках, а в углу, на батарее, сидела моя Света. Её лицо было ещё больше покалечено, тушь вся растеклась по её когда-то прекрасному лицу. Та тень, что стояла левее, поинтересовалась у Светы – «Он?», на что Светочка мотнула головой, избегая смотреть на меня.

Всё произошло слишком быстро, среагировать было почти невозможно. Две пары кулаков и ног превращали меня в кашу. Слепой страх овладел мною, я только и мог, что сквозь кровь, говорить недоумевающим голосом: «Мужики, вы чего, а? Мужики», но и говорить я вскоре уже не мог. Казалось, что этот ад никогда не закончится, но удары вскоре прекратились.

Я уже почти ничего не слышал и мало что видел. Сердце было готово разломать грудную клетку. Кто-то начал гладить меня по голове. Я успокоился. Света, родная, ты спасла меня. Она зачем-то стягивала другой рукой ремень с моих штанов, но зачем – было уже неважно. Затем шею мою стянуло. Сильные руки подняли меня, расцарапав спину о решетку. Ещё мгновение и руки отпустили меня. Ноги так и не почувствовали привычной плитки, а кислорода больше не было. Я задыхался, не в силах понять, что происходит.

С усилием, я приоткрыл веки и увидел её. Что же ты наделала Света? А жить... как же хочется жить...

15.

Виднеется корабль вдалеке,
такой прозрачный, маленький, смиренный.
А на берегу нас семеро людей, где каждый
прибывает в усреднение.

О чести кто-то размышляет,
другая вспоминает своих детей,
а я и сам ребёнок с честною душою,
уловить пытаюсь запах скошенной травы.

Ещё четыре человека о чём-то думают своём.
Тут разве можно обойтись предположеньем?
Но по делу: не всё ли равно?

Когда вдалеке виднеется такой корабль,
он всё ещё прозрачный, маленький,
такой смиренный.

И я как он, смотрю всё со смирением,
вспоминая собственное завтра.

И мне так хочется заплакать вновь и вновь
вновь

и

вновь,

но нет у души запаса стольких слёз.

16.

Объедки курочки «Кентукки» на второй обед. От этого огрызка пахнет пиздой. Ну, точнее, помадой с губ. Очень приятно. Этот придуманный нищий. Он такой голодный и одинокий. Обглаживает мясо, второй рукой занимаясь она-низмом.

Губы богатой вельможи. Да как смачно она могла бы отсосать, но ей это только и нужно, почувствовать непритворный запах зверя. Так что хрен ей.

Запретные темы всегда возбуждают у художника не только телесную похоть, но и тягу к умышленной деконструкции. Ещё немного, ещё один шаг, и можно окончательно забыть себя.

17.

Я тут понял одну прекрасную вещь. С помощью одной ручки и листа бумаги можно действительно создавать что угодно. Как бы полностью отказаться от цензуры, всё равно никто не читает тебя. Но не всё ли равно?

И вот я тут охаю да ахаю, могу с честной невинностью описывать немытую жопу, после чего смеяться собственной глупости, но эта глупость, она такая приятная!

Разумеется, есть определённое беспокойство, но только по причине выдрессированности. Даже когда мною пишутся дичайшие вещи для себя, просто в качестве терапии освобождения, я всё равно задумываюсь: а что бы сказал посторонний, прочитав всё это?

Сейчас, когда общество под угрозой, когда мир отворачивается от нас, вот именно сейчас самое время перестать сдерживать себя на бумаге, нужно начать вытаскивать весь сплетённый абсурд, ведь он – последний остров к пониманию тернистости творческого порядка.

18.

Пагубка на маломировой туше,
сорфический блеск миамы.
Всё упутали дети в целлофаны и
обёртки остатков шоколадных.

Неприятные пагубки яви,
похватались глазами за даром;
вот и гриб ядрёной нафани
встрепыхнулся на фоне заката.
Хорошо, когда без пана,
но никому уже и не надо.

Шелколистный савюк удвоит
свои шансы на скорый порядок,
удостоит пастух к наградам
и конфеты польются в рот градом.

В заунывной ночи задолági,
тенью шкребётся с соседом по нарам.

Тратоспецы безлики по сути.
Их устроенный пан – сопляк.
Вечно ищущий грудки оновой,

но без имени грамма опла.

Хвойный страгонок лежит в гараже,
в знак утешенья Царьграда!

19.

А на просторах, на просторах
самой населённой земли.

Вырастают, вырастают
самые гигантские грибы.

А в земле, под тонким слоем,
кладёзь трупов закопчённых.

Вот как в сказке,
прямо как в сказке,
точно в сказке, я клянусь!
Разворачивается клад(есмь)
лучших выдумок и грёз.

Что писали, сочиняли –
проявляется сейчас.
Неужели предсказали
гибель собственных прикрас.

20.

Мне кажется, я стал чертовски умён, что смог понимать кота.

Когда он уходит от меня – ему грустно. Да, я такой невнимательный и плохой.

Когда он лежит с вытянутою головою, значит, болит живот,

опять хозяин накормил не той едою.

Если весел мой кот, то я ещё не потерян, есть надежда на этот год.

21.

Атлетичный шмель играет с волосами человека. Запах цветов от шеи – привлекает. Она дёргается из стороны в сторону, зовёт на помощь. Потоки воздуха от рук отгоняют шмеля.

Новоявленный пушистый любовник не понимает, что с ним не так? Чем он заслужил ненависть?

Но в любом случае, никто его не убивает. Слишком толстенький. Мерзко.

22.

Воцаряется тишина. Прежний гул сцапала большая собака. Такая ночная сука со своими щенятами-звёздами. Блаженный воздух. Безветренно, иначе уже не то.

Три тени лежат в траве. Один огонёк плывёт слева направо и обратно. Прогорклый дым дерёт пересохшее горло. Главных тут нет. В священной ночи любой голос становится родным. Рука об руку; от затяжки к затяжке. Благоговейный выдох невидимой струи дыма.

Ещё один циферблатный круг пройден. Ещё не время встречи поколений. Ночь оберегает своих детей по обе стороны.

23.

В юности информация представляется большим потоком. Деревенские светлячки, кричащие своей монотонностью. Хватаешь всё подряд. То, что говорит мама; то, что говорят ровесники; то, что услышал на улице или просто прочитал.

Армия мнений пытается сформировать раба, который в будущем станет приятен всем этим другим. Они улыбаются, когда делаешь по их советам. Они дают конфету в награду, вырабатывая подлый рефлекс.

Маленькая собачка любит лакомства. А со временем начинает верить в фантазии, желая стать юристом, найти жёну, а после: ипотека, дети и слово «стабильность». Но пощёчина может нехило так отрезвить. Она, кстати, может активироваться в любом возрастном отрезке. В свои сорок, заводчанин Миша вдруг начнёт заниматься музыкой и очень быстро поймёт, что всё это время он был безумно талантлив. Ах, если бы раньше; если бы он знал, на что способен! Каждый может прозреть с горечью поняв очевидное, что общество со своими правилами пытается сохранить втайне элементарную идею всепоглощающей бессмысленности существования. Нет адвокатов. Нет любви. Нет языка. Нет счастливого конца. Есть только роли, которые выбирают, чтобы не сойти с ума. Или выбирают потому, что их сломали в дет-

стве такие же дефективные.

Безусловно, очень страшно окунуться в изгнание, но с приобретением опыта будут открываться истинные блага.

24.

Напролом синицею влетаю
в перегруженный автобус грузных лиц.
И перегаром надышавшись впору,
прослушиваю глупость телефона.
(как мне расслышать или как перестать жалеть?)

На остановке преображаюсь в скользкий шар –
белая ворона снобизма.

Я для нищих всего лишь незаметный острец.
(как не перестать быть таким, оставив цветы
нетронутыми на прощанье)

С людьми я не свой отголосок, но чудной орнамент.

25.

По пизде, да по кочкам,
Я!
Достаю заточку.
Небольшой осколок себя.
Заколю, заколю я любого,
того, кто не знает себя.
Затем только,
чтобы дать опыт
набухших пульсаций вен.

Я знаю,
всё живое – не человек,
зато после (n)лет
становится мёртвый.
Я чувствую и вижу век
наперёд,
но не уверен, проснусь ли
снова.

Травоядно прожить – сойдёт,
но этого ли хочет эго?
Блевать тянет меня,
но устремлений нет, если честно.

26.

Зиме конец.

Близка уже она, но земля сама летит (ускоряясь) с тем же расчётом.

Относительна только близость её, как дальность человека к своей судьбе.

Касатки оказались умней.

Вернулись к воде, оставив другим развозить помои.

Привет всем одичалым.

Привет мозговставы.

Нам никогда не стать свободными при жизни, ну и ладно.

Давайте дружить телами, попилим себя на тетрадки с словами.

27.

Бессмысленное (на первый взгляд) блуждание пера является важным этапом для его не засыхания.

28.

Просыпаюсь в аквариуме. Рыбы разной формы уже не лезут целоваться. Корм им разбрасывали и меня (по ошибке ли?) бросили. Но питаться невымытым телом – мерзко.

Трогаю шею. Из-за отсутствия выбора выросли жабры. Вот и живи, как дали. Дыши, как хочешь. И тошно от мысли «быть», но и умирать страшно, но только по причине страдания тела. Это страдание диктует обоссаться в самый неподходящий момент. Причём в самого себя. Постоянно подавленный.

Не хочется быть на стороне людей, вот поэтому к рыбам и бросили. Нахожусь вроде на виду. За стеклом вон деловитые рожи разгуливают. Говорить гадости уже не получается. Молчание – признак или высокой осведомлённости, или воды во рту. Нашли управу.

Я бы и рад с рыбами сдружиться, но не стать мне своим среди их общества. Разный подход мышления. Им бы корм жрать, да плодиться в сезон, а мне: есть их плоть, да кончать на лица умных женщин.

Таков уклад самозваного художника, самопровозглашенного гения. Но, если такой «я» столкнётся с возможностью стать своей выдумкой, потянет ли тело в осуществлённую сказку? Вот возьмут меня за шкуру, вытащат из воды, поставив на твердь, а у меня так комфортно жабы прижились.

Так и задохнись от жалости к самому себе, забыв про нос на месте. Такое чувство, будто опять повторяюсь, просто другими словами.

29.

Туалет и смежная ванна –
мобильная исповедальня свободомыслящих.
С отголоском пресыщенности удобства высеченного.

Заходит гость в дверь слева, давит какашку мышечно,
а рот в это время шепчет:

отче, я нагрешил, я тебя презирал...

Жена твоя кто, рука? Если сам ты породил небеса.

Получается, ты – мастурбатор,

великий драчун идей. Зачем нас спускать по трубам,
если проще протереть носком?

Выкинь детей своих нерадивых за санузловый порог.

30.

Словопись является главным существом нового человека. Угнетённый ум в пиршестве успешных недотёп, словно маленькая девочка, читающая фантастику, тем самым уходящая от повседневности. Так и ненужный человек нового толка скрывается за листами фантазий.

Нежелание или же, элементарное непонимание «как жить эту жизнь» приводит к развитию иных качеств, сопровождающихся теми же зонами восприятия. Мозг не чувствует разницы между обусловленной реальностью и выдумкой. Ему (дураку ли?) всё одно.

В тот самый момент, когда приходит осознание такого простейшего факта, врывается словесность во всей своей полноправной красе. Но делится она пополам, разделяя так же степень вовлеченности своего хозяина. Та же упомянутая девочка, читающая фэнтези, находится в одной группе словесности, где правила игры ей уже обозначили, которая, в виду аналогичной реальности симуляции, попадает всё под те же нормы. Простыми словами: из одной книги правил ум отправляется в другой свод законов. Это позволяет таким субъектам не ввязываться во вторую группу.

Вторая же группа рассчитана на людей, отрёкшихся от правил и границ. Такие люди чаще порицаются обществом, выходя на фоне самодурами, конченными недоличностями,

которых забавно показывать в передачах для хихак и хахак, а ещё лучше, если таких людей распихают по диспансерам.

Такая группа вживается в словесность, полностью теряя облик гражданина, становясь мёртвым текстом, который смеет оживать только в секунду прочтения. Вот тут и рождается истинный писака, который по праву может естественным образом наслаждаться величием.

31.

Насвистывает беспризорник песенку:

«Было три кота у мамы кошки!»,

стреляя сигаретки у прохожих.

«Одного кота дядь Вася лопатой приложил,

второго мамина подруга забрала».

Мимо ходом, пацанёнок яблоко крадёт.

«А третий котёнок сбежал за шиворот ворот».

(По улице, навстречу женщина идёт. Из-за угла,

в сторону центральной площади, а парнишка,

меж свистами, всё песенку свою поёт)

«Было три щенка у мамы-суки!»

Рука в карман, будто что-то достаёт.

«Одного щенка не спасли, он просто умер».

Пристальной сделался беспризорный прищур.

«Второго щенка-а-а-а забрали сторожилкой дома».

– Ну а третьего? – поравнявшись, женщина спросила.

Рука в живот вонзает нож, в глазах у жертвы помутнение.

На устах от спёртости нет слов.

(а беспризорник всё песенку поёт, по улице походкою

плавную идёт, всё ищет мать и в придачу тётку,

такой он озорной, а голос непоколебимо звонкий)

32.

Красный огонь. Калейдоскоп в темноте под веками. В тишине слышны крылья бабочек. Запах свежего мяса. Давненько не появлялись признаки насилия, но через мысленную гладь всегда рвутся образы.

Любая форма нормальной человеческой жизни сопровождается гниением и калом. Любой дёрг, любой шум – всё, что нужно для неконтролируемой вони.

Критерии безумия в разные периоды отличались, но схожие элементы остаются и посей день. Не быть таким, значит – привлекать внимание системы. Можно вполне монетизировать своё безумие, а ещё прийти к мысли о невозможности суждений по шаблонам. Безумность в целом можно приравнять к нормальности, подкрепив такое утверждение первородной индивидуальностью. Как бы ты не старался, единственно возможный вариант трусливой душонки – притворяться, но жить всерьез по сказкам не представляется возможным. Вывод, думаю, становится очевидным.

Перед глазами красный огонь. Это часть калейдоскопа закрытых век. И в тишине слышны крылья бабочек. Запах свежего мяса, когда и вовсе его рядом нет. А всё по причине истинной свободы ума, способного примерять на себя любые маски, выдавая каждый образ за настоящий. Ещё раз повторюсь. Безумия нет, как и нормальности. Есть только что-то

вечно движущееся.

33.

Верблюд плывёт по розовому небу.
Во рту откусанная бесконечность –
нежного араба рука, а может, что
и загорелой северной девицы.

(нельзя веселиться у рта без опаски)

По завалинам второй верблюд гребёт,
раздвигая пески, как свои горбы.
С беспристрастной ухмылкой,
под дымок опасного дурмана.
Молчание верблюда –
форма пейзажа восточных правил.

34.

Голубиная песня о хлебе
Навязчива пища и ладно
Если бы не червяки в животе
То есть было и не надо
Некоторый индивид действительно
Духом един
Но кушать и такому хочется
По этой причине сломать его
Вполне сможет
Мировой устрой схож
С заводными игрушками
Большая песочница разума
В теле земли космоса
Эроса разврата всех
Возможных областей

35.

Кристаллизация беспорядка из набросков выдуманых символов. Вот она: а, б, в, г, д, е, ж, з, и, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ, ь, ы, ь, э, ю, я.

Короткий список с ограниченными возможностями. При желании человечество могло бы исписаться в абсолютный ноль, но в таком случае, пришло бы массовое выгорание. Нельзя подытожить всё, да здравствует вечное поле загадок и таинств для самого главного двигателя рассудка – надежды.

Поэтому, каждый писака подсознательно копирует других, разминая простату очевидных тем. Никто не исключение. Истинное искусство – сумасшествие и тотальный деконструктивизм, но такое общество боится, удушая открывателя в зародыше.

36.

За линией начертана клаузовка,
растормошенная грива хохмоча.
Под елейный вырастайкой прячут
зимовные корма.

Баба в куртке, как игрушка,
с шаровичнатой подковкой.
Ходит лесом, крутит с низом,
расплескавшись в барахвайях.

Стены дома – известь с пеной
под надломом скрежеща,
стоит метр – пять лет жизни –
нахуйяж такое брать?
Каждый центик – человек
превратился в смеелюд.
Вам самим не стыдно бразить,
выдавав такой зигзаг?

37.

Я устал от рифм и логики,
кому они сейчас нужны?
Культура прыгнула с подоконника
многоэтажной хуйни.
Не развитие. Отрицание нового.
И вот, в столице цитируют Подподушкина.
Хороший мужик был, но давненько сдохший.
Не пора ли обратить свой взор на живых?
Культурные некрофилы, любители ебать трупы,
вам не стрёмно наряжать свой ум в обноски?
В сраку вам всем хорейного с пристрастием,
с со стыдом вашего трупострастия.

38.

Эта филиарная глупость,
дочерняя слабость –
черкать о понятном.

В при парадной меняется
место бездействия:
три распиздяя ставятся.
Один местный пожарник
уже головы как-то
продырявил, но, а толку?
Бытие посуде.
Еды не прибавится.
Искал бога, а нашел пропасть.
Собственно, тоже неплохо,
но правда в таком ключе –
бесформенна.

Сплошная темнота и крик.
Боже, мама, реверсируй меня,
пожалуйста, во вне к послезавтра.

39.

А у реки рядом с заброшкой,
есть будка с собакой по кличке «кошка»

(ай-лю-лю, ой ё-ё-й)

Каждый выходные Кошка
гоняет котов по бетонным прихожкам

(ай-лю-лю, ой ё-ё-й)

Смеёмся и кормим мы всех животных,
ведь знаем

(ай-лю-лю, ой ё-ё-й)

Сегодня зверюшки едят корма,
а завтра черви покушают нами,
бесплатно вот так, задарма.

(ай-лю-лю, ой ё-ё-й)

40.

Пассивно аннигилирует частица,
спадая в птичье гнездо.

Синица пишет знаки клювом,
в надежде объяснится с пастухом.

А он,
парнишка иного толка,
сам заплутался в себе.

Он ищет на деревьях слово
«интермеццо»,
на выкрашенной коре.

Так, говорят, защищается ствол
от поедания насекомых,
но культура сломала связующую
вилочку, и это – факт.

41.

Кадычкан. Хальмер-Ю. Молога. Иультин. Это что местные заброшки, только чуть масштабнее. Вот у них там действительно весело. Из плюсов – только воздух. Ещё там пахучих много и неконтролируемая ебля, если ещё дин-дон встанёт. Ещё бы, выбор не велик.

К сорока годам там дяди уже в кашу, а тётям хочется. Вот и более-менее эрекционные пацаны поёбывают чужих жён. По вечерам пьют местную бодягу, а затем засыпают с вонючими пастями. Что ещё нужно? Чужое счастье тяжело понять.

Тоже хотелось бы так, но сгрызут ведь суки нежное сердце и стервозный язык. Умников чувят за версту, это факт. Закрытый мракобесный Эдем, куда билет заказан.

42.

Пускающие кольца Сатурна к нагромождениям телескоп-
ным

так и просятся зажечься в темноте.

В купоросе четыре глаза судорожно выдумывают сказки
о космосе,

задумка человеческой тоски.

За пиздёж нам дают много денежек, а за сказки
с упорядоченной этикой вдвое больше дают, дураки.

Вот и слова стали даром божьим, метр – точный замер.

Не забыли господу про слуг своих,
в рае будете сиськи большие лобзать.

Аааааай, как хорошо! Какова песенка ушам, а? Ребята!

Мой призрак сможет в белом одеянии вас разьебать, а это
значит,

стоит, стоит теперь умирать!

За близких, обрёкших на смертие, да за себя, за всю ни-
зость свою

осмеянную.

43.

Отношения двух падающих теней. Соприкосновение происходит без шва. Три года тихой борьбы. Ей стало привычно. Он же с тоскою смотрит вдаль по ночам. Причём всегда игнорируя звёзды. Ни слова о них. Но она-то знает, в голове он, наоборот, на фоне всех зверств – ушел в детскость. Чем больше проблем, тем меньше хочется их решать. Лучше уж заняться примитивным трахом в пыли от разрушенных стен.

Пару сырых картошек на обед. Понос. Боль в животе. Все разговоры о прошлом. Тут он и она – солидарны. Оба понимают невозможность отстроить на отравленной земле надежду. Зато капли, падающие с неба, освещают ночь. Это сигналы от бога. Лёгкий хлыст, напоминающий о грешности.

Дотошность, с которой создана кара, как желание диктатора повеселиться – поражает. Но мы-то знаем, создатель продумал так специально, он замаскировался под своих питомцев. Выходи из-за кустов. Ты победил. Мы же – сдаёмся.

44.

Существует одна серьёзная проблема, а точнее – одно существенное различие в восприятии: между настроением художника во время работы и зрителем, который созерцает эту работу в завершённом виде в рамках выставки.

Художник, когда пишет пейзаж с натуры – получает эмоциональный окрас в зависимости от своей индивидуальной психики и, соответственно, восприятия окружения. В данном случае играют сотни всевозможных факторов, в том числе цветоощущение и отношение к конкретному цвету и личной ассоциации. Скажем, в жизни художника могли произойти события, где ядовитые оттенки ассоциируются с чем-то позитивным, в то время как у остальных людей эти цвета могут нести болезненный характер. А ещё ко всему прищивается и окружение, при котором происходит слияние всех этих ассоциаций.

Зритель, смотря на этот самый написанный пейзаж – не чувствовал того запаха природы, который чувствовал художник. Не слышал завывания ветра или те обжигающие лучи солнца. Постороннее восприятие обрисовывает работу своими красками и настроением, не имеющими ничего общего (за исключением очевидных ассоциаций) с настроением и посылом самого автора.

45.

Реальность взрослой жизни такова, что есть два пункта основных потребностей: умение обеспечить себя и не сойти с ума. Всё остальное – детали, которые входят в эти два основных пункта.

46.

Список выдуманных имён

Ави. Ен (а). Сноки. Айя. Свок. Фарсий (я). Суной (я). Корсий. Кансая. Найя. Порий. Бирелий. Доскат. Кеврая. Мелония. Тесая. Кастомий. Пануфрий. Антайя. Мирунок. Шаира. Тиквай. Тонаса. Парфий. Фисот. Мазинта. Тракоя. Волара.

47.

И спал я с тобой будучи юным. Проливал слёзы, улыбки, порою печали и годы. И будучи ветхим – буду спать с тобой, ведь скрыто в тебе юность и память. В тебе я обрёл покой. Нашёл алтарь для молебна. Я нашёл свой храм.

48.

В той аварии была заложена аллегория на повседневность. Выбитое, от удара, стекло точно хрусталь смешивалось с кровью пассажиров. Будто дорогой ресторан обстоятельств. Случай пожирал всех без разбора, а окружение отведало, наконец, вина.

49.

Торт разрезали и разложили гостям по тарелкам. Кусок с красивой вишенкой остался в коробке. Она оставила его для больной мамы, самый красивый кусок. Ведь без мамы не было и её, а значит, она не смогла бы отнести ей кусок торта.

Хотелось скорее уйти из квартиры. Каждая деталь кричала о том, что здесь последнее пристанище несчастного человека. Это был дом моей бабушки.

50.

Проснулся в пыли дел. За таким слоем нельзя разглядеть цвета кожи. Я задыхался, но не показывал этого.

51.

Нас было четверо друзей. Она попрощалась со всеми и сказала, что любит нас. Я знал, что под словом «нас» она подразумевала меня. Я мог бы получить её всю, но не хотел.

52.

Величественное фортепьяно стояло посередине торгового центра, огороженное малиновыми лентами. Стало не по себе. Я не мог понять, как такой прекрасный инструмент стоит здесь, в окружении стольких людей, и никто не посмел сыграть на нём своё безумие.

53.

Она поощряла его не по той причине, что он был лучше, а по той, что хотела наказать остальных.

54.

Когда я проходил мимо этих свиней, приходилось задерживать дыхание, ибо даже запах их был мне противен. Их парфюм не должен был попасть в мои лёгкие.

55.

Бывает так, что люди живут десятилетиями, а потом вдруг понимают, что всё это время умирали.

56.

Я стою у порога новых откровений и знаний. Мои ладони увлажнились от страха нового, ещё столь неизведанного. Рука не позволяет себе распахнуть входную дверь, она её лишь приоткрывает, образуя маленькую щёлку. И в полутьме я отчётливо вижу пустую комнату, стены которой напичканы другими, такими же дверьми. Я не решаюсь войти, ведь тогда придётся делать выбор.

57.

Со временем рай опустил свои декорации и оказался адом. То, что мы любили, начало ненавидеть нас и стало ненавистным нами.

58.

Вся эта ночная мошкара по очереди запутывалась в волосах и умирала, словно повесившись. В этой смерти не было достоинства, была только безысходность своего глупого положения.

59.

В последние годы жили мы бедно. Не так, чтобы уж совсем впроголодь, но больше картошки, из утвари, в супе не было. Петли на дверцах шкафов провисли и бог весть когда они смогут приобрести свой первоначальный вид.

Пыль времени неустанно покрывает своим одеялом окружение, захватывая нас как свидетелей. Мы дышим этой пылью, ходим по ней и порою думаем ею.

Безмолвная стыдливость превращается в череду бытовых махинаций, где и блекнут в силу своей обыденности. Скажи привет обреченности прямого пути и попрощайся с юностью, в которой ты мало чего понимал, но был счастлив, как никогда больше.

60.

– Когда вы попадёте в ад: расскажите о своих земных грехах, всех-всех. И тогда, возможно, вы получите место уборщицы.

Подруги пристыженной женщины вздрагивали своими увесистыми грудями и животами, сдерживая предательский смех. А мужчина, воспользовавшись секундным смятением оскорблённой, нырнул в открывшуюся дверь дома, поскакав по ступеням от греха подальше.

61.

– Что должен художник?

– Художник должен насрать тебе в карман, потому что художник никому ничего не должен.

62.

Мы спали животами вниз, чтобы не чувствовать голод.

63.

Средневековой европеец был серьезен и не улыбался при приветствии. Улыбка таила в себе греховность, а в слезах не было ничего постыдного.

64.

Если нету ради чего жить и хочется наложить на себя руки – не легче ли со свободой своего ума, без страха, продолжить своё бытие в ключе гедонизма?

65.

В изобразительном искусстве: хороший-плохой материал не есть корректная оценочная характеристика. Преимущества или недостатки обуславливаются только умением человека.

66.

Оставался месяц до начала сессии. Была ночь, и я не мог не перестать думать о многочисленных учебных делах. Меня пугало так мало времени. Я решил прибегнуть к метаморфозе слова «месяц», заменив его на более успокаивающий вариант.

Появились варианты: тридцать один день, четыре с половиной недели, одна двенадцатая года, весь июнь, двадцать четыре часа тридцать один раз, тридцать один день плюс тридцать одна ночь (в итоге шестьдесят два), семьсот сорок четыре часа, сорок четыре тысячи шестьсот сорок минут, два миллиона шестьсот семьдесят восемь тысяч четыреста секунд, триста тридцать четыре тысячи восемьсот смертей по всему миру, тридцать один комар успел родиться и умереть (в измерение Абсолюта их популяции), один миллион триста тридцать девять тысяч двести вдоха и столько же выдоха.

На том и уснул ангельским сном, времени было предостаточно.

67.

Если на секунду представить, что бог есть в том состоянии, в котором его рисуют люди и, собственно, сама религия, и принять условие, что периодически этот самый бог кому-то помогает, а кого-то карает, то единственно возможный вариант следить за человеком – глаза рядом находящегося. Мы все – произвольные доносчики.

68.

Я нахожусь в равновесии с природой. Взаимно равные условия сосуществования. Убивая медведя и стеля его шкуру на пол, я живу надеждой, что однажды и меня убьют, содрав шкуру, повесив её на стену, как трофей и гимн равновесию.

69.

Поссорились как-то три друга: парень, правая рука и член. Первый кричал, второй душил, а третий плевался.

70.

Если вложить свои деньги в Венгерские форинты, то потом можно выгодно стать долбоебом.

71.

Ярое стремление к свету может ослепить идущего. Нужно беречь глаза от прямого попадания лучей, ведь слепота для зрячего явит на свет его безумие, которое, в свою очередь, породит стремление к ложному свету.

В таком случае конечный пункт будет являться началом ложного пути, а значит: человек будет идти к нему всю свою жизнь, так и не дойдя.

72.

Всегда нужно помнить, что внешние факторы нашего бытия влияют на самосознание и на самоидентификацию. Подобную тенденцию можно расписать простой формулой: внешние факторы (ВФ) + позитивное восприятие (ПВ) * число повторений и влияния на сознание (ЧП) = результат (Р), также формула может действовать в противоположном значении, если индивид видит во внешних факторах негатив. Тогда формула выглядит следующим образом: внешние факторы + (- негативное восприятие (НВ)) * число повторений влияния на сознание = результат. Эти две формулы работают во всех четырех вариантах исходной ситуации и дальнейшего результата:

- 1) От позитивного отношения к полному негативу от хорошего к плохому.
- 2) От позитивного отношения к полному негативу от плохого к хорошему.
- 3) От негативного отношения к позитивному от хорошего к плохому.
- 4) От негативного отношения к позитивному от плохого к хорошему.

Рассмотрим, как вышеприведенная формула работает на конкретном примере.

Гражданин М. родился в неблагополучном районе. Его

родители постоянно злоупотребляют алкогольными напитками. М. предоставлен самому себе и тому окружению, которое даётся ему изначально.

За числовые выражения мы берем максимальный оценочный балл:

ВФ – 10

ПВ – 10

ЧП – 10

НВ – 10

1) $ВФ10 + (-НВ10) * ЧП10 = -90$. В данном случае пример доведен до Абсолюта, так как мы взяли максимальный оценочный балл, где гражданин М. полностью погружен во внешние факторы, но имеет максимальное негативное отношение к внешней среде, в которой он оказался (как предпосылка, к такому отношению может служить примеры поведения преподавателей в школе, где обучается М., интернет-сообщества, направленные на развитие личности и т.п.) В итоге мы получаем результат равный 90 баллам, где 10 недостающих баллов (до 100) высчитаны за счет первоначальных внешних факторов в первые годы жизни, где М. еще достаточно сильно подвержен окружению и сильно зависит от поведения и мнения взрослых.

При оценке более реальных ситуаций цифры будут иметь другой сравнительный коэффициент, который поможет проследить степень влияния внешних факторов на самосознание индивида. (В данном случае от хорошего отношения к

плохому).

2) $ВФ10 + (-ПВ10) * ЧП10 = -90$. В данном примере результат (в своем числовом Абсолюте) такой же, как и в первом случае. Но весь различий состоит в подходе к внешним факторам. Гражданин М. видит в сложившихся внешних факторах позитивный стимул к развитию своего самосознания. Сама атмосфера его окружения мотивирует его не повторять подобных ошибок. Результатом становится его полное желание вырваться из данной окружающей среды, прибегнув к развитию своей личности. (от плохого отношения к хорошему).

3) $ВФ10 + НВ10 * ЧП10 = 110$. В данном примере показано противоположное развитие самосознания М. Негативные внешние факторы гражданин М. воспринимает, как само разумеющиеся и встает на кривую дорожку, принимая диктуемые правила. Результатом становится полное или частичное разрушение его самосознания, которое и приводит его к дальнейшему разложению.

4) $ВФ10 + ПВ10 * ЧП10 = 110$. В данном случае гражданин М. даёт адекватную оценку первоначального своего положения, но ввиду сложившихся обстоятельств, гражданин М не в силах выбраться из данной ситуации и в конечном итоге прогибается под данные внешние факторы, становясь на путь саморазрушения и деградации.

Примечания:

1) Первоначальный вид формул:

$$\text{ВФ}(x) + \text{НВ}(y) * \text{ЧП}(z) = P.$$

$$\text{ВФ}(x) + \text{ПВ}(y) * \text{ЧП}(z) = P.$$

$$\text{ВФ}(x) + (-\text{НВ}(y)) * \text{ЧП}(z) = P.$$

$$\text{ВФ}(x) + (-\text{ПВ}(y)) * \text{ЧП}(z) = P.$$

2) Десятибалльное распределение приоритетов, где:

10 – Абсолют

5 – среднее воздействие

1 – низкое воздействие

Промежуточные распределительные баллы входят в оценку приоритетов в зависимости от необходимости (9,8,7,6,4,3,2)

73.

Насекомое само, не ведая того, залетает в места, откуда уже не может выбраться. Залетая в открытое окно, оно не понимает, почему не может выбраться обратно. Ей неизвестно понятие стекла и его характера. Насекомое видит природу, к которой оно принадлежит, но прикоснуться к ней уже не может. Остаётся ждать чуда, но на деле, вместо него приходит голодная смерть или смерть быстрая, от руки, что избавляется от неё.

Не залететь в неизведанное – невозможно, слишком велик соблазн, но и вылететь уже не удаётся – такова цена.

74.

Правило второго победителя

Если ответить человеку зеркальным манером (сохраняя ту же дерзость, эмоции или даже алогичность), то в дальнейшем разговоре вы всегда будете правы хотя-бы по той причине, что это не вы начали такую деконструктивную беседу. Любое ваше дерзкое слово или глупое – всего-навсего отражение поведения собеседника.

75.

Размышления о «неоаскетизме»

или с чего начать путь своего диагноза.

(черновой вариант)

1) Откуда растут ноги?

Аскетизм – добровольное лишение неких благ ради высших побуждений.

Так было раньше, когда религия являлась центральной точкой зрения и мерой поведения для основной массы народа и значила намного больше, чем просто привычка и условность устоявшегося акта.

2) Основные вопросы. Зачем? Почему? Как?

Мы живем в промышленной среде, более свободной в своих взглядах, философии поведения и личностной значимости. Куда ведет мировой прогресс: к развитию или же к деградации (что скорее более очевидно) – неизвестно. На данном этапе стоит только отметить тот факт, что времена для человека изменились.

Атавистический аскетизм еще остался в узких религиозных кружках, но что делать людям, чьи взоры направлены вперед, а затылки не способны принять дикарских и алогичных традиций пережитков прошлого? Самым логичным выходом для молодого поколения станет создание «нового» ас-

кетизма, который будет вписываться в наше время. Отсюда и вытекает название «неоаскетизм».

Прежде, чем описывать характерные черты для данного направления и его основную философию, нужно разобраться с нашим настоящим. Нужно увидеть лицо нашего сейчас и найти обоснованный путь его выражения или же, показать его через отторжение.

3) Наше время.

—Научный прогресс и освобождение от господства церкви развязали мысли людей для поиска альтернативных смыслов бытия и его восприятия. Одно из ярких поприщ, где данная тенденция свободомыслия хорошо просматривается поэтапно: искусство. От натурализма и религиозных картин воспевания высшего разума, люди постепенно начали отходить от навязанных тем. Появлялись индивидуумы, что искали новый язык общения с людьми и донесение своих мыслей изысканным путем. На сцену вырвались такие направления, как: символизм, фовизм, импрессионизм, экспрессионизм, неоклассицизм, модерн, постмодерн, сюрреализм, дадаизм, кубизм, супрематизм и т.д. Продолжать этот список можно достаточно долго.

В итоге, чем больше проходило времени, тем больше ремесло старых мастеров уходило к забвению, а новые художники начинали воспевать ценности и недостатки времени своего. Искусство упрощалось и упрощается до сих пор. Единственное различие между перечисленными теми

новыми и нашим новым в том, что даже дадаисты и желающие господства футуристы имели в корне практические идеи и структуру того, что они делают. Тенденция нынешних же художников заключается в жалком копировании каких-то элементов картин прошлого (нового) и прикрытие своей недалёковидности и неумения высокими словами о том, что искусство не нуждается в объяснении, его нужно чувствовать. Хотя даже работы американского экспрессиониста двадцатого века (Джексона Поллока) вполне структурированы в своём интуитивном хаосе.

Фраза Клее актуальна и на сегодняшний наш с вами день: «Какое время – такое и искусство».

(далее, все рассуждения и наблюдения являются сугубо субъективными, где моё мироощущение формирует мнение и дальнейшие выводы)

Нынешнее расположение вещей видится мне следующим образом:

– Религия утратила свою изначальную значимость, но не влияние над массами. Её седые традиции нежно держат ленивый народ, не отпуская в свободное плавание.

– Образовавшееся равновесие между бездарностями, желающими стать богатыми и теми, кто с радостью платит за некачественный продукт, тупея при этом сам. Стоит сразу отметить, что я уважаю людей, которые, несмотря на всю свою глупость и деградацию, умудряются поднимать большие деньги благодаря еще более тупым поклонникам. Вино-

ват, конечно, потребитель (в большей степени). Молодежь встретила на ура и облизала с головы до ног молодых недо-музыкантов (в песнях которых текст настолько примитив-ный, что даешься диву, как можно было вообще до такого дойти?) Появилось много плохих писателей (хотя, конечно, в плане литературы не все так плохо и трагично), которые избрали путь поверхностного изложения, без каких-либо глу-бинных смыслов и проработке деталей. Особо резко это чув-ствуется в русских детективах. Трагично много появилось молодых недохудожников, которые стали неуклюже повто-рять фрагменты пережитка прошлого, не вкладывая в изоб-ражение более глубокого повествования, но которое, в лю-бом случае, должно присутствовать иначе, зачем тогда всё это?

Любая попытка быть вторым Малевичем, Кандинским, Клее – мертва с самого своего зарождения. С первого сигнала мозга, который еще не успел перевести сложный процесс в мысль и идею.

– Развитие технологий и улучшение жизни человека сыг-рало с ним злую шутку. У большей части населения Земли на первый план вышло желание веселиться. Каждый человек желает жить хорошо, сыто, но при этом прикладывать мак-симально мало усилий. Самая большая потеря массы – это умение думать и желание проводить синтез и анализ чужих идей. Отсюда и растут ноги у всего бесталанного, пустого (но хорошо разрекламированного).

– Повышенный эгоизм и желание «набитого желудка», но при этом испытывать подлинную уверенность, что где-то есть высший хозяин, что это его воля. Раз я такой – значит, он меня сделал таким. Люди не хотят понять одной простой истины. Каждый для себя сам является уже высшим созданием. Нужно быть милосердным, честным с собой и добрым к окружающим (даже если они являются полной противоположностью). Ведь любой другой человек – тоже является высшим созданием в такой же равно степени.

– Нежелание производить синтез, а затем анализ всего происходящего и окружающего. Большинству нравится жрать уже то, что ему приготовили. Что положили на блюде и накладывают в рот. Главное – набитый желудок.

4) Средства выражения

– Отображать всю перечисленную действительность или встать на выражение этой действительности с обратной стороны? Как не банально звучит, но лучше всего найти золотую середину между двумя вариантами отображения. Показать правду – да, но не превознося её, а скорбя. Показать возможный путь – опять да, но не навязывая его. Путь намека, где человек вправе сам вершить свой суд, тем самым казня или милуя себя.

5) Что же такое неомаскетизм?

– Добровольное лишение поверхностных благ ради самого себя, то есть, внутреннего бога, что не надеется на лучшую участь потом, но живет сейчас, и он жаждет размышлений

и вопросов.

– Попытка уйти от переизбытка рынка и всех новшеств, постараться передать идею о том, что жизнь – феномен невечный, но стоящий того, чтобы его пройти. Желая не только о новом айфоне, но желая уловить суть своего жизненного отрезка и меру поведения внутри общества.

б) Характерные черты и особенности выражения

– Уход от резкого цвета. Сдержанный колорит. Спокойный, местами сложный.

– На первый план выходят идеи и мысли человека, и сам человек, но не как центр (царь природы), а часть большого феномена, где он играет главную роль для самого себя, не выбиваясь из общей колеи природы.

– Отсутствие окончательного ответа. Идет процесс размышления и принятие различных вариантов возможных ответов.

– Не вечность. Ни духа, ни мыслей, ни искусства.

– Уход от индустрии или же, адекватное отношение к нему, как к потребности в определенных рамках, но не переизбытка.

– Освобождение стороннего гнёта. Принятие своего я.

– Синтез и анализ. Восприятие вещей (их переосмысление). Видеть даже в растениях не просто данность, но видеть в них равную жизнь, которая также сложно устроена, просто по своим законам и системам.

– Формирование мысли, как субъективный феномен.

Объективность – насаженное субъективное мнение массам.

– Личный комфорт без вреда комфорту ближнего.

– Родина людей – Земля.

76.

Обсуждение очевидных тем вызывает психоз. Все эти банальные вопросы, которые несут в себе уже готовые ответы.

Боже, какая скука. Я готов скатиться в полнейшую бредятину и несуразицу, лишь бы не слышать разговоры «по умолчанию». Добро – это хорошо, зло – плохо. Как же это скучно, пресно, серо – никак. Ещё немного, и я свихнусь.

77.

Лень снова обошла меня.

78.

Люди, которые лишали себя на протяжении всего времени существования, всевозможных благ ради исповедальных побуждений (и бонусов) – совершают самый большой грех против жизни.

Атавистический аскетизм – преступление против природы. Сама жизнь диктует нам движение, многообразие, многодумие. Приверженность же, со своими все запретами заставляет человека нести жалкое существование и как следствие – жалкую смерть. Так что, лучше попасть в так называемый ад (хотя эта концепция носит крайне бредовую и нелогичную идею), чем совершу преступление против самой жизни.

79.

Размышления о
выражении точки, как главного
героя художественной работы
в рамках «неоаскетизма»

Удивительно, как хорошо мы распознаём наших близких, даже будучи находясь на большом расстоянии от них, где эти люди представляются в виде смазанной точки. По каким критериям происходит узнавание? Походке, цвету одежды или инстинктивно? Загадка. Но больше меня интересует вопрос: можно ли передать это чувство зрителю визуально? Только использовать в работах не своего близкого, а скажем, кумира или же просто известную личность. Что должно быть в его силуэте (точке) такого, чтобы он стал узнаваемым?

К вечеру пришла идея для решения данной задачи. И решение это кроется в ассоциации. Скажем, если человеку назвать цвета в триколоре (белый, синий, красный), то почти в ста процентах вам скажут, что это флаг России. Но ведь по факту эти три цвета могут сочетаться при разных стечениях обстоятельств.

Так и в решении данной задачи потребуется использовать ассоциативные вещи в композиции, дабы подсознание смотрящего само собирало пасхалки воедино, и точка-человек

стал узнаваемым.

Стоит сосредоточиться на: комбинации цветов, окружении, расстановке предметов и композиции повествования.

80.

Рассуждения в рамках «неоаскетизма»

Изобразительная деятельность делится на два основных раздела:

– Произведения, которые воспринимаются каждым человеком по-разному, поднимая вопросы разного характера и содержания. Да и спустя время несут в себе загадку.

– Произведения, направленные на конкретику и конечность (точно заложенная мысль).

Неоаскетизм должен стать связующим звеном и сделать новый шаг. Он должен принять окрас хамелеона, что стоит в окружении бесконечных зеркал.

81.

Рассуждения о вере, и о её причастности

Если спросить человека о вере в целом, либо о личной вере, то с 99% вероятностью отвечающий начнёт разглагольствовать о заповедях, боге, а если обобщить, то речь будет вестись в контексте религии.

И действительно, энциклопедический словарь в интернете определяет слово «вера» по двум пунктам (основополагающим), а именно:

1) Убеждение, уверенность.

2) Убеждение в существовании бога: то же, что религия.

В первом случае слово «убеждение» является неким синонимом (опять же, словарь говорит нам это). А во втором, вера представляется в том самом религиозном контексте, в котором все привыкли её воспринимать (преимущественное большинство, хотя есть люди, которые придерживаются противоположных взглядов).

К чему, собственно говоря, я это пишу?

На первый взгляд всё, что было написано про веру, кажется верным и логичным, но первый взгляд слишком поверхностен и невдумчив. Нужно разобраться, что есть что.

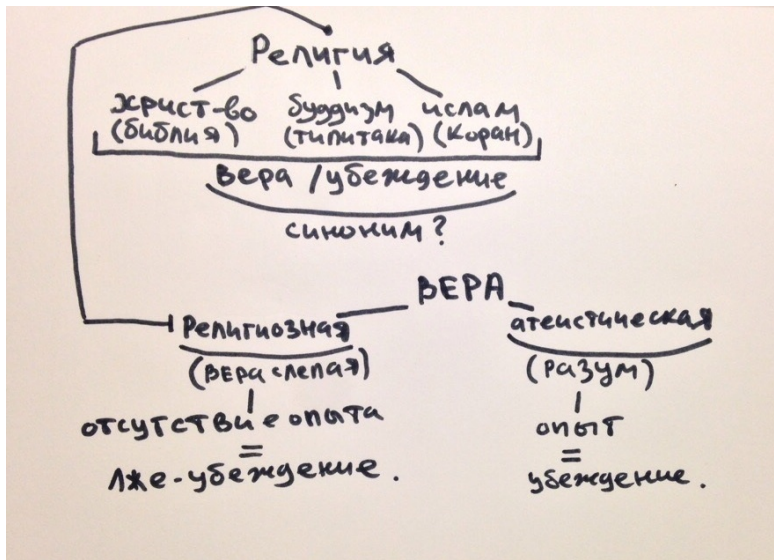
Заблуждение №1. Кроме веры религиозной есть вера и атеистическая. Или, если еще проще, есть любая другая вера, встречающаяся всюду, где не задействованы религиозные

флюиды. Например, вера в свои силы, вера в честность близкого человека или же, вера в отсутствие высшей силы (комментарий к последнему пункту будет чуть позже).

Получается, что определение в словаре является ложным утверждением ровно наполовину (то бишь, наполовину противоположащего мнения). Теперь можно смело разделить веру на религиозную и атеистическую.

Заблуждение №2. Заключается в том, что веру и убеждение ставят в раздел синонима. Но, проблема данного утверждения заключается в одной небольшой детали, а именно: убеждение предполагает наличие опыта, из которого оно и проистекает. Вера же (в контексте религии) подразумевает СЛЕПУЮ уверенность без наличия фактов и практического опыта.

Соответственно, вывод напрашивается сам: вера и убеждение являются достаточно разными понятиями в своей внутренней конструкции.

Теперь можно смело разделить веру на две категории: религиозную и атеистическую, где в первом случае «убеждение» является лжеутвердительным из-за отсутствия опыта и наглядности, а во втором случае, убеждение занимает значение фундамента.

Остаётся разобраться с дополнительно всплывшим вопросом, который появился в ходе рассуждений: если религии досталось голое слово «вера», а атеизму досталось «убеждение», то почему слово «вера» все равно стоит в основе атеизма?

Если с религией все понятно и отсутствие опыта вычерки-

вает слово убеждение, то в случае с атеистическим направлением все обстоит парадоксальней.

С одной стороны, атеизм предполагает «жонглирование» логикой, фактами, наблюдениям, то есть, опытом (откуда и берется фундамент), но в тоже время, атеисты слепо верят в отсутствие высшей силы (то есть, вера отсутствие бога, а значит, вера в бесполезность религии), а так как это недоказуемо, то получается, что атеизм принимает слепое убеждение, которое, в свою очередь, ложится в основу их позиции по отношению к религии.

82.

Магазин. Продавец за кассой. В помещении несколько покупателей. Дверь открывается и на сцене появляется толстый слизняк. Он безобиден, реагирует только на шум, а ещё пачкает своей слизью все подряд. Все присутствующие в курсе, поэтому, не сговариваясь, живые становятся мертвыми. Только глаза внимательно следят за передвижением слизняка. Немного постояв, он выходит на улицу, в магазине снова оживают, с облегчением осязая свою чистую рубашку.

83.

Период адаптации в другом городе проходит более успешно, чем предполагалось. Хотя, слово (успех) звучит слишком уж позитивно для действительности. Архитектура приелась, удивления нет. Новый город подобен родному. Весь различий состоит в отсутствии родных мне людей и домашней еды. Это два главных минуса. С переездом в квартиру всё должно поменяться. Нужно реабилитировать себя, вернуться к ремеслу своего пылающего (чахоткой) ума.

84.

Путешественники, как и Иешуа – ищут чего-то большего. Хотят постичь чужое знание и даровать своё. Перед открытостью нет нужды воровать, но всегда найдется предатель.

85.

Религиозные люди могут списывать все свои корыстные поступки на божью волю и написанную судьбу, а люди материального ума должны нести за свои поступки ответственность.

86.

Работа не по призванию сильно отупляет. Ты устаешь с каждой неделей только больше и всё меньше хочется заниматься тем, что тебе действительно дорого. Ты всё больше хочешь просто отдыхать в свободное время, забивая голову неинформативным бредом. Это объясняет пустоту и серость желаний людей, у которых изначально не было даже простой мечты, чего-то большего, чем кусок сытного пирога на красивом столе.

87.

Скульптурная работа

«Гречневый бюст»

Сделать формочку бюста греческой головы. Залить бесцветный эпоксидный клей, добавляя гречку.

По сути, сама работа является шуточной игрой слов. Не стоит быть словесным онанистом и вешать мнимые смыслы. Единственным логическим смыслом может являться дешевизна и польза продукта, но использование её в работе, где замуровывание лишает гречку первоначальной возможности быть использованной по предназначению так же, как и сами греческие боги стали не у дел без своей мифологической жизни (став заложниками камня и мрамора)

(Древние греки ели гречку, после гречки – ваяли гречков)

88.

Запах пота, духов и пыли агрессивно вторгаются в нос, забивая лёгкие, создавая болезненную кашу. С диагонально правой стороны женские волосы в конском хвосте. Секундный проблеск профиля, мелькает горбатый нос. Точно слева старик, чья рука ритмично, с долей хаотичности ходит в тике: вверх, вниз, каждый раз задевая мою крутку. Три секунды. Кисть дергается на уровне бедра. Шесть. У груди. Задержка на восемь и снова планирование вниз. Поначалу интересно высчитывать тики, ища закономерность руки, лишенной контроля, но поняв примитивность недуга, его банальный ритм, состоящий из трех актов, становится скучно.

Ноги берут правее и как плоть в мясорубке, превращаюсь в фарш, вылезая спрессованной формой в окружении подобных размотанных останков. Еще минута. Две. Еще минута, полторы. И вот, через сорок пять секунд меня вываливает куском в кишку эскалатора, где можно перестать зацикливаться на цифрах. Откуда-то сверху подул свежий ветер.

89.

Я заложник времени. Я не в силах бороться с тем, что мне не нравится, ведь я завишу от этого. Я осознал свою ошибку и беру свои слова обратно. Да, я хочу вкусно есть. Да, мне нужны деньги. Я признаю свою вину, материализм – клеймо всех живущих.

90.

точки запятые орфография в целом не должны препятствовать и занимать доминирующую роль в идеях что выплескиваются на бумагу этим самым я хочу сказать что и само слово должно значить и иметь ту форму которую от неё требуют мысли и идеи для более точного выражения правильность построения очень часто становится высоким барьером что разделяет текст от сакрального

91.

Самосознание общества можно отслеживать по общественным туалетам. Там, где этого общества «разумных» созданий в избытке. В торговых центрах, общепите и уборных кинотеатра. Сотни и тысячи обоссанных и невежественно обосранных туалетов говорят намного больше, чем любое СМИ или научное исследование (в которое вбухивают кучу денег).

Лицо общества у всех на виду, под ногами и в воздухе, пропитанное смрадом. Никто не хочет брать ответственность и признавать социальный упадок своего племени именно в том объеме, в котором оно прибывает.

92.

Подобно онанизму, слово является продуманным флиртом или же ритуальным танцем, который может (при должном обхождении) иметь успех у читателя, заводя его во дворы, куда бы сам человек не свернул, посчитав такие скверы разграбленными гробницами прошлого, нашего ненужного.

93.

Одним из решающих этапов ведения работы является первичность мысли. Если, скажем, придумать фрагмент в голове по дороге из магазина, а потом через время записать его, то фрагмент этот, при всем желании, потеряет изначальный окрас и интонацию.

Иными словами, из-за дублирования своих же мыслей теряется острота печати. Другое дело, когда рука и разум работают сообща в одном временном промежутке. Когда рождение зафиксировано самим действием. Это ли не чудо?

94.

Писательство (не важно, любительского уровня, профессионального или же гениального) является одной из сакральных профессий. Сам факт преобразования мысли в некую материальную форму заставляет восторгаться и восхищаться. Ведь что такое мысль? Некий электронный импульс в склизкой, не имеющей нервных окончаний, субстанции, непонятно как формирующей смыслы.

95.

Будет справедливо назвать себя графоманом. Страсть к писательству очень часто заставляет меня вытаскивать изнутри предложения, что по прошествии становятся лишены какого-либо смысла. Но как тут остановиться? Я зависим от сочинительства и плевания словами, я зависим от высказывания своего мнения и своих идей. Тут уж ничего не поделать.

Мой разум жаждет физического высказывания. Слова, как углекислый газ, выходят из-под моей руки, часто не в состоянии контролировать своё поведение.

Мне близок Василий Васильевич К. идеей о том, что в изобразительном творчестве нет нужды запечатлевать нашу окружающую действительность. Картина с пейзажем неспособна передать всего могущества природы, что разлеглась широким спектром информации, непосредственно с первичным её восприятием. То бишь, восприятие действительности нашими органами чувств.

Многие поспорят со мной, сказав, что художник, так или иначе, перерабатывает окружающую действительность под своё личное восприятие. И тем художник и делится со зрителем (своими наблюдениями, настроением, цветопередачей и т. д.). Здесь я полностью согласен, но прошу заметить, что одной из главных целей любого творческого продукта является коммуникация между картиной и зрителем. И даже в этом вопросе сама жизнь – окружение, выигрывает у художника, неся в себе целостность своей сущности и полноту ощущения (благодаря возможности тактильного взаимодействия, запаха и постоянной сменой погоды). Человеческий мозг автоматически обрабатывает окружение в то настроение и родство, что свойственно отдельно взятому индивиду, а значит, близость и понимание будут максимально приближены к чувственной стороне личности.

Куда более интересно смотреть на работы художников,

что достают некие сакральные, скрытые внутри своей природы вещи, которые больше нигде не встретить, кроме как на полотне. Холст становится единственно возможной площадкой, где подобные внутренние «пейзажи» можно увидеть, размышлять о них и придавать синтезу. Этим самым я не хочу сказать, что все написанные картины должны придаться общественной анафеме, нет. История уже написана, история в картинах прошлого – прекрасна. Но не стоит забывать о настоящем. Наш новый мир (какой-бы он ни был) требует и нового искусства. У нас есть художники-современники, что достойны голоса, но этот голос скрыт под стенами исторических памятников, доминирующих над настоящим. Почему нет баланса? Почему всем плевать? С такими темпами новое сознание никогда не дойдёт до масс, и мы так и останемся жить у разбитого корыта прошлого.

97.

Ад сильно видоизменился за последние столетия. Классические преисподние (где все горят в котлах и вечно испытывают боль) характерны средневековому человеку. Тогда господствовала церковь со своими представлениями о наказании (точнее, благодаря художникам, что вытаскивали из своей фантазии все те немислимые образы).

Ад смерти любимой и вечного, одинокого скитания характерен для эпохи возрождения, где сила романтизма приобретала высокую эстетичную форму мышления, вознеся на олимп культ человека, как высшую форму сознания.

Наше же время – время потребления. Нам не присущи и непонятны муки прошлого. Мы стали не такими восприимчивыми. У нас много скепсиса. Ад для нас видоизменился и приобрел форму вечного блуждания по супермаркетам в поиске товаров по скидке.

98.

Ошибка большинства людей при прочтении того или иного произведения – стремление понять автора буквально. Воспринимать произведение строго в написанных рамках – преступление против своего времени.

Хуже всего те читатели, которые мнят себя ценителями, рассуждая затем с умным видом о смыслах прямых и бесповоротных. Некоторые люди изучают свое лицо всю жизнь, чтобы хоть немного прикоснуться к пониманию своих черт, а тут придурок в костюме смеет выражаться конкретикой, даже не пропуская произведение через призму своего мышления. Все его мысли – твердолобый идиотизм и уверенность в правоте на счёт другого человека.

Художественное произведение никогда не должно и не может восприниматься буквально. Каждый персонаж и действие – воспаленные прообразы автора, что должны рождать ассоциацию личную, что находится в зоне интима своего очерченного пространства (то есть, сознания), тем самым наполняя произведение (за счёт обратной связи) поэтической уникальностью ручной вязки.

Этюд к началу романа
«На Эшафот»

Помнится, в свой выходной шел с женой от рынка. Уже вечерело, погода совершенно разладилась. Первые капли дождя показались на дороге и одежде прохожих. Я раскрыл зонт и под звуки, пока ещё мелкой дроби, мы направились в сторону дома. В небе раздался гром, а следом вспыхнула молния, освещая собою улицу. Рядом со мной проходила пожилая женщина. Она шла одна без зонта. Её голова вздёрнулась в небо. Затем женщина перевела взгляд на меня и мою жену. Возможно, ей хотелось завести с нами беседу, а возможно, она обращалась к самой себе, где мы явились всего-навсего обезличенными пустотами, обращаясь к которым, можно было высказать свои мысли и не показаться при этом сумасшедшей. «Если первый гром гремит с запада, – сказала она, – значит, не к добру. – И указала пальцем в небо». Моя жена улыбнулась одним уголком рта ничего не ответив. Я же, напротив, был в хорошем расположении духа. «Когда работаешь, – ответил я, шутливо щурясь, – в криминальном отделе, то гром обычно всегда западный». Старушка, скорчив непонятную гримасу, спешно свернула за угол дома.

Сейчас вспоминаю тот вечер с досадой. Год действительно выдался тяжелым. Число убийств выросло чуть-ли не вдвое, но нам запрещали афишировать такой рост преступности. Иначе произошло бы давление на наш отдел, да и спрос на правоохранительные органы возрос, а работать и так стало тяжело и опасно. Некоторые сослуживцы успели уволиться, стресс затмил их мужество, а может они просто оказались умнее других.

Этот год сильно потрепал меня. Сколько охладевших тел я пересмотрел. Муж, на пике пьянства, забил жену до смерти голыми руками. Женщина, в порыве ревности, перерезала любовнику глотку кухонным ножом, когда тот беззаботно спал в своей же постели. Ненавистное чадо, забитое арматурой и покрошенное на мелкие куски, а затем разбросанное по всему городу. Озвучивать кошмары можно до потери пульса. Слишком много убийств. Слишком много, для меня. После подобных картин крайне тяжело спать спокойно трезвым. А пьяным, слишком тяжело быть хорошим мужем. Зачем я целеустремлённо стал детективом?

Помнится, в детстве, как и многие ребяташки, я хотел стать космонавтом. Романтический образ заставлял тысячи детей мечтать о том, что вряд ли могло бы осуществиться в нашей грубой и тяжелой действительности. В более позднее время, будучи подростком, осознав всю тщетность своих детских желаний и посмотрев на мир под другим углом, я вдруг решил бороться с несправедливостью и жестоко-

стью. Как же меня угораздило воплотить свою мечту, которая обернулась, в свою очередь, ночным кошмаром и тем самым стала расплатой за труды. Западный гром услышал мои желания и раздался сокрушительным раскатом над головою.

Мне почти сорок. Каждый день я говорю себе: остановись, ты не вечен. Ты не можешь больше смотреть на все эти ужасы. Мир не изменить. Ты хотел сделать хотя бы свой город лучше, где можно было без опасений растить сына или дочь, а в итоге стал инспектирующим падальщиком. И единственное, что тебе остается – горы смердящих трупов. Мы сажаем одного ненормального, а вместо него появляется новый. Борьба стала вестись не ради победы, а ради самой борьбы. Этот проклятый круг никогда не разорвется, потому как люди не меняются. Сотни двигателей прогресса улучшают нашу жизнь, но у прогресса есть и обратная сторона. На тебя не нападают соседние племена. Большинство смертельных ранее болезней можно вылечить. Ты больше не охотишься, чтобы прокормиться. У тебя стабильная работа, приносящая деньги, которые можно спустить на новый зомби-ящик, выпивку, игровую приставку или женщину. Ты... нет, нам! НАМ не нужно больше развивать свой мозг, чтобы держать в нем клад нужной информации. Мы без каких-либо усилий можем найти ответы в интернете на любой интересующий вопрос. ОДНИМ, БЛЯДЬ, ПАЛЬЦЕМ! И весь итог прогресса – разложение. Мы начинаем гнить, ещё не осознавая этого. Со временем привычные вещи начинают надоедать. Нам

становится мало тех ощущений, которые можно испытать, не прибегая к насилию. В погоне за новыми ощущениями мы совершаем небольшой проступок, который мало кто даже решил бы осуждать. Но вот мгновение, и мы не заметили, как потеряли контроль над своим сознанием. В руке окровавленный камень, руки тоже в крови. И мы не понимаем, как такое могло произойти, что мы размозжили череп своему товарищу. Отнять жизнь человека одним ударом, значит, почувствовать богоподобную власть. Переступить черту морали общества. Стать его изгоем. Нарушить заповеди, подорвать любовь близкого человека и всадить очередной гвоздь в гроб веры в будущее человечества. А в итоге, вся расплата за содеянное – несколько лет тюрьмы, где будут кормить и лелеять за налоги людей, против устройства системы которого мы и пошли. И всё сначала. Вот и получается, что боремся мы не за победу, а боремся, чтобы бороться. И это утро понедельника – не исключение.

Гром гремит с запада и его рёв отдаётся в моих дрожащих руках.

Наспех выкинутый окурок, описав дугу, ударяется о ребро урны, так и не достигнув цели в это июльское утро, остается тлеть на асфальте.

Два бледных силуэта запрыгивают в легковушку бордового цвета. Через мгновение от них остается удаляющийся звук мотора, который, в свою очередь, выбивается на фоне еще

спящего города. Мимо проносятся многоэтажки, чередующиеся, словно кадры на старой пленке. Еще холодный, только что появившийся свет, облизывает фасады, лениво бликуя на стекле и металлоконструкциях.

На всех пешеходных зонах моргает желтый цвет светофора, который позволяет беспрепятственно, не снижая скорости, двигаться по вынужденному маршруту.

Поворот налево – приземистый торговый центр, друг местной молодежи. По кольцу направо – ряд сомнительных магазинов с низкой арендной платой. Еще несколько поворотов – дома-улья, призванные сводить людей с ума от своего однообразия. А теперь только прямо.

Архитектура начинает редеть, уступая место архитектуре природы. Вскоре, город остается на фоне, а немного позже и вовсе превращаясь в ровную линию. Дорога здесь более изношенная. Все чаще приходится вилять, объезжая деформированные фрагменты щебенки.

Спустя четверть часа показываются первые дачные дома. Преимущественно одноэтажные и двухэтажные силуэты напоминают ровный строй пчелиной соты.

Шуйский сидел справа от водительского места. За всю дорогу из его уст не вылетело ни слова. Покрасневшие глаза задумчиво уставились вперед, ничего не видя перед собой. Веки, преодолевая накопившуюся усталость, медленно выполняли свою функцию: открыть-закрыть. Казалось, что они так и сомкнутся навсегда, но каждый раз, через боль, снова

открывали зрачкам свет.

Напарник Шуйского, наоборот, выглядел свежим и бодрым. Несмотря на то, что молодой человек был сосредоточен на дороге, он то и дело бросал беглый взгляд на своего начальника, желая завязать разговор. Но уставший потрепанный вид будто просил оставить своего владельца в тишине, хотя бы на короткий отрезок времени.

От разговора Самойлова отвлек собственный желудок, который издал тихий, но протяжный голодный вопль. Еще бы, сутки на дежурстве. Днем – обчесывай адреса по наводкам. Вечером – разбирай склад макулатуры. Тут не до еды, когда речь идет о чьих-то жизнях, где любое промедление – смерть.

Проехав несколько пролетов по главной дачной улице, машина свернула налево, выезжая на земляную дорогу, что шла под небольшим наклоном вниз к берегу реки. Солнце скрылось под натиском стволов деревьев. Казалось, что снова наступила ночь. Выражение Шуйского почти не изменилось, только взгляд перестал летать внутри, вывернувшись наружу, уже изучая окружение своего поля досягаемости. Юрий воспользовался ситуацией, прервав измученную тишину вопросом, который тревожил его:

– Как думаете, это он? – Обеспокоенная интонация звучала вычурно, несмотря на всю свою искренность.

Дмитрий Николаевич, ни на секунду не отвлекаясь от столпов деревьев, выдержал паузу. Казалось, что он попро-

сту решил игнорировать товарища, но на деле: заданный вопрос мучил и его. Наконец, старший следователь включился в разговор:

– Не знаю... Их было двое, а нашли одного. Вполне возможно, что это не наш парень, но от этого, знаешь ли, не особо становится легче. – Он замолчал, но через пару мгновений, нахмутив брови, продолжил. – Нельзя же просто взять человека и делить его на «наш» – «не наш». Как всё это паскудно и тошно...

Машина плавно огибала дорожную дугу по траектории чужих следов, повинаясь её сложившейся структуре. Ритм деревьев стал менее плотным, и сквозь широкие зазубрены снова начал проступать свет.

У Самойлова много, что ещё вертелось на языке, да и нервишки играли, хотелось просто поговорить, но ему было стыдно показать свою неопытность, выставляя себя дураком, поэтому, стиснув крепче зубы, он молча ехал, пытаясь мысленно себя приободрить и успокоить.

Вскоре деревья остались позади, на их смену пришли бесчисленные сорняки. Они обрамляли небольшой песочный островок, который местные жители именовали пляжем. Ветра не было. Вода перебиралась спокойной рябью. Остатки ночи откликались в ней фиолетово-багряным мерцанием. Полицейская машина стояла рядом с пригорком, что уходил вдаль, снова погружая пешую дорожку в тень. Мигалки скорой помощи молчаливо и поочередно перекликались синим

и красным. На краю берега, у большого камня, стояло три силуэта, которые, при желании, можно было замкнуть в одно пятно. Бордовая машина остановилась рядом с конвоем. Самойлов заглушил мотор. Захлопнув снаружи двери, мужчины разделились. Юрий пошел к стоявшим у камня людям. Шуйский же, преодолевая себя, двинулся к черному мешку.

Рука непроизвольно дернулась в конвульсии, самое сложное – сделать первый шаг, а дальше... Дальше будет только труднее. С одной стороны труп – свершившийся факт, в котором нет человека. А с другой, это факт, который недавно говорил, дышал, строил планы, любил и был любимым. Время не ждёт, чем дольше промедление, тем больше сомнений. Пальцы смыкаются на бегунке. Один широкий взмах разрывает молнию пополам. Половинки пакета расходятся в противоположные стороны, худое тельце заполняет собою пространство. Голова поплыла, чувствуется небольшой привкус рвоты, но практика научила контролю. Спокойно.

Ребёнок. Мальчик. Навскидку сто тридцать ростом. Двенадцать лет. Волосы светлые, чуть-чуть не доходят до плеч. На шее явные следы от рук, деформирован висок и часть надбровной кости. Ногти на руках без сколов, если мальчик и пытался сопротивляться, то никакого вреда и ущерба своему убийце он не успел нанести. Глаза широко раскрыты. Какие они зеленые и потухшие. Немного пахнет калом. Смерть была не быстрой, мучительной. Ноги целы, только несколько синяков, но к преступлению они не имеют отношения. Фут-

болка белая, немного запачкана кровью со стороны проломленной головы. Шорты джинсовые, чёрные. Баста.

Дмитрий выпрямился и, не закрывая пакет, двинулся к стоявшим мужчинам. Жестом руки он показал фельдшерам у машины, что можно забирать тело и увозить. Кроме напарника у камня стоял дежурный полицейский и двое гражданских.

Это были двое простых мужчин. Небритые лица, уже в возрасте, глаза испуганные. На первом, что стоял слева, был надет старый свитер с высоким горлом, свободные штаны цвета хаки и высокие резиновые сапоги. Одежда второго почти ничем не отличалась. Шуйский только сейчас заметил, что с краю берега, на песке, лежала резиновая лодка. Это два рыбака, что вызвали полицию и скорую. Те самые свидетели, которые и обнаружили тело мальчика. Дежурный полицейский делал последние пометки в блокноте. Затем он дал разрешение мужчинам идти, а сам, кивнув детективу, приготовился предоставить отчет.

– Сержант Ковалев Степан Михайлович. – С этими словами он протянул руку детективу, которую тот, в свою очередь, неохотно пожал.

– Старший инспектор Шуйский Дмитрий Николаевич. Корочку предъявить надо?

– Не стоит. Ваш напарник заведомо уже познакомил нас. Готов отрапортовать вам лично всю имеющуюся, на данный момент, информацию.

– Будьте любезны. – Шуйский достал пачку сигарет и, не предложив сержанту, закурил. Его взгляд отстраненно смотрел вдаль, на крыши, где солнце завоевывало пространство.

– В районе четырех часов, двое граждан: Северенцев Михаил Юрьевич и его тесть, Зойченко Павел Андреевич, возвращались с рыбалки на лодке. Живут они в соседнем корпусе частных домов, севернее от этого берега. Особо ничего не клевало и они решили...

– Давайте ближе к делу. Мне плевать, где у них не клевало, куда их кто клевал. Я, возможно, груб, но вы поймите, что я так устал, мне не до ненужных деталей. Так что прошу...

– Шуйский помял переносицу, сильно сжав глаза. – Ближе к делу.

– Да, конечно. Они проплывали вдоль берега, как вдруг заметили что-то крупное. Мужчины подумали, что, возможно, это мертвая щука, которую прибило к берегу. Сами они её есть не собирались, но для собак вполне сойдет. Когда лодка подплыла ближе, то стало ясно, это не щука вовсе, а тело ребёнка. Мужчины испугались, достали тело на берег, думали, что, может, еще можно спасти мальчика, но увидев внешние повреждения, поняли, что он давно мертв и сразу позвонили на горячую линию.

– Сержант, вы давно работаете?

– С полгода, детектив. А это разве...

– Ни в коем случае, благодарю. Вы сказали этим уважаемым, чтобы явились в участок для снятия отпечатков? Они

трогали тело, а значит, на нём их пальцы.

– Само собой. Всё по стандартам, детектив.

– Хорошо. Тогда как будет проведен осмотр, я попросил бы вас лично прислать на моё имя в центральный офис все результаты и желательно побыстрее, пока след еще горячий.

– Будет исполнено. – В голосе сержанта слышалась нотка уважительного подчинения, Шуйский такого не любил, но сдержался от едкого замечания.

– Премного благодарен. Теперь можете ехать для дальнейшей работы. Буду ждать весточку.

– Так точно.

Дмитрий еще с полминуты стоял без движений. Он ждал, когда машины покинут место преступления. Самойлов всё это время молчал, он уже хорошо знал своего начальника, чтобы делать лишние колебательные движения, тем самым раздражая. Он притаился. Их взгляды встретились, самое время братья за работу.

– Приступим? – Спросил Юрий, уже заранее зная ответ.

– Чёрт бы всё побрал... начинаем. Я правый фланг, ты – левый. Через полчаса встречаемся у камня.

Напарники разделились. Нужно было прочесать близлежащую местность, все рядом стоящие кусты на наличие хоть какой-то зацепки. Солнце достаточно расправило плечи, чтобы не пользоваться фонарями. Первым делом был обследован край берега. Ничего, кроме песка, да пары окурков со старыми фантиками не валялось. Дальше сложнее. Кусты

здесь дикие. Много колючек, крапивы, да и просто разбитых бутылок, а когда речь идет о ста метрах такой местности, то и вовсе задача неприятная, но положение обязывает. Если назвался ищейкой, значит, будь добр тыкнуть свой нос в помой и нюхать.

Первым закончил детектив, по прошествии получаса он не нашел ровным счетом ничего. Юрий задерживался. Лёгкий шлейф паники опустился на плечи детектива, он боялся, что напарник мог найти что-то неприятное, а точнее, кого-то, вторую жертву. А если это так (воображение начало разыгрываться и превращаться в убедительную истину), то тогда и шансов нет на... Не успел он закончить мысль, как из кустов появился напарник, в его руках был пакет для вещдоков, а в нём, перемигиваясь с солнцем, какой-то металлический предмет.

– Вот, нашел под деревом у небольшого оврага. Очень уединенное место, но больше ничего. – Юрий немного запыхался. Утро – не самое лучшее время для физических нагрузок.

– Это уже что-то. Руками не трогал?

– Не издевайтесь, вы же знаете, что нет.

– Я не издеваюсь, уточняю. – Детектив снова закурил. –

Ладно, поехали.

– В участок?

– Почти. Сначала нужно перекусить.

Мужчины двинулись в сторону машины. Бычок благопо-

лучно был втоптан в песок. Раздалось два дверных хлопка, а затем тишину разорвал гул мотора. Шуйский всё также молчал, снова погрузившись в себя. На этот раз напарник не стал отмалчиваться. Ему нужно было узнать ответ прямо сейчас и плевать, что начальник может разозлиться.

– Дмитрий Николаевич... наш?

Шуйский, резко оторванный от своих мыслей, скривил губы, возмутительно уставившись на помощника, но затем он резко обмяк, его взгляд сменился растерянностью. Помолчав, он все же ответил:

– Наш.

До конца поездки в машине стояла гробовая тишина.

100.

Ад, это когда объект (предмет) обожания – единственное, что заполняет собою пространство и время, не давая места контрасту.

101.

Писатель похож на убийцу. В своих произведениях он также оставляет крупинки себя, чтобы рано или поздно его разгадали и узнали, как физическое лицо, почувствовали его реальность.

102.

Удивительная вещь – эволюция. Каждый биологический вид выработал в себе особенности, которые помогают в выживании в конкурентной среде.

Зебры со своими полосками, бабочки и хамелеоны, научившиеся маскироваться под часть растений. Человек же, как более сложный вид животной фауны, тоже не остался в стороне. И ввиду особенности своего бытия (где основным врагом оказывается собрат), человеку ничего не осталось, как выработать сознание. Защита, конечно, эффективная, но слишком подлая и разрушительная.

Сознание является одной из главных преград для нового человека.

103.

Все мы находимся в чистилище. Каждое рождение – смерть личности. Влагалище женщины становится проводником души в степи, где в дальнейшем, каждая сущность будет решать куда ей попасть.

Убийство одного безумца решает сразу две судьбы. Судьбу личную и убитого. Они как магнит одной полярности, разлетаются в разные стороны. Весь мистицизм – ничто иное, как реальность, в которую мало кто верит, и не может доказать её реальность. Она выше понимания низшего разума, что стал пленником своих слабостей. Проблема ведь позиционирования слов. Такие слова, как бог, ад, рай – звучат театрально и тривиально. Эти слова усеяны мифами и выдумками. На деле же, они являются обозначением существующей формы антибытия, где людская энергия делится на два биполярных поля. А бог – всё то, что даёт всему существование, и всему тому, что движет. Тем самым получается, что даже самый отбитый организм (выродок) – клетка высшего разума, которая всего-навсего выполняет своё предназначение и имеет свой вес.

Своеобразная матрёшка. Можно постичь сложное путем постижения простого, но это простое является все равно сложным для более простого организма, но все же более доступным для возможности изучения.

Для микроба организм человека что космосом, в котором он обитает, и который даёт этому микробу пространство для существования. Этот микроб никогда не был в других частях тела кроме маленькой точки желудка, но и эта точка для него велика и почти непостижима.

Когда носитель умирает – умирает и микроб, который переживает момент эсхатологической обреченности, но пока существует жизнь хоть в одном из организмов – существует и жизнь для других, что населяют эти планеты.

Вероятность такого же конца для человека – велика, но также вероятность существования аналогичных планет велика до бесконечности. Абсолютно всё умирает и в тоже время само воспроизводит себя заново. Зацикленная форма тайны, где есть мгновение для каждого подумать над этой загадкой.

В любом случае, бесконечные комбинации вопросов, ответов, догадок и мнений будут одновременно правильными и неправильными. Ведь во всей этой космической Одиссеи не может существовать одного ответа, который имел бы статус Абсолюта. Весь этот треп людей, развитие технологий, спортзалы, правильное питание, стихи, влюбленность – всё это является формой развлечения перед неминуемым концом, постоянным конвейером самовоспроизведения ради иллюзии смысла, которого изначально не было.

104.

Противостояние и борьба несут в себе красоту собственных поступков. Чем изощренней противник, чем сложнее его ходы – тем интересней ходы и поступки собственные, где приходится сочинять уникальность.

105.

Слишком рано мною овладело чувство пустоты и отрешенности к миру. Мои мысли не красит молодость или возможность к действию. Это чувство возможностей... оно наступает рано или поздно у всех. Так устроена природа и роль психики современного человека, у которого есть время подумать о себе и об остальных, взирая на эти движущиеся нити со стороны.

Я должен был прийти к этому, но не так рано. Нечаянно пропустил какой-то важный кусок незнания и беззаботности. Очень мало всего сделано. Мало всего написано; мало слов, мазков и цельности пройденного пути. Будто само время решило взимать плату духовную за физические излишества.

Я живу в достаточно мирное и продвинутое время. Любой человек из прошлого мог бы мне позавидовать. Но это СПОКОЙНОЕ время... единица, что усеяна плодами технологий – делает из меня пустоту, высасывая борьбу и жажду жить так, как должен жить человек, а именно: в борьбе.

106.

Мне снится, как я мчусь на мотоцикле прямо в скалу. Глаза мои закрываются. Лицо чувствует прохладный свежий ветер. Я могу трезво и свободно размышлять, ведь я знаю, когда мысли мои оборвутся.

107.

Дверь в маленькую квартиру закрыта изнутри. Каждый миллиметр любой возможной щёлки загерметизирован пеной. Затычка в ванной и раковине. Перекрыты все стояки. Вода включена на полную катушку. Сколько понадобится часов или дней? Неизвестно.

Захожу на балкон. Дверь от него – последнее, что герметизируется. Остаётся только ждать.

Вот на улице кричит мальчик, его достаточно хорошо видно. Создаётся чувство, будто смотрю на него не с двадцатого, а с пятого этажа. Воды всё мало. Только лёгкий ручеёк стремится к основанию дивана.

Ночь наступает со сном. Проснувшись – вижу комнату, полную воды. Не очень понятно, но, кажется, что она достигла своего предела у потолка.

Книги, тарелки, ручки, одежда: теперь все эти, некогда предметы, стали рыбами, а мебель раскрылась антуражем моего большого аквариума.

108.

Смертников перед казнью всегда хорошо кормят, да и относятся соответственно. Это делается под предлогом последних почестей к человеку, которому суждено умереть. Но по факту: просто моральный садизм. Они хотят, чтобы человек перед последним глотком жизни почувствовал вкус потери самого ценного, что у него есть.

Когда в глазах померкнет свет
И дух покинет плоть,
Туда, где мрака ночи нет,
Нас приведёт господь...

(четверостишие из записок заключенного)

109.

Есть две существенные проблемы сексуальных взаимодействий в обществе. Первая проблема: когда в определенных социальных слоях складывается потребительское отношение к интимным связям, когда в их основе лежит маленький процентный эквивалент знаний. Партнёры отказываются развивать свои навыки, используя одни и те же приёмы со своим постоянным партнёром. Отсюда вытекают измены и разводы. В эту же категорию попадают люди, строящие долгие отношения, отталкиваясь на одно лишь чувство страсти.

Вторая проблема возникает в более прогрессивном обществе, где сексуальная жизнь стала этапом изучения с малых лет. В подобном обществе люди начали заключать официальные документы, где они оговаривают дозволенное в постели, составляя контракт. Такой подход плох тем, что люди начинают уравнивать чувства к неким торговым соглашениям и со временем (очень скором) теряют или вовсе не имеют эмоциональной связи.

Что первый, что второй путь ведут к постепенному разложению человечества. Конечно, достаточно сложно так точно утверждать подобное, но можно сказать точно, социальная эволюция взаимоотношений идёт к неминуемой мутации, где будущего человека будет ждать или полное половое стирание, либо оплодотворение станет искусственным.

А удовольствие от секса заменится виртуальными стимулирующими гаджетами.

110.

Сегодня воздух особенно свеж. Солнце в паре с ветром создают ностальгические воспоминания и чувства потерянного детства.

Рекламные щиты вот-вот упадут от потока ветра. Дети рисуют мелками на асфальте. Кто-то катается на велосипеде, а вдали виден мужчина, который вот уже какой подход подтягивается на перекладине.

На секунду, всего лишь на мгновение, я забываю, что сейчас сложное время.

111.

Любовь и похоть. Потребность в близком человеке и тайное желание организма обладать плотью многих. Граница, которая перечёркивает знак равновесия, не давая буйству ума – покоя и желаемого. Её нежность и преданность ни с чем несравнимы. Никто не любит, и никто так не смотрит, как она. А взгляд собственный, полный ярости и связей, выискивает образы красоты. Не в состоянии остановиться, не в силах обуздать юность свободного духа.

Вот мулатка. Раскачивает своими великолепными бедрами. У другой вон волосы, что поле созревшей пшеницы. Они мягко развиваются на ветру и хочется хоть на мгновение забраться в них. Осквернить. Почувствовать запах чужого тела, выплеснув своего дьявола. А затем вернуться и насладиться преданностью родных глаз; втайне ненавидеть себя за причинённую боль авансом, что читается во взгляде скорби и собственной никчёмности.

Так зарождается порок сумасшествия и путь извилистой дороги жизни. Но таков путь сердца и ума, что не может остановиться на единственном эквиваленте чуда природы, желая вместить в себя весь земной шар. Предаться безрассудству и всю эту пакость и грязь обрамить свежими лепестками несчастья, как единственный путь к созерцанию и проживанию единственной действительности.

112.

Ближе к вечеру успокаивается буйный ветер. Он словно имеет график обычных работяг.

Мне нравится дождь. Нравится чувствовать прохладные капли и находиться во власти стихии, которая глушит окружающие звуки, оставляя чистоту личного мышления.

Уходят тревоги. И вроде вот уже ты и не ты вовсе, а просто столб, отбрасывающий лёгкую тень. Дерево, что уже много лет стоит вкопанное в землю и всё видит вокруг себя, копит впечатления, наслаждается течением времени и конечностью всего. Именно последний аккорд позволяет сформировать ценность общего пути.

113.

Каждый день я стою у двери дома. Здесь, на этом месте, сосредоточены мои мысли. Здесь мне легче всего собрать себя. Я вспоминаю то, что уже прошло бесследно, что уже не вернуть. И думаю о том, что ждёт меня завтра, когда новый, ещё непознанный день вступит в свою законную силу.

Я пишу эти заметки, впечатлённый свежим воздухом и прохладой. Смотрю на зелёную шапку деревьев, слежу за полётом шмеля, иногда попадаясь на паука. Здесь, на бетоне – им всё чуждо, но они смело шагают по антониму природы, надеясь разжиться едой и найти себе кров.

Особенно красив, поёрзанный временем, забор. Он не такой старый, но природа не принимает его. Своей силой она подвергает оболочку коррозией, силясь спихнуть с себя око-вы.

Иногда я чувствую ту же неуместность. Чувствую сопротивление природы против рукотворной клетки человека. Но также я вижу и совместную их красоту. Это особенно становится заметным после дождя, когда на заборе остаются маленькие капли, больше похожие на крупный жемчуг.

Каждый день, вот уже как два года, ровно в два часа дня – я набираю номер мамы. Каждый раз я задаю одни и те же вопросы. Каждый раз я рассказываю одни и те же подробности о своём дне. Иногда приходится выдумывать для разнообразия, ведь у меня ничего особо не происходит. Но это не важно. Я не могу (и не знаю почему) сказать ей действительно важные вещи. О том, как сильно я люблю её, отца и сестру. Что я сильно скучаю по ним, и каждый день вспоминаю то время, когда мы были рядом и могли просто обнять друг друга. Как сегодня погода особенно хороша, но чем теплее она и приятнее, тем больше я погружаюсь в печаль по прежним временам. А ещё я не жалуясь на недуги, не говорю, что у меня болит сегодня, ведь тогда за меня будут переживать, а это уже лишнее.

Я не могу вернуться в свой город. Не могу начать там полноценно жить. Ведь я – человек без успеха, без должной работы. И я не могу смотреть в глаза людям, которые потратили большой кусок своей жизни на меня. Словно капризный цветок, я не даю плодов от полива. Да. Мой путь домой лежит через поиск собственного пути. Своего призвания. И пока я не реализован – так и буду сыном добровольного изгнания. Буду собственной тенью там, за тысячу километров от тепла и любви. Я скучаю.

115.

В этом городе слишком много того, что меня раздражает. Взять, например, насекомых. В этих домах они постоянно залетают, везде лазают, да и вообще, ведут себя так, будто это я у них в гостях. Их слишком много. Я сижу на кухне и уже успел размазать всех вредителей с добрый десяток (они сами лезут ко мне) – идите к чёрту!

Но вот я открываю холодильник и вижу насекомое, которое залетело в смертельную ловушку. Мне становится ужасно жалко это существо. Казалось бы, выхода у насекомого нет. Оно является тем, кого я так безжалостно размазывал по предметам минуту назад. Но нет. Единственное моё желание – помочь существу. Я достаю насекомое из ловушки, затем отпускаю на волю. Я хочу совершить «великое чудо», хотя бы в масштабах этой мошки, но всё же это чудо! А значит оно возможно и в наших судьбах.

116.

Семья ехала на машине вдоль бескрайних полей и мелких деревень.

«Какой воздух стал блаженным. Свежесть! Не правда ли, мам?»

«И не только воздух. Вот лес ещё, природа. Красота. И кровь обновляется!»

«...»

«Фу! Несёт сеном и говном!»

«Нюхай, мам. Природа же, да и кровь обновляется...»

117.

Как-то встретился одной женщине математик. Да не просто учитель – философ. Говорит: «Дай-ка измерю тебя, дай умножу. Себя поделю и вынесу за формулу».

Обрюхатил. Задавил себя. А ей что делать? Кто будет платить алименты? Есть, конечно, программки там всякие, но уж лучше тогда лечь под следующего ухажера. Под того, кому нечего терять. Ну и пусть, что бьет. Зато жизнь так чувствуется яснее.

118.

Сегодня концерт под мостом на Лихе. Ты обещалась прийти. Я обещал не насилловать тебя. Громкий бас. Вообще, я такое не слушаю, но играю роль смелого человека. Ты пришла и теперь просишь об уединении. Ты хочешь насилия, а я вежливо напоминаю тебе о собственных обещаниях. Это и есть честность, где каждый получает не то, что хотел, а ровно половину. Ты обижаешься. Перестаёшь слушать любимые ритмы, а я так исподтишка мусолю твои ягодичы, еще больше расстраивая. Но не бойся, это очередная игра потехи ради. Скоро мы подчиним друг друга, но только пару раз в виде исключения. Пока никто не видит.

119.

В панельной суеде дворов всех нерадивых,
но родных, народ без масок ходит, но не я.
Скрывая истинную сущность своих нечто,
иду, боясь дышать, вдруг услышат.
Вдруг захотят подойти, поговорить о простом,
а я, такой весь из себя злой – сразу обижу.

120.

Слышать мнение о своих сочинениях от других людей – страшное дело. Когда процесс находится в стадии создания, то смыслы и подтексты грациозно вплетаются в конструкцию, становясь главенствующей невидимой нитью, сшивающей слова в одну картину. В какой-то момент происходит самообман, где начинает казаться, что и зритель сможет пройти по протоптанной дорожке.

Я не жду от других понимания «точь-в-точь», и уж тем более не принуждаю к этому, но всё же иногда есть тайное желание хотя бы на короткое мгновение (пока происходит загадочный процесс чтения) превратиться в одно общее сознание, погрузившись в гипнотический сон, где и откроется замысел, который, в свою очередь, сможет дать отличающиеся от всех координаты для дальнейшего путешествия.

Вывод напрашивается логичный, хоть и не для всех, поэтому считаю своим долгом озвучить это маленькое переоткрытие. Там, где для одного азбука представляется совокупностью букв с точно выстроенным порядком, для других она является возможностью для творческих допущений, где рождаются старые-новые смыслы под знаком одинокого пилигрима. Пока одни читают Д. Уоллеса, как смешной и драйвовый эпос, другие видят непринятие абсурдности, что выглядят куда правдоподобнее, чем сама реальность.

121.

Очень часто мне хочется сдаться. Отложить свои обязанности, стремления, необъяснимую страсть и просто лежать на диване, став не машиной, что полна переживаний, а мебелью, безмолвно выполняющей своё предназначение.

Каждый день я проживаю так, словно совершаю финальный рывок с отчаянной пеной вокруг искривлённого от боли рта.

Ещё в августе жена хотела навестить нашу доверенную парикмахершу с целью подравняться, а графики у всех такие, что «мама, не горюй». Не могли всё состыковаться ни по времени, ни по дням.

По итогу долгожданная техническая встреча случилась только в первой половине сентября, когда погода продолжала радовать своим тёплым расположением. Помнится, даже решили выйти пораньше, чтобы прогуляться пешком к назначенному часу. Так и случилось. На 40 лет Победы успели покормить собак, приметив на лавке странное столпотворение лиц неопределённых лет.

Пока жену стригли, я сидел рядом. Чтобы было визуальнее яснее, поясню, парикмахерская эта располагается прямо в доме. Такой маленький закуток в четыре квадратных метра. Стена ближе к востоку обвешана зеркалами, перед которыми и происходит само действие. С противоположной же стороны стоят четыре старых стула «ожидания», где я тогда и расположился.

В какой-то момент, где-то на середине стрижки, моё боковое зрение почувствовало движение за стеклом входной двери. За ней, с еле скрываемым ужасом я обнаружил пьяного громилу в тельняшке и камуфляжных штанах. Мужчину ужасно шатало, он был силён, и я не знал, чего от него

ожидать.

Кое как справившись с дверью, потенциально опасный человек застыл в проёме, обратившись к парикмахерше. Оказывается, он хотел уточнить время, на которое записал жену по просьбе последней. В этот момент, пока внутри меня свирепствовал страх, глаза успели быстро пройтись по пьяному мужчине, обнаружив культю вместо правой руки. Когда же я взглянул в голубые глаза теперь уже бывшего солдата, полные пустоты.

Я испугался пуще прежнего. Только теперь это был страх не неврастеника, а всепоглощающее чувство безжалостной реальности. «Вот, значит, что такое война» – подумал я. Здоровья тебе и восстановления, защитник.

123.

Интересные задумки опережают мои физические возможности. Когда-нибудь несправедливость, усталость и бытовые ежедневные гонки сломают меня, но не сегодня.

П.С.: сегодня мне подкинули подработку в виде двух интервью, которые необходимо было переделать в статьи. Хорошие деньги за минимум затраченных сил.

124.

Столько всего в голове, просто жуть! Мысли, как осинное гнездо в агрессивном зачатке. И тошно вроде, надоело и страшно, а без них, в час пьянства, становится как-то не по себе. Теряется нить пути, оставляя пустые мечтания о будущем, которому не суждено сбыться.

125.

Зависть одолевает меня, когда вижу сильных личностей, способных ломать собственные оковы. Такие люди умело живут сегодняшним днём, попутно вовлекая взор свой в светлое будущее, хотя оно им и не светит. Путеводная звезда? К чёрту! Несгибаемый дух – вот, что должно воспевать творчество.

Сам же я ранимый, закомплексованный, склонный к вечному унынию, и ни во что не верующий болван, который оказывает сопротивление внешнему только по причине привычки, но не более. Собственные маленькие достижения не впечатляют меня. Как только ставится золотая и предвосхищённая точка – тут же появляется омерзение к пройденному пути, где в собственных глазах написанное превращается в намокший пепел.

126.

Чем больше познаётся мною законов бытийности, тем отчётливее прослеживаются пугающие черты у «здорового общества».

Когда ты осознаёшь свою маленькость во вселенной. Когда стремления сводятся к механике, а религия неспособна удовлетворить надежды на неминуемое будущее, все эти люди, отчаянно занимающиеся своим здоровьем, карьерой и построением большой семьи, начинают видиться в свете безумия. Они пытаются нахапать побольше благ так, словно после черты смогут сохранить их или, как минимум, сказать потерянному себе: «я прожил эту жизнь не зря».

127.

Сам не знаю зачем, начал снова пописывать поэзию. Вроде и интересно выходит, а чего-то не хватает. Надоело сравнивать себя с великими, только вот по-другому не получается, а на фоне «памятников» очень уж остро чувствуется собственная несостоятельность и тотальная бесталанность.

128.

Удалил из интернета все фотографии со своим лицом. Если раньше «исчезнуть» с социального поля хотелось только умозрительно, подражая известным (не) затворникам, то сейчас руководство на себя взяла усталость.

Я устал поглощать тонны безвкусного контента. Я устал быть зрителем. И уж тем более, я устал от замкнутого контакта действий.

Необходимо хотя бы на какое-то время стать никем и прислушаться к тишине. «Чего же я хочу и куда мне двигаться?» И раз лица даже самых малых людей стали вылезать из всех щелей в пороке самолюбования, то мне не место среди. Просто становится как-то противно.

129.

Столкнулся с фактически не разрешаемой проблемой. Каждый творческий проект пишется с новым опытом. Так приятно вспахивать белое поле, вкладывая себя без остатка.

Как только работа завершается, в голове образуются новые отделы личной номенклатуры. И вот, уже с новым опытом, я смотрю на свой законченный труд и понимаю, что теперь это обыкновенная макулатура.

П.С.

Внутреннее состояние отягощается отсутствием своего зрителя, который мог бы дать непредвзятую оценку. Возможно, именно вынужденная закрытость и сводит меня потихоньку с ума.

130.

Нельзя представить тишину космических пустот, как нельзя ощутить своё небытие. Ни это ли объединяющий фактор новой формы?

131.

Человек должен запомнить раз и навсегда, что только в голове «приёмника» формируется подлинное искусство. Больше нигде.

Если у приёмника нет координат, то волны соприкосновения ему не услышать. То есть, объект пропадает с поля зрения, как феномен созерцания.

132.

В каждом своём трауре мы забываем две вещи.

Первое. Смерть настигнет даже саму смерть.

Второе. Наше страдание носит в себе эгоизм. Ушедшие люди обретают покой, полностью теряя свойства, которые мы ошибочно приписываем им, хотя исходят они из нашего собственного нутра.

133.

Родину можно сравнить с отношениями в семье. Ваше мнение может отличаться от мнения мамы, папы или сестры в виду многочисленных факторов и точек соприкосновения. Также у вас могут царить разногласия более серьёзного масштаба, где поступки родственника могут выбиваться, очерняя (как только может просто казаться) лично вас.

Но если в вашу семью приходит третье лицо, пытающееся внести свои коррективы и объясняя, как жить, то родные в таком случае должны объединиться, дав отпор тому, кто понятия не имеет в чём вся «соль земли».

Выносить ссору из избы нехорошо. А семью нужно любить всем сердцем, как и родину.

Бонусный роман 2007|2008

Это самое первое произведение, написанное ребёнком, которое не должно было увидеть свет ввиду абсолютной несостоятельности, но скелеты не могут утаиваться вечно.

Однажды очнувшись – умереть

Часть 1. Обратный отсчёт жизни

Когда откроешь ты глаза
и вдруг поймешь, что жизнь скучна.
В пустую тень душа ушла,
и не вернется никогда.

1

На электронных часах семь утра. Сработал назойливый будильник. Сквозь сон начал доноситься наглый звон, который безудержно звенел, не прекращая своей песни, пока хозяин не проснется и не успокоит его, нажав кнопку «заткнись». Не открывая глаз, на привычном уже для Марка автономном режиме, он правой рукой выключает злодея, который нарушил его покой. Марк Фаст – человек лет двадцати семи-восемью отроду, среднего роста, приятной наружности, с карими глазами, волосы по плечи волнистые. На лице присутствовала недельная щетина. Марк писатель-современник. Если ему приходила какая-либо идея, то он мог месяц не выходить из дома, записывая свои идеи, фантазии, так и появлялись книги, которые пользовались популярностью

во многих странах. Проживал писатель в Лондоне, в районе West End, неподалеку от театра. Его квартира располагалась на последнем, а именно на четвертом этаже, где открывался вид на главную трафальгарскую площадь. Марк так бы и спал, беззаботно видя сны, но чья-то рука упорно трясла его за плечо, нарушая покой.

С большим трудом он протирает глаза и, не совсем придя в рассудок, видит Мэри, мило улыбающуюся с добрым заботливым взглядом. Её голубые глаза святились как фонарь в ночи на безлюдной улице. Черты лица очень мягкие, волосы длинные, каштанового оттенка. Мэри Катранзу с детства воспитывалась очень строго и именно с того раннего этапа ее жизни ею правили самые положительные для этого мира качества. Кроме интеллектуальных способностей она обладала не менее привлекательной красотой, которая завораживала и въедалась в самые неприступные сердца мужчин. Сочетание скромности, красоты, смекалки, упорства делали её особенной девушкой, такие рождаются очень редко в наше время. Такие, как она, становятся первыми во всем. Закончив с отличием школу, а затем и институт, девушка стала журналистом в Вашингтоне, своем родном городе. Через пару лет, набравшись бесценного опыта и репутации, он уехала в Лондон, где и устроилась работать в один из самых известных журналов «Open itself». В этом журнале было все о всемирной моде, выдающихся людях и всевозможных интересных вещей. Также у Мэри был свой блог, где она брала

интервью у знаменитых людей, и в одном из таких интервью ей попался Марк. В то время напечатали его первую книгу, которая бесспорно вывела автора на путь богатства и славы. Слово за слово и интервью превратилось уже в свидание, а через неделю они уже жили вместе. С того момента прошло четыре прекрасных года.

– Дорогой, вставай, кофе с бутербродами ждут тебя на кухне.

– Сколько времени и куда ты собралась? – Голос Марка был хриплым и севшим, в голове была мозаика, которая собиралась с трудом.

– Утро, дорогой, и я ухожу на работу. Тебе тоже советую заняться делом и начать уже писать новую книгу. – Мэри успела накраситься, одеться и направлялась к двери.

– Стой, а поцеловать?

Мэри не могла отказать в столь маленькой просьбе своему гражданскому мужу.

– Спасибо за завтрак. – Добавил писатель, провожая любимую одним лишь взглядом.

Дверь захлопнулась. Марк не спешил вставать, но спать тоже не хотелось. Он просто лежал с закрытыми глазами, летая в своих мыслях; искал что-то очень важное, только не знал, что именно. Провалившись в кровати пару часов, он всё же смог пересилить себя и встать. Не став одеваться, умываться и вообще приводить себя в порядок, Марк пошел на кухню, где его ждал обещанный-остывший завтрак.

Кухня была выдержана в европейском стиле. Просторная, стол большой, с белой столешницей, напоминающую барную стойку. Рядом уткнулись высокие стулья без спинок. Холодильник с двумя дверцами был встроен в стену, что помогало сэкономить пространство. Расправившись с завтраком, Марк отправился в свой кабинет, который располагался с противоположной стороны коридора. Кабинетом являлась небольшая комната с деревянным столом посередине, на котором располагались ноутбук, тетрадки, ручки, карандаши, всевозможные записи, заметки и стакан с недопитым кофе. Слева от двери стоял декоративный канапе, обитый малиновой тканью. Фоном стола являлся огромный, во всю стену, книжный шкаф, который придавал комнате еще более заставленный вид. Справа находилось одинокое окно закрытое от света жалюзи.

Пройдя за своё рабочее место, Марк включил ноутбук. На экране появилось загрузочное окно «Windows XP», а через четверть минуты загрузилась и сама система. На рабочем столе стояла картинка обнаженной непорочной девушки, что символизировала свободу от земных пороков. Открыв «Microsoft Word», перед Марком предстал пустой лист бумаги. Вдохновение как на зло уехало в отпуск.

Время шло. Секундная стрелка на часах нервно тикала и давала понять, что время не вечно. Мысли и идеи тихо спали в голове, всё никак не желая просыпаться. Настал момент использовать секретное оружие. Выдвинув из стола вторую

полку, писатель выудил открытую пачку сигарилл «Partagas Chicos». Такая сигара обычно хороша в час аперитива, но сейчас не тот случай. Достав одну из пяти чудесно пахнущих сигар, ширина каждой из которых равнялась двадцати миллиметрам, а длина составляла чуть меньше обычной ручки, писатель зажал ее зубами. Пачка с оставшимися сигарами отправилась на свое место. Взяв из коробка спичку, плавным движением черкнулась головка, на конце появился теплый огонек. Рука поднесла символ разрушения к сигаре, пошел удовлетворительный дым.

В квартире царила полная тишина. Встав с удобного кресла, Марк подошел к единственному окну в этой комнате, отодвинул жалюзи. На улице шел ливень, судя по тому, как затопило дороги, шел он еще с ночи. Люди в спешке шли по своим делам. Над головами почти у всех были раскрыты зонты разных цветов и оттенков, только единицы прикрывались пакетами и всевозможными вариациями сумок. По дорогам мчались бездушные машины, разбрызгивая лужи на тротуар, иногда попадая на пешеходов. Общая картина была в серых оттенках, но она, отнюдь, не навивала грусть, только спокойствие, умиротворение и сосредоточенность.

Сигара была скурена наполовину, как раздался прерывистый сигнал звонящего телефона. Этот сигнал был тихим, скорей всего телефон лежал где-то в зале. Подойдя к столу и взяв пепельницу, Марк затушил сигару и без промедления пошел искать трубку. Звонили на домашний телефон не ча-

сто, родственники Марка и Мэри предпочитали приезжать к ним в гости. Если кто и звонил, то только по делам. Зайдя в зал, писатель не сразу обнаружил бунтаря, звук доносился в области дивана, но на поверхности его не было. Наконец он нашел трубку под подушкой, нажав кнопку ответа.

– Я вас слушаю. – Говорить начал запыхавшийся Марк.

– Здравствуйте, я стал свидетелем... взял телефон и позвонил вам, чтобы сказать... мне очень... я не знаю, кем... но в списке этот номер... приезжайте...

Марк слышал только отрывки фраз, которые говорил мужчина на том конце. Сердце писателя колотилось в безумном страхе. В глазах помутнело, ноги подкашивало, в горле образовался ком, который не давал ровно дышать. Телефон выпал из рук и с грохотом упал. От удара вылетела крышка, а вместе с ней и батарея. Следом за телефоном рухнул и Марк. В голове произошел взрыв всех мыслей и пониманий, смешавшись в один ком. Организм писателя от такого шока просто отказался функционировать, по телу прошел холодок, веки медленно закрывались.

Последнее, что видел Марк – фотографию в рамке, которую он сбил с тумбочки пока падал, где был изображен он и Мэри. Фотография была сделана годом раньше во Франции, на фоне Эйфелевой башни. Оба были счастливы на ней, улыбались и ничто не могло предвещать плохого. Глаза Марка крепко закрылись, а затем потекли немые слёзы...

Звонок на перемену. Второклассник Марк, как всегда, зазвонил на истории и только со звонком на перемену проснулся с помятым лицом. Взглянув на сорока пятилетнюю мисс Линдлей, мальчик уловил ее возмущенный взгляд, но ему было плевать, так как это был последний урок на сегодня.

Мисс Линдлей работала учительницей уже как лет двадцать. Ее лицо выражало крайнюю усталость, добавляя учительнице возраста. Нос крючковатый, с горбинкой на переносице. Волосы длинные и шелковистые. Они всегда были собраны в пучок и зафиксированы черной резинкой. Миссис Линдлей была стройной и высокой женщиной. Любила носить расклешенные черные брюки со стрелками и черный приталенный жакет на двух пуговицах. Учила она строго и редко когда улыбалась. Дети ее не любили, но они не знали, что пятью годами ранее у нее умер сын, а затем и муж. Жизнь этой женщины превратилась в простое существование и ожидание конца.

Сняв с крючка свой рюкзак, Марк начал торопливо складывать в него учебники, которые лежали на парте. Повесив его на плечо и подняв стул, мальчик пулей вылетел из класса. В детской рекреации было пусто. Дети уже ушли на первый этаж за своими вещами, кто-то даже успел покинуть школу и топал в сторону дома.

Спустившись вниз, Марк взял пакет с обувью и направился к выходу. У двери как обычно дежурили старшекласс-

ники. Прежде чем выпустить его, дежурные спросили, какой класс и только после этого разрешили выйти на свободу, где царствовал чистый и прохладный воздух. На улице стоял апрель-месяц, в некоторых местах еще оставался грязный снег, солнце светило ярко, но грело не особо сильно. Природа только раскрывала свои глаза. Школа, где учился Марк, находилась на PO Box 13401 Houghton Street. Сам же он проживал на 553 Finchley Road. Нужно было преодолеть весь Higham Rd, затем центральный парк Downhills, и только после этого он оказался бы дома. Весь путь составлял около двух с половиной километров, в школу его возила мать на белом Mini, а назад забирал дядя, Томас Худ. Бросив взгляд на дорогу, Марк сразу узнал сидящего на мопеде дядю, как всегда курящего при любой удобной возможности. Подойдя к нему, мальчик поздоровался, сев на пассажирское место. Без лишних слов они тронулись с места и по обычному маршруту поехали домой. Пробок на удивление не было и уже через пятнадцать минут они оказались на месте. Томас высадил мальчика у дома, а сам поехал на работу. Фасты проживали в четырехэтажном доме на втором этаже. Семья была не бедной, но и не богатой. Марк достал ключи, открыл дверь. Зайдя в квартиру, его уже встречала мать в привычном фартуке, скорее всего недавно хлопчущая на кухне.

– Привет, дорогой. Как прошел твой день?

– Привет, мам. Как всегда скучно.

– Я приготовила блинчики. Сгущенку найдешь в холо-

дильнике.

– Хорошо, спасибо!

Поцеловав своего сына, женщина удалилась в зал, начался ее любимый сериал, который шел уже лет пять и казалось, что конца никогда не будет. Мальчик же, сняв обувь и бросив рюкзак в прихожей, уставший и вымотанный школой, пошел на кухню, где на столе лежала тарелка с целой горой блинов. Как и говорила мать, сгущенка оказалась в холодильнике, уже открытая и съеденная наполовину. Он размазал ее по блинам, принявшись жадно поедать один блин за другим, запивая иногда зеленым чаем. Через полчаса на тарелке остались только крошки и стекшие с блинов липкие капли. Поблагодарив маму, Марк отправился к себе в комнату, где его ждал мягкий, салатного цвета диван и два часа сна. Это уже стало обыденным для мальчика. Каждый день после школы он ложился до пяти вечера спать, потом, проснувшись, делал уроки, рисовал, смотрел телевизор, чистил зубы и ровно в двадцать три часа ложился спать. Сегодняшний день был не исключением. Будильник прозвенел ровно в семнадцать часов. Проснувшись, Марк выпил воды из графина и принялся делать уроки. Задали немного, поэтому через час он уже расправился с уроками. Затем, взяв лист бумаги, карандаши, начал рисовать могущественного слона. Получалось у него не очень, но родители всегда восхищались его каракулями, предсказывая большое будущее.

Послышался звук входной двери, с работы пришел отец,

как всегда уставший, но добрый и любящий. Никогда он не срывал злобу, ни на жене, ни на сыне. Поужинав все вместе, Марк и отец Брайан отправились смотреть телевизор, а мать осталась мыть посуду. По «ВВС» начался фильм «Тропик рака». Главный герой встретился со своей женой, они поехали в отель, началась эротическая сцена. Отец попросил выйти сына, так как ему было рано такое смотреть. Марк сам был не против. Ему было стыдно и неловко смотреть такие сцены. Пожелав спокойной ночи родителям, мальчик отправился в ванную комнату чистить зубы. Она находилась напротив его комнаты. Зайдя, Марк закрыл дверь, включил свет. Покрутив ручки крана, настроил теплую воду. Взял щетку, выдал на щетинки целую полосу пасты. Дело было сделано. Вдруг за спиной послышался неразборчивый женский шепот, мальчик повернул голову, но никого не увидел. «Показалась» – подумал он в ту секунду. Повернув голову обратно к зеркалу, Марк с ужасом увидел в отражении не себя, а бледную разлагавшуюся женщину. На её шее был глубокий ножевой порез, волосы в грязи, зубы давно сгнили, а глаза были покрыты белой пеленой. Она хрипло дышала и смотрела Марку прямо в душу. Мальчик не мог ни убежать, ни крикнуть, ни упасть от ужаса в обморок.

– Марк, любимый. Помоги, помоги мне... – Удушающим голосом говорила тварь, изо рта была ужасная вонь, валившая наповал.

Неожиданно тварь выпрыгнула из зеркала прямо на маль-

чика, вцепившись руками в голову. Он бездыханно рухнул на выложенный зелеными плитками пол. Из-за болевого шока потемнело в глазах.

Темнота. Резкая боль в области лба, а может макушки, разобрать тяжело. Воздуха в легкие поступало мало, писатель начал жадно ловить его ртом. По телу гулял сильный озноб. Открыв глаза, он увидел ножки тумбочки и низ дивана. Лежал он все там же, где и рухнул. С большим усилием поднялся, облакачиваясь на мягкий диван, затем без замедлений рухнул на него, потихоньку приходя в чувства. Лоб сильно болел, немного подщипывало. Потрогав правой рукой ноющую область и взглянув на кончики пальцев, писатель увидел кровь. Мысли потихоньку собирались в один расфасованный ряд по стойке смирно. Только один момент был погребен глубоко от воспоминания, а именно: событие, из-за которого Марк очнулся на полу. Полежав так десять минут, мужчина пошел в ванную, умылся ледяной водой. Выйдя из нее, подошел к большому окну в зале, которое было закрыто занавеской, распахнул ее. На улице стояла непроглядная темнота. Людей не было, только изредка проезжали уставшие машины. Лоб все еще болел, на месте удара образовалась шишка. Писатель посмотрел на циферблат часов, на нём красовалось полпервого ночи. «А где Мэри?» – подумал Марк. Дыхание участилось. Руки полезли в карманы штанов за мобильным, но его там не оказалось.

Быстрыми шагами писатель добрался до кабинета, обнаружив телефон на столе. Не заходя в записную книжку, набрал номер. Пошли гудки. Один, два, три гудка. Никто не отвечал. Переживание перешло уже в неизлечимое волнение, которое нарастало с каждой секундой. Марк в спешке начал одеваться, особо не смотря, что натягивает на себя, взял ключи от машины. Не закрывая входную дверь на ключ, выбежал в главный коридор, нажал кнопку лифта. Наконец дверь распахнулась, Марк выбежал, боковым зрением заметив взволнованное лицо вахтерши. Его темно-зеленый BMW был припаркован недалеко от дома. В крошечной темноте писатель добежал до машины, разблокировал дверь, сел внутрь. Ключи как нарочно выпали из рук, упали под сиденье. Достав их, Марк уже хотел было завести машину, но в зеркале заднего вида он увидел бледную Мэри. Быстро вылез из машины, подбежал к ней.

– Ты где пропадаешь?! Я чертовски переживал, уже хотел ринуться искать тебя! – Марк крепко обнял её.

– Извини, задержалась по делам. – Голос Мэри был каким-то безразличным, смотрела она в пустоту.

– А почему телефон не брала? Я звонил, черт возьми!

– Потеряла...

– Ладно, пошли в дом. Ты, наверное, устала. – Он поцеловал ее в холодные губы.

Рядом проходили две женщины среднего возраста, которые смотрели на него непонимающим взглядом. Марк не

придал этому значения. Он и Мэри пошли домой. Вахтерша опять смотрела на него удивленно, писатель поинтересовался, в чем проблема, но та неправдоподобно усмехнулась, и отмахнувшись, сказала, что все хорошо, ей просто нездоровится. Зайдя в квартиру, Марк принял душ, затем в ванную пошла Мэри. Было уже десять минут второго, парочка легла спать. Писатель заточил девушку в объятия. Сегодня он столько всего пережил, его организм был истощен, как морально, так и физически. Через пару минут он заснул, обнимая свою любимую.

3

В глаза попали лучи дневного солнца. Марк повернулся на правый бок, но не стал спать, а просто лежал, приходя в себя. Дотянувшись до тумбочки, он взял телефон, на часах было четырнадцать часов ровно. Пора было вставать. Посмотрев через плечо, писатель не обнаружил Мэри. «На работе уже». Встав с постели, побрел на кухню, где его поджидал пустой холодильник. Не осталось иного выбора, как сходить в магазин.

Ближайший супермаркет располагался в десяти минутах ходьбы от дома. Марк одел на себя то, что попало под руку. Захватив бумажник и ключи, писатель спустился на первый этаж пешком, поздоровался с вахтершей. Выйдя из дома, повернул направо и пошел по дороге, смотря себе под ноги. День выдался прохладным, но солнце светило во всю

свою мощь. Навстречу шла большая масса людей, кто-то вышагивал на работу, кто-то гулял с девушкой, а некоторые брели с грустинкой в глазах, но Марк их не замечал. Как и прежде, он оставался наедине со своими блуждающими мыслями, он вечно придумывал, изобретал, обдумывал, рассуждал. Его мозг работал двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. До магазина оставалось рукой подать, как писателю ужасно захотелось покурить. Не сворачивая с намеченного пути, он купил в ларьке пачку. Странно, ведь он уже давно бросил курить обычные сигареты и только иногда баловался дорогими сигарами. Марк сразу заметил эту странность, но его это не остановило. Ловким движением руки распаковал пачку, закурил. За три минуты он докурил до фильтра, выбросив небрежно окуроченный окурочок на асфальт. Зайдя в супермаркет, взял корзину и пошел по рядам, бросая в прутья необходимые продукты. Через пятнадцать минут продуктового шопинга в корзине Марка оказались: две пачки крабового мяса, чипсы, сосиски, два ящика пива, плавленый сыр, буханка белого хлеба, сок, печенье, тарталетки, быстро готовящаяся лапша, копченая курица, салат, один блок сигарет и, ко всему прочему, два мужских журнала, на чьих обложках красовались полуголые девушки. Простояв на кассе минут десять и расплатившись, писатель уместил купленный товар в два, скорее больших, чем средних пакета, и вышел с сигаретой в зубах. Обратный путь он пошел все той же дорогой, только народу было куда меньше. Шел Марк неспеша, и толь-

ко через десять минут было пройдено половина пути. Вдруг сзади за плечо схватила рука, останавливая его и тут же разворачивая. Перед мужчиной предстал друг детства, с которым Марк иногда встречался в баре, говоря о жизни и обсуждая насущное. Друга звали Адам Краузе. По происхождению немец, но его семья переехала в Лондон, когда ему было пять лет. Учился с Марком в одном классе. Мужчины оставались лучшими друзьями и по сегодняшний день. В отличие от своей фамилии (Краузе в переводе с немецкого – кудрявый), у Адама были прямые черные волосы длиной ниже плеч. Тело худощавого строения, ростом сто восемьдесят сантиметров. Редко брился. Являлся очень перспективным и известным художником-скульптором. Неизменно носил штаны малинового цвета, белые просторные футболки, на которых изображались разные герои из мультфильмов. Выглядел он не очень ухоженным и всегда был потеряннным с немного безумным взглядом. Марк, увидев друга детства, расплылся в ностальгирующей улыбке.

– Адам, мой милый друг, какая встреча! Не ожидал тебя здесь увидеть.

– Привет, Марк. Да я ехал домой, завидел тебя и решил поздороваться. Уже как неделю не виделись. – Он определенно не был рад встречи, говорил сниженным голосом. На лице читалось сочувствие к другу. – Как ты, друг?

– Я отлично. Отлично! А вот ты, какой-то хмурый. Что-то случилось?

– Отлично? Хм, хорошо, что отлично, – задумчиво ответил тот. – Нет, все хорошо у меня, просто устал. Вчера была выставка, посвященная современным деятелям искусства. После нее я и Майк подцепили девочек и поехали к нему, напились, здорово оторвались. [ЦЕНЗУРА] было больше, чем снега в Альпах. – Ухмыльнувшись, осмотрелся по сторонам, затем пристально взглянул на Марка.

– Ты с [ЦЕНЗУРА] поосторожней, альпинист.

– Хорошо друг, постараюсь высоко не лазить.

Оба были рады встрече. Адам чувствовал, что Марк хотел что-то еще спросить у него, но пока держал рот на замке. Наступила неловкая пауза, длившаяся не больше двадцати секунд, но им так не показалось.

– Почему ты не спросишь, как поживает Мэри? – Вдруг заговорил писатель.

– Извини, что? – От неожиданности мозг друга не сразу понял вопроса.

– При встрече ты всегда спрашивал, как дела у моей девушки, Мэри, а сейчас не спросил. Почему? – Марк был абсолютно спокоен, просто этот факт показался ему странным.

– Ну, я даже не знаю, Марк. – Друг замялся, не зная, что и сказать.

– Что ты не знаешь?

– Забыл, наверное! Марк, хватит этого спектакля! – Раздраженно прорычал он. – Слушай, мне пора, дела. Потом поболтаем, друг, а ты главное держись, не забрасывай себя. –

Похлопав по спине писателя, Адам двинулся к своей машине.

– Пока, друг. – Недоуменно смотрел уходящему.

Постояв с пакетами на месте еще пару мгновений, Марк пошел дальше, куда и держал путь. Его начал терзать вопрос, почему его верный друг так вспенился, из-за какого-то невинного вопроса. Хороший повод задуматься. Десять минут спустя писатель уже был дома и забрасывал продукты по полкам. Небрежно оторвав кусок курицы, а именно ножку с частью грудинки и открыв банку пива, Марк пообедал, и, не став убирать за собой, завалился на диван. Живот удовлетворенно молчал, тело расслабилось. Пред глазами был белый потолок, который гипнотизировал своей бесконечностью. Вроде все было хорошо, но героя что-то мучило внутри, словно предвещая беду, волнение нарастало. Такое состояние беспощадно терзает. Человек не знает, куда ему деться, как из этого вылезти. В такие моменты жизнь кажется пустой и неинтересной. Тебе ничего не нравится, ты просто потерял желание жить. И что самое интересное, ты не знаешь из-за чего это, не понимаешь, что могло вызвать такое ужасное состояние. И эта неизвестность пугает тебя, не дает покоя, уверенности, стремления двигаться дальше. Ты становишься животным, которое только ест, спит и спит. Твое хобби становится для тебя неинтересным, твоя любимая работа становится каторгой, твои друзья становятся просто людьми, твой любимый кот становится обузой. И от это-

го не убежать. Время приближалось к вечеру. Чтобы сократить время до того, как Мэри придет с работы, Марк пошел в свой кабинет поработать. Зайдя в кабинет, включил ноутбук, в пепельнице лежала недокуренная сигара. Перед писателем опять предстал чистый лист без единого предложения, без единой буквы. «Всегда тяжело начать» – сказал он сам себе. Приблизительно через час на листке появилось название: «Сон разума». Сюжет этого рассказа Марк придумал уже давно и только сейчас вспомнил о нем. Появилось желание продолжить мысль и довести рассказ до ума. Основная идея драмы заключалась в следующем: главным героем являлся преступник, который убивал, грабил не имея пощады, но однажды, при очередном ограблении банка, его сильно ранили. Преступник впал в кому. Он бродил сам у себя в голове, выхаживал по своему сознанию в поисках истины. По дороге ему встречались разные персонажи, очень странно и смешно одетые, которые подталкивали героя на определенные выводы. В конце рассказа герой понимает, насколько была скучна его жизнь, он плачет. И в этот момент у него останавливается сердце, и он умирает. В кратком содержании вроде бы все просто, но, чтобы расписать все это грамотно, нужен огромный талант, уйму времени и море алкоголя.

Первая страница далась писателю тяжело. За ней последовала вторая, третья, четвертая. Он вошел во вкус, потеряв счет времени. На столе уже стоял недавно купленный ящик пива. Банки опустошались одна за другой. Мир вокруг Мар-

ка исчез, он остался один на один со своим рассказом, потихоньку оживлял его, чувствуя каждую напечатанную им букву. Фантазия кипела словно чайник. Все, что он писал, видел у себя перед глазами как наяву. Писалась строчка за строчкой, лист за листом. Телефонный звонок вытащил писателя из штопора. От резкого звука он подпрыгнул и испуганно оглядел комнату, на секунду забыв, где находится. Заработало левое полушарие мозга и все встало на свои места. Палец нажал кнопку ответа.

– Алё, я вас слушаю.

– Мрак, это я. – Голос Мэри звучал уставшим.

– Привет, дорогая. Когда ты будешь дома? Я соскучился.

– Я тоже соскучилась, но понимаешь, меня нету... в городе, я улетела по приказу в командировку.

– И не предупредила меня? – Писатель был ошеломлен.

– Извини, для меня это тоже было неожиданностью.

– Когда ты вернешься обратно? – Марк был чертовски расстроен.

– Через неделю, примерно. Еще раз извини, что так получилось.

– Ничего страшного, ты не виновата, а твой босс козел последний.

– Ах да, еще кое-что забыла сказать.

– Что?

– Мы не сможем с тобой созваниваться.

– Почему?! – Он совсем перестал понимать Мэри.

– Потом, Марк. Все мне пора. Люблю.

Не успев ничего ответить, писатель услышал гудки брошенной трубки. Волнение, которое он испытывал, оправдало себя. Взглянул на часы, было без десяти минут два часа. Марк сохранил написанное, выключил ноутбук. Захватив пачку сигарет и зажигалку, направился в зал, где лег на диван. Сна не было ни в одном глазу, все из-за дурацкого переживания. Сигарета скуривалась одна за другой. Чувство одиночества начало преследовать его. Пролежав так до десяти утра, хотя казалось, что целую вечность, он начал потихоньку засыпать. Пачка уже давно закончилась, да и мысли тоже. За этот промежуток времени Марк успел подумать обо всем, что только можно. Тело так ослабло что, попытавшись встать с дивана, он просто не смог. Наконец-то триумф, глаза слиплись, от гробовой тишины запищало в ушах, разум опустился в темноту. Спустя еще пару мгновений, писатель спал, но никаких снов не видел, перед глазами была черная пелена, только сквозь сон он что-то говорил неразборчиво и хмурился, и хмурился...

Весь следующий день он проспал как убитый. Звонков больше не было. Проснувшись, чувствовал себя куском никому ненужного дерьма. Накануне выпитый алкоголь давал о себе знать в виде жуткого похмелья. Вчерашний разговор казался злым сном или выдумкой, но, повернув голову, он не увидел Мэри. Сходив на кухню и опохмелившись последней банкой пива, Марк снова лег отдыхать. Через день скитания

по квартире у писателя закончилась еда, выпивка и прочая дребедень. Позвонил в супермаркет «Waitrose», заказав кучу полуфабрикатов, алкоголя (начиная с пива и заканчивая абсентом), туалетную бумагу. В общем, заказал все, что нужно было для жизни и зализывания душевных ран.

Последующие дни протекали в творческом опьянении. Что бы время не бежало как олимпийский спортсмен, он задвинул все окна жалюзи и остановил часы дома. Только на телефоне поставил будильник, который прозвенит ровно через шесть дней. И тогда вернется она, милая, милая Мэри. Рассказ писался в хорошем темпе. В организме писателя алкоголя было больше всего, что вообще может быть внутри человека. Голова круглосуточно ходила ходуном. Никакого общения, никаких прогулок, он даже не знал, день сейчас или ночь. Время замерло. Душ не принимался, вся цивилизованность уехала на недельный отпуск. С каждым днем Марк все больше и больше терял окружающий мир. Он начал нашептывать сам себе, какие-то слова. Диалоги самим с собой тоже приветствовались.

Люди делятся на два типа: те, которые создают, и те, кто только потребляет. Людей, которые только потребляют – восемьдесят процентов на земле, а может даже и больше. У всех этих так называемых личностей типичные идеологии, они редко переходят черту дозволенного, которую им навязывают с детства. Эти «обитатели планеты Земля» живут типичной жизнью: учатся, заканчивают колледж или институт,

заводят подружку, которая залетает, и они женятся. Потом живут или на съёмной квартире, или у родителей. Если кто-то из супругов поудачливее, то у них своя купленная квартира, хотя в наше современное время это редко бывает. Если вы мужчина, то значит, вам нравится капаться в машине, вы любите футбол, пиво и лежать на диване, читая газету или смотреть телевизор, в котором крутят деградирующие шоу, зомбируя ваш разум. Скорее всего вы презираете других людей, верите, что всевышний всеми командует, когда вам что-то нужно, допустим помощь, вы не помогаете сами себе, вы скрещиваете ручки и просите, чтобы тот за вас все сделал, но такого не бывает. Вера – это хорошо, но нужно верить в себя.

У людей творческих, у тех, кто создаёт, все обстоит иначе. Такой тип людей не обращает на стандартные идеалы, стереотипы, их не волнует, что про них могут сказать. Возможно, в школе они не преуспели по оценкам, но лишь потому, что эта чепуха вгоняла их в тоску. Люди, которые делают, не могут быть как все, в каждом таком индивиде есть примесь безумия, неадекватности и частичное отсутствие нормативных идеологий. Такие люди и создают новое для тех, кто потребляет и не в состоянии что-либо изобрести. Такие люди идут до конца, даже если знают, что для них это добром не кончится. Мы должны быть им благодарны за то, что не сидим в пещерах у костра. Фанатичный труд, самоотречение и одиночество – вот их удел. За это их распинали на Голгофе, сжигали на кострах, в лучшем случае они погибали в

нищете, сходя с ума. Создавшие эпохальные вещи, но не покушавшиеся на общепринятое, имели деньги, славу, почет, были творцами, но не гениями. Гении шли вопреки, предлагая безумные теории и решая нерешаемые задачи. Изгнание, болезни, одиночество, безумие и дети с диагнозом «идиотизм» – список их наград.

Мысль, что гениальность – безумие, приходила в головы еще древним грекам. Итальянский психиатр Ломброзо считал почти всех гениев шизофрениками. Но именно они создали наш мир. Так безумна наша цивилизация и куда мы идем? Мир таков, какой он есть, создан их «безумными» теориями, однако, безумными их считали те, кому не дано озарения свыше, возможность вырваться за пределы узкой парадигмы. Вы думаете, что Гендель, Моцарт, Платон, Кант, Гоголь, Бодлер не были психически расстроены? Если вы так думаете, то мне вас жаль.

Марк не был гением, но он был творцом, который в своих рассказах оживлял героев, давал им жизнь, чувства, страхи, горе, победы, в конце концов. И когда он писал, он часто мучил себя одиночеством, [ЦЕНЗУРА], алкоголем, болью. И все эти опыты над собой давали о себе знать. За все приходится платить. За пять дней, которые казались вечностью, писатель успел написать добрую сотню страниц, его знобило, разговоры с собой не умолкали даже во сне. По дому были разбросаны бутылки и всевозможные обертки от еды. У Марка часто появлялось желание [ЦЕНЗУРА] и умереть, но

до этого не доходило. Маленькая ниточка здравого рассудка все же оставалась в его безумной голове. Оставалось переждать ночь и придет она, его Мэри, но он про нее уже и думать забыл. Он не знал, сколько прошло времени, он не помнил, с чего все это началось. Марк уже ничего не замечал вокруг, существуя в своем творческом омуте, глубоко в своем подсознании. Картинка перед глазами была примитивная, воссозданная из его головы. Бессмысленные бормотания казались чем-то большим. Следующую ночь писатель провел с почти пустой бутылкой вина, забившись в дальний угол зала. Шесть гребаных дней круглосуточного пьянства. Любой алкоголик на этом фоне курит в сторонке.

Настало утро седьмого дня, солнце показалось на небе, но в комнату лучи не попадали по понятным причинам. Марк лежал с закрытыми глазами, из уголка рта свисали слюни. Вид его был болезненным и беспомощным, если бы в таком виде он лежал на улице, то каждый бы прохожий, даже самый скупой, кинул бы бедолаге мелочь. Вдруг кромешную тишину нарушил нарастающий звук, точнее песня группы «Sonic Youth – Superstar». Марк с давних пор слушал ребят и именно данную песню поставил на будильник часа X. Спустя пять секунд до обезумевшей головы писателя дошел сигнал, дав ему «пощечину». Голова Марка дернулась, веки приоткрылись, образовав маленькие щелочки, откуда виднелись широкие зрачки. Первое слово, которое родилось в его голове – «Мэри». Пульс участился, писатель вышел из транса, но

жуткое похмелье и состояние полного дерьма крепко сжали нутро. С трудом, встав с пола, покачиваясь на ногах и кое-как держа равновесие, бедолага дошел до тумбочки, где и стоял будильник. Нажав красную кнопку, музыка замолчала. Голова гудела не хуже старого компьютера на издохе своей функциональности, плюс ее вес превышал норму. Еще б немножко и она бы перевесила Марка, и он бы упал на том месте, где стоит. По крайней мере, ему так казалось. Пройдя тяжелым шагом на кухню, похмелился остатками пива, заодно забрав из «жизни» пару чипсин. Следующая остановка – диван. Нужно было прийти в полное здравие: умыться, побриться, протрезветь, возможно даже совершить подвиг, прибравшись в квартире. Хотя, конечно, последний пункт вряд ли бы осуществился. Но перед всем этим, хотелось просто полежать. Марк провалялся с полчаса, уткнувшись стеклянными глазами в потолок. Вроде как даже немного пришел в себя. Поднявшись, он посмотрел на комнату оценивающим взглядом, мусора было немереное количество, было трудно поверить в то, что это дело рук одного человека. Самое время было привести себя в порядок.

Зайдя в ванную комнату, первым делом Марк начал избавляться от бороды, нанеся гель для бритья толстым слоем и поорудовав бритвой. Что бы не терять время впустую пока он бреется, писатель по ходу дела заткнул дырку ванной затычкой, включив нереально горячую воду, добавив сразу четыре столовых ложки морской соли. Пока «исцеляю-

щая ванночка» наполнялась, Марк брил подмышки. Через пять минут он избавился от нежеланных волос, еще через три минуты ванная наполнилась до нужного уровня. Поверх воды стелилась толстым неровным слоем пена. Забравшись в ванную с трудом (так как она была очень горячей), писатель погрузился в удовольствие. Его мышцы размякли, сосуды расширились, кожа стала мягкой и гладкой. Через двадцать минут он спустил воду, ополоснувшись. Выпив стакан сока, Марк окончательно почувствовал себя человеком. Мэри все не приходила. Но на это его мозг нашел логическое объяснение, что ее самолет или поезд может задерживаться или просто приедет вечером, ведь она не сказала ему точное время своего прибытия. Что бы скоротать время ожидания, Марк решил почитать написанное им недавно, так сказать, оценить труд пьяницы. Принеся ноутбук из кабинета в зал на диван, он начал вдумчиво читать текст. Он оказался довольно-таки сносным, но корректировка требовалась серьёзная. На анализ текста ушло около шести часов, правки Марк сразу не делал, решил отложить на ближайшее время. За окном всё шло к закату, вечерело. На часах было без пяти минут восемь. Тут тонкая ниточка терпения сорвалась. Писатель отложил в сторону ноутбук и потянулся к телефону. Набрал номер, но кнопку вызова нажал только после нескольких глубоких вдохов. На том конце провода была тишина, через пару мгновений послышался записанный ровный и спокойный голос девушки: «Абонент не отвечает или временно недоступен».

пен». Внутри все оборвалось. Самое странное то, что Марк это даже не удивило и не шокировало, в глубине себя он знал, что она не возьмет трубку, она не ответит на его звонок, она не скажет, что все хорошо, она не приедет... Медленно закрыв глаза, он плюхнулся на диван. В горле стоял уже привычный ком. В голову начали лезть вопросы, догадки: «Почему она не вернулась? Что с ней? Она меня бросила и все кончено или же случилась беда?» – ответов Марк не знал.

Последующие дни писатель не выходил из дома, жалея себя, заказывая еду и выпивку все так же по телефону. Время для него исчезло, он ничего не писал, никому не звонил, не пытался найти ответов. Иногда случались припадки агрессии, и он ножом резал обои, подушки, в общем все, что попадалось под руку, а затем плакал, лежа на грязном полу. Шли дни, пролетали недели, месяц, два. Квартира превратилась в сарай, сам же Марк стал походить на нищего безумца.

4

Пятнадцатое ноября. Прошло примерно три месяца. Люди ходили в теплых куртках, повязав шею тёплыми шарфами. Холодный ветер окутывал безлюдные улицы Лондона. На подоконнике, в своей квартире, сидел Марк, смотря на открывающийся пейзаж за окном. Своим безумным взглядом он ловил идущих людей. Под глазами красовались круги.

Пятнадцатое ноября – именно в этот день он осознал, что

не может больше так существовать, просто не может. Жизнь – ничто без Мэри. Без нее ушло желание писать, есть, пить, спать, дышать. Марк точно решил для себя, что так больше не может продолжаться, просто не может, мать вашу, продолжаться! Не став умываться, расчесываться, он быстрым шагом прошел к гардеробной, накинул свою любимую «лётную» куртку салатного цвета, черную неброскую шапку и штаны. Обулся второпях, взял только паспорт (для опознания). Для храбрости глотнул бурбона. В спешке вышел из квартиры, спустился на лифте.

Поймав такси, он двинулся на Kingdom-Street, где и должно было все закончиться под рельсами ближайшего поезда. Дорога оказалась неблизкой, хоть пробок и не было. Через час Марк был на месте, расплатился с таксистом, дав ему намного больше, деньги уже ничего не значили, он отдал шоферу все, что было в кошельке. И вот двадцативосьмилетний мужчина с грязной бородой и лицом, пропитый как лесоруб, стоит на станции у рельс горбатясь, ожидая свой поезд, который довезет его напрямиком в лучший из миров. Обернувшись, он увидел красивую блондинку, которая мечтательно уставилась в асфальт под ногами. «Плевать, – подумал Марк, – пусть привыкает к жестокому миру». Спустя три минуты вдали показался быстро идущий поезд. Было видно, что на этой станции он не остановится, а это означало, что он пронесется как пуля мимо Марка. Вот и все. Поезд мчался, как голодный пес за своей жертвой, руки писателя тряслись,

но он уже решил, что сделает это, он сделает, черт побери!
Вот он момент, пошел обратный отчет его жизни: пять, че-
тыре, три, два, один...

Часть 2. Время перемен

Правда открывается со временем,
но когда проходит слишком много времени,
мы отказываемся знать правду.

5

– Стойте! – В последний момент крикнула девушка перед тем, как Марк шагнул навстречу смерти.

В её голосе не читалось испуга, наоборот, только власть и спокойствие. Писатель, конечно же, такого поворота событий не ожидал, её вторжение было настолько неожиданным, что он еще секунд пять стоял в ступоре. Поезд промчался на манер злого пса, догоняющего свою жертву. Закрыв глаза и сглотнув слюну, Марк стоял с опущенной головой. Затем он повернулся к своей «спасительнице», чтобы сказать ей пару ласковых слов: «Какого хрена ты меня остановила, сука тупая?! Не лезь не в свои дела!», но в ту же секунду вся злость ушла, писатель замялся.

Она смотрела на него вопросительным взглядом. Только в эту секунду Марк заметил ее нежные черты лица, зеленые

глаза святились на манер рубина. Ростом девушка была не больше ста семидесяти сантиметров, за курткой проглядывалась стройная фигура, губки бантиком, кожа идеально чистая, без веснушек и различных родинок.

– Зачем вы это сделали? – Хриплым голосом поинтересовался писатель.

– А вы думаете, мне хотелось смотреть, как вас размажет эта махина? Ну нет, спасибо. К тому же, я не понимаю, зачем люди кончают с собой, всегда можно найти выход из трудной ситуации, если, конечно, вы не решили покончить с жизнью просто так, забавы ради.

– Причины есть, но думаю, они вам не должны быть интересны.

– Неинтересны? Вы ошибаетесь, меня как раз это очень даже интересует. Моя работа помогать людям с расстроенной психикой. Я отыскиваю проблемы людей и пытаюсь помочь. Меня, кстати, Леа зовут, Леа Морель. – Протянув руку, закончила она.

– А я Марк Фаст. – Подхватив её руку, не сильно сжимая. – Спасибо, что остановили от глупого поступка, это я, наверное, с пьяни или от одиночества решил сделать, не знаю, что на меня нашло, но в любом случае, спасибо. Соумеваюсь, что вы мне сможете помочь. – Наигранная улыбка.

– Неужели вы тот самый писатель? Не думала вот так встретить знаменитость. По телевизору вы выглядели моложе и опрятней. Мне нравится ваше творчество, особенно

«Бездонная купюра».

– Благодарю. Да жизнь потрепала, в последнее время все идет по наклонной. Личная жизнь и творчество наткнулись на тупик.

Послышался звук приближающейся электрички.

– Марк, я тороплюсь на работу, рада была поболтать с вами. Вот визитка моей клиники. Пообещайте мне, что не сделаете с собой ничего плохого. Как будете готовы, позвоните и мы с вами встретимся, я вам помогу.

Немного поломавшись, Марк взял визитку и, смотря под ноги, скромно улыбнулся, затем резко переведя взгляд на девушку.

– Еще раз спасибо.

Она улыбнулась ему в ответ и быстрыми шагами зашла в уже приехавшую электричку. Дверца закрылась, и большая машина двинулась в путь. Она смотрела на Марка, положив руку на стекло. Писатель скромно помахал. За последние четыре месяца на душе Марка стало немного теплее, он почувствовал, что он не такой уж и одинокий, что есть люди, которым не плевать на него. Посмотрев еще раз на визитку, положил её во внутренний карман куртки. Оглянулся по сторонам, никого не было. Мысль о [ЦЕНЗУРА] пропала, как злой сон. Пора было возвращаться домой.

Дойдя до дороги, Марк поймал такси и уже садясь, вспомнил с досадой, что отдал все деньги. Захлопнув дверцу, отказался от услуг таксиста. Предстояла долгая дорога домой

пешком по холодным улицам. «Хотя это не так уж и плохо, с другой стороны» – про себя сделал выводы Марк. Давно он не был на свежем воздухе, на ветру, который обдувал его лицо свежими порывами. Давно не общался с людьми. Давно не ходил по старым, но таким красивым местам. Повернув налево и пройдя прямо двести шагов, он вышел на Chase Side. Людей было мало. Основная масса взрослых была на работе, дети в школах, а тех, у кого не было ни того, ни другого, сидели по домам. Нечего в такой мороз шляться. Те же люди, которые встречались на пути, легкой трусцой шли по своим делам. На писателя эти люди старались не смотреть, так как вид у него был нищенский и в любое время, в любой век, такой тип людей считался отбросами общества. Многие люди давно потеряли человеческое отношение, заградив себя стереотипами и тем, что сейчас модно. Никто не хочет быть белой вороной, поэтому им приходится надевать маски, а некоторых с детства воспитывают по-скотски, высокомерно по отношению к людям менее состоятельным. Марк еще с детства замечал большие проблемы общества и поклялся сам себе, что никогда не будет таким. Пока что обещание сдерживалось и до настоящего времени. Писатель неспеша шел, вдумчиво вглядываясь в архитектуру, транспорт, людей. Марк уже давно промерз до костей, но сердце его грела визитка хорошей девушки, в которой было что-то светлое. Она подарила надежду. Спустя полтора часа скитаний, он прошел две трети пути до дома, где его ждал диван и теп-

ло, которого сейчас так не хватало. Писатель много думал о Лее, о том, кто она, откуда, какой она человек. По сути, он мог и не гадать, всё это узналось бы со временем, всему нужно время. К вечеру Марк оказался перед дверью своей квартиры, достав ключи из правого кармана штанов, открыл её, зашел, положив паспорт на тумбочку в коридоре. Дома царил все тот же балаган. По телу бежали мурашки, нужно было срочно выпить горячего чая с медом. Ретировавшись на кухню, писатель заварил себе крепкий натуральный чай и добавил столовую ложку мёда. С кружкой перебрался в зал, лег на диван, укутавшись в теплое одеяло, попивая маленькими глотками целебный напиток. В голове всё прокручивалась сцена встречи. Жадный мозг пытался вспомнить каждую морщинку на лице девушки, улыбку, нежный взгляд. На улице давно стояла непроглядная ночь. Сон брал своё. Допив чай, писатель повернулся на правый бок. Вырубился он сразу.

Следующим днем Марк проснулся от того, что ему свело ногу. Сквозь сон почувствовалась тупая боль в области икры, схватившись за нее обеими руками, мужчина разминал мышцу, продолжая быть в полудреме. Спустя полминуты боль отступила, также как и сонное состояние. Протерев глаза, писатель сбросил одеяло в сторону. По телу пошли мурашки. Марк, прихрамывая мелкими шажками, добежал до ванны, включил горячую воду и сунул под струю руки. Потихоньку начал согреваться. Сделав воду менее горячей, умыл-

ся. Сегодня он хотел навеститься к Лее, но перед этим надо было привести себя в человеческий вид. Первым делом Марк хорошо почистил зубы. Затем в ход пошли ножницы, которые рассекали по отросшим до женского размера ногтям, как на руках, так и на ногах. Затем в бой пошли ушные палочки, которые освободили уши от скопившейся серы. В морском бою по освобождению тела от грязи приняли участие мыло с шампунем, а затем морская соль. Через час такой ожесточенной борьбы осталась лишь одна проблема, волосы, которые неровно отросли. Покопавшись в кладовке с минуту, нашел машинку для бритья, на ней уже стояла насадка на шесть миллиметров. Пройдя обратно в ванную комнату, сбрил волосы, оставив на голове небольшие ровные отростки менее сантиметра. Отросшая борода тоже не осталась незамеченной и была ликвидирована, от нее осталась лишь грубая щетина. «Конечно не красавец, но вполне сойдет» – подумал Марк, смотрясь в зеркало и оценивая работу. Пройдя в зал, откапал телефон среди мусора, с трубкой в руках дошел до куртки, достал из внутреннего кармана визитку, набрал номер. Пошли гудки. Протяжные, медленные и волнующие. Затем с другого конца послышался голос.

– Клиника «Второй шанс» приветствует вас. Чем могу помочь?

– Здравствуйте. Это вы, Леа?

– Нет, это секретарь Лее Морель. Вы хотите записаться на прием или по личному вопросу? – Голос этой девушки был

груб, скорее прокурен с детства. Воображение писателя уже нарисовало портрет в голове данной особы.

– Э-э-э, записаться на прием.

– На сегодня?

– Если можно.

– Продиктуйте фамилию, имя. Вы с оплатой знакомы?

– Марк Фаст. Нет, не знаком, но думаю, вы меня проинформируете.

– Оплата почасовая, пятьдесят фунтов. Сегодня свободное окно в пять часов. Вас устроит?

– Да, разумеется.

– Хорошо, вы записаны. Приходите к пяти, приём оплачивает до.

– Огромное спасибо. Аaaa, вы не подскажите, который сейчас час?

– Полчетвертого.

– До свидания.

На этом разговор прервался гудками. На визитке был указан адрес клиники, располагалась она на Corrine Rd. От дома писателя на машине, учитывая пробки, путь займет примерно час двадцать. Нужно торопиться. В быстром темпе Марк прошел в гардеробную и надел последние чистые вещи, поло и черные джинсы. Накинул сверху всю ту же куртку, захватил паспорт и карточку, на которой лежали основные сбережения. Не дожидаясь лифта, пробежался вниз. Машина стояла на том же месте, где он ее и оставил. Сняв с сигнализа-

ции, быстрым рывком открыл дверь, залез на водительское место. Завелась она с третьего раза. Нужно было торопиться.

6

Марк вырулил на Orange St, затем проехал по Macklin St. За спиной осталось полпути, но по времени скорей всего опаздывал на три минуты. Затем без пробок проскочил Green Yd, Margery St. На Swinton St встал в пробку, потеряв драгоценные две минуты. Наконец показался Joseph Grimaldi Park, от него оставалось рукой подать.

Поворачивая на последнем повороте, Марк чудом не сбил женщину, что переходила дорогу в положенном по правилам месте и в положенное время, как раз тогда, когда загорелся зеленый. «Ну вот, теперь точно штраф выпишут» – подумал писатель. Наконец показалось трехэтажное здание, выкрашенное в белый. Рядом со зданием было много растительности. Парковка располагалась по правую сторону и была забита машинами. Вырулив к ней, Марк припарковался как попало. Быстро выскочив, побежал к главному входу, по дороге заметив пожилого человека в серой униформе, который подстригал кусты. Еще пару работников этого заведения куда-то вели женщину средних лет, та явно находилась не в своем уме. Напрашивался вывод, что Леа не просто психолог, а врач в психиатрической больнице, а может, совмещала и то и другое. Зайдя внутрь, первым делом бросилась в глаза регистратура, куда Марк и направился. Она разделялась

на три окна, к каждому прилагалась очередь в подарок. Писатель подбежал к самому первому, стоять в очереди, само собой, он не стал. Сидящая с той стороны женщина спокойно отреагировала на такой номер, в отличие от толпы людей, которые возмущенно и с ненавистью смотрели в затылок герою. Марк это прекрасно знал, поэтому сразу объяснился:

– Извините, я только спросить, опаздываю на прием. – Смотря на всех общим планом, сказал он.

Тут же писатель перевел взгляд на работницу поликлиники и, не став долго распинаться, задал интересующий его вопрос:

– Я записан на прием к Леи Морель. Где находится её кабинет? – Протараторил писатель, все еще тяжело дыша. И с вопросительным взволнованным взглядом ждал незамедлительного ответа.

– Кабинет Леи Морель находится на третьем этаже. Идете сейчас прямо, до конца коридора, затем повернете направо, увидите лифт. Поднимаетесь на третий этаж и налево, там увидите единственную дверь коричневого цвета, вам туда. – Все в такой же спокойной манере, как и ее взгляд, проговорила женщина.

Даже не поблагодарив её, писатель ринулся по заданному маршруту и через полминуты уже поднимался в пустом лифте. Завернув налево и пройдя по коридору пятнадцать шагов, показалась та самая дверь. Пользуясь случаем, надо сказать, что все здание было выполнено в светлых тонах. В ос-

новном доминировали белый и нежно зеленый цвета. Можно было смело сказать, что это здание сравнительно новое, в каждом корпусе был сделан ремонт. Постучав и сразу же открыв дверь, Марк попал в зал ожидания, где и сидела секретарша. Та уже смотрела на него оценивающим взглядом. Затем, узнав кто он такой, взгляд стал немного презрительным.

– Здравствуйте, я записывался на прием к Леи Морель на пять часов. И...

– И вы опоздали на восемнадцать минут. – Закончила за него фразу секретарша.

– Да, приношу свои извинения.

– Доктор ждет вас. Платите и проходите. – Взгляд женщины стал менее презрительным, голос хоть и был прокурен, но звучал намного симпатичнее, чем по телефону.

Марк на пару секунд остановил взгляд на секретарше, но этих пару секунд хватило, чтобы уловить каждую морщинку. Писатель представлял, что это сорокалетняя замужняя женщина нестройного телосложения с рутинными проблемами. В реальности же оказалась тридцатидвухлетняя, очень даже симпатичная женщина, с длинными черными волосами. Фигура заслуживала аплодисментов, на безымянном пальце правой руке отсутствовало кольцо. Поймав взгляд секретарши, Марк вышел из ступора и быстро подойдя, протянул кредитку, вытащив её из правого кармана штанов. Женщина быстро сняла сто фунтов, вернув карточку владельцу. Писатель быстрым движением положил её в тот же карман и на-

правился к двери на прием. Опустил ручку двери вниз, слышался щелчок. Толкнув от себя, дверь открылась, затем Марк аккуратно, без лишнего шума, закрыл её за собой.

Перед взором предстал очень яркий кабинет, в котором практически все было белым: полы, стены, потолок, стол, кресло, диван, стул, горшки для растений, ручки, карандаши, ноутбук. Исключением являлись сами растения, которые сохранили природность, пару черных органайзеров на столе и картина Сальвадора Дали «Размышление», нарисованная в 1925 году. Разумеется, навряд ли это был оригинал, но реплика качественная. Слева расположилось большое окно, какой вид с него открывался, нельзя было увидеть, так как вид был задвинут белыми жалюзи. Рядом с этим же окном стоял огромный цветок, в котором рос кактус, в длину он был около шести футов. Рядом с ним стояла женщина, в руках которой зажата лейка. Услышав шум открывшейся двери, она обернулась. Её серьезный взгляд был недолгим, через мгновение Леа узнала своего недавнего знакомого. Губы разошлись в улыбке.

– Марк, какой приятный сюрприз! Я рада, что вы пришли и сдержали своё слово. – Добродушно сказал врач.

– А по-другому и быть не могло. Извините, что так сильно опоздал, мчался, как только мог.

– Да ничего страшного, на сегодня вы последний мой клиент. Как ваши дела?

– Если говорить честно, то дела примерно обстоят все так

же, уныло и на грани пропасти. А ваши?

– Дорогой Марк, вы и должны говорить со мной честно. – Положив лейку рядом с окном, Леа прошла за свое рабочее кресло. – Будьте добры, присядьте.

Писатель прошел до стула, что стоял напротив стола, сел, запрокинув правую ногу на левую.

– Леа, можно попросить вас о маленькой просьбе? – Девушка мотнула головой с улыбкой. – Давайте перейдем на «ты», мне так спокойней будет.

– Хорошо Марк, как скажешь, мне так даже проще.

– Спасибо. Ты так и не ответила на мой вопрос, как дела? – Прозвучало это немного рассеянно.

– У меня хорошо дела, я смотрю на все оптимистично, знаешь ли, так проще жить. Ты пришел на один прием или будешь постоянным клиентом?

– Учитывая моё состояние, думаю, постоянным.

– Хорошо, я тогда быстро создам карточку с твоими данными, в которую я буду вписывать все изменения, будь они хорошими или плохими, а затем приступим. У тебя паспорт с собой?

– Да со мной, сейчас.

Через пять минут тихий стук клавиатуры стих, нежные руки закрыли паспорт, протянув его владельцу.

– Так, теперь мы можем приступить. Перебирайся на диван и ложись. – С этими словами, Леа встала со своего рабочего места и перебралась на мягкий стул, рядом с диваном,

куда сказала лечь Марку. Писатель, не став медлить, последовал совету врача.

– Итак, приступим. – В правой руке оказался блокнот с ручкой, который Марк сразу и не заметил. Леа взглянула на чистый лист блокнота, затем на пациента. – С чего начнем, как считаешь? Может, с самого твоего детства? Не против? Это позволит лучше узнать тебя.

– Да, конечно, я хотел бы начать с того момента, когда впервые написал своё первое сочинение. – Стоило Марку немного вспомнить этот момент из жизни, как он начал проноситься у него перед глазами, словно наяву.

– Когда это было?

– В третьем классе. Мы пришли в школу после каникул, и наша преподавательница задала на дом написать сочинение: «Как я провел своё лето». Я не очень хотел писать, но все же пришлось. И я отдаленно помню это чувство, когда поставил последнюю точку. Я получил такое удовольствие. Именно в тот самый день я понял, кем хочу быть. – Писатель, смотря в потолок, погрузился в воспоминания.

– А как обстояли дела с друзьями? Ты любил общение со сверстниками, новые знакомства? – Леа уже начала записывать заметки в свой блокнот.

– С первого по четвертый классы я был очень общительным веселым мальчишкой, но как стал немного постарше, то круг друзей резко снизился. Мне больше нравилось молчать, рассуждать самим с собой, анализировать людей, рисовать.

Я считал, что молчание – золото.

– А как дела обстояли с девушками? Отношения были серьезные? Секс?

– В пятнадцатилетнем возрасте у меня появилась подружка, мы любили друг друга искренне. Через полгода у нас началась половая жизнь. Мы были вместе около двух с половиной лет, но она меня бросила после дня Святого Валентина. – С ностальгической ухмылкой закончил Марк.

– Ага. А ты не поинтересовался, какая причина послужила разрыву? Почему она так поступила?

– Хм, знаю, конечно. Я всегда был склонен к депрессивному состоянию, был апатичной скотиной, вот девчонка и не выдержала. Я мало куда ходил, вечно сидел дома, писал что-нибудь или рисовал.

– А после нее девушки были?

– Да, были. С восемнадцати лет я встречался с девушками только ради секса, да и мало я кому нравился в долгосрочной перспективе. В двадцать четыре напечатали мою первую книгу, которая стала бестселлером. Я должен был дать интервью в один журнал, тогда и познакомился с журналисткой Мэри Катранзу. Прекрасная Мэри. Очень хорошо помню тот момент, когда наши взгляды столкнулись и пролетела не искра, а молния, которая дала смертельный заряд любви.

– Хорошо, что в твоей жизни были такие моменты. Что тебя терзает? Вы с Мэри и по сегодняшний день вместе?

– В том то и дело, Леа. Она пропала, уехала и бросила

меня. Вся жизнь пошла коту под хвост. Не знаю, как и жить. Ладно, если бы она объяснила причину, сказала в лицо, что якобы так и так, не люблю больше, прощай. Я бы пережил, но просто взять и исчезнуть, это жестоко по отношению ко мне, просто невыносимо!

– Неужели просто взяла и исчезла? Странно как-то, знаешь ли. Обычно при расставании происходит ссора или же объяснение, ну или на худой конец записка, но что бы просто исчезнуть... – Рука врача начала плавно скользить ручкой по бумаге.

Следующий час Марк рассказывал все в подробностях, Леа, внимательно слушая, заносила услышанное в свой незаменимый блокнот. Вспоминая моменты с Мэри, писатель смеялся, а вместе с ним и врач. Ей было приятно слушать такие замечательные воспоминания. Возможно, она испытывала симпатию к Марку, но не признавалась в этом даже себе. Они потеряли счет времени, вокруг этой парочки образовался пузырь, где они никого и ни что не замечали, и могли бы так проговорить миллион лет, но резкий шум открывшейся двери разорвал связь. Показалась голова секретарши.

– Марк, ваше время вышло. На сегодня все приемы закончены. – Уставшим голосом пробормотала она.

– Спасибо, София, можешь собираться и идти домой. – Растерявшимся голосом ответила Леа, трогая волосы и фальшиво улыбаясь.

– Хорошо, до свидания, Леа.

– До свидания, София.

С Марком секретарша не попрощалась, видимо усталость выбила из нее всю воспитанность. Дверь захлопнулась, слышался стук каблучков.

– Ну что, Марк, на сегодня мы закончили. Продолжим на следующей неделе. – В её голосе чувствовалась та же самая усталость.

– Да, конечно. Спасибо Леа, общение с тобой – лучшее, что со мной было за последнее время. Приятно снова с кем-то поговорить...

– Мне тоже очень приятно с тобой говорить. Марк, можно тебя кое о чем попросить?

– Разумеется, всё, что угодно.

– Ты на колесах? Не подбросишь до дома?

– Без проблем.

– Тогда подожди меня у главного входа, я быстро.

Ждать пришлось недолго, через две минуты Леа появилась в поле зрения. Рабочий персонал прощался с ней до завтрашнего дня, врач всем отвечала взаимностью, мило улыбаясь. Спустя четверть минуты Леа почти вплотную стояла к Марку.

– Ну что, в путь?

– Так точно.

Они вышли на улицу, направившись к машине Марка. Те-ни окутали весь город. В легкие поступал прохладный свежий воздух. Ветра не было. В поле зрения писателя попа-

ли кусты, уже аккуратно подстриженные. Мало встретишь людей, которые работают на совесть. Марк мысленно отдал дань уважения тому старику-садовнику.

– Хорошо на улице, не правда ли? – Вдруг сказала Леа, держа перед собой в обеих руках сумочку, которая, покачиваясь, стучалась об стройные ноги.

– Это точно. Тишина, прохлада, свежий воздух...

Писатель, как и всегда, начал блуждать в своей голове, глаза его смотрели в бесконечность. Он отключился всего на пару секунд, но Леа это заметила, нежно улыбнувшись. Дойдя до машины, Марк открыл переднюю дверь пассажирского места, приглашая доктора сесть. Затем прошел на водительское место, через полминуты они тронулись с места.

– Итак, куда едем?

– На New Port Street, напротив фотогалереи.

– Будет сделано.

– Бывал, кстати, в ней? Хотя, глупый вопрос.

– Да, бывал, знакомый приглашал пару раз посмотреть на его работы. Когда ты поняла, что хочешь стать психиатром?

– Я всегда любила помогать людям, распутывать их ниточки разума, направлять на верный путь, да и зарплата хорошая. Каждому человеку, которому плохо, нужно, чтобы кто-нибудь выслушал его. Каждому нужно выпустить накопившуюся злость и отчаяние. Оставшись совсем один, человек начинает деградировать, угасать, так и сходят некоторые с ума. Хотя, что я говорю такие банальные вещи, это и так всем

известно.

– Нет-нет, продолжай. – Смотри на дорогу, сказал Марк, выруливая на Joseph Grimaldi Park.

– Да в принципе больше нечего добавить. Ты работаешь над новой книгой? Я сейчас повторяюсь, но мне нравится, как ты все излагаешь.

– Спасибо, очень приятно слышать такие слова, особенно от тебя. Да, работаю, но как уже говорил, творчество в тупике.

– Ничего страшного, я распутаю клубок твоих проблем, и в благодарность ты посвятишь эту книгу мне. – Леа мило посмеялась. – Я шучу, если что, на счёт посвящения.

– А знаешь, хорошая идея. Поможешь, и я посвящу рассказ тебе. Договорились? – Писатель мельком перевел взгляд на врача, отвлекаясь от дороги. Она смотрела на него, а он в свою очередь на нее. Затем Марк опять перевел взгляд на дорогу.

– Нууууу, хорошо, договорились. Я думаю, пожимать нам друг другу руки необязательно.

– ...

Улицы освещали фонари, дороги не были пустыми, все ехали с работы. Через полчаса тёмно-зелёная BMW подъезжала к New Port Street. Остановилась у дома неподалеку от фотогалереи напротив. Мотор заглушился, фары потухли.

– Вот мы и на месте. – Голос Марка был утомленным.

– Большое спасибо, Марк.

– Не стоит. Когда мне приходится на следующий прием?

– Следующий приём будет у тебя дома Марк, если ты не против. Как будешь готов, позвони.

– Я не против. – Тут писатель вспомнил весь бардак, что творится у него в квартире. В какой-то степени ему становится стыдно за себя. «До прихода Леи успею прибраться».

– Вот и отлично, буду ждать звонка. До свидания, Марк. И не наделай глупостей.

– До свидания, Леа, еще раз спасибо.

Девушка, улыбнувшись в последний раз, вышла из машины и уверенными шагами двинулась в жилое здание. Марк провожал её взглядом, скорее одиноким, чем нежным. Подождав, пока врач не скроется за входной дверью, повернул ключ зажигания, тронувшись с места. Домой поехал примерно тем же маршрутом, что и мчался в клинику. После расставания с Леей настроение резко ухудшилось (хотя и без того было ужасным). Перед домом Марк заехал в супермаркет и закупился едой с алкоголем. Желание выпить было сильнее, чем сила воли. «До чего дожил, стал безвольной скотиной» – повторял про себя Марк, когда клал в корзину полтора литровые бутылки спирта. Он не вдавался в подробности, что берет, просто было желание выпить чем угодно. Расплатился кредиткой, погрузил купленное в машину на заднее сиденье. На машине до дома был рукой подать. Зайдя в квартиру, он скинул с себя куртку и ботинки. Взял в руки первую попавшуюся бутылку, в спешке открутил крышку,

присосался к горлышку. Наощупь полез в пакет в надежде найти закуску. Под руку ничего толкового не попало, все продукты были хорошо запечатаны. Марк забил на это, продолжив пить. Сел на пол, уперевшись спиной о диван.

Марк ушел в запой на два дня, так и не позвонив Леи.

7

Понедельник. Утро. На улице оживленное движение. Кто-то едет на работу, кто-то идет в школу, кто-то совершает утреннюю пробежку. Стояла безветренная погода, которая не могла не радовать. Казалось, что единственный человек, которому сейчас никуда не надо идти или что-либо делать – был Марк, лежавший на полу, на пару с бутылкой, после очередной бурной ночи. Солнце не могло его разбудить, так как на окнах были задвинуты непроходимые для света жалюзи. Из правого уголка рта показалась слюна, медленно стекающая на пол и образующая лужицу. В это самое время в лифте ехала девушка. Двери распахнулись на этаже Марка. Стройные ножки на среднем каблук направилась к двери, правая рука нажала на кнопку звонка, удерживая её не более двух секунд. В квартире писателя раздался громкий непрерывный сигнал, который заставил хозяина открыть резко глаза и дернуться, держась за голову от жуткого похмелья. Первая мысль Марка ударила как гром среди ясного неба: «Мэри». Неуклюже поднявшись, похрамывая на ногу, на которой лежал и, чувствуя ужасную боль во всем теле, писатель подбе-

жал к двери и, не замедляясь, открыл её в надежде, что его девушка вернулась. С противоположной стороны он увидел Лею. В глазах писателя читалось удивление, рот не мог издать ни звука, даже мычания. Девушка же смотрела на Марка строгим взглядом, оценивая его вид, который явно её не обрадовал. Владелец квартиры еще не совсем пришел в себя, но понимал, как он выглядит со стороны и что от него несет перегаром, а за спиной находится не квартира, а целый павильон для свиней. Повисла неловкая пауза. Леа поймала ошарашенный взгляд Марка, в котором читалось безвыходное положение. Ей даже стало неловко в какой-то мере, что именно она поспособствовала этому, поэтому решила дать Марку место для отступления.

– Я смотрю, ты был не готов к моему приходу. Извини, что без приглашения, но ты мне долго не звонил. Я могу прийти, когда тебе будет удобно.

– Аааа, что ты Леа, я сам виноват, не извиняйся. Заходи, прошу, но предупреждаю, у меня жуткий беспорядок, даже как-то неловко. – Сказал писатель, отходя от прохода и пропуская девушку к себе домой.

– Ничего страшного, у тебя сейчас сложный период в жизни, это нормально. – Зайдя, посмотрела вперед, оценивая обстановку, сразу же добавила к сказанному. – Хотя, такой бардак не очень нормален.

Марк с извиняющимся видом пожал плечами.

– Я хотел убраться перед твоим приходом, но опять со-

рвался.

– Ты же обещал не делать глупостей. Марк, ты не сдержал слово. – Со строгим выражением лица сказала Леа. – Но тебе повезло, что я добрая и умею прощать хороших людей. – Теперь она улыбалась, взяв писателя за руку, подбадривая его.

– Это здорово. – Марк смущённо улыбнулся.

– Значит, план такой: ты идешь сейчас в душ, приводишь себя в порядок. Затем мы вместе приведем в порядок квартиру, а в благодарность ты меня чем-нибудь накормишь. Это приказ, а приказы не обсуждаются. – Все тем же теплым взглядом смотрела она на мужчину.

– Согласен. Разрешите идти? – Писатель продолжил говорить в стиле их маленькой сценки.

– Разрешаю!

Марк отправился в душ. Леа, подождав пока послышится звук воды, начала осматриваться. В глаза бросались пустые бутылки и всевозможный (плохо пахнувший) мусор. Им были завалены полы. Вдруг взгляд врача остановился на небольшом предмете, который лежал на полу у тумбочки. Нагнувшись, Леа оттряхнула с найденной вещицы пыль. Это оказалась рамка, в которой была вставлена фотография. На ней был изображен писатель с девушкой. Психиатр сразу догадалась, что рядом с Марком стояла та самая Мэри. Рамку Леа положила на тумбочку, откуда, скорей всего, она и упала. Девушка уже хотела развернуться и пойти в другие комнаты, но подсознание остановило её, заставив остаться и открыть

одну из трех полок тумбочки. В ней лежали всевозможные документы, записная книжка, запасные ключи от дома. В самом дальнем углу торчал краешек какой-то тонкой книжечки. Она-то и приглянулась Лее. Протянув руку и ухватившись за край книжки, девушка вытянула ее без особых сантиментов. На корочке большими буквами было написано ПАСПОРТ. На данном документе был виден небольшой слой пыли, а это означало, что им давно никто не пользовался. Логично, что это был паспорт не Марка, а если это паспорт не Марка, то значит Мэри, а если это паспорт Мэри, то почему она его оставила?! Неувязка. Открыв документ, Леа увидела знакомое лицо девушки. Справа, жирным шрифтом, было написано: Мэри Катранзу. Догадки врача подтвердились. Вместо того, чтобы вернуть чужую вещь на место, девушка положила её к себе в сумку. «Воровство ради правды» – эта мысль успокаивала совесть моментально. Пройдя в противоположную сторону комнаты, Леа открыла дверцы гардеробной. С левой стороны весела одинокая рубашка среди большой оравы пустых вешалок, а с правой стороны девушка увидела женскую одежду. На нижних полках все с той же правой стороны красовалось с десятков туфель. Без пыли на всех вещах, конечно же, не обошлось. Все это придавало странности в данной ситуации. На верхних полках лежали две большие сумки, хотя Марк говорил, что его девушка уезжала в командировку. Странно, что она ими не воспользовалась. Осмотрев внимательно комнату еще раз, психиатр, на-

конец, увидела все вещи, которых не хватало. Те лежали на полу, диване, подоконнике в грязном и помятом виде. Звук идущей воды стих, через три минуты вышел Марк.

– Так вы мне нравитесь намного больше. – Сказала Леа улыбаясь. О своей находке и предположениях она нарочно умолчала. Еще предстояло все хорошо проверить.

– Да, так намного лучше, хоть на человека стал походить. Что дальше?

– Что дальше... А дальше уборка! Если сейчас не начнем, то не уберем эту квартиру и за век. Где у тебя лежат мусорные мешки, порошок, перчатки, пылесос?

– Аaaa вроде как на кухне. Уборкой Мэри обычно занималась.

Леа стремительными шагами отправилась на кухню, за ней поплелся и писатель. Девушка быстро адаптировалась к местному укладу. В нижних шкафах нашла все необходимое, чтобы отмыть и убрать хаос.

Началась кропотливая уборка. В первую очередь парочка собрала весь мусор в мешки. На это ушел как минимум час, и за это время заполнилось семь огромных мусорных мешков. Квартира сразу показалась намного просторней, но это был только первый шаг к чистоте. Следующей ступенью стала стирка грязных вещей, и избавление от пыли на всевозможных шкафах, столах, сервантах, раковинах. Затем последовала помывка полов. С каждым часом квартира приобретала свой прежний свежий вид. После шести часов тяжелой

работы Марк с Леей сидели на полу, облокотившись спинами на диван с довольными лицами, на которых присутствовала искренняя улыбка. Смотря на стоящую впереди стену, девушка начала разговор:

– Я в своей жизни столько не убирала грязи. С тебя ужин в ресторане. – С наигранной серьезностью она посмотрела на писателя.

– Ужин в ресторане? А что, хорошая идея.

– Правда? Разве я не слишком много прошу?

– Наоборот, это меньшее, чем я могу тебе отплатить за помощь. К тому же, скажу по секрету, я бы все равно позвал бы тебя в ресторан.

– Как это мило. – Леа отвела взгляд в сторону, поправляя прядь волос. – В какой ресторан пойдем?

– Выбор за тобой.

– Может «Square»?

– Это на Mayfair? Французская кухня, две звезды, элегантный интерьер...

– Часто там бываешь?

– Мэри любила этот ресторан...

– Извини, я не знала. Скорей всего тебе больно ехать в это место, давай в другое.

– Нет, всё хорошо, Леа, не переживай. Мы поедем ужинать именно в этот ресторан!

– Ну хорошо. Я тогда поеду домой. Приму душ, оденусь. Заедешь за мной на такси ровно в девятнадцать часов. И не

опаздывай.

– Будет сделано.

Писатель проводил девушку до выхода, прощаться не стали. Закрыв дверь, перевел взгляд на квартиру. Он так долго жил в свинюшнике, что не мог признать эту чистую, уютную квартиру своей. Неуверенно улыбнулся. Все часы дома были заведены и настроены.

Стрелки показывали шестнадцать часов тридцать пять минут. Времени более чем предостаточно. «Можно и расслабиться» – только мысль прозвучала в голове Марка, как он уже падал на мягкий диван. Через мгновение писатель лежал и смотрел в потолок, который успел полюбить за его бесконечность. Смотря на него, можно с легкостью унести далеко-далеко, где тебя никто не достанет. Дать волю чувствам, воображению и при этом тебя никто не осудит. В распоряжение Марка было целых полтора часа. Полтора часа раздумий, физического отдыха и анализа проделанного труда, не только уборки квартиры, а еще морального труда, преодоление критического душевного состояния. И хоть реабилитация проходила успешно, Мэри ни на секунду не позволяла себя забыть.

«Как ты так могла поступить со мной?» – этот вопрос не давал покоя. Но что-то подсказывало писателю, что разгадка близка, даже слишком, она буквально дышит ему в затылок.

Время без перекура мчалось со скоростью ветра. Не успев толком отдохнуть, Марку уже нужно было вставать и оде-

ваться, иначе он попросту мог опоздать, а это значило, что он подведет Лею. Поднявшись без помощи рук, резким рывком вперед, писатель отправился в комнату к шкафу, сбоку которого стояла гладильная доска. Раздвинув её ножки и закрепив за крючковатый фиксатор, поставил в горизонтальное положение. Через минуту на гладильной доске стоял включенный утюг. Еще через минуту лампочка удовлетворенно выключилась с небольшим щелчком. Это был сигнал того, что можно приступать к работе. Марк уже шел с охапкой мятых вещей. Среди них была рубашка в черно-белые полосы, джинсы и носки. Походу дела герой сразу все напяливал на себя. Через десять минут он был полностью экипирован. В запасе у писателя было полчаса, но нельзя было расслабляться. Поставив утюг и доску на их законные места, вызвал такси. Нежный голос оператора сообщил о том, что машина подъедет через пять минут. Поблагодарив девушку, Марк скинул в карманы ключи от дома и кошелек. По времени уже надо было спускаться. Оказавшись на улице, писатель увидел перед собой заказанную машину. Легкой трусцой пробежал расстояние, разделявшее его с ней, сел на заднее сиденье. Назвав адрес Леи, машина тронулась.

На удивление пробок не было, все шло как нельзя лучше. Ровно в девятнадцать ноль-ноль красный форд фокус стоял у дома по New Port Street, неподалеку от фотогалереи. Через минуту из двери вышла роскошная девушка в красном вечернем платье, на руке весел такого же цвета клатч. На её

шее была золотая подвеска, туфли на высоком каблуке. Писатель не сразу узнал Лею, ему было непривычно видеть ее в таком обличии. Девушка, заметив на заднем сиденье машины своего знакомого, улыбнулась, двинувшись навстречу. Марк открыл дверь и подвинулся подальше, освобождая место. Леа ловко залетела в салон и с присущей элегантностью захлопнула дверцу. После, перевела взгляд на Марка. Тот, в свою очередь, уже открывал рот, и девушка сразу поняла, что он хочет ей сказать.

– Ты прекрасна, у меня нет слов.

– Спасибо, Марк, ты тоже ничего.

Разговор прервал водитель. Смотря в зеркало заднего вида, он задал волнующий его вопрос:

– Куда едем, шеф?

– В Square, будьте добры.

Машина покорно сдвинулась с места и поехала по заданному маршруту. В пути «парочка»

почти не разговаривала, оба понимали, что успеют наговориться в самом заведении. Приехав через треть часа на место, Марк расплатился с таксистом. Затем, выйдя из машины, прошел на противоположную сторону, открыв дверь спутнице.

Не отпуская её руки, они двинулись внутрь ресторана. За спиной слышался звук удаляющейся машины. Швейцар отрыл перед посетителями дверь. В шести шагах далее гостей уже поджидал администратор. Когда Марк с Леей подо-

шли, служащий сразу узнал Марка, постоянного посетителя, да еще и знаменитого почти на весь мир:

– Господин Фаст, какая честь. Давненько вы к нам не заходили. – Затем мужчина перевел взгляд на женщину, которой, по его мнению, должна была быть Мэри. Когда же он увидел незнакомое ему лицо, то вопросительно перевел взгляд на писателя. – А вашу спутницу зовут... – Повисла короткая, но все же неловкая пауза.

– Леа Морель. Мой хороший друг и лечащий врач.

– Рад вас приветствовать в нашем ресторане, мадмуазель, надеюсь, мы сможем вам угодить.

– Я в этом не сомневаюсь. – Без улыбки, но вежливо ответила девушка.

– У вас есть свободный столик?

– Для вас, Марк, свободный столик найдется всегда. Так, сейчас посмотрим. Столик на двоих ждет вас в самом дальнем левом углу. Приятного времяпровождения.

– Огромное спасибо.

Всё также держась за руки, пара пошла на указанное место. На чистой скатерти уже лежали буклеты с меню и бесплатное вино для разогрева аппетита уже разлитое по изящным бокалам. Писатель отпустил руку девушки, отодвинул стул, приглашая ее сесть, что Леа и сделала. Не теряя ни секунды, он взял бокал и сделал два больших глотка, осушив этим самым почти весь сосуд. Леа не без улыбки наблюдала за такой чудаковатостью. Затем взяла свой бокал и сделала

маленький глоток, отложив вино в сторону. Затем взяла меню, неспеша открыв его и рассматривая вкусные картинки. Писатель последовал её примеру. Разговор пока что не завязывался. Возможно оба за день устали и хотели просто-напросто набить пустые желудки. Через полторы минуты к ним подошел молодой официант.

– Вы уже готовы сделать заказ?

– Я, пожалуй, буду жареные пельмени и водку. – Сказал Марк, положив буклет справа от себя.

– А мне будьте добры любой свежий салат и стакан апельсинового сока.

– Будет сделано. – С этими словами официант удалился на кухню, на ходу дописывая заказ.

В ресторане было много посетителей. В основном это были взрослые дяди с тугими кошельками, а их спутницами являлись молоденькие длинноногие девушки. Но встречались и просто супруги в возрасте и молодые, которые отмечали свою годовщину в таком недешевом заведении, где место надо было занимать за неделю, если не за месяц. Только для известных личностей всегда находилось свободное место, Марк входил в этот список.

– Я ужасно голоден, если мне не принесут мой заказ через пять минут, то я съем вон ту толстушку. – Писатель показал взглядом на женщину, сидящую двумя столиками правее со своей подругой или сестрой, это не столь важно. Женщина была довольно-таки аппетитных форм и казалось, что её

недешевое платье сейчас разойдется по швам.

– Марк, ну зачем же так грубо с полными людьми, у них и так комплексы. – Несмотря на своё замечание, девушка хихикнула.

– А что я сказал? Может я имел ввиду, что она очень вкусная на мой взгляд.

– О боже, что за вздор.

– Просто я не знаю о чем завести разговор.

Подошел официант с подносом, на котором стояли две тарелки и два стакана. Первая тарелка отправилась в Леи, это был заказанный ею салат с креветками. Затем со стороны Марка опустилась тарелка с пельменями. В той же последовательности официант расставил и бокалы с заказанными напитками. Пожелав приятного аппетита, служащий удалился.

– Как продвигается твоя новая книга?

– Да никак. – Броско ответил писатель, закладывая пельмень в свой рот и смотря по сторонам. – Я решил пока что отдохнуть от всего, надоело.

– Только не отдыхай слишком долго, хорошо? Ты не забыл, что обещал посвятить её мне, если я тебе помогу, в чем я не сомневаюсь.

– Разумеется, за это можешь, не беспокоится. Ты когда-нибудь была замужем или хотела бы?

– Нет, не была. Если бы нашла того самого единственного принца, может, и захотела бы, но такой пока не появлял-

ся. Да и работа не позволяет. Я только и делаю, что разбираюсь с чужими проблемами, а на свои махаю рукой. А ты хотел бы жениться, Марк? Почему вы с Мэри жили в гражданском браке? – Девушка тоже не теряла времени, накалывая на вилку салат.

– У нас не было ни времени, ни желания. Мы считали, что штамп в паспорте ничего не даст кроме проблем. Нам и так было хорошо. Хотя, если честно, я подумывал закрепить наш союз официально в следующем году, но, походу, не суждено. Возможно, это даже к лучшему. Скорее всего она сейчас сидит со своим новым любовником в каком-нибудь отеле и рассказывает про то, как её парень-писака достал её своим занудством. Я думал, что Мэри моя навсегда, но я чертовски ошибался. Скорей всего в этой жизни я еще встречу своё. – В голосе слышалось разочарование и грусть. Перестав говорить, мужчина продолжил поедать пельмени, запивая их маленькими глотками спирта.

– Я в этом не сомневаюсь, Марк, все будет хорошо.

Следующие пятнадцать минут пара неторопливо ела и обсуждала разные темы, начиная от политики и заканчивая экологией. Тарелки опустели, стаканы тоже. Подозвав официанта, Марк расплатился, оставив хорошие чаевые. Писатель вместе со своей спутницей отправились на свежий воздух, решив немного пройтись по тихим, почти безлюдным улицами Лондона.

– Спасибо за вечер, Марк.

– А тебе за уборку.

– Это точно! – Оба посмеялись. Не то, чтобы эта была грандиозная шутка. Нет. Просто люди провели хорошо время и, вспоминая сегодняшние моменты, становилось весело и тепло на душе. – Знаешь, Марк, я бы с радостью гуляла хоть до утра, но мне завтра рано на работу.

Намек был очевиден. Не замедляясь и не тянув kota за хвост, Марк достал сотовый, набирая номер такси.

– Сейчас я вызову такси.

Машина подъехала к дому, Леа попрощалась с Марком и сказала, чтобы тот приходил на прием в ближайшие дни и еще раз пообещала во всем разобраться. Вышла из машины, еще мгновение, и она скрылась за железной дверью. Марк смотрел на дом не отрываясь, и о чем-то размышляя. Водитель поинтересовался:

– Куда едем дальше?

Тоска охватила писателя. Он не хотел возвращаться в пустой дом и рыдать от безвыходности.

– В ближайший клуб.

8

В десяти минутах езды располагался клуб, о котором писатель даже и не догадывался. Расплатившись с таксистом, он прошел в конец очереди, состоящей из шести людей. Марк отчетливо слышал, что люди называли свои имена, а это значило, что клуб на сегодня был кем-то снят и вряд ли

его туда пустят, так как его не будет в списке приглашенных, если, конечно, виновник торжества не внес писателя в список в надежде, что тот случайным образом решит напиться и придет именно в этот клуб. Последний человек перед Марком назвал своё имя и его беспрепятственно пустили в помещение. Охранник недоуменно взглянул на мужчину, затем на список посетителей, затем перевел взгляд опять на мужчину.

– Вы кем будете, сэр? Ваше имя и фамилию, пожалуйста. – Этот лысый кабан явно не был в духе, такие ребята вообще в духе никогда не бывают.

– Здравствуйте. Марк Фаст.

– Марк, ты же понимаешь, что эта частная вечеринка и тебя нет в списке приглашенных? А если тебя нет в списке, это значит, что ты не приглашен.

– Я прекрасно понимаю это, сэр, но, видите ли, какое дело... Моя жизнь стала невыносимой, мне срочно нужно напиться. И так получилось, что я набрел на этот клуб, а желания искать другой у меня нету. Может вы впустите меня потихому, а я в долгу не останусь, финансово вас награжу за помощь и понимание.

– Слушай ты, клоун, иди-ка ты отсюда поскорее, пока я не вышел из себя и не переломал тебе все кости. Ты за кого меня принимаешь? Мне твои подачки не нужны, очень влиятельный человек заплатил мне достаточно, что бы я не впускал таких клоунов, как ты. – Лицо охранника побагровело,

кулаки сжались от злости и были готовы в любую секунду нанести сокрушающий удар в челюсть «клоуна».

Писатель ничего не успел ответить или уйти, как с обратной стороны заведения открылась

дверь, из неё показалась голова сорокалетнего мужчины с длинными волосами.

– Даниель, там одна дрянь напилась, наблевала в туалете и вырубилась, выкинь её. А это что за парень? Почему не выпускаешь? Проблемы какие-то?

– Хорошо сэр, будет сделано. Этот клоун пытался пройти, хотя в списке его нет. Не беспокойтесь, он уже уходит, а если нет, то я ему в этом помогу.

Мужчина, к которому обращался охранник, снял очки, взгляделся в писателя, который явно уже понял, что все обломалось.

– Подождите-ка, вы случайно не Марк Фаст?

– Он самый. – Уставшим и немного обиженным голосом ответил писатель. «Да, вот он мой билет в этот гадюшник!» – радостно отметил он сам для себя, но не подал вида.

– Чёрт, обожаю ваше творчество. Какими судьбами вас забросило к нам, обычным смертным?

– Благодарю. Ну а сами как думаете? Напиться, конечно.

– Так чего же вы ждете? Заходите! Даниель,пусти гостя!

– Как скажете, сэр. – Верзила со злобой на лице, но все же отошел в сторону, пропуская Марка внутрь.

Писатель пошел следом за женщиной, а за ними последо-

вал охранник, чтобы выполнить приказ хозяина. В помещении играла непонятная музыка, Марк окрестил её «музыкой наркоманов». Народу было внушительно, но не так, чтобы нельзя было протиснуться. Писатель сразу заметил барную стойку. Мужчина остановился, развернулся к писателю, прислонившись к его уху, чтобы Марк услышал:

– Я вас покину, Марк, но скоро присоединюсь. А вы пока развлекайтесь, выпивка вся оплачена, так что пейте, сколько влезет абсолютно бесплатно.

– Огромное спасибо! Могу ли я узнать, кому я обязан такому теплому визиту? В честь кого праздник?

– В честь меня! День Рождения, мать его!

– Поздравляю вас, всего.

– Спасибо, Марк, но тут нечего радоваться. В общем, вы уже заметили, вон там бар. – Пальцем мужчина указал на северную часть. – Я скоро к вам присоединюсь.

– Еще раз спасибо.

Мужчина улыбнулся и, развернувшись, растворился в толпе. Писатель двинулся к барной стойке. За ней стояла молодая девушка с вызывающим макияжем, татуировки занимали четверть тела. Фигурой она определённо вышла, да и личико было очень милым. Марк сел на свободное место, бармен незамедлительно отреагировала, но ничего не говорила, молча ожидая заказ.

– Мне двойную порцию водки, будьте добры.

Девушка, все так же, сохраняя молчаливость, достала сни-

зу барной стойки уже открытую бутылку дорого спирта и ловким движением руки налила двойную порцию уже в стоящий на стойке стакан. Затем ретировалась, обслуживая только что подошедших гостей. Писатель одним рывком осушил стакан. Закуски под рукой не оказалось, хотя она ему и не была нужна. Через треть минуты Марк повторил заказ. Затем снова. Бармен все так же не произносил ни звука. Нельзя было сказать, что девушка была чем-то обижена или обеспокоена. На вид не была уставшей или оскорблённой, но ни с кем не заводила разговор. Это показалось очень странным фактом, хоть и не играющим абсолютно никакую роль. Через пару минут подошел виновник торжества. Параллельно тому, как он садился рядом с Марком, успел похлопать его по плечу.

– Ну что, не скучаете? – Заодно мужчина подозвал девушку и сделал такой же заказ, что и Марк.

– Нет, все замечательно.

– Это хорошо, а я хотел вам предложить хорошее средство для поднятия настроения. – Именинник одним залпом осушил стакан.

Бармен отошла в противоположный конец стойки, где её ждали пьяные лица, которым было мало выпитого.

– Что же за такое чудное средство? Вы до сих пор не сказали, как вас зовут.

– Меня зовут Август. Это не столь важно, не правда ли? Вы забудете мое имя на следующий день. Я вам дам подсказ-

ку. Это средство белое, сносит крышу и похоже на стиральный порошок. Ну, угадаете?

Август глупо улыбался и, судя по бреду, который он нёс, принял он этого чудного «средства» достаточно.

– [ЦЕНЗУРА].

– Правильно. Иииии победитель, угадавший слово, получает две [ЦЕНЗУРА] абсолютно бесплатно!

Марк был не против, к тому же, он уже был поддатый достаточно, чтобы совершать глупости. Первая дорога поехала в левый тоннель, вторая следом в правую. Головокружение, учащённое сердцебиение, вспышка. И вот, Марк уже танцует и радостно кричит в толпе таких-же обдолбанных идиотов и мразей. Водка и виски текут рекой в горло, женские губы присасываются к нему со всех сторон. Веселье в самом разгаре, перед глазами дико плывет. В дело мчат следующие дорожки. Голову накрывает слепая пелена безумия. К писателю подходит молодая самка, которая извивается в страстном танце. Он ловко хватает его за член, который быстро становится твердым от того, что он давно не получал женской ласки. Девушка что-то шепчет Марку на ухо и оба удаляются в туалет. Закрывшись в первой попавшейся кабинке, девушка ловким движением расстёгивает ширинку, становится на колени, начиная жадно удовлетворять жертву. В этот самый момент у писателя закатываются глаза, он рушится со спущенными штанами на бачок, головой ударяясь об стену. Из рта обильно идет пена, его мотает из стороны в сторону.

Зрелище довольно не из приятных. Девушка в ужасе кричит, выбегает из уборной, зовет на помощь. Первый, кто откликнулся, был охранник, он и вызвал скорую помощь. Врачи очень быстро приехали на место. Минуты две они пытались завести сердце писателя, и уже было отчаялись, но оно чудом заработало. Из рта начало выплескиваться море алкоголя и все содержимое желудка. Писателя увезли в ближайший госпиталь.

9

Неделя. Прошла ровно неделя с той злополучной вечеринки. Передозировка чуть ли не забрала Марка в иной мир, в который он, к счастью или сожалению, не верует. Герой безэмоционально смотрел на кашу, которую подавали на завтрак уже седьмой раз. И уже в седьмой раз он отказывался её есть, считая, что она убьёт его раньше, чем [ЦЕНЗУРА]. После завтрака ему давали целый букет пилюль, которые были обязательны к применению. Писатель не был против, они расслабляли не хуже [ЦЕНЗУРА].

Время шло как во сне, в ногах всегда присутствовало ощущение мягкости. Марку казалось, что у него не ноги, а подушечки, как у котиков. После завтрака следовала игра в покер с местными нариками. Играли обычно на сигареты. Ближе к обеду более-менее адекватных пациентов выпускали во двор на прогулку. Писателю нравилось наблюдать за женщиной, которая каждый раз разговаривала с растениями, она

считала их своими друзьями, разделяла с ними и горе (когда какой-нибудь неуклюжий сотрудник «убьет» ромашку), и радость (у розы «Маргарет» появился новый друг, который вырос по соседству). Такой сериал забавлял героя. Все было отлично, он отдыхал здесь словно на курорте, только без пафоса, моря, красивых девушек и без трат за всю эту роскошь. Первый и последний пункты были, несомненно, плюсами наркологических заведений. После прогулки следовал обед. Несомненно, этот пункт был одним из самых радостных. Обеды тут были «царские». Первым делом подавали горячий борщ с кусочком свежего хлеба (обычно белого), на второе давали наивкуснейшую вареную картошку с куском рыбы и все это запивалось сладким чаем. Сегодняшний день не стал исключением. Зайдя в столовую, Марк уже приметил порцию и в предвкушении наслаждения, широко улыбался, смотря по сторонам и, даря свою радость всем, кто попадет в поле её действия. Герой уверенным шагом двинулся навстречу своему «счастью», глаза блестели. Оставалось сделать три среднестатистических шага, но перед тарелкой встала непреодолимая скала.

Скалой стал местный надзиратель, если можно так его назвать. Одет был в белую форму, как и весь рабочий персонал. Нельзя было сказать, что он был жесток с пациентами, но если его выводили из себя непослушанием, то мог зарядить сильнейшую оплеуху. Ростом надзиратель был выше Марка, поэтому герой сначала увидел белую рубашку и только при-

подняв голову, само лицо. Энтузиазм в глазах писателя сразу испарился, заменившись вопросительным взглядом.

– За тобой приехали, одевайся. Затем зайдешь к главному врачу, распишешься и заберешь оставшиеся вещи на выходе. – В голосе не выразалось никаких эмоций, присутствовало только безразличие.

– А отобедать нельзя? – С надеждой в голосе и мольбой в глазах спросил писатель.

– Нет, ты уже не числишься с утра, поэтому нельзя, но не беспокойся, твой обед достанется новенькому. – Взглядом он показал на парня, который был ростом под два метра, а весил как девушка на диете.

Марк сглотнул слюну и в последний раз бросил взгляд на свою тарелку. «Не сегодня» – печальная и в тоже время неадекватная мысль пронеслась словно ветер.

Прощаться писака ни с кем не стал. Все получали удовольствие от обеда. При этой мысли Марку уже хотелось кому-нибудь просто врезать. Ну да ладно. Затем, выйдя из палаты, он отправился к главному врачу. Культурно постучался в дубовую дверь. Через секунду распахнул её, дернув ручку вниз. За кожаным креслом сидел человек преклонных лет, но внешность располагала. Красивый мужчина. Он не сразу поднял свой взор на Марка, что-то усердно записывая в медицинскую карточки. Поставив точку, старик поднял голову.

– А, это вы, Марк. Проходите, присаживайтесь. Я вас долго не задержу. – Жестом руки врач показывал на стул,

стоящий напротив него.

Писатель покорно прошел короткую дистанцию, сел, положил руки на ноги, обхватив колени. Спину выпрямил. В таком положении герой походил на школьника, который еще свято верил, что школа – это чудесная пора, где будет очень легко и непринужденно, но потом все-то понимают, что в садике было намного лучше.

– Итак, Марк. Вы уже, наверное, в курсе, что за вами приехали. И под личную ответственность этот человек заберет вас домой. Я хочу задать вам два вопроса, на которые жду два точных ответа. Хорошо?

Марк послушно кивнул, медленно и утонченно.

– Готовы ли вы покинуть нашу клинику, и будете ли вы еще употреблять [ЦЕНЗУРА]?

– Да, готов. Насчет второго затрудняюсь ответить.

– Вы понимаете, что мы спасли вас чудом. Второго хэппи-энда может уже и не быть. И в следующий раз вас заберут в черном мешке.

– Да, понимаю. Я могу идти?

– Распишитесь вот здесь. – Врач протянул какой-то непонятный документ, который Марк явно не собирался читать. Галочка отчетливо показывала, где именно должна стоять роспись. Писатель послушно снял колпачок с пишущего предмета, поставил закорючки, состоящие из первых двух букв его фамилии.

– Можете идти, Марк. И помните, второго шанса может

не быть, удачи. – Руку врач не стал протягивать, просто продолжил просмотр медицинских карт. – Ах да, подойдете к главной медсестре, она вам отдаст вещи.

– Благодарю. Вам тоже удачи, сэр. – Марк не помнил, как зовут этого «Доктора Айболита», поэтому называл его все время «сэр».

Доктор рассеянно помахал головой. Марк вышел из кабинета, в другом конце коридора его уже ждала старшая медсестра. Марк неторопливо дошел до женщины. Под его расписку она выдала личные вещи с ключами и кошельком в довесок. Не сказав ни слова, писатель покинул стены больницы под сопровождением надзирателя. На дороге у выезда писателя ждал человек на красном мотоцикле. Это оказался, как ни странно, Адам Краузе. Судя по выражению лица, он не был обременен долгим ожиданием. Завидев своего друга, Адам выпустил из рук шлем и с улыбкой, слезая с байка, бросился навстречу другу. Писатель тоже расплылся в улыбке, но его улыбка была менее радостной, скорее, ностальгической. Краузе сжал Марка в своих не очень крепких объятиях (небось еще не отошел от очередной пьянки).

– Старик, сколько лет! А ты изменился, стал совсем потрепанным.

– Бывает. Ты тоже уже не первой свежести. Как узнал, что я тут?

– У меня свои источники.

Мужчины шли к мотоциклу.

– Как вообще дела?

– Да все хорошо, Марк. А вот тебе стоило бы взяться за ум, а то скоро будешь в переходах людей развлекать за еду.

– Да пошел ты, Адам.

– Куда едем? Домой или в клуб, что бы ты опять попытал счастья?

– Домой, пока что.

Мотоцикл с пробуксовкой дёрнулся с места. Через пару мгновений он уже несся по дороге за пределами наркологического центра.

10

Поездка была очень утомительной. Во-первых, Марк не любил ездить на мотоциклах, особенно сзади. Во-вторых, на дорогах было полным-полно машин, а это означало, что пробки были на каждой улице. В-третьих, писателя не покидало чувство, что он сейчас упадет или что еще хуже, какой-нибудь пьяный идиот влетит в зад мотоцикла.

Ближе к пяти часам Адам остановился у дома своего друга.

– Приехали.

– Спасибо, я бы не догадался. – Быстро слезая, ответил Марк. С его стороны было некрасиво грубить человеку, который вытащил его из клиники. – Зайти не хочешь? У меня дома вроде какое-то пойло осталось.

– Нет, спасибо, дружище. Я спешу, сам понимаешь. А ты

поправляйся и больше не выкидывай таких номеров. Врач сказал, что второго такого шанса вряд ли у тебя будет.

– Я в курсе, он мне это говорил. Если я вдруг что и надумаю, то обязательно позову тебя за компанию. Ладно, пока. Как будет свободное время, забегай.

– Забились.

Марк зашагал в её сторону. Вдруг он остановился и, развернувшись, обратился к Адаму:

– Послушай. Правда, спасибо тебе.

– Будешь должен. – С улыбкой ответил друг и с ревом двинулся в путь, удаляясь из виду.

Подождав, пока мотоцикл испарится, писатель двинулся домой. Поздоровался с вахтершей. Подойдя к лифту, не успел нажать на кнопку вызова, как дверь открылась. Вышла молодая девушка с парнем, но близости между ними не чувствовалось. Поднявшись на свой этаж, Марк зашел в квартиру, где царила мертвая тишина. Везде было все так же чисто, если только очень присмотреться на полки шкафов, то можно увидеть тонкий слой накопившейся пыли. В восточном углу, где стоял шкаф с ненужными вещами, стояла какая-то черная небольшая коробочка, на ней прерывисто горела красная кнопка. Владелец квартиры не сразу признал в этой коробочке свой автоответчик, которым почти что никогда не пользовался. Понадобилось целых пять секунд, чтобы вспомнить о его существовании. Подойдя неторопливым шагом, писатель увидел двадцать оставленных сообщений.

Нажал кнопку поочередного прослушивания. После длинного гудка, Марк услышал голос Леи.

«Марк, привет, когда будешь дома – позвони».

«Почему ты не берешь трубку? Все хорошо?»

«Марк, что с тобой? Я волнуюсь. Приходи на прием, и мы во всем разберемся, только не делай глупостей».

«Ты не хочешь меня видеть? Слушай, я волнуюсь, не издевайся надо мной».

«Марк, я выяснила, что с Мэри. Нам надо встретиться и поговорить».

Писатель не стал слушать все двадцать сообщений, потому что догадался, что остальные будут в таком же духе. Его сердце быстро забилося. Его волнения хватило бы на сто мамаш, которые чересчур переживают за своих детишек. Трясущимся руками герой взял телефон, набрав номер девушки. На той стороне трубки пошли гудки. Затем послышался голос Леи.

– Здравствуйте, я вас слушаю.

– Привет, это Марк. Извини, что не отвечал, были причины. Потом объясню.

– Господи, Марк, где ты пропадал?! Я так волновалась, думала, что уже не услышу тебя никогда.

– Долгая история. При встрече объясню. Что с Мэри? Что ты узнала?

– Это не телефонный разговор, Марк. Ты сейчас свободен?

– Да, давай встретимся в кафе у моего дома. Сможешь?

– Да, хорошо. Я приеду прямо сейчас. Через пятнадцать минут можешь выходить.

– Хорошо.

Леа первая нажала кнопку сброса. Не теряя времени, писатель сходил умылся, переоделся в чистое. Пора было бежать на встречу. Захватив бумажник, писатель покинул квартиру. Миновав общую дверь, которая вела на улицу, повернул налево. В шестидесяти метрах виднелось кафе, где и должна была состояться встреча. Через полторы минуты Марк уже заходил внутрь заведения. В дальнем левом углу, за столом, сидела Леа.

Подойдя к ней, писатель увидел, что она пьет кофе. Взгляд девушки был направлен исключительно на кружку. Видимо, разговор ожидался не из очень приятных. Герой сел напротив своего лечащего врача.

– Привет еще раз. Давно тут сидишь? Извини, если опоздал.

– Привет. Нет, ничего страшного. Только кофе успела заказать. – Глаза её были наполнены печалью и сожалением.

– Ну что с Мэри? Где она? Не мучай меня.

– Для начала ответь, где ты пропал, Марк? Я как дура тебе названивала, переживала, а ты взял вдруг и появился, как ни в чем не бывало.

– После нашей встречи я поехал в клуб. Там меня и занесло не туда. В общем, передозировка была, в рехабе держали.

Только сегодня Адам вытащил.

– Боже... Марк, зачем ты это делаешь? Ты же обещал не делать глупостей.

– Переживу. Не томи, пожалуйста, что ты узнала о Мэри?

– В общем, это, Марк... сложно такое говорить, но Мэри мертва... Мне очень жаль...

Лицо писателя приобрело неестественный оттенок. В голове случился взрыв. Его разум просто отказывался в такое верить. В сердце ударила ужасная боль. Побледневший Марк повалился на пол. В глазах стояла слепая рябь, а затем и вообще наступила темнота. Мужчина потерял сознание.

В ушах стояла гробовая тишина. Марк попытался открыть глаза. Получилось не очень. На месте век образовались две небольшие щелочки. Зрачки не сразу сфокусировались, поэтому писатель видел все в размытом свете. Первое, что бросилось в смутный взгляд героя, это очертания. Очертания женщины. Эти очертания принадлежали Леи. Девушка сидела на стуле рядом с пострадавшим. Она нежно держала руку писателя, монотонно сжимая ее чуть сильнее, затем разжимая. Спустя еще пару секунд глаза героя открылись в полную меру, фокусировка пришла в норму. Как ни странно, но он помнил все сказанное девушкой в кафе и сразу сообразил, что он находится в госпитале.

Провалов не было, к большому его разочарованию. Глаза стали мокрыми, писатель жалостно смотрел на девушку. Возможно, в поисках утешения или ждал, что та скажет, что

она ошиблась, и что Мэри ждет его за дверью, и что она со-
скучилась. Но этого не произошло. Леа сидела с понимаю-
щим траурным взглядом. Еще сильнее она сжала его ладонь.

– Мне очень жаль. – Тихим голосом нарушила тишину
Леа.

– Как это случилось? Почему я ничего не знал?

– Её убили, Марк. И ты знал это. Провалы в памяти были
связаны со стрессом, который ты пережил. Горе для тебя бы-
ло настолько велико, что у твоего сознания включилась за-
щита, которая и стерла воспоминания о такой ужасной утра-
те.

– С чего ты взяла все это?! – Писатель отказывался верить
в услышанное.

Леа опустила взгляд, затем открыла свою сумку, достав
газету. Мужчина сразу увидел на первой странице себя в
чёрном траурном костюме. Он шел, опустив голову, за ним
несли гроб. Сверху, большим шрифтом был заголовок: «Из-
вестный писатель Марк Фаст на похоронах своей возлюблен-
ной».

Все встало на свои места. Забытый отрывок истории вре-
зался в память невероятно неожиданно и резко. Виски оку-
тала жгучая боль. Марк резко схватился за голову, изо рта
послышался стон. В голове начали мелькать ужасные момен-
ты, как он приехал на место происшествия, затем опознание
трупа, похороны... Теперь вся его депрессия, все его всплес-
ки ярости и беспомощности объяснялись. Всё встало на свои

места, но от этого ненамного стало легче. Появилось угрызение совести за то, что он думал про свою любовь такие мерзости, что она просто подло бросила его, полюбив другого. А оно вот как все бывает. Мужчина зарыдал не хуже ребенка, слезы лились горькие. Леа сразу же обняла его, глядя по голове. Это продолжалось долгих пять минут. В палату зашла медсестра, которая попросила выйти девушку. Затем ввела пострадавшему успокоительное. Уснул Марк не сразу, но случившийся приступ, который отнял все силы и укол, сделали своё дело. Через минуту писатель уснул. Леа же отправилась домой, много мыслей терзали её. Состояние Марка не давало девушке покоя, но она была довольна, что все, наконец-то, раскрылось.

Правда открывается со временем, но, когда проходит слишком много времени, мы отказываемся знать правду. Теперь Марку предстоял долгий курс реабилитации. В основном ему нужно было восстановить душевное состояние, хотя физическое пострадало не меньше. Самое главное, принять правду, смириться и жить дальше. Не ставить точку. Последующие девять дней Марк провел в больнице. Каждый день его навещала Леа. Они много разговаривали, вспоминали хорошие моменты из жизни. Писатель много рассказывал о Мэри. Лечение проходило довольно-таки успешно. Иногда к мужчине заходили особо пронырливые журналисты, интересуясь здоровьем и творчеством. Четких ответов они так и не получали, но это было не столь важно. Самое главное бы-

ло то, что писателя не оставляли в одиночестве, не давали повода уходить в себя. Все шло к выписке. У Марка уже были планы на ближайшее будущее. Они были очень масштабные, но Леи герой ничего про них не говорил. Девушка и так о них узнает, со временем.

11

Такси подъехало к дому в районе West End. Мужчина на пассажирском сиденье расплатился с водителем. Захватив свою спортивную сумку, вылез из машины, захлопнул дверь. Марк уверенными шагами двинулся в свою квартиру. По квартире он соскучился, хоть она и была пустой и нагоняющей тоску. Писатель дружелюбно поздоровался с вахтершей, предварительно помахав рукой. Затем лифт поднял мужчину на его этаж. Марк стал совсем другим человеком. Из Марка подавленного, депрессивного, склонного к [ЦЕНЗУРА], он превратился в человека, который храбро принял правду, смело посмотрев ей в глаза со смирением. Нет. Пустота никогда не заполнится чем-то другим. Писатель всегда будет скорбеть по своей любимой. Он никогда не забудет о ней, боль в груди будет вечно терзать его. Но теперь, когда герой смог смириться, когда принял правду, он сможет продолжить жить. Будет писать книги, ходить в бары с друзьями, улыбаться, каждое утро чувствуя себя человеком. Возможно, даже найдет спутницу жизни. Точнее, он её уже нашел, правда она об этом еще не знает. Зайдя в квартиру и

бросив сумку у порога, писатель ринулся в ванную. Что может быть лучше горячего душа после того, как ты не мылся несколько дней? Вот именно, ничего. Закончив мыться, Марк не стал терять времени. Набрал Лею. Его ждало одно очень важное дело и именно эту девушку он хотел взять на него с собою за компанию. Послышались гудки, но жить им было дано недолго, на той стороне провода послышался сонный женский голос.

– Даааа... Я вас слушаю.

– Привет, это Марк.

– Марк, привет, дорогой. Ты уже дома? Я думала, тебя выпишут только к вечеру.

– Я их поторопил. Не мог больше находиться в больнице. Меня от них уже тошнит. Ты сильно занята? – Марк знал, что девушка свободна. Во-первых, был выходной. Во-вторых, сонный голос предательски выдавал отсутствие дел.

– Я совершенно свободна. А что ты хотел?

– Я хотел бы съездить на кладбище к Мэри, так сказать, попрощаться. одному ехать страшно, а с тобой мне комфортнее.

– Да, хорошо. Я только за. Во сколько? Просто я спала, как ты уже догадался. Совершенно не готова.

– Через полтора часа устроит? Я подъеду.

– Да, супер.

– Ну все тогда, до встречи.

Час пролетел незаметно, промчался мимо героя словно

олимпийский бегун. Нужно было выдвигаться. По пути к девушке, Марк купил пять роз. Пять красных и свежих роз. Одна предназначалась Леи, оставшееся четное количество, покойной Мэри. Забрав девушку, машина двинулась на кладбище. Находилось оно за городом.

Машина остановилась у высоких железных ворот, рядом с входом в «Город мертвых». Леа сразу двинулась вперед. Марк же, напротив, остановился перед самым входом, перевел дыхание, мысленно готовясь со встречей с любимой. Леа, заметив отсутствие мужчины, обернулась, заботливо вернувшись за ним, схватила за руку и уверенно повела их.

Могила Мэри находилась примерно на середине территории ближе к левому углу. Открыв декоративную дверцу калитки, Марк и Леа очутились в гостях у покойной. На большом мраморном камне был вырезан портрет Мэри. Глаза Марка стали мокрыми, но он держался из всех сил. Смотрел на портрет возлюбленной не отрываясь, и бог знает о чем думал в этот момент. Затем, будто выйдя из штопора, прошел вперед. Подобрал лежавшие цветы, успевшие зачахнуть, заменив их на свежие.

– Мы столько всего не успели вместе сделать. За что у меня отобрали её?

Леа ничего не ответила мужчине, только стояла позади него, крепко сжимая плечо писателя. Постояв в молчание минуты три, Марк развернулся к девушке.

– Пора. Слушай, ты пока иди к машине, а я тут еще ми-

нутку постою. Я быстро.

– Я подожду тебя столько, сколько понадобится, не торопись.

Договорив, Леа неспеша вышла и, не оглядываясь, побрела по тропинке к выходу. Марк подошел к куску гранита. Сел на корточки, начав с нежностью гладить портрет Мэри. Слезы стекали по щекам.

– Мне тебя очень не хватает. Я люблю тебя, всем сердцем. Зачем ты покинула меня? Зачем? Я хотел от тебя сынишку и доченьку. Мы бы с тобой были самыми счастливыми людьми на Земле. Знаешь, я нашел девушку, с которой бы хотел попробовать жить. Нет. Она никогда не сможет заменить тебя, но вы с ней чем-то похожи. Извини меня, но мне нужно жить дальше. Если вдруг там наверху что то есть, то мы обязательно будем вместе, и ничто, слышишь, ничто нас больше не разлучит. Я обещаю. Мне пора. До скорого, солнце... Писатель нежно поцеловал портрет. Вытерев рукавом слезы, он быстро ретировался к выходу, где его ждала Леа. Слез больше не было, но красные глаза предательски выдавали, что место им все-таки было.

– Все хорошо? – Поинтересовалась девушка, увидев глаза Марка.

– Более чем. Ну что, поехали?

Предстояла долгая дорога домой.

Писатель подвез девушку к её дому. Леа сильно утомилась, да и Марк был не в лучшем виде. Попрощавшись, ге-

рой поехал домой, где планировал провести весь оставшийся день лежа на диване. По дороге сделал остановку у ближайшего супермаркета. Закупил продукты быстрого приготовления и пару бутылок сока. Для алкоголя, в данном рационе, не нашлось места. Зайдя в квартиру, писатель снял обувь и одежду, оставшись в одних просторных трусах. Достал из пакета пачку чипсов с соком и отправился на диван отдыхать. Потеря любимой женщины – это очень тяжело и грустно, но на сердце героя больше не было того угнетающего груза неизвестности. Карты раскрыты. Хотя одна неизвестность все же оставалась. Герой совсем забыл узнать, был ли пойман ублюдок, который совершил это гнусное преступление? Какой срок ему дали? Сожалеет ли он о содеянном? И, в конце концов, какие были мотивы? Все в первую секунду казалось очень важным, но затем герой осознал, что в любом случае это никак не вернет Мэри, никак... Вопросы отпали.

Доев чипсы и опустошив бутылку сока наполовину, Марк забылся сном. Герою ничего не снилось, но вместо черной бесконечности перед глазами стояла белое небытие. Этот несуществующий цвет поглощал разум, не давая писателю видеть сны, наполненные жизнью или смертью. На следующий день он проснулся с приятным чувством энергии и желания жить. Не успел он открыть глаза, а на губах сияла улыбка в виде лодочки. Это было старое забытое чувство счастья. Оно было связано с тем, что именно сегодня Марк решился сделать Леи предложение руки и сердца. И не толь-

ко их, еще ноги, печени, легких, глаз и всего того, что можно подарить близкому человеку. Но прежде, чем идти на такой рискованный шаг, нужно было как минимум позавтракать, что бы в самый важный момент живот не взял инициативную речь на себя.

Плотно позавтракав бутербродами, состоящими из белого хлеба и сосисок, писатель взялся за зарядку. Конечно, нужно было вначале размяться, а потом уже кушать, но что сделано, то сделано. Да и герой не особо заметил, каких-то осложнений. За двадцать минут были размяты все мышцы, они ликовали и аплодировали хозяину, который в кое то веки побаловал их физическими нагрузками. Затем был принят бодрящий холодный душ. Марк надел рубашку и спортивный пиджак. Он посчитал, что должен выглядеть более презентабельно, чем обычно. Так оно, в общем, и вышло. Нельзя было сказать, что героя распирало волнением, но легкая дрожь в руках присутствовала. Не каждый день собираешься делать предложение женщине, с которой даже не встречался и ни разу не целовал. Взяв домашний телефон, писатель набрал номер девушки, убедился, что она дома. Нельзя было медлить, ведь еще нужно было заехать в ювелирный магазин и подобрать подходящее кольцо. Не теряя ни секунды, герой выбежал во двор, сел за руль. На допустимой скорости ринулся в ювелирный магазин, который располагался на той же улице, что и дом Леи. Очень удобно, между прочим. Подъехав к магазину, Марк торопливо вошел,

сразу же бросив взгляд на витрину. Колец было не меньше трех сотен и выбрать то единственное и неповторимое оказалось сложнее. На помощь писателю пришла продавщица, которая явно имела огромный опыт. Девушка сразу поинтересовалась, какая цель преследуется мужчиной. Тот честно ответил: «Предложение руки и сердца». Ручки достали из средней витрины кольцо с элегантным бриллиантом. У мужчины загорелись глаза: «то, что нужно» – подумал он. Размер пальца Леи Марк не знал, поэтому выбрал наугад. Если что, то всегда можно поменять. Тут размер не главное, главное преподнести женщине подарок, как предлог к серьёзному решению. Расплатившись кредиткой, мужчина поблагодарил продавщицу и для экономии времени побежал к машине. Теперь нужно было успеть, Марк не думал о том, что будет говорить. Импровизация – путь к успеху. Время не шло, оно просто бежало, пытаясь насолить герою. Вот он уже подъехал к её дому, вышел из машины. Ноги понесли мужчину к главной двери. Не успев дойти до неё метра, она распахнулась. Виновником этого оказалась, как не удивительно, сама девушка, Леа. У обоих на глазах читалось удивление. Марк на секунду повис, растерялся, но тут же взял себя в руки, начав действовать.

– Привет. Секунда есть свободная?

– Привет, Марк. Меня по работе вызвали. Пациентку новую привезли, нужно обследовать и оформить документы. Думаю, секунду я найду для тебя.

Неожиданно для девушки, писатель встал на одно колено, в руках уже оказалась маленькая красная коробочка, которая в следующую секунду открылась, показывая на общее обозрение роскошное кольцо.

– Выходи за меня. Ты единственная девушка, с которой я хочу попробовать снова построить отношения.

Леа была в ужасе. Шок сделал своё дело, девушка не могла издать ни звука. Писатель мучительно ждал ответа. Через пять секунд он его получил.

– Марк, дорогой... Ты мне очень нравишься, ты замечательный, но... Ты меня не любишь, твоя любовь ушла вместе с Мэри. А я не могу выйти за мужчину, которому просто одиноко, извини.

Она резко побежала к приехавшему такси. Писателю только и оставалось смотреть в лед удаляющейся машине. Разочарование давало о себе знать в виде комка в горле и жжение в груди. Затем голова опустилась, взгляд столкнулся с кольцом. Щелчок. Закрытая коробочка с сюрпризом отправилась в карман. Поражение было очевидным. С опущенной головой Марк побрел до машины, по дороге домой он думал, что делать дальше. Выход нашёлся.

Тяжело взять свою прежнюю жизнь и заменить на новую, но другого выхода герой не видел. Приехав домой, он сразу же сел за ноутбук, включил интернет. Начались поиски. Искал Марк домик в пригороде. Через треть часа, он наткнулся на отличный двухэтажный коттедж в Далвиче. Продава-

ла его молодая женщина. Как она сама писала, дом достался ей по наследству от покойной матери. У женщины, звали её Люсьен, имелась семья, свой бизнес и хороший дом в центре Лондона. Пригородный коттедж им просто был не нужен. Марк, ловя свой шанс, договорился встретиться с продавцом завтра, посмотреть дом своими глазами и договориться о стоимости. Так обе стороны и поступили.

Утром следующего дня Марк выехал в Далвич по указанному адресу. Нашел продаваемый коттедж не сразу. Помогли местные. Услышав от героя адрес, перекрестились, упомянув покойную хозяйку, по словам, женщина, была очень аккуратной и милой. Подъехав к дому, писателя поджидала женщина со своим мужем. Люсьен оказалась симпатичной женщиной в возрасте, морщинки выдавали её с потрохами. Муж представлял из себя заживевшего бизнесмена, на голове проглядывалась незначительная плешь. Марку еще снаружи понравился дом. Хорошее дерево не разрушалось, проверено временем, так сказать. Внутри царил полный порядок. Вещи покойной давно были вывезены. Шкафы, полки, столы, печка, все это добро прилагалось к дому. Из зала можно было попасть сразу на второй этаж. К нему вела крутая лестница. На втором этаже располагался письменный стол, в конце левой части дверь вела в ванную комнату. Дом напоминал райский уголок. Еще снаружи Марк знал, что купит его. Хозяева коттеджа много втирали покупателю про историю этого дома, что где расположено, но писатель их почти

не слушал. Единственное, что он сказал:

– Сколько?

Женщина деловито достала ручку с обрывком бумаги, написала некую сумму, протянула её писателю. Мужчина внимательно всматривался в стоимость дома. Затем ничего не говоря, достал чековую книжку. Написал свою сумму и в правом нижнем углу свою роспись. Протянул супругам. От увиденной суммы они не смогли сдержать довольных улыбок. На чеке было даже больше, чем они запросили. Обе стороны пожали руки и немедленно поехали оформлять все нужные бумаги по передаче имущества. Вернулся писатель к себе домой поздно ночью. Он был выжит как сок. Не раздеваясь, завалился спать. Сон наступил мгновенно, как смерть от пули в висок.

На следующий день Марк выставил свою квартиру на продажу. Он её продавал не потому, что хотел заработать денег. Денег у него было предостаточно. Просто эта квартира была пропитана воспоминаниями. Плохими воспоминаниями. Что бы начать жизнь с чистого листа, нужно сказать уверенное «пока» старой жизни. Из души её не выкинешь, но хотя бы визуально станет легче. Покупатель нашелся через неделю. За это время Марк успел обставить свой новый дом всем, чем полагается. Туда был куплен новый холодильник, перевезены все его вещи из квартиры. В общем, можно было спокойно переезжать жить и ни о чем не беспокоиться. Все нужные люди, такие как его агент, были обзвонены и, каждый

узнал новый номер телефона писателя. Теперь дело оставалось за малым. На два часа дня была встреча с покупателем. Пожилой, но состоятельный мужчина приехал на лексусе и, посмотрев быстро квартиру, остался доволен. Оформив все документы, Марк торжественно вручил ключи и со спокойной душой уехал в своё новое место обитания.

Громкий стук каблуков нервно перемешивался со звуком сумочки, которая билась о левую ногу. Леа торопилась к Марку, чтобы сказать, что она погорячилась. Сказать ему, что она его любит. Неожиданно девушка увидела раскрытую дверь в квартиру писателя, оттуда доносился шум дрели и голоса мужчин. Заглянув внутрь, она увидела пятерых рабочих во главе с мужчиной в солидном пиджаке. Мужчина в костюме поинтересовался у девушки, дескать, какими она судьбами? Затем, рассказал о выгодной сделке с Марком и теперь он, мужчина в костюме, хозяин квартиры. Расстроенная Леа ретировалась на первый этаж, вахтерша ничего толкового не смогла сказать. Марк Фаст, тот самый единственный и неповторимый, был потерян для девушки навсегда. Теперь уже она, окутанная депрессией, поехала к себе домой, чтобы в вынужденном отпуске есть полуфабрикаты и смотреть грустные и бесконечные испанские сериалы.

Часть 3. Пригород Далвич

Страх либо поможет двигаться вперед, достигая желаемого,

либо уничтожит тебя, если ты окажешься недостойным своих целей.

12

Рука ласково гладила деревянную перилу ступеней ведущих на второй этаж. «Это моя перилла, это мой первый этаж, это мой диван. Весь этот двухэтажный рай – мой» – говорил про себя Марк. Покупка коттеджа было лучшим его решением за последнее время. На душе стало намного легче. К тому же, после ряда негативных событий, нужно было залечь в тихое местечко, чтобы раны затянулись. Пригород Далвич подходил для этого идеально. В основном население было местным, приезжих еще надо было поискать. Никаких тебе пробок и шумных соседей. Только тишина, свежий воздух и собственный внутренний голос.

Соседние коттеджи находились на приличном расстоянии друг от друга, промежутки между ними заполняли густые деревья, которые в совокупности образовывали небольшие леса, если их так можно было назвать. Если выйти на задний дворик и пройти по тропинке метров двести, то можно наткнуться на сравнительно небольшое озеро. С противоположной стороны дома располагался выезд на главную дорогу. Писатель еще раз обошел свои владения, ошупывая каждый изгиб мебели. Ловкие руки хозяина дошли и до холо-

дильника. В надежде перекусить, эти самые руки открыли дверцу. Внутри (и неудивительно) не оказалось нормальной еды. Даже продуктов, из которых можно было бы что-нибудь приготовить. Марк так плотно занимался переездом и расстановкой мебели, что совсем забыл о продуктах и таких немаловажных вещах, как туалетная бумага и прочие средства личной гигиены. Перечисленных недочётов оказалось предостаточно, чтобы собраться и наведаться в ближайший магазин.

За окнами стояли первые числа декабря. И без того холодная погода усугублялась отсутствием каменных джунглей, где ветру ничто не препятствовало свободно бродить по Далвичу. Мужчина надел бланковую футболку, а поверх черную кожаную куртку. На голове оказалась вязаная шапка. Взяв деньги и ключи, которые весели у двери на крючке, писатель ретировался на улицу и меньше, чем через полминуты, сидел в своей машине с заведенным двигателем. Выехав на главную дорогу, Марк повернул направо и не зря. Через пару минут, когда он сделал остановку и поинтересовался у местного мальчугана месторасположение продуктового магазина, тот ответил:

– Вы едите в верном направлении, мистер. Проедите еще четыреста метров прямо, затем на светофоре повернете налево, немного проедите еще и увидите магазин.

Поблагодарив отзывчивого мальчика, писатель двинулся дальше по указанному маршруту. На дороге почти не бы-

ло машин. Только дважды проехало два старых шевролета в противоположное направление. На светофоре Марк повернул налево, как и посоветовал пацан. Спустя милю показалось здание. Подъехав ближе, мужчина увидел выцветшую вывеску «У ОХОТНИКА». Снаружи магазин выглядел довольно-таки небольшим. Обычное одноэтажное здание, размером не больше, чем здание тату-салона «ОБЕЗУМЕВШАЯ ВДАВА». Но зайдя, мнение резко изменилось. Внутри располагалось много рядов с продуктами питания и не только. Справа, ближе к двери, расположилась касса и стойка с различной выпечкой. Это был не просто магазин, а магазин-кафе. Можно было взять нужные провианты, расплатиться и восвояси, а можно было посидеть, попить чай и поговорить по душам с хозяйкой или другими посетителями. Почему именно с хозяйкой? Потому, что Марк вскоре познакомится с женщиной, которая нальет ему горячего кофе, именно она окажется владелицей «У ОХОТНИКА».

Зайдя внутрь, писатель сразу привлек к себе внимание. Далвич был сравнительно маленьким пригородом, поэтому люди знали друг друга в лицо. Сразу пять лиц, а это десять глаз, смотрели на незнакомца оценивающим взглядом. Когда мужчина ответил им тем же, местная пятерка, с трудом оторвала взгляд и как ни в чем небывало продолжила заниматься своими делами. В пятерку любопытных входили: молоденькая девушка с корзинкой, двое габаритных мужчин, тощий паренек на кассе, и, конечно же, стройная женщина

в возрасте с жесткими чертами лица. Она стояла за стойкой, разливая мужчинам кофе. Писатель неспеша взял корзинку для продуктов, затем скрылся с нею между рядами высоких полок. Девушка с чипсами, расплатившись за товар, сложила все в один пакет и удалилась из магазина. Еле слышно играл кантри. За три минуты шопинга Марк успел покидать в корзину почти все, что ему было нужно. Из списка, в котором было: ящик газировки, ящик пива, туалетная бумага, зубная паста, щетка, бритва, гель после бритья, мыло, мясо, картошка, консервы и хлеб, герой не смог отыскать бритву. Побродив еще так три минуты, он сдался. Подойдя на кассу, писатель с удивлением обнаружил недостающий предмет. Тощий мужчина уже смотрел на Марка и ждал, когда тот поставит корзину с заказом на стол и он, тощий амиго, сможет посчитать, сколько это будет стоить незнакомцу.

– Дайте, пожалуйста, вон ту бритву в комплекте.

Не успел Марк расплатиться и засунуть купленное в пакет, как женский голос обратился к нему:

– Кофе не хотите? За счет заведения.

– Знаете, пожалуй, не откажусь. А в честь чего дарите бесплатный кофе? Я тысячный покупатель? – Марк скорчил улыбку.

– Нет. Просто я вас первый раз вижу, хотя работаю тут уже девятнадцать лет. Походу вы приезжий. И предложила бесплатный кофе потому, что решила узнать вас поближе, да и еще один постоянный клиент мне не помешал бы. Один раз

попробуете мой кофе и не сможете оторваться. – Закончив эту фразу, женщина закончила наливать. Поставила чашку рядом со свободным местом, взглядом пригласив писателя присесть. Тот послушно принял предложение, сев рядом с двумя мужчинами у стойки. Пакет с покупками поставил на пол. Сделав один большой глоток, Марк перевел взгляд на женщину, улыбка разошлась на его лице.

– В жизни не пил кофе вкуснее. Походу я действительно стану еще одним вашим постоянным клиентом.

Хозяйка улыбнулась в ответ.

– Как тебя зовут, сынок? Откуда ты?

– Марк Фаст, из Лондона. А вас? Вы местная? Хотя моё чутье говорит об обратном.

– Агна Хопл. Я хозяйка этой скромной забегаловки. Твоё чутьё не подводит тебя, я тоже была когда-то приезжей.

– Из Германии?

– Верно. – Немного удивленно подтвердила Агна. Она впервые встретила человека, который безошибочно определил её месторождение.

– А как это вы из Германии сюда перебрались? Сами захотели или же по семейным обстоятельствам? – Писатель начал доминировать в разговоре, походу дела потягивая кофе.

– Скорей всего по семейным, хотя это звучит далеко от правды. В своем родном городе я повстречала парня, влюбилась. Через два месяца после бурного романа я забеременела. Родители кричали на меня, сказали, что повезут в боль-

ницу и мне сделают аборт. Я не хотела этого. Поэтому собрала чемоданы и уехала со своим парнем, куда глаза глядят. Глаза глядели на этот пригород. Спустя семь месяцев родился мой сынишка, Август. Кстати, вот он, на кассе работает. – Пальцем она указала на тощего парнишку, который пяти минутами ранее обслуживал Марка. – Этот мерзавец, отец его, потом бросил меня, влюбился в девушку из бара. Оставил без средств существования, сволочь. Но бог его наказал, через два года умер от сердечного приступа. Вскоре я взяла ссуду в банке, сделала ремонт в этом здании и открыла магазин. В Далвиче много охотников и атмосфера такая, поэтому магазин и получил название: «У ОХОТНИКА». Вот сколько лет живу тут, работаю, не жалею. А ты, Марк, чем зарабатываешь на хлеб? Надолго приехал или только отдохнуть от города на недельку?

– Я писатель. Этим и зарабатываю. Правда, если я буду также «трудиться», как и в последнее время, то скоро сменю профессию. Приехал надолго, продал квартиру в городе, купил тут небольшой домик. Захотелось убежать от всего на природу. Тут и думается лучше и не так грустно. – Кружка героя опустела, увидев это, Агна оперативно налила новую порцию.

– Ооо, писатель. Не слышала о вас, извините, просто в Далвиче мало кто интересуется творчеством. Природа это да, тут в любое время года хорошо. А девушка у вас есть?

– Спасибо. – Писатель приподнял кружку, давая понять,

что благодарит за еще одну чашку восхитительного кофе. – Девушки уже нет.

– Не за что сынок. Расстались? Измена?

– Нет, куда прозаичнее и ужасней. Её убили.

На последнюю фразу две мужские головы, сидящие справа от Марка, повернулись.

– О боже... сочувствую, сынок. Извини, что заставила еще раз вспомнить этот ужас. Главное, не опускай руки, жизнь продолжается.

– Да, спасибо...

Взгляд Марка ненадолго был направлен в пустоту, из штопора его вывел хриплый басистый голос.

– Соболезную, мою жену тоже зарезал какой-то псих топором, царство ей небесное.

Мужчине на вид было лет сорок, не меньше. На ногах красовались обычные, ничем неприметные джинсы синего цвета, сверху была одета красная клетчатая рубашка. На голове имелась выцветшая кепка. На лице присутствовала двухнедельная неухоженная щетина. Довольно-таки крупные габариты мужчины впечатляли. Второй же, сидевший за первым, мало чем отличался. Только рубашка была синей, а кепка сравнительно новая (по крайней мере, цвет был насыщенным). Они были как братья. И раковины ушей только подтверждали догадки писателя.

Который был в красной рубашке, звали Грэй. Второго, Льюис. Это были Грэй и Льюис Макдоналды, два брата.

Местные. Оба охотника. Часто сидели в этом заведении, ели фирменные пироги и запивали не менее фирменным кофе. Марк поблагодарил за соблазнение, познакомился с парнями. Допив кофе, перебросил взгляд на хозяйку.

– Агна, спасибо вам за гостеприимство, кофе великолепный. Мне пора ехать домой.

– На здоровье, сынок. Заглядывай, но за кофе придется уже платить. – Женщина нежно улыбнулась.

Попрощавшись со всеми, Марк направился к выходу, чуть не забыв пакет с продуктами. Сев за руль, он поехал домой по тому же маршруту. На землю стремительно опускалась темнота. В зимнее время года тьма очень рано сменяла свет, поэтому к четырем часам уже нужно было ехать с включенными огнями. Дорога не была оживленной, но несколько дальнобойщиков и машин все же повстречались на пути. Машина писателя не очень вписывалась в местный ассортимент железа. Легковушки для местных дорог и не только дорог, не очень подходили. Марк это заметил, и в ближайшее время решил приобрести себе подходящую машину. Припарковавшись на положенном месте, герой зашел внутрь своего дома. В нем все также было уютно и умиротворенно, правда в камине не было дров. Благо тут имелось электричество и батареи, а то писателю пришлось бы туго, ведь впереди была суровая зима. На ужин мужчина приготовил себе жареную курицу с картошкой, сготовил много, поэтому завтра будет, чем позавтракать.

Марка ужасно тянуло в сон, поэтому, несмотря на относительно раннее время, он улегся спать на первом этаже. Диван оказался очень мягким и буквально тащил героя в крепкий сон. Спустя пять минут, тишина сменилась храпом.

13

Веки Марка лениво раскрылись, дав зрачкам работу после долгого пребывания в темноте. Первое, что попало в поле зрения, оказался камин. После сонного вздоха, мужчина повернулся с перелёженного правого бока на спину. Правая рука онемела за ночь, она с болью пульсировала, чувствительность потихоньку приходила в норму. Через семь минут писателю удалось покинуть сонное царство. Он скинул шерстяное одеяло (которое переехало вместе с ним из старой квартиры). Посмотрев на настенные часы, Марк увидел две стрелки, где короткая показывала на цифру три, а длинная на четверку. «Я проспал двадцать три часа!» – ужаснулся писатель вслух. Это объясняло понурое состояние, онемевшую руку, головную боль и, конечно же, «великолепное» настроение. Неожиданно боковое зрение уловило движение в окне, которое находилось по левую руку. Марк неторопливо повернул голову, на улице шел снег. Большие белые хлопья разразились гневом над Далвичем. Шел он очень интенсивно, минимум десять часов, в непрерывном ритме. Подойдя ближе к окну, писатель увидел свою машину в белом наряде. По собственной глупости Марк не загнал машину в гараж.

Теперь это надо было сделать в срочном порядке, иначе из-за мороза двигатель мог заглохнуть, если уже не вышел из строя. Одевшись, герой добежал до иномарки. Завелась металлическая подруга с первого раза, это не могло не радовать. Спустя три минуты машина стояла в загоне всё ещё напоминая белую овечку. В гараже Марк был первый раз. Так получилось, что про него он и забыл при осмотре дома перед покупкой. Зайдя в дом, писатель скинул одежду, рухнул на диван, пообещав самому себе, что полежит еще пять минуточек. Спустя пять минут он еще лежал и даже не думал вставать.

Через четверть часа бурчание в животе заставило подняться и наложить вчерашний ужин. Разогретая в микроволновке курица с картошкой второй свежести пошли хорошо, хоть и стали немного суховатыми. Как говорится: желудку не прикажешь. Запив завтрак газировкой, мужчина поднялся на второй этаж, где его ждал рабочий ноутбук. Открыв программу, начался мозговой штурм. Так называемый «штурм» продлился долго и безрезультатно. Писатель не смог пробить крепкие двери своего мозга и достичь своих мыслей и свежих идей. Результат равный нулю начал потихоньку злить и утомлять. Потирание глаз рукой увеличилось втрое. С таким «творчеством» нужно было заканчивать. Мелькнула мысль снова уйти в запой, но Марк решил оставить эту идею на самый крайний случай. Закрыв ноутбук и спустившись на первый этаж, мужчина лег на старый добрый и такой удоб-

ный диван. Через десять минут, в лежачем положении, писателю пришла отличная идея. «рисовать!» Именно во время скрупулёзного выведения черточек и мазков, которые превращались в конце в полноценное произведение, хорошо думалось и мозг получал пищу под названием «вдохновение». Опять же нашлись и проблемы, которые не хотели, чтобы данная идея осуществлялась в жизни. У Марка не было с собой кисточек, масляных красок, карандашей, мольберта, листов, ластика и много других нужных прибулуд. Но проблемам на этот раз не повезло. Марк собирался, уже по старой схеме, спросить первого прохожего о местоположении канцтоваров, закупиться и начать работать. Он не собирался откладывать затею до «после дождичка в четверг», поэтому без промедлений поднялся и за три минуты полностью оделся, глотнув перед выходом крепенького. Еще через две минуты послышался звук мотора в гараже. Еще через минуту зеленая легковушка уже разрезала большие хлопья снега. На часах красовалось шесть часов с копейками. На улице стояла темнота. По пути не встретилось ни одного человека, который мог бы указать путь. Новая проблема дала писателю кулаком в живот, но мужчина не растерялся. И на это хамство, со стороны проблемы, у него нашелся ответ. Ответом являлась мисс Агна. Марк заедет купить блок сигарет и заодно спросит о магазине с канцтоварами. Развернувшись, он поехал в сторону магазина «У ОХОТНИКА». Через девять минут Марк стоял у входа в магазин. Зайдя внутрь, писатель

подошел к стойке, за которой стояла женщина, говорившая что-то своему сыну. Увидев Марка, Агна нежно улыбнулась.

– Здравствуйте, Марк. Как дела?

– Здравствуйте, Агна. Все хорошо. У вас?

– Аналогично. Приехали за моим кофе?

– Нет, но обязательно заеду за ним завтра. Я приехал, чтобы вы мне кое-что подсказали, если вам не сложно.

– Ни капельки.

– Где я могу найти канцтовары или художественный магазин? Мне нужны краски, карандаши и все в таком духе.

– Таааак сынок, дай-ка подумать. – Взгляд женщины уставился в пол. Через пять секунд она подняла голову с возбужденным видом. – Вспомнила! Ох уж эта старость, все забывается. В другом конце пригорода есть магазин «Арт-бюро». В нем еще эта, как там её... А, Велма Янг работает. Хорошая девочка. Её отец недавно скончался, магазин по наследству передался.

– А как мне туда доехать?

– Не знаю, как и объяснить... А поезжай с моим сыном, он покажет тебе дорогу, заодно там его высадишь, у него подруга неподалеку живет.

– Да, хорошо. Спасибо огромное.

– Да не за что, присаживайся, мы через десять минут закрываемся, народу сегодня мало. Выпей кофе.

Марк не стал. Ровно через десять минут, сын Агны, Август, был уже готов. Поблагодарив еще раз женщину, писа-

тель, вместе с её сыном, сел в машину. Два луча света разрезали непроглядную темноту. Машина тронулась с места. Молодой человек, сидящий на пассажирском месте, указал пальцем на дорогу, откуда приехал Марк.

– Как только выедите на главную дорогу, не сворачиваете и дальше по шоссе.

– Хорошо. Так как тебя зовут?

– Август. А вас Марк, значит?

– Да, все верно. Приятно познакомиться, Август. – Писатель, не отрывая взгляда от дороги, протянул руку своему попутчику, тот её слабо пожал. – Кроме работы в магазине, ты еще чем-то увлекаешься?

– Да. Я люблю ездить на мотоцикле, возиться в нем часами.

– Это хорошо.

Зеленая легковушка уже проехал главную дорогу, держа путь по шоссе. Повисла долгая пауза.

– А по времени нам сколько ехать?

– Около пятнадцати-двадцати минут.

Еще пару раз паренек говорил, куда нужно сворачивать. Через семнадцать минут скитаний в темноте, показался небольшой магазинчик. Фары машины освещали небольшую часть прозрачных дверей. Попрощавшись с Марком, Август вышел из машины и, повернув на юг, быстренько удалился. Заглушив мотор, писатель направился к входу. Войдя внутрь, он увидел уже знакомую картину. Как и «У ОХОТ-

НИКА», здесь также стояло много рядов, только не с продуктами, а всевозможными пишущими средствами, бумагой разных форматов и много чего другого, что местным жителям не так, что было и нужно. Справа стояла касса, за которой сидела симпатичная девушка. Её взгляд был обращен на неожиданного покупателя. Любопытство в глазах читалось сразу. Еще через секунду удивление показывало себя во всей красе. Хозяйка узнала Марка. Ещё только вчера она читает книгу Фаста, а сегодня он уже заходит в её скромный магазинчик. Через три секунды к девушке приходит понимание того, что она вылупилась на мужчину как сумасшедшая и более того, писатель это видит. Она резко отводит глаза, на щеках появляется румянец. Рука начинает поправлять волосы. Её взгляд все же осмеливается посмотреть опять на писателя, и вот Марк уже приближается, на его губах виднеется неуверенная, но искренняя улыбка.

– Здравствуйте. Ничего страшного, что я так поздно вато к вам?

– Добрый вечер. Нет, что вы, наоборот, отлично... то есть, я хотел сказать... в общем, я всегда рада покупателям. Вот. Вам, может, что-то подсказать? – Продавщица явно нервничала, тут и психологом не надо быть и даже чутким человеком. Глаза бегали, руки произвольно начали ловить всё в свои объятия.

– Да, если вам несложно. Мне нужны листы А3, карандаши, масляные краски, ластика много, мольберт, кисточки, в

основном тонкие и маленькие и одну большую.

– Без проблем. Сейчас я вам все наберу. В какую сумму вы думаете уложиться?

– Деньги не имеют значения.

– Это очень хорошо, тогда я выберу вам самое качественное и лучшее, хоть в моём магазине и нет плохого товара. – Девушка неуверенно улыбнулась, через секунду опустила глаза и провела рукой по волосам.

– Это было бы здорово. А вы очень красивая. – Марк вёл себя уверенно, краски смущения его не затронули. Продащица определенно понравилась ему, по крайней мере, на внешность, да и застенчивость говорила о многом.

– Спасибо огромное. Вы тут постоите подождёте или пойдёте за мной и будете лицезреть то, как я вам собираю нужные вещи?

– Если вы не против, то я пойду с вами. Заодно посмотрю, что еще есть в ассортименте.

– Ничуть. – Скромная улыбка уже вошла в привычку. – Ну что, в путь? Будете нести корзинку, а я быстро складывать в неё вещи.

– Идет.

Девушка вышла из-за прилавка, взяв с пола одну из десяти корзинок, протянула писателю. Тот, в свою очередь, покорно взял её в правую руку. Затем продавщица, легкой походкой, начала парить между рядами. Её глаза бегали по полкам, каждые двадцать секунд она что-то клала в корзинку.

Марк с трудом успевал за этой красоткой. Спустя семь минут шоппинга, корзинка была наполнена. И не только корзина. Левая рука мужчины уже была занята мольбертом, который физически не мог поместиться с остальными вещами.

– Вроде все. – Сказала девушка, держа указательный палец на губах. – Ну что, на кассу?

– Угу.

Парочка прошла до цели, Велма начала все пробивать. Затем, резко остановившись на карандашах, посмотрела на Марка.

– Извините за любопытство, но вы же Марк Фаст?

– Да, верно. – С простотой в голосе ответил мужчина, доставая кошелек.

– Я обожаю ваше творчество. Не пропустила ни одной книги. Ну вот, я сказала это. Можно с вами познакомиться поближе? Если вы не против, разумеется.

– Спасибо огромное, очень приятно. Конечно можно, сочту за честь. Извините, я должен был первый предложить это. Я как-то потерялся просто. У вас очень красивые салатные глаза.

– Спасибо. А меня Велма зовут. Велма Янг.

– Очень приятно, Велма. Ну а вы знаете, как меня зовут, не буду лишний раз представляться. Так значит, вы тут работаете? – Вопрос, с одной стороны, был глупым, ведь и так ясно, что да. Но на самом деле, вопрос такого рода вел к тому, что собеседник говорил, чем еще занимается помимо ру-

тины.

– Да. Еще я стала хозяйкой этого магазина, с недавних пор...

– А, извините. Агна говорила мне, что вы потеряли отца. Мне очень жаль.

– Да ничего страшного, все нормально. Все мы когда-нибудь рано или поздно умрем. – Велма робко улыбнулась, но в глазах появились нотки печали. В общем-то, это было неудивительно, потеря отца еще крепко держала девушку за горло. – В свободное время я рисую.

– Вы любительница? Образование художественное есть или так, для души?

– Да, чисто для себя. Образование есть, но это не значит, что я рисую не для души.

– Что-то я много туплю, извините. День такой, сонный.

– Все отлично, хватит вам извиняться. – Девушка продолжила пробивать покупки.

Марк пристально смотрел на девушку. Волосы каштанового цвета были собраны сзади и закреплены резинкой. Глаза салатного цвета, поверх них были одеты очки для зрения с черной тонкой оправой. Скулы мягкие. Губы напрашивались на страстный поцелуй. Фигура была идеальной. На первый взгляд, писатель смог уже сделать определенный вывод лично для себя и отчасти для окружающих. Девушка очень привлекательная и скромная. Не злоупотребляла косметикой, но ухаживала за собой. Скорей всего была одинока, по крайней

мере, кольца на руке не было.

Велма пробила последний набор ластиков и аккуратно сложила все в пакет. Не успев сказать получившуюся сумму, увидела перед лицом кредитку. Не сказав ни слова, сняла нужную сумму. Пробила чек, положила в пакет к товарам. Протянула с улыбкой Марку.

– Огромное спасибо, Велма. Без тебя я бы тут бродил час.

– Это моя работа. Всегда пожалуйста. Приходи еще, если вдруг что понадобится.

– Это даже не обсуждается.

– Повисла неловкая пауза. Мужчина не поворачивался и не направлялся к выходу. Девушка тоже не была настроена прощаться. Оба хотели, что-то сказать друг другу, но походу собирались с духом и мыслями, как малые дети. Но вот женские нервы не выдержали:

– Может, ходим куда? Завтра. Вечером. Если ты не против.

– Сходим, только вот не знаю куда. Я переехал сюда недавно, толком ничего не знаю.

– Совсем забыла спросить... ну ладно, я прибегу это на потом. – Девушка радостно улыбалась. – Как насчет сходить в местный бар? Пропустим по бутылочки пива, послушаем плохую музыку, да и народ там добродушный в целом.

– Да, хорошо. Отлично! Во сколько и куда мне заехать?

– В восемь часов, сюда, если несложно. Потом я покажу тебе дорогу до бара и в следующий раз сможешь уже поехать

без меня.

– Договорились. Ну что, пойду я, пожалуй. До завтра. Тебе еще долго работать?

– Нет. Из-за снегопада сегодня почти не было покупателей. Хотя их и так не очень много и в обычное время. Тут мало любителей искусства, но денег на нормальную жизнь и на аренду хватает. В общем, я уже закрываюсь и поеду домой, если мотор заведется.

– Может мне тебя подкинуть? Мне несложно, только скажи.

– Мне бы не очень хотелось тебя напрягать. Да и живу я тут неподалеку. Можно даже пешком за пятнадцать минут дойти.

– Но не в такую темень и мороз. Так что давай не скромничай, соглашайся.

– Нууууу, ты известный писатель, и вряд ли станешь меня убивать... так что хорошо, я согласна!

– Отлично, я подожду в машине.

– Я быстро.

Писатель вышел с пакетом на улицу, сел в машину за водительское место. Не теряя времени, решил полежать с закрытыми глазами. Усталость давила. Он потихоньку начинал засыпать, но открывшаяся дверь его же машины дала толчок, от которого глаза открылись, а мозг с реальностью опять завел дружбу. Девушка села спереди на пассажирское место, сразу же пристегнулась. Её взгляд уставился вперед на до-

рогу. Посмотрев на неё, а затем, отведя взгляд, Марк завел двигатель машины. Железяка тронулась в путь. Велма показала на дорогу с южной стороны. Проехав по ней, Марк наткнулся на двухэтажный дом, который твердо стоял в гордом одиночестве.

– Вот и приехали. – Сказала девушка, быстро кинула взгляд на писателя, затем на свои ноги, виднелась робкая улыбка.

– Значит, завтра в восемь у магазина?

– Да, в восемь. Еще раз спасибо. – Велма быстро дотянулась до щеки Марка и крепко поцеловала его, одарив тёплым дыханием.

Затем без промедлений ретировалась в дом. Вернуться домой писателю не составило особого труда. Мужчина с ходу запоминал местность. Проблем с географией у него не было, да и склероз еще не добрался до его священного и хранящего много информации, мозга. Через чуть больше четверти часа Марк был в теплом доме. Пакет с покупками он поставил рядом с диваном на первом этаже. Начинать сегодня рисовать уже не хотелось. Сонное состояние не давало активной деятельности проявить себя, поэтому Марк решил перенести творчество на завтра, а пока можно было перекусить полуфабрикатами, выбить баночку газировки, и, не принимая душа, отправиться на боковую. Так мужчина и поступил. Завтра должно стать лучше, чем вчера, если лень не возьмёт верх, а такой вариант не исключался.

В пригороде, подальше от людской суеты, бесконечного потока машин, чувствовалось умиротворенное состояние. Хотелось просто лежать на траве, смотря в небо и получать истинное удовольствие от тишины. Тут складывается парадоксальная ситуация. Идет как бы борьба между двумя раскладами событий, которые оба желанные. Думая об этом, Марк начал проваливаться в паутину, но не снов, а паутину черноты, пустой и мертвой. Еще через мгновение он храпел, повернув голову вправо. Из уголка рта текла слюна.

На следующий день писатель проснулся относительно рано. Еще не было и двенадцати. Мужчина не намерен был валяться до обеда. Почистив зубы и приняв душ, быстро позавтракал. Затем терпение лопнуло и он торопливо начал разбирать вчерашний пакет. Поставив мольберт, а затем, загромоздив на него лист бумаги, писатель задумался. Задуматься было над чем, ведь он не выбрал объект рисования. Не придумав ничего гениального, Марк сел перед зеркалом. Автопортрет оказался выходом и неплохим началом. Как говорится: «всегда надо начинать с себя любимого». Пропорции лица писатель знал, так как раньше серьезно увлекался рисованием. Начертив овал, он взялся за глаза, рот, уши, нос. Когда все составляющие лица были нарисованы, герой взялся за штриховку и прорисовку мелких деталей. Он полностью погрузился в процесс, вспоминая былое. Выходило хорошо, хоть и неуверенность чувствовалась. Через два часа Марк уже оценивал свои труды, долго всматриваясь вначале в се-

бя, а затем в карандашного Марка. Получилось на твердую четверку. Хоть и левый глаз был немного больше и кривее. Настроение немного поднялось. Отложив листок, Марк перекусил и, поднявшись наверх, сел за рабочее место. В голове появились кое-какие соображения. На очередной странице материализовалось пару предложений. Через пять минут еще пару. Через час уже было исписано три страницы. Дело сдвинулось с мертвой точки. Текст был чистым, гладким и приятным на слух. Марк был доволен результатом. Внезапно лень постучала и попросилась к мужчине в гости. Марк оказался настоящим джентльменом и пустил лень к себе, накормив её двухчасовым сном на мягком диване. Нужно было собираться к Велме. Приняв душ и почистив зубы, герой одел чистую футболку с изображением Мерлин Монро, синие узкие джинсы, сверху накинул джинсовую куртку. Он был готов. Ровно в двадцать часов ноль-ноль минут мужчина подъехал к магазину. Через минуту из двери показалась знакомая физиономия.

– Привет. Как твоё ничего? – Девушка явно была навеселе, хоть и в глазах читалась усталость.

– Привет. Все хорошо, даже очень. Не будем терять времени. Где находится ваш местный бар?

– Поезжай по шоссе, затем, не сворачивая проедешь перекресток и до магазина «У ОХОТНИКА». От него надо будет проехать одну милю, там будет автомастерская. А уже оттуда свернем в лес и окажется бар «УОЛЛИ». – Закончив просве-

щать мужчину, Велма мило улыбнулась. У неё чертовски хорошо получалось это делать. Очки придавали девушке обаятельности.

– Будет сделано. – Не тратя времени, Марк поехал по заданному маршруту. Дорога ему была до боли понятна. – Как работалось сегодня?

– Да обычно, знаешь ли, ничего особенного. Работа как работа. Я не особо люблю её, но прибыль она приносит и ладно.

– Ты не думала нанять продавца, а самой заниматься своими делами?

– Я и так занимаюсь своими делами, времени мне хватает. Если у меня будет больше свободного времени, то я просто сойду с ума. Я очень тихая девушка. Особо нет друзей, только хорошие знакомые. Парней было раз, два и обчелся. Так что работать на кассе – это для меня. А тебе самому тут не скучно? Ты что-нибудь сейчас пишешь?

– Мне? Нет конечно! Я могу целыми днями просто спать. Да, работаю над кое-чем, надеюсь, что закончу его ближе к лету. По крайней мере, постараюсь.

– Понятно. А почему ты пропал с экранов? Раньше про тебя много где говорили, а сейчас и намека нет. Только в газете писали, про то, что ты девушку потерял. Сочувствую, кстати.

– Спасибо. Я слишком ленив, чтобы посещать всякие светские вечеринки или ходить на фестивали. Залег на дно,

так сказать. На время. Но скоро восстану, может быть. Просто нужно время.

– Сильно тоскуешь по ней? Извини, если тебе больно об этом говорить. Если хочешь, можешь не отвечать.

– Все нормально. Да, тоскую... но как-то уже отдалённо, что ли...

Повисла пауза. Машина пронеслась мимо магазина Агны. Оставалась еще миля. Через две с половиной минуты показалась постройка, она и была автомастерской. Девушка показала пальцем налево. Фары машины осветили въезд в лес, на земле виднелись катетеры других машин. Землю покрывал грязный снег. Проехав по земляной дороге с минуту, машина наткнулась и на сам бар. Постройку окружали непроглядные деревья. Было много места и для парковки автомобилей. Перед входом стояло три местных джипа. Само здание было деревянным, изнутри доносились звуки музыки. Сверху, за счет красных диодов, горела вывеска: «УОЛЛИ». Припарковавшись, Марк и подружка направились к входу. Зайдя внутрь, писатель увидел приличный сгусток народа, их было намного больше, чем машин. Значит, часть пришла покуролесить пешком. Явно тут не приветствовалось вождение в пьяном виде. Барная стойка находилась в самом дальнем левом углу. Она была относительно свободна (из восьми стульев, свободных пока что было три). Народ по группам (по четыре человека) сидели за столами, распивая в основном разливное пиво. Столы были деревянными, а вот сту-

лья все же железными с мягкой обивкой. Писатель с Велмой направились к барной стойке. Оба смекнули, что места могут в ближайшее время занять, стоит поторопиться. Парочка успела занять места. Завидев новых гостей, бармен неторопливо подкатил к ним. Барменом оказался низкого роста, но очень крепкого телосложения. Волосы с бородкой рыжие отдавали коренным ирландцем. На правом плече виднелась часть татуировки, основной же рисунок скрывал рукав белой футболки, на которой были непонятные надписи.

– Добрый вечер, господа. Что будем пить? – Глаза бармена то смотрели на Марка, то на его спутницу.

– Мне, пожалуйста, кружку вашего фирменного пива. – Заказал писатель.

– Мне также. – Подхватила Велма.

– Будет сделано. – В ту же секунду у рыжего оказались в руках два больших стакана. Затем поочередно они были наполнены темной жидкостью. После этого два стакана с холодным пивом стояли перед гостями. Еще через мгновение показалось блюдо, наполненное доверху чипсами. – Прошу, ваш заказ. Вас, мужчина я вижу первый раз, поэтому сразу говорю, чек оплачивается перед уходом.

– Хорошо, благодарю.

– Зовите меня Уолли.

– Приятно, меня Марк. – Ответил писатель с улыбкой.

Бармен ушел в другой конец, принимая заказ какого-то пожилого мужчины, возле которого стояло уже три осушен-

ных бокала.

– Какой гостеприимный. – Сказал Марк, обращаясь к спутнице.

– Да, он такой. И Уолли – это не его имя, прозвище. Как ты уже мог догадаться, прозвище он взял такое в честь названия бара. Он что-то вроде талисмана заведения.

– Интригующе. – Сделав три больших глотка, мужчина закусил большой чипсиной. – И часто ты тут тусуешься?

– Да нет. В основном по вечерам пятницы. Хожу с одной единственной подругой. Немного выпиваем, затем откажем двум или трем парням в знакомстве и едем по домам. Ничего интересного, в общем. Ну как тебе тут у нас, в Далвиче?

– Хорошо, осваиваюсь потихоньку. Народ доброжелательный, свежий воздух, нет пробок. В общем, одни плюсы. Единственный минус – зима. Не люблю я эти три холодных и скучных месяца. С нетерпением жду весны и лета. – Закончив говорить, герой сделал еще три больших глотка, тем самым осушив стакан более чем наполовину.

– У меня та же история. Терпеть не могу зиму. Столько одежды приходится одевать, просто ужас!

Велма пила своё пиво очень медленно. Когда она допивала свой первый стакан, то Марк уже допивал третий и был достаточно поддатым. Парочка болтала о детстве, несправедливости жизни, об искусстве и о глупости моды. Было сразу понятно, что они нашли общий язык. Они нравились друг другу, но было бы глупо называть это влюбленностью.

Последним заказом писателя стала рюмка водки. После нее он понял, что ему достаточно. Девушка же ограничилась слабоалкогольным коктейлем. Пора было закругляться. Расплатившись, Марк с Велмой вышли обнимаясь. Писателя немного шатало, но он еще трезво мыслил. Подойдя к машине, он понял, что не сможет вести. Тогда девушка взяла ситуацию в свои руки. Под словом ситуация имелся в виду руль. Мужчина объяснил Велме дорогу к его дому, тут близко, рукой подать. Машина тронулась в путь. Чувствовалось некое напряжение или... возбуждение? Ни Марк, ни Велма не разделяли этих два слова на два разных понятия. В каком-то смысле они были синонимами. В скором времени машина подъехала к двухэтажному коттеджу писателя.

– Вот мы и приехали. – Сказала девушка, все так же мило улыбаясь.

– Спасибо за отличный вечер. – Пьяненький Марк смотрел Велме прямо в глаза.

– Да что ты, это тебе спасибо. – Ответила девушка, посмотрев на писателя. Их взгляды пересеклись. Тишина продлилась еще три секунды.

– Может, зайдешь на чай? Не бойся, я не маньяк, не обижу.

– Хм, ну раз ты не маньяк, то почему бы и нет? – Поправляя локон своих волос, ответила девушка.

– Только машину надо в гараже припарковать.

– Да без проблем.

Через шестьдесят секунд машина стояла в загоне. Парочка прошла внутрь дома. Велма с огромным любопытством рассматривала каждый сантиметр помещения. Взгляд остановился на портрете, нарисованном Марком несколько часов назад.

– Здорово! Еще немножко с тенями поработать и будет просто отлично.

– Спасибо, но вряд ли. Я еще не разрисовался.

– Да нет, правда отлично. Знаешь что?

– Что?

– Ты пригласил меня на чай, так?

– Так.

– И где же он? – Девушка широко улыбнулась.

– Извини, я совсем забыл. Сейчас сделаю. – С не менее искренней улыбкой ответил Марк.

Пошатываясь, Марк ретировался на кухню, набрал воду в чайник. Пока вода закипала, он достал две кружки, положил в каждую по пакетик у заварки. Через минуту вода закипела, автоматическая кнопка удовлетворенно щелкнула. Правая рука писателя разлила кипяток по кружкам. Вдруг, чья-то рука схватила Марка за его хозяйство, другая рука вцепилась ему в грудь. Развернувшись, он увидел обнаженную Велму, которая с глазами хищницы смотрела на него.

– Извини, но я не могу больше сдерживать себя, я хочу тебя. – Сказала девушка, облизывая свои сладкие губы.

– Ну так не сдерживай... – Неожиданно для самого се-

бя сказал Марк. То ли за него говорил алкоголь, то ли он уже давно не имел близости. А может и то и другое сговорились между собой и одним большим комом решили свергнуть здравый рассудок.

Девушка ловким движением начала срывать одежду с Марка, между делом страстно целуя его в губы, проникая языком в рот. Губы действительно оказались чертовски сладкими и вкусными. Велма, с виду такая скромная и вообще, просто ангел, вытворяла такое, что Марку и не снилось. Он поз-то таких не знал. Как говорится: «в тихом омуте – черти водятся». Ночка выдалась бурной.

Последующие дни и недели проходили в одном ритме. Герой рисовал, пил в баре, немного писал и спал с Велмой. Зимние праздники писатель провел в гордом одиночестве с бутылкой текилы. Два раза в неделю заезжал «У ОХОТНИКА», пополняя запасы и попивая фирменный кофе, узнавая от хозяйки последние новости. Так и прошли три холодных месяца зимы...

14

Ближе к концу февраля снега почти не было, только льдом были покрыты дороги. Из-за такого расклада уже вначале марта почувствовалась настоящая весна без единого намека на мороз. В воздухе летал холодный ветер, а солнце светило ярко. Люди перешли от теплых пуховиков на свитера, балахоны, всевозможные кофты или же на кожаные куртки. Кто

во что горазд.

Шел десятый день марта. Очередное утро было озарено ярким солнцем. В дом писателя просочились ехидные лучи, которые задумали разбудить мужчину. Пробрались они через окна и направлялись уже было, к дивану, но не тут-то было. Лучи осветили пустой диван. В коттедже была полная тишина, ни одной души. Зато у озера, которое находилось в двухстах метрах от дома, гремел молоток. Марк чинил старую лодку. Точнее, её починкой он уже занимался неделю и сегодня, именно сегодня, он планировал опробовать её на деле и заодно порыбачить. Писатель сильно оброс бородой. Сверху была одета привычная кожаная куртка. Писатель чем-то напоминал рекламного дровосека. Теперь он отлично вписывался в местные стандарты и за зиму отлично освоился. Подружки у него больше не было. За неделю до начала марта, Велма решила расстаться с Марком, мотивируя это тем, что ей надоел просто секс, что ей нужна любовь, а писатель не чувствовал к ней этих чувств. И даже не пытался врать, честно признавшись, что она ему просто нравится и из этих отношений ничего толкового не выйдет. Расстались они без лишних слёз и обид, оставшись хорошими знакомыми. В кармане послышался сигнал будильника, установленного на телефоне. Он напоминал о том, что писателю пора было позавтракать. В гараже, вместо легковушки, красовался новенький джип серого цвета. Писатель не был в восторге, но на такой малышке было удобно ездить по местным дорогам.

Сев за руль, писатель поехал в «У ОХОТНИКА». Мягкое и послушное вождение всегда вызывало улыбку, если даже губы не всегда формировались в полумесяц, то в душе про- скальзывал лучик радости. Меньше, чем через десять минут, Марк уже входил в помещение. Завидев своего постоянного клиента, Агна торопливо поставила чашку с тарелкой возле свободного места. Затем, сделав разворот на девяносто гра- дусов, взяла только что сделанный бутерброд и какую-то ём- кость, в которой был заварен чудесный кофе. Развернувшись обратно, хозяйка быстро распределила завтрак по ёмкостям. За это время писатель успел подойти к стойке и усесться.

– Добрый день, Агна.

– Привет, дорогой. Как ты? Чем порадуешь? – Женщина была как всегда добра и мила.

– Да хорошо всё. Сами как? Хотя по улыбки вижу, что все хорошо. Да вот лодку дочинил, скоро опробую. – Марк уже всюю поглощал пищу, нос улавливал тонкий запах свежего кофе.

– Да, я пребываю в отличном настроении. Угнетающая зи- ма прошла, теперь солнышко, теплый воздух. Природа вы- ходит из спячки. Будь осторожней, Марк, не плавай пьяным. Был тут случай один, года четыре назад, один рыбак напил- ся и решил порыбачить вечером, тело нашли на следующее утро.

– Хорошо, буду осторожным. – Улыбнулся писатель, до-

жёвывая бутерброд. Запил его последним глотком кофе. – Спасибо Агна, как всегда очень вкусно, мне пора бежать. – Достав кошелек, расплатился за завтрак, оставив хорошие чаевые.

– На здоровье, дорогой. Счастливо...

Сев в машину, Марк поехал обратно домой. В гараже его уже ждали удочка, снасти и, накопанные заранее, червяки. Взяв все нужное оборудование, мужчина пошел на озеро через уже привычную для него тропу. Двести метров Марк прошел не торопясь, свежий запах окружающих его деревьев давал некое наслаждение и умиротворение. Погрузив удочку со всеми прилегающими к ней предметами в лодку, писатель закурил. Сделав последний затяг, мужчина уперся руками в заднюю часть лодки и несколькими рывками смог опустить судно в воду, затем запрыгнул в него сам. Марк всего два раза в жизни плавал на лодках и то, всегда был пассажиром. А тут он, Марк Фаст, сам себе хозяин, капитан лодки. Может плыть куда захочет. Писатель испытывал нереальное чувство эйфории. Его переполняли эмоции. Идиллию мужчины нарушила сама же лодка на пару с водой. На небольшой волне, судно резко пошатнулось. Мужчина потерял равновесие и чуть ли не выпал за борт. Благо он сидел не на самом краю.

Размотав леску, писатель прикрепил одну из насадок, насадив на неё червя. К этому времени лодка уже отплыла достаточно на хорошее расстояние от берега. Можно было забрасывать. Марк пристально наблюдал за поплавком, насла-

ждаясь тишиной и свежим воздухом. Так прошло десять минут. Тут неожиданно поплавок начал нырять и выныривать, как человек, который заплыл слишком далеко и понял, что не умеет так хорошо плавать. Единственным различием было только в том, что человек являлся утопающим, а поплавок говорил о пойманной добычи. Писатель резко перевел удочку в угол девяноста градусов. На крючке показалось маленькое тельце рыбки, которое нервно извивалось, пытаясь выбраться из человеческой западни. Марк снял рыбешку с крючка и бросил её в заготовленное ведро. На крючке появился новый червяк и удочка была заброшена уже дальше. Начался новый цикл ожидания. Уже через семь минут показалась рыбешка покрупнее, она также была отправлена в ведро. Рыболовство продолжалось около пяти часов подряд. Марк и не заметил, как пронеслось время. Он получал истинное удовольствие от рыбалки. В такой атмосфере отлично думалось. В какой-то момент герой почувствовал чертовскую усталость. Собрав инвентарь, он взял весла и поплыл к берегу. Через пятнадцать минут писатель уже был дома. Рыба была поставлена возле мойки, снасти и прочий реквизит оставлены на своём законном месте в гараже. Поймал писатель не так много, но на большую кастрюлю ухи хватило. Рецепт приготовления Марк прочитал в интернете. Пока блюдо остывало, мужчина принял душ, затем плотно пообедал. Хоть писателя сильно и разморило после долгой рыбалки, он все же сел за ноутбук и продолжил писать. Работа находи-

лась на финальном рубеже. Самое сложное и важное – это финал. Над ним герой работал крайне детально, исправляя один абзац сотни раз.

Просидев перед включенным монитором до двух часов ночи, Марк отправился спать. Пятница выдалась насыщенной, но в субботу, то есть завтра, было гораздо серьезнее событие. Завтра Марк собирался дописать работу, поставив финальную точку. Эта книга должна была вывести его на вершину литературной карьеры. Марк, словно блудный сын, вернулся бы в строй знаменитостей, о нем опять начали бы говорить на каждом шагу. Этот день был близок. Мужчина считал это произведение очень важным в его карьере, в него было вложено очень много души и мастерства. Закрыв ноутбук, Марк спустился на первый этаж, где моментально за-снул на диване...

Следующий день наступил для Марка в двенадцать часов дня. Не успев полностью открыть глаза и проснуться, мужчина ринулся на второй этаж работать. Включив ноутбук, писатель моментально начал писать. Финальных строчек оказалось больше, чем Марк поначалу планировал. И вместо трех часов рабы и десяти страниц, вышло на семь часов и двадцать пять страниц.

К девятнадцати часам вечера была поставлена финальная точка. Эта точка... эта незаменимая, самая главная и прекрасная точка далась огромным трудом и терпением! Встав со стула, писатель хотел пуститься в пляс и кричать что-ни-

будь дикое и непонятное, хотел перевернуть всё вверх дном, послать всех к черту, но вместо этого мужчина рухнул, ноги не стали просто-напросто его слушаться. Хозяин этих самых ног и не заметил, как его «ходули» онемели из-за такого долгого пребывания в зажатом положении. Не став подниматься, мужчина смотрел в потолок и смеялся, его широкая улыбка вот-вот разорвала бы ему рот. Представление продолжалось недолго. Вскоре писатель поднялся, разминая руками онемевшие ноги. Сохранив своё творение, он скинул файл на флэшку. Марк чувствовал, что сегодня он напьется до беспамятства. Но прежде, чем расслабляться, нужно было скинуть работу своему агенту или, по крайней мере, сказать о готовности рукописи.

Открыв почту, он выбрал «написать новое письмо». Добавил адрес получателя. В письме написал всего девять слов: «А ты уже и не надеялся, сукин сын?» Затем прикрепил нужный файл. Лево́й кнопко́й мыши нажал «отправить». Ну, вот и все, гуляем! Одевшись на скорую руку, писатель торопливо сел за руль своего внедорожника. На улице уже вечерело, солнце садилось, но на улице еще было достаточно светло. Марк с ветерком доехал до бара «УОЛЛИ». Внутри уже было достаточно народа, чтобы смешаться в общей массе. Успел Марк только сесть за стойку, как Уолли уже встречал его:

– Добрый вечер, Марк. Как поживаешь? – Бармен с любовью протирал пивной стакан.

– Привет старина. Все просто супер, лучше не бывает. Дописал вот произведение. Даже не верится.

– Мои поздравления. Первые две кружки пива бесплатно, за счет заведения.

– Сам-то как?

– Как и всегда, типичная барменская жизнь. Так что будешь заказывать?

– Пожалуй начну сразу с двух бесплатных кружек пива.

Уолли ловким движением наполнил сразу две кружки ядреного пива, поставил перед писателем, пена соблазнительно стекала по наружной части.

– Пожалуйста, две кружки лучшего и, самое главное, халвяного пива. – Пропел рыжий. – Как понадоблюсь, ты знаешь, что делать.

– Моё почтение.

Низкорослый бармен ушел в другой конец стойки к новым клиентам. Марк же взял первую кружку и начал жадно осушать её, не делая перерывов. Через восемь секунд непрерывного поглощения, пустая кружка с грохотом опустилась на стойку. Слева донесся голос незнакомца:

– Недурно.

Марк повернул голову, пребывая еще в пивной эйфории. Пред его взглядом предстал высокий и достаточно крупный мужчина, одним словом, шкаф. Мужчина средних лет, навскидку можно дать сорок пять лет. Ростом был не менее ста девяноста сантиметров. Его потрепанное лицо покрыва-

ла седоватая щетина. Из одежды ничего приметного не было, обычные классические джинсы темно-синего цвета, которые сочетались с черной blankовой футболкой. В глазах не читалось глупости.

– Ничего сверхъестественного, тут каждый так сможет. Точнее, тут каждый так пьёт. – Ответил писатель, исследуя своего нового собеседника.

– Ну не скажите. Я Джеффри. Джеффри Джемисон. – Мужчина протянул руку.

– Марк. – Без особого энтузиазма парировал Марк.

– Марк, Марк... Я тебя раньше не видел. Откуда будешь? – Договорив, Джеффри подозвал бармена, заказав себе кружку такого же пива, что пил писатель.

– Из Лондона. Переехал насовсем.

– Я часто езжу в Лондон, это моя работа, мой хлеб. – Взяв только что наполненную кружку пива, мужчина сделал три больших глотка.

– Таксист?

– Нет. Я водитель-грузчик в местной мебельной компании. Развожу столы и стулья по домам и офисам, откуда заказ придёт. Ну а ты чем живешь?

– Писатель.

– Отличная профессия, по крайней мере, платят больше, чем обычным чернорабочим.

Оба мужчины допили своё пиво, заказали еще по одной, разговор набирал обороты.

– Значит, писатель... – Повторил Джеффри, делая все новые и новые глотки хмельного напитка. – Какими судьбами в Далвич перебрался? Захотелось природы и свежего воздуха или проблемы заставили переехать?

– Ну, я бы сказал так: решил начать жизнь с чистого листа после того дерьма, что пришлось пережить.

– Понятно, не будем о грустном. Сегодня суббота, выходной. Не стоит грузиться. Лучше поговорим о приятном. Ты тут нашел чем заниматься в свободное время? Ну, что-то вроде хобби.

– Вроде как да. Лодку вот починил вчера, рыбачил.

– Хорошо. А охота? Охоту любишь?

– Даже не знаю, не пробовал никогда.

– Понятно, городской. – Мужчина-шкаф широко улыбнулся. – А я люблю охоту, как свободное время появляется, так сразу за ружье берусь. Могу без скромности сказать, что я довольно-таки неплохой охотник.

– ...

Джеффри Джеемисон сразу понравился Марку. Этот здоровяк внушал доверие и спокойствие. С ним можно было просто говорить о простых вещах и ни о чем не думать. Марк позвал Уолли:

– Две двойные порции для меня и моего нового знакомого Джеффри. – Писатель был уже прилично пьян, но его разум считал, что веселье только начинается.

Через треть минуты перед мужчинами стояла водка. Взяв

свою рюмку, Марк начал говорить тост:

– Выпьем за знакомство.

– Выпьем! – Поддержал его здоровяк.

Мужчины одновременно осушили сосуды. Закусывать не стали. После первой рюмки последовала вторая, третья. Время неминуемо бежало свою короткую дистанцию. И вот к четвёрём утра, когда уже все разошлись, Марк допивал последнюю рюмку, которая добила его окончательно и бесповоротно. Он уже почти не мог говорить, пить тем более. Джеффри, напротив, был даже очень ничего. Возможно, его глаза немного расходились, а веки медленно поднимались и опускались, но все же он еще держался. Писатель с трудом достал кошелек и расплатился с барменом, дав на чаевые огромные деньги.

– Джефи, дужища! Мн пра! Что-т й припзднлся. – После своей речи, писатель икнул, и в следующую же секунду громко рыгнул.

– Да, да... Мне тоже. Рад был, ага.

– Ещ прсечмся к-нибудь. – Криво пожав руку новому знакомому и помахав Уолли, писатель направился к выходу. Его шатало не хуже корабля во время шторма, было чудом, что он еще не рухнул и не пошел «на дно» в собственной рвоте.

С трудом справившись с дверью, мужчина направился к машине, на улице еще было темно, но рассвет был близок. Дошатавшись до двери, ужасно неловким движением Марк достал ключи, попасть ими в замок он, конечно же, не смог.

Поборовшись так еще с секунд десять, рухнул возле собственного джипа. Ключи оставались сжатыми в правой руке. Писатель уже смирился с тем, что уснёт прямо здесь, но неожиданно послышался знакомый голос:

– Тебе походу не помешает помощь, дружище. – Джефффри уже поднимал Марка на ноги.

Взяв ключи из рук, он открыл двери, закинул писателя на задние сидушки, сам же сел за руль. Двигатель заревел.

– Марк, мне нужна твоя помощь. Скажи, где ты живешь?

Писатель что-то промычал, сам не понимая, что пытается сказать. На третий раз ему удалось объяснить местоположение дома. Машина тронулась с места. Ехал Джефффри небыстро, так как сам был не огурчик. Доехали они за неизвестное количество минут. Аккуратно припарковавшись в гараже, шкаф достал Марка из машины и взгромоздил его обмякшее тело у себя на левом плече. Пройдя в дом, положил писателя на диван, укрыл его. Положив ключи на стол, удалился. Писатель спал безумно крепким и похмельным сном.

Наступивший день стал для Марка самым жутким и тяжелым за последние месяцы. По крайней мере, в этот момент ему так казалось. Вместо глаз показались две маленькие щелочки. Рассудок еще не успел прийти в себя, как с уст послышался сдавленный стон. Лицо писателя напоминало уку-

шенное пчелой лицо аллергика, которое раздулось так, что черты потеряли свою форму. Все тело было скованно болью, такое чувство возникает, когда юный парень приходит первый раз в спортзал, тягает все агрегаты на предельном весе, а на следующее утро не может встать. Когда же голова согласилась хоть немного соображать, Марк попытался встать, но через мгновение отказался от этой затеи. Внутри шёл диалог самим с собой: «о боже, как же мне хреново. Я в аду? Что вчера было? Что сегодня?»

С каждой секундой сознание Марка возвращалось в норму. Теперь он уже знал, что лежит у себя дома и что вчера он сильно напился. Он помнил, как дописал произведение, затем поехал в бар. Затем подсел мужчина и они вроде разговаривали и начали вместе пить, а дальше... А дальше писатель не помнил, как и не помнил имени своего нового знакомого. Благо, каким-то чудом он оказался дома, да еще и на своём диване. Пока что это оставалось тайной. Думая об этом, мужчина совсем не замечал похмелья, но теперь, спустя пару мгновений, головная боль обрушилась огромной волной, которая быстро набирала обороты. Чувствительность стала запредельной и, схватившись руками за голову, он сразу же отпрянул руки от нее из-за жуткой боли. Во рту царствовала засуха, из-за которой горло раздирали иглами. Парадоксальная ситуация, однако. И встать было практически невозможно, и горло с головой требовали срочного опохмеления. Нужно было немедленно выбирать. Недолго думая, Марк сделал

свой непростой выбор. Собрав остатки сил в кулак, он резко подался вперед, напрягая остатки пресса. И вот писатель уже сидел на диване корча ртом гримасы боли. Лоб наморщился. Затем развернулся пятой точкой на девяносто градусов, ноги очутились на полу. Боль в спине усилилась, мышцы ног не отставали и тоже давали о себе знать. «Еще пару усилий» – молил писатель, пытаясь встать с дивана и ему это удалось. Неторопливым шагом, кряхтя как старый дед, Марк добрался до холодильника, откуда была взята банка холодного пива. Открыв банку, пострадавший сделал три больших глотка. В это же мгновение почувствовалось улучшение. Нельзя сказать, что Марку стало сразу хорошо, нет. Но, по крайней мере, сильная волна боли притупилась. Пройдя с банкой пива на диван, писатель снова улегся. Последующие два часа он провёл в лежачем положении. Когда банка заканчивалась, Марк поднялся за новой. К половине седьмому его полностью отпустило. Черты лица снова просматривались, лицо-подушка ушла в прошлое. Головная боль с досадой погрузилась в спячку до следующего загула. Встав со своей ложи, писатель прошел на второй этаж, зашел в ванную умыться. Человеческий облик более-менее был восстановлен. Вернувшись опять на первый этаж, герой увидел пульсирующую кнопку автоответчика. Он догадывался, кто ему звонил, оставив голосовое сообщение. И писатель даже догадывался, что он услышит. Оставив свои догадки при себе, Марк подошел к прибору и нажал кнопку прослуши-

вания. Послышался гулкий двухсекундный сигнал, затем из громкоговорителя начал говорить знакомый мужской голос:

– Привет, чертов сукин сын! Я всю ночь и всё гребанное утро читал новый шедевр. Это потрясающе! Критики описаются кипятком! Я уже отдал материал в издательство. Кстати, я даже догадываюсь, почему ты не взял трубку, ублюдок, как протрезвеешь, позвони мне. Возможно, к этому времени я подготовлю все бумаги, и нужно будет, чтобы ты приехал для заключения контракта. Ещё я договорился с одним журналом, что ты дашь интервью им, типа эксклюзивное, они хорошо заплатят. В общем, позвонишь.

Агент Марка мог позволить себе так разговаривать с писателем. Они являлись старыми знакомыми и давно сотрудничали. Так что деловой тон был далеко позади. Это сообщение очень порадовало Марка. «Вот я и вернулся» – пролетела мысль низко над головой. «Отличное представление, изумлённая публика, аплодисменты, поклон, занавес, эйфория». Писатель решил сразу не звонить, в животе было пусто, самое время было наведаться в магазин Агны. Одевшись, писатель сел за руль своей новой лошадки, она покорно завелась и была готова выехать в путь. Поехал Марк с ветерком, не обращая внимания, что он мчится под сто километров. Все обошлось, ни один столб и овраг не познакомились с машиной. Лошадка остановилась перед самым входом «У ОХОТНИКА». Поздоровавшись с Агной, её сыном-кассиром и вечно торчащими за стойкой братьями Мак-

доналдами, писатель взял корзинку и пошел затариваться полуфабрикатами и прочей съедобной всячиной. Дойдя до молочного отдела, где Марк хотел взять пачку кефира, наткнулся на громадную физиономию. Не успел писатель попросить громадного мужчину подвинуться, как шкаф повернулся лицом. Завидев героя, мужчина широко улыбнулся. Память Марка сразу же дала секундную картинку бара и этого мужчину. «Это же тот здоровяк!» – воскликнул про себя писатель. Неожиданная встреча могла решить очень много вопросов.

– Добрый вечер, старина Марк. Как себя чувствуешь? – В отличие от писателя, Джеффри отлично помнил прошлую ночь.

– Добрый вечер... – Мужчина не мог вспомнить, как зовут его знакомого, все его извилины напряглись до предела, и с секунды на секунду голова могла лопнуть, испачкав мозгами вокруг себя все живое и неживое. Так казалось Марку. Ему было неловко перед здоровяком.

– Джеффри. – С улыбкой сказал тот. – Меня зовут Джеффри, ха, ну ты и напился вчера!

– Точно, Джеффри. Как я мог забыть?
– Ничего страшного, после такой пьянки хорошо хоть своё имя вспомнить и то, будет достижением. Долго отходил?

– Да, прилично. Ты позволишь? – Марк показал жестом, что ему нужно пройти к морозильнику, где лежали молочные продукты.

– Да, конечно, не вопрос. – Шкаф отошел на шаг в сторону, но этого шага хватило бы, что бы у морозильника поместилось сразу два человека.

– Спасибо. – Писатель прошел к заветному месту и начал выбирать себе кефир с пятипроцентной жирностью и главное, чтобы он был свежим. – А ты сам то как? Похмелье сильно мучило?

– Да нет, не особо. Хотя наутро я тоже не чувствовал себя огурцом.

– Понятно. Слушай, Джеффри... А ты не помнишь, как я добрался до дома? Для меня это, если честно, до сих пор загадка. – Наконец выбрав нужную упаковку, Марк посмотрел на собеседника. Тот улыбнулся.

– Конечно помню, ты хотел сесть за руль, но свалился рядом в грязь. Я затащил тебя на заднее сиденье, а сам сел за руль и довез на твоей же машине до дома, кое-как допросил тебя, где живешь. Затем припарковался в гараже, вытащил тебя и донес до дивана. Затем сам аккуратно пошел пешочком, я недалеко живу от тебя.

– Понятно. – На лице Марка появилась улыбка, всё сказанное Джеффри показалось ему забавным. – Спасибо большое, что не бросил.

– Да не за что, друзей не бросают. – С добротой сказал великан, широко улыбаясь.

Мужчины двинулись на кассу, так как купили всё, что им нужно. Первый расплатился Марк. Джеффри не заставил се-

бя долго ждать и уже через пару минут оба выходили из магазина.

– Ты на машине?

– Нет, пешком, моя старушка уже как с неделю в ремонте.

– Так давай я тебя доброшу.

– Спасибо, не откажусь. – Широко улыбаясь, ответил здоровяк.

Через минуту машина уже мчалась по дороге.

– Отличная погода, для охоты самое то. – Сказал Джефффри, смотря в сторону лесов.

– Я в этом не разбираюсь, но погода действительно хорошая. Даже не столько для охоты, а просто, для души.

– Это да. Слушай, а всё же поохотиться не хочешь? Допустим, с утра в среду. Тебе ничего не надо будет покупать, ружье для тебя я найду. Что скажешь?

– Даже не знаю. – Начал ломаться Марк, думая над предложением.

– Соглашайся! Если повезет, в чем я не сомневаюсь, то к вечеру будешь готовить оленину. А, ну что?! – Энтузиазма было хоть отбавляй.

– Хорошо, договорились. – С широченной улыбкой уговорился Марк.

– К восьми утра у моего дома, идёт?

– Идёт.

С этими словами машина как раз подъехала к дому Джефффри, остановилась. Великан пожал руку и удалился. Марк

поехал дальше, через четыре минуты он уже парковал машину. Зайдя на кухню, забросил пакет с едой. Прежде, чем начать жадно есть, так как он ужасно проголодался, мужчина разделся и полежал с полминуты на диване. Затем заварил себе лапшу, разогрел сосиски в микроволновке и с аппетитом поел. «Да, оленина не помешала бы» – подумал он. Присев на излюбленный диван, Марк поставил банку на стол. Только сейчас он понял, что за все время пока здесь живет, он ни разу не убирался. Понятие пришло в тот момент, когда взгляд упал на стол. На дубовой поверхности уже накладывался третий слой пыли. Стало даже как-то противно и тошно, в особенности стыдно за самого себя. Выход нашелся моментально. Марк сразу вспомнил своего лучшего друга Адама. Его приятель жил один и ленью ничем не отличался от многих мужиков, поэтому он позвонил в агентство и нанял домработницу, которая приходила раз в неделю и разгребала за него все дерьмо. «А чем я хуже?» – промелькнула мысль. Не став тянуть резину, писатель залез в интернет и нашел телефон ближайшего агентства. Набрав нужный номер, он стал дожидаться ответа, который не заставил себя ждать. Уже на второй гудок послышался женский голос:

– Здравствуйте. «Чистый дом» готов предоставить вам необходимые услуги. Чего желаете?

«Чтобы было чисто» – Марк сразу вспомнил рекламу какого-то там мистера. Вслух он это, разумеется, не сказал во избежание неловкого момента.

– Здравствуйте. Я хотел бы нанять домработницу, чтобы она приходила по понедельникам и убирала два этажа.

– Одна уборка в неделю будет стоить тридцать пять фунтов. Вас устроит?

– Да, вполне.

– Сейчас мы начнем искать вам подходящую домработницу. В какое время вы хотите, чтобы она приходила?

– После одиннадцати в любое время.

– Хорошо. Мы перезвоним вам через пятнадцать минут.

– Договорились. – С этими словами он положил трубку.

Через секунду телефон бешено затрезвонил. Мужчина вздрогнул от неожиданности. «Они же сказали, что перезвонят через пятнадцать минут». Немного помедлив, он всё-таки нажал на кнопку ответа.

– Слушаю.

Вместо женского тонкого голосочка послышался мужской бас:

– Почему не перезваниваешь? Я, между прочим, уже давно жду твоего звонка.

Это оказался агентом Марка.

– Как раз собирался. Ну так что?

– Во вторник у себя дома жди журналистку из «Open itself».

– Хорошо.

– Договор за тебя я подписал сам, чтобы ты не бегал, как сучка.

– Ладно. Что-то еще? Кстати, чего какой грустный?

– Да весь день голова разламывается, ничего особенного.

В общем, не забудь, во вторник будь хорошим мальчиком, разрекламируй книгу, заинтересуй, как умеешь.

– Я подумаю.

– Дело твоё, но Марк, это шедевр. Я уже вижу, как по твоей книге снимут фильм.

– Спасибо, твоими бы словами. В общем, пойду я, а то мне должны скоро перезвонить на счет домработницы.

– Давай, старичок, не хворай.

С момента, как писатель закончил говорить, прошло десять минут. Зазвонил телефон. На этот раз Марк был сто процентов уверен, что это из «Чистого дома». Взяв трубку, он услышал уже знакомый женский голос:

– Еще раз здравствуйте. Это из «Чистого дома», насчет домработницы.

– Угу.

– Женщину зовут Гретта Моллиган. Очень трудолюбивая и добрая женщина. Так сказать: профессионал своего дела. Будет приходить каждый понедельник после одиннадцати часов. Оплата производится через банковскую карту. Оплата идет сразу за месяц. Вас устраивает?

– Устраивает. Договорились.

Девушка на том конце трубки создала учетную запись клиента (Марка). Проинструктировала на счет оплаты и по поводу прочих деталей, в которые писатель не особо въез-

жал, да и желания не было. Это всего лишь уборка дома, вот и все. Сделав все по инструкции и оплатив сразу за год вперед, Марк попрощался с женщиной. Разговор прервался гудками.

Не став сопротивляться своему желанию вздремнуть, писатель улегся. Сон пришел не сразу. Около четверти часа его еще мучали разные мысли и размышления. Затем, в определенный момент, что-то сломилось, и Марк провалился в любимившуюся темноту.

Шел четырнадцатый час понедельника. Резкий стук в дверь прервал крепкий сон Марка. Мужчина долго и нудно приходил в себя. Стук не утихал, чей-то активный кулак не хотел сдаваться. Наконец писатель понял, что стучат в дверь, и что это не назойливый дятел, который решил полакомиться насекомыми. Взглянув на часы, он понял столь назойливого гостя. Преодолев, за рекордное время расстояние от постели до входной двери, резко открыл её. Перед ним предстала миссис Гретта Моллиган. На её лице не читалось недовольства из-за долгого ожидания, губы ничего не выражали, как и брови. Она сразу окинула оценивающим взглядом Марка, который предстал перед ней в одних трусах и с опухшим от сна лицом.

– Вы еще спали. Извините, что так рано. Просто...

– Это вы меня извините. Моя вина. Я сам сказал, что в любое время после одиннадцати. У меня не сработал будильник. Я так полагаю, вы Гретта?

– Да, Гретта Моллиган.

– О, извините, входите в дом. – Он покорно отошел в сторону, позволяя даме пройти.

Ничего не сказав, Гретта прошла внутрь. Первым делом домработница начала осматривать помещение и составлять план уборки. Она медленно ходила по комнатам, кружа вокруг своей оси, цепляясь взглядом за мебель. Мужчина наблюдал за ней. Затем Моллиган сделала свой вердикт:

– Хорошо обставленный дом.

– Благодарю.

– На уборку будет уходить примерно полтора часа. Хотя я еще не видела второй этаж.

С этими словами женщина поднялась по лестнице, Марк остался на первом этаже. Он торопливо натянул на себя штаны и футболку, которые валялись скомканными возле постели. Через полторы минуты женщина спустилась на первый этаж.

– Я могу приступить?

– Да, конечно. Мне уйти на это время, пока вы работаете?

– Нет, вы мне не будите мешать. Хотя вам придется пару раз пересаживаться. Если устраивает то, пожалуйста.

– Я тогда пойду на второй этаж, поработаю.

– Если не секрет, то кем вы работаете?

– Я писатель.

– Это разве профессия?

– В общем, да, это мой хлеб.

– Хорошо. – Гретта поставила свой чемоданчик на диван и принялась доставать тряпки, перчатки и прочую дребедень.

«Это разве профессия?» – Передразнил её Марк про себя, когда она отвернулась, он скорчил её затылку гримасу. Мужчине она показалась слегка хамкой, хоть и была почтенного возраста. Волосы уже давно были седые, кожа обвисла. Зато фигурой она была стройная и заслуживала уважения. Обычно пожилые люди разбухают как на дрожжах. Кольца на руке не было, странно. Возможно, домработница была вдовой. Не став и дальше пялиться на женщину, писатель пошел на второй этаж, где включил ноутбук и сел смотреть на чистый листок под жужжание пылесоса.

Как и говорила Гретта, уборка заняла около двух часов. После первого часа писателю приходилось покидать второй этаж и перебираться на диван. После второго, женщина собрала в свою сумку реквизит. Она осталась довольна проделанной работой. Ни на одной полке не было ни пылинки, даже воздух стал намного чище.

– Вот и всё. До следующего понедельника, Марк.

– Спасибо. До скорого.

Писатель проводил женщину до двери и, ещё раз поблагодарив, закрыл за ней дверь. Следующую половину дня мужчина провел на озере. Очередной день рыболовства. Только на этот раз рыба решила оставить его в дураках. За полтора часа в ведре не появилось ни одной жертвы. Марк сидел в ожидании улова, не сводя глаз от поплавка. Через полчаса

результат был тем же.

«Чертовы рыбешки. Сегодня вы выиграли битву, но не войну». – С досадой подумал писатель.

Пора было возвращаться в теплый и чистый дом. Неспеша, мужчина доплыл до берега. Пустое ведро оставил в лодке, снасти и удочку забрал с собой, чтобы вернуть вещи на их законное место. Утомительная рыбалка сыграла свою роль. Поужинав, Марк намертво завалился на диван, совсем забыв о завтрашнем интервью...

Утро было похоже на дежавю. Уже второй день подряд мужчина просыпался под стук двери. Вскочив с постели, он ринулся к выходу, но не потому, что он торопился впустить гостью, а потому, что стук (особенно утром) его ужасно раздражал. В распахнутой двери пред ним предстала длинноногая блондинка модельной внешности. Марк не любил на девушках короткую прическу, но на этой особи смотрелось очень гармонично. Взгляд прищуренный, оценивающий. Глаза цвета неба бегали снизу вверх, затем взгляд остановился на лице мужчины. Ресницы длинные, выразительные, но не от природы. Скорее наращенные или же пользуются хорошей тушью. Из правой руки идёт дым, всему виной тонкая сигарета.

– Лорен Вуд, журнал «Open itself». – Девушка взяла в рот сигарету и протянула освободившуюся руку.

– Очень приятно. – Марк протянул руку в ответ.

– Я смотрю, вы меня не ждали.

– Мой агент сказал, что вы придете, но я заспался что-то. Заходите. – Мужчина отошел в сторону, пропуская журнальную листовку в дом.

Лорен потушила сигарету и выбросила окурок в стоявший рядом контейнер. Два голубых глаза начали осматриваться. В отличие от домработницы, девушка не похвалила дом.

– Проходите на кухню. – Предложил Марк.

Писатель начал торопливо одеваться. Затем отправился на кухню следом. Лорен уже уселась за стол и успела достать блокнот и диктофон.

– Кофе будете? – Предложил мужчина, но не из вежливости, а потому, что собирался делать этот чудесный напиток себе. Кнопка чайника была переведена в режим ON, вода потихоньку начала нагреваться.

– Не отказалась бы.

Марк достал из шкафа две чистые кружки, начал засыпать в них молотый кофе, затем добавил сахара.

– Если вы не против Марк, то я хотела бы начать.

– Как вам будет угодно.

– Хочется начать с названия.

– «Сон разума»

– Под каким влиянием вы его написали? Что вас подтолкнуло?

– Первую половину я писал под влиянием алкоголя, безнадёжности, отречения и депрессии. Вторую же под влиянием такого прекрасного места, как Далвич.

– Если не секрет то, о чем будет книга?

Мужчина взял в две руки кружки с готовым кофе, одну поставил перед девушкой, вторую напротив стола.

– Спасибо. – Журналистка сделала глоток и продолжила ждать ответа от героя.

– Это секрет, но могу сказать одно, будет очень интересно и запутанно. В эту работу я вложил не просто душу, но и всепоглощающее безумие.

– Как вы оцениваете коммерческий успех будущей книги и хотели бы, чтобы по ней сняли полнометражный фильм?

– Коммерческий потенциал я оцениваю очень высоко. «Сон разума» стоит того, чтобы его купили и прочитали. Что бы сняли фильм? Конечно, хочу и я рассчитываю на то, что какой-нибудь продюсер заинтересуется, предложив мне жирный контракт.

– На какую публику рассчитано ваше творение?

– Точно на мыслящую.

– Когда произведение появится на книжных прилавках и в каких странах?

– Этого я и сам еще не знаю, спросите моего агента.

– Тираж?

– Неизвестно.

– Хорошо. Теперь мне хотелось бы задать несколько вопросов, которые касаются вашей личной жизни. Вы не будете против? – Содержимое кружки потихоньку пустело.

– Абсолютно не против. У меня нет секретов, спрашивай-

те.

– Хорошо...

– Еще кофе хотите? – Спросил Марк, заметив, что и у него, и у Лорен пустые кружки.

– Если вам несложно. Как вы пережили смерть вашей подруги, Мэри? Извините, если слишком сложный вопрос, можете не отвечать на него.

– Ничего страшного, я ожидал, что такому вопросу будет место. Пережил очень тяжело на самом деле. Я был на грани [ЦЕНЗУРА]. Я разрушал себя алкоголем и [ЦЕНЗУРА]. Если бы не один человек, то меня уже не было. – Тут Марк не лукавил.

– Ваш переезд в пригород связан с этой трагедией?

Марк уже возвращался на своё место за столом, неся в руках кружки, наполненные свежим кофе.

– Спасибо.

– Отчасти. После смерти Мэри мне было тошно находиться в квартире. Финальным же толчком послужил другой фактор. Точнее, их два, не считая смерти моей любимой. Могу назвать только второй. Я понял, что так продолжаться больше не может. Смена места было лучшим моим решением.

– Хорошо. Вы сейчас встречаетесь с кем-нибудь? У вас была сексуальная связь с кем-нибудь после смерти гражданской жены? Извините, за такие бестактные вопросы, не все из них написаны мной.

– Да, встречался, имени называть не буду.

– Чем вы занимаетесь в Далвиче? Помимо, разумеется, своего творчества.

– Рыбачу, отдыхаю и получаю действительно удовольствие от такой жизни. Еще скоро пойду на первую охоту, надеюсь кого-нибудь поймаю.

– Я тоже надеюсь на это и желаю удачи в ваших охотничьих начинаниях. – Впервые за все время Лорен улыбнулась и проявила знак визуального внимания.

– Благодарю.

– Последний вопрос. Он будет касаться уже вашей деятельности. Вы уже начинаете работать над новым произведением?

– Скорее нет, чем да. После того, как я поставил последнюю точку в «Сон разума», я решил дать себе отдых, но через месяц другой уже, думается, начну копать.

– На этом всё, Марк. Спасибо за уделённое время. Что-нибудь хотите сказать напоследок своим читателям?

– Будьте собой, откиньте все жизненные предрассудки глупцов и погружайтесь в свой личный сон разума.

Лорен осталась довольна взятым интервью. Через пять минут она покинула дом писателя, сказав, что интервью с ним выйдет в ближайшем номере в субботу. Только через полчаса мужчина понял, что именно эта женщина заняла в журнале место его Мэри.

Среда. Полвосьмого утра. Не прошло еще и часа, когда солнце показалось на горизонте и осветило пригород своими яркими, но пока негреющими лучами. Крепкий утренний кофе не дал желаемого результата. После него Марк оставался все еще в угрюмом расположении духа. Проснуться окончательно не представлялось возможности, нужно было выдвигаться в путь. Шел мужчина на охоту, поэтому одежду подбирал соответствующую. На ноги были натянуты старые штаны песочного цвета, которые Марк купил года два назад и держал их в гардеробе только потому, что выкидывать было жалко, а затем и вовсе про них забыл, как теперь показало время, не зря. На торс писатель нацепил первую попавшуюся футболку, а поверх нее был надет свитер ручной вязки. Ступни опустили в теплые ботинки. В таких хоть по Аляске ходи, выдержат любые погодные условия. Посмотревшись в зеркало перед выходом, мужчина подметил, что выглядит достаточно глуповато и смешно, но это не имело значения. Один аргумент отбивал все сомнения: «Зато не жалко ползать по сырой земле в такой одежде, да и порвать об острые сучки тоже не представляется трагедией».

Взяв с тумбочки ключи и пачку сигарет, Марк сел за руль и помчался к дому Джеффри. Спокойное пламя приближалось к краю фильтра. Едкий дым прилип к крыше салона. По мере того, как тлела сигарета, путь писателя к дому товарища сокращался. Через пять минут окурок описал дугу, летя

прямоком на асфальт дороги. В двухстах метрах показался знакомый дом. Марк сильнее вдавил педаль газа. Мужчина уже немного оклемался и чувствовал легкое возбуждение от предстоящей охоты.

Джип писателя плавно остановился у дома, где Джеффри уже стоял у своего гаража, проверяя боеспособность оружия.

Выйдя из машины, Марк сунул в рот новую сигарету, закурил.

– Утро доброе. – Начал Джеффри. Усталости и недосыпания не читалось на его лице. Только губы скорчились в улыбке, а взгляд сделался пронзительным.

– И тебе.

– Ружья я уже почистил и проверил. Патронов достаточно. Себе возьму два десятка, тебе все остальное. Заряжать и стрелять умеешь?

– В теории то знаю, но так никогда не стрелял. – Честно признался писатель.

– Не беда, пойдём на сжатый инструктаж.

С этими словами мужчины пошли к гаражу, где и лежал инвентарь. К стене были поставлены два ружья. На одном имелся прицел, на другом же, данного агрегата не имелось.

– Вот это ласточка, – Джеффри показал на ружье с прицелом, – ИЖ26, дядя с России привез, стреляет шестнадцатым калибром. Она будет моей, она моя любимица, мой талисман.

– Отличная штука.

– И не говори. – С нескрываемым удовольствием ответил Джеффри. – А вот эта красotka, – он указал на второе ружье, – ИЖ18, тоже шестнадцатый калибр и как ты мог догадаться, тоже с России. Будет твоей. Не думай, что она чем-то уступает моей ласточке. Она просто чуток потяжелее и без прицела, вот и все.

– Я и не думал ничего такого. Выглядит внушительно.

– Так вот, смотри, берешь вот за эту штуку. – Джеффри взялся за какой-то крючок (или что-то в этом роде) на тыльной стороне ружья. – И тянешь на себя, отстегиваешь магазин. Вставляешь туда патроны и затем резко защелкиваешь обратно.

– Ага. – Марк внимательно следил за манипуляциями.

– Затем передвигаешь затвор и оружие готово к стрельбе. – Передвинув затвор, расположенный с задней стороны ружья, Джеффри перевел взгляд на ученика.

– Понятно.

– Справишься?

– Думаю, что да.

– На, попробуй. – Закончив фразу, он протянул ружье Марку. Тот послушно взял его.

Писатель проделал все манипуляции, которые показал ему товарищ. Получилось проделать все с первого раза, хоть писатель и потратил намного больше времени.

– Очень хорошо. Целиться, я думаю, тебя не надо учить?

– Не надо. Можем выдвигаться.

– Тогда бери своё ружье, коробку с патронами и сумку с необходимыми вещами (Джеффри предусмотрительно всё приготовил) и в путь. Ах да, и еще...

– Что? – Марк уже собирал вещи.

– Ты не против, если мы поедем на моей старушке, а свою четырехколесную подругу ты оставишь здесь?

– Нет, не против. – Без капли возмущения ответил писатель.

– Просто у меня багажник для добычи удобнее и больше, да и дороги ты не знаешь.

– Нет проблем.

На этом разговор исчерпался. Каждый понес то, что ему причиталось. Погрузив вещи в багажник, мужчины сели в машину. Джеффри сел за руль, Марк по правую руку. Мотор с рёвом затарахтел на юг по главной дороге.

Путь занял около четверти часа. Как и всегда, пробок на дорогах не было, даже намек на них. Джеффри сворачивал на тайные извилины, по которым Марку еще не доводилось ездить. Разговор особо не складывался, только водитель рассказывал не очень интересные (по мнению писателя) истории. Наконец, скорость на спидометре начала резко падать. Форд Ф-150 остановился около тропы, которая вела вглубь леса. Данная тропа располагалась в пятидесяти метрах от главной дороги, по которой они держали путь.

– Вот мы и на месте. – Сказал Джеффри. В его взгляде читалась возбужденность. Он не планировал уходить с пусты-

ми руками.

– Марк, перед тем как пойдем на охоту, заряди сразу ружье и поставь на предохранитель.

Писатель мотнул головой и сразу же начал выполнять наставление.

– И еще кое-что. Держись неподалеку от меня, но если вдруг потеряешься, то стреляй в воздух каждую вторую минуту и я тебя найду.

– ...

– Марк, ты меня слышал?

– Да, да. Слышал. Я готов.

– Тогда в путь.

Охотники выдвинулись вглубь леса, где их уже ждала чуткая добыча.

С момента, как мужчины вошли в лес, прошло полчаса. На деревьях шумели белки и всевозможные птицы, зверюшки просились на пулю, но Джеффри запретил стрелять в них.

– Во-первых, далеко не факт, а точнее, я уверен, что ты не попадешь в этих шустрых ублюдков. Во-вторых, нас ждет более крупная добыча, а выстрелами ты ее распугаешь. В-третьих, береги патроны.

Аргументов хватило, чтобы не слушиваться человека, который не первый год в этом деле и знает, что говорит. Марк терпеливо шел за напарником в тишине. Картина предстала в серых тонах, так как растения не успели ещё

проснуться из зимней спячки. Спустя час безрезультатных поисков, было решено устроить перекур. Из сумок показались бутерброды и термос с крепким кофе. После перекуса, мужчины закурили, всматриваясь в местность.

– Не переживай, мы только начали. – Подбодрил Марка напарник. – Я чувствую, что скоро мы наткнемся на большого оленя или еще кого. Главное – терпение и внимательность.

Писатель ничего не сказал, мотнув головой. Потушив правым ботинком окурочек, они двинулись дальше. Через чуть более трети часа, охотникам улыбнулась удача. В ста пятидесяти метрах показался олень, весом не менее семидесяти килограмм. Этот кусок мяса топтался на месте и не подозревал, что его пушистая пятая точка находится в большой опасности. В ту же минуту, примерно в ста метрах южнее, послышался шум в кустах, листья качались вверх-вниз. Возбужденный Марк перевел взгляд на приятеля, тот, в свою очередь, сиял и был готов закричать: «ДЖЕКПОТ!», но не стал этого делать по понятным причинам. Он только показал пальцем на себя, затем перевел указательный палец на оленя, говоря этим, что он его. Затем рука мужчины ткнула писателя в грудь и указала на кусты, говоря этим, что жертва Марка (скорей всего мамаша олениха) в кустах. Писатель одобрительно кивнул, сняв ружье с предохранителя. Мужчины разделились.

Гармония передвижения охотников удивляла. Если по-

смотреть со стороны, то невольно могло показаться, что каждый шаг был отрепетирован. Джеффри преодолел около пятидесяти метров, затем лег на землю. Прицелился. В это же время Марк сократил дистанцию в пятьдесят метров от кустов. Добыча все так же оставалась за занавесом. Присев на одно колено, мужчина прицелился. Оба охотника были наготове, держали своих жертв под прицелом. Указательные пальцы легли на спусковой крючок. Еще мгновение и прогремело два леденящих выстрела. Добыча Джеффри моментально рухнула на землю, не сделав ни шагу.

– Попал! – Закричал напарник писателя.

– Я вроде тоже! – Не без восторга откликнулся писатель.

– Джекпот! Джекпот, мать его перемать!

Каждый побежал к своей добыче. Джеффри добрался до своей жертвы первым. Та лежала неподвижно, без каких-либо предсмертных конвульсий. У Марка, от возбуждения, горело лицо, он уже почти был у цели, еще пару шагов и... вот он! Вот он!

Труп старика, у которого вместо глаза была огромная кровоточащая дырка. «ДЖЕКПОТ» – вслух сказал писатель. Сердце в его груди бешено запрыгало. Руки непроизвольно дрожали. Окружающие звуки доносились до Марка как во сне. Он не мог поверить в случившееся.

Вот он хочет сделать шаг, но ноги не слушаются. Марк теряет сознание...

Веки тяжело открылись. В теле не было жизненных сил.

Увиденное Марком до обморока казалось злым сном. Сейчас он встанет и увидит, точнее не увидит старика, которого он убил по чистой случайности. И вот, мужчина поднимается, возле толстого дуба стоит Джеффри, спиной. Из руки виднеется сигаретный дым, он о чем-то думает. Затем взгляд писателя падает на место, где лежал труп. Его там не оказывается.

«Слава богу» – Думает Марк с облегченным вздохом. Перенервничал, значит.

– Джеффри, почему я вырубился? Что случилось? Мне такой сон дурацкий приснился, пока я был в отключке.

– Ты в обморок упал. И это не сон. – Джеффри был совершенно спокоен, но озабоченность на лице присутствовала.

– Что?! Но! – Писатель показал рукой на кусты, где не было трупа.

– Посмотри немного левее, Марк.

Посмотрев «немного левее», писатель увидел два мешка. Два черных больших мешка. Шатаясь, мужчина подошел к саркофагам. Присев, открыл самый первый. Там покоился олень, на шее была глубокая рана от пули. Марк знал, что он увидит во втором мешке, но его мозг отказывался в это верить. Немного помедлив, он все же открыл второй мешок. Перед ним предстал убитый старик. Несчастному было за семьдесят лет. Серые волосы без плечи были частично замазаны кровью. Часть лица покрывала густая щетина, скорее даже борода. Одежда на старике была обычная, купленная

скорей всего в местных магазинах: джинсы, рубашка, ботинки.

Марк резко отпрянул в сторону, успев кое-как закрыть трупный мешок. Мужчину выворачивало наизнанку, показался наполовину переваренный завтрак. Когда рвать уже было нечем, он достал дрожащими руками, сигарету. С раза пятого удалось попасть огоньком по кончику, пошла тонкая струя дыма.

– Ты уже вызвал полицию, Джефффри?

– Полицию? Зачем?

– Как зачем? Я грохнул человека!

– А ты так хочешь сесть за решетку?

– А что мне остается?

Повисла секундная пауза.

– Послушай меня внимательно, Марк. В том, что ты его завалил, есть и моя вина. Я тоже думал, что за этими чертовыми кустами прячется гребаный олень. К тому же я знаю этого старика, это Беркли Смит. Ужасный человек. Он всю свою жизнь был скрягой, убивая голыми руками щенков, когда его любимая собачка Палания залетала от очередного кабеля. Неужели ты хочешь сесть за решетку из-за этого куса дерьма?

– Нет, я в любом случае не хочу за решетку. Я же не специально его завалил...

– Так вот, не суть. Я предлагаю избавиться от трупа. Все следы старика я уже замел.

– Господи... господи... – Марка охватила паника и отчаяние. Жизнь не давала ему спуска. Только все нормализовалось, и новая заноза впиалась в задницу еще глубже, чем предыдущая.

– Думаю, хуже для тебя уже не будет.

– А для тебя?

– Половина вины моя. Было бы подло бросать тебя.

– ...

– Послушай, Марк, я хочу вытащить тебя из этого дерьма, но мне нужно твое согласие и слово, что ты будешь слушаться.

– Хор... хорошо...

– А теперь не будем терять времени. Бери мешок со своим «оленем». Я возьму со своим.

Ничего не ответив, Марк начал выполнять наставление. Соучастники взяли свои мешки и пошли той же дорогой, что и пришли. Путь был адской каторгой. На каждого охотника приходилось по семьдесят килограммов мяса. Поясницы гудели от боли, в правом боку кололо. Пот застилал глаза. За весь путь был сделан один перекур. По счастливым обстоятельствам навстречу охотникам никто не повстречался и Джеффри был уверен в том, что никто не попадетя и дальше. Спустя неизвестное число минут, они наконец-таки дошли до машины. Мешки были закинuty в багажный отдел. Джеффри сел на землю, уткнулся спиной в дверь. Марк и вовсе не мог дышать, только откашливаться. Было чувство,

что он умирает.

– Марк. – Еще тяжело дыша, сказал напарник. – Давай сразу условимся. Вот наша история на случай допроса: мы пошли охотиться и бла-бла-бла, говори, как есть, но про старика ни слова. Будто его не существовало, хорошо?

– Д... да. Х... хорошо...

– Нельзя терять времени. Нужно выдвигаться.

Отдышавшись еще с полминуты, товарищи по несчастью сели в машину. Двигатель форда завелся со второго раза. Выехав на главную дорогу, колёса устремились на восток, в сторону дома Джеффри. Марк закурил. Им нужно было срочно придумать план. Нужно было избавиться от трупа.

17

Четырехколесная подруга Джеффри везла товарищей по пустой дороге. Времени было мало. Уже к вечеру старуха Рейчел заявит о пропаже своего мужа, а может даже раньше. «Эти пожилые такие непредсказуемые». Обстановка была следующей: двое немного нервных мужчин едут в форде ф-150 под веселый кантри, который горланит из радиоприемника, а в багажнике два трупа. Оба трупа – нелегально убитых. Старик Беркли, потому что хоть и старик, но сохранил человекоподобный образ. А олень, потому что на эту особь был введен запрет. Животного, понятное дело, мужчины не собирались прятать от закона. На копытного были планы и получше и под приправой. А вот от человекоподобно-

го Беркли нужно было избавиться. Предложения были разные. От банальных: подвесить к ногам груз и утопить, до абсурдно смешных перемолоть его в фарш, смешать с обычным фаршем и продать кому-нибудь. Когда вдали показался дом Джеффри, Марк выдал хорошую идею.

– Давай закопаем его в чужой могиле. – Уже совершенно спокойно.

– Вообще недурно. У меня как раз есть две лопаты. – Только и всего ответил напарник, не отрывая взгляда от дороги.

– А кладбище? Тут вообще оно есть? А то я видел у некоторых памятники прямо на заднем дворе.

– Есть. Кладбище хорошее в плане того, что находится в лесной степи, могил много, охраны нет, людей туда не затащишь.

Сказанное Джеффри радовало. Марк почувствовал уверенность в завтрашнем дне. Еще не все потеряно.

Машина подъехала к дому. Не заглушая двигателя, напарник писателя вышел из салона и ретировался в гараж, за лопатами. Через минуту он шел с двумя приборами, небрежно закинул их в багажное отделение. Сел за водительское место. Мимо машины, в которой сидели мужчины, проехал мальчик на велики. Его взгляд был устремлен на писателя. Марку, этот юнец показался знакомым. Парень проехал мимо, не задерживаясь, только напоследок бросил взор на багажник машины. Джеффри с опаской проводил его взглядом.

– Ну что, в путь? – Бодро сказал он Марку.

– Есть выбор?

– Нет. – Задорно ответил Джеффри. Дурацкая улыбка и возбуждённый взгляд давали повод для размышлений.

Кладбище находилось на самой окраине Далвича. Проехав по северо-восточной дороге сорок минут, а затем вырвав на пятьдесят третье шоссе, соучастники были почти на месте. Слева по шоссе располагалась лесная местность. Через полминуты езды показалась дикая дорога, ведущая в дебри. Машину изрядно трясло. Проехав около трехсот метров, дорога (хотя трудно ее так назвать) закончилась. Дальше своими двумя. Охотники изрядно утомились. Каждый хотел идти налегке, неся лопаты, но судьба вынудила Марка взять на плечо труп старика, так как писатель проиграл в дурацкую игру, поставив камень против бумаги Джеффри. Труп любителя грибов за время поездки стал еще тяжелее, благо земля здесь была тверже. Джеффри сказал, что идти до кладбища не больше полумили. Как ни странно, так оно и оказалось.

Спина Марка ныла, а пот предательски скользил по лицу, вызывая раздражение и неприятное чувство, добавляя усталости. Спустя бесконечное число минут, они таки дошли до пристанища некогда живых. Территория оказалась внушительная, ограниченная невысоким забором по периметру. Калитка свободно моталась на ветру, издавая возрастной скрип. Напарники беспрепятственно прошли внутрь. Марк

скинул жертву на землю, давая себе долгожданный отдых. Могил было много, свободного места (свежей земли) оставалось куда меньше.

– Сколько этому кладбищу лет?

– Черт знает. Нужно найти подходящую усыпальницу для нашего знакомого. Надо найти могилку подревнее, чтобы гроб был обычной деревянной коробкой.

– Ну, тогда расходимся на поиски.

Так мужчины и поступили. Джефффри пошел налево, Марк направо. Редкие ветки склоняли свои тела, не проявляя на себе и намека на будущую растительность. Ассортимент надгробий радовал куда больше. Были большие и не очень. С фотографиями и без. Были даже со стихами, но преступники не обращали на них внимания. Время неумолимо поджимало. Взгляды были направлены на даты рождения и смерти.

– Так... (1979-2006), (1975-2003). Совсем молодые... – Говорил себе под нос Марк, ища ту единственную, где был бы захоронен какой-нибудь синантроп.

– Марк, иди сюда! – В двухстах метрах крикнул Джефффри. Он стоял в самом углу.

«Походу тут хоронят людей, как слова на листке. Слева направо, сверху вниз» – Все думал про себя писатель. Информация – мусор.

Марк двинулся в сторону Джефффри.

– И дружка прихвати! – Окликнул товарищ, стоявший с двумя лопатами в руках.

Писатель послушно вернулся за «дружком», закинул его на плечо. Поясница прокляла хозяина за такое издевательство. Через двести сорок секунд писатель стоял рядом с другом, смотря на надгробие, которое уже разрушалось от старости.

«1900-1937»

– Идеально.

– Ага, а теперь за работу.

Две лопаты под руководством преступников раскопали яму призрака из прошлого за долгих шестьдесят минут. Лопата Джеффри воткнулась во что-то твердое с глухим звуком. Конечно же, это оказался гроб, а не сундук с сокровищами. Как и предполагалось, гроб был сколочен из самого дешевого дерева. Открыть – проще некуда. Раскопав усыпальницу ровно наполовину, Джеффри вставил лопату между крышкой и самой кроватью. Резким движением поднял лопату вверх, придерживая гроб ногой. Крышка послушно распахнулась. Внутри лежало подобие скелета. Наружу пошел зловонный запах. Пришлось прикрывать носы рукой.

– Идеально. – С восторгом сказал Джеффри. – Закидывай жмура. Думаю, ему тут будет куда удобнее.

Писатель неспеша взял тело Беркли и особо не церемонясь, кинул тело бедолаги в могилу, попав тютельница в тютельница.

– Трехочковый! – Завопил безумный писатель, вскидывая зажатую в кулак руку.

– Отлично! – Поддержал его товарищ. Затем вернул крышку гроба на её законное место.

Через сорок минут кропотливой работы могила была удачно закопана обратно. Выглядела почти так же, как и до вторжения преступников. Марк взял лопаты и ретировался к машине, чтобы не мешать опытному Джеффри заметать следы. Тот, в свою очередь, начал выполнять возложенную на его плечи задачу. Он начал избавляться от следов на земле, рубашкой протер калитку. Дело было сделано.

Всю обратную дорогу мужчины проехали без разговоров. Только рок-группа разбавляла тишину, выплёвывая второсортные песни из радио. Дело шло к вечеру, когда грязный фورد остановился у дома хозяина, по радио заговорил женский голос, который сообщал о погоде: «Вечером ожидаются сильные осадки. Дождь может продлиться до утра».

– Да мы с тобой везунчики, Марк.

– Не то слово...

– В общем, ты ничего не забыл? Думаю, что нет. Оленину я разделю и твою долю сам тебе завезу. Идет?

– Идет.

– И не забудь отстираться.

– Само собой.

– Ну, все, бывай. Да поможет нам господь.

Пожав руки, Марк вышел и сел за руль своего джипа. Дома писателя ждал горячий душ, стирка, постель и еда. А перед сном мысли о содеянном убийстве и чувство вины.

Пятница. Пошел второй день с момента несчастного случая. Марк не выходил из своей берлоги, глуша депрессию и совесть коньяком. Лицо отекающее, глотка не просыхает. Глаза потерянные, бегающие по стенам, как хомяк в колесе. Все окна в доме были задвинуты шторами. Диван получал больше всех внимания, ведь именно на нем убийца-невольник коротал время, принимая лекарство. Телефон решил дать хозяину отпускные, не нагружать его звонками, поэтому покорно молчал. Время издевательски тянулось, давая свободу мыслям и долгим разглагольствованиям, после которых приходило понимание своей ничтожности. День шел на убыль, скромные запасы алкоголя тоже. Чтобы хоть как-то разрядить обстановку, Марк решил навеститься в «УОЛИ».

«За руль садиться нельзя, расшибусь к чертям» – эта мысль заставила вызвать такси и отдать десять фунтов включая чаевые.

У заведения толпилось много машин. Народа внутри не меньше. Писатель уже думал, что к стойке не подобраться, но алкоголикам везет, одно свободное место показалось на горизонте.

– Это судьба. Сам бог держит место для меня. – Бормотал вслух Марк, думая, что рассуждает у себя в голове.

На него никто не обращал внимания. Вот и славно.

«Представляю, что было бы, если бы сел за руль. БАМ!

И нет Марка. Не стало бы гребаного сукина сына, который только и делает, что ноет или валит стариков в лесу, закапывая затем их в чужой гребаной могиле, мать её» – Успел только подумать об этом, как верный старина Уолли, все такой же рыжий и доброжелательный, оказался тут как тут.

– Привет, Марк. Как оно?

– Старина Уолли... Нормально. Только депрессия замутила, зараза. Что ей от меня надо?

– Только тебе это известно. Депрессия ведь твоя. Наливать как обычно?

– Мне сразу водки.

– Принято. – Бармен поспешно начал выполнять заказ. – Слушай, Марк, назови того мерзавца, который спаивает тебя на стороне. Я думал, что я единственный ублюдок, сажающий твою печень.

– Да нет, дружище. – Отвечал писатель заплетающимся языком – Ты единственный ублюдок, который меня спаивает.

– Да, вот только ты уже пьяный сюда пришел. – С улыбкой продолжил мужчина.

– Да это я сам, в домашней обстановке. Пить в одиночестве – признак алкоголизма. – Мужчина ухмыльнулся, затем выпил заказ одним залпом. Закусывать не стал.

– Так что тревожит тебя?

«Да, психолог хренов. Два дня назад я завалил человека и похоронил его на кладбище, как маньяк конченный. Спасибо,

блять, Уолли ебанный. Твои советы по любому помогут!» – Сказал Марк в своей голове, благо он еще не настолько пьян, чтобы плевать такими заявлениями вслух. А то ведь сразу тюрьма.

– Просто депрессняк, старина, просто депрессняк...

– Ну ладно.

– Повтори-ка, дружище.

Рыжий ирландец ловко зашел на второй круг. После пятого такого повтора, Марк еле держался на стуле, после чего и вовсе рухнул.

Заботливый Уолли взял из кошелька деньги за выпитое. Затем вызвал такси, писателя благополучно закинули домой. Проспал он в кошмарах до понедельника.

В распухшую голову дошел глухой стук, который не думал прекращаться. Если бы не этот злополучный стук в дверь, то мужчина проспал бы ещё день. Может, это было и к лучшему. Хотя, перед смертью не надышишься. Ему все равно пришлось бы принять сильнейший удар похмелья, который ждал притаившись, пока жертва не проснется. Голова затрещала по швам, от неожиданной боли Марк застонал. Стук незнакомца не прекращался, он очень настырно настукивал свою однообразную песню: ТУК-ТУК... ТУКТУКТУК! ... ТУК-ТУК...

Открывать не хотелось. Писатель уже и не помнил ничего, что было до этого «ВСЕЛЕНСКОГО СТУКА». Боль не давала свободу памяти. Мужчина знал одно, если этот стук

не прекратится, то он просто сойдет с ума.

На пороге стояли пожилая женщина (её лицо показалось Марку знакомым), а чуть позади неё стоял мужчина в хорошем (не очень дорогом, но и не дешевом) сером костюме. Оба гостя смотрели на хозяина квартиры с большим интересом и с огромным вопросом на лбу: «что с этим дровосеком?», но вопрос быстро исчерпался, как только перегар достиг чутких носовых рецепторов гостей. Женщина сделала небольшой шаг назад и поморщилась. Лицо мужчины оставалось беспристрастным. Держась за голову, соображалка Марка подала слабые признаки жизни:

– О, мисс...

– Гретта. Гретта Моллиган. – Обижено отозвалась женщина, смотря на писателя с осуждением.

– Да, Гретта. Извините. А...

– Я пришла, как вы, надеюсь, уже поняли, сделать уборку.

Еженедельную.

– Уборку?

– Да, уборку! Сегодня понедельник.

– Ах, да, да. Извините-проходите. Прошу. – Марк и подумать не мог, что уже начало новой рабочей недели. Последнее событие, отрывок, который смог припомнить его травмированный мозг, это вечер пятницы, такси в бар. «А куда делись выходные?» Это оставалось загадкой.

Мужчина в костюме невозмутимо стоял, провожая взглядом Гретту. Когда женщина скрылась за стенами дома, муж-

чина в костюме перевел взгляд на Марка.

– Здравствуйте. Детектив Майкл Гиббс.

Внутренности писателя невольно вскружились при слове ДЕТЕКТИВ. Взгляд устремился на мужчину в сером костюме. Это был пятидесятилетний худощавый джентльмен. Глаза как у акулы, черные. Лицо изгибалось в морщинах. На голове имелась короткая седая стрижка. Ростом превосходил писателя на голову.

– Здравствуйте. Извините за мой такой вид, не знал, что вы придете. Что-то случилось? – Марк изрядно начал нервничать, но по виду нельзя было понять.

– Да, случилось. В среду гражданин по имени Беркли Смит не вернулся домой. Можно задать вам пару вопросов?

– Оу. – Писатель пытался сделать удивительный и озабоченный вид. Получилось или нет, он не знал. – Да, конечно. Разумеется. Не подождете пару минут? Я переоденусь и умоюсь.

– Без проблем. Можете не торопиться.

– Я бы пригласил вас домой, но как сами видите, генеральная уборка. Будем мешать женщине, делать свою работу.

– Я все понимаю.

Марк ретировался. Переоделся. В ванной увидел свою опухшую физиономию, умыл её. «Так, мой милый Марк. Веди себя естественно, не проговорись. Давай дружище, ты сможешь» – убеждал он сам себя.

– Ну что, в бой?

Выходя, он услышал звук пылесоса обиженной Гретты Мол... Моли... Какая хрен разница, у мужчины были проблемы посерьезней. Выйдя из дома, Марк, вместе с детективом, отправились на «допросную прогулку» в сторону озера.

Они неспеша шагали по влажной земле, вокруг никого не было. Тишь да благодать. В запасе детектива было двести метров допроса, плюс еще двести на обратном пути. Майклу Гиббсу предстояло выслушать четыреста метров отборной лжи подозреваемого. Того, кого бы мог посадить детектив, если бы писатель раскололся.

– Вы даже не попросите показать корочку, подтверждающую мою личность? – Спросил детектив, немного улыбнувшись.

– Я вам верю. Да и к чему мужчине в костюме притворяться детективом, не правда ли? Мистер Гиббс.

– И то верно. Вы знали пропавшего? Мистер...

– Просто Марк. Нет, не знал. Я сюда переехал из города сравнительно недавно, только осваиваться начал.

– Хорошо, Марк. Почему переехали?

– Смена обстановки. Жизнь с чистого листа.

– Понимаю.

– ...

– Чем вы занимались в среду?

– Аааа, охотился. С другом. Джеффри Джемисоном. Он в десяти минутах от меня живет.

– Джеффри? Да, да. Я уже успел опросить вашего друга, он тоже ваше имя упоминал. Говорит, оленя убили?

– Да. Джеффри убил. Я первый раз на охоту ходил, опыта ноль.

– Ничего, еще вся жизнь впереди. – Мужчины уже дошли до озера. – И, конечно же, вы ничего подозрительного не видели? И мистера Смита тоже?

– Все верно. За все время мы не встретили ни души.

Марк не без удовлетворения понял, что врать не так уж и тяжело. Хотя почему врать? Писатель говорил правду. Просто умолчал один момент.

– Понятно. В общем, это все, что я хотел спросить. Если что, я с вами свяжусь. – Майкл протянул руку, пристально всматриваясь в писателя.

Гиббс поспешно зашагал в обратную сторону, не дожидаясь писателя. Он избежал целых двести метров очередной лапши убийцы. Марк остался у озера. Стоял и курил, изучая дали.

Когда писатель вернулся домой, то застал домработницу все еще убирающуюся на верхнем этаже. Дело было сделано. Теперь нужно было молиться на то, что эта акула ничего не нарочет на него и Джеффри. Мужчина взял из холодильника банку газировки, улегся на диван. Нужно было восстановить силы и память. Через сорок минут домработница ушла. Сказала обиженное: «До понедельника, мистер Фаст» и хлоп-

нула входной дверь. Следующие триста шестьдесят минут писатель восстанавливал силы. Память так и не вернулась. Зато силы были восстановлены полностью, хоть отбавляй. Встав со своей ложи, Марк собрался наведаться в «У ОХОТНИКА», пополнить запасы и выпить кофе. Открыв входную дверь и сделав полтора шага, мужчина споткнулся обо что-то, но сохранил равновесие. Виновником стал пакет с мясом, рядом лежала записка:

«ТВОЯ ДОЛЯ, ОХОТНИЧЕК»

Добрых десять килограмм свежего мяса, уже обработанного, лежало в этом пакете. Писатель занес его домой, кое-как уместив добычу в морозилку. Затем продолжил двигаться в намеченном пути на своём верном джипе. Зайдя внутрь, его уже встречала взглядом хозяйка. Агна была в плохом настроении. Поприветствовав её скромным взмахом руки, Марк взял корзинку и отправился в очередной продуктовый поход. Покидав в корзину стандартный набор холостяка, писатель оплатил покупку на кассе, затем уселся на свободное место у стойки.

– Привет, мой хороший. Кофе? – Нежно сказала женщина.

– Здравствуйте, Агна. Куда я без вашего фирменного напитка? И бутерброд, пожалуйста.

Мисс Хопл поставила рядом чашку, через мгновение она

была наполнена ароматным кофе. Еще через пять минут показался бутерброд.

– Спасибо большое.

– На здоровье. Как поживаешь, сынок?

– Нормально. – Соврал писатель, запивая свою ложь, а затем и закусывая. – Вы как? Что расскажите?

– Да я-то нормально, только ужасно расстроена. Дедушка Беркли пропал. Он очень добрый и милый. К нему внучка приехала, любит его очень сильно, а дедушка пропал. У его жены еще больше здоровье покосилось. Вот горе у семьи. Чувствует мое сердце, что мистера Беркли уже нет с нами...

– Да не переживайте, может ещё найдётся... – Нагло врал Марк, сквозь боль. «Господи! Я убил человека, огорчил внучку и вру последнему человеку, который мне небезразличен. Какая же я мразь...» – Прокручивал у себя в голове писатель.

– Надеюсь. Ты кушай, кушай мой хороший.

Совость писателя, которая и так не давала ему покоя, начала душить мужчину и заполнять каждую клеточку мозга, не давая больше думать ни о чем. Она росла словно опухоль, только намного быстрее. Мужчина больше не мог находиться в помещении. Пульс участился, глаза забегали. Руки судорожно дрожали. Расплатившись и пожелав хорошего вечера, мужчина ринулся к машине и в быстром темпе доехал домой. По приезду Марк неохотно поел и принял душ. Он ничем не смог занять себя. Все мысли, абсолютно все, были

поражены совестью. Писатель ненавидел себя. Всю ночь он не смог сомкнуть веки.

Последующие две недели мужчина жил как во сне. Спал, напивался и ничем не мог занять себя. Совесть разрасталась, и если её не утихомирить, то она убьет его. Мимолетной и единственной радостью было интервью в журнале с его участием, да и то...

Расследование прекратилось. Детектив-акула так и не смог дорыться до правды. Марк и Джеффри были чисты и свободны, но не в душе, по крайней мере, Марк. В один из солнечных дней зазвонил телефон. Писатель, еще пребывая в похмельном состоянии:

– Да...

– Привет, Марк, это Джеффри. Приезжай в гости. Отпразднуем победу. С тебя хорошая выпивка, дружище!

– Ага. – Беспристрастно ответил Марк, повесив трубку.

Выпивку Марк взял из дома. Вот только он не намеревался праздновать. Писатель собирался сказать, что хочет сдать-ся. Хочет понести наказание. Потому что он не может вот так спокойно жить с таким тяжелым грузом. Он, мать его, просто не может с этим жить! Одевшись и захватив бутылку, Марк сел за руль. Его ждал роковой разговор. А затем... чистосердечное признание и тюрьма. Его жизнь уже никогда не станет прежней.

– Никогда не станет прежней. – Произнес он вслух, заводя

Часть 4. Гиббс торжествует

Долой людские маски красоты!
Вот моё лицо, ты посмотри!

19

Природа расцветала под лучами теплого солнца. Все шло к беззаботному лету. Время каникул, отпусков на море, мороженого, купальников и, конечно же, вентиляторов. Лучи заполнили весь салон машины. В такой прекрасный день казалось, что все счастливы, кроме Марка. Он ехал с озабоченным видом. Его совесть была в виде контейнера для мусора, в котором скопилось слишком много отходов. Джип несся под пятьдесят миль. На переднем пассажирском месте сидела, не пристегнувшись, бутылка коньяка. По истечению пяти минут, четыре колеса остановились у дома Джеффри Джемисона.

Свободная правая рука нажала на кнопку звонка. Послышались неторопливые шаги. В распахнутой двери показался хозяин. Джеффри весь сиял. Было чувство, будто этот сукин сын выиграл кучу денег или его назначили шишкой компании. Дурацкая улыбка не сползала с его щетинистого лица.

– Марк, дружище! Заходи, я ждал тебя. – Счастливый здо-

ровяк отодвинулся в сторону, оставив место, чтобы можно было протиснуться в берлогу.

Писатель протянул коньяк в руки приятелю, сам же прошел внутрь, оставив за спиной теплые лучи солнца. Квартира здоровяка была неплохо обставлена. Небольшой беспорядок выдавал в Джефффри холостяка. Рога на стене, ковер-медведь, два ружья на стене справа и много фотографий с убитыми животными говорили, что охота – это не просто увлечение здоровяка. Красный большой диван украшал центр гостиной. В поле зрения писателя также попал сервант, в котором томилась коллекция ножей. Их было не меньше двух десятков.

– Нравятся? – Голос хозяина квартиры прозвучал за спиной.

– А?

– Ножи. – Джефффри сравнялся с Марком, кивком указав на сервант.

– Ах, эти... весьма внушающий арсенал. – В голосе читалось безразличие.

– Как дела, дружище? – Будто не замечая ужасного вида своего гостя, Джефффри лучезарно улыбался.

– Жить можно, пока что.

– Ты заболел? Присаживайся, сейчас я притащу кружки, из которых будем квасить. – Здоровяк скрылся в другой комнате (видимо кухне), через мгновение вернулся с двумя стеклянными кружками, поставил на журнальный стол, который

стоял у дивана. Марк уже сидел, воспользовавшись приглашением. Теперь все звенья одной цепочки были на месте: два друга, две кружки, одна бутылка выпивки и важная тема для разговора, которая должна была стать гвоздем программы.

– У тебя как дела, Джефф?

– У меня? Ты еще спрашиваешь? Замечательно! – Мужчина ловким движением открыл дорогой коньяк, не менее ловко разлив его. – У меня есть тост. Возьми стекляшку в руки, Марк. – Писатель подчинился. – Выпьем за удачу. Удачу, которая не повернулась к нам своей огромной задницей, а показала своё мило лицо. За нас!

Прятели выпили не чокаясь. Горло приятно жгло, желудок согрело.

– Ха, этот детектив Гиббс такой баклан. Дай бог, чтобы все служители закона были такие. Он сильно прессовал тебя? – Джефффри неугомонно улыбался, его руки потянулись к бутылке, чтобы подготовиться на второй круг.

– Нам просто повезло. Нет, мистер Гиббс был достаточно вежлив со мной, задал всего пару вопросов. Когда узнал, что это я с тобой охотился, то понял, что ничего нового не услышит. Попрощался и удалился.

– Везение – это да. Так, теперь твой тост.

Писатель хотел сказать: «за справедливость. Злодеи понесут наказание», но посчитал, что слишком прямой намек, еще рано. Немного потупив глаза, Марк все же придумал безобидный тост, за который с радостью выпьет:

– Выпьем за то, чтобы в наших домах никогда не заканчивался алкоголь. – И чокнувшись с товарищем, выпил залпом.

– Уже попробовал оленины? – Еще жмурясь после выпитого, выпалил Джефффри.

– Я... нет, еще, не до конца. – Соврал писатель. На самом деле он не смог съесть ни кусочка. Это чертово мясо напоминало ему о славном старике Беркли.

– Если закончится, обращайся. У меня целая бочка.

– Обязательно.

Марк искал подходящий момент начать разговор. Точнее, ждал, когда язык его развяжется под градусом коньяка. Мужчины сделали еще около шести тостов, осушив бутылку чуть больше, чем наполовину. С каждым тостом доза выпитого в стакане увеличивалась. Писатель был недостаточно пьян, чтобы вырубиться или идти, падая, но достаточно пьян, чтобы найти храбрости заговорить о главной теме сегодняшнего дня:

– Послушай, Джефф. Я хочу сказать тебе кое-что важное и надеюсь, ты меня поймешь. Я подумал, что вначале скажу это тебе, а потом уже буду действовать.

– Давай дружище, я внимательно тебя слушаю. – Ответил товарищ. Улыбка сделалась немного мягче. Джефффри сосредоточился на собеседнике. Раз это важно, то нужно сконцентрироваться и выслушать своего друга.

– Это касается нашей охоты... Касается старика Беркли, его жены и детектива. Это касается меня и тебя. – На-

чал Марк, стараясь неминуемо отложить ключевое слово «СДАТЬСЯ».

– Марк, дружище, ближе к делу. – Жизнерадостная улыбка сменилась улыбкой, которая что-то начала подозревать.

– Понимаешь, меня мучает совесть за содеянное. Я после этого начал еще больше спиваться. Я не могу спать и прочее дерьмо.

– Тебе надо просто куда-нибудь съездить, развеяться. Все придет в норму, вот увидишь!

– Я и так сюда переехал, чтобы развеяться.

– Что ты хочешь всем этим сказать?

– Давай выпьем.

Марк взял бутылку и в быстром темпе разлил по кружкам. Не чокаясь и не говоря тостов, они выпили.

– Я хочу сказать, Джефф, что я... в общем, я хочу сдать-ся. Понести наказание. Надоело мне чувство угрызения совести! За содеянное нужно платить. – Наконец-то Марк смог выговориться.

20

Джефффри сидел как вкопанный, не сводя глаз с товарища. Затем громко рассмеялся, стучая свою ляжку правой рукой. Марк смотрел на него как вкопанный, не в силах отвести взгляда. Он ждал, что Джефффри взбеленится, но он никак не ожидал, что тот расхохочется, сгибаясь в конвульсиях. Наконец-то он понял причину истерического смеха:

– Отличная шутка, Марк. Я почти повелся. Почти, но я не настолько пьян.

– Это не шутка, Джефф. Никаких гребанных шуток. Я абсолютно серьезно. – Весь вид писателя говорил о том, что он говорит правду.

Никаких
гребанных
шуток

Улыбка сразу спала с лица здоровяка. Глаза все так же безумно смотрели на Марка, немного поблескивая под тусклым светом:

– Значит, серьёзно?

– Абсолютно.

Наступила тяжелая пауза. Джеффри что-то обдумывал, писатель наблюдал за этим процессом. Наконец мужчина снова нарушил тишину:

– Знаешь, что, Марк? Я хочу тебе кое-что рассказать, а после этого можешь делать что вздумается.

Мужчина молча смотрел на Джеффри. Тот встал с дивана и медленно зашагал взад-вперед перед Марком. Молчание продлилось с полминуты, хозяин дома подбирал подходящие слова или вспоминал, что хотел сказать.

– Понимаешь, дружище, я рос без отца. Он покинул нас, когда я был совсем маленьким сорванцом. Мама не питала особых чувств ко мне, предпочитая пьянки с подругами. Моим воспитанием занимался дядя, Сергей Авдеев. Хоть он и

был из России, но по воле случая в семнадцать лет их семья переехала в Лондон. Сергей быстро освоил язык и стиль жизни незнакомой ему страны, но не забывал о родине. Ездил раз в год в родные степи к деду, тот и привил любовь к охоте так же, как и дядя позже привил эту любовь мне. – Джеффри все так же вышагивал, не смотря на товарища. – Он учил меня стрелять, выслеживать, иметь терпение. Дядя часто брал меня на охоту, воспитывал из меня настоящего мужчину. Знаешь, в каком возрасте я первый раз убил? – Рассказчик остановил свой марш-бросок, уставившись на Марка.

– В пятнадцать? – Пьяный писатель решил поиграть в угадайку.

– В одиннадцать, Марк. Это был маленький олененок. Дядя хвалил меня, я очень гордился добычей. И когда я смотрел на последние вздохи крохи, то чувствовал невероятный восторг! Марк, мой член стоял как Эйфелева башня. Мне хотелось все больше и больше. Я оттачивал мастерство, совершенствовался! Но знаешь, со временем этого стало мало. Я тщательно скрывал свое пристрастие, но мне это давалось очень тяжело. И знаешь, два года назад я согрешил...

– Дружище, да ты болен. Извини, конечно, если обидел, но так нельзя! – Сказанное Джеффри Марка очень сильно взбудоражило. Судьба его связала с чокнутым. Нужно было сваливать. – Знаешь, мне пора.

– Сидеть! Я еще не договорил, Марк. Выслушай меня, пожалуйста, прояви немного уважения.

– ...

– Так, на чем я остановился? Ах да! На том, что я согрешил, но для начала я хочу тебя с кое-чем познакомить поближе. – Джеффри прошел к серванту, где хранилась коллекция ножей. Открыв дверцу, он достал один из экспонатов. Вернулся к своему гостю, демонстрируя его. – Это «ОЛЕНЬ-2», охотничий нож. Мне его дядя подарил на двадцатилетие. Ручная ковка, сталь 9ХС, берестовая рукоять. – Показывая со всех сторон, объяснял мужчина. – Твердость клинка 59-60 HRC, повышенная вязкость и высокие режущие свойства. Общая длина двести пятьдесят миллиметров, длина клинка сто тридцать пять. Замечательный нож, лучше подарка и не придумаешь.

– К чему ты мне это рассказываешь?

– К тому Марк, что именно этим ножом, два года назад, я согрешил. В то время у меня был дикий голод, я долго планировал, как буду убивать и кого. Нашел одинокую девушку, втерся в доверие. Мы долгое время торчали в барах, но в один прекрасный день она предложила поехать ко мне. Это был мой звездный час. Я напоил ее, затем взял этот клинок и всадил! – Джеффри показательно сделал ножом пару ударов в воздух. – Было огромное возбуждение и наслаждение, а затем страх. Но все обошлось, меня не заподозрили. Мой голод утих. – Он снова начал ходить взад-вперед.

– Твою мать, Джеффри, ты точно чокнутый! Просто псих! Зачем ты мне это все говоришь? – Писатель понимал к чему

все клонится, но если он попробует уйти, то в прямом смысле напорется на неприятности.

– Дослушай, пожалуйста, меня! Я уже почти закончил. – Джеффри с негодованием и злостью уставился на приятеля. – Так вот, мой голод утих, но ненадолго. Через год у меня проснулся аппетит, но я никак не мог найти подходящую жертву, все местные, все друг друга знают и вокруг сотни глаз. Я уже думал, что сойду с ума, но тут появился ты. Городской мужик, который недавно начал осваиваться тут. Ты идеально подходил на роль жертвы. Я втерся к тебе в доверие и думал уже убить, но тут случился несчастный случай. Он все поменял, Марк! Ты понимаешь? Он все поменял. Я понял, что ты мне настоящий друг и что мы вместе можем утолять голод! Разве это не здорово?! Ты согласен стать партнером? – Глаза Джеффри с надеждой смотрели на товарища, ожидая ответа.

– Ты гребанный псих... – Марк с ужасом смотрел на него. Только сейчас он полностью осознал, в какое дерьмо вляпался.

– Да или нет? Подумай хорошенько, друг...

– Нет. Это сумасшествие, ты болен. И я уйду. – Писатель встал с дивана и уже было направился к выходу, но его товарищ перегородил дорогу.

– Очень жаль, Марк. Ты никуда не уходишь! – Джеффри резко сжал «ОЛЕНЬ-2». Через мгновение он уже летел на Марка, замахиваясь смертоносным оружием.

Выпитый коньяк еще больше усиливал чувство нереальности. Для писателя время остановилось, сердце замерло в ожидании. Летевшая рука с ножом закрыла все на своем пути. К большому счастью, чувство самосохранения подсказало Марку, и тот увернулся в последнюю секунду перед смертоносным ударом. Нож Джеффри прошел над головой жертвы. Писатель с ревом ринулся на своего товарища Плечо врезалось в живот Джеффри, ноги мужчины оторвались от пола. Через пару мгновений громилу припечатало в стену спиной. Охотник застонал, левая рука держалась за затылок. Марк бросился было к выходу, но на последнем метре ногу поразила жгучая боль, мужчина повалился на пол, про побег можно было забыть. Дверь была недосягаемой. Посмотрев на ногу, писатель с ужасом увидел воткнутый нож. Тот самый, который был в руках у этого гребанного психа. Кровь сочилась из раны, боль была невыносимой. Стоны срывались с его губ. Джеффри уже оклемался и, немного пошатываясь, шел на писателя с оскаленными зубами. Нужно было действовать быстро. Шансы у Марка были невелики. Он был меньше Джеффри, да еще и раненый. Выиграть в рукопашном бою против громилы, да еще и охотника со стажем было нереальным. Писатель собрал волю в кулак. С огромным усилием он поднялся на целую ногу. Взгляд уловил висевшие на стене ружья. Марк запрыгал в их направлении. К тому времени, как писатель смог дотянуться до ружья, громила уже почти зажал жертву и готов был свернуть шею. Марк

резко развернулся к Джефффри, нанося при этом удар прикладом. По воле случая удар пришелся точно в нос. Охотник с криком отшатнулся на полтора метра от своей жертвы, держась за нос. Показалась обильная струя красной жижи. Глаза маньяка с удивлением уставились на писателя. Теперь все зависело от матушки-удачи, а если быть точным, то от ружья. Марк передернул затвор ружья, прицелился в Джефффри. Громила, в свою очередь, побежал на писателя, но вылетевшая пуля разорвала ему грудь в клочья. Джефффри рухнул на спину. Вся футболка была в крови. Красная субстанция быстро выливалась из раны громилы, образуя лужу. Никаких предсмертных конвульсий не было. Джефффри был мертв. Весь этот абсурд казался сном. «Вот сейчас, Марк, сейчас ты проснешься, это последняя сцена». Но он не проснулся. Боль в ноге снова дала о себе знать. Марк, с криком, повалился на пол. Выглядела рана хреново. Еще немного и начнет кружиться голова, а затем он потеряет сознание. Писатель быстро снял свой ремень и перетянул ногу чуть ниже колена. Затем, помедлив с полминуты, он резко выдернул нож из ноги. Марка ослепило, из глаз посыпался фонтан искр. Сжатые зубы вот-вот треснули бы от такого давления. Из уст послышался скулеж. Еще никогда писателю не было так больно. Время шло, нужно было торопиться. Превозможная боль, мужчина встал на здоровую ногу и попрыгал в сторону кухни. Как он и ожидал, в холодильнике стояла водка. Открыв бутылку, Марк сделал пять больших глотков. Сняв

футболку, писатель промочил ее в спирте и крепко связал уже на самой ране. Теперь нужно было сматываться.

Допрыгав до выхода, Марк с радостью увидел свою машину, его спасательный круг. Затем он вспомнил о соседе, который так приветливо с ним поздоровался. Кинув взгляд в сторону этого приветливого мужчины-садовода, он ужаснулся. На месте его не было. Ужасным был не сам этот факт, а то, что рядом с кустами лежали брошенные ножницы для подстрижки кустов, а окна дома были задвинуты шторами. Не успев додумать свое предположение, до ушей Марка донесся вой приближающихся сирен. Писатель хоть и хотел сдать, но в пьяной панике зачем-то метнулся к машине, кое-как забрался в салон, завел двигатель. А затем вдавил педаль газа на полную. «Зачем я это делаю, – задал он сам себе вопрос, – мне просто страшно».

21

Руки не слушались. Нога яростно пульсировала в агонии. В глазах то и дело все двоилось. Ситуация приобретала печальный поворот для писателя. В киногерои легко уходили от погони, сделав пару резких маневров, да и полицию делали очень глупой до абсурдности. На деле же все обстояло далеко не как в кино. Люди при исполнении быстро догнали преступника. Из громкоговорителя доносился голос, который приказывал остановиться. Марк помнил, что и так хотел сдать властям, сознаться в убийстве, но пребывая в

шоковом состоянии, он просто всё попутал. «Я трус, я всего лишь человек». Преступник ехал в сторону пятьдесят третьего шоссе. Неожиданная волна боли снова сковала ногу. Ступня вдавила педаль, прибавляя газа.

На шоссе было оживленное движение. Задача усложнялась. Джип писателя опасно петлял из стороны в сторону. На мгновение показалось, что преступник оторвался от преследователей, но это была недолгая иллюзия. Хитрые фараоны выключили сирену и объезжали дальнобойщика с противоположной стороны от машины писателя.

– Дерьмо! – Только и мог кричать Марк, осознавая своё безвыходное положение.

Голос из полицейской машины уже не просил остановиться, ребята в машинах поняли, что преступник решил играть по-плохому. Одна фараонская машина бортанула джип, того сильно мотнуло в сторону, но Марк удержал управление. По ноге стекала теплая кровь. Несмотря на предпринятые меры по остановке кровотечения, эта чертова жидкость не унималась. С каждой секундой становилось всё хуже. В глазах начало трюиться. «Машины-призраки» – подумал Марк, видя, как на каждый транспорт приходится две его прозрачные копии. Погоня продлилась недолго. Джип преступника несся под девяносто миль. Еще один толчок от фараона.

Зрачки Марка закатились, веки сомкнулись. Писатель потерял сознание, слишком много крови потеряно. Джип на всех ходах понесло влево на встречную полосу. Чудом, не

задев ни одной машины, джип-камикадзе устремился в сторону лесной зоны. Ухабы и кочки сбросили скорость автомобиля, но ему это не помешало врезаться со всего размаха в дерево. Прозвучал оглушительный грохот. Стекла вылетели, капот в одночасье превратился в гармошку. Водитель (на удивление) был пристегнут. Сработала подушка безопасности. Метнувшаяся голова уткнулась в надутый мешок. Все было кончено. Полицейские машины остановились неподалеку от аварии. Один из полицейских вызвал скорую, но он не знал, понадобится ли она. Приехавшие спасатели достали тело из изуродованной машины. Лицо пострадавшего было все в крови. Левая штанина пропиталась смертью.

– Да этот парень в рубашке родился. – Сказал один из санитаров.

Погрузив тело писателя на носилки, его затащили в машину. Пострадавшего доставили в госпиталь, в котором он провел неделю. Все это время палата Марка охранялась. Новости пестрили о том, что писатель Марк Фаст пострадал в аварии, и что он главный подозреваемый в убийстве. По выздоровлению мужчину должны были доставить в участок для дальнейшего допроса.

Подсохшие раны у глаза раздражающе чесались. Икра, в которой не так и давно был нож, горела от боли. Врачи сказали, что это продлится еще как минимум неделю. Марк си-

дел в допросной комнате, дожидаясь правопорядка. В конце допросной стоял небольшой стол, где и расположился Марк. Впереди была закрытая дверь – единственный вход и выход из этой мышеловки. По левую сторону располагалось большое стекло, за которым находились разные тети и дяди, служащие закону. В допросную зашел Майкл Гиббс. Детектив закрыл за собой дверь. Сегодняшний вид этой акулы радовал еще больше. Черные классические брюки, немного помятая белая рубашка, недельная щетина, и, конечно же, невыспавшийся вид. В одной руке Майкл нёс две кружки кофе. Его вялая походка только подтверждала усталость. Глаза выражали беспристрастность, но не исключено, что за этими самыми черными глазками скрывались восторг и радость. Этим двум эмоциям нельзя показываться на публике, ведь гордыня слишком велика. Миновав расстояние от двери до стола, детектив уселся напротив подозреваемого. Взяв свободной рукой одну чашку кофе, поставил перед писателем, вторую поставил со своей стороны. Вынув пачку сигарет из кармана брюк, вместе с зажигалкой, бережно положил на середину стола. Взгляды двух мужчин встретились. Писатель покосился на чашку с кофе, легкий пар дразнил ноздри мужчины приятным ароматом.

– Думаю, нашу беседу стоит начать со знака приветствия и уважения друг к другу. – Спокойно сказал детектив, сосредоточив свой взгляд на преступнике. – Здравствуйте, Марк. – Гиббс протянул руку через стол, остановившись ровно на се-

редине стола.

– Здравствуйте, Майкл. – Писатель шустро протянул руку и крепко пожал ладонь человека, который его и засадит.

Разжав руки, детектив не убрал ладонь, а указал на чашку с горячим напитком, который лично заваривал двумя минутами ранее.

– Пейте кофе, не стесняйтесь.

– Благодарю вас. Давно мечтал выпить чего-нибудь горячего. – Он поспешно взялся двумя руками за чашку и сделал три глотка.

– Как вы себя чувствуете, Марк?

– Намного лучше. А вы?

Детектив отхлебнул из своей чашки, правая рука уперлась локтем в стол, образуя опору, голова опустилась на ладонь.

– Знаете, Марк, в последние дни я не высыпаюсь. Я очень озабочен пропажей старины Беркли. Тело мы так и не можем найти. Уже все сотрудники нашего отдела головы переломали.

– Какой ужас. Желаю вам и вашему отделу удачи в поисках.

– Спасибо, Марк.

Неправдоподобность этого «СПАСИБО» сразу прослеживалась. Писатель издевательски мотнул головой, будто благодарность детектива идет от всей души.

– Марк, давайте начистоту. Расскажите об убийстве Джеффри. Поведайте причину. Если вы мне поможете еще с

гражданином Смитом, то я буду очень вам благодарен, и вам это зачтется при вынесении приговора.

– Отрицать не буду, этого психа убил я. – Писатель вытянул из пачки сигарету. – Вы не против?

– ...

– Так вот, Джефффри убил я. – Марк медленно закурил. Тянуть резину не стоило, детектив изрядно начал нервничать, томясь в ожидании истины. – Но... мне пришлось это сделать! Он позвал меня в гости, мы пили и разговаривали о разном. Затем наш разговор зашел в один тупик, для Джефффри это был тупик. И в отчаянии он набросился на меня. Я чудом смог выжить.

– Давайте по порядку. – Теперь уже Майкл достал сигарету, закурил. – По какому поводу вы пили? Или просто так?

– В общем... пожалуй, нужно начать с более раннего происшествия.

– Я вас внимательно слушаю.

– Это случилось в день охоты. Рано утром я приехал к Джефффри и оттуда мы поехали по главной дороге. Точное место не скажу, я еще не очень хорошо освоился просто. В общем, приехали на место, взяли ружья и вперед ловить удачу. Она нам вскоре улыбнулась. Наткнулись на упитанного оленя. В ту же минуту в кустах кто-то зашуршал. Мы подумали, что это второй олень из семейства. Обрадовались так. Джефффри пошел валить первый кусок мяса, мне же достался тот, что в кустах. – Писатель истерически дернулся, затем

крепко затянулся. В глаза Гиббсу он старался не смотреть. – Ну, я выстрелил, мясо свалилось. А когда подошел, обнаружил старика. Вот и все.

Майкл сидел с приоткрытым ртом, вот и Беркли объявился.

– Непредумышленное убийство. А не нашли мы тела, потому что?..

– После случайного убийства я хотел сдать властям, но Джефф, чёртов ублюдок, предложил спрятать труп. Мы так и поступили...

– И вы можете показать, где спрятали?

– Могу даже сказать. На местном кладбище, которое находится со стороны от какого-то шоссе, около лесной степи. В самой дальней левой могиле.

– Так значит, за что на вас Джефффри покушался?

– За то, что я хотел властям сдать. А ещё он оказался серийником. На вашем месте, я бы покопался в его доме.

– Понятно... Ну что ж, это даже больше, чем я рассчитывал узнать. Вы очень помогли, мистер Фаст. Еще напишите свои показания, поставите подпись и все. Наша работа будет окончена.

– Мне много светит?

– Даже если учесть, что одно убийство по неосторожности, а второе – самооборона, то все равно накрутят лет десять. Не малый срок, скажу я вам.

– Я не хотел всего этого ужаса.

– Я вам верю Марк. Да, верю. И как бы я не хотел, но вы все равно сядете. За поступки приходится платить.

Наступила тишина. Мужчины сидели, пили кофе, курили.

– Марк, вы извините меня, но дела не ждут. Рад был поговорить. Думаю, больше мы не увидимся с вами.

– Прощайте, детектив...

Мужчины пожали руки. Гиббс исчез за дверью. Через полторы минуты за Марком пришли двое стражей, которые доставили писателя во временный изолятор. Через двое суток за обвиняемым приехала служебная машина.

Газеты и журналы пестрили о Марке, не прекращая его то обвинять во всех грехах, то оправдывать молодого таланта. Но этот треп не имел никакого значения для самого преступника. Мужчина опустил руки и наплевал на свою дальнейшую судьбу, она не имела уже никакого смысла.

Ровно в шестнадцать часов машина въехала на территорию тюрьмы. Марка поместили на время в одиночную камеру, где он должен был отсидеть пять дней, после чего было назначено слушание.

23

Семья Марка была шокирована известием. Отец впал в отчаянную ярость, он говорил, что Марк больше ему не сын. Мама же молча плакала, смотря детские фотографии. Расстроенные родственники отказались навещать преступника, согласившись прийти только на слушание.

День X выпал на третье мая. Пятница. Еще до приезда обвиняемого и всей судебной коллегии, у дверей суда столпилось много журналистов, и ведущих с разных каналов, которые так и жаждали сенсации. Первыми прибыли судья с адвокатом со стороны обвинителей. Следом приехала миссис Рейчел, жена покойного старика. Женщина неважно выглядела. Одежда состояла из черных оттенков. На вопрос журналистов: «Какой приговор вы хотите преступнику?» Женщина, сдерживая слезы, дрожащим голосом ответила: «Этот подонок заслуживает высшей меры наказания. Он не господь бог, чтобы решать, кому жить, а кому умереть». Затем женщина скрылась за дверью. Через пять минут приехали присяженные. Тринадцать человек прибыли все одновременно, как по расписанию. Журналистам они твердили одно: «Мы здесь, чтобы суд был справедливым. И наше решение будет самым бескорыстным». Все как запрограммированные говорили одно и то же.

Подъехала полицейская машина, из которой вывалило два охранника, которые сопровождали звезду сегодняшнего дня. Марк Фаст шел с безразличным выражением лица. Руки закованы в наручники. Шакалы ринулись к бедному преступнику, свои записывающие приборы они тыкали прямо в лицо. Вспышки фотокамер мерцали без устали. С десятков голосов смешались в один неразборчивый вой. Полицейские говорили крысам посторониться, но это мало чем помогло.

– Марк, журнал «Open itself». Скажите: Вы планирова-

ли убийство? Как тюремное заключение скажется на вашем творчестве?

– Да, планировал. Выслеживал полгода старика, чтобы грохнуть его просто так. Творчество в шоколаде.

– Марк, «Дневной вестник». Скажите, сожалеете ли вы о содеянном? И как отнеслась об этой новости ваша семья?

– От того, что я сожалею, срока меньше не будет. Семья отнеслась к этому, мягко говоря, отрицательно. По попе я точно получил и в углу скоро буду стоять. Долго.

За два ответа писатель со своими «телохранителями» успели доползти до двери и скрыться. Присутствовать журналистам разрешили, но лишь редким лицам высоко ранга, чьи главреды имели связи. Подсудимого вели по длинному коридору, затем на второй этаж. Последовал очередной коридор. Завернув налево и пройдя метров двадцать, служащие остановились. Дверь распахнулась. Показались спины родственников обвиняемого и потерпевших. Над всеми возвышался судья. По его левую руку находились присяжные. Перед судьей, в двух метрах, стояло два стола. Один стол для преступника, другой же занимала вдова. Писателя проводили до его места, сняли наручники.

– Встать, суд идет.

Все без исключения подняли свои пятые точки со стульев. Судьей была женщина лет сорока. Черты грубые и бескомпромиссные. В голосе чувствовалась неподдельная власть.

– Слушается дело гражданина Марка Фаста по убийству

двух лиц. Обвиняемый, встаньте.

Марк послушно встал.

– Представьтесь.

– Марк Фаст, тысяча девятьсот восемьдесят третьего года рождения. Проживаю в пригороде Далвич по адресу тридцать седьмое шоссе, дом девятнадцать.

– Вы обвиняетесь в двух убийствах. Вы признаетесь в содеянном?

– Признаюсь...

Суд ещё долго мусолил бумажки и свидетелей на предмет выяснения всех вытекающих деталей. Марку только и оставалось утвердительно кивать, ожидая приговора, который, как и предполагал детектив Хоббс, ограничился десяти годами без возможности выйти досрочно. Но это было вовсе неважно, Марку просто хотелось как следует выспаться.

24

У входа уже стоял главный надзиратель. Завидев приезд нового заключенного, он сделал последний тяг и пошел навстречу к конвою.

– Добро пожаловать в центральную лондонскую тюрьму, сэр. Сейчас мы пройдем стандартные процедуры. Надеюсь, с вами не возникнет проблем.

– Здравствуйте. Думаю, что не возникнет.

– Тогда прошу проследовать за мной.

Первым делом у писателя взяли отпечатки пальцев. Марк

видел с десятков фильмов, где так делают, но что бы самому, никогда. Затем он заполнил бумаги. Пришло время «жесткого» душа, его заставили раздеться и помыли из шланга. В дело пошел обеззараживающий порошок. Затем ему выдали оранжевую форму. И вот через минуту перед ними предстал новоиспеченный заключённый.

– Мы забыли его подстричь. – Выпалил один из стражей

– Ну, так займись этим, чего стоишь?

Юноша взял машинку и попросил писателя сесть на стул в дальнем углу комнаты. Зазвучало жужжание машинки, она начала безжалостно сбривать в ноль локоны заключенного. Через пять минут все было кончено. После всех этих процедур главный охранник рассказал о правилах данного заведения. Было вроде все ясно: питание три раза в день, прогулки по часу. Иногда будут вывозить в разные районы для общественных работ или же работа в самой тюрьме. Все просто, ничего интересного. Дойдя до клетки на втором ярусе питомника, охранник распахнул одну из камер и взглядом пригласил Марка зайти. Писатель послушно зашел в маленькую комнатку, в которой нашлось две койки, туалет, умывальник и маленькое окошко в самом конце комнаты. Выглядело скверновато, особенно бетонные стены. Решетка за спиной Марка задвинулась. Мужчина угрюмо прошел до койки на первом ярусе, улегся. «Срок длиною в бесконечность». Зато на фоне всех минусов блистал один большой плюс. Это время подумать. Подумать обо всем. Изменить что-то в своей

жизни. Изменить мировоззрение. Жизнь одна, так почему бы просто не наслаждаться ею, а мы устраиваем себе сплошные черные полосы, причем устраиваем их самовнушением и саморазрушением. Нужно изменить эту ужасную черту. Мы нервничаем по пустякам, из-за чего в будущем будем страдать головной болью. Мы влюбляемся, чтобы в будущем получить боль от измены. Мы напиваемся и садимся за руль, чтобы когда-нибудь разбиться насмерть или остаться калеккой на всю жизнь. Все дело в метаморфозе жизни. Человек по своей сущности – болван. Многие пытаются найти смысл жизни, но смысл жизни в том, что его просто нет. Люди рождаются, учатся, работают, трахаются, умирают. Ни одному человеку не удастся обойти систему, все через это пройдут. С годами люди черствеют, ведь именно с опытом приходит понимание никчёмности. Не стоит верить людям, которые утверждают, что нашли свой смысл жизни. Это иллюзия, которой они успокаивают и дурят сами себя. Нам, смертным, остается только баловать себя мимолетными радостями. Такими, как вкусная еда, алкоголь, секс, спорт, адреналин, сон, достижения. Список можно было продолжить, но и этого достаточно, чтобы уловить суть. И попав в тюрьму, что изменилось? Изменился только один пункт, но очень важный. Это свобода.

Рассуждения Марка прервал чей-то голос, который разрушил цепь умозаключений:

– Эй, привет. Я Скотт. – Рука сверху ждала рукопожатия

в знак знакомства.

Писатель и не заметил своего сокамерника, скомканного на втором ярусе.

– Ага, привет. Марк. – Мужчина неохотно пожал вялую ручонку.

– За что тебя посадили?

– За случайность. – Писатель явно не хотел разговаривать, но отвергать сокамерника тоже было нельзя. Всё-таки какой-никакой, а товарищ, с которым можно поговорить и узнать много чего нового.

– За какую такую случайность? Грохнул кого-то?

– Можно и так сказать.

– А я сел за ограбление. Продавщица тупая сука запомнила лицо. Ну, ничего, через две недели выпускают.

– А ты сколько тут?

– Почти два года. УДО за пай-мальчика.

– Понятно.

– А ты чем занимаешься ковбой? Ну, работал кем?

– Писакой.

– А, ты типа...

– Слушай, Скотт, я очень устал и хочу вздремнуть. Будь добр, прекрати молоть языком и дай мне поспать. – Голос звучал немного раздраженно.

– Да без проблем, чего сразу это...

В камере воцарилась тишина. Только гам голосов не смолкал из других дыр. Иногда слышалось постукивание каки-

ми-то предметами и бесконечные споры. Равновесие между рациональностью и безумством пошатнулось. Через минут десять Марк все же провалился в сон, в котором видел лучезарное солнце, зеленую траву и море. У моря, спиной к Марку, стояла девушка. Волосы и фигура были сильно похожи на Мэри. Писатель медленно подошел к ней и развернул, ухватившись за ее руку. Но вместо лица Мэри мужчина увидел Лею. Следующее действие перенесло мужчину на обрыв скалы, с которого Мэри прыгнула в бушующее море. Марк в ужасе прыгнул за ней.

Тут перед глазами встает молодой парень худощавого строения. Волосы черные, густые. Глаза выражают крайнюю озабоченность, руки держат писателя за плечи. Пропал обрыв и падающая Мэри. Вот она, реальность. Марк соображает, что перед ним Скотт, сокамерник.

– Что... что случилось?

– Ты сильно кричал, братан, а потом тебя бросило в конвульсии. Я думал, что с тобой, что-то неладное. – Глаза немного успокоились, но голос звучал все еще возбужденно.

– Это всего лишь сон, да и только. Все хорошо...

– Уверен?

– Абсолютно. Долго я проспал? – Марк потирал ладонью лоб и глаза. Чувство разбитости не покидало его еще с зала суда.

– Чуть больше часа. Уже не ложись. Сейчас будут созывать на ужин.

Скотт не соврал. Через полминуты послышался голос, который звал заключенных ужинать. Камеры открылись и все желающие (а в тюрьме, как известно, не было людей, которые отказались бы от еды) отправились в столовую. Она находилась в соседнем корпусе и представляла из себя большую площадь со столами, как в школе. Поднос с разделительными секторами, куда должны были наваливать еду, можно было взять с краю от прилавка. Очередь выстраивалась немалая. Марк взял свой поднос и встал за Скоттом. Ужин состоял из каши с куском котлеты, двумя кусками хлеба и чай. Сев за свободный столик с края, писатель принялся жадно поедать. Еда оказалась вполне сносной, даже немного вкусной. На Марка были сосредоточены некоторые взгляды, но никто не задирает его и не угрожал. По сути, всем было плевать, у каждого хватало своих проблем. После ужина заключенные разбрелись по камерам. Надзорный прошелся с проверкой. Марк отдыхал на нижнем ярусе, Скотт на верхнем. Оба лежали в одной мечтательной позе: одна рука закинута за голову, взгляд устремлен вверх, а нога закинута на вторую.

– Скотт, послушай, а тяжело находиться взаперти долгое время?

– Поначалу да. Хочется забраться на стену и выть. Но со временем привыкаешь. К тому же, тут есть, чем заняться. Есть баскетбольные кольца и качалка. Если ты слаб в спорте, то можешь взять книжку. Когда тебя берут на общественные работы, то можно насладиться свободой, хоть это слово

в данном случае мало подходит. Но все же, такая вот «свобода» куда лучше, чем каждый день видеть эти проклятые стены.

– У тебя первая ходка?

– Нет. До этого полгода отсидел за неудачную мелкую кражу. Так что я не новичок в этой жопе. А ты, я так предполагаю, первый раз?

– Да, но знаешь, я и до этого случая не чувствовал свободы. Я был заперт в клетке под названием депрессия. У нее были строгие правила, она не давала мне вздохнуть полной грудью. Ее влияние убивало меня. И вот из одной клетке я перебрался в другую. Замечательно. Иногда я не вижу ни одной причины, по которой нужно вообще жить.

– Хватит заливать. А как же девочки? Разве их упругие попки и сладкие стоны не дают повода жить и радоваться? – Скотт улыбнулся. От мысли о девушке у него чуть ли голова не закружилась.

– Хм, девочки... Была у меня одна, Мэри. Любил ее, вместе жили. Затем какой-то мерзавец отнял ее.

– Увел что ли?

– Убил...

– Сочувствую типа твоей утрате. А после нее у тебя были девушки?

– Да, были. В одну даже почти влюбился, хотя это был крик отчаяния. В то время я был в состоянии одиночества и пытался зацепиться хоть за кого-нибудь. Почувствовать теп-

ло там. Но она меня отвергла. После этого чисто физиология пошла с разными, ничего интересного.

– Понятно. А я не привязывался никогда. Мне много девушек нравится, но спят со мной только пьяные потаскухи, которых я цепляю в баре.

– Тоже неплохо. А семья у тебя есть?

– Да, есть. Живут в Калифорнии. Думают, что я учусь тут в колледже. Ха!

– А я своих стариков сильно огорчил. Возможно, они даже отказались от меня. А я ведь не хотел убивать. Гребанная случайность.

– Да, бог-то не очень любит таких засранцев.

– Бога может и нет...

– Это только твое мнение. И даже если ты прав, не стоит оскорблять чувства других. Тех, кто свято верит в него и чтит. У кого кроме этой веры ничего больше не осталось. Понимаешь, бывают случаи, когда кроме дядьки с бородой больше не на кого положиться. – Скотт изрядно возбудился. Его тон звучал немного обиженно и оскорблённо. Марк понимал, что сокамерник прав.

– Соглашусь. Каждому свое.

– Вот и отлично. В карты не хочешь поиграть? – На верхнем ярусе послышался звук карт, которые мужчина тасовал, чтобы завлечь своего нового друга.

– Покер?

– А то! – Сокамерник ловко спрыгнул вниз и уселся с од-

ного края кровати.

– На что играем?

– Как на что? На сигареты, конечно же! – Скотт достал смятую пачку.

У Марка тоже нашлась пачка, про которую он удачно забыл. Когда он сидел еще в Далвиче, во временном изоляторе, ему подошел детектив, а здесь разрешили оставить. В пачке покоилось пять сигарет и зажигалка.

– Пожалуй, начнем с одной. – Писатель с важным видом достал папироску и положил посередине кровати, ближе к краю, что бы было место, где играть. Скотт с энтузиазмом уравнивал ставку...

В конечном счете Мак оказался в плюсе всего на четыре сигареты, а Скотт, соответственно, в минусе. Игра есть игра. Когда прозвучал сигнал отбоя, в камерах и в главном коридоре отключили свет, оставив тусклое свечение лампы, висевшей над входом. И Марк, и Скотт изрядно подустали. Скотт быстро заснул, ему не привыкать. А Марка еще долго терзали мысли и размышления, он думал, как жить дальше. В конце концов, усталость добила его нокаутом и дни превратились в одно сплошное колесо.

25

Следующий день не предвещал каких-либо глобальных перемен. Завтрак. Работа. Гулять. Обед. И все бы для Марка продолжилось в одной хаотичной манере, но охранник все

испортил. Упитанный молодой человек в форме подошел к заключенному, который только что съел большую порцию супа, каши с тушенкой и выпалил унылым голосом:

– Марк Фаст? К вам посетительница. Пройдите в переговорную комнату, я вас отведу.

– Посетительница? – Писатель был удивлен, он не думал, что кто-то захочет навестить убийцу.

– Миниатюрная блондиночка.

Марк сообразил, что это Леа. Но что ей нужно? Неужели соскучилась или решила высказать свое признание? В любом случае, он скоро это узнает. Переговорная комната представляла собой квадратную площадь, в которой стояло по шесть столиков с обеих сторон. Окна большие, ни как в камерах. Все места, за исключением одного, в самом конце слева, были свободны. Там сидела молодая девушка в светлом топики. Как же давно писатель ее не видел. Отвык даже. Сейчас она казалась совершенно чужой. Только имя и взгляд говорили Марку об их некогда близости. Заключенный дошел до столика, сел напротив. Его задумчивый взгляд уставился в её печальные глаза. Повисло молчание. Белые стены давали ощущение клаустрофобии.

– Играем в молчанку? – Начал писатель.

– Извини. Просто не могу свыкнуться с мыслью, что ты убийца. Привет, Марк. – Теперь она смотрела в глаза.

– Привет. Отлично выглядишь.

– Спасибо. Ты не очень.

– Стараюсь.

– До чего ты докатился? Как ты мог? – Ее очаровательные глаза стали блестеть от наступивших слез, но девушка старалась держаться изо всех сил.

– Случайность. Я не хотел. Поверь мне, у меня не было желания убивать.

– Как ты мог бросить меня?!

– Ты сама отказалась от меня...

– А ты думаешь, что можешь внезапно подкатить ко мне, когда я тороплюсь и сделать предложение? Для меня это было шоком, нужно было всего лишь время, чтобы прийти в себя, вот и все. Если бы не твои скоропостижные решения, то все сложилось бы иначе!

– Получилось так, как получилось. – Опустошенным голосом ответил Марк, осознавая, что невольно влюбил в себя хорошую девушку. Но что самое ужасное, он к ней ничего не чувствовал. Он вообще ничего ни к кому, кроме Мэри, не чувствует. Его вина была очевидной, но он не собирался ей это говорить. Зрители ушли, но спектакль продолжается.

– Мы бы сыграли свадьбу, обзавелись карапузами... Но ты взял, уехал и испортил себе жизнь, опечалив мою! О Марк...

– Слушай, ты молодая, роскошная и очень умная девушка. Я благодарен тебе, что ты вытащила меня из того дерьма, в котором я был. То было лучшее время, после смерти Мэри. Я к тебе привык и... влюбился. Да, я сделал глупость, что уехал, но с этим уже ничего не поделаешь. И ты должна жить

дальше, не думая о прошлом и о том, что могло бы быть. Ты еще найдешь того единственного, с которым будешь счастлива. Но про меня лучше забудь, со мной уже все и так ясно. – Писатель достал сигарету, закурил.

– Но я люблю тебя и только тебя... Марк. Я чувствую свою вину за все, что с тобой случилось после отъезда.

– Ты ни в чем не виновата, слышишь? Дело случая. Как ты вообще поживаешь? Как работа?

– Нормально все. Знаешь, про тебя сейчас все газеты пестрят. Такой ажиотаж вокруг этой истории. Ты поверг сотни тысяч своих поклонников в шок.

– Переживут, к тому же, перед этой историей я успел дописать книгу.

– Замечательно... Сколько тебе дали?

– Ты про срок? Десять

– Десять лет за два убийства?!

– В деле есть определенные обстоятельства, которые смягчили мне наказание. Убийство не по осторожности и плюс убийство при самообороне. Плюс повинная и полное повиновение.

– Марк, я буду ждать тебя. Я люблю тебя и хочу быть с тобой...

– Слушай, это очень здорово, но ждать меня десять лет – это сумасшествие. Не будь ты такой душой, найди себе нормального мужика и все!

– Но зачем мне другой, ты мне нужен, дорогой... – Две

полоски слез текли по щекам.

– Мне пора, прощай. – Марк погасил окурок, встал со стула и направился было к выходу.

– Стой!

– Что?

– Есть призрачный шанс, что мы будем вместе?

– Нет. Леа, милая, со мной уже давно все кончено. Я умер еще тогда, когда раздался звонок, который сообщил о трагедии. Я просто никчёмная оболочка человека, у которого одна дорога: алкоголизм, самобичевание, никчемность, смерть. И я уже близок. Скоро я стану совершенно свободным...

Писатель зашагал к выходу. Леа смотрела на удаляющийся затылок любимого и потихоньку осознавала, про какую свободу идет речь. С каждой секундой понимания её страх возрастал, ужас сковывал горло, а для Марка, мысль о свободе придавала только мрачную радость и чувство скорого умиротворения.

26

Последующие дни протекали как по расписанию. Подъем, завтрак, библиотека, прогулка, обед, отдых, работа, душ, сон. Разбавлял всю эту повседневность тюремной жизни только верный друг Скотт, с которым Марк проводил большую часть свободного времени. Влиться в общество убийц, грабителей и мошенников было проще простого.

В один из дней в камеру наведалься надзиратель:

– Скотт Галахе, с вещами на выход.

– Можно мне минутку? Попрощаться с другом. – Скотт и сам уже забыл, что выходит сегодня. Эта была приятная неожиданность. Душа трепетала от счастья, хотя и чувствовала, что еще ни раз вернется в подобного рода заведения.

– У тебя минута, сынок.

Скотт соскочил с верхнего яруса. Марк поднялся на ноги. Мужчины стояли друг от друга на расстоянии чуть меньше вытянутой руки. Оба чувствовали грустный и неловкий момент, ведь за эти дни простое сокамерничество превратилось в дружбу людей, которым есть о чем поговорить. Первым начал Марк так как Скотт превратился в каменную статую.

– Ну, вот и настал твой счастливый день, Скотти.

– Да, пойду первым делом сниму девочку и отымею её за все два проклятых года. А ты, мой друг, и дальше штукатурь свой болт рукой.

– Ладно, на этот раз ты меня уделал, ублюдок. – Дружеский толчок последовал моментально. – Ну, а если серьезно, то удачи тебе брат, будь осторожней. И завязывай с этим дерьмом – грабежами. Найди лучше работу и устрой свою жизнь.

– Я больше ничего не умею, но все равно спасибо. Попробовать, наверное, стоит. Ты тоже не пропадай и не падай духом.

– Скотт, у меня один вопрос. Тут в стенах есть парень, который может достать кое-что? – Марк автоматически повернул голову в сторону надзирателя, тот никак не отреагировал. Возможно потому, что некоторые влиятельные заключённые имели неписаный договор с местной охраной, чтобы те, в свою очередь, таскали им из внешнего мира всякий нужный хлам.

– Опля, вот это вопросик. Ну, вы удивили меня, Марк Фаст. Почему вы меня такое спрашиваете? Вам понадобился порно-журнал с кисками? – Скотт не стал исключением и тоже повернул голову в сторону стража, затем взгляд сосредоточился опять на собеседнике.

– Даже если и так. Ну так что?

Скотт только открыл рот, как охранник прервал его:

– Минута закончилась. На выход.

– Уже иду. – Мужчина обнял писателя в последний раз, он чувствовал, что больше им не суждено увидеться. Неожиданно он шепнул на ухо. – Ищи Шустрого.

Отпрянув от Марка, Скотт двинулся на выход вслед за охранником, перед тем как скрыться, мужчина выкрикнул:

– Шустрого, Марк!

Мужчина вышел из камеры и отправился на очередной завтрак. Затем ноги закинули его в библиотеку, где, как ни странно, появилось много клиентов. За дневную смену алтарь знаний посетил аж шесть человек, это был прогресс.

Отсидев положенные часы, Марк отправился на прогулку, где и собирался выловить Шустрого. Прогулочный двор был как всегда полон. Это было самое любимое время у заключенных. Очередная группа чернокожих играла в баскетбол, в углу толпились заключенные в возрасте, которые что-то жаростно обсуждали. Вся картина в целом состояла из десяти-пятнадцати кучек. Медлить мужчина не собирался. Свой выбор он остановил на полноватом мужчине, который находился в центре внимания своих друзей. Стояли ребята с правой стороны баскетбольного поля, рядом с тренажерами. Мужчина обогнул «поле битвы» по правую сторону. Никто не обращал на Марка внимание, пока он не заговорил:

– Подскажите, где мне найти Шустрого?

– Слышь, Шустрый, у тебя походу новый клиент. – Парень, стоявший рядом с полным, подмигнул ему.

– Ну, допустим я Шустрый. Что дальше?

– Можешь достать мне две вещи?

– Какие?

– Лезвие и мелок. Только не спрашивай зачем, все равно не скажу.

Повисла трехсекундная тишина, затем раздался оглушительный всеобщий смех. У этих ребят текли слезы, один начал задыхаться. Просьба звучала ужасно нелепо. Марк это понимал, но делать нечего. Он без капли возмущения ждал, пока приматы успокоятся. Но они даже и не думали, чуть ли не каждый повторил просьбу писателя. Спустя пару минут

они смогли остановиться. Еще посмеиваясь, самый главный протонал:

– Парень, я понимаю лезвие, но мелок то зачем? Собираешься нарисовать на асфальте квадратики и прыгать по ним?

– Я, по-моему, ясно сказал, что не твоего ума это дело. Достанешь или нет?

Разразился опять смех, но уже не такой ярый. Марк устал смотреть на этот цирк.

– В общем, ясно, удачи. – Писатель зашагал прочь. За спиной раздался голос пухлого.

– Постой. Я могу достать тебе это дерьмо. Вопрос в том, сможешь ли ты оплатить товар?

Марк остановился.

– И какова цена?

– У тебя есть два варианта. Первый, это деньги, и твой товар будет стоить сто фунтов. Деньги отдаст твой знакомый или родственник на свободе моему человеку. Или второй вариант, это расплата [ЦЕНЗУРА]. – Шустрый подмигнул Марку. – Сам знаешь, как одиноко бывает в этом гадюшнике. Ну так что?

– Договорились. Сегодня постараюсь позвонить своей знакомой и узнать, сможет ли она.

– Как согласится, сообщи мне, там я дальше скажу, что делать. Свободен.

В последнее десятилетие тюрьмы смягчили свой нрав. За-

ключенных стали считать за людей и звонок в любое время тоже приветствовался. Подойдя к надзирателю, Марк вежливо озвучил просьбу, тот без колебаний дал добро на звонок и проводил заключенного к телефонной будке, которая располагалась в коридоре между столовой и корпусом мастерских.

– Только долго не болтай. – Сказал охранник и отошел на метр от трубки, отвернулся. По правилам служащие тюрьмы были обязаны не отходить от заключенного, который совершает звонок, дабы предотвратить ненужную утечку информации или же, чтобы сидевшие за решеткой бандиты не отдавали приказов корешам на свободе.

Писатель проводил взглядом охранника, посмотрев еще пару секунд на его затылок, повернулся к телефонной трубке. Сейчас Леа на работе, нужно звонить непременно на работу. С трудом вспомнив номер, Марк набрал его. Пошли гудки. Знакомый грубый голос ответил на звонок:

– Кабинет Леи Морель. Хотите записаться на прием?

– Увы, не на прием. Здравствуйте. Соедините меня с Леей Морель, это срочный разговор. Скажите, что звонит Марк Фаст.

– Подождите минутку. – Послушался тихий стук трубки, затем звук приобрёл хаотичное постукивание каблучков. Ровно через треть минуты, звук каблучков начал увеличиваться. Трубку снова прислонили к уху. – Сейчас я вас соединю. – Не дожидаясь ответа или благодарности, секретарша перевела на первую линию.

– Привет, Марк. Что тебе нужно? – В голосе читалась явная обида и горечь.

– Привет, Леа. Как ты?

– Будто ты не знаешь! Слушай, к чему все эти приличия? Сразу скажи, что тебе нужно?

– Да ничего мне не нуж... – Писатель осекся, понимая, что эта наглая ложь. Конечно же, он звонит в корыстных целях. – Да. Ты чертовски права. Мне действительно от тебя кое-что нужно. Но пойми, что мне не плевать на тебя.

– Что именно?

– Сто фунтов. Я верну в десять раз больше, обещаю. Как только родители перестанут обижаться на меня, и я им скажу, чтобы они те... – Марк не успел договорить, Леа его прервала.

– Зачем тебе деньги в тюрьме? Или у вас там курорт? – Девушка была как никогда черства и груба.

– Мне не в тюрьму деньги нужны. Мне надо, чтобы ты отдала деньги человеку на воле.

– С чего бы мне тебе помогать, Марк.

– Нет времени объяснять.

– ... – Леа глубоко вздохнула и погрузилась в размышления, взвешивая все за и против.

– Фаст, поторапливайся. – Надзиратель уже устал стоять и ждать, пока осужденный наговорится.

– Ну так что, поможешь или нет?

– Хорошо, но эта первая и последняя твоя просьба. Боль-

ше не жди... Куда принести деньги?

– Как только узнаю детали – позвоню. Спасибо... – Не услышав ответа, Марк повесил трубку.

Охранник сразу оживился. Проводил писателя до прогулочного двора. Не успел Марк подышать свежими порывами воздуха, как прогулочное время закончилось. Время обеда. Марк взял поднос. По воли случая, в очереди как раз стоял пухлый. Писатель встал за ним, и сам же начал разговор:

– Деньги и человек, который их доставит – есть. Что дальше? – Негромким тоном сказал мужчина.

– Пусть твой человек принесет деньги в бар «Холодная кружка». Отдать надо бармену в вечернюю смену. Сказать надо: «пухлый велел семьсот три». И все. Через дня три доставим твой заказ.

– А гарантии? – Очередь уже дошла до Пухлого. Сегодня давали суп, в котором плавали макароны с курицей.

– Твоя гарантия – это вера, сосунок. – Взяв свой заказ, мужчина пошел за дальний столик, где его ждали дружки. По дороге он еще раз ухмыльнулся. – Гарантия, вот шутник.

На следующий день, после очередной прогулки, Марк позвонил Лее, чтобы сказать, куда надо доставить деньги. Разговор был не из очень приятных. Леа возмущалась по поводу дурацких кодовых слов, и то, что надо идти в бар на окраине. Но, в конце концов, девушка сломалась, пообещав сделать всё, как велел Марк. При этом он даже не просветил де-

вушку, зачем ему все это нужно. Единственное успокаивало то, что он обещал потом все объяснить. Разговор закончился фразой девушки: «береги себя». Марк ухмыльнулся, понимая, что она даже и не подозревает, на что несет деньги, но скоро обязательно все прояснится. Повесив трубку, мужчина пошел обедать, а затем наведалься в библиотеку. Схема одна, ничего нового, оставалось ждать и надеяться, что этот пухлый ублюдок не обманет.

Дни тянулись. Напряжение росло. На третьи сутки Марк сильно разочаровался, его заказ так и не дошел до него. Толстожопый ублюдок обманул его. Глупо было идти и выяснять отношения, ничего не изменится.

В пятницу, на следующий день, Марк, как обычно пообедал и направился в библиотеку. Народа особенно не прибавилось. В день его посещало не больше шести-восьми заключенных. Кто-то брал книги, кто-то возвращал, но в основном брали. Ближе к концу рабочего дня зашел чернокожий мужчина низкого роста. В руках он держал книгу. Подойдя к библиотекарю, он положил её на стол. Мужчина не пророчил ни слова.

– Вы сдать хотите? – Инициативу взял на себя Марк, ведь это часть его, хоть и тюремной, но работы.

– Что-то в этом роде. – Заключенный уже разворачивался, чтобы уйти. Ноги понесли его к выходу.

– Эй, мужчина, вы не хотите назвать свою фамилию? Мне же отметить надо, что вы вернули.

– Моя фамилия не играет роли мистер, пробейте книгу по базе, и вы поймете, кто я.

Писатель придумал только одно оправдание этому заключенному: «ублюдок слишком много корчит из себя».

Взглянув на обложку, Марк прочитал название книги «ПНГК». Писателю было известно это произведение. Пробив книгу, поиск не дал никаких результатов. Странность этой ситуации не давала покоя сознанию библиотекаря. Как заключенный может вернуть книгу, которая никогда здесь не числилась? Вдруг серое вещество в голове сжалилось над хозяином, оно помогло собрать мозаику и расставить все на свои места. Марк неспеша и с опаской открыл книгу. Рот расплылся в довольной улыбке. Страницы этого чудесного романа были вырезаны под небольшие углубления, в которых лежали две заветные вещи. Все же пухлый не кинул. Сдержал слово. Книгу мужчина оставил лежать рядом с монитором до конца рабочего дня. Пришло еще два посетителя, один из которых обратил на экземпляр внимание. Писатель культурно объяснил, что она уже занята им. Разочарованный заключенный взял в альтернативу «КО». Выключив компьютер и сдав ключи от библиотеки, писатель пошел к себе в камеру с книгой в руках. Его сердце билось в два раза быстрее в предвкушении ближайшей свободы. Больше мою душу не будет рвать горькая боль пустоты, которая проникла в каждую клеточку тела. Что не дает покоя, которая сломила дух, а вместе и с ним: желание. Зайдя в камеру, он сел

на верхний ярус койки. Мужчина детально продумывал свой план, глядя при этом книгу. Его книгу, которую больше нигде не найдешь. Нужно беречь ее. Второго шанса не будет. Просидев так несчитанное количество минут, мужчина положил роман под подушку. Он уже точно решил, что сделает то, что он задумал.

27

Этой ночью лил сильный дождь, гроза громыхала во всю свою мощь, молния на пару мгновений освещала заключенных. Из камер слышались разговоры заключенных, которые потихоньку затухали. Дело шло ко сну. Марк был в камере один, поэтому вместо разговора, диалог шел в голове с самим собой:

«Все будет хорошо парень, ты уже у цели. Все будет хорошо, я обещаю...»

В руках мужчина держал желанную книгу, рука гладила обложку. Писатель ждал, когда все утихомирятся или, возможно, просто тянул время. Но как говорится, перед смертью не надышишься. Часов не было, но можно было с уверенностью сказать, что время перевалило за три часа. Абсолютная тишина. Сочетание звука грома, запаха дождя и света молнии навивали спокойствие и умиротворение. Как же сейчас хотелось оказаться на улице, чтобы этот ливень смыл все беды и горечь несправедливого мира. Мира, пропитанного ядом, который люди пьют и превращаются в из-

вергов. Глупость – вот главная проблема людей, больше ничего. Именно с глупости и заблуждений пошли беды. Все обречено. Лучше жить в фантазии своего маленького рая, чем жить в реальности, которая переполнена чертами из ада. Всё – есть ничего, как пустота бездушной траты.

– Время пришло... – Тихо прошептал писатель, откладывая в сторонку книгу и слезая с верхнего яруса.

Открыв первую страницу, он достал мел. Самый обыкновенный белый мел. Писать таким было удобно на бетонной поверхности. Прежде, чем вывести первое слово, писатель очень скрупулёзно продумывал, что он намеревается писать. Пришлось залезть в самые потаенные уголки души, чтобы выразить всю ту боль и то сожаление, все эмоции, которые подчеркивали бы его состояние, его чувства и причину такого конца. Слова превращались в строчки, строчки в стихи. В каждую букву, в каждую запятую или точку, вкладывалась душа. Несчастливая и такая ранимая душа хорошего и талантливого человека, которого погубил случай. Ведь жизнь – это колесо фортуны. Никто не знает, кто победит, а кто получит поражение. Хороший человек или плохой – не важно. У всех равные шансы.

Писал Марк вплоть до пяти утра. Мозг кипел, время поджимало. Дождь уже давно прекратился.

Была поставлена последняя точка. После точки чуть ниже было написано: «ПС» и несколько слов, важность которых была не меньше, чем само послание. Полюбовавшись на про-

деланную работу, Марк улыбнулся. Глаза выражали грусть, но в тоже время в них горел огонь последних минут жизни. Отложив мелок в сторону, мужчина взял бритву. С минуту он смотрел на нее, будто знакомился. Ждать больше нельзя. Подойдя к раковине, он встал на колени, трясущимися руками сжимая лезвие. Глаза затуманились слезами.

«Время суда»

Эпилог

Суббота. Вспышка фотоаппарата на мгновение освещает камеру, где лежал труп мужчины. Сделав еще пару снимков, эксперт удалился. Послание Марка тоже было запечатлено на снимке. Возле дверного проема стоял Гиббс, который допрашивал охранника, дежурившего с пятницы на субботу в ночь трагедии. Допрос не дал никаких результатов. Охранник ничего не видел и не слышал. В руках у детектива был тот самый роман, в котором были запрятаны лезвие и мел. Закончив осмотр камеры, было приказано передать тело покойного родителям.

Понедельник. Утро. Газеты пестрили заголовками о кончине известного писателя. Новости тоже не отставали от своих печатных коллег, распространяя печальную новость. Фо-

тография молодого человека была показана на экране и почтена минутой молчания. Миллионы поклонников оплакивали своего кумира. Агент Марка сообщил о скорой публикации последнего шедевра писателя, который уже печатается и скоро будет готов поступить в продажу в книжные магазины. Смерть Фаста придала новости колоссальный пиар. Сотни акул шоу-бизнеса уже готовили проекты, связанные с этим событием.

Во вторник лил сильный дождь. На главном кладбище хранили Марка. Все присутствовавшие были в классических черных костюмах. Исключением стал Адам, который пришел в своем обычном амплуа. От мужчины сильно разлило спиртом, глаза красные. Ливень беспощадно обрушивал свое могущество на жителей Лондона. Священника на похоронах не было по понятным причинам. В самых первых рядах, рядом с гробом, горькими слезами заливалась мать. Отец с отрешенным взглядом смотрел на вырытую яму и о чем-то думал. Леа со слезами на глазах стояла немного в стороне. Она проклинала себя за то, что согласилась дать эти чертовы деньги. Еще в тот момент ее сердце чувствовало подвох. Немного дальше стояли журналисты и прочий сброд бестактных людей, которые ради сенсации были готовы на все. Патруль полицейских запрещал подходить ближе. Возле гроба слышались голоса друзей и знакомых погибшего. Они говорили прощальные слова. Затем рабочие опустили гроб в

вырытую яму. Мать и еще с десятков людей бросили по цветку. Народ начал расходиться, а рабочие взялись за лопаты и начали закапывать яму. Дождь сжалился и перестал лить. Через десять минут яма была зарыта окончательно, все присутствовавшие уже успели разойтись кто куда.

Одна единственная девушка осталась в тени дерева. Когда рабочие ушли, она подошла к могиле. Еще раз взглянула на памятник с фотографией Марка. Девушка снова заплакала. Правой рукой она порылась в сумочке и достала листок с теми самыми словами, которые писатель написал перед смертью. Леа аккуратно положила эти переписанные слова Марка, которые она увидела в областной газете. Повернувшись на сто восемьдесят градусов, девушка зашагала прочь, стараясь не думать о том, как ей жить дальше с такой невосполнимой раной в душе.

Смерть одного меняет жизнь другого.

С издевкой выбирая милых душ,
судьба твоя мою меняет снова,
от случая не скрыться в темноте.

Тоска в душе и песенка отпета,
и вот опустошённость набирает оборот.

Душа – как круг, на горке сверху,
скатилась в нишу пустоты.

Иллюзиям давал я пробираться,
пробрались черти до души!
Но истина в душе уже воспета,
обман не в силах устоять.

Ушел актер, но зрители остались,
дублёр заменит брешь в плоту.
Зал сцены снова оживает
в ладоши хлопая творцу.

«П.С.: дева, и ушла к ней мове ты»

Это послание девушка перечитывала каждый день по раз двадцать. И каждый раз она не понимала смысла постскрип-тума. Казалось, в нем не было никакой логики. Только через два долгих и тоскливых года пришло озарение. Оказалось, что Марк написал анаграмму, в которой зашифровал самые теплые и желанные слова для Леи:

«П.С.: Леа, ты в моей душе навеки»